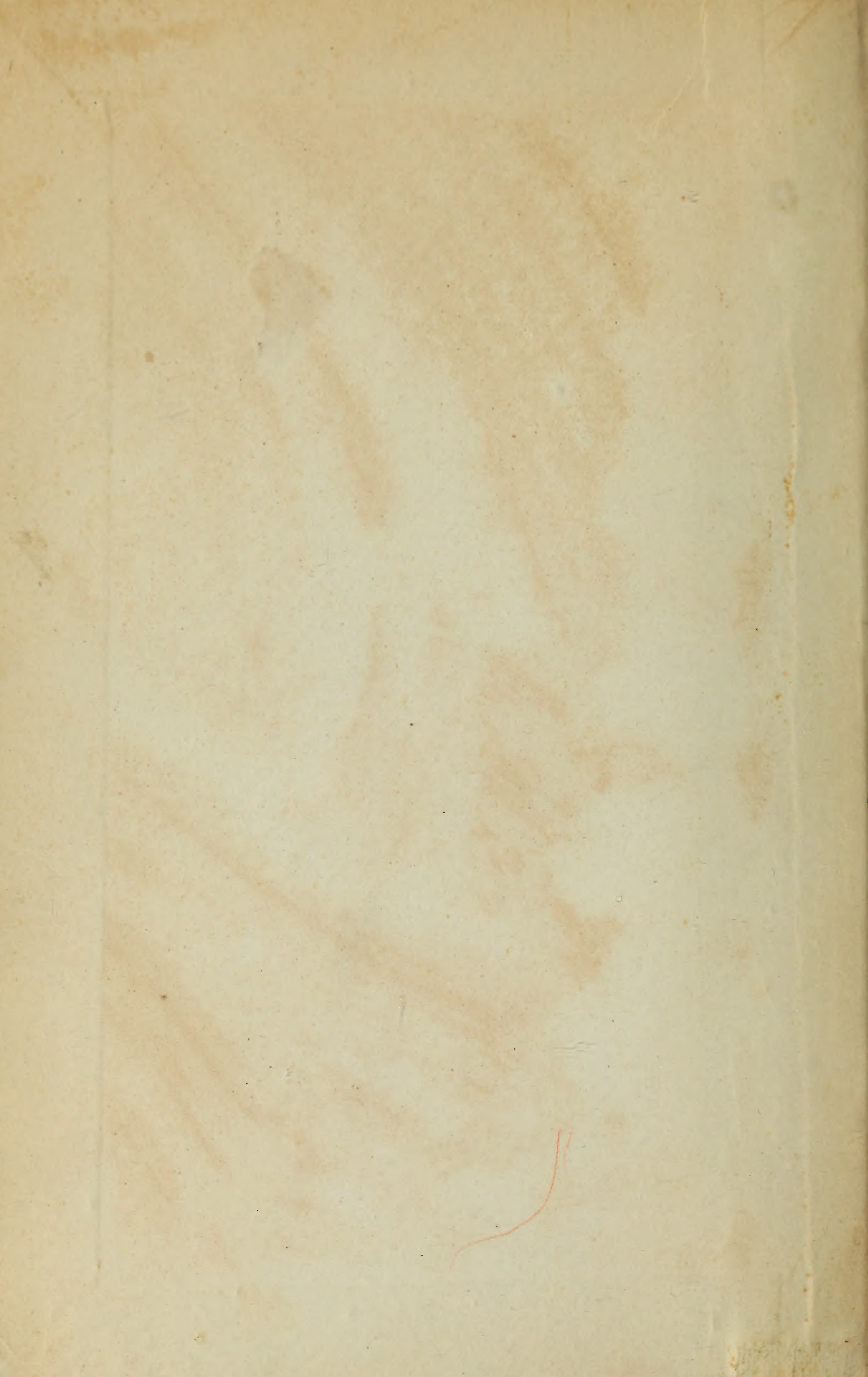
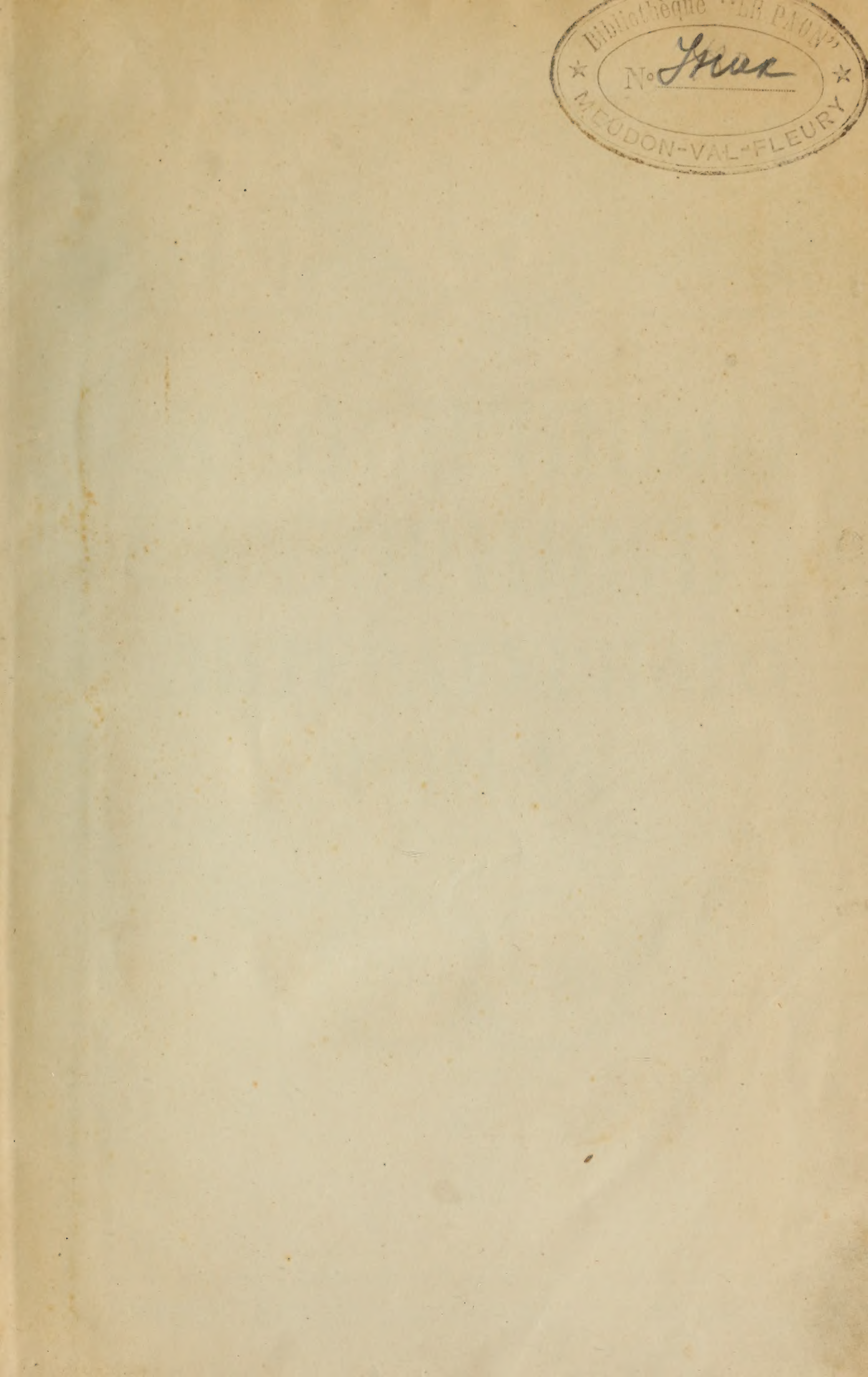
3 1761 04260 4587




Bibliothèque "LE PAON"
N°
MEUDON-VAL-FLEURY

L
ЮБИЛЕЙНЫЙ
СБОРНИКЪ
ЛИТЕРАТУРНАГО
ФОНДА
1859 1909

Типографія т-ва „Общественная Польза“, СПБ. Б. Подъяческая, 39.

Оглавленіе.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Отъ редакціи [1]).

Какъ и въ 1884 году, когда праздновался 25-лѣтній юбилей литературнаго фонда, комитетъ его постановилъ ознаменовать 50-лѣтіе существованія общества изданіемъ юбилейнаго сборника.

Съ истиннымъ душевнымъ удовлетвореніемъ хочется прежде всего отмѣтить ту готовность, съ которою откликнулся литературный міръ на призывъ принять участіе въ сборникѣ.

Удалось получить 64 произведенія отъ 52 авторовъ и владѣльцевъ разныхъ историко-литературныхъ матеріаловъ.

Среди этихъ произведеній съ особенною гордостью надо, конечно, отмѣтить два разсказа и одну статью Льва Николаевича Толстого. Разсказъ «Пѣсни на деревнѣ» далъ сборнику непосредственно самъ Левъ Николаевичъ. Сценкой «Разговоръ съ прохожимъ» и статьею «Единая заповѣдь» сборникъ обязанъ любезности друга Льва Николаевича — В. Г. Черткова, которому Л. Н. предоставилъ обнародованіе своихъ новыхъ произведеній.

Статьи настоящаго сборника распадаются на три категоріи.

Прежде всего въ юбилейномъ сборникѣ должна была найти себѣ мѣсто *исторія* фонда. По порученію комитета, А. А. Корниловъ составилъ общій историческій очеркъ дѣтельности общества, для чего, кромѣ печатныхъ источниковъ, пользовался и архивомъ фонда [2]). Ту же задачу, въ болѣе сжатой формѣ и съ привлеченіемъ другихъ данныхъ, преслѣдуетъ рѣчь В. Д. Набокова. Л. Ф. Пантелѣевъ по матеріаламъ архива мин. нар. просв. даетъ справку объ утвержденіи устава и дѣлится своими воспоминаніями о первыхъ литературныхъ чтеніяхъ и спектакляхъ

1) Составленіе и редактированіе настоящаго сборника было поручено члену комитета литературнаго фонда—С. А. Венгерову.

2) Очеркъ А. А. Корнилова предварительно вышелъ отдѣльнымъ оттискомъ ко дню юбилея.

въ пользу фонда. Несомнѣнно-бодрящую страницу исторіи фонда развертываетъ приложенное въ концѣ книги описаніе только что отпразднованнаго юбилея и воспроизведеніе полученныхъ привѣтствій. Всѣхъ привѣтствій и адресовъ отъ учрежденій, литературныхъ обществъ, редакцій и частныхъ лицъ получено около 125. Въ томъ числѣ отъ Л. Н. Толстого, который, оказывается, вмѣстѣ съ Дружининымъ долженъ считаться настоящимъ отцомъ фонда—они вдвоемъ писали проектъ устава еще въ 1857 г.

Отчасти къ исторіи фонда примыкаетъ рядъ рѣчей, произнесенныхъ въ торжественномъ засѣданіи 8 ноября 1909 г. и посвященныхъ памяти главныхъ дѣятелей фонда. Но эти рѣчи—характеристики имѣютъ и самостоятельное значеніе, потому что всѣ видные дѣятели фонда были вмѣстѣ съ тѣмъ и видными дѣятелями литературы, науки и общественности. Рѣчи Л. Ф. Пантелѣева и Ѳ. Ѳ. Воропонова воскрешаютъ въ нашей памяти несправедливо-забытыя имена двухъ предсѣдателей фонда Егора Ковалевскаго и В. П. Гаевскаго. Н. И. Карѣевъ рисуетъ намъ симпатичный обликъ заслуженнаго педагога Я. Г. Гуревича. С. А. Венгеровъ намѣчаетъ общіе контуры духовной личности основателя фонда—Дружинина. Н. А. Котляревскій очерчиваетъ мягкую, артистическую натуру предсѣдателя послѣднихъ лѣтъ—«гуманиста чистой крови» П. И. Вейнберга. Н. Ѳ. Анненскаго, напротивъ того, привлекаетъ боевая натура Михайловскаго, вся жизнь котораго прошла «на славномъ посту», въ безпрерывной, суровой борьбѣ за дорогіе ему идеалы. Но тамъ, гдѣ нужно было облегчать страданія и нужду—въ литературномъ фондѣ—Михайловскій былъ воплощенная мягкость и заботливость, и именно о самыхъ маленькихъ и забитыхъ труженикахъ пера. Рѣчь А. А. Лугового, произнесенная еще въ 1902 г., возсоздаетъ свѣтлый образъ Манассеина. Справедливо сопоставляетъ А. А. Луговой Манассеина съ другимъ докторомъ, знаменитымъ московскимъ филантропомъ Гаазомъ. И литературному фонду нельзя не гордиться тѣмъ, что петербургскій Гаазъ четверть вѣка былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ комитета фонда, а послѣдніе годы своей жизни почти безсмѣннымъ предсѣдателемъ его.

Н. И. Карѣеву пришла счастливая мысль приглядѣться къ тому, что дѣлалось въ Европѣ въ годъ основанія фонда. Въ опредѣленномъ направленіи работала тогда общественное сознаніе. Освободилась Италія, палъ абсолютизмъ въ Австріи, кончалось оцѣпенѣніе демократической мысли во Франціи и Германіи.

тѣ именины сердца, которыя праздновала тогда обновленная Россія, входить, такимъ образомъ, въ общее русло возрожденія свободной европейской мысли. Все это не могло не сообщить совершенно опредѣленнаго направленія тѣмъ руководящимъ началамъ, которыя Н. И. Карѣевъ въ другой своей статьѣ называетъ «традиціями литературнаго фонда», а Ѳ. Д. Батюшковъ—«завѣтами литературнаго фонда». Литературный фондъ, конечно, учрежденіе безусловно безпартійное и помогаетъ писателямъ рѣшительно всѣхъ направленій. Но тамъ, гдѣ кончается прямая помощь, тамъ гдѣ фондъ выступаетъ просто какъ представитель наиболѣе вліятельныхъ литературныхъ группъ,—напр. на устраиваемыхъ имъ вечерахъ—тамъ фондъ опредѣленно примыкаетъ къ общимъ задачамъ русской литературы, съ ея призывомъ къ нравственному подвигу и правдѣ-справедливости.

Вторая категорія статей настоящаго сборника относится къ области *историко-литературныхъ матеріаловъ*. П. О. Морозовъ предоставилъ въ распоряженіе редакціи найденную имъ недавно эпиграмму Пушкина; А. А. Корниловъ—неопубликованное еще письмо Кольцова къ Бѣлинскому; Н. В. Ельмановъ.—1 письмо Тургенева и 3 письма Гончарова къ В. П. Острогорскому; М. В. Ватсонъ—юношескую полуавтобіографическую повѣсть Надсона; В. И. Семевскій—непропущенныя своевременно цензурою страницы изъ воспоминаній Шелгунова; В. Г. Котельниковъ—неизданную главу изъ автобіографіи Костомарова; Н. Н. Златовратскій—воспоминанія дяди его о Добролюбовѣ. Наконецъ изъ предоставленныхъ М. Н. Чернышевскимъ въ распоряженіе литературнаго фонда бумагъ Добролюбова взятъ обширный дневникъ начала 1857 г. Этотъ дневникъ даетъ первоклассный матеріалъ для уясненія духовнаго облика даровитаго критика, такъ рано умершаго для русской литературы. Нѣкоторыя очень реалистическія страницы дневника, по первому впечатлѣнію, какъ будто разрушаютъ обликъ, который создался благодаря тому, что мы привыкли представлять себѣ Добролюбова только въ ореолѣ его непреклоннаго литературнаго ригоризма. Но, какъ указано въ замѣткѣ нашей, предпосланной дневнику, стоитъ только вдуматься поглубже и станетъ ясно, что смѣсь разбросанныхъ по всему дневнику высоко-идеальныхъ настроеній съ подробностями ультра-житейскими только укрѣпляетъ наше старое представленіе о Добролюбовѣ. Образъ его выигрываетъ въ жизненности, какъ выигрываетъ всякій портретъ отъ наложенія тѣней. Передъ нами идеалистъ въ лучшемъ смыслѣ

слова, но идеалистъ не иконописный, а съ кровью въ жилахъ и блескомъ страсти въ глазахъ.

Третью категорію статей сборника составляютъ статьи, разсказы и стихи современныхъ писателей. Въ этомъ отдѣлѣ сошлись представители цѣлаго ряда литературныхъ поколѣній, отъ великаго патріарха русской литературы до писателей, выступившихъ на литературное поприще всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Тутъ и люди, начавшіе писать еще до основанія литературнаго фонда, тутъ и шестидесятники, тутъ и семидесятники, и восьмидесятники, тутъ наконецъ «модернисты» разныхъ формацій.

Думается, что это объединеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ задачамъ фонда, какъ учрежденія общелитературнаго, для котораго равноцѣнны всѣ направленія, если въ основѣ ихъ лежатъ серьезныя исканія.

С. В.

I.

Происхожденіе Литературнаго фонда и первые шаги его дѣятельности.

Первая мысль объ основаніи въ Россіи общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ на манеръ англійскаго „Литературнаго фонда"—„Literary fund"—была выдвинута у насъ весьма извѣстнымъ въ пятидесятыхъ годахъ писателемъ А. В. Дружининымъ. То обстоятельство, что починъ въ этомъ дѣлѣ исходилъ именно отъ него, довольно знаменательно для будущаго направленія въ дѣятельности этого общества. Дружининъ принадлежалъ къ той плеядѣ выдающихся писателей, которая сгруппировалась въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ при редакціи „Современника" Некрасова и Панаева (отчасти еще при Бѣлинскомъ) и къ которой въ 1855—1856 г. г. принадлежали кромѣ самихъ издателей „Современника": Тургеневъ, Островскій, Толстой, Гончаровъ, Григоровичъ, и Анненковъ [1]). Группа эта, отнюдь не представлявшая въ тотъ моментъ чего-либо цѣльнаго по своему

---

[1]) *А. В. Дружининъ* родился въ 1825 г. и образованіе получилъ въ пажескомъ корпусѣ. До 1847 г. былъ офицеромъ гвардейскаго финляндскаго полка; затѣмъ 1851 г. служилъ въ канцеляріи военнаго министра, а въ 1851 г. вышелъ въ отставку и сталъ заниматься исключительно литературой. Первая его повѣсть *Полинька Саксъ* была напечатана еще при Бѣлинскомъ въ „Современникѣ" за 1847 годъ. Тамъ же помѣщалъ онъ и другіе разсказы. Важный вкладъ въ русскую литературу представляли его переводы трагедій Шекспира (особенно „Король Лиръ"). Въ 50-хъ годахъ онъ велъ въ Современникѣ литературно-критическій фельетонъ подъ псевдонимомъ *Ив. Чернокнижникова*. Съ конца 1856 года редактировалъ „Библіотеку для чтенія", которую стремился превратить въ журналъ просвѣщеннаго консерватизма (въ духѣ англійск. тори). Умеръ отъ чахотки въ 1864 г., на 39 году отъ роду. Наиболѣе полный и безпристрастный очеркъ его литературной дѣятельности содержится въ статьѣ С. А. Венгерова, напечатанной въ Вѣстн. Европы за 1895 г. №№ 1 и 2 и затѣмъ, въ значительно дополненномъ видѣ, въ „Критико-біогр. словарѣ русскихъ писателей и ученыхъ", Венгерова, т. V, стр. 376—443.

направленію и по своимъ общественнымъ и политическимъ идеаламъ, объединяла однако же почти всѣхъ корифеевъ тогдашней изящной литературы и являлась — въ этомъ мірѣ своего рода солью земли. Въ ней уживались рядомъ, — въ тѣсныхъ пріятельскихъ отношеніяхъ, — воспитанные на идеяхъ Бѣлинскаго типическіе западники 40-хъ годовъ Тургеневъ и Анненковъ съ писателемъ, примыкавшимъ къ кругу московскихъ славянофиловъ, Островскимъ, и съ самобытнымъ, никогда не принадлежавшимъ ни къ какимъ литературнымъ партіямъ, графомъ Л. Н. Толстымъ. Это былъ какъ разъ такой моментъ въ исторіи русской словесности, когда сгладились и почти исчезли прежніе литературные раздоры и распри западниковъ и славянофиловъ и еще не начались новыя дѣленія на радикаловъ, умѣренныхъ либераловъ и консерваторовъ. И не только умѣренный консерваторъ Дружининъ, но и будущій радикалъ Чернышевскій, незадолго передъ тѣмъ вступившій на литературное поприще, одинаково свидѣтельствовали, что передъ лицомъ великихъ преобразованій, которыхъ тогда чаяло и напряженно ждало, — послѣ неудачной Крымской войны, — все мыслящее русское общество, исчезли всѣ мелкія и крупныя недоразумѣнія, всѣ теоретическія разногласія, раздѣлявшія ранѣе и позже русскую журналистику на враждующіе между собой лагери. Это было время, когда Чернышевскій, охотно протягивалъ руку и московскимъ славянофиламъ, и Погодину, и Каткову, и когда „Современникъ“ съ одинаковымъ радушіемъ привѣтствовалъ вновь возникающіе „Русскій Вѣстникъ“ Каткова и „Русскую Бесѣду“ Кошелева и Аксаковыхъ, и обновленную Дружининымъ „Библіотеку для Чтенія“. Года черезъ два—три послѣ того все это единеніе исчезло, какъ дымъ...

Самъ Дружининъ, бывшій въ то время вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ обществомъ на сторонѣ предстоявшихъ коренныхъ преобразованій, по основнымъ своимъ взглядамъ былъ однако же человѣкомъ съ несомнѣнными консервативными тенденціями. Тургеневъ въ рѣчи, произнесенной въ засѣданіи Литературнаго фонда послѣ смерти Дружинина въ 1864 г., указалъ, что симпатіи Дружинина „влекли его къ англійской литературѣ, къ англійской жизни вообще: въ этомъ мірѣ, гдѣ бы онъ, вѣроятно, занялъ мѣсто въ рядахъ торіевъ, онъ находилъ, — по выраженію Тургенева, — вполнѣ развитыми и исторически оправданными тѣ начала, которыя жили въ немъ самомъ: признаніе человѣческой личности рядомъ съ уваженіемъ законовъ и даже преданій, порядокъ и свободу, взаимно поддерживающіе и обезпечивающіе другъ друга, благоразумную умѣренность и неослабное постоянство предпріятій“ [1]). Настойчивости и

[1]) Спб. Вѣдомости за 1864 г., № 39.

энергіи Дружинина Литературный фондъ былъ несомнѣнно обязанъ скорымъ и своевременнымъ своимъ осуществленіемъ.

Первые толки о фондѣ, по свидѣтельству самаго Дружинина начались уже въ концѣ 1856 г. [1]) Въ январѣ 1857 г. Л. Н. Толстой записалъ въ своемъ дневникѣ: „писалъ проектъ фонда у Дружинина“. [2])

Встрѣтивъ сочувствіе и опору въ близкомъ ему литературномъ кругу, Дружининъ призналъ однако же, что дѣло это, какъ имѣющее огромное общественное значеніе, должно быть вынесено за предѣлы тѣснаго литературнаго кружка на широкое публичное обсужденіе. По условіямъ того времени такое обсужденіе могло быть только въ печати. И вотъ онъ съ этою цѣлью печатаетъ, уже собравъ къ тому времени всѣ необходимыя данныя, въ ноябрьской книжкѣ своей „Библіотеки для чтенія“ за 1857 г. обстоятельную статью объ основаніяхъ, на которыхъ подобное общество могло бы быть, по его мнѣнію, образовано въ Россіи. Почти всѣ эти основанія были впослѣдствіи приняты составителями устава литературнаго фонда, и мы здѣсь не будемъ ихъ пересказывать, такъ какъ намъ придется коснуться ихъ ниже. Но перечитывая въ настоящее время эту статью нельзя не остановиться съ невольнымъ изумленіемъ на мнѣніи Дружинина о бытовыхъ особенностяхъ тогдашней русской литературной среды. Въ настоящее время возможность подобнаго мнѣнія даже трудно себѣ представить, настолько оно не соотвѣтствуетъ теперешнему положенію и особенностямъ нашей писательской среды. Въ то время существеннѣйшими отличіями ея отъ англійской литературной среды Дружининъ считалъ: 1) почти полное отсутствіе у насъ „литературныхъ пролетаріевъ“ и 2) совершенное отсутствіе въ нашихъ литературныхъ органахъ духа какихъ-либо политическихъ партій.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ...

Несправедливость перваго мнѣнія Дружинина не замедлила обнаружиться, какъ только проектированный имъ литературный фондъ приступилъ къ работѣ. Второе же мнѣніе его уже въ началѣ 60-хъ годовъ сдѣлалось совершеннымъ анахронизмомъ.

Статья Дружинина не вызвала, впрочемъ, въ тогдашней печати никакихъ возраженій и авторъ ея тогда же образовалъ небольшой кружокъ учредителей, въ который вошли, въ числѣ 11 человѣкъ,

---

[1]) Библіотека для чтенія за 1857 г. ноябрь (ст. 146) ст. Дружинина (подписанная буквой N): „Нѣсколько предположеній по устройству русскаго литературнаго фонда для пособія нуждающимся лицамъ научнаго и литературнаго круга“ (стр. 1—28).

[2]) Біографія Л. Н. Толстого, составленная г. Бирюковымъ, т. I, стр. 299.

главнымъ образомъ представители извѣстныхъ тогда петербургскихъ журналовъ: „Современника“ „Отечественныхъ записокъ“ и „Библіотеки для чтенія“: И. С. Тургеневъ, К. Д. Кавелинъ, П. В. Анненковъ, Н. Г. Чернышевскій, А. В. Никитенко, А. А. Краевскій, С. С. Дудышкинъ, А. Д. Галаховъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, Е. П. Ковалевскій и самъ А. В. Дружининъ. [1]) Эти лица приняли основныя положенія Дружинина и рѣшили тотчасъ же приступить къ составленію проекта устава. Сперва это дѣло взялъ на себя Никитенко, но такъ какъ онъ промѣшкалъ съ его выполненіемъ, то проектированіе устава возложено было на Кавелина и Заблоцкаго-Десятовскаго, которые исполнили эту задачу въ одинъ день. Послѣ обсужденія и окончательнаго принятія составленнаго ими проекта, онъ былъ переписанъ, подписанъ одиннадцатью поименованными выше учредителями и при прошеніи представленъ 16 февраля 1859 г. министру народнаго просвѣщенія Евг. Пет. Ковалевскому. Послѣдній запросилъ министра внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго и послѣдовалъ отвѣтъ, что уставъ не представляетъ ничего несогласнаго ни съ существующими узаконеніями, ни съ уставомъ другихъ благотворительныхъ обществъ и что предполагаемое общество „по своему составу и цѣли“ должно находиться въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. Затѣмъ уставъ, разсмотрѣнный въ главномъ правленіи училищъ, перешелъ въ комитетъ министровъ, который ввелъ въ него §§ 2 и 45 нынѣ дѣйствующаго устава, послѣ чего уставъ поступилъ на Высочайшее утвержденіе, которое и послѣдовало 7 августа 1859 года. [2])

8 ноября того же 1859 г. состоялось первое собраніе общества въ которое были приглашены, сверхъ лицъ, подписавшихъ уставъ, еще 66 литераторовъ и ученыхъ на правахъ членовъ-учредителей. [3])

Въ этомъ собраніи былъ выбранъ закрытой баллотировкой первый распорядительный комитетъ общества, при чемъ избранными ока-

---

[1]) Дружининъ хотѣлъ привлечь къ этому дѣлу и издателя только что основаннаго тогда „Русскаго Слова“ (въ то время еще вовсе не радикальнаго),—гр. Кушелева-Безбородко, но почему-то не встрѣтилъ съ его стороны достаточнаго сочувствія (срав. въ сборникѣ „XXV лѣтъ“, ст. В. П. Гаевскаго).

[2]) Срав. „Лѣтопись“ общества, помѣщенную въ сборникѣ „XXV лѣтъ (1859—1884),“ стр. 1—3 и тамъ же ст. В. П. Гаевскаго „А. В. Дружининъ, какъ основатель общ-ва для пособія нужд. лит. и учен.,“ стр. 423 и слѣд.

[3]) Изъ нихъ впослѣдствіи лишь 35 лицъ сдѣлали положенные по уставу взносы, и имена этихъ 35 лицъ печатаются въ ежегодныхъ отчетахъ. Изъ числа ихъ въ настоящее время находятся въ живыхъ только двое: В. И. Ламанскій и М. М. Стасюлевичъ. Изъ 11 учредителей, выработавшихъ уставъ общества, не дожилъ до настоящаго времени никто.

зались всѣ 11 учредителей, подписавшихъ уставъ, и къ нимъ добавленъ былъ Е. И. Ламанскій. Комитетъ приступилъ съ большой энергіей къ организаціи порученнаго ему дѣла.

Предсѣдателемъ комитета въ первомъ же его засѣданіи былъ выбранъ Е. П. Ковалевскій, товарищемъ же его К. Д. Кавелинъ, казначеемъ А. А. Краевскій и секретаремъ А. Д. Галаховъ.

Если энергіи А. В. Дружинина литературный фондъ обязанъ былъ своимъ возникновеніемъ, то Е. П. Ковалевскому онъ обязанъ былъ болѣе всего успѣхами первыхъ лѣтъ своей дѣятельности. Поэтому здѣсь не будетъ неумѣстно посвятить нѣсколько строкъ свѣтлой памяти этого человѣка.

Егоръ Петровичъ Ковалевскій былъ младшій братъ тогдашняго министра народнаго просвѣщенія Евграфа Петровича Ковалевскаго и самъ былъ во время возникновенія Литературнаго фонда генералъ-лейтенантомъ и директоромъ азіатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ. По своей дѣятельности онъ принадлежалъ къ двумъ мірамъ: научно-литературному и бюрократическому и въ обоихъ былъ человѣкомъ совершенно своеобразнымъ и исключительнымъ. Жизнь его протекла въ кипучей дѣятельности и при томъ въ самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Въ ранней юности онъ кончилъ курсъ въ харьковскомъ университетѣ по филологическому факультету и къ тому времени (къ 30 гг. прошл. вѣка) относятся его первые литературные опыты въ сферѣ драматической поэзіи. Затѣмъ онъ совершенно неожиданно сталъ горнымъ инженеромъ, сначала служилъ въ западной Сибири, потомъ на Уралѣ, оттуда попалъ въ званіи горнаго капитана (въ то время горные инженеры были военными чинами) въ Черногорію въ бурный моментъ ея исторіи, принялъ участіе въ судьбахъ черногорскаго народа и въ его столкновеніяхъ съ Австріей, чѣмъ обратилъ на себя сперва неблагосклонное, а затѣмъ благосклонное вниманіе императора Николая. Отсюда идетъ его связь съ славянскимъ міромъ, прикосновеніе къ славянофильству и неожиданно открывшаяся ему служебная карьера по министерству иностранныхъ дѣлъ. Затѣмъ онъ путешествуетъ по Африкѣ въ верховьяхъ Нила; пишетъ статьи по восточному вопросу и различныя историческія изслѣдованія (важнѣйшее—о гр. Блудовѣ и его времени); наконецъ принимаетъ непосредственное живое участіе въ дѣлѣ образованія Литературнаго фонда и въ дѣлѣ организаціи разносторонней помощи учащейся молодежи въ началѣ 60-хъ годовъ—въ эпоху первыхъ студенческихъ волненій. Съ виду спокойный, усталый и флегматичный, онъ былъ на дѣлѣ не только отзывчивъ на всякій добрый

починъ, но и въ высшей степени способенъ къ дѣятельной и упорной организаціонной работѣ. Съ дѣятельностью и нуждами Литературнаго фонда связаны всѣ послѣдніе годы его неособенно длинной, но въ высшей степени плодотворной жизни [1]).

Основная цѣль англійскаго литературнаго фонда, какъ видно изъ вышеуказанной статьи Дружинина, была—пособіе инвалидамъ науки и литературы. На второмъ планѣ была поставлена болѣе широкая задача—связать людей разныхъ убѣжденій и взглядовъ на одномъ великомъ дѣлѣ содѣйствія просвѣщенію.

Совершенно также ставились по уставу задачи и нашего общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Согласно § 1 устава оно имѣетъ ближайшею своею цѣлью: „вспомоществовать нуждающимся осиротѣвшимъ семействамъ литераторовъ и ученыхъ и самимъ литераторамъ и ученымъ, которые, по преклонности лѣтъ или по какимъ либо другимъ обстоятельствамъ, находятся въ невозможности содержать себя собственными трудами. При дальнѣйшемъ развитіи своихъ средствъ, общество, кромѣ главной, выше указанной цѣли: 1) способствуетъ изданію въ свѣтъ полезныхъ литературныхъ и ученыхъ трудовъ, которые не могутъ быть изданы самими авторами и переводчиками по недостатку средствъ, и 2) доставляетъ даровитымъ молодымъ людямъ способы къ окончанію ихъ образованія и приготовленія себя къ литературной и ученой дѣятельности, если призваніе ихъ къ ней окажется несомнѣннымъ и если они не будутъ имѣть на то средствъ“.

Согласно взглядамъ, положеннымъ учредителями этого общества въ основу его дѣятельности, оно коренннымъ образомъ отличается отъ обыкновенныхъ филантропическихъ обществъ и организацій. Руководящимъ принципомъ его является не только или вѣрнѣе сказать не столько состраданіе къ нуждѣ и несчастью, сколько сознанная обществомъ о б я з а н н о с т ь поддерживать инвалидовъ науки и литературы, въ силу оказанныхъ ими заслугъ или оказывать помощь даровитымъ молодымъ людьмъ, въ виду основательнаго ожиданія отъ нихъ полезной научной или литературной дѣятельности въ будущемъ. Основаніемъ для полученія пособія здѣсь является не милость и состраданіе, а своего рода п р а в о. При такой постановкѣ дѣла самыя пособія не только не заключаютъ въ себѣ чего-нибудь унизительнаго для самолюбія и достоинства лицъ, ими пользующихся, но пріобрѣтаютъ даже характеръ нѣкотораго

---

[1]) Краткій очеркъ его жизни былъ напечатанъ въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1869 г. (№ 12, стр. 717—728). Тамъ же и перечень его литературныхъ работъ.

почета, признанія заслугъ, имѣющихъ общественное значеніе. Такое именно значеніе пособій Литературнаго фонда особенно ясно устанавливается §§ 5 и 11 его устава.

„Право на пособія отъ общества—говоритъ § 5—имѣютъ:

а) вдовы и сироты, оставшіяся въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ по смерти литератора или ученаго, трудами своими пріобрѣтшаго почетную извѣстность въ публикѣ...

б) Заслуженный литераторъ или ученый по преклонности лѣтъ или слабости здоровья, пришедшій въ невозможность содержать себя собственными трудами или продолжать службу и лишенный средствъ возстановить силы, или, наконецъ, стеченіемъ какихъ либо другихъ обстоятельствъ приведенный въ стѣсненное положеніе.

в) Авторъ полезнаго ученаго или литературнаго произведенія, который желалъ бы издать его въ свѣтъ, но не имѣетъ къ тому средствъ.

г) Ученый или литераторъ для пополненія своихъ свѣдѣній или для довершенія предпринятаго имъ ученаго труда имѣющій надобность посѣтить чужіе края, но лишенный къ тому способовъ.

д) Молодые люди, выказавшіе несомнѣнную даровитость и призваніе къ ученой и литературной дѣятельности. но не имѣющіе средствъ къ довершенію своего образованія.

§ 11 гласитъ: „Пособіе назначается не иначе, какъ по надлежащемъ удостовѣреніи въ правѣ на оное. Право это основывается: а) на ученыхъ и литературныхъ заслугахъ, засвидѣтельствованныхъ сочиненіями, а также на извѣстной публикѣ усердной дѣятельности лицъ въ пользу просвѣщенія въ качествѣ наставниковъ юношества, сопровождаемой какимъ-нибудь замѣчательнымъ печатнымъ трудомъ и б) на дѣйствительной потребности въ пособіи, о которой комитетъ долженъ имѣть предварительныя свѣдѣнія“.

Соотвѣтственно такому взгляду на дѣло признано было необходимымъ назначать пособія въ такомъ размѣрѣ, чтобы они дѣйствительно достигали своей цѣли, т. е. „выводили нуждающихся изъ крайности“. „Въ этомъ случаѣ, какъ сказано въ § 6 устава, общество руководствуется правилами, что лучше меньшему числу лицъ оказать достаточное пособіе, чѣмъ многимъ, но безъ удовлетворительныхъ результатовъ“.

Согласно уставу (§§ 8—10) пособія предполагались: „единовременныя“, „продолжительныя“ (періодическія выдачи, назначаемыя на неопредѣленное время) и „постоянныя“ (пенсіоны).

Средства новаго общества должны были складываться (§§ 3 и 4): 1) Изъ членскихъ взносовъ (ежегодныхъ и единовремен-

ныхъ) и 2) изъ пожертвованій ревнителей просвѣщенія. Сверхъ того обществу предоставлялось для усиленія своихъ денежныхъ средствъ устраивать публичныя лекціи, спектакли, концерты, предпринимать изданія литературныхъ и ученыхъ трудовъ и т. п.

По мысли своихъ учредителей литературный фондъ не являлся замкнутымъ профессіональнымъ союзомъ и не былъ основанъ на принципѣ взаимопомощи тружениковъ извѣстнаго цеха, а представлялся учрежденіемъ національнымъ подобно своему англійскому прототипу. Учредители литературнаго фонда справедливо полагали, что литература и наука, служа просвѣщенію народа, выполняютъ одну изъ важнѣйшихъ обще-національныхъ задачъ и потому поддержаніе и развитіе ихъ является несомнѣнно дѣломъ всенароднымъ. Поэтому и членами общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ по уставу могутъ быть не только сами писатели и ученые, но и всѣ лица, „сочувствующія отечественной литературѣ и просвѣщенію“, обязавшіяся уплачивать опредѣленный денежный взносъ (не менѣе 10 руб. ежегодно или не менѣе 100 руб. единовременно) и принятыя общимъ собраніемъ, по рекомендаціи комитета, въ составъ общества (§§ 2, 4, 16—19). Естественно предполагалось, что каждый человѣкъ, сознательно пользующійся плодами литературы и науки, почтетъ себя обязаннымъ принять посильное участіе въ поддержаніи ея дѣятелей въ той или иной формѣ. Дружининъ въ особенности настаивалъ поэтому и въ статьяхъ своихъ, и въ комитетѣ литературнаго фонда, чтобы при сборѣ пожертвованій соблюдался извѣстный тактъ и деликатность и чтобы пожертвованія на это новое дѣло отнюдь не выпрашивались и не вымогались Самыми естественными формами сбора денегъ дѣятелямъ первыхъ комитетовъ литературнаго фонда представлялась добровольная подписка между издателями книгъ, газетъ и журналовъ опредѣленныхъ небольшихъ процентныхъ отчисленій съ каждаго подписчика повременныхъ изданій или съ каждаго экземпляра изданной книги. Первымъ дѣятелямъ новаго общества казалось что цѣль литературнаго фонда говоритъ сама за себя и не можетъ не разсчитывать на широкое сочувствіе публики: по мнѣнію ихъ нужно было лишь широко распространить свѣдѣнія объ образованіи и задачахъ вновь созданнаго общественнаго учрежденія. Къ тому же въ началѣ среди членовъ комитета существовало, какъ мы уже упоминали, убѣжденіе, что нужда въ матеріальной помощи въ русской писательской средѣ того времени не особенно велика. Это послѣднее убѣжденіе разумѣется очень скоро было опровергнуто жизнью, но надежда на сочувствіе публики въ первые годы оказалась не напрасной.

Русское общество конца пятидесятыхъ начала и шестидесятыхъ годовъ было не богато матеріальными средствами,—это были, какъ извѣстно, годы всеобщихъ финансовыхъ затрудненій вызванныхъ громадными издержками войны и торгово-промышленнымъ кризисомъ; но за то это общество было чутко настроено по отношенію къ удовлетворенію каждой общественной нужды при помощи общественной самодѣятельности; а нужды и интересы литературы и просвѣщенія представлялись ему самыми насущными, близкими и дорогими. Мысль отстранить, по возможности, изъ русской жизни „оскорбительное явленіе, представляемое заслугой, оставленной на бѣдственное существованіе, между тѣмъ, какъ всѣ кругомъ пользуются ея матеріальными и нравственными плодами"—такая мысль способна была найти въ то время живой откликъ въ разнообразныхъ слояхъ образованнаго общества и потому дѣло литературнаго фонда имѣло несомнѣнные шансы быстро пріобрѣсти и общественное сочувствіе и общественную поддержку.

И дѣйствительно въ первый годъ существованія фонда комитету его удалось собрать весьма внушительную по тому времени сумму, болѣе 35000 рублей. Въ счетъ этой суммы вошли: назначенное императоромъ Александромъ II изъ суммъ кабинета ежегодное пособіе обществу—1000 руб., ежегодныя пособія особъ императорской фамиліи—700 р., членскіе взносы (отъ 368 лицъ)—9.619 руб., пожертвованія „отъ отдѣльныхъ лицъ всѣхъ сословій"—7.547 р. 75 к., отъ обществъ нѣкоторыхъ городовъ (земскихъ учрежденій тогда еще не было), преподавателей, служащихъ, учениковъ, а также отъ устроенныхъ въ разныхъ мѣстахъ, без участія комитета, спектаклей, чтеній и вечеровъ—4.546 р. 69 $^{1}/_{4}$ к. [1]). Отъ устроенныхъ самимъ комитетомъ литературнаго фонда публичныхъ чтеній, лекцій и спектаклей—10.420 р. 58 к.

Нѣкоторыя лица жертвовали обществу свои книги, другіе выражали готовность читать въ пользу фонда публичныя лекціи; врачи вызывались безплатно оказывать медицинскія пособія нуждающимся литераторамъ и ихъ семьямъ; книгопродавцы, издатели, редакторы журналовъ и газетъ и сами авторы заявляли желаніе вносить въ кассу литературнаго фонда извѣстный процентъ съ подписной сум-

---

[1]) Въ числѣ такихъ сборовъ были чрезвычайно характерные для той эпохи, какъ напр. сборъ со спектакля, устроеннаго въ 1860 г., спеціально для поддержанія литературнаго фонда, воспитанниками воронежскаго кадетскаго корпуса по ихъ собственной иниціативѣ, какъ сообщалъ объ этомъ комитету литературнаго фонда директоръ корпуса генералъ-маіоръ Ватаци, пересылая въ апрѣлѣ 1860 г. собранную сумму—154 рубля.

мы на ихъ изданія, съ продажной цѣны ихъ произведеній или съ гонорара за ихъ статьи. Нѣкоторыя лица въ провинціи предлагали быть комиссіонерами новаго общества и собирать въ его пользу пожертвованія.

Чтенія, лекціи и спектакли, устроенные комитетомъ, имѣли шумный успѣхъ, сколько по сочувствію публики къ цѣли, на которую шелъ получаемый отъ нихъ доходъ, столько же и сами по себѣ. Чтенія, устроенныя тогда комитетомъ, были первыя литературныя чтенія въ Россіи, на которыхъ публика видѣла впервые любимыхъ своихъ писателей, которые сами читали отрывки изъ своихъ произведеній и которыхъ встрѣчали и провожали съ небывалыми восторженными оваціями. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ Островскій и Писемскій, были дѣйствительно выдающимися чтецами [1]). Кромѣ нихъ выступали: Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Некрасовъ, Шевченко, Майковъ, Полонскій и др. Еще большій успѣхъ имѣли любительскіе спектакли, организованные А. Ф. Писемскимъ и П. И. Вейнбергомъ, въ которыхъ, по примѣру Англіи, гдѣ въ подобныхъ представленіяхъ участвовалъ Диккенсъ и др. корифеи англійской литературы, у насъ выступили въ различныхъ роляхъ Тургеневъ, Григоровичъ, Дружининъ, Островскій, Достоевскій и Писемскій. Особенный фуроръ произвелъ „Ревизоръ“ Гоголя, въ которомъ роль городничаго исполнялъ Писемскій, Хлестакова—Вейнбергъ, почтмейстера Шпекина—Достоевскій, а роли купцовъ—Тургеневъ, Майковъ, Дружининъ, Григоровичъ, Краевскій [2]).

Изъ публичныхъ лекцій, прочитанныхъ тогда въ пользу фонда въ маленькой залѣ Пассажа, особенное впечатлѣніе произвели лекціи П. Л. Лаврова „О современномъ значеніи философіи“ [3]).

Въ первые же мѣсяцы послѣ основанія литературнаго фонда комитетъ его приступилъ къ добросовѣстному и энергичному выполненію главной своей обязанности—назначенію матеріальныхъ пособій нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Еще не собравъ и 3.000 рублей, комитетъ приступилъ къ выдачѣ единовременныхъ пособій и къ назначенію пожизненныхъ пенсій. Тутъ съ первыхъ же шаговъ ему пришлось убѣдиться въ полной невѣрности оптимистическаго взгляда Дружинина на сравнительную

---

1) „Изъ воспоминаній“ Л. Ф. Пантелѣева. Срв. также брошюрку П. И. Вейнберга „Литературный фондъ за сорокъ лѣтъ его существованія“, М. 1900.

2) Тамъ же.

3) Л. Ф. Пантелѣевъ, н. с.

матеріальную обезпеченность русской писательской среды. Утверждая въ 1857 г., что у насъ „почти нѣтъ литературныхъ пролетаріевъ, даровитыхъ людей, умирающихъ съ голоду, сильныхъ талантовъ, кончающихъ жизнь, какъ Отвай или Севеджъ, отъ нужды и общей холодности“, Дружининъ считалъ, что большинство нашихъ литераторовъ въ прежнее время были обезпечены или службой или какими-нибудь другими постоянными доходами, и если среди нашего общества и были люди, исключительно посвятившіе себя литературѣ, то почти всѣ они принадлежали къ обезпеченнымъ классамъ. Дружининъ, конечно, имѣлъ въ виду при этомъ главнымъ образомъ корифеевъ Литературы—людей съ общепризнанными заслугами; но и въ этомъ отношеніи онъ былъ далеко не правъ, въ чемъ легко могъ бы убѣдиться, вспомнивъ судьбу Бѣлинскаго или нужду, какую приходилось переносить въ молодые годы Некрасову. Комитету литературнаго фонда въ самомъ началѣ своей дѣятельности пришлось убѣдиться въ наличности огромной и часто вопіющей нужды въ писательской средѣ того времени. Уже въ первомъ годовомъ собраніи (2 февраля 1861 года) Е. П. Ковалевскій, наученный опытомъ перваго года дѣятельности комитета, сказалъ въ своей рѣчи: „Тѣ, которымъ громкая литературная извѣстность даетъ возможность болѣе чѣмъ безбѣднаго состоянія, не могутъ себѣ представить, въ какомъ положеніи находится меньшая ихъ братія, эти труженики второстепенныхъ и мелкихъ журналовъ, и съ какими усиліями зарабатывается ими скудная плата. Мы видѣли между ними нужду потрясающую. Одинъ изъ нашихъ сочленовъ, которому пришлось посѣтить просившаго о вспомоществованіи, нашелъ его помѣщающимся съ женой и семилѣтней дочерью въ чуланѣ, на лѣстницѣ, гдѣ прежде складывались дрова. За эту квартиру онъ платилъ три рубля. Если прибавить, что наскоро поставленная печь не нагрѣвала чуланъ и до 7° и что это семейство цѣлый годъ не употребляло мясной пищи, то это еще малѣйшія лишенія, которымъ оно подвергалось“...

„Можетъ быть,—продолжалъ Ковалевскій,—нѣкоторые возразятъ: какимъ образомъ человѣкъ развитый, болѣе или менѣе образованный, можетъ у насъ на Руси дойти до такого состоянія? Не спѣшите осуждать его; процессъ обнищанія совершается очень естественно и довольно быстро: достаточно заболѣть главѣ семейства, жившаго изо дня въ день. Невозможность работать лишаетъ послѣднихъ средствъ; продается все, что можно продать—мебель, самая одежда; потомъ семейство живетъ нѣсколько времени въ долгъ; наконецъ, истощается кредитъ и начинается самое отчаянное положеніе. Протяните этому страдальцу руку помощи во-время,

дайте возможность оправиться отъ болѣзни и онъ спасенъ изъ того безвыходнаго положенія, которое, большею частью, низвергаетъ его въ могилу".

Конецъ 50-хъ годовъ былъ временемъ значительнаго расширенія литературной арены; въ это время, благодаря ослабленію цензурнаго гнета и продолжавшимся нѣсколько лѣтъ либеральнымъ вѣяніямъ, открывалась масса новыхъ литературныхъ органовъ, изъ которыхъ многіе вскорѣ банкротились; въ печати, наряду съ людьми, обезпеченными службой или своими собственными средствами, которыхъ имѣлъ въ виду Дружининъ, выступаютъ настоящіе пролетаріи—разночинцы, и нужда среди нихъ растетъ съ каждымъ годомъ. Но и по отношенію къ писателямъ прежняго времени комитету фонда вскорѣ пришлось убѣдиться, что за блестящимъ рядомъ корифеевъ печати скрывалось не мало второстепенныхъ писателей, частью полузабытыхъ и давно сошедшихъ съ литературнаго поприща, но оставившихъ свои семейства въ бѣдственномъ положеніи. Изъ нихъ нѣкоторые дѣйствовали въ 20-хъ годахъ XIX вѣка, а нѣкоторые даже около 1812 года, но комитету пришлось протянуть руку помощи ихъ семьямъ въ первые годы своей дѣятельности. Инвалидовъ литературы прежняго времени, находившихся въ крайней нуждѣ, оказалось не мало [1]).

„Съ первыхъ же шаговъ комитета 1860 г.—сказано въ отчетѣ его секретаря за 1861 г.—оказалось невозможнымъ строгое испол-

---

[1]) Между прочимъ въ 1860 г. были назначены пенсіи: вдовѣ извѣстнаго въ свое время писателя Подшивалова, умершаго въ 1813 г. (180 р. въ годъ); семьѣ извѣстнаго проф. литературы и политической экономіи Никиты Ив. Бутырскаго, дѣйствовавшаго въ 20-хъ гг. (200 р. въ годъ); престарѣлому сыну А. Н. Радищева, Павлу Алекс. Радищеву, которому было уже около 80 лѣтъ и который находился въ тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ (по 400 р. въ годъ); дочери С. Н. Глинки (по 200 р. въ годъ); Над. Андр. Дуровой (она же шт.-ротмистръ Александр. Андреев. Александровъ—извѣстная дѣвица-кавалеристъ), литературное значеніе записокъ которой было указано еще Пушкинымъ и которой въ это время было около 80 лѣтъ,—(по 240 р. въ годъ); были оказаны болѣе или менѣе крупныя пособія декабристамъ: М. А. Бестужеву (по ходатайству М. И. Семевскаго, поддержанному генералъ-губернаторомъ Вост. Сиб. гр. Н. Н. Муравьевымъ-Амурскимъ)—1000 р. на возвращеніе изъ Сибири, и ему же въ разные сроки болѣе мелкія пособія; барону В. И. Штейнгелю (по ходатайству Н. А. Серно-Соловьевича), нѣсколько разъ по 150 р. и по 100 руб., а по смерти его дѣтямъ (Бароновымъ); вдовѣ Вильгельма Кюхельбекера (въ Иркутскѣ) продолжительное пособіе по 180 р. въ годъ (по ходатайству генералъ-губернатора Вост. Сибири М. С. Корсакова); сестрѣ Н. А. Полевого, г-жѣ Авдѣевой нѣсколько разъ по 75 руб.; извѣстному издателю альманаховъ 20-хъ и 30-хъ годовъ Аладьину—300 р.

ненiе правила, чтобы пособія выдавались только вполнѣ заслуженнымъ литераторамъ и въ размѣрахъ, какіе потребны для того, чтобы навсегда упрочить благосостояніе ихъ самихъ и ихъ семейства". Дѣятельность комитета въ первые же годы существованія Литературнаго фонда по необходимости была увлечена въ значительной мѣрѣ въ другую сторону. Комитетъ былъ осажденъ массою просьбъ и ходатайствъ со стороны лицъ, которыхъ литературныя и ученыя заслуги были далеко не блестящи, но матеріальная нужда, иногда вопіющая, была несомнѣнна. При такихъ условіяхъ оцѣнивать строго достоинство и значеніе литературныхъ и научныхъ заслугъ у людей, доведенныхъ часто до крайности, „представляло во многихъ случаяхъ—по выраженію секретаря комитета—нравственную невозможность, особенно, когда дѣло шло о семействахъ, оставленныхъ тружениками, которыхъ вся жизнь была цѣпь лишеній"...

Въ виду такихъ обстоятельствъ комитетъ съ самаго же начала своей дѣятельности поставленъ былъ, несмотря на живое и дѣятельное сочувствіе публики къ новому обществу, въ довольно трудное положеніе. Съ одной стороны, и по уставу, и по основнымъ взглядамъ учредителей, главнѣйшей задачей Литературнаго фонда являлась не заурядная благотворительность лицамъ, впавшимъ въ тяжелое матеріальное положеніе, а существенная матеріальная помощь семьямъ заслуженныхъ литераторовъ и ученыхъ, дѣятельность которыхъ ознаменовалась выдающимися печатными трудами на пользу общую, или же поддержка такихъ дѣятелей печати и науки, отъ которыхъ въ будущемъ, можно было ожидать значительной пользы въ ихъ научной и литературной дѣятельности, въ виду ихъ выдающихся дарованій. Съ другой стороны было совершенно очевидно, что комитетъ единственнаго общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ не могъ равнодушно пройти мимо вопіющей нужды дѣятелей печати и науки, хотя и отнюдь не выдающихся и не обѣщающихъ и въ будущемъ какихъ-либо особыхъ заслугъ, но несомнѣнно принадлежавшихъ къ цеху литераторовъ и ученыхъ и по мѣрѣ силъ и способностей работавшихъ и продолжающихъ работать на этомъ тернистомъ и часто неблагодарномъ поприщѣ. Къ тому же какъ ни велико было сочувствіе публики къ задачамъ Литературнаго фонда, комитетъ не могъ однако же не видѣть, что собранные въ теченіе первыхъ 15-ти мѣсяцевъ его дѣятельности 35.000 рублей не могли считаться нормальнымъ годичнымъ доходомъ общества. Значительнѣйшая часть этой суммы несомнѣнно имѣла характеръ сбора на образованіе основного, постояннаго капитала Литературнаго фонда, доходами съ котораго впослѣдствіи могли бы обезпечиваться пенсіи, назначаемыя комитетомъ. Поэтому комитетъ

рѣшился въ первый годъ своей дѣятельности израсходовать изъ собранной суммы лишь 11.450 рублей на текущія нужды, а изъ остальныхъ 23.700 рублей—22000 обратилъ на образованіе постояннаго капитала, купивъ на эту сумму процентныя бумаги.

И дѣйствительно, во второй годъ въ пользу Литературнаго фонда удалось собрать при неослабѣвавшей дѣятельности комитета лишь 15.000 рублей, въ третій—13.000, а въ послѣдующіе три года лишь по 9.000 р. въ годъ, что и опредѣляло, повидимому, рамки возможныхъ ежегодныхъ расходовъ на пособія единовременныя и постоянныя.

И ревизіонныя комиссіи, весьма строго отнесшіяся съ самаго же начала къ своимъ обязанностямъ, и первыя общія собранія членовъ Литературнаго фонда одобрили вполнѣ дѣятельность комитета. И дѣйствительно за комитетомъ первыхъ лѣтъ существованія фонда нельзя не признать выдающихся заслугъ по установленію правильной и прочной организаціи довѣреннаго ему столь важнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ столь новаго тогда и необычнаго дѣла. Лишь замѣчательному такту и вѣрному пониманію комитетомъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла и своихъ трудныхъ и сложныхъ обязанностей слѣдуетъ приписать то обстоятельство, что собранныя суммы не были растрачены и такъ сказать распылены на мелкія и малоплодотворныя выдачи и подачки подъ натискомъ осаждавшихъ комитетъ нуждающихся и часто до крайности дошедшихъ людей, а были всѣ употреблены съ большимъ разборомъ и толкомъ на дѣйствительную помощь нуждающимся. При этомъ и основныя задачи фонда не остались безъ выполненія, и вмѣстѣ съ тѣмъ положено было прочное начало образованію постояннаго капитала общества, который затѣмъ росъ, вначалѣ медленно, но неуклонно, съ незначительными лишь перерывами (въ рѣдкіе сравнительно годы упадка) и доросъ къ концу пятидесятилѣтія, благодаря многимъ щедрымъ пожертвованіямъ, до внушительной цифры 727.422 (на 1 октября 1909 г.) не считая цѣнныхъ недвижимыхъ имуществъ и издательскихъ правъ на цѣлый рядъ литературныхъ произведеній.

Изъ 11.450 рублей, израсходованныхъ въ первый годъ существованія фонда на пособія, 3510 р. были употреблены на выдачу назначенныхъ комитетомъ пенсій и около 8.000 руб. было роздано въ видѣ единовременныхъ пособій. Въ числѣ назначенныхъ пенсій на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ отмѣтить пенсію въ 600 руб. въ годъ (по тогдашнимъ условіямъ довольно значительную) семьѣ Бѣлинскаго, при чемъ комитетъ извѣстилъ вдову Бѣлинскаго, что независимо отъ этого онъ считаетъ своею обязанностью, въ случаѣ ка-

Сидятъ: А. В. Никитенко. А. А. Краевскій. Е. П. Ковалевскій. И. С. Тургеневъ. К. Д. Кавелинъ. А. Д. Галаховъ.
Стоятъ: С. С. Дудышкинъ. Е. И. Ламанскій. А. П. Заблоцкій-Десятовскій. П. В. Анненковъ. Н. Г. Чернышевскій. А. В. Дружининъ.

кой-либо ея нужды, всегда поспѣшить къ ней на помощь [1]). Остальныя пенсіи были назначены 14 лицамъ или семействамъ въ размѣрѣ отъ 100 до 400 руб. въ годъ. Единовременныя пособія были распредѣлены между 51 лицомъ въ размѣрѣ отъ 25 до 500 рублей, причемъ двумъ лицамъ они были выданы для окончанія образованія.

Со второго года существованія фонда стали кромѣ пенсій и единовременныхъ пособій назначаться и продолжительныя пособія. Такъ въ 1861 г. одному молодому писателю находившемуся въ больницѣ въ самомъ бѣдственномъ положеніи было назначено по 40 руб. въ мѣсяцъ впредь до выздоровленія.

Первому комитету общества, помимо сбора денежныхъ средствъ и успѣшнаго удовлетворенія матеріальныхъ нуждъ семействъ писателей и ученыхъ, находящихся въ затруднительномъ положеніи, удалось устроить, по почину Тургенева, еще одно важное дѣло, несопряженное съ денежными расходами для общества. Дѣло это заключалось въ ходатайствѣ объ отпускѣ на волю изъ крѣпостного состоянія родныхъ братьевъ Т. Г. Шевченко [2]). Помѣщикъ В. Э. Фліорковскій, которому они принадлежали, не только согласился, по ходатайству Литературнаго фонда, отпустить ихъ на волю, но и принялъ на себя уплату за нихъ банковаго долга въ размѣрѣ 900 рублей Выражая свою благодарность въ письмѣ къ г. Фліарковскому, комитетъ просилъ его пріискать для новыхъ свободныхъ людей участокъ земли, за который предлагалъ внести деньги.

---

[1]) Вопросъ о пенсіи семьѣ Бѣлинскаго возбужденъ былъ въ комитетѣ Литер. фонда 15 января 1860 г. А. Д. Галаховымъ. Собраны были въ Москвѣ черезъ друзей Бѣлинскаго, Кетчера, Щепкина и Корша справки о положеніи его семьи и о томъ, приметъ ли его вдова пенсію отъ Литерфонда. Оказалось, что М. В. Бѣлинская занимала въ это время должность кастелянши въ Московскомъ Александровскомъ училищѣ съ жалованіемъ (при готовой квартирѣ) въ 145 р. въ годъ. Дочери Бѣлинскаго шелъ въ это время 14-й годъ и средствъ на воспитаніе ея не было. М. В. Бѣлинская, принявъ съ благодарностью отъ Лит. фонда пенсію въ 600 р. въ годъ, особенно въ виду нуждъ на воспитаніе дочери, получала ее въ этомъ размѣрѣ до конца 1865 г. 2 августа 1865 г. она извѣстила комитетъ фонда, что положеніе ея улучшилось, такъ какъ воспитаніе дочери окончилось, и просила сократить пенсію вдвое, или, въ случаѣ затруднительности для комитета выдавать и такую сокращенную пенсію, прекратить ее вовсе. Комитетомъ положено было выдавать по 300 р. въ годъ, согласно желанію М. В. Бѣлинской, и въ этомъ размѣрѣ пенсія производилась ей до ея смерти.

[2]) О фактѣ нахожденія своихъ родныхъ въ крѣпостномъ состояніи самъ Т. Г. Шевченко упомянулъ съ горечью въ своей автобіографіи, напечатанной въ 1860 г. въ журналѣ „Чтеніе для Народа“, откуда фактъ этотъ былъ перепечатанъ во всѣхъ газетахъ и журналахъ того времени. Срав. Воспоминанія Л. Ф. Пантелѣева, ч. I, стр. 171.

Такъ въ первый же годъ своего существованія, благодаря энергіи своего комитета и всеобщему сочувствію, новооткрытое общество сразу удачно и прочно стало на рельсы. Направленіе, принятое первымъ комитетомъ, послужило основаніемъ и вмѣстѣ залогомъ успѣха для всей послѣдующей дѣятельности Литературнаго фонда.

II.

Процессъ накопленія капитала Литературнаго фонда.

Вся пятидесятилѣтняя дѣятельность Литературнаго фонда можетъ быть раздѣлена по своему содержанію на слѣдующіе отдѣлы: 1) накопленіе матеріальныхъ средствъ; 2) денежныя и матеріальныя пособія литераторамъ и ученымъ или ихъ семействамъ; 3) издательская дѣятельность Литературнаго фонда; 4) невещественныя пособія и услуги писателямъ и ученымъ; 5) профессіональное представительство интересовъ печати и 6) просвѣтительная дѣятельность Литературнаго фонда.

Характеръ и въ особенности размѣры дѣятельности Литературнаго фонда по оказанію денежныхъ пособій писателямъ и ихъ семьямъ зависѣли, разумѣется, прежде всего отъ развитія денежныхъ средствъ самаго Общества. Источниками дохода Литературнаго фонда, какъ мы уже упоминали, служили: 1) членскіе взносы и постоянныя пособія Императора, членовъ Императорской фамиліи и министерства народнаго просвѣщенія; 2) пожертвованія, отказы въ духовныхъ завѣщаніяхъ и процентныя отчисленія съ дохода отъ разныхъ литературныхъ изданій; 3) ежегодный доходъ съ наличныхъ капиталовъ и имуществъ Литературнаго фонда; 4) доходы отъ спектаклей, концертовъ, чтеній, лекцій, выставокъ и т. п. предпріятій и 5) доходы отъ изданій Литературнаго фонда.

Членскіе взносы раздѣлялись по уставу на ежегодные и пожизненные, при чемъ размѣры тѣхъ и другихъ опредѣлялись самими членами при самомъ вступленіи въ общество, ежегодные однако же не ниже 10 рублей и единовременные (пожизненные) не ниже 100 р.

Въ первый же годъ существованія фонда Императоръ Александръ II назначилъ обществу ежегодное пособіе изъ суммъ кабинета Его Величества въ 1.000 р. въ годъ; нѣкоторые изъ членовъ Императорской фамиліи назначили въ свою очередь изъ собственныхъ суммъ годичныя пособія въ размѣрѣ нѣсколькихъ сотъ рублей

въ годъ. Наконецъ изъ лицъ, вступившихъ въ члены Литературнаго фонда, нѣкоторыя сдѣлали болѣе или менѣе крупные пожизненные вклады, другія обязались вносить ежегодно по 50, по 100, по 200, по 300 и даже по 500 рублей. Вообще въ первый же годъ въ новое общество вступило вмѣстѣ съ членами-учредителями, приглашенными въ первое собраніе, 368 членовъ. Число членовъ, возрастая ежегодно, дошло къ 1865 году до 634, но, къ сожалѣнію, большая часть изъ нихъ не платила положенныхъ взносовъ, такъ что въ 1865 г. изъ 634 членовъ (изъ которыхъ лишь около 100 человѣкъ были пожизненные) уплатили годичные взносы только 73 человѣка, въ 1866 г.—изъ 643—82. Въ 1868 г., когда комитетъ рѣшился наконецъ прибѣгнуть къ исключенію изъ списка членовъ упорныхъ недоимщиковъ, число членовъ, платящихъ свои взносы и уплатившихъ недоимки, оказалось всего лишь 251, при чемъ они уплатили въ этотъ годъ свыше 9.200 рублей взносовъ и недоимокъ. Въ 1869 г., черезъ 10 лѣтъ послѣ открытія общества, въ немъ оказалось, послѣ провѣрки членскихъ списковъ, произведенной въ 1868 г., всего 336 членовъ, изъ которыхъ около 100 были пожизненные.

Публика, отнесшаяся съ такимъ увлеченіемъ и горячимъ сочувствіемъ къ интересамъ Литературнаго фонда въ моментъ его открытія, со второго же года его существованія стала замѣтно охладѣвать. Сперва это охлажденіе объяснялось тѣмъ, что растущее освободительное движеніе увлекло наиболѣе воспріимчивую часть публики къ другимъ, болѣе острымъ, интересамъ тогдашняго боевого момента—къ поддержанію молодежи во время и послѣ студенческихъ волненій и къ органи заціи воскресныхъ школъ для освободившагося изъ крѣпостного состоянія народа. Затѣмъ, послѣ петербургскихъ пожаровъ 1862 г. и польскаго возстанія, наступила въ нѣкоторыхъ кругахъ общества реакція, и прежнее чрезвычайно напряженное, чтобы не сказать революціонное, настроеніе, державшееся и развивавшееся въ теченіе ряда лѣтъ, смѣнилось упадкомъ общественнаго интереса, прострацiей и равнодушіемъ къ общественнымъ дѣламъ.

Послѣ мѣръ, принятыхъ комитетомъ въ 1868 году, членскіе взносы отъ уменьшившагося числа членовъ нѣкоторое время поступали довольно исправно. Въ 1870 г. изъ 363 членовъ (въ числѣ которыхъ около 100 были пожизненные) уплатили взносы 269—всего 5.704 р. Затѣмъ число членовъ изъ года въ годъ понемногу прибывало и къ 1877 году снова достигло 576, причемъ взносы ихъ доставляли въ кассу общества 6.770 руб. Но въ слѣдующій годъ сумма взносовъ упала до цифры 4.987 р., хотя число членовъ увеличилось

до 585 человѣкъ. Въ слѣдующіе затѣмъ годы число членовъ все прибывало, а сумма взносовъ уменьшалась, такъ что къ концу перваго двадцатипятилѣтія фонда въ 1883 г. число членовъ достигло уже 781, а сумма годичныхъ взносовъ упала до цифры 3.472 рублей и такимъ образомъ дѣло опять возвратилось въ то положеніе, въ какомъ оно было передъ генеральной провѣркой 1868 года—болѣе половины членовъ не считали себя обязанными платить взносы. Съ 1884 г., подъ вліяніемъ мѣръ, принятыхъ противъ недоимщиковъ, число членовъ опять нѣсколько уменьшается; но исправность въ платежахъ не увеличивается. Въ 1885 г. всѣхъ членовъ было 728, изъ нихъ пожизненныхъ—133; изъ остальныхъ 595 человѣкъ 10 чел. внесли 1.000 руб., а остальные 585—всего 2.672 р. Очевидно, большая часть не платила. Въ началѣ 90-хъ годовъ поступленіе взносовъ падаетъ еще ниже, спускаясь въ 1891 г. до суммы 2 382 р. при 752 членахъ. Въ 1894 г. комитетъ рѣшается опять сдѣлать генеральную провѣрку списковъ, исключаетъ до 175 недоимковъ и повторяетъ это и въ слѣдующіе годы. Число членовъ съ 770 спускается къ 1897 г., несмотря на ежегодныя вступленія новыхъ лицъ, до 491; но взносы продолжаютъ, несмотря на постоянныя напоминанія комитета и на исключеніе неисправныхъ членовъ, поступать плохо, и въ 1897 г. едва достигаютъ 2.740 р., при чемъ въ этой суммѣ заключается крупный годичный взносъ А. Ф. Маркса—1000 р. Наконецъ, въ послѣднее десятилѣтіе самый благопріятный въ отношеніи поступленія членскихъ взносовъ годъ былъ 1903, когда при 402 членахъ (изъ нихъ 118 пожизненныхъ) годовыхъ членскихъ взносовъ поступило 4.525 р. Остальные года этого десятилѣтія были значительно хуже и къ 1 января 1908 г. въ обществѣ состояло всего 83 пожизненныхъ члена и 338 дѣлающихъ взносы, при чемъ поступило отъ нихъ (въ теченіе 1907 г.) всего 1.870 рублей.

Такимъ образомъ, если бы развитіе дѣла Литературнаго фонда зависѣло отъ членскихъ взносовъ, то оно оказалось бы къ концу пятидесятилѣтія въ весьма безотрадномъ состояніи. Къ счастью, другіе источники доходовъ Литературнаго фонда оказались гораздо надежнѣе.

Впрочемъ, упомянутыя выше обстоятельства, неблагопріятно повліявшія въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ на общественное настроеніе, отразились въ то время и на другихъ источникахъ дохода Литературнаго фонда.

Пожертвованія въ срединѣ и въ концѣ шестидесятыхъ годовъ притекали довольно скупо, а доходы съ любительскихъ спектаклей, концертовъ, чтеній и лекцій, которые такъ обогатили кассу фонда въ 1860 г., поступали въ 1861 и 1862 почти цѣликомъ на нужды

молодежи и воскресныхъ школъ[1]). Въ 1862—63 г. г., послѣ пріостановки на 8 мѣсяцевъ „Современника“ и „Русскаго Слова“, послѣ заключенія въ крѣпость Чернышевскаго (который былъ однимъ изъ членовъ комитета Литературнаго фонда) и закрытія отдѣленія Литературнаго фонда, завѣдывавшаго въ 1862 г. распредѣленіемъ пособій между нуждающимися студентами, отъ новаго общества отшатнулись всѣ тѣ, кто испугался тогда нигилистическаго движенія, призракъ котораго наиболѣе пугливымъ обывателямъ сталъ въ то время мерещиться чуть не въ каждомъ общественномъ начинаніи[2]). Въ 1862 г. ревизіонная комиссія Литературнаго фонда высказала убѣжденіе, что минимальная цифра пособій, ежегодно распредѣляемыхъ комитетомъ Литературнаго фонда, можетъ быть смѣло опредѣлена въ 12000 рублей, но уже въ слѣдующемъ 1863 г. доходъ Литературнаго фонда упалъ съ 13.000 на 9.000 и не поднимался выше этого уровня и въ два слѣдующіе года, а въ 1866 году, послѣ паники, наступившей вслѣдъ за Каракозовскимъ выстрѣломъ, онъ упалъ ниже 5.000 рублей, такъ что, несмотря на пониженіе всѣхъ статей расхода, общество не могло избѣжать въ этотъ годъ дефицита (около 1000 руб.), для покрытія котораго пришлось поступиться частью накопленнаго капитала.

Однако, въ слѣдующемъ 1867 г., тучи, собравшіяся было надъ молодымъ учрежденіемъ, разсѣялись. Литературный фондъ оказался однимъ изъ учрежденій освободительной эпохи, устоявшимъ въ дни невзгодъ, конечно, въ значительной мѣрѣ благодаря такту своихъ руководителей. Общій доходъ его въ этотъ годъ вновь превысилъ 12.000 рублей, съ тѣмъ, чтобы уже ниже этой цифры никогда не спускаться. Въ слѣдующемъ 1868 г. доходъ фонда превысилъ даже 18.000 руб. Къ концу перваго десятилѣтія, расходуя въ среднемъ около 9.000 руб. въ годъ на пособія, комитету Литературнаго фонда удалось скопить въ то же время капиталъ безъ малаго въ 50.000 рублей (49.925 р. 20 к.), такъ что въ печати стали даже высказываться упреки, что комитетъ болѣе заботится о накопленіи капитала, нежели о спасеніи нуждающихся, иногда находящихся въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ[3]).

---

[1]) Такъ изъ 2.206 руб., собранныхъ въ 1862 г. съ концерта-спектакля, устроеннаго Тибленомъ и Александромъ Серно-Соловьевичемъ, 2.000 руб., по желанію устроителей были, переданы для раздачи нуждающимся студентамъ А. Н. Пыпину.

[2]) Въ 1863—64 г. г. отказались отъ участія въ Литературн. фондѣ писатели: *П. К. Щебальскій*, *П. А. Ефремовъ* (впослѣдствіи, въ 1873 г., вступилъ вновь и принималъ дѣятельное участіе въ комитетѣ фонда въ семидесятыхъ годахъ) и *А. Ф. Писемскій*.

[3]) Такой упрекъ высказывался во внутреннемъ обозрѣніи „Отечествен. Записокъ“ за 1869 г.

Въ слѣдующее затѣмъ пятилѣтіе ежегодный доходъ общества непрерывно увеличивался съ 13.238 руб. 80 к. въ 1870 г. до 21.918 руб. 90 к.—въ 1874, при чемъ и расходъ на пособія въ этотъ же 1874 годъ достигъ солидной цифры 21.416 руб.

Въ 1875 г. капиталъ общества (исчисленный по нарицательной стоимости бумагъ, въ которыхъ онъ находился) составлялъ уже 67.282 рубля, и вмѣстѣ съ собраннымъ послѣ смерти Е. П. Ковалевскаго († въ 1868 г.) спеціальнымъ капиталомъ на стипендіи его имени достигъ 77.153 р. Въ слѣдующіе затѣмъ 1876—1878 г. г., вслѣдствіе событій на Балканскомъ полуостровѣ и турецкой войны 1877—1878 г. г., дѣла общества естественно пошатнулись и ему опять пришлось, какъ въ 1866 г., встрѣтиться съ дефицитомъ, который въ 1877 и 1878 годахъ пришлось покрыть въ суммѣ 3.706 р. изъ накопленнаго ранѣе капитала. Зато вслѣдъ за заключеніемъ мира въ 1879 году доходъ общества достигъ небывалой цифры 32.674 р., при чемъ въ составъ его входило первое единовременное крупное пожертвованіе въ суммѣ 6100 руб. по завѣщанію генералъ-майора Мартынова. 1880 г. былъ также благопріятенъ, но зато 1881 и 1882 года, вслѣдствіе всеобщей смуты и паники, вызванной событіемъ 1 марта 1881 г., принесли опять дефицитъ въ 4.087 рублей.

Вообще въ десятилѣтіе съ 1875—1884 г. ежегодный доходъ Литературнаго фонда колебался между 13.096 руб. (—въ 1878 г.) и 32.764 р. (—въ 1879); расходъ же—между 16.859 р. (—въ 1878) и 21.487 руб. (—въ 1881). Благодаря дефицитамъ 1876—1878 и 1881—1882 г. г. и растущимъ неизбѣжно расходамъ, накопленіе капитала въ періодъ 1870—1884 г. г. шло медленнѣе, нежели въ первое десятилѣтіе, и къ концу перваго двадцатипятилѣтія капиталъ фонда едва превышалъ 90.000 р. Во второе двадцатипятилѣтіе накопленіе капитала Литературнаго фонда пошло гораздо быстрѣе благодаря ряду крупныхъ пожертвованій, частью денежныхъ, частью въ видѣ завѣщаній и передачъ авторскихъ правъ на литературныя произведенія. Починъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ оказалось, самый блестящій успѣхъ въ этомъ дѣлѣ выпалъ на долю покойнаго Надсона, которому при жизни его Литературный фондъ въ свою очередь приходилъ на помощь, когда молодой даровитый поэтъ изнемогалъ въ борьбѣ съ одолѣвавшимъ его смертельнымъ недугомъ. Посмертный даръ поэта далъ обществу капиталъ, который, при ежегодномъ употребленіи процентовъ съ него на пособія нуждающимся писателямъ, дошелъ въ настоящее время до цифры 124.000 руб., превысивъ болѣе нежели въ 100 разъ ту скромную помощь, которую Литературный фондъ успѣлъ въ свое время оказать больному поэту.

Такимъ же образомъ, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ, образовался капиталъ имени Гаршина отъ изданія и продажи его сочиненій, права на которыя были переданы наслѣдниками Гаршина Литературному фонду. Вдова В. М. Гаршина Надежда Михайловна и братъ его Евгеній Михайловичъ пожертвовали въ пользу Литературнаго фонда принадлежавшія имъ наслѣдственныя доли; а затѣмъ Я. Г. Гуревичемъ, пріобрѣтена была у Георгія Михайловича Гаршина остальная доля наслѣдства и также пожертвована фонду, такъ что съ 1890 г. Литературный фондъ сдѣлался полнымъ владѣльцемъ всего литературнаго наслѣдія Всеволода Михайловича Гаршина.

Капиталъ Гаршина достигъ въ настоящее время 52.000 руб. Позже положено было такимъ же образомъ начало капиталамъ: Г. А. Джаншіева, который сверхъ правъ на свои сочиненія завѣщалъ еще Литературному фонду 2.000 руб. въ капиталъ имени Н. Г. Чернышевскаго; Н. А. Бѣлоголоваго, вдова котораго, С. П. Бѣлоголовая, и ранѣе жертвовавшая крупныя денежныя суммы, передала Литературному фонду въ 1900 году права на „Воспоминанія“, Н. А. Бѣлоголоваго, и Н. И. Костомарова, вдова котораго А. Л. Костомарова завѣщала Литературному фонду право собственности на всѣ сочиненія своего покойнаго мужа съ тѣмъ, чтобы были учреждены изъ доходовъ отъ нихъ въ Харьковскомъ университетѣ двѣ стипендіи, по 400 р. каждая—одна имени Н. И. Костомарова, другая имени покойной дочери завѣщательницы С. М. Котельниковой,—остальная же сумма по ея образованіи была бы зачислена въ неприкосновенный капиталъ общества. Капиталы эти будутъ расти, по мѣрѣ того, какъ будутъ продаваться и вновь издаваться принадлежащія Литературному фонду сочиненія этихъ писателей, такъ какъ на текущія нужды расходуются лишь проценты съ означенныхъ капиталовъ [1]).

Нѣкоторые писатели и дѣятели литературы, которымъ удалось скопить болѣе или менѣе значительныя средства при помощи писательской или издательской дѣятельности, дѣлали одни при жизни, другіе по духовнымъ завѣщаніямъ—болѣе или менѣе щедрыя пожертвованія. Изъ такихъ пожертвованій на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ упомянуть о завѣщаніи въ пользу Литературнаго фонда всего своего состоянія Г. З. Елисеевымъ, который, какъ мы ниже увидимъ, въ свое время сильно нападалъ на дѣятельность Литературнаго фонда, а затѣмъ настолько убѣдился въ несправедливости сво-

---

[1]) На издательской дѣятельности Литературнаго фонда мы еще остановимся ниже.

ихъ нападеній, что завѣщалъ фонду все свое состояніе, скопленное литературнымъ трудомъ всей его жизни (всего около 54.000 рублей). Извѣстный издатель Ф. Ф. Павленковъ завѣщалъ фонду 30.000 рублей. Наслѣдники извѣстнаго педагога К. Д. Ушинскаго пожертвовали въ капиталъ его имени 19.000 рублей. По завѣщанію другого извѣстнаго писателя-педагога Н. Ф. Бунакова Литературный фондъ получилъ 34.208 р., изъ которыхъ, по волѣ завѣщателя, 10.000 р. поступили въ число именныхъ капиталовъ фонда, не имѣющихъ спеціальнаго назначенія, а 24.208 руб. составили особый капиталъ для выдачи стипендій учащимся. По духовному завѣщанію извѣстнаго издателя „Нивы“ А. Ф. Маркса получено фондомъ 6.000 руб., по духовному завѣщанію А. А. Давыдовой—1.600 рублей.—Частью по завѣщанію, частью пожертвованіями при жизни А. А. Краевскаго и В. П. Гаевскаго составились капиталы имени перваго изъ нихъ въ 13.250 р., а имени второго въ 12.500 р. Покойный поэтъ А. Н. Плещеевъ еще при жизни пожертвовалъ фонду 25.000 рублей. Академикъ Янжулъ пожертвовалъ 1.000 рублей.

Въ память нѣкоторыхъ писателей и дѣятелей литературы ихъ почитателями собраны были и внесены въ Литературный фондъ въ разное время болѣе или менѣе значительные капиталы; такъ въ память Чернышевскаго разными лицами составленъ капиталъ въ 20.003 руб. [1]); въ память Салтыкова собрано 17.416 р. 64 к., въ память Тургенева—14.478 р. 40 к., при чемъ въ этой суммѣ заключается крупное пожертвованіе въ 10.000 р., сдѣланное въ 1901 г. Н. Л. Серебряковымъ въ память своего брата Л. Л. Серебрякова; въ память Михайловскаго—8.973 р. 75 к., при чемъ значительная часть этой суммы образовалась отъ выручки за сборникъ „На славномъ посту“, составленный и изданный въ 1900 г. друзьями и почитателями Михайловскаго и переизданный Литературнымъ фондомъ въ 1905 г.; Жуковскаго—3.261 р. 80 к.; Гербеля и его жены—3.000 р.; А. Н. Скроботова—2.000 р.; П. А. Гайдебурова—1.764 р., Шеллера (Михайлова)—1.316 р. 05 к.; Э. К. Ватсона—1.200 р.; Б. И. Утина—1.000 р.; Н. А. Некрасова—925 р. 50 к.; В. А. Манассеина—606 р.; Добролюбова и Лермонтова по 500 р. А. М. Унковскаго и Шевченко по 400 р.; А. И. Чупрова—200 р. (пожертвовано въ 1908 г. Л. Ф. Пантелѣевымъ); Кольцова—112 р.

Нѣкоторые изъ книгопродавцевъ сдѣлали болѣе или менѣе значительныя пожертвованія, независимо отъ ежегодныхъ взносовъ, платившихся многими изъ нихъ въ первые годы дѣятельности

---

[1]) Большая часть этой суммы пожертвована однимъ лицомъ, пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ.

фонда. Такъ И. Т. Лисенковъ внесъ 1.000 р. еще въ 1860 г. и нѣсколько лѣтъ спустя предлагалъ пожертвовать еще 5.000 р., но на условіяхъ, которыя комитетъ призналъ неудобными (см. ниже). И. И. Глазуновъ внесъ въ 1881 г. 500 р. взамѣнъ прежде вносившихся имъ ежегодныхъ взносовъ.

Нѣкоторыя лица, непринадлежащія къ числу литераторовъ и ученыхъ, дѣлали въ разное время (преимущественно во второе двадцатипятилѣтіе) крупныя пожертвованія и отказы въ пользу фонда въ своихъ духовныхъ завѣщаніяхъ. Такъ, еще въ 1872 г. умершій въ Петербургѣ д. с. с. Тимофѣевъ завѣщалъ въ пользу фонда 1.200 р. и въ томъ же году умершій въ Вологдѣ Н. М. Васильевскій въ неприкосновенный капиталъ общества—300 р., затѣмъ въ 1890 г. О. К. Палашковская (урожденная Арцимовичъ) завѣщала Литературному фонду недвижимое имѣніе въ Смоленской губерніи съ правомъ пожизненнаго пользованія имъ ея родныхъ, причемъ послѣ окончательной реализаціи этого дара Литературный фондъ получилъ 31.680 р. 65 к. Извѣстный филантропъ и ревнитель просвѣщенія И. М. Сибиряковъ пожертвовалъ въ память своей сестры А. М. Кладищевой капиталъ въ 10.000 р., генералъ-майоръ Н. П. Мартыновъ завѣщалъ обществу 6.100 р., И. Н. Павлова завѣщала фонду 6.000 р.; П. П. Боткинъ—5.000 р. А. А. Сахарова—1.906 р.; земскій врачъ С. А. Чернышевъ, скопившій благодаря спартанскому образу жизни изъ своихъ скудныхъ заработковъ небольшой капиталъ, завѣщалъ фонду—1.000 р; М. С. Скребицкая пожертвовала 1.000 р., А. В. Владимірскій—1.000 р. генералъ-лейтенантъ Костогоровъ—300 руб. Наконецъ, нѣкоторыя лица и редакціи жертвовали разныя болѣе или менѣе крупныя суммы въ неприкосновенный капиталъ Литературнаго фонда, не присваивая этимъ пожертвованіямъ никакого особеннаго наименованія. Таковы многократныя пожертвованія Л. Ф. Пантелѣева, редакціи „Русскихъ Вѣдомостей“, Московскаго литературно-художественнаго кружка и др.

Независимо отъ этого въ разное время Литературному фонду жертвовались капиталы, собранные въ память отдѣльныхъ дѣятелей литературы, со специальнымъ назначеніемъ. Таковъ капиталъ въ 10.400 руб. имени Е. П. Ковалевскаго, собранный послѣ его смерти на стипендіи для двухъ студентовъ харьковскаго университета, и капиталъ имени В. Ф. Корша (также для выдачи стипендій учащимся), собранный въ 1875 г. его почитателями. (2130 р.) [1].

---

[1]) Къ этой же рубрикѣ капиталовъ слѣдуетъ отнести и изъ завѣщанныхъ Н. Ф. Бунаковымъ 24. 208 р.

Таковъ же небольшой капиталъ имени О. М. Достоевскаго на воспитаніе дѣтей писателей (810 р.).

Благодаря всѣмъ этимъ пожертвованіямъ принадлежащіе Литературному фонду капиталы (не считая капиталовъ В. О. Михневича и Н. Ф. фонъ-Дамича, о которыхъ будетъ сказано ниже) вмѣстѣ съ общимъ неприкосновеннымъ капиталомъ достигаютъ въ настоящее время суммы 625.011 р. 20 к. [1].

Наконецъ, особо стоятъ крупные отказы въ пользу Литературнаго фонда по завѣщаніямъ Н. Ф. Дамича, В. О. Михневича и В. Ф. Голубева.

Въ 1889 г. отставной генералъ-майоръ Николай Фердинандовичъ фонъ-Дамичъ, жившій въ Тифлисѣ, составилъ духовное завѣщаніе, которымъ отказалъ всѣ принадлежавшіе ему капиталы (за исключеніемъ 10. 000 р. и разнаго движимаго имущества, завѣщанныхъ двумъ частнымъ лицамъ) Литературному фонду съ тѣмъ, чтобы изъ капиталовъ этихъ составленъ былъ неприкосновенный фондъ, проценты съ котораго въ половинной части причислялись бы ежегодно къ капиталу и въ половинной же расходовались бы на поставленныя жертвователемъ цѣли. Цѣли эти соотвѣтствовали пунктамъ в, г и д § 5 устава Литературнаго фонда и сводились главнымъ образомъ къ желанію помочь труженикамъ науки и литературы, сосредоточить ихъ силы на созданіи полезныхъ ученыхъ и литературныхъ произведеній. „Зная,—писалъ г. фонъ-Дамичъ въ своемъ завѣщаніи,—что люди ученаго и литературнаго труда лучшая интеллигенція страны, я потому и передаю свой остальной капиталъ обществу для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. При этомъ жертвователь оговаривался, что онъ не желаетъ, чтобы пожертвованныя имъ деньги „шли на помощь воспитанія малолѣтковъ, изъ которыхъ неизвѣстно, что выйдетъ, или чтобы раздавали ихъ бѣднымъ и убогимъ, а непремѣнно людямъ, могущимъ приносить пользу отечеству“. Поэтому онъ, согласно вышеуказаннымъ пунктамъ § 5 устава Литературнаго фонда, требовалъ, чтобы пособіями изъ доходовъ съ пожертвованнаго имъ капитала пользовались: „а) авторы полезнаго ученаго или литературнаго произведенія, которые по недостатку средствъ не могутъ издать своего сочиненія, б) ученые или литераторы, для пополненія своихъ свѣдѣній, или для совершенія предпринятаго ими ученаго труда, имѣющіе надобность посѣтить чужіе края, но не имѣющіе къ тому способовъ, и в) молодые

---

[1]) Въ эту сумму входятъ и капиталы, назначенные на развитіе издательской дѣятельности Литературнаго фонда: Пушкинскій (21.268 р. 75 к.) и А. А. Котляревскаго (1.000 р.).

люди, выказавшіе несомнѣнную даровитость и призваніе къ ученой или литературной дѣятельности, но не имѣющіе средствъ къ довершенію своего образованія". Жертвователь ставилъ однако условіе, чтобы всѣ эти лица были „русскіе подданные преимущественно русскаго происхожденія" и исключалъ лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія. Впослѣдствіи, когда капиталъ значительно возрастетъ, завѣщатель предоставлялъ обществу расширить его назначеніе.

Душеприказчикомъ по исполненію этого завѣщанія назначенъ былъ братъ завѣщателя А. Ф. фонъ-Дамичъ. Послѣ смерти завѣщателя въ 1896 г. окружной судъ отказалъ однако же въ утвержденіи этого завѣщанія вслѣдствіе нарушенія нѣкоторыхъ формальностей. Но душеприказчикъ А. Ф. Дамичъ, который въ случаѣ неутвержденія завѣщанія являлся бы прямымъ наслѣдникомъ всего этого имущества, безкорыстно и настойчиво исполняя волю покойнаго брата, перенесъ дѣло въ слѣдующую инстанцію и добился утвержденія завѣщанія, лишавшаго его наслѣдства, въ судебной палатѣ. Въ общемъ собраніи Литературнаго фонда 2 февраля 1897 г. пожертвованіе Н. Ф. Дамича было принято, и А. Ф. Дамичу была принесена глубокая благодарность, и пожертвованному капиталу, согласно волѣ жертвователя, заведенъ былъ особый счетъ.

По оцѣнкѣ душеприказчика капиталъ этотъ, состоявшій въ различныхъ бумагахъ и паяхъ промышленныхъ предпріятій, былъ исчисленъ въ суммѣ 42. 300 рублей, но затѣмъ, когда бумаги эти были реализованы и капиталъ, согласно желанію завѣщателя, превращенъ былъ въ государственныя бумаги и исчисленъ по нарицательной ихъ цѣнности, то сумма эта понизилась до 37.000 рублей. Въ настоящее же время съ причисленными къ нему процентами, за исключеніемъ суммъ израсходованныхъ за эти годы на опредѣленныя въ завѣщаніи цѣли, капиталъ этотъ къ 1 января 1909 г. составлялъ 41.996 р. 33 к.

Извѣстный писатель-публицистъ В. О. Михневичъ, умершій въ 1899 г., завѣщалъ Литературному фонду $^2/_3$ своего недвижимаго имущества, заключавшагося въ усадьбѣ съ пятью деревянными домами, находящейся въ Петербургѣ между Песочной улицей и набережной рѣки Карповки, съ тѣмъ, что имущество это должно поступить въ собственность фонда лишь по смерти жены завѣщателя, которая до того времени имѣетъ право получать весь доходъ съ этого имущества. При этомъ, однако же вдовѣ г. Михневича по завѣщанію его, предоставлялось продать эту усадьбу, передавъ соотвѣтствующую часть реализованнаго отъ продажи капитала Литературному фонду на тѣхъ же условіяхъ, т. е. съ правомъ г-жи Михневичъ пожизненно пользоваться процентами съ этой суммы. Въ завѣщаніи было

выражено пожеланіе, чтобы на пожертвованныя средства устроено было убѣжище для инвалидовъ науки и литературы.

Почти въ то же время, а именно съ 1898 г., инженеръ Викторъ Федоровичъ Голубевъ сталъ ежегодно вносить на нужды Литературнаго фонда по 6.000 руб., а передъ своей смертью, послѣдовавшею въ 1903 году, сдѣлалъ распоряженіе своимъ наслѣдникамъ передать Литературному фонду капиталъ въ 150.000 руб. съ тѣмъ, чтобы на эти деньги устроено было общежитіе для литераторовъ, нуждающихся въ дешевыхъ и удобныхъ помѣщеніяхъ, гдѣ они спокойно могли бы работать. Сыновья В. Ф. Голубева, Левъ Викторовичъ и Викторъ Викторовичъ, свято выполнили волю отца, хотя и не оформленную въ какомъ-либо документѣ, и передали въ кассу Литературнаго фонда въ 1903 г. 150.000 рублей.

Въ видахъ осуществленія желаній обоихъ завѣщателей: В. Ф. Голубева и В. О. Михневича, рѣшено было совершить раздѣльный актъ съ г-жею Михневичъ, при чемъ она согласилась передать Литературному фонду всю усадьбу между Песочной ул. и набережной рѣки Карповки, пространствомъ около 1800 кв. сажень, съ пятью деревянными домами, построенными въ прежнее время для дачъ, по 55 руб. за кв. сажень, съ тѣмъ, чтобы изъ покупной суммы г-жѣ Михневичъ было выдано 30.000 руб., а 60.000 рублей обращены въ неприкосновенный капиталъ имени В. О. Михневича, % съ котораго, въ суммѣ 2565 рублей ежегодно, Литературный фондъ обязанъ выдавать г-жѣ Михневичъ до ея смерти. Дома на усадьбѣ Михневича были заложены еще завѣщателемъ въ кредитномъ обществѣ въ суммѣ 8.165 рублей. Долгъ этотъ былъ выкупленъ Литературнымъ фондомъ, и такимъ образомъ, израсходовавъ изъ пожертвованной В. Ф. Голубевымъ суммы около 100.000 руб. и вложивъ остальные 50.000 р. въ устройство и оборудованіе особаго каменнаго дома съ дешевыми квартирами для одинокихъ писателей и ученыхъ, Литературный фондъ полностью превратилъ пожертвованный Голубевымъ капиталъ въ недвижимое имущество со спеціальной цѣлью доставлять дешевыя и удобныя помѣщенія для нуждающихся въ нихъ писателей. На судьбѣ этого учрежденія намъ придется еще остановиться въ своемъ мѣстѣ; здѣсь же мы имѣли въ виду главнымъ образомъ лишь выясненіе всѣхъ принадлежащихъ литературному фонду имуществъ и капиталовъ.

Изъ изложеннаго видно, что къ концу пятидесятилѣтія Литературнаго фонда общая цѣнность принадлежащихъ ему однихъ только денежныхъ капиталовъ, сильно возросшая, благодаря крупнымъ пожертвованіямъ отдѣльныхъ лицъ, составляетъ болѣе 700.000 рублей, дающихъ за вычетомъ 2.565 р. выдаваемыхъ пожизненно г-жѣ

Михневичъ, ежегоднаго дохода, болѣе 23.000 рублей. Независимо отъ этого, фонду принадлежитъ крупная недвижимая собственность въ видѣ усадьбы съ домами, цѣнностью около 150.000 р., и сверхъ того права на изданіе цѣлаго ряда произведеній различныхъ авторовъ, которыя уже послужили, какъ мы видѣли, въ значительной мѣрѣ къ возрастанію денежныхъ средствъ фонда. Такимъ образомъ въ концѣ своего пятидесятилѣтняго существованія фондъ является владѣльцемъ весьма значительнаго состоянія.

Констатируя этотъ благопріятный результатъ пятидесятилѣтней дѣятельности общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, приходится однако же съ грустью отмѣтить, что образованіемъ этого значительнаго капитала Литературный фондъ обязанъ не всему русскому образованному обществу, не массѣ читателей и почитателей науки и литературы, а главнымъ образомъ сравнительно немногочисленнымъ, но щедрымъ жертвователямъ.

Въ этомъ отношеніи надежды на сочувствіе и поддержку широкихъ общественныхъ круговъ, казавшіяся въ первый годъ существованія фонда столь блестящими, впослѣдствіи не осуществились. Всего рѣзче это сказалось, какъ мы уже видѣли, на томъ фактѣ, что число членовъ, колебавшееся по отдѣльнымъ годамъ между 336 и 781, въ концѣ пятидесятилѣтія выражается скромною цифрою въ 400 человѣкъ, при чемъ значительная часть изъ нихъ, а въ нѣкоторые годы даже большинство, своихъ взносовъ не платятъ. Другой столь же печальный фактъ—полная неудача всѣхъ формъ процентныхъ отчисленій: съ подписчиковъ, съ читателей, съ каждой проданной книги и т. п., несмотря на крайнюю умѣренность нормъ этихъ отчисленій, предлагавшихся ихъ иниціаторами. Въ началѣ публика, въ особенности же лица, непосредственно прикосновенныя къ литературѣ, какъ будто охотно шли на это, и одно время—въ первые два года существованія фонда—такія отчисленія обѣщали, какъ будто, войти у насъ въ обычай и сдѣлаться серьезной статьей ежегодныхъ доходовъ Литературнаго фонда. Цѣлый рядъ издателей газетъ и журналовъ положили платить по копейкѣ, нѣкоторые по $1/2$ коп., а одинъ—гр. Кушелевъ-Безбородко, издатель „Русскаго Слова“ въ (1859—60 гг.) — даже по 25 коп. съ подписчика, — книгопродавцы и издатели книгъ — по 1 коп. съ каждаго проданнаго экземпляра книги, авторы статей и литературныхъ произведеній—извѣстный процентъ съ гонорара, — Тургеневъ, напримѣръ, 5%. Нашелся даже одинъ содержатель пансіона для мальчиковъ (г. Шакѣевъ), который обязался платить (и дѣйствительно платилъ въ 1861—62 гг.) по 1 рублю въ годъ съ каждаго воспитанника. Учителя, чиновники, офицеры отчисляли извѣстный

процентъ изъ жалованья. Но все это продолжалось очень недолго. Изъ газетъ и журналовъ лишь „Современникъ", „Отечественныя записки" и „С.-Петербургскія вѣдомости" (при В. Ф. Коршѣ) платили свои взносы въ теченіи ряда лѣтъ.

Впослѣдствіи комитетъ Литературнаго фонда и отдѣльные его члены нѣсколько разъ пытались возстановить подобнаго рода сборы, подъ именемъ „Дружининской копейки" и „Читательскаго рубля", но всѣ такія попытки не имѣли успѣха, и самый большой сборъ, какой давала „Дружининская копейка" не превышалъ 150 р. въ годъ, а „Читательскій рубль" не давалъ и того, выражаясь обыкновенно лишь въ нѣсколькихъ рубляхъ въ годъ.

Что касается предпріятій, къ которымъ комитетъ Литературнаго фонда и отдѣльныя сочувствующія ему лица прибѣгали для усиленія средствъ общества, то между ними необходимо различать два рода предпріятій: къ одной группѣ слѣдуетъ причислить устройство концертовъ, спектаклей, чтеній, литературныхъ утръ и вечеровъ, выставокъ и разныхъ юбилейныхъ торжествъ; къ другой группѣ—издательскую дѣятельность комитета.

Доходы съ предпріятій перваго рода шли на текущія нужды того года, когда они получались, доходы же съ изданій Л. фонда причислялись къ соотвѣтствующимъ именнымъ капиталамъ.

Мы уже видѣли, какимъ шумнымъ успѣхомъ пользовались спектакли, чтенія и литературные вечера, устраивавшіеся въ пользу Литературнаго фонда въ самомъ началѣ его существованія: въ первый же годъ они дали болѣе 10.000 р. чистаго дохода. Впослѣдствіи доходъ, приносимый этого рода предпріятіями, былъ очень неравномѣренъ, колеблясь отъ нуля до нѣсколькихъ тысячъ рублей въ годъ, но никогда не достигая вполнѣ цифры перваго года. Колебанія эти зависили отъ цѣлаго ряда условій: отъ энергіи самого комитета, отъ наличности въ его распоряженіи подходящихъ художественныхъ, научныхъ и артистическихъ силъ, отъ разныхъ внѣшнихъ благопріятныхъ условій, отъ наступленія какихъ-нибудь подходящихъ юбилейныхъ датъ или событій въ литературной средѣ или въ общественной жизни. Комитетъ обыкновенно напрягалъ свою дѣятельность въ этомъ направленіи послѣ наиболѣе неудачныхъ въ финансовомъ отношеніи годовъ—для пополненія опустѣвшей расходной кассы. Въ этомъ отношеніи всегда особенно дѣятельное содѣйствіе оказывалъ ему покойный П. И. Вейнбергъ, даже и тогда, когда онъ не былъ еще членомъ комитета. Почти каждый пріѣздъ Тургенева изъ-за границы или изъ деревни также давалъ въ кассу Литературнаго фонда вѣрный доходъ въ нѣсколько сотъ, а иногда и тысячъ рублей. Участіе какой-нибудь артистической знаменитости

давалъ также иногда сборъ въ нѣсколько тысячъ рублей. Много дохода приносили литературные вечера, устроенные въ память умершихъ любимыхъ писателей въ годъ ихъ смерти и въ юбилейныя годовщины ихъ рожденія или ихъ дѣятельности. Таковы вечера, устроенные въ память Тургенева, Достоевскаго, Салтыкова, Надсона въ годы ихъ смерти и юбилейныя празднества по случаю столѣтнихъ юбилеевъ Карамзина (въ 1866 г.), Крылова (въ 1868 г.), Жуковскаго (въ 1883 г.), Пушкина (въ 1899 г.); а также празднества по случаю открытія памятника Пушкина въ Москвѣ въ 1881 г., когда устроена была по иниціативѣ комитета фонда извѣстная Пушкинская выставка, давшая въ кассу общества значительный доходъ, въ пятидесятилѣтнюю годовщину смерти Пушкина въ 1887 г., и въ память Бѣлинскаго (въ 1898 г.) по случаю пятидесятилѣтія со дня его смерти. Значительные доходы давали также вечера, устраиваемые по случаю юбилеевъ иностранныхъ великихъ писателей: Гете, Мицкевича и др. [1]).

Вообще доходъ отъ предпріятій Литературнаго фонда (не считая въ этомъ числѣ дохода отъ продажи изданій) составляетъ за 50 лѣтъ около 120.000 рублей, т. е. въ среднемъ около 2.400 руб. въ годъ.

---

[1]) Первый литературный юбилей, который Литературный фондъ собирался торжественно отпраздновать, надѣясь собрать при этомъ въ свою кассу крупную сумму, былъ трехсотлѣтній юбилей Шекспира въ 1864 г. Комитетъ фонда обратился тогда къ министру двора графу Адлербергу съ просьбой предоставить ему для этой цѣли одинъ изъ императорскихъ театровъ въ Петербургѣ. Но гр. Адлербергъ увѣдомилъ (письмомъ отъ 5 апрѣля 1864 г.). Е. П. Ковалевскаго, что по представленіи имъ на Высочайшее воззрѣніе ходатайства о дозволеніи праздновать такимъ образомъ юбилей Шекспира, „Государь Императоръ изволилъ обратить вниманіе, что у насъ не было еще примѣровъ подобнаго празднества въ честь знаменитыхъ общественныхъ дѣятелей, стяжавшихъ заслугами своими, въ предшествовавшія столѣтія, неоспоримое право на уваженіе и признательность потомства и что засимъ неумѣстно было бы учреждать торжество въ память рожденія иностранца, хотя и великаго поэта, при непосредственномъ участіи и какъ бы по вызову правительства. Посему Его Величество не соизволилъ на предоставленіе для означенной цѣли театра императорскаго, дозволяя, впрочемъ, почитателямъ Шекспира русскимъ подданнымъ и проживающимъ здѣсь иностранцамъ отпраздновать день его рожденія между собою, съ соблюденіемъ установленныхъ на подобные случаи правилъ“. Объ этой Высочайшей волѣ Адлербергъ сообщилъ также начальнику III отдѣленія и петербургскому генералъ-губернатору.

Въ виду этого распоряженія, комитетъ фонда опредѣлилъ въ день рожденія Шекспира 23 апрѣля 1864 года устроить чтеніе отрывковъ изъ его произведеній. Чтеніе это совершенно не удалось и слушателей собралось такъ мало, что расходы по его устройству членамъ комитета пришлось покрыть изъ собственныхъ средствъ.

Первые опыты издательской дѣятельности Литературнаго фонда, въ видахъ усиленія его денежныхъ средствъ, относятся къ началу восьмидесятыхъ годовъ, когда былъ составленъ и изданъ „Сборникъ XXV лѣтъ“, по случаю двадцатипятилѣтія общества, и „Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева“. Впрочемъ, проекты различныхъ издательскихъ предпріятій возникали въ средѣ комитета еще въ 60-хъ гг. Такъ по мысли Дружинина предположено было въ 1862 г. составить и издать „Памятную книжку“ Литературнаго фонда; въ 1865 г. А. В. Головнинъ, бывшій тогда министромъ народнаго просвѣщенія, предлагалъ комитету составить и затѣмъ издать на средства министерства народнаго просвѣщенія до 20.000 экземпляровъ отчета за первые годы существованія Литературнаго фонда для разсылки въ провинцію. Мысль Дружинина осталась однако же безъ осуществленія, а за исполненіе Головнинскаго предложенія хотя комитетъ и принялся довольно энергично, но оно также не было осуществлено, вслѣдствіе выхода Головнина въ отставку въ 1866 г. и наступленія мрачной памяти режима гр. Толстого и продолжительной всеобщей реакціи. Въ 1874 г. извѣстный книгопродавецъ И. Т. Лисенковъ, принимавшій близко къ сердцу интересы Литературнаго фонда, представилъ въ комитетъ особую программу предпріятій для усиленія средствъ фонда. Онъ предложилъ издать особую „Лѣтопись“ Литературнаго фонда, въ которой помѣщены были бы портреты жертвователей, покровителей и членовъ общества съ біографіями тѣхъ лицъ, пожертвованія которыхъ возрастутъ до капитала, приносящаго 500 р. въ годъ или которые внесутъ единовременно до 10.000 рублей. Лисенковъ предполагалъ что „желающіе гурьбой пойдутъ въ храмъ безсмертія“, и очень сѣтовалъ на комитетъ, что тотъ не воспользовался его мыслью. Въ 1877 г. тотъ же И. Т. Лисенковъ предложилъ пожертвовать фонду 5000 р. по случаю столѣтняго юбилея Александра I съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала ежегодно издавался сборникъ подъ страннымъ заглавіемъ: „Петербургская литературная звѣзда сѣверныхъ цвѣтовъ русской литературы въ прозѣ и стихахъ“, съ картинками, портретами и другими приложеніями, при чемъ ежегодно на масляной для участниковъ этого изданія долженъ былъ устраиваться особый обѣдъ, программа котораго была также детально разработана г. Лисенковымъ. Комитетъ фонда вступилъ съ нимъ въ переговоры, выражая согласіе принять съ благодарностью пожертвованіе и осуществить въ общемъ мысль жертвователя, съ правомъ однако же измѣнить заглавіе сборника и безъ обязательства устраивать проектированные г. Лисенковымъ обѣды. Но такъ какъ Лисенковъ не согласился ни въ чемъ измѣнить

свой проектъ, то комитету пришлось съ сожалѣніемъ отъ него отказаться [1]).

Въ 1875 г. извѣстный поэтъ-переводчикъ Д. Л. Михаловскій пожертвовалъ Литературному фонду право на изданіе своихъ произведеній. Н. В. Гербель принялъ на себя изданіе ихъ въ пользу Литературнаго фонда съ условіемъ возвращенія ему издержекъ отъ продажи первыхъ экземпляровъ. В. П. Гаевскій уплатилъ за поставленную для этого изданія бумагу. Такимъ образомъ изданіе это не было въ полномъ смыслѣ предпріятіемъ Литературнаго фонда.

Собраніе писемъ Тургенева, изданное подъ редакціей В. П. Гаевскаго въ 1884 г. и „Сборникъ XXV лѣтъ", редактированный особой комиссіей въ составѣ В. П. Гаевскаго (предсѣд. комитета), А. А. Краевскаго (помощн. предсѣдателя) и членовъ Литературнаго фонда А. М. Скабичевскаго и К. К. Случевскаго, вышедшій въ томъ же 1884 году (въ 4000 экз.) [2]), имѣли значительный успѣхъ, такъ что расходы на ихъ изданіе покрылись довольно быстро и въ кассу общества поступилъ значительный доходъ [3]).

Успѣхъ этой первой попытки поощрилъ комитетъ взяться въ томъ же направленіи за болѣе сложное и отвѣтственное предпріятіе, а именно, въ виду приближавшагося пятидесятилѣтія со дня смерти Пушкина (въ 1887 г.), послѣ чего право на изданіе его сочиненій дѣлалось по закону всеобщимъ достояніемъ, рѣшено было издать на счетъ Литературнаго фонда и подъ наблюденіемъ особой комиссіи новое улучшенное и пересмотрѣнное собраніе его сочиненій. Редак-

---

[1]) Срав. въ „Сборникѣ XXV лѣтъ" „Лѣтопись общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ", составленную Г. К. Рѣпинскимъ и А. М. Скабичевскимъ, стр. 143—145.

[2]) Авторы произведеній, напечатанныхъ въ этомъ сборникѣ, предоставили ихъ Литературному фонду безплатно; В. И. Штейнъ безплатно воспроизвелъ фототипически 6 прекрасныхъ портретовъ покойныхъ учредителей Литературнаго фонда: Дружинина, Ковалевскаго, Дудышкина, Заблоцкаго-Десятовскаго, Никитенка и Тургенева; типографіи: „Новаго-Времени", В. С. Балашова, А. Г. Бенке, М. О. Вольфа, И. И. Глазунова, Р. Р. Голике, Н. А. Лебедева, И. Н. Скороходова и А. П. Траншеля распредѣлили между собой безвозмездное печатаніе сборника, а фирма А. И. Варгунина доставила бумагу за половинную цѣну; наконецъ, переплетчикъ Н. А. Макаровъ безплатно сброшюровалъ 4000 экземпляровъ сборника, а петербургскіе книгопродавцы отказались отъ обычныхъ процентовъ за продажу изданія.

[3]) Изъ отчетовъ казначея Литературнаго фонда за 1884 и 1885 гг. видно, что уже въ 1885 г. не только были покрыты всѣ расходы по этимъ двумъ изданіямъ, но уже имѣлся въ наличности весьма крупный чистый доходъ.

ція изданія поручена была П. О. Морозову, при чемъ на обязанность редактора возложенъ былъ пересмотръ рукописей Пушкина въ Публичной Библіотекѣ и Румянцевскомъ музеѣ. Наблюденіе за изданіемъ приняли на себя члены комитета: В. П. Гаевскій, Д. Ф. Кобеко (секретарь) и А. Н. Пыпинъ. Печаталось это изданіе въ типографіи А. С. Суворина въ количествѣ 10.000 экз. въ 7 томахъ. А. С. Суворинъ, владѣлецъ типографіи, и К. А. Варгунинъ, поставщикъ бумаги, предложили комитету условія, признанныя имъ въ 1885 г. весьма выгодными. Но когда изданіе было выпущено въ свѣтъ въ 1887 г., то ревизіонная комиссія, обстоятельно обревизовавшая подробный отчетъ по изданію, признала цѣны, назначенныя типографіей Суворина, по сравненію съ цѣнами другихъ типографій, и въ особенности цѣны на бумагу, поставленную г. Варгунинымъ, черезчуръ высокими, и сдѣлала рядъ другихъ, болѣе мелкихъ, замѣчаній, а одинъ изъ членовъ ея Г. К. Градовскій въ особомъ своемъ мнѣніи обрушился съ большою рѣзкостью на г. Суворина. Поводомъ къ этому послужилъ, главнымъ образомъ, особый инцидентъ, случившійся во время печатанія этого изданія въ типографіи Суворина. Дѣло въ томъ, что одновременно съ печатаніемъ изданія Литературнаго фонда въ типографіи г. Суворина печаталось его собственное изданіе Пушкина, при чемъ, по выходѣ послѣдняго въ свѣтъ, обнаружилось, что цѣлый рядъ текстовъ, проредактированныхъ П. О. Морозовымъ и отчасти восполненныхъ по новымъ, до сихъ поръ неизвѣстнымъ, даннымъ, былъ цѣликомъ перепечатанъ въ изданіи Суворина. Возникло обвиненіе въ плагіатѣ и для разслѣдованія дѣла былъ наряженъ третейскій судъ между г. Сувориннымъ и комитетомъ фонда. Г. Суворинъ не отрицалъ факта перепечатки, но объяснилъ, что самъ онъ узналъ о ней лишь тогда, когда оба изданія были уже отпечатаны. Признавая, что такимъ образомъ права фонда нарушены, онъ предложилъ купить немедленно все изданіе фонда, находившееся у него на складѣ, за чистыя деньги съ уступкой лишь 30%, какъ это дѣлается въ отношеніи книгопродавцевъ. Предложеніе Суворина признано было и комитетомъ Литературнаго фонда и третейскими судьями достаточно выгоднымъ и вознаграждающимъ фондъ за нарушеніе его издательскихъ правъ, и сдѣлка эта немедленно состоялась. Дѣйствительно, Литературный фондъ получилъ тогда же отъ г. Суворина наличными деньгами 41 974 р. 80 к., весь же дѣйствительный расходъ по изданію выразился въ суммѣ 28.131 р. 34 коп., такъ что Литературный фондъ тотчасъ же по выходѣ изданія въ свѣтъ получилъ чистой прибыли отъ этого предпріятія 13.843 р. 46 к. Вся эта сумма, вмѣстѣ съ другими деньгами, вырученными отъ предпріятій,

связанныхъ съ именемъ Пушкина въ 1887 г. и ранѣе, составила особый капиталъ имени Пушкина въ 17.868 р. 66 к., назначенный спеціально на финансированіе будущихъ изданій Литературнаго фонда [1]). На эту же цѣль, еще въ 1885 году, пожертвована была г-жею Котляревскою 1.000 рублей, составившая капиталъ имени ея мужа А. А. Котляревскаго, однороднаго назначенія съ капиталомъ имени Пушкина. Впослѣдствіи изъ Пушкинскаго капитала были неоднократно ассигнуемы средства на изданіе принадлежащихъ Литературному фонду сочиненій Надсона, Гаршина, Костомарова, Джаншіева и Бѣлоголоваго, при чемъ ассигнованныя суммы возвращались обратно изъ выручки за изданныя на нихъ сочиненія, что до настоящаго времени совершалось безубыточно. Когда Литературный фондъ получилъ, въ томъ же 1887 г., по завѣщанію покойнаго Надсона, право на изданіе всѣхъ его сочиненій, то извѣстный московскій издатель-меценатъ К. Т. Солдатенковъ, неоднократно и раньше дѣлавшій въ пользу Литературнаго фонда различныя пожертвованія и услуги, предложилъ тотчасъ же издать въ пользу фонда на свой счетъ новое (6-ое) изданіе стихотвореній Надсона въ количествѣ 2.500 экз. Изданіе это разошлось въ теченіе 1 мѣсяца, и въ октябрѣ 1887 г. комитетъ предпринялъ уже новое (7-ое), въ количествѣ 6.000 экз., при чемъ труды по редакціи этого изданія приняла на себя М. В. Ватсонъ, редактировавшая и слѣдующія изданія стихотвореній Надсона. Съ тѣхъ поръ изданіе это повторено еще 16 разъ (каждый разъ по 6.000—12.000 экз.). Кромѣ того изданы прозаическія статьи Надсона подъ заглавіемъ „Литературные очерки“ (въ количествѣ 2000 экз.) [2]). Независимо отъ этого въ 1902 г. было выпущено 1-ое изданіе „Недопѣтыхъ пѣсенъ“ С. Я. Надсона, повторенное въ 1907 г.

Сочиненія Гаршина поступили въ собственность Литературнаго фонда въ 1889 г. Прежде всего Литературный фондъ выпустилъ неизданныя до тѣхъ поръ сочиненія въ видѣ „3-ей книжки разсказовъ“ (съ 2 портретами и біографіей, въ 3.000 экз.)—въ 1890 г.; въ 1891 г. это изданіе было повторено и вновь переиздано въ 1893 г. Въ 1892 г. были выпущены новымъ изданіемъ 2 первыя книжки „Разсказовъ“. Въ 1895 и 1896 гг. вышли новыя изданія всѣхъ трехъ книжекъ. Въ 1897 г. появилось новое изданіе первыхъ двухъ книжекъ. Въ 1898 и 1899 гг. выпущено опять изданіе всѣхъ трехъ книжекъ. Наконецъ въ 1902 г. сочиненія Гаршина изданы были впервые въ одномъ томѣ, и изданіе это было повторено въ 1903, 1905, 1907 и 1909 годахъ. Независимо отъ этого

---

[1]) Въ настоящее время капиталъ этотъ возросъ до 21.268 р. 75 к.

[2]) В. И. Штейнъ отпечаталъ безвозмездно для этого изданія портретъ Надсона въ 2.000 экз.

*

въ 1905 г. было предоставлено А. Ф. Марксу дать соч. Гаршина въ видѣ приложенія къ „Нивѣ", за что Литературный фондъ получилъ 9.000 р. Кромѣ того въ разное время на особыхъ условіяхъ уступаемо было право на изданіе для народа нѣкоторыхъ стихотвореній Надсона (И. И. Горбунову-Посадову) и разсказовъ Гаршина („Общественной пользѣ", „Вятскому товариществу" и М. Н. Слѣпцовой.

Въ 1903 г. выпущенъ былъ 1-й томъ сочиненій Н. И. Костомарова; въ 1904 г. были изданы тома II—IV, въ 1905—V—VII и, наконецъ, въ 1906 г.—томъ VIII и послѣдній [1]).

Въ 1901 г. было издано Литературнымъ фондомъ первое (по общему счету 8-е) изданіе книги Г. А. Джаншіева „Изъ эпохи великихъ реформъ"; въ 1904 г. изданіе это было повторено (9) и затѣмъ вновь переиздано въ 1906 г. (10-ое изд.).

Въ 1901 г. было издано новое (4-ое), впервые сдѣланное Литературнымъ фондомъ, изданіе „Воспоминаній" Н. А. Бѣлоголоваго.

Въ 1905 г. Литературнымъ фондомъ издано было 2-ое изданіе Сборника „На славномъ посту", составленнаго и изданнаго впервые въ 1900 г. друзьями и почитателями Н. К. Михайловскаго и переданнаго ими затѣмъ въ собственность Литературнаго фонда. Это изданіе не только вполнѣ окупилось, но и принесло въ 1906—1908 г.г. чистый доходъ въ нѣсколько тысячъ рублей [2]).

Въ общемъ, благодаря главнымъ образомъ праву собственности на произведенія такихъ авторовъ, какъ Надсонъ и Гаршинъ, издательская дѣятельность доставила Литературному фонду за послѣдніе двадцать пять лѣтъ около 200.000 рублей, причемъ недавно изданныя сочиненія Костомарова, Джаншіева и Бѣлоголоваго остаются еще нераспроданными, составляя, несомнѣнно, значительную цѣнность, а сочиненія Надсона и Гаршина выдержатъ, конечно, еще не одно изданіе. Учесть сколько-нибудь точно цѣнность принадлежащихъ Литературному фонду правъ на изданіе сочиненій различныхъ авторовъ, конечно, невозможно; но несомнѣнно, они составляютъ не малую прибавку къ наличнымъ капиталамъ и недвижимому имуществу фонда.

---

[1]) Доходы съ этого капитальнаго изданія шли пока на покрытіе расходовъ на него, къ 1 января 1909 г. почти уже покрытыхъ. Къ этому времени, какъ видно изъ отчета казначея за 1908 г., долга Пушкинскому капиталу за это изданіе оставалось только 289 р. 74 к. Всего же на изданіе сочиненій Костомарова израсходовано свыше 12.000 руб.

[2]) Капиталъ имени Н. К. Михайловскаго возросъ, главнымъ образомъ, благодаря этому съ 5.009 р. 55 к. (въ 1905 г.) до 8.973 р. 75 к. (къ 1 янв. 1909 г.).

III.

Дѣятельность Литературнаго фонда по удовлетворенію различнаго рода нуждъ литераторовъ и ученыхъ.

Обозрѣвая источники доходовъ Литературнаго фонда, мы до сихъ поръ имѣли въ виду, главнымъ образомъ, процессъ накопленія основного капитала. Въ первые годы существованія фонда основной капиталъ не отдѣлялся отъ расходнаго, и комитетъ фонда, производя расходы на текущія нужды общества, не былъ стѣсненъ ни особыми постановленіями общихъ собраній, ни уставомъ. За исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ пожертвованій, относительно которыхъ было оговорено самими жертвователями, что комитетъ можетъ расходовать лишь ежегодно наростающіе на нихъ проценты, комитетъ въ сущности могъ бы тратить всѣ поступавшія въ пользу общества средства на текущія потребности данной минуты, и только усвоенная имъ съ перваго года политика бережливости направляла его дѣятельность къ тому, чтобы, за удовлетвореніемъ наиболѣе неотложныхъ и насущныхъ нуждъ своихъ кліентовъ, употреблять всѣ остальныя средства на покупку процентныхъ бумагъ для образованія основного капитала. De facto однако же и тогда скопленный капиталъ отдѣлялся отъ ежегодныхъ доходовъ настолько опредѣленно, что когда въ 1866 г. доходы фонда не покрыли необходимыхъ годичныхъ расходовъ и пришлось затратить около тысячи рублей изъ накопленнаго къ тому времени капитала, то члены комитета были очень озабочены появленіемъ этого дефицита. Мысль о формальномъ отдѣленіи основного капитала отъ расходнаго и о признаніи перваго изъ нихъ *неприкосновеннымъ*, съ тѣмъ, чтобы на нужды общества могли расходоваться лишь проценты съ него, впервые была опредѣленно выражена въ 1873 году, когда расходы общества увеличились сразу съ 12 тыс. до 18 тыс. рублей, и въ основной капиталъ, несмотря на хорошій притокъ поступленій, удалось отчислить всего 135 рублей[1]. Въ слѣдующемъ 1874 году мысль эта осуществилась. Рѣшено было, что не только всѣ пожертвованія, поступившія въ неприкосновенный капиталъ по волѣ ихъ жертвователей, но и пожизненные взносы членовъ должны отчисляться обязательно въ неприкосновенный капиталъ; сверхъ того, общее собраніе 1874 г. предоставило комитету, по взаимному согла-

[1]) Мысль эта предложена была ревизіонной комиссіей, но противъ нея не возражали и члены комитета 1873 года.

шенію съ членами ревизіонной коммиссіи, опредѣлять ежегодно, какая часть изъ свободныхъ остатковъ отъ предыдущаго года можетъ быть отчислена въ тотъ же неприкосновенный капиталъ.

Ежегодныя расходныя средства общества, которыя получили съ этихъ поръ наименованіе „расходнаго капитала“, въ виду этого постановленія, слагались: 1) изъ пожалованій Императора и членовъ Императорской фамиліи, 2) изъ ежегодныхъ членскихъ взносовъ, 3) изъ пожертвованій на текущія нужды общества, считая въ томъ числѣ и процентныя отчисленія разнаго рода, въ родѣ „Дружининской копейки“, „читательскаго рубля“ и т. п., 4) изъ доходовъ отъ неприкосновеннаго и именныхъ капиталовъ общества, неимѣющихъ спеціальнаго назначенія, 5) изъ доходовъ отъ концертовъ, спектаклей, чтеній и т. п. предпріятій общества и 6) изъ разныхъ случайныхъ поступленій, въ родѣ возврата безсрочныхъ ссудъ и процентовъ срочныхъ ссудъ, послѣ того, какъ послѣднія стали практиковаться.

Мы уже видѣли, какъ росли и развивались всѣ эти источники дохода Литературнаго фонда. Расходы на различнаго рода пособія писателямъ и ученымъ, производившіеся фондомъ, въ первые три года его существованія составляли отъ 11 тыс. до 12 тыс. рублей въ годъ; въ слѣдующіе пять лѣтъ они не превышали 7.500 рублей, при чемъ въ тяжелый 1866 г. упали до 5878 руб., а съ 1868 года стали постепенно возрастать съ небольшими лишь колебаніями, начиная съ 10.000 рублей (въ 1868 г.) и дойдя къ 1874 году до солидной цифры 21.416 р. 66 коп. Затѣмъ они нѣсколько понизились (вслѣдъ за установленіемъ правилъ о неприкосновенномъ капиталѣ и особенно въ виду русско-турецкой войны) и въ слѣдующее шестилѣтіе не доходили до 20.000 руб въ годъ, достигнувъ лишь въ 1881 г. опять цифры 21.487 р. Въ слѣдующее затѣмъ шестнадцатилѣтіе 1882—1898 г. г. ежегодные расходы колебались между 20 тыс. и 27 тыс. рублей, при чемъ большею частью составляли отъ 23 тыс. до 24 тыс. въ годъ. Съ 1899 года они сразу повысились до 29 тыс., въ 1900 г. достигли 37 тыс. и съ тѣхъ поръ ниже 34 тыс. не спускались.

Посмотримъ какъ распредѣлялись эти средства между различными видами пособій. Всѣ виды денежныхъ пособій, оказываемыхъ Литературнымъ фондомъ, можно раздѣлить на слѣдующія рубрики: 1) пенсіи, 2) продолжительныя пособія, 3) стипендіи и пособія на воспитаніе дѣтей, 4) единовременныя пособія, 5) безсрочныя ссуды и 6) срочныя ссуды.

Важнѣйшимъ видомъ пособій по прочности обезпеченія получающихъ ихъ лицъ, слѣдуетъ признать, разумѣется, *пенсіи*, которыя назначались и назначаются изъ средствъ Литературнаго фонда. какъ

самимъ заслуженнымъ писателямъ и ученымъ, ставшимъ инвалидами, такъ и осиротѣвшимъ семьямъ заслуженныхъ писателей и ученыхъ. Мы уже выяснили, въ какомъ размѣрѣ и кому именно назначались пенсіи въ первые годы существованія фонда. Что касается размѣра, то онъ мало измѣнился впослѣдствіи. Пенсіи назначались не ниже 120 руб. въ годъ (10 руб. въ мѣсяцъ) и не выше 600 рублей въ годъ (50 руб. въ мѣсяцъ). Первая пенсія въ этомъ максимальномъ размѣрѣ назначена была, какъ мы уже упоминали, семьѣ В. Г. Бѣлинскаго. Впослѣдствіи пенсіи въ этомъ размѣрѣ долго никому не назначались и лишь въ 1897 г. одному писателю назначена была пенсія въ 600 руб. и затѣмъ въ послѣднее время въ 1905 и 1907 г. г. было еще три случая назначенія пенсіи въ этомъ размѣрѣ, но, конечно, въ настоящее время пенсія въ 600 рублей не имѣетъ даже и приблизительно того же значенія, какое она имѣла въ 1860 году. Пенсія въ 400 руб. была только однажды назначена престарѣлому сыну А. Н. Радищева, Павлу Александровичу, который и получалъ ее въ теченіе пяти лѣтъ до смерти своей въ 1866 году. Въ первые годы дѣятельности фонда пенсія въ 300 руб. считалась также весьма значительной; впослѣдствіи этотъ размѣръ сдѣлался обыкновеннымъ. Вообще число пенсіонеровъ Литературнаго фонда по годамъ колебалось между 14 и 32, а общая сумма, ассигнованная на пенсіи, отъ 2344 руб. (въ 1866 г.) до 8240 р. (въ 1888 г.). Комитетъ фонда, назначивъ въ первый же годъ своего существованія до 15 пенсій на сумму 3.690 руб. въ годъ, въ слѣдующіе затѣмъ годы назначалъ пенсіи весьма скупо, опасаясь, что колебавшійся въ эти годы ежегодный доходъ фонда можетъ оказаться недостаточнымъ для выполненія такого рода обязательствъ. Поэтому ежегодно назначаемая на пенсіи сумма въ теченіе слѣдующихъ 10 лѣтъ ни разу не доходила до цифры перваго (1860) года. Съ 1870 г. сумма, ежегодно расходуемая на пенсіи, возрастаетъ изъ года въ годъ и достигаетъ въ 1876 году 6.153 руб. Но въ слѣдующіе затѣмъ трудные годы (1877—1880) она вновь нѣсколько уменьшается—до 5.703 руб. въ 1880 году. Въ восьмидесятыхъ годахъ она вновь увеличивается, достигая въ 1888 г. максимальной цифры—8.240 р. Въ девяностыхъ годахъ она опять понижается и въ 1896 г. спускается до 5.002 руб., чтобы подняться опять въ слѣдующее десятилѣтіе, достигнувъ въ 1906 г. снова 8.226 рублей. Въ послѣдній отчетный годъ (1908) пенсій было выдано на сумму 6.980 р.

Продолжительныя пособія въ первое двадцатипятилѣтіе мало практиковались фондомъ, такъ что расходъ на нихъ въ первые 20 лѣтъ не превышалъ нѣсколькихъ сотъ рублей въ годъ. Лишь съ

1881 г. эта рубрика ежегодныхъ расходовъ начинаетъ принимать болѣе серьезное значенiе. Особенно же расходъ на продолжительныя пособiя возрастаетъ въ 90-хъ годахъ, достигая уже въ 1890 году 3.000 руб. въ годъ, а въ послѣднее десятилѣтiе съ 1900—1909 г. онъ становится одной изъ самыхъ крупныхъ расходныхъ статей въ годичныхъ отчетахъ фонда, достигая въ 1905 и 1906 годахъ $11^1/_2$ тысячъ, что составляло около трети всѣхъ ежегодныхъ расходовъ фонда въ эти года.

Гораздо болѣе однообразную и постоянную статью расхода Литературнаго фонда съ самаго начала и до настоящаго времени представляли пособiя на воспитанiе дѣтей нуждающихся ученыхъ и литераторовъ и на стипендiи учащимся молодымъ людямъ (студентамъ). Въ § 1 устава Литературнаго фонда въ числѣ цѣлей этого общества было указано, что „при дальнѣйшемъ развитiи своихъ средствъ“ общество... „доставляетъ даровитымъ молодымъ людямъ способы къ окончанiю ихъ образованiя и приготовленiя себя къ литературной и ученой дѣятельности, если призванiе ихъ къ ней окажется несомнѣннымъ и если они не будутъ имѣть на то средствъ“.—Это указанiе устава получило въ 1861—62 гг. весьма широкое примѣненiе. Еще весной 1861 г. комитетъ Литературнаго фонда образовалъ особую комиссiю изъ профессоровъ Кавелина, Березина и Утина, въ которую онъ и направлялъ прошенiя о пособiяхъ, подаваемыя студентами. Въ октябрѣ того же 1861 г. онъ ассигновалъ этой комиссiи для пособiя тѣмъ изъ студентовъ, которыхъ она признаетъ подходящими подъ условiя, опредѣленныя въ § 5 устава Литературнаго фонда—500 руб. Наконецъ въ декабрѣ 1861 г., по предложенiю предсѣдателя комитета Ег. П. Ковалевскаго, на тотъ же предметъ въ его распоряженiе назначено было еще 1000 рублей. Комиссiя дѣйствовала при распредѣленiи этихъ пособiй при участiи выборныхъ представителей студентовъ. Всего она выдала 1.350 руб. Тогда же явилась мысль, въ виду нужды, испытываемой студентами, и всеобщаго къ нимъ сочувствiя, устроить при Литературномъ фондѣ II отдѣленiе, которое имѣло бы спецiальную цѣль организовать сборъ и распредѣленiе пособiй учащимся. Мысль эта была осуществлена, благодаря сочувственному отношенiю къ этому дѣлу министра народнаго просвѣщенiя А. В. Головнина, съ поразительной быстротой. Въ засѣданiи комитета 18 апрѣля 1862 г. членъ комитета П. М. Ковалевскiй читалъ составленный имъ по порученiю комитета проектъ устава новаго отдѣленiя [1]), а уже 23 того же апрѣля предсѣдателемъ Литературнаго фонда кн.

[1]) „С.-Петербургскiя Вѣдомости“ за 1862 г., отъ 20 апрѣля, № 83.

Г. А. Щербатовымъ было получено отъ А. В. Головнина письмо (за № 3073) о томъ, что съ его стороны нѣтъ препятствій къ открытію дѣйствій этого отдѣленія. Этимъ А. В. Головнинъ не ограничился: 31 мая при письмѣ къ предсѣдателю отдѣленія Ег. П. Ковалевскому онъ препроводилъ для раздачи учащимся изъ суммъ ввѣреннаго ему министерства 1.000 руб. серебромъ. Предсѣдателемъ отдѣленія, по единодушному желанію молодежи и организаторовъ дѣла, избранъ былъ Ег. П. Ковалевскій, выбывшій въ томъ году изъ числа членовъ комитета Литературнаго фонда по жребію. Въ составъ комитета, завѣдовавшаго дѣлами отдѣленія, введены были и представители учащейся молодежи [1]). Отдѣленіе это просуществовало всего нѣсколько недѣль, такъ какъ вслѣдъ за вспыхнувшими петербургскими пожарами 1862 г. и послѣдовавшими за ними реакціонными мѣрами оно было закрыто правительствомъ (10 іюня 1862 г.). Въ этотъ короткій промежутокъ времени оно успѣло собрать всего 1.522 руб., что вмѣстѣ съ 709 р., переданными ему изъ бывшей студенческой кассы, и 1.000 руб., присланными Головнинымъ, составило 3.231 рубль, изъ которыхъ 2.829 р. были тотчасъ израсходованы на единовременныя пособія 100 лицамъ и на одежду 30 лицамъ. Остальная сумма передана въ кассу Литературнаго фонда (402 р.), къ которому опять перешла забота о нуждахъ учащихся, такъ какъ никакого спеціальнаго общества для пособія нуждающимся студентамъ въ то время (и до 1873 г.) не было. Выше мы уже упоминали, что въ томъ же 1862 г. устроители концерта-спектакля въ пользу Литературнаго фонда Н. Л. Тибленъ и А. А. Серно-Соловьевичъ потребовали, чтобы изъ вырученныхъ отъ этого концерта 2.206 р.—2.000 р. были переданы проф. А. Н. Пыпину для раздачи нуждавшимся учащимся. Изъ журналовъ комитета того времени видно, что въ 1862 году въ кассу Литературнаго фонда продолжали поступать пожертвованія разныхъ лицъ спеціально на нужды учащихся и по закрытіи II отдѣленія. Любопытно отмѣтить, что 22 декабря того же 1862 г. никто иной, какъ В. Д. Скарятинъ (вскорѣ сдѣлавшійся редакторомъ „Вѣсти“), предлагалъ комитету ходатайствовать вновь объ открытіи отдѣленія для пособія учащимся; но комитетъ призналъ въ то время такое ходатайство несвоевременнымъ и, конечно, имѣлъ для этого основательные резоны. Съ 1865 г., по предложенію комитета общимъ собраніемъ Литературнаго фонда было постановлено отпускать ежегодно въ Петербургскій университетъ по 500 р. въ годъ на плату за слушаніе лекцій десяти наиболѣе достойныхъ и вмѣстѣ нуждающихся студентовъ по выбору универ-

---

[1]) Сравни дальше „Воспоминанія“ Л. Ф. Пантелѣева, который самъ былъ членомъ этого комитета.

ситетскаго начальства. Въ такомъ видѣ это пособіе отпускалось ежегодно до 1870 г., когда, по соображеніямъ, представленнымъ ревизіонною комиссіею, признано было болѣе цѣлесообразнымъ замѣнить этотъ отпускъ назначеніемъ 4-хъ стипендій для студентовъ I курса по 125 рублей каждая. Въ 1875 г. по случаю отобранія у члена комитера Литературнаго фонда В. Ф. Корша редактировавшихся имъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“, принадлежащихъ Академіи наукъ, возмущенные этимъ подписчики „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ и друзья Корша въ знакъ особаго сочувствія къ его дѣятельности собрали 2.130 рублей—съ тѣмъ, чтобы на проценты съ нея Литературнымъ фондомъ учреждена была особая стипендія имени Корша для студентовъ Петербургскаго университета. Еще ранѣе, а именно вскорѣ послѣ смерти Ег. П. Ковалевскаго въ 1868 г., почитателями его составленъ былъ въ теченіи ближайшихъ двухъ лѣтъ (1869—1870) капиталъ въ 6.680 руб. (впослѣдствіи увеличившійся до суммы 10.400 руб.), въ который наслѣдниками Ковалевскаго переданы были и 1.200 руб., вырученные отъ продажи правъ на изданіе его сочиненій. Проценты съ собранной суммы должны были идти на образованіе стипендій имени Ег. П. Ковалевскаго для студентовъ харьковскаго университера. На эти средства сперва была учреждена одна стипендія въ 300 руб. въ годъ, затѣмъ вторая—въ 150 р.

Независимо отъ организованной такимъ образомъ съ первыхъ лѣтъ существованія фонда помощи молодымъ людямъ для полученія ими высшаго образованія и подготовленія себя къ научной или писательской дѣятельности, комитетъ Литературнаго фонда съ самаго же начала оказывалъ широкую помощь писателямъ и ученымъ, находящимся въ стѣсненномъ положеніи и осиротѣвшимъ ихъ семьямъ на воспитаніе ихъ дѣтей, младшихъ сестеръ и братьевъ, племянниковъ и племянницъ, а иногда и внуковъ. При этомъ комитетъ нерѣдко не ограничивался назначеніемъ денежной субсидіи, а выхлопатывалъ, при помощи своихъ членовъ и другихъ сочувствующихъ фонду лицъ, помѣщеніе такихъ дѣтей въ различныя учебныя зеведенія, иногда за плату, которая вносилась фондомъ, иногда безвозмездно. Содержатели лучшихъ частныхъ учебныхъ заведеній Петербурга нерѣдко предоставляли въ распоряженіе комитета Литературнаго фонда безплатныя вакансіи для помѣщенія дѣтей нуждающихся писателей и ученыхъ. Такъ, въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ комитетъ пользовался семью безплатными вакансіями въ гимназіи и реальномъ училищѣ Я. Г. Гуревича, 3-мя въ женской гимназіи княгини Оболенской, двумя въ гимназіяхъ М. Н. Стоюниной, Л. С. Таганцевой, Е. Н. Стеблинъ-Каменской, М. И. Спѣшневой и Е. М. Гедда, двумя же вакансіями въ желѣзно-дорожномъ

и горномъ училищахъ С. С. Полякова и Л. П. Шуйской и одной въ жен. гимназіи Е. И. Песковской, въ учебномъ заведеніи В. Н. Бибиковой, въ Пріютѣ Принца Ольденбургскаго, въ училищѣ Деряновскаго. Содержатель бухгалтерскихъ курсовъ Ѳ. В. Езерскій безплатно принималъ, по рекомендаціи комитета, на свои курсы лицъ, ищущихъ бухгалтерскихъ занятій; г-жа Лихтенштадтъ предоставила безплатную стипендію въ открытой ею профессіональной школѣ. Въ 1907 г. директоръ реальнаго училища г. Завадскій предоставилъ 2 безплатныя вакансіи и г. Володкевичъ, директоръ частнаго коммерческаго училища для дѣвицъ въ Кіевѣ—одну вакансію. Для сиротъ нѣкоторыхъ писателей комитетъ подыскивалъ опекуновъ и лицъ, бравшихъ на себя попеченіе о ихъ воспитаніи. Такъ, напримѣръ, покойная Н. В. Стасова по просьбѣ комитета неоднократно брала на себя попеченія о подобныхъ сиротахъ.

Денежныя пособія на воспитаніе дѣтей и малолѣтнихъ родственниковъ писателей и ученыхъ выдавались комитетомъ Литературнаго фонда съ первыхъ лѣтъ его существованія. Въ семидесятыхъ годахъ установился довольно постоянный размѣръ этой расходной статьи—около 3000 р. въ годъ, иногда, впрочемъ, возраставшій и значительно выше этой нормы (въ 1887 г. до 4.985 р., въ 1907 г. до 4.654 р. и въ 1908 г. до 5.074 р,), но почти не понижавшійся ниже 2.700 р. въ годъ.

Что касается единовременныхъ пособій, то на нихъ спросъ съ самаго открытія Литературнаго фонда былъ больше, чѣмъ на всѣ остальные виды пособій. Единовременныя пособія по смыслу устава (§ 8) должны были оказываться писателямъ или ученымъ, впавшимъ въ случайныя и временныя затрудненія, и по характеру своему они не предполагали непремѣнно особыхъ заслугъ и долговременной дѣятельности. Комитетъ Литературнаго фонда сознавалъ, что въ литературной или научной карьерѣ такія временныя затрудненія и случайныя неудачи даже чаще встрѣчаются въ началѣ карьеры, нежели въ концѣ ея. Поэтому при назначеніи пособій этого рода невозможно было предъявлять особенно строгихъ требованій для оцѣнки литературныхъ правъ просителей, и оказывать ихъ нерѣдко приходилось низшему разряду литературныхъ работниковъ, представителямъ того самаго литературнаго пролетаріата, существованіе котораго въ Россіи Дружининъ отрицалъ еще въ 1857 г. Съ другой стороны и крупные дѣятели литературы, выдающіеся и даже первоклассные писатели, въ виду особенности литературнаго поприща, нерѣдко попадали въ такое положеніе, когда имъ требовалась быстрая единовременная помощь, чтобы выйти навсегда или по крайней мѣрѣ надолго изъ случайнаго стѣсненнаго положенія. Въ виду разнообразія въ общественномъ положеніи и

заслугахъ лицъ, прибѣгавшихъ къ этого рода помощи, размѣры единовременныхъ пособій, назначаемыхъ комитетомъ фонда, были чрезвычайно разнообразны, колеблясь между 10 и 1.000 рублями. Въ первые годы, впрочемъ, комитетъ не выдавалъ пособій менѣе 25 рублей, имѣя въ виду помѣщенное въ уставѣ правило, что лучше помочь меньшему числу лицъ, но непремѣнно въ такомъ размѣрѣ, чтобы оказанное пособіе дѣйствительно выводило изъ затруднительнаго положенія. Однако, вскорѣ комитету пришлось убѣдиться, что въ средѣ писательскаго пролетаріата нерѣдко встрѣчаются случаи, когда и десятирублевое пособіе, оказанное во время, даетъ одинокому человѣку нѣкоторую поддержку въ борьбѣ за существованіе. Писатели болѣе обезпеченные, попадая въ затруднительное положеніе, предпочитали обыкновенно получить ссуду въ болѣе или менѣе крупномъ размѣрѣ, нежели безвозвратное пособіе, и это обстоятельство сразу же выдвинуло вопросъ о ссудахъ, которыя однако же по уставу не были предусмотрѣны. Поэтому на первыхъ порахъ дѣятельности Литературнаго фонда комитетъ его въ ссудахъ отказывалъ, а предлагалъ взамѣнъ безвозвратное пособіе съ тѣмъ, что получавшій его могъ впослѣдствіи вернуть его въ фондъ въ видѣ пожертвованія. Такихъ случаевъ добровольнаго возвращенія пособій было довольно много. Были и такіе случаи въ практикѣ фонда, когда отношенія извѣстнаго лица къ фонду начинались съ полученія единовременнаго пособія, которое затѣмъ возвращалось, а получившее его лицо становилось дѣятельнымъ членомъ фонда, иногда даже и членомъ комитета послѣдняго. Такъ именно начались, между прочимъ, отношенія къ фонду одного изъ самыхъ благородныхъ и заслуженныхъ его дѣятелей Вячеслава Авксентьевича Манассеина [1]).

---

[1]) Будучи еще студентомъ 5 курса медико-хирургической академіи, но уже авторомъ нѣсколькихъ научныхъ статей, В. А. Манассеинъ крайне нуждался въ средствахъ, отчасти въ виду того, что долго не могъ получить слѣдовавшаго ему гонорара съ какого-то журнала. Въ такихъ обстоятельствахъ онъ обратился въ 1866 г. къ фонду съ просьбой выдать ему заимообразно 50 руб., которые онъ обязывался вернуть, какъ только получитъ свой гонораръ. Пособіе было назначено, но на этотъ разъ Манассеинъ имъ не воспользовался, такъ какъ получилъ въ это время свой гонораръ. Но на слѣдующій годъ, когда онъ былъ уже врачемъ и семейнымъ человѣкомъ, произошла, въ силу какихъ-то неурядицъ въ медицинскомъ вѣдомствѣ, задержка въ выдачѣ ему жалованія и квартирныхъ денегъ, и ему пришлось вторично обращаться съ просьбой о временной помощи къ Литературному фонду, при чемъ онъ и на этотъ разъ по скромности своей опредѣлилъ размѣръ помощи въ 50 р. Это пособіе было ему выдано въ 1867 г. Онъ вскорѣ его возвратилъ и съ той поры предложилъ фонду для кліентовъ его навсегда свою безвозмездную медицинскую помощь, которой фонду пришлось широко и многократно пользоваться. Черезъ нѣсколь-

Единовременныя пособія оказывались нуждавшимся въ нихъ писателямъ и ученымъ по самымъ разнообразнымъ случаямъ жизни. Въ самомъ началѣ дѣятельности Литературнаго фонда наиболѣе крупное единовременное пособіе въ 1000 р. было оказано декабристу М. А. Бестужеву, чтобы онъ могъ вернуться на родину изъ Сибири, гдѣ онъ продолжалъ оставаться, несмотря на амнистію, изъ-за недостатка средствъ. Пособіе это было ему выдано, по ходатайству М. И. Семевскаго, какъ человѣку и лично причастному къ литературѣ, и въ особенности какъ брату извѣстныхъ писателей А. А. Бестужева (Марлинскаго) и Н. А. Бестужева. Впослѣдствіи Литературный фондъ еще два раза назначалъ ему пособія въ меньшемъ размѣрѣ (по 250 р.). Нѣсколько разъ было дано единовременное пособіе другому писателю изъ декабристовъ, барону В. И. Штейнгейлю. Изъ выдающихся писателей въ началѣ дѣятельности фонда дано было въ 1860 г. пособіе въ 500 р. И. И. Лажечникову, который черезъ годъ началъ однако его погашать сторублевыми взносами въ кассу Литературнаго фонда; въ 1866 г. выдано было пособіе въ 600 руб. Ѳ. М. Достоевскому, попавшему въ трудное положеніе, вслѣдствіе прекращенія въ 1864 г. издававшихся имъ журналовъ. Профессору П. В. Павлову (автору извѣстной рѣчи о тысячелѣтіи Россіи, за которую онъ поплатился въ 1862 г.) выдано было пособіе въ 500 р. въ 1860 г., въ виду стѣсненнаго положенія, въ которомъ онъ находился послѣ выхода своего въ отставку; затѣмъ въ 1862 г. ему же выслано было 150 р. послѣ водворенія его административнымъ порядкомъ въ ссылку въ Костромскую губернію. Замѣчательно, что это пособіе ему было выдано по письменному ходатайству о томъ костромского вице-губернатора. Въ 1867 г. ему вновь выдано было 300 р. въ безвозвратное пособіе и 200 р. (по его желанію) въ ссуду. Ник. Алекс. Серно-Соловьевичу, при отправленіи его въ каторжную работу 10 мая 1865 г., назначено было въ пособіе 300 рублей, которые были ему препровождены черезъ Петербургскаго генералъ-губернатора кн. Суворова.

Въ первый годъ дѣятельности фонда выдано было по ходатайству П. В. Анненкова, пособіе въ 300 р. извѣстному колязинскому священнику Беллюстину. Нерѣдко выдавались пособія на похороны. Первое такое пособіе (въ размѣрѣ 50 руб.) назначено было на похороны Т. Г. Шевченко, но такъ какъ знаменитый мало-

---

ко лѣтъ онъ выбранъ былъ въ комитетъ фонда и въ девяностыхъ годахъ былъ неоднократно его предсѣдателемъ. Заслуги В. А. Манассеина передъ всѣмъ русскимъ обществомъ, а въ частности и передъ Литературнымъ фондомъ, всѣмъ еще памятны.

россійскій поэтъ былъ вмѣстѣ и художникомъ и умеръ въ помѣщеніи, отведенномъ ему въ Академіи Художествъ, то художники сочли своею обязанностью и правомъ похоронить его на счетъ собранной между ними складчины. Въ 1863 г. отпущена была такая же сумма (50 р.) на похороны Помяловскаго. Въ 1863 же году выдано было пособіе въ 75 р. Любену Каравелову (извѣстному болгарскому писателю и дѣятелю болгарскаго возрожденія) для возвращенія на родину по окончаніи имъ образованія въ Москвѣ. Въ 1864 г. въ такомъ же размѣрѣ по ходатайству В. И. Ламанскаго выдано было пособіе латышскому литератору К. К. Безбардису, сосланному тогда въ Калужскую губернію, за составленіе имъ патріотическаго адреса на высочайшее имя [1]).

Дѣйствуя вполнѣ безпристрастно и безпартійно, комитетъ назначалъ безразлично пособія писателямъ разныхъ литературныхъ лагерей и разныхъ литературныхъ партій. Наряду съ прогрессивными дѣятелями литературы, которые особенно часто испытывали превратности судьбы въ эпоху политическаго безвременья, пережитую русской литературой съ шестидесятыхъ годовъ до нашего времени, пособія получали и лица, вполнѣ консервативнаго образа мыслей.

Расходъ на единовременныя пособія въ первые годы по открытіи фонда составлялъ самую крупную статью въ его бюджетѣ, доходя до 65% всѣхъ расходовъ. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ онъ нѣсколько уменьшился, но параллельно съ этимъ усилились расходы на безсрочныя ссуды, которыя въ сущности мало отличались по своему значенію отъ единовременныхъ пособій. Въ семидесятыхъ годахъ расходъ на единовременныя пособія составлялъ обыкновенно болѣе 6 т. въ годъ, а въ 1873 г. дошелъ даже почти до 10 т., не считая безсрочныхъ ссудъ, которыя также нерѣдко доходили въ эти годы до 2—3 т. рублей въ годъ. Такой же размѣръ расхода на единовременныя пособія оставался и въ восьмидесятыхъ и въ девяностыхъ годахъ. Но въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ сильно увеличился расходъ на безсрочныя ссуды, достигшій въ 1888 г.—9.876 рубл., а въ 1889—даже 12.538 р.; въ 1890 г. онъ понизился до 7.996 р., а затѣмъ, отчасти подъ вліяніемъ замѣчаній ревизіонной комиссіи 1890 г., упалъ еще ниже и въ девяностыхъ годахъ держался на прежней нормѣ около 3000 р. въ годъ. Расходъ на единовременныя пособія въ 1899 г. въ первый разъ превысилъ

---

[1]) В. И. Ламанскій представилъ тогда въ комитетъ интересную записку, подписанную 8 латышскими патріотами, въ которой было сказано, что помощь, оказанную Безбардису, всѣ латыши почтутъ за первый явный знакъ признанія (русскимъ обществомъ) ихъ патріотическаго стремленія, сопряженнаго съ необыкновенными затрудненіями.

10 т. рублей, при чемъ сверхъ того въ томъ же году выдано было до 2.500 руб. въ безсрочныя ссуды. Въ 1900 г. единовременныхъ пособій было выдано на сумму 10.691 руб. и въ то же время безсрочныхъ ссудъ на сумму 9.927 р.; въ 1902 г. единовременныхъ пособій—на 13.615 руб., но зато безсрочныхъ ссудъ всего—на 3.100 руб. Въ 1903 г.—единовременныхъ пособій—на 12.776 р. и безсрочныхъ ссудъ—на 7.157 р. Съ 1904 г. расходъ на единовременныя пособія и на безсрочныя ссуды нѣсколько понижается, составляя: въ 1904 г.—11.149 р. и 2.850 р., въ 1905 г.—10.543 р. и 6.404 р.; въ 1906 г.—всего 9.410 р. вмѣстѣ съ безсрочными ссудами. Въ 1907 г. выдано на 8.916 р. 50 к. единовременныхъ пособій и на 1.670 р. безсрочныхъ ссудъ. Пониженіе расхода на единовременныя пособія и безсрочныя ссуды въ эти годы совпадаетъ съ увеличеніемъ расхода на продолжительныя пособія, которыя, какъ мы уже видѣли, въ девяностыхъ годахъ составляли расходъ около 3.000 р. въ годъ, а въ 1904 г. составили 10.868 р., въ 1905 г.—11.465 руб., въ 1906 г.—11.505 р. и въ 1907 г.—9.785 р. Въ 1908 г. на единовременныя пособія было израсходовано 10.273 р. 90 к., на безсрочныя ссуды—2.781 р. и на продолжительныя пособія—10.228 рублей.

Уставъ Литературнаго фонда, перечисляя различныя виды пособій нуждающимся литераторамъ и ученымъ, имѣетъ въ виду лишь безвозвратныя пособія и не упоминаетъ о ссудахъ. Между тѣмъ въ первый же годъ дѣятельности фонда вопросъ о ссудахъ былъ поднятъ. Между писателями оказались лица, которыя, не считая возможнымъ принимать безвозвратныя пособія въ качествѣ инвалидовъ, и въ то же время терпя по тѣмъ или другимъ причинамъ временныя матеріальныя затрудненія, естественно выражали желаніе получить именно заимообразную помощь. Нѣсколькимъ такимъ лицамъ, не обладавшимъ большими правами по своимъ литературнымъ заслугамъ, комитетъ отказалъ въ ихъ просьбахъ безъ дальнихъ разговоровъ, опираясь на букву устава. Но уже въ маѣ 1860 г. съ подобною же просьбой къ комитету обратился одинъ изъ весьма заслуженныхъ дѣятелей литературы—И. И. Лажечниковъ, желавшій получить въ ссуду 500 руб. На этотъ разъ комитетъ не счелъ возможнымъ отказать и, какъ мы видѣли, выдалъ просимую сумму, указавъ Лажечникову, что такъ какъ въ уставѣ о ссудахъ не говорится, а между тѣмъ права его на пособіе несомнѣнны, то онъ и выдаетъ ему просимыя деньги въ видѣ пособія, съ правомъ возвратить ихъ впослѣдствіи, какъ пожертвованіе. Лажечниковъ принялъ пособіе на этихъ условіяхъ и дѣйствительно сталъ его погашать съ 1862 г. сторублевыми взносами. Вскорѣ однако же вопросъ о ссудахъ поднялся опять. Возникъ онъ вслѣдствіе ходатайства о

ссудѣ, притомъ срочной и съ уплатой процентовъ (по 6% въ годъ), предъявленнаго Ѳ. М. Достоевскимъ, который самъ былъ въ это время членомъ комитета и даже его секретаремъ. Онъ очень нуждался въ этотъ моментъ въ деньгахъ на заграничную поѣздку для поправленія сильно пошатнувшагося здоровья. Онъ имѣлъ несомнѣнно всѣ права на пособіе, но продолжая дѣятельно работать, не желалъ безвозвратнаго пособія и просилъ выдать ему 1.500 р. въ ссуду, обязуясь вернуть ихъ черезъ годъ съ процентами. Послѣ продолжительныхъ—споровъ, рѣшено было ходатайство Достоевскаго удовлетворить, такъ какъ отказъ въ данномъ случаѣ могъ повлечь за собой дальнѣйшее разстройство здоровья, а, можетъ быть, и преждевременную потерю одного изъ лучшихъ нашихъ писателей. Достоевскій, получивъ ссуду, возвратилъ ее въ 1863 г. до срока, но въ слѣдующемъ 1864 году, въ виду разстройства своихъ дѣлъ вслѣдствіе закрытія издававшагося имъ вмѣстѣ съ братомъ журнала („Время“) и основанія новаго („Эпохи“), опять просилъ выдать ему ссуду въ томъ же размѣрѣ и на тѣхъ же условіяхъ. Ссуда была выдана въ этотъ годъ не только ему, но и другимъ двумъ писателямъ,—одному въ размѣрѣ 1000 р., другому незначительная—въ размѣрѣ 75 рублей. На этотъ разъ вопросъ возбудилъ однако же жаркія пренія въ общемъ собраніи и довольно рѣзкія нападки, вызванныя главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Достоевскій былъ самъ въ это время членомъ комитета. Дѣло дошло до того, что предсѣдатель поставилъ въ собраніи вопросъ о довѣріи къ комитету. Вопросъ этотъ рѣшенъ быль утвердительно закрытой баллотировкой большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ двухъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ признано было, согласно заключенію ревизіонной комиссіи, что выдача срочныхъ ссудъ во всякомъ случаѣ не противорѣчитъ уставу и что ссуды могутъ быть выдаваемы въ особоуважительныхъ случаяхъ подъ отвѣтственностью, кромѣ поручителей, также и всѣхъ членовъ комитета, подавшихъ голосъ за выдачу ссуды. Тутъ же было однако же установлено, что члены комитета сами не могутъ пользоваться, пока они состоятъ въ этой должности, ни ссудами, ни другими пособіями Литературнаго фонда. Срочныя ссуды выдавались за тѣмъ неоднократно, не превышая, впрочемъ, до 1874 г. суммы 3000 рублей въ годъ. Но въ этомъ году срочныхъ ссудъ было выдано 14 лицамъ на сумму 3510 р., и это обстоятельство обратило на себя вниманіе ревизіонной комиссіи, которая находила, что обращеніе столь значительной суммы на ссуды можетъ стѣснить Литературный фондъ въ оказаніи пособій другихъ видовъ, предусмотрѣнныхъ уставомъ. Для удовлетворенія нуждъ въ срочныхъ ссудахъ комиссія находила цѣлесообразнымъ образовать особое учрежденіе—

Фототипія А. Ф. Дресслера. Спб.

Сидятъ: Н. К. Михайловскій. Я. Г. Гуревичъ. Е. Е. Картавцевъ. В. А. Манасеинъ. Н. С. Таганцевъ. Н. И. Карѣевъ. К. К. Арсеньевъ. К. А. Поссе.

Стоятъ: К. М. Станюковичъ. П. И. Вейнбергъ. Ѳ. Ѳ. Воропоновъ. В. И. Семевскій.

ссудо-сберегательную кассу, изъ которой ссудами могли бы пользоваться только ея участники. Общее собраніе 2 февраля 1875 г. поручило комитету разработать соотвѣтствующій проектъ; комитетъ же обратился къ содѣйствію принадлежавшихъ къ составу общества финансистовъ: Е. И. Ламанскаго, М. Н. Островскаго и Н. Ѳ. Фанъ-деръ-Флита. Тѣмъ временемъ въ томъ же 1875 г. изъ средствъ Литературнаго фонда была выдана крупная ссуда въ 1500 рублей редактору „Петербургскаго листка" М. М. Стопановскому. Между тѣмъ литературное значеніе Стопановскаго и заслуги его не могли быть конечно приравниваемы къ заслугамъ крупныхъ писателей въ родѣ Достоевскаго; къ тому же въ средѣ комитета появились слухи, что Стопановскій дѣлаетъ заемъ на покупку „Петербургскаго Листка". Такимъ образомъ косвенно ссуда эта какъ бы направлялась на поддержку одного изъ органовъ періодической печати. Это послѣднее обстоятельство особенно смутило одного изъ членовъ комитета К. Д. Кавелина, который находилъ, что поддержка той или другой газеты можетъ натолкнуть комитетъ фонда на скользкій путь поддержки тѣхъ или иныхъ политическихъ направленій, тогда какъ фондъ по значенію своему долженъ быть непремѣнно учрежденіемъ безпартійнымъ, чѣмъ онъ и былъ въ дѣйствительности и ранѣе и позже. Эти соображенія заставили Кавелина протестовать противъ ссуды изложеннымъ письменно особымъ мнѣніемъ, которое однако же не измѣнило на этотъ разъ рѣшеніе комитета.

Н. Ф. Фанъ-деръ-Флитъ, при содѣйствіи гг. Островскаго, Ламанскаго и Шуйскаго, выработалъ обстоятельный проектъ устава ссудо-сберегательной кассы, основанія котораго имъ были доложены въ засѣданіи Литературнаго фонда 2 мая 1876 г. Затѣмъ проектъ этотъ обсуждался еще два раза—въ засѣданіяхъ 2 января и 1 октября 1877 г. Въ концѣ концовъ онъ былъ принятъ съ небольшими поправками, при чемъ еще общимъ собраніемъ 2 мая 1876 г. было рѣшено, что для развитія операцій кассы ей будетъ ссуженъ изъ суммы Литературнаго фонда капиталъ примѣрно до 5000 рублей [1]). Уставъ этотъ былъ представленъ въ декабрѣ 1877 г. на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія, а въ ноябрѣ 1879 г. возвращенъ при письмѣ гр. Толстого на имя предсѣдателя комитета Литературнаго фонда съ указаніемъ различныхъ измѣненій и дополненій ограничительнаго характера, и хотя всѣ соотвѣтствующія исправленія были приняты членами фонда и уставъ въ исправленномъ видѣ

[1]) Проектъ Фанъ-деръ-Флита и вся исторія этого дѣла подробно изложены А. М. Скабичевскимъ въ „Лѣтописи" Лит. фонда въ „Сборникѣ XXV лѣтъ", стр. 101, 102, 122—128 и 134—142.

вновь представленъ на утвержденіе министра, но дѣло это такъ и не получило осуществленія и уже въ общемъ собраніи 1889 г. взамѣнъ образованія ссудо-сберегательной кассы утверждены были особыя правила о выдачѣ срочныхъ ссудъ изъ расходнаго капитала Литературнаго фонда. Согласно этимъ правиламъ, ссуды выдаются съ уплатою процентовъ ($^1/_2$% въ мѣсяцъ) на срокъ не болѣе года подъ обезпеченіе гонорара или жалованія, получаемаго на государственной или частной службѣ или подъ поручительство извѣстныхъ комитету благонадежныхъ лицъ. Члены комитета, согласившіеся на выдачу ссуды, отвѣтствуютъ за исправное ея возвращеніе. Впослѣдствіи (въ 1891 г.) рѣшено было, впрочемъ, отвѣтственность эту нѣсколько ограничить, упразднивъ ее въ случаяхъ „смерти должника, оставленія имъ службы, прекращенія изданія и непоявленія въ печати, по обстоятельствамъ, независящимъ ни отъ автора, ни отъ редакціи, ни отъ издателя, статьи или книги, гонораръ за которую служилъ обезпеченіемъ ссуды“. Первоначально, по правиламъ 1889 г. было установлено, что срочныя ссуды выдаются изъ расходнаго капитала съ тѣмъ, чтобы на это употреблялось во всякомъ случаѣ не болѣе трети наличнаго расходнаго капитала. Однако уже въ слѣдующемъ году и ревизіонная комиссія и комитетъ фонда признали, что размѣръ расходнаго капитала есть величина крайне подвижная и иногда значительно измѣняется въ теченіе одного засѣданія. Поэтому рѣшено было образовать спеціальный ссудный капиталъ фонда, выдѣливъ для этого 3000 руб. изъ неприкосновеннаго капитала. Это рѣшеніе было осуществлено въ 1893 г., а затѣмъ (по постановленію общаго собранія 2 февраля 1901 г.) капиталъ этотъ былъ увеличенъ изъ того же источника до 6.000 рублей.

Что касается вопроса о профессіональной ссудо-сберегательной кассѣ для писателей и ученыхъ, то при обсужденіи этого вопроса въ 1877 г. выступилъ съ весьма интереснымъ заявленіемъ Г. З. Елисеевъ, на соображеніяхъ котораго мы остановимся ниже.

Чтобы покончить съ различными видами матеріальной помощи писателямъ и ученымъ, намъ необходимо разсмотрѣть еще одинъ видъ помощи, не указанный прямо въ уставѣ Литературнаго фонда, но вполнѣ соотвѣтствующій общимъ задачамъ этого учрежденія и къ организаціи котораго Литературный фондъ долженъ былъ обратиться въ послѣднее время по волѣ двухъ лицъ, завѣщавшихъ ему для этого значительныя средства. Я имѣю въ виду дѣло устройства дешевыхъ и удобныхъ жилищъ для нуждающихся въ нихъ писателей. Идея этого вида помощи впервые промелькнула въ 1879 г., когда П. К. Мартьяновъ предоставилъ въ распоряженіе комитета

Литературнаго фонда часть своего дома на Малой Охтѣ съ тѣмъ, чтобы помѣщеніе это безплатно отводилось нуждающимся литераторамъ и ученымъ или ихъ семьямъ. Сверхъ помѣщенія г. Мартьяновъ предложилъ отъ себя отопленіе и прислугу. Изъ журналовъ комитета видно, что онъ принялъ это предложеніе съ признательностью, но не видно, чтобы благое пожеланіе г. Мартьянова осуществилось. Вѣроятно отдаленность этого помѣщенія отъ города помѣшала воспользоваться имъ на дѣлѣ.

Выше мы указали на пожертвованіе для подобной же цѣли усадьбы В. О. Михневича и крупнаго капитала въ 150.000 р. В. Ф. Голубева. Какъ выше указано, оба эти пожертвованія объединены въ настоящее время въ одно учрежденіе, на судьбѣ котораго мы здѣсь и остановимся. Вся усадьба г. Михневича, пространствомъ около 1.800 кв. сажень, по раздѣльному акту съ г-жей Михневичъ, составляетъ теперь собственность Литературнаго фонда. На ней было пять деревянныхъ домовъ, довольно старыхъ, въ которыхъ помѣщалось до 7 или 8 небольшихъ квартиръ и мелочная лавочка. Одинъ изъ этихъ домовъ, расположенный со стороны набережной рѣки Карповки, рѣшено бы отремонтировать и приспособить для общежитія писателей, на что предполагалось израсходовать до 20.000 рублей. Однако же, приступивъ къ капитальному ремонту этого помѣщенія, комиссія, завѣдывавшая этимъ дѣломъ, убѣдилась, что домъ этотъ настолько старъ и гнилъ, что ремонтировать его нѣтъ возможности. Тогда рѣшено было на мѣстѣ этого дома выстроить другой, каменный, двухъэтажный, на постройку котораго было израсходовано 38.500 рублей. Въ домѣ этомъ имѣется: большой просторный и весьма представительный вестибюль и затѣмъ въ нижнемъ этажѣ — большой общій залъ, въ которомъ помѣщается очень недурная библіотека В. О. Михневича въ нѣсколькихъ шкафахъ, просторная столовая, кухня, комната для прислуги и три комнаты для жильцовъ. Въ верхнемъ этажѣ имѣется 9 комнатъ для жильцовъ и комната смотрительницы этого дома. На дворѣ, позади этого дома, имѣется еще помѣщеніе для двухъ дворниковъ и тамъ же просторная прачешная. Квартиры въ остальныхъ деревянныхъ домахъ сдаются частнымъ лицамъ, принося ежегодный доходъ до 3 тысячъ. Комнаты эти просто, но довольно изящно меблированы; нѣкоторыя изъ нихъ въ два, но большая часть въ одно окно; одна есть съ балкономъ. Цѣна ихъ отъ 12 до 20 руб. въ мѣсяцъ съ отопленіемъ, освѣщеніемъ, стиркой бѣлья и правомъ пользоваться услугами служителя и кухарки, а также библіотекой, библіотечнымъ заломъ и общей столовой. Кухарка общаго обѣда не готовитъ, но готовитъ

по заказу каждаго изъ жильцовъ, желающихъ столоваться дома, завтракъ и обѣдъ на счетъ заказчика. Условія, какъ видно изъ вышеизложеннаго, довольно удобныя и льготныя, особенно для людей одинокихъ. Мѣстность, въ которой расположенъ „домъ писателей“, одна изъ самыхъ здоровыхъ въ Петербургѣ, на усадьбѣ довольно много деревьевъ, такъ что при каждомъ изъ расположенныхъ на ней домовъ устроенъ небольшой садикъ. Недалеко отъ усадьбы станціи двухъ линій электрическаго трамвая—на Каменноостровскомъ проспектѣ, противъ Песочной улицы, на которую усадьба выходитъ, и на Архіерейской улицѣ, противъ Петропавловской больницы, которая задами выходитъ на набережную рѣки Карповки. Зимой 1908—9 года всѣ комнаты были заняты и сверхъ гого велся списокъ кандидатовъ на нихъ по очереди. Лѣтомъ нѣсколько комнатъ освободилось.

Завѣдуетъ дѣлами этого учрежденія особый Совѣтъ, въ который согласно волѣ завѣщателя, входятъ въ качествѣ предсѣдателя старшій изъ сыновей В. Ф. Голубева, два члена по избранію наслѣдниковъ Голубева, три члена по избранію комитета фонда, три члена по избранію общаго собранія и два представителя кассы взаимопомощи писателей и ученыхъ и 2 члена отъ Лит. общ. Сверхъ того съ совѣщательнымъ голосомъ по внутреннимъ дѣламъ самаго общежитія—уполномоченный отъ живущихъ въ немъ лицъ. Учрежденіе это функціонируетъ уже три года.

IV.

Дѣятельность Литературнаго фонда по оказанію неденежныхъ пособій писателямъ и ученымъ и по удовлетворенію нѣкоторыхъ профессіональныхъ нуждъ и запросовъ. Участіе Литературнаго фонда въ удовлетвореніи нѣкоторыхъ нуждъ просвѣщенія.

Съ самаго же открытія Литературнаго фонда, комитетъ его, какъ мы уже видѣли, понялъ задачи свои нѣсколько шире, нежели онѣ опредѣлялись буквальнымъ смысломъ устава. Независимо отъ назначенія и раздачи денежныхъ пособій, онъ счелъ себя обязаннымъ не уклоняться отъ посильнаго удовлетворенія или содѣйствія къ удовлетворенію всякихъ матеріальныхъ и нематеріальныхъ нуждъ писателей и ученыхъ. Выше мы видѣли, что комитетъ Литературнаго фонда въ первый же годъ своего существованія охотно принялъ на себя хлопоты объ освобожденіи отъ крѣпостного права род-

ственниковъ Т. Г. Шевченка и никто не вздумалъ, конечно, упрекать его за такое добровольное расширеніе круга прямыхъ его обязанностей. Публика сразу признала въ немъ естественнаго заступника и ходатая по всѣмъ вообще нуждамъ и интересамъ „класса литераторовъ и ученыхъ". Такой взглядъ на него былъ тѣмъ понятнѣе, что никакого другого общественнаго учрежденія, которое заботилось бы объ этихъ интересахъ и объединяло бы людей этого круга, въ то время и до конца минувшаго столѣтія въ Россіи не было.

„Многіе обращались къ нему—сказано въ отчетѣ секретаря комитета за 1860 г.—совсѣмъ не за денежными пособіями, а за содѣйствіемъ въ пріисканіи мѣстъ и въ помѣщеніи дѣтей на воспитаніе, считая это, по справедливости, высшей наградой за дѣятельную жизнь. Къ нему обращались также за совѣтами къ облегченію средствъ проявить достоинство и значеніе своихъ занятій и, наконецъ, за согласіемъ принять на себя изданіе многолѣтнихъ трудовъ, оставшихся въ безызвѣстности, по неимѣнію способовъ къ опубликованію ихъ. Классъ литераторовъ и ученыхъ, съ перваго появленія комитета, призналъ за нимъ обязанность сдѣлаться посредникомъ между писателями, съ одной стороны, администраціей и публикой—съ другой. Онъ усмотрѣлъ въ немъ свое довѣренное лицо, поставленное для того, чтобы оцѣнивать по справедливости всѣ законные его интересы и заботиться о правильномъ ихъ удовлетвореніи" [1]).

Комитетъ хотя и сознавалъ, что не можетъ вполнѣ удовлетворить этихъ запросовъ и по недостаточности матеріальныхъ средствъ, которыми онъ располагалъ, и по отсутствію достаточныхъ правъ на такое представительство, не предусмотренное уставомъ, но не уклонялся отъ посильныхъ попытокъ идти на встрѣчу этимъ стремленіямъ. Онъ не отказывался и подыскивать мѣста и подходящій заработокъ для обращающихся къ его содѣйствію писателей и членовъ ихъ семействъ, и отъ хлопотъ по опредѣленію въ учебныя заведенія ихъ дѣтей, и по доставленію врачебной помощи нуждающимся въ ней, и по помѣщенію въ больницы, клиники и различныя лечебницы и богадѣльни больныхъ и безпомощныхъ членовъ писательской и ученой среды. Въ этомъ отношеніи въ дѣятельности комитета Литературнаго фонда скоро установились своего рода прочныя традиціи, составившія живое дополненіе къ уставу. Въ ежегодныхъ отчетахъ о его дѣятельности вскорѣ установился особый отдѣлъ такъ называемыхъ „неденежныхъ пособій" и, конечно, эта сторона дѣятельности Литературнаго фонда принесла не мало суще-

[1]) Лѣтопись въ „Сборникѣ XXV лѣтъ", стр. 35 и 36.

ственнаго добра и отерла не мало горькихъ сиротскихъ слезъ въ богатой ими писательской средѣ. Выше мы уже говорили о пособіяхъ на воспитаніе дѣтей и тамъ же упоминали о стипендіяхъ и вакансіяхъ, предоставленныхъ частью по ходатайству комитета, частью по собственной иниціативѣ содержателями различныхъ частныхъ учебныхъ заведеній. Независимо отъ этихъ, разъ на всегда предоставленныхъ въ распоряженіе комитета вакансій, ему ежегодно приходилось выхлопотывать для дѣтей своихъ кліентовъ помѣщеніе ихъ на казенный счетъ, освобожденіе отъ платы, принятіе въ то или иное учебное заведеніе сверхъ комплекта, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ даннаго случая и т. д. И слѣдуетъ здѣсь отмѣтить, что какъ содержатели и руководители частныхъ учебныхъ заведеній высшихъ, среднихъ и низшихъ, такъ и учебное начальство казенныхъ заведеній въ огромномъ большинствѣ случаевъ относились внимательно и сочувственно къ этого рода ходатайствамъ и по возможности всегда ихъ удовлетворяли. Этотъ видъ неденежныхъ пособій составлялъ въ теченіе всего пятидесятилѣтія существованія фонда несомнѣнно весьма существенное и цѣнное прибавленіе къ тѣмъ денежнымъ выдачамъ изъ кассы Литературнаго фонда, которыя въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ рублей ежегодно шли на воспитаніе дѣтей нуждающихся писателей и ученыхъ.

Что касается врачебной помощи и врачебныхъ пособій, то хлопоты комитета Литературнаго фонда и здѣсь встрѣчали обыкновенно отзывчивое отношеніе со стороны содержателей и начальства различныхъ лечебныхъ заведеній, курортовъ и т. п.; независимо отъ этого Литературный фондъ пользовался весьма существеннымъ безвозмезднымъ содѣйствіемъ отдѣльныхъ частно практикующихъ врачей, въ числѣ которыхъ въ особенности слѣдуетъ вспомнить съ благодарностью многолѣтнія безкорыстныя услуги такихъ врачей, какъ лейбъ-медика Каталинскаго (въ первые годы дѣятельности фонда), а затѣмъ профессора В. А. Манасеина (въ теченіе тридцати лѣтъ), доктора Т. И. Музыкантова (въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ) и въ послѣдующее время профессоровъ: В. О. Мержеевскаго, В. М. Бехтерева, Н. П. Симоновскаго, Н. И. Белярминова, А. А. Кадьяна и докторовъ: В. В. Тиличеева, В. В. Чехова, В. В. Груздева, Гизе А. Э. Бари, В. П. Мокіевскаго и др.

Немаловажную роль играло также въ жизни нуждающихся дѣятелей науки и литературы и въ дѣлѣ охраненія и подкрѣпленія здоровья ихъ самихъ и членовъ ихъ семействъ выхлопатываніе комитетомъ фонда даровыхъ и льготныхъ билетовъ на проѣздъ въ различные курорты и другія мѣста обыкновенно въ лѣтнее время.

Неоднократно пытался также комитетъ Литературнаго фонда

черезъ своихъ представителей и членовъ, а иногда и черезъ другихъ лицъ, хлопотать объ облегченіи участи заключенныхъ въ тюрьмы или отправленныхъ въ ссылку литераторовъ и ученыхъ или членовъ ихъ семьи, а также о дозволеніи нѣкоторымъ изъ нихъ пріѣзда въ Петербургъ или водворенія въ немъ на жительство. Конечно, такія хлопоты далеко не всегда удавались. Наибольшее число удачныхъ ихъ результатовъ въ послѣднее время относится къ 1906 году.

Конечно, весьма важный отдѣлъ среди „неденежныхъ пособій“ составляютъ хлопоты комитета фонда по улаженію различныхъ претензій и отношеній между издателями различныхъ повременныхъ и неповременныхъ изданій и ихъ сотрудниками и по содѣйствію къ изданію или помѣщенію въ журналахъ произведеній начинающихъ авторовъ и провинціальныхъ литераторовъ. Въ этомъ отношеніи писатели склонны были съ самаго открытія фонда предъявлять къ нему даже преувеличенныя требованія, которыя и впослѣдствіи доставляли членамъ комитета не мало хлопотъ. „Многіе изъ литераторовъ—сказано въ цитированномъ уже отчетѣ секретаря комитета за 1861 г.—пришли къ мысли, что на обязанности комитета лежитъ также и добросовѣстный третейскій судъ при взаимныхъ недоразумѣніяхъ по денежнымъ и личнымъ вопросамъ, какіе могутъ возникать между писателями. Мысль эта высказалась просьбами авторовъ къ комитету о принятіи на себя труда соглашенія съ редакторами нѣкоторыхъ журналовъ по поводу недоплоченнаго или задержаннаго гонорара, жалобами другихъ на самовольное присвоеніе труда и порученіями возстановить попраное право. Легко понять, что, по недостатку полномочія и признаннаго всѣми права, комитетъ и въ этихъ случаяхъ долженъ былъ ограничиваться тою степенью вліянія, какую соглашалась ему предоставить въ спорѣ отвѣтная сторона“.

„Кажется—продолжаетъ авторъ отчета—не было возможности сомнѣваться въ необходимости образовать какія-либо установленія для удовлетворенія означенныхъ двухъ призывовъ. Классъ литераторовъ и ученыхъ не видѣлъ около себя ни одного мѣста, которое бы исключительно занималось его интересами, такъ же точно, какъ, по отсутствію всякаго серьезнаго суда, онъ лишенъ былъ всѣхъ тѣхъ правъ на защиту своей собственности и своей авторской чести, какими пользуются его собратья въ другихъ странахъ. Комитетъ общества представляетъ готовый матеріалъ для созданія самостоятельно дѣйствующей агентуры по частнымъ авторскимъ дѣламъ и для образованія мирового учрежденія, способнаго быть посредникомъ въ отношеніяхъ между писателями. Рано или поздно, общество было бы призвано серьезно заняться этими вопросами“. Таковъ—былъ взглядъ комитета на этого рода дѣла въ 1861 г. Соотвѣтственно

этому взгляду онъ и дѣйствовалъ въ послѣдующіе годы, стараясь улаживать всѣ подобные недоразумѣнія, споры и инциденты при помощи фактически создавшагося своего авторитета и вліянія въ писательской средѣ. Однако съ теченіемъ времени случаи обращенія къ нему за подобнаго рода содѣйствіемъ настолько участились, что комитету пришлось заняться (въ 1871 г.) выработкой по этому предмету болѣе опредѣленныхъ правилъ „чтобы“ съ одной стороны, съ точностью указать границы своего вмѣшательства въ такого рода спорныя дѣла, а съ другой, чтобы опредѣлить интересы какъ обвиняемыхъ, такъ и жалующихся“. Выработанныя комитетомъ правила были одобрены общимъ собраніемъ фонда въ 1872 г. и считаются дѣйствующими до настоящаго времени. Приводимъ ихъ полностью:

1. Будучи только посредникомъ въ возникающихъ недоразумѣніяхъ между писателями, съ одной стороны, и издателями книгъ или журналовъ, книгопродавцами или редакторами повременныхъ изданій — съ другой, и совершенно устраняя отъ себя роль судьи или рѣшателя споровъ, на которую, по своему учрежденію не имѣетъ никакого права, комитетъ общества всякую жалобу на неисполненіе одною изъ указанныхъ выше сторонъ послѣдовавшаго между ними соглашенія, препровождаетъ въ выпискѣ къ тому лицу, на которое жалоба принесена, и ожидаетъ его разъясненій.

2. Получивъ отвѣтъ, комитетъ сообщаетъ его, въ выпискѣ, просителю и, если получитъ отъ него возраженіе на отвѣтъ, то сообщаетъ его отвѣтчику, для надлежащаго разъясненія дѣла.

3. По спорамъ, неоконченнымъ сторонами миролюбиво въ теченіе мѣсяца со дня посылки послѣдней бумаги, комитетъ прекращаетъ всякое у себя производство, предоставляя сторонамъ вѣдаться тѣмъ путемъ, какой онѣ найдутъ болѣе удобнымъ.

4. Въ случаѣ неполученія отвѣта на послѣднее сообщеніе или непрекращеніе дѣла миролюбиво, комитетъ публикуетъ въ извлеченіяхъ изъ своихъ журналовъ, существо спора съ означеніемъ полныхъ именъ обѣихъ сторонъ.

5. Распоряженіе это можетъ быть сдѣлано Комитетомъ не иначе, какъ только при условіи, если онъ въ просьбѣ хотя бы одной изъ сторонъ будетъ прямо уполномоченъ на это, или если, въ теченіе возникшаго уже дѣла, получится заявленіе хотя бы одной изъ сторонъ о желаніи ея дать дѣлу именно этотъ ходъ.

6. Споры, оконченные миролюбиво, вовсе не публикуются и упоминаются лишь вкратцѣ въ годовомъ отчетѣ общества, безъ обозначенія именъ сторонъ и существа возникшихъ между ними недоразумѣній.

Правила эти, конечно, ни въ чемъ существенномъ не измѣнили

и не могли измѣнить ранѣе установившагося порядка и направленія подобныхъ дѣлъ. Кромѣ нравственнаго фактическаго вліянія у комитета по прежнему не было другой власти и единственная угроза лицу нежелавшему добросовѣстно исполнить признанныхъ за нимъ обязательствъ, заключалась въ обращеніи къ суду общественнаго мнѣнія или къ установленному коронному суду. По прежнему въ дѣлахъ подобнаго рода вмѣшательство Литературнаго фонда имѣло значеніе не третейскаго суда въ собственномъ смыслѣ, а лишь простого посредничества. Такое посредничество практиковалось однако же комитетомъ во все время существованія фонда, даже и тогда, когда образованъ былъ судъ чести при союзѣ писателей дѣйствовавшій въ 1899—1901 годахъ. Къ практическимъ результатамъ такое посредничество приводило, разумѣется, не всегда и дѣйствовало въ разное время съ различнымъ успѣхомъ. Какъ бы то ни было, за отсутствіемъ другихъ соотвѣтствующихъ учрежденій, и оно оказало не мало услугъ писателямъ, въ особенности иногороднимъ, въ дѣлѣ побужденія столичныхъ редакцій и изданій къ болѣе аккуратному выполненію ихъ обязательствъ по отношенію къ сотрудникамъ. Въ каждомъ годичномъ отчетѣ комитета Литературнаго фонда имѣется указаніе на нѣсколько подобныхъ дѣлъ, производящихся комитетомъ съ разнымъ успѣхомъ. Всѣ такія дѣла касались обыкновенно выдачи гонорара, возвращенія рукописей или скорѣйшаго ихъ напечатанія.

Выше мы указывали, что по идеѣ основателей Литературнаго фонда и по его уставу, это не былъ замкнутый и основанный на принципѣ взаимопомощи профессіональный союзъ, а наоборотъ національное учрежденіе, основанное на сознаніи общественной обязанности поддерживать дѣятелей науки и литературы, заслуживающихъ такой поддержки и въ ней нуждающихся. Соотвѣтственно этому съ самаго же начала въ составъ этого общества, на ряду съ выдающимися представителями науки и литературы, вошло много лицъ, вовсе не принадлежащихъ къ классу ученыхъ и литераторовъ.

Несмотря на это среди самихъ литераторовъ постоянно проявлялось стремленіе смотрѣть на Литературный фондъ, какъ на свое профессіональное учрежденіе. Въ отчетѣ секретаря комитета фонда за 1861 г. указывалось, какъ мы отчасти уже упоминали, что классъ литераторовъ и ученыхъ уже въ то время призналъ въ комитетѣ фонда „свое довѣренное лицо, поставленное для того, чтобы оцѣнивать по справедливости всѣ законные его интересы и заботиться о правомѣрномъ ихъ удовлетвореніи. Въ лѣтописи фонда сохранились факты, свидѣтельствовавшіе о томъ, что и впослѣд-

ствіи отдѣльныя лица обращались къ комитету фонда съ такими требованіями, какъ будто бы онъ былъ именно профессіональнымъ или корпоративнымъ учрежденіемъ. Такъ одинъ писатель въ 1869 г. требовалъ, чтобы комитетъ опровергъ въ газетахъ неблагопріятные слухи, распространявшіеся о немъ. Въ обществѣ многіе также смотрѣли на Литературный фондъ, какъ на учрежденіе, долженствующее вѣдать всѣ вопросы, имѣющіе отношеніе къ литературѣ. Одинъ мировой судья въ Петербургѣ въ томъ же 1869 г. требовалъ, чтобы комитетъ фонда назначилъ изъ числа членовъ общества экспертовъ для оцѣнки литературныхъ произведеній одного лица, искъ котораго ему пришлось разбирать.

Впрочемъ и само правительство въ нѣкоторыхъ случаяхъ склонно было смотрѣть на Литературный фондъ, если не какъ на профессіональное учрежденіе, то какъ на своего рода вѣдомство. Такъ еще Головнинъ, бывшій министромъ народнаго просвѣщенія съ 1861 и до 1866 года, относясь къ интересамъ Литературнаго фонда съ видимымъ сочувствіемъ, обнаруживалъ вмѣстѣ съ тѣмъ явное стремленіе расширить сферу дѣятельности комитета Литературнаго фонда, создавъ въ немъ себѣ добровольнаго помощника и опору въ своихъ отношеніяхъ къ обществу. Еще въ 1864 г. онъ просилъ комитетъ присылать ему педагогическія сочиненія для напечатанія, если комитетъ признаетъ ихъ достойными этого, и вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендовать ему авторовъ, для использованія ихъ въ интересахъ отечественнаго просвѣщенія. Въ 1866 г. онъ прислалъ на разсмотрѣніе комитета большую записку, въ которой предлагалъ рядъ мѣръ къ усиленію средствъ фонда и отчасти къ расширенію его дѣятельности. Въ запискѣ этой онъ предлагалъ между прочимъ установить сношенія Литературнаго фонда со всѣми земствами „черезъ губернаторовъ" и открыть сборъ пожертвованій въ пользу фонда во всѣхъ публичныхъ библіотекахъ, подвѣдомственныхъ министерству. Между прочимъ въ той же запискѣ онъ просилъ содѣйствія комитета къ отвращенію даровитыхъ людей отъ легкой журнальной работы и направленіи ихъ къ нему для обращенія ихъ къ болѣе солидной научной работѣ въ архивахъ. Комитетъ отнесся однако же очень осторожно къ этому предложенію, правильно указавъ въ своемъ отвѣтѣ на невозможность для него сноситься съ только что открывавшимися тогда земствами черезъ министерство и губернаторовъ и выразилъ взамѣнъ того намѣреніе въ случаѣ надобности обращаться къ отдѣльнымъ земствамъ непосредственно.

Въ рѣдкихъ случаяхъ и впослѣдствіи, за неимѣніемъ другого учрежденія, вѣдающаго интересы литературы, правительство обращалось къ Литературному фонду, какъ къ таковому. Такъ

23 мая 1887 г., по предложенію департамента внутреннихъ сношеній министерства иностранныхъ дѣлъ, комитетъ Литературнаго фонда имѣлъ экстренное засѣданіе для обсужденія вопроса о возобновленіи литературной конвенціи съ Франціей. Въ этомъ засѣданіи, кромѣ членовъ комитета, принимали участіе приглашенные въ качествѣ представителей періодической печати члены Литературнаго фонда К. К. Арсеньевъ, П. И. Вейнбергъ, В. П. Гаевскій, Г. К. Градовскій, М. А. Загуляевъ, А. П. Пятковскій, В. Д. Спасовичъ и М. М. Стасюлевичъ. Заключеніе комитета (о желательности сохраненія дѣйствующихъ правилъ о литературной собственности и авторскихъ правахъ) было сообщено министерству иностранныхъ дѣлъ.

Въ нѣкоторой мѣрѣ права профессіональнаго представительства признавались за Литературнымъ фондомъ по дѣламъ объ организаціи празднованія различныхъ литературныхъ юбилеевъ. Прикосновенность Литературнаго фонда къ этого рода дѣламъ прежде всего обусловливалась тѣмъ, что на организацію подобныхъ празднествъ комитетъ фонда смотрѣлъ, какъ на доходныя предпріятія, иногда приносившія въ кассу общества значительныя средства. Но на ряду съ этимъ и въ средѣ общества и въ правительственныхъ кругахъ самъ собой установился опредѣленный взглядъ, что починъ въ организаціи этого рода юбилеевъ принадлежитъ естественно Литературному фонду. Такъ выше мы видѣли, что уже въ 1864 г., когда комитетъ фонда обратился къ министру двора съ просьбой собственно о предоставленіи ему одного изъ Петербургскихъ театровъ для празднованія юбилея Шекспира, то вопросъ этотъ превратился въ докладѣ гр. Адлерберга императору Александру II въ вопросъ о разрѣшеніи празднованія самаго юбилея, при чемъ молчаливо было признано за комитетомъ Литературнаго фонда право возбуждать этого рода ходатайства передъ правительствомъ.

Въ тяжелые годы длившейся десятилѣтіями реакціи дѣятелямъ русской печати приходилось довольствоваться и такими скромными зачатками корпоративныхъ или профессіональныхъ правъ; но въ эпохи подъема общественнаго настроенія и общественныхъ стремленій въ писательской средѣ вообще, а вмѣстѣ и въ средѣ членовъ Литературнаго фонда возникали болѣе опредѣленныя стремленія къ объединенію писательскихъ круговъ на почвѣ общихъ профессіональныхъ интересовъ. Такъ въ 1881 г. нѣкоторые члены Литературнаго фонда подали въ комитетъ заявленіе, въ которомъ они требовали созвать экстренное засѣданіе всѣхъ членовъ фонда для обсужденія вопросовъ, поднятыхъ на происходившемъ въ 1881 г. Вѣнскомъ литературномъ конгрессѣ. Но комитетъ, разсмотрѣвъ это заявленіе въ

засѣданіи 21 сентября 1881 г., призналъ невозможнымъ его удовлетворить въ виду несогласія его съ уставомъ.

Въ нападкахъ на комитетъ, съ которыми выступилъ въ томъ же 1881 г. Г. К. Градовскій, такъ же, какъ въ заявленіяхъ, сдѣланныхъ еще въ 1876 г. Г. З. Елисеевымъ по вопросу о ссудо-сберегательной кассѣ, выразилось въ значительной мѣрѣ то же стремленіе къ созданію корпоративной организаціи и къ болѣе широкому и полному удовлетворенію профессіональныхъ интересовъ и нуждъ писательской среды, нежели таковое было возможно въ рамкахъ устава Литературнаго фонда. На этихъ нападкахъ и заявленіяхъ мы еще остановимся, обрисовавъ предварительно организацію и порядокъ дѣятельности распорядительныхъ и административныхъ органовъ Литературнаго фонда.

Что же касается стремленія къ организаціи профессіональныхъ и корпоративныхъ учрежденій, то таковыя были до нѣкоторой степени удовлетворены открытіемъ кассы взаимопощи литераторамъ и ученымъ при Литературномъ фондѣ, а затѣмъ въ болѣе полной мѣрѣ учрежденіемъ въ 1897 г. Союза писателей, который, впрочемъ, просуществовалъ, какъ извѣстно, лишь до весны 1901 года, когда онъ былъ закрытъ постановленіемъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Касса взаимопомощи литераторамъ и ученымъ была открыта по ходатайству комитета Литературнаго фонда въ 1890 г., при чемъ уставъ ея, выработанный первоначально Г. К. Градовскимъ, былъ разсмотрѣнъ, по порученію общаго собранія фонда, особой комиссіей и утвержденъ министромъ народнаго просвѣщенія 22 ноября 1890 г. Съ 1906 касса взаимопомощи выдѣлилась въ самостоятельное учрежденіе.

Чтобы закончить обзоръ дѣятельности Литературнаго фонда за истекшее пятидесятилѣтіе, намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о его содѣйствіи развитію просвѣщенія въ Россіи. Въ уставѣ его въ этомъ отношеніи не содержится никакихъ указаній; но основатели фонда живо сознавали связь литературы съ просвѣщеніемъ, сознавалъ это, какъ мы видѣли, на свой ладъ и тотъ министръ народнаго просвѣщенія, при которомъ Литературному фонду пришлось прожить первые годы своего существованія,—А. В. Головнинъ. Въ 1862 г. онъ охотно и быстро разрѣшилъ открытіе при Литературномъ фондѣ отдѣленія для организаціи пособій учащейся молодежи и не по его винѣ это отдѣленіе было закрыто, едва просуществовавъ нѣсколько недѣль. Онъ же ввелъ въ обычай выдавать фонду изъ суммъ министерства по 1000 р. въ годъ и онъ же пытался расширить сферу дѣятельности фонда, правда, предполагая при

этомъ незамѣтно подчинить его своему руководству. Послѣ отставки Головнина наступила такая упорная и продолжительная реакція что о расширеніи сферы дѣятельности фонда нельзя было и думать; Тѣмъ не менѣе вплоть до образованія въ 1873 г. общества вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ при петербургскомъ университетѣ, Литературный фондъ былъ однимъ изъ немногихъ учрежденій, заботившихся о вспомоществованіи учащимся. И въ позднѣйшее время, независимо отъ стипендій, выдаваемыхъ комитетомъ фонда студентамъ Петербургскаго и Харьковскаго университетовъ и постоянныхъ попеченій комитета о воспитаніи дѣтей и малолѣтнихъ родственниковъ недостаточныхъ писателей и ученыхъ, о чемъ мы говорили подробнѣе въ своемъ мѣстѣ, нельзя не отмѣтить тѣхъ пожертвованій на просвѣтительныя нужды вообще и на нужды учащихся въ частности, которыя жертвовались ревнителями просвѣщенія, близкими къ литературной средѣ, черезъ посредство Литературнаго фонда. Такъ, напримѣръ, въ 1892 г. покойный А. Н. Плещеевъ пожертвовалъ черезъ фондъ на взносъ за слушаніе лекцій за одно полугодіе сорока студентовъ петербургскаго университета и столькихъ же студентовъ военно-медицинской академіи (по 1000 р. тѣмъ и другимъ). Такое же значеніе имѣетъ собирающійся почитателями Н. Н. Златовратскаго капиталъ, который хранится въ переходящихъ суммахъ Литературнаго фонда и изъ котораго иниціаторы этого дѣла имѣютъ въ виду устроить библіотеку-читальню и народную школу на родинѣ Златовратскаго. Еще въ 60-хъ гг., по закрытіи комитета, образованнаго для сбора денегъ на открытіи школъ имени Ломоносова въ Архангельской губерніи, Литературный фондъ принялъ на себя продолженіе сбора этихъ пожертвованій. Не имѣя возможности, въ виду ограниченія круга своихъ задачъ въ уставѣ, брать на себя инициативу по организаціи различныхъ просвѣтительныхъ учрежденій, Литературный фондъ однако же всегда съ большою отзывчивостью и охотою удовлетворялъ по мѣрѣ возможности всѣ учрежденія этого рода, обращавшіяся къ нему за содѣйствіемъ. Еще въ 60-хъ гг., когда въ Симбирскѣ сгорѣла Карамзинская общественная библіотека, комитетъ охотно согласился содѣйствовать скорѣйшему ея возстановленію и собралъ съ этой цѣлью довольно много пожертвованій книгами. Свои собственныя изданія комитетъ фонда всегда охотно дарилъ обращавшимися къ нему съ этою просьбою библіотекамъ-читальнямъ и разрѣшалъ иногда безвозмездно комитетамъ грамотности и нѣкоторымъ издателямъ народныхъ книжекъ издавать отдѣльныя произведенія писателей, изъ числа принадлежащихъ ему на правахъ собственности.

V.

Организація Литературнаго фонда и нападки на дѣятельность его комитетовъ въ печати и въ средѣ самого фонда.

Мы разсмотрѣли ходъ накопленія капитала литературнаго фонда и всѣ отдѣлы его дѣятельности за 50 лѣтъ. Намъ остается разсмотрѣть самую организацію общества, составъ и порядокъ дѣйствія тѣхъ органовъ, которые завѣдуютъ его дѣлами, а также тѣ нападки и критику, которымъ ихъ дѣятельность подвергались въ теченіе минувшаго пятидесятилѣтія.

По уставу всѣми дѣлами Литературнаго фонда завѣдуетъ комитетъ. Общее собраніе членовъ фонда лишь избираетъ этотъ распорядительный комитетъ и повѣряетъ правильность его дѣйствій при помощи особой, каждый разъ спеціально для этого избираемой ревизіонной комиссіи, а также даетъ комитету общія руководящія указанія въ дополненіе и разъясненіе устава, устанавляющія общее направленіе дѣятельности комитета. Каждый членъ фонда имѣетъ право участвовать въ общихъ собраніяхъ и избирать членовъ комитета и ревизіонной комиссіи, но пассивнымъ правомъ быть избираемыми въ комитетъ и ревизіонную комиссію пользуются по уставу (§§ 17, 20 и 40) л и ш ь л и т е р а т о р ы и у ч е н ы е. При томъ образуется и пополняется комитетъ особымъ порядкомъ. Всего въ комитетѣ двѣнадцать членовъ. Избираются они на три года, при чемъ комитетъ каждый годъ обновляется частично. Ежегодно изъ него выбываютъ четыре члена по очереди (а первые два года выбывали по жребію) и на ихъ мѣсто выбираются въ годичномъ собраніи новые четыре члена и з ъ в о с ь м и к а н д и д а т о в ъ, п р е д л о ж е н н ы х ъ к о м и т е т о м ъ. Выбывшій по очереди членъ комитета можетъ быть вновь предложенъ къ избранію въ эту должность не ранѣе какъ черезъ годъ по выбытіи его изъ комитета (§ 20).

Такимъ образомъ въ обществѣ не всѣ члены пользуются одинаковыми правами: одни пользуются только активнымъ избирательнымъ правомъ, другіе же (литературы и ученые) какъ активнымъ, такъ и пассивнымъ избирательнымъ правомъ. Но и изъ послѣднихъ не всякій членъ можетъ быть избранъ въ члены комитета, а лишь тѣ изъ нихъ, которые предложены въ кандидаты самимъ комитетомъ. Для установленія такой искусственной избирательной системы, возбуждавшей въ первые годы существованія фонда неоднократныя нареканія среди общества и въ печати, имѣлись однако же довольно солидныя основанія.

Составители устава имѣли при этомъ въ виду прежде всего то обстоятельство, что при выдачѣ пособій всѣхъ родовъ, кромѣ развѣ стипендій, выдаваемыхъ молодымъ людямъ, да субсидій на изданіе въ свѣтъ литературныхъ и ученыхъ трудовъ, должна быть соблюдаема тайна. Признавалась необходимость въ этомъ случаѣ щадить самолюбіе лицъ, получающихъ пособія, такъ какъ въ противномъ случаѣ многіе истинно нуждающіяся въ поддержкѣ общества лица и вполнѣ заслуживающія своей дѣятельностью эту поддержку, могли бы отказаться отъ нея единственно изъ самолюбія. Въ англійскомъ Литературномъ фондѣ, какъ оказалось по справкѣ наведенной у его предсѣдателя Теккерея, былъ принятъ тотъ же порядокъ сохраненія въ тайнѣ именъ лицъ, получавшихъ пенсіи или пособія. Принятіе этого положенія логически обусловливало недопустимость обсужденія всѣхъ дѣлъ по выдачѣ пособій въ общемъ собраніи членовъ, вслѣдствіе чего комитету приходилось предоставить въ этомъ отношеніи полную независимость, а при этихъ условіяхъ необходимо было обезпечить такой составъ комитета, который бы пользовался полнымъ авторитетомъ въ писательской средѣ и состоялъ бы изъ лицъ, которымъ всѣ бытовыя условія этой среды и всѣ обстоятельства новѣйшей литературы и литературныхъ работъ были-бы хорошо извѣстны. Это и дало основаніе установить, что членами комитета должны быть непремѣнно лишь литераторы и ученые, а въ виду возможной случайности состава общаго собранія, члены котораго легко могли бы затрудниться въ намѣченіи кандидатовъ, непремѣнно принадлежащихъ къ числу настоящихъ литераторовъ и ученыхъ, рѣшено было принять систему официальныхъ или рекомендованныхъ кандидатуръ. Въ глазахъ учредителей Литературнаго фонда эта система имѣла еще то преимущество, что при ней легко можно было (предполагая, конечно, полную добросовѣстность въ дѣйствіяхъ комитета) обстоятельнѣе обдумывать списки заблаговременно намѣченныхъ кандидатовъ такъ, чтобы въ комитетѣ всегда по возможности были представлены органы разныхъ литературныхъ партій и направленій, что и должно было гарантировать, по ихъ мнѣнію, безпартійность и безпристрастіе въ дѣйствіяхъ комитета.

Допущено, впрочемъ, одно исключеніе изъ этого порядка, введеннаго въ уставъ Литературнаго фонда; а именно, § 44 устанавливаетъ, что если ревизіонная комиссія признаетъ дѣйствія комитета „несоотвѣтствующими цѣли общества“, то въ такомъ случаѣ общее собраніе можетъ при избраніи новыхъ членовъ комитета не ограничиваться выборомъ ихъ изъ числа кандидатовъ, предложенныхъ комитетомъ.

Исходя изъ теоретическихъ соображеній, можно, конечно, очень

многое возразить, какъ противъ самаго порядка выбора комитета, принятаго въ уставѣ Литературнаго фонда, такъ и противъ тѣхъ доводовъ, которыми онъ мотивировался. Такія возраженія и были дѣлаемы въ первые годы существованія фонда, какъ въ печати, такъ и въ средѣ членовъ общества, при чемъ замѣчательно, что самымъ упорнымъ и краснорѣчивымъ критикомъ этой системы и защитникомъ всеобщаго избирательнаго права безъ всякихъ ограниченій въ средѣ Литературнаго фонда явился въ 1863 г. никто иной, какъ В. Д. Скарятинъ, редакторъ только что основанной въ то время дворянско-крѣпостнической газеты „Вѣсть". Вопросъ, поднятый Скарятинымъ, послужилъ поводомъ для бурныхъ преній въ общемъ собраніи общества, но, по выслушаніи объясненій членовъ комитета въ засѣданіи Литературнаго фонда 10 марта 1863 г., изъ присутствовавшихъ въ засѣданіи 29 членовъ общества только 3 (считая въ томъ числѣ и Скарятина) подали голоса за пересмотръ устава

Выше мы видѣли, какъ повелъ свое дѣло первый комитетъ, въ члены котораго избраны были всѣ составители устава. Всѣ послѣдующіе комитеты продолжалъ его дѣло, слѣдуя установившимся очень скоро традиціямъ и послѣдовательно развивая ихъ въ томъ же, разъ принятомъ, направленіи. Это направленіе развивалось послѣдовательно и неуклонно, благодаря чему и въ исторіи перваго пятидесятилѣтія Литературнаго фонда нельзя указать какихъ-нибудь поворотныхъ пунктовъ, какихъ-нибудь событій или существенныхъ измѣненій, отграничивающихъ обыкновенно періоды или эпохи въ развитіи другихъ общественныхъ учрежденій.

Въ исторіи Литературнаго фонда были, конечно, случаи нареканій и нападокъ, какъ по поводу отдѣльныхъ постановленій комитета, такъ и принципіальныя, касавшіеся общаго направленія дѣлъ, но всѣ такія нападенія кончались въ концѣ концовъ полною побѣдой комитета и ни въ чемъ не измѣняли того направленія въ дѣлахъ Литературнаго фонда, которое въ немъ установилось съ годами. Что касается перваго рода нападеній, то, конечно, въ отдѣльныхъ постановленіяхъ комитетъ могъ сдѣлать промахъ и оказаться неправъ. Было бы странно, если бы въ пятидесятилѣтней дѣятельности такого общественнаго учрежденія промаховъ не было вовсе, и мы можемъ и теперь, прослѣдивъ работу всѣхъ комитетовъ фонда за пятьдесятъ лѣтъ, насчитать нѣсколько такихъ случаевъ, гдѣ промахи комитета были констатированы или повременной печатью или ревизіонными комиссіями, дѣйствовавшими всегда въ высшей степени строго и нелицепріятно. Такимъ промахомъ можетъ быть сочтена выдача ссудъ покойному Достоевскому въ 1863 и 64 г. г. въ то время, когда онъ былъ членомъ комитета и секретаремъ его, и это

обстоятельство, какъ мы видѣли, послужило основаніемъ къ постановленію общаго собранія о томъ, что члены комитета, пока они состоятъ въ этой должности, не могутъ пользоваться никакими пособіями общества, даже и заимообразными. Такимъ же промахомъ слѣдуетъ признать невыдачу пособія въ 1875 г. покойному А. П. Щапову, который несомнѣнно бѣдствовалъ въ это время въ Сибири. Щаповъ, получавшій въ предыдущіе годы, со времени своей высылки изъ Петербурга въ 1863 г. неоднократныя пособія фонда (въ томъ числѣ въ 1873 и 74 г. г. по 300 р., а ранѣе въ разныхъ размѣрахъ), въ 1875 г. попросилъ почему-то ссуду въ 300 рублей, но комитетъ, руководствуясь правилами, утвержденными общимъ собраніемъ, отказалъ ему въ ней, за непредставленіемъ поручителя. Вина комитета въ этомъ печальномъ случаѣ заключалась не въ томъ, что онъ отказалъ въ ссудѣ, а въ томъ, что онъ, зная въ общихъ чертахъ обстоятельства Щапова, не поспѣшилъ ему выслать въ томъ же размѣрѣ пособіе. Съ января 1876 г. Щапову назначена была пенсія въ 300 р. въ годъ, но оказалось уже поздно, такъ какъ прежде чѣмъ первая высылка этой пенсіи дошла до отдаленнаго мѣста жительства Щапова, онъ уже умеръ. По этому поводу на комитетъ 1875 года и въ печати и въ средѣ самаго фонда были большія нареканія, при чемъ въ печати особенно горячо нападалъ за это на Литературный фондъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ Г. З. Елисеевъ (во внутреннемъ обозрѣніи „Отечественныхъ Записокъ“), а въ общемъ собраніи фонда вина комитета была формулирована однимъ изъ членовъ ревизіонной комиссіи 1877 г. П. Д. Боборыкинымъ. Подобные же нападки на Литературный фондъ, но на этотъ разъ уже совершенно неосновательныя, появились въ печати, когда умеръ другой подавленный нуждою писатель Панютинъ, которому фондъ помогалъ непрерывно. Въ концѣ концовъ однако же, изучая пятидесятилѣтнюю исторію фонда и сравнивая ее съ исторіей другихъ подобныхъ учрежденій, приходится дивиться не этимъ нападкамъ и даже не промахамъ комитета, случавшимся очень рѣдко, а скорѣе именно тому, какъ рѣдко такіе промахи случались.

Гораздо большее значеніе имѣли нареканія болѣе общаго принципіальнаго характера въ родѣ Скарятинскаго нападенія 1863 г., о которомъ мы упоминали выше. Такое же значеніе имѣлъ протестъ, выраженный въ особомъ заявленіи Г. З. Елисеевымъ (отъ 3 мая 1877 г.), который въ этомъ случаѣ выступилъ не въ печати, а какъ членъ фонда въ самомъ обществѣ. Протестъ этотъ касался вопроса, волновавшаго въ то время писательскіе круги, о ссудосберегательной кассѣ, о чемъ мы уже говорили выше. Смыслъ заявленія Елисеева

заключался въ стремленіи придать проектируемой кассѣ чисто профессіональное значеніе съ полнымъ отстраненіемъ отъ этого дѣла всѣхъ неписательскихъ элементовъ. И замѣчательно въ этомъ случаѣ не это стремленіе, само по себѣ вполнѣ понятное, а та рѣзкость, съ которой авторъ заявленія характеризовалъ (совершенно несправедливо) составъ и направленіе дѣятельности Литературнаго фонда. Доказывая, что въ дѣлѣ устройства писательской ссудо-сберегательной кассы Литературный фондъ долженъ взять на себя лишь роль передаточной инстанціи между инціаторами дѣла и правительствомъ, такъ какъ касса эта предназначалась исключительно для литераторовъ, Елисеевъ требовалъ, чтобы Литературный фондъ устранился отъ участія въ обсужденіи самого устава, и собралъ для этого особое учредительское собраніе, состоящее исключительно изъ однихъ только представителей „большой и малой прессы". „Такъ какъ—писалъ въ этомъ заявленіи Елисеевъ—въ обществѣ Литературнаго фонда членами состоятъ по преимуществу не литераторы и такъ какъ даже незначительная часть литераторовъ, въ немъ участвующихъ, принадлежитъ къ верхнимъ слоямъ литературы и имѣетъ самое темное представленіе о среднихъ и низшихъ слояхъ ея, которые между тѣмъ и будутъ болѣе всего нуждаться въ проектируемой кассѣ, то очевидно, что общество Литературнаго фонда не имѣетъ никакой компетентности въ обсужденіи устава ссудо-сберегательной кассы для литераторовъ"... Въ виду этого заявленія, комитетъ Литературнаго фонда разослалъ тогда выработанный уставъ по редакціямъ издававшихся въ то время газетъ и журналовъ для обсужденія его въ каждой изъ нихъ всѣми сотрудниками, но получилъ очень мало отзывовъ. Въ данномъ случаѣ насъ интересуетъ однако же не исходъ дѣла о кассѣ, о которой рѣчь была выше, а справедливость или несправедливость той обидной характеристики, которую Г. З. Елисеевъ далъ въ своемъ заявленіи направленію Литературнаго фонда. Въ этомъ отношеніи самая полная реабилитація фонда и его комитетовъ заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ обстоятельствѣ, что самъ почтенный авторъ этого заявленія, спустя нѣсколько лѣтъ, настолько убѣдился въ несправедливости своихъ нападеній на фондъ, что завѣщалъ ему все свое состояніи (53 т. руб.), накопленное литературнымъ трудомъ въ теченіи всей его жизни.

Другое, еще болѣе энергичное нападеніе общаго характера на направленіе дѣятельности Литературнаго фонда было сдѣлано въ 1881 г. Г. К. Градовскимъ. Онъ выступилъ одновременно и въ печати и въ общемъ собраніи Литературнаго фонда, Въ заявленіи, прочитанномъ имъ въ общемъ собраніи 25 октября 1881 г., Г. К. Градовскій, послѣ очерка все усиливающихся затрудненій въ

положеніи литературнаго труда, высказалъ общее обвиненіе комитету Литературнаго фонда въ вялости, отсутствіи предпріимчивости и заявилъ, что Литературный фондъ, несмотря на ухудшающееся положеніе работниковъ печати и на увеличивающуюся ихъ эксплоатацію редакціями и издателями газетъ и журналовъ, „ограничивается ролью самыхъ банальныхъ благотворительныхъ обществъ". Послѣ горячихъ преній, вызванныхъ этимъ заявленіемъ, Г. К. Градовскому предложено было точно формулировать тѣ измѣненія въ дѣятельности общества и въ его уставѣ, которыя онъ предлагаетъ и внести ихъ на обсужденіе комитета. Г. Градовскій формулировалъ свои desiderata въ особой запискѣ и одновременно напечаталъ рѣзкій фельетонъ въ „Московскомъ телеграфѣ" (№ 300, отъ 30 октября 1881 г.), въ которомъ выразилъ свои мысли, изложенныя въ заявленіи общему собранію фонда. Реформы, предложенныя г. Градовскимъ, сводились: 1) къ отчисленію 5.000 р. взамѣнъ несостоявшейся ссудо-сберегательной кассы на образованіе ссуднаго капитала Литературнаго фонда для выдачи срочныхъ ссудъ литераторамъ и ученымъ, 2) къ учрежденію при обществѣ эмеритальной кассы, 3) къ образованію постоянной издательской комиссіи (согласно § 3 и 5 устава) и организаціи матеріальной помощи періодическимъ изданіямъ, предпринимаемымъ на кооперативныхъ началахъ, 4) къ оказанію нравственнаго содѣйствія и посредничества литераторамъ и ученымъ въ ихъ сношеніяхъ съ цензурой и въ случаяхъ недоразумѣній съ редакціями и издателями, а также къ ходатайству передъ правительствомъ о дополненіи или измѣненіи относящихся къ литературѣ законовъ, 5) къ организаціи сношеній съ другими литературными обществами въ Россіи и заграницей, 6) къ установленію обязанности комитета созывать чрезвычайныя собранія общества по требованію 10 членовъ и 7) къ обсужденію въ комитетѣ и затѣмъ въ общемъ собраніи тѣхъ измѣненій, какія потребуются въ соотвѣтствіи съ вышеизложеннымъ въ уставѣ общества [1]).

Какъ выяснилось на общемъ Собраніи 1881 г., кое что изъ того, что предлагалъ Г. К. Градовскій на практикѣ осуществлялось Комитетомъ. Не встрѣтила сочувствія, по своей рискованности, на этомъ собраніи идея пособій періодическимъ изданіямъ, основаннымъ на кооперативныхъ началахъ. Комитетъ вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ общему собранію подробный цифровой отчетъ о дѣятельности общества за пятилѣтіе съ 1876 по 1881 г. Въ концѣ концовъ общее собраніе 20 декабря 1881 г. признало 21 голосомъ

---

[1]) Подробное изложеніе исторіи выступленія Г. К. Градовскаго см. въ „Лѣтописи" въ „Сборникѣ XXV лѣтъ", стр. 173 и слѣд.

противъ 1-хъ, что не требуется никакихъ измѣненій въ дѣйствующемъ уставѣ общества. Изъ нападеній Г. К. Градовскаго вышелъ однако же тотъ практическій результатъ, что единодушно признана была желательность образованія, параллельно съ Литературнымъ фондомъ, другого профессіональнаго учрежденія, основаннаго на началахъ самопомощи. Черезъ нѣсколько лѣтъ это рѣшеніе привело къ учрежденію кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, которая обязана своимъ возникновеніемъ Г. К. Градовскому.

Во второмъ двадцатипятилѣтіи существованія Литературнаго фонда сколько-нибудь сильныхъ и рѣзкихъ нападокъ на его дѣятельность не было, хотя въ общихъ собраніяхъ неоднократно бывали споры, касающіеся тѣхъ или другихъ частностей, напримѣръ практики выдачи заимообразныхъ безсрочныхъ пособій и срочныхъ ссудъ и т. п.

Списокъ членовъ всѣхъ комитетовъ Литературнаго фонда за всѣ пятьдесятъ лѣтъ его существованія приложенъ къ настоящему обзору. Изъ этого списка не трудно усмотрѣть, что въ составъ комитета избирались писатели и ученые безъ различія ихъ политическихъ взглядовъ и направленій

Члены комитета, принимая на себя это званіе, принимали и обязанность, помимо посѣщенія комитетскихъ засѣданій, которыя происходили согласно уставу два раза въ мѣсяцъ, исполнять еще и разнообразныя личныя порученія. Эти порученія заключались въ посѣщеніи лицъ, обращавшихся за помощью фонда, въ наведеніи различнаго рода справокъ, въ сношеніяхъ съ разными лицами и учрежденіями, въ хлопотахъ и заботахъ по части устройства осиротѣвшихъ дѣтей и малолѣтнихъ, или наоборотъ, престарѣлыхъ родственниковъ писателей и ученыхъ въ различныя учебныя заведенія, пріюты, богадѣльни и т. п. Съ самаго начала и до послѣдняго времени комитетъ фонда пользовался дѣятельнымъ и радушнымъ содѣйствіемъ цѣлаго ряда лицъ, частью состоящихъ, частью и не состоящихъ членами Литературнаго фонда, по части устройства разнаго рода спектаклей, концертовъ, чтеній, лекцій, выставокъ и т. п. предпріятій, доходами съ которыхъ общество пополняло свой расходный бюджетъ. Наряду съ писателями и учеными здѣсь нельзя не вспомнить содѣйствія цѣлаго ряда лицъ, принадлежащихъ къ театральному и артистическому міру и просто членовъ русскаго образованнаго общества въ широкомъ смыслѣ, имена которыхъ печатаются ежегодно съ горячей признательностью въ отчетахъ Литературнаго фонда.

Конечно, самая большая доля хлопотъ и работы выпадала всегда на долю предсѣдателей, секретарей и казначеевъ Литературнаго

фонда. Изъ числа первыхъ, на ряду съ первымъ предсѣдателемъ общества Ег. П. Ковалевскимъ, о заслугахъ котораго мы уже упоминали въ началѣ этого очерка, Литературный фондъ, никогда не забудетъ, конечно, многолѣтнихъ услугъ, оказанныхъ ему другимъ покойнымъ его предсѣдателемъ Вячеславомъ Авксентьевичемъ Манассеинымъ.

Въ дѣлѣ организаціи различнаго рода предпріятій и вообще увеличенія средствъ Литературнаго фонда, самыя большія услуги ему, изъ числа бывшихъ его предсѣдателей, оказали покойные В. П. Гаевскій и П. И. Вейнбергъ

Въ теченіи истекшаго пятидесятилѣтія должность предсѣдателя занимали: Ег. П. Ковалевскій—7 лѣтъ, В. А. Манассеинъ и Н. С. Таганцевъ—по 6 лѣтъ, В. П. Гаевскій и П. И. Вейнбергъ—по 5 лѣтъ, Я. К. Гротъ и В. И. Сергѣевичъ—по 4 года, А. П. Заблоцкій-Десятовскій—3 года, Г. К. Рѣпинскій, К. К. Арсеньевъ и Н. И Карѣевъ (нынѣшній предсѣдатель фонда)—по 2 года, кн. Г. А. Щербатовъ, Н. К. Михайловскій и Э. Л. Радловъ—по 1 году и наконецъ кн. А. И. Васильчиковъ всего нѣсколько мѣсяцевъ (въ годъ его смерти),

Товарищами предсѣдателей были: Н. С. Таганцевъ—11 лѣтъ. К. Д. Кавелинъ—6 лѣтъ, А. А. Краевскій—5 лѣтъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій—4 г., В. А. Манассеинъ—3 г., кн. Г. А. Щербатовъ, Я. К. Гротъ, В. П. Гаевскій, Н. И. Карѣевъ и Н. А. Котляревскій—по 2 года, А. В. Дружининъ, П. В. Анненковъ, Н. А. Некрасовъ, М. Е. Салтыковъ, А. Н. Пыпинъ, Д. Ф. Кобеко, К. К. Арсеньевъ, А. А. Потѣхинъ и Ф. Д. Батюшковъ—по 1 году.

Секретарями Литературнаго фонда были: Г. К. Рѣпинскій—5 лѣтъ, Н. А. Котляревскій—4 года, В. П. Гаевскій, К. Д. Кавелинъ, Н. К. Михайловскій и К. М. Станюковичъ—по 3 года, П. О. Морозовъ, Н. И. Карѣевъ и С. А. Венгеровъ—по 2 года, А. Д. Галаховъ, П. М. Ковалевскій, Ѳ. М. Достоевскій, С. П. Щепкинъ. П. В. Анненковъ, П. А. Ефремовъ, К. К. Арсеньевъ, Э. К. Ватсонъ, П. А. Гайдебуровъ, Н. В. Шелгуновъ, Д. Л. Мордовцевъ, Д. Ф. Кобеко, В. И. Семевскій, В. Ю. Скалонъ, В. В. Лесевичъ, Н. Ф. Анненскій, С. Ф. Ольденбургъ, Ф. Д. Батюшковъ, Л. Ф. Пантелѣевъ, Д. Н. Овсянико-Куликовскій, В. Я. Яковлевъ-Богучарскій, А. С. Пругавинъ и В. Д. Набоковъ—по 1 году.

Казначеями Литературнаго фонда были: Н. Ф. Анненскій—8 лѣтъ, Ф. Ф. Воронововъ и Я. Г. Гуревичъ—по 5 лѣтъ, М. М. Стасюлевичъ и Е. Э. Картавцевъ по 4 года, Н. Н. Тютчевъ и П. А. Гайдебуровъ по 3 года, И. Н. Березинъ, Б. П. Утинъ, Э. К. Ватсонъ, Е. И. Утинъ и В. Г. Котельниковъ—по 2 года, А. А. Краевскій,

П. Л. Лавровъ, В. П. Вешняковъ, П. А. Ефремовъ, А. Д. Градовскій, Ѳ. Д. Батюшковъ С. Е. Савичъ и С. А. Венгеровъ—по 1 году.

Въ послѣдніе годы дѣла Литературнаго фонда расширились, независимо отъ увеличенія размѣровъ ранѣе практиковавшихся имъ операцій по выдачѣ различнаго рода пособій,—какъ увеличеніемъ числа принадлежащихъ ему изданій, такъ и возникновеніемъ „дома писателей“ и связанныхъ съ нимъ хлопотъ по управленію принадлежащимъ фонду недвижимымъ имуществомъ. Для завѣдыванія этимъ дѣломъ учрежденъ, какъ сказано выше, особый совѣтъ, въ составъ котораго комитетъ фонда выбираетъ изъ своей среды трехъ членовъ и трехъ членовъ посылаетъ общее собраніе фонда. На ряду съ дѣятельностью комитета въ исторіи Литературнаго фонда слѣдуетъ упомянуть и о дѣятельности ревизіонныхъ комиссій. Ихъ роль не исчерпывалась строгой и добросовѣстной провѣркой денежныхъ счетовъ и годовыхъ отчетовъ комитетовъ. Со времени первой, ревизіонной комиссіи, обревизовавшей отчетъ комитета за 1860 годъ въ Литературномъ фондѣ образовалась въ высшей степени плодотворная традиція, благодаря которой ревизіонныя комиссіи всегда брали на себя вмѣстѣ съ провѣркой правильности дѣйствій комитета и оцѣнку ихъ цѣлесообразности. Онѣ всегда считали своимъ долгомъ вникать въ сущность всѣхъ дѣлаемыхъ комитету со стороны заявленій, критики и нареканій и, вдумчиво слѣдя за растущими нуждами и потребностями писательской среды, не рѣдко выступали иниціаторами различныхъ предложеній и улучшеній, регулировавшихъ впослѣдствіи дѣятельность комитетовъ и вводившихъ въ ихъ тактику различныя полезныя нововведенія и составившія въ суммѣ жизненныя дополненія и разъясненія устава, о которыхъ мы говорили неоднократно выше.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ одинъ изъ составителей „Лѣтописи“ Литературнаго фонда, помѣщенной въ „Сборникѣ XXV лѣтъ“, А. М. Скабичевскій, заключая свой трудъ, выразилъ скромное пожеланіе, чтобы капиталъ, Литературнаго фонда увеличился до 200 или 300 тысячъ рублей и чтобы такимъ образомъ ежегодные расходы Литературнаго фонда на пособія, достигавшіе въ 80-хъ годахъ 15 т. руб. въ годъ, обезпечивались одними доходами съ принадлежащаго обществу капитала. П. И. Вейнбергъ, подводившій итоги дѣятельности фонда въ 1899 г., когда исполнилось 40 лѣтъ его существованія, могъ констатировать въ своемъ краткомъ обзорѣ, что скромныя пожеланія А. М. Скабичевскаго далеко превзойдены, такъ какъ капиталъ Литературнаго фонда въ 1899 г. равнялся уже 450 т. рублей. П. И. Вейнбергъ, констатируя этотъ успѣхъ, указалъ однако же, что пособія, выдаваемыя Литературнымъ фондомъ русскимъ писателямъ и ученымъ или ихъ семьямъ въ трудныя минуты

ихъ жизни, представляютъ собой по размѣрамъ своимъ въ сущности лишь соломенки, за которыя можетъ ухватиться человѣкъ, находящійся на краю гибели, чтобы не погибнуть. Поэтому онъ высказываетъ пожеланіе, чтобы капиталы общества возрасли на столько, чтобы соломенки эти обратились въ бревна, такъ чтобы каждый нуждающійся въ пособіи ученый или писатель, разъ онъ имѣетъ право на пособіе, получалъ его въ такомъ щедромъ размѣрѣ, чтобы оно, соотвѣтственно желанію основателей Литературнаго фонда, выводило его совершенно изъ затруднительнаго положенія и прочно ставило на ноги.

Обращаясь теперь мыслью къ тѣмъ идеямъ и пожеланіямъ, съ которыми основатели Литературнаго фонда начинали свое полезное дѣло, мнѣ хотѣлось бы въ свою очередь напомнить, что если они не разсчитывали въ то время на такія крупныя пожертвованія отдѣльныхъ лицъ, благодаря которымъ Литературный фондъ возросъ до настоящихъ своихъ размѣровъ, за то они навѣрное ожидали, что все русское образованное общество въ массѣ своей отнесется съ большимъ постоянствомъ и радушіемъ къ дѣлу обезпеченія нуждающихся дѣятелей науки и литературы, нежели мы это видимъ въ дѣйствительности. Въ интересахъ не только этихъ послѣднихъ, но и самого русскаго общества, я позволю себѣ здѣсь выразить пожеланіе, чтобы Литературный фондъ считалъ своихъ членовъ не сотнями, какъ теперь, а тысячами и десятками тысячъ, чтобы дѣло его стало дѣйствительно дѣломъ всего русскаго общества и чтобы сознаніе связи между обществомъ и литературной средой сдѣлалось наконецъ прочнымъ. Я полагаю, что въ такомъ случаѣ будетъ достигнуто какъ справедливое пожеланіе П. И. Вейнберга, такъ и другое желаніе основателей Литературнаго фонда, чтобы пособія и въ особенности пенсіи, имъ выдаваемыя, признавались не благодѣяніемъ, получаемымъ изъ состраданія и милости, а общественнымъ пособіемъ, получаемымъ за свои заслуги по праву. Тогда можетъ быть отпадетъ и та щепетильнось, которая въ настоящее время не позволяетъ сдѣлать дѣло назначенія этихъ пособій дѣломъ вполнѣ гласнымъ, и пенсія, назначенная за научныя или литературныя заслуги отъ общества, будетъ считаться пособіемъ, столь же мало шокирующимъ самолюбіе лица, ее получившаго, какъ казенная пенсія за государственную службу.

А. Корниловъ.

СПИСОКЪ
ЧЛЕНОВЪ УЧРЕДИТЕЛЕЙ,
явившихся на собраніе 8 ноября 1859 года.

Альбертини, Николай Викентьевичъ.
Анненковъ, Павелъ Васильевичъ.
Басистовъ, Павелъ Ефимовичъ.
Безобразовъ, Владиміръ Павловичъ.
Бестужевъ-Рюминъ, Константинъ Николаевичъ.
Благовѣщенскій, Николай Михайловичъ.
Гаевскій, Викторъ Павловичъ.
Галаховъ, Алексѣй Дмитріевичъ.
Геннади, Григорій Николаевичъ.
Дружининъ, Александръ Васильевичъ.
Заблоцкій-Десятовскій, Андрей Парфеновичъ.
Кавелинъ, Константинъ Дмитріевичъ.
Карновичъ, Евгеній Петровичъ
Ковалевскій, Егоръ Петровичъ.
Ковалевскій, Павелъ Михайловичъ.
Коршъ, Валентинъ Федоровичъ.
Коршъ, Евгеній Федоровичъ.
Краевскій, Андрей Александровичъ.
Ламанскій, Владиміръ Ивановичъ.
Ламанскій, Евгеній Ивановичъ.
Майковъ, Аполлонъ Николаевичъ.
Михайловъ, Михаилъ Илларіоновичъ.
Никитенко, Александръ Васильевичъ.
Некрасовъ, Николай Алексѣевичъ.
Обручевъ, Николай Николаевичъ.
Островскій, Александръ Николаевичъ.
Пыпинъ, Александръ Николаевичъ.
Рѣдкинъ, Петръ Григорьевичъ.
Салтыковъ, Михаилъ Евграфовичъ.
Стасюлевичъ, Михаилъ Матвѣевичъ.
Соловьевъ, Яковъ Александровичъ.
Тернеръ, Федоръ Густавовичъ.
Толстой, графъ Алексѣй Константиновичъ.
Тургеневъ, Иванъ Сергѣевичъ.
Чернышевскій, Николай Гавриловичъ.

Списокъ членовъ Комитета со времени основанія Общества.

8 ноября 1859—2 февраля 1861 г.

Предсѣдатель	Е. П. Ковалевскій.
Товарищъ	К. Д. Кавелинъ.
Казначей	А. А. Краевскій.
Секретарь	А. Д. Галаховъ.
Члены	П. В. Анненковъ.
	А. В. Дружининъ.
	С. С. Дудышкинъ.
	А. П. Заблоцкій.
	Е. И. Ламанскій.
	А. В. Никитенко.
	И. С. Тургеневъ.
	Н. Г. Чернышевскій.

2 февраля 1861—2 февраля 1862 г.

Предсѣдатель	Е. П. Ковалевскій.
Товарищъ	А. В. Дружининъ.
Казначей	П. Л. Лавровъ.
Секретарь	П. М. Ковалевскій.
Члены:	П. В. Анненковъ.
	И. Н. Березинъ.
	С. С. Дудышкинъ.
	А. П. Заблоцкій.
	Н. В. Калачевъ.
	Е. И. Ламанскій.
	И. С. Тургеневъ.
	Н. Г. Чернышевскій.

2 февраля 1862—2 февраля 1863 г.

Предсѣдатель	Кн. Г. А. Щербатовъ.
Товарищъ	А. П. Заблоцкій.
Казначей	И. Н. Березинъ.
Секретарь	В. П. Гаевскій.
Члены:	А. Д. Галаховъ.
	Н. В. Калачевъ.
	К. Д. Кавелинъ.
	П. М. Ковалевскій.
	П. Л. Лавровъ.
	Н. А. Некрасовъ.
	И. С. Тургеневъ.

2 февраля 1863—2 февраля 1864 г.

Предсѣдатель	Е. П. Ковалевскій.
Товарищъ	Кн. Г. А. Щербатовъ.
Казначей	И. Н. Березинъ.
Секретарь	Ѳ. М. Достоевскій.
Члены:	В. П. Гаевскій.
	А. Д. Галаховъ.
	К. Д. Кавелинъ.
	Н. В. Калачевъ.
	П. М. Ковалевскій.
	П. Л. Лавровъ.
	А. Н. Пыпинъ.
	Б. И. Утинъ.

2 февраля 1864—2 февраля 1865 г.

Предсѣдатель	Е. П. Ковалевскій.
Товарищъ	Кн. Г. А. Щербатовъ.
Казначей	Б. И. Утинъ.
Секретарь	В. П. Гаевскій.
Члены:	А. Д. Галаховъ.
	Ѳ. М. Достоевскій.
	К. Д. Кавелинъ.
	В. Ѳ. Коршъ.
	Н. А. Некрасовъ.
	П. П. Пекарскій
	А. Н. Пыпинъ.
	И. С. Тургеневъ.

2 февраля 1865—2 февраля 1866 г.

Предсѣдатель	Е. П. Ковалевскій.
Товарищъ	Я. К. Гротъ.
Казначей	М. М. Стасюлевичъ.
Секретарь	С. П. Щепкинъ.
Члены:	П. В. Анненковъ.
	Ѳ. М. Достоевскій.
	В. Ѳ. Коршъ.
	Н. А. Некрасовъ.
	П. П. Пекарскій.
	А. Н. Пыпинъ.
	И. С. Тургеневъ.
	Б. И. Утинъ.

2 февраля 186 —2 февраля 1867 г.

Предсѣдатель Я. К. Гротъ.
Товарищъ П. В. Анненковъ.
Казначей М. М. Стасюлевичъ.
Секретарь К. Д. Кавелинъ.
Члены: В. П. Гаевскій.
А. Д. Галаховъ.
С. С. Дудышкинъ.
В. О. Коршъ.
Н. А. Некрасовъ
П. П. Пекарскій.
Н. Н Тютчевъ.
С. П. Щепкинъ.

2 февраля 1867—2 февраля 1868 г.

Предсѣдатель Е. П. Ковалевскій.
Товарищъ Я. К. Гротъ.
Казначей М. М. Стасюлевичъ.
Секретарь К. Д. Кавелинъ.
Члены: П. В. Анненковъ.
К. К. Арсеньевъ.
В. П. Гаевскій.
А. Д. Галаховъ.
В. И. Ламанскій.
Н. Н. Тютчевъ.
Б. И. Утинъ.
С. П. Щепкинъ.

2 февраля 1868—2 февраля 1869 г.

Предсѣдатель Е. П. Ковалевскій.
Товарищъ А. П. Заблоцкій.
Казначей Н Н. Тютчевъ.
Секретарь К. Д. Кавелинъ.
Члены: К. К. Арсеньевъ.
В. П. Гаевскій.
А. Д. Галаховъ.
В. Ѳ. Коршъ.
В. И. Ламанскій.
А. Н. Пыпинъ.
Г. К. Рѣпинскій.
Б. И. Утинъ.

2 февраля 1869—2 февраля 1870 г.

Предсѣдатель Я. К. Гротъ.
Товарищъ А. П. Заблоцкій.
Казначей М. М. Стасюлевичъ.
Секретарь Г. К. Рѣпинскій.
Члены: П. В. Анненковъ.
К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.
М. И. Богдановичъ.
К. К. Арсеньевъ.
В. И. Ламанскій.
А. Н. Пыпинъ.
В. О. Коршъ.
Б. И. Утинъ.

2 февраля 1870—2 февраля 1871 г.

Предсѣдатель Я. К. Гротъ.
Товарищъ. А. П. Заблоцкій.
Казначей Н. Н. Тютчевъ.
Секретарь Г. К. Рѣпинскій.
Члены: П. В. Анненковъ.
К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.
В. П. Гаевскій.
К. Д. Кавелинъ.
В. Ѳ. Коршъ.
П. М. Ковалевскій.
А. Н. Пыпинъ.
М. М. Стасюлевичъ.

2 февраля 1871—2 февраля 1872 г.

Предсѣдатель Я. К. Гротъ.
Товарищъ К. Д. Кавелинъ.
Казначей Н. Н. Тютчевъ.
Секретарь П. В. Анненковъ.
Члены: К. К. Арсеньевъ.
К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.
В. П. Гаевскій.
П. М. Ковалевскій.
М. Е. Салтыковъ.
М. М. Стасюлевичъ.
А. С. Суворинъ.
Б. И. Утинъ.

2 февраля 1872—2 февраля 1873 г.

Предсѣдатель А. П. Заблоцкій.
Товарищъ К. Д. Кавелинъ.
Казначей Б. И. Утинъ.
Секретарь Г. К. Рѣпинскій.
Члены: К. К. Арсеньевъ.
В. П. Гаевскій.
П. М. Ковалевскій.
В. Ѳ. Коршъ.

А. Н. Пыпинъ.
М. Е. Салтыковъ.
А. С. Суворинъ.
Н. Н. Тютчевъ.

2 февраля 1873—2 февраля 1874 г.

Предсѣдатель А. П. Заблоцкій.
Товарищъ М. М. Стасюлевичъ.
Казначей В. И. Вешняковъ.
Секретарь Г. К. Рѣпинскій.
Члены: К. К. Арсеньевъ.
К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.
Г. Г. Даниловичъ.
В. Ѳ. Коршъ.
О. Ѳ. Миллеръ.
А. Н. Пыпинъ.
М. Е. Салтыковъ.
А. С. Суворинъ.

2 февраля 1874—2 февраля 1875 г.

Предсѣдатель А. П. Заблоцкій.
Товарищъ В. П. Гаевскій.
Казначей П. А. Ефремовъ.
Секретарь Г. К. Рѣпинскій.
Члены: К. Н. Бестужевъ—Рюминъ.
В. И. Вешняковъ.
К. Д. Кавелинъ.
В. Ѳ. Коршъ.
О. Ѳ. Миллеръ.
Н. А. Некрасовъ.
А. Н. Пыпинъ.
М. М. Стасюлевичъ.

2 февраля 1875—2 февраля 1876 г.

Предсѣдатель В. П. Гаевскій.
Товарищъ Н. А. Некрасовъ.
Казначей П. А. Гайдебуровъ.
Секретерь П. А. Ефремовъ.
Члены: К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.
В. И. Вешняковъ.
К. Д. Кавелинъ.
А. А. Краевскій.
О. Ѳ. Миллеръ.
М. Е. Салтыковъ.
М. М. Стасюлевичъ.
Н. С. Таганцевъ.

2 февраля 1876—2 февраля 1877 г.

Предсѣдатель В. П. Гаевскій.
Товарищъ К. Д. Кавелинъ.
Казначей П. А. Гайдебуровъ.
Секретарь К. К. Арсеньевъ.
Члены: П. А. Ефремовъ.
Н. И. Костомаровъ.
Н. А. Некрасовъ.
А. А. Краевскій.
А. Н. Пыпинъ.
Г. К. Рѣпинскій
М. Е. Салтыковъ.
Н. С. Таганцевъ.

2 февраля 1877—2 февраля 1878 г.

Предсѣдатель Г. К. Рѣпинскій.
Товарищъ М. Е. Салтыковъ.
Казначей П. А. Гайдебуровъ.
Секретарь Э. К. Ватсонъ.
Члены: К. К. Арсеньевъ.
В. Ѳ. Коршъ.
Н. И. Костомаровъ.
А. А. Краевскій.
В. А. Манассеинъ.
Л. А. Полонскій.
А. Н. Пыпинъ.
Н. С. Таганцевъ.

2 февраля 1878—2 февраля 1879 г.

Предсѣдатель Г. К. Рѣпинскій.
Товарищъ В. П. Гаевскій.
Казначей Э. К. Ватсонъ.
Секретарь Н. К. Михайловскій.
Члены: К. К. Арсеньевъ.
А. Д. Градовскій.
Е. П. Карновичъ.
В. Ѳ. Коршъ.
Н. И. Костомаровъ.
В. А. Манассеинъ.
Л. А. Полонскій.
А. Н. Пыпинъ

2 февраля 1879—2 февраля 1880 г.

Предсѣдатель В. П. Гаевскій.
Товарищъ А. А. Краевскій.

Казначей Э. К. Ватсонъ.
Секретарь Н. К. Михайловскій
Члены: А. Н. Бекетовъ.
Ѳ. Ѳ. Воропоновъ.
П. А. Гайдебуровъ.
А. Д. Градовскій.
Е. П. Карновичъ.
В. Ѳ. Коршъ.
В. А. Манассеинъ.
Л. А. Полонскій.

2 февраля—1880—2 февраля 1881 г.

Предсѣдатель В. П. Гаевскій.
Товарищъ А. А. Краевскій.
Казначей Ѳ. Ѳ. Воропоновъ.
Секретарь Н. К. Михайловскій.
Члены: А. Н. Бекетовъ.
П. А. Гайдебуровъ.
А. Д. Градовскій.
Д. В. Григоровичъ.
Е. П. Карновичъ.
А. А. Потѣхинъ.
М. Е. Салтыковъ.
И. С. Тургеневъ.

2 февраля 1881—2 февраля 1882 г.

Предсѣдатель Н. С. Таганцевъ.
Товарищъ К. Д. Кавелинъ.
Казначей Ѳ. Ѳ. Воропоновъ.
Секретарь П. А. Гайдебуровъ.
Члены: А. Н. Бекетовъ.
Д. В. Григоровичъ.
В. Ѳ. Коршъ.
А. А. Краевскій
В. А. Манассеинъ.
Л. А. Полонскій.
А. А. Потѣхинъ.
И. С. Тургеневъ.

2 февраля 1882—2 февраля 1883 г.

Предсѣдатель Н. С. Таганцевъ.
Товарищъ К. Д. Кавелинъ.
Казначей А. Д. Градовскій.
Секретарь Н. В. Шелгуновъ
Члены: В. П. Гаевскій.
Д. В. Григоровичъ.
В. Ѳ. Коршъ.
В. А. Манассеинъ.
Н. К. Михайловскій.
Л. А. Полонскій.
А. А. Потѣхинъ.
И. С. Тургеневъ.

2 февраля 1883—2 февраля 1884 г.

Предсѣдатель Н. С. Таганцевъ.
Товарищъ А. А. Краевскій.
Казначей Ѳ. Ѳ. Воропоновъ.
Секретарь П. А. Гайдебуровъ.
Члены: В. П. Гаевскій.
А. Д. Градовскій.
К. Д. Кавелинъ.
В. Ѳ. Коршъ.
В. А. Манассеинъ.
Н. К. Михайловскій.
Л. А. Полонскій.
В. И. Семевскій.

2 февраля 1884—2 февраля 1885 г.

Предсѣдатель В. П. Гаевскій.
Товарищъ А. А. Краевскій.
Казначей Ѳ. Ѳ. Воропоновъ
Секретарь Д. Л. Мордовцевъ.
Члены: К. К. Арсеньевъ.
П. А. Гайдебуровъ.
А. Д. Градовскій.
Н. К. Михайловскій.
А. Н. Пыпинъ.
М. И. Семевскій.
А. М. Скабичевскій.
Н. В. Шелгуновъ.

2 февраля 1885 - 2 февраля 1886 г.

Предсѣдатель Н. С. Таганцевъ.
Товарищъ А. А. Краевскій.
Казначей Ѳ. Ѳ, Воропоновъ.
Секретарь Д. Ѳ. Кобеко.
Члены: К. К. Арсеньевъ.
П. А. Гайдебуровъ.
В. А. Манассеинъ.
Д. Л. Мордовцевъ.
А. Н. Плещеевъ.
А. Н. Пыпинъ.
М. И. Семевскій.
Ю. Э. Янсонъ.

2 февраля 1886 —2 февраля 1887 г.

Предсѣдатель Н. С. Таганцевъ.
Товарищъ А. Н. Пыпинъ.
Казначей Е. И. Утинъ.
Секретарь Д. Ѳ. Кобеко.
Члены: К. К. Арсеньевъ.
В. М. Гаршинъ.
В. А. Манассеинъ.
О. Ѳ. Миллеръ.
Д. Л. Мордовцевъ,
А. Н. Плещеевъ.
В. И. Сергѣевичъ.
А. М. Скабичевскій.

2 февраля 1887—2 февраля 1888 г.

Предсѣдатель Н. С. Таганцевъ.
Товарищъ Д. Ѳ. Кобеко.
Казначей Е. И. Утинъ.
Секретарь Н. О. Морозовъ.
Члены: В. М. Гаршинъ.
П. А. Гайдебуровъ.
В. А. Манассеинъ.
Н. К. Михайловскій,
С. А. Муромцевъ.
А. Н. Плещеевъ.
В. И. Сергѣевичъ.
А. М. Скабичевскій.

2 февраля 1888—2 февраля 1889 г.

Предсѣдатель В. И. Сергѣевичъ.
Товарищъ К. К. Арсеньевъ.
Казначей Я. Г. Гуревичъ.
Секретарь Н. О. Морозовъ.
Члены: П. А. Гайдебуровъ.
В. М. Гаршинъ.
А. М. Жемчужниковъ.
Н. К. Михайловскій.
С. А. Муромцевъ.
А. М. Скабичевскій.
В. Ю. Скалонъ.
Е. И. Утинъ.

2 февраля 1889—2 февраля 1890 г.

Предсѣдатель К. К. Арсеньевъ.
Товарищъ В. А. Манассеинъ.
Казначей Я. Г. Гуревичъ.
Секретарь В. И. Семевскій.
Члены: Ѳ. Ѳ. Воропоновъ.
П. А. Гайдебуровъ,
А. М. Жемчужниковъ.
Н. К. Михайловскій.
П. О. Морозовъ.
С. А. Муромцевъ.
В. Ю. Скалонъ.
А. К. Шеллеръ.

2 февраля 1890—2 февраля 1891 г.

Предсѣдатель К. К. Арсеньевъ.
Товарищъ В. А. Манассеинъ.
Казначей В. Г. Котельниковъ.
Секретарь В. Ю. Скалонъ.
Члены: Ѳ. Ѳ. Воропоновъ.
Я. Г. Гуревичъ.
А. М. Жемчужниковъ.
Н. И. Карѣевъ.
В. В. Лесевичъ.
В. И. Семевскій.
Н. С. Таганцевъ.
А. К. Шеллеръ.

2 февраля 1891—2 февраля 1892 г.

Предсѣдатель В. А. Манассеинъ.
Товарищъ Н. С. Таганцевъ.
Казначей В. Г. Котельниковъ.
Секретарь Н. И. Карѣевъ.
Члены: Ѳ. Ѳ. Воропоновъ.
П. А. Гайдебуровъ.
В. В. Лесевичъ.
А. Н. Плещеевъ.
В. И. Семевскій.
В. И. Сергѣевичъ.
А. К. Шеллеръ.
Э. К. Ватсонъ.

2 февраль 1892—2 февраля 1893 г.

Предсѣдатель В. И. Сергѣевичъ.
Товарищъ Н. С. Таганцевъ.
Казначей Я. Г. Гуревичъ.
Секретарь К. М. Станюковичъ.
Члены: К. К. Арсеньевъ.
П. А. Гайдебуровъ.
Н. И. Карѣевъ.
В. Г. Котельниковъ.
Н. К. Михайловскій.
А. Н. Плещеевъ.

Е. И. Утинъ.
В. В. Лесевичъ.

2 февраля 1893—2 февраля 1894 г.

Предсѣдатель В. И. Сергѣевичъ.
Товарищъ В. А. Манассеинъ.
Казначей Я. Г. Гуревичъ.
Секретарь К. М. Станюковичъ.
Члены: К. К. Арсеньевъ.
П. И. Вейнбергъ.
П. А. Гайдебуровъ.
Н. К. Михайловскій.
А. Н. Плещеевъ.
К. А. Поссе.
В. И. Семевскій.
Е. И. Утинъ.

2 февраля 1894—2 февраля 1895 г.

Предсѣдатель В. А. Манассеинъ.
Товарищъ Н. С. Таганцевъ.
Казначей Е. Э. Картавцевъ.
Секретарь Н. И. Карѣевъ.
Члены: К. К. Арсеньевъ.
П. И. Вейнбергъ.
Ѳ. Ѳ. Воропоновъ.
Я. Г. Гуревичъ.
Н. К. Михайловскій.
К. А. Поссе.
В. И. Семевскій.
К. М. Станюковичъ.

2 февраля 1895—2 февраля 1896 г.

Предсѣдатель В. А. Манассеинъ.
Товарищъ Н. С. Таганцевъ.
Казначей Е. Э. Картавцевъ.
Секретарь В. В. Лесевичъ.
Члены: Н. Ѳ. Анненскій.
П. И. Вейнбергъ.
Ѳ. Ѳ. Воропоновъ.
Н. И. Карѣевъ.
Н. А. Карышевъ.
К. А. Поссе.
А. А. Потѣхинъ.
В. И. Семевскій.

2 февраля 1896—2 февраля 1897 г.

Предсѣдатель В. И. Сергѣевичъ.
Товарищъ Н. С. Таганцевъ.
Казначей Е. Э. Картавцевъ.
Секретарь Н. Ѳ. Анненскій.
Члены: Ѳ. Ѳ. Воропоновъ.
Я. Г. Гуревичъ.
Н. И. Карѣевъ.
Н. А. Карышевъ.
В. Г. Короленко.
В. В. Лесевичъ.
А. А. Потѣхинъ.
К. М. Станюковичъ.

2 февраля 1897—2 февраля 1898 г.

Предсѣдатель В. А. Манассеинъ.
Товарищъ А. А Потѣхинъ.
Казначей Н. Ѳ. Анненскій.
Секретарь С. А. Венгеровъ.
Члены: П. И. Вейнбергъ.
Я. Г. Гуревичъ.
В. Г. Короленко.
В. В. Лесевичъ.
К. А. Поссе.
В. И. Семевскій.
В. И. Сергѣевичъ.
К. М. Станюковичъ.

2 февраля 1898—2 февраля 1899 г.

Предсѣдатель В. А. Манассеинъ.
Товарищъ Н. С. Таганцевъ.
Казначей Я. Г. Гуревичъ.
Секретарь К. М. Станюковичъ.
Члены: П. И. Вейнбергъ.
В. Г. Короленко.
В. Г. Котельниковъ.
Н. К. Михайловскій.
С. Ѳ. Ольденбургъ.
К. А. Поссе.
П. П. Фавъ-деръ-Флитъ.
В. И. Сергѣевичъ.

2 февраля 1899—2 февраля 1900 г.

Предсѣдатель В. А. Манассеинъ.
Товарищъ Н. С. Таганцевъ.
Казначей Е. Э. Картавцевъ.
Секретарь С. А. Венгеровъ.
Члены: Н. Ѳ. Анненскій.
К. К. Арсеньевъ.
П. И. Вейнбергъ.
Н. И. Карѣевъ.

В. Г. Котельниковъ.
Н. К. Михайловскій.
С. Ф. Ольденбургъ.
К. А. Поссе.

2 февраля 1900—2 февраля 1901 г.

Предсѣдатель Н. К. Михайловскій.
Товарищъ Н. С. Таганцевъ.
Казначей Н. Ф. Анненскій.
Секретарь Н. А. Котляревскій.
Члены: К. К. Арсеньевъ.
П. Д. Боборыкинъ.
С. А. Венгеровъ.
Н. И. Карѣевъ.
В. Г. Короленко.
В. Г. Котельниковъ.
Н. А. Меншуткинъ.
С. Ѳ. Ольденбургъ.

2 февраля 1901—2 февраля 1902 г.

Предсѣдатель П. И. Вейнбергъ.
Товарищъ Н. И. Карѣевъ.
Казначей Н. Ф. Анненскій.
Секретарь Н. А. Котляревскій.
Члены: К. К Арсеньевъ.
Ѳ. Д. Батюшковъ.
П. Д. Боборыкинъ.
С. А. Венгеровъ.
Я. Г. Гуревичъ.
В. Г. Короленко.
В. А. Манассеинъ.
Н. А. Меншуткинъ.

2 февраля 1902 - 2 февраля 1903 г.

Предсѣдатель П. И. Вейнбергъ.
Товарищъ Н. С. Таганцевъ.
Казначей Ф. Д. Батюшковъ.
Секретарь Н. А. Котляревскій.
Члены: П. Д. Боборыкинъ.
Я. Г. Гуревичъ
В. Г. Короленко.
В. Г. Котельниковъ.
Д. Н. Маминъ.
Н. А. Меншуткинъ.
Н. К. Михайловскій.
К. А. Поссе.

2 февраля 1903—2 февраля 1904 г.

Предсѣдатель П. И. Вейнбергъ.
Товарищъ Н. С. Таганцевъ.
Казначей Н. Ф. Анненскій.
Секретарь Ф. Д. Батюшковъ.
Члены: Я. Г. Гуревичъ.
Н. И. Карѣевъ.
В. Г. Котельниковъ.
Д. Н. Маминъ.
Н. К. Михайловскій.
К. А. Поссе.
И. Н. Потапенко.
Э. Л. Радловъ.

2 февраля 1904—2 февраля 1905 г.

Предсѣдатель Э. Л. Радловъ.
Товарищъ Н. С. Таганцевъ.
Казначей Н. Ф. Анненскій.
Секретарь Н. А. Котляревскій.
Члены: С. А. Венгеровъ.
Н. И. Карѣевъ.
В. Г. Котельниковъ.
В. Д. Кузьминъ-Караваевъ.
Н. А. Меншуткинъ.
К. А. Поссе.
И. Н. Потапенко.
С. Е. Савичъ.

2 февраля 1905—2 февраля 1906 г.

Предсѣдатель П. И. Вейнбергъ.
Товарищъ Н. И. Карѣевъ.
Казначей Н. Ф. Анненскій.
Секретарь Л. Ф. Пантелѣевъ.
Члены: Ѳ. Д. Батюшковъ.
С. А. Венгеровъ.
Я. Г. Гуревичъ.
Н. А. Котляревскій.
В. Д. Кузьминъ-Караваевъ.
Н. А. Меншуткинъ.
И. Н. Потапенко.
Э. Л. Радловъ.

2 февраля 1906—2 февраля 1907 г.

Предсѣдатель П. И. Вейнбергъ.
Товарищъ Ѳ. Д. Батюшковъ.
Казначей С. А. Венгеровъ.

Секретарь Д. Н. Овсянико-Куликовскій.
Члены: Я. Г. Гуревичъ.
Н. А. Котляревскій.
В. Д. Кузьминъ-Караваевъ.
Н. А. Меншуткинъ.
П. Н. Милюковъ.
Л. Ф. Пантелѣевъ.
С. Е. Савичъ.
П. Ф. Якубовичъ-Мельшинъ.

2 февраля 1907—2 февраля 1908 г.

Предсѣдатель П. И. Вейнбергъ.
Товарищъ Ѳ. Д. Батюшковъ.
Казначей Н. Ф. Анненскій.
Секретарь В. Я. Яковлевъ-Богучарскій.
Члены: К. С. Баранцевичъ.
Н. А. Карѣевъ.
Д. Н. Овсянико-Куликовскій.
Л. Ф. Пантелѣевъ.
А. С. Посниковъ.
Э. Л. Радловъ.
С. Е. Савичъ.
П. Ф. Якубовичъ-Мельшинъ.

2 февраля 1908—2 февраля 1909 г.

Предсѣдатель Н. И. Карѣевъ.
Товарищъ Н. А. Котляревскій.
Казначей Н. Ѳ. Анненскій.
Секретарь А. С. Пругавинъ.
Члены: К. С. Баранцевичъ.
С. А. Венгеровъ.
В. Д. Кузьминъ-Караваевъ.
Д. Н. Овсянико-Куликовскій.
А. С. Посниковъ.
С. Е. Савичъ.
В. Я. Яковлевъ-Богучарскій.
П. Ф. Якубовичъ-Мельшинъ.

Съ 2 февраля 1909 г.

Предсѣдатель Н. И. Карѣевъ.
Товарищъ А. С. Посниковъ.
Казначей Н. Ѳ. Анненскій.
Секретарь В. Д. Набоковъ.
Члены: Ѳ. Д. Батюшковъ.
С. А. Венгеровъ.
В. Г. Котельниковъ.
В. Д. Кузьминъ-Караваевъ.
Л. Ф. Пантелѣевъ.
А. С. Пругавинъ.
Э. Л. Радловъ.
В. Я. Яковлевъ-Богучарскій.

Изъ исторіи первыхъ лѣтъ существованія Литературнаго Фонда.

I.

Къ исторіи возникновенія Литературнаго Фонда.

(По архивнымъ матеріаламъ).

Въ № 11-мъ *Б. для Чт.* за 1857 г. А. В. Дружининъ напечаталъ статью, въ которой познакомилъ публику съ англійскимъ Фондомъ для поддержки нуждающихся литераторовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ горячо рекомендовалъ устройство подобнаго Общества въ Россіи. Что Дружинину всецѣло принадлежитъ починъ въ этомъ прекрасномъ дѣлѣ, мы имѣемъ свидѣтельства лицъ, принимавшихъ самое дѣятельное участіе въ первоначальной организаціи Литературнаго Фонда. Вотъ слова К. Д. Кавелина: «Вопросъ объ основаніи въ Россіи Литературнаго Фонда былъ возбужденъ А. В. Дружининымъ». Въ № 13-мъ *С.-Пет. Вѣд.* за 1860 г. И. С. Тургеневъ по поводу фельетона *Сѣв. Пчелы*, въ которомъ ему приписывалась иниціатива въ устройствѣ Литературнаго Фонда, категорически заявилъ, что вся честь въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ А. В. Дружинину, а онъ, Тургеневъ, по просьбѣ Дружинина лишь составилъ отчетъ объ обычномъ ежегодномъ обѣдѣ Литературнаго Фонда въ Лондонѣ.

Идея А. В. Дружинина встрѣтила живѣйшее сочувствіе въ литературныхъ кругахъ, «между которыми,—по словамъ Кавелина,—въ то время вслѣдствіе новаго царствованія и возбужденныхъ имъ надеждъ существовало замѣчательное и небывалое единодушіе». Послѣ обмѣна мыслей между главнѣйшими представителями петербургской печати, составленіе устава Общества было возложено на А. В. Никитенко. «Въ то время,—говоритъ

Кавелинъ,—онъ еще считался почтеннымъ человѣкомъ и пользовался общимъ уваженіемъ». Но Никитенко, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же Кавелинъ, «мямлилъ, лѣнился, не умѣлъ совладать съ уставомъ». Тогда его наброски были переданы Андр. Парф. Заблоцкому-Десятовскому и Кавелину, которые въ одно утро и составили уставъ, взявъ за образецъ уставъ Императорскаго Географическаго Общества [1]). Выработанный ими проектъ устава былъ одобренъ кружкомъ литераторовъ, ближайшимъ образомъ интересовавшихся дѣломъ устройства Литературнаго Фонда, и 16-го февраля 1859 г. уставъ при прошеніи за подписями П. В. Анненкова, С. С. Дудышкина, Н. Г. Чернышевскаго, А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, Егора П. Ковалевскаго, Алексѣя Дм. Галахова, А. В. Никитенко, К. Д. Кавелина, А. А. Краевскаго, и И. С. Тургенева былъ представленъ министру народнаго просвѣщенія Евграфу П. Ковалевскому. Прошеніе состояло въ слѣдующемъ:

«Нижеподписавшіеся, представляя при семъ на благоусмотрѣніе Ваше проектъ устава Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ и ихъ семействамъ, составленный по примѣру устава подобнаго общества, существующаго для пособія вдовамъ и сиротамъ медиковъ, покорнѣйше просятъ Ваше Высокопревосходительство оказалъ высокое покровительство означенному учрежденію, исходатайствовавъ оному Высочайшее утвержденіе».

Ссылка на мало кому тогда извѣстное Общество для пособія вдовамъ и сиротамъ медиковъ была сдѣлана, конечно, для того, чтобы показать, что въ проектѣ писателей нѣтъ чего-нибудь совсѣмъ новаго, не существующаго въ Россіи.

Такъ какъ въ числѣ подписавшихся подъ прошеніемъ былъ Егоръ П. Ковалевскій, родной братъ министра народнаго просвѣщенія, то, конечно, послѣдній былъ своевременно и хорошо освѣдомленъ; потому уже 18-го февраля онъ вошелъ въ сношеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. «Нѣкоторые изъ литераторовъ и ученыхъ,—писалъ Ковалевскій министру внутреннихъ дѣлъ (Ланскому),—представивъ мнѣ проектъ устава Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, просятъ объ исходатайствованіи оному Высочайшаго утвержденія... Препровождая при семъ Вашему Высокопревосходительству означенный проектъ, я обращаюсь къ вамъ, М. Г., съ покорнѣйшей просьбой почтить меня увѣдомленіемъ, должно ли предпола-

---

[1]) Замѣтки К. Д. Кавелина о Литературномъ Фондѣ.

гаемое Общество, какъ благотворительное, состоять въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, или же, по положенію лицъ, вспомоществованіе коимъ оно имѣетъ цѣлью, должно подчиняться вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, и въ послѣднемъ случаѣ не изволите ли встрѣтить препятствія къ исходатайствованію Высочайшаго утвержденія упомянутому проекту, въ которомъ, со своей стороны, я не нахожу ничего противнаго существующимъ положеніямъ».

7-го марта Ланской, возвращая проектъ устава, отвѣчалъ, что, «по его мнѣнію, Общество должно состоять въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія» и что онъ «не встрѣчаетъ съ своей стороны никакого препятствія къ представленію этого проекта на Высочайшее утвержденіе». Кромѣ подписи Ланского стоитъ еще: директоръ Н. Милютинъ.

Такъ какъ въ проектѣ устава имѣлся § 16-й, въ которомъ говорилось, что «Общество и иногородные его члены, адресующіе къ нему свои письма, пользуются правомъ пересылки по почтѣ письменной корреспонденціи безъ платежа вѣсовыхъ денегъ», то министръ народнаго просвѣщенія вошелъ по поводу этого параграфа въ сношеніе съ главноначальствующимъ надъ почтовымъ департаментомъ д. т. с. Прянишниковымъ (извѣстнымъ собирателемъ картинъ русской школы), отъ котораго 28-го марта и послѣдовалъ отвѣтъ, что онъ признаетъ «совершенно невозможнымъ изъявить согласіе», такъ какъ Высочайшимъ повелѣніемъ ему «вмѣнено въ обязанность обратить особенное вниманіе на ограниченіе даже и казенной корреспонденціи, безплатно пересылаемой по почтѣ».

По полученіи отзывовъ Ланского и Прянишникова дѣло объ уставѣ изъ департамента министерства народнаго просвѣщенія поступило на заключеніе главнаго правленія училищъ, въ которомъ оно и слушалось 5-го мая. При этомъ почему-то директоромъ департамента министерства народнаго просвѣщенія Ребиндеромъ была доложена справка по дѣлу, никакого отношенія къ ходатайству литераторовъ не имѣвшему. Въ августѣ 1856 г. надворный совѣтникъ Малиновскій прошеніемъ на Высочайшее имя ходатайствовалъ о Высочайшемъ соизволеніи «на составленіе путемъ добровольной подписки капитала, проценты съ котораго должны были выдаваться въ видѣ награды за практически полезныя открытія, приспособленія и ученые труды по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ познаній». По поводу прошенія Малиновскаго коммиссія прошеній вошла въ сношеніе съ главнымъ правленіемъ училищъ. Послѣднее въ свое время отвѣтило, что про-

ектъ Малиновскаго «заслуживаетъ одобренія», но вмѣстѣ съ тѣмъ выразило сомнѣніе въ успѣхѣ предпріятія, потому и не находило возможнымъ дозволить открыть подписку. Это заключеніе главнаго правленія училищъ 29-го марта 1858 г. удостоилось Высочайшаго утвержденія.

Однако эта справка не имѣла никакихъ неблагопріятныхъ послѣдствій для исхода дѣла объ уставѣ въ главномъ правленіи училищъ. Признавая полезнымъ учрежденіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ на основаніяхъ, въ проектѣ устава заключающихся, за исключеніемъ § 16-го, главное правленіе училищъ полагало «на приведеніе сего въ исполненіе испросить Высочайшее соизволеніе». Подъ журналомъ, кромѣ министра, подписались члены: Іаковъ Ростовцевъ, Конст. Сербиновичъ, Пав. Гаевскій, Петръ Плетневъ (ректоръ петербургскаго университета), Ив. Деляновъ (попечитель петербургскаго округа), Николай Ребиндеръ, кн. Ник. Цертелевъ и правитель дѣлъ Кисловскій.

Но прежде чѣмъ быть представленнымъ на Высочайшее утвержденіе уставъ долженъ былъ еще побывать въ комитетѣ министровъ, черезъ который тогда проходило разрѣшеніе всякихъ Обществъ. За отъѣздомъ изъ Петербурга Ковалевскаго дѣло объ уставѣ Литературнаго Фонда поступило въ комитетъ министровъ отъ имени товарища министра Муханова, незадолго передъ тѣмъ переведеннаго на этотъ постъ изъ Варшавы (онъ замѣнилъ кн. П. А. Вяземскаго). Комитетъ министровъ (управляющій дѣлами — статсъ-секретарь Акинфій Петр. Суковкинъ) прежде всего затребовалъ списокъ учредителей Общества (собственно подписавшихъ прошеніе), а затѣмъ обратилъ вниманіе и по существу дѣла. Комитетъ министровъ полагалъ возможнымъ «разрѣшить учрежденіе въ С.-Петербургѣ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ и утвердить составленный для него проектъ устава съ тѣмъ, чтобы въ уставѣ семъ были сдѣланы слѣдующія дополненія: 1) что означенное Общество должно состоять въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія и 2) что независимо отъ опредѣляемой въ §§ 28, 29 и 42 устава годовой отчетности для собраній Общества, комитетъ онаго обязанъ представлять министерству подробный отчетъ о дѣйствіяхъ своихъ за истекшій годъ съ поименованіемъ притомъ всѣхъ безъ исключенія лицъ, получившихъ отъ Общества пособія, и съ объявленіемъ послужившихъ къ назначенію оныхъ уваженій». На «положеніе» комитета министровъ послѣдовало

Высочайшее соизволеніе, о чемъ и было сообщено министру народнаго просвѣщенія.

21-го Іюля управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія вновь представилъ въ комитетъ министровъ проектъ устава съ тѣми дополненіями, которыя были затребованы комитетомъ министровъ (статьи 2-я и 45-я дѣйствующаго устава Общества), прося о поднесеніи онаго на Высочайшее утвержденіе. Въ то же время Муханову пришлось спѣшно исправлять свой промахъ: онъ, должно-быть, полагалъ, что Высочайшимъ соизволеніемъ на журналъ комитета министровъ отъ 9-го іюня окончательно разрѣшена судьба устава, а потому, вставивъ въ него §§ 2 и 45, 4-го іюля препроводилъ министру юстиціи (В. Н. Панину) для надлежащаго распубликованія черезъ правительствующій сенатъ; но потомъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія спохватились и 23-го іюля просили департаментъ министерства юстиціи вернуть обратно какъ уставъ, такъ и отношеніе, при которомъ онъ былъ посланъ.

Наконецъ 13-го августа Суковкинъ сообщилъ Муханову, что «проектъ устава удостоенъ разсмотрѣнія и утвержденія Его Величествомъ въ Ропшѣ 7-го августа 1859 года».

Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ черезъ полгода отъ подачи прошенія уставъ Литературнаго Фонда получилъ законную силу. Если принять во вниманіе, что дѣло о немъ побывало въ четырехъ вѣдомствахъ, а также обычную у насъ медлительность въ направленіи дѣлъ о разрѣшеніи Обществъ, особенно въ прежнее время, то нельзя не признать, что ходатайство литераторовъ, видимо, вездѣ было не только сочувственно встрѣчено, но и всѣ старались, сколько возможно, способствовать его скорѣйшему осуществленію.

II.

Первыя литературныя чтенія и спектакли литераторовъ въ пользу Литературнаго Фонда.

Литературныя чтенія въ Петербургѣ начались только съ открытія Лит. Фонда. Въ первое время добыть билетъ на нихъ было очень трудно, такъ какъ залъ Пассажа, гдѣ они происходили, былъ не великъ, а желающихъ попасть на чтенія было видимо-невидимо, не смотря на довольно высокую, по тогдаш-

нему времени, цѣну; мѣстъ дешевле рубля не было, и то въ галлереѣ. Первое чтеніе происходило 10 января 1860 г. Разрѣшеніе на него послѣдовало отъ попечителя округа И. Д. Делянова, который 5 января, доводя о томъ до свѣдѣнія м. н. пр., сообщалъ, что «надлежащія, по указаніямъ вашимъ, отмѣтки и исправленія сдѣланы на самыхъ піесахъ, подлежащихъ прочтенію».

Согласно программѣ [1]) въ чтеніи участвовали: Я. П. Полонскій—«Наяды и Зима», И. С. Тургеневъ—«Гамлетъ и Донъ-Кихотъ», А. Н. Майковъ—«Приговоръ», Б. М. Маркевичъ—отрывки изъ «Ричарда III» въ пер. А. В. Дружинина и Н. А. Некрасовъ—«Филантропъ» и «Ѣду ли ночью по улицѣ темной». Если мнѣ память не измѣняетъ, открылъ чтеніе И. Сер. Ему былъ сдѣланъ восторженный пріемъ, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ не умолкали рукоплесканія. Тургеневъ, хотя и съ замѣтной просѣдью, но еще во всей красѣ сорокалѣтняго возраста, только успѣвалъ раскланиваться; наконецъ установилась тишина. На эти оваціи И. С. такъ отвѣтилъ: «Пріемъ такой лестный, что не смѣю никакъ принять его на свой счетъ и приписываю его вашему сочувствію къ литературѣ, отъ имени которой и имѣю честь благодарить». Новыя и продолжительныя рукоплесканія, и только когда Тургеневъ далъ понять, что хочетъ приступить къ чтенію, публика мало по малу успокоилась.

Голосъ у И. С. былъ не громкій, не особенно даже пріятный, но подкупала простота и задушевность его чтенія. Нечего и говорить, что когда Т. кончилъ, то вызовамъ и рукоплесканіямъ не было конца, почти вся публика встала, дамы махали платками, мужчины не жалѣли своихъ рукъ.

На второмъ чтеніи, 6 февраля, выступилъ И. А. Гончаровъ и прочиталъ—«Софья Николаевна Бѣловодова» (эпизоды изъ жизни Райскаго); кромѣ него Б. М. Маркевичъ—три стихотворенія Тютчева. Тогда И. А. былъ въ зенитѣ своей славы—за годъ передъ тѣмъ вышелъ «Обломовъ». Онъ читалъ прекрасно, но у него была своя манера: читалъ какъ опытный докладчикъ, обдуманно, выразительно, но безъ внутренняго увлеченія.

На третьемъ чтеніи, 23 февраля, А. Н. Островскій прочелъ съ небольшими купюрами «Свои люди сочтемся», А. Н. Майковъ—«Послѣдніе язычники» и А. Ѳ. Писемскій «Старая барыня». Островскій былъ первоклассный чтецъ, «Свои люди»

---

[1]) Въ тѣ времена лица, дававшія согласіе на участіе въ чтеніи, всегда выполняли свое обѣщаніе.

всѣмъ слушателямъ были извѣстны, но таково было мастерство чтенія, что всѣ прослушали драму не испытавъ утомленія, но даже съ увлеченіемъ.

Великій мастеръ чтецъ былъ Писемскій; всѣ разговоры онъ передавалъ такъ, что слушатель совершенно забывалъ чтеца, а слышалъ только живыхъ лицъ. Писемскій даже разныя картины такъ умѣлъ передавать, что онѣ, какъ живыя, стояли передъ глазами.

Некрасовъ очень удачно сдѣлалъ выборъ для своего выступленія. «Филантропъ» пользовался весьма широкой популярностью въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ, мало кто не зналъ его наизусть, а «Ѣду ли ночью» высоко цѣнились въ болѣе тѣсной сферѣ почитателей поэта. Къ тому же обѣ пьесы вполнѣ подходили къ голосовымъ средствамъ Некрасова и его манерѣ чтенія. Некрасову, хотя и не въ такой мѣрѣ какъ Тургеневу, былъ оказанъ весьма сочувственный пріемъ.

На одномъ изъ послѣдующихъ чтеній появился Шевченко и принятъ былъ такъ задушевно, что до глубины души растроганный и чувствуя, что ему измѣняютъ силы, не произнеся ни одного слова, ушелъ съ эстрады, и только когда нѣсколько успокоился, вернулся и приступилъ къ чтенію.

Почти о всѣхъ чтецахъ литераторахъ начала 60-хъ годовъ слѣдуетъ сказать, что выдающимися чертами ихъ чтенія были— простота и естественность; всѣ они выработались на домашнемъ кружковомъ чтеніи, потому и были свободны отъ разныхъ декламаторскихъ пріемовъ.

Если чтенія въ пользу Лит. Фонда привлекли живѣйшій интересъ со стороны публики, то въ наши дни трудно представить то волненіе, которое охватило самые разнообразные общественные круги, когда стало извѣстнымъ, что 14 апрѣля 60 г. въ залѣ Руадзе будетъ поставленъ «Ревизоръ» съ участіемъ литераторовъ. Инициаторами спектаклей были Писемскій и Вейнбергъ. И было отчего взволноваться: Писемскій—Сквозникъ-Дмухановскій, Достоевскій—почтмейстеръ, Островскій—Абдулинъ, Тургеневъ, Майковъ, Дружининъ, Григоровичъ, Краевскій, В. С. Курочкинъ—прочіе купцы. Спектакль сошелъ блестяще, особенно выдѣлились Писемскій, Всев. Ѳ. Панютинъ (офиц. преб. полка)— Ляпкинъ-Тяпкинъ и студ. Ловягинъ—Осипъ. Спектакль удостоилъ своимъ посѣщеніемъ В. Кн. Конст. Николаевичъ. Все шло обычнымъ порядкомъ, но когда появилась съ разными приношеніями компанія купцовъ (вмѣсто Островскаго, не могшаго пріѣхать изъ Москвы, Абдулина игралъ Ѳ. Кони), напр. Тургеневъ съ голо-

вой сахара, веселое настроеніе настолько овладѣло публикой, что даже заразило собой и исполнителей. Долго не могла успокоиться публика къ немалому огорченію нѣкоторыхъ строгихъ поклонниковъ сценическаго этикета.

Ловягинъ незадолго передъ тѣмъ выдвинулся на студенческомъ спектаклѣ, которымъ руководилъ Самойловъ. Объ игрѣ Ловягина П. И. Вейнбергъ говоритъ: «до геніальности былъ хорошъ Ловягинъ». Судьба Ловягина была печальная: онъ простудился на спектаклѣ и въ нѣсколько дней его не стало.

На второмъ спектаклѣ, 18 апрѣля, были поставлены «Провинціалка» Тургенева и «Женитьба» съ Писемскимъ въ роли Подколесина. И этотъ спектакль вызвалъ большой интересъ въ публикѣ, главнымъ образомъ потому, что въ «Провинціалкѣ» выступила В. В. Самойлова, любимица петербургской публики, въ полномъ расцвѣтѣ таланта и античной красоты покинувшая сцену въ половинѣ 50-хъ годовъ. При появленіи ея публика такъ была взволнована, что многіе расплакались.

Если Писемскій былъ удивительный чтецъ, то не менѣе замѣчательный талантъ онъ выказалъ и въ исполненіи «Сквозника-Дмухановскаго» и «Подколесина». А надо принять во вниманіе, что тогдашняя петербургская публика знала въ этихъ роляхъ такихъ гигантовъ, какъ Щепкинъ и Сосницкій.

III.

Отдѣленіе для пособія бѣднымъ учащимся.

Осень 1861 г.; петербургскій университетъ закрытъ; въ Петропавловской крѣпости и Кронштадтѣ сидитъ около 300 студентовъ. Съ закрытіемъ университета перестала функціонировать студенческая касса; между тѣмъ нужда между студентами крайне обострилась, такъ какъ была прекращена выдача стипендій; многіе желавшіе уѣхать домой не имѣли на то средствъ; въ то же время нельзя было оставить безъ помощи сидѣвшихъ въ заключеніи. 14 октября, въ день ареста 200 студентовъ, собравшихся передъ университетомъ, нѣсколько студентовъ (припоминаю С. И. Ламанскаго и П. А. Гайдебурова) съ пр. И. Е. Андреевскимъ во главѣ, приняли на себя заботу о сборѣ пожертвованій для нуждающихся товарищей. Когда 6 декабря студенты были освобождены, этотъ кружокъ не только не распался, но въ него вошло еще

нѣсколько человѣкъ [1]). Теперь къ прежнимъ нуждамъ прибавилась новая: значительная часть освобождаемыхъ студентовъ оказалась въ весьма затруднительномъ положенiи. При живомъ сочувствiи общества дѣятельность кружка оказалась очень успѣшною; съ 14 октября по 29 апрѣля 62 г. онъ имѣлъ въ приходѣ 15.886 р. (изъ нихъ около 3 т. р. съ 14 октября до переформированiя кружка), въ расходѣ: на единовременныя пособiя (842) 12.410 р., на снабженiе одеждой 169 лицъ 2.767 р., итого расходъ составилъ 15.177 р.

Независимо отъ оказанiя матерiальной помощи, кружокъ еще заботился о поддержанiи внутренней связи между студентами. Тогда землячества не играли той роли, которую они получили въ позднѣйшiя времена; причина та, что студентовъ университета, если не считать поляковъ, имѣвшихъ свою отдѣльную корпорацiю, насчитывалось не много болѣе 600. Потому кружокъ, или комитетъ, какъ его стали называть, остановился на мысли устроить общество для пособiя учащейся молодежи, но съ такой организацiей, чтобъ молодежь сама могла войти въ его составъ. Я теперь не припоминаю, откуда впервые явилась идея такого общества, но судя по тому, съ какимъ живѣйшимъ интересомъ относился къ этому дѣлу Чернышевскiй, очень возможно, что она пошла отъ него. Однако, въ тѣ времена не могло быть и рѣчи о самостоятельномъ обществѣ, — его не разрѣшили бы. Потому явилась мысль устроить его при Литературномъ Фондѣ. Позондировали почву, многiе изъ влiятельныхъ членовъ комитета Фонда отнеслись съ полнымъ сочувствiемъ. Наскоро былъ выработанъ уставъ, почти точная копiя съ устава Литературнаго Фонда, но съ особымъ составомъ членовъ, членскимъ взносомъ въ 5 р. (въ Литературномъ Фондѣ взносъ 10 р.), своимъ комитетомъ, въ составъ котораго изъ комитета Фонда входили лишь предсѣдатель и казначей. И затѣмъ ходатаемъ передъ министромъ (А. В. Головнинымъ) избрали Е. П. Ковалевскаго, который въ это время еще состоялъ предсѣдателемъ комитета Фонда, хотя по жребiю и выходилъ изъ его состава 2 февраля. Е. П. принялъ наше дѣло очень къ сердцу и только благодаря ему оно было доведено до благополучнаго исхода. 1 февраля онъ писалъ министру: «Имѣю честь препроводить на усмотрѣнiе В. Пр. письмо ко мнѣ нѣсколь-

[1]) Реформированный кружокъ состоялъ изъ П. А. Гайдебурова, А. Я. Герда, В. Г. Гогоберидзе, С. И. Ламанскаго, Анат. Макарова, П. Ф. Моравскаго, Л. Ф. Пантелѣева, Е. П. Печаткина, П. Л. Спасскаго и Н. И. Утина. Пока не были израсходованы средства, перешедшiя отъ первоначальнаго состава кружка, предсѣдательствовалъ И. Е. Андреевскiй, а потомъ уже не принималъ участiя.

кихъ молодыхъ людей, преимущественно учащихся и учащихъ. Долгомъ поставляю присовокупить къ нему свое мнѣніе: въ настоящее время собирается довольно значительная сумма этими молодыми людьми для бѣдныхъ учащихся и такая помощь послѣднимъ необходима, безъ нея едва ли могли они существовать, потому что ни Общество для пособія литераторамъ, ни правительство не въ состояніи вполнѣ обезпечить ихъ. Но эти суммы собираются и распредѣляются безъ правильной отчетности, безъ повѣрки со стороны жертвователей, потому что тѣ, которые собираютъ эти пожертвованія, не имѣютъ права отдавать отчетъ въ распредѣленіи денегъ и самыя дѣйствія ихъ происходятъ внѣ всякаго свѣдѣнія со стороны правительства [1]), а потому казалось бы весьма естественнымъ присоединить къ какому-либо правительственному учрежденію и всего ближе къ Обществу для п. л. и уч., находящемуся подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ В. Пр. и между прочимъ имѣющему отчасти цѣлью заботиться о воспитывающихся молодыхъ людяхъ, съ тѣми же обязанностями, которыя лежатъ на самомъ Обществѣ, т. е. съ обязанностью отдавать отчетъ м. н. пр. черезъ посредство предсѣдателя Общества ежегодно во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и собираться для распредѣленія своихъ суммъ не иначе, какъ по призыву предсѣдателя и въ его присутствіи, ведя подробный журналъ всѣмъ своимъ распоряженіямъ».

Головнинъ сначала отнесся настолько благосклонно, что мы со дня на день ждали утвержденія устава. Но по времени намъ были предложены нѣкоторыя измѣненія, самое главное — все бюро должно быть общимъ. Намъ нетрудно было доказать, что секретарю Фонда не справиться съ дѣлами отдѣленія. —Но зачѣмъ вамъ отдѣльный товарищъ предсѣдателя?— Мы непремѣнно хотимъ имѣть во главѣ своего комитета Е. П., а онъ въ нынѣшнемъ году не состоитъ въ комитетѣ Фонда.

По тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ дѣло утвержденія настолько затянулось, что мы уже начинали считать наше общество совсѣмъ не состоявшимся. Но вотъ въ мартѣ произошла такъ называемая «Думская исторія» [2]), вызванная ссылкою П. В. Павлова въ Ветлугу. Въ кружкѣ молодежи рѣшено было подать м. н. пр. адресъ-протестъ; подписи на немъ главнымъ образомъ собирались на послѣдней лекціи Костомарова 8 марта; но кромѣ того немало подписей было получено по листамъ, цир-

---

[1]) Фактически комитетъ былъ признанъ ген.-губ. кн. Суворовымъ, изъ его канцеляріи даже поступали въ комитетъ формальныя бумаги.

[2]) См. о ней «Воспоминанія изъ прошлаго», Л. Ф. Пантелѣева, кн. I.

кулировавшимъ въ публикѣ. Подача адреса, однако, замедлилась, самый горячій моментъ уже прошелъ; были голоса противъ, такъ какъ стало извѣстнымъ, что министръ не приметъ его; другіе высказывали опасеніе, какъ бы не ухудшить участь Павлова. Разъ комитетъ собрался для рѣшенія окончательной судьбы адреса; вдругъ совершенно неожиданно заявился Чернышевскій и сталъ настойчиво отговаривать отъ подачи адреса, при чемъ въ видѣ компенсаціи сообщилъ: если адресъ не будетъ поданъ, то могу васъ завѣрить, что вамъ будетъ разрѣшено отдѣленіе. Подача адреса была оставлена.

Однако, опять произошла какая-то заминка; мы обратились къ новому предсѣдателю комитета Фонда, кн. Щербатову; тотъ отвѣчалъ, что не имѣетъ отъ министра никакого опредѣленнаго сообщенія, и рекомендовалъ намъ непосредственно адресоваться къ министру. Такъ мы и сдѣлали. Головнинъ принялъ насъ, хотя день и не былъ пріемный. Выслушавъ насъ, онъ сухо отвѣтилъ: «я удивляюсь, что вы обращаетесь ко мнѣ; это все равно, если бъ родитель ученика гимназіи съ какой-нибудь жалобой на учителя, минуя ближайшее начальство, направился бы прямо къ попечителю». На это депутаты (Утинъ и я) заявили: «изъ вашихъ словъ мы заключаемъ, что дѣло о разрѣшеніи отдѣленія надо считать похороненнымъ, такъ мы и доведемъ до свѣдѣнія товарищей-студентовъ»,—затѣмъ поклонились и ушли.

Но чуть ли не въ тотъ же день за нами посылаетъ Ковалевскій.—«Меня только что вызывалъ къ себѣ Головнинъ и просилъ уладить дѣло; отдѣленіе будетъ разрѣшено». И въ самомъ дѣлѣ на этотъ разъ все кончилось, какъ мы желали; намъ только было поставлено въ обязанность избирать товарища предсѣдателя изъ состава членовъ комитета Фонда, но на первый разъ мы могли выбрать Е. П. Ковалевскаго.

23 апрѣля м. н. пр. увѣдомило кн. Щербатова, что «не встрѣчаетъ препятствій къ открытію отдѣленія для пособія бѣднымъ учащимся». На этомъ основаніи кн. Щербатовъ 25 числа предложилъ Е. П. «принять на себя трудъ согласно утвержденнымъ правиламъ открыть дѣйствія отдѣленія». Собраніе учредителей (явилось свыше 100 человѣкъ) подъ предсѣдательствомъ Е. П. состоялось 29 апрѣля и произвело выборы комитета, въ который вошли, сверхъ Е. П., М. А. Богданова (впослѣдствіи по мужу Быкова), В. Г. Гогоберидзе, М. С. Гулевичъ, Ал. Ан. Жукъ, Стан. Издебскій, Н. I. Корсини, П. Ф. Моравскій, Мих. Островскій, Н. А. Серно-Соловьевичъ, Л. Ф. Пантелѣевъ, Е. П.

Печаткинъ и Н. Н. Утинъ. Товарищемъ председателя былъ избранъ Е. П., а секретаремъ В. Г. Гогоберидзе.

Но отделеніе просуществовало не долго; комитетъ имелъ только 6 заседаній. На последнемъ, 11 іюня, Е. П. К. сообщилъ, что 10 іюня состоялось Высочайшее повеленіе о закрытіи отделенія. После петербургскихъ пожаровъ въ конце мая на отделеніе пало фантастическое подозреніе, что подъ его флагомъ скрывается тайное общество [1]). Изъ состава комитета, уже по закрытіи отделенія, были арестованы Н. А. Серно-Соловьевичъ и Е. П. Печаткинъ и несколько членовъ изъ молодежи.

Комитетъ, расходясь, единогласно постановилъ: «выразить искреннюю признательность Е. П. Ковалевскому, который такъ живо принялъ къ сердцу истинные интересы просвещенія, посвящалъ трудъ и время частнымъ целямъ отделенія, горячо содействовалъ облегченію тягостной участи сотенъ бывшихъ студентовъ, теперь пролетаріевъ, и въ короткое время снискалъ наше безграничное доверіе и уваженіе. Мы смело можемъ заявить убежденіе, что все члены отделенія разделяютъ высказанныя здесь чувства Е-у П-у».

За время своего существованія отделеніе имело въ приходе: 3.231, р. изъ нихъ 709 р. остатокъ отъ прежней кассы, м. н. пр.—1.000, членскихъ взносовъ и пожертвованій: по подписнымъ листамъ 1.239 р., отдельныхъ лицъ 63 р. По подписнымъ листамъ выделяются: 267 р. изъ Нерчинска, 250 р. отъ 4-й и 6-й артиллерійскихъ бригадъ и 250 р. собранные въ Варшаве г. А. Т.

Расходъ: единовременныхъ пособій (100) на 2.396 р. 70 к. (въ 15 просьбахъ было отказано), на одежду 30 лицамъ 406 р. 30 к. остатокъ 402 р. поступилъ въ кассу Лит. Фонда, которымъ и были употреблены на пособія учащимся.

Не лишне отметить некоторые отдельные случаи изъ жизни отделенія.

Въ первомъ заседаніи, 2 мая, комитетъ единогласно постановилъ: «обратить особенное стараніе на доставленіе нуждающимся молодымъ людямъ возможности самимъ зарабатывать себе средства къ существованію и потому публиковать въ газетахъ, что нуждающіеся въ учителяхъ и учительницахъ, гувернерахъ и гувернанткахъ, въ переводчикахъ, управляющихъ домовъ и пр., могутъ обращаться въ комитетъ, который по возможности добросовестно будетъ исполнять ихъ требованія. Въ результате

[1]) Тайное общество „Земля и Воля“ уже существовало совершенно независимо. См. „Воспоминанія изъ прошлаго“ К. I.

публикаціи получены были заявленія отъ г. Лукина изъ Мурома и г. Власова изъ Тверской губерніи рекомендовать имъ учителей на лѣто. Комитетъ остановилъ свой выборъ на бывшихъ студентахъ Валуевѣ и Кудиновичѣ, но они, какъ исключенные изъ университета, состояли подъ надзоромъ полиціи. По просьбѣ комитета Е. П. отправился къ кн. Суворову; тотъ на словахъ далъ свое согласіе, каковое на другой день (3 іюня) и подтвердилъ слѣдующимъ письмомъ:

«Вчерашняго числа вскорѣ послѣ личнаго объясненія съ В. Пр. объ увольненіи двухъ студентовъ... передано было мнѣ однимъ лицомъ, что оба эти студента, находясь въ обществѣ людей съ неправильнымъ образомъ мыслей, позволили себѣ высказывать неумѣстныя мнѣнія. Я не хочу перемѣнить даннаго уже В. Пр. обѣщанія, но считаю долгомъ покорнѣйше просить Васъ внушить молодымъ людямъ, что они отпущены только по милостивому Вашему за нихъ заступничеству, а потому оправдаютъ оказанное имъ покровительство своимъ безукоризненнымъ поведеніемъ и не будутъ увлекаться ложнымъ направленіемъ».

Однако Валуеву и Кудиновичу не пришлось отправиться на уроки. Тотъ же Суворовъ 4 іюня писалъ Е. П., что они уже арестованы по распоряженію коммиссіи, производившей разслѣдованіе по дѣлу ст. Яковлева, попавшагося съ прокламаціями въ казармахъ.

Уже во второмъ засѣданіи комитетъ, исходя изъ убѣжденія, что мелочныя пособія, даже при значительной общей суммѣ, не вполнѣ достигаютъ цѣли, пришелъ къ заключенію, что однимъ изъ существеннѣйшихъ средствъ къ выполненію назначенія отдѣленія было бы доставленіе молодымъ людямъ дешевыхъ квартиръ и стола; потому и поручилъ одному изъ членовъ составленіе проекта объ артельныхъ квартирахъ со столомъ. Въ слѣдующемъ засѣданіи такой проектъ (и весьма обстоятельный) и былъ заслушанъ. Комитетъ постановилъ напечатать въ газетахъ и просить всѣхъ интересующихся этимъ дѣломъ присылать свои замѣчанія въ комитетъ или печатать въ газетахъ.

Видимо, не смотря на свое короткое существованіе, отдѣленіе успѣло возбудить разнообразный интересъ въ обществѣ. Такъ Е. П. получилъ интересную записку (безъ подписи) съ просьбой передать ее на обсужденіе въ комитетъ отдѣленія. Въ запискѣ указывалось на полное у насъ отсутствіе какихъ нибудь школъ для взрослыхъ людей средняго класса, желающихъ пополнить свое образованіе. Записка, повидимому, составлена приказчикомъ. Онъ предлагалъ отдѣленію устроить или ежеднев-

ные вечерніе классы, или утренніе по праздникамъ. Умѣренная плата, не свыше 5 р. въ мѣсяцъ, поступала бы на усиленіе средствъ отдѣленія; въ то же время отдѣленіе могло бы вмѣсто денежныхъ пособій учащейся молодежи предоставлять ей возможность заработка въ качествѣ лекторовъ.

Закрытіе отдѣленія несомнѣнно вызвало большой переполохъ въ комитетѣ Фонда; при далеко не упроченномъ положеніи самого Фонда многіе опасались, какъ бы и его не постигла участь отдѣленія. Все однако обошлось благополучно. Только Кавелинъ много лѣтъ спустя, вспоминая о пережитой тревогѣ, приписывалъ отдѣленію вину... «благодаря этому отдѣленію блестящая служебная карьера Е. П. была окончательно испорчена и прервана». На самомъ дѣлѣ служебная карьера Е. П. оборвалась въ 61 году, когда онъ вынужденъ былъ оставить мѣсто директора депар. азіятскихъ дѣлъ и перейти въ сенатъ.

Л. Пантелѣевъ.

Единая заповѣдь.

Богъ есть любовь.
I посл. Іоанна, IV, 16.

Бога никто никогда не видѣлъ. Если мы любимъ другъ друга, то Богъ въ насъ пребываетъ, и любовь Его совершенна есть въ насъ.
I посл. Іоанна IV, 12.

Учитель! какая наибольшая заповѣдь въ законѣ? Іисусъ сказалъ ему: возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ. Сія есть первая и наибольшая заповѣдь. Вторая же подобная ей: возлюби ближняго твоего какъ самого себя. На сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ и пророки.
Мтѳ. XXII, 36—40.

I.

Ученіе Евангелія содержитъ простую вѣру, а именно, вѣру въ Бога и почитаніе Его, или, что то же самое, послушаніе Его закону. Весь же законъ Его только въ одномъ: любить ближняго.
Спиноза.

Христіанская вѣра — вся въ любви. Всѣ мы знаемъ это. И знаемъ не только потому, что это написано въ книгѣ Евангелія но потому, что это написано въ душахъ нашихъ. Скажи о любви какому хочешь человѣку: русскому, нѣмцу, китайцу, японцу, индусу, скажи это вору, разбойнику, палачу,—нѣтъ того человѣка, который бы не согласился съ тѣмъ, что лучше жить людямъ по любви, чѣмъ такъ, какъ они живутъ теперь. И мало того, что каждый знаетъ, что лучше жить по любви, чѣмъ во враждѣ и ненависти, каждый знаетъ и то, что можно такъ жить.

Отчего же мы, христіане—не говорю уже про людей другихъ вѣръ, а мы, тѣ самые христіане, которые, какъ всѣ другіе люди, знаемъ, что хорошо и можно жить по любви, кромѣ того,

знаемъ это по Евангелію,—а Евангеліе мы считаемъ священной книгой,—отчего же мы, христіане, живемъ не по любви, а во враждѣ и ненависти?

Отчего это?

А оттого, что и въ Евангеліи, и въ душахъ нашихъ дана намъ одна единственная вѣра, вѣра—въ любовь, и одна единственная заповѣдь—заповѣдь любви; мы же, кромѣ вѣры въ любовь, вѣримъ еще во многое другое и, кромѣ заповѣди любви, считаемъ божескими заповѣдями еще много другихъ заповѣдей, и потому въ жизни своей слѣдуемъ больше этимъ другимъ заповѣдямъ, а не той заповѣди любви, которая дана намъ въ нашемъ сердцѣ и въ христіанскомъ ученіи.

II.

Съ того часа, какъ первые члены соборовъ сказали: „Изволися намъ и Святому Духу“, т. е. вознесли внѣшній авторитетъ выше внутренняго, признали результатъ жалкихъ человѣческихъ разсужденій на соборахъ важнѣе и святѣе того единаго истинно святого, что есть въ человѣкѣ: его разума и совѣсти, съ того часа началась та ложь, убаюкивающая души людей, которая погубила милліоны человѣческихъ существъ и продолжаетъ до сей поры свое ужасное дѣло.

Большинству людей мы оказываемъ слишкомъ много чести, когда говоримъ про нихъ, что они исповѣдуютъ ту или иную религію. Ибо они не знаютъ и не ищутъ никакой религіи; уставная церковная вѣра—вотъ все, что они подразумѣваютъ подъ этимъ словомъ. Итакъ называемыя религіозныя войны, которыя такъ часто потрясали міръ и заливали его кровью, никогда не были не чѣмъ инымъ, какъ только препирательствами изъ-за церковной вѣры, и угнетенный жаловался въ сущности не на то, что ему препятствовали принадлежать къ его религіи, ибо этого не можетъ сдѣлать никакая внѣшняя сила, а на то, что ему не позволяли слѣдовать публично его церковной вѣрѣ.

Кантъ.

Хозяинъ показалъ рабочимъ работу и велѣлъ дѣлать одну ее и обѣщалъ имъ за это добрую жизнь. Нашлись же между

рабочими такіе люди, что вздумали устроить себѣ добрую жизнь не одной работой, а тѣмъ, чтобы угодить хозяину и другими дѣлами. И придумали эти люди много разныхъ дѣлъ для угожденія хозяину и стали дѣлать эти дѣла, а приказанное хозяиномъ дѣло дѣлали только, когда вздумается, а то и вовсе не дѣлали. Мало того, случилось еще и то, что нашлись и такіе рабочіе, которые, разсудивъ то, что хозяину не могутъ быть нужны всѣ тѣ дѣла, которыми ихъ учили угождать хозяину, усомнились въ томъ, чтобы хозяину могло быть что-нибудь нужно отъ рабочихъ, и перестали дѣлать и ту работу, которую велѣлъ хозяинъ. Нашлись и такіе, что прямо рѣшили, что нѣтъ никакого хозяина, и что можно жить и работать только для себя. И стала жизнь такихъ рабочихъ дурная, плохая.

Вотъ это самое случилось и съ людьми, установившими, кромѣ вѣры въ любовь, разныя вѣры, которыя они назвали божескими . . . .

. . . .

. . . . и разныя заповѣди, которыя они тоже назвали божескими . . . .

. . . .

. . . . которыми они думаютъ устроить себѣ добрую жизнь и угодить Богу. И случилось съ людьми, установившими и признавшими эти вѣры и заповѣди, то, что большинство такихъ людей только говоритъ, что вѣритъ во всѣ эти многія вѣры и заповѣди, въ душѣ же не вѣритъ въ нихъ, и наравнѣ съ ними не вѣритъ и въ затерянную между ними заповѣдь любви, а изъ заповѣдей исполняетъ только тѣ, какія полегче и за которыя люди одобряютъ. Заповѣдь же любви признаютъ только на словахъ, на дѣлѣ же и на каждомъ шагу дѣлаютъ дѣла, прямо противныя ей: вмѣсто того, чтобы по любви дѣлиться другъ съ другомъ, одни, богатые, живутъ въ роскоши среди голодныхъ измученныхъ трудомъ бѣдныхъ, бѣдные же ненавидятъ богатыхъ и стараются дѣлать имъ худое. Вмѣсто того, чтобы любить и прощать братьевъ, люди мучаютъ другъ дружку, разоряютъ, ссылаютъ, запираютъ, казнятъ, убиваютъ сотнями и тысячами другъ друга на войнахъ. Но мало того. Случилось то, что многіе хорошіе и умные люди, воспитавшись на томъ, что Богу можно угодить передаваемыми людьми другъ отъ друга разными вѣрами и заповѣдями, входя въ разумъ, видятъ, что все это однѣ человѣческія выдумки, перестаютъ вѣрить во всѣ церковныя вѣры и заповѣди и вмѣстѣ съ ними и въ заповѣдь любви. Находятся еще

7

и такіе люди, и съ каждымъ годомъ все больше и больше находится такихъ, которые не вѣрятъ не только ни въ какія божескія заповѣди, но не вѣрятъ и въ самого Бога. Такъ что въ наше время все больше и больше становится людей, которые ни во что не вѣрятъ и не думаютъ о томъ, и не знаютъ, зачѣмъ они явились на свѣтъ Божій, и что имъ въ немъ дѣлать. Отъ этого то и плоха такъ жизнь людей нашего міра и съ каждымъ годомъ, мѣсяцемъ и днемъ становится все хуже и хуже.

А плохая жизнь оттого, что живутъ люди противно той одной заповѣди, какая записана не въ одномъ Евангеліи, а и во всѣхъ ученіяхъ всѣхъ мудрецовъ міра: и у индусовъ, и у китайцевъ, и у египтянъ, и у магометанъ и др., и въ душахъ всѣхъ людей міра. Живутъ же люди противно той вѣрѣ и заповѣди, какая записана во всѣхъ ученіяхъ и въ душахъ всѣхъ людей, оттого, что вмѣсто того, чтобы признавать эту одну заповѣдь и слѣдовать ей одной, люди наравнѣ съ нею установили много другихъ вѣръ и заповѣдей и слѣдуютъ больше этимъ другимъ заповѣдямъ, чѣмъ единой, всемірной заповѣди любви.

III.

Мудрецъ сказалъ: мое ученіе просто, и смыслъ его легко постигнуть. Оно все состоитъ въ томъ, чтобы любить ближняго, какъ самого себя.

Китайская мудрость.

Одинъ изъ книжниковъ, слыша ихъ пренія и видя, что Іисусъ хорошо имъ отвѣчалъ, подошелъ и спросилъ его: какая первая изъ всѣхъ заповѣдей? Іисусъ отвѣчалъ ему: первая изъ всѣхъ заповѣдей: слушай, Израиль! Господь Богъ нашъ есть Господь единый. И возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ, и всею крѣпостью твоей: вотъ первая заповѣдь. Вторая подобная ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя. Иной, большей сихъ, заповѣди нѣтъ.

Мрк. XII. 28—31,

«Но если и согласиться съ тѣмъ, что есть только одна истинная вѣра—вѣра въ любовь, и только одна нужная заповѣдь — заповѣдь любви, то въ чемъ же будетъ состоять вѣра

и какое же будетъ богослуженіе, какія молитвы, какъ обращаться съ Богомъ?»—спросятъ люди.

«Когда вѣришь въ обыкновенную установленную вѣру, то знаешь, кто твой Богъ и отъ кого все сотворилось и кому молиться и отъ кого ожидать милости. А если вѣрить только въ любовь, то нѣтъ настоящаго Бога и нѣтъ никакого богопочитанія. А безъ понятнаго Бога и богопочитанія никогда не жили, да и нельзя жить людямъ».

Такъ скажутъ люди, когда имъ вмѣсто понятнаго Бога, которому можно молиться и служить, дадутъ только какую-то непонятную вѣру въ любовь, такъ скажутъ, да и говорятъ люди.

И въ томъ, что люди никогда не жили и не могутъ жить безъ яснаго, понятнаго большинству предмета вѣры и безъ вытекающаго изъ вѣры яснаго и доступнаго большинству богопочитанія, они совершенно правы. Неправы они только въ томъ, что любовь представляется имъ недостаточно яснымъ и понятнымъ большинству предметомъ вѣры, и дѣятельность, вытекающая изъ этой вѣры, недостаточно яснымъ и доступнымъ большинству богопочитаніемъ. Думаютъ они такъ потому только, что такъ привыкли представлять себѣ главнымъ предметомъ вѣры воображаемое, человѣкообразное, вѣчное, всемогущее существо—Творца промыслителя, различными сверхъ-естественными способами открывавшаго свою волю людямъ, и такъ привыкли къ точно опредѣленному по формѣ, времени и мѣсту богопочитанію, требующему въ извѣстное время опредѣленныхъ внѣшнихъ поступковъ, что единая вѣра въ неимѣющую никакого внѣшняго образа любовь и вытекающее изъ этой вѣры богопочитаніе, тоже неопредѣленное ни формой, ни временемъ, ни мѣстомъ, кажется имъ чѣмъ-то неяснымъ, недоступнымъ большинству и даже сомнительнымъ.

А между тѣмъ, единая вѣра въ любовь и вытекающая изъ нея дѣятельность богопочитанія не только не менѣе опредѣленны, ясны и доступны для большинства простыхъ людей, чѣмъ установленныя людьми вѣры съ многими предметами вѣры и заповѣдями, но имѣютъ еще и то великое преимущество передъ другими вѣрами, что тогда какъ всѣ разныя противныя другъ другу и осуждающія другъ друга вѣры и богопочитанія, доводящія людей до ненависти, убійствъ, войнъ, раздѣляютъ людей,—только одна вѣра въ любовь и вытекающее изъ нея богопочитаніе дѣлаютъ то самое, что обѣщаютъ: соединяютъ всѣхъ людей въ одной вѣрѣ и одномъ богопочитаніи.

IV.

Пока человѣкъ живетъ, онъ вѣритъ. Чѣмъ ближе его вѣра къ истинѣ, тѣмъ счастливѣе его жизнь; чѣмъ дальше отъ истины, тѣмъ человѣкъ несчастнѣе.

Вѣрить можно только въ то, что несомнѣнно есть, но чего мы не можемъ обнять разумомъ.

Лучшее богопочитаніе то, которое дѣлается безъ надежды на достиженіе какой либо цѣли; худшее—такое, которое имѣетъ въ виду опредѣленную цѣль. Тотъ, кто обожаетъ высшее существо, долженъ созерцать его во всякомъ твореніи и всякую тварь въ немъ.

Агни Пурана.

Самое губительное невѣріе не въ томъ, что человѣкъ не вѣритъ, а въ томъ, что человѣкъ исповѣдуетъ то, во что онъ не вѣритъ.

Мартино.

Но мало того, что вѣра въ любовь яснѣе и понятнѣе всѣхъ другихъ установленныхъ людьми вѣръ, мало того, что только одна эта вѣра соединяетъ людей, тогда какъ всѣ другія разъединяютъ ихъ, вѣра эта имѣетъ передъ всѣми другими вѣрами еще и то преимущество, что она вмѣстѣ съ тѣмъ и самая несомнѣнная.

Какъ бы ни былъ убѣжденъ человѣкъ въ истинности своей вѣры, трудно ему не усомниться въ ней, когда онъ узнаетъ про то, какъ другіе люди точно такъ же увѣрены въ истинности своихъ вѣръ и признаютъ его вѣру ложною. Только для человѣка, признающаго одинъ общій всѣмъ людямъ предметъ вѣры— любовь, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ истинности своей вѣры.

Всякая религіозная вѣра вѣдь есть всегда только признаніе существованія такого начала, котораго человѣкъ не можетъ понять умомъ, но безъ котораго человѣкъ не можетъ понимать ни своей жизни, ни жизни міра и въ существованіе котораго онъ поэтому долженъ в ѣ р и т ь. Существованіе такого начало признается всѣми вѣрами. Это Брама, это Іегова, это Аллахъ, это Тао таосистовъ, это Танга буддистовъ, это вещество матеріалистовъ. Такое же начало жизни признается и вѣрой въ единую заповѣдь любви, но съ тою только разницей, что тогда какъ во всѣхъ вѣрахъ—еврейской, браминской, церковно-христіанской, магометанской и другихъ—начало это называется Богомъ, болѣе

или менѣе опредѣляется и представляется существомъ личнымъ, всемогущимъ, вѣчнымъ, воля и поступки котораго извѣстны людямъ по чудеснымъ, дѣланнымъ самимъ этимъ существомъ о себѣ откровеніямъ, при вѣрѣ въ любовь начало это, также называемое Богомъ, Богомъ-любовью («Богъ есть любовь»), признается доступнымъ всѣмъ людямъ не по человѣческимъ преданіямъ, а по одинаковому для всѣхъ людей непосредственному, непрестанному откровенію Его любовью въ душѣ каждаго человѣка.

Поэтому то и вѣра эта не можетъ не быть не только яснѣе и опредѣленнѣе всякой, какой бы то ни было другой вѣры и другого богопочитанія, основанныхъ на человѣческомъ различномъ по разнымъ народамъ преданіи, но не можетъ не быть и благодѣтельнѣе для человѣчества, соединяя людей вмѣсто того разъединенія, которое производятъ другія вѣры, не можетъ и не представляться наиболѣе несомнѣнной, такъ какъ утверждается не на человѣческихъ преданіяхъ, а на непосредственномъ всегдашнемъ одинаковомъ для всѣхъ людей сознаніи Бога.

V.

Богъ непостижимъ для человѣческаго ума. Мы знаемъ только то, что Онъ есть.

Вѣрь въ Бога, служи Ему, но не старайся узнать Его,—ты ничего не получишь за свои труды, кромѣ путаницы въ мысляхъ. Не заботься даже о томъ, чтобы узнать, есть Онъ или нѣтъ Его; служи Ему, какъ будто Онъ есть всегда и во всемъ.

Филимонъ.

Мы познаемъ существованіе Бога не столько разумомъ, сколько сознаніемъ той полной зависимости отъ Него, въ которой мы себя чувствуемъ въ родѣ того чувства, которое испытываетъ грудной ребенокъ на рукахъ матери. Ребенокъ не знаетъ, кто держитъ, кто грѣетъ, кто кормитъ его, но знаетъ, что есть этотъ кто-то, и мало того, что знаетъ, любитъ того, во власти кого онъ находится. То же и съ человѣкомъ.

Не смущайся тѣмъ, что понятіе Бога неясно тебѣ. Чѣмъ проще и яснѣе оно, тѣмъ оно дальше отъ истины и тѣмъ ненадежнѣе, какъ опора.

Когда я говорю тебѣ о Богѣ, то ты

не думай, что я говорю тебѣ о какомъ-нибудь предметѣ, сдѣланномъ изъ золота или серебра. Тотъ Богъ, о которомъ я тебѣ говорю, ты Его чувствуешь въ своей душѣ, ты носишь Его въ самомъ себѣ и своими нечистыми помыслами и отвратительными поступками оскверняешь Его образъ въ своей душѣ. Передъ идоломъ золотымъ, котораго ты почитаешь за Бога, ты остерегаешься дѣлать что-либо непристойное, а передъ лицомъ Того Бога, который въ тебѣ самомъ и который все видитъ и слышитъ, ты даже не краснѣешь, когда предаешься своимъ гнуснымъ мыслямъ и поступкамъ.

Еслибъ мы только постоянно помнили что Богъ въ насъ—свидѣтель всего того, что мы дѣлаемъ и думаемъ, то мы перестали бы грѣшить, и Богъ неотлучно пребывалъ бы въ насъ. Давайте же вспоминать Бога, думать и бесѣдовать о Немъ какъ можно чаще.

Эпиктетъ.

Вѣра въ заповѣдь любви и вытекающее изъ нея богопочитаніе и яснѣе, и опредѣленнѣе, и благодѣтельнѣе, и несомнѣннѣе всякихъ другихъ вѣръ, только надо ясно понимать, въ чемъ вѣра и въ чемъ богопочитаніе.

Вѣра въ заповѣдь любви въ томъ, что Бога мы можемъ познать только въ себѣ. И познаемъ мы Его только той стороной, которой Онъ открывается намъ. Открывается же Онъ намъ любовью. Такъ что хотя и знаемъ мы Его далеко не полно, только одной стороной Его, той, которой Онъ открывается намъ, мы несомнѣнно знаемъ объ Его существованіи и о томъ свойствѣ Его, которое мы сознаемъ въ себѣ, и о томъ, чего Онъ хочетъ отъ насъ.

Вѣра эта много разъ была выражаема во всѣхъ религіозныхъ ученіяхъ міра, начиная съ самыхъ древнихъ египетскихъ, индусскихъ, даже такъ называемыхъ языческихъ и съ особенной опредѣленностью выражена въ ученіи Христа.

Такъ выражена она въ Евангеліи Марка XII, 28—31 и съ особенной ясностью въ Евангеліи и Посланіяхъ Іоанна.

«Какъ Отецъ имѣетъ жизнь въ Самомъ Себѣ, такъ и Сыну далъ имѣть жизнь въ Самомъ Себѣ». Еванг. Іоанна, V. 26.

«Іисусъ отвѣчалъ имъ: не написано ли въ законѣ вашемъ: Я сказалъ: вы боги (Псал. 81, 6)? Если Онъ назвалъ богами тѣхъ, къ которымъ было слово Божіе, и не можетъ нарушить Писаніе,—тому ли, котораго Отецъ освятилъ и послалъ въ міръ, вы говорите: богохульствуешь, потому что я сказалъ: я сынъ

Божій. Если я не творю дѣлъ Отца моего, не вѣрьте мнѣ; а если творю, то, когда не вѣрите мнѣ, вѣрьте дѣламъ моимъ, чтобы узнать и повѣрить, что Отецъ во мнѣ и я въ Немъ». X, 34—38.

«Развѣ ты не вѣришь, что я въ Отцѣ и Отецъ во мнѣ? Слова, которыя говорю я вамъ, говорю не отъ себя; Отецъ пребывающій во мнѣ, Онъ творитъ дѣла. Вѣрьте мнѣ, что я въ Отцѣ и Отецъ во мнѣ; а если не такъ, то вѣрьте мнѣ по самымъ дѣламъ». XIV, 10—11.

«Да будутъ всѣ едино: какъ Ты, Отче, во мнѣ и я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ насъ едино, да увѣруетъ міръ, что Ты послалъ меня. XVII, 21.

«Бога никто никогда не видѣлъ. Если мы любимъ другъ друга, то Богъ въ насъ пребываетъ, и любовь Его совершенна естъ въ насъ. Что мы пребываемъ въ Немъ и Онъ въ насъ, узнаемъ изъ того, что Онъ далъ намъ отъ Духа Своего. И мы познали любовь, которую имѣетъ къ намъ Богъ, и увѣровали въ нее. Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ». (Посл. Іоанна IV, 12, 13, 16).

Вѣра въ любовь—это признаніе того, что основное начало жизни нашей есть непостижимое для насъ существо, проявляющееся въ насъ любовью.

VI.

Дурно то, что люди не знаютъ Бога, но хуже всего то, что люди признаютъ Богомъ то, что не есть Богъ.

Лактанцій.

Есть двѣ вѣры: вѣра довѣрія къ тому, что говорятъ люди,—это вѣра въ человѣка или въ людей, и такихъ вѣръ много различныхъ,—и вѣра въ свою зависимость отъ Того, Кто послалъ меня въ міръ. Это вѣра въ Бога, и такая вѣра одна для всѣхъ людей.

Религія человѣка состоитъ не изъ тѣхъ многихъ вещей, въ которыхъ онъ сомнѣвается и которымъ старается вѣрить, но изъ тѣхъ малыхъ, въ которыхъ онъ увѣренъ и вѣра въ которыя не требуетъ отъ него никакого труда.

Карлейль.

Вѣра въ единую заповѣдь въ томъ, что Богъ живетъ въ насъ и проявляется въ насъ любовью.

Богопочитаніе же вѣры въ единую заповѣдь, какъ и во всѣхъ вѣрахъ, въ томъ, чтобы дѣлать то, что велитъ вѣра, и не дѣлать того, что она запрещаетъ. Но разница въ томъ, что тогда какъ богопочитанія всѣхъ вѣръ . . . . требуютъ исполненія очень многихъ дѣлъ и воздержанія отъ еще большихъ, богопочитаніе единой вѣры требуетъ исполненія только одного дѣла, а также и воздержанія только отъ одного дѣла.

. . . вѣра для угожденія Богу требуетъ совершенія . . . . требуетъ признанія непогрѣшимости извѣстныхъ писаній и лицъ, требуетъ посѣщенія храмовъ, произнесенія извѣстныхъ молитвъ въ извѣстное время и исполненія еще многихъ другихъ положительныхъ заповѣдей. Отрицательныхъ же . . . . заповѣдей еще гораздо больше. Наравнѣ съ требованіями воздержанія отъ убійства, воровства, блуда, требуется воздержаніе отъ поклоненія другимъ богамъ, отъ употребленія запрещенной пищи въ извѣстное время, требуется же болѣе всего воздержаніе отъ оскорбленія предметовъ, почитаемыхъ священными. Предметовъ же такихъ огромное количество.

Богопочитаніе же единой заповѣди требуетъ отъ каждаго человѣка только одного: любви, любви къ Богу и къ себѣ и къ тому, который живетъ во всѣхъ людяхъ. Любить Бога въ себѣ значитъ стремиться къ высшему совершенству любви, и любить Бога въ другихъ людяхъ значитъ признавать въ каждомъ человѣкѣ того же Бога, который живетъ во мнѣ, и потому дѣлать каждому человѣку не то, чего самъ хочешь, а чего хочетъ Богъ, живущій во всѣхъ людяхъ. Въ этомъ вся заповѣдь того, что долженъ дѣлать человѣкъ по вѣрѣ въ единую заповѣдь. Также только въ одномъ запрещеніе того, чего не долженъ дѣлать человѣкъ по этой вѣрѣ. Запрещеніе все въ одномъ: въ томъ, чтобы не нарушать благоговѣнія къ Богу, живущему во мнѣ и въ каждомъ человѣкѣ. Не нарушать благоговѣнія къ Богу въ себѣ значитъ то, чтобы помнить о присутствіи въ себѣ Бога, исправлять, уничтожать въ себѣ все то, что несовмѣстимо съ его присутствіемъ въ душѣ человѣка; не нарушать же благоговѣнія къ Богу, живущему въ другихъ людяхъ, значитъ то, чтобы не только не вредить ближнему, не оскорблять, не унижать никакого человѣка, какой бы онъ ни былъ, но уважать, почитать его, какъ самый священный предметъ, который только есть на свѣтѣ.

Въ сущности же, какъ положительныя, такъ и отрицатель-

ныя заповѣди вѣры въ любовь сходятся въ одномъ: въ признаніи того, что Богъ живетъ въ человѣкѣ, и что поэтому нужно почитать и не оскорблять Его ни въ себѣ, ни въ какомъ бы то ни было человѣкѣ.

Богопочитаніе это много разъ было выражаемо во всѣхъ религіозно-нравственныхъ ученіяхъ человѣчества въ положительномъ смыслѣ въ томъ, чтобы любить Бога въ себѣ и въ людяхъ, и въ отрицательномъ въ томъ, — чтобы не оскорблять Его въ себѣ и въ людяхъ.

VII.

Основа всякой государственной религіи есть насиліе, основа христіанства—любовь. Государство это принужденіе, христіанство—убѣжденіе. Мечъ и посохъ пастуха противоположны и не могутъ быть союзниками.

Кунингамъ Гейкей.

Нельзя ни взвѣсить, ни измѣрить того вреда, который производила и производитъ ложная вѣра. Вѣра есть установленіе отношенія человѣку къ Богу и міру и вытекающее изъ этого отношенія опредѣленіе своего назначенія. Какова же должна быть жизнь человѣка, если это отношеніе и вытекающее изъ него опредѣленіе назначенія ложны.

Недостаточно откинуть ложную вѣру т. е. ложное отношеніе къ міру. Нужно еще установить истинное.

Несчастье и зло людей происходятъ не столько отъ того, что люди не знаютъ своихъ обязанностей, сколько отъ того, что они признаютъ своими обязанностями не то, что есть ихъ обязанность.

Любовь къ людямъ даетъ истинное внутреннее неотъемлемое благо, потому что любовь соединяетъ человѣка и съ другими и съ Богомъ.

Несмысленному мальчику натолковали, что онъ не сынъ своей честной, доброй, любящей, вскормившей его матери, а сынъ какой-то удивительно прекрасной, могущественной, совершающей всякаго рода чудеса волшебницы, могущей дать ему всякія великія блага, если онъ будетъ почитать и преклоняться передъ ней. И мальчикъ повѣрилъ и отшатнулся отъ матери, не слушаетъ ея, не пользуется тѣмъ добромъ, которое она даетъ ему,

а ждетъ великихъ и необыкновенныхъ благъ отъ воображаемой волшебницы: онъ не только вѣритъ разсказамъ о всѣхъ тѣхъ необыкновенныхъ чудесахъ, которыя будто бы дѣлаетъ волшебница, но даже самъ выдумываетъ такія чудеса и вѣритъ въ нихъ, хотя никогда не видалъ никакихъ чудесъ. И что дальше, то все больше и больше онъ вѣритъ въ волшебницу, потому что разъ уже онъ отшатнулся отъ матери, вся надежда его на волшебницу. И онъ все молится и проситъ о чудесахъ, хотя никогда не видѣлъ ихъ. Но проходитъ время, чудесъ нѣтъ, и онъ начинаетъ сомнѣваться въ волшебницѣ. Но разъ уже онъ отшатнулся отъ своей матери, забылъ ее, онъ все-таки не возвращается къ любви ея, а напротивъ, вмѣсто того, чтобы угождать своей матери, дѣлаетъ ей противное.

То же самое съ людьми, съ огромнымъ большинствомъ людей,

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

И такъ же, какъ тотъ несмысленный мальчикъ, люди эти не знаютъ, не хотятъ знать свою простую, доступную имъ, всегда живущую съ ними мать, не переставая любящую ихъ и могущую дать имъ не воображаемое, но истинное благо, только бы они признали ее. Мать эта тотъ Богъ любви, который далъ и даетъ намъ жизнь и одинъ можетъ дать намъ благо, истинное, ничѣмъ ненарушимое благо. И для того, чтобы вѣрить въ эту мать,—въ этого единственнаго, доступнаго человѣку Бога—любовь, не нужно никакихъ чудесъ, и для того, чтобы получить отъ него благо, не нужно никакихъ прошеній и молитвъ, нужно только одно: какъ тому мальчику не вѣрить въ пустяки, въ обманы, а вѣрить въ свою мать, такъ и людямъ нужно только вѣрить въ то, во что нельзя не вѣрить,—въ Бога-любовь, живущаго въ душѣ каждаго человѣка. А вѣрь человѣкъ въ этого Бога-любовь, и то благо, къ которому свойственно стремиться всякому человѣку, откроется ему и никакими средствами не можетъ быть отнято отъ него. Не можетъ быть отнято отъ него потому, что и получается то это благо никакъ не черезъ чью-то внѣшнюю силу, а только черезъ свою собственную дѣятельность. Только отдайся человѣкъ Богу-любви, и онъ навѣрно получитъ то благо, которое свойственно душѣ его.

VIII.

Ничто не препятствуетъ такъ сильно распространенію истины, какъ упорство въ удержаніи древняго, освященнаго временемъ преданія.

Неуваженіе къ преданію не сдѣлало $^{8}/_{1000}$ того зла, которое производитъ это уваженіе къ обычаямъ, законамъ, учрежденіямъ, не имѣющимъ въ наше время никакого разумнаго оправданія.

Нѣтъ ничего болѣе недостойнаго разумнаго существа, какъ то, чтобы плакаться на то, что то, что наши отцы считали истиной, оказалось ложью. Не лучше ли искать новыхъ основъ единенія, которыя замѣнятъ прежнія.

Мартино.

Есть люди, которые берутъ на себя право рѣшать за другихъ ихъ отношеніе къ Богу и къ міру, и есть люди, огромное большинство людей, которые отдаютъ это право другимъ и слѣпо вѣрятъ тому, что говорятъ имъ.

Часто удивляешься на то, какъ это люди вѣрятъ въ такія странныя, глупыя, нелѣпыя преданія . . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . . И удивительнѣе всего то, что вѣрятъ во все это часто люди вполнѣ разумные, дѣлаютъ величайшія усилія ума для того, чтобы оправдать, объяснить всѣ эти явно ненужныя и невозможныя предположенія.

Отчего это? А отъ того, что люди потеряли вѣру—(потеряли потому, что имъ были внушены ложныя вѣры)—естественную, понятную, необходимую, даже не вѣру, а сознаніе своей духовной связи съ Богомъ любви. А потерявъ это сознаніе, имъ нужно было то, что могло бы замѣнить его. И вотъ для того, чтобы замѣнить это утерянное сознаніе связи съ безконечнымъ, они были неизбѣжно приведены къ выдумыванію Бога такого, существованіемъ котораго они могли бы объяснить свою связь съ міромъ. Для того же, чтобы заставить себя и людей вѣрить такому странному Богу, несогласному съ главнымъ понятіемъ о Богѣ, какъ о чемъ-то внѣпространственномъ, внѣвременномъ, неопредѣлимомъ умомъ и словомъ, для того, чтобы вѣрить въ такого личнаго Бога, надо было представлять Его особеннымъ, превыше всѣхъ людей, дѣлающимъ дѣла недоступныя людямъ—

чудеса. И чѣмъ больше было чудесъ, тѣмъ, казалось, крѣпче должна была быть вѣра. И мало того, что при отсутствіи того несомнѣннаго сознанія связи съ началомъ всего, которое даетъ вѣра въ любовь, нужны были чудеса . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . . все больше и больше выяснялся тотъ единственный и свойственный людямъ предметъ вѣры— любовь, которая звала и зоветъ къ себѣ людей, такъ же, какъ любящая мать, не переставая, призываетъ къ себѣ отшатнувшагося отъ нея ребенка.

IX.

Различіе религій—какое странное выраженіе! Конечно! могутъ быть различныя вѣры въ историческія событія, употреблявшіяся не въ религіи, а въ исторіи, для укрѣпленія религіи, и относящіяся къ области учености средства и точно такъ же могутъ быть различныя религіозныя книги (Зендавеста, Веды, Коранъ и т. д.). Но можетъ быть только одна дѣйствительная для всѣхъ временъ религія. Всѣ же различныя вѣры не могутъ содержать въ себѣ ничего иного, какъ только вспомогательное средство для религіи, которое является случайно и можетъ быть различнымъ, смотря по различію времени и мѣста.

Кантъ.

Религія не потому истинна, что ее проповѣдывали апостолы, а апостолы проповѣдывали ее потому, что она— истина.

Лессингъ.

Нельзя не вѣрить такому духовному ученію, приложеніе котораго осуществляетъ самое простое практическое благо всѣхъ. Нѣтъ бо̀льшей повѣрки истинности ученія. И таково христіанское ученіе.

И стоитъ только человѣку, познавшему заповѣдь любви, отрѣшиться хоть на время отъ той съ дѣтства воспитанной слѣпой

вѣры . . . .

. . . . для того, чтобы вѣра въ единаго для всего міра Бога любви и единую не данную, а непрестанно даваемую Имъ одну и ту же всѣмъ людямъ заповѣдь любви представилась бы одной возможной, естественной, необходимой и несомнѣнной.

Только ясно пойми человѣкъ, кто онъ такой, пойми ясно, что ему искать Бога и Его законъ можно и должно только въ себѣ, и съ какимъ недоумѣніемъ и удивленіемъ будетъ вспоминать такой человѣкъ о всѣхъ тѣхъ странныхъ предметахъ и сказаніяхъ, въ которыя онъ говорилъ, что вѣрилъ, и, какъ ему казалось, какъ будто бы и въ самомъ дѣлѣ вѣрилъ. Такой человѣкъ, кромѣ удивленія тому, что онъ могъ вѣрить такимъ страннымъ, противнымъ требованіямъ разума и чувства предметамъ вѣры, испытаетъ еще особенно радостное чувство успокоенія и твердости, въ родѣ того, которое испытываетъ человѣкъ, съ трудомъ и напряженіемъ ходившій на нетвердыхъ, выскальзывающихъ изъподъ ногъ и изъ рукъ ходуляхъ, когда онъ сойдетъ съ нихъ и станетъ на твердую землю и пойдетъ по ней своими ногами.

Въ сущности, оно и не можетъ быть иначе.

. . . .

Въ Бога же . . . . всегда благотворящаго людямъ, ... a установившаго не на словахъ, а на дѣлѣ единую для всѣхъ временъ и народовъ заповѣдь любви, ... непрестанно совершающаго одно только удивительнѣйшее и благодѣтельнѣйшее чудо проявленія Себя въ душѣ каждаго человѣка, въ такого Бога нельзя не вѣрить.

X.

Истинное благо всегда въ нашихъ рукахъ. Оно, какъ тѣнь, слѣдуетъ за доброй жизнью.

Настоящихъ благъ немного. То только истинное благо и добро, что благо и добро для всѣхъ. Поэтому, чтобы не уклоняться отъ избранной цѣли, надо чтобы эта цѣль была добро, согласное съ общимъ благомъ. Кто направитъ свою дѣятельность на такую цѣль, пріобрѣтетъ себѣ благо.

Маркъ Аврелій.

Сынъ Кеза изъ Талона пришелъ къ Буддѣ и сталъ жаловаться.

— Учитель, сказалъ онъ, всякій священникъ и монахъ хвалитъ свою вѣру, говоритъ, что она одна истинная, и проклинаетъ чужую вѣру, называетъ ее ложною. Сомнѣнія мучаютъ меня, и я не знаю, чьихъ словъ надо слушаться.

Будда отвѣчалъ:

— Твои сомнѣнія основательны, сынъ Кеза. Выслушай мое наставленіе. Ничему не вѣрь по слухамъ, не вѣрь преданіямъ, потому что они прошли черезъ много поколѣній, прежде чѣмъ дошли до насъ. Ничему не вѣрь на основаніи слуховъ или потому, что люди много говорятъ объ этомъ. Не вѣрь только потому, что тебѣ покажутъ свидѣтельства какого-нибудь древняго мудреца. Не вѣрь ничему потому, что тебѣ выгодно, или потому, что давнишняя привычка вовлекаетъ тебя въ признаніе этого правдой. Не вѣрь ничему на основаніи только авторитета твоихъ учителей или духовенства.

— Только то, что сходится съ твоимъ опытомъ и по твоему собственному изслѣдованію согласно съ разумомъ и ведетъ къ благу и счастію твоему и всѣхъ живыхъ существъ, только это принимай за правду и живи въ немъ.

Angittara Nikayo.

Да, только вѣрь люди такъ же, какъ они вѣрятъ теперь въ многія считающіяся . . . . . заповѣдями: . . . . .

. . . .

въ книги, ... содержащія будто бы непререкаемыя истины, въ . . . . ., которыхъ никто не видалъ, и въ . . . ., дѣйствія которыхъ никто не знаетъ и не можетъ знать, только вѣрь люди хоть приблизительно такъ же въ ту одну заповѣдь, которая дана Богомъ всѣмъ людямъ и

записана въ сердцѣ каждаго человѣка, и въ то одно всегдашнее, неперестающее чудо присутствія Бога въ душѣ человѣка и исполняй только люди богопочитаніе, вытекающее изъ этой вѣры, исполняй хоть приблизительно такъ же, какъ они исполняютъ теперь

. . . .

отдѣльныхъ и общественныхъ, и какъ скоро забыли бы люди про всѣ тѣ ужасы, которые они совершаютъ теперь другъ надъ другомъ, и какъ сама собой, безъ внѣшнихъ потрясеній, сложилась бы для людей и въ особенности людей христіанскаго міра та свойственная людямъ нашего времени и справедливая жизнь, которой хотятъ теперь достигнуть люди своими самыми противными любви дѣлами насилія и жестокости.

— Но развѣ это возможно?

Спросите лучше: возможно ли, чтобы этого не было? возможно ли, чтобы было то, что теперь? Возможно ли, чтобы люди, большинство людей, признавая высшимъ божескимъ закономъ вѣру въ Бога любви, сознавая въ своемъ сердцѣ неперестающее проявленіе этого Бога, продолжали бы исповѣдывать самое странное собраніе . . . .
. . . . и вмѣсто единственнаго, вытекающаго изъ вѣры въ Бога любви богопочитанія, состоящаго въ дѣятельной любви къ Богу и ближнему, продолжали бы, очевидно тщетныя, попытки улучшить свое положеніе тѣмъ самымъ, что одно сдѣлало его такимъ, какимъ оно есть?

И какъ мало нужно для того, чтобы совершилось все то, отъ отсутствія чего такъ мучительно страдаютъ люди.

Нужно только одно: вѣра, но настоящая вѣра,—не въ людей, а въ Бога. Нужно только перестать вѣрить людямъ, а вѣрить Богу, не . . . ., написаннымъ въ книгахъ, а тому Богу, который живетъ въ нашей душѣ и который не переставая говоритъ намъ о томъ, кто Онъ, кто мы и какъ надо намъ жить по Его волѣ.

Только вѣрь люди въ необходимость исполненія единой заповѣди любви такъ же, какъ они вѣрятъ теперь въ необходимость исполненія— . . . .
. . . .

. . . . въ то, что есть въ мірѣ только одна несомнѣнная святыня—человѣкъ, и что единственный предметъ, который не можетъ и не долженъ быть оскверненъ и оскорбляемъ человѣкомъ—это человѣкъ, носитель Божескаго начала, и невозможны бы были не только казни и войны, но и какія бы то ни было насилія человѣка надъ человѣкомъ.

Будь только воспитаны люди съ дѣтства въ признаніи единственной святыней Бога въ человѣкѣ и единственнымъ богопочитаніемъ любви и уваженія къ Нему, ни одинъ человѣкъ не рѣшился бы осквернить Бога въ себѣ и въ братѣ, раздѣляясь съ нимъ враждой и совершая надъ нимъ насилія.

Скажите буддисту, магометанину, ... чтобы онъ осквернилъ тѣ безжизненные предметы богопочитанія, которые онъ считаетъ священными, и онъ охотнѣе перенесетъ всякія лишенія, скорѣе дастъ убить себя, чѣмъ рѣшится осквернить то, что считаетъ святыней.

То же было бы и для христіанина, воспитаннаго по христіански, и по отношенію ко всякому человѣку. Такой человѣкъ ни ради какихъ бы то ни было выгодъ, ни вслѣдствіе какихъ бы то ни было угрозъ, наказаній, даже смерти, не совершитъ дѣла, противныя единой заповѣди любви: не осквернитъ, не оскорбитъ Бога въ самомъ себѣ и въ ближнемъ, а тѣмъ болѣе не посягнетъ на то, что считается людьми, вѣрующими въ заповѣдь любви, высшей и единственной святыней—на жизнь другого человѣка. И потому не могъ бы быть ни одинъ человѣкъ, вѣрующій въ единую заповѣдь, ни . . . .

. . . .

. . . ни какимъ бы то ни было прямымъ или даже косвеннымъ участникомъ въ дѣлахъ, противныхъ любви, оскверняющихъ, оскорбляющихъ, разрушающихъ, уничтожающихъ жизнь людей. А не соглашались бы люди, все бо̀льшее и бо̀льшее количество людей, совершать такія дѣла и участвовать въ нихъ, и само собой установилось бы—не скажу царство Божіе (царство Божіе, полное исполненіе того, къ чему стремятся люди, никогда не установится, пока будетъ жизнь въ людяхъ), но несомнѣнно установилась бы такая жизнь, при которой стыдно бы было какъ властвовать, такъ и добровольно подчиняться власти человѣка надъ человѣкомъ. Стыдно бы было быть богатымъ, стыдно бы было владѣтъ земельной собственностью, стыдно бы было, не говорю уже воевать, но считать врагами людей другихъ народовъ. А было бы среди людей ясное сознаніе того, чего они не должны дѣлать, и не моглабы уже продолжаться та звѣрская, противная и разуму и чувству жизнь, которой мы живемъ теперь, и неизбѣжно и непрестанно приближались бы мы къ той разумной и благой жизни, которая одна свойственна людямъ нашего времени.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Идеалъ — это путеводная звѣзда. Безъ него нѣтъ твердаго направленія, а нѣтъ направленія — нѣтъ движенія, нѣтъ жизни.

Идеалъ только тогда идеалъ, когда осуществленіе его возможно только въ идеѣ, въ мысли, когда онъ представляется достижимымъ только въ безконечности и когда поэтому возможность приближенія къ нему безконечна.

«Но если и допустить, что заповѣдь любви есть единая заповѣдь Бога, то исполненіе этой заповѣди такое, какого требуетъ евангельское ученіе, невозможно для человѣка», говорятъ люди, исповѣдующіе многія установленныя церковью вѣры и заповѣди. «Для полнаго исполненія заповѣди любви по требованію евангельскаго ученія надо возненавидѣть семейныхъ, бросить ихъ, надо не противиться злу насиліемъ, сдѣлаться нищимъ, отречься отъ себя и своей жизни, а этого не можетъ сдѣлать ни одинъ человѣкъ. И потому мы, не отрицая заповѣди любви и необходимости исполненія ея въ извѣстныхъ предѣлахъ, стараемся угодить Богу исполненіемъ и другихъ Его заповѣдей, тѣмъ самымъ облегчая себѣ возможность исполненія заповѣди любви и вмѣстѣ съ тѣмъ получая надежду своего прощенія за неполное исполненіе закона Бога въ этой жизни».

Такъ говорятъ люди, исповѣдующіе . . . . Но разсужденіе это, основанное на утвержденіи того, что полное исполненіе заповѣди любви невозможно, такъ какъ требуетъ отреченія отъ своей жизни, и что поэтому необходимо признаніе другихъ, исполнимыхъ заповѣдей для угожденія Богу, — разсужденіе это не только совершенно неправильно, но и умышленно обманчиво.

Христіанское ученіе не требуетъ и не можетъ требовать отъ человѣка невозможнаго полнаго отреченія отъ своей тѣлесной жизни; оно только показываетъ людямъ тотъ высшій идеалъ, къ

которому имъ свойственно стремиться, исполненіе же заповѣди полагаетъ не въ невозможномъ для человѣка въ этой жизни полномъ исполненіи всѣхъ требованій любви, но во все большемъ и большемъ приближеніи къ этому идеалу, посредствомъ все большаго и большаго увеличенія въ себѣ любви и все большаго и большаго самоотреченія. Такъ что признаніе недостижимаго идеала заповѣдью есть только уловка, имѣющая цѣлью показать то, что такъ какъ исполненіе заповѣди любви въ ея полномъ совершенствѣ недоступно человѣку въ этой жизни, то заповѣдь любви и не можетъ быть единой заповѣдью, а должны быть и другія заповѣди, исполненіемъ которыхъ человѣкъ можетъ угодить Богу.

Признаніе невозможности исполненія заповѣди любви, потому что она указываетъ на недостижимый идеалъ, и вслѣдствіе этого допущеніе возможности отступленій отъ требованій любви и замѣщеніе исполненія заповѣди любви исполненіемъ другихъ заповѣдей—подобно тому, что сдѣлалъ бы путешественникъ, вооруженный компасомъ, если бы онъ, рѣшивъ, что движеніе его по прямому направленію, указываемому компасомъ, невозможно вслѣдствіе горъ и рѣкъ, находящихся на пути, пересталъ бы держаться указываемаго ему компасомъ прямого кратчайшаго направленія, а сталъ бы руководствоваться въ своемъ путешествіи другими, независимыми отъ указаній компаса соображеніями.

Таково же и разсужденіе о томъ, что такъ какъ человѣкъ не можетъ достигнуть полнаго исполненія заповѣди любви, включающаго въ себя полное самоотреченіе, то ему нужно признавать другія божескія заповѣди, исполненіе которыхъ отчасти замѣщаетъ исполненіе заповѣди любви.

Неправда это. Обманъ это,—обманъ, губящій жизнь людей тѣмъ, что отводитъ ихъ отъ истинной жизни. Исполненіе заповѣди любви, заключающееся во все большемъ и большемъ пріученіи себя къ жизни любовной въ дѣлахъ, словахъ и мысляхъ, не только возможно, но толька одна такая жизнь даетъ человѣку всегда полную свободу и неперестающее благо.

Левъ Толстой.

15 іюля 1909 г.
Ясная Поляна.

Изъ автобіографіи Н. И. Костомарова.

По духовному завѣщанію вдовы историка Николая Ивановича Костомарова Алины Леонтьевны Костомаровой, скончавшейся въ Кіевѣ въ 1908 году, права на изданіе сочиненій Н. И., а равно на оставшіеся въ наличности экземпляры ихъ перешли Литературному Фонду, кромѣ права на изданіе составленнаго и выпущеннаго въ свѣтъ въ 1890 году Алиной Леонтьевной сборника подъ заглавіемъ «Литературное наслѣдіе».

Право на изданіе этого сборника и составляющихъ его и относящихся къ нему матеріаловъ принадлежитъ мнѣ.

Въ числѣ этихъ матеріаловъ, между прочимъ, имѣется IX глава «Автобіографіи» Н. И. Костомарова, посвященная воспоминаніямъ о тѣхъ профессорахъ С.-Петербургскаго университета и литераторахъ начала 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія, съ которыми Н. И. приходилось близко сталкиваться по его научно-педагогической дѣятельности.

Составительница и издательница сборника «Литературное наслѣдіе», Алина Леонтьевна Костомарова, находила неудобнымъ печатаніе «Автобіографіи» цѣликомъ... «по близости описываемаго времени», и въ опубликованной на пятомъ году послѣ кончины автора (Н. И. Костомаровъ умеръ въ 1885 году) «Автобіографіи» имѣются пропуски, замѣненные черточками и многоточіями. Такъ, между прочимъ, пропущены цѣлыя двѣ главы—VIII-я и IX-я.

Завѣщая мнѣ матеріалы по составленному ею и изданному въ 1890 году сборнику, подъ приведеннымъ выше заглавіемъ, Алина Леонтьевна Костомарова допускала возможность опубликованія пропущенныхъ мѣстъ «Автобіографіи» по прошествіи 25 лѣтъ со смерти Николая Ивановича Костомарова.

Такъ какъ двадцатипятилѣтіе это совпадаетъ со временемъ

выхода въ свѣтъ настоящаго сборника, такъ какъ воспоминанія извѣстнаго русскаго историка о близкихъ «Литературному Фонду» лицахъ и о томъ именно періодѣ ихъ жизни, когда возникалъ «Фондъ», имѣетъ значительный интересъ, то я счелъ себя въ правѣ и обязаннымъ предложить комитету Литературнаго Фонда воспользоваться этимъ матеріаломъ для издаваемаго въ пользу «Фонда» сборника.

В. Котельниковъ.

Январь 1910 года.

Петербургскій университетъ начала 1860-хъ годовъ [1]).

Измаилъ Ивановичъ Срезневскій нѣкогда былъ въ Харьковѣ и въ очень близкихъ со мной отношеніяхъ. По прибытіи въ Петербургъ я узналъ, что при предложеніи меня на каѳедру, онъ какъ человѣкъ, знавшій меня, отнесся обо мнѣ очень одобрительно, вмѣстѣ съ профессоромъ Сухомлиновымъ, поэтому я и хотѣлъ сойтись съ Срезневскимъ по прежнимъ дружескимъ отношеніямъ, но скоро замѣтилъ нѣкоторую холодность въ отношеніи ко мнѣ или недостатокъ той сердечности, какую я привыкъ въ прежней харьковской жизни встрѣчать въ немъ къ себѣ. Это невольно положило между нами какую-то тонкую преграду. Впрочемъ, онъ никогда не заявлялъ чего нибудь непріязненнаго или враждебнаго ко мнѣ, но отношенія его выражались напр. такъ, что я бывалъ у него часто, а онъ у меня рѣдко; иногда въ разговорахъ принималъ какой-то педантическій тонъ, который мнѣ не нравился, и я мало-по-малу началъ расходиться съ нимъ. Мнѣ не нравилось въ немъ направленіе или желаніе сдѣлать науку, которою онъ занимался, не только сухою, но и наборомъ подробныхъ фактовъ, безъ ихъ одухотворенія; внушалась боязнь мышленія. Напр. онъ нападалъ на современную молодежь, занимавшуюся наукою и ставилъ ей въ вину охоту къ размышленію и къ составленію выводовъ, оправдывая это тѣмъ, что при недостаточности подготовки и обработки фактовъ, можно впадать въ ошибочныя заключенія. Въ сущности это было вѣрно, и онъ справедливо нападалъ на тѣхъ, которые съ малымъ коли-

---

[1]) Эта неизданная глава изъ автобіографіи Н. И. Костомарова продиктована имъ въ послѣдніе годы его жизни. Она не только даетъ очень интересныя, хотя далеко не всегда вѣрныя и точныя характеристики, но и представляетъ собою весьма важный матеріалъ для сужденія объ общественно-политическомъ міросозерцаніи Костомарова. Поэтому отрывокъ печатается безъ всякихъ сокращеній. **Ред.**

чествомъ знаній свысока обо всемъ судили. Но все имѣетъ свою крайность. Ему не нравились легкіе мыслители недостаточно углубляющіеся въ изученіе фактовъ, но, покровительствуя противоположное направленіе, онъ распложалъ пустыхъ кропателей надъ мелочами. Молодые люди даже смѣялись надъ нимъ и говорили, что можно написать диссертацію, въ которой бы у автора небыло никакой руководящей идеи, а за то было бы много выписокъ, свидѣтельствъ, ссылокъ, сопоставленій. По его харьковской жизни я зналъ, что онъ нерѣдко брался самъ за такіе предметы, которые недостаточно изучилъ, и умѣлъ прикрывать это ученою мантіею, что не трудно было, когда въ тѣ времена такъ мало находилось конкурентовъ, занимавшихся тѣмъ же предметомъ. Въ Петербургѣ ясно было видно, что онъ относился къ дѣлу фундаментальнѣе и при его несомнѣнныхъ способностяхъ ума пріобрѣлъ болѣе дѣйствительныхъ знаній, но вдался въ академическую сухость подробностей и мелочей, какъ мнѣ казалось, именно потому, что на этомъ пути могъ быть первымъ и руководить другими. Это сдѣлалось особенно послѣ 1862 года, когда вслѣдствіе студенческихъ безпорядковъ между серьезными людьми такъ сказать распространилась мода уважать особенно сухія изслѣдованія. Срезневскій, какимъ я его зналъ и смолоду и впослѣдствіи, былъ всегда человѣкъ самолюбивый и честолюбивый; его, какъ видно, утѣшало признаніе за нимъ достоинства строго научнаго труженика, и надобно сказать, что многіе съ этой стороны стали ему курить ѳиміамъ. Я помню уже въ болѣе позднее время, въ 1870 году, когда у графа Уварова было предварительное совѣщаніе объ археологическомъ съѣздѣ въ Петербургѣ, уваженіе къ Срезневскому доходило до того, что когда онъ пришелъ вечеромъ къ графу и нѣсколько опоздалъ, то профессоръ Бестужевъ-Рюминъ требовалъ, чтобъ было перечитано вновь уже прочитанное, въ видахъ того, что Срезневскій этого не слышалъ, и Бестужевъ адресовался къ нему съ такимъ почтеніемъ, которое уже переходило въ раболѣпство. Очень многіе относились къ нему точно такъ же, и, какъ казалось, это ему нравилось. Изъ профессоровъ филологическаго факультета, одинъ только Орестъ Миллеръ стоялъ какъ то ребромъ къ нему. Срезневскій былъ человѣкъ очень ловкій и изворотливый, умѣлъ въ университетѣ держать своихъ товарищей такъ, что нѣкоторые, даже вообще недолюбливая его, въ сущности ему повиновались.

Тайна этого состояла въ томъ, что онъ подмѣчалъ слабыя стороны другихъ и именно такія, которыя старались скрыть, а онъ, какъ бы мимоходомъ, давалъ замѣчать, что понимаетъ ихъ,

и такимъ образомъ держалъ другихъ въ нѣкотораго рода страхѣ, какъ бы угрожая сказать болѣе того, что онъ сказалъ и чего другіе не хотѣли слушать.

Къ студентамъ онъ былъ вообще добръ и только во время своего кратковременнаго ректорства вооружилъ противъ себя молодежь тѣмъ, что, исполняя волю начальства, хотѣлъ проводить принятыя послѣднимъ мѣры, не нравившіяся студентамъ. О добротѣ его замѣчу, что во время студенческихъ экзаменовъ, бывши у меня ассистентомъ, онъ постоянно просилъ прибавлять студентамъ баллы, хотя въ то же время очень преслѣдовалъ на словахъ легкость молодежи въ занятіяхъ наукою. Это же добродушіе проявилось въ немъ въ отношеніи къ моей покойной матери, когда она проживала въ Петербургѣ, во время моего годичнаго заключенія въ крѣпости, за что я всегда былъ и буду ему благодаренъ.

Михаилъ Ивановичъ Сухомлиновъ былъ въ отрочествѣ моимъ ученикомъ въ харьковскомъ пансіонѣ Зимницкаго, гдѣ я когда-то въ началѣ 40-хъ годовъ давалъ уроки. Сухомлиновъ тогда уже былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ и съ перваго раза былъ замѣтенъ по дарованіямъ и уму. Въ университетѣ онъ, какъ я слыхалъ отъ многихъ, былъ лучшимъ студентомъ. Выѣхавши изъ Харькова, я встрѣтился съ нимъ лѣтъ черезъ шестнадцать въ Петербургѣ, гдѣ онъ уже занялъ каѳедру, послѣ возвращенія своего изъ заграницы. Преподавая русскую словесность въ петербургскомъ университетѣ, Сухомлиновъ занимался учено-литературными трудами, и все, что написалъ и издалъ, отличается безукоризненною дѣльностію въ обработкѣ предмета и въ правильности взгляда. Я встрѣтился съ нимъ, какъ со стариннымъ знакомымъ, и неизмѣнимо находился съ нимъ въ самыхъ пріятныхъ отношеніяхъ. Въ числѣ его качествъ, какъ человѣка, я замѣтилъ въ немъ постоянное желаніе ладить со всѣми, для чего онъ иногда прибѣгалъ и къ тонкой лести, готовъ былъ изъ желанія сохранить хорошія отношенія похвалить то, чему на самомъ дѣлѣ не сочувствовалъ, сказать только вполовину и смолчать тамъ, гдѣ можно было ожидать отъ него возраженія. Но это дѣлалось всегда безъ ущерба правдѣ и добросовѣстности.

Николай Михайловичъ Благовѣщенскій, профессоръ латинской словесности. Послѣ поступленія моего на каѳедру, я сблизился съ нимъ довольно дружески. Это былъ человѣкъ честный и прямой, очень любезный въ обращеніи, безъ всякаго педантства, зналъ свой предметъ, но занимался имъ безъ увлеченія, которое вообще не было у него въ природѣ. Его посто-

явная любезность обращенія со всѣми усвоила ему нѣкоторую манерность: покойный поэтъ Ник. Ѳед. Щербина постоянно подтрунивалъ (за глаза, разумѣется) надъ его свѣткостію, которая, при его происхожденіи изъ духовнаго званія, нерѣдко невольно возбуждала насмѣшку. Щербина далъ ему кличку: Marquis de Blagowestschensky, и эта кличка пришлась, какъ говорится, по шерсти. Петербургскіе либералы недолюбливали его и считали его однимъ изъ искателей карьеры, угождающимъ сильнымъ міра сего, старались даже умалить его ученое значеніе. Что касается до послѣдняго, то при его несомнѣнномъ знаніи, въ его отношеніи къ наукѣ проглядывала всегда сухость и прозаичность. Что же касается до пролаганія себѣ дороги нечестными путями, то это совершенная ложь. Напротивъ: когда университетъ находился въ колебавшемся положеніи и бывшій временно министромъ народнаго просвѣщенія адмиралъ Путятинъ ни къ селу, ни къ городу созвалъ профессоровъ и началъ читать имъ выговоръ, одинъ Благовѣщенскій не смолчалъ и отвѣтилъ ему чрезвычайно рѣзко. Министръ сказалъ въ заключеніе своей рѣчи: я съ вами господа говорю откровенно. Благовѣщенскій отвѣтилъ: Уже черезчуръ, ваше сіятельство, только мы къ такого рода откровенностямъ не привыкли и привыкать къ нимъ не желаемъ. Путятинъ поблѣднѣлъ отъ злости. Такой поступокъ не показываетъ скромнаго угодника сильныхъ міра и гоняющагося за ихъ милостями. Благовѣщенскій въ разговорахъ всегда былъ неумолимымъ врагомъ недозрѣлаго либерализма, господствовавшаго въ юномъ поколѣніи, сторонникомъ порядка и законности, но это происходило у него изъ внутренняго твердаго убѣжденія, а не изъ какаго нибудь исканія добраго о себѣ мнѣнія властей. Впослѣдствіи онъ перешелъ въ варшавскій университетъ, сдѣланъ былъ тамъ ректоромъ, и надобно сказать, что тутъ онъ сталъ истинно на своемъ мѣстѣ. Всегда любезный и мягкій въ обращеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ твердый въ убѣжденіяхъ и неуклонный въ мѣрахъ, онъ былъ болѣе чѣмъ кто нибудь пригоденъ для поляковъ, съ которыми всегда слѣдовало обращаться крайне вѣжливо, но вмѣстѣ и твердо. Поэтому онъ, какъ я слышалъ, отъ многихъ, пріобрѣлъ тамъ всеобщее уваженіе русскаго и польскаго общества.

Алексѣй Николаевичъ Савичъ—профессоръ астрономіи, познакомился со мной черезъ общаго нашего знакомаго Василія Васильевича Тарновскаго, бывшаго членомъ редакціонной коммиссіи. Несмотря на различіе нашихъ спеціальностей, я сошелся съ нимъ самымъ близкимъ образомъ и нашелъ въ немъ чрез-

вычайно умнаго и всесторонне образованнаго человѣка, какихъ вообще рѣдко встрѣтить. Его познанія въ своей наукѣ признаются единогласно всѣми занимающимися ею, но кромѣ того я самъ испыталъ, что онъ имѣетъ рѣдкій даръ излагать астрономическія истины такъ ясно, талантливо, живо и для всѣхъ увлекательно, что не разъ съ особеннымъ удовольствіемъ я вызывалъ его на научныя бесѣды и всегда слушалъ ихъ съ жадностью и наслажденіемъ. Всѣ, кого я зналъ, относились къ нему въ этомъ отношеніи точно такъ же. Но Савичъ не былъ узкимъ спеціалистомъ. Онъ имѣлъ основательныя свѣдѣнія въ другихъ наукахъ, совершенно далекихъ отъ его математико-астрономическихъ знаній, и между прочимъ въ исторіи. Онъ зналъ ее, любилъ, все замѣчательное въ ея области читалъ и произносилъ замѣчательно вѣрныя сужденія и взгляды. Природный малороссіянинъ, онъ усвоилъ съ дѣтства и сохранилъ до старости тотъ простодушный юморъ, который составляетъ характеристическую черту малоросса. И это качество постоянно въ немъ высказывается и придаетъ его бесѣдѣ особую живость и увлекательность. Онъ даже въ выговорѣ своемъ остался малороссомъ, несмотря на то, что получилъ воспитаніе въ Дерптѣ, жилъ нѣсколько разъ съ ученою цѣлью въ Германіи, Франціи и Англіи, былъ женатъ на нѣмкѣ и многими взглядами не нравился нашимъ кваснымъ патріотамъ, которые обвиняли его зато въ пристрастіи къ иноземщинѣ. Этотъ человѣкъ въ жизни своей испыталъ чрезвычайно много семейнаго горя: потерялъ сначала замужнюю дочь и зятя, оставившихъ на его попеченіи двоихъ сиротъ, потомъ потерялъ взрослаго сына, уже окончившаго курсъ въ университетѣ и державшаго экзаменъ въ магистра, наконецъ любимую жену, съ которой дружно прожилъ 30 лѣтъ.

Не смотря на всѣ эти удары судьбы, глубоко имъ чувствуемые, онъ все переносилъ со стоическимъ терпѣніемъ и послѣ непродолжительнаго періода горести обращался неутомимо къ своимъ занятіямъ. Во внѣшности Алексѣя Николаевича было чрезвычайно много страннаго. Онъ былъ одѣтъ всегда такъ дурно, какъ послѣдній бѣднякъ, хотя имѣлъ всегда очень хорошее состояніе, владѣлъ поземельною собственностію въ Малороссіи, большим домомъ въ Петербургѣ и капиталами въ разныхъ процентныхъ бумагахъ. Это возбуждало смѣхъ. Однажды на пожарѣ въ Петербургѣ его схватили и заставили его качать воду, принимая за чернорабочаго; другой разъ въ церкви, во время причащенія въ великій постъ, солдатъ, указывая на него въ то

время, какъ онъ подходилъ къ теплотѣ (?) сказалъ другому солдату: «Видишь ты этого михлютку? Вѣдь генералъ!»

«Что ты?!» съ удивленіемъ спросилъ другой. «Ей Богу! три звѣзды у него!» отвѣчалъ солдатъ. О немъ ходили слухи, что это происходитъ отъ чрезвычайной скупости. И въ самомъ дѣлѣ это было такъ. Онъ былъ до крайности скупъ, совершенное подобіе гоголевскаго Плюшкина, но что всего страннѣе—при чрезмѣрной скупости, которая заставляла его трястись надъ двадцатью копейками, онъ готовъ былъ тратить для пользы другихъ безкорыстно большія суммы. Такъ напр. мнѣ извѣстно, что онъ помогалъ бѣднымъ студентамъ, давая имъ по 25 и по 50 руб., не ожидая отдачи. Когда я былъ боленъ тифомъ въ 1875 г., лежалъ безъ памяти и въ полномъ одиночествѣ, потому что въ это же время скончалась моя мать, за мною ухаживали чужіе добрые люди. Денегъ у меня нашли всего 80 рублей. Получить изъ банка можно было только подписавши чекъ, а я, находясь въ безпамятствѣ, подписать его не могъ. Доктора находили болѣзнь мою до того опасною, что считали выздоровленіе почти невозможнымъ. Является Савичъ. Окружавшіе меня люди заявляютъ ему, что нечѣмъ ни лѣчитъ меня, ни похоронить мою мать. Савичъ тотчасъ предлагаетъ брать у него денегъ сколько надобно, хотя бы и болѣе тысячи рублей. Ему замѣтили, что я могу умереть и потомъ денегъ этихъ не съ кого получить. Савичъ не останавливается и говоритъ, что если бы и такъ было, то онъ не пожалѣетъ изъ желанія спасти мнѣ жизнь. Случилось такъ, что тогда же нашли другой источникъ, отдавши редактору «Вѣстника Европы» для напечатанія рукопись «Кудеяра», уже мною запроданнаго до болѣзни редактору. Но Савичъ не зналъ этого и предлагалъ деньги тогда, когда болѣе вѣроятія было ихъ потерять, нежели возвратить. Эти черты составляютъ просто непонятное противорѣчіе съ его несомнѣнною скупостью. Онъ постоянно слѣдилъ за всѣми современными явленіями во всѣхъ сферахъ жизни и политической, и общественной, и промышленной, и торговой, и финансовой, и правительственной, и ученой, и юридической и всегда съ вѣрнымъ и мѣткимъ сужденіемъ, пропитаннымъ никогда непокидающимъ его юморомъ. Помню, какъ онъ въ 1861 году когда студенты волновались и толковали, брать ли имъ навязываемые начальствомъ матрикулы или вести оппозицію до крайнихъ предѣловъ, Савичъ сказалъ имъ: «Вы чего, господа, хотите? Чтобъ этихъ матрикуловъ не было? Не такъ ли? Ну такъ покоряйтесь и берите—и ихъ не будетъ. У насъ все такъ дѣлается: прикажутъ, послушаютъ приказанія, а потомъ оно забудется, ни-

кто его исполнять не будетъ и никто за неисполненіе не будетъ преслѣдовать. Если бы мнѣ приказали: поѣзжай на луну! Я бы не сталъ доказывать, что туда добраться невозможно, а сказалъ бы «слушаю» и конечно не исполнилъ бы и никто бы меня за то не преслѣдовалъ, зная, что этого нельзя сдѣлать». Другой разъ онъ, встрѣтившись съ однимъ сектантомъ, сталъ его уговаривать «заявить согласіе съ господствующимъ ученіемъ». Но вѣдь это будетъ противъ моего убѣжденія,—сказалъ сектантъ,—все равно, еслибъ васъ, профессоръ, принуждали говорить, что солнце меньше земли. Развѣ вы бы сказали?—Сказалъ бы, отвѣчалъ Савичъ, когда бы этого силою потребовали: оно отъ того меньше не будетъ!—и при этомъ привелъ въ примѣръ Галилея. Въ его сужденіяхъ вездѣ появляется строгій критическій взглядъ. Во всемъ онъ ловко отыщетъ слабую и смѣшную сторону, что, однако, ни мало не мѣшаетъ ему указать на стороны положительныя. Въ нѣкоторыхъ сужденіяхъ, однако, проскакиваютъ у него взгляды, которые можно назвать отсталыми въ наше время. Такъ напр. онъ не придаетъ никакого значенія стремленію, явившемуся въ послѣднее время, въ женщинѣ пріобрѣтать серьезное ученое образованіе и думаетъ, что женщина должна ограничиваться узкою сферою кухни и салона; я объясняю это нѣмецкимъ вліяніемъ, внѣдрившимся отъ воспитанія въ Дерптѣ и отъ сожительства съ женою нѣмкою.

Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ. Съ нимъ я познакомился въ 1855 году и съ тѣхъ поръ онъ долго производилъ на меня очень симпатичное впечатлѣніе; человѣкъ живого нрава, увлекающійся современными вопросами, съ поэтическимъ отблескомъ, человѣкъ много читавшій, а еще болѣе много думавшій. Онъ особенно остался у меня въ памяти, когда осенью 1857 года, возвращаясь изъ заграницы, я прожилъ въ Петербургѣ въ гостинницѣ Демута недѣли двѣ и однажды ночью, часовъ въ 11, заѣхалъ ко мнѣ Кавелинъ и мы съ нимъ просидѣли почти до разсвѣта одинъ на одинъ. Это было время благихъ ожиданій, готовилось уничтоженіе крѣпостного права и вся мыслящая Россія отъ мала до велика только о томъ постоянно и думала. И у насъ съ Кавелинымъ тогда бесѣда вращалась преимущественно около этого вопроса. Въ 1859 году, когда меня избрали на каѳедру, Кавелинъ былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ друзей, проводившихъ мое избраніе, и въ октябрѣ этого года, когда послѣдовало Высочайшее утвержденіе меня въ должности, онъ первый прибѣжалъ ко мнѣ въ гостинницу Балабина, гдѣ я жилъ, съ такимъ радостнымъ чувствомъ, какъ будто бы дѣло шло о немъ самомъ. Студенты его чрезвычайно

любили. Онъ читалъ государственное право. На его лекціяхъ, всегда было много постороннихъ слушателей, потому что онъ отличался прекраснымъ даромъ слова, ясностью изложенія, быстротою выраженія и большимъ остроуміемъ; въ немъ казалось нѣчто французское. И въ самомъ дѣлѣ, какъ мнѣ говорили, его мать была француженка по происхожденію. Во время студенческихъ смутъ 1861 года Кавелинъ невольно сталъ въ какое то неловкое и такъ сказать фальшивое положеніе. Когда правительство, находя, что между студентами явилась распущенность, задумало установить дисциплинарныя правила для студентовъ, составлена была коммиссія изъ профессоровъ и въ этой коммиссіи былъ Кавелинъ и, какъ разсказываютъ, игралъ тамъ роль заправщика. Эти дисциплинарныя правила, составленныя коммиссіей, но нѣсколько измѣненныя высшимъ начальствомъ, и послужили поводомъ къ смутамъ между студентами. Профессора много разъ собирались въ совѣтъ, и въ этихъ засѣданіяхъ сами раздѣлились на три партіи. Одна старалась угождать видамъ правительства въ его предначертаніяхъ, другая составляла оппозицію и естественно пользовалась сочувствіемъ студентовъ, третья старалась по возможности не приставать ни туда, ни сюда и уклониться отъ участія въ вопросахъ, тогда возбуждаемыхъ. Кавелинъ сталъ, такъ сказать, главою и душою второй изъ этихъ партій; между профессорами многіе не принимали во вниманіе представленій и мнѣній этой партіи и Кавелинъ, какъ ея глава, въ частныхъ собраніяхъ, собиравшихся то у того, то у другого изъ профессоровъ, предложилъ выйти въ отставку *en masse*. Къ нему тотчасъ пристали Стасюлевичъ, Пыпинъ, Борисъ Утинъ и Спасовичъ. Они хотѣли нравственнымъ давленіемъ побудить къ тому же и другихъ профессоровъ изъ круга тѣхъ, которые прямо не поддерживали правительственныхъ распоряженій, въ томъ числѣ и меня, и притомъ налегали на меня болѣе, чѣмъ на всякаго другого. Я уперся и это было началомъ охлажденія между мною и Кавелинымъ. И другихъ сотоварищей я удерживалъ отъ этого предпріятія, представляя, что можетъ все перемѣниться, студентовъ, которыхъ тогда не десятками, а сотнями засадили по крѣпостямъ, скоро выпустятъ, перемѣнятъ главное начальство, откроютъ опять университетъ и снова пойдетъ все попрежнему. Вышеозначенные профессора подали въ отставку, а между мною и ими пробѣжала, какъ говорится, черная кошка. Черезъ мѣсяцъ или черезъ два Кавелинъ получилъ мѣсто въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ. И другіе, исключая А. Н. Пыпина, не потеряли *матеріально* отъ

своего выхода въ отставку. Стасюлевичъ и Утинъ были лица съ собственнымъ обезпеченнымъ состоянiемъ, а Спасовичъ только разгласилъ, что онъ подалъ въ отставку, но какъ то устроилъ свои дѣла такъ, что прошенiе его не пошло въ ходъ, а потомъ, когда министромъ народнаго просвѣщенiя сдѣланъ былъ Головнинъ, онъ хлопоталъ о полученiи каѳедры ординарнаго профессора въ Казани (въ Петербургѣ былъ онъ только экстраординарнымъ) и уже былъ почти туда назначенъ, но Государь Императоръ лично не велѣлъ опредѣлять его за какiя то найденныя въ сочиненiяхъ Спасовича объ уголовномъ правѣ мысли о томъ, что бываютъ случаи, когда лица, признаваемыя виновными юридически, съ нравственной точки бываютъ не только правы, но чуть не святы, а въ примѣръ приведены были поляки, осужденные русскимъ правительствомъ за проявленiя любви къ своему отечеству. Впослѣдствiи хотя съ Кавелинымъ я встрѣчался дружелюбно, но уже прежняго дружескаго сближенiя между нами не было. Ни онъ у меня, ни я у него не бывали.

Владимiръ Даниловичъ Спасовичъ — бывшiй профессоръ уголовнаго права, а потомъ прiобрѣвшiй всеобщую извѣстность адвокатъ. Знакомство мое съ нимъ началось въ 1857 году весною, когда я ѣхалъ черезъ Петербургъ заграницу и оставался въ Петербургѣ двѣ или три недѣли. Знакомство мое съ нимъ совпало разомъ съ цѣлымъ кружкомъ лицъ изъ польской нацiи и потому, говоря о немъ, придется сказать разомъ и о другихъ. Въ бытность мою въ Петербургѣ въ вышеозначенное время пришли ко мнѣ три неизвѣстныхъ лица, рекомендуясь отъ имени моихъ знакомыхъ Бѣлозерскаго и Кулиша. Одинъ былъ Желеховскiй, поэтъ, извѣстный въ польской литературѣ подъ псевдонимомъ Антона Совы; другой—Сѣраковскiй, только что освобожденный изъ тяжелой ссылки въ Оренбургскiй баталiонъ, гдѣ онъ сблизился съ Шевченкомъ, съ которымъ пришлось ему тянуть солдатскую лямку; третiй—Спасовичъ, тогда только что поступавшiй въ адъюнкты петербургскаго университета. Они знали обо мнѣ какъ о человѣкѣ пострадавшемъ за славянскую идею и тотчасъ завели со мною о томъ бесѣду. Такъ какъ я въ то время былъ сильно проникнутъ идеею славянской взаимности во всѣхъ ея видахъ, то естественно между нами наступило тотчасъ же самое дружеское сближенiе. Я способенъ былъ увлекаться и вѣрить, а потому, такъ сказать, влюбился во всѣхъ трехъ, тѣмъ болѣе, что всѣ они со свойственною полякамъ любезностью разсыпались въ самыхъ нѣжныхъ чувствахъ ко мнѣ; всѣ трое были однакоъ различны по характеру и прiемомъ. Желеховскiй человѣкъ лѣтъ

около 30-ти, изящно одѣтый, довольно красивый собою, съ рѣчью, исполненною чувства, имѣлъ такіе признаки, по которымъ человѣка можно назвать сахарнымъ. Онъ тогда же началъ съ одушевленіемъ читать мнѣ свои польскіе стихи, которые мнѣ понравились, быть можетъ подкупивъ меня своимъ содержаніемъ, касавшимся любимой моей идеи. Другой — Сѣраковскій, по пріемамъ и манерамъ своимъ былъ совершенный огонь. Онъ говорилъ съ паѳосомъ, не могъ ни полъ-минуты усидѣть на мѣстѣ, метался изъ одного угла комнаты въ другой и декламировалъ такъ, какъ будто былъ на трибунѣ. Онъ мнѣ особенно тогда понравился. По разсказамъ его, окончивши курсъ въ петербургскомъ университетѣ, онъ былъ арестованъ за какія то политическія писанія и отправленъ въ тяжелую ссылку, гдѣ пробылъ 10 лѣтъ, а только что воротившись въ офицерскомъ чинѣ получилъ надежду быть принятымъ въ военную академію. Третій былъ Спасовичъ, человѣкъ кроткаго вида, менѣе прочихъ разговорчивый, погруженный по виду болѣе въ науку, чѣмъ въ современные вопросы, онъ только какъ бы вскользь и спокойно показывалъ, что раздѣляетъ съ другими одинакіе взгляды. Съ этого дня началось мое знакомство съ этими людьми. Желеховскій, пробывши въ Петербургѣ послѣ того около трехъ лѣтъ, часто видѣлся со мною у Бѣлозер. съ которымъ былъ друженъ и неоднократно вмѣстѣ съ нимъ посѣщалъ меня. Онъ читалъ свои польскія стихотворенія, сколько помнится, драматической формы, и при этомъ чтеніи не разъ присутствовалъ Шевченко. Скоро, однако, сошелся онъ съ какою то госпожею, которую я раза два видѣлъ у Бѣлозерскихъ, и въ 1860 году вмѣстѣ съ нею отправился заграницу и совершенно исчезъ изъ вида. Послѣ я услышалъ, что онъ умеръ въ Женевѣ. Сѣраковскій, поступивъ въ военную академію, скоро произвелъ тамъ фурроръ необыкновенными своими способностями. Въ 1860, 61 и 62 годахъ я съ нимъ не рѣдко видался въ публичной библіотекѣ и у себя дома, и наконецъ въ ресторанахъ, куда мы неоднократно ходили вмѣстѣ обѣдать. Его политическія убѣжденія приводили меня въ совершенный восторгъ. Онъ казался врагомъ польско-шляхетскихъ патріотическихъ тенденцій; сознательно говорилъ, что Польша можетъ быть возстановлена только въ славянской федераціи и притомъ радикально измѣнившись, поставивши своею задачею пользу не одного какого нибудь класса, какъ прежде было, а цѣлой массы народной. Онъ казался пламеннымъ поборникомъ демократическихъ идей, стремленія даровать простому народу свободу и возвышать его умственный и матеріальный уровень путемъ правильнаго про-

свѣщенія. Онъ говорилъ именно то, чего не было въ старой Польшѣ. Никто, казалось, такъ безпристрастно не относился къ темнымъ сторонамъ прошедшаго и никто, казалось, такъ не сознавалъ ихъ. Мои задушевныя славянскія стремленія нашли, по видимому, въ этомъ человѣкѣ самаго рьянаго поборника. Непріятно иногда щелкали мое ухо какъ бы невзначай дѣлаемыя выходки въ духѣ старошляхетской Польши, но я извинялъ это тѣмъ, что трудно человѣку вполнѣ отрѣшиться отъ усвоенныхъ съ матернимъ молокомъ предразсудковъ. Но вспыхнуло польское возстаніе 1863 года и Сѣраковскій неожиданно для меня явился совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Не знаю, какими путями случился крутой поворотъ въ немъ, но видно было, что у него въ душѣ происходило такое, чего мнѣ не открывалось. Съ необыкновенною скоростью по службѣ, благодаря своимъ талантамъ, онъ получилъ чинъ полковника генеральнаго штаба и отправился по дѣламъ службы въ Вильну, гдѣ и женился. Говорили, что въ Вильнѣ онъ жилъ не малое время въ домъ генералъ губернатора Назимова и внушилъ ему полную увѣренность въ своемъ неодобреніи польскихъ замысловъ и въ своей преданности Россіи, какъ вдругъ онъ пристаетъ къ мятежу, революціонный жондъ назначаетъ его виленскимъ воеводою и главнымъ предводителемъ литовскаго возстанія. Сѣраковскій выступаетъ открыто врагомъ Россіи, командуетъ повстанцами, и, что всего страннѣе, приказываетъ разстрѣливать русскихъ плѣнныхъ. Вспоминая о томъ, что онъ мнѣ говорилъ въ прежнія времена нашего сближенія, я бы ни за что не повѣрилъ, что Сѣраковскій былъ способенъ на подобные поступки. Однако это было такъ. Банда его была разбита и онъ, раненый, взятъ въ плѣнъ. Муравьевъ приказалъ его прежде вылѣчить, а потомъ повѣсить. По свидѣтельству очевидцевъ, онъ умеръ совсѣмъ не героемъ. Когда его подвели къ висѣлицѣ, онъ началъ ругать Россію, а потомъ бить палача. Ясно было для всѣхъ, что этимъ неистовствомъ пытался онъ заглушить въ себѣ трусость предъ неминуемою смертью. Барабанный бой прекратилъ его проклятія, а палачъ, въ отмщеніе за нанесенные побои, повѣсилъ его такъ, что несчастный умиралъ въ медленныхъ мукахъ. Узнавши о судьбѣ его, я долженъ былъ сознаться въ своей непростительной наивности и легковѣріи, съ которымъ принималъ за чистую монету то, что мнѣ говорили наши общіе враги поляки.

Съ поступленія своего въ университетъ я сошелся съ Спасовичемъ довольно по пріятельски, хотя наши занятія и не дозволяли намъ видѣться очень часто. Спасовичъ былъ большой знатокъ польской литературы и былъ мнѣ очень полезенъ. Не разъ я

обращался къ нему съ разными вопросами, чтобъ отыскать свѣдѣнія, которыя оказывались нужными для русской исторіи по тѣсной связи, какую имѣлъ польскій міръ съ русскимъ. Въ политическихъ убѣжденіяхъ Спасовичъ казался человѣкомъ умѣреннымъ, противникомъ всякихъ патріотическихъ увлеченій, свойственныхъ его землякамъ; въ особенности онъ показывалъ большое уваженіе къ дѣятельности маркиза Велепольскаго, поставившаго себѣ задачею примиреніе поляковъ съ русскими на принципахъ славянской взаимности, что совершенно совпадало съ моими завѣтными мечтами. Родомъ изъ Бѣлоруссіи, онъ былъ сынъ доктора въ Рѣчицѣ, русскаго по вѣрѣ и по происхожденію, но матери польки, однако не таился предпочтеніемъ всего польскаго. Относительно религіи онъ не придавалъ католичеству значенія національной польской религіи и постоянно указывалъ на историческіе примѣры тѣхъ русскихъ православныхъ пановъ, которые заявляли себя вѣрными слугами Польши; впрочемъ, онъ не только не проявлялъ какой нибудь враждебности къ русскимъ,—напротивъ, съ чувствомъ толковалъ о примиреніи. Это былъ человѣкъ очень умный, талантливый, казался чуждымъ всякаго своекорыстія, горячо преданнымъ идеѣ. Неудивительно, что я полюбилъ его, высоко уважалъ и съ негодованіемъ слушалъ отъ нѣкоторыхъ замѣчанія, что это человѣкъ двуличный. Студенты очень любили его, не только поляки, но и русскіе, тѣмъ болѣе, что никто изъ профессоровъ не заботился такъ сердечно и горячо о ихъ нуждахъ: если приходилось составить какой-нибудь литературный вечеръ, спектакль, концертъ или что нибудь иное въ пользу существовавшей тогда кассы для поддержанія бѣдныхъ студентовъ, Спасовичъ былъ всегда главнымъ учредителемъ и заохочивалъ къ участію литераторовъ и ученыхъ.

Когда начались студенческія волненія, Спасовичъ былъ въ числѣ профессоровъ, настаивавшихъ на подачѣ объ отставкѣ, но тутъ же сдѣлалъ маленькую хитрость: онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ и это сдѣлалось извѣстнымъ между студентами и профессорами, но потомъ взялъ назадъ свое прошеніе, продолжая считаться профессоромъ, и получалъ жалованье, а когда съ января 1862 года поступилъ въ министерство Головнинъ, то исходотайствовалъ для себя переводъ въ казанскій университетъ. Но тутъ какіе-то стоявшіе высоко недоброжелатели его повредили ему, представивши Государю о его неблагонадежности, которая, по ихъ мнѣнію, высказалась въ его диссертаціи по уголовному праву, гдѣ онъ проводилъ мысль, что могутъ быть поступки, признаваемые преступленіями, а въ сущности благородные, добродѣтельные. Къ

такимъ поступкамъ принадлежали случаи всякой оппозиціи покоренныхъ національностей противъ покорительной силы. Эта мысль очень не понравилась, потому что здѣсь ясно увидѣли, что идетъ дѣло о Польшѣ и польскихъ стремленіяхъ... Государь не разрѣшилъ оставлять Спасовича въ профессорскимъ званіи и Спасовичъ, выбитый изъ своей обычной колеи, бросился въ адвокатуру, чѣмъ матеріально пріобрѣлъ себѣ большую выгоду. Нѣсколько лѣтъ спустя, встрѣтившись со мной, онъ говорилъ, что успѣлъ уже нажить себѣ большой капиталъ, тогда какъ если бы оставался съ профессурою, то долженъ былъ бы ограничиваться сравнительно скудными средствами.

Лѣтомъ 1862 года я ѣздилъ въ Вильно и на желѣзной дорогѣ встрѣтилъ Спасовича, ѣдущаго туда же. Мы пріѣхали вмѣстѣ въ Вильно и онъ меня познакомилъ съ тамошнимъ ученымъ кругомъ, но самъ отъ этого круга удалялся; онъ, какъ разсказывалъ, пріѣзжалъ къ своему другу Оскѣрко и остановился у него. Этотъ Оскѣрко впослѣдствіи былъ однимъ изъ главнѣйшихъ руководителей возстанія и былъ сосланъ въ каторгу. Тогда же не только русскіе, но поляки указывали на него, какъ на яраго польскаго патріота, руководившаго духомъ начинавшагося возстанія. Когда въ 1863 году вспыхнуло рѣшительное возстаніе, Спасовичъ, живя въ Петербургѣ, всегда говорилъ объ этомъ съ сожалѣніемъ и съ неодобреніемъ, между тѣмъ въ обществѣ не только русскомъ, но и польскомъ говорили въ одно, что онъ одинъ изъ важнѣйшихъ участниковъ возстанія. Это казалось вѣроятнымъ особенно тогда, когда открылось участіе Огрызка, директора акцизныхъ сборовъ, закадычнаго друга Спасовича. Тѣмъ не менѣе Спасовича законъ не преслѣдовалъ, потому что онъ держалъ себя осторожно. Но что онъ сочувствовалъ возстанію—въ этомъ едва ли можно было сомнѣваться, когда въ его кабинетѣ вся стѣна была увѣшана фотографическими карточками польскихъ повстанцевъ, потерпѣвшихъ смерть или ссылку за возстаніе. Онъ нигдѣ не скрывалъ своего сочувствія ко всему польскому и даже въ своихъ судебныхъ рѣчахъ не разъ это высказывалъ. По причинѣ разныхъ путей жизни мы видѣлись съ нимъ рѣдко, но при всякой встрѣчѣ относились другъ къ другу пріятельски. Однажды онъ мнѣ откровенно сказалъ, что желаетъ, нажившись адвокатурой, переселиться въ Австрію, гдѣ единственно польской національности льготно. Съ нимъ жилъ постоянно его другъ адвокатъ Борщовъ, также русскій по отцу, но рожденный отъ матери-польки. Онъ не менѣе Спасовича былъ горячій приверженецъ всего польскаго, а сестра Спасовича, которую я случайно увидѣлъ у брата, даже не знала ни слова по-

русски, несмотря на то, что крещена въ православной вѣрѣ. Эти примѣры показали мнѣ, до какой степени сильно нравственное вліяніе польской женщины и какъ энергически умѣетъ она поддерживать и распространять свою народность. Въ послѣднее время, уже когда началась восточная война, я вступилъ было въ печатную полемику съ Спасовичемъ, но удержался отъ дальнѣйшихъ толковъ. Дѣло шло о томъ, что нѣкоторые поляки въ это время начали писать въ русскихъ газетахъ заявленія о необходимости и желаніи примиренія польской національности съ русской. Какъ ни любезна для меня издавна эта идея, но я видѣлъ въ польскихъ писаніяхъ безыменныхъ писателей ложь и коварство, что слишкомъ ясно сквозило въ ихъ пріемахъ... Я сталъ обличать этихъ писакъ, и началъ статьею: «Полякамъ-миротворцамъ». Спасовичъ возсталъ противъ меня въ числѣ другихъ очень рѣзко и даже сравнивалъ меня съ сельскою вздорною бабою, которая не даетъ помириться ссорящимся братьямъ. Я печатно заявилъ, что уже все сказавши, не желаю болѣе безполезно писать объ этомъ. Конечно, Спасовичъ, сочувствуя въ это время идеѣ примиренія русской и польской національностей, былъ вѣренъ тому, что высказывалъ всегда прежде, но дѣло въ томъ, что поляки-миротворцы, въ своихъ статьяхъ, думали только насъ обмануть; истиннаго желанія мира у нихъ не было, и, видя это, я никакъ не могъ простодушно восхищаться ихъ нѣжными увѣреніями. Я всегда думалъ, что такое примиреніе можетъ только состояться на принципѣ славянской взаимности. И миротворцы говорили тоже за своихъ братій; но какъ мало принципъ этой взаимности развился у поляковъ, показывало ихъ безучастіе къ славянамъ въ такую эпоху, когда наступало освобожденіе славянъ отъ турецкаго ига. Поляки не только не помогали своимъ братьямъ славянамъ, но очутились въ рядахъ турокъ. Понятно, что возгласы о примиреніи, раздававшіеся въ то же время, были лживы и самъ Спасовичъ, ставшій тогда въ ряды такихъ миротворцевъ, могъ только возбуждать къ себѣ недовѣріе: мы видали предыдущую связь его съ врагами Россіи. Мы не ставили и не ставимъ ему въ укоръ, какъ и всѣмъ вообще полякамъ, ихъ нерасположенія къ намъ, но пусть же они поступаютъ прямо и искренно. Будемъ уважать честныхъ враговъ и прострemъ къ нимъ объятія, если они дѣйствительно перестанутъ быть нашими врагами, но пусть же и въ первомъ и въ послѣднемъ случаѣ поступаютъ они искренно.

Александръ Николаевичъ Пыпинъ. Знакомство съ нимъ соединено для меня со знакомствомъ съ Чернышевскимъ; поэтому, говоря о Пыпинѣ, я не могу прежде всего не сказать о

Чернышевскомъ. Я познакомился съ Чернышевскимъ въ 1851 г. въ Саратовѣ. Отецъ Чернышевскаго—протоіерей и первенствующій членъ консисторіи, воспитывалъ дѣтей своей свояченицы, многочисленное семейство, въ числѣ котораго былъ и Ал. Ник. Пыпинъ, учившійся тогда въ петербургскомъ университетѣ. На каникулы онъ пріѣзжалъ къ роднымъ и здѣсь въ первый разъ я его увидалъ. Это былъ молодой человѣкъ, всецѣло преданный наукѣ и тогда уже думавшій заняться ученымъ образомъ изученіемъ русскихъ сказокъ. Въ 1853 г. кончилъ онъ курсъ и когда я въ концѣ 1855 г. посѣтилъ Петербургъ, то нашелъ его живущимъ вмѣстѣ съ Чернышевскимъ. Онъ тогда напечаталъ свое ученое разсужденіе о сказкахъ—первый капитальный литературный трудъ его, который тогда же обратилъ на себя должное вниманіе всего ученаго міра. Живя съ Чернышевскимъ, Пыпинъ подвергался вліянію его атеистической и соціальной пропаганды, но не вдавался въ нее, такъ что видно было ему болѣе по вкусу приходилось серьезное занятіе наукою. Онъ постоянно ходилъ въ библіотеку, пересматривалъ внимательно русскія старыя рукописи и однажды здѣсь при моихъ глазахъ отыскалъ въ одной рукописи Погодинскаго древнехранилища и мнѣ первому показалъ «Горе - Злосчастіе»—старинное поэтическое произведеніе, никому до того времени неизвѣстное, о которомъ я тогда же напечаталъ въ «Современникѣ» статью. Въ послѣдующіе годы Пыпинъ былъ отправленъ отъ университета за-границу и пробылъ тамъ около трехъ лѣтъ. По возвращеніи, онъ въ званіи адъюнкта началъ читать въ петербургскомъ университетѣ курсъ всеобщей литературы; нѣсколько лекцій я его слушалъ и могу сказать, что онѣ отличались дѣльностію, осмысленностію, отсутствіемъ всякаго педантизма и многословія, и мнѣ очень понравились. Между тѣмъ Пыпинъ занимался и печаталъ въ журналахъ свои изысканія о масонскихъ ложахъ и о масонскомъ ученіи, заключавшія въ себѣ много совершенно новаго, хотя неизбѣжно вдавался въ подробности, которыя подъ-часъ были утомительны. Онъ продолжалъ жить съ Чернышевскимъ, пока наконецъ женился, а Чернышевскій скоро послѣ того подвергся своей печальной судьбѣ. Во время студенческихъ смутъ Пыпинъ, настроенный Кавелинымъ и Спасовичемъ, присталъ къ демонстраціи и вышелъ въ отставку; онъ одинъ изъ всѣхъ вышедшихъ тогда профессоровъ дѣйствительно потерпѣлъ много и будучи лишенъ средствъ къ жизни, началъ заниматься переводами разныхъ историческихъ сочиненій. Собственно эту работу исполняли другіе, а Пыпинъ только просматривалъ переводы и давалъ свою фирму. Послѣ ссылки Чернышевскаго на Пы-

пина со стороны высшихъ властей стали смотрѣть подозрительно, не давали ему хода, стѣсняли въ печати, подозрѣвая въ немъ агитатора. Мнѣ случалось слышать самые дурные и несправедливые отзывы о немъ отъ людей литературнаго круга, которые его вовсе не знали. Были даже такіе, какъ напр. Лохвицкій, которые считали почему-то Пыпина круглымъ невѣждой и шарлатаномъ. Такъ было до появленія «Вѣстника Европы». Любя Пыпина, я первый настроилъ Стасюлевича принять его въ сотрудники: послѣдній рѣшился на это весьма неохотно, боясь съ одной стороны компрометировать себя связью съ другомъ Чернышевскаго, а съ другой, считалъ самого Пыпина мало способнымъ писать сколько нибудь интересно и признавалъ его трудолюбивымъ, но не даровитымъ геллертеромъ. Время показало, что Стасюлевичъ въ этомъ сильно ошибся и впослѣдствіи самъ въ этомъ сознавался. Пыпинъ, занявшись писаніемъ въ «Вѣстникѣ Европы», скоро сталъ тамъ не только необходимымъ, но и наилучшимъ, даровитѣйшимъ писателемъ. Предметы, которыхъ онъ касался, были разнообразны, но болѣе всего остановился онъ на славянскомъ мірѣ. Еще во время своего путешествія за-границей, онъ познакомился со славянскими учеными, изучилъ въ совершенствѣ славянскія нарѣчія, и живя въ Петербургѣ, составилъ исторію славянскихъ литературъ совмѣстно со Спасовичемъ, которому, впрочемъ, предоставилъ одну польскую, а всѣ прочія удержалъ за собою. По отношенію къ такъ называемымъ славянофиламъ московской партіи Пыпинъ въ своихъ статьяхъ стоялъ не только не солидарно съ ними, но совершенно противорѣчиво, хотя правду сказать по своимъ свѣдѣніямъ во всемъ, касавшемся славянскаго міра, стоялъ гораздо выше многихъ изъ нихъ. Его статьи въ «Вѣстн. Европы» получили незамѣнимое достоинство особенно тогда, когда славянскій вопросъ началъ переходить изъ области науки на поле политики и когда судьба славянъ балканскихъ стала, такъ сказать, злобою дня. Чрезвычайно вѣрный взглядъ, глубокія свѣдѣнія въ умственной и общественной жизни славянъ, живость изложенія, задушевная любовь и сочувствіе къ славянскимъ несчастіямъ—все это придаетъ статьямъ Пыпина высокое достоинство. Его вполнѣ оцѣнили болгаре, приславши ему благодарственный адресъ, подписанный отъ лица членовъ національнаго собранія экзархомъ Анфимомъ. Въ частной жизни и въ отношеніяхъ съ людьми я зналъ его всегда какъ чрезвычайно честнаго и добраго человѣка. Онъ сохранилъ самую нѣжную привязанность къ Чернышевскому, посылалъ ему въ ссылку пособія, насколько могъ удѣлять ихъ отъ своихъ ограниченныхъ средствъ, будучи самъ

обремененъ семействомъ, и воспитывалъ въ своей семьѣ и на свой счетъ сыновей Чернышевскаго, считая себя нравственно обязаннымъ въ признательность за свое собственное воспитаніе, полученное на счетъ родителей Чернышевскаго. Это непоколебимое дружелюбіе къ Чернышевскому служило для него самого источникомъ многихъ неудобствъ и гоненій. Въ 1871 году, по поводу смерти Устрялова, въ академіи возникла мысль замѣстить умершаго. Нѣкоторые предлагали меня, другіе Пыпина—и такъ какъ на сторонѣ послѣдняго былъ академикъ Куникъ, спеціально посвятившій себя русской исторіи, то Пыпинъ взялъ перевѣсъ. Это нимало не поставило насъ съ нимъ въ непріязненныя отношенія соперниковъ. Я тогда же всѣмъ говорилъ, что если только зависѣло бы отъ меня, то я бы охотно уступилъ ему свою кандидатуру, признавая вполнѣ, какъ выразился академикъ Куникъ, что Пыпинъ болѣе чѣмъ Костомаровъ обѣщаетъ свѣжія и молодыя силы. Но когда дѣло дошло до министра гр. Толстого, то онъ сильно воспротивился избранію Пыпина и заявилъ, что представитъ Государю о невозможности допустить «такого» человѣка къ академическому креслу. Не знаю, входилъ ли онъ дѣйствительно съ такимъ представленіемъ къ Государю, но Пыпинъ не былъ избранъ—и здѣсь министръ дѣйствовалъ по общему предубѣжденію, признавая, что Пыпинъ, какъ близкій родственникъ и, такъ сказать, воспитанникъ Чернышевскаго, не могъ не имѣть одинаковаго направленія съ Чернышевскимъ. Время покажетъ и потомки скажутъ, что современники ошибались насчетъ А. Н. Пыпина. Каковы бы ни были его задушевныя убѣжденія, онъ не вносилъ въ свои ученые труды ничего кромѣ строгой добросовѣстности и полезной разработки научныхъ вопросовъ, и если ему не удается при жизни занимать мѣсто въ ареопагѣ русской науки, то его сочиненія дадутъ ему блестящее мѣсто въ ряду русскихъ подвижниковъ на поприщѣ умственной и ученой дѣятельности.

Что касается до Чернышевскаго, о которомъ выше было сказано, то судьба поставила меня съ нимъ въ самыя близкія дружественныя отношенія, не смотря на то, что въ своихъ убѣжденіяхъ я съ нимъ не только не сходился, но былъ въ постоянныхъ противорѣчіяхъ и спорахъ. Близость съ нимъ сложилась въ Саратовѣ и продолжалась въ Петербургѣ до тѣхъ поръ пока событія по поводу студенческихъ демонстрацій не развели насъ совершенно. Чернышевскій былъ человѣкъ чрезвычайно даровитый, обладавшій въ высшей степени способностію производить обаяніе и привлекать къ себѣ простотою, видимымъ добродушіемъ, скромностію, разнообразными познаніями и чрезвычайнымъ остро-

уміемъ. Онъ впрочемъ лишенъ былъ того, что носитъ названіе поэзіи, но зато былъ энергиченъ до фанатизма, вѣренъ своимъ убѣжденіямъ во всей жизни и въ своихъ поступкахъ и сталъ ярымъ апостоломъ безбожія, матеріализма и ненависти ко всякой власти. Это былъ человѣкъ крайностей, всегда стремившійся довести свое направленіе до послѣднихъ предѣловъ. Ученіе, которое онъ вездѣ и повсюду проповѣдывалъ, гдѣ только могъ, было таково: отрицаніе божества; религіозное чувство, въ его глазахъ, была слабость суевѣрія и источникъ всякаго зла и несчастія для человѣка; Богъ нашей религіи—это отвлеченная идея, олицетворяемая сообразно той степени человѣческаго развитія, при какой творились языческія божества, олицетворяемыя физическія и нравственныя силы природы; Богъ нашъ — идея верховнаго блага и мудрости, заключающихся собственно только въ человѣческомъ естествѣ. Это то же что какой нибудь Зевсъ громовержецъ, Посидонъ колебатель моря, Плутонъ властитель нѣдръ земли, Аполлонъ и Аѳина выраженія человѣческаго творчества въ области науки и искусствъ. Такое олицетвореніе отвлеченныхъ понятій было неизбѣжно въ періодъ юности человѣческой мысли, но стало излишнимъ и вреднымъ, когда человѣкъ расширилъ кругозоръ своихъ взглядовъ, точно такъ, какъ дѣтскія воззрѣнія умѣстны для ребенка, но не умѣстны и вредны для взрослаго; продолжительность такихъ воззрѣній въ человѣческомъ обществѣ поддерживали злые люди, видѣвшіе въ этомъ возможность держать своихъ ближнихъ въ невѣжествѣ, въ страхѣ предъ вымышленнымъ могуществомъ и эксплоатировать ихъ для своихъ эгоистическихъ цѣлей. Къ христіанству Чернышевскій относился съ уваженіемъ, но не иначе, какъ только къ историческому явленію, котораго сила совершенно испарилась отъ времени. Когда я указывалъ, что великія истины проповѣдуемыя Христомъ, не осуществились еще и до нынѣ, онъ давалъ мнѣ такой отвѣтъ: «оно мнѣ напоминаетъ египетскую пшеницу, найденную въ муміяхъ». Когда ее бросили въ землю, то она произвела стебель съ нѣсколькими колосьями, наполненными крупными зернами, и тогда подумали, что произойдетъ переворотъ въ сельскомъ хозяйствѣ и возстановится древняя производительность хлѣбныхъ растеній; но оказалось не то:—посѣянныя вновь зерна этой пшеницы давали уже меньше колосьевъ и зерно было щуплѣе, а черезъ нѣсколько посѣвовъ сравнялась съ обыкновенною нашею пшеницею. Такъ и христіанство. Сначала оно заключало въ себѣ великую двигательную силу для обновленія человѣчества, но потомъ попалось въ руки жрецовъ подъ названіями папъ, митрополитовъ, всякаго

рода архіереевъ, поповъ и монаховъ, которые завернули его въ папильотки идолопоклонническаго символизма, а земные цари и властители употребили его какъ орудіе для порабощенія людей и для оправданія всякихъ насилій. Теперь оно не можетъ приносить ничего, кромѣ вреда, потому что истины, дѣйствительно въ немъ заключающіяся, и безъ того уже вошли въ сознаніе. Безсмертіе души есть вредная мечта, удерживающая человѣка отъ прямого пути главнѣйшей цѣли жизни—улучшенія собственнаго быта на землѣ. Насъ манятъ какими-то фантастическими, ни для кого не понятными надеждами вѣчнаго блаженства за гробомъ и заставляютъ ради него терпѣть на землѣ всякую неправду и страшиться противостать противъ зла. Отсюда истекало у Чернышевскаго и отрицаніе святости всякихъ властей, всего того, что имѣло поползновеніе стѣснять свободу человѣческой жизни. Весь общественный порядокъ, удерживающійся до сихъ поръ, есть великое зло, которое разрушится при дальнѣйшемъ развитіи человѣческой мысли. Никакое изъ правительствъ, существовавшихъ въ различныхъ формахъ, не можетъ назваться хорошимъ: всѣ носятъ въ себѣ зародыши зла и намъ нуженъ радикальный переворотъ. Прудоново положеніе, что собственность есть зло, Чернышевскій развивалъ до крайнихъ предѣловъ, хотя сознавался, что идеалъ новаго общественнаго строя на коммунистическихъ началахъ еще не созрѣлъ въ умахъ, а достичь его можно только кровавыми разрушительными переворотами. Чернышевскій на Руси, можно сказать, былъ Моисеемъ-пророкомъ нашихъ соціалистовъ, въ послѣднее время проявившихъ свою дѣятельность въ такихъ чудовищныхъ формахъ. Между тѣмъ Чернышевскій въ своей частной жизни, въ своихъ пріемахъ казался въ высшей степени мягкимъ, добродушнымъ, чистосердечнымъ, любвеобильнымъ. И въ самомъ дѣлѣ онъ истинно желалъ человѣчеству добра и если въ своихъ теоріяхъ заблуждался, то поступалъ искренно. Эта-то искренность и привязывала меня къ нему. Одинъ саратовскій архимандритъ Никаноръ (который впослѣдствіи самъ отчасти подвергался вліянію Чернышевскаго) очень ловко по поводу его вспомнилъ легенду о томъ, какъ бѣсъ принимаетъ на себя самый свѣтлый образъ ангеловъ и даже самого Христа и тогда-то бѣсъ наиболѣе бываетъ опасенъ. Въ самомъ дѣлѣ, припоминаю себѣ многое изъ жизни, когда Чернышевскій какъ-бы игралъ изъ себя настоящаго бѣса. Такъ напр.: обративши къ своему ученію какого нибудь юношу, онъ потомъ за глаза смѣялся надъ нимъ и съ веселостью указывалъ на легкость своей побѣды. А такихъ жертвъ у него было нѣсть числа. Саратовская гимназія была имъ совершенно передѣлана и такъ ловко, что

директоръ и инспекторъ, люди положительно другого направленія, не могли даже услѣдить за нимъ, и за свою простоту подвергались отъ него же насмѣшкамъ. То же было и въ Петербургѣ, гдѣ онъ сдѣлался, такъ сказать, идоломъ молодежи. Даже люди солидные, никакъ не соглашавшіеся съ его крайностями, относились къ нему съ уваженіемъ, цѣнили въ немъ искренность и спорили, оставляя за нимъ свободу мысли, потому что преслѣдовать мысль, хотя бы противную намъ, считалось дѣломъ дурнымъ и безчестнымъ. Сообразно своимъ матеріальнымъ убѣжденіямъ, Чернышевскій написалъ диссертацію на степень магистра, въ которой проводилъ мысль, что въ поэзіи и въ искусствѣ совсѣмъ нѣтъ творчества, котораго привыкли искать въ великихъ произведеніяхъ, и что намъ нравится въ нихъ только вѣрное подраженіе природѣ, только припоминаніе того, что мы встрѣчали въ жизни. Идея эта была совѣмъ не новость и много разъ была высказана и развита въ сочиненіяхъ французскихъ матеріалистовъ XVIII вѣка; но для ученыхъ головъ, проникнувшихся воззрѣніями нѣмецкой философіи, она стала черезчуръ дикою—и диссертація Черннышевскаго не была одобрена факультетами, тѣмъ не менѣе, однако, профессора отзывались съ большимъ уваженіемъ о талантѣ, съ которымъ она была написана. Молодежь ухватилась за нее, какъ за великую мудрость, и съ его легкой руки начались въ литературѣ оплеванія признанныхъ прежними поколѣніями поэтическихъ талантовъ. Въ 1862 году я видѣлся съ нимъ въ послѣдній разъ и разошелся съ нимъ совершенно по поводу студенческой исторіи, о которой я писалъ выше. Чернышевскій въ томъ же году былъ арестованъ и обвиняемъ въ участіи въ составленіи какой-то революціонной прокламаціи, которую онъ передалъ одному офицеру по фамиліи Костомарову съ письмомъ къ писателю Плещееву. Этотъ Костомаровъ былъ арестованъ по политическому дѣлу и скоро подъ арестомъ умеръ. Для меня осталось неизвѣстнымъ, взята ли была эта прокламація у него противъ его воли, какъ увѣрялъ потомъ братъ его, или же сообщена она была правительству въ качествѣ доноса, какъ говорили нѣкоторые. Какъ бы то ни было, но Чернышевскій былъ посаженъ въ крѣпость, гдѣ просидѣлъ два года. Его содержали тамъ сначала до того льготно, что даже дозволили написать и отправить въ «Современникъ» для напечатанія повѣсть «Что дѣлать», гдѣ въ повѣствовательной формѣ выражались его завѣтныя идеи. Эта повѣсть, какъ художественное произведеніе, была ниже критики, но по тѣмъ идеямъ, которыя въ ней проводились, пришлась до нельзя по сердцу молодому либеральному поколѣнію. Его такъ хвалили, что даже нельзя было говорить

съ поклонниками ея автора. Но правительство увидѣло въ ней новый несомнѣнный доводъ зловредности направленія Чернышевскаго. Съ этихъ поръ его стали содержать строже. Говорятъ, будто къ нему не допускали видѣться жену его и онъ, настаивая на свиданіи съ нею, отказывался отъ пищи въ продолженіе недѣли и тѣмъ принудилъ таки дозволить ему это свиданіе. Чернышевскій былъ обвиненъ, хотя ни въ чемъ не сознался и эксперты, приглашенные для сличенія прокламаціи съ почеркомъ Чернышевскаго, не признали окончательно, чтобъ она была писана имъ. Тѣмъ не менѣе Чернышевкаго осудили какъ государственнаго преступника главнымъ образомъ потому, что считали его крайне зловреднымъ по его направленію. Объ этомъ говорили мнѣ знающія близко это дѣло лица: кн. Суворовъ, бывшій тогда генералъ-губернаторомъ петербургскимъ, и Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, членъ государственнаго совѣта и предсѣдатель археологической коммиссіи, человѣкъ очень религіозный и потому ненавидѣвшій Чернышевскаго, но тѣмъ не менѣе сознававшійся, что по совѣсти нельзя было обвинить его въ фактѣ прокламацій. Въ маѣ 1864 г. его вывели на Конную площадь, прочитали приговоръ, осуждавшій его на ссылку въ каторжныя работы на 8 лѣтъ. Я не былъ тогда въ Петербургѣ, находясь за-границею, но слыхалъ, что когда по прочтеніи приговора его посадили въ карету и увезли въ крѣпость, какая-то дѣвица бросила на пути его букетъ цвѣтовъ, выражая тѣмъ уваженіе къ нему. Онъ сосланъ былъ вь Нерчинскъ. Жена его отправилась къ нему, но, проживши вблизи его около мѣсяца, возвратилась назадъ: одни говорятъ, что онъ самъ услалъ ее отъ себя, другіе, — что ей показалось слишкомъ трудно раздѣлять участь ссыльнаго. По окончаніи лѣтъ каторги его сослали на поселеніе въ Вилюйскъ, въ мѣсто по истинѣ ужасное, куда почта приходитъ только 4 раза въ годъ. Главною причиною такого строгаго отношенія къ нему было то, что имя его продолжало служить знаменемъ развивавшейся въ Россіи революціонной пропаганды и были неоднократныя покушенія освободить его и увезти за-границу. Надобно сказать, что никто въ Россіи не имѣлъ такого огромнаго вліянія въ области революціонныхъ идей на молодежь, какъ Чернышевскій и, не смотря на измѣненія, какимъ подвергалось революціонное направленіе въ умахъ русской молодежи, Чернышевскій для всѣхъ революціонеровъ нашихъ остался какимъ то патріархомъ и даже въ нынѣшней подпольной литературѣ усвоено за нимъ имя мученика Николая.

Михаилъ Матвѣевичъ Стасюлевичъ. Я познакомился съ нимъ послѣ поступленія на профессуру, но началъ сближаться во время студенческихъ смутъ въ 1861 г.; до того времени отношенія

мои къ нему ничѣмъ не разнились отъ отношеній со всѣми профессорами вообще, т. е. ограничивались обмѣномъ первоначальныхъ визитовъ и обоюднымъ произнесеніемъ нѣсколькихъ общихъ фразъ при встрѣчѣ. Во время студенческой исторіи онъ въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ сталъ со мною въ діаметрально противныхъ отношеніяхъ, такъ какъ онъ считалъ нужнымъ подать въ отставку въ смыслѣ демонстраціи противъ правительства въ сочувствіи къ студентамъ; я же, напротивъ, былъ въ числѣ непаходившихъ умѣстною такой выходки. То же случилось и во время закрытій студентами публичныхъ лекцій, читанныхъ въ думѣ. Стасюлевичъ считалъ лучшимъ идти профессорамъ въ этомъ отношеніи заодно со студентами, я же противился; однако, это не помѣшало мнѣ вмѣстѣ съ нимъ составить тогда адресъ отъ имени всѣхъ профессоровъ къ правительству въ защиту Павлова и подать этотъ адресъ министру Головнину. Послѣ этого адреса (неимѣвшаго никакого вліянія, такъ какъ Павловъ все-таки былъ сосланъ) я долго совсѣмъ не видался со Стасюлевичемъ и оставленіе мною профессуры почти раззнакомило меня съ нимъ. Такъ было до осени 1865 года, когда Спасовичъ, пріѣхавши ко мнѣ, началъ отъ имени Стасюлевича просить меня принять на себя совмѣстное съ нимъ редакторство «Вѣстника Европы». Съ этихъ поръ я тѣсно сблизился съ Стасюлевичемъ. Мы начали издавать «Вѣст. Евр.» въ 4-хъ книгахъ въ годъ на его счетъ съ тѣмъ, что редакторство всего помѣщавшагося по русской исторіи принадлежало мнѣ. За это Стасюлевичъ обѣщалъ мнѣ въ случаѣ успѣха журнала 15 процентовъ съ чистаго дохода. Два года шло у насъ дѣло согласно и отлично, но на третій годъ Стасюлевичъ измѣнилъ свой журналъ, передѣлавъ его въ ежемѣсячный, и допустилъ беллетристику и переводы, что прежде не допускалось. Тогда, какъ я замѣтилъ, онъ нашелъ меня лишнимъ и искалъ случая устранить меня отъ соредакторства. Случай скоро нашелся. Кулишъ прислалъ изъ Варшавы статью для напечатанія. Я, опираясь на состоявшійся со Стасюлевичемъ договоръ, по которому право одобренія или неодобренія статей по русской исторіи принадлежало исключительно мнѣ,, написалъ Кулишу, что статья его будетъ напечатана — и послалъ ее въ печать, какъ вдругъ Стасюлевичъ не велѣлъ ее набирать и объявилъ, что она не годится къ напечатанію. Кулишъ, ссылаясь на то, что я далъ ему обѣщаніе, написалъ мнѣ дерзкое письмо и потребовалъ рукопись назадъ. Меня такъ взорвало это, что я отказался отъ соредакторства и разорвалъ написанный между нами взаимный договоръ. Не смотря на это, я не отказался участвовать въ жур-

налѣ, но уже на правѣ посторонняго сотрудника, а не соредактора и въ 1869 году началъ печатать тамъ «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой». Причина этому была та, что не было другого журнала, въ которомъ бы я могъ помѣстить это сочиненіе, тѣмъ болѣе, что «Отеч. Записки», перешедши въ руки Некрасова, изъ либеральничанья, кокетничали съ поляками и остерегались брать у меня сочиненіе, зная, что я не буду натягивать истины для либеральныхъ тенденцій. Тогда же, какъ я далъ уже слово Стасюлевичу, Некрасовъ присылалъ ко мнѣ Сергѣя Васильевича Максимова, намѣреваясь склонить меня къ нарушенію даннаго Стасюлевичу слова прибавкою полистной платы. Я, разумѣется, отказалъ ему, и Стасюлевичъ, узнавши объ этомъ, самъ предложилъ мнѣ въ видѣ прибавки напечатать безплатно 1500 оттисковъ моего сочиненія въ мою пользу. Вообще, какъ редакторъ, Стасюлевичъ отличается похвальными качествами: чрезвычайной акуратностью, своевременностью выхода книжекъ и вѣрною расплатою съ сотрудниками, но въ то же время онъ не лишенъ и нѣкоторой неискренности, которая мнѣ въ немъ всегда не нравилась. Такимъ образомъ, если онъ съ чѣмъ былъ несогласенъ, то не высказывалъ прямо своего мнѣнія, а отговариваясь обинякамп такъ, чтобъ заставить другого понять, что онъ думаетъ или чего хочетъ. Какъ профессоръ всеобщей исторіи, онъ не пользовался большимъ уваженіемъ слушателей, хотя сильно старался объ этомъ и всегда давалъ своимъ лекціямъ якобы художественную отдѣлку. Слушатели, однако, находили въ этомъ болѣе ученую риторику, чѣмъ глубину знанія, мысли и таланта. Въ выборѣ статей для своего журнала онъ съ самаго начала задавался погонею за авторитетными именами и оттого въ его журналъ трудно было попасть всякому новому имени, хотя бы человѣку съ истиннымъ дарованіемъ,—и съ другой стороны туда стали попадать сочиненія хотя ученыя, но бездарно написанныя и потому совсѣмъ непригодныя для всеобщаго чтенія. Въ беллетристикѣ было то же самое. Правда, что тамъ помѣщались повѣсти Тургенева, Гончарова, Потѣхина безспорно даровитыя, но онѣ попадали туда только по пріобрѣтенной славѣ своихъ авторовъ. Зато журналъ наполнялся нерѣдко и посредственностью, которая попадала туда единственно потому, что имѣла претензію на какуюнибудь тенденцію или же по личному знакомству съ редакторомъ. При этихъ и еще другихъ слабыхъ сторонахъ, все-таки за Стасюлевичемъ останется честь отличнаго редактора-издателя, умѣвшаго, въ извѣстный періодъ нашей литературы, сгруппировать разрозненныя писательскія силы.

Н. Костомаровъ.

Неизданное письмо Кольцова къ Бѣлинскому [1]).

Здравствуйте добрый и любезный мой виссаріонъ григорьевичь. вотъ еще я къ вамъ съ моей безделкой посмотрите ее пожалуста чево она стоитъ; вашъ взглядъ—её судьба. мне стыдно передъ вами и даже передъ собой самимъ, телескопъ по расположенности вашей и почтеннѣйшево николая ивановича получаю а моего ничего нѣтъ. За что же получаю? ведь стыдно сказать. Естли она стоитъ то удостоите телескопа. неразгаданную истину. думу.—другую пьеску: песнь посылаю къ вамъ же на судъ. Это новое произведеніе новаго молодого человека купчика. Онъ просилъ меня ее прислать квамъ. Я посылаю.—«Ему даже ответъ вашъ дорогъ» такъ онъ говоритъ. Нетли чево у насъ? хотите вы спросить. Нетли чего нового у васъ любезный виссаріонъ григорьевичь? да! лестно будетъ мнѣ получить отъ васъ строку. Желаю вамъ быть здоровымъ ивану васильевичу станкевичу господину бакунину, каткову, бакунину и ехремову почтеніе непарочно прошу васъ развести. а такъ, прислучае. съ душевною предапностію честь имѣю прибыть покорнейшимъ слугою алексѣи кольцовъ.

воронежъ
сентября 11
1836.

Неразгаданная истина

дума.

Цѣлой вѣкъ я рылся
въ таинствахъ вселенной
до сединъ учился
мудрости священной;

---

[1]) Извлечено А. А. Корниловымъ изъ семейнаго архива Бакуниныхъ въ с. Прямухинѣ, Новоторскаго уѣзда Тверской губ. Бѣлинскій часто гостилъ въ этомъ селѣ, знаменитомъ по связаннымъ съ нимъ воспоминаніямъ о лучшихъ людяхъ 40-хъ годовъ. Письмо появляется въ печати въ первый разъ, приложенная къ нему „дума“ давно извѣстна. Но мы приводимъ и ее, въ виду того, что въ изданіяхъ Кольцова она печатается въ приглаженной орѳографіи. А между тѣмъ необыкновенный интересъ представляетъ именно эта поражающая *внѣшняя* безграмотность, которая не помѣшала Кольцову занять мѣсто въ ряду первыхъ мастеровъ русскаго стиха. Ред.

всѣ вѣка былыя
съ новыми повѣрилъ,
чудеса земныя
опытомъ измѣрилъ;

мелкія причины
тешились людями
карлы-властелины
двигали мирами.

райскія долины
кровью обливались,
въ бездну, властелины,
съ шумомъ низвергались.

гдѣ пройдётъ коварство
съ злобою людскою:
тамъ, въ обломкахъ царство,
заростеть травою...

племѣна другія,
на нихъ поселятся,
города большія
людьми разродятся,

сторона пустая
снова зацарюетъ,
а жизнь молодая
шумно запируетъ!..

подъсекушъ, я, крылья
дерскому сомненью,
прокляну усилья,
къ тайнамъ провидѣнья,—

умъ нашъ, не шагаетъ
міра за границу:
на обумъ мешаетъ
съ былью небылицу.

А. Кольцовъ.

воронежъ.
1836.

———

* * *

Онъ погибъ въ бою великомъ
Смертью смѣлаго борца
И предсталъ предъ грознымъ ликомъ
Всемогущаго Творца.
Пусть забрызгана одежда
И въ крови его чело,—
Но, свѣтла его надежда,
Словно ангела крыло.
— Съ кѣмъ ходилъ ты въ бой неравный,—
Вседержитель вопросилъ,
— Или ты, какъ рабъ безславный,
Былъ воитель темныхъ силъ.—
«Не лукавы, не лѣнивы,
Мы съ мольбой за братьевъ шли,
Какъ колосья сжатой нивы,
Безоружно мы легли...
Но, какъ прежде, братьевъ стоны
Къ намъ доносятся изъ тьмы,
Вторятъ имъ—по мертвымъ звоны,
Звонъ цѣпей во мглѣ тюрьмы».
И разверзлась осіянна
Имъ надежды свѣтлой сѣнь,
И подъ возгласы:—Осанна!—
Рекъ Всевышній:—Близокъ день!—

О. Чюмина.

Разгадка впереди.

Отрывки изъ неоконченной повѣсти.

Симонидъ говорилъ, что онъ часто раскаявался въ томъ, что говорилъ, но никогда въ томъ, что молчалъ.
Плутархъ.

Mundus vult decipi.
Себастіанъ Брандтъ.
(«Корабль дураковъ» 1494 г.).

I.

Тишина.

Многіе авторы, прежде чѣмъ представить своихъ персонажей «благосклонному вниманію» читателя, первымъ дѣломъ, заботятся о подходящемъ для нихъ освѣщеніи. Немалое количество литературныхъ произведеній начинается такъ:

«*Была глубокая ночь. Луна блѣднымъ свѣтомъ своимъ озаряла*»... и т. д.

Или:

«*Стоялъ жгучій полдень. Солнце яркимъ потокомъ лучей обливало*»... и проч.

Нужно сознаться, и самъ я, грѣшнымъ дѣломъ, прибѣгалъ иной разъ къ подобнымъ пріемамъ, ибо солнце съ луною, въ нашемъ обиходѣ, имѣютъ слишкомъ большое значеніе, а съ другой стороны, въ томъ ихъ прямая обязанность—что-нибудь «озарять» и «обливать», которою они манкируютъ чаще, чѣмъ можно желать, и потому неизбѣжно приходится указывать имъ, хотя бы на бумагѣ, когда они должны исполнять свое дѣло. Но могутъ быть случаи, когда они совсѣмъ безполезны, и съ равнымъ успѣхомъ можно ихъ замѣнить освѣщеніемъ искусственнымъ—однако въ извѣстныхъ лишь обстоятельствахъ. Задача писатель-

ской техники, при изображеніи того или другого лица, окружить его не какимъ-нибудь сбродомъ случайныхъ предметовъ, но ввести въ обстановку, гдѣ должна получиться духовная связь между нею и этимъ лицомъ. Вотъ почему вопросъ о такомъ или иномъ освѣщеніи является существенно важнымъ. Могутъ быть случаи, когда приходится отдать предпочтеніе даже потемкамъ. Напр., если я хочу изобразить человѣка, который питаетъ злодѣйскіе умыслы, то солнце для него абсолютно не нужно: напротивъ, мнѣ кажется, будетъ умѣстнѣе совершенно даже лишить его освѣщенія. Но если я задумаю представить какую-нибудь юную пару, въ моментъ изліяній ихъ первой, стыдливой любви, то мнѣ непремѣнно захочется привлечь къ этому дѣлу луну, безмолвіе стариннаго сада и заливающагося въ его густыхъ вѣтвяхъ соловья (буде послѣднему это сподручно по времени года). Я знаю, что это старо, что романистъ новѣйшей формаціи повелъ бы нѣжныхъ любовниковъ (предполагая, что таковые, по нынѣшнимъ временамъ, даже возможны) въ совсѣмъ иныя мѣста, даже, пожалуй, въ какой-нибудь затхлый чуланъ, и врядъ ли для нихъ позаботился бы хотя о самомъ простомъ фонарѣ... Но я принадлежу къ старой школѣ и неизбѣжно пропитанъ усвоенными ею пріемами.

(Кстати тутъ будетъ заявить еще вотъ что. Я приближаюсь уже къ преклонному возрасту и съ огорченіемъ подмѣчаю въ себѣ все возрастающее стремленье къ болтливости. Если вы не переносите этого стариковскаго свойства, то я теперь же совѣтую вамъ не углубляться въ дальнѣйшее чтеніе. Лучше заранѣе условиться насчетъ этого пункта. Дѣло въ томъ, что я, по старинному, вижу въ васъ «читателя-друга», и поэтому желаю избавить васъ отъ досаднаго чувства. Облегчивъ свою душу продолжать буду дальше).

Такую-же роль, какую играетъ вопросъ о надлежащемъ *освѣщеніи* представляемаго вашему вниманію предмета, нужно присвоить еще другому вопросу—именно о *положеніи*, которое дается предмету, все въ тѣхъ-же видахъ долженствующаго получиться отъ него впечатлѣнія.

Въ этомъ случаѣ я сошлюсь на художника, приготовившаго картину для выставки. Любой изъ художниковъ вамъ подтвердитъ, какъ важно, чтобы картина его помѣщена была непремѣнно *такъ*, а не *этакъ*, чтобы на нее падалъ свѣтъ именно вотъ съ *той* стороны, а не съ *этой*, и весь успѣхъ ея поставляетъ въ зависимости отъ этихъ условій. Наконецъ, возьмемъ фотографа. Собираясь снимать съ васъ портретъ, онъ заставляетъ принять именно такую то позу, держать голову прямѣе, лѣвѣе,

смотрѣть въ такую-то точку, не открывать очень ротъ и не закрывать его слишкомъ, не улыбаться, не хмуриться, и, наконецъ, когда вы уже совершенно измучены,—онъ снисходительно объявляетъ, что вами доволенъ. Весь этотъ рядъ истязаній сводился къ тому, чтобы ваша фигура, въ концѣ концовъ, получила выгоднѣйшее для нея выраженіе, чтобы портретъ вашъ могъ изобразить васъ въ томъ видѣ, какой наиболѣе для васъ характеренъ.

Теперь вы согласны, какъ важно для автора, рекомендуя вниманію читателя тотъ или другой персонажъ, взять его въ надлежащій моментъ, который его выставляетъ рельефнѣе, взять въ извѣстную пору, днемъ, или вечеромъ, тогда-ли, когда онъ, персонажъ этотъ самый, обрѣтается дома, наединѣ самъ съ собою, или, напротивъ, присутствуетъ въ многолюдномъ собраніи, а отсюда уже совершенно логически долженъ рѣшиться вопросъ—набросить-ли на него багровое зарево отъ горящихъ дровъ изъ камина, передъ которымъ сидитъ онъ, погруженный въ задумчивость, или будетъ гораздо удобнѣе, если его озаряетъ трепещущій свѣтъ фонарей, въ то время, какъ онъ шагаетъ по улицѣ или труситъ на извозчикѣ, направляясь къ какой нибудь цѣли.

Все это вступленіе, могущее вамъ показаться, пожалуй, излишнимъ, я сдѣлалъ на томъ основаніи, что вижу передъ собою лампадку, о которой, именно какъ объ источникѣ свѣта, и поведу сейчасъ рѣчь.

Во-первыхъ, вопросъ: любите ли вы свѣтъ отъ зажженной лампадки?.. Признаюсь, я былъ-бы весьма огорченъ, если-бъ получилъ отвѣтъ отрицательный, ибо тогда мнѣ приходится думать, что вы обладаете черствой душою и въ дальнѣйшемъ мы не поладимъ. Но я полагаю, что это не такъ, и вы способны испытывать то-же, что чувствую я, при свѣтѣ лампадки.

Въ ту глухую полночную пору, когда все вокругъ погружено въ непроницаемый мракъ, сонъ царитъ надъ затихшими улицами, ни единый звукъ, даже самый малѣйшій, не доходитъ до вашего слуха, а вы лежите, въ томленьи безсонницы, и вамъ начинаетъ мерещиться, что вы остались одни, совершенно одни во всемъ мірѣ—о, какое великое благо, если тутъ-же, вблизи, мерцаетъ лампадка!.. Ея безмятежный, нетрепетный свѣтъ, дробясь лучистыми искорками на блестящемъ окладѣ иконы, разливаетъ на всемъ кроткое, полное какой-то умиротворяющей ласки, сіяніе, съ которымъ ничто не можетъ сравниться. Пусть сонъ упорно не хочетъ сомкнуть вашихъ глазъ—Богъ съ нимъ, хоть-бы и совсѣмъ его не было! Вы не испытываете того леде-

нящаго въ жилахъ кровь одиночества, которое, въ союзѣ съ жуткимъ безмолвіемъ и тьмою кромѣшною, оковавшими окрестъ все живое, давило-бы васъ, какъ гробовая доска... Глаза ваши бодрствуютъ, и вы видите все. Вы видите столъ, а на немъ вашу рабочую лампу, видите, что тамъ, немного подальше, бѣлѣется печка, а вонъ тамъ, ближе къ окну, мягко вырѣзывается золоченая рамка картины... Ваши глаза не могутъ отдѣлить мелочей и подробностей, онѣ всѣ слились въ одну смутную массу, кое-гдѣ выступая въ видѣ неясныхъ, загадочныхъ обликовъ,—и это хорошо, и это такъ нужно... О, эти мелочи!.. Онѣ такъ утомили, измучили, онѣ подчасъ даже приводятъ васъ въ бѣшенство, напоминая что-либо такое, что хотѣлось-бы навсегда изгладить изъ памяти, и за это отдать все на свѣтѣ, какъ иногда вы готовы отдать все на свѣтѣ только не видѣть-бы носа, не слышать интонаціи голоса какого-нибудь опостылѣвшаго вамъ человѣка... Онѣ, эти мелочи, способны въ одно мгновеніе ока всколыхнуть и поднять цѣлый рой мучительныхъ призраковъ, которые, длинной, длинной, безъ конца, вереницей, поплывутъ передъ вами, а вы будете ворочаться на своей жаркой постели и тщетно звать къ себѣ благодѣтельный сонъ... О, нѣтъ! Кроткое, полное теплой, примиряющей ласки, сіяніе набросило, гдѣ это нужно, туманныя тѣни, чтобы ничто не тревожило вашего глаза, и вы чувствуете, какъ въ душѣ у васъ водворяется тотъ неизъяснимый покой, который только и могутъ дать ей, измученной подлыми дрязгами прожитаго дня, эти простыя, проникнутыя ободряющимъ участіемъ слова:

«Полно, забудь; все это ничтожно»...

О, да, все это ничтожно, и все это надо забыть, все, все забыть, что пробуждало въ душѣ ея постыдныя свойства,—и мелкую, себялюбивую злость, и заячью трусость,—какъ сегодня, какъ и раньше, когда-то, въ далекомъ періодѣ прошлаго...

Прощенье всѣмъ, всѣмъ! Прощенье тебѣ, мой благополучно существующій врагъ! Прощенье и вамъ, безвозвратно, навѣки, ушедшія тѣни!.. Я вижу всѣхъ васъ, выступившихъ изъ прозрачнаго сумрака, что пріютился вонъ тамъ, куда не достигло сіяніе лампадки, и окружившихъ безшумной толпою мое изголовье... Чуждые пестрой сумятицѣ тревожнаго дня, теперь, въ часъ ночного безмолвія, вы тихо стоите, и я отчетливо вижу ваши черты... Въ нихъ кротость и грусть... Вы пришли для бесѣды со мною, и внятно слышу я ваши рѣчи:

«Вспоминай о насъ иногда; вспоминай насъ такими, какъ видишь теперь; вспоминай, какими мы были, когда давали тебѣ

то доброе, свѣтлое, что когда-либо могли тебѣ дать, и за что ты любилъ насъ тогда... Пусть потонетъ въ забвеніи все горькое, злобное, что вставало между нами порою въ тѣ времена, и пусть никогда не возникнетъ опять въ твоихъ думахъ о насъ, ибо мы не можемъ возвратиться сюда въ нашей прежней земной оболочкѣ, дабы исправить что сдѣлано...»

Покойтесь въ мірѣ, милыя, добрыя тѣни, ибо все прощено и забыто... Прочь, всякія черныя думы, все, что коверкало и портило жизнь! Да сгинетъ всякая память заблужденій, паденій, грѣха, и да пребудетъ живой до конца память о васъ, мои далекіе, свѣтлые дни, когда я былъ молодъ и чистъ, когда я могъ любить, молиться и вѣрить!..

. . . .

А лампадка все такъ же безмятежно мерцаетъ, и отъ серебряной ризы Скорбящей Божіей Матери струится потокъ искристыхъ лучей...

Въ этомъ углу свѣтло, точно днемъ. Можно разсмотрѣть отчетливо ломберный столъ, замѣняющій письменный, прислоненный къ простѣнку между окошками, съ ниспадающими по бокамъ ихъ пышными складками бѣлыхъ гардинъ. Столъ покрытъ толстой бархатной скатертью малиноваго цвѣта съ разводами, а на немъ стоитъ старомодная лампа. Къ столу простираетъ объятія мягкое массивное кресло, съ продавленнымъ глубоко сидѣньемъ, изъ чего можно сдѣлать безошибочный выводъ, что оно служитъ любимымъ мѣстопребываніемъ существующаго здѣсь обитателя. У стѣнки—диванъ, затянутый бѣлымъ чехломъ, а передъ нимъ—круглый столъ, покрытый вязанной бѣлой салфеткой. Дальше виднѣется нѣсколько стульевъ, въ такихъ же, какъ и диванъ, бѣлыхъ чехлахъ. Обои — тоже бѣлаго цвѣта, и на фонѣ ихъ чуть вырисовывается бѣлая изразцовая печь... Словомъ, бѣлый цвѣтъ является преобладающимъ въ комнатѣ, и это, при мягкомъ мерцаньи лампадки, какъ-то особенно нѣжитъ и ласкаетъ вашъ взоръ, дыша чѣмъ-то глубоко-невиннымъ и чистымъ. Другіе предметы, которые, по естественному порядку вещей, не могутъ быть бѣлыми, какъ, напримѣръ, комодъ, большой гардеробъ, кіотъ съ образами, тотъ самый, передъ которымъ мерцаетъ лампадка, и пр., состоятъ со всѣмъ остальнымъ въ полнѣйшей гармоніи. Все это—старинное, солидной конструкціи, изъ лакированнаго краснаго дерева, и потому въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ падаетъ на нихъ свѣтъ лампадки, сіяетъ ясными бликами. Въ комнатѣ царитъ тишина, которую нарушаетъ лишь тиканье карманныхъ часовъ... «Тики-тики-тики»,—бойко, отчетливо раздается во всѣхъ уголкахъ... Гдѣ

они, эти часы—неизвѣстно. Одно только можно сказать утвердительно, что они непремѣнно должны быть тутъ, въ этой комнатѣ. Эти нѣжные, серебристые звуки тоже совершенно подстать обстановкѣ. Всякіе другіе часы положительно бы нарушали гармонію, начиная отъ старинныхъ, шкафообразныхъ, съ ихъ протяжнымъ, глухимъ, замогильнымъ стуканьемъ маятника, который невидимо движется гдѣ-то въ деревянномъ футлярѣ, сдѣланныхъ какъ бы нарочно затѣмъ, чтобы каждымъ тактомъ своимъ напоминать вамъ о томъ, что каждый моментъ протекающей жизни приближаетъ васъ неумолимо къ гробу, и кончая часами новѣйшаго типа, съ ихъ лихорадочнымъ, раздражающимъ нервы, отбиваньемъ секундъ, какъ-бы твердящимъ назойливо въ уши: «торопись, торопись, пользуйся жизнью, а потомъ—хоть трава не расти!»... Нѣтъ, эти скромные карманные часики говорятъ вамъ, напротивъ, что обитатели здѣшняго мѣста спокойно отходятъ ко сну, благословляя прожитый день и готовясь безмятежно встрѣтить грядущій, ибо знаютъ они, что некуда и незачѣмъ совсѣмъ торопиться, что все придетъ въ свое время и кончится, и что все въ этомъ мірѣ совершается къ лучшему. Тонкій голосокъ ихъ, этихъ часовъ, бойко раздающійся среди тишины, напоминаетъ невинный лепетъ ребенка, въ то время, когда никто ему не мѣшаетъ, и онъ, наединѣ самъ съ собою, ведетъ на своемъ языкѣ ему одному понятныя рѣчи...

Гдѣ мы? Кто могутъ быть обитатели?

Здѣсь, въ этой комнатѣ, всего одна дверь, которая плотно затворена. За нею, конечно, есть еще помѣщеніе, состоящее, можетъ быть, изъ нѣсколькихъ комнатъ, а можетъ быть тоже— всего изъ одной. Пока намъ до этого нѣтъ ни малѣйшаго дѣла. Намъ достаточно уже полученныхъ данныхъ. Не нужно обладать слишкомъ большой проницательностью для догадки, что мы очутились вдалекѣ отъ столицы, въ одномъ изъ глухихъ уголковъ богохранимой провинціи, гдѣ-нибудь на окраинѣ города. Нѣтъ надобности подсказывать вамъ, ибо вы можете и безъ того догадаться, что эта самая комната представляетъ часть какого-то дома, находящагося вдали отъ жилья. За окнами стоитъ непроглядная темень, да если бы тамъ и было свѣтлѣе, то все-таки ничего невозможно увидѣть, такъ какъ стекла покрыты толстыми ледяными узорами... Ни шума шаговъ, ни лая собаки... Лишь изрѣдка слышится, какъ тихо поетъ за окнами вѣтеръ, пробираясь между деревьями примыкающаго къ дому стараго сада... Лѣтомъ, когда окна открыты, въ нихъ, вѣроятно, заглядываютъ

вѣтви душистой черемухи, а по ночамъ, кромѣ тиканья карманныхъ часовъ, громко раздается стрекотанье сверчка...

Но, чу!.. Кто-то тихо вздохнулъ...

Оглядитесь еще разъ по комнатѣ, и вы увидите ширмы. Онѣ все время были у васъ за спиною, но я съ намѣреніемъ о нихъ умолчалъ до этой минуты, когда дошла до нихъ очередь. Приблизьтесь и загляните.

За ширмами спитъ человѣкъ. Можете разсматривать его самымъ внимательнымъ образомъ, ибо онъ спитъ крѣпкимъ сномъ. У изголовья виднѣется стулъ съ полусгорѣвшей свѣчей въ мѣдномъ подсвѣчникѣ и тутъ же—часы, о которыхъ была только что рѣчь.

Человѣкъ этотъ спитъ на боку, повернувшись къ лампадкѣ лицомъ. Одну руку онъ подложилъ себѣ подъ голову, другая покоится поверхъ одѣяла. Такъ очень часто спятъ дѣти... Дѣло въ томъ, что душою онъ тоже—дитя! Вглядитесь въ эти черты — и вы, не колеблясь, за мною повторите: «да, это правда: дитя!»

На видъ ему за сорокъ, но дѣло отъ этого ничуть не мѣняется. Правда, лобъ его изрѣзанъ морщинами, но это не тѣ морщины, которыя бываютъ послѣдствіемъ безпорядочной жизни или темныхъ, удручающихъ думъ, но тѣ, что являются признакомъ глубокой, сосредоточенной мысли, способной обитать лишь подъ такимъ высокимъ и прекраснымъ челомъ (простое выраженіе «лобъ» было бы тутъ какъ-то неловко), составляющимъ самую лучшую и замѣтную часть лица этого, погруженнаго въ крѣпкій сонъ, человѣка... А между тѣмъ, все-таки онъ—повторяю—дитя!

Я не даромъ избралъ для знакомства съ нимъ этотъ моментъ. Первое впечатлѣніе—великая вещь, такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, наши сужденья о людяхъ исходятъ оттуда. Не даромъ привелъ я васъ въ эту комнату, озаренную кроткимъ сіяньемъ лампадки, недаромъ показываю вамъ человѣка въ то время, когда онъ покоится сномъ, а не изображаю его идущимъ по улицѣ или во время бесѣды... Мы такъ часто зависимъ отъ окружающей насъ обстановки, такъ часто не бываемъ сами собою, когда съ кѣмъ-нибудь разговариваемъ! Правда, при изученіи спящаго не всегда можно узнать, каковъ долженъ онъ быть, когда бодрствуетъ, хотя изъ того, какъ ведетъ онъ себя, когда спитъ, можно также извлечь показанія, судя по тому, какое у него во время сна выраженіе, и часто мы можемъ придти къ тѣмъ или другимъ заключеніямъ лишь на томъ основаніи, что онъ громко храпитъ или скрежещетъ зубами... Въ данномъ случаѣ таковыхъ наблюденій совершенно достаточно.

Такимъ глубокомъ спокойствіемъ, такой кротостью, добротою и миромъ проникнуты эти черты, что онѣ, несомнѣнно, должны принадлежать человѣку съ младенчески чистой душою. Его дыханье ровно и тихо. Что онъ видитъ во снѣ? Конечно, что-нибудь ясное или вполнѣ безразличное, лишенное тревоги и ужаса, какъ и весь, имъ прожитый, день... Онъ заснулъ безъ угрызеній, безъ воспоминаній о чемъ-либо такомъ, что могло-бы смутить его сонъ мучительной грезой, а завтра, когда онъ проснется, возстать передъ нимъ печальнымъ укоромъ... Онъ спитъ крѣпко и сладко. А лампадка озаряетъ его безмятежнымъ сіяніемъ, и среди тишины все раздается попрежнему:

«Тики-тики-тики»...

II.

Лица и рѣчи.

Лампадка, выгорѣвъ вся, до-тла, давно ужъ погасла... Стоитъ бѣлое утро.

Теперь комната получила совсѣмъ другой видъ. Нужно сознаться, что раньше мы находились въ большомъ заблужденіи, такъ что приходится разочароваться во многомъ.

Бѣлые чехлы порядочно грязны и мѣстами даже запятнаны. Обои не мѣшало бы тоже перемѣнить на другіе. Вообще, многое здѣсь требуетъ для себя освѣженія, какъ и самая комната, достаточно-таки закопченная... Дверцы и ящики гардеробнаго шкафа, давно уже, вѣроятно, утративъ замки, вмѣсто нихъ зѣваютъ довольно некрасивыми дырами... Этотъ шкафъ, плотно прислоненный къ стѣнѣ, маскируетъ собою закрытую дверь, какъ это бываетъ въ тѣхъ комнатахъ, которыя отдаются внаймы «отъ жильцовъ»... Лѣзущія въ окна вѣтви черемухи и стрекотанье сверчка, какъ и всякія прочія представленія о поэтическомъ захолустьи провинціи, приходится съ горечью сдать въ область иллюзій, ибо сквозь оттаявшія оконныя стекла теперь виднѣется самый прозаическій дворъ... Мы обрѣтаемся въ нѣдрахъ одного изъ шумныхъ, биткомъ набитыхъ жильцами домовъ Петербурга... На этотъ счетъ мы не можемъ питать ни малѣйшихъ сомнѣній, потому что со двора, какъ разъ, вдругъ раздался, знакомый каждому столичному жителю, крикъ, испускаемый горловымъ баритономъ:

— Халаты, халаты!

А ему дружно вторитъ, откуда-то издали, звонкое бабье сопрано:

— Селёдки голландски, селёдки-и-и!!...

Какъ видите, лампадка съ нами сыграла премилую шутку!

«Тики-тики-тики»...—неустанно, попрежнему, стрекочатъ часы—но уже не такъ увѣренно, бойко,—словно и на нихъ повліялъ тоже свѣтъ шумнаго дня.

Они напомнили намъ, что за ширмами спитъ человѣкъ... Я убѣжденъ, что вы опасаетесь и тутъ обмануться и ждете, что онъ вдругъ окажется совершенно не тѣмъ, чѣмъ представился раньше, когда мы его наблюдали въ мерцаньи лампадки...

Къ сожалѣнію, мы не можемъ провѣрить прежнихъ своихъ впечатлѣній. Теперь онъ лежитъ къ намъ спиною, выставивъ изъ-за одѣяла затылокъ и зарывшись лицомъ въ мягкія складки подушекъ. Зато мы можемъ вполнѣ безпрепятственно разсмотрѣть украшающій стѣну надъ его постелью коверъ. Это самый обыкновенный, дешевый коверъ. На немъ по красному фону изображенъ желтый левъ. Онъ стоитъ на ногахъ, съ разинутой пастью, и помѣщенъ такимъ образомъ, что совершенно невозможно понять, кого желалъ-бы онъ съѣсть предпочтительно: этого-ли, спящаго подъ нимъ, человѣка, или того дерзновеннаго, который вознамѣрился-бы его разбудить?

Какъ бы то ни было, тотъ, о комъ идетъ у насъ рѣчь, спитъ попрежнему крѣпко и сладко.

Очевидно, въ квартирѣ всѣ давно уже встали. За дверью, заставленной шкафомъ, отъ времени до времени раздаются шаги и бренчанье чайной посудой. Здѣсь, въ комнатѣ, мертвенно-тихо. Стрѣлка часовъ показываетъ четверть одиннадцатаго. Кстати: день, въ который должно произойти все дальнѣйшее, имѣющее быть изображеннымъ въ этой главѣ,—воскресенье.

За дверью грянулъ звонокъ. Очевидно, комната примыкаетъ къ прихожей. Звонокъ сильный и властный и могъ бы, кажется, разбудить даже мертваго, но за ширмами спокойно по-прежнему.

Затѣмъ въ прихожей слышны голоса.

— Лукичъ спитъ?—вопрошаетъ мужской баритонъ.

— Спятъ, не вставали,—отвѣчаетъ ему женскій голосъ, принадлежащій, по всей вѣроятности, горничной.

Слышатся звуки какъ бы отряхаемыхъ о полъ калошъ и новый вопросъ баритона:

— Ну, а что, Поленька, какъ у васъ насчетъ самовара? Готовъ?

— Вскипѣлъ ужъ давно.

— Отлично, отлично, давайте скорѣе! Фу, какой холодъ!.. А у васъ здѣсь чудесно, тепло... Здѣсь очень тепло у васъ, Поленька! А? Правда? Тепло?..

Въ отвѣтъ раздается вдругъ почему-то негодующее восклицаніе «Поленьки»:

— Отстаньте, безстыдники! Вѣчно вы съ глупостями!

Баритонъ разражается дробнымъ, раскатистымъ смѣхомъ, похожимъ на то, будто на полъ посыпался цѣлый мѣшокъ каленыхъ орѣховъ. Потомъ дверь растворяется, и въ комнату входитъ мужчина.

Первымъ дѣломъ онъ приближается къ ширмамъ и, постоявъ нѣсколько времени передъ покоящейся въ неподвижности спиной человѣка, задаетъ негромкій вопросъ:

— Спишь? А? Лукичъ?

Ему отвѣчаетъ гробовое молчаніе. Спина продолжаетъ хранить неподвижность.

Онъ отходитъ отъ ширмъ и, остановясь передъ зеркаломъ, достаетъ изъ бокового кармана гребенку и приводитъ въ порядокъ свою шевелюру.

Это—хорошо упитанный и во всѣхъ отношеніяхъ пріятный мужчина, лѣтъ значительно за сорокъ, съ густою растительностью, въ видѣ бороды и длинныхъ волосъ, съ пытливо бѣгающими во всѣ стороны глазками, одѣтый въ довольно скверный пиджакъ и щеголеватыя брюки. Изъ-за великолѣпнаго атласнаго галстуха, украшающаго его широкую грудь, торчатъ воротнички подозрительной свѣжести.

Тѣмъ временемъ Поленька приноситъ подносъ съ чайной посудой, потомъ огромныхъ размѣровъ кипящій во весь духъ самоваръ, который тяжко опускаетъ на столъ. Гость оборачивается и съ участіемъ слѣдитъ, какъ Поленька проворно группируетъ вокругъ самовара посуду. Онъ переводитъ глаза на аппетитный бюстъ, потомъ на курносенькое личико Поленьки и вкрадчивымъ голосомъ спрашиваетъ:

— А развѣ булочекъ не будетъ, Поленька?.. А?..

Поленька дѣлаетъ ему насмѣшливый книксенъ и отвѣчаетъ:

— Хороши и безъ булочекъ!

Затѣмъ она исчезаетъ изъ комнаты.

Три-ра-ра,
Трамъ-та-та!—

напѣваетъ вполголоса гость, направляясь къ комоду.

Въ качествѣ лица, хорошо освѣдомленнаго съ порядкомъ

вещей въ этомъ домѣ, онъ отыскиваетъ въ глубинѣ верхняго ящика хрустальную чайницу, въ такомъ же вмѣстилищѣ—колотый сохаръ, и переноситъ то и другое на столъ. Насыпавъ чаю щедрой рукою, онъ завариваетъ его кипяткомъ и даетъ настояться. Потомъ онъ наливаетъ стаканъ, опускаетъ туда три большихъ куска сахару, комфортабельно протягивается во весь ростъ на диванѣ, достаетъ изъ кармана свѣжій нумеръ «Новаго Времени» и погружается въ чтеніе, по временамъ отъ него отрываясь, чтобы прихлебнуть горячій напитокъ.

За ширмами тихо.

Въ прихожей раздается звонокъ и, немного спустя,—разговоръ. Господинъ на диванѣ подымаетъ голову и чутко прислушивается...

Кто-то о чемъ-то вполголоса спрашиваетъ. Въ отвѣтъ слышится, такъ же, какъ давеча, громкое восклицаніе Полиньки:

— Спятъ, не вставали!

Въ комнатѣ появляется новое лицо. Это—молодой человѣкъ, совсѣмъ еще юноша, скромнаго и даже робкаго вида, одѣтый довольно убого. Онъ озябъ, ежится и усиленно потираетъ и мнетъ свои руки, багровыя, какъ лапы у гуся.

— А! Пылаевъ!—восклицаетъ господинъ на диванѣ.

— Мое почтеніе, г. Жужелицынъ,—протягиваетъ ему свою, совсѣмъ закоченѣвшую, правую руку новый пришелецъ, предварительно на нее подышавъ.

— Озябли?

— Да, погода такая, можно сказать...

— Погода—подлецъ!—прерываетъ господинъ на диванѣ.— Не хотите ли чаю?—предлагаетъ онъ съ величайшимъ радушіемъ.

— Да, знаете, оно хорошо-бы... стаканчикъ...—отвѣчаетъ нерѣшительно юноша.—Не безпокойтесь, не безпокойтесь, я самъ...

Наливъ себѣ чаю въ другой, свободный стаканъ, онъ примащивается у края стола и принимается себя согрѣвать, отпивая чай съ блюдечка и откусывая малюсенькими кусочками сахаръ.

Жужелицынъ внимательно читаетъ газету. Юноша тихонько вздыхаетъ. Молчаніе. За ширмами царствуетъ гробовое спокойствіе.

— Ну, что, Пылаевъ, какъ ваши дѣла?—нарушаетъ безмолвіе Жужелицынъ, откладывая прочь газету, чтобы налить себѣ новый стаканъ.—Какъ дѣлишки-то, а?

Юноша издаетъ тяжкій вздохъ.

— Значитъ, дѣло—табакъ? Не достали занятій?

— Нѣтъ-съ... Въ двухъ мѣстахъ обѣщали и велѣли придти, а только все еще нѣтъ-съ...

Онъ поспѣшно лѣзетъ въ карманъ, вытаскиваетъ свернутый въ комочекъ, грязноватый платокъ, украдкой сморкается и, спрятавъ его обратно, достаетъ папиросы.

— Это какія у васъ?—освѣдомляется Жужелицынъ, проницательно воззрившись въ узенькую, зеленаго цвѣта, коробочку, которую держитъ Пылаевъ.

— «Купидонъ», братьевъ Шапшалъ...

— Такъ я и думалъ. Дайте-ка мнѣ папироску!

Юноша съ величайшей готовностью подноситъ коробочку, потомъ чиркаетъ и такъ же подноситъ зажженную спичку.

Жужелицынъ выпускаетъ изо рта и ноздрей облако дыма и произноситъ поучительнымъ тономъ:

— Н-да, батенька, доложу я вамъ, нашъ Петербургъ—это такой подлецъ-городъ, что...

Онъ не доканчиваетъ, потому что въ прихожей раздался звонокъ, и Поленька, примчавшаяся съ обычнымъ проворствомъ, чтобы впустить посѣтителей, гремитъ тяжелымъ крюкомъ, придерживающимъ входную дверь. Жужелицынъ начинаетъ прислушиваться.

— Спитъ?—веселымъ голосомъ освѣдомляется кто-то.

— Спятъ,—отвѣчаетъ Поленькинъ голосъ.

— Ха, ха, ха! Ну, конечно!

— (Дрябкинъ,—поясняетъ Пылаеву Жужелицынъ).

Слышенъ шумъ снимаемыхъ азартно кожаныхъ гремучихъ калошъ, съ приправой ругательства:

— Ч-чортъ! Будьте вы трижды прокляты...

Новый звонокъ.

— Лукичъ спитъ?.. А! здравствуйте!

— Здравствуйте. Какъ это мы съ вами не встрѣтились?

— А я на извозчикѣ.

— (Граціозовъ,—сообщаетъ опять Пылаеву Жужелицынъ).

— Лукичъ еще спитъ?

— Спитъ! Ха-ха-ха!

Дверь широко распахивается, и въ комнатѣ одновременно появляются двое. Тотъ, въ комъ Жужелицынъ узналъ по голосу Дрябкина, оказывается молодымъ человѣкомъ, въ формѣ студента университета, маленькаго роста, съ огромной копной русыхъ волосъ и добродушною скуластою рожицей. Вслѣдъ за нимъ выступаетъ господинъ (Граціозовъ), лѣтъ тридцати съ небольшимъ, съ красивымъ, но блѣднымъ и нездоровымъ лицомъ, одѣтый

очень корректно, въ черную сюртучную пару. Маковка его уже свѣтится порядочной лысиной, зато лицо украшено великолѣпнѣйшей бородою, которая вѣеромъ ниспадаетъ на грудь.

Дрябкинъ небрежно швыряетъ на окошко фуражку, съ голубымъ, побѣлѣвшимъ околышемъ, похожую на масляный блинъ. Граціозовъ осторожно ставитъ съ ней рядомъ свой блестящій цилиндръ и опускаетъ въ него, словно въ нѣкій хрупкій сосудъ, шведскія, сѣраго цвѣта, перчатки.

Всѣ другъ съ другомъ здороваются.

— Спитъ?—подмигиваетъ Дрябкинъ на ширмы.

— Спитъ,—киваетъ утвердительно Жужелицынъ.

Дрябкинъ шумно хохочетъ. Граціозовъ ограничивается сдержанной, приличной улыбкой

— Чаю, господа! Самоваръ еще совершенно горячій!—восклицаетъ гостепріимный Жужелицынъ.

Дрябкинъ выражаетъ полную готовность, по случаю проклятой погоды, выпить стаканчикъ. Граціозовъ тоже не прочь, если найдется чистый стаканъ...

— Это мы сейчасъ оборудуемъ!—успокаиваетъ всѣхъ Жужелицынъ и, бросившись къ двери, взываетъ.

— Поленька! Одолжите стаканчиковъ!

Компанія пьетъ чай и бесѣдуетъ. Сперва, какъ водится, поминаютъ недобрымъ словомъ погоду, потомъ разговоръ переходитъ на другіе предметы.

Ораторствуютъ, главнымъ образомъ, Дрябкинъ и Жужелицынъ.

Впрочемъ, что касается Дрябкина, то онъ не столько говоритъ, сколько ругается, поминая, отъ времени до времени чорта, причемъ его миніатюрное личико принимаетъ чрезвычайно озлобленный видъ, и вдругъ разражается оглушительнымъ хохотомъ, который появляется у него совсѣмъ неожиданно и часто не объясняется даже предметомъ бесѣды.

Напротивъ, Жужелицынъ отчеканиваетъ мысль свою въ точныя и округленныя фразы, съ одинаковымъ жаромъ и неизмѣнной готовностью трактовать обо всемъ, касается-ли рѣчь политическихъ событій въ Болгаріи, или расплодившихся въ послѣднее время бродячихъ собакъ. Повидимому, ему все извѣстно и во всемъ онъ знатокъ.

Граціозовъ слушаетъ того и другого съ утомленнымъ, нѣсколько даже скучающимъ видомъ, вставляя изрѣдка свои замѣчанія, болѣе или менѣе безразличнаго свойства.

Пылаевъ молчитъ, какъ зарѣзанный. Неизвѣстно даже,

слушаетъ ли онъ, о чемъ говорятъ. Онъ испускаетъ удрученные вздохи, блуждая глазами по комнатѣ, и лишь отъ времени до времени съ безпокойной стремительностью вытаскиваетъ свой, свернутый въ комочекъ, грязноватый платокъ, украдкой сморкается и съ таковой же стремительностью прячетъ его обратно въ карманъ.

Всѣ они четверо имѣютъ вполнѣ видъ людей, пришедшихъ сюда потому, что нужно куда-нибудь да дѣвать это свободное воскресное утро, при чемъ всѣмъ имъ вмѣстѣ и каждому, въ отдѣльности взятому, нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до отсутствующаго тамъ, невѣдомо гдѣ-то, хозяина...

Дрябкинъ и Жужелицынъ другъ съ другомъ на «ты», хотя между ними и незамѣтно особой пріязни. Дѣло въ томъ, что Жужелицынъ—одинъ изъ числа, такъ называемыхъ, «простыхъ, добрыхъ малыхъ», для коихъ весь міръ представляется чѣмъ-то въ родѣ большого трактира, гдѣ толкутся, безпрестанно закусывая, все такіе же «простые, добрые малые». Со многими онъ пока не знакомъ, но конечно ужъ когда-нибудь, хоть мелькомъ, да встрѣчался и поэтому можетъ всегда завязать отношенія, чтобы дружески хлопать новаго знакомца своего по плечу и называть попросту «братцемъ» и «батенькой», не омрачаясь ни на мгновеніе мыслью, что можетъ существовать такой человѣкъ, для котораго персона его совсѣмъ нежелательна. Въ пылу разговора, Жужелицынъ по временамъ и къ Граціозову обращается съ пріятельскимъ «ты», при чемъ тотъ отвѣчаетъ ему неизмѣнно холоднымъ и вѣжливымъ тономъ,—но что они все-таки рано или поздно сойдутся, можно въ томъ поручиться. Съ Пылаевымъ Жужелицынъ пока тоже на «вы», ибо встрѣчаетъ Пылаева всего въ третій разъ, но что и съ нимъ онъ обязательно будетъ на «ты»,—въ этомъ тоже нельзя сомнѣваться.

Рѣчь идетъ о комъ-то изъ общихъ знакомыхъ, по фамиліи Пеклеванниковѣ, коего Жужелицынъ въ чемъ-то горячо защищаетъ и къ коему Дрябкинъ относится съ большимъ порицаніемъ.

— Господи Боже мой!—вопіетъ звучнымъ своимъ баритономъ Жужелицынъ, колотя себя въ грудь.—Но я отлично знаю его, и жену его, Ольгу Степановну, знаю! Всѣхъ знаю!

— И я тоже всѣхъ знаю!—кричитъ въ отвѣтъ Дрябкинъ.

— Пеклеванниковъ всегда былъ простымъ, добрымъ малымъ, товарищемъ!

— Всегда былъ прохвостомъ!

— Къ тому же серьезнымъ и мыслящимъ...

— Прохвостомъ!

— Я знаю его, какъ свои десять пальцевъ!

— Врешь! Когда ты съ нимъ познакомился?

— Я не помню. Давно!

— Врешь! Я самъ только въ прошломъ году тебя съ нимъ познакомилъ!

— Я съ нимъ еще раньше встрѣчался...

— У кого ты встрѣчался? Ха-ха-ха! У кого?

— У Косоротовыхъ! Вотъ у кого!

— Это которые живутъ на Надеждинской?

— Да, которые живутъ на Надеждинской!

— Ч-чортъ! Но они всего только съ прошлой зимы въ Петербургѣ!

— Ну, хорошо, ну, пускай, можетъ быть, не у нихъ, я забылъ, можетъ быть, въ другомъ мѣстѣ... Только я всегда повторю, и каждый тебѣ скажетъ... да вотъ и онъ тоже скажетъ тебѣ, я увѣренъ,—указываетъ вдругъ весь пылающій Жужелицынъ на спокойно слушающаго ихъ споръ Граціозова,—скажи ему, пожалуйста, братецъ... тьфу, виноватъ!.. скажите ему, ради Создателя ..

— Извините, я ничего не могу вамъ сказать, потому что ни съ кѣмъ изъ нихъ не знакомъ,—вѣжливо отдѣлывается отъ него Граціозовъ.

— Ну, все равно, спросимъ другихъ, и всѣ тебѣ подтвердятъ, что Пеклеванниковъ—вполнѣ убѣжденный толстовецъ и что онъ со всею семьей нынѣшнимъ лѣтомъ уѣзжаетъ въ деревню, за Парголовымъ, надѣваетъ рубаху и садится на землю,—возглашаетъ торжественно Жужелицынъ.—А если еще хочешь знать, то и сама Ольга Степановна... А! Наконецъ-то! Вотъ и Лукичъ!—радостно прерываетъ самъ себя Жужелицынъ, устремляя глаза по направленію къ ширмамъ.

Всѣ оборачиваются тоже по направленію къ ширмамъ и видятъ вылѣзающаго оттуда хозяина...

Онъ, должно быть, давно ужъ проснулся, одѣлся, умылся, успѣвъ продѣлать это все подъ шумокъ, и теперь въ полномъ порядкѣ появился къ гостямъ.

При этомъ всѣ уста издаютъ восклицанья привѣтствія, всѣ руки протягиваются.

— А! Вотъ и онъ!

— Вотъ Лукичъ!

— Съ добрымъ утромъ, Лукичъ!

Хозяинъ пожимаетъ руки гостямъ и усаживается въ свое любимое кресло. Вслѣдствіе этого, онъ оказывается немного по-

одаль отъ стола съ самоваромъ, гдѣ расположилась компанія, и ему хорошо видно всѣхъ, а также и его хорошо видно всѣмъ.

Теперь, наконецъ, мы можемъ внимательно его разсмотрѣть... Нѣтъ, слава Богу, мы не ошиблись, и при дневномъ свѣтѣ онъ тотъ-же, какимъ казался намъ ночью, при мерцаніи лампадки. То же чело, на которомъ покоится глубокая дума, тѣ же черты, проникнутыя безконечною добротою и кротостью... Теперь впечатлѣніе даже полнѣе, рельефнѣе, потому что это лицо просвѣтлено, такъ сказать, парою глазъ, которые были ночью закрыты. Глаза эти большіе и выпуклые, въ ранней юности бывшіе, надо полагать голубыми и обратившіеся теперь въ свѣтло-сѣрые. Глаза эти смотрятъ спокойно, пристально, кротко. Рѣдко и медленно поворачиваются они куда нибудь въ сторону, да и то съ очевиднымъ усиліемъ и даже, можно сказать, съ неохотой. Это — глаза созерцателя. Будучи устремлены на какой-либо предметъ внѣшней природы, они разсматриваютъ не столько этотъ самый предметъ, сколько нѣчго другое, а именно тѣ картины и образы, которыхъ не существуетъ въ эту минуту въ дѣйствительности, но тѣ, что живутъ — гдѣ-то глубоко, въ душѣ созерцателя, будучи вызваны тѣмъ матеріальнымъ предметомъ, до котораго этимъ глазамъ, въ сущности, нѣтъ ни малѣйшаго дѣла... Яснѣе и лучше я не умѣю ихъ описать! Словомъ, это глаза одной изъ тѣхъ исключительныхъ личностей, про коихъ говорятъ, что они — «не отъ міра сего».. Цвѣтъ лица его — здоровый и чистый, съ легкимъ румянцемъ. Носъ — короткій, немного припухлый, но правильный. Губы — полныя, алыя, полуприкрытыя густыми усами, темнорусаго цвѣта; таковая-же борода ниспадаетъ на грудь. Въ общемъ — наружность, которая вполнѣ можетъ нравиться скучающимъ вдовамъ средняго возраста. Онъ невысокаго роста и кругленькій — не толстый, а именно кругленькій. Облеченъ онъ въ лѣтнее, гороховаго цвѣта, пальто, отслужившее хозяину вѣрой и правдой и исполняющее нынѣ должность халата. На ногахъ виднѣются новыя (вѣроятно, дамскій подарокъ) вышитыя гарусомъ туфли, съ изящнымъ изображеніемъ полураспустившихся розъ.

— Чаю, чаю Лукичу! — кричитъ Жужелицынъ.

— Ч-чортъ! Самоваръ-то потухъ, — дѣлаетъ открытіе Дрябкинъ.

— Да и чай-то, кажется, жидкій, — присовокупляетъ отъ себя Граціозовъ.

— Подогрѣть! Это я сейчасъ оборудую! — волнуется Жужелицынъ.

— Ничего... Какой есть... Все равно...—кротко протестуетъ Лукичъ, тронутый этимъ единодушнымъ выраженіемъ заботливости.

Надо видѣть, какъ дружно всѣ принимаютъ участіе, чтобы налить Лукичу стаканъ чаю. Пока Жужелицынъ полощетъ посуду, Дрябкинъ доливаетъ чайникъ водою, а потомъ, когда Жужелицынъ подноситъ стаканъ съ чаемъ подъ кранъ, Дрябкинъ съ Пылаевымъ схватываютъ съ двухъ сторонъ самоваръ и держатъ его на вѣсу, чтобы нацѣдить оттуда оставшееся количество влаги. Граціозовъ, не участвуя во всей этой суматохѣ активно, способствуетъ дѣлу своими совѣтами и указаніями Въ концѣ концовъ, Лукичъ получаетъ стаканъ чаю, правда, чуть теплаго, жиденькаго, но зато—отъ чистаго сердца.

Послѣ того, какъ всѣ успокоились, Дрябкинъ и Жужелицынъ принимаются за прерванный споръ, и на сцену выступаетъ опять Пеклеванниковъ.

— Спросимъ его!—восклицаетъ торжественно Жужелицынъ, устремляя указательный перстъ къ Лукичу.—Скажи намъ, Лукичъ, ты знакомъ съ Пеклеванниковымъ?

— Знакомъ, какъ-же, знакомъ,—утвердительно качаетъ головою Лукичъ.

— Ага! Ну, какой человѣкъ онъ, по твоему?

— Прохвостъ!—вставляетъ запальчиво Дрябкинъ.

— Ахъ, да не мѣшай, ради Бога!—отмахивается отъ него съ досадою Жужелицынъ.—Вотъ сейчасъ намъ скажетъ Лукичъ...

Лукичъ поникаетъ задумчиво долу, устремляетъ глаза на одну изъ двухъ розъ, изображенныхъ у него на туфляхъ, и испускаетъ продолжительный вздохъ...

Антагонисты съ нетерпѣніемъ ожидаютъ отвѣта.

— Что-жъ... Это правда,—съ разстановкою произноситъ Лукичъ, все не спуская глазъ съ туфель, словно на нихъ-то и написано то самое мнѣніе, которое его принуждаютъ сказать:—человѣкъ онъ хорошій... да, очень хорошій... и жену свою любитъ, и все... очень, очень хорошій... отличный.

— Ага!—восклицаетъ побѣднымъ голосомъ Жужелицынъ.—Что я говорилъ?!

— Ха-ха-ха!—разражается Дрябкинъ.—Нашелъ у кого спрашивать!.. Лукичъ самъ—святой человѣкъ! Развѣ онъ можетъ въ комъ нибудь видѣть дурное?

Лицо Лукича озаряется тихой, снисходительно-добродушной улыбкой, но онъ не произноситъ ни слова... Да и что сталъ-бы онъ возражать этому увлекающемуся и пылкому юношѣ?..

Такъ какъ вопросъ о Неклеванниковѣ исчерпанъ достаточно, то разговоръ переходитъ на другіе предметы.

Лукичъ принимаетъ весьма слабое участіе въ бесѣдѣ, вѣрнѣе сказать—совсѣмъ не участвуетъ въ ней. Въ то время, какъ Дрябкинъ и Жужелицынъ, снова схватившись другъ съ другомъ по какому-то поводу, ломаютъ если можно такъ выразиться, словесныя копья (иначе они не умѣютъ между собой разговаривать), Лукичъ покоитъ свой думчивый взоръ въ неопредѣленномъ пространствѣ... На чьей сторонѣ его мнѣніе? Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Да и слушаетъ-ли онъ вообще, о чемъ спорятъ оба пріятеля? И на этотъ вопросъ одинаково трудно отвѣтить... Лишь одно несомнѣнно, что духъ его витаетъ высоко надъ этой будничной мелочью, ради которой всѣ мы, бѣдные, слабые люди, не щадя ни себя, ни другихъ, горячимся и бьемся, вылѣзая изъ кожи, тогда какъ все на свѣтѣ такъ просто, несложно, все уже давнымъ давно рѣшено и разгадано. и потому, право, не стоитъ попусту себя изнурять...

Но вотъ, этотъ споръ, какъ и все на свѣтѣ, кончается. Противники устали и отдыхаютъ. Оба молчатъ. Граціозовъ молчитъ. Пылаевъ тоже молчитъ (онъ и раньше все время молчалъ) и только тихо вздыхаетъ. Хозяинъ ни единымъ звукомъ не нарушаетъ молчанія. Наступаетъ тотъ моментъ тишины, когда говорятъ, что пролетѣлъ тихій ангелъ (а иные толкуютъ, что нѣмецъ родился). Начинаетъ смеркаться.

Жужелицынъ зѣваетъ, потягивается и объявляетъ, что ему хочется «жрать». Дрябкинъ говоритъ, что и ему хочется ѣсть, и прибавляетъ рѣшительно:

— Пора по домамъ.

— Охъ, какъ хочется жрать!..—произноситъ вновь Жужелицынъ, испуская страдальческій стонъ.

— Пора по домамъ!—говоритъ опять Дрябкинъ.

Остальные молчатъ и сидятъ истуканами.

— Го-осподи, какъ хочется жрать!!—мается Жужелицынъ.

— По домамъ, по домамъ!—повторяетъ настойчиво Дрябкинъ.

— Что-же... зачѣмъ?.. Посидите,—раздается кроткій голосъ хозяина.

Онъ поднимается съ мѣста, очевидно, съ какимъ-то намѣреніемъ, мягко ступая своими туфлями, направляется къ двери и исчезаетъ изъ комнаты.

Черезъ недолгое время, Лукичъ возвращается, а еще немного спустя, появляется Поленька и уноситъ вонъ охладѣвшій

совсѣмъ самоваръ и посуду. Еще немного спустя, она приноситъ подносъ, уставленный разными снѣдями, пробуждающій въ Жужелицынѣ своимъ появленіемъ шумный восторгъ.

Проникнутый обновленными силами, онъ вздымается стремительно на ноги и помогаетъ Поленькѣ водворить на мѣстѣ подносъ, потомъ располагаетъ, какъ слѣдуетъ, тарелки, вилки, ножи, убѣждается въ наличномъ присутствіи горчицы и соли, обнаруживая во всемъ расторопность и хозяйственный глазъ, и, наконецъ, восклицаетъ:

— Господа! Все готово! Приступимъ!

Всѣ «приступаютъ» съ большей или меньшей готовностью.

Энергичнѣе всѣхъ дѣйствуетъ Жужелицынъ, и можно залюбоваться, какъ весело, съ какимъ увлеченіемъ работаетъ онъ надъ закусками, отдавая должную честь пирогу, ветчинѣ и горячимъ котлетамъ, поощряя всѣхъ пить, подливая другимъ и не забывая себя, доминируя надъ всею компаніей звучнымъ своимъ баритономъ и блистая глазами. Дрябкинъ тоже относится къ дѣлу съ большой добросовѣстностью, но отдаетъ преимущество пиву. Пылаевъ насыщается сосредоточенно, мрачно, налегая больше на хлѣбъ, съ видомъ человѣка, которому не слѣдуетъ отнюдь пропускать подобнаго случая, въ виду недалекой возможности погибнуть голодною смертью. Граціозовъ кушаетъ принужденно и даже съ какимъ-то оттѣнкомъ брезгливости, какъ бы единственно лишь принося себя въ жертву любезности. Каждый миніатюрный кусочекъ, прежде чѣмъ положить его въ ротъ, онъ осмотрительно вертитъ предъ глазами, иное даже обнюхиваетъ и, разжевавъ, осторожно проглатываетъ, съ покорнымъ выраженіемъ человѣка, приготовившагося ко всевозможнымъ послѣдствіямъ...

Что касается самого хозяина, то онъ ничего не ѣстъ и не пьетъ, участвуя въ трапезѣ исключительно, такъ сказать, духомъ, хотя врядъ-ли слѣдитъ онъ за разговоромъ гостей, и надо полагать, что мысли его и теперь, какъ всегда, витаютъ гдѣ-то далече. Однако въ немъ обнаруживается признакъ вниманія, когда Дрябкинъ и Жужелицынъ принимаются приставать къ Граціозову, убѣждая его что-то исполнить, а тотъ старается всячески отъ нихъ отвязаться.

— Ну, голубчикъ, будь другомъ!—умоляетъ Граціозова Жужелицынъ, трепля его по плечу.

— Ну, что̀ вамъ стоитъ, прочтите!—убѣждаетъ и Дрябкинъ.

— Эхъ, господа, вы, право, напрасно...—упирается тотъ.

— Вотъ и Лукичъ тоже хочетъ послушать... Онъ тоже

васъ просить! Лукичъ, что-же ничего ты не скажешь? Проси!— наступаетъ на хозяина Жужелицынъ и поясняетъ ему, кивая на Граціозова:—онъ новые стихи написалъ.

— Стихи? Что-жъ... Это отлично,—произноситъ Лукичъ.— Отчего не прочесть? Здѣсь все свои...

— Ну, вотъ, ну, вотъ, и я тоже самое ему говорю!—подхватываетъ съ горячностью Жужелицынъ.—Теперь нельзя ужъ отказываться! Просимъ!

— Просимъ!—прибавляетъ и Дрябкинъ.

— Я прочелъ-бы съ охотой, если-бы здѣсь не было лицъ...— произноситъ медленно Граціозовъ и останавливается.

— Что такое? Какихъ такихъ лицъ?—вспыхиваетъ неожиданно Дрябкинъ.

— Не сочувствующихъ современному направленію поэзіи...

— Ч-чортъ! Это вы про меня?

— Да, я про васъ, угадали.

— Правда, я не признаю декадентовъ!

— Ну, вотъ, видите, а между тѣмъ...

— Эхъ, господа, ну, что-жъ это будетъ?!—восклицаетъ съ отчаяніемъ Жужелицынъ.—Только-что успѣли было уговорить человѣка, дернула тебя нелегкая выскочить!—набрасывается онъ съ досадой на Дрябкина и прибавляетъ уныло:—Ну, вотъ, онъ теперь и не будетъ читать...

— Нѣтъ, отчего-же?—пренебрежительно дергаетъ плечомъ Граціозовъ.—Я знаю, что у современной поэзіи много враговъ, но это мнѣ не мѣшаетъ дѣлать свое... Если вы такъ ужъ хотите, извольте, прочту.

— Браво!—апплодируетъ Жужелицынъ.

Граціозовъ достаетъ изъ бокового кармана смятый листокъ почтовой бумаги, разглаживаетъ его на колѣнѣ и, откашлявшись, прочитываетъ меланхолическимъ голосомъ:

Дрожатъ при дорогѣ
И грезятъ въ тревогѣ
Цвѣты....

Поэтъ дѣлаетъ паузу, обводитъ глазами своихъ внимательныхъ слушателей, потомъ медленно поднимаетъ правую руку и шепчетъ чуть внятно, какъ-бы къ чему-то прислушиваясь:

О, сны золотые,
Цвѣтутъ въ васъ святыя
Мечты...

Рука Граціозова внезапно дѣлаетъ всей пятерней энергическій взмахъ, какъ-бы съ силой что-то отталкивая, и поэтъ, словно

укушенный, взвизгиваетъ тоненькимъ голосомъ, гнѣвно обращаясь къ Пылаеву:

Кто сонъ мой развѣетъ,
Ударить посмѣетъ
Въ мой щитъ?!..

Подождавъ отъ Пылаева съ полминуты отвѣта, между тѣмъ, какъ застѣнчивый юноша, на котораго одновременно со взоромъ поэта устремляются глаза всѣхъ присутствующихъ, въ чрезвычайномъ смятеніи лѣзетъ въ карманъ за платкомъ, Граціозовъ, какъ бы въ безсиліи, поникаетъ головою на грудь и заканчиваетъ угасающимъ голосомъ:

А путь незамѣтный,
Какъ зовъ безотвѣтный,
Молчитъ...

Жужелицынъ восклицаетъ: «великолѣпно!» и восторженно жметъ руку поэта. Дрябкинъ тоже выражаетъ свое одобреніе, но прибавляетъ при этомъ, что онъ все-таки врагъ декадентской поэзіи. Граціозовъ возражаетъ ему, что не признаетъ этого слова. Жужелицынъ заявляетъ съ своей стороны, что и онъ тоже не признаетъ этого слова, что «декадентъ» — дичь, чепуха, достойная тѣхъ, которые это слово придумали. Онъ высказываетъ это съ такою горячностью, что можно подумать, будто дѣло это касается гораздо больше его, чѣмъ кого бы то ни было. Дрябкинъ рѣзко замѣчаетъ ему, что въ поэзіи онъ, Жужелицынъ, ничего ровно не смыслитъ. Жужелицынъ съ пѣной у рта заявляетъ, что онъ знаетъ наизусть всего Пушкина, и ставитъ въ залогъ свою голову въ томъ, что если-бы Пушкинъ жилъ въ наше время, то былъ бы, какъ всѣ, декадентомъ. Онъ призываетъ во свидѣтельство своихъ словъ Граціозова и ухватываетъ его за бортъ сюртука. Дрябкинъ тоже ухватываетъ за бортъ сюртука Граціозова, но съ другой стороны. Граціозовъ, испытывая все неудобство своего положенія, подымается на ноги и увлекаетъ за собою Дрябкина съ Жужелицынымъ, уподобляющихся въ эту минуту двумъ желѣзнымъ пластинкамъ, приставшимъ къ магниту. Въ теченіе нѣкотораго времени, можно наблюдать образовавшуюся посреди комнаты чрезвычайно оживленную группу изъ трехъ человѣкъ, гдѣ двое какъ-бы стараются подѣлить между собою пополамъ третьяго, который словами и жестами противится своей жестокой судьбѣ, но слабый голосъ его пропадаетъ въ крикахъ распаленныхъ гнѣвомъ противниковъ. Всѣ трое кричатъ въ одно время, такъ что можно разслышать только отдѣльныя фразы: — «шестое чувство!» «новый типъ красоты!» «ч-чортъ!» «ерунда!» «ничего ты не смыслишь!» — «Господа, господа!» — слабо, словно

стонъ погибающей жертвы, раздается повременамъ въ этомъ гамѣ жалобный крикъ Граціозова...

Оба остальные члена компаніи сохраняютъ нейтралитетъ. Пылаевъ молча слѣдитъ за всѣми перипетіями этой борьбы и сосредоточенно дымитъ папиросой. Хозяинъ созерцаетъ неопредѣленную даль, и мысли его, очевидно, витаютъ въ мірѣ нездѣшнемъ...

— Дубина!

— Оселъ!

Это размѣнялись послѣднимъ словомъ своимъ Дрябкинъ и Жужелицынъ, послѣ чего круто наступаетъ молчаніе.

Лукичъ возвращается къ дѣйствительной жизни, видя передъ самымъ носомъ своимъ Дрябкина, Граціозова и Жужелицына, которые протянули ему для пожатія руки, очевидно, собираясь уйти. Споръ прекращенъ, и всѣ они трое обладаютъ видомъ людей, вырвавшихся изъ отчаянной свалки. Жужелицынъ, ставшій совершенно коричневымъ, отираетъ платкомъ съ лица и шеи испарину и тяжело отдувается. Дрябкинъ, напротивъ, мертвенно блѣденъ, и его взмокшій вихоръ торчитъ во всѣ стороны, какъ иглы ежа. Граціозовъ имѣетъ видъ совсѣмъ изнуреннаго и нуждающагося въ полнѣйшемъ покоѣ.

Лукичъ съ ними прощается и провожаетъ всѣхъ до прихожей. Жужелицынъ угрюмо напяливаетъ свое коротенькое, на ватѣ пальто; Граціозовъ облекается въ щегольскую шинель, а Дрябкинъ предпринимаетъ ожесточенную битву съ своими калошами и восклицаетъ въ послѣдній разъ: «Ч-чортъ!» Затѣмъ всѣ трое въ ненарушимомъ безмолвіи исчезаютъ за дверью.

Лукичъ возвращается въ комнату, гдѣ теперь пребываетъ одинъ лишь Пылаевъ, который сидитъ сиротой, удрученно понурившись надъ столомъ съ остатками пирога и закусокъ и опустошенными пивными бутылками.

Хозяинъ опускается въ кресло и произноситъ задумчиво:

— Говорили, говорили... Наговорили съ три короба... Даже поссорились... А что въ этомъ толку?—Онъ обводитъ медленнымъ взоромъ шеренгу опустошенныхъ бутылокъ, переноситъ глаза на бѣлыя стѣны, смутно виднѣющіяся сквозь сизый туманъ табачнаго дыма, и прибавляетъ, покачавъ головою:—Такъ-то, юный мой другъ!

Пылаевъ издаетъ продолжительный, тяжкій, удручающій вздохъ, которымъ, какъ можно подумать, разрывается сердце...

— Чего завздыхалъ?—строгимъ голосомъ произноситъ Лукичъ и опускаетъ руку ему на плечо.—Не надо вздыхать...

Надо держать себя весело, бодро... Да, вотъ какъ надо... А вздыхать не надо... Не надо вздыхать...—И, похлопавъ по плечу скорбнаго юношу, Лукичъ участливо спрашиваетъ:—Ну, что, какъ дѣла?

Этимъ вопросомъ онъ открываетъ, такъ сказать, клапанъ души своего унылаго гостя, который, какъ видно, только и ждалъ того, чтобы излить обильнымъ потокомъ все, что таилось тамъ въ предшествовавшее время бесѣды. Онъ начинаетъ подробный разсказъ о своихъ неудачахъ. Въ сущности, это самый обыкновенный разсказъ о похожденiяхъ одного изъ обыкновеннѣйшихъ юношей, наѣзжающихъ въ Петербургъ изъ провинцiи, въ чаянiи большого и доходнаго дѣла, путешествующихъ по всѣмъ канцелярiямъ, конторамъ, редакцiямъ и претерпѣвающихъ вездѣ неудачу. Хозяинъ покоитъ все время свой вдумчивый взоръ на фигурѣ разсказчика, обнимая имъ, такъ сказать, и этотъ потертый сюртукъ, изъ котораго торчатъ его костлявыя руки съ длинною, тощею шеей, и эти, лоснящiеся на колѣнкахъ штаны, обнаруживающiе рыжiя голенища сапогъ, – и несомнѣнно, что въ это самое время въ чуткой душѣ Лукича ярко рисуется образъ бѣднаго юноши, въ видѣ пловца, который изнемогаетъ въ борьбѣ съ свирѣпыми волнами житейскаго моря...

— Такъ, такъ, такъ...—тихо произноситъ Лукичъ, послѣ того какъ Пылаевъ окончилъ разсказъ.—Жестокiя, жестокiя сердца въ Петербургѣ!

— Просто, хоть въ петлю!—съ отчаянiемъ восклицаетъ Пылаевъ.

Хозяинъ вперяетъ пристальный взоръ въ свои вышитыя гарусомъ туфли и, помолчавъ, заботливо спрашиваетъ:

— Ну, а комната какъ... твоя, то есть, комната?.. Ничего? Не холодна?.. Не сыра?..

Гость съ горькой усмѣшкой машетъ рукою. Комната и холодна, и сыра, ибо три дня ужъ не топлена!

Хозяинъ вздыхаетъ. Воцаряется длинная и тяжелая пауза, какъ это бываетъ между двумя собесѣдниками, удрученными одною и тою же думой. Гость лѣзетъ въ боковой карманъ сюртука, вытаскиваетъ свою зелененькую коробочку изъ-подъ папиросъ и убѣждается, что тамъ нѣтъ ни единой. Онъ вспоминаетъ, что у него остался послѣднiй двугривенный и не предстоитъ ниоткуда получекъ. На мгновенiе въ его головѣ вспыхиваетъ дикая мысль, что было бы для него очень кстати, если-бы Лукичъ предложилъ ему взаймы хотя трехрублевку... Но онъ тотчасъ же съ негодованiемъ гаситъ въ себѣ эту недостойную мысль. Ко-

нечно, Лукичъ совершенно далекъ отъ подобныхъ намѣреній, ибо онъ, какъ и всѣ, убѣжденъ, что деньги всегда портятъ дружбу, а Пылаевъ такъ дорожитъ этой дружбой, такъ благодаренъ за нее Лукичу, такъ глубоко, глубоко ему за нее благодаренъ!.. Онъ знаетъ, что вотъ и теперь Лукичъ всѣмъ сердцемъ ему соболѣзнуетъ и молчитъ потому, что выискиваетъ въ своей головѣ какой-либо цѣнный совѣтъ...

Дѣйствительно, скорбное лицо Лукича вдругъ проясняется.

Онъ протягиваетъ къ Пылаеву руку и ободрительно хлопаетъ его по плечу.

— Не горюй!.. Перемелется... Есть на свѣтѣ добрые люди... Много на свѣтѣ добрыхъ людей... Надо терпѣть... всѣмъ надо терпѣть... Вѣровать надо... бороться... Такъ-то, юный мой другъ!

Лукичъ поднимается съ кресла и, съ яснымъ лицомъ, начинаетъ ходить взадъ и впередъ, повторяя задумчиво:

— Да... надо терпѣть... Всѣ мы терпимъ... Необходимо терпѣть...

Глядя на него въ это время, всякому бы невольно подумалось, что если-бы тотъ самый левъ, изображеніе коего безвредно виситъ у него надъ постелью, вдругъ, какимъ-нибудь чудомъ, воплотился въ живого и совершенно реальнаго звѣря и бросился на Лукича изъ-за ширмъ, онъ съ полнымъ спокойствіемъ древле-христіанскаго мученика отнесся бы къ таковому явленію...

Онъ продолжаетъ ходить взадъ и впередъ, и Пылаевъ понимаетъ изъ этого, что хозяинъ отдался теченію какихъ-то особыхъ мыслей, и потому почитаетъ неловкимъ стѣснять его дольше своимъ неинтереснымъ присутствіемъ. Онъ встаетъ и прощается.

Лукичъ провожаетъ гостя въ прихожую. Тамъ онъ помогаетъ Пылаеву облечься въ старенькое, подбитое вѣтромъ пальто и съ чрезвычайной заботливостью предостерегаетъ его отъ простуды.

— Грудь-то, грудь-то больше всего береги... Шарфа-то нѣтъ?.. Эхъ, какъ же безъ шарфа?.. Воротникъ подыми... Подыми воротникъ... Выше, выше, вотъ такъ!.. Ну, прощай, Христосъ надъ тобой... Грудь, грудь береги!

Уже выпустивъ гостя на лѣстницу, онъ, стоя въ дверяхъ, наблюдаетъ, какъ сгорбленная фигура Пылаева, промелькнувъ въ тусклыхъ лучахъ висящей на стѣнѣ керосиновой лампочки, которая освѣщаетъ площадку, исчезаетъ во мракѣ ступенекъ и кричитъ ему, въ видѣ напутствія:

— Будь веселъ и бодръ!.. Все перемелется!

Заперевъ за Пылаевымъ дверь, Лукичъ возвращается въ свою теплую и уютную комнату, гдѣ уже горитъ на столѣ зажженная Поленькой лампа. Погрузившись въ мягкое кресло, онъ сидитъ, устремивъ глаза въ неопредѣленную даль, въ состояніи глубокой задумчивости. Я и теперь не берусь отгадать, о чемъ размышляетъ Лукичъ. Всего вѣроятнѣе, что онъ размышляетъ о юношѣ, съ которымъ сейчасъ только разстался, и объ его горькой судьбѣ. При этомъ лицо Лукича спокойно и ясно, а потому слѣдуетъ думать, что онъ доволенъ своимъ поведеніемъ. Онъ сдѣлалъ все, что повелѣвалъ ему долгъ. Онъ далъ утѣшеніе и добрый совѣтъ, и бѣднякъ ушелъ отъ него съ облегченной душою. Да, Лукичъ имѣетъ полное право быть довольнымъ собою.

Тѣмъ временемъ Поленька очищаетъ столъ отъ грязной посуды и накрываетъ его для обѣда, затѣмъ приноситъ и ставитъ миску съ горячими щами.

Лукичъ вылѣзаетъ изъ кресла и садится къ столу. Кромѣ щей, подаются два куска пирога, того самого, что былъ уже раньше за завтракомъ, и тѣ же котлеты. Напослѣдокъ—сладкій пирогъ.

Лукичъ кушаетъ медленно, истово, прожевывая каждый кусокъ, какъ человѣкъ, придающій большое значеніе правиламъ, которыя предписываетъ намъ гигіена. Обѣдъ занимаетъ у него съ полчаса. Потомъ онъ переходитъ на кресло и отдыхаетъ тамъ еще съ полчаса. Тѣмъ временемъ, Поленька успѣваетъ убрать со стола.

Оставшись снова одинъ, Лукичъ неторопливо встаетъ и уходитъ за ширмы, откуда затѣмъ раздаются плескъ воды въ рукомойникѣ и покряхтыванья, съ которыми Лукичъ дѣлаетъ свой туалетъ. Спустя нѣсколько времени, онъ появляется оттуда одѣтымъ въ солидный черный сюртукъ и въ свѣжей крахмальной сорочкѣ,—словомъ, вполнѣ готовымъ для выхода.

Затѣмъ онъ оказывается въ енотовой шубѣ и въ шапкѣ. Стоя въ дверяхъ, онъ отдаетъ распоряженія Поленькѣ погасить въ его комнатѣ лампу и открыть обязательно форточку. Убѣдившись, что Поленька вполнѣ прониклась его наставленіями и ни о чемъ не забудетъ, Лукичъ начинаетъ осторожно спускаться по лѣстницѣ.

. . . .

Мы не станемъ слѣдить за нимъ попятамъ.

Мы бросаемъ взглядъ на его бодрую, облеченную въ шубу, фигуру, неспѣшно движущуюся въ прямомъ направленіи сквозь толпу мелькающихъ мимо туда и сюда пѣшеходовъ, то свѣтлѣю-

щую въ лучахъ фонарей у панелей и газовыхъ рожковъ за магазинными окнами, то потухающую во тьмѣ перекрестковъ,—сквозь эту толпу, гдѣ рядомъ бокъ о бокъ, кишатъ, тѣснятъ и толкаютъ другъ друга, путаясь въ пеструю кашу, забота, бездѣлье и наглый развратъ—и намъ хочется сравнить Лукича съ умѣлымъ и хладнокровнымъ пловцомъ по бурной рѣкѣ, направляющимъ твердой рукою свое прочное и надежное судно среди всякихъ опасностей, скрытыхъ въ загадочной тьмѣ коварной стихіи, при чемъ мы можемъ вполнѣ быть спокойны, что онъ все одолѣетъ, ни передъ чѣмъ не отступитъ и останется цѣлъ... Далѣе мы можемъ встрѣтить его въ тѣсномъ кругу какой-нибудь знакомой семьи, внимающаго неторопливымъ рѣчамъ мирной бесѣды, или въ какомъ-нибудь многолюдномъ, веселомъ собраніи, гдѣ крики, хохотъ, звуки рояля и топотъ танцующихъ ногъ сливаются въ одинъ головокружительный гвалтъ,—и тамъ мы увидимъ его съ той же спокойной и сосредоточенной думой на свѣтломъ челѣ, кротко взирающаго на явленія внѣшняго міра и далекаго, въ то же самое время, въ своихъ сокровенныхъ мысляхъ, отъ этого внѣшняго міра.

Но гдѣ бы ни пришлось ему быть, куда бы его ни занесъ столичный потокъ,—въ концѣ-концовъ, мы все же найдемъ его, благополучно вернувшимся въ свою тихую пристань, въ стѣны этой же самой безмолвной, жарко натопленной комнаты, съ мебелью въ бѣлыхъ чехлахъ и теплящейся передъ кіотомъ лампадкой...

Она проливаетъ попрежнему свой чарующій свѣтъ на бѣлыя стѣны и на безмятежное лицо человѣка за ширмами, погруженнаго въ сладкій, младенческій сонъ... Дрябкинъ и Жужелицынъ, спорящіе до кроваваго пота, невѣдомый намъ Пеклеванниковъ, который «надѣваетъ рубаху и садится на землю», декадентскіе стихи Граціозова, обитающій въ нетопленной комнатѣ несчастный Пылаевъ, съ его унылою повѣстью о своихъ злоключеніяхъ въ бездушной столицѣ, и многое, многое, что было еще и чего не пришлось намъ слышать и видѣть—все это потонуло во мракѣ угасшаго дня, до котораго намъ съ Лукичемъ теперь столько же дѣла, сколько до прошлогодняго снѣга...

А вокругъ царитъ тишина, и въ ней отчетливо слышатся прежніе, знакомые звуки:

«Тики-тики-тики»...

III.

Что кажется часто загадочнымъ, иногда объясняется просто.

На петербургскомъ горизонтѣ Лукичъ появился лѣтъ около двухъ, и всѣ его знающіе помнятъ его съ перваго момента знакомства въ томъ видѣ и въ той обстановкѣ, какъ изображенъ онъ на предыдущихъ страницахъ,—именно, въ этомъ мягкомъ, продавленномъ креслѣ, въ этихъ туфляхъ, вышитыхъ гарусомъ, и въ этомъ старенькомъ лѣтнемъ, гороховаго цвѣта, пальто

У каждаго есть свое прошлое, у иныхъ даже бурное, у каждаго имѣется въ памяти какой нибудь эпизодъ, въ родѣ любовнаго романа, потери дорогого лица, словомъ, чего либо такого, о чемъ можно сказать съ сожалѣніемъ, что вотъ *того-то* уже нѣтъ, или облегченно вздохнуть, что вотъ *это* уже, славу Богу, прошло,—ибо каждому свойственно желать и стремиться, порою чувствовать себя на вершинѣ горы, порою проваливаться по самыя уши въ болото... Но все это не относится ничуть къ Лукичу, и трудно бы было представить его въ иномъ положеніи, чѣмъ то, въ какомъ привыкли всѣ его видѣть. Даже нельзя допустить, чтобы онъ, какъ другіе, тоже имѣлъ свое дѣтство, могъ рѣзвиться, влюбляться, выходить изъ себя. Нѣтъ, нѣтъ, это не укладывалось совсѣмъ въ головѣ! Съ каждымъ могло происходить все что угодно, но Лукичъ всегда долженъ былъ быть неизмѣнно такимъ, каковъ онъ у всѣхъ передъ глазами, подобно вотъ этому облаку, что плыветъ передъ нами въ воздушномъ пространствѣ; мы не замѣтили, какъ оно появилось, но знаемъ, что оно было, есть и будетъ тѣмъ самымъ, какимъ существовало во всѣ времена, и пусть гибнутъ народы и возникаютъ новыя царства,—оно не измѣнится, не смотря ни на что.

Какой изъ городовъ Россійской Имперіи могъ приписать себѣ честь считать Лукича своимъ уроженцемъ, равно какъ и то, гдѣ обрѣтался Лукичъ, прежде чѣмъ появился въ нашей столицѣ, представляется для насъ вполнѣ безразличнымъ, тѣмъ болѣе, что никто и не думалъ предпринимать на этотъ счетъ какія либо разслѣдованія. Въ какихъ нибудь Тетюшахъ или Пропойскѣ это было-бы совершенно немыслимо, тогда какъ нервная, сутолочная петербургская жизнь, съ головокружитель-

ной смѣной ея впечатлѣній, съ ея многосложною путаницей всяческихъ новостей, интересовъ, заботъ, не даетъ никому остановиться, задуматься, оглянуться назадъ, и каждый субъектъ постольку любопытенъ для петербургскаго жителя, поскольку онъ имѣетъ касательство къ переживаемому имъ, петербуржцемъ, моменту, или, выражаясь простымъ языкомъ, лѣзетъ ему на глаза. Но стоитъ лишь вышереченному субъекту остаться въ тѣни или уйти съ поля зрѣнія,—и его вдругъ какъ бы совсѣмъ уже нѣтъ, словно онъ умеръ, словно и не существовало никогда его раньше на свѣтѣ...—Откуда появился такой-то XX?— Аллахъ его вѣдаетъ, просто съ неба упалъ!...—Куда онъ исчезъ?— А чортъ его знаетъ; вѣрно, провалился сквозь землю!

Итакъ, предположимъ, что Лукичъ просто съ неба упалъ. Какъ бы то ни было, онъ очутился въ столицѣ, а что въ ней его не было раньше, могло служить доказательствомъ то, что здѣсь никто его прежде не зналъ и не помнилъ. Просто, появился себѣ человѣкъ такъ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, и такъ же вдругъ, ни съ того, ни съ сего, оказался окруженнымъ знакомыми, никого не ища и никому не навязываясь, единственно лишь потому, что существованіе его было случайно открыто. Слѣдовало бы скорѣе ожидать совершенно обратнаго, а именно, что Лукичу надлежало остаться одною изъ тѣхъ незамѣтныхъ песчинокъ, милліарды которыхъ скрываются въ нѣдрахъ житейскаго моря, если мы вспомнимъ его необычайную скромность и то обстоятельство, о чемъ только что сказано т. е., что нужно лѣзть на глаза петербуржцу, чтобы быть имъ благосклонно замѣченнымъ. Такъ бы, пожалуй, и было, Лукичъ остался бы во тьмѣ неизвѣстности и не появился бы на этихъ страницахъ, еслибъ не Жужелицынъ, которому и принадлежитъ вполнѣ честь «открытія».

Жужелицынъ, будучи во всѣхъ статьяхъ характернѣйшимъ типомъ петербургскаго жителя, обладалъ еще нѣкоторыми, лично ему присущими свойствами интересоваться всѣмъ неизвѣстнымъ, узнавать первымъ то, чего еще не знаютъ другіе, вездѣ быть, со всѣми знакомиться, или, выражаясь просто и кратко—совать всюду свой носъ. Для него не существовало запретнаго. Все, что имѣло признакъ таинственности, терзало и выводило его изъ себя. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Жужелицынъ не могъ дойти до корня вещей, онъ создавалъ тотчасъ гипотезу, въ которую самъ первый же вѣрилъ, и на томъ успокоивался.

Съ Лукичемъ познакомился онъ въ кофейной Филипповa. Лукичъ сидѣлъ уединенно за столикомъ, передъ стаканомъ кофе

«по варшавски» и казался углубленнымъ въ чтеніе «Нивы». Жужелицынъ, помѣщавшійся за сосѣднимъ съ нимъ столикомъ, попросилъ незнакомца передать ему «Ниву», когда она будетъ ему не нужна, и въ обмѣнъ любезно предложилъ ему «Стрекозу», порекомендовавъ прочесть тамъ одну смѣшную статейку. Такимъ образомъ завязалось знакомство. Не знаю, чѣмъ Лукичъ обратилъ на себя вниманіе Жужелицына. Можетъ быть, то просто была одна изъ необъяснимыхъ и безотчетныхъ симпатій, которыя влекутъ другъ къ другу людей; можетъ быть, причиной была какая-нибудь черта въ Лукичѣ, по первому взгляду уловленная въ немъ наблюдательнымъ Жужелицынымъ — и я даже склоненъ именно такъ объяснять это дѣло... Да и нельзя допустить, чтобы Жужелицына не заинтересовала одна уже наружность его — это чело, съ отпечаткомъ глубокой и сосредоточенной думы, эти глаза, съ выраженіемъ тихой мечтательности, по временамъ устремлявшіеся въ неопредѣленную дал , — словомъ, все, что было въ Лукичѣ примѣчательнаго, присущаго ему одному, какъ человѣку особенному, натурѣ, можно сказать, исключительной, существу «не отъ міра сего», что необходимо было должно его выдѣлять изъ безразличной толпы посѣтителей, наполнявшихъ кофейную, и не могло не быть отмѣчено съ перваго взгляда наблюдательнымъ Жужелицынымъ.

Какъ бы то ни было, Жужелицынъ завязалъ съ нимъ бесѣду — о чемъ — этого Жужелицынъ (который и послужилъ мнѣ главнымъ источникомъ вышеизложенныхъ свѣдѣній) не сохранилъ въ своей памяти. По всей вѣроятности, это было что либо по поводу только что обоими ими прочитаннаго, гдѣ Жужелицынъ могъ убѣдиться, что незнакомецъ обладаетъ солидными литературными знаніями, что онъ даже самъ что-то когда-то писалъ или пишетъ теперь, а это для Жужелицына, знавшаго, по его словамъ, наизусть всего Пушкина и прикосновеннаго къ столичной печати, въ качествѣ лица, поставлявшаго въ одну изъ газетъ, за построчную плату, всевозможные факты и слухи, было особенно интересно узнать. Не могу сказать съ достовѣрностью о продолжительности этой бесѣды, также мнѣ неизвѣстно, разстались-ли они тутъ-же, въ кофейной, или вышли вмѣстѣ на Невскій. Можетъ быть, что они еще продолжали разговоръ на улицѣ, весьма вѣроятно, что Жужелицынъ даже проводилъ Лукича до квартиры; на этотъ счетъ Жужелицынъ (зачастую сбивавшійся въ опредѣленіяхъ мѣстъ и событій) разсказывалъ каждый разъ по другому. Несомнѣнно только одно, что они между собою разстались, какъ подобаетъ добрымъ знакомымъ.

А спустя нѣсколько дней, Жужелицынъ внезапно появился въ той самой комнатѣ, со старомодною мебелью въ бѣлыхъ чехлахъ и кіотомъ съ лампадкой, откуда я повелъ свой разсказъ и гдѣ Жужелицынъ засталъ Лукича, такъ сказать, по домашнему. Онъ объяснилъ свой визитъ тѣмъ обстоятельствомъ, что искалъ по сосѣдству нѣкоего нужнаго ему человѣка, но не нашелъ, и, вспомнивъ о новомъ, пріятномъ знакомствѣ, не могъ утерпѣть, чтобы не зайти съ засвидѣтельствованіемъ своего уваженія—«да и къ тому-же усталъ, какъ собака, таскаясь по этимъ анаѳемскимъ лѣстницамъ!»—заявилъ съ простодушною откровенностью Жужелицынъ.

Онъ засталъ Лукича въ мягкомъ креслѣ, въ туфляхъ и въ лѣтнемъ, гороховаго цвѣта, пальто, уже и тогда имѣвшемъ довольно поношенный видъ и замѣнявшемъ халатъ, хотя въ этомъ самомъ пальто, по увѣренію Жужелицына, онъ видѣлъ Лукича и въ кофейной Филиппова. Вообще, если довѣрять свидѣтельству Жужелицына, Лукичъ въ то время былъ одѣтъ бѣдновато, и его солидный сюртукъ съ енотовой шубой завелись значительно позже. Кромѣ того, если вѣрить тому же самому Жужелицыну, Лукичъ производилъ тогда впечатлѣніе почти худощаваго и округлился только впослѣдствіи, такъ сказать, у него на глазахъ. Жужелицынъ еще прибавлялъ, что Лукичъ во время его посѣщенія проявлялъ признаки какой-то заботы, даже что-то тревожное въ своемъ поведеніи и тщательно запахивалъ полы пальто, какъ бы не желая показывать, что подъ нимъ было надѣто.. Можетъ быть, это все сущій вздоръ, и вы совершенно вольны не придавать никакого значенія показаніямъ Жужелицына, считая ихъ мелочными, да я и самъ ихъ признаю таковыми, но все таки полагаю нужнымъ отмѣтить. Я изображаю лишь наружныя черты человѣка, внутренняго міра котораго не рѣшаюсь касаться,—а потому чѣмъ осторожнѣе обхожу я этотъ деликатный предметъ, тѣмъ тщательнѣе, мнѣ думается, долженъ я отмѣчать всѣ ничтожныя внѣшнія мелочи, которыя, быть можетъ, впослѣдствіи намъ пригодятся...

Этотъ визитъ уже окончательно укрѣпилъ добрыя отношенія двухъ новыхъ знакомцевъ, которые, по крайней мѣрѣ со стороны одного изъ нихъ, скоро перешли въ проявленія самой преданной дружбы.

Жужелицынъ, обладавшій, какъ сказано, наклонностью коротко и быстро сходиться, отъ Лукича былъ въ полномъ восторгѣ. Лукичъ оказался такъ не похожъ на кого либо изъ тѣхъ, съ кѣмъ Жужелицынъ былъ раньше знакомъ (а онъ былъ зна-

комъ чуть не съ полъ-Петербургомъ), Лукичъ такъ мало обнаруживалъ свойствъ, безъ коихъ трудно представить себѣ человѣка нашего времени и даже невозможно существовать вообще, а тѣмъ паче у насъ, въ Петербургѣ, что это необходимо было должно поражать, останавливать и заставлять проникаться большимъ любопытствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ человѣка, который живетъ въ самомъ центрѣ большого, кипучаго города съ населеніемъ въ полтора милліона людей, занятыхъ непрерывной борьбой за свои интересы, въ смыслѣ ли денегъ, утѣхъ самолюбія или просто утоленія голода, и который ведетъ себя такъ, словно онъ находится на необитаемомъ островѣ! Можно вообразить его сидящимъ спокойно на удиненной скалѣ, среди бѣшеныхъ волнъ, которыя ежеминутно грозятъ ее захлестнуть, или еще лучше, вообразить на прогулкѣ среди кроваваго боя, прислушивающимся съ яснымъ лицомъ, къ свисту летающихъ вокругъ него пуль и къ грохоту пушекъ... Всякій обязательно скажетъ, что человѣкъ этотъ—необыкновенный, особенный.

Жужелицынъ такъ и аттестовалъ Лукича рѣшительно всѣмъ, кто хотѣлъ о немъ слушать, какъ человѣка, который много знаетъ, много видалъ, и при этомъ чистъ и ясенъ душою, словно новорожденный младенецъ. Склонный облекать предметы своихъ увлеченій въ красивую фразу, особенно если для этого могла послужить какая нибудь изъ готовыхъ цитатъ, Жужелицынъ примѣнилъ къ Лукичу съ легкимъ измѣненіемъ извѣстный пушкинскій стихъ:

Все въ немъ гармонія, все диво,
Превыше міра и страстей.

Конечно, съ Лукичемъ онъ сошелся скоро на «ты» и узналъ весь обиходъ его жизни, до мельчайшихъ подробностей. Лукичъ былъ раньше учителемъ гдѣ-то въ провинціи, а теперь жилъ въ меблированной комнатѣ у нѣкой вдовы, на полномъ ея иждивеніи.

Знакомство можно уподобить движущемуся снѣжному кому, который, катясь дальше и дальше, способенъ вырости подъ конецъ чуть ли не въ цѣлую гору, а потому совершенно естественно, что немного спустя послѣ посѣщенія Жужелицына, Лукичъ увидѣлъ себя въ обществѣ Дрябкина, котораго привелъ съ собою его новый знакомый, за Дрябкинымъ послѣдовало еще и еще нѣсколько лицъ, такъ что теперь, въ эпоху разсказа, Лукичъ могъ бы составить длинный реестръ разнообразныхъ представителей петербургскаго общества, состоящихъ съ нимъ въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ: и холостыхъ, существующихъ

одиноко, какъ перстъ, и женатыхъ, притомъ надѣленныхъ обильной семьею, и старцевъ и юношей, и людей средняго возраста, и даже представительницъ прекраснаго пола...

Далеко не всѣ посѣщаютъ его тихую комнату, со старомодною мебелью въ бѣлыхъ чехлахъ и кіотомъ съ лампадкой, у многихъ онъ самъ не бывалъ никогда, съ иными все знакомство ограничено формальнымъ обмѣномъ привѣтствій, но, при такомъ разнообразіи его отношеній, рѣшительно всѣ, кто хоть сколько-нибудь его знаетъ, сходятся единодушно въ одномъ общемъ мнѣніи, которымъ Лукичъ и долженъ быть запечатлѣнъ на всегда, а именно, что онъ—человѣкъ «превыше міра и страстей».

Со всѣми онъ одинаково ровенъ, никому не способенъ помѣшать, досадить (равно какъ и возбудить своимъ появленіемъ шумный восторгъ), передъ каждымъ онъ ясенъ и свѣтелъ—и въ то же самое время никто не можетъ сказать, что знаетъ его, Лукича, лучше другихъ, что Лукичъ кого нибудь допустилъ въ свой внутренній міръ... Онъ все таки во многомъ загадоченъ.

Боже упаси васъ подумать, будто Лукичъ имѣетъ что-нибудь въ прошломъ, что ему необходимо скрывать! Всякое таковое предположеніе явилось бы совершенной нелѣпостью при одномъ только взглядѣ на это чело, подъ которымъ не способна угнѣздиться никакая постыдная черная мысль, на эти глаза, съ безмятежностью ясной души устремленные въ неопредѣленную даль... Нѣтъ, нѣтъ, его прошлое безупречно и чисто, и слова мои отнюдь нельзя истолковывать въ какомъ нибудь предосудительномъ смыслѣ!

Въ данномъ случаѣ, я имѣю въ виду цѣлый кодексъ тѣхъ умственныхъ и нравственныхъ признаковъ, которые, выражаясь въ извѣстныхъ поступкахъ и взглядахъ субъекта, даютъ мнѣ возможность судить объ его отношеніяхъ къ внѣшнему міру. Напримѣръ, если я вижу, среди вашихъ знакомыхъ, человѣка въ мужицкой рубахѣ и сапогахъ, отъ которыхъ несетъ на двѣ сажени запахомъ дегтя, я понимаю, что онъ не потому такъ одѣтъ, что обрѣтаетъ въ этомъ костюмѣ больше удобствъ, но что эти сапоги и рубаха служатъ въ нѣкоторомъ родѣ мундиромъ, который установленъ для лицъ, призванныхъ обновить и спасти современное общество, какъ извѣстно, погрязшее во лжи и всякихъ порокахъ. Я знаю, что онъ, своимъ личнымъ примѣромъ, проповѣдуетъ о безнравственности употребленія въ пищу «убоины» и находитъ въ занятіи печника и сапожника то высшее откровеніе жизни, котораго не въ состояніи дать ни одна изъ безчи-

сленнаго множества до сихъ поръ написанныхъ книгъ. Я знаю, что кромѣ этихъ двухъ основныхъ положеній онъ можетъ совокуплять въ себѣ и другія, вплоть до самаго высокаго принципа, въ силу котораго, онъ, вышереченный мудрецъ, если, напримѣръ, гуляя по улицѣ, видитъ, что какой-либо прохожій колотитъ другого, то, отнюдь ему въ томъ не препятствуя и не призывая даже полиціи, онъ подождетъ, когда бьющій въ концѣ-концовъ утомится и будетъ не въ силахъ двигать руками, такъ что зло, которому не было оказано противленія насиліемъ, получитъ въ самомъ себѣ наказаніе. Но это имѣетъ уже слишкомъ высокій характеръ, чтобы быть обязательнымъ, ибо не всякому это дано и благо тому, кто можетъ вмѣстить. Что же касается отрицанья «убоины», то безъ этого абсолютно немыслимъ какой-либо успѣхъ въ дѣлѣ совершенствованія нашей души, а потому достаточно мнѣ увидать человѣка, которому смертельно хочется ѣсть и который стоически отвергаетъ бутербродъ съ ветчиною, чтобы я могъ тотчасъ-же несомнѣнно признать въ немъ одного изъ упомянутыхъ носителей внутренней правды, до коей, увы, никогда не достигнуть ни мнѣ, ни многимъ другимъ, ходящимъ во тьмѣ, ибо они, какъ и я, употребляютъ въ пищу «убоину»...

Лукичъ одѣвался какъ всѣ, не прочь былъ смачно и сладко покушать—и съ этихъ сторонъ походилъ на насъ, слабыхъ смертныхъ. Во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ, онъ приближался къ идеалу того человѣка, каковымъ долженъ онъ быть, по ученію «великаго писателя русской земли», и это открылъ первый—Дрябкинъ, увлекавшійся проповѣдью графа Толстого и находившійся всегда au-courant его новыхъ теорій. По мнѣнію Дрябкина, Лукичъ, не смотря на «убоину», всѣмъ своимъ поведеніемъ представлялъ наглядный образчикъ носителя тѣхъ самыхъ истинъ, которыя проводилъ въ своихъ послѣднихъ писаніяхъ геніальный учитель нашего времени, и хотя Лукичъ ничего не пилилъ, не стругалъ и не только врядъ-ли даже сумѣлъ бы сшить для себя сапоги, но даже положить на нихъ простую заплату, но это ничуть ему не мѣшало быть толстовцемъ чистѣйшей воды, шагнувшимъ въ своей эволюціи на ступень, выше которой пока идти еще некуда, по крайней мѣрѣ въ послѣднихъ статьяхъ графа Толстого на это нѣтъ указаній...

Это открытіе было повѣдано Дрябкинымъ Жужелицыну, который былъ до того пораженъ имъ, что вытаращилъ глаза и воскликнулъ:

— Ну, вотъ, эка хватилъ! Да онъ совсѣмъ не похожъ!

— Чего тутъ «похожъ»! Рубаха—вздоръ, убоина—вздоръ!

Эта штука стара, ее бросить пора!—утверждалъ съ увлеченіемъ Дрябкинъ. —Ты глубже, глубже смотри! Знаешь онъ кто?

— Ну? Интересно!

Дрябкинъ поднялъ въ воздухѣ указательный палецъ и произнесъ медленнымъ, торжественнымъ голосомъ, отчеканивая каждое слово:

— Человѣкъ, который постигъ и проводитъ въ практической жизни идеалъ, изображенный въ статьѣ «Недѣланіе»!.. Читалъ эту статью Льва Николаевича?

— Мм... Какъ-то такъ... между прочимъ... Всего хорошенько не помню, признаться...

— Чортъ! Да тамъ и помнить-то нечего! Все видно сразу, какъ на ладони!

И Дрябкинъ привелъ, на память, нѣсколько основныхъ положеній знаменитой статьи. Все это было такъ доказательно, что Жужелицынъ сидѣлъ нѣсколько времени молча, совершенно подавленный, а потомъ произнесъ, какъ-бы пробуждаясь отъ сна:

— А въ самомъ дѣлѣ, пожалуй что такъ... Дѣйствительно... Да... Такъ вотъ онъ каковъ, нашъ Лукичъ!

— То-то и есть! Раскусилъ наконецъ?—воскликнулъ торжествующе Дрябкинъ и прибавилъ презрительно:—Эхъ, ты! А еще хвастался, что знаешь его, какъ свои десять пальцевъ!

— Н-да!... Надо хорошенько къ нему присмотрѣться...—бормоталъ задумчиво Жужелицынъ.

— Ну, и присматривайся себѣ на здоровье, а для меня все это ясно, какъ день!

Вопросъ былъ настолько существенной важности, что Жужелицынъ нарочно добылъ статью «Недѣланіе» и основательно ее проштудировалъ. Онъ даже очеркнулъ въ ней карандашемъ одно мѣсто, которое особенно его поразило:

«*Трудъ не есть добродѣтель, но въ нашемъ ложно-организованномъ обществѣ есть, большею частью, нравственно-анестезирующее средство, въ родѣ куренія или вина, для скрыванія отъ себя неправильности и порочности своей жизни*».

Дѣйствительно, насколько помнилось Жужелицыну, онъ не только ни разу не засталъ Лукича за какою-либо работой, но даже не замѣчалъ никогда, чтобы тотъ собирался что-нибудь дѣлать. Взятый самъ по себѣ, этотъ фактъ не представлялъ ничего изумительнаго, ибо мало-ли на свѣтѣ бездѣльниковъ, но въ Лукичѣ это бездѣйствіе имѣло совершенно особый характеръ. Про всякаго другого, проводящаго жизнь сложа руки, можно сказать, что онъ «ничѣмъ не занятъ», «ничего не дѣлаетъ»;

тутъ же было совершенно иное. Подъ этимъ наружнымъ бездѣйствіемъ, въ которое погруженъ былъ Лукичъ, таилась идея, чувствовалось нѣчто такое, чего никогда не придется искать въ поведеніи простого лѣнтяя. Тотъ и смотритъ сонно, и говоритъ апатично,—въ Лукичѣ-же постоянно можно было замѣтить признаки внутренней, самоуглубленной работы, никогда не отдыхающей мысли, и смотря на него, сидящаго спокойно, въ бездѣйствіи, вы нашли бы выраженіе «ничего не дѣлаетъ», примѣнительно къ Лукичу, пошлымъ, банальнымъ, почти оскорбительнымъ, поискали бы какого либо иного, подходящаго слова и затѣмъ согласились со мною, что выраженіе: Лукичъ «занятъ недѣланіемъ» пристало къ нему лучше всего.

Въ самомъ дѣлѣ, разберите меня, углубитесь въ себя, окиньте взглядомъ вашихъ знакомыхъ... Не представляемъ-ли всѣ мы, увы, ту огромную массу людей, про которыхъ нашъ великій писатель сказалъ:

«*Одинъ купилъ землю, другой женится, третій пробуетъ быковъ, четвертый строитъ желѣзную дорогу, фабрику, занятъ миссіонерствомъ въ Индіи или Японіи, читаетъ проповѣди, проводитъ билль «гомъ-руля» или военнаго закона, или проваливаетъ его, держитъ экзаменъ, пишетъ ученое сочиненіе, поэму, романъ... Всѣмъ некогда, некогда очнуться, опомниться, оглянуться на себя и на міръ и спросить себя: что я дѣлаю? зачѣмъ?...*»

Дрябкинъ ходитъ на лекціи и существуетъ уроками, Жужелицынъ производитъ, за опредѣленную мзду, газетныя строчки, Граціозовъ служитъ въ Контролѣ и пишетъ стихи, Ивановъ весь ушелъ въ воспитаніе дѣтей, Петровъ мечтаетъ о поступленіи на сцену—и каждый изъ нихъ не хочетъ очнуться, опомниться и спросить себя и другихъ: «кому и зачѣмъ это нужно?»...

Все хлопочетъ, мятется, волнуется, воображая, что дѣлаетъ какое-то нужное дѣло, и только Лукичъ, который «очнулся», «опомнился», непреклонно сидитъ, погруженный въ спокойствіе, и созерцаетъ происходящую вокругъ него кутерьму, ибо постигъ, что она безполезна, что она не въ состояніи сдѣлать никого ни добрѣе, ни лучше, и что единственная цѣль нашей жизни—какъ указываетъ великій русскій писатель—лишь любить человѣчество. И вотъ онъ сидитъ, въ своемъ старенькомъ, гороховаго цвѣта, пальто и туфляхъ, на мягкомъ, продавленномъ креслѣ, слушаетъ стихи Граціозова, смотритъ на Дрябкина съ Жужелицынымъ, спорящихъ до хрипоты о декадентской поэзіи, внимаетъ Пылаеву, бьющемуся въ тщетныхъ попыткахъ найти какую либо

работу, созерцаетъ расторопную Поленьку, накрывающую на столъ для обѣда,—невозмутимый, спокойный, полный сознаніемъ что для человѣчества все это абсолютно не нужно,—и всѣхъ ихъ одинаково любитъ... Вотъ онъ остался одинъ, откушалъ обѣдъ и вышелъ на улицу. Онъ смѣшался съ пестрой толпой идущихъ и ѣдущихъ. Онъ глядитъ на прохожихъ, провожаетъ взоромъ извозчиковъ, удѣляетъ долю вниманія дворникамъ, сметающимъ грязь съ тротуаровъ, проходитъ мимо стоящихъ на посту полицейскихъ—и всѣхъ ихъ одинаково любитъ... Онъ приходитъ въ семью, гдѣ, можетъ быть, есть молодыя дѣвушки, дѣти. Онъ сидитъ, слушаетъ, смотритъ, пьетъ чай—тихій, задумчивый, но всегда готовый принять участіе въ разрѣшеніи какого либо вопроса и сказать свое спокойное, проникнутое житейскою мудростью слово, а затѣмъ, если его пригласятъ, даже остаться поужинать—и во все это время онъ безпрерывно всѣхъ любитъ...

Что-же еще имѣется такого загадочнаго въ его поведеніи, что усматриваютъ многіе изъ его друзей и знакомыхъ?

Во первыхъ, его прошлая жизнь. Жужелицынъ увѣряетъ однако, что Лукичъ былъ учителемъ всеобщей исторіи въ какой-то провинціальной гимназіи—и это признано весьма вѣроятнымъ, ибо трудно бы было, пожалуй, представить что-либо иное, болѣе для него подходящее, и, если идти уже дальше, то ничѣмъ инымъ, какъ занятіями именно этой наукой, легче всего объяснить Лукича. Въ самомъ дѣлѣ, не отсюда-ли это спокойствіе, эта невозмутимая ясность, эта обдуманная, неторопливая рѣчь? Не потому-ли и стоитъ онъ такъ далеко отъ всей этой низменной сумятицы жизни, что умственный взоръ его привыкъ обращаться къ минувшимъ вѣкамъ и событіямъ, полнымъ для насъ поучительныхъ и высокихъ примѣровъ?..

Вотъ и все, что частію было извѣстно фактически, частію о чемъ можно было только догадываться. Остальное скрывалось въ туманѣ. Потому-ли онъ вышелъ въ отставку, что ощутилъ утомленіе, созналъ-ли просто тщету этихъ занятій, какъ и всякихъ другихъ, мѣшающихъ свободно любить человѣчество, были-ли этому другія причины—ничего неизвѣстно. Остались-ли у него друзья и знакомые, имѣлась-ли какая либо родня—тоже ничего неизвѣстно. Что онъ никогда не былъ женатъ—на этотъ счетъ не существовало ни малѣйшихъ сомнѣній, ибо его отношенія къ женщинамъ были исключительно братскія. Вѣроятнѣе всего представлялось, что онъ ходилъ, какъ водится, въ классы, гдѣ задавалъ и спрашивалъ у мальчишекъ уроки, а въ остальное время сидѣлъ точно такъ же, въ такомъ же мягкомъ, продавлен-

номъ креслѣ, въ туфляхъ, созерцая проходящія мимо явленія жизни и подвигаясь мало-по-малу на пути внутренняго своего совершенствованія...

Кстати тутъ будетъ вернуться еще разъ къ одной замѣчательной чертѣ Лукича, о которой было упомянуто вскользь, чтобы объяснить тайну вліянія его на друзей, а также и то, почему каждое слово его, по какому бы поводу оно ни было сказано, не возбуждало послѣ себя никакихъ возраженій.

Секретъ тутъ былъ очень простой, и, если хотите, то вся его сила и заключалась именно въ одной лишь его простотѣ, при полномъ отсутствіи тѣхъ обыкновенныхъ пріемовъ, которые дѣлаютъ рѣчь убѣдительной. Какъ извѣстно, пріемы эти чрезвычайно различны. Одинъ побѣждаетъ массою свѣдѣній, другой—искусствомъ остроумныхъ сравненій, третій—горячимъ лиризмомъ, выражающимъ силу внутренняго его убѣжденія, четвертый—чертовскимъ умѣніемъ ловить опонента на неудачныхъ его выраженіяхъ и, разбивая его въ мелочахъ, привести подъ конецъ въ отупѣніе, чтобы лишить такимъ способомъ всякой возможности дальнѣйшаго спора... Да мало-ли ихъ, этихъ діалектическихъ средствъ!

Ничѣмъ подобнымъ не распоряжался Лукичъ. Не говоря ужъ про то, что онъ былъ совсѣмъ не ораторъ, врядъ-ли слыхалъ кто нибудь хоть бы разъ, чтобы онъ подробно и связно изложилъ какую либо идею или даже просто сказалъ нѣсколько правильно скомпанованныхъ фразъ... Рѣчь его была всегда лаконична, состояла обыкновнно изъ краткихъ, отрывочныхъ словъ, зачастую даже лишенныхъ граматической связи... А между тѣмъ все, что бы онъ ни сказалъ, исполнено было значенія! Въ чемъ же заключался секретъ? Повторяю опять—*въ простотѣ*.

Было упомянуто раньше, что Лукичъ не принималъ участія въ спорахъ. Онъ даже не возражалъ никогда и не любилъ, чтобы и ему возражали. Если при немъ трактовался какой-либо вопросъ, разносторонне, въ подробностяхъ, онъ ощущалъ угнетеніе, судя по тому, что на лицѣ его отпечатлѣвалось выраженіе скуки... Оно и понятно. Его простой, здравый умъ не терпѣлъ ухищреній, т. е., всего, что заставляетъ безплодно ломать себѣ голову и становиться втупикъ. А что могутъ представлять изъ себя всѣ эти дебаты по какому либо предмету, гдѣ каждый изъ спорящихъ, изощряя всѣ силы своей діалектики, вмѣсто того, чтобы прямо, вплотную, приблизиться къ истинѣ, кружитъ и плутаетъ по окольнымъ тропинкамъ, и, вдобавокъ, чѣмъ больше ихъ, этихъ тропинокъ, чѣмъ онѣ глуше, извилистѣе,

чѣмъ чаще приходится ему (продолжая фигуральное наше сравненіе), спотыкаться о разную дрянь и получать отъ сучьевъ царапины, тѣмъ усерднѣе онъ лѣзетъ изъ кожи?.. Ненормальность, нелѣпость!.. Истинъ достаточно и всѣ онѣ давнымъ давно уже высказаны. Но человѣку этого мало. И вотъ только лишь потому, что всѣ онѣ общеизвѣстны и просты, онъ старается ихъ исказить или навѣсить на нихъ побрякушки, какъ будто отъ этого онѣ станутъ красивы и новы! Каждый изъ насъ въ состояніи въ любой моментъ предъявить цѣлую кучу такихъ афоризмовъ, которые обращаются въ обществѣ въ качествѣ безспорнѣйшихъ истинъ, какъ, напр.: «всѣ мы умремъ», «люди не ангелы», «каждая медаль имѣетъ оборотную сторону», и проч., и проч.,— но всѣ мы смотримъ на нихъ, какъ на что-то въ родѣ расхожей мѣдной монеты, на которую много не купишь... Но это происходитъ единственно лишь потому, что мы не хотимъ разъ навсегда согласиться, что на свѣтѣ все въ высшей степени просто, какъ въ томъ укрѣпился Лукичъ... И вотъ почему каждая изъ подобныхъ сентенцій, которая могла-бы звучать у другого, какъ пустопорожняя фраза, въ устахъ Лукича имѣла всю силу мудраго житейскаго правила, подтверждаемаго его личнымъ примѣромъ. Зачѣмъ станетъ онъ разбирать, почему такой-то NN, обладающій силой воли, энергіей, имѣющій, казалось-бы, безспорныя права на успѣхъ, бьется какъ рыба объ ледъ и расточаетъ проклятія всѣмъ, кто яко-бы мѣшаетъ ему занять удобное мѣсто на житейскомъ пиру? Дѣло ясно и просто:

— „Выше своихъ ушей не прыгнешь“...

Святая, неоспоримая истина! А между тѣмъ, скажи это вы или я,—о какой взрывъ возраженій, негодующихъ возгласовъ, даже насмѣшекъ раздался бы въ нашихъ ушахъ! Но эти слова принадлежатъ Лукичу, изрекшему ихъ изъ нѣдръ своего мягкаго, покойнаго кресла, тѣмъ кроткимъ, убѣдительнымъ тономъ, который долженъ означать человѣка, никогда въ своей жизни не прыгавшаго —и всякая попытка ему возразить моментально замретъ на устахъ...

Необходимо сказать еще объ одномъ обстоятельствѣ, чрезвычайно достойномъ вниманія.

Было упомянуто раньше, что Лукичъ обиталъ и столовался у нѣкой вдовы. Жужелицынъ имѣлъ какъ-то случай разъ ее видѣть, и впечатлѣніе получилось невыгодное.

Онъ пришелъ какъ-то утромъ, когда Лукичъ еще спалъ. Дверь отворила, по обыкновенію, Поленька. Пока она снимала съ него верхнее платье, Жужелицынъ увидалъ въ пространствѣ

полуотворенной двери въ сосѣднюю комнату чье-то женское немолодое лицо, которое какъ-бы съ большимъ любопытствомъ его изучало... Оно было худое и блѣдное, совсѣмъ некрасивое, съ недобрыми глазами, темнаго цвѣта, устремленными пристально въ Жужелицына... Жужелицыну удалось въ одну секунду это все разсмотрѣть... Понявъ, что присутствіе его тоже замѣчено, лицо это быстро исчезло. Напослѣдокъ, оно бросило взглядъ, отъ котораго, какъ говорилъ потомъ Жужелицынъ, его «подрало по кожѣ»...

Это была сама хозяйка квартиры, вдова «свободнаго художника», г-жа Шиповникова.

Жужелицынъ описалъ Лукичу эту встрѣчу и прибавилъ въ видѣ результата своихъ наблюденій:

— Вѣроятно, презлющая баба.

Лукичъ взглянулъ, по обыкновенію, въ неопредѣленную даль и ничего не отвѣтилъ.

— Если бы ты видѣлъ, какъ она на меня посмотрѣла!.. Вотъ, если бы такую жену...—Жужелицынъ весь передернулся и произнесъ, съ трепетомъ:—Бррр!!..

Лукичъ перевелъ медленно взоръ на кончики своихъ гарусныхъ туфель, но опять-таки не промолвилъ ни слова.

Немного спустя послѣ этого случая, Жужелицынъ какъ-то забѣжалъ къ Лукичу, но не въ обычное время, т. е. не утромъ, а въ послѣобѣденный часъ. Какъ всегда, ему отворила неизмѣнная Поленька. На вопросъ, дома ли Лукичъ, послѣдовалъ отвѣтъ утвердительный, съ добавленіемъ, что Лукича нѣтъ въ его комнатѣ, но что онъ скоро придетъ.

Жужелицынъ вошелъ и сталъ ждать.

Вопреки обычному порядку вещей, сквозь запертую дверь съ прислоненнымъ къ ней гардеробомъ откуда-то издали неслись голоса... Словъ было нельзя разобрать, но явственно раздавались два голоса: одинъ—раздражительный, женскій, переходящій по временамъ даже въ крикъ, другой—спокойный, мужской, который, очевидно, принадлежалъ Лукичу. Разговоръ имѣлъ видъ горячаго спора, причемъ можно было подумать, что одинъ нападаетъ—сердито, запальчиво, а другой защищается или старается его успокоить, и несомнѣнно, что роль перваго принадлежала женскому голосу, а его успокаивалъ кроткій басокъ Лукича...

Вдругъ послышался звукъ, будто кто-то съ силой топнулъ ногою, потомъ хлопнула дверь и все смолкло,—а немного спустя, появился Лукичъ.

Такъ какъ въ комнатѣ было уже довольно темно, то Жужелицыну не удалось прочесть ничего на лицѣ Лукича. Ему только показалось, что Лукичъ, противъ обыкновенія, блѣденъ. Но это можно было приписать вліянію сумерекъ, когда всякія лица кажутся блѣдными.

Лукичъ поздоровался, опустился на кресло и упорно безмолвствовалъ.

Вошла Поленька, зажгла передъ гостемъ и хозяиномъ лампу и вышла.

Лицо Лукича, какъ всегда, было вполнѣ безмятежно. Голова его была, по обыкновенію, немного опущена и взоры покоились на кончикахъ туфель.

— Что здѣсь было? Что такое случилось?—спросилъ съ осторожностью Жужелицынъ.

Лукичъ поднялъ голову, устремилъ глаза въ уголъ, но уста его оставались безмолвны.

Однако, Жужелицынъ былъ совсѣмъ не такой человѣкъ, чтобы оставить это дѣло такъ, безъ разслѣдованія.

— Кто это кричалъ? А? Скажи мнѣ, пожалуйста. Это твоя хозяйка кричала?

Лукичъ улыбнулся своей обычной кроткой улыбкой, сдѣлалъ рукой слабый жестъ и, наконецъ, тихо промолвилъ:

— Ничего... Пустяки...

— Какъ пустяки?!—вскричалъ Жужелицынъ. — Она такъ орала, что было, вѣроятно, на улицѣ слышно! Это она на тебя такъ орала?

— Да... на меня...—попрежнему тихо сознался Лукичъ, и прибавилъ:—Оставимъ это... Не нужно...

— Но послушай, однако, Лукичъ, мы съ тобою друзья, и меня до глубины души возмущаетъ, что она могла вдругъ осмѣлиться...

— Оставимъ,—кротко, но съ твердостью перебилъ хозяинъ рѣчь Жужелицына. — Она жалкая, несчастная женщина... Ее нельзя осуждать...

— Какъ? Что такое? Почему она—несчастная женщина?

— *Больная*, — шепнулъ чуть слышно Лукичъ, бросивъ взглядъ въ сторону двери, той самой, которая заставлена была гардеробомъ.

Этотъ таинственный шопотъ и взглядъ Лукича, въ которомъ можно было прочесть безпокойство, произвели немедленно свое надлежащее дѣйствіе на Жужелицына, возбудивъ еще пуще его

любопытство. Онъ придвинулся совсѣмъ къ Лукичу и спросилъ, тоже шопотомъ:

— Какъ? Чѣмъ больная?

Лукичъ поднялъ руку и многозначительно прикоснулся ею ко лбу.

— Она — *сумасшедш*...? — началъ было встревоженный гость.

— Шш!—погрозилъ ему пальцемъ Лукичъ, бросая на гардеробъ опасливый взглядъ и обличая тѣмъ неумѣстность всякихъ дальнѣйшихъ разспросовъ.

— Вотъ тебѣ клюква!—пролепеталъ растерянно Жужелицынъ.

Онъ былъ совсѣмъ огорошенъ этою новостью. На него напалъ даже страхъ, свойственный многимъ, неожиданно очутившимся въ близкомъ сосѣдствѣ съ помѣшаннымъ... Онъ припомнилъ свою первую встрѣчу съ г-жею Шиповниковой, недобрый взглядъ темныхъ глазъ на блѣдномъ лицѣ, которое пристально смотрѣло на него изъ двери прихожей... Да, теперь было все ясно!

Дальнѣйшая бесѣда какъ-то плохо клеилась, и Жужелицынъ, начавшій испытывать вѣяніе во всемъ окружающемъ чего-то гнетущаго и даже опаснаго, поспѣшилъ разстаться съ пріятелемъ.

Провожая гостя въ прихожую, чтобы запереть за нимъ дверь, Лукичъ покосился таинственно въ сторону и шепнулъ:

— Прошу тебя, никому...

— Ну, понятно!—поспѣшилъ сказать Жужелицынъ.

— Чтобы это все между нами...—прошепталъ снова Лукичъ.

— Ну, да, конечно!—подтвердилъ успокоительно Жужелицынъ.

Само собой разумѣется, при первомъ же свиданіи съ Дрябкинымъ онъ подробно разсказалъ ему все, возбудивъ еще пущій интересъ къ Лукичу въ впечатлительномъ юношѣ, открывшемъ по этому поводу присутствіе новой черты въ ихъ общемъ пріятелѣ. Не слѣдовало ли смотрѣть на поведеніе Лукича, какъ на извѣстнаго рода подвижничество?.. Вотъ она, эта высокая цѣль, которую Лукичъ преслѣдовалъ въ жизни! Допуская даже случайность его водворенія у этой несчастной вдовы, въ силу того, что, не смотря на тяжелое сосѣдство помѣшанной, не смотря на возможность постоянныхъ съ ней столкновеній, онъ продолжаетъ жить у нея на квартирѣ и рѣшилъ, повидимому, долго здѣсь оставаться (Дрябкинъ не выжилъ бы и недѣли при такихъ обстоятельствахъ, а Жужелицынъ, по искреннему его заявленію, не

вытерпѣлъ бы даже и сутокъ!), слѣдовало придти къ заключенію, что Лукичъ нашелъ, наконецъ, подходящій объектъ, на которомъ высокая цѣль его жизни—любить человѣчество—получила свое примѣненіе. Можно было допустить съ большой вѣроятностью, что, не будь Лукича, несчастная женщина попала бы въ домъ сумасшедшихъ... Но Лукичъ здѣсь, подъ рукою, и никто, кромѣ него, съ его превосходнымъ характеромъ, съ его яснымъ, невозмутимымъ умомъ, съ его спокойнымъ отношеніемъ ко всякимъ аномаліямъ жизни, не могъ бы взять на себя трудной задачи удалять по возможности, если даже не совсѣмъ устранить роковую развязку!

Послѣдствіемъ таковаго открытія было то, что Жужелицынъ, въ слѣдующее свиданіе свое съ Лукичемъ, боязливо посматривалъ на дверь съ гардеробомъ и старался все время вести бесѣду вполголоса... Кромѣ страха, внушеннаго ему Лукичемъ къ сумасшедшей, личность ея возбуждала въ Жужелицынѣ большой интересъ, и онъ постарался собрать о ней возможныя свѣдѣнія, предъявивъ Лукичу рядъ вопросовъ. Лукичъ отвѣчалъ неопредѣленно, отрывочно,—потому ли, что и самъ онъ зналъ очень мало, или вслѣдствіе прямой неохоты говорить объ этомъ предметѣ; какъ бы то ни было, Жужелицынъ остался не совсѣмъ удовлетворенъ результатами. Все, что удалось ему вывѣдать, это то, что Шиповникова была вдова не въ форменномъ смыслѣ, а, какъ говорится, «соломенная», такъ какъ мужъ ея былъ еще живъ и обрѣтался здѣсь, въ Петербургѣ, а чѣмъ существовалъ—неизвѣстно, ибо былъ безпутный и пьяница... Онъ ли оставилъ ее, сама ли она его прогнала,—этотъ вопросъ оставался тоже открытымъ. Прямого разрыва между ними и не было. Мужъ по временамъ даже ее навѣщалъ и каждый разъ у нея перехватывалъ малую толику деньжонокъ, такъ какъ она имѣла независимый свой капиталъ, съ котораго получала проценты. Но почему она все-таки, будучи существомъ ненормальнымъ, могла жить на свободѣ? Почему не учреждена была надъ нею опека? Какъ объяснить, что никто, хотя бы и этотъ самый «свободный художникъ» (разъ допустить, что онъ—негодяй), не позаботился до сихъ поръ прикарманить себѣ ея денегъ?—допытывался неугомонный пріятель. На это Лукичъ объяснилъ, что хозяйку его нельзя назвать вполнѣ сумасшедшей. Въ сущности, Шиповникова страдала только припадками, во время которыхъ могла городить всякую чушь и даже впадать въ полное бѣшенство, въ остальное же время вела себя, какъ всѣ нормальные люди, причемъ совершенно не помнила, что она говорила и дѣлала во время при-

падковъ, но отлично сознавала печальное свое состоянiе и потому избѣгала общества незнакомыхъ ей лицъ.

— Ну, а можно представить эдакiй случай: сидимъ, напримѣръ, мы вотъ съ тобою вдвоемъ, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, она къ намъ ворвется и обоихъ насъ обругаетъ... т. е., во время припадка?—спрашивалъ Жужелицынъ.

Лукичъ отвѣчалъ, что это возможно.

— Ну, а, напримѣръ, можетъ поджечь эту квартиру?

— Мм... да... Отчего же?.. Конечно!—отвѣтилъ съ спокойной улыбкой Лукичъ

— Чортъ побери! Хороши, однако, «припадки»!—пробормоталъ Жужелицынъ, подернутый внутренней дрожью.

Добытыя такимъ образомъ свѣдѣнiя Жужелицынъ еще постарался пополнить личною бесѣдою съ Поленькой, въ одно изъ утреннихъ своихъ посѣщенiй, когда еще Лукичъ, по обыкновенiю, спалъ, а Жужелицынъ, въ ожиданiи его пробужденiя, развлекался чайкомъ.

(Кстати сказать, уже такъ повелось, что съ приходомъ Жужелицына тотчасъ же подавался на столъ самоваръ, и гость располагался какъ дома. Часто бывало, что Жужелицынъ не могъ дожидаться пробужденiя прiятеля и уходилъ, написавъ на какомъ-нибудь случайномъ клочкѣ, что былъ по такому-то дѣлу, или взялъ такую-то вещь,—ибо случалось, что у Жужелицына вдругъ при себѣ не оказывалось чистаго носового платка, и тогда онъ преспокойно разыскивалъ и доставалъ таковой у Лукича изъ комода. Упоминаю объ этомъ, какъ объ одной изъ характернѣйшихъ чертъ въ ихъ отношенiяхъ,—нецеремонныхъ, простыхъ, можно сказать даже—братскихъ, и, по моему, въ нашъ эгоистическiй вѣкъ, особенно трогательныхъ).

Итакъ, Жужелицынъ сдѣлалъ попытку узнать еще кое-что черезъ Поленьку. Это представлялось тѣмъ болѣе труднымъ, что Поленька изъ всѣхъ, кто посѣщалъ Лукича, питала наименѣе симпатiи именно къ Жужелицыну, и потому ему приходилось быть съ нею особенно осторожнымъ въ бесѣдѣ на эту щекотливую тему и вести свою линiю окольнымъ путемъ.

Сказавъ предварительно комплиментъ курносенькой горничной, съ цѣлью задобрить ее, Жужелицынъ съ наружной безпечностью освѣдомился о здоровьи хозяйки.

— Ничего, слава Богу,—отвѣтила холодно Поленька, и, какъ показалось разспрашивателю, бросила на него подозрительный взглядъ.

— Вѣдь это она смотрѣла на меня изъ-за двери, когда я раздѣвался въ прихожей?

— Когда?—спросила въ свою очередь Поленька.

— Да какъ-то... На-дняхъ...

— Можетъ быть, и смотрѣла... Я почемъ знаю!

— Блѣдная, худощавая дама... Она?

— Ну, да, худощавая... А вамъ-то что до того?

— Ничего. Мнѣ тогда показалось, что она не совсѣмъ, какъ-будто, здорова...

— А вы развѣ докторъ?

Какъ видите, уже первые шаги Жужелицына на пути къ его цѣли встрѣтили отъ Поленьки рѣзкій отпоръ, и изъ этого можно было понять, что тутъ приняты мѣры противъ всякой попытки къ разоблаченію тайны. Иной послѣ этого возвратился бы вспять, но Жужелицынъ, какъ уже сказано, былъ совсѣмъ не такой человѣкъ, чтобы сразу признать себя побѣжденнымъ. Такъ какъ Поленька все еще не уходила изъ комнаты, занявшись приведеніемъ ея живою рукою въ порядокъ, то Жужелицынъ попытался еще. Онъ оглядѣлся вокругъ, какъ-бы прислушиваясь къ наполнявшему всю квартиру безмолвію, и произнесъ задумчивымъ тономъ, повидимому, говоря самъ съ собою:

— Удивительно, какъ здѣсь всегда тихо...

— Что такое?—обернулась тотчасъ же Поленька.

— Я говорю, какая у васъ всегда тишина... Въ монастырѣ, словно, подумаешь... Да нѣтъ, пожалуй, и тамъ веселѣе!

— А коли скучно у насъ, зачѣмъ вы къ намъ ходите?—отрѣзала быстрая Поленька.

Такъ какъ обидчивость вообще не принадлежала къ числу недостатковъ Лукичева пріятеля и не разсчетливо было бы ее проявлять въ виду его цѣли, то Жужелицынъ пропустилъ мимо ушей легкомысленное замѣчаніе горничной и только спросилъ:

— И неужели никогда никого у васъ не бываетъ?

— А вамъ кого надобно?

Тутъ Поленька пріостановилась сметать пыль съ комода, потомъ, держа метелку въ рукѣ, пристально взглянула на Жужелицына и задала ему внезапный вопросъ, нисколько не вытекавшій изъ предмета бесѣды:

— Вы сколько у насъ взяли платковъ?

— Какихъ?—удивленно спросилъ въ свою очередь Жужелицынъ.

— Носовыхъ... вотъ какихъ! Бариновыхъ!

И такъ какъ гость продолжалъ смотрѣть на нее во всѣ глаза,

очевидно не понимая, зачѣмъ Поленькѣ понадобились эти платки, то она сказала ему въ поясненіе:

— Берете безъ спросу, а потомъ не приносите... Всѣ растаскали! Извольте принести ихъ обратно, потому у насъ стирка на-дняхъ!

И, не прибавивъ больше ни слова, Поленька повернулась налѣво кругомъ и вылетѣла, какъ пуля, изъ комнаты.

«Экая подлая дѣвка!»—пробормоталъ опѣшенный Жужелицынъ.

Разговоръ этотъ происходилъ въ отсутствіе Лукича, т. е. онъ находился въ это время за ширмами, погруженный въ утренній сонъ, и не подавалъ, по обыкновенію, никакихъ признаковъ жизни, что равнялось тому, какъ если бы его совсѣмъ тутъ и не было...

Мих. Альбовъ.

1898.

Изъ настроеній.

Жестокія шутки мороза...
Рожденные сумракомъ дни...
Усни, одинокая греза,—
Ты скорбной порѣ не сродни...

Теперь ты природы не краше,
Унылой и блѣдной, какъ мгла...
А раньше ты полною чашей
Съ весною блаженство пила.

И, полная дивными днями
Волшебной весны золотой,
Ея загоралась огнями,
Дышала ея красотой...

И свѣтлыя жизни начала
И пламень бодрящихъ идей
Вливала въ сердца—и крѣпчала
Великая вѣра людей.

Видѣньями мира и счастья
Ты взоры прельщала тогда,
Не зная, что близко ненастье,
Что ковы куютъ холода...

Погасъ отъ дыханья мороза
Огонь заповѣдныхъ святынь...
И ты, сиротливая греза,
Погасни, надолго застынь!..

Петръ Быковъ.

Въ степи.

Какъ мысли размахъ, необъятная степь...
    День стынетъ въ объятьяхъ тѣней...
Склубившихся тучъ непрерывная цѣпь
    Недвижно повисла надъ ней...
Мой взмыленный конь пріунылъ,—и шаги
    Робки скакуна моего:
Онъ смотритъ все вдаль, гдѣ не видно ни зги,—
    И это заботитъ его...
Ни звука кругомъ, ни единой души;
    Ни вѣтра, ни криковъ орла.
Какъ будто въ степи, въ непробудной тиши,
    Послѣдняя жизнь замерла.
И сумерки дымчатымъ, сѣрымъ крыломъ
    Края затмеваютъ небесъ,
Спускаются ниже, идутъ на проломъ,
    Чтобъ свѣта и призракъ исчезъ...
Чтобъ ночи скорѣе забили ключи—
    И ринулся черный потокъ
И сердцу сказалъ бы: „Уймись и молчи!
    Иль буду съ тобою жестокъ!"
Нѣтъ, мракъ ненавистный, ты сердца не тронь:
    Не труситъ оно, какъ рабы,
Не гаснетъ въ немъ день и священный огонь
    Для жаркой съ тобою борьбы!...
Съ безмолвною лаской я глажу коня,—
    И, будто понявъ мой намекъ,
Привѣтно заржалъ онъ, помчалъ онъ меня...
    И блещетъ вдали огонекъ...

Петръ Быковъ.

———

Въ дѣтской.

Дверь дѣтской крѣпко-на-крѣпко затворена; ее затворила няня, послѣ того какъ она уложила дѣтей въ ихъ кроватки. Однако дѣти еще не спятъ. Ихъ двое: Люба и Костя. Костѣ три съ половиной года, Любѣ семь съ мѣсяцами. Люба сидитъ въ своей постели, обхвативъ колѣни тонкими ручками, и о чемъ-то сосредоточенно думаетъ. Ея глаза широко раскрыты и неподвижны. А Костя стоитъ на четверенкахъ, воодушевленно пыряется лбомъ съ собственной своей подушкой и мычитъ:

— У-у, у-у!

Любочка думаетъ. Вотъ уже недѣля, какъ въ ихъ домѣ творится что-то неладное. Утромъ мама пріѣхала изъ гостей, а послѣ обѣда легла въ постель съ краснымъ лицомъ и блестящими глазами. Съ тѣхъ поръ она не поднималась съ постели, а вчера няня сказала, что мама можетъ быть уйдетъ отъ нихъ къ Боженькѣ. При этомъ няня велѣла имъ обоимъ молиться за маму. Няня у нихъ добрая и очень толстая.

Любочка прислушивается. Въ дальнихъ комнатахъ то и дѣло проносятся странные и тревожные звуки, то чьи-то торопливые шаги, то звонъ упавшей стклянки, то стонъ, то отрывистый возгласъ. Эти звуки бѣгаютъ по всѣмъ комнатамъ, словно безпокойно ищутъ кого-то, и Любочкѣ они кажутся непонятными, странными существами, наполняющими ее безсознательнымъ трепетомъ.

— Зачѣмъ ихъ впустили къ намъ въ домъ?—думаетъ она тоскливо.—Зачѣмъ? Кто ихъ впустилъ?—Въ то же время ей кажется, что эти существа заглядываютъ порою даже въ дверь дѣтской своими странными и жутко любопытными лицами, Любочкѣ дѣлается совсѣмъ страшно.

— Костя, Костенька!—зоветъ она.—Костя!

— Сто? сто тебѣ?—спрашиваетъ тотъ равнодушно, все еще продолжая пыряться.

— Не пыряйся, Костенька,—упрашиваетъ его Любочка.

Въ ея голосѣ звучитъ тревога и страхъ.

— А сто?—переспрашиваетъ Костя, барахтаясь въ постелькѣ.—Сто не пыляться? Я летёнокъ!

Послѣднее слово онъ произноситъ рѣшительно и твердо.

Онъ хотѣлъ сказать, что онъ теленокъ, но у него вышло летенокъ. Любочка, впрочемъ, прекрасно поняла его. Она знаетъ, что Костя ужасно коверкаетъ всѣ слова и наиболѣе коверканныя произноситъ съ наибольшимъ вкусомъ и рѣшительностью. Вотъ и недавно, когда мама сказала ему: „Костя, будь благоразумнымъ“, онъ рѣшительно и твердо отвѣчалъ ей:

— Холосо. Я буду логовобумазнымъ!

Любочка невольно вспоминаетъ весь этотъ недавній вечеръ и думаетъ:

— Господи, какъ тогда было хорошо!

Тогда, дѣйствительно, было очень хорошо и весело.

Странныя существа, безпокойно бѣгающія теперь по всѣмъ комнатамъ, еще не поселялись въ ихъ домѣ, и мама была весела. Недавно они сидѣли весь вечеръ у стола столовой; мама вырѣзывала имъ изъ бумаги разныя разности, а они глядѣли и радовались; мама вырѣзала тогда домъ, лошадь, собаку и еще одно какое-то насѣкомое, которое называютъ, какъ кажется, слономъ. Это насѣкомое понравилось имъ больше всего, потому что у него такое смѣшное большое и круглое лицо, безъ глазъ и рта; и на немъ только одинъ тоненькій носикъ; а назади у него большущій хвостъ и одинъ глазъ съ боку. Они долго разглядывали это удивительное насѣкомое.

А потомъ Костя такъ и уснулъ въ креслѣ столовой, не раздѣваясь; она даже сочинила на другой день по этому поводу стихи. Стихи у нея вышли тоже очень хорошіе и очень складные:

Что закрывши глазки,
На чулкахъ подвязки?

Любочка сидитъ на своей постели и думаетъ.

Костя снова начинаетъ пыряться съ подушкой. Въ дѣтской сумрачно; въ углу у образовъ горитъ лампада и зеленоватый свѣтъ колеблясь ходитъ по изображеніямъ святыхъ угодниковъ, выдвигая изъ мрака то одно лицо, то другое, то третье. Это колебаніе свѣта и тѣни равномѣрны, какъ движенія маятника, и походятъ на шопотъ. Въ углу словно кто-то шепчется.

Любочка порою поглядываетъ туда, и тогда она видитъ, какъ изъ мрака попеременно выдвигаются то лицо старика, сѣдобородое и строгое, то лицо молодое съ русыми кудрями; этотъ послѣдній держитъ въ рукахъ крошечный ящичекъ и ложечку. Оранжевое пламя на мгновеніе и попеременно озаряетъ то одного, то другого съ необычайной ясностью. Любочка видитъ даже ихъ имена, вырѣзанныя на ризахъ. У старика оно начинается съ буквы похожей на перечеркнутый поперекъ кружечекъ, а у молодого на качели, но только безъ веревокъ.

Любочка думаетъ:

О чемъ они шепчутся?

Она прислушивается. Непонятные звуки попрежнему проносятся порою по дому, словно тамъ снуютъ по комнатамъ, безпокойно разыскивая кого-то странныя существа съ странными лицами.

Кого они ищутъ? Чего имъ надо?

Тревога и безпокойство дѣвочки дѣлаются острѣе и мучительнѣе. Ей хочется плакать.

Она глядитъ съ своей постельки въ окно, въ надеждѣ найти тамъ отвѣтъ на эту мучительную тревогу и тоску. Но за окномъ тьма, неподвижная и безнадежная. Вся усадьба погружена во мракъ. Шумитъ вѣтеръ. И порой ей кажется, что и тамъ бѣгаетъ кругомъ дома какое-то непонятное и странное существо, порою припадая блѣднымъ лицомъ къ стеклу окна и жутко заглядывая въ комнату.

Подбѣжитъ, заглянетъ въ одно окно, затѣмъ бѣжитъ и заглядываетъ въ другое, тамъ въ третье и такъ—кругомъ дома. И что-то шелеститъ на немъ, какъ вымокшія лохмотья.

Порою оно стонетъ и чудитъ.

Что это за существо? Кого ему надо? или оно хочетъ проникнуть въ домъ и ищетъ входа.

Внезапно Любочкѣ дѣлается понятнымъ, что всѣ эти существа пришли за мамой и жадно ищутъ ее, шныряя по всѣмъ комнатамъ, какъ проворные звѣри.

Она поспѣшно вскакиваетъ съ постели и бѣжитъ къ кроваткѣ Кости, топая босыми ножками.

— Костя, Костенька,—зоветъ она тоскливо, опираясь на кроватку брата и вздрагивая худенькими плечиками.

Жуткое ощущеніе отдѣляется отъ нея и касается сердца брата, какъ острое лезвіе бритвы.

Онъ безпокойно усаживается на своей постели, и мгновенно его личико дѣлается серьезнымъ.

— Сто? сто такое?—лепечетъ онъ въ испугѣ.

Сестренка садится рядомъ съ нимъ на его мягкомъ тюфячкѣ, безпомощная и жалкая.

— У насъ маму хотятъ взять, Костя,—говоритъ она, вздрагивая.—Понимаешь-ли ты,—маму?

— Кто? за сто?

— Кто?.. Я не знаю, Костя, кто. Идутъ они, слышишь, бѣгаютъ по всѣмъ комнатамъ?

Костя прислушивается. Странныя существа дѣйствительно безпорядочно снуютъ по комнатамъ дома, и ихъ движенія съ каждой минутой дѣлаются болѣе рѣзкими и торопливыми.

Видимо, они напрягаютъ всѣ свои силы, чтобъ непремѣнно разыскать кого-то.

— Они идутъ,—въ тревогѣ и въ испугѣ шепчетъ Любочка, припадая къ теплому тѣльцу Кости,—и они найдутъ, я знаю, найдутъ, и возьмутъ отъ насъ маму. Они вотъ ужъ сколько дней ищутъ, я слышу,—шепчетъ она въ слезахъ,—бѣгаютъ и ищутъ. И слышишь? даже кругомъ дома бѣгаютъ и ищутъ. И они возьмутъ, потому что они жадные, Костя. Мы никогда не увидимъ мамы, никогда, никогда!

Она судорожно всхлипываетъ всей грудью и припадаетъ мокрымъ личикомъ къ подушкѣ.

— Они возьмутъ,—шепчетъ она,—они возьмутъ! Непремѣнно возьмутъ!

— Кто? спрашиваетъ Костя.

Его лицо выражаетъ и испугъ, и недоумѣніе.

— Кто возьметъ?—повторяетъ онъ и ему хочется добавить:

— А я ихъ подуской!

Но однако онъ молчитъ и внимательно прислушивается къ тому, что дѣлается въ домѣ. Между тѣмъ тамъ, въ дальней комнатѣ, сразу безпорядочно срывается цѣлый рой самыхъ разнородныхъ звуковъ. Цѣлая толпа странныхъ существъ съ непонятными, дикими и блѣдными лицами словно врываются на минуту въ дѣтскую и тотчасъ-же исчезаютъ неизвѣстно куда.

Весь домъ погружается затѣмъ въ напряженную тишину.

Странныя существа видимо нашли то, что имъ было надо и успокоились. Ушли. Даже вѣтеръ не шелеститъ больше своими вымокшими лохмотьями, не бѣгаетъ около оконъ и не просится въ домъ. Все уснуло или умерло. Впрочемъ, что такое значитъ умерло?

Дѣти сидятъ рядышкомъ на одной постели и внимательно, напряженно слушаютъ. Въ домѣ ни звука. Любочка жмется

къ Костенькѣ и дрожитъ. Она уже не плачетъ. больше Ея глаза сухи и блестящи; личико блѣдно и сосредоточенно. Вскорѣ начинаетъ дрожать и Костя. Острое лезвіе бритвы то и дѣло мучительно прикасается къ его сердцу. Но и онъ не плачетъ. Произошло что-то такое, что выше слезъ, что кажется имъ и непонятнымъ, и жуткимъ, и несправедливымъ.

Они тѣснѣе жмутся другъ къ другу. Вся комната тревожно шепчется. О чемъ?

Въ дѣтской появляется няня; она поспѣшно и торопливо бѣжитъ въ уголъ къ комоду и достаетъ оттуда простыню.

— Что съ мамой?—спрашиваетъ Любочка рѣшительно, рѣзко и сердито.

— Ничего, слава Богу, спите!

— А зачѣмъ тебѣ простыню?—все такъ же рѣшительно и сердито допытывается Любочка, вздрагивая.

Нянька идетъ къ двери. Дѣти не вѣрятъ ей, жмутся другъ къ другу и дрожатъ. Она исчезаетъ за дверью. Съ порога слышится:

— Завернуть зеркало!

Ал. Будищевъ.

Изъ весеннихъ думъ.

Потемнѣлъ и вздулся ледъ
  На рѣкѣ;
Чу, весенній хороводъ
  Вдалекѣ!
Пусть сугробы напослѣдъ
  Намело:
Ближе, ближе къ намъ и свѣтъ
  И тепло.
Все растаетъ, потечетъ
  По низамъ—
Все земля въ себя вберетъ.
  Здѣсь и тамъ,
Лишь и тьма и сушь въ сердцахъ
  У людей!
Нѣтъ пригрѣва имъ въ лучахъ
  Вешнихъ дней.
Не зацвѣсть имъ цвѣтникомъ
  Ясныхъ грезъ,
Не оттаять родникомъ
  Чистыхъ слезъ.
Гдѣ сошлись два брата, глядь,
  Тамъ ужъ радъ
Злобно горло перервать
  Брату братъ.

Вл. Лихачовъ.

---

*

Земля и наука.

Сельскохозяйственный этюдъ.

Въ свое время надежды на отысканіе жизненнаго эликсира, т. е. такого снадобья, которое давало бы человѣку или вѣчное земное бытіе или, по меньшей мѣрѣ, Мафусаиловъ вѣкъ, или возвращало, хотя на время, силы молодости, много способствовали изученію природы. Надежда найти философскій камень, т. е. снадобье, при помощи котораго возможно бы было дешевую матерію превратить въ драгоцѣнную, также служила во время оно сильнымъ побужденіемъ къ изслѣдованіямъ явленій природы, свойствъ матеріи и силъ, и положила начало алхиміи, превратившейся затѣмъ въ современную физико-химію.

Когда передъ умственнымъ взоромъ человѣка нѣсколько прояснилась серьезность явленій жизни, въ наукѣ о природѣ установился опредѣленный и притомъ отрицательный взглядъ на возможность вѣчной индивидуальной земной жизни. Сама жизнь, по нашимъ современнымъ представленіямъ, есть не что иное, какъ вѣчное движеніе, вѣчная смѣна жизней, смѣна индивидумовъ.

Съ этой точки зрѣнія домогательства древнихъ маговъ отыскать живительную эссенцію, могущую возвращать старцу силы молодости, въ большей степени дискредитированы. Но та работа мысли, которая направлялась къ изысканію способовъ обезпечить человѣку долговѣчность, привела къ накопленію цѣнныхъ наблюденій, къ обилію фактическаго матеріала въ области біологіи. Эти наблюденія и факты послужили основаніемъ для созданія цѣлаго ряда современныхъ біологическихъ дисциплинъ, въ числѣ которыхъ имѣется, между прочимъ, гигіена. А гигіена есть та именно отрасль естествознанія, та наука, та біологическая дисциплина, которая трактуетъ о всемъ, что добыто человѣческою мыслью по части долговѣчности человѣческаго индивидума:

По этой части сдѣлано не мало. Вспомнимъ хотя бы тѣ блестящія работы, которымъ посвящаетъ въ настоящее время свой талантъ нашъ знаменитый соотечественникъ Илья Мечниковъ.

Правда, нельзя сказать, что человѣчество пользуется въ настоящее время широко выводами и положеніями науки о долговѣчности, но это не вина науки.

Наукой твердо установлено, что немыслимо изобрѣтеніе какого либо «снадобья», медикамента, эликсира, такого универсала, пріемы котораго возстановляли бы силы организма, возвращали молодость, давали долговѣчность.

Наука утверждаетъ съ непоколебимостью, что индивидуальная долговѣчность есть результатъ совокупнаго воздѣйствія многихъ факторовъ, обусловливающихъ жизнедѣятельность организма, благопріятствующихъ длительности процессовъ жизнедѣятельности индивидума.

Указанія науки въ отношеніи какъ сохраненія жизнеспособности отдѣльнаго индивидума, такъ и повышенія средней продолжительности жизни человѣка сводятся къ требованію настойчиваго, упорнаго, постояннаго соблюденія условій, обезпечивающихъ проявленіе дѣйствія факторовъ, благопріятствующихъ долговѣчности. Требованіе это относится, между прочимъ, не только къ появившемуся уже на свѣтъ индивидуму, но и къ находящемуся еще въ утробѣ матери и даже, такъ сказать, въ проектѣ зачатія.

Но вѣдь для того, чтобы эти выводы и указанія науки могли замѣтно повліять на нашу жизнь, по самой сущности ихъ, они должны сдѣлаться достояніемъ массъ. Наши современныя представленія объ условіяхъ долговѣчности приводятъ къ домогательству сдѣлать общедоступными знанія выводовъ науки о долговѣчности и возможность пользоваться указаніями ея.

Только тогда работа человѣческой мысли въ этомъ направленіи приведетъ къ замѣтнымъ практическимъ результатамъ.

Стремленіе къ отысканію философскаго камня потеряло свою привлекательность съ той поры, какъ люди поняли, что помимо своего внутренняго достоинства драгоцѣнные металлы или камни потому и драгоцѣнны, что рѣдко встрѣчаются въ природѣ, что если бы удалось открыть способъ полученія изъ малоцѣнныхъ формъ матеріи формы драгоцѣнныхъ, то или цѣнность послѣднихъ понизилась бы до цѣнности первыхъ, или на ихъ полученіе пришлось бы сдѣлать такія затраты, при которыхъ полученныя путемъ превращенія драгоцѣнности не окупали бы

затратъ съ большими выгодами, ради которыхъ предпринималось превращеніе.

Но, пока это стало болѣе или менѣе яснымъ, работа мысли въ направленіи изученія превращенія матеріи дала массу наблюденій, фактовъ, выводовъ и сопоставленій, привела къ грандіознымъ естественно-историческимъ законамъ, къ тому познанію сущности матеріи, которое легло въ основу современной науки о природѣ.

Наука эта сдѣлала такіе гигантскіе успѣхи въ наше время, такъ далеко шагнула впередъ, что мы начинаемъ представлять себѣ, правда лишь въ очень туманныхъ пока очертаніяхъ, даже сущность энергіи.

Достаточно указать на и к с ъ лучи и на р а д і й, чтобы фактъ грандіозныхъ пріобрѣтеній науки въ области физико-химіи былъ признанъ неоспоримымъ.

При такихъ грандіозныхъ успѣхахъ въ сферѣ познанія природы не могли, конечно, остаться не затронутыми наукой и ея адептами и тѣ явленія природы, съ которыми тѣсно соприкасается весьма распространенная дѣятельность человѣка,— сельскохозяйственная.

Вѣдь эта дѣятельность самая древняя и есть не что иное, какъ направленіе энергіи человѣка на подчиненіе природы своимъ видамъ и цѣлямъ ради обезпеченія своего существованія.

Эта-то дѣятельность и давала массу наблюденій, массу фактовъ, послужившихъ къ установленію многихъ біологическихъ законовъ, и въ свою очередь наиболѣе нуждается для своего успѣха въ услугахъ науки о природѣ.

Сельскохозяйственное производство, имѣющее своей задачей созданіе насущныхъ средствъ для существованія человѣка, наиболѣе древняя, наиболѣе общераспространенная, демократическая, такъ сказать, сфера дѣятельности. Ею занята наибольшая часть населенія земного шара, по крайней мѣрѣ, до настоящаго времени.

Несмотря, однако, на свою общераспространенность, на свою демократичность или, пожалуй, даже именно по причинѣ своей демократичности, сельскохозяйственная дѣятельность, питая науку о природѣ своимъ обильнымъ фактическимъ матеріаломъ, мало пользовалась до послѣдняго времени вниманіемъ и помощью людей науки. Не прошло и сотни лѣтъ съ той поры, какъ начали складываться агрономическія дисциплины.

Объясненіемъ этого должны быть признаны слѣдующія соображенія. Демократичность сельскохозяйственнаго промысла,

принадлежность его трудовому земледѣльцу отвращала отъ него взоры высшихъ слоевъ населенія. Существованіе рабства, господство подневольнаго труда давали возможность эксплоатаціи трудящихся массъ въ пользу единицъ. Слабая заинтересованность при этомъ трудящихся въ результатахъ труда парализовала наблюдательность и работу мысли въ исправленіи и усовершенствованіи пріемовъ производства. Что касается эксплоатирующихъ предпринимателей, то ихъ стремленіе сводилось къ возможно полному использованію дарового или малоцѣннаго труда рабовъ.

Далѣе, обиліе плодородныхъ, мало истощенныхъ культурой земель не такъ остро ставило вопросъ объ урожаѣ. Сравнительно слабая населенность культурнаго міра, съ одной стороны, малоцѣнность человѣческой личности, личности раба, съ другой, не выдвигали на сцену еще вопроса о большемъ напряженіи производительности природы на потребу человѣка.

Только по мѣрѣ эмансипаціи труда, по мѣрѣ приближенія такого положенія, при которомъ трудящійся надъ созданіемъ продукта является и собственникомъ своего произведенія, у творящаго пробуждается интересъ къ наблюденію окружающихъ явленій природы, сопутствующихъ его творческой работѣ, къ изученію условій и обстоятельствъ, его окружающихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе оскудѣвающія нивы и въ то же время возрастающее требованіе производительности этихъ нивъ подъ вліяніемъ увеличенія населенности,—все это вмѣстѣ взятое привлекаетъ къ вопросамъ сельскаго хозяйства, къ искуству возвышенія производительности нивъ вниманіе сферъ, руководящихъ жизнью человѣческихъ обществъ, а въ массахъ начинаетъ проявляться интересъ къ сельскохозяйственнымъ знаніямъ.

Вопросъ о повышеніи производительности труда земледѣльца, вопросъ объ урожаѣ нивъ и о необходимости его поднятія становится на очередь.

«Господинъ урожай» является персоной-гратисъ въ наше время и вызвалъ къ жизни современныхъ маговъ сельскаго хозяйства. Въ древности мечты обогатиться изобрѣтеніемъ жизненнаго эликсира или философскаго камня возбуждали энергію маговъ и направляли ихъ мысли къ изученію явленій природы; современные сельскохозяйственные маги дѣйствуютъ совершенно въ обратномъ направленіи — игнорируютъ факты. Пользуясь все еще большимъ невѣжествомъ массъ, склонностью все еще малопросвѣщеннаго человѣчества къ чудесному, къ магическому, къ

волшебному, современные маги объявляютъ объ открытіи ими такого «средствія», такого универсала, которое чуть не съ легкостью маханія магической палочкой способно увеличить урожаи.

Таковы грядковая культура хлѣбовъ, ручная ихъ посадка и пересадка, пресловутый плугъ, поглотившій изъ казеннаго сундука 60.000 руб., и т. п.

Въ противоположность древнимъ магамъ, дѣятельность которыхъ по изученію явленій природы и накопленію фактовъ послужила колыбелью современной наукѣ о природѣ, нынѣшніе маги извращаютъ факты, игнорируютъ множество уже сдѣланныхъ наблюденій и выводовъ науки объ урожаѣ и, играя на интересѣ къ «господину урожаю», развиваютъ совершенно фантастическія представленія объ условіяхъ его роста и отвлекаютъ нѣкоторыя силы и средства къ провѣркѣ ихъ фантазій отъ болѣе полезнаго употребленія этихъ силъ и средствъ.

Несбыточность мечтаній современныхъ маговъ сельскаго хозяйства о возможности открытія универсала для подъема урожайности нивъ для болѣе просвѣщенныхъ слоевъ населенія не подлежитъ сомнѣнію. Да сомнѣніе въ осуществимость ихъ начинаетъ уже проникать и въ широкіе слои путемъ демонстративно-показательныхъ опытовъ.

Современныя наши представленія о жизни природы вообще и жизни растеній въ частности устанавливаютъ довольно опредѣленно, что величина урожая обусловливается совокупнымъ дѣйствіемъ множества факторовъ. Въ числѣ этихъ факторовъ весьма видную роль играетъ знаніе природы того растенія, объ урожаѣ котораго идетъ рѣчь, знаніе техники земледѣлія или выводовъ науки объ урожаяхъ—агрономіи.

И, подобно тому, какъ выводы науки о долговѣчности—гигіены только тогда дадутъ какой-либо практически замѣтный результатъ, когда они сдѣлаются достояніемъ массъ, такъ и выводы науки объ урожаяхъ—агрономіи, руководство которыми безусловно необходимо для возбужденія роста «господина урожая», приведутъ къ этому росту, когда агрономическія знанія въ должной мѣрѣ разольются въ видѣ устнаго или писаннаго слова по избамъ пахарей, по нивамъ и лугамъ, когда трудъ пахаря будетъ одухотворяться знаніемъ явленій природы и когда нивы и луга будутъ оплодотворяться этимъ знаніемъ, когда пахарь получитъ возможность примѣнить знанія къ обрабатываемой имъ землѣ, когда онъ будетъ сознательно относиться къ окружающимъ его явленіямъ природы и управлять ими въ своихъ интересахъ.

Словомъ, ростъ урожая наступитъ только тогда, когда пред-

ставится возможнымъ проявленіе сознательнаго творчества массъ въ сельскохозяйственномъ производствѣ.

Тогда и только тогда приблизится и возможность исполненія пожеланія одного изъ ораторовъ III-й государственной думы нашей о томъ, чтобы «каждый клочекъ земли былъ въ рукахъ того, кто лучше другихъ сумѣетъ взять отъ земли все, что она можетъ дать».

Только тогда и станетъ возможнымъ, чтобы земля дѣйствительно «находила своего хозяина».

В. Котельниковъ.

Вечеръ.

Тишина жужжитъ, порхая,
Рѣетъ, ластится къ лицу,
Съ крылъ невидимыхъ стряхая
Сизоватую пыльцу.

Сѣтью тоньше паутины
Облекаетъ всѣ углы.
Стѣны, мебель и картины—
Все сѣро, какъ отъ золы.

Тихой сумеречной тѣнью,
И меня обволокло.
Я то будто внемлю пѣнью,
То гляжу, какъ сквозь стекло.

День въ трудѣ, въ заботѣ прожитъ.
Завтра то-же бремя ждетъ.
Сумракъ рѣетъ и ворожитъ.
Тишь врачуетъ и поетъ.

А. Федоровъ.

Кукушка.

Лѣсная опушка.
Вотъ здѣсь. Рѣшено.
Рябая кукушка
Кукуетъ давно.

Я, съ дѣтства бездомный
И самъ себѣ другъ,
Люблю этотъ томный
Таинственный звукъ.

Дорога изъ поля
Идетъ въ два пути.
Темна моя доля—
Иной не найти.

Вѣдь жизнь не игрушка.
Разбилъ—не склеить.
— Кукушка, кукушка,
А сколько мнѣ жить?
Молчитъ.

Волхованье
Сбылось. Молодецъ!
Конецъ кукованью
И жизни конецъ!

А. Федоровъ.

* * *

Только вечеръ затеплится синій,
Только звѣзды зажгутъ небеса,
И черемухъ серебряный иней
Уберетъ жемчугами роса,

Отвори осторожно калитку
И войди въ тихій садикъ, какъ тѣнь,
Да надѣнь потемнѣе накидку
И чадру на головку надѣнь.

Тамъ, гдѣ гуще сплетаются вѣтки,
Я незримо, неслышно пройду,
И на самомъ порогѣ бесѣдки
Съ милыхъ губокъ чадру отведу...

Ал. Будищевъ.

Изъ книги „Великіе кануны“.

I.

Рыба ищетъ гдѣ глубже, человѣкъ,—гдѣ лучше. Но иногда и человѣкъ ищетъ, гдѣ глубже, хотя и ясно видитъ, что тамъ не лучше, а хуже, что тамъ—очень худо.

Почему такъ происходитъ,—объяснить трудно. Говорятъ о помутнѣніи разсудка, о душевной болѣзни. Во всякомъ случаѣ, съ того момента, когда человѣкъ на мѣсто «лучше» ставитъ «глубже», ближніе перестаютъ понимать его и начинаютъ сторониться.

II.

Мы всѣ думаемъ о началахъ и концахъ, т. е. хотимъ догадаться путемъ умозаключенія: середина такова, стало быть начало таково, а конецъ таковъ. Не таково и не таковъ. Начала и концы совсѣмъ на середину не похожи, и заключенія по аналогіи нужны только тѣмъ, для которыхъ середина—это все и кто ни началъ, ни концовъ знать не хочетъ.

III.

И на солнцѣ есть пятна! Это мы въ укоръ солнцу говоримъ! Если бы намъ довелось создавать солнце—мы бы его безъ малѣйшаго пятнышка пустили ходить по небу и такъ бы, по нашему, лучше было. А Богъ вотъ не по нашему сдѣлалъ: и кто правъ, Богъ или мы, во всякомъ случаѣ еще вопросъ. Не всегда то, что мы порицаемъ, плохо. Вѣроятнѣе, что солнце съ пятнами лучше, чѣмъ солнце безъ пятенъ.

IV.

Великіе писатели, вообще признанные великіе люди интереснѣе всего для изученія въ виду того, что они стоятъ выше всякихъ обвиненій. Они впередъ оправданы—тѣмъ значеніемъ, той міровой ролью, которая выпала на ихъ долю. Какими бы они при ближайшемъ разсмотрѣніи ни оказались, они все же правы: объ этомъ слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ ихъ дѣла — monumenta aere perenniora. И если объ обыкновенныхъ людяхъ мы говоримъ со снисхожденіемъ, смотримъ на ихъ недостатки, вѣрнѣе на то, что называется недостатками, сквозь пальцы, то къ великимъ людямъ мы подходимъ прямо и не боимся называть всѣ ихъ особенности и свойства настоящими именами. Въ Александрѣ Македонскомъ не страшно было бы открыть трусость, въ Платонѣ и Аристотелѣ невѣжество или поверхностность, въ блаженномъ Августинѣ—невѣріе. Какъ просто и спокойно въ Евангеліи разсказано о томъ, что апостолъ Петръ въ одну ночь трижды отрекся отъ Христа.

И это не помѣшало людямъ воздвигнуть ему въ Римѣ чудный храмъ, это не мѣшаетъ милліонамъ вѣрующихъ благоговѣйно лобызать стопу его статуи. Намѣстники Петра продолжаютъ по сей день день считаться непогрѣшимыми... Недостатки великихъ людей не могутъ считаться ихъ личными недостатками, бѣдность богатыхъ есть бѣдность человѣческая, бѣдность, если такъ можно выразиться, космическая. Винить, обличать тутъ не приходится. За этой бѣдностью кроется великая тайна, пріобщиться которой является вѣчной потребностью смертныхъ. И великіе люди не боятся выставлять на показъ свою убогость.

V.

«Кто величайшій?» —Счастливѣйшій, вотъ величайшій,—говоритъ у Ибсена въ «Претендентахъ на престолъ» епископъ Николай. Съ перваго взгляда — самый обидный и потому самый непріемлемый отвѣтъ, подсказанный, повидимому, епископу, физическому и нравственному уроду, самимъ дьяволомъ, только и думающимъ о томъ, чтобы терзать и мучатъ человѣческій родъ. Вѣдь наоборотъ. По нашему глубочайшему убѣжденію—счастье должно быть только наградою великаго человѣка, если справед-

ливость существуетъ въ дѣйствительности, а не только въ философскихъ книгахъ и пастырскихъ проповѣдяхъ.

Душа наша содрогается при мысли, что истинно великій можетъ погибнуть, а посредственный и бездарный восторжествовать, что удача рѣшаетъ человѣческую судьбу. И тѣмъ не менѣе епископъ Николай, злой и завистливый интриганъ, правъ. Величайшій — это счастливѣйшій, величайшій — это удачникъ. Но, — что еще важнѣе и еще неожиданнѣе, — мало того, что епископъ фактически правъ, — его, на первый взглядъ, безобразная и абсолютно непріемлемая истина можетъ оказаться прекрасной. Хорошо, что счастье, *случай* рѣшаетъ вопросъ о человѣческомъ величіи. Вѣдь это значитъ, что послѣдній не сталъ первымъ, не потому, что онъ не можетъ быть первымъ, а потому — что ему просто не повезло. Онъ достаточно правъ, достаточно уменъ, даровитъ, смѣлъ — всего у него достаточно: не было только случая, чтобъ проявить таившіяся въ немъ богатыя силы.

Вы видите, что епископъ Николай—злой духъ—выходитъ, пожалуй, слишкомъ идеалистически настроеннымъ: его истина не только не безобразна, — она прекраснѣе всѣхъ когда либо существовавшихъ истинъ. Она только безполезна, скорѣе даже вредна сейчасъ, здѣсь на землѣ. Что съ ней дѣлать, съ этой истиной, отнимающей у насъ геніевъ, единственныхъ боговъ, которыхъ до сихъ поръ еще никому не удалось развѣнчать и которыхъ такъ легко было отличить среди обыкновенныхъ смертныхъ по выпавшему на ихъ долю успѣху — законной наградѣ за ихъ таланты и дарованія.

VI.

«Загадка, надъ которой стоитъ подумать».

Иначе говоря: сейчасъ не знаю, а подумаю — буду знать. Знаніе, такимъ образомъ, явится результатомъ моего человѣческаго размышленія, и только размышленія. Другого источника знанія нѣтъ. Нѣтъ священной книги, нѣтъ высшаго существа, къ которому можно обратиться съ вопросомъ, чтобы получить отвѣтъ. Одинъ и есть только источникъ: жизнь и нашъ разумъ. Это значитъ: загадки навсегда останутся неразгаданными, ибо никогда не увѣруемъ мы въ непогрѣшимость нашего разума и полноту нашего опыта. И никогда не перестанемъ, нужно добавить, разгадывать.

VII.

Нужно быть очень наивнымъ, чтобъ надѣяться разрѣшить вѣчную тайну жизни.

Тысячелѣтіями человѣческіе умы искали „слова“, но не нашли, даже не приблизились къ нему. Пожалуй, скорѣй отдалились. И тѣмъ не менѣе въ настоящее время мы такъ же упорно и безпокойно ищемъ философскаго камня, какъ и въ средніе вѣка, такъ же гадаемъ по полету птицъ и внутренностямъ животныхъ, какъ и въ древности. Новые методы исканія не менѣе фантастичны, чѣмъ старые—это, кажется, уже стало общимъ мѣстомъ. Мы наклоняемся надъ пропастью, хотя знаемъ, что ничего не увидимъ. Ибо намъ не увидѣть надо, и не отъ видѣнія проистекаетъ знаніе.

Источникомъ силы оказывается то, что принято считать источникомъ слабости: головокруженіе. Насъ тянетъ къ пропасти, къ неразгаданному, къ тайнѣ—не потому, что мы хотимъ разгадать, предотвратить бѣду, постичь тайну, словомъ понять, устроить жизнь. Намъ нужно отвыкнуть отъ пониманія, полюбить ужасъ и неустроенность. Оттого пропасть одновременно и влечетъ, и отталкиваетъ насъ. Мы сразу принадлежимъ къ двумъ мірамъ: одинъ—милый, уютный, устроенный, другой — суровый, чуждый, хаотическій. До извѣстнаго момента жизни намъ кажется, что только въ немъ жизнь, во второмъ же только смерть и небытіе, никому не нужное, извнѣ навязанное.

Всѣ свои надежды и идеалы мы пріурочиваемъ исключительно къ первому міру, второй представляется намъ выдуманнымъ кошмаромъ, отъ котораго мы хотимъ проснуться. Но понемногу вся дѣйствительность вступаетъ въ свои права. Мы начинаемъ убѣждаться, что хаосъ такъ же реаленъ, какъ гармонія, что жизнь не только въ уютныхъ, закрытыхъ домахъ, но и въ моряхъ, въ пустыняхъ,—на далекихъ окраинахъ, куда не ступала человѣческая нога, куда и дикій волкъ не забѣгалъ.

VIII.

Одиссей, вернувшись изъ подземнаго царства, передалъ намъ слова Ахилла: лучше быть послѣднимъ поденщикомъ на землѣ, чѣмъ царемъ надъ тѣнями.

Тутъ, повидимому, все правда—кромѣ развѣ того, что это

мнѣніе принадлежитъ мертвому Ахиллу. Вѣрнѣе, такъ думалъ живой Одиссей; либо даже самъ Гомеръ. Пока мы живемъ, пока на насъ смертная оболочка, намъ кажется и должна казаться тусклой и постылой призрачная сила обитателей подземнаго царства. Вообще, каждый живой человѣкъ, внезапно вырванный изъ привычной среды и перенесенный въ среду, ему чуждую, повторилъ бы, вѣроятно, слова Ахилла. Попробуйте крѣпкаго здороваго мужика оторвать отъ сохи и родного поля и посадить на царскій тронъ: онъ, вѣроятно, умеръ бы съ тоски. Всѣ парадные пріемы, безконечныя обсужденія сложныхъ вопросовъ, вѣчная необходимость держаться не такъ, какъ хочется, а какъ того требуютъ обстоятельства, все это покажется мужику невыносимымъ рабствомъ. А если бы возможенъ былъ еще такой опытъ: оторвать младенца отъ материнской груди и сразу перенести его въ общество взрослыхъ, лишить покоя полурастительной жизни, сладкаго безмятежнаго сна, обильной, мягкой, не раздражающей пищи, тепла и вмѣсто этого предложить ему водку и табакъ, катанье на тройкахъ при 20 градусномъ морозѣ, дуэли и политическую борьбу, необходимость наносить и отражать удары—словомъ все, что составляетъ утѣху и содержаніе жизни взрослыхъ людей,—младенцу показалась бы, если бы онъ умѣлъ думать, такая жизнь настоящимъ адомъ. И если бы онъ вернулся потомъ въ общество себѣ подобныхъ младенцевъ, какихъ бы ужасовъ онъ не наговорилъ бы о видѣнномъ имъ иномъ мірѣ, иной жизни! Даже краснорѣчія апостола Павла не хватило бы, чтобъ описать страшный судъ, ожидающій всѣхъ младенцевъ. Лучше самая изсохшая материнская грудь, чѣмъ тотъ адъ, который у взрослыхъ называется жизнью! И всякое «соприкосновеніе мірамъ инымъ» должно, повидимому, оставлять въ человѣкѣ впечатлѣніе ужаса и вызывать реакцію—туда, назадъ, къ доброй и ласковой матери.

Всѣ почти попытки вырваться изъ нашего міра приводили къ такимъ результатамъ. Видно, что былъ, въ самомъ дѣлѣ былъ, человѣкъ гдѣ-то, куда рѣдко кто заходилъ,—но принесъ онъ оттуда вѣсть лишь о райскомъ блаженствѣ, т. е. о той-же спокойной, полурастительной жизни, къ которой мы привыкли здѣсь, на груди у матери земли. Нужно, передаетъ онъ, пройти черезъ нѣкіе ужасы, черезъ водку, табакъ и драку, чтобы потомъ снова обрѣсти такую радость и ясное спокойствіе младенческой души. Такъ-ли это? Тамъ-ли, въ иномъ мірѣ, видѣлъ онъ безмятежность и тишину, или бѣжалъ за ними оттуда сюда? Тамъ радостей и блаженства вовсе и нѣтъ, тамъ ихъ не хотятъ, тамъ о нихъ не вспоминаютъ, тамъ, можетъ быть, они кажутся притор-

ными и противными, какъ возмужавшему человѣку материнское молоко. Всѣ такъ называемыя разрѣшенія послѣднихъ вопросовъ сводятся къ тому, что люди надѣются въ иномъ мірѣ жить не хуже, главное не иначе, чѣмъ живутъ устроенные поденщики въ этомъ мірѣ. Будетъ и освѣжающій сонъ, и свѣтъ, и тепло, и покой—и даже, можетъ быть, обязательный трудъ: вѣдь скучно, неслыханно скучно безъ упряжекъ и безъ работы. Но эти чаянія, повторяю, имѣютъ своимъ источникомъ не соприкосновеніе мірамъ инымъ: они добыты здѣсь, изъ нѣдръ нашей земли. А тамъ—тамъ, можетъ быть, и полное бездѣлье, и постоянная тревога, и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ; тамъ «хорошая» жизнь, можетъ быть, совсѣмъ не похожа на то, что мы здѣсь привыкли отличать и цѣнить. И, можетъ быть, все таки, вопреки Гомеру, послѣдній поденщикъ оттуда не согласился бы бытъ царемъ надъ людьми. Если младенецъ ужасается жизни взрослыхъ людей, если взрослые люди ни за что не согласились бы промѣнять свое тревожное существованіе на безмятежный покой младенцевъ, если, стало быть, уже здѣсь на землѣ въ зависимости отъ возраста и иныхъ причинъ могутъ уживаться наряду столь различные идеалы, то кто дастъ намъ право впередъ угадывать, что считается цѣннымъ въ иномъ мірѣ? Что тамъ цѣнятся именно покой, радости, свѣтъ?

Можетъ, люди возлюбили тамъ холодъ, тревогу, тьму, страданія? И, можетъ, проникнуть въ иной міръ дано лишь тому, кто отказался отъ приманокъ и соблазновъ земного существованія, кто сроднился съ вѣчной безсонницей, съ бѣдностью, слабостью, кого на землѣ участь поденщика привлекаетъ больше, чѣмъ царскій престолъ, кто не хочетъ уже здѣсь быть первымъ и никогда не считаетъ себя послѣднимъ, кто осмѣялъ то, что люди въ немъ считаютъ лучшимъ, и бережетъ въ себѣ то, что считается худшимъ, никому не нужнымъ...

IX.

Основная черта художественнаго творчества—совершенный произволъ; во всемъ, и въ значительномъ, и въ мелочахъ, художникъ произвольно наряжаетъ своихъ героевъ и героинь въ будничное или праздничное платье, по его прихоти ясное небо покрывается тучами, гремитъ громъ, сверкаетъ молнія. Захочетъ онъ—холодно, захочетъ—жарко. Дѣйствіе разыгрывается то въ пустынѣ, то въ горахъ, то въ большомъ городѣ; то въ наше

время, то въ эпоху фараоновъ и даже до-историческую. Онъ любитъ и ненавидитъ, что ему вздумается. Сегодня преклоняется предъ красотой, завтра предъ уродствомъ. Онъ возмущается, умиляется, надѣется, приходитъ въ отчаяніе, мститъ, прощаетъ, повинуясь только собственному произволу, иначе говоря,—ничему не повинуясь. То, что ему сейчасъ кажется смертнымъ, непростительнымъ грѣхомъ—послѣ представится ему великой заслугой. Почему? Въ томъ то и дѣло, что къ этому привычному «почему» нужно приставить новое почему. Т. е. почему мы воображаемъ, что всегда полагается допытываться объясненій? И что такая пытливость при всѣхъ обстоятельствахъ жизни умѣстна? Вѣдь вотъ училъ же Кантъ, что причинная зависимость примѣнима только къ «міру явленій». А что, если она и къ міру явленій не всегда примѣнима? Если «свобода» или гораздо лучше (на первыхъ порахъ, по крайней мѣрѣ, чтобъ подчеркнуть прежнее заблужденіе) произволъ проникаетъ уже и въ міръ явленій и не замѣчается нами только потому, что мы не умѣемъ сдѣлать изъ него никакого употребленія? Мы все хотимъ объяснить, истолковать—даже художественное творчество съ его всѣмъ знакомыми капризами и неподдающимися никакому предвидѣнію порывами. Ибсенъ въ одной пьесѣ заявляетъ, что отказаться отъ любимой женщины величайшее преступленіе, въ другой—онъ благословляетъ поэта, отдавшаго свою возлюбленную положительному купцу. Когда онъ говорилъ правду? Когда былъ правъ? Вы привыкли думать, что изъ двухъ противоположныхъ утвержденій одно—истинно, другое—ложно, что нужно выбирать изъ нихъ и, однажды выбравши, потомъ всю жизнь держаться опредѣленнаго убѣжденія. А вотъ Ибсенъ, никого не спросившись и не считаясь съ нашими привычками, поступаетъ иначе. Написалъ «Сѣверныхъ богатырей», написалъ и «Комедію любви». А черезъ много, много лѣтъ снова возвращается къ той же темѣ и снова съ непоколебимой твердостью повторяетъ въ «Д. Г. Боркманѣ», что пожертвовать даже ради величайшаго дѣла любимой женщиной—смертный грѣхъ. Прослѣдите за Ибсеномъ: все его творчество—непрерывныя колебанія и противорѣчія. За «Брандомъ» идетъ «Перъ Гинтъ»: первый—апоѳеозъ пророчества, второй—насмѣшка надъ пророками. Извольте-ка «объяснить» эти противорѣчія! Большая публика прямо говоритъ, что она не понимаетъ Ибсена, и большая публика на этотъ разъ совершенно права. Ибсена нельзя понять. Слѣдуетъ только прибавить: ни одного настоящаго художника при его появленіи никогда не понимали. Въ свое время Гете вызывалъ не меньше недоумѣній, чѣмъ те-

перь Ибсенъ. Второй части «Фауста» никто и по сей день не понимаетъ. А сколько толкованій вызываетъ «Гамлетъ»! Какъ враждуютъ нѣмцы со своимъ Гейне! Какъ возмущались англичане Байрономъ! Примѣровъ можно было бы насчитать безчисленное множество. Нельзя понять ни Ибсена, ни Шекспира, ни Байрона, ни Гете — нельзя и объяснить ихъ. Объясненный поэтъ все равно, что увядшій цвѣтокъ: нѣтъ красокъ, нѣтъ аромата — мѣсто ему въ сорной кучѣ.

Опытъ «научной литературной критики» Тэна былъ мертворожденнымъ. Критика не можетъ и не должна быть научной — т. е. затягиваться въ систему логически связанныхъ положеній. Критикъ «видѣлъ» *своими глазами* то, о чемъ разсказываетъ поэтъ, и потому вправѣ пользоваться всѣми привилегіями, дарованными Аполлономъ своимъ избранникамъ. Если поэту разрѣшается произволъ, иными словами, если поэту предоставлена великая хартія вольности и позволено въ нашемъ бѣдномъ, связанномъ желѣзными законами, мірѣ искать свободы, — то критикъ хочетъ и можетъ требовать себѣ тѣхъ же правъ.

X.

«Посторонись отъ солнца» сказалъ Діогенъ Александру Македонскому. Великій циникъ хотѣлъ быть гордымъ. Можетъ быть, онъ отвѣтилъ своему царственному собесѣднику: если бы я и не былъ Діогеномъ, я все же не хотѣлъ бы быть Александромъ. Легенда объ этомъ умалчиваетъ. А межъ тѣмъ, задача всѣхъ великихъ философовъ сводилась къ тому, чтобы добыть себѣ право такъ отвѣчать величайшимъ изъ царей. Въ этомъ смыслѣ большая ошибка говорить о развитіи философскихъ идей, объ исторіи философіи, какъ о процессѣ. Черезъ 2.000 лѣтъ послѣ Діогена философія все продолжаетъ свою тяжбу съ Александромъ. Вѣроятно, Спиноза, если бы къ нему явились всѣ цари міра, отвѣтилъ бы словами Діогена. И вообще, едва-ли бы нашелся хоть одинъ философъ, который, если бы даже и не имѣлъ на то права, не хотѣлъ бы, по крайней мѣрѣ, такъ отвѣтить великому царю. Съ другой стороны, отвѣтить словами не трудно, но кто знаетъ, — не завидовалъ ли въ глубинѣ души безобразный циникъ своему красавцу собесѣднику? И не сводится ли то, что мы называемъ «человѣческимъ достоинствомъ», къ умѣнью искусно скрывать подъ гордостью вѣчную, мучительную зависть? Допустимъ на минуту, что Діогенъ завидовалъ Александру: такой возможности

никто, вѣдь, оспаривать не станетъ. Но несомнѣнно, что не было такой силы въ мірѣ, которая бы вызвала у Діогена соотвѣтствующее признаніе. Подъ ужаснѣйшими пытками Діогенъ все продолжалъ бы утверждать, что не желаетъ быть Александромъ. И если бы это было ложью, то свою тайну Діогенъ унесъ бы съ собою въ могилу. Вѣроятно, что такого рода тайны были и у его соперника, Александра—и онъ тоже много важнаго и любопытнаго унесъ съ собой въ иной міръ, оставивъ намъ лишь то изъ своего достоянія, что было для всѣхъ осязаемо и что историки, въ качествѣ присяжныхъ нотаріусовъ времени, могли зарегистрировать на страницахъ своихъ лѣтописей.

Александръ, можетъ быть, былъ живымъ упрекомъ для Діогена, Діогенъ для Александра: оба завидовали другъ другу. Но оба думали—и совершенно основательно,—что излишней откровенностью они могли бы совершенно испортить ту великую миссію, которую возложила на нихъ исторія. Завидующій Діогену, сомнѣвающійся въ самомъ себѣ Александръ — развѣ могъ бы онъ послужить моделью для Плутарха, развѣ могъ онъ жить въ памяти поколѣній, какъ образецъ героя? Я уже не говорю о Діогенѣ: Діогену нельзя было ни на секунду колебаться. Вся исторія, вся наша жизнь полна загримированными Александрами и Діогенами. У всѣхъ людей—миссіи и всѣ люди, чтобъ спасти свое дѣло, принуждены скрывать многое—быть можетъ, самое важное и значительное для нихъ. Художникъ долженъ быть вдохновеннымъ, писатель и философъ—всезнающими, полководецъ непоколебимымъ и безстрашнымъ. Легенда и миѳы наша повседневная атмосфера. Мы живемъ въ царствѣ призраковъ и боимся больше всего на свѣтѣ хоть чѣмъ нибудь нарушить торжественную гармонію завороженнаго царства. А межъ тѣмъ... а межъ тѣмъ, какъ мучительно невыносимымъ становится для иныхъ этотъ тысячелѣтній сонъ. Потребность проснуться, высказаться, назвать заповѣдныя тайны своимъ именемъ растетъ. Хочется увидѣть настоящаго Александра и живого Діогена. Но приличія имѣютъ свои права, освященныя вѣками. Самые смѣлые люди, самые опасные революціонеры мысли не осмѣливались открыто возставать противъ обычая. Въ лучшемъ случаѣ шли на компромиссъ. Символизмъ въ искусствѣ существуетъ столько же лѣтъ, сколько существуетъ само искусство, и есть компромиссъ между истиной и обычаемъ. Оттого попытки объясненія и расшифровыванія символовъ безцѣльны. Символъ остается символомъ: можетъ быть многіе его понимаютъ, но даже два человѣка не могутъ открыто говорить о немъ.

Л. Шестовъ.

Женское.

Вѣнокъ.

Гдѣ гніетъ сѣдѣющая ива,
Гдѣ былъ и нынѣ высохъ ручеекъ,
Дѣвочка на краю обрыва
Плачетъ, свивая вѣнокъ.
«Дѣвочка, кто тебя обидѣлъ?
Скажи мнѣ: я, какъ ты, одинокъ».
(Втайнѣ я дѣвочку ненавидѣлъ,
Не понималъ, зачѣмъ ей вѣнокъ).
Она испугалась, что я увидѣлъ,
Прошептала странный отвѣтъ:
«Меня—Сотворившій меня обидѣлъ,
Я плачу оттого, что меня—нѣтъ.
Плачу, вѣнокъ мой жалкій сплетая,
И не тепелъ мнѣ солнца свѣтъ.
Зачѣмъ ты подходишь ко мнѣ, зная,
Что меня не будетъ—и теперь нѣтъ?»
Я подумалъ: это святая
Или безумная. Спасти, спасти!
Ту, что плачетъ, вѣнокъ сплетая,
Взять, полюбивъ, и съ собой увести...
«О, зачѣмъ ты меня тревожишь?
Мнѣ твоего не дано пути.
Ты для меня ничего не можешь:
Того, кого нѣтъ—нельзя спасти.
Ты душу за меня положишь—
А я останусь вѣнокъ мой вить.
Ну, скажи, что же ты можешь?
Это Богъ не далъ мнѣ—быть.
Не подходи къ обрыву, къ краю...
Хочешь убить меня, хочешь любить?
Я ни смерти, ни любви не понимаю,
Дай мнѣ вѣнокъ мой, плача, вить.
Зачѣмъ я плачу—тоже не знаю...
Высохъ, но онъ былъ, ручеекъ...
Не подходи къ страшному краю:
Мое бытіе—плача, вить вѣнокъ».

З. Гиппіусъ.

Къ тихой пристани.

Незаконченная юношеская повѣсть **С. Я. Надсона.**

I.

Лампа съ зеленымъ абажуромъ слабо освѣщала уютную комнату въ одномъ изъ петербургскихъ домовъ. Письменный столъ, съ книгами и тетрадями, этажерка, нѣсколько фотографическихъ карточекъ по стѣнамъ, на одной изъ которыхъ красовалось ружье со всѣми охотничьими приспособленіями, навѣшанными на рога гипсовой оленьей головы, а на другой—скрипка и смычекъ, кровать, диванъ,—у дивана маленькій столикъ съ открытой книгой новаго журнала и послѣднимъ номеромъ газеты, пюпитръ съ нотами въ углу, да мраморный умывальникъ—вотъ и вся утварь этого уютнаго уголка. Въ комнатѣ находилось двое молодыхъ людей. Старшій изъ нихъ писалъ что-то за письменнымъ столомъ, младшій же лѣниво просматривалъ журналъ.

— Сережа,—началъ онъ,—когда же конецъ твоему вдохновенію? Что ты тамъ строчишь еще?

— Ахъ, Володя, вѣдь я толкомъ, кажется, просилъ не мѣшать мнѣ, когда я пишу,—досадливо отвѣчалъ старшій, отрываясь на минуту отъ работы и послѣ снова склоняясь надъ своей тетрадью.

Въ комнатѣ снова наступило молчаніе, нарушаемое только поскрипываніемъ пера о бумагу. Володя опять было взялъ журналъ и тотчасъ же бросилъ его на столъ, зѣвнулъ, потянулся, закурилъ папиросу и принялся пристально слѣдить за голубовато-сѣдыми струйками дыма. Вотъ изъ клубовъ его выдѣлилось тонкое кольцо, поколебалось въ воздухѣ и одна изъ сторонъ его вытянулась внизъ и окончилась небольшимъ утолщеніемъ; вновь набѣжавшія клубы перемѣшались съ нимъ и, вторгнувшись въ

освѣщенное лампой пространство, повисли дымнымъ пологомъ надъ комнатой.

— Господи, тоска какая!—пронеслось въ головѣ Володи.— Скоро ли этотъ Сережа кончитъ!..

А Сережа, какъ на зло, не оканчивалъ: перо его быстро бѣгало по бумагѣ. Работа, казалось, спорилась.

— И вѣдь главное и дѣться-то некуда,—продолжалъ размышлять Володя.—У Иваныча тоска, у Балтазара—тоже, у Красосельскаго—карты, водка и табакъ—надоѣло. Мама спитъ, папа тоже. Хоть бы скорѣй чай подавали, да спать...

— Ну, довольно,—проговорилъ между тѣмъ Сережа, закуривая папироску.

— Почитай-ка, что ты тамъ склеилъ,—обратился къ нему Володя.

Сережа всталъ и началъ читать.

«Ты помнишь ночь, вокругъ торжественно горѣла,

началъ онъ и голосъ его дрогнулъ отъ сдерживаемаго чувства,—

И темный садъ дремалъ, склонившись надъ рѣкой...
Ты пѣла мнѣ тогда, и пѣснь твоя звенѣла
Тоской, безумною и страстною тоской...
Я жадно ей внималъ: въ ней слышалось страданье
Разбитой вѣры въ жизнь, обманутой судьбой—
И изъ груди моей горячее рыданье
Невольно вырвалось въ отвѣтъ на голосъ твой.
Я хоронилъ мои разбившіяся грезы,
Я рядъ минувшихъ дней съ тоской припоминалъ,
Я плакалъ, какъ дитя,—и, плача, эти слезы
Я всей душой тогда благословлялъ.
Съ тѣхъ поръ прошли года и снова надъ рѣкою
Рыдаетъ голосъ твой во мракѣ голубомъ,
И снова дремлетъ садъ, объятый тишиною,
И лунный свѣтъ горитъ причудливо на немъ.
Истерзанный борьбой, измученный страданьемъ—
Я много вытерпѣлъ, я много перенесъ—
Я бъ облегчить хотѣлъ тоску мою рыданьемъ,—
Но... въ сердцѣ нѣтъ давно святыхъ и свѣтлыхъ слезъ».

— Хорошо...—лѣниво проговорилъ Володя, когда послѣдній, дрожащій слезами звукъ замеръ въ комнатѣ.

Сережа ничего не отвѣтилъ на эту небрежную похвалу,—

но въ душѣ его зашевелилось жгучее чувство. «Поэтъ!—злобно подумалъ онъ.—Талантъ непризнанный...»—и молча откинулся на спину стула, бросивъ тетрадь на столъ.—«Господи, хоть бы одного друга, хоть бы кого-нибудь, кто бы понялъ меня. И что это въ самомъ дѣлѣ за жизнь,—думалось ему:—придешь въ субботу изъ гимназіи—пробѣжишь новые журналы—не съ кѣмъ обмѣняться мыслями. Съ теткой и дядей въ какихъ-то офиціальныхъ отношеніяхъ, Володя—или за уроками, или спитъ, да онъ едва ли и пойметъ меня. Горе на душѣ высказать некому, радость—тоже... Тоска, тоска и тоска... только и живешь надеждой увидѣть Раю...»

«Въ воскресенье утромъ идешь на поклоненіе «благодѣтелямъ» и въ торжественномъ молчаніи вкушаешь кофе. День проходитъ въ ужасной увѣренности, что вечеромъ будутъ гости, а вечеромъ въ самомъ дѣлѣ являются они... Да чего же мнѣ въ самомъ дѣлѣ нужно? Чего мнѣ не достаетъ?..»

Да, чего? Это было рѣшить не легко. Сережа любилъ читать—къ услугамъ его были книги. Сережа игралъ на скрипкѣ—инструментъ и ноты онъ имѣлъ всегда. Все, что касается до внѣшняго удобства и даже до комфорта въ извѣстной степени,—все это у него было. Чего-жъ просило его молодое шестнадцатилѣтнее сердце, куда оно рвалось, чего ждало?

Сережа былъ больной ребенокъ. Достаточно ближе познакомиться съ его дѣтствомъ, чтобы убѣдиться, что при такихъ условіяхъ, при какихъ росъ и развивался онъ,—воображеніе и нервы должны были достигнуть до высшей степени напряженія.

Онъ началъ себя помнить съ четырехлѣтняго возраста. Почему-то всегда, когда онъ припоминалъ о дѣтствѣ,—изъ тумана воспоминаній прежде всего выдвигалась въ его воображеніи старая, свѣтленькая кухня, кухарка, хлопочущая за плитой, старушка няня въ очкахъ и онъ, Сережа, маленькій, худенькій, черноволосый и черноглазый мальчуганъ, съ тонкими и правильными чертами блѣднаго личика; онъ сидитъ на табуреткѣ, на которую положена еще нянина подушка въ бѣлой наволочкѣ, изъ отверстій которой выглядываютъ ярко красные кумачные углы. Передъ нимъ старая-престарая азбука, на которую ярко ударяетъ свѣтлый снопъ лучей золотого зимняго солнца, озаряя въ то же время и сморщенныя руки няни, кропотливо вяжущей чулокъ, и рыжаго кота Ваську, ея любимца, покоящагося на колѣняхъ ея темнаго кофейнаго платья и тихо напѣвающаго свою пѣсенку. У Софьи Александровны, матери Сережи,—болятъ зубы. Она прилегла отдохнуть. Сестренка Юля спитъ въ

своей маленькой колыбелькѣ и няня съ Сережей воспользовались этимъ временемъ, чтобы Сережа еще нѣсколько разъ повторилъ приготовляемый имъ къ именинамъ Софіи Александровны сюрпризъ—знаніе русской азбуки. Няня Настасья попалась грамотная и очень уважающая грамотѣевъ—и она то и внушила эту мысль Сережѣ.

— Азъ, Буки, Вѣди, Добро... твердитъ онъ, отворотясь отъ книги и обращаясь къ нянѣ.

— А Глаголь? Глаголь пропустилъ, батюшка?

— Ахъ да, сейчасъ няня, сейчасъ, только ты не перебивай меня. Азъ, Буки, Вѣди, Глаголь, Глаголь... И опять начинается съ начала, подъ тихое мурлыканье кота и возню толстой Анны, передвигающей на плитѣ кастрюлю съ супомъ и ворчащей на эту кастрюлю за то, что вода никакъ не хочетъ кипѣть. За окномъ—безконечные заборы, изъ-за которыхъ свѣшиваются одѣтыя инеемъ вершины деревьевъ. На улицѣ Сенька и Петька—два пріятеля Сережи—катаютъ одинъ другого въ салазкахъ. Тишина, глушь, провинція—и только рѣдко - рѣдко промчатся по снѣгу мимо оконъ легкія санки и исчезнутъ за угломъ сосѣдняго желтаго, засыпаннаго сугробами снѣга забора. Безъ устали работаетъ маленькая головка Сережи, безъ устали возится Анна у своихъ кастрюлей и котловъ, безъ остановки мурлыкаетъ сибаритъ - Васька, мелкаютъ спицы въ рукахъ няни, да стучитъ мѣдный маятникъ простенькихъ стѣнныхъ часовъ.

Набѣжавшій туманъ скрываетъ въ воображеніи Сережи дальнѣйшее развитіе картины и передъ нимъ проносятся иныя сцены и иныя лица.

На высокомъ холмѣ, въ семи верстахъ отъ ихъ уѣзднаго городка расположенъ барскій домъ. По бокамъ извиваются двѣ густыя аллеи и сходятся внизу въ небольшую террассу, на краю которой растетъ огромный каштанъ, одѣвающій своей исполинской тѣнью все расчищенное мѣсто. За каштаномъ—опять обрывъ внизъ къ пруду, мирно уснувшему въ своихъ берегахъ. Имѣніе это, съ аллеями, фруктовымъ и цвѣточнымъ садомъ, фермой и дачами, разбросанными по склонамъ холма по другую сторону дома,—принадлежитъ Адріяну Сергѣевичу Столбовцеву, у котораго мать Сережи живетъ въ качествѣ экономки. Сережѣ уже семь лѣтъ. Онъ уже бойко читаетъ, и читаетъ все, безъ разбора, что ни попадается ему въ руки. Сестренка Нюша [1]) также подросла. Она не отстаетъ отъ брата въ его набѣгахъ на кра-

[1]) Явная описка. Все время сестренка называется Юліей. *Ред.*

ниву и въ огородъ и лепечетъ своимъ, понятнымъ только для близкихъ языкомъ, разныя мысли, приходящія въ ея русую милую головку. Сережа не безъ нѣкоторой важности играетъ роль ея покровителя. Мама или хлопочетъ по хозяйству или читаетъ и разговариваетъ съ Адріяномъ Сергѣевичемъ—высокимъ, полнымъ мужчиной, съ густой, черной бородой. О чемъ они толкуютъ—Богъ ихъ знаетъ: Сережа ничего не можетъ понять изъ ихъ разговоровъ; но зато онъ прекрасно чувствуетъ, какъ хорошо поетъ Адріянъ Сергѣевичъ подъ мастерской аккомпаниментъ мамы, когда темная, душистая, нѣжная ночь знойно глядитъ въ раскрытыя окна маминой комнаты и стальные лучи луны причудливо сливаются съ блескомъ свѣчей на небольшомъ піанино. Ему всегда кажется страннымъ, что это пѣніе какъ будто не нравится блѣдной, голубоглазой, болѣзненной Вѣрѣ Васильевнѣ, женѣ Столбовцева, хотя она — этакая вѣдь хитрая—улыбается и всегда хвалитъ его въ глаза, а за глаза Сережа самъ слышалъ, какъ она называла за него мать безсовѣстлой и говорила, что сдѣлаетъ все возможное, чтобъ отравить ея жизнь. О, какъ горѣли тогда ея голубые глаза, какъ дрожали ея тонкія блѣдныя губы! Сережа, случайно услышавшій это обѣщаніе, испугался не на шутку и разсказалъ о немъ мамѣ, которая притянула его къ себѣ, поцѣловала его большой, умный лобикъ и заглядѣлась въ открытое окно, безсильно опустивъ свое тонкія, бѣлыя руки на колѣни.

А вечеромъ она опять играла и Адріянъ Сергѣевичъ опять пѣлъ. Прядь волосъ выбилась изъ-подъ маминой сѣтки, на щекахъ игралъ румянецъ, а большіе, черные гласа ея горѣли необыкновеннымъ блескомъ подъ длинными рѣсницами.

„Тебѣ одной всѣ чистыя желанья“

пѣлъ Адріянъ Сергѣевичъ—и мотивъ этого романса до глубокой ночи звучалъ въ ушахъ Сережи, пока, наконецъ, онъ не заснулъ въ трепетномъ мерцаніи душной, глубокой ночи. А утромъ, чуть только яркое солнце ударило сквозь окно въ его дѣтскую кроватку,—онъ услышалъ въ сосѣдней комнатѣ маминъ голосъ, тихо поющій тѣ же самыя слова.

Гроза собиралась. Даже дѣтское сердечко Сережи—и оно чувствовало ея приближеніе. Между Адріяномъ Сергѣевичемъ и женой и между Софьей Александровной и Вѣрой Васильевной установились сухія натянутыя отношенія. Зато Адріянъ Сергѣевичъ все больше и больше времени проводилъ съ мамой и все чаще пѣлъ съ ней по вечерамъ. Какъ-то вечеромъ Сережа былъ

не совсѣмъ здоровъ и, уложенный заботливымъ стараніемъ матери раньше обыкновеннаго, заснулъ въ своей чистенькой постелькѣ подъ ласки Софіи Александровны. Онъ спалъ спокойно, пока его не разбудили звуки музыки въ сосѣдней комнатѣ. Въ щелку дверей падалъ лучъ свѣта и скользилъ по стѣнѣ.

Сережа, откинувъ одѣяло и опершись рукой на подушку, сталъ слушать.

«Тебѣ одной всѣ чистыя желанья»

раздалось рядомъ въ комнатѣ и вдругъ романсъ прервалъ визгливый голосъ Вѣры Васильевны.

— Не пой этого, слышишь, не смѣй пѣть!—запальчиво крикнула она мужу.—Довольно я натерпѣлась отъ нея и не дамъ, чтобы въ моемъ присутствіи ты объяснялся ей въ любви...

— Матушка, ты съ ума сошла, замолчи и иди отсюда,—дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ отвѣчалъ Адріянъ Сергѣевичъ.

— Нѣтъ, довольно!.. задыхаясь, отвѣчала Вѣра Васильевна.—Довольно... я больше не могу терпѣть... Извергъ, злодѣй... и ты также... бросаешься на шею первому встрѣчному и поперечному, отбиваешь мужей отъ женъ!—кричала она.—Довольно, я не позволю, я не могу больше терпѣть...

— Экъ расходилась твоя купеческая натура,—гнѣвно прервалъ ее Адріянъ Сергѣевичъ.—Уйди, я тебѣ говорю—иначе будетъ худо. Ты меня вѣдь знаешь?

— Да, знаю, мучитель ты, извергъ... Семь лѣтъ я мучаюсь съ тобою, семь лѣтъ не знаю ни...

— Вѣра, замолчи!—прогремѣлъ Адріянъ Сергѣевичъ...

— А, ты бить? Ты бить меня хочешь?!—взвизгнула Вѣра Васильевна.—Бей, бей... Что же ты сталъ, чего ты ждешь еще... Изъ-за нея, изъ-за экономки, изъ-за горничной, ты хочешь меня бить?..—На, бей же...

Сережа слышалъ, какъ что-то тяжелое ударилось о стѣну, какъ по всему дому раздался отчаянный крикъ:—спасите!.. Онъ вскочилъ съ кровати и распахнулъ двери. Сцена, которую онъ увидѣлъ, на всегда врѣзалась въ его дѣтское воображеніе.

У піанино на полу лежала безъ чувствъ Софья Александровна. Одна свѣча, потухшая и переломленная, валялась около стѣны отдѣльно отъ подсвѣчника, который былъ въ рукахъ у Вѣры Васильевны, прижавшейся въ уголъ и защищающейся руками отъ Адріяна Сергѣевича, который стоялъ передъ ней съ поднятымъ надъ головой стуломъ. Все это видѣлъ Сережа только одно мгновенье.

— Мама умерла!..—промелькнуло у него въ головѣ и онъ бросился къ Софьѣ Александровнѣ... Страшныя тяжелыя воспоминанія, грустныя преданія грустнаго дѣтства!..

Помнилось ему потомъ, что они уѣзжаютъ въ Петербургъ, по настойчивому приглашенію дяди. Онъ самъ пріѣхалъ за ними, самъ помогалъ имъ убираться и самъ нанялъ наканунѣ отъѣзда комнату въ гостиницѣ. Всю ночь, предшествовавшую отъѣзду, никто не спалъ. Маму душилъ кашель, дядя Николай и Столбовцевъ о чемъ-то толковали въ углу, маленькая Юля плакала,—а Сережа долго думалъ о новой жизни и о столицѣ, думалъ, пока не блеснулъ въ окна разсвѣтъ и не ударили первые горячіе лучи солнца. Его воображеніе рисовало ему заманчивыя картины новыхъ, никогда не виданныхъ мѣстъ, никогда не испытанныхъ удовольствій. Особенно привлекали его мачта и сѣтка въ Павловскѣ, о которыхъ такъ много говорила ему его мама. И только на зарѣ забылся онъ чуткимъ сномъ.

Стройныя улицы, толпа народу, грохотъ экипажей, милліоны пестрѣющихъ вывѣсокъ, шумъ и водоворотъ суетливой столичной жизни... Быстро мчится карета мимо величественныхъ зданій и широкихъ площадей, мимо выровненныхъ и вытянутыхъ въ ниточку скверовъ и узорныхъ мостовъ. Словно волшебная панорама развертывается передъ любопытными взорами Сережи, а по щекамъ Софьи Александровны бѣгутъ радостныя слезы: «Родной мой, я дома, я на родинѣ!» говоритъ она, пожимая руку дяди Николая и называя Сережѣ знакомыя улицы, мосты и зданія. А вотъ и Нева! Карета въѣхала на Николаевскій мостъ. Жадно всматривается Сережа въ десятки яликовъ, барокъ и кораблей, разбросанныхъ на синей поверхности царственной рѣки.

— Мама, вѣдь это корабль, настоящій корабль?—спрашиваетъ онъ.

— Да, настоящій, настоящій... А вотъ смотри—пароходъ... Видишь, онъ ведетъ на буксирѣ эти барки.

— Что значитъ «на буксирѣ»?

И ему толкуютъ непонятное слово.

— А вотъ въ этомъ самомъ дворцѣ живетъ дядя.

— Да кто жъ онъ? министръ?

Дядя смѣется.

— Нѣтъ еще, пока не министръ,—отвѣчаетъ онъ, помогая мамѣ сойти съ подножки кареты и вводя ее по широкой лѣстницѣ наверхъ къ двери, на которой на мѣдной досчечкѣ красуется надпись: «Николай Александровичъ Пестровъ».

Звонокъ, дверь открывается. Въ глубинѣ передней видна

какая-то женская фигура.—Нина, дорогая!—вскрикиваетъ мама и бросается ей на шею. Слезы и смѣхъ, перешептываніе прислуги и отчаянный лай дядинаго Лорда, огромнаго, мохнатаго бѣлаго пуделя...

Потомъ... но, впрочемъ, прочь это воспоминаніе! Что въ немъ отраднаго? Страданія и слезы мамы, колкости и намеки «дорогой Нины», въ особенности тогда, когда дяди не бываетъ дома, гимназія, однообразный рядъ учебныхъ дней, да изрѣдка театръ—вотъ характеръ этой смутно-памятной Сережѣ зимы. Мама больна и больна серьезно: говорятъ, у нея чахотка. Она ѣздитъ къ докторамъ и иногда беретъ съ собою Сережу. Особенно памятна ему одна поѣздка. Они вошли, мама и онъ, и скромно сѣли въ полутемномъ уголкѣ пріемной петербургской знаменитости.

— Сережа, любишь ты Александра Валеріановича?—тихо спросила его Софья Александровна, наклоняясь къ его лицу и смотря въ его глаза своими большими, ласковыми черными глазами.

— Да за что же мнѣ его любить или не любить?—подумалъ Сережа.—Ахъ, впрочемъ, онъ мнѣ желѣзную дорогу подарилъ, и ложу для насъ въ театръ взялъ.—Да, люблю,—отвѣчалъ онъ.

Александръ Валеріановичъ былъ сослуживецъ дяди, одинъ изъ его постоянныхъ гостей.

— Онъ скоро сдѣлается твоимъ папой,—повеселѣвъ отвѣчала Софья Александровна:—я выхожу за него замужъ.

— Какъ, вы?..—съ изумленіемъ спросилъ Сережа. Онъ никакъ этого не ожидалъ. А между тѣмъ это была правда. Какъ какой-то смутный сонъ, встаютъ въ воображеніи Сережи дальнѣйшія картины его дѣтства. Помнится ему освѣщенная церковь на свадьбѣ мамы. Онъ несетъ образъ и въ петличкѣ его курточки воткнутъ бѣлый восковой цвѣтокъ. Хоръ поетъ такъ согласно и стройно, вокругъ—такъ много народу. Дядя говоритъ, что это все родные и знакомые, а Сережа между тѣмъ знаетъ очень немногихъ.

— Откуда взялись, напримѣръ, эти два толстыхъ генерала со звѣздами? Неужели у меня такіе важные знакомые?

— А мама? Какая она хорошенькая въ своемъ сиреневомъ, шелковомъ платьѣ! И «*новый папа*» также красивъ. Онъ, должно быть, добрый, этотъ папа—у него лицо такое доброе.

Ну вотъ, церемонія и кончена. Всѣ цѣлуютъ и поздравляютъ маму и папу. Два важныхъ генерала также подходятъ къ нимъ, но увидѣвъ его, Сережу, съ его бѣлымъ цвѣткомъ въ

петлицѣ, даютъ ему дорогу. Вотъ и карета подана. За молодыми и Сережей захлопнулись дверцы и лошади тронулись.

— Ну, теперь ты моя, моя навѣки, дорогая, дарованная мнѣ Богомъ жена,—растроганнымъ голосомъ говоритъ «*новый папа*», покрывая страстными поцѣлуями мамины руки.

А мама цѣлуетъ его въ лобъ и въ губы, плачетъ и смѣется, потомъ цѣлуетъ Сережу, и опять его. Бѣдное, усталое сердце мамы опять вѣритъ и ждетъ, отдыхая отъ страданій прошлаго...

Да, не на радость была эта свадьба. Толстые генералы не принесли счастья мамѣ. Папа получилъ мѣсто въ томъ же провинціальномъ городкѣ, въ которомъ Сережа и мама жили прежде, борясь съ нуждой и ненастьемъ, какъ могли и какъ умѣли. На лѣто рѣшено ѣхать куда-нибудь на воздухъ, въ деревню—и Александръ Валеріановичъ нанялъ хорошенькій и уютный домикъ у стараго отставного полковника—Козловскаго, сосѣда Столбовцевыхъ по имѣнію. Опять по бокамъ коляски запестрѣли поля и луга. Опять лѣсъ точно заигрывалъ съ путниками; то вдругъ тѣсно-тѣсно обступитъ дорогу, такъ что нужно наклоняться, чтобы избѣжать удара вѣтвей по лицу, то снова разбѣжится по обѣимъ ея сторонамъ, образуя небольшія поляны, пестрѣющія пятнами клевера, ромашки, синихъ колокольчиковъ и еще какой-то странной травы съ синеватой серединкой и нѣсколькими желтыми лепесточками наверху.

— Здравствуйте, родныя поля!—горячо привѣтствовали ихъ Сережа и Юля.

На другой же день послѣ пріѣзда Сережа перезнакомился съ хозяйскими дѣтьми. О, сколько чудныхъ ночей провели они впятеромъ—онъ, польненькая и розовая Юля, Миша, Саша и маленькій, толстопузый, остриженный подъ гребенку Коля, съ такимъ выраженіемъ лица, какъ будто все оно собирается вспорхнуть и улетѣть отъ своего владѣльца. Имъ была полная свобода—и они почти не заглядывали домой: ребяческія головы Сережи и Миши были наполнены чудесами изъ романовъ Майнъ-Рида. Они тотчасъ же поспѣшили просвѣтить ими и младшихъ членовъ и скоро въ мирномъ хуторкѣ образовались двѣ воинственныя партіи команчей и апаховъ, ведущихъ между собой упорную, непрерывную войну. Нужно было взглянуть на величественное и серьезное выраженіе предводителей, когда закуривали они воображаемую «трубку мира», обдумывая кровавый набѣгъ съ цѣлью похищенія прекрасной сеньориты Маріи,—ко-

торая была по просту говоря, русоволосой, розовой Юліей! Вотъ уже и солнце спустилось за пасѣкой. Прощальный румянецъ зари угасъ въ безоблачной лазури. Надъ тихимъ прудомъ и темнымъ садомъ сверкнули звѣзды, плавно и спокойно выплыла серебряная луна. Поздно... но звонкій дѣтскій смѣхъ и говоръ долго еще не стихаютъ въ воздухѣ, долго будятъ мирное затишье ночи...

Да, весело и беззаботно пронеслось для Сережи это лѣто: онъ не могъ видѣть оборотной стороны медали. Онъ не слыхалъ ни ревнивыхъ упрековъ нервнаго Александра Валеріановича, ни слезъ матери. А между тѣмъ, между ними постоянно разыгрывались сцены.

Наступила и осень—скоро и въ городъ! Какъ-то Александръ Валеріановичъ пріѣхалъ откуда-то домой нахмуренный и сильно не въ духѣ. Вечеромъ онъ особенно былъ ласковъ съ женой и дѣтьми, рано утромъ ушелъ гулять. Проходитъ день — онъ не возращается. Проходятъ еще два дня—его все-таки нѣтъ. Мама въ страшной тревогѣ... Наняла нѣсколько мужиковъ отыскивать его.

И вотъ помнится Сережѣ гробъ, въ гробу—мертвый Александръ Валеріановичъ. Лицо посинѣло... трупъ издаетъ сильный запахъ. Сережа узналъ по секрету отъ прислуги, что онъ повѣсился изъ ревности къ знакомому имъ студенту... Еще одно кровавое, страшное пятно на фонѣ дѣтскихъ воспоминаній...

Положеніе семьи было просто критическое. Александръ Валеріановичъ не оставилъ въ обезпеченіе участи жены ни капли денегъ, отказавъ въ завѣщаніи все своимъ родственникамъ. Пришлось опять обратиться къ петербургскимъ роднымъ—какъ ни тяжело было это для гордой Софьи Александровны, а пока жить на хлѣбахъ изъ милости у зятя. Опять безконечные, тяжелые упреки, опять слезы: «ты погубила своего мужа, а теперь и насъ объѣдаешь»...

А чахотка между тѣмъ дѣлала свое дѣло. Прекрасное личико мамы осунулось и похудѣло. Глаза стали еще глубже и блестящѣе, обведенные темнымъ кругомъ—тяжелымъ слѣдомъ безсонныхъ ночей. На впалыхъ щекахъ появилось два роковыхъ, красныхъ пятнышка. Въ характерѣ—раздражительность и нервность, въ голосѣ—страдальческія нотки... Мама была не далеко отъ могилы...

И ужъ какъ горько плакалъ Сережа надъ этой могилой!

Но не долго дѣтское горе: мундиръ съ погончиками—и оно прошло, пока не вспомнилось опять въ болѣе позднемъ возра-

стѣ, не вспомнилось жгучими и безумными слезами, неутолимой жаждой ласки и нѣжнаго материнскаго участія...

А тяжелыя сцены смерти, когда добрые родственники изъ-подъ рукъ умирающей матери расхищали и то немногое, что думала она оставить своимъ осиротѣлымъ птенцамъ. Но прочь, мимо нихъ, мимо этихъ грязныхъ сценъ людского эгоизма. Посмотримъ лучше, какъ жилось моему герою на рукахъ дяди.

С. Надсонъ.

Въ дорогѣ.

I.

Вечеръ.

Изъ вагона гляжу. За окномъ
Дымныхъ тучъ протянулось руно,
И за блѣдно-кудрявымъ руномъ
Разлилось золотое вино.

Вечерѣетъ. Острѣе печаль.
Чуткій лѣсъ протемнѣлъ и исчезъ.
Загорается звѣздная даль,
Ночь раскрыла кошницу чудесъ.

Югъ покинутъ, сверкнулъ и погасъ.
Ждетъ нерадостно сѣверъ родной.
Сердце темное въ сумрачный часъ,
Плача, бьется въ тоскѣ предночной.

Ночь, огонь моихъ слезъ утиши,
Будь безмолвнѣй и строже печаль...
Споръ колесъ все упорнѣй въ тиши.
Разгорается звѣздная даль.

II.

Утро.

«Скорѣй, скорѣй!» твердятъ колеса.
Бѣгутъ лѣса, летятъ поля,
Синѣетъ рѣчка у откоса.
—Привѣтъ, родимая земля!

Колосья тощіе киваютъ,
Кресты дорогъ уходятъ въ даль.
Дожди слезами облегчаютъ
Тяжелыхъ тучъ твоихъ печаль.

Люблю песокъ твой, косогоры
И гроздья рыжія рябинъ.
Душа спѣшитъ въ твои просторы
И въ синеву твоихъ равнинъ.

Всегда и весь я твой, родная.
Къ тебѣ вернусь я ввечеру,
Благословлю, благословляя,
И просвѣтлѣю—и умру.

П. Соловьева (Allegro.)

Творчество и критика.

(Отрывокъ изъ письма).

...Вы пишете мнѣ, что вопросы психологіи творчества—это то самое шеллингіанское «Абсолютное», въ которомъ, по язвительнымъ словамъ Гегеля, всѣ кошки сѣры. . Не буду спорить съ вами: да, психологія творчества—пока еще темная область; но напрасно вы думаете, что она темна только для теоретически изучающихъ ее. Полно, такъ-ли? Не еще-ли темнѣе она для самого «творящаго», для художника?

Когда я вчитываюсь въ любое изъ выдающихся произведеній литературы, то мнѣ всегда припоминается одно мѣсто изъ «Горе отъ ума». Помните слова Софьи про Молчалина и отвѣтъ Фамусова: «шелъ въ комнату, попалъ въ другую... - Попалъ, или хотѣлъ попасть?» —Ну такъ вотъ, мнѣ думается, что всякій большой художникъ совершенно непроизвольно всегда «попадетъ въ другую комнату», пройдя черезъ ту, въ которой былъ намѣренъ остановиться... Софья сказала неправду: Молчалины попадаютъ—и въ жизни и въ литературѣ—именно въ ту комнату, въ которую идутъ: возьмите всю умѣренно-аккуратную, среднюю, рядовую беллетристику, публицистику, поэзію—какое умѣніе попадать въ заранѣе намѣченную цѣль! И возьмите истиннаго художника—какое подчасъ страстное желаніе ограничить себя опредѣленными рамками, и какое безсиліе, какое неумѣніе сказать *только то*, что было сознательно задумано!

Яркій примѣръ этого я сейчасъ вамъ приведу, а пока замѣчу, кстати, вотъ что: если все это такъ, то отсюда выясняется и задача критики. Что для нея важнѣе опредѣлить: куда художникъ «попалъ» или куда онъ «хотѣлъ попасть»? Конечно, важно и то и другое, и нельзя пройти мимо вопроса, что *хотѣлъ сказать* художникъ въ своемъ произведеніи; но безконечно важнѣе другая задача критики — опредѣлить не то, что *хо-*

тѣлъ сказать художникъ, а то, что онъ *сказалъ* и высказалъ, быть можетъ самъ того не подозрѣвая, не сознавая.

Темная область—психологія творчества; но во всякомъ случаѣ въ ней твердо установленъ одинъ существенный фактъ: въ процессѣ всякаго художественнаго творчества сознательное *я* часто ввѣряетъ себя руководству подсознательныхъ элементовъ. Я даже такъ скажу: быть можетъ, чѣмъ больше вліяніе этихъ подсознательныхъ элементовъ, тѣмъ больше художественная и всякая иная значимость произведенія. Не подумайте, что я собираюсь воскресить старую романтическую теорію поэтическаго «экстаза», «вдохновенія», при которомъ художникъ сразу начисто пишетъ подъ диктовку свыше и не въ правѣ перемѣнить ни одного слова въ написанномъ, иначе-де это будетъ «мертвая рефлексія». Конечно, нѣтъ. Вы лучше, чѣмъ кто нибудь другой, знаете, что «творчество» состоитъ далеко не въ одномъ бряцаніи разсѣянной рукой по лирѣ, но и въ мучительномъ трудѣ воплощенія образовъ въ слово: «и слово плоть бысть»... Вспомните черновыя тетради Пушкина. Все это такъ. Но вотъ живой примѣръ объяснитъ вамъ мою мысль: Толстой. Толстой, безпощадно марающій и десятокъ разъ передѣлывающій и передѣлывавшій свои произведенія, съ удивленіемъ признаетъ въ своемъ творчествѣ власть этихъ непроизвольныхъ, подсознательныхъ элементовъ. Письма, дневникъ, замѣтки Толстого шестидесятыхъ-семидесятыхъ годовъ—что за матеріалъ для пониманія «творчества»! Напомню вамъ его удивительное письмо къ Страхову (26 апр. 1876 г.), въ разгаръ работы надъ «Анной Карениной». Толстой пишетъ: «...каждая мысль, выраженная словами особо, теряетъ свой смыслъ, страшно понижается, когда берется одна и безъ того сцѣпленія, въ которомъ она находится. Само же сцѣпленіе составлено не мыслью (я думаю), а чѣмъ-то другимъ, и выразить основу этого сцѣпленія непосредственно словами нельзя, а можно только посредственно—словами описывая образы, дѣйствія, положенія... Меня занимало это послѣднее время. Одно изъ очевиднѣйшихъ доказательствъ этого было для меня самоубійство Вронскаго...; этого никогда со мной такъ ясно не бывало. Глава о томъ, какъ Вронскій принялъ свою роль послѣ свиданія съ мужемъ, была у меня давно написана. Я сталъ поправлять, и совершенно для меня неожиданно, но несомнѣнно, Вронскій сталъ стрѣляться. Теперь же для дальнѣйшаго оказывается, что это было органически необходимо»...

Вы видите: Толстой—«шелъ въ комнату, попалъ въ другую». Весь этотъ эпизодъ безконечно цѣненъ, крайне характеренъ, но

все-таки это сравнительно мелочь, деталь произведенія. Возьмите шире: примѣните ко всему роману то, что авторъ говоритъ объ одномъ эпизодѣ; возьмите глубже: отнесите къ философской сущности произведенія то, что авторъ говоритъ о его фабулѣ— и вы увидите, что всякій большой художникъ не можетъ не «попасть въ другую комнату», иногда сознавая, иногда не сознавая этого. Думалъ-ли Пушкинъ о глубокомъ философскомъ смыслѣ своего «Евгенія Онѣгина»? Всегда-ли сознавалъ Достоевскій, до какихъ глубинъ онъ доходилъ? Но лучшій примѣръ—опять-таки Толстой: онъ не только не сознавалъ, онъ даже отрицалъ глубочайшій философскій и религіозный смыслъ двухъ своихъ романовъ, «Войны и Мира» и «Анны Карениной». Какъ понимаетъ, какъ понималъ Толстой эту свою грандіозную эпопею? Онъ считалъ, что эти романы отвѣчаютъ только на вопросъ «какъ жить»?, и обходятъ молчаніемъ вопросъ «зачѣмъ жить»?; онъ считалъ, что, потерявъ въ сороковыхъ годахъ вѣру въ Бога, а въ пятидесятыхъ—вѣру въ человѣчество, онъ остался совершенно безъ руля и безъ вѣтрилъ и безпомощно повисъ въ пространствѣ, какъ гробъ Магомета; тогда-то и были написаны «Война и Миръ» и «Анна Каренина». Неужели же это такъ? Неужели два великихъ произведенія міровой литературы написаны въ періодъ духовной и идейной безпомощности автора? Одно изъ двухъ: или литература, въ такомъ случаѣ, есть дѣйствительно пустая забава, дѣтская побрякушка, «граціозная ненужность», по выраженію самого же Толстого послѣднихъ лѣтъ; или Толстой ошибался, считая себя въ эпоху «Войны и Мира» и «Анны Карениной» совершенно лишеннымъ всякихъ запросовъ о цѣли бытія. Къ счастію для насъ и для него, онъ ошибался и въ томъ и въ другомъ случаѣ, «шелъ въ комнату, попалъ въ другую»... Цѣльная и глубокая философія, яркая *религія жизни* видна на каждой страницѣ этихъ романовъ, совершенно независимо отъ воли и намѣренія ихъ автора. Онъ «хотѣлъ сказать» въ нихъ только то, «что для меня было единой истиной,— говоритъ онъ:—что надо жить такъ, чтобы самому съ семьей было какъ можно лучше...» Только это онъ «хотѣлъ сказать», а надо-ли говорить вамъ, что дѣйствительно «сказалъ» онъ этими романами! И не правъ-ли я: какое неумѣніе, какое безсиліе сказать *только то*, что было задумано! Великій художникъ (да и всякій истинный художникъ) бьетъ всегда мимо цѣли и дальше цѣли; пусть это парадоксъ, но въ этомъ парадоксѣ— истина: въ немъ неизбѣжное свойство всякаго истиннаго творчества.

Не знаю, согласитесь-ли вы со всѣмъ этимъ; въ письмѣ можно только слегка намѣтить основныя мысли. Къ тому же мое письмо и безъ того становится слишкомъ длиннымъ, и я спѣшу закончить его, возвращаясь снова къ критикѣ и ея задачамъ. Повторяю, главная задача критики—опредѣлить, куда «попалъ» художникъ, а вовсе не куда онъ «хотѣлъ попасть». Конечно, и съ литературными Молчалиными бываетъ, что они попадаютъ, съ позволенія сказать, пальцемъ въ небо; но и въ такомъ случаѣ, разъ критика почему-либо занялась этимъ явленіемъ,—ея главная задача остается прежней: указать, куда мѣтилъ авторъ, и вскрыть, куда онъ попалъ. Пусть окажется, что безталанный авторъ—простите за вульгарность—«цѣлилъ въ ворону, а попалъ въ корову», или наоборотъ,—задачей критики и является показать это. Но это только черная работа, неизбѣжная для подневольнаго критика: кому охота по доброй волѣ раскапывать заднiй дворъ литературы? Иногда эта работа необходима, но эта работа отрицательнаго характера. Критика отдыхаетъ и дышитъ полной грудью, обращаясь къ истинному творчеству; но и тутъ ея задача по существу не мѣняется: надо вскрыть, не что хотѣлъ сказать, а что сказалъ художникъ въ своемъ произведеніе, что *сказалось* въ его цѣломъ. Всякая бываетъ критика—эстетическая, психологическая, общественная, соціологическая, этическая; и каждая изъ нихъ необходима въ процессѣ работы критика. Есть произведенія, къ которымъ достаточно приложить только одинъ изъ этихъ критеріевъ; но попробуйте ограничиться эстетической или психологической критикой, изучая «Короля Лира» или «Фауста»! Вотъ почему *философская* (въ широкомъ смыслѣ) критика только одна можетъ считаться достаточно общей точкой зрѣнія. Опредѣлить «паѳосъ», опредѣлить «философію» (чаще всего безсознательную) художника и его произведенія, опредѣлить, что имъ «сказалось», а не «говорилось»—вотъ, повторяю, главная задача критики; внѣ ея критика—либо «граціозная ненужность» (есть такая, «импрессіонистская критика»), либо только накопленіе матеріаловъ для будущаго зданія философской критики. Опять напомню вамъ слова Толстого изъ того же его письма: «нужны люди,—говоритъ онъ,—которые бы показывали безсмыслицу отыскиванія отдѣльныхъ мыслей въ художественномъ произведеніи и постоянно руководили бы читателей въ томъ безконечномъ лабиринтѣ сцѣпленій, въ которомъ и состоитъ сущность искусства»... А для этого критика должна вскрыть внутренній смыслъ художественнаго произведенія, должна разобраться въ тѣхъ безсознательныхъ или подсознательныхъ

элементахъ творчества, которые иногда даютъ окраску всему творчеству художника.

Итакъ, скажете вы, критикъ всегда, подобно Гамлету, долженъ «вести подкопъ аршиномъ глубже» художника? Глубже «Войны и Мира», глубже «Братьевъ Карамазовыхъ»? О, конечно нѣтъ— иначе критика была бы невозможна. Но задача критики —осознать неосознанное художникомъ и вскрыть тотъ «подкопъ», которымъ шелъ художникъ, ту подсознательную почву, на которой онъ строилъ. Когда Толстой писалъ и печаталъ «Анну Каренину», а безчисленные фельетонисты-критики à qui mieu mieu истолковывали смыслъ его произведенія, то Толстой иронически отозвался о нихъ: «ils en savent plus long que moi». Конечно, все дѣло въ талантѣ критика; но знаете-ли что? Мнѣ думается, что въ этой фразѣ Толстого ярко сформулирована вся задача критики: критика всегда должна savoir plus long, чѣмъ самый геніальный писатель. Творческая интуиція художника подсознательна; критическій анализъ выявляетъ ее, ясно видитъ невидное художнику; истинный критикъ *долженъ* savoir plus long, чѣмъ художникъ, иначе его «критика» не заслуживаетъ этого имени.

Все это только подтверждаетъ высказанную вами мысль, что истинная критика въ концѣ концовъ неотдѣлима отъ того произведенія, которому посвящена. И тутъ опять мнѣ припоминается все та-же крылатая фраза:

Шелъ въ комнату, попалъ въ другую...
— Попалъ, или хотѣлъ попасть?
Да вмѣстѣ вы зачѣмъ? Нельзя, чтобы случайно...

Да, не случайно (по выраженію Аполлона Григорьева) критика Бѣлинскаго плющемъ обвилась вокругъ именъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Кольцова... Можно было бы назвать еще много именъ и произведеній—но къ чему? Вы ихъ сами прекрасно знаете. Не случайно художникъ высказываетъ не то, что «хотѣлъ сказать»; не случайно критикъ оказывается вмѣстѣ съ нимъ и вскрываетъ подсознательную почву, философскую и религіозную основу художественнаго творчества: не случайно— такъ какъ это обусловлено строго необходимой «созвучностью» этого критика и этого художника.

И кому, какъ не вамъ, знать, что сама «критика» есть «творчество»?....

Ивановъ-Разумникъ.

Въ моей странѣ.

Въ моей странѣ — покой осенній,
Дни отлетѣвшихъ журавлей,
И словно строгій счетъ мгновеній
Проходятъ облака надъ ней!

Безмолвно поле, лѣсъ безгласенъ,
Одинъ ручей, какъ прежде, скоръ.
Но странно ясенъ и прекрасенъ
Омытый холодомъ просторъ.

Здѣсь, гдѣ весна, какъ дѣва, пѣла
Надъ свѣжей зеленью луговъ,
Гдѣ послѣ рожь цвѣла и зрѣла
Въ святомъ предчувствіи серповъ, —

Гдѣ ночью жгучія зарницы
Порой влюбленныхъ стерегли,
Гдѣ въ августѣ склоняли жницы
Свой станъ усталый до земли, —

Теперь торжественность пустыни,
Да вѣтеръ, бьющій по кустамъ,
А неба сводъ, глубоко-синій, —
Какъ куполъ, увѣнчавшій храмъ.

Свершила ты свои обѣты,
Моя страна, и замкнутъ кругъ!
Цвѣты опали, пѣсни спѣты,
И собранъ хлѣбъ, и скошенъ лугъ.

Дыши же благостнымъ покоемъ
Надъ міромъ дорогихъ могилъ,
Какъ прежде ты дышала зноемъ,
Избыткомъ страсти, буйствомъ силъ!

Съ лицомъ и яснымъ и суровымъ
Удары снѣжныхъ вихрей встрѣть,
Чтобъ иль воскреснуть съ майскимъ зовомъ,
Иль въ нѣгѣ сладкой умереть!

Валерій Брюсовъ.

Дружининъ.

Рѣчь, сказанная 8 ноября 1909 года, во время празднованія юбилея литературнаго фонда.

Тургеневъ, очень любившій Дружинина, называлъ его «милѣйшимъ изъ консерваторовъ». Это не совсѣмъ вѣрно. Дружининъ въ политикѣ былъ индиферентистъ по преимуществу. А въ критикѣ онъ старался создать широкую теорію *искусства свободнаго*. Основной его тезисъ — художникъ долженъ всегда идти въ ту сторону, куда его влечетъ совокупность свойствъ его духовной природы. Будучи самъ рѣшительнѣйшимъ противникомъ всякаго тенденціознаго искусства или того, что онъ называлъ «дидактикой», Дружининъ вмѣстѣ съ тѣмъ всякому «дидактику» совѣтовалъ быть таковымъ, если онъ дѣйствительно глубоко проникнутъ стремленіемъ къ дидактизму.

Но предоставляя писателямъ самую широкую свободу литературнаго исповѣданія, Дружининъ лично себѣ тоже позволялъ очень враждебное отношеніе къ привнесенію общественности въ литературу. Въ этой своей враждѣ Дружининъ доходитъ до большихъ крайностей. Такъ, относясь очень отрицательно къ «молодой Германіи» и французскимъ писателямъ сороковыхъ годовъ, Дружининъ не только не можетъ равнодушно слышать имена Берне, Гуцкова, Фрейлиграта, Гервега, которые «опозорили» себя своею враждою къ Гете, но прямо доходитъ до утвержденія, что дидактики «не выставили ни одного великаго имени». А между тѣмъ онъ самъ къ числу завзятѣйшихъ дидактиковъ причисляетъ Гейне, Жоржъ Зандъ и Виктора Гюго!

Но удивительно складываются подчасъ литературныя карьеры, и подлинно habent fata sua libelli, т. е. имѣютъ нѣчто предопредѣленное и роковое въ себѣ судьбы литературныя. Какъ разъ эта самая общественность, къ которой враждебно относился Дружининъ, сыграла первостепенную роль въ его литературной дѣятельности. Если имя Дружинина удержалось въ памяти, то какъ разъ въ двухъ случаяхъ, когда его личныя симпатіи и ходъ

творчества совпали съ моментомъ общественнымъ. Дружининъ, въ самомъ дѣлѣ, принадлежитъ къ числу писателей, мало читаемыхъ. Горячій поклонникъ Дружинина, покойный проф Кирпичниковъ, еще 25 лѣтъ тому назадъ такъ и назвалъ свою статью о немъ— «Забытый талантъ». Но если все-таки кромѣ спеціалистовъ словесниковъ Дружининъ извѣстенъ хоть по имени, то, повторяю, только по двумъ поводамъ, когда онъ поддался вліянію общественности.

Первый разъ это было въ самомъ началѣ дѣятельности Дружинина — въ срединѣ 40-хъ годовъ. Кипѣло тогда въ литературѣ! Перебрасывались къ намъ искры пожара, разгоравшагося во Франціи, Франціи Сенъ-Симона, Кабе, Фурье, Луи Блана и Жоржъ-Зандъ. По знаменитому выраженію Салтыкова, «лилась къ намъ» оттуда «вѣра въ человѣчество», «возсіяла увѣренность, что золотой вѣкъ не позади, а впереди насъ».

Какъ мнѣ уже приходилось отмѣчать («Очерки», т. I), это необыкновенно яркое пробужденіе *общественнаго чувства* въ концѣ сороковыхъ годовъ сказалось на всѣхъ отрасляхъ литературной производительности эпохи. Тѣ же самые «люди сороковыхъ годовъ», которые прежде, въ тридцатыхъ годахъ, только и думали, что объ «абсолютахъ», о «святынѣ искусства», о «вѣчной красотѣ» и тому подобномъ, теперь до мозга костей проникаются «политикой», думами и размышленіями о томъ, справедливъ или несправедливъ существующій общественный строй, правильны или неправильны наши космогоническія представленія, нормальны или не нормальны наши семейныя отношенія и т. д. Сообразно съ этимъ поворотомъ, рѣшительно вся молодая литература изъ фазиса эстетическаго переходитъ въ фазисъ общественно-политическій.

Все, что появилось въ срединѣ и концѣ сороковыхъ годовъ свѣжаго, убѣжденнаго и талантливаго, все это примкнуло къ новому движенію. Примкнулъ, во-первыхъ, Бѣлинскій со всѣмъ запасомъ своего страстнаго энтузіазма. Съ тою же восторженною энергіей, съ которою «неистовый Виссаріонъ» когда-то требовалъ отъ писателей служенія чистому искусству, онъ сталъ требовать отъ нихъ опредѣленной общественной тенденціи. Это же требованіе соотношенія жизни и искусства выставилъ на своемъ знамени даровитый юноша, такъ рано погибшій для русской литературы—Валеріанъ Майковъ. Ярко и опредѣленно примыкалъ къ духу времени третій даровитый теоретикъ сороковыхъ годовъ— Искандеръ. Нужно припомнить силу вліянія Бѣлинскаго, неотразимое обаяніе ума Искандера и горячую убѣжденность Майкова, чтобы понять, до какой степени должны были подчиниться про-

повѣди новыхъ теорій молодые таланты, чуткіе ко всему искреннему и убѣжденному. И дѣйствительно, какимъ-то совершенно стихійнымъ образомъ, всѣ молодые таланты, точно сговорившись и почти въ одинъ и тотъ же годъ 1846—47, предстали предъ изумленною публикою съ рядомъ превосходныхъ произведеній, въ основѣ которыхъ лежали широкія общественныя тенденціи. Явился Григоровичъ съ «Деревней» и «Антономъ Горемыкой», въ которыхъ впервые былъ показанъ человѣкъ въ крѣпостномъ мужикѣ. Явился Тургеневъ съ «Записками охотника», въ которыхъ то же желаніе очеловѣчить мужика было проведено съ еще большею теплотою. Явились первыя стихотворенія на народныя темы Некрасова, бросившаго подъ новымъ вліяніемъ «мечты и звуки» и посвятившаго отнынѣ свою музу народнымъ страданіямъ и психологіи народной души. Та же широкая общественная тенденція лежала въ основѣ Герценовскаго «Кто виноватъ», «Бѣдныхъ людей» Достоевскаго, «Запутаннаго дѣла» Салтыкова, стиховъ Плещеева и цѣлаго ряда другихъ второстепенныхъ произведеній.

И вотъ къ этой блестящей фалангѣ молодыхъ талантовъ примкнулъ и Дружининъ своею первою повѣстью «Полинька Саксъ».

Она имѣла огромный успѣхъ и сразу поставила 23-лѣтняго дебютанта въ первые ряды литературы. Причина этого быстраго и блестящаго успѣха въ томъ, что эта повѣсть была одной изъ первыхъ и вполнѣ опредѣленныхъ попытокъ поставить въ русской литературѣ вопросъ о свободѣ сердца. Тонко и нѣжно, но оттого не менѣе рѣшительно ставилась проблема брака, который священенъ только до тѣхъ поръ, пока живо чувство любви, въ основѣ его лежащее. А исчезло это чувство и всякія формальныя узы теряютъ свою обязательность. Храбръ и благороденъ герой повѣсти, Саксъ имѣющій за собою много лѣтъ боевой жизни на Кавказѣ, хладнокровно убившій на дуэли одного молодчика за то, что тотъ не хотѣлъ извиниться предъ какою-то совершенно даже незнакомою Саксу актрисою. Но когда тотъ же Саксъ, въ 35 лѣтъ женившійся на 18-лѣтней Полинькѣ, замѣчаетъ, что его милая куколка влюбилась въ молодого офицера, онъ не вызываетъ его на дуэль, онъ отходитъ на второй планъ, онъ поступается своими «законными» правами. Нѣтъ любви—кончился бракъ. Это была новая постановка, которая не могла не произвести огромнаго впечатлѣнія, и что удивительнаго въ томъ, что и до сихъ поръ «Полинька Саксъ» составляетъ краеугольный камень извѣстности Дружинина. Послѣ этого онъ писалъ повѣсти, съ чисто-литературной точки зрѣнія болѣе замѣчательныя. Но ихъ теперь даже и по имени не знаютъ, потому что онѣ стояли въ сторонѣ

отъ большой дороги коренныхъ вопросовъ жизни и запросовъ общественности. Такимъ образомъ въ исторiю литературы врагъ дидактики Дружининъ вошелъ какъ разъ въ качествѣ автора произведенiя съ опредѣленной тенденцiей.

Второй моментъ литературной дѣятельности Дружинина, гарантирующiй ему долгую память, опять-таки связанъ съ тѣмъ что работа его индивидуальной мысли счастливо соединилась съ удовлетворенiемъ серьезной общественной потребности. Въ срединѣ 1856-хъ годовъ Дружининъ выказалъ большое чутье современности, явившись инициаторомъ дѣла, которое имѣло шумный и вмѣстѣ съ тѣмъ прочный успѣхъ. Я говорю о литературномъ фондѣ, основанномъ главнымъ образомъ по мысли Дружинина. Вычитавъ въ англiйскихъ изданiяхъ свѣдѣнiя о британскомъ litterary fund, Дружининъ въ ноябрѣ 1856 г. на одномъ изъ литературныхъ собранiй-обѣдовъ, происходившихъ во второй половинѣ 50 годовъ у гр. Кушелева-Безбородко, предложилъ устроить нѣчто подобное у насъ. Мысль Дружинина была встрѣчена настолько сочувственно, что онъ рѣшился изложить ее печатно, въ обстоятельной статьѣ «Нѣсколько предположенiй по устройству русскаго литературнаго фонда для пособiя нуждающимся лицамъ ученаго и литературнаго круга». Дружининъ ставилъ вопросъ уже прямо на практическую почву. Въ происходившихъ вслѣдъ затѣмъ другихъ подготовительныхъ работахъ Дружининъ принималъ самое дѣятельное участiе, такъ что въ общемъ его въ полномъ смыслѣ можно назвать *отцомъ литературнаго фонда.* И недаромъ всѣ писавшiе о немъ такъ внимательно останавливаются на этой страницѣ его бiографiи. Заканчивая свой некрологъ Дружинина, Некрасовъ говоритъ: «Дружининъ есть истинный *основатель литературнаго фонда* (курсивъ Некрасова). Прибавлять нечего»... Въ этихъ словахъ, писанныхъ въ началѣ 1864 года, слышится еще отголосокъ того восторга, можно сказать, даже умиленiя, которое въ свое время возбуждало учрежденiе литературнаго фонда. Въ учрежденiи литературнаго фонда и писатели и общество справедливо видѣли офицiальное признанiе и освященiе занятiя, которое всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ офицiально же квалифицировалось какъ «скользкое поприще». Публика буквально ломилась на чтенiя, устраиваемыя въ пользу фонда, осыпая восторженными оващiями всѣхъ участвовавшихъ на нихъ и всякими иными путями выражая свое восторженное одобренiе. О силѣ этого энтузiазма можно судить по тому, что цѣлую половину капитала, собраннаго литературнымъ фондомъ за первые 25 лѣтъ

его существованія, дали первые два. И, конечно, заслуга вызвать подобное движеніе и энтузіазмъ огромна. Отмѣчу кстати, что Дружининъ предлагалъ также, чтобы издатели газетъ, журналовъ и книгъ жертвовали въ литературный фондъ *по одной копѣйкѣ* съ подписчика. Несмотря на ничтожность этого процента, призывъ Дружинина остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ до начала 1890-хъ гг., когда о «*Дружининской копѣйкѣ*» напомнилъ на одномъ изъ годовыхъ собраній фонда В. И. Сергѣевичъ. Присутствовавшій на этомъ собраніи П. А. Гайдебуровъ тутъ же обѣщалъ ежегодно вносить по копѣйкѣ съ подписчика «Недѣли»; его примѣру вскорѣ послѣдовали «Русская Школа» Я. Г. Гуревича, нѣкоторые авторы (В. И. Сергѣевичъ и др.), и «Дружининская копѣйка» стала давать болѣе 100 р. въ годъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, однако, всѣ опять благополучно забыли о копѣйкѣ.

Упоминаю объ этихъ фактахъ съ робкою надеждою на то, что они не пройдутъ незамѣченными. Можетъ быть, опять у кого-нибудь, въ память полувѣкового юбилея созданнаго по мысли Дружинина учрежденія, явится желаніе подѣлиться хоть самою малою долею издательскаго дохода съ тѣми, кто этотъ доходъ создаетъ.

Любопытно отмѣтить, что, проявивъ несомнѣнную чуткость въ основномъ, Дружининъ находился въ немаломъ заблужденіи относительно реальныхъ условій литературнаго быта. Такъ, въ уже мною названной подготовительной статьѣ Дружининъ писалъ вотъ что:

«У насъ, благодареніе Богу, почти нѣтъ литературныхъ пролетаріевъ, даровитыхъ людей, умирающихъ съ голоду; сильныхъ талантовъ, кончающихъ жизнь, какъ Отвай или Сиведжъ, отъ нужды и общей холодности. Огромная часть нашихъ ученыхъ и писателей обезпечена и пособіями правительства, и службою, и платою за трудъ, почти ежегодно возвышающейся, и собственнымъ своимъ достаткомъ».

Жестоко были опровергнуты слова Дружинина. Первый же отчетъ литературнаго фонда говорилъ: «тѣ, которымъ громкая литературная извѣстность даетъ возможность болѣе чѣмъ безбѣднаго состоянія, не могутъ себѣ представить, въ какомъ положеніи находится меньшая ихъ братья, эти труженики второстепенныхъ мелкихъ журналовъ, и съ какими усиліями зарабатывается ими скудная плата. Мы видѣли между ними нищету потрясающую».

Со свойственной ему добросовѣстностью Дружининъ въ одной изъ своихъ статей *) очень подробно останавливался на свѣдѣ-

*) „Библ. д. Чт." 1860 г. № 2.

ніяхъ отчета, разрушавшихъ его оптимистическія увѣренія. Но, конечно, эта ошибка ни мало не ослабляетъ основной заслуги. Дѣло не въ деталяхъ, а въ порывѣ, въ душевной *инициативѣ*. И въ этой инициативѣ мы уже имѣемъ дѣло съ несомнѣнно-индивидуальною заслугою Дружинина. Общественность общественностью, но, несомнѣнно, надо было обладать добрымъ и благороднымъ сердцемъ, чтобы изъ множества вычитанныхъ извѣстій какъ разъ съ особеннымъ вниманіемъ остановиться на такомъ, гдѣ рѣчь шла о помощи нуждающимся. Недаромъ всѣ сохранившіяся свидѣтельства о личности Дружинина рисуютъ намъ его съ самой лучшей стороны. Онъ такъ и извѣстенъ былъ въ литературныхъ кружкахъ, какъ «рыцарь безъ страха и упрека».

Это личное благородство сыграло крупнѣйшую роль въ ходѣ творчества и дѣятельности Дружинина. Голосъ сердца подсказывалъ ему подчасъ то, что безсильны были ему дать его теоретическія воззрѣнія. Такъ, напр., въ «Полинькѣ Саксъ» онъ заставляетъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, человѣка, совсѣмъ не зараженнаго «идеями», очень жовіальнаго, убѣжденнаго поклонника de la dive bouteille, т. е. попросту бутылки, совершенно *терять аппетитъ*, когда онъ попадаетъ въ деревню, гдѣ, какъ онъ выражается, его «окружали руины и госпитальныя физіономіи». Заставить героя своего потерять аппетитъ отъ вида крестьянской бѣдности—это уже значило перенести вопросъ изъ сферы государственныхъ соображеній на почву личной нравственности и прямо сказать, что вопросъ регулированія крѣпостного права лежитъ не только на обязанности государственной власти, а на совѣсти каждаго порядочнаго человѣка. Благородное сердце подсказало тутъ Дружинину постановку вопроса необыкновенно глубокую.

Хлопоты о литературномъ фондѣ, если хотите, шли до извѣстной степени въ разрѣзъ съ однимъ изъ любимыхъ теоретическихъ положеній Дружинина, и если онъ ихъ предпринялъ, то, главнымъ образомъ, подъ диктовку сердца, а не ума. Дружининъ былъ рѣшительнымъ противникомъ всего *временнаго* въ литературѣ и жизни. Онъ не любилъ публицистическихъ истолкованій, доказывалъ, что значеніе крупныхъ писателей не въ томъ, что они ловили «моментъ», а въ томъ, что они, напротивъ того, отразили «вѣчныя» явленія человѣческой жизни—поэзію, любовь и т. д.

Въ этомъ крылось, конечно, недоразумѣніе и игра словъ. Кто сомнѣвается въ томъ, что «вѣчное» важнѣе для искусства, чѣмъ «моментъ», т. е. временное. Но дѣло-то въ томъ, что

«вѣчное» достигается только внимательнымъ и отчетливымъ изученіемъ той же временной среды, въ которую судьба поставила писателя. Выдающійся писатель, если онъ талантъ настоящій, т. е. человѣкъ, орлинымъ взоромъ проникающій во всѣ сокровенныя подробности окружающей его среды, *не можетъ не ловить момента* по той простой причинѣ, что жизни вообще, an und für sich, внѣ времени и пространства, не бываетъ. Если писатель вѣрно исполняетъ великій завѣтъ величайшаго изъ истинныхъ художниковъ—Гете, онъ долженъ «greifen ins volle Menschenleben», которая ему можетъ быть доподлинно извѣстна только постольку, поскольку онъ истинный сынъ окружающей его живой дѣйствительности. Писатель, который садится за свой письменный столъ съ цѣлью изобразить одно «вѣчное», ничего кромѣ сухихъ и безжизненныхъ абстракцій или мертворожденныхъ символовъ не произведетъ. Вѣчное получается само собою, если временное изображено художественно, т. е. ярко, правдиво и полно. Подъ кистью истиннаго художника даже простой *портретъ* превращается въ дѣйствительно «вѣчное» произведеніе искусства, потому что каждый отдѣльный человѣкъ есть микрокосмъ всего человѣческаго существованія, въ которомъ временныя черты—простыя видоизмѣненія вѣчныхъ. И изображайте только хорошо *временное*, и вѣчное явится само собою.

Дружининъ, когда хлопоталъ о литературномъ фондѣ, къ счастью забылъ о своей пропагандѣ однихъ только вѣчныхъ дѣлъ. Ибо что можетъ быть временнѣе тѣхъ нуждъ, облегченію которыхъ посвящаетъ свою дѣятельность литературный фондъ? Тутъ уже не интересы эпохи, не интересы даже года, а прямо интересъ текущаго дня.

Но въ томъ-то и дѣло, что и тутъ за временнымъ скрывается вѣчное. Удовлетворяя жгучимъ потребностямъ *минуты*, литературный фондъ тѣмъ самымъ, по мѣрѣ скромной возможности скромныхъ средствъ своихъ, служитъ цѣли великой и, конечно, вѣчной. Скромно, но неустанно участвуетъ онъ въ укрѣпленіи того духа, которымъ жива русская литература и, благодаря которому, русская литература заняла теперь первенствующее, чтобы не сказать первое мѣсто въ новѣйшей міровой литературѣ. И вѣчная, а не временная слава Дружинину, въ порывѣ благороднаго сердца положившаго начало благородному дѣлу.

С. Венгеровъ.

Поэзія — богъ.

(Посвящается памяти А. С. Слуцкаго).

Когда его судьба не мучила сурово
И въ небеса мечты волшебныя влекли,—
Какъ часто повторялъ онъ съ дѣтства это слово:
«Поэзія есть богъ въ святыхъ мечтахъ земли».
Тогда онъ жизнь любилъ и вѣровалъ такъ страстно
Въ поэзію, въ добро, въ свободу и любовь,
Что даже родичи подшучивали властно
И на его восторгъ нахмуривали бровь.
Онъ съ раннихъ лѣтъ сталъ пѣть, все больше о небесномъ,
О вѣчности, любви, о грезахъ и цвѣтахъ;
Онъ въ мірѣ не хотѣлъ исчезнуть неизвѣстнымъ,—
Кончина ранняя вселяла тайный страхъ.
Наивный юноша, онъ думалъ, что со славой
Богатство и почетъ къ нему ворвутся въ дверь,—
И вотъ чрезъ тридцать лѣтъ съ мучительной отравой,
Съ отчаяньемъ въ груди терзается теперь.

Межъ тѣмъ, какъ гдѣ-нибудь въ заброшенномъ селеньи
Счастливый юноша досужимъ вечеркомъ
Восторженно твердитъ въ его стихотвореньи
Созвучья легкія, склоняясь надъ столомъ.
Межъ тѣмъ, какъ стихъ его, затверженный украдкой,
Дѣвица юная строчитъ въ альбомъ подругъ
И говоритъ о немъ въ мечтахъ съ улыбкой сладкой:
«Какъ счастливъ, кто создалъ такой волшебный звукъ!
Должно быть, онъ красивъ и смѣлымъ взоромъ ясенъ,
О, если бы его увидѣть, хоть вдали!»—
И это потому, что міръ мечты прекрасенъ:
«Поэзія есть богъ въ святыхъ мечтахъ земли».

А онъ создатель строфъ, волнующихъ такъ нѣжно,
Пѣвецъ восторженный любви и красоты,
Нахмуренъ, голоденъ, одѣтъ всегда небрежно,—
Не можетъ выбиться изъ бѣдъ и нищеты.
Подруга, что, плѣнясь прекрасными строфами,
Съ нимъ раздѣляла жизнь, насмѣшливо ушла
И музу прокляла, игравшую сердцами,
Затѣмъ, что бѣдностью истерзана была.
Ей надоѣло жить въ священныхъ недостаткахъ,
Блестящей прозою съ ума ее свели,—
И шепчетъ вновь она въ алмазахъ и перчаткахъ:
«Поэзія есть богъ въ святыхъ мечтахъ земли».

Поэта же язвятъ то клеветой, то сплетней,
Укоры рвутся съ устъ и сердце боль щемитъ,
О, лучше бъ жизнь пройти глупѣй и незамѣтнѣй,
Чѣмъ вѣчно ощущать позорный жаръ ланитъ.
Вотъ и теперь идетъ онъ городомъ огромнымъ...
Вновь скоро Рождество и скоро Новый годъ.
Морозитъ. Снѣгъ хруститъ, и силуэтомъ темнымъ
Поспѣшно тѣнь его озябшая идетъ.

Повсюду суета. Движеніе на рынкахъ.
Предъ конками толпы, разносчики кричатъ
И машутъ новыми журналами въ картинкахъ.
Весь въ бѣломъ инеѣ Александринскій садъ.
Здѣсь бюстовъ много есть писателей-собратьевъ.
Счастливые! Имъ нѣтъ заботъ земного дня,
И крѣпко держитъ ихъ морозъ въ своихъ объятьяхъ,
Но крѣпче ихъ металлъ безъ крови и огня.
И голову склонивъ, какъ бы пугаясь дали,
Пѣвецъ «Свѣтланы» здѣсь. Остановись, внемли!
Ты видишь письмена на сѣромъ пьедесталѣ:
«Поэзія есть богъ въ святыхъ мечтахъ земли!»

А дальше въ золотомъ шеломѣ Исаакій,
Адмиралтейства шпицъ вознесся, какъ стрѣла.
Морозъ крѣпчаетъ все... торопится не всякій,—
И медленно толпа на Невскій поплыла.
Въ редакціи тепло. Свѣтъ льется отъ камина,
Конторщицы гремятъ «ренгтонкою». Часы
Уныло чикаютъ. Къ нему идетъ мужчина,
Изященъ, надушенъ, закручены усы.

«У насъ довольно есть изъ вашего; къ тому же
Редакторъ обѣщалъ не помѣщать стиховъ.
Авансы не даемъ,—дѣла у насъ все хуже!»
Раскланялся, сказалъ «pardon»—и былъ таковъ.
И вотъ поэтъ опять на улицѣ холодной...
Движенье, суета. Зажглись огни вдали.
И ѣдутъ, и идутъ,—и мыслитъ онъ голодный:
«Поэзія есть богъ въ святыхъ мечтахъ земли».

Толкнулся въ новую редакцію. Въ ней то же,
И подозрительно курносый господинъ
Смотрѣлъ черезъ очки, какъ будто думалъ: «Боже,
Уже не сыщикъ ли отъ кружковыхъ дружинъ».
Зашелъ къ пріятелю; тотъ хмурится, безъ денегъ.
Бранитъ издателей, пальто стащилъ въ ломбардъ,
Опять схватилъ бронхитъ, бродя весь день безъ кенигъ,
И не на что пробрить проросшихъ бакенбардъ.
И вотъ поэтъ идетъ къ пріятелю другому,—
Тотъ, какъ сапожникъ, пьянъ и подчуетъ виномъ.
Напился и поэтъ, идетъ шатаясь къ дому,—
И на ночлегъ попалъ онъ въ полицейскій домъ.
Онъ бредитъ, онъ не спитъ, онъ брошенъ въ яму волчью,
Косматыя тѣла вокругъ него легли.
И шепчетъ кто-то злой съ ироніей и желчью:
«Поэзія есть богъ въ святыхъ мечтахъ земли!..»

Сочельникъ. Въ окнахъ свѣтъ; повсюду на витринахъ
Сверкаетъ мишура для елочныхъ прикрасъ.
Какъ шумно въ улицахъ, какъ людно въ магазинахъ!
Трамваи движутся... уже десятый часъ!
Нѣтъ денегъ ни гроша у бѣднаго поэта.
Всѣ строго косятся, смущаяся его.
И въ озлобленіи онъ думалъ: «Пѣсня спѣта!
Не нуженъ никому, не надо ничего!»
И грустный онъ пришелъ въ холодную каморку,
Насмѣшливо глядятъ портреты со стѣны,
Какъ будто говорятъ: «Глодай сухую корку,—
Забудь, забудь свои осмѣянные сны!»
И въ бѣшенствѣ рукой безсильно потрясая,
Бросаетъ онъ въ огонь тетради прошлыхъ дней.
И говоритъ, смѣясь: «Да, Муза дорогая,—
Поэзія есть звѣрь, пугающій людей!..»

А ночь уже плыла надъ городомъ блестящимъ,
Спокойно ночь плыла надъ льдистою рѣкой;
Плыла надъ рощами, свѣтила мерзлымъ чащамъ,
Свѣтила кладбищу усопшею луной.
И тамъ, на небесахъ въ созвѣздіяхъ Медвѣдицъ,
Въ лучистомъ бисерѣ, въ сверкающей пыли
Серебряныхъ міровъ, услышалъ пѣснопѣвецъ:
«Поэзія есть богъ въ святыхъ мечтахъ земли!»

К. Фофановъ.

Осеннiй день.

Идемъ по жнивью, не спѣша,
Съ тобою, другъ мой скромный,
И изливается душа,
Какъ въ сельской церкви темной.

Осеннiй день высокъ и тихъ,
Лишь слышно—воронъ глухо
Зоветъ товарищей своихъ,
Да кашляетъ старуха.

Овинъ разстелетъ низкiй дымъ,
И долго подъ овиномъ
Мы взоромъ пристальнымъ слѣдимъ
За летомъ журавлинымъ...

Летятъ, летятъ косымъ угломъ,
Вожакъ звенитъ и плачетъ...
О чемъ звенитъ, о чемъ, о чемъ?..
Что плачъ осеннiй значитъ?..

И нищихъ, низкихъ деревень
Не счесть, не смѣрить окомъ,
И свѣтитъ въ потемнѣвшiй день
Костеръ въ лугу далекомъ...

О, нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О, бѣдная моя жена,
О чемъ ты горько плачешь?

Александръ Блокъ.

Несколько словъ о В. П. Гаевскомъ.

Сказано 8 ноября 1909 г. во время празднованія юбилея литературнаго фонда.

При воспоминаніи о рядѣ лѣтъ, пережитыхъ литературнымъ фондомъ и о рядѣ выдающихся его дѣятелей, необходимо почтить большою благодарностью память Виктора Павловича Гаевскаго. Со времени его смерти прошло уже слишкомъ двадцать лѣтъ, многіе успѣли его забыть, не мало изъ здѣсь присутствующихъ его не знали, но въ настоящій моментъ было бы глубоко несправедливо не вспомнить его заслугъ предъ литературнымъ фондомъ.

Гаевскій дѣйствовалъ главнымъ образомъ въ семидесятыхъ и въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ. Въ первое время дѣятельности фонда онъ былъ секретаремъ комитета, а въ упомянутые годы, главнымъ образомъ,—предсѣдателемъ. Въ то время члены комитета, можно сказать, дѣлились на двѣ группы. Одни участвовали въ комитетѣ почти постоянно. По истеченіи трехлѣтняго срока пребыванія въ комитетѣ, отбывъ обязательный по уставу годъ въ отсутствіи, они были избираемы вновь, опять работали до момента удаленія, затѣмъ снова избирались и т. д. Эти люди относились къ дѣлу фонда съ горячимъ участіемъ, трудились въ комитетѣ во всю мѣру своихъ силъ, работали собственными руками всякую работу, не уклоняясь и отъ черной, безъ обращенія къ помощи стороннихъ лицъ, и чутко отзывались ко всѣмъ интересамъ фонда, матеріальнымъ и нравственнымъ. Другіе, пробывъ въ комитетѣ три года, больше въ составъ его не входили. В. П. Гаевскій принадлежалъ къ первой группѣ. Его постоянно избирали и очень дорожили его участіемъ. Какъ близкій свидѣтель его дѣятельности, могу сказать, что дѣло фонда для Гаевскаго всегда было истинно роднымъ дѣломъ. Онъ дѣ-

лалъ все для него возможное, радовался успѣхамъ фонда, болѣлъ его неудачами, жертвовалъ своими средствами, пользовался когда было нужно въ интересахъ фонда своими связями, видѣлъ въ судьбахъ фонда дѣло своей жизни и чести. Къ нуждающимся литературнымъ труженикамъ онъ относился съ живѣйшею участливостью. Случалось, что когда какому нибудь просителю нельзя было оказать достаточнаго пособія, а этотъ проситель заслуживалъ сочувствія,—Гаевскій негласно помогалъ ему изъ своихъ средствъ. Положеніе литературнаго фонда въ ту пору было не блестящее. Денегъ было мало. Помню, что когда я принялъ въ 1880 году казначейство, капиталы фонда составляли всего около 70 тысячъ рублей, т. е. въ десять разъ меньше нынѣшняго общаго размѣра его капиталовъ. Надо было изыскивать средства для удовлетворенія нуждъ, склонять къ пожертвованіямъ, прибѣгать къ различнымъ цѣлесообразнымъ способамъ—устройству чтеній, спектаклей, Пушкинской выставки, предпринятію изданій и т. п. Надо было укрѣплять и тѣ традиціи, которыя такъ поддержали достоинство литературнаго фонда до настоящаго момента, пріобрѣвъ ему ту репутацію, какою онъ нынѣ пользуется. Во всемъ этомъ фондъ много обязанъ В. П. Гаевскому, бывшему какъ-бы центромъ дѣятельности фонда и клавшимъ въ нее свою душу. Переживались и особаго рода опасности. Въ памятное министерство гр. Д. А. Толстого былъ даже острый моментъ, когда, по поводу оказанія пособія одному литератору, оказавшемуся подвергавшимся административной ссылкѣ, возникло было предположеніе закрыть литературный фондъ, а его суммы обратить въ инвалидный капиталъ. И Гаевскому много пришлось хлопотать для спасенія фонда отъ этой опасности. Гаевскій такъ сроднился съ литературнымъ фондомъ, что въ его время представленіе о фондѣ неизбѣжно связывалось съ представленіемъ о личности Гаевскаго.

Въ настоящей короткой и къ тому же неподготовленной рѣчи (о Гаевскомъ долженъ былъ говорить Н. С. Таганцевъ, а я замѣнилъ его вслѣдствіе его отсутствія) я не могу распространяться подробнѣе. Обращаясь же вообще къ памяти заслуженнаго предсѣдателя комитета семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, считаю за лучшее заключить пожеланіемъ: пусть среда литературнаго фонда никогда не оскудѣетъ такими работниками, считающими дѣло фонда—дѣломъ своей жизни, своей чести!

Ѳ. Воропоновъ.

---

* * *

Люблю иль нѣтъ, легка мнѣ безнадежность.
Пусть никогда не буду я твоимъ,
А все-таки порой такая нѣжность
Въ твоихъ глазахъ, какъ будто я любимъ.

Не мною жить, не мной страдать ты будешь,
И я пройду, какъ тѣнь отъ облаковъ.
Но никогда меня ты не забудешь,
И не замретъ въ тебѣ мой дальній зовъ.

Приснилась намъ невѣдомая радость,
И знали мы во снѣ, что это сонъ.
А все-таки мучительная сладость
Есть для тебя и въ томъ, что я—не онъ.

Д. Мережковскій.

Е. П. Ковалевскій,

первый предсѣдатель комитета литературнаго фонда.

Рѣчь, сказанная 8 ноября во время празднованія 50-лѣтняго юбилея литературнаго фонда.

Первымъ предсѣдателемъ комитета литературнаго фонда былъ Егоръ Петровичъ Ковалевскій. Это была одна изъ выдающихся и своеобразныхъ личностей прошлаго времени. Я съ нимъ нѣсколько разъ встрѣчался въ 1862 году. Тогда Е—у П—у было 51 г., но онъ выглядѣлъ совсѣмъ дряхлымъ старикомъ, не то апатичнымъ, не то хандрящимъ *). Впрочемъ, по его собственнымъ словамъ, онъ уже въ 30 лѣтъ скорѣе походилъ на «полинялый, изношенный халатъ», чѣмъ на цвѣтущаго молодого человѣка. Однако, съ первыхъ шаговъ на житейскомъ поприщѣ и до конца своихъ дней, стоило Е—у П—чу соприкоснуться съ живымъ дѣломъ, и онъ способенъ былъ не только самъ проявить рѣдкую энергію, но и сообщить ее другимъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ соединялъ живой и оригинальный умъ, самыя многостороннія и разнообразныя свѣдѣнія.

Происходя изъ достаточной малороссійской дворянской семьи, Е. П. родился въ 1811 г. (9?), въ 1829 г. окончилъ курсъ харьковскаго университета по филологическому факультету и затѣмъ, нѣсколько неожиданно, поступидъ на службу по горному вѣдомству, сначала въ Западной Сибири, а потомъ на Уралѣ; въ 1836 г. при образованіи корпуса горныхъ инженеровъ былъ

---

*) Да хандра и разбирала его, когда временами былъ онъ въ сторонѣ отъ живого дѣла или ему приходилось выполнять какія-нибудь чисто формальныя обязанности. Разъ онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ на экзаменахъ въ горномъ корпусѣ. Одинъ кадетикъ въ отвѣтѣ употребилъ слово «хандра».

— А знаете вы, что такое «хандра»?—перебилъ его Е. П.

— Нѣтъ, не знаю,—смущенно отвѣтилъ кадетикъ.

— Счастливый вы человѣкъ, желаю вамъ никогда не испытывать ея,—и съ этими словами поставилъ кадетику полный баллъ.

зачисленъ въ него и до конца своей жизни носилъ мундиръ этого вѣдомства съ эполетами и шпорами. Но скоро на Е. П. одновременно съ горными командировками начинаютъ возлагать и дипломатическія порученія. Въ 1837 г. его посылаютъ въ Черногорію для изслѣдованія ея горныхъ богатствъ: тутъ обстоятельства такъ сложились, что прямая цѣль командировки совсѣмъ отступила на второй планъ. Е. П. очень сблизился съ тогдашнимъ правителемъ Черногоріи владыкою Петромъ II *) и пріобрѣлъ общую любовь и довѣріе черногорцевъ. Между тѣмъ, вотъ что случилось. Австрійцы выстроили казарму на какой-то горѣ, по убѣжденію черногорцевъ искони имъ принадлежавшей. Недолго думая, черногорцы опрокинули казарму подъ гору, да вмѣстѣ и съ ея обитателями. Мѣстное австрійское начальство рѣшило примѣрно наказать разбойниковъ-черногорцевъ, но предварительно, въ видѣ мирнаго удовлетворенія, потребовало выдачи всѣхъ виновныхъ въ нападеніи на казарму. Черногорцы и не подумали исполнить требованіе австрійцевъ; а когда послѣдніе отъ словъ перешли къ оружію, то нанесли имъ тяжкое пораженіе и даже многихъ забрали въ плѣнъ. Е. П былъ не только душою всего дѣла, но даже принялъ личное участіе въ битвѣ **). Исторія получила огласку по всей Европѣ, всесильный Меттернихъ былъ внѣ себя и, конечно, пожаловался на Ковалевскаго нашему правительству. Тучи скопились надъ головой Е. П. въ Петербургѣ, но ему удалось откровенной запиской не только отстранить ихъ, но даже заслужить благосклонность Николая, положившаго на докладѣ резолюцію «le capitane Kovalevsky a agi en vrai russe». По возвращеніи въ Петербургъ Е. П. даже удостоился весьма милостиваго пріема государя.

Съ этихъ поръ не было той щекотливой и рискованной командировки въ отдаленныя мѣста, гдѣ бы мы не встрѣчали Е. П. Въ 39 — 40 году онъ участвуетъ въ неудачномъ хивинскомъ походѣ Перовскаго, причемъ съ горстью людей отсиживается въ какомъ-то дрянномъ земляномъ укрѣпленіи, проникаетъ съ караванами въ Ташкентъ, тогда еще самостоятельное ханство, въ малодоступныя Бухару, Кульджу. Послѣ того странствуетъ въ Карпатахъ и на Балканскомъ полуостровѣ; а въ 1847 г., согласно желанію Мехмета-Али имѣть опытнаго горнаго инженера, Е. П. командируется въ Египетъ для розысковъ золота въ

---

*) Послѣ смерти Петра II въ 1851 г. начинается въ Черногоріи правленіе свѣтскихъ князей, первымъ былъ Данило.

**) За это дѣло черногорцы поднесли Ковалевскому пару пистолетовъ съ надписью: «Капитану Ковалевскому отъ черногорскаго народа».

верхнемъ теченіи Нила *). Въ Египтѣ онъ остается до половины 1848 года; едва вернулся въ Россію, какъ лѣтомъ 1849 г. выѣзжаетъ изъ Кяхты для сопровожденія нашей миссіи въ Пекинъ и только черезъ годъ возвращается обратно. Весьма важнымъ послѣдствіемъ этой поѣздки было то, что, благодаря настояніямъ Ковалевскаго, наши караваны, высылаемые изъ Кяхты, отнынѣ стали отправляться такъ называемымъ «купеческимъ трактомъ», вмѣсто трудно проходимыхъ аргалинскихъ песковъ, черезъ которые ихъ умышленно заставляли странствовать китайскіе чиновники. Но не прошло полугода послѣ ввзвращенія изъ Пекина, и Е. П. оказывается въ Кульджѣ, гдѣ послѣ долгихъ переговоровъ заключаетъ 25 іюня 1851 г. извѣстный Кульджинскій торговый договоръ, которымъ впервые была регулирована наша торговля въ западномъ Китаѣ. На слѣдующій годъ мы опять видимъ Е. П. въ Черногоріи, въ которую вторгнулся Омеръ-паша и угрожалъ самому Цетинье. Едва наладились дѣла Черногоріи—вспыхнула восточная война; Е—а П—ча въ качествѣ знатока славянскихъ дѣлъ, притомъ имѣвшаго личныя связи между славянами, прикомандировываютъ къ штабу дунайской арміи; оттуда, вмѣстѣ съ Горчаковымъ, онъ перебирается въ Севастополь, гдѣ и остается до половины іюля 1855 г.; лишь болѣзнь заставила его покинуть Крымъ.

Только съ 1856 г., когда Е. П. былъ назначенъ директоромъ азіатскаго департамента, начинается для него болѣе спокойная жизнь. Однако, въ 1861 г., когда ему было только 50 лѣтъ, онъ долженъ былъ покинуть директорство; Е. П. былъ совершенно неподходящій человѣкъ для Горчакова, съ головы до ногъ не только дипломата, но и постоянно оглядывающагося придворнаго. Вотъ случай изъ ихъ взаимныхъ служебныхъ отношеній.

— Слишкомъ въ мрачномъ тонѣ поступаютъ донесенія отъ нашихъ консуловъ съ востока; а вѣдь государь иногда читаетъ выдержки изъ нихъ, это можетъ разстраивать его. Пошлите циркуляръ, чтобы консулы нѣсколько смягчили тонъ,—разъ говоритъ Е-у П-у Горчаковъ.

— Какъ, вы хотите, чтобы я отдалъ имъ приказъ, чтобы они скрывали истину? Никогда я этого не сдѣлаю.

---

*) Мехметъ-Али, уже начинавшій впадать въ дѣтство, такъ былъ увлеченъ поисками золота, что при первомъ же свиданіи съ Ковалевскимъ сказалъ ржу:—Я уже отдалъ приказъ мѣстному губернатору набрать 10 т. человѣкъ для работъ въ рудникахъ, а если нужно, такъ еще прибавлю столько же.—А рудники надо было еще открыть.

Подобная непокладливость Е. П., вмѣстѣ съ его слишкомъ открытыми сношеніями съ разными славянами *), и дѣло кончилось тѣмъ, что Е. П. получилъ назначеніе въ сенатъ. Онъ умеръ отъ нервнаго удара въ 1868 г. **).

Естественно является вопросъ, какое же отношеніе къ литературѣ могъ имѣть этотъ полугорный инженеръ, сдѣлавшійся потомъ дипломатомъ, что сталъ первымъ предсѣдателемъ комитета литературнаго фонда, въ составъ котораго вошли наиболѣе выдающіеся представители тогдашней литературы и науки?

Еще юношей Е. П. пробовалъ свои силы въ стихотворствѣ и выпустилъ въ свѣтъ книжку «Сибирь. Думы» и «Марфу Посадницу», трагедію въ 5 дѣйствіяхъ. Эти опыты были не особенно удачны, и Е. П. болѣе не возвращался къ поэзіи, а перешелъ къ беллетристикѣ; въ 40-хъ годахъ имъ было написано не мало повѣстей. За беллетристику Е. П. нерѣдко принимался подъ давленіемъ крайней нужды въ деньгахъ. Дѣло въ томъ, что онъ былъ страстный игрокъ въ карты, причемъ, по словамъ Некрасова, былъ единственный игрокъ въ клубѣ (англійскомъ), точно нарочно садившійся за карты, чтобы проиграться. Въ 40-хъ годахъ «Парижскія тайны» Е. Сю имѣли у насъ такой успѣхъ, что на время даже были забыты «Мертвыя души» Гоголя. Тогдашнему издателю Ольхину пришла мысль выпустить что-нибудь въ этомъ родѣ изъ русской жизни; онъ обратился за совѣтомъ къ Н. Кукольнику; тотъ почему-то рекомендовалъ ему Егора П—ча. Какъ разъ послѣдній въ это время находился въ очень трудномъ положеніи, проигравшись, какъ говорится, въ пухъ и прахъ, а Ольхинъ предлагалъ 3 тыс. руб. Принялся Е. П. за дѣло и написалъ одну главу изъ будущаго романа «Петербургъ днемъ и ночью». У Кукольника происходило испытательное чтеніе, на которомъ присутствовалъ и Ольхинъ, въ литературномъ отношеніи круглый невѣжда. Ольхинъ внимательно слѣдитъ за впечатлѣніемъ на слушателей, главнымъ образомъ, на Кукольника. Къ огорченію Ольхина, всѣ сидятъ, повидимому, совершенно безучастные. Но вотъ повѣствованіе доходитъ до того мѣста, когда герой, уличный мальчикъ Сенька, спасаетъ какого-то князя и получаетъ за это подачку. По этому случаю его товарищъ произноситъ: — Сенька, отдай мнѣ, у тебя хоть собака есть, а у меня ничего нѣту!—Тутъ Кукольника, вскочилъ:—

---

*) Въ свое время австрійское правительство запретило ему въѣздъ въ Австрію.

**) Послѣ его смерти было предположеніе издать обстоятельную біографію Е. П., но оно осталось невыполненнымъ.

Молодецъ Ковалевскій!—и нѣсколько разъ повторилъ: «Сенька, у тебя хоть собака есть, а у меня ничего нѣту!» Ольхинъ, преклонявшійся передъ авторитетомъ Кукольника рѣшилъ, что романъ превосходенъ, и просилъ Ковалевскаго продолжать его.

Однако, вся беллетристика Е. П. и въ свое время не имѣла выдающагося значенія, а скоро была и совсѣмъ забыта. Зато и теперь съ интересомъ и не безъ пользы могутъ быть прочитаны 5 т. «Полнаго собранія» сочиненій Е. П., въ которое вошли лишь: «Странствователь по морямъ и сушѣ», «Черногорія и славянскія земли», «Путешествіе во внутреннюю Африку» *),—все это появилось еще въ 40 и 50-хъ гг., и болѣе поздніе труды: «Гр. Блудовъ и его время», «Война съ Турціей» (53—54 гг.). Въ этомъ собраніи нѣтъ, однако, весьма выдающагося «Путешествія въ Китай», въ 2-хъ книжкахъ (1853 г.). Всѣ только что перечисленныя произведенія были цѣннымъ вкладомъ въ нашу тогдашнюю небогатую литературу и имѣли вполнѣ заслуженный успѣхъ. Внимательный наблюдатель, притомъ хорошо знакомый съ европейской литературой въ отношеніи описываемыхъ имъ странъ, Е. П. въ то же время является живымъ и умѣлымъ разсказчикомъ. Не будучи по природѣ авантюристомъ, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, Е. П. въ своихъ путешествіяхъ сплошь и рядомъ попадалъ въ совершенно исключительныя положенія, передача которыхъ придаетъ его разсказу особенную привлекательность и колоритность.

Не принадлежа ни къ одной литературной партіи, Е. П. имѣлъ, конечно, большія связи въ литературныхъ кругахъ и не порывалъ ихъ, даже когда сталъ директоромъ департамента; несомнѣнно, его литературные труды давали ему право на извѣстное вниманіе, но все это еще не объясняетъ, почему онъ сталъ предсѣдателемъ комитета литературнаго фонда. Вотъ что выдвинуло его на этотъ почетный постъ. Едва Е. П. освѣдомился о предположеніи основать фондъ, какъ принялъ самое дѣятельное участіе въ предварительной стадіи дѣла и затѣмъ приложилъ всѣ усилія, чтобы довести его до желаннаго исхода. Пользуясь вліяніемъ на своего брата, Евгр. Петр., тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, и своими связями въ офиціальныхъ сферахъ, Е. П. вездѣ являлся настойчивымъ ходатаемъ и, несомнѣнно, благодаря его энергіи, утвержденіе устава фонда не только прошло безпрепятственно, но и съ небывалой бы-

*) Здѣсь особенно интересна глава о неграхъ, въ которой Е. П. является гуманнымъ защитникомъ этой несчастной расы.

стротой. Ему же фондъ обязанъ разрѣшеніемъ пользоваться для своихъ собраній помѣщеніемъ географическаго общества.

Но если первое избраніе Ег. Пет. предсѣдателемъ фонда было естественнымъ выраженіемъ признательности со стороны учредителей, то два послѣдующія избранія (Е. П. и умеръ въ званіи предсѣдателя) объясняются тѣмъ, что Е. П. внесъ въ новое дѣло не только присущую всю ему энергію, но и такую сердечность и теплоту, что сталъ какъ бы живымъ воплощеніемъ идеи, положенной въ основу фонда, и въ этомъ отношеніи навсегда остался примѣромъ для его преемниковъ. Его отзывчивость на нужды тружениковъ-писателей была такова, что часто, если только у него были въ карманѣ деньги, онъ давалъ нуждающимся въ помощи изъ своихъ собственныхъ средствъ, не доводя ихъ просьбъ до комитета. Все это создало Е. П. до такой степени исключительное положеніе въ фондѣ, что въ 1862 г., когда онъ по жребію выходилъ изъ комитета, въ память его предсѣдательства и въ знакъ благодарности за оказанныя обществу услуги, рѣшено было заказать его портретъ и открыть подписку на стипендію его имени, а въ 1866 г. состоялось даже постановленіе общаго собранія объявить его почетнымъ и безсмѣннымъ предсѣдателемъ. Оно не было приведено въ исполненіе лишь вслѣдствіе нѣкоторыхъ практическихъ затрудненій.

Въ концѣ апрѣля 1862 г. при литературномъ фондѣ было открыто отдѣленіе для пособія учащейся молодежи; при общемъ предсѣдателѣ и казначеѣ оно имѣло особыхъ членовъ и свой комитетъ, въ составъ котораго, въ качествѣ товарища предсѣдателя, входилъ Егоръ Петровичъ, фактически же онъ былъ предсѣдателемъ. Послѣ майскихъ пожаровъ отдѣленіе было закрыто. Вотъ постановленіе послѣдняго засѣданія комитета отдѣленія: «члены комитета (кромѣ Е. П. все изъ молодежи), узнавъ о закрытіи отдѣленія, считаютъ долгомъ выразить искреннюю признательность предсѣдательствовавшему въ комитетѣ Е. П. Ковалевскому, который... посвящалъ время и трудъ, горячо содѣйствовалъ облегченію тягостной участи сотенъ бѣдныхъ студентовъ и, въ короткое время нашихъ совмѣстныхъ занятій, снискалъ наше безграничное довѣріе и уваженіе. Мы смѣло можемъ заявить убѣжденіе, что всѣ члены отдѣленія раздѣляютъ высказанныя здѣсь чувства Е. П.».

На этомъ свидѣтельствѣ и заканчиваю мое слово о незабвенномъ Егорѣ Петровичѣ Ковалевскомъ.

Л. Пантелѣевъ.

Изъ книги: „Тоска бытія“.

I.

Такъ было въ дни былые,
Такъ будетъ вновь и вновь,—
Любовь зоветъ къ рожденью,
А смерть разитъ любовь.

——

И солнце встанетъ снова,
Чтобы опять зайти,
И поведутъ къ могилѣ
Земные всѣ пути.

——

И нѣтъ ни въ чемъ спасенья
Отъ роковой судьбы,
И будутъ жить мгновенье
Земныхъ тревогъ рабы.

——

И въ эти же мгновенья—
И стонъ, и вопль, и кровь...
Такъ было въ дни былые,
Такъ будетъ вновь и вновь.

II.

Жизнь.

Я не знаю, я не помню—какъ прошли мои года,
Какъ мое умчалось дѣтство, юность скрылась навсегда.

——

Я не знаю, я не помню быстрый бѣгъ угасшихъ лѣтъ,—
Только прошлаго навѣки потерялъ я тусклый слѣдъ,

——

Только къ старости и смерти подхожу печально я...
Дѣтство, дѣтство дорогое! Няня милая моя!..

Д. Ратгаузъ.

Завѣты литературнаго фонда.

(Читано на литературномъ вечерѣ 15 ноября въ память писателей—учредителей литературнаго фонда, по случаю 50-лѣтія его дѣятельности).

Въ счастливый годъ зародилось общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, иначе говоря—литературный фондъ. Полвѣка назадъ, послѣ Крымской войны, повѣяло духомъ предстоящихъ реформъ; наступило оживленіе въ обществѣ; мелькнули надежды, высказано было довѣріе снизу вверхъ, и ожиданіе ближайшей, неотложной реформы—отмѣны крѣпостничества—особенно воодушевило передовые умы русскаго общества въ увѣренности, что это будетъ лишь первымъ шагомъ къ общей реорганизаціи отживавшаго режима, переходомъ къ новымъ правовымъ порядкамъ, образованію гражданственности на началахъ справедливости и личной неприкосновенности. Мечты заносились и далѣе—къ идеаламъ соціальнаго и экономическаго уравненія...

Разумѣется, самый фактъ учрежденія благотворительнаго общества занимаетъ скромное мѣсто въ ряду болѣе важныхъ событій общественнаго характера того времени; но литературный фондъ выдѣляется сразу нѣкоторыми специфическими чертами: это первая офиціально признанная и санкціонированная организація, имѣющая цѣлью отстаивать интересы литературы и науки въ лицѣ ихъ адептовъ; это національное предпріятіе, утверждающее силу и значеніе литературы, какъ существенно важной отрасли общественной жизни; провозглашенъ лозунгъ безпартійности передъ чѣмъ-то высшимъ, вѣчнымъ, имѣющимъ отношеніе только къ человѣку, въ его сущности, и къ его духовнымъ потребностямъ, устойчивымъ и неизмѣннымъ въ пространствѣ и времени, стремленіямъ къ истинѣ и красотѣ. И въ числѣ учредителей общества и первыхъ его дѣятелей, считаясь только съ писателями, мы дѣйствительно находимъ людей разныхъ

партій и разныхъ оттѣнковъ мысли: поборникъ чистаго искусства Дружининъ стоитъ рядомъ съ Чернышевскимъ, подчинявшимъ задачи искусства запросамъ жизни; Некрасовъ и Плещеевъ соединяются въ общей цѣли съ Аполлономъ Майковымъ и Алексѣемъ Толстымъ, который въ жизни настолько расходился съ Некрасовымъ, что даже удерживалъ свою жену отъ простого знакомства съ нимъ, находя, что у нихъ пути разные. Островскій, Потѣхинъ, Достоевскій работаютъ сообща съ Салтыковымъ-Щедринымъ, потомъ съ Михайловскимъ, для котораго Достоевскій былъ лишь «жестокимъ талантомъ». Иванъ Серг. Тургеневъ былъ одинъ изъ ревностныхъ дѣятелей общества при его зарожденіи и первыхъ начинаніяхъ, и Левъ Николаевичъ Толстой работалъ надъ проектомъ устава общества, хотя почему-то не примкнулъ къ его учредителямъ. Иниціатива дѣла всецѣло принадлежала Дружинину, нашедшему и образецъ для задуманнаго общества въ Англіи. Дружинина намъ и слѣдуетъ прежде всего помянуть.

Авторъ «Полиньки Саксъ» и переводчикъ Шекспировскаго «Короля Лира» не принадлежитъ къ плеядѣ первоклассныхъ писателей, имена и произведенія которыхъ у всѣхъ въ памяти. Но у этого вдумчиваго, очень чистаго и искренняго, широкообразованнаго и на рѣдкость внимательнаго ко всему прочитанному литератора былъ восторженный культъ къ литературѣ, горячая вѣра въ ея великое значеніе для общества, въ ея національное величіе,—и онъ сумѣлъ вложить свой духъ въ создаваемое имъ дѣтище. Его завѣтами являются прежде всего—уваженіе ко всякому искреннему убѣжденію, хотя бы и несогласному съ собственными взглядами; культъ поэзіи, ради нея самой, независимо отъ того или другого ея прикладного значенія; безпартійность—не отъ безразличія къ принципіальнымъ вопросамъ, но отъ умѣнія стать выше партійныхъ взглядовъ въ поискахъ прекраснаго и стремленіи къ истинѣ. Дружининъ не одинъ такъ думалъ. Именно его идеи устанавливали общность между разнородными членами кружка. На этой почвѣ они сходились тогда и съ Чернышевскимъ. «... Каждое опредѣленное, твердое, вѣрное себѣ направленіе имѣетъ цѣну уже потому, что въ основаніи его лежитъ убѣжденіе»,—писалъ Чернышевскій, привѣтствуя даже «Русскій Вѣстникъ», находя, что отъ разнообразія направленій—«литература наша можетъ только выиграть». А если такъ, то нужно поддерживать литературныя силы всячески, хотя бы онѣ служили направленію «Русской Бесѣды» и «Москвитянина». Вопросъ въ искренности и доброкачественно-

сти убѣжденій, освѣщенныхъ стремленіями къ высшимъ цѣлямъ, въ какой бы формѣ эти убѣжденія ни отливались. Можно быть противниками въ мнѣніяхъ и все же уважать другъ друга, работать совмѣстно, служить общему дѣлу. Эта общность тоже, конечно, опредѣляетъ нѣкоторое направленіе, но оно въ иной плоскости, надъ партійными разграниченіями, сверхпартійно, это—*просвѣтительная партійность*.

Миролюбіе представляется одной изъ характерныхъ чертъ подготовительной поры 60-хъ годовъ, миролюбіе, взаимное довѣріе и довѣріе къ верхамъ. Это настроеніе продолжалось недолго; пути разошлись; довѣріе было нарушено и представились иныя перспективы, но учрежденіе возникло именно изъ согласнаго дѣйствованія соединенныхъ силъ и малое дѣло, благодаря этимъ условіямъ, разрослось въ стройное и прочное зданіе, на крѣпкомъ фундаментѣ.

Поддержка ученыхъ—молодыхъ, еще не ставшихъ на ноги, или уже извѣстныхъ, но временно нуждающихся, представляется какъ-то самоочевиднымъ полезнымъ дѣломъ, не требующимъ разъясненій. Наука нужна и сама по себѣ, и въ прикладномъ ея значеніи для общества,—кто противъ этого можетъ спорить? Но—литература? Что это—роскошь въ жизни, пріятное, но не существенно-необходимое занятіе? Нужно ли поддерживать литераторовъ, облегчать ихъ участь, ставить въ наилучшія условія для успѣшнаго труда? Нужно ли и возможно ли поощрять литературу? Старинное меценатство или общественная организація—вотъ въ чемъ былъ вопросъ.

Припомнимъ, что Бѣлинскій отрицалъ необходимость поддерживать литературу. «У насъ нѣтъ литературы,—писалъ онъ съ 30-хъ годахъ,—повторяю это съ восторгомъ, съ наслажденіемъ, ибо въ сей истинѣ вижу залогъ нашихъ будущихъ успѣховъ... Придетъ время, просвѣщеніе разольется по Россіи широкимъ потокомъ, умственная физіономія народа выяснится, а тогда наши художники и писатели будутъ на всѣ свои произведенія налагать печать русскаго духа. Но теперь намъ нужно ученье, ученье, ученье... Намъ нужна не литература, которая, безъ всякихъ съ нашей стороны усилій, явится въ свое время, а просвѣщеніе». Вотъ что требовалъ Бѣлинскій—науки, ученья, просвѣщенія, а литература-дескать придетъ сама собой, въ свое время, поощрять ее какъ бы нечего.

Однако, кто, какъ не Бѣлинскій, былъ самымъ горячимъ, восторженнымъ, «неистовымъ» пропагандистомъ литературы, и немаловажная заслуга Дружинина заключается въ томъ, что онъ

отмѣтилъ именно эту черту въ Бѣлинскомъ. Онъ особенно рѣзко ее почувствовалъ, потому что самъ раздѣлялъ съ Бѣлинскимъ его культъ литературы и за это прежде всего, тридцать лѣтъ спустя, выдвигалъ его особое значеніе». «.. Любовь Бѣлинскаго къ русскому искусству,—писалъ Дружининъ (соч. т. VII, 606—7),—была священнымъ огнемъ, на которомъ сгорѣлъ онъ самъ, но сгорѣлъ не напрасно... Чѣмъ было русское искусство, не говоримъ уже для всей русской публики, но для первѣйшихъ русскихъ художниковъ,—до Бѣлинскаго? Пріятнымъ развлеченіемъ, отдыхомъ въ часы досуга, пріятной темой для разговора, средствомъ прославиться въ свѣтѣ, предметомъ очень почтеннымъ и, по временамъ милымъ для души, напоминающимъ о свѣтлыхъ и странныхъ минутахъ творчества, о которыхъ, впрочемъ, много разсуждать было неловко. Кто до Бѣлинскаго чтилъ русское искусство, видѣлъ въ немъ нѣчто цѣлое и органическое, способное жить своей жизнью и соприкасаться всѣмъ сторонамъ нашего быта? Кто изъ нашихъ писателей, до Бѣлинскаго, вѣрилъ и зналъ, что человѣкъ съ художественнымъ призваніемъ не только *имѣетъ право*, но и имѣетъ *обязанность* посвятить всю свою жизнь родному искусству?» На всѣ поставленные Дружининымъ вопросы онъ, конечно, отвѣчалъ утвердительно уже отъ себя и заканчивалъ свою восторженную статью о Бѣлинскомъ, по поводу перваго полнаго собранія его сочиненій, напоминаніемъ завѣта, оставленнаго Бѣлинскимъ молодому поколѣнію: «Въ первый разъ передъ нимъ (т. е. передъ поколѣніемъ, шедшимъ за Бѣлинскимъ) заговорили о будущихъ великихъ судьбахъ русской литературы. Въ первый разъ этому воспріимчивому поколѣнію было сказано съ вдохновенной горячностью: не стой на колѣняхъ передъ азбукой искусства, но иди далѣе. Въ первый разъ ему было передано огненнымъ словомъ, что *литература не роскошь жизни, а сама жизнь*, что она есть плодъ свободнаго вдохновенія и усилій людей, созданныхъ для искусства, дышащихъ для него одного... людей, выражающихъ въ своемъ творчествѣ внутреннюю жизнь этого народа до сокровеннѣйшихъ глубинъ и біеній»... Развѣ стиль Дружинина въ подобныхъ мѣстахъ не напоминаетъ своей страстностью пламенную рѣчь самого «неистоваго Виссаріона»? И то положеніе, эту, скажемъ теперь,—аксіому, что литература не роскошь жизни, а сама жизнь—вслѣдъ за Бѣлинскимъ утверждалъ въ сознаніи русскаго общества Дружининъ. Оно побудило его до нѣкоторой степени исправить тезисъ Бѣлинскаго—«намъ нужна не литература... она явится въ свое время»... и заявить: нужна литература, она уже пришла,

она есть, должно ее поддерживать и поощрять. И дѣйствительно пришла. Какъ разъ въ 59 году, годъ основанiи литературнаго фонда, Дружининъ отмѣчаетъ три важнѣйшiя событiя русской литературы: въ январѣ появилось «Дворянское Гнѣздо» Тургенева, затѣмъ вышелъ отдѣльнымъ изданiемъ «Обломовъ» Гончарова, написана и новая пьеса Островскаго «Воспитанница» вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ первыхъ двухъ томовъ его сочиненiй. Съ какимъ восторгомъ привѣтствовалъ Дружининъ эти литературныя «событiя», разбирая ихъ значенiе. Для него дѣйствительно это факты первостепенной важности. «Холодность къ дѣлу поэзiи есть вещь ненормальная въ развитомъ членѣ юнаго общества», утверждалъ Дружининъ, это— «жалкая идiосинкразiя, нравственная болѣзнь, признакъ самый неутѣшительный»... «Въ перiодъ тревожной практической дѣятельности, при столкновенiи научныхъ и политическихъ теорiй, въ эпохи сомнѣнiя или отрицанiя —важность и величiе истинныхъ поэтовъ возрастаютъ наперекоръ всѣмъ кажущимся препятствiямъ». Онъ напоминаетъ слова германскаго философа: «искусство пересоздаетъ человѣка и, воспитывая отдѣльныя единицы, изъ которыхъ состоитъ общество, представляетъ собою вѣрный рычагъ всѣхъ общественныхъ усовершенствованiй».

Писатель, отстаивавшiй съ чрезвычайной горячностью такiя положенiя, критикъ, умѣвшiй раскрыть все существенное и цѣнное въ произведенiяхъ искусства,—будь то Гончаровъ или Писемскiй, Тургеневъ или Достоевскiй, Майковъ, Островскiй, Левъ Толстой и т. д., угадывать нашихъ великихъ писателей по мѣрѣ ихъ восхожденiя, видѣть въ искусствѣ «рычагъ общественныхъ усовершенствованiй», былъ несомнѣнно, и шествуя «подъ стягомъ красоты», прогрессивно-мыслящимъ человѣкомъ, независимо отъ тѣхъ или иныхъ оттѣнковъ мысли въ его политическомъ мiросозерцанiи. Этой любовью и вѣрой въ литературу онъ и сумѣлъ сплотить группу лицъ, вошедшихъ въ число учредителей фонда и его позднѣйшихъ дѣятелей.

Да, при Дружининѣ русская литература уже была; нужно было озаботиться объ ея матерiальномъ упроченiи, пойти на встрѣчу нуждамъ литераторовъ, привлечь русское общество къ созданiю нацiональнаго учрежденiя, которое послужило бы оплотомъ писателямъ отъ разныхъ житейскихъ аварiй. Не благотворить въ банальномъ смыслѣ слова, не раздавать пособiя въ видѣ милостыни, какъ подаянiе, а расплачиваться за долгъ передъ писателями, отдавать имъ, хотя бы въ посильной формѣ матерiальной поддержки, то, что имъ слѣдуетъ по ихъ заслугамъ пе-

редъ обществомъ. Donnant-donnant и все-таки общество останется въ долгу—такова была мысль Дружинина, ибо «сильный поэтъ», по его выраженію, «есть постоянный просвѣтитель своего края».

Вотъ эти-то «просвѣтители» и составили первый кружокъ учредителей литературнаго фонда. А затѣмъ, напоминать-ли всѣмъ извѣстный фактъ, что исторія литературнаго фонда за эти 50 лѣтъ совпала съ дѣйствительнымъ расцвѣтомъ нашей литературы, которая достигла небывалой высоты и пріобрѣла міровое значеніе. При чемъ тутъ литературный фондъ? Объ этомъ знаютъ тѣ, кто имѣлъ случай обращаться къ нему, а случаи были довольно часты; и не однѣ денежныя услуги оказывалъ фондъ писателямъ, и большимъ, заслуженнымъ, и не столь выдающимся, начинающимъ.

Мы должны только упомянуть одно имя, которое неизмѣнно присоединяется къ громкимъ именамъ учредителей фонда и скончавшимся писателямъ, членамъ комитета: въ тяжеломъ, неизлѣчимомъ недугѣ оканчивалъ свои дни молодой поэтъ, при крайне недоброжелательномъ отношеніи къ нему партійной критики. Литературный фондъ повѣрилъ его таланту, вошелъ въ его положеніе и оказалъ небольшую поддержку, чтобы облегчить послѣдніе дни жизни. Ссуда вскорѣ была возвращена, но кромѣ того умирающій поэтъ завѣщалъ фонду все свое достояніе,—свои пѣсни, думы и слезы, изъ которыхъ, по словамъ Гейне,—«выросло много душистыхъ и яркихъ цвѣтовъ». И цвѣты эти обратились въ капиталы; такимъ образомъ, Надсонъ самъ, послѣ смерти, оказался благотворителемъ для другихъ писателей, кровью сердца и прелестью своего дарованія создавшій посмертный капиталъ, который нынѣ уже перевалилъ за сотню тысячъ.

Вполнѣ обезпечить судьбу писателя фондъ никогда не могъ, а за послѣднее время, при общей демократизаціи и литературы и состава писателей «изъ разночинцевъ», по крылатому слову Н. К. Михайловскаго, пособія дробятся на очень мелкія доли. Какое ихъ значеніе? Мнѣ припоминается случай, разсказанный Короленкомъ въ одномъ изъ его очерковъ про своего товарища студента. Этотъ товарищъ, какъ-то лишившись уроковъ, дошелъ до крайней нужды и не ѣлъ два дня. Ему предложили работу; онъ вяло шелъ по улицамъ на приглашеніе и думалъ, что врядъ-ли въ силахъ будетъ исполнить заказъ. Вотъ если бы задатокъ. Хоть рубль... именно рубль. И вдругъ въ его воображеніи съ необыкновенной яркостью нарисовалась желтенькая бумажка. Съ этимъ заманчивымъ образомъ въ душѣ онъ слушалъ объясненія заказчика. Въ заключеніе тотъ самъ предложилъ задатокъ и протянулъ десять рублей. Студентъ вяло

посмотрѣлъ на бумажку — это было не то, что ему нужно. «Рупь»,—сказалъ онъ съ выраженіемъ тупой жадности въ лицѣ. «Но позвольте...» «Рупь, рупь, рупь»,—повторялъ онъ настойчиво. «Заказчикъ пожалъ плечами и студентъ получилъ желаемое. И въ эту минуту онъ былъ счастливъ».

Вотъ такой-то «рупь» всегда обезпеченъ фондомъ писателю, если онъ очутится въ положеніи голоднаго студента. Это немного, конечно, но на мгновеніе онъ будетъ удовлетворенъ, а тамъ колесо фортуны можетъ повернуться. Онъ уцѣлѣлъ—это главное, и развѣ вся наша жизнь не состоитъ изъ мгновеній.

Появленія «разночинца» въ литературѣ Дружининъ не угадалъ. Но исправить недосмотръ было дѣломъ послѣдующихъ комитетовъ, отъ которыхъ зависѣло измѣнить характеръ выдачъ. Другой его промахъ—мнѣніе, будто бы въ нашихъ литературныхъ органахъ совершенно отсутствуетъ духъ какихъ-либо политическихъ партій—не имѣетъ значенія для дѣятельности «безпартійнаго» учрежденія. И кто знаетъ—быть можетъ, это заявленіе было лишь тактическимъ пріемомъ? Во всякомъ случаѣ, если мнѣніе Дружинина быстро оказалось «анахронизмомъ», то выставленный имъ принципъ свободы творчества и свободы сужденій, принципъ, который какъ нами уже было указано, сводился къ лозунгу «просвѣтительной безпартійности» въ оказаніи помощи всякому искреннему труженику по мѣрѣ его заслугъ,—этотъ принципъ остается въ силѣ и понынѣ. И онъ совершенно правильно обдуманъ: если есть писатели съ эластичной совѣстью, которые могутъ по тѣмъ или инымъ соображеніямъ поступиться чистотой писательскаго слова, то они никогда не окажутся въ числѣ кліентовъ фонда. Ихъ матеріальное положеніе обезпечено. Если, съ другой стороны, раздаются упреки фонду въ нарушеніи строгой безпартійности, въ потворствѣ писателямъ прогрессивнаго направленія и т. д., то подобные упреки могутъ имѣть совершенно обратное значеніе: не происходятъ ли они именно отъ того, что фондъ дѣйствительно безпартіенъ, тогда какъ нѣкоторые желали бы болѣе партійныхъ рѣшеній, со своей точки зрѣнія? Но на такую удочку фондъ никогда не пойдетъ, чѣмъ бы ему ни грозили. Его дѣятельность, къ счастью, подлежитъ общественному контролю въ лицѣ ревизіонной коммиссіи. Въ безпристрастности выдачъ и въ строгомъ слѣдованіи началамъ человѣчности и справедливости—его сила. И такъ же, какъ вполнѣ правъ былъ Дружининъ высказаннымъ замѣчаніемъ, что «литература не роскошь жизни, а сама жизнь», такъ вѣрно и другое, позднѣйшее замѣчаніе писателя весьма опредѣленнаго,

сознательно усвоеннаго направленія, — Вл. Г. Короленка, что «жизнь шире и глубже всякихъ теорій». На этой высотѣ позиціи фондъ держится 50 лѣтъ и не сойдетъ съ нея, пока ему дороги завѣты русской литературы, которую онъ призванъ защищать.

Еще многое можно было бы вспомнить изъ дѣятельности Дружинина, который черезъ 50 лѣтъ снова сталъ намъ близокъ и во многомъ современенъ: защита непроизвольности и свободы чувства, болѣе священнаго само по себѣ, чѣмъ узы брака, свобода творчества, аморальность и аполитичность искусства— развѣ все это не вполнѣ современные, даже «модернистскіе» тезисы? Прикладныя задачи искусства, тенденціозность, утилитаризмъ, доктринерство—все это пронеслось куда-то, кажется теперь старомоднымъ и обветшалымъ, тогда какъ могучіе ростки свободнаго творчества—это эпопеи Толстого, это романы Гончарова и Тургенева, это—весь Достоевскій, Островскій, Майковъ, лучшія произведенія Некрасова-художника, и великаго художника, когда онъ не былъ публицистомъ въ стихахъ. Все это устойчиво, вѣчно юно, неувядающе, какъ мощныя созданія общенароднаго искусства.

Лозунгъ, завѣщанный литературному фонду, отвѣчаетъ высокимъ завѣтамъ искусства вообще,—поэтому онъ такъ значителенъ и устойчивъ. И если Бѣлинскій былъ во многомъ лишь провозвѣстникомъ «великихъ судебъ русской литературы», а Дружинину посчастливилось привѣтствовать ея расцвѣтъ, объявить, что она уже есть у насъ и требуется только ее беречь и ограждать, то намъ теперь, видѣвшимъ, какъ солнце русскаго искусства достигло зенита и лучи его распространились по всему міру, остается лишь вѣра—въ непрерывность творческихъ силъ русскаго народа, вѣра въ то, что, какъ бы высоко ни сіяла слава геніевъ земли русской, каждое новое поколѣніе нуждается въ своихъ истолкователяхъ, выразителяхъ, просвѣтителяхъ, что литература никогда не замретъ, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, вѣчно обновляясь въ новомъ выступленіи молодыхъ силъ, и этой литературой мы должны дорожить, какъ самою жизнью.

Ѳ. Батюшковъ.

Отпаніе молодости.

Я схоронилъ тебя въ дремучей чащѣ,
О, молодость моя!
Но какъ кремни изъ вражьей пращи—
Мнѣ память младобытія.

Стоналъ и лѣсъ подъ звонъ моей лопаты,
И ждать не волилъ конь.
И мой закатъ, какъ всѣ закаты,
Рыдая, алый жегъ огонь.

А я бросалъ земли взрыхленной комья,
Безстрашный и нѣмой,
Какъ истый вскормленникъ бездомья,
Пошедшій по̀-міру съ сумой.

И разнуздавъ коня, пустилъ въ раздолье
Его звѣриный гнѣвъ.
И окрещенный первой болью
Въ цѣлпну рухнулъ межъ деревъ.

Когда же всталъ, свисали въявь созвѣздья,
И зоркая сова
Вѣщала прямоту возмездья,
И ночь настать была права.

Сергѣй Городецкій.

Традиціи литературнаго фонда и В. А. Манассеинъ, какъ выразитель ихъ.

Вступительное слово, сказанное на празднованіи юбилея литературнаго фонда, 8 ноября 1909 г.

Милостивыя государыни
и милостивые государи!

На меня, какъ на предсѣдателя, въ этомъ году, комитета литературнаго фонда выпала высокая честь привѣтствовать собравшихся здѣсь членовъ нашего общества и нашихъ гостей. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, па зарѣ эпохи реформъ, начавшихъ обновленіе русской жизни, однимъ изъ первыхъ проявленій пробуждавшейся общественности нашей было созданіе нашего общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Для него въ это время на западѣ уже существовалъ образецъ, англійскій «Literary fund», отъ котораго пришла къ намъ теперь и первая привѣтственная телеграмма.

Изъ рѣчи секретаря комитета вы узнаете, какъ прошли для литературнаго фонда эти полвѣка. Ограничусь только указаніемъ на то, что въ данный моментъ члены и кліенты нашего общества разсѣяны по всей землѣ русской, о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствуютъ присланныя комитету съ разныхъ ея концовъ телеграммы. Съ самаго же своего начала литературный фондъ долженъ былъ быть учрежденіемъ не мѣстнымъ, петербургскимъ, а общерусскимъ, національнымъ. Укажу еще, что за пятьдесятъ лѣтъ капиталъ, находящійся въ распоряженіи общества, переросъ крупную цифру 700 т. р. и что ежегодно общество расходуетъ теперь около 35 т. р. Остальное, повторяю, скажетъ вамъ секретарь фонда.

Итакъ, литературному фонду исполнилось пятьдесятъ лѣтъ. Празднованія учрежденіями знаменательныхъ годовщинъ въ ихъ жизни даетъ имъ поводъ не только подводить итоги подъ ихъ дѣятельностью за извѣстные періоды времени и вспоминать о дѣятеляхъ, которыхъ уже нѣтъ среди живущихъ людей, но и обращаться къ болѣе или менѣе широкимъ общественнымъ кругамъ за поддержкою и въ дѣятельности дальнѣйшей. Комитетъ

литературнаго фонда и воспользовался сегодняшней годовщиной перваго собранія членовъ фонда пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, чтобы оглянуться на свое прошлое, помянуть своихъ умершихъ работниковъ и жертвователей и обратиться къ русскимъ людямъ, цѣнящимъ родную науку и литературу, съ соотвѣтственнымъ призывомъ. Къ этому дню комитетъ издалъ общій исторически очеркъ пятидесятилѣтія фонда и, кромѣ того, готовитъ къ началу 1910 г. юбилейный сборникъ, а надняхъ будетъ еще литературный вечеръ въ память покойныхъ дѣятелей фонда.

Мы очень счастливы, что среди нашихъ гостей мы можемъ лично привѣтствовать одного изъ двухъ только оставшихся въ живыхъ учредителей нашего общества,—глубокоуважаемаго Михаила Матвѣевича Стасюлевича. Другой, Владиміръ Ивановичъ Ламанскій, къ сожалѣнію, по болѣзни не могъ пріѣхать на праздникъ, и потому я предлагаю собранію послать и глубокоуважаемому Владиміру Ивановичу привѣтствіе съ пожеланіемъ ему добраго здоровья *).

Теперь позвольте перейти къ главному. Для характеристики нашего теперяшняго положенія я позволилъ бы себѣ сказать, что за эти пятьдесятъ лѣтъ число членовъ общества росло въ ариометической прогрессіи, количество кліентовъ—въ прогрессіи геометрической, т. е. какъ бы по закону Мальтуса. Въ самомъ дѣлѣ, членовъ фонда имѣются какія-либо сотни, кліенты насчитываются тысячами: вчера только я подсчиталъ, сколько имѣется карточекъ въ нашемъ алфавитѣ кліентовъ, и оказалось, что ихъ двѣ съ половиной тысячи. Когда основывался литературный фондъ, въ числѣ его членовъ были всѣ наиболѣе крупные писатели того времени, теперь же въ спискахъ членовъ мы не находимъ очень и очень многихъ извѣстныхъ писательскихъ именъ, какъ не находимъ, равнымъ образомъ, и цѣлаго ряда именъ издателей и редакторовъ. «Дружининская копѣйка», т. е. отчисленіе извѣстнаго процента изъ авторскаго гонорара, «читательскій рубль» тоже не могутъ быть названы источниками доходовъ фонда. Если мы обладаемъ капиталомъ въ сотни тысячъ, то это—благодаря сравнительно немногимъ крупнымъ пожертвованіямъ, которыя были сдѣланы литературному фонду, особенно за послѣдніе двадцать пять лѣтъ. Имена главныхъ жертвователей будутъ названы въ рѣчи секретаря, я же позволю себѣ выразить надежду, что и въ будущемъ рука дающаго не оскудѣетъ. На этотъ счетъ мы не безпокоимся, но очень хотѣлось бы намъ,

*) Собраніе рукоплесканіями привѣтствовало М. М. Стасюлевича и предложеніе выразить сочувствіе В. И. Ламанскому.

чтобы и писательская братія, и читающая публика въ большемъ количествѣ была представлена въ членскихъ спискахъ литературнаго фонда.

Съ чувствомъ большого удовлетворенія комитетъ фонда имѣетъ право отмѣтить, что его дѣятельность всегда пользовалась сочувствіемъ и нравственною поддержкой большей части русской печати. Многіе видные органы нашей прессы даже нерѣдко защищали литературный фондъ отъ систематическихъ на него нареканій со стороны двухъ-трехъ газетъ, будто въ своей дѣятельности онъ очень пристрастенъ и партіенъ; тѣмъ дороже намъ эта защита, что сами мы не можемъ оглашеніемъ именъ лицъ, пользующихся помощью отъ фонда, опровергать возводимыя на него обвиненія, ибо уставъ обязываетъ комитетъ хранить въ тайнѣ имена кліентовъ. Мы только можемъ желать, чтобы и впредь наша повременная печать относилась къ дѣятельности комитета съ прежнею благожелательностью.

На этомъ я могъ бы и кончить свое вступительное слово, если бы непредвидѣнно на меня не выпала обязанность нѣсколько еще его продолжить. Вамъ предстоитъ выслушать послѣ краткаго историческаго очерка, который будетъ содержаніемъ доклада секретаря, нѣсколько краткихъ рѣчей объ умершихъ предсѣдателяхъ комитета. О двоихъ изъ нихъ,—Викторѣ Павловичѣ Гаевскомъ и о Вячеславѣ Авксентьевичѣ Манассеинѣ, долженъ былъ говорить Николай Степановичъ Таганцевъ, одинъ изъ старѣйшихъ дѣятелей литературнаго фонда, одиннадцать разъ бывшій въ комитетѣ товарищемъ предсѣдателя и шесть разъ предсѣдателемъ. Къ сожалѣнію, нездоровье помѣшало ему сегодня пріѣхать, и вотъ приходится его замѣнить другими: о В. П. Гаевскомъ мы попросили сказать Ѳедора Ѳедоровича Воропонова, тоже очень давняго дѣятеля литературнаго фонда, о В. А Манассеинѣ взялся сказать нѣсколько словъ я.

Я имѣлъ счастье работать вмѣстѣ съ Манассеинымъ съ перваго же года своего пребыванія въ комитетѣ. Это было еще въ 1890 г., т. е. почти двадцать лѣтъ тому назадъ. Вячеславъ Авксентьевичъ былъ тогда товарищемъ предсѣдателя, и уже не въ первый разъ, послѣ чего онъ еще шесть разъ занималъ постъ предсѣдателя, такъ что въ моихъ воспоминаніяхъ Манассеинъ какъ-то и рисуется мнѣ безсмѣннымъ предсѣдателемъ комитета.

Я не буду, конечно, говорить о Вячеславѣ Авксентьевичѣ, какъ объ ученомъ профессорѣ, врачѣ и редакторѣ спеціальнаго медицинскаго органа,—моя рѣчь о немъ, лишь какъ о дѣятелѣ

литературнаго фонда. Съ послѣднимъ у Манассеина были старыя связи—еще съ перваго десятилѣтія фонда. Еще студентомъ выпускного курса Вячеславъ Авксентьевичъ уже печаталъ медицинскія статьи, и однажды, когда замедлили съ выдачею ему гонорара, а деньги ему были нужны, онъ обратился за помощью въ комитетъ фонда. Ссуда ему была назначена, но онъ, получивъ гонораръ, не воспользовался ею. Другой разъ, уже будучи врачомъ и семейнымъ человѣкомъ, онъ тоже обратился въ фондъ и получилъ ссуду, которую въ кассу и возвратилъ. Въ сущности, услуга, оказанная ему фондомъ, была очень незначительная, но онъ помнилъ ее всю жизнь и часто о ней говорилъ. Сдѣлавшись по окончаніи курса членомъ общества, онъ тотчасъ же предложилъ комитету съ своей стороны безвозмездную помощь кліентамъ фонда, которую потомъ и несъ до самаго своего конца. Въ этомъ отношеніи для фонда это былъ человѣкъ незамѣнимый: не говоря уже о томъ, что кліенты фонда приходили къ нему на домъ, ко многимъ онъ ходилъ самъ, о другихъ хлопоталъ чтобы они могли безплатно или за удешевленную плату лѣчиться въ больницахъ, и т. д. До самой своей смерти онъ, не покладая рукъ, работалъ для любимаго учрежденія, и сколько разъ мы видѣли его открывающимъ засѣданія комитета послѣ только что окончившейся возни съ больными.

Гуманный, деликатный, отзывчивый, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ строгъ и непреклоненъ въ принципіальныхъ вопросахъ. Въ 1891 г., когда исполнилось двадцать пять лѣтъ его дѣятельности, еще здоровый и полный силъ, Манассеинъ по принципу, чтобы очистить мѣсто для новой научной силы, вышелъ въ отставку, какъ ни убѣждали его друзья не дѣлать этого, ссылаясь на то, что у его замѣстителя не будетъ ни опыта, ни знаній, какими онъ самъ располагалъ. Онъ возражалъ, что опытъ и знанія пригодятся ему и въ дѣятельности другого рода. Извѣстно, какія высокія требованія предъявлялъ онъ къ званію врача. Редактировавшаяся имъ медицинская газета «Врачъ» была вмѣстѣ съ тѣмъ и публицистическимъ органомъ, въ которомъ имъ проводились строгіе принципы врачебной этики. Одно изъ его разоблаченій медицинскаго шарлатанства даже привело его на скамью подсудимымъ. Принципіальная непреклонность Манассеина была же причиною того, что къ нему особенно охотно обращались, когда являлась надобность въ третейскомъ судѣ. Мнѣ лично пришлось наблюдать его и въ этой роли.

Тѣ же качества характера проявлялъ Манассеинъ и въ работѣ по литературному фонду. Гуманный, деликатный, онъ былъ твердъ

и непреклоненъ, когда дѣло шло о принципѣ. Однимъ изъ наиболѣе выпуклыхъ проявленій его характера было безпристрастіе, безпартійность, соединенныя съ высокимъ этическимъ настроеніемъ. Вячеславъ Авксентьевичъ смотрѣлъ на комитетъ литературнаго фонда, какъ на оберегателя добрыхъ нравовъ: цензъ — цензомъ, нужда—нуждой, но нельзя же индифферентно относиться и къ нравственной физіономіи обращающихся за помощью. Въ послѣднемъ отношеніи Манассеинъ былъ хранителемъ лучшихъ традицій фонда, въ комитетѣ котораго онъ съ перерывами работалъ около четверти вѣка.

Позвольте мнѣ въ заключеніе коснуться стороны дѣла, о которой я только что сказалъ, характеризуя Вячеслава Авксентьевича Манассеина,—коснуться именно традицій фонда.

Господа,—если чѣмъ особенно силенъ комитетъ литературнаго фонда, то это—храненіемъ добрыхъ традицій. Въ немъ, этомъ комитетѣ, крѣпко держится духовная преемственность отъ перваго его состава, въ которомъ были такіе люди, какъ Тургеневъ и Чернышевскій, духовная преемственность и нравственная солидарность. Въ немъ за пятьдесятъ лѣтъ перебывало множество людей разныхъ профессій, научныхъ и философскихъ взглядовъ, литературныхъ направленій, политическихъ стремленій, но ихъ всѣхъ объединяли завѣты основателей фонда, объединялъ извѣстный нравственный уровень, объединяло взаимное, уваженіе и вдумчивое, безпристрастное, безпартійное отношеніе къ тѣмъ, кого жизненная судьба заставляла обращаться за помощью, никогда, однако, не падавшее на уровень этическаго индифферентизма. Манассеинъ былъ живымъ воплощеніемъ вотъ этихъ самыхъ добрыхъ традицій литературнаго фонда. Конечно, я упомянулъ бы о нихъ и въ томъ случаѣ, если бы мнѣ и не пришлось говорить о Манассеинѣ, но теперь я могу выразить и пожеланіе, чтобы въ комитетѣ литературнаго фонда чаще были такіе члены, какъ тотъ, о комъ сейчасъ была моя рѣчь.

Н. Карѣевъ.

Въ городѣ.

Въ лучахъ весеннихъ облака
И вольныхъ птицъ сіяютъ крылья...
Въ толпѣ шумящей, какъ рѣка,
Я горько чувствую безсилье.

Не мнѣ привѣтствовать весну,
Ея гонцовъ въ дали лазурной,—
Я только капля и тону
Въ рѣкѣ темнѣющей и бурной!

Мнѣ не уйти отъ береговъ
Моей тоски, моей неволи,—
Отъ этихъ сумрачныхъ домовъ,
Сдавившихъ грудь мою до боли!

А. Лукьяновъ.

Въ большомъ домѣ.

Въ этомъ домѣ встаютъ спозаранокъ.
На лѣсахъ посвѣтлѣли столбы.
И пронзителенъ голосъ крестьянокъ,
Продающихъ салатъ и грибы.

У сосѣдки откинуты шторы,
Тамъ внимательный профиль поникъ.
А внизу заскрипѣли затворы,
Загремѣлъ по камнямъ ломовикъ.

Вотъ ушла. Закрутила небрежно
Золотистыя косы узломъ.
И опять я гляжу безнадежно,
Какъ живетъ опечаленный домъ.

Дни такъ долги и небо такъ сине.
День кончается въ восемь часовъ.
Цѣлый день прогруститъ въ магазинѣ
Подъ заботливый шумъ голосовъ.

Я весь день прослоняюсь по скверамъ
Съ одинокой тоской о любви,
Чтобы въ домѣ вечернемъ и сѣромъ
Улыбнуться окну vis-à-vis.

* *
*

Въ этомъ домѣ вечерномъ такъ тихо.
Кто-то пѣлъ, занавѣсивъ окно.
Это пѣла сосѣдка-портниха,
И она замолчала давно.

Спятъ сосѣди. Опущены шторы.
Только мы припадаемъ къ окну,
Только мы одинокіе взоры
Устремили во мракъ, въ тишину.

Ты одна. Ты устала. Я тоже.
Для чего намъ людскія слова.
У меня цѣломудрено ложе,
И кружится отъ сновъ голова.

Въ старомъ домѣ истома больная...
Въ тихомъ домѣ молчанье, какъ бредъ...
Спи, любимая. Спи, неземная!
Я одинъ повстрѣчаю разсвѣтъ.

Безконечный разсвѣтъ изъ-за дома
Синевой напоилъ высоту.
Мы такъ долго съ тобой незнакомы,
Но такъ близки. Такъ любимъ мечту.

Дмитрій Цензоръ.

Я. Г. Гуревичъ.

Имя Якова Григорьевича Гуревича было мнѣ извѣстно еще задолго до моего личнаго съ нимъ знакомства, и познакомился я съ Яковомъ Григорьевичемъ также раньше, нежели сталъ съ нимъ встрѣчаться въ засѣданiяхъ комитета литературнаго фонда. Еще до переселенiя своего въ Петербургъ я зналъ своего будущаго товарища по работѣ въ комитетѣ фонда, какъ историка-педагога, составителя хорошихъ учебныхъ пособiй по исторiи для средней школы и автора статей по методикѣ преподаванiя этого предмета. Самъ будучи въ тѣ старыя времена гимназическимъ преподавателемъ исторiи, я не могъ не знать имени Гуревича, а когда самъ переѣхалъ на жительство въ Петербургъ,—не познакомиться съ нимъ и лично, тѣмъ болѣе что, благодаря своей необычайно общительной натурѣ, онъ вращался въ разныхъ кругахъ, въ какiе мнѣ только ни приходилось попадать.

Когда я съ нимъ познакомился, онъ уже былъ директоромъ собственнаго учебнаго заведенiя, состоявшаго изъ гимназiи и реальнаго училища, и собирался выступить приватъ-доцентомъ по новой исторiи въ университетѣ. Якова Григорьевича всегда тянуло къ научнымъ занятiямъ и къ профессурѣ, но обстоятельства для него сложились такъ, что лишь на короткое время могли осуществляться его завѣтныя мечты о научныхъ изслѣдованiяхъ и объ университетской каѳедрѣ. Передъ приватъ-доцентурой въ университетѣ онъ читалъ нѣкоторое время лекцiи по новой исторiи на высшихъ женскихъ курсахъ, а для прiобрѣтенiя званiя приватъ-доцента издалъ въ 1885 г. книгу «Происхожденiе войны за испанское наслѣдство и коммерческiе интересы Англiи». Университетскiй уставъ 1884 г. сдѣлалъ излишнимъ защиту диссертацiи «pro venia legendi», и Яковъ Григорьевичъ потомъ приступилъ къ чтенiю лекцiй безъ этой формальности; вскорѣ, впрочемъ, оставилъ приватъ-доцентуру, такъ

какъ директорство въ гимназіи и реальномъ училищѣ, соединенное съ преподавательствомъ въ нихъ, и другія лежавшія на немъ обязанности не оставляли ему достаточно времени для научной работы.

Всѣ знавшіе Я. Г. Гуревича подтвердятъ, что своему дѣлу онъ предавался съ увлеченіемъ, что, между прочимъ, выразилось въ изданіи имъ и впослѣдствіи новыхъ учебныхъ руководствъ и по тому интересу, какой онъ обнаруживалъ къ вопросамъ преподаванія вообще и исторіи въ частности. Между прочимъ, онъ былъ однимъ изъ иниціаторовъ историческаго общества при петербургскомъ университетѣ, входилъ въ составъ первыхъ его комитетовъ и принималъ дѣятельное участіе въ общихъ собраніяхъ, самъ читалъ рефераты, выступалъ оппонентомъ на чужихъ докладахъ и т. п. Совмѣстная работа въ историческомъ обществѣ еще болѣе сблизила меня съ Гуревичемъ, хотя мы и безъ того уже раньше бывали другъ у друга на журфиксахъ или встрѣчались у общихъ знакомыхъ, наприм., у П. И. Вейнберга, съ которымъ Гуревичъ былъ связанъ тѣсными узами старинной дружбы. Ко времени основанія историческаго общества я успѣлъ оцѣнить прекрасныя душевныя качества Якова Григорьевича, его веселый, общительный нравъ, доброжелательное отношеніе къ людямъ, желаніе быть, гдѣ только можно, полезнымъ, поразительную трудоспособность, щедрость на всякую помощь ближнему.

Во время основанія историческаго общества мы часто бесѣдовали о желательности изданія историческаго журнала, и Гуревичъ готовъ былъ взять на себя матеріальную часть изданія, но педагогъ въ немъ пересилилъ историка, и съ 1890 г. онъ сталъ издавать ежемѣсячный педагогическій журналъ «Русская Школа», не жалѣя средствъ на то, чтобы поднять его на возможную высоту. Долгое время онъ издавалъ «Русскую Школу» себѣ въ убытокъ, и я не знаю, не продолжалось ли это до конца его жизни. Во всякомъ случаѣ, онъ сумѣлъ сдѣлать журналъ интереснымъ и популярнымъ, привлекши къ сотрудничеству многія научныя, педагогическія и публицистическія, отчасти даже и въ тѣсномъ смыслѣ литературныя силы.

Нужно вообще замѣтить, что у Якова Григорьевича сильно была развита общественная жилка. Въ какихъ только обществахъ онъ не участвовалъ, на какія только благотворительныя цѣли не жертвовалъ изъ своего достатка. Часто, наприм., я узнавалъ отъ него о томъ, что дѣлалось въ комитетѣ грамотности, гдѣ онъ былъ дѣятельнымъ членомъ; помню, что при-

ходилось съ нимъ встрѣчаться и въ комитетѣ пособія студентамъ... И когда онъ на все это находилъ время! Не разъ я ему говорилъ въ шутку, что во всемъ Петербургѣ только извозчики да Яковъ Григорьевичъ Гуревичъ умѣютъ спать только по три—четыре часа въ сутки. Гдѣ только ни было общественной инціативы или какого-либо общества, какого-либо собранія, вездѣ можно было видѣть Гуревича! Вспоминаю и педагогическое общество, и союзъ писателей,—всего не перечтешь.

Послѣ всего этого было бы непостижимымъ, если бы Яковъ Григорьевичъ остался совершенно чуждымъ литературному фонду. Въ комитетъ послѣдняго я былъ выбранъ въ первый разъ въ 1890 г., и Гуревичъ уже тогда былъ въ его составѣ третій годъ, но уже свободный отъ должности казначея, которую занималъ два года сряду передъ тѣмъ. Послѣ этого мы одновременно еще не разъ были членами комитета, и Гуревичъ опять и опять бралъ на себя трудныя обязанности казначея. Въ общемъ, въ качествѣ члена комитета онъ работалъ для литературнаго фонда при четырнадцати его составахъ (въ 1888—90, 1892—94, 1896—1898, 1901—3 и 1905—6 гг.) и пять разъ при этомъ былъ казначеемъ; за все время существованія фонда въ этой послѣдней цифрѣ съ Гуревичемъ сравнялся одинъ Ѳ. Ѳ. Воропоновъ, превзошелъ Гуревича Н. Ѳ. Анненскій.

Одною изъ «слабостей» Якова Григорьевича было часто опаздывать на засѣданія разныхъ обществъ вслѣдствіе массы лежавшей на немъ работы, но по отношенію къ литературному фонду такой вольности онъ себѣ не позволялъ. Вообще это былъ одинъ изъ усерднѣйшихъ и аккуратнѣйшихъ членовъ комитета. Въ работу по фонду онъ вносилъ и обычную свою доброту. Когда ему, наприм., казалось, что комитетъ кому-нибудь неправильно отказалъ или уменьшилъ просимую сумму, онъ, случалось, открывалъ свой бумажникъ и давалъ ту или другую сумму для удовлетворенія даннаго кліента, но, конечно, отъ имени комитета. Да и помимо этого онъ постоянно хлопоталъ и заступался. Для дѣтей писателей Яковъ Григорьевичъ охотно открывалъ безплатныя вакансіи въ своемъ учебномъ заведеніи или оказывалъ другія денежныя льготы. Ему литературный фондъ обязанъ до извѣстной степени и тѣмъ, что въ настоящее время владѣетъ литературнымъ наслѣдствомъ Гаршина. Когда вдова послѣдняго и одинъ изъ его братьевъ (Евгеній Михайловичъ) пожертвовали фонду свои доли изъ этого наслѣдства, Гуревичъ выкупилъ у другого брата Гаршина принадлежавшую ему долю и пожертвовалъ ее фонду, выразивъ при этомъ желаніе,

чтобы имя его не было оглашено. Сколько денежныхъ жертвъ Якова Григорьевича въ пользу кліентовъ литературнаго фонда оставалось неизвѣстнымъ и самому комитету, но когда онъ въ засѣданіи заносилъ въ свою записную книжечку адресъ того или другого кліента, всякій догадывался, для чего это дѣлалъ Яковъ Григорьевичъ. Когда пишущему эти строки приходилось собирать деньги для какого-либо нуждающагося человѣка, смѣлѣе всего онъ обращался именно къ Гуревичу, который и по собственной иниціативѣ помогалъ, гдѣ только могъ.

Вспоминая по случаю пятидесятой годовщины литературнаго фонда отошедшихъ его работниковъ, въ числѣ первыхъ именъ, приходившихъ на память, мы не могли не назвать Я. Г. Гуревича, и лично я смотрѣлъ, какъ на исполненіе своего долга, когда, въ качествѣ человѣка, болѣе другихъ знавшаго Якова Григорьевича, вызвался написать о немъ нѣсколько страничекъ въ нашъ сборникъ.

Н. Карѣевъ.

Дневникъ Добролюбова.

(Съ 1 янв. 1857 по 11 февр. 1857 г.).

Тотчасъ-же послѣ смерти Добролюбова, Чернышевскій сталъ заниматься собираніемъ матеріаловъ для біографіи столь безжалостно похищеннаго смертью друга своего. Даже не друга, а въ полномъ смыслѣ слова духовнаго сына. На статьяхъ Чернышевскаго выросъ Добролюбовъ, въ общеніи съ разносторонне-образованнымъ Чернышевскимъ окрѣпло міросозерцаніе Добролюбова, Чернышевскій ввелъ Добролюбова въ литературу и Чернышевскій, наконецъ, съ полною готовностью уступилъ даровитому юношѣ амплуа «перваго критика» въ «Современникѣ».

Уже въ 1 книжкѣ «Современника» за 1862 г. Чернышевскій помѣстилъ первые «Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова». Эта была только незначительная часть того, чѣмъ онъ располагалъ. Ему были доставлены всѣ оставшіяся рукописи Добролюбова, его переписка, рядъ воспоминаній товарищей и т. д. Все это Чернышевскій твердо рѣшилъ использовать въ ближайшемъ будущемъ. Но его самого застигаетъ страшная невзгода, про которую трудно сказать, что она была: лучше или хуже смерти. Во всякомъ случаѣ, она была смертью духовной. Чернышевскій, находившійся въ полномъ расцвѣтѣ таланта, въ лучшей порѣ мужского возраста, умеръ какъ писатель и въ страшной обстановкѣ якутской ссылки постепенно терялъ великія силы своего духа.

Возвратясь въ 1883 году въ Россію, Чернышевскій не въ полной, конечно, мѣрѣ, но все же возвращается и къ литературной работѣ. Вернулся онъ, между прочимъ, и къ матеріаламъ Добролюбовской біографіи. Нашелся и издатель въ лицѣ того же Солдатенкова, который издалъ безпримѣрный, какъ единоличный трудъ, литературный подвигъ Чернышевскаго—12 томовъ комментированнаго перевода Вебера.

Началось печатаніе книги. Но на 27-мъ листѣ Чернышевскаго застигла смерть, и книга, уже безъ его дальнѣйшей корректуры, вышла въ 1890 г. подъ названіемъ «Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова, собранные въ 1861—62 гг., томъ I».

Публика наша, какъ и во времена Пушкина, «лѣнива и нелюбопытна», и книга шла плохо. Благодаря этому, II томъ не появился до сихъ поръ. Въ настоящее время сынъ Чернышевскаго, Михаилъ Николаевичъ, съ согласія наслѣдниковъ Добролюбова, передалъ всѣ собранные Николаемъ Гавриловичемъ матеріалы Литературному Фонду. Комитетъ Фонда предполагаетъ обнародовать въ журналахъ или другихъ путемъ эти матеріалы, представляющіе особенный интересъ въ виду предстоящаго 50-лѣтія со дня смерти Добролюбова.

Въ настоящій Сборникъ включается одна изъ наиболѣе цѣнныхъ частей бумагъ Добролюбова—его обстоятельнѣйшій дневникъ, веденный въ январѣ и февралѣ 1857 г. Нѣсколькими страницами изъ этого дневника воспользовался Чернышевскій для своей статьи о Добролюбовѣ въ «Современникѣ»

1862 г. Дневникъ принадлежитъ къ числу интереснѣйшихъ «человѣческихъ документовъ». Не знаю въ литературѣ дневниковъ ни одного, столь откровеннаго. Какъ общее правило можно установить, что всѣ авторы даже самыхъ интимныхъ дневниковъ всегда охорашиваются, всегда во всемъ оправдываютъ себя, всегда кокетничаютъ съ потомствомъ. Дневникъ Добролюбова представляетъ собою полную противоположность. Онъ по преимуществу казнитъ себя, и только кое-гдѣ сквозитъ и сознаніе своихъ силъ и достоинствъ. Всѣ свои переживанія Добролюбовъ излагаетъ съ такою откровенностью, что кое-что пришлось замѣнить точками, а въ одномъ мѣстѣ пришлось пропустить довольно много.

По первому впечатлѣнію откровенность, съ которою Добролюбовъ описываетъ нѣкоторыя изъ своихъ переживаній, какъ будто въ чемъ-то разочаровываетъ, съ чего-то снимаетъ покровъ. Біографія Добролюбова очень мало извѣстна, и мы привыкли представлять его себѣ только въ ореолѣ его непреклоннаго литературнаго ригоризма. Поэтому нѣкоторыя, крайне-реалистическіе эпизоды дневника и самыя выраженія какъ будто нарушаютъ цѣльность нашего представленія о Добролюбовѣ.

Но если хоть сколько-нибудь вдуматься во всѣ эти съ перваго разу шокирующія мѣста дневника, то они не только не умаляютъ обаянія нравственнаго облика Добролюбова, а безусловно его укрѣпляютъ.

И вотъ почему.

Когда Чернышевскій изъ того-же дневника, который здѣсь печатается, взялъ только мѣста, которыя васъ умиляютъ своею нравственною высотою, то получился образъ черезчуръ безплотный. Думалось даже порою: да, это возвышенно, но нѣтъ-ли тутъ и доли позы, хотя и искренней. Но когда вы тѣ-же мѣста прочитываете въ дневникѣ, насквозь проникнутомъ самымъ строгимъ отношеніемъ къ себѣ и безграничной откровенностью, то всякій разговоръ о позѣ падаетъ самъ собою. Если рядомъ съ поражающими своею откровенностью записями о приключеніяхъ въ обществѣ падшей Маши, авторъ дневника заноситъ свое глубокое душевное волненіе по поводу «святого» для него дѣла освобожденія крестьянъ, то правдивость этого переживанія выступаетъ особенно рельефно. Вызываетъ, конечно, только улыбку своимъ несоотвѣтствіемъ съ общимъ характеромъ его литературной дѣятельности заявленіе Добролюбова, что онъ замѣчаетъ въ себѣ «отсутствіе живого начала». Но въ виду такого строгаго отношенія къ себѣ, мы впадемъ въ прямую психологическую ошибку, если не усмотримъ абсолютно точную картину душевныхъ переживаній Добролюбова и тогда, когда онъ говоритъ о своемъ глубокомъ презрѣніи къ житейскимъ выгодамъ, о своемъ страстномъ желаніи «явиться смѣлымъ и свѣжимъ бойцомъ» и т. д. и т. д.

И вотъ я и думаю, что вся эта смѣсь разбросанныхъ по всему дневнику высоко-идеальныхъ настроеній съ подробностями ультра-житейскими только укрѣпляетъ наше старое представленіе о Добролюбовѣ. Образъ его выигрываетъ въ жизненности, какъ выигрываетъ всякій портретъ отъ наложенія тѣней. Предъ нами идеалистъ въ лучшемъ смыслѣ слова, но идеалистъ не иконописный, а съ кровью въ жилахъ и блескомъ страсти въ глазахъ.

С. Венгеровъ

1857 г. 1 янв. г. Должно быть, воля сильно дѣйствуетъ на воображеніе, а воображеніе на все состояніе организма. Этимъ даже привычку, даже искусство, даже геній можно, кажется, объяснить. Теперь, впрочемъ, дѣло идетъ только объ объясненіи явленія, которое можетъ быть приравнено развѣ къ чудесамъ. Вчера у меня съ утра страшно болѣла голова, какъ будто по вискамъ стучали молотомъ, а внутри мозгъ свинчивали въ желѣзныхъ тискахъ. Часа два я пролежалъ, но облегченія не получилъ ни малѣйшаго. Въ три часа нужно было отправиться на урокъ къ Куракинымъ и я пошелъ. Въ началѣ урока я едва могъ говорить, потому что каждымъ словомъ моимъ стрѣляло въ ухо, потомъ въ виски и затѣмъ происходило сжиманіе мозга... Ясно было, что я болѣлъ серьезно. Но къ концу урока напалъ я на какой-то интересный предметъ и началъ-себѣ говорить... Просидѣлъ я на урокѣ болѣе, чѣмъ полтора часа и, пришедши въ институтъ, почувствовалъ себя немножко лучше. Но все еще голова болѣла сильно. Съ часъ пролежалъ я на диванѣ, передъ спальней, положивши голову на колѣни къ Н. П. Т. и толкуя о чемъ-то съ М. Ш.—Т. совѣтовалъ мнѣ идти въ больницу, но я, послѣ долгихъ колебаній, рѣшился идти къ Гал. встрѣчать новый годъ... Передъ отправленіемъ къ нимъ я съѣлъ пресквернѣйшій институтскій ужинъ и одѣлся, чтобы ѣхать... Въ этотъ короткій промежутокъ времени головная боль у меня прошла—рѣшительно «безъ всякой видимой побудительной причины» (какъ говорятъ у насъ объ Ал. Ник., когда онъ ругаетъ студентовъ). Вышелъ я изъ института уже съ очень слабымъ ощущеніемъ боли, а пріѣхалъ къ Галаховымъ совершенно здоровый. Здѣсь меня встрѣтили похвалами за стихи, которые я прислалъ къ нимъ наканунѣ, напутавши въ нихъ всякаго вздору безъ складу и ладу. Имъ это понравилось, и С. П. написалъ на нихъ отвѣтъ еще болѣе нескладный и нимало не остроумный, хотя при собственномъ его чтеніи нельзя не смѣяться надъ этими стихами... Скоро явились сюда двое—Мартын. и Бентенсонъ; съ нѣкоторыхъ поръ Мартын. эти бываютъ здѣсь каждый

день и даже по нѣсколько разъ. Что они тутъ такое, я не знаю. Знаю только, что Мартын. fils —честный и дѣльный человѣкъ, но весьма мало развитый, туповатый и рѣшительно лишенный надежды когда-нибудь поумнѣть, потому что онъ зараженъ страшными предразсудками, изъ которыхъ самое важное консерваторство—въ высшей степени апатичное и безсмысленное презрѣніе къ русскому народу (себя онъ конечно исключаетъ отсюда). Онъ обвиняетъ, напр., народъ за то, что онъ пріучаетъ чиновниковъ къ взяткамъ и говоритъ: положимъ, что чиновникъ вынуждаетъ, требуетъ, но вѣдь это только привыкшіе чиновники, а этотъ же самый взяточникъ не бралъ же когда-нибудь взятокъ, началъ же когда-нибудь, и это начало не могло быть сдѣлано имъ; ему сначала *дали* взятку, а потомъ онъ сталъ *брать* ихъ. Точно такъ онъ увѣряетъ, что русскій человѣкъ не понимаетъ иной цѣли жизни, кромѣ того, чтобы нажиться (что могъ бы онъ доказывать и филологически, если бы былъ филологъ), что крестьянъ не надо учить грамотѣ, потому что они какъ только выучатся, такъ своихъ знаній ни на что иное не употребляютъ, кромѣ ябеды, что въ русскихъ пьянства нельзя искоренить потому, что лучшихъ наслажденій они не понимаютъ, и т. п. Отецъ его—«словечка въ простотѣ не скажетъ, все съ ужимкой» и не рѣдко театрально воодушевляется, говоря о злоупотребленіяхъ, о честности высокой и т. п. Онъ, впрочемъ, говоритъ обыкновенно только о частныхъ личностяхъ и явленіяхъ, и если ему нужно доказать какую нибудь общую мысль, то онъ непремѣнно употребитъ для доказательства какой нибудь *одинъ* фактъ, никогда болѣе. Это чистѣйшій практикъ; впрочемъ, и сынъ показываетъ наклонность къ тому же, и вѣроятно въ старости уподобится отцу своему и въ этомъ, какъ онъ уподобляется ему теперь въ произношеніи словъ. Мнѣ ужасно дико слушать его произношеніе звуковъ ж, ч, ш, щ,—которые онъ выговариваетъ такъ мягко, что у него выходитъ: жьена, слушяетъ, служьитъ и т. п. Даже слово *чортъ* онъ выговариваетъ не *чортъ*, а *чёртъ*... Ужясно нѣжьній господинъ!.. Къ двѣнадцати часамъ готова была закуска въ родѣ ужина потомъ конфекты и шампанское. Поздравленіе и все вообще было довольно одушевленно, по домашнему; но мнѣ не было удовольствія, особеннаго для сердца. Только во рту было хорошо, да и то ненадолго... Вечеромъ Алеша сказалъ мнѣ, что всѣмъ очень непріятно, что Наталія Ал., его мама, была очень не въ духѣ, и что только со мной любезничала за то, что я потакаю ея капризамъ. При этомъ онъ прибавилъ, что онъ бы ее такъ и зарѣзалъ за ея mauvaise humeur при общемъ весельи... Я ему сказалъ, ко-

нечно обиняками, что онъ дуракъ и мерзавецъ, но онъ понялъ меня только въ половину, да и то, конечно, не повѣрилъ мнѣ. Что касается до меня, то я эту грусть хорошо понимаю, хотя и не знаю всѣхъ домашнихъ тайнъ Галах. Просто женское самолюбіе должно заставить ее страдать при видѣ мужа, который очень мало обращаетъ на нее вниманія и говоритъ съ ней совершенно не тѣмъ тономъ, какъ напримѣръ съ ея сестрой. Будь я за три комнаты и слышь только голосъ С. П. безъ словъ, я отгадаю безъ ошибки, съ кѣмъ онъ говоритъ съ: женой или съ сестрой ея,—просто угадаю по переливамъ звуковъ его голоса... Нат. Ал. не можетъ не видѣть и не понимать этого, хотя инстинктивно (потому что разсуждать она не слишкомъ любитъ, да и не знаю, умѣетъ ли).

Сегодня чуть свѣтъ, т. е. въ началѣ 10-го, отправился я дѣлать визиты. Зашелъ къ Малоз., засталъ его брѣющимся и услышалъ отъ него, что въ прежнее время, на его уже памяти, большая часть чиновниковъ, съ удовольствіемъ ѣздила поздравлять начальниковъ, какъ дѣйствительныхъ отцовъ и благодѣтелей; теперь же, дергая каждый звонокъ, поздравитель шепчетъ тысячи проклятій и нелѣпому обычаю, и глупому или подлому начальнику. Одинъ господинъ наканунѣ новаго года сказалъ М-ву: «я къ вамъ завтра уже не пріѣду, потому что я рѣшился въ этотъ день отдать себя на удовлетвореніе только враговъ моихъ»... Я, впрочемъ, примѣру этого господина не послѣдовалъ и отъ Малоз. поѣхалъ къ Кур. Дѣти уже встали, и я взошелъ къ нимъ. Они были, кажется, очень рады и оставили меня выпить у нихъ стаканъ чаю... Во время чаю заглянулъ въ комнату и отецъ ихъ; я поклонился. Онъ, взглянувъ на меня, сказалъ oh vous êtes en bons amis (или à) и ушелъ. Кромѣ меня былъ тутъ еще Будеусъ, ихъ воспитатель, который долженъ быть очень добръ и не глупъ, но не выказываетъ никакой образованности—вѣроятно потому, что плохо знаетъ русскій языкъ и не хочетъ на немъ пускаться въ разсужденія. Держитъ себя довольно независимо и воспитанники его уважаютъ. Здѣсь мнѣ сказали между прочимъ, что Адлербергъ уволенъ отъ управленія почтовымъ вѣдомствомъ и получилъ въ подарокъ домъ, гдѣ онъ жилъ, и 17,000 серебромъ въ годъ содержанія. Острили надъ тѣмъ, что такое подаяніе сдѣлано бѣдному, нуждающемуся человѣку. У Галах. же узналъ я, что Адлербергъ и во время коронаціи получилъ 300.000 руб. сер., да сынъ его 100.000 р. с. Все это, конечно, изъ суммъ государственнаго казначейства, хоть Март., котораго спросилъ я объ этомъ, отвѣчалъ мнѣ съ очень дипломатической миной: я вамъ объ этомъ ничего не могу *гово-*

рить, а я только вамъ сказываю фактъ, который знаю... Отъ Кур. отправился я къ Княжевичу, расписался, потомъ къ Касторскому, котораго не засталъ дома. Страшно иззябши воротился въ институтъ, заплативши цѣлковый извозчику и получивъ благодарность, разумѣется... Въ церкви у насъ стоялъ молебенъ и удивлялся, что Ванька Давыдовъ, экономъ Ильинъ и студентъ Здапевичъ такъ усердно молятся,—все въ землю, да въ землю. Спб. указалъ мнѣ на одну хорошенькую дѣвушку, содержанку кончившаго недавно курсъ университета студента Корелкина, и осуждалъ его. Я не нашелъ здѣсь ничего предосудительнаго и одобрилъ даже вкусъ Корелкина, когда разсмотрѣлъ дѣвушку поближе. Если бъ я былъ немножко погорячѣе чувствами и ничѣмъ не занятъ, да если бы она еще не была занята, я въ состояніи былъ бы въ нее влюбиться.

Изъ института опять отправился я къ Галах. С. П. получилъ крестъ Владиміра 3-ей степени, но это его не радуетъ, потому что назначенъ теперь главноуправляющимъ почтоваго вѣдомства Прянишниковъ, котораго онъ не любитъ (et vice versa конечно). При мнѣ былъ у него юноша изъ лицея Энгельгардъ, вышедшій въ 1851 году и до сихъ поръ какъ-то неудачно существующій на службѣ. Онъ говорилъ, что могъ бы получить мѣсто отъ Гвоздева, но что съ Гвоздевымъ онъ даже и знакомиться не хочетъ и что вообще въ лицеѣ его подслуживаться и кланяться не выучили. С. П. замѣтилъ, что вотъ и онъ точно такого же характера и за то остался позади почти всѣхъ своихъ товарищей. Надобно узнать, дѣйствительно ли Гвоздевъ негодяй: если такъ, то, конечно, Энгельгардтъ благородный человѣкъ. Впрочемъ, видъ его свидѣтельствуетъ въ его пользу; только когда всмотришься, въ немъ непріятно поражаетъ маленькая пошловатость, какъ въ Тупылевѣ; вслѣдъ затѣмъ явился Казнаковъ; онъ только что получилъ генеральство, и, какъ самъ говоритъ, только юноша при полученіи прапорщичьяго чина можетъ такъ радоваться, какъ онъ теперь радъ... Видно, что человѣкъ не дальній, пороху не выдумаетъ, впрочемъ—добрый, вѣроятно. Былъ тутъ еще Свистуновъ, важная персона и фатъ—secretaire d'Etat, какъ его называлъ С. П., который съ нимъ впрочемъ все-таки на ты. Онъ защищалъ Прянишникова. Но самое замѣчательное, что я узналъ изъ ихъ разговора, это то, что Горчаковъ (не знаю только который, вѣроятно, канцлеръ) всегда бываетъ у себя съ разстегнутыми штанами и разъ вышелъ такимъ образомъ къ митрополиту, который къ нему пріѣхалъ съ утреннимъ визитомъ.

Къ обѣду явились М. А. Март.-fils, Левъ Катакази, Томи-

линъ, Бентенсонъ. Левъ Катакази личность невзрачная. Говорятъ, что онъ очень уменъ, но за это я не поручусь, потому что слышалъ, какъ онъ жалѣлъ о томъ, что онъ не надворный совѣтникъ. Со мной, впрочемъ, онъ не говорилъ ничего, да и я съ нимъ тоже. Съ Томилинымъ мы толковали немножко и изъ этого немножко вывести не трудно было простое заключенiе, что онъ мошенникъ и подлецъ (въ тѣсномъ значенiи слова). Онъ служилъ въ управѣ благочинiя и выгнанъ по дѣлу Стейнбока не задолго до Арцыбушева (о которомъ напечатано уже и въ le Nord). Теперь онъ безъ мѣста. Явившись къ Г., онъ облобызалъ С. П. и просилъ не оставить своимъ расположенiемъ. Нѣсколько дней передъ тѣмъ, я его опрашивалъ объ Арцыбушевѣ, и онъ защищалъ этого мошенника...—Однако же,—сказалъ я,—стейнбоковское дѣло...—Въ стейнбоковскомъ дѣлѣ ничего нѣтъ и не могло быть, потому что я самъ производилъ его,—отвѣтилъ онъ и я, конечно, долженъ былъ замолчать... Сегодня опять зашла рѣчь объ этомъ и опять Томилинъ защищалъ своего бывшаго начальника противъ Март. «Онъ мнѣ зло сдѣлалъ, говорилъ онъ, когда дѣло запуталось, онъ пожертвовалъ мной, прямо сказалъ: возьми, возьми, распни его; онъ этимъ самъ хотѣлъ выпутаться... Самъ мнѣ потомъ говорилъ это... Но все-таки я и теперь скажу, что онъ былъ честный человѣкъ».—Однако же, если на человѣкѣ вдругъ два милліона съ половиной взысканія, то нужно же предположить... Томилинъ вскочилъ съ кушетки, на которой сидѣлъ, какъ бѣшеный.—Et vous croyez ça,—вскричалъ онъ,—vous un homme d'esprit, образованный человѣкъ, воспитанникъ училища правовѣдѣнія, живущій въ Петербургѣ?.. Стыдитесь!.. Да какъ же могъ бы онъ и пр... Март. хорошо объяснилъ, какъ могъ бы онъ и пр... Томилинъ заключилъ тѣмъ, что сказалъ, что дуракъ былъ бы Арцыбушевъ, если бы наживъ два милліона съ половиной, не пожертвовалъ полмилліона, чтобы оправдаться... Это подало поводъ Мар—ву произнести нѣсколько горячихъ словъ противъ взяточничества и противъ русскаго народа, который даже не возстаетъ противъ такого злоупотребленія и считаетъ его совершенно въ порядкѣ вещей... Томилинъ выразилъ между прочимъ убѣжденіе, что il faut chercher pour avoir quelque chose, на что Нат. Ал. отвѣчала ему, что son mari a trop de noblesse pour cela (дѣло шло о С. П.). На дняхъ С. П. спрашивалъ Т., неужели онъ считаетъ своею обязанностью приноровляться ко всякому начальнику во всемъ? Т. отвѣчалъ—да.—Нѣтъ,—замѣтилъ С. П.,—я бы скорѣе вышелъ въ отставку, нежели сталъ бы поддѣлываться къ убѣжденіямъ начальника, которыя не согласны съ моими...—

— Да вѣдь надо же чѣмъ-нибудь жить — возразилъ Т...—Я бы сталъ сапоги чистить или улицы мести,—героически отвѣчалъ С. П.—На дѣлѣ, конечно, его героизмъ совсѣмъ не такъ далеко простирается, но и то хорошо, что онъ хоть не говоритъ подлостей, какъ Томилинъ, притомъ до нѣкоторой степени онъ въ этомъ искрѐненъ. Если онъ и не въ состояніи для правды пожертвовать тѣмъ, что имѣетъ, то по крайней мѣрѣ можетъ отказаться отъ выгодъ, которыя могъ бы получить отъ подлости. За обѣдомъ стали говорить о какомъ то Неклюдовѣ (кажется) и С. П., любящій иногда озадачить, вдругъ спросилъ: est ce, qu'il n'est pas encore tué? На отрицательный отвѣтъ онъ замѣтилъ: mais, au moins, il le sera bientot?.. и затѣмъ объяснилъ, что его крестьянамъ давно бы пора уже покончить съ нимъ... При этомъ я порадовался за крестьянъ С. П. Но вслѣдъ затѣмъ къ С. П. пришло кровожадное расположеніе и онъ, думая очевидно о Прянишниковѣ и т. п.,—выразилъ свое убѣжденіе, что нужно убить всѣхъ дураковъ. Мнѣ ужасно хотѣлось сказать ему, что въ такомъ случаѣ слѣдовало начать съ самоубійства, но къ счастію я вспомнилъ во-время, что это будетъ грубость, и удержался. За обѣдомъ очень длиннымъ, которому конца не было (казалось мнѣ)—пили шампанское и толковали о томъ, что хорошо быть богатымъ, какъ Морни, напримѣръ... А я за бокаломъ шампанскаго думалъ, что хорошо имѣть состояніе, какъ Галаховы, напримѣръ. Но вскорѣ потомъ подумалъ я, что много есть людей, которые и мнѣ могутъ позавидовать за то, что я каждый день могу ѣсть мясо и пироги, ѣздить на извозчикахъ, имѣть теплый воротникъ на шинели и т. п. А пожалуй найдутся и такіе, которые позавидуютъ даже имѣющимъ возможность ѣсть хлѣбъ каждый день... Мысли эти меня очень грустно потревожили, и соціальные вопросы показались мнѣ въ эту минуту святѣе, чѣмъ когда нибудь.

Пріѣхавши въ институтъ въ 9 часовъ вечера, я нашелъ здѣсь тоже мелкое волненіе по поводу елки у директора. Смѣются большею частью надъ приглашенными (за глаза, конечно), и надъ самимъ Д., и надъ обществомъ, которое у него собирается, но во всѣхъ почти насмѣшкахъ добрыхъ товарищей видно, что они сами еще не стали выше этого приглашенія, что они были бы очень рады попасть на мѣсто Мих. или Бѣл., нѣкоторые даже прямо направляли остроты свои къ тому, чтобы доказать, что эти господа не достойны приглашенія и не могутъ оправдать его. Другіе же толковали, что и вниманіе то директора и вечеръ то его не только не стоятъ вниманія, но даже приносятъ безчестье студенту, приглашенному туда; но только

говорилось это съ такимъ жаромъ, разговоръ продолжался, не смотря на мое желаніе прекратить его, такъ настоятельно, что опять мнѣ было ясно, какъ задѣты за живое эти господа и какъ ихъ слова противорѣчатъ истиннымъ чувствамъ ихъ. Жалко право, что притворство сдѣлалось у насъ такъ общимъ. Хорошо, что я имѣю теперь цѣль повыше институтскихъ отличій и знаю людей, которыхъ мнѣніе и любовь дороже мнѣ давыдовскихъ и прочихъ тому подобныхъ вниманій. А то, пожалуй, и я вѣдь увлекся бы подобными дрязгами, разумѣется, отрицательно... И сколько бы крови отъ этого перепортилось...

2 января. Если русскій человѣкъ за что возьмется, такъ уже радъ лобъ разбить. Аккуратный нѣмецъ Штейнманъ явился сегодня на лекцію, только что пробило 9 часовъ, а Савичъ еще вчера нарочно приходилъ справляться будутъ ли лекціи. Что лучше? Вчера, конечно, сказали, что будутъ лекціи, а сегодня сказали, что не будутъ. Впрочемъ инспекторъ еще вчера сказалъ нѣтъ, но директоръ замѣтилъ, что все таки надобно собраться... Желалъ бы я спросить его зачѣмъ?...

Изъ всѣхъ уѣзжавшихъ изъ Петербурга явился только В. и страшно ругался, что начальство такъ безалаберно..

З. разсказывалъ много анекдотовъ о вчерашней елкѣ и о глупости Б., М. и др. Но его анекдоты до того не характеристичны, что я всѣ ихъ позабылъ. Замѣтилъ только одно, что лакей, проходя мимо студентовъ съ какимъ нибудь изъ угощеній, обыкновенно говоритъ только «хотите?» и, не дожидаясь отвѣта, стремится дальше. Это такъ и должно быть у Ив. Ив., у котораго студенты не смѣютъ пить вина за столомъ и курить папиросы тогда, какъ всѣ другіе курятъ.

З. разсказалъ мнѣ странную вещь: когда то, еще въ первый годъ нашей институтской жизни, и, вѣроятно, въ первые мѣсяцы сказалъ я М—у, что у него больше развиты ноги, нежели голова. Это его такъ уязвило, что онъ до сихъ поръ тяготится моей остротой. Я, не смотря на всѣ усилія, не могъ ея припомнить. Впрочемъ я и теперь еще не слишкомъ высокаго мнѣнія о развитости головы Н. М.; мнѣ все кажется, что онъ до сихъ поръ ни о чемъ серьезно не думалъ и не умѣетъ разсуждать о предметахъ высшей важности. Если онъ останется навсегда съ этой умственной лѣпью, то я желаю ему (не смотря на природный его умъ) лучше остаться подъ опекой религіозности и даже церковности, нежели жить собственной головой. У него вѣчно все будетъ скользить по поверхности и онъ даже легко можетъ сдѣлаться просто добрымъ малымъ, на что теперь же подаетъ большія надежды. Подвигъ

самопередѣлыванья будетъ для него труденъ, если не невозможенъ... А жаль, право: съ такимъ живымъ умомъ и прекраснымъ сердцемъ онъ соединяетъ еще и нѣкоторый талантъ, который при болѣе глубокомъ и серьезномъ образованіи, могъ бы принести даже значительную пользу... А все это проклятая лѣнь, это увлеченіе разными животными порывами и невѣдѣніе о высшихъ цѣляхъ человѣчества!

3 января. Вчера вечеромъ смотрѣлъ я «Ревизора» въ Михайловскомъ театрѣ. Идетъ онъ, конечно, плохо. Въ чтеніи онъ менѣе каррикатуренъ, нежели на сценѣ. Максим. хорошо исполняетъ роль Хлестакова, Бурдинъ—Земляники, Линская—довольно хорошо—жену городничаго—и только. Сосницкій хорошъ какъ-то мѣстами. Иногда же онъ видно, что не понимаетъ своего характера. Первое дѣйствіе вообще плохо идетъ, не исключая и Бобчинскаго съ Добчинскимъ, которые утрируютъ свою роль до невозможности. Послѣднія дѣйствія лучше. Одна сцена показалась мнѣ не натуральною у самого Гоголя, и при игрѣ Сосницкаго это было еще замѣтнѣе: мошенникъ городничій самъ начинаетъ разсказывать, какъ будто маленькое дитя, предполагаемому ревизору всѣ свои грѣшки, и объ унтеръ офицерской женѣ и о взяткахъ. Да онъ совсѣмъ не имѣлъ повода говорить объ этомъ и, предполагая самый сильный доносъ, не долженъ былъ наводить ревизора на мысль о своихъ винахъ. Нечистая совѣсть способна скорѣе молчать, нежели говорить о своихъ винахъ. Можно допустить при этомъ страшную наглость и безстыдство мошенника; но предъ Хлестаковымъ онъ сильно струсилъ, а наглость какъ то не ладитъ со страхомъ. Впрочемъ, вопросъ этотъ, кажется можетъ подлежать спорамъ... Вчера говорили, что въ театрѣ былъ государь и очень смѣялся... Много ли понялъ онъ тутъ, не знаю... за «Ревизоромъ» шла пьеса—«Уѣдетъ или нѣтъ», дрянь какая-то графини Ростопчиной, пьеса, которой бы никто смотрѣть не сталъ, если бы ея не играла Владимірова, на которую все время наведены были всѣ имѣвшіеся въ театрѣ бинокли. Она, дѣйствительно, очень хороша собой... Странное дѣло: нѣсколько дней тому назадъ я почувствовалъ въ себѣ возможность влюбиться; а вчера, ни съ того, ни съ сего, вдругъ мнѣ припала охота учиться танцовать. Чортъ знаетъ, что это такое... Какъ бы то ни было, а это означаетъ во мнѣ начало примиренія съ обществомъ... Но я надѣюсь, что не поддамся такому настроенію: чтобы сдѣлать что-нибудь, я долженъ убаюкивать себя, не дѣлать уступки обществу, а напротивъ держаться отъ него дальше, питать желчь свою... При этомъ разумѣется, конечно, что я не буду дѣлать себѣ насилія и

стану ругаться только до тѣхъ поръ, пока это будетъ занимать меня и доставлять мнѣ удовольствіе... Дѣлать то, что мнѣ противно, я не люблю. Если даже разумъ убѣдитъ меня, что то, къ чему имѣю я отвращеніе, благородно и нужно—и тогда я сначала стараюсь пріучить себя къ мысли объ этомъ, придать болѣе интереса для себя къ этому дѣлу, словомъ развить себя до того, чтобы поступки мои, будучи согласны съ абсолютной справедливостью не были противны и моему личному чувству. Иначе—если я примусь за дѣло, для котораго я еще не довольно развитъ и слѣдовательно не гожусь, то—во-первыхъ выйдетъ изъ него—«не дѣло, только мука», а во-вторыхъ никогда не найдешь въ своемъ отвлеченномъ разсудкѣ столько силъ, чтобы до конца выдержать пожертвованіе собственной личностью отвлеченному понятію, за которое бьешься.

Занимался у Срезневскаго, былъ на урокѣ у Кур., а потомъ отправился съ Аверкіевымъ къ А. Е. Разину. Въ третій разъ сегодня былъ я у этого человѣка и замѣчаю, что съ каждымъ разомъ онъ мнѣ болѣе нравится. Это живой человѣкъ жизни, дѣла... Онъ не слишкомъ большой философъ въ теоретическомъ отношеніи и въ прошедшее мое посѣщеніе я замѣтилъ уже, что въ отвлеченныхъ разсужденіяхъ онъ обнаруживаетъ даже какую то узкость взгляда, но когда дѣло коснется непосредственно жизни, примѣненій выработанныхъ идей, тогда онъ лучше даже Черн... Онъ прошелъ страшную школу жизни, не получивъ нигдѣ школьнаго образованія, добившись всего самъ собою,—и знаетъ онъ чрезвычайно много, что не препятствуетъ ему давать полную волю чувству, которое у него развито очень благородно. Сестра его жены превосходно играетъ на фортепіано и его любимые мотивы,—замѣтилъ я,—производятъ и на меня самое благопріятное впечатлѣніе. Впрочемъ, по моему музыкѣ онъ преданъ даже немножко слишкомъ. Теперь онъ купилъ 860 десятинъ земли въ Тверской губерніи и хочетъ завести ферму и заняться обработкой змели съ помощью наемныхъ рабочихъ. Это хорошо рекомендуетъ его въ житейскомъ отношеніи. Въ обращеніи онъ оказывается все болѣе добрымъ и простымъ человѣкомъ, чего я не подумалъ съ перваго раза, взглянувъ на эту огромную трехъ-аршинную массу и услышавъ его самоувѣренную сдержанную рѣчь, въ которой всегда почти слышится какая то arrière pensée. Сегодня разсказалъ онъ, что Кут. замѣтилъ о Ник. что онъ напоминаетъ вывѣску—шляпа, мундиръ, штаны и все тутъ... Въ прошедшій разъ говорилъ онъ мнѣ, какъ Давыдовъ поправлялъ въ его статьѣ вмѣсто сталагмиты—сталактиты. Гово-

рилъ онъ еще о Чумиковѣ, издателѣ новаго журнала для воспитанія. Этотъ человѣкъ былъ учителемъ, помощникомъ инспектора въ двухъ женскихъ заведеніяхъ, выгнанъ оттуда за неспособностью, поступилъ въ ополченіе, а теперь пустился въ литературу... Дорогой, при возвращеніи отъ Р., Ав. разсказалъ мнѣ содержаніе нѣкоторыхъ стиховъ Кускова, ихъ общаго знакомца: онъ въ самомъ дѣлѣ, должно быть, имѣетъ талантъ, какъ свидѣтельствуетъ и Раз., который, кажется, довольно строгій судья въ отношеніи къ произведеніямъ своихъ знакомыхъ. Авер. тоже написалъ повѣсть и прочелъ ее Р—ну; тотъ сказалъ, что она не годится, и А. передѣлалъ ее въ комедію. Отрывки изъ нея читалъ я, но ничего не могъ заключить о достоинствѣ пьесы.

4 Января. Ничего не можетъ быть безплоднѣе и убійственнѣе дня, какой я провелъ сегодня: я сидѣлъ съ утра до вечера за Амартоломъ и просмотрѣлъ съ 12 большихъ листовъ рукописи... Это отвратительно до тошноты. А тутъ еще И. И. съ своими увлеченіями, ученостью и бранью на Грановскаго за то, что онъ не былъ ученымъ, а былъ просто даровитымъ человѣкомъ, ничего не сдѣлавшимъ (по словамъ Ср.) изъ своихъ дарованій. Чортъ знаетъ, какъ повертывается у него языкъ говорить подобныя вещи... Я былъ до того уничтоженъ сегодня, что только могъ отмалчиваться. Единственное развлеченіе нынѣшняго дня было урокъ у Куракиныхъ. Анатоль К. непремѣнно хотѣлъ узнать, какъ меня зовутъ, и потчивалъ черносливомъ, присланнымъ ему изъ Бордо,—отъ дѣдушки: въ этомъ выражалось его особенное расположеніе ко мнѣ. Вообще съ нимъ уроки идутъ гораздо живѣе и менѣе офиціально, чѣмъ съ старшимъ, Борисомъ. И при этомъ самое дѣло какъ будто лучше подвигается. Я приписываю это тому, что младшій болѣе подчиняется моему вліянію и менѣе испорченъ схоластическими вздорами, тогда какъ Борисъ, имѣя 15 лѣтъ отъ роду, довольно давно уже, стало быть, подвизается, въ этомъ притупленіи природнаго ума своего, въ которомъ природа ему не отказала.

7 Января. Третьяго дня опять до 7 часовъ съ утра просидѣлъ я у Срезневскаго за Амартоломъ, сдѣлалъ довольно много и былъ доволенъ собой. О чемъ то какъ будто толковали, но я позабылъ уже. Въ 7 часовъ поѣхалъ я къ М. и остался тамъ весь вечеръ и ночь. Она теперь переѣхала на другую квартиру, впрочемъ, въ томъ же домѣ, и живетъ теперь съ Ю. и Н.—М. лучше ихъ обѣихъ и собой, и характеромъ. Съ ней можно бы жить и ужиться, особенно мнѣ. Но нельзя не согласиться, что плохое ремесло публичной женщины у насъ въ Россіи. Онѣ

всѣ не образованы, съ ними говорить о чемъ нибудь порядочномъ трудно, почти невозможно, и вотъ заходятъ къ нимъ франты на полчаса, ... и уйдутъ... Обращеніе при этомъ гораздо хуже, конечно, чѣмъ съ собакой, которую заставляютъ служить, и подходитъ развѣ къ обращенію съ извозчиками, крѣпостными лакеями и т. п. И всего ужаснѣе въ этомъ то, что женскій инстинктъ понимаетъ свое положеніе и чувство грусти, даже негодованія нерѣдко пробуждается въ нихъ. Сколько ни встрѣчалъ я до сихъ поръ этихъ несчастныхъ дѣвушекъ, всегда старался я вызывать ихъ на это чувство, и всегда мнѣ удавалось. Искреннія отношенія установлялись съ первой минуты, и бѣдная, презрѣнная обществомъ дѣвушка говорила мнѣ иногда такія вещи, которыхъ напрасно сталъ бы добиваться я отъ женщинъ образованныхъ. Большею частью встрѣчаешь въ нихъ горькое сознаніе, что иначе нельзя, что такъ ихъ судьба хочетъ и перемѣнить ее невозможно. Иногда же встрѣчается что-то въ родѣ раскаянія, заканчивающагося какимъ то мучительнымъ вопросомъ: что же дѣлать? Признаюсь, мнѣ грустно смотрѣть на нихъ, грустно потому, что онѣ не заслуживаютъ обыкновенно того презрѣнія, которому подвергаются. Собственно говоря, ихъ торгъ чѣмъ же подлѣе и ниже... ну, хоть нашего учительскаго торга, когда мы нанимаемся у правительства учить тому, чего сами не знаемъ, и проповѣдывать мысли, которымъ сами рѣшительно не вѣримъ? Чѣмъ выше этихъ женщинъ кормилицы, оставляющія собственныхъ дѣтей и продающія свое молоко чужимъ, писцы, продающіе свой умъ, вниманіе, руки, глаза, въ распоряженіе своего секретаря или столоначальника, фокусники, ходящіе на головѣ и на рукахъ и обѣдающіе ногами, пѣвцы, продающіе свой голосъ, т. е. жертвующіе горломъ и грудью, для наслажденія зрителей, заплатившихъ за входъ въ театръ и т. п.? И здѣсь, какъ тамъ, вредъ физіологическій, лишеніе себя свободы, униженіе разумной природы своей... Разница только въ членахъ, которые продаются... Но тамъ торговля идетъ самыми священными чувствами: дѣло идетъ о супружеской любви!.. А материнская любовь кормилицы развѣ меньше значитъ?.. А чувство живого непосредственнаго наслажденія искусствомъ—развѣ не такъ же безсовѣстно продавать? Пѣвецъ, который тянетъ всегда одинаково, всегда заученную ноту, съ однимъ и тѣмъ же изгибомъ голоса и выраженіемъ лица — и притомъ не тогда, когда ему самому хочется, а когда требуетъ публика, актеръ противъ своей воли обязанный смѣшить другихъ, когда у него кошки скребутъ на

сердцѣ, — развѣ они вольны въ своихъ чувствахъ, развѣ они не такъ же и даже еще не болѣе жалки, чѣмъ какая нибудь Аспазія Мѣщанской улицы или Щербакова переулка? Эти по крайней мѣрѣ не притворяются влюбленными въ тѣхъ, съ кого берутъ деньги, а просто и честно торгуютъ... Разумѣется, жаль, что можетъ существовать подобная торговля, но надобно же быть справедливымъ... Можно жалѣть ихъ, но обвинять ихъ—никогда!

М. недавно промышляетъ. Съ нѣкотораго времени къ ней ходитъ больше знакомыхъ, чѣмъ прежде. Это мнѣ почему-то не нравится, хоть я и знаю, что мнѣ собственно до нея никакого дѣла нѣтъ, пока я не прихожу къ ней. А при мнѣ, разумѣется, она прогоняетъ отъ себя своихъ гостей. Она очень добра и не слишкомъ падка на деньги. Отъ лишняго рубля она не увеличиваетъ своихъ любезностей, а остается мила по прежнему, какъ обыкновенно. Со мной она внимательна до того, что замѣчаетъ самую легкую мою задумчивость. Каждый разъ она передо мной оправдывается въ своей жизни, грустить и мечтаетъ. Въ послѣдній разъ она поссорилась съ Н., та ее ругала, а она смѣялась и говорила мнѣ, что не хочетъ съ Н. ругаться, потому что знаетъ ея характеръ: та угомонится и самой ей будетъ совѣстно... Если бы на моемъ мѣстѣ былъ Щ., то этого одного было бы достаточно, чтобы возбудить въ немъ презрѣніе къ М. Но къ моему характеру это очень близко и мнѣ нравится М. именно своей уживчивостью. При мнѣ вчера вечеромъ приходили туда съ Ю. два студента университета и показывали шикъ, говоря по французски между собою. Нашли мѣсто... За то и посмѣялись же надъ ними дѣвчонки, когда они ушли, просидѣвъ около десяти минутъ. Потомъ Н. привела съ собою какого-то медика студента и оставалась съ нимъ: этотъ былъ очень скроменъ. По голосу похожъ немножко на Лауданскаго: въ лицо его я не видалъ. Затѣмъ явились два нѣмца, офицеръ и статскій. Статскій хотѣлъ остаться съ М., но она его прогнала, и онъ ушелъ, обругавши ее стервой. Она была очень обижена. Офицеръ остался съ Н. Часовъ въ 11, когда я уже легъ въ постель, а М. осталась заплетать себѣ волосы, ввалился какой-то капитанъ, съ голосомъ до того октавнымъ, что слышался какъ будто гулъ жорнова на мельницѣ, когда онъ говорилъ. Онъ, кажется, тоже имѣлъ намѣреніе переночевать тутъ, но М. обошлась съ нимъ очень непривѣтливо и наконецъ пристала къ нему съ вопросомъ: зачѣмъ вы пришли! Онъ отвѣчалъ: зачѣмъ я пришелъ, это я очень хорошо знаю; но послѣ такого пріема

я не знаю право, что мнѣ и думать. М. начала надъ нимъ смѣяться, и выговаривать ему за какого-то дядю-полковника, который тоже ходитъ сюда къ Н. и денегъ не платитъ. Скоро началась серьезная ссора и капитанъ заключилъ тѣмъ, что всталъ, принялъ трагическую позу и сказалъ: могутъ быть шутки, которыя не выходятъ изъ предѣловъ приличія и которыя понимаются, но когда это переходитъ границы, тогда знайте, что я надъ собой смѣяться не позволю; мое я всегда уничтожитъ ваше я! До свиданія... И ушелъ съ этимъ. М. расхохоталась, я, выслушавъ это изъ-за ширмъ своихъ незамѣченный гостемъ, заключилъ, что онъ немножко сумасшедшій, а Н. подумала, что капитанъ угрожаетъ прибить когда нибудь ее и М—ну, и вслѣдствіе этого напустилась на М., зачѣмъ она позволяетъ себѣ такія грубости. Потомъ я узналъ отъ М., что дѣйствительно капитанъ съ ума сходилъ и сидѣлъ на одиннадцатой верстѣ. Но Нат. съ своимъ объясненіемъ словъ капитана напомнила мнѣ Луповицкаго, котораго рѣчь о пилѣ и топорѣ такъ разумно объяснили крестьяне его.

8-го разумѣется встали мы часовъ въ десять съ половиной, напились кофе съ М., и я отправился къ Срезневскимъ заниматься Амартоломъ. Но на этотъ разъ дѣло шло плохо: отъ 11 до 3 я просмотрѣлъ только 5 листовъ. Правда, что долго мѣшалъ мнѣ самъ Срезневскій, разсказывая какія-то сплетни о «Русскомъ Вѣстникѣ», будто бы о недобросовѣстности его редактора. Но самыя сплетни выставляли только его неуклюжую неловкость, неповоротливость, а совсѣмъ не недобросовѣстность. Напримѣръ С. Ивановъ написалъ статью о желѣзныхъ дорогахъ еще въ концѣ 1855 г. и отдалъ ее въ «Вѣстникъ» даромъ. Ему сказали что даромъ статьи не печатаются, а за всѣ платится по 3 руб. за страницу. Онъ согласился и на это. Но нѣсколько мѣсяцевъ статья не печаталась. Между тѣмъ появились другія статьи объ этомъ и Ивановъ просилъ, чтобы его статью печатали скорѣе. Но прошло еще нѣсколько времени прежде чѣмъ его желаніе исполнили. Наконецъ присылаютъ ему корректуру. Иван., зная, что уже теперь не ново и не своевременно многое изъ его прежнихъ замѣтокъ, сказалъ, что въ такомъ видѣ печатать статью нельзя. Такъ она и осталась. Щебальскій тоже отдалъ свою статью даромъ. Ему тоже сказали, что у нихъ опредѣлена плата, а потомъ спрашивали, сколько онъ хочетъ взять за свой трудъ. Срезневскій видитъ въ этомъ какое-то коварство, злонамѣренность, неблагородство и т. п. А кажется, это просто—глупость. По поводу этого говорилъ тоже Срезневскій, что «Телескопъ»

очень возбудилъ волненія и ожиданія въ 1831 г., а «Библіот. для чтенія» просто всѣхъ огромила. Припомнилъ онъ также, что въ концѣ 1839 г. Кр. говорилъ, что у него 39 тысячъ (ассигнаціями) долгу на журналѣ, и что вся его надежда на Бѣлинскаго. Бѣлинскій пріѣхалъ изъ Москвы и явился къ Кр—му, при Срезневск. Кр. побѣжалъ къ нему на встрѣчу, съ восклицаніемъ: наконецъ-то спаситель! и при немъ опять повторилъ, что только Бѣлинскій можетъ поднять и поддержать его журналъ... При всемъ томъ, зная объ исполненіи ожиданій Кр—го, Ср. до сихъ поръ упорно отвергаетъ значеніе Бѣлинскаго въ исторіи русскаго просвѣщенія!.. Странный человѣкъ... Былъ у него вчера Андреевскій, небольшой человѣкъ съ большимъ носомъ, бѣгающими глазами и плавной рѣчью. Свое дѣло онъ, кажется, знаетъ хорошо, очень горячо преданъ наукѣ, ищетъ правды, не глупъ (по крайней мѣрѣ діалектически), говоритъ положительно и тотчасъ приводитъ факты. Это хорошо все. Не понравилось мнѣ только, зачѣмъ онъ возстаетъ на Чичерина и именно на духъ его диссертаціи. Неужели это изъ угожденія Срезневскому?.. Или въ самомъ дѣлѣ онъ говорилъ отъ искренняго сердца?.. Я не читалъ «Областныхъ учрежденій» и не знаю, какъ велико ихъ научное достоинство, но увѣренъ, что мысль Чичерина была жива и свѣтла, что стремленія его благородны... Зачѣмъ же унижать человѣка? Развѣ потому, какъ проговорился самъ Андреевскій, что и онъ тоже занимается изслѣдованіемъ областныхъ учрежденій и боялся (можетъ быть боится и теперь), чтобы диссертація Чич. не отняла значенія у его собственнаго труда?.. Если такъ, то это понятно и даже, пожалуй, простительно...

Но совершенную комедію разыгрываютъ почтенные академики при редакціи своего новаго устава. При мнѣ два раза былъ у Срезневскаго Бетлингъ и вмѣстѣ толковали о порядкѣ и пр. правилъ устава. Вчера особенно мило было послушать ихъ. Съ своей обыкновенной совѣстливостью Срезневскій не могъ ни на чемъ остановиться. Дѣло идетъ напримѣръ, чтобъ 33 § поставить 32-мъ и Бетлингъ тотчасъ соглашается; но Срезневскому совѣстно такой легкой побѣды, и онъ опять принимается: «кажется, вѣдь это такъ» и доказываетъ. Тотъ уже и переставилъ давно, а онъ все еще изъ кожи лѣзетъ—доказываетъ, что это нужно переставить...

А то, напримѣръ, споръ зайдетъ о томъ, что нужно ординарныхъ академиковъ изъ экстра-ординарныхъ непремѣнно выбирать, а не изъ постороннихъ ученыхъ. Бетлингъ, конечно, про-

тивъ этого, но Срезневскій, уединившись въ своемъ академическомъ мірѣ, увѣряетъ, что это и обидно и несправедливо и все, что угодно, и что не нужно, чтобы чужіе вдругъ намъ на голову садились... Вспомнилъ я денщика Даля, который раздѣлялъ весь міръ на нашихъ и не нашихъ и былъ убѣжденъ, что украсть у не нашего—дѣло очень похвальное!.. А еще было они сочинили вотъ какую штуку: академикъ нигдѣ служить не можетъ, кромѣ министерства просвѣщенія; къ счастію—еще я тутъ случился и остановилъ ихъ прямо, указавши имъ на Давыдова, служащаго въ консультаціи. Впрочемъ, вообще говоря, Бетлингъ долженъ быть человѣкъ со смысломъ. Только русскій языкъ ему тяжелъ...

Хотѣлось бы сегодня еще много писать,— но тушатъ лампы и гонятъ спать... До завтра.

8 января. Отъ Срезневскаго отправился я къ Малоземовымъ. Они только-что сѣли за столъ. Посторонняго никого не было, только въ половинѣ обѣда явилась Кар. Ос. мать Н. П. Она назначена недавно начальницей вдовьяго дома при Смольномъ монастырѣ, и Ал. Яковлевичъ все смѣялся на этотъ счетъ, толкуя о томъ, какъ К. О. можетъ теперь сдѣлать нѣкоторыя пріобрѣтенія на счетъ казны, и какъ она должна задать балъ или обѣдъ на казенный счетъ. К. О., принимая все это къ сердцу, сердилась, выражая свое неудовольствіе удивленіемъ, какъ подобныя вещи могутъ приходитъ въ голову Ал. Яковлевичу. Между нами, по обыкновенію, начались искреннія разсужденія, за которыя все болѣе и болѣе уважаю я А. Я. Послѣ обѣда присоединилась къ намъ и Н. П. Началось дѣло съ убійства Сибура. Я замѣтилъ, что это совсѣмъ не столько ужасно, какъ кажется, и что у насъ подобныя вещи совершаются сплошь да рядомъ, только во тьмѣ и безмолвіи. Къ этому А. Я. разсказалъ, что къ Шереметеву явился въ одинъ день чиновникъ, котораго онъ выгналъ, кажется, изъ службы, и принесъ ему ножъ: вы, ваше превосходительство, лишили меня средствъ жить и кормить осьмерыхъ дѣтей моихъ, такъ чѣмъ медленно убивать, зарѣжьте заразъ меня и моихъ дѣтей тутъ же... Чиновника, разумѣется, прогнали... Черезъ часъ вошелъ какой то голова или старшина,—и Шереметевъ, подъ вліяніемъ дурного расположенія, хотѣлъ немножко круто поступить съ нимъ и погрозилъ, что онъ чортъ знаетъ что съ нимъ сдѣлаетъ. Но голова отвѣтилъ ему, что я, дескать, выбранъ не вами, а міромъ, и служу я не вамъ, а государю. Шереметевъ взбѣсился еще болѣе, затрясся, упалъ... и ударъ съ нимъ приключился...

Н. П. не соглашалась однако оправдать Вержеса. Я сказалъ, что оправдывать убійство вообще нельзя, но не нужно и такъ строго обвинять только за то, что оно совершено открыто и честно, а не подло и скрытно, разомъ, а не медленно, какъ у насъ дѣлается... Отсюда разговоръ легко перешелъ, конечно, къ ослиной добродѣтели, которой Н. П. произнесла панегирикъ, а я захохоталъ. Смѣхъ мой ее озадачилъ и даже нѣсколько оскорбилъ. Начался споръ, въ которомъ я доказывалъ, что честный и благородный человѣкъ не можетъ и не имѣетъ права терпѣть гадостей и злоупотребленій, а обязанъ прямо и всѣми своими силами возставать противъ нихъ. Вмѣсто всякаго отвѣта на мою демонстрацію въ этомъ смыслѣ, Н. П. только руками всплеснула и воскликнула: охъ какой онъ вольнодумецъ, Господи Боже мой! Скоро однако же она согласилась, что вольнодумство это очень благородно, но прибавила, что оно можетъ быть гибельно. Въ этомъ я съ нею согласился. Разговоръ перешелъ потомъ къ ихъ маленькому сыну—Сашѣ. Н. П. въ отчаяніи отъ его тупости, а я ее увѣряю, что онъ мальчикъ очень и очень умный. Въ самомъ дѣлѣ это очень даровитая, самостоятельная натура. Онъ въ состояніи слушать и рѣшительно не слыхать объясненій и наставленій, которыя ему навязываютъ и которыхъ ему не угодно слушать. Онъ не можетъ выучить наизусть ни одной строчки, которой не понимаетъ, и потому хуже всего идетъ у него катихизисъ, котораго, конечно, и нельзя понимать умному человѣку. Даже въ самыхъ его движеніяхъ въ голосѣ видна какая-то своеобразность. Если онъ заплачетъ, то ужъ по русски—заревѣтъ, давая полную волю слезамъ и крику, если разсердится, то крикнетъ и рукой картинно махнетъ, и это, конечно, значитъ, что его чувства не ограничиваются словеснымъ выраженіемъ, а рвутся проявиться на самомъ дѣлѣ. Онъ также терпѣть не можетъ, чтобы съ нимъ принимали тонъ, какой обыкновенно употребляютъ съ маленькими дѣтьми,—подслащенный, снисходительный, улыбающійся...

На подобный тонъ отвѣчаетъ онъ односложными фразами, и только тогда можетъ разговориться, когда съ нимъ начинаешь толковать серьезно, какъ съ взрослымъ. Ему лѣтъ 7 или 8. Я увѣренъ, что это богатая натура, лѣнивая отъ сознанія своихъ силъ и упорно противящаяся скверному вліянію ложной цивилизаціи—отъ обилія неиспорченнаго здраваго смысла... А вчера разсказалъ мнѣ, какъ у нихъ Вышн. вретъ, надуваетъ и надувается... Однажды онъ читалъ у нихъ о Іоаннѣ и страшно ругалъ его за что-то (вѣроятно въ противорѣчіе Карамзину, изъ котораго читалъ онъ). Вдругъ входитъ принцъ Ольденбургскій

онъ соскочилъ съ каѳедры (что не принято тамъ), отвѣсилъ низкій поклонъ и сѣлъ только послѣ приглашенія принца. «Итакъ» началъ онъ и опять повторилъ все, что было сказано, только въ противную сторону, т. е. хваля Іоанна. Принцъ ушелъ и Вышн. спрашиваетъ воспитанниковъ: что онъ у васъ часто бываетъ?.. — Да, говорятъ ему, — почти каждый день. «Вотъ какъ». Ну, да, разумѣется нечего ему дѣлать-то, такъ и ѣздитъ... Этотъ анекдотъ хорошо характеризуетъ В—го равно какъ и то, что онъ въ классѣ назвалъ Адр. М. бездарнымъ за сочиненіе, а самъ у насъ на лекціи возставалъ противъ подобныхъ объявленій, называлъ ихъ варварствомъ и гадостью въ послѣдней степени.

Вечеромъ отъ Малоземовыхъ перевалился я къ Галаховымъ. Алеша былъ въ циркѣ, С. П. сидѣлъ съ Варв. Ал. и, кажется, оба были не въ духѣ. Онъ находится, должно быть, подъ вліяніемъ назначенія Прянишникова. В. А. тотчасъ стала просить меня прочесть что нибудь. Но читать было нечего. Обратились къ старымъ книжкамъ «Современника», С. П. сказалъ, что очень хороши записки учителя музыки, и В. А., вмѣстѣ съ Нат. Ал., стали меня просить прочесть ихъ. Отказаться было нельзя, но я ихъ читалъ прежде, повторять не хотѣлось, и я озлился. Мгновенно сталъ я мраченъ, въ сердцѣ была какая-то ярость, тяжело было, и, чортъ знаетъ, какое скверное расположеніе духа пришло при мысли о необходимости читать для другихъ то, чего бы я самъ не хотѣлъ читать. Я все старался оттянуть чтеніе, толковалъ съ С. П. объ Искандерѣ, котораго онъ наповалъ ругаетъ, прибавляя, что съ нимъ былъ хорошо знакомъ братъ его, который можетъ быть имѣлъ бы такую же участь, если бы не умеръ заблаговременно. Къ счастью, судьба бросила подъ руку Вар. Ал. первый томъ легкаго чтенія, и я вызвался прочесть для нихъ «Дневникъ лишняго человѣка». Онѣ согласились и въ ту же минуту дурное расположеніе мое прошло: мнѣ стало легко и спокойно. Но какъ я страдалъ, пріятно страдалъ, читая первую половину разсказа, никѣмъ не тревожимый и не прерываемый!.. На половинѣ намъ помѣшали и впечатлѣнія раздвоились. Пришелъ Март. fils, а потомъ и père, стали толковать о родовой чести, о потерѣ которой онъ очень сожалѣлъ, чѣмъ возбудилъ во мнѣ желчный смѣхъ... Потомъ Нат. Ал. отправилась дѣлать чай, и чтеніе на время прекратилось. Мы остались вдвоемъ съ Вар. Ал. и я сталъ ей говорить совершенно беззастѣнчиво о своей застѣнчивости, неловкости, незнаніи свѣтскихъ приличій, неумѣнья держать себя въ обществѣ, и т. п. Она соглашалась, что я, дѣйствительно, не боекъ, но

утѣшала меня тѣмъ, что всѣ означенныя достоинства находятся во мнѣ не въ столь высокой степени, какъ я думаю... А въ самомъ дѣлѣ—какое ужасающее сходство нашелъ я въ себѣ съ Чулкатуринымъ... Я былъ внѣ себя, читая разсказъ, сердце мое билось сильнѣе, къ глазамъ подступали слезы, и мнѣ такъ и казалось, что со мной непремѣнно случится рано или поздно подобная исторія. Чувства же, подобныя чувствамъ Чулкатурина, на балѣ мнѣ приходилось не разъ испытывать... Вообще съ нѣкотораго времени какое-то странное совершенно новое, невѣдомое мнѣ прежде, расположеніе души посѣтило меня... Я томлюсь, ищу чего-то, по пятидесяти разъ въ день повторяю стихи Веневитинова:

Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывный,
Отзывной пѣснью отвѣчай...

Жизнь меня тянетъ къ себѣ, тянетъ неотразимо. Бѣда, если я встрѣчу теперь хорошенькую дѣвушку, съ которой близко сойдусь (разумѣется не изъ разряда М.)—влюблюсь непремѣнно и сойду съ ума на нѣкоторое время. Итакъ вотъ она начинается жизнь-то... Вотъ время для разгула и власти страстей... А я, дурачекъ, думалъ въ своей педагогической и метафизической отвлеченности, въ своей книжной сосредоточенности, что уже я пережилъ свои желанья и разлюбилъ свои мечты... Я думалъ, что выйду на поприще общественной дѣятельности чѣмъ-то въ родѣ Катона безстрастнаго или Зенона Стоика... Но, вѣрно, жизнь возьметъ свое... И какъ странно началось во мнѣ это тревожное движеніе сердца!.. Въ первый разъ шевельнулось оно во мнѣ, когда я услышалъ отъ Б. Кур., что княжна Трубецкая—очень бѣдная дѣвушка—выходитъ за Морни. Не могу опредѣленно вспомнить своихъ чувствъ въ ту минуту, но знаю положительно, что съ тѣхъ поръ я не знаю покоя и соціальные вопросы переплелись въ моей головѣ съ мыслями объ отношеніяхъ моихъ къ обществу, въ которомъ мнѣ именно суждено жить. Вмѣсто теоретическихъ стремленій начинается какая-то лихорадочная жажда дѣятельности и дѣятельности живой, личной, а не книжной, неопредѣленно безличной и отвлеченной... Что-то будетъ?.. Можетъ быть, конецъ моихъ учебныхъ подвиговъ совершенно испортится теперешнимъ моимъ расположеніемъ, но противиться ему я не въ силахъ...

Позднимъ вечеромъ пригласила меня Нат. Алек. къ себѣ, будто бы за книгой. Но въ сущности ей было нужно перего-

ворить со мной. Разговоръ начался увѣреніемъ въ ея довѣренности и расположеніи ко мнѣ и просьбою, чтобы я постарался внушить Алешѣ нѣсколько лучшее расположеніе къ матери и болѣе приличное обращеніе съ нею. Я отвѣчалъ ей, что мало могу помочь ей, такъ какъ причина неуваженія къ ней сына заключается, по моему мнѣнію, не столько въ немъ или въ ней, сколько въ постороннемъ, но весьма сильномъ вліяніи.—Что же это такое?— Я, конечно, не имѣю права говорить вамъ о томъ, что я угадываю и что вы, разумѣется, сами хорошо понимаете, но во что мнѣ, какъ человѣку чужому, мѣшаться было бы не скромно...— Нѣтъ, говорите... Вы насъ такъ давно знаете... Пожалуйста... что вы думаете?.. Сергѣй Павловичъ?..—Именно я нахожу, что обращеніе Сергѣя Павловича не больше, какъ перенимается Алешей...—Да, это правда... Но что же мнѣ дѣлать?...—Не обращайте вниманія на Алешу и даже старайтесь подсмѣиваться надъ его капризами и всякими претензіями. На него ничѣмъ нельзя подѣйствовать такъ успѣшно, какъ насмѣшкой.—Но я этого не могу...—Въ такомъ случаѣ подождите, когда онъ будетъ умнѣе; потому, что чувства любви въ немъ нѣтъ, значитъ надобно ждать, когда разсудокъ убѣдитъ его въ необходимости уважать, если не любить мать...—Но я не могу равнодушно выносить то, что онъ теперь дѣлаетъ... Мои требованія очень не велики. Я уже не требую отъ него любви, я только хочу, чтобъ онъ былъ со мной вѣжливъ. А то онъ совершенно не умѣетъ обращаться со мной... Шесть дней мы съ нимъ ссоримся теперь, Варв. Ал. его посылаетъ просить у меня прощенія и онъ приходилъ два раза, но съ какими фразами: что вы все еще дуетесь?.. Ну, пора перестать... Я его, разумѣется, прогнала отъ себя. Въ другой разъ онъ пришелъ и говоритъ: ну, давайте же мириться... Хотите...—Я опять должна была прогнать его... Все это, разумѣется, было разсказано весьма подробно, съ женскими объясненіями, переливаніями изъ пустого въ порожнее, десятикратными возвращеніями къ одному и тому же. Но сущность разговора состояла именно въ томъ, что я записалъ. Мнѣ стало жаль бѣдную мать до того, что я хотѣлъ обратиться къ ней съ откровенными упреками въ неумѣніи обращаться съ сыномъ, въ непониманіи истинной любви материнской и пр... Я хотѣлъ открыть ей глаза на нее самое, но порывъ мой удержало и расхолодило меня замѣчаніе о томъ, что она требуетъ только вѣжливости, замѣчаніе, приправленное еще хорошей мыслью о томъ, что это не только для нея нужно, а и для него, что въ обществѣ вѣжливость и хорошія манеры необходимы, что она сама хорошо воспитана и

утерпѣть не можетъ, чтобы не замѣтить сыну, когда онъ садится съ локтями за столъ или грубыя рѣчи говоритъ... Я увидѣлъ, послѣ этихъ словъ, что тутъ мнѣ дѣлать и толковать нечего, и поспѣшилъ кончить объясненіе, сдѣлавшееся мнѣ непріятнымъ, обѣщавши употребить все мое вліяніе на Алешу, чтобы внушить ему лучшія мысли. Когда я сошелъ внизъ, Алеша уже спалъ и я ничего не сказалъ ему—ни тутъ, ни по утру. И хорошо сдѣлалъ. А странны семейныя отношенія этой фамиліи. Отецъ любитъ сестру своей жены и безпрестанно пикируетъ свою жену. Сынъ съ малыхъ лѣтъ привыкъ къ этому и тоже смѣется надъ матерью, когда она скажетъ глупостъ. А это бываетъ не рѣдко. Убитая разными непріятностями (она, кажется, знаетъ своего мужа и сестру), больная, пьющая постоянно какія то мерзости, она часто бываетъ не въ нормальномъ положеніи. Она дѣлается томною, вялою, впадаетъ въ изнеможеніе, глаза посоловѣютъ, она ничего не слышитъ, отвѣчаетъ будто съ просонья, физіономія получаетъ жалобно кислое или сонно апатичное выраженіе. Тутъ, если станешь непремѣнно вызывать ее на разговоръ, она начинаетъ говорить съ сердцемъ разныя глупости Воспитана она дурно (хотя и говоритъ на трехъ языкахъ кромѣ русскаго), кругъ ея понятій очень ограниченъ; занятій она никакихъ не имѣетъ. Встаетъ въ 10 часовъ, пьетъ кофе въ постели, лежитъ до 11, около 12 сходитъ внизъ, въ часъ завтракаетъ или пьетъ чай, потомъ сидитъ, смотритъ, разговариваетъ—о погодѣ, о визитахъ, о знакомыхъ, о письмѣ вчера полученномъ и т. п. Съ двухъ часовъ (если она не уходитъ гулять или съ визитами) отправляется къ себѣ, и, кажется, ничего тоже не дѣлаетъ или присядетъ за какое нибудь шитье или вязанье. Часа въ три начинаетъ одѣваться къ обѣду. Отъ пяти до шести обѣдаютъ. Послѣ обѣда Сергѣй Павловичъ сидя спитъ, а она сидитъ въ его кабинетѣ—иногда разговаривая съ сестрой или гостями, если есть гости, а чаще такъ, задумавшись или, лучше,—дремля. Когда я бываю, то читаю обыкновенно что нибудь, рѣже—разсказываю. Но и это бываетъ какъ то вяло и бездушно. Comme c'est joli,—больше ничего нельзя услышать о хорошей повѣсти. О другихъ говорится comme c'est drôle. Черезъ недѣлю, все это позабывается, равно какъ и вообще разговоры забываются. Двадцать разъ говорилъ я о медицинскихъ разжалованныхъ студентахъ и каждый разъ снова долженъ былъ разсказывать исторію, какъ они разжалованы и куда посланы. Немного позже Наталія Ал. отправляется къ себѣ—переодѣться къ вечеру (не каждый день, впрочемъ). Въ 9 часовъ

чай... послѣ чая, часу въ одиннадцатомъ посидятъ немножко, поговорятъ, и въ 11 Сергѣй Павловичъ ложится спать. Наталія Алексѣевна отправляется къ себѣ и сидитъ еще нѣсколько времени,—говоритъ, что она пишетъ письма по вечерамъ. Но я знаю достовѣрно, что ея корреспонденція вовсе не можетъ быть названа слишкомъ обширною... При такомъ образѣ жизни—гдѣ же быть веселой и довольной... А сердце у нея отъ природы доброе. Она все желаетъ имѣть милліонъ, но для того только, чтобы раздавать ихъ, какъ она говоритъ. Сына своего она—увѣряетъ, что любитъ; вѣроятно, и въ самомъ дѣлѣ она въ этомъ увѣрена да и нельзя же матери не любить сына. Но теплой материнской любви она не понимаетъ. Она тѣшитъ сыномъ свое самолюбіе, когда его хвалитъ и балуетъ; и то же самолюбіе оскорбляется въ ней, когда онъ высказываетъ ей свое неуваженіе... Онъ-то самъ ее уже совсѣмъ не любитъ, потому что презираетъ ее. Онъ отъ природы не глупъ, но никогда не учился, не думалъ, развитъ болѣе физически, нежели умственно,—такъ что двѣнадцати лѣтъ онъ уже имѣлъ полное понятіе о всѣхъ тонкостяхъ половыхъ отношеній, а теперь, 14 лѣтъ, уже извѣдалъ ихъ на дѣлѣ; разсуждать-же логически не умѣетъ и злится, когда его поражаютъ въ спорѣ, что часто я дѣлаю. Онъ понимаетъ, что безсиленъ противъ меня спорить, но согласиться не хочетъ. Это сознаніе своего безсилія заставляетъ его прибѣгать къ авторитетамъ. И первый авторитетъ его—отецъ, затѣмъ разные господа изъ важныхъ его знакомыхъ, изъ учителей, и т. п. Впрочемъ, какъ мальчикъ никогда о себѣ не думающій, онъ держится авторитетовъ этихъ только въ теоріи, когда рѣчь зайдетъ о дѣлѣ, а на самомъ дѣлѣ всегда руководствуется одной своею прихотью. Если бы онъ былъ бѣденъ, попалъ въ хорошія руки и зналъ, что ничего не получитъ въ жизни безъ собственнаго труда, то изъ него еще могло бы что нибудь выйти. Теперь же никакого толка не будетъ. Такъ и выйдетъ изъ лицея—пустымъ надутымъ малымъ, не умѣющимъ опредѣлить своей послѣдней цѣли, съ узкимъ взглядомъ, съ самыми варварскими предразсудками. Онъ, впрочемъ, можетъ быть, и честенъ будетъ, по крайней мѣрѣ, формально. Нѣтъ, однако,—сомнѣваюсь я въ этомъ... 7 числа начались у насъ лекціи. Вечеромъ былъ я на урокѣ у Кур. и Борисъ сказалъ мнѣ, между прочимъ, что князь Трубецкой, отецъ невѣсты Морни, много проказилъ на своемъ вѣку, такъ что даже съ него сняли княжество, и онъ пишетъ на визитныхъ карточкахъ своихъ mr. Troubetzkoj, *né prince* Tr... Это забавно. Морни самъ, по словамъ Бориса, просто parvenu,

нажившійся отъ ажіотажа особенно во время coup d'etat и что самое начало его извѣстности относится къ 1848—50 г. Борисъ прибавилъ при этомъ: да иначе и не можетъ быть съ братомъ Луи Наполеона... Это мнѣ нравится... Вообще Борисъ обнаруживаетъ стремленіе къ развитію, разспрашиваетъ меня о философіи и религіи, и сказывалъ мнѣ, что князь Щербатовъ говорилъ его maman, что лучше поступить на математическій факультетъ, такъ какъ тамъ лучше способности развиваются: все надобно думать и соображать самому. Отчасти это, конечно, и правда. Но болѣе, мнѣ кажется, зависитъ развитіе отъ способа занятій, нежели отъ самого предмета ихъ. А. Черн. можетъ служить прекраснымъ доказательствомъ.

Вечеромъ вчера зашелъ я къ Рѣшеткину. Этотъ молодой человѣкъ успѣшно развивается. Нѣкоторыя догматическія формы стоятъ еще въ его головѣ нетронуты; но уваженіе къ разумнымъ убѣжденіямъ уже сильно въ его душѣ. Мы толковали съ нимъ о несоразмѣрности состояній, о роскоши, о бракѣ, и онъ совсѣмъ не чуждается радикальныхъ объясненій, которыя я дѣлалъ ему на этотъ счетъ. Въ глубинѣ души онъ даже давно сочувствуетъ имъ и смутно предугадывалъ ихъ, но только прямо высказать боялся до сихъ поръ. Между прочимъ, онъ давно согласенъ быть со мной касательно несчастныхъ женскихъ омнибусовъ. Когда я замѣтилъ, что онѣ чувство любви совершенно отдѣляютъ отъ удовлетворенія животной похоти мужчины, онъ разсказалъ мнѣ, что самъ видѣлъ въ . . . . . . дѣвушку, которая, спокойно отдавая себя на удовлетвореніе всякаго, плакала навзрыдъ, когда мужчина, котораго любила она и который пришелъ къ ней, разсердился на нее за что-то. Другой случай разсказывалъ ему знакомый: дѣвушка . . . . вдругъ зарыдала, когда онъ поцѣловалъ ее, и послѣ того не могла утѣшиться, проклиная свою горькую участь... Для меня это очень замѣчательное явленіе. Рѣшеткинъ говорилъ еще о Левшинѣ, сынѣ А. И. Левшина, поступившемъ тоже въ университетъ въ нынѣшнемъ году. Судя по его словамъ, это долженъ быть хорошій человѣкъ, и не фонфаронъ, и не охрѣянъ въ родѣ Демидова. Демидовъ этотъ, получая 200.000 доходу въ годъ, чуть ли не всѣ ихъ проживаетъ, ничего не дѣлаетъ, пьянствуетъ, шатается по . . . ., получилъ даже, говорятъ, ... Вотъ ужъ это не простительно: онъ имѣетъ всѣ средства быть постоянно въ самомъ лучшемъ обществѣ, проводить время въ занятіяхъ благородныхъ и полезныхъ, приносить наконецъ пользу обществу. А вмѣсто того, онъ чортъ знаетъ на что тратитъ и свою жизнь

и свое богатство... Этотъ человѣкъ стоитъ всякаго презрѣнія. Но, странное дѣло! возвращаясь отъ Рѣшеткина, я дорогой мечталъ о томъ, какъ бы можно было познакомиться съ Демидовымъ!.. Мечты эти влѣзли въ мою голову совершенно безсознательно, и когда я замѣтилъ ихъ, то успѣлъ только удивиться и, конечно, перемѣнилъ предметъ своихъ думъ...

9 Января. Вчера я повѣрилъ свои томленья и тревожное состояніе сердца М. Ш—му. Но онъ привыкъ смотрѣть на меня, какъ на абстрактную идею, какъ-то воплощенную, и потому не повѣрилъ моимъ чувствамъ и отдѣлался шуткой. Онъ впрочемъ не можетъ, кажется, въ самомъ дѣлѣ понять мое состояніе. Даже если бъ тоже и въ немъ произошло, то едва ли онъ понялъ бы... Да и я то много ли понимаю тутъ?.. А между тѣмъ судьба готовитъ мнѣ испытаніе, можетъ быть. Вчера Благовѣщенскій подозвалъ меня къ себѣ передъ лекціей и, начавши съ Плавта, предложилъ мнѣ отправиться на Моховую къ А. Н. Татаринову, которому онъ рекомендовалъ меня давать уроки его пятнадцатилѣтней дочери... Что, если она хорошенькая и умная дѣвушка! Что, если это доброе и радушное семейство?.. Въ теперешнемъ своемъ настроеніи я радъ всякой живой душѣ, которой могъ бы говорить о своихъ душевныхъ тревогахъ... Чувства мои рвутся наружу съ страшной силой. И что, если я встрѣчу сочувствіе? Съ трепетомъ, но съ сладкимъ трепетомъ и ожиданіемъ ѣду сегодня къ Татариновымъ. Теоретически — я боюсь, что она очень хороша и завлечетъ меня; но въ глубинѣ души—мнѣ ужасно хочется, чтобы это было именно такъ, и я очень опасаюсь, что она дурна или глупа, такъ что мои надежды и опасенія лопнутъ при первомъ взглядѣ на нее. А между прочимъ тревожное состояніе души моей выразилось вчера очень оригинальнымъ образомъ. Еще съ утра на лекціи Срезневскаго, по поводу какого-то слова его совершенно ничтожнаго, у меня вдругъ родился цѣлый рядъ идей о томъ, какъ можно бы и какъ хорошо бы уничтожить это неравенство состояній, дѣлающее всѣхъ столь несчастными, или по крайней мѣрѣ, повернуть все вверхъ дномъ, *авось* потомъ *какъ нибудь* получше уставится все. Этотъ странный порывъ, конечно, скоро былъ успокоенъ хладнокровнымъ разсужденіемъ, доказавшимъ, что подобное намѣреніе глупо. Но все таки въ душѣ осталось чувство, что надо же дѣлать, если дѣлать, что нечего сидѣть сложа руки. Въ такомъ настроеніи былъ я, когда получилъ слѣдующее извѣстіе. Въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» напечатанъ былъ указъ, въ которомъ говорилось что-то о крѣпостныхъ. Вѣсть объ этомъ распространилась по городу, и извозчики, дворники, мастеровые

и т. п., толпами бросились въ сенатскую лавку покупать себѣ *вольныя*. Произошла давка, шумъ, смятенье. Указы перестали продавать. К. ходилъ вчера въ сенатскую лавку. Чиновникъ отвѣтилъ на его вопросъ объ указѣ касательно крѣпостныхъ: нѣтъ и не было... Но тутъ же, въ двѣ минуты, которыя К. пробылъ въ лавкѣ и возлѣ, человѣкъ 15 разнаго званія приходили спрашивать объ этомъ указѣ, и всѣмъ тотъ же отвѣтъ. Говорятъ, что извозчики оставили своихъ хозяевъ многіе, разсчитавъ, что теперь имъ оброку платить не нужно, и слѣдовательно отъ себя работать можно, что гораздо выгоднѣе. Сп. встрѣтилъ третьяго дня вечеромъ двухъ пьяныхъ мужиковъ, изъ которыхъ одинъ говорилъ, что мы, дескать, вольные съ новаго года, а другой ему возражалъ: врешь, съ перваго числа... Это меня возбудило и настроило какъ-то напряженно. Вечеромъ заговорили опять объ этомъ указѣ, и Ав., думая сострить, самодовольно замѣтилъ, что для студентовъ педагогическаго института эта новость не можетъ быть интересной, потому что у нихъ нѣтъ крестьянъ. Лебедевъ сталъ, по обычаю, очень тупо острить на этотъ счетъ и я, видя, что дѣло, святое для меня, такъ пошло трактуется этими господами, горячо замѣтилъ Ав. неприличіе его выходки. Онъ хотѣлъ что-то отвѣчать, и по обычаю заикнулся, и, стоя передо мной, только производилъ непріятное трещаніе горломъ. Я сказалъ, что его острота обидна для всѣхъ, имѣющихъ несчастіе считать его своимъ товарищемъ, и что между нами много есть людей, которымъ интересы русскаго народа гораздо ближе къ сердцу, нежели какой-нибудь чухонской свиньѣ... Выговоривши это слово, я уже почувствовалъ, что сдѣлалъ глупость, обративши вниманіе на слова пошлаго мальчишки; но начало было сдѣлано, Ав. сказалъ мнѣ самъ какую-то грубость и я продолжалъ ругаться съ нимъ, пока не заставилъ его замолчать грознымъ движеніемъ, которое можно было растолковать, какъ намѣреніе прибить Ав—са. Движеніе это было уже не искренно, а просто разсчитано и черезъ пять минутъ я совсѣмъ эту исторію позабылъ, увлекшись теченіемъ мыслей Ч—го въ замѣткахъ о журналахъ перваго № «Современника». Сегодня оказалось, что Ав. написалъ на меня басню,—освобожденіе звѣрей изъ звѣринца... Содержаніе ясно изъ заглавія, и показываетъ, какъ хорошо смотритъ Ав. на русскій народъ... До сихъ поръ я воображалъ, что онъ нѣсколько умнѣе...

11 Января. Полный странныхъ надеждъ и опасеній, отправился я въ среду къ Татаринову. Явился я туда въ шесть часовъ вечера, отецъ уже ждалъ меня. Оказалось, что онъ симбирскій помѣщикъ, недавно пріѣхавшій въ Петербургъ, съ женой и дочерью.

Это очень полный, басистый баринъ, съ усами, придающими нѣсколько свирѣпый видъ его добродушному лицу. Онъ большой либералъ и въ отношеніи къ дочери не является пуристомъ. Я это замѣтилъ изъ нѣсколькихъ словъ его, и, чтобы вполнѣ опредѣлить для себя, какъ я долженъ дѣйствовать, спросилъ его положительно, какъ онъ думаетъ о произведеніяхъ натуральной школы, и какъ говорить о нихъ съ его дочерью. Онъ, не дожидаясь дальнѣйшихъ разспросовъ, прямо замѣтилъ мнѣ, что чѣмъ я буду свободнѣе, тѣмъ лучше и просилъ не стѣсняться ни православіемъ, ни монархизмомъ. Я отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ занятія съ его дочерью будутъ для меня истиннымъ наслажденіемъ, и послѣ этого разговоръ нашъ сдѣлался живъ и откровененъ. А. Н., не смотря на то, что самъ помѣщикъ, стоитъ за освобожденіе крестьянъ. Жена его—провинціальная дама хорошаго, по тамошнему, тона. Она мнѣ ни понравилась, ни нѣтъ. Умъ ея, кажется, довольно медленный и горизонтъ умственный довольно тѣсенъ. Сама она очевидно, ничѣмъ не занималась теоретическимъ, а слыхала многое Говоритъ она съ нѣкоторымъ особеннымъ протяженіемъ на словахъ и чуть-чуть напоминала мнѣ этимъ Подобѣдову въ роли жены городничаго. Впрочемъ, она, т. е. Софья Ник., гораздо приличнѣе. Потолковавши въ либеральномъ духѣ и условившись объ урокахъ, я ушелъ, не видавши дочери, которая была въ это время гдѣ-то въ гостяхъ.

На другой день, т. е. вчера, былъ первый урокъ. Признаюсь, я непріятно удивленъ былъ, встрѣтивъ вмѣсто ожидаемой взрослой дѣвушки дитя, съ волосами á l'enfant, неловкое, застѣнчивое, краснѣющее и прячущее головку между своими руками, при каждомъ словѣ. Я сталъ съ ней говорить что-то, она выражается не очень бойко... Я началъ свою лекцію и цѣлый часъ даже больше толковалъ о развитіи русской литературы съ древнихъ временъ до послѣднихъ. По временамъ обращался я къ ней съ вопросами и замѣтилъ, что она знаетъ коечто, довольно смышлена, не отличается большой памятью. Послѣ урока нѣсколько минутъ я говорилъ съ А. Н., и видя, что онъ что то хочетъ высказать мнѣ, но совѣстится,—я поспѣшилъ замѣтить, что толковалъ такъ много и пространно – отчасти и для того, чтобы показать ему, какъ я смотрю на дѣло и какія мои понятія объ этомъ предметѣ. Онъ очевидно обрадовался и, радостно пожимая мнѣ руку, воскликнулъ: я вѣдь это и видѣлъ... Я такъ и думалъ, слушая васъ,—что вы это для меня больше говорите... Я то тутъ и вынесъ много, ну а Наташа-то не знаю, вынесла ли что. Я его успокоилъ, сказавши, что въ другіе уроки будутъ занятія болѣе частныя. Семейство вообще

хорошо... Въ Наташу, кажется, я не влюблюсь, по крайней мѣрѣ до окончанія курса,—ей нужно по крайней мѣрѣ годъ, чтобы сформироваться въ настоящую дѣвушку.

12 Января. Вчера вечеромъ отправился я къ Чумикову, издателю «Журнала для воспитанія». Наканунѣ Тол., нашъ студентъ, сказалъ мнѣ, что у него можно получить переводы съ нѣмецкаго. Я пошелъ, не столько имѣя въ виду брать переводы, сколько предложить издателю свои услуги по части сочиненія оригинальныхъ статей. Пришелъ я въ квартиру, какъ то странно обставленную. Встрѣтила меня пожилая нѣмка и на спросъ: здѣсь живетъ г. Чумиковъ указала на дверь и лаконически прибавила gehen sie gerade. Я сбросилъ шинель и вошелъ. Комната была довольно скудно меблирована, на столахъ и на окнахъ разбросаны книги. Направо—дверь, изъ которой виднѣлась еще небольшая комната,—какъ видно, кабинетъ и спальня хозяина. Эта обстановка расположила меня къ нему. При моемъ приходѣ онъ разсуждалъ съ какимъ-то господиномъ, очень бойкимъ и, какъ мнѣ показалось, очень надутымъ, слѣдовательно достаточно глупымъ. Господинъ этотъ, не зная языковъ,—беретъ у Чумикова переведенныя съ нѣмецкаго статьи и поправляетъ ихъ, говоря, что это стоитъ столько же работы, какъ и переводъ, и лупя съ него за переправку по 10 рубл.—цѣна перевода. Онъ у Чумикова и корректоръ и, какъ кажется, редакторъ журнала. Я спросилъ его фамилію, когда онъ ушелъ. Поповъ, составлявшій какія-то дѣтскія книжонки, очень, кажется, глупыя. Самъ Чумиковъ оказался простодушнымъ, забитымъ человѣчкомъ, нѣсколько туповатымъ, скромнымъ, имѣющимъ притязаніе на честность, но по глупости, вѣроятно, не всегда честнымъ. Я началъ толковать съ нимъ о направленіи журнала, изъявилъ насмѣшливое презрѣніе къ консерваторству и услышалъ отъ Чумикова откровенное признаніе, что онъ хочетъ издавать журналъ *въ либеральномъ* духѣ. Это и убѣжденіе мое, сказалъ онъ, да и если смотрѣть чисто съ утилитарной точки, то нельзя не видѣть, что подобное направленіе заслужитъ болѣе сочувствія и въ публикѣ, и слѣдовательно принесетъ болѣе выгодъ. Я съ нимъ согласился, конечно, и предложилъ ему свои услуги. Онъ далъ мнѣ переводить начальныя упражненія изъ Buch der Mutter Рамзауера вовсе ужъ не либеральныя и страшно скучныя. Я ихъ отдалъ ему назадъ, посовѣтовавши сократить побольше.

Отъ Чумикова поѣхалъ я къ А. Т. Крылову справиться о положеніи его дѣлъ, относительно задуманнаго имъ сборника. Оказалось, какъ я и думалъ, что его надуваютъ по прежнему.

Это ужасно простодушный человѣкъ, добрый до безразсудства, слабый до самоотверженія. Умомъ онъ очень недалекъ, имѣетъ нѣкоторыя predilections: иначе я не могу назвать его либеральныя стремленія, мирно уживающіяся съ полнымъ уваженіемъ къ нѣкоторымъ консервативнымъ авторитетамъ. Сколько ни толковалъ я ему, что Вышн.—мерзавецъ, онъ никакъ не можетъ освободиться отъ нѣкотораго страха предъ нимъ. Это—какъ будто провинціальный юноша, желающій пуститься въ свѣтъ и съ умиленіемъ взирающій на гордаго льва, котораго случилось ему увидѣть на вечерѣ у своего чиновнаго покровителя и который обѣщалъ познакомить его лучшими домами. Выш. тоже надѣлалъ Крылову нѣсколько обѣщаній: напримѣръ выхлопотать позволеніе издать хрестоматію въ новомъ родѣ,—чтобы статьи всѣ составляли нѣчто цѣлое. Онъ потолковалъ объ этомъ съ Крыловымъ, тотъ принялся за работу, выбиралъ, располагалъ, отдавалъ переписывать, цѣлковыхъ 150, говорилъ онъ, истратилъ на одну переписку, а В. представилъ ее въ комитетъ разсмотрѣнія учебнаго руководства,—и за это хотѣлъ участвовать въ выгодахъ изданія, не рискуя ни на какіе убытки. Но хрестоматія почему то не пошла, В. бросилъ дѣло... Съ сборникомъ тоже произошла странная вещь: еще съ начала 1856 г. Крыловъ заказалъ статьи нѣкоторымъ ученымъ и литераторамъ, какъ то: Крешеву, Мею, Толбину, Данилевскому, Ѳедорову, Томилину, Ив. Михайлову, А. Витту и еще кажется кому-то. Они выпросили у него денегъ впередъ (по 40 рублей за листъ—плата очень хорошая), и статей не дали до сентября мѣсяца. Въ сентябрѣ въ половинѣ Н. Г. Чер. сказалъ мнѣ, что Крыловъ просилъ его написать о Пушкинѣ и Державинѣ, но что ему некогда и онъ сказалъ Крылову, что можно объ этомъ меня попросить. Я согласился. Крыловъ весьма положительно сказалъ, что у него всѣ статьи будутъ готовы къ 20 числу, но что меня онъ подождетъ и дастъ мнѣ сроку до 1 октября. Я взялся; о Пушкинѣ я самъ написалъ, о Державинѣ Щегловъ. Перваго числа принесъ я статьи къ Крылову; оказалось, что у него еще только три статьи получены, а всѣ остальныя обѣщаютъ на дняхъ. Я пожалѣлъ, что торопился и не обдѣлалъ статью, какъ слѣдуетъ, т. е. ровно ничего не сказалъ въ ней; то-же говорилъ и Щ. но дѣлать было нечего. Передѣлывать въ другой разъ и хорошія-то вещи я не люблю, а пустяки еще больше. Прошло недѣли двѣ; Чер. вдругъ говоритъ мнѣ однажды, что Крыловъ просилъ его принять на себя редакцію сборника, но что онъ тоже желалъ бы мнѣ это передать. Я колебался, думая, что эта вещь очень щекотливая, и не могъ себѣ представить,

какъ же это я буду поправлять сочиненія извѣстныхъ писателей... Но Ч. своей насмѣшкой заставилъ меня рѣшиться и на другой день я отправился къ Крылову за статьями. Оказалось, что ихъ все еще было только три, а всѣ остальныя обѣщаны на слѣдующей недѣлѣ. Я взялъ статьи, Крыловъ просилъ меня не задержать, потому что онъ хочетъ издать сборникъ къ Рождеству, такъ какъ это будетъ великолѣпное изданіе (съ картинками изъ старинной иллюстраціи, которая была въ завѣдываніи Крылова), могущее служить для подарковъ. Я не задержалъ, явился черезъ недѣлю со всѣми статьями, которыя были всѣ очень пусты и дики, и, дѣйствительно, требовали сильныхъ поправокъ. Оказалось еще только одна статья была получена—отъ Ю. Волкова. А былъ уже конецъ октября. Эта статья была уже верхъ нелѣпости, начиналась разсужденіемъ о томъ, что Россія очень обширная и оканчивалась патріотическими стихами о русскомъ солдатѣ. Но Крыловъ былъ отъ нея въ восхищеніи. Затѣмъ еще раза два былъ я у него: онъ уже потерялъ надежду успѣть издать сборникъ къ Рождеству и разсчитывалъ издать къ Пасхѣ. Статей никто не присылалъ... Наконецъ мнѣ надоѣли обѣщанія, и я просилъ его—прислать мнѣ, если что получитъ... Это было въ половинѣ ноября, а до сихъ поръ ничего не было прислано. Вчера наконецъ рѣшился я навѣдаться. Крыловъ статей еще не получалъ, но обѣщалъ прислать двѣ статьи—14, въ понедѣльникъ. Изданіе хочетъ онъ пустить уже по осени... А какъ добродушно онъ однажды разсчитывалъ, что вотъ на слѣдующей недѣлѣ (въ началѣ ноября), вы пожалуете ко мнѣ и мы потолкуемъ съ вами, какъ намъ расположить всѣ статьи и какъ къ нимъ приладить рисунки... Бѣдный Анд. Тим.! Ему вѣчно суждено испытывать обманы людей. Онъ даже, кажется, изумился нѣсколько, когда увидѣлъ, какъ вѣрно я сдерживаю свои обѣщанія: онъ не привыкъ къ этому. Вчера онъ пустился въ грустныя воспоминанія и разсказалъ мнѣ, что ему повредила много мачиха. У него было нераздѣльное имѣніе съ братомъ (полковникомъ); А. Т. управлялъ имѣніемъ, тратилъ деньги (конечно безъ толку), сдѣлалъ улучшенія (по его словамъ); пришло время разсчитаться: братъ согласился на счетъ, представленный Адр. Т., и дававшій ему право на полученіе изъ заемнаго банка какой-то суммы... Въ надеждѣ на это Крыловъ назначилъ платежъ въ тотъ день, когда долженъ былъ получить деньги: а онъ занимался коммерціей, имѣлъ библіотеку, издавалъ журналъ. Но мачиха что-то натолковала сыну; тотъ, вѣроятно, былъ глупъ и безсовѣстенъ и подалъ протестъ противъ брата... Денегъ ему не выдали, пла-

тежа сдѣлать онъ не могъ, потерялъ кредитъ, объявленъ несостоятельнымъ. Журналъ (иллюстрація) лопнулъ... Жалкій человѣкъ Анд. Т. Я увѣренъ, что и теперь его надуваютъ: въ понедѣльникъ онъ не пришлетъ мнѣ ни одной статьи...

Сегодня случилось занимательное обстоятельство на лекціи. Я спросилъ Выш. о журналѣ Чумикова. Онъ началъ такъ: изъ біографіи этого человѣка я знаю то, что онъ былъ въ ополченіи (общій смѣхъ) и пошелъ туда отъ нечего дѣлать (смѣхъ)... Да, думалъ, думалъ, что ему дѣлать, и пошелъ въ ополченіе... Теперь же онъ придумалъ другое: журналъ педагогическій издавать (смѣхъ). Онъ впрочемъ имѣетъ на это основаніе: онъ служилъ помощникомъ инспектора въ одномъ изъ женскихъ учебныхъ заведеній и оттуда былъ удаленъ инспекторомъ (смѣхъ). Инспекторъ-то, который его удалилъ, говоритъ, разумѣется, что онъ глупъ... Ну, я этого утверждать не могу. Во всякомъ случаѣ журналъ его, вѣроятно, пойдетъ, потому что онъ теперь служитъ у Щерб. и его журналъ слѣдовательно навяжутъ всѣмъ учебнымъ заведеніямъ нашего вѣдомства... (смѣхъ). Тутъ Галаховъ возвысилъ голосъ и сказалъ: Я недавно говорилъ объ этомъ съ Чумиковымъ и онъ мнѣ сказалъ, что этого не будетъ, что ему Щ. даже предлагалъ, но онъ не захотѣлъ этого... Послѣ этого В. перемѣнилъ тонъ совершенно.—А это очень благородно и великодушно со стороны г. Чумикова, сказалъ онъ. Да онъ, впрочемъ, въ этомъ и не нуждается. Онъ человѣкъ чрезвычайно образованный, былъ въ здѣшнемъ университетѣ, потомъ нѣсколько лѣтъ жилъ за границей, слушалъ лекціи въ Берлинѣ и очень добросовѣстный человѣкъ, энергіи у него пропасть... и т. д. Звонокъ прервалъ этотъ диѳирамбъ, чудно рисующій отвратительную душонку Вышн—го.

13 Января. Вчера вечеромъ у Татаринова были гости. Между прочимъ какая-то дама, восхищающаяся Бѣлинскимъ и Искандеромъ и ругающая грамматику. Потомъ былъ Бекетовъ В. Н., извѣстный либеральностью по глупости, цензоръ. Онъ разсказывалъ между прочимъ, какъ недавно получилъ изъ заграницы заграничныя книги. Шепнулъ знакомому совѣтнику въ таможнѣ и тотъ крикнулъ: каталоги! Каталоги проходятъ безъ смотра... Дѣлаютъ и иначе... Fables de Lafontaine, 200 экземпляровъ. Одинъ экземпляръ берется и просматривается слегка, потому что Fables de Lafontaine строго просматривать нечего... Остальные экземпляры проходятъ такъ, хотя на нихъ только обертка Fables, а иногда даже и того нѣтъ... На этотъ разъ порадовался я злоупотребленіямъ, существующимъ въ россійской

имперіи, что со мной случается весьма рѣдко. Бекетовъ объявилъ между прочимъ торжественно, что онъ не имѣетъ убѣжденія, что нужно пропускать и чего не пропускать. «А сказано говоритъ мнѣ, что нельзя печатать ничего—вотъ хоть объ этомъ калачѣ; я все, что будетъ о калачѣ, и вычеркиваю»... Отличный человѣкъ! Я преисполнился за эту выходку искреннимъ уваженіемъ къ его калмыцкой физіономіи... Между прочимъ, Бекетовъ разсказалъ мнѣ, сколько хлопотъ было изъ-за рецензіи институтскаго акта въ «Современникѣ». Къ нему присылали, къ Панаеву присылали, чтобы узнать автора статьи и наконецъ свалили ее на Чернышевскаго, а его успѣли даже очернить передъ министерствомъ. Однако Ленцъ, прочитавши статью у Бекетова въ корректурѣ, просіялъ, какъ говоритъ Бекетовъ. Да и самъ онъ, кажется, очень радъ...

Отъ Татаринова полетѣлъ я къ восточнымъ студентамъ, гдѣ ожидала меня вторая книжка «Полярной Звѣзды». Трироговъ, доставшій ее гдѣ-то и съ которымъ я въ первый разъ тутъ познакомился, очень милый и добрый человѣкъ, довольно, кажется, слабый характеромъ и способный къ увлеченіямъ *всякаго рода*, отъ природы, кажется, недалекій, но силящійся разсуждать серьезно и способный къ внутреннему развитію. Не знаю, вообще ли онъ отличается особенной вѣжливостью, или имѣлъ какія нибудь особенныя уваженія къ моей особѣ, но предупредительность его ко мнѣ была просто изумительна. Другой изъ студентовъ, Кипіани, отличающійся шапкой на головѣ, составляющейся изъ его собственныхъ волосъ, должно быть сильная, но сдерживающая себя натура. Разумѣется, я съ ними толковалъ весьма мало, потому что передо мною былъ собесѣдникъ поинтереснѣе. Съ 10 часовъ началъ я чтеніе и не прерывалъ его до пяти утра... Закрывши книгу, не скоро еще заснулъ я. . Много тяжелыхъ, грустныхъ, но гордыхъ мыслей бродило въ головѣ... Въ половинѣ 10-го я проснулся совершенно свѣжимъ и бодрымъ и напившись чаю, поговоривши, полюбовавшись еще разъ на портретъ Искандера, который достали они же, я съ сосредоточенной рѣшимостью обрекъ себя на страданіе за Амартоломъ и провелъ воскресенье у Срезневскаго... Тамъ Тюринъ былъ, и на этотъ разъ онъ показался мнѣ нѣсколько умнѣе обыкновеннаго. Въ честности его я давно уже не сомнѣваюсь. Между прочимъ Срезневскій щеголялъ своимъ прямодушіемъ, т. е. говорилъ, что вотъ мы съ вами, Ал. Ѳед., не умѣемъ жить на свѣтѣ, что все правдой идемъ, и пр. Срезневскій любитъ говорить на эту тему. По этому поводу Тюринъ сказалъ между прочимъ о своемъ разговорѣ съ гр. Толстымъ, оберъ

прокуроромъ синода. Тотъ говорилъ ему, что по его мнѣнію освобожденіе крестьянъ теперь вредно и даже нелѣпо, потому что тогда между прочимъ число дѣлъ увеличится до невозможности. Тюринъ возразилъ ему, что освобожденіе именно потому между прочимъ и необходимо, что оно должно показать нелѣпость нынѣшняго нашего судопроизводства и администраціи. Толстой замолчалъ.

14 Января. Сегодня опять та же исторія. Сидѣлъ у Срезневскаго цѣлый вечеръ, толковалъ о Тургеневѣ, Боткинѣ и малорусскомъ нарѣчіи. Говорятъ, Боткинъ отличается особеннымъ сладострастіемъ. Этого не подумаешь, читая его туманныя разсужденія о музыкѣ и чистомъ искусствѣ... За послѣднюю статью о Фетѣ надобно отдѣлать его. Я думаю, Краевскій помѣститъ съ удовольствіемъ. А статья весьма глупа... Сегодня дописывалъ я статью о дѣтскомъ повиновеніи для Чумикова. Только выходитъ что-то слишкомъ либеральное. Писалъ я ее и на лекціяхъ и въ то время, какъ всѣ остальные ушли хоронить Людвига. Говорятъ, у него состоянія не осталось, и старушка — мать его жены—особенно убивается. Гувернеры напротивъ веселы, потому что имъ въ послѣднее время страшно надоѣло дежурить за больного Людвига. Теперь вмѣсто него поступитъ другой гувернеръ и имъ будетъ легче. Радость ихъ совершенно понятна.

15 Января. Татариновъ просилъ меня рекомендовать учителя исторіи и географіи. Я назвалъ Щ. Но Благ. изъ какихъ-то особенныхъ опасеній не согласился. Тогда я послалъ къ Татаринову Турчанинова; но они не сошлись... Сегодня Татариновъ спрашиваетъ меня. почему Щ. не пришелъ къ нему. Я чистосердечно разсказалъ всю исторію, А. Н., сообразилъ въ чемъ дѣло, и мы порѣшили на томъ, чтобы Щ. давалъ у него уроки, а Благ. можетъ и не знать объ этомъ. Я разсказалъ Щ—ву объ этомъ и онъ былъ очень радъ, такъ что даже сказалъ, что мы должны «немножко помириться теперь», и просилъ записать его въ подписку на журналы. Я, конечно, былъ этому очень радъ, потому что ссориться съ нимъ мнѣ не хотѣлось бы, хоть и въ дружбѣ его я уже давно не нахожу особенной отрады. Каждая вещь, которую мы дѣлаемъ, основывается, конечно, на эгоизмѣ, тѣмъ болѣе такая вещь, какъ дружба. Пріятно быть дружнымъ съ тѣмъ, кто намъ сочувствуетъ, кто можетъ понимать насъ, кто волнуется тѣми же интересами, какъ и мы. Въ этомъ случаѣ мое самолюбіе удовлетворяется, когда я нахожу одобреніе моихъ мнѣній, уваженіе того, что я уважаю и т. п. Но съ Щ. у насъ общаго только честность стремленій, да и то немногихъ. Въ послѣднихъ

цѣляхъ мы расходимся. Я—отчаянный соціалистъ, хоть сейчасъ готовый вступить въ небогатое общество, съ равными правами и общимъ имуществомъ всѣхъ членовъ; а онъ — революціонеръ, полный ненависти ко всякой власти надъ нимъ, но признающій необходимымъ неравенство правъ и состояній даже въ высшемъ идеалѣ человѣчества и возстающій противъ власти только потому, кажется, что видитъ ея нелѣпость statu quo и признаетъ себя выше ея... Идеалъ его — Сѣверо-Американскіе Штаты. Для меня же идеала на землѣ еще не существуетъ, кромѣ развѣ демократическаго общества, митингъ котораго описалъ Герценъ. Я полонъ какой-то безотчетной, безпечной любви къ человѣчеству—и уже привыкъ давно думать, что всякую гадость люди дѣлаютъ «*по глупости*» и слѣдовательно нужно жалѣть ихъ, а не сердиться. Противодѣйствуя подлостямъ, хоть бы Ванькѣ, я дѣлаю это безъ гнѣва, безъ возмущенія, а просто по сознанію надобности и обязанности дать щелчокъ дураку. Щ. напротивъ отличается страстностью дѣйствія и потому они принимаютъ у него всегда личный характеръ. Все затѣянное имъ начиналось съ него и къ нему непосредственно относилось; все, затѣянное мной, касалось меня менѣе, чѣмъ всѣхъ другихъ, потому что лично я никогда ничѣмъ не былъ обиженъ отъ нашего начальства. Наша ссора началась съ того, что онъ требовалъ исключенія Синева изъ числа подписавшихся на журналы, а я не хотѣлъ этого, потому что думаю, что все таки лучше Синеву что нибудь прочитать и принять въ голову, нежели еще болѣе оболваниться, будучи отчужденнымъ отъ нашего кружка и отъ литературы, Это соображеніе, впрочемъ, пришло ко мнѣ уже послѣ; прежде же всего мнѣ не хотѣлось начинать мелодрамной исторіи, возвращая деньги Синеву. Я это сказалъ Щ. и онъ взялся самъ возвратить. Въ такомъ случаѣ возми на себя и всю подписку, сказалъ я. А я отказываюсь.— Хорошо. Но смотри, чтобы половина не отказалась отъ подписки, когда узнаютъ, что ты завѣдуешь. Въ тотъ же день я сказалъ, что отказываюсь и передаю Щеглову. Львовъ первый сказалъ, что и онъ отказывается, потомъ Чернышевъ, затѣмъ Шемановскій написалъ: вычеркнулся собственноручно (изъ списка), потомъ Бордюговъ. Съ моей стороны было тутъ содѣйствіе только въ томъ, что я высказалъ рѣшительно прежде всѣхъ, что не намѣренъ участвовать въ подпискѣ при завѣдываніи Щеглова, который теперь же изъявляетъ такія претензіи при самомъ выборѣ подписчиковъ. Съ тѣмъ же увѣдомленіемъ обратился я къ Турчанинову и Алекс., послѣдній, полный наивныхъ чувствъ

уваженія къ Щеглову и ко мнѣ, и откровенности, весьма похвальной хотя и не совсѣмъ умѣстной въ этомъ случаѣ, потребовалъ у Щеглова объясненія «что у насъ происходятъ за штуки», предупредивши мое собственное объясненіе. Щегловъ естественно разсердился, и вечеромъ отозвавши меня сказалъ, что я тутъ сподличалъ и что между нами прежнія отношенія должны прекратиться. Я отвѣтилъ, что это мое давнишнее желаніе; онъ хотѣлъ еще что-то говорить, но я рѣшительно спросилъ его: такъ какъ между нами кончено, то, значитъ нечего тебѣ и толковать еще...—Нечего—ну и слава Богу. Прощай. Я ушелъ. Онъ остался. Это было въ началѣ декабря, кажется, а теперь онъ со мной по прежнему готовъ быть. Но я постараюсь отклонить всякія интимности потому, что разница нашихъ характеровъ и направленій все болѣе рисуется передъ моими глазами, а его своекорыстіе все болѣе меня отъ него отталкиваетъ... Я, признаюсь, болѣе люблю Поржницкаго, котораго (позабылъ записать) 10-го числа проводилъ я въ Казань. Это—благородный человѣкъ, съ энергическимъ постояннымъ желаніемъ добра и участіемъ къ бѣднымъ ближнимъ. Даже польскіе предразсудки его начинаютъ теперь пропадать, когда онъ нашелъ любовь и сочувствіе между русскими. Онъ ужасно много потерпѣлъ и пріобрѣлъ энергію и опытность, какихъ мнѣ, можетъ быть, никогда не удастся пріобрѣсти. Страшно подумать, какъ мало во мнѣ жизни, какъ мало страсти! Хорошо еще, что попалъ я на благородныя, честныя убѣжденія. Чтобы было изъ меня, если бы я не вышелъ изъ подъ опеки церковной, державной и др. властей?... Аккуратный исполнитель чужихъ приказаній и при случаѣ—подлецъ, хотя и безсознательный. Отсутствіемъ живого начала въ моей натурѣ объясняю я и то, что разлука съ Поржницкимъ произвела на меня очень слабое впечатлѣніе, до того слабое, что на другой день я позабылъ о ней и не вписалъ даже ея въ свою тетрадь. А между тѣмъ мое уваженіе и любовь къ этому человѣку совершенно искренни, и былъ горячъ поцѣлуй нашъ прощальный, крѣпко было пожатіе рукъ, какъ писалъ я нѣкогда въ стихахъ.

17 Января. У Татаринова сегодня четвертый урокъ у меня. Почему-то я недоволенъ этими уроками... Между мной и дѣвочкой устанавливаются даже какія-то враждебныя отношенія, какъ между учителемъ и ученикомъ. До сихъ поръ этого со мной не бывало. Мнѣ кажется почему то, что и мной не совсѣмъ довольны. Ну, да чортъ съ ними! Буду дѣлать по своему, не стѣсняясь, потому что нужды въ нихъ никакой не имѣю. Мнѣ

сказали, что Наташа застѣнчива, и я тогда же былъ очень непріятно пораженъ: я не люблю застѣнчивыхъ учениковъ, потому что съ ними нужно умѣть самому много смѣлости для того, чтобы чего нибудь добиться. А я не слишкомъ отличаюсь этимъ качествомъ. Сегодня сравнилъ я занятія съ Татар. и съ Кур-Узнать нельзя, какъ будто совсѣмъ другой человѣкъ. Тамъ все натянуто, послѣдовательно, офиціально, все,—утомительные даже для меня толки о томъ, что слѣдуетъ... Здѣсь живой разговоръ вообще о литературѣ, а по поводу ея—и объ исторіи, и о философіи, и о жизни, и пользы несравненно больше. Борисъ даетъ мнѣ такіе вопросы, которые рѣшительно выказываютъ въ немъ пробужденіе свободной мысли, и мнѣ легко, мнѣ отрадно развивать эти мысли, потому что я знаю, что онѣ его интересуютъ. Наташа все молчитъ и только отвѣчаетъ на мои вопросы, и то какъ будто нехотя. Богъ ее знаетъ, что нужно, чтобы сколько нибудь возбудить ея любопытство... Я всегда нахожусь въ какомъ-то неловкомъ положеніи на этихъ урокахъ. А сегодня еще просятъ, нельзя-ли во вторникъ мнѣ въ четыре часа, вмѣсто половина шестого приходить. Я сказалъ, что спрошу, могутъ-ли перемѣнить Кур. урокъ въ этотъ день... Но именно только спросилъ; даже и просить ихъ не намѣренъ совсѣмъ. Добрымъ согласіемъ съ ними я ни для чего не пожертвую. Эти уроки просто отрада моя. Послѣ сегодняшняго урока Борисъ сказалъ мнѣ, что М. Орловъ приглашаетъ меня къ себѣ. Я зашелъ въ контору «Отечественныхъ Записокъ», отдалъ свою замѣтку на Боткина (вѣроятно, Краевскій помѣститъ ее), а потомъ зашелъ къ Орлову. Это—человѣкъ очень живой, даже каррикатурно-живой; онъ необыкновенмо усердно жметъ мнѣ руку, не знаетъ гдѣ посадить, робко спрашиваетъ, не могу ли у него остаться—напиться чаю, и безпрестанно спрашиваетъ моего мнѣнія о разныхъ предметахъ, выслушивая его съ покорной внимательностью. Меня чрезвычайно удивляетъ такое обращеніе, имѣющее своимъ основаніемъ, конечно, особенное понятіе о хорошемъ тонѣ. Но какъ я человѣкъ совсѣмъ не хорошаго тона, то скоро между нами начинается ровный, искренній, радушный разговоръ, изъ котораго я вижу, что Орловъ имѣетъ очень здравыя понятія о вещахъ. Всматриваясь въ его некрасивую физіономію, замѣчаю, что въ глазахъ его свѣтится умъ.. Все, что можно о немъ сказать дурного, это то, что онъ человѣкъ довольно легкій, имѣющій множество авторитетовъ въ родѣ Стасюлевича, Неволина и т. п. Впрочемъ, касательно Стасюлевича мнѣ сразу удалось его разувѣрить. О Касторскомъ и Сухомлиновѣ онъ и самъ

знаетъ, что они глупы. Михайлова—терпѣть не можетъ. Андреевскаго хвалитъ, и, кажется, справедливо... О своихъ ученикахъ Кур. онъ тоже хорошаго мнѣнія и даже сообщилъ мнѣ замѣчаніе, которое я хотя и сдѣлалъ во второй же урокъ, но до сихъ поръ не могъ привести въ ясность—именно, что старшій, Борисъ, туго понимаетъ новыя для него вещи, но зато потомъ хорошо ихъ удерживаетъ въ головѣ. Это противоположность съ младшимъ, который отлично хорошо и скоро понимаетъ, но нуждается въ повтореніи. Во всякомъ случаѣ я радъ, что имѣю своимъ товарищемъ въ этомъ дѣлѣ—такого человѣка, какъ Орловъ. Надобно еще когда нибудь зайти къ нему и убѣдить, чтобы онъ читалъ имъ исторію какъ можно искреннѣе, т. е. сообразнѣе съ своими собственными понятіями. Вечеромъ сегодня перечитывалъ я письмо Ф. А. В., которое, по его непонятной трусости, написано не совсѣмъ опредѣленно, но которое тѣмъ не менѣе очень многое мнѣ объяснило. Я не долженъ оставлять этого человѣка, какъ онъ меня не оставлялъ три года тому назадъ. Я помню, какъ умно и искусно говорилъ онъ со мной, передъ моимъ отъѣздомъ въ Петербургъ, внушая мнѣ любовь къ правдѣ, а не къ авторитету, но не пугая прямымъ нападеніемъ на то, что я принималъ тогда за несомнѣнное. Наши разговоры кончились ничѣмъ, но дѣло было сдѣлано: внутренняя работа пошла во мнѣ живѣе прежняго. Черезъ годъ читали мы съ нимъ письмо Бѣлин. и много говорили на эту тему: тогда я (еще ничего не читавшій) увѣрился въ естественности христіанства особенно послѣ смерти отца моего. Здѣсь я пошелъ еще дальше и въ прошломъ году во время каникулъ вспомнилъ о Вас. и послалъ ему призывное письмо, на которое получилъ 5—6 благодарныхъ строчекъ въ чужомъ письмѣ. Послѣ того я послалъ тетрадку съ сочиненіями Искандера и вотъ вчера получилъ ее вмѣстѣ съ письмомъ отъ М. Е. Л., моего бывшаго товарища, пріѣхавшаго теперь въ Петербургъ для опредѣленія на Сестрорѣцкій оружейный заводъ. Это —человѣкъ замѣчательный по своему. Бывало я съ Лавр. все смѣялся надъ нимъ и даже написалъ двѣ жесточайшія статьи о его стихотвореніяхъ и даже отбилъ у него охоту къ стихамъ. Мнѣ было тогда 14 лѣтъ, и на Леб. сдѣлалъ я первую пробу моего критическаго таланта. Въ прошломъ году перечитывалъ одну изъ этихъ статей и удивлялся—сколько уже тогда умѣлъ я выказывать здраваго смысла, какъ остроумно умѣлъ придираться къ каждому слову (чего теперь, при большемъ развитіи разсудка, я уже не имѣю), и какъ мало имѣлъ я поэтическаго

чувства. Стихи Леб., впрочемъ, и не могли возбуждать его: они были дѣйствительно плохи. Но тѣмъ не менѣе—онъ былъ поэтъ и, бросивъ стихи, обратился къ рисованію и скульптурѣ, а тутъ къ естественнымъ наукамъ, физикѣ и механикѣ. Предался онъ этимъ занятіямъ со страстью, но, разумѣется, самобытнаго ничего не могъ произвести, потому, что мысль его была связана. Въ 1854 г. лѣтомъ, бывши въ Нижнемъ, я съ нимъ видѣлся нѣсколько разъ: онъ тогда только что кончилъ курсъ въ семинаріи. Въ академію его не послали или онъ самъ не поѣхалъ, а я ему предлагалъ поступить—въ педагогическій институтъ (я еще тогда въ состояніи былъ предложить это!); онъ было согласился, но потомъ раздумалъ (и хорошо сдѣлалъ разумѣется) и остался учителемъ въ нижегородскомъ печерс. училищѣ. Въ прошломъ году какъ-то я получилъ отъ него шутливое письмо, въ которомъ онъ увѣдомлялъ меня, что сдѣлалъ какое-то усовершенствованіе или изобрѣтеніе, касающееся ружей, и что князь Голицынъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ, вызываетъ его въ Петербургъ, за эту работу, чтобы опредѣлить на оружейный сестрорѣцкій заводъ. Меня это удивило нѣсколько... Оно, конечно, ружье—штука не философская, но все таки изобрѣтеніе и смиреніе разума какъ-то въ головѣ моей не совмѣщались. Вдругъ вчера является ко мнѣ мой Митрофанъ и я къ удивленію не нахожу въ немъ ни малѣйшаго сходства съ Митрофаномъ Простаковымъ—развѣ въ нѣкоторой полнотѣ и округлости формъ, впрочемъ весьма приличной. М. не выросъ нисколько. Батюшка его былъ еще толще и меньше, чѣмъ сынъ, и его называли всегда кубышкой. Онъ недавно умеръ отъ удара... Дочь его вышла замужъ за моего дядю; слѣдовательно мы съ Митрофаномъ еще находимся въ родствѣ. Глаза Митроф. всегда были ясны и умны, теперь они еще горятъ чѣмъ-то: радость ли это при новости положенія или пробуждающаяся мысль,—подумалъ я. Получасовой разговоръ показалъ мнѣ, что вліяніе Ф. Л. не осталось безъ толку. Митрофанъ мой не то, что былъ прежде. Два года тому назадъ читалъ я ему стихи «русскому царю» и онъ ужасался, теперь онъ готовъ и даже стремится читать все, что только можетъ указать ему истину, и просилъ меня руководить его чтеніями. Увидимъ.

18 января. Вечеромъ сегодня сидѣлъ я у Срезневскаго и сличалъ свою рукопись... Позвали пить чай. Я выхожу и вижу, что Кат. Ѳед. заплаканная и разстроенная сидитъ у самовара и не можетъ слова вымолвить. Я подумалъ сначала, что она грустить все о предстоящей разлукѣ съ братомъ, котораго, кажется, очень

любитъ. Оказалось совсѣмъ не то. Сквозь слезы она разсказала мнѣ, что Володя ея зашалившись сжегъ книгу, и теперь она не знаетъ что дѣлать. Книга была взята отъ Сухомлинова,—1 № «Библіотеки для чтенія» 1857 г. Теперь надобно покупать все изданіе,—тоскливо выговаривала она... Я было думала, продолжала она, послать въ типографію, нельзя ли тамъ достать листовъ, которые сожжены, или отдѣльныхъ оттисковъ этой статьи, чтобы можно было вставить въ книгу... Я ее увѣрилъ, что это будетъ напрасная попытка и что дѣло можно устроить гораздо проще. У насъ есть студенческій экземпляръ «Библіотеки для чтенія», и никто не будетъ въ претензіи за обожженные краешки книги. Я вамъ принесу въ обмѣнъ этого свой экземпляръ. Катер. Ѳедоровна такъ обрадовалась, что не смѣла даже вѣрить своему счастью... Да какъ же это, Ник. Ал.,—могла только произнести она смѣясь сквозь слезы... Послѣ этого она тотчасъ перемѣнилась,—стала весела и спокойна... Я никогда не ожидалъ отъ нея такой мелкой чувствительности и никогда не предполагалъ, чтобы она до такой степени боялась разсердить Измаила Ивановича. А между тѣмъ она ужасно безпокоилась—какъ то сказать объ этомъ папашѣ. Володя стоялъ въ углу до тѣхъ поръ, пока я не взялся доставить цѣлый экземпляръ. Тогда мать его выпустила пить чай и больше о наказаніи и о винѣ—не было помина.—

19 января. Толкуя о народныхъ русскихъ пѣсняхъ и показывая взглядъ народа на великаго князя Владиміра, я сегодня засидѣлся у Татаринова. Но увлекшись самъ, я, кажется, мало увлекъ свою ученицу, равно какъ и мать ея, которая сидѣла тутъ же. Или Наталія Алек. очень мертва и флегматична по своей природѣ (чего, однако же, я не думаю), или я самъ такой безжизненный человѣкъ, что не въ состояніи ни въ комъ пробудить живого чувства. Это, впрочемъ, опять какъ-то не совсѣмъ можетъ быть ко мнѣ приложено. Личность моя очень симпатична,—это я знаю давно. Мои убѣжденія могутъ возбуждать людей: въ этомъ недавно убѣдило меня письмо Вас., а сегодня новымъ доказательствомъ послужилъ разговоръ съ Алек. передъ моимъ отправленіемъ на урокъ. Лежа въ спальнѣ, разсуждали мы съ нимъ о чистомъ и о дидактическомъ направленіи искусства. Ал. стоитъ за дидактизмъ, но не умѣлъ до сихъ поръ избавиться отъ мысли, что собственно дидактизмъ придаетъ мертвенность, вялость и холодность поэтическому произведенію. Сознаваясь въ этомъ, но презирая чистое, безцѣльное искусство, онъ не зналъ, куда ему дѣваться и на чемъ остановиться. Я растолковалъ ему,

что дидактизмъ отвлеченный, головной нужно отличать отъ дидактизма, перешедшаго въ жизнь, въ натуру поэта, въ инстинктивное чувство добра и правды, чувство, придающее жизнь, энергію и поэзію произведенію гораздо болѣе, нежели просто какое-нибудь чувство природы или безотчетнаго наслажденія красотой и т. п. Я, конечно, своихъ мыслей не считаю чѣмъ-нибудь новымъ, важнымъ и т. п. Но Ал. былъ до того пораженъ глубиною моихъ взглядовъ, что тутъ же попросилъ позволенія написать въ своемъ сочиненіи мысли, мною высказанныя... Это для меня довольно многозначительно...

Послѣ всенощной, вечеромъ, долго разсуждалъ я съ Преображенскимъ. Этотъ малютка съ голубыми умными глазенками, съ большимъ носомъ (вовсе не по росту ему), съ тонкими чертами лица и волосами, вѣчно стоящими дыбомъ на головѣ, не смотря на всѣ усилія гребенки. Этотъ малютка—въ довершеніе всѣхъ своихъ достоинствъ оказывается еще поэтомъ. Весьма наивно объяснялъ онъ мнѣ, что написалъ когда-то комедію, въ которой особенно хорошо обрисована была сваха, и началъ шутливую поэму, въ которой есть много мѣстъ весьма остроумныхъ; стихъ у меня, говорилъ онъ, очень гладокъ. Все это очень мило слышать отъ него, и я радуюсь его безцеремонности, какъ и вообще мнѣ пріятно, что онъ рѣшительно не признаетъ, напримѣръ, разницы между студентомъ 4-го и 2-го курса. Я часто забавляюсь съ нимъ и иногда ломаю ему руки. Для этого достаточно мнѣ взять его двумя пальцами за руку у самаго плеча; онъ кричитъ обыкновенно св... или ск... и останавливается, а потомъ шопотомъ договариваетъ, вопросительно лукаво посматривая на меня, когда уже я его оставлю—*инство*, или ..отина... Вчера онъ читалъ мнѣ переводъ свой—первой сатиры Горація—гекзаметрами. Стихъ дѣйствительно хорошъ... Только забавно, что jactantibus austris перевелъ онъ *австрійскимъ* моремъ. Я ему замѣтилъ это, но онъ ни мало ни смутился, хотя и понялъ всю грубость ошибки Это, значитъ, парень не робкаго десятка... Я толковалъ ему о необходимости стать въ ближайшее соприкосновеніе съ жизнью и обратить свою наблюдательность на жизненные интересы, а не на отвлеченныя воззрѣнія и мертвую жизнь природы... Онъ понялъ мои убѣжденія и отчасти согласился. Я далъ ему читать Очерки Гоголевскаго періода литературы.

20 января. До обѣдни рѣшившись отправиться къ Срезневскому, я зашелъ по дорогѣ къ Аверк. Онъ разошелся теперь съ Кельсіевымъ и живетъ съ Дементьевымъ. Ав. для меня

довольно загадоченъ. Въ первое время знакомства онъ очень мнѣ нравился по своей живости, подвижности, любви, къ литературѣ. Но съ теченіемъ времени все это потеряло для меня свою цѣну. Я увидѣлъ, что онъ живъ, оттого что по молодости пустоватъ, подвиженъ оттого, что ни на чемъ еще порядкомъ не установился, любитъ литературу—не углубляясь въ смыслъ ея, а восхищаясь удачными стихами, прекрасными картинами, ловкими фразами. Можетъ быть все это перемелется, но теперь пока съ нимъ еще трудно провести нѣсколько часовъ, не соскучившись нестерпимо. Кельсіевъ, къ которому я зашелъ тотчасъ же отъ Аверк.,—совсѣмъ другое дѣло. Это человѣкъ серьезно мыслящій, съ сильной душой, съ жаждой дѣятельности, очень развитый разнообразнымъ чтеніемъ и глубокимъ размышленіемъ... Съ нимъ случалось мнѣ просиживать по 5 часовъ, зашедши на полчаса за какимъ-нибудь дѣломъ... Онъ не пугается отвлеченныхъ вопросовъ, но беретъ ихъ не разобщая съ жизнью. Одно, что мнѣ въ немъ не нравится, это излишняя прихотливость въ отношеніи къ собственной жизни. Можетъ быть, впрочемъ, что и это въ немъ есть слѣдствіе внутреннихъ силъ, которыя ищутъ себѣ выхода и рвутся въ разныя стороны. Онъ учился въ коммерческомъ училищѣ и тамъ развился подъ вліяніемъ А. Е. Разина. Этотъ превосходный человѣкъ замѣтилъ его, и у нихъ до сихъ поръ идетъ близкое знакомство. Изъ коммерческаго училища К. поступилъ на службу американской компаніи, чтобы ѣхать въ Китай, и сдѣлался вольнослушателемъ университета. Китайскій языкъ онъ изучилъ очень хорошо, такъ что легко говоритъ на немъ и много читаетъ по-китайски... Но вдругъ ему Китай надоѣлъ и онъ прошедшимъ лѣтомъ увлекся естественными науками. Осенью увлеченіе прошло и опять началось изученіе китайской словесности, но тутъ В. И. Васильевъ, профессоръ китайскаго языка, испортилъ дѣло своей глупостью. Кельсіевъ увидѣлъ, что у Васильева всѣ понятія перевернуты вверхъ дномъ, что онъ рѣшительно окитаился и ему запала въ голову мысль, что китайская жизнь дѣйствуетъ вредно... Онъ сталъ раздумывать и нашелъ, что вообще отъ поѣздки въ Китай онъ никакой пользы не получитъ самъ и другимъ не принесетъ... Китай опять брошенъ къ чорту, тѣмъ болѣе, что, расходясь съ Васильевымъ во всѣхъ понятіяхъ, К. потерялъ надежду получить въ университетѣ степень кандидата,—потому что Васильевъ будетъ препятствовать одобренію диссертаціи... Сегодня онъ присталъ ко мнѣ съ разспросами о славянской филологіи,—чему и какъ нужно учиться: захотѣлъ онъ держать экзаменъ на старшаго

учителя русскаго языка, и быть учителемъ... Надолго ли это, не знаю... Я говорилъ потомъ о немъ съ Срезневскимъ и И. И. съ своимъ обычнымъ радушіемъ началъ о немъ разспрашивать. очень горячо сталъ жалѣть о томъ, что человѣкъ можетъ погибнуть въ безплодныхъ усиліяхъ, совѣтовалъ мнѣ удерживать Кельс. въ китаизмѣ, а потомъ перешелъ къ тому, что началъ ругать нѣмцевъ, санскритистовъ, Беккера, московскихъ профессоровъ, идущихъ по пути Грановскаго и т. д. Я не радъ былъ, что заговорилъ: только времени потерялъ напрасно цѣлый часъ... Лучше бы сидѣть за Амартоломъ.—Тюринъ сдѣлалъ сегодня остроумное замѣчаніе, что Полѣновъ тупъ... Срезневскій отвѣчалъ: да, не очень остеръ...

Сегодня мнѣ показалось на урокѣ у Татаринова, что ко мнѣ нѣсколько расположены... Я самъ себѣ дивлюсь иногда, какъ ловко, смѣло, но вмѣстѣ съ тѣмъ прилично и скромно умѣю я говорить съ дѣвочкой о нѣкоторыхъ предметахъ. Напримѣръ сегодня въ присутствіи матери долженъ я былъ говорить ей о характерѣ нашихъ народныхъ пѣсенъ, въ которыхъ выражаются разныя семейныя отношенія... Все это представляется тамъ грубо,—нужно было выставить эту грубость, не поражая ушей, и я—самъ вижу—сдѣлалъ это очень искусно... Вообще рѣшившись дѣйствовать по своему, я какъ то болѣе въ своей тарелкѣ, болѣе развязенъ и положителенъ въ своихъ замѣчаніяхъ и способѣ занятій, нежели я самъ ожидалъ... Щегловымъ тоже довольны и я этому радъ... А признаюсь, я не вдругъ-то рѣшился предложить ему эти уроки и даже оттягивалъ дѣло, пока самъ не увидалъ дѣвочки и не нашелъ, что она совершенный ребенокъ (какъ выразился Благовъ). Прежде отъ этого меня удерживало какое то боязливое чувство, въ родѣ предчувствія ревности... Заходилъ ко мнѣ М. Е. Л. сегодня; я ему далъ «Развитіе революціонныхъ идей» и много толковалъ съ нимъ. Онъ дѣйствительно развился нѣсколько. Механизмъ, ридуманный имъ для ружей, служитъ къ ускоренію выстрѣла. Но оказалось, что въ военномъ дѣлѣ скорость совсѣмъ не нужна и даже опасна, потому что въ такомъ случаѣ солдатъ можетъ скоро разстрѣлять всѣ свои заряды и остаться на бобахъ... Тѣмъ не менѣе за это изобрѣтеніе на Митрофана обратили вниманіе и вызвали его сюда.

По утру приходилъ Сид. и просилъ денегъ такъ, какъ просятъ своего долга. Я уже привыкъ къ его тону, и потому не удивлялся. Но денегъ у меня не было и я долженъ былъ отказать... Мнѣ жаль этого человѣка, который губитъ себя сво-

имъ нелѣпымъ характеромъ. Страшно развитое самолюбіе, идеализмъ въ невѣроятныхъ размѣрахъ, пристрастіе къ фразѣ и неумѣнье долго остановиться на чемъ-нибудь—его отличительныя качества. Онъ очень уменъ, хотя не есть чрезвычайное явленіе по этой части и до сихъ поръ ничего умнаго не произвелъ ни въ какомъ родѣ. Но воля, рѣшимость, порывистость исполненія—громадны. Къ постоянной, тихой энергіи онъ неспособенъ, потому что дѣла себѣ исполинскаго ищетъ и все рвется чортъ знаетъ куда,—но рвется не какъ Кельс., не дѣятельно, а только умозрительно. Въ своемъ увлеченіи онъ еще имѣетъ привычку не давать другимъ говорить и страшно деспотически поступать со всѣмъ, что противорѣчитъ его убѣжденіямъ. Мы въ институтѣ звали его Робеспьеромъ.

Анатолю Куракину день рожденія (12 лѣтъ) и потому урока у нихъ нѣтъ. Тотчасъ послѣ лекціи отправился я къ Срезневскому и принялся за Амартолъ, но радушный хозяинъ не могъ таки не помѣшать мнѣ, разсказывая планъ и содержаніе своей рѣчи, которую онъ готовитъ къ акту университета, и спрашивалъ моего совѣта о чемъ-то. Я ему, разумѣется, сказалъ утвердительно, т. е. одобряя его предположенія. Въ самомъ дѣлѣ—то, что онъ задумалъ—перебрать хронологически всѣ памятники древней русской письменности до половины XIII вѣка и всѣ изслѣдованія о нихъ,—это дѣло хорошее. Я не сомнѣваюсь, что и исполнитъ онъ свое дѣло основательно, хотя, конечно, выводы его не обойдутся безъ нѣкотораго количества дичи... Тутъ же пришелъ Д. В. Полѣновъ, истинное полѣно съ бакенбардами и съ басистымъ самоувѣреннымъ голосомъ. Занимаясь археологіей, онъ не знаетъ однако же Упыря Лихого, относя его къ XIV вѣку, и удивляется, что Срезневскій находитъ замѣчательнымъ пробѣлъ 30 лѣтъ отъ 1229 до 1259 въ памятникахъ нашей древней словесности. Изъ рѣчей его вообще можно замѣтить, что онъ довольно глупъ. Это—самое лучшее замѣчаніе какое я сдѣлалъ сегодня.

Изъ новостей замѣчательна исторія, разсказанная мнѣ Срезневскимъ о Шевыревѣ. Почтеннаго профессора поколотили. Это было на вечерѣ у Черткова. Шевыревъ заспорилъ съ Бобр. по поводу Роб. Пиля и, какъ профессоръ элоквенціи, принялся весьма краснорѣчиво ругать Пиля, Англію и западъ на счетъ Россіи. Бобр. англоманъ и потому разгорячился. Шевыревъ еще болѣе—и пустилъ въ дѣло жестикуляцію, наступая на Бобр. съ кулаками. Тотъ оттолкнулъ его. Шевыревъ ударилъ Бобр-го... Бобр. обиды не стерпѣвъ воспламенился, сшибъ съ ногъ Шевы-

рева и началъ топтать ногами такъ, что Шевыревъ сдѣлался боленъ отъ этой битвы во славу русскаго оружія... Разсказывая сегодня за столомъ эту исторію, я замѣтилъ, что защита Россіи Шевыревымъ была весьма художественна, потому что идея соотвѣтствовала формѣ и совершенно выражала собою сущность силы и достоинства Россіи въ ряду другихъ европейскихъ государствъ. Острота эта такъ мнѣ понравилась, что вечеромъ она опять пришла мнѣ въ голову и я хотѣлъ повторить ее, какъ будто чужую, забывши, что слышалъ ее отъ себя же самого. Вчера разсуждали еще о Гранов., Чичер. и Крыловѣ, московскомъ профессорѣ. Срезневскій разсказывалъ, какъ на вечерѣ у Кошелева Крыловъ ругалъ статью Григорьева о Гран. и смѣшалъ его съ грязью... Чичерина, по словамъ Срезневскаго, Крыловъ тоже въ тупикъ поставилъ, сначала похваливши его трудъ и величину книги, а потомъ безцеремонно приступивши: такъ вы доказываете, что древняя Русь была дрянь, гадость, мерзость, никуда не годилась да-съ? Предки наши просто не люди были да-съ? Въ самомъ дѣлѣ—какъ только ихъ земля терпѣла? И т. д. въ этомъ же родѣ. Признаюсь, на подобный тонъ трудно отвѣчать,—развѣ по шевыревски. Но Срезневскій тѣмъ не менѣе въ восхищеніи отъ Крылова, потому, что не взлюбилъ за что то Чичерина. Ни Благ., ни Устр. не было на лекціяхъ сегодня и я отправился съ 11 часовъ къ Срезневскому. У него засталъ арх. Макарія, который завопилъ, увидавши меня, и радостно со мной облобызался... Онъ мало измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ я зналъ его въ нижегородской семинаріи... Тотъ же живой, безпокойный человѣкъ, недалекій умомъ, но трудолюбивый, науколюбивый, а всего болѣе—самолюбивый. Онъ всегда немножко казался страннымъ для меня съ своей пѣвучестью въ голосѣ, размахиваньемъ рукъ и безпрестаннымъ ерзаньемъ на мѣстѣ, гдѣ бы онъ ни сидѣлъ... Теперь онъ занимается изслѣдованіемъ новгородскихъ древностей и сегодня толковалъ все съ Срезневскимъ о какомъ то описаніи софійскаго собора, составленномъ ключаремъ его Соловьевымъ. Онъ все сокрушался, что теперь его собственное описаніе можетъ потерять цѣну, хотя оно гораздо подробнѣе, и потому совѣтовался, нельзя ли какъ нибудь задержать и уничтожить описаніе Соловьева. А между тѣмъ два года тому назадъ, когда я видѣлся съ Макаріемъ въ Лаврѣ, онъ самъ чуть не со слезами жаловался мнѣ на духовное вѣдомство, которое не только не дѣлаетъ поощреній, но еще заслоняетъ дорогу всякому ученому труду, и завидовалъ нашему положенію, при которомъ никто никому не мѣшаетъ... Теперь онъ самъ кое-какъ выбрался и становится въ ряды при-

тѣснителей... Можетъ быть, впрочемъ, и справедливо предположеніе Срезневскаго, что Макарій боится изданія Соловьева потому, что самъ на половну списалъ его... Срезневскій въ этомъ случаѣ былъ весьма благороденъ и довольно рѣзко говорилъ Макарію о всемъ неприличіи его замысловъ. Я отъ него не ожидалъ такого твердаго, благороднаго тона негодованія, съ которымъ онъ давалъ щелчки узенькому взглядишку Макарія. Послѣ его ухода мы принялись толковать съ Срезневскимъ, и тутъ уже его взглядъ оказался не совсѣмъ широкимъ. Я не радъ былъ, что началъ разговоръ: онъ мнѣ помѣшалъ сдѣлать, что-нибудь, такъ что, просидѣвши у Срезневскаго пять часовъ и опоздавши на урокъ, я собственно наработалъ столько, сколько можно въ часъ сдѣлать. Рѣчь пошла изъ за Осокина. Срезневскій думаетъ, что не должно подбирать такихъ фактовъ и печатать такихъ пѣсенъ, наговоровъ, преданій и проч., какіе попадаются у Осокина во множествѣ.—Почему же?—Потому, что наука требуетъ отъ изслѣдователя правдивости; не нужно приступать къ изслѣдованію съ заранѣе составленнымъ убѣжденіемъ и подбирать факты только для доказательства своихъ мыслей.. Что изъ того, что мужикъ поетъ скверную пѣсню? Нужно ли хвататься за нее, чтобы доказать, что народъ нашъ никуда не годится? Да стоитъ ли такая пѣсня того, чтобы ее записывать!. и пр. въ этомъ родѣ.—Да помилуйте, это же вѣдь и будетъ заранѣе составленное убѣжденіе, ежели я стану выбирать факты только хорошіе, а дурные оставлять безъ вниманія. Этнографъ долженъ все брать, что ему попадается подъ руку, брезговать ничѣмъ не долженъ. Тамъ позднѣйшій изслѣдователь отдѣлитъ, что составляетъ сущность, что случайность... И тогда ему пригодятся всѣ эти факты, по нимъ онъ судить будетъ..—Да какъ же можно судить по такимъ фактамъ? Развѣ можно опредѣлять человѣка по прыщу на носу?..—Ну, а если этихъ прыщей такъ много, что они дѣйствительно цѣлую физіономію составляютъ?..—Такъ зачѣмъ же каждый прыщикъ отдѣльно разсматривать и кормить этимъ публику... Ну, и такъ далѣе. Между прочимъ сообщилъ онъ мнѣ, что въ географическое общество поступаетъ масса матеріаловъ, подобныхъ собраннымъ у Осокина, но общество всегда отвергаетъ ихъ, какъ недостойныя печати. Я, конечно, сдѣлалъ умильную рожу при этомъ.

Отъ Кур. заѣхавши въ институтъ, потащился я въ Невскую Лавру увидѣться съ Ѳеофиломъ, бывшимъ ректоромъ нижегородской семинаріи, а теперь посвященнымъ въ архіереи, кажется въ Самару. Онъ по прежнему толстъ, неповоротливъ, гнусливъ и добръ. Посидѣлъ я у него около получаса и все ругалъ распоря-

женія нижегородскаго архіерея Іереміи, нападая на произволъ, на оффиціальную формальность, на пренебреженіе къ личности и т. п. Онъ со всѣмъ соглашался очень охотно и самъ даже бросилъ нѣсколько словъ противъ дисциплины. Вліянія большого, конечно, мои слова не могутъ имѣть, но все таки, можетъ быть, онъ и вспомнитъ ихъ когда нибудь. Объ Іереміи онъ мнѣ разсказалъ занимательную штуку. Іеремія писалъ сюда къ Вяз. (когда я хлопоталъ о сестрѣ), что онъ очень заботится о нашемъ семействѣ и даже положилъ свои деньги, чтобы воспитывать на проценты съ нихъ моего брата въ семинаріи. Какъ сирота, братъ имѣетъ право воспитываться на казенный счетъ безъ всякихъ денегъ, и потому я спросилъ Θеофила, съ какой стати затѣяна была Еремой эта исторія. Онъ мнѣ объявилъ, что уже это третій случай въ такомъ родѣ, и что впрочемъ деньги никогда не принадлежали собственно Іереміи. Онъ провозгласилъ по всей епархіи, что собираетъ пансіонъ на Добр—ва и собралъ очень много,—тысячъ пять, а положилъ только тысячу... Остальное у него осталось...—Это хорошее благодѣяніе.

Отъ Θеофила зашелъ я въ духовную академію. Жур—ва не нашелъ дома, и узналъ, что онъ отправляется скоро въ Аѳины какимъ то псаломщикомъ или что-то въ этомъ родѣ. Спасскаго тоже не было сначала, и я нѣсколько минутъ толковалъ съ какимъ то незнакомымъ студентомъ, выказывавшимъ въ разговорѣ какое то робкое расположеніе ко мнѣ. Вскорѣ Спасскій пришелъ и очень обрадовался, увидавши меня: онъ, кажется, думаетъ обо мнѣ очень высоко, по крайней мѣрѣ его обращеніе чуть не подобострастно... Но мое обращеніе во всѣхъ подобныхъ случаяхъ восхищаетъ меня самого. Я просто перерождаюсь... Рѣчь моя становится тиха, плавна, нѣсколько сдержанна, тонъ скромный, ласковый, но полный сознанія своего достоинства и даже чуть-чуть покровительственный... Я люблю въ этихъ случаяхъ прислушиваться къ собственекой рѣчи. Должно быть я произвожу и на другихъ хорошее впечатлѣніе. Не даромъ же два года тому назадъ, когда Филоновъ вздумалъ, будто я написалъ пасквиль на Богородицу, двое изъ студентовъ духовной академіи, видавшіе меня тамъ раза два—три, возстали противъ этого, увѣряя, что такой милый, благородный человѣкъ, какъ Николай Добролюбовъ, не можетъ быть способенъ на подобную мерзость. И въ самомъ дѣлѣ удивительно, что это пришло въ голову Филонову.! Съ какой стати сталъ бы я писать на Богородицу пасквили? Что она мнѣ сдѣлала? Развѣ не имѣетъ ли это отношенія къ самому Филонову, котораго звали у насъ китайской богородицей?—Да и на него я ничего не писалъ.

25. Вчера, кажется, ничего замѣчательнаго не случилось, кромѣ развѣ письма, которое прислалъ къ намъ Сидоровъ; онъ весьма рѣзко говоритъ въ немъ, что мы на денежныя, весьма скудныя вспоможенія, какія ему давали, не должны смотрѣть, какъ на благодѣянія, что это была наша обязанность, какъ благородно развитыхъ людей (что, конечно, справедливо) и что онъ требуетъ отъ насъ рѣшительнаго отвѣта, отказываемся мы отъ него или нѣтъ, прибавляя, что ему непремѣнно нужно въ мѣсяцъ 25 рублей серебромъ для спокойной жизни... Это все совершенно основательно, и если бы я вздумалъ оскорбляться подобнымъ письмомъ, то показалъ бы, что я стою гораздо ниже его содержанія: съ такими объясненіями обращаются только къ людямъ, которыхъ высоко уважаютъ и на благородство которыхъ твердо надѣются... Но этого-то уваженія Сидоровъ и не показываетъ въ образѣ своей рѣчи: онъ говоритъ о насъ, какъ о людяхъ пустыхъ, мелочныхъ, эгоистическихъ. Къ такимъ людямъ смѣшно обращаться съ просьбами и еще смѣшнѣе предъявлять требованія о помощи... Человѣкъ, отпускающій подобную штуку, становится въ положеніе Чацкаго и легко можетъ прослыть сумасшедшимъ. Сидоровъ, впрочемъ, всегда выказывалъ наклонность къ манерѣ Чацкаго—бросать перуны громкихъ словъ тамъ, гдѣ этого совсѣмъ не нужно, и гдѣ вмѣсто пользы возгласы его могутъ только повредить и ему самому да и тому дѣлу, за которое онъ ратуетъ. Признаюсь, мнѣ самому чтеніе письма Сидорова было весьма непріятно. Я самъ, гуманнѣйшій и соціальнѣйшій изъ всего нашего кружка, возмутился тономъ требованія и у меня въ душѣ заворочались слова: деспотическій тонъ, безстыдство, тунеядство, неблагодарность и т. п. Впечатлѣніе было не мгновенно; оно было такъ сильно, что я рѣшился отдать письмо на общій судъ, не выражая никакого мнѣнія отъ себя. Бор. Л. Щ. Бур. и А. Л. прочли его и всѣмъ оно не понравилось. Особенно *М. Ш.* возсталъ противъ тона письма, вызвавшись, впрочемъ, тутъ же помогать Сидорову во время его болѣзни. Ал. просто обѣщалъ, и взглянулъ на дѣло гуманнѣе всѣхъ остальныхъ. Вообще—этотъ человѣкъ всѣхъ болѣе близкій ко мнѣ по характеру т. е. очень не глубокій характеръ, тѣмъ не менѣе чрезвычайно дѣятеленъ въ своихъ стремленіяхъ. Онъ забываетъ о высшихъ интересахъ, какъ и со мной случается, но при первомъ напоминаніи вполнѣ предается имъ и жертвуетъ своими прихотями. Для него вопросы соціальные—вопросы внутренніе, стремленіе души его, а никакъ не внѣшнія, навязанныя обстоятельствами увлеченія, какъ у большей части другихъ изъ намъ извѣстныхъ.

*

Только у него натура ужасно слабая и способная къ увлеченіямъ и я боюсь, что, попавши въ дурной кружокъ, онъ легко распростится съ своими святыми убѣжденіями... Этого бояться даже за себя самого я имѣю основаніе; но какъ же не сознаться, хоть и себѣ самому—что во мнѣ (что ни говори Щ.) внутреннихъ силъ гораздо больше, презрѣніе къ людскимъ авторитетамъ и къ житейскимъ выгодамъ гораздо сильнѣе, и что къ высшимъ вопросамъ, къ послѣднимъ рѣшеніямъ—я подошелъ гораздо ближе, гораздо смѣлѣе взглянулъ имъ въ лицо, нежели Ал—чъ? Меня совратить съ моей дороги ужасно трудно, тѣмъ болѣе, что я до сихъ поръ не тратилъ силъ своихъ на серьезную внѣшнюю борьбу и, въ случаѣ нужды, могу явиться смѣлымъ и свѣжимъ бойцомъ. Кромѣ того, у меня есть еще *шансъ*: я уже успѣлъ себя очень хорошо поставить между людьми, которыхъ уваженіе мнѣ дорого. Если я сгибну, то они обо мнѣ искренно пожалѣютъ, и передъ концомъ меня не будетъ мучить мысль, что вотъ были у меня силы, да не успѣлъ я ихъ высказать, и умираю безвѣстнымъ, безъ шума и слѣда... А Ал—ча даже и эта мысль можетъ удержать: все будетъ ему хотѣться сдѣлать что нибудь, и все надежда будетъ манить его. А извѣстное дѣло, что ничего нѣтъ хуже надежды, если надобно предпринять какое нибудь рѣшеніе... Надежда хороша для слабыхъ душъ и всегда держитъ людей въ нерѣшимости. Возвращаясь къ Сидорову нужно сказать, что мнѣ дорого стоило побѣдить свое желаніе написать ему оскорбительный отвѣтъ. Но я сдѣлалъ едва ли еще не хуже: я ничего до сихъ поръ не отвѣтилъ ему. Не знаю, что онъ думаетъ теперь. Въ первыхъ числахъ получу деньги и тогда удѣлю ему частицу.

Весь день сегодня болѣла у меня голова, но я перемогъ себя и отправился на урокъ къ Кур., а оттуда къ Срезневскому. Онъ собирался уже въ ученый комитетъ, когда я пришелъ и потому сегодня я занимался довольно безпрепятственно. Только дѣти надоѣдали немножко; да это еще бѣда не великая. Забавно, что они толкуютъ объ «Извѣстіяхъ Академіи» и очень здравыя понятія о нихъ обнаруживаютъ. Сегодня Володя провозглашалъ, что все будетъ въ «Извѣстіяхъ» печататься. Чурка (уменьш. отъ Вячеслава) на столъ локти положилъ, и это будетъ въ «Извѣстіяхъ» печататься; Надя спать хочетъ идти, и это будетъ въ «Извѣстіяхъ» печататься; Ник. Ал. сидитъ и пишетъ,—и это будетъ въ «Извѣстіяхъ» печататься и пр. Это напомнило мнѣ остроумный вопросъ Пыпина: скажите, что Тимоѳей (лакей Срезневскаго) ничего не пишетъ въ «Извѣстіяхъ»?..—на что Черн. замѣтилъ:

не пишетъ собственно потому, что ему некогда: важными дѣлами занятъ,—тазы чиститъ...

Да,—и позабылъ было. Въ понедѣльникъ, т. е. 21 числа, Рад. протурилъ меня къ Черн. за его повѣстью, которую еще до Святокъ отнесъ я къ Н. Г. Онъ поговорилъ со мной и даже сказалъ мнѣ, что у меня, должно быть, есть нѣкоторый поэтическій талантъ,—потому что онъ перечиталъ нѣсколько стихотвореній моихъ, врученныхъ ему отъ меня вмѣстѣ съ повѣстью Радонежскаго. Повѣсти онъ мнѣ не отыскалъ, а просилъ зайти за нею послѣ. Въ среду я и зашелъ за ней. О ней онъ сказалъ, что она очень бѣдна и, кажется, ничего въ ней нѣтъ. Я съ этимъ совершенно согласенъ, хотя и думаю, что изъ этого могло бы быть что-нибудь...

Вчера случилось со мной весьма странное обстоятельство. Вечеромъ я рѣшился читать Тургенева и взялъ первую часть. Послѣ Ваньки зажегъ я свѣчу и читалъ одну повѣсть за другой,—до половины третьяго... Мнѣ было ужасно тяжело и больно. Что-то томило и давило меня; сердце ныло,—каждая страница болѣзненно, грустно, но какъ-то сладостно *грустно* отзывалась въ душѣ.. Наконецъ прочиталъ я «Три встрѣчи» и съ послѣдней страницей закрылъ книгу, задулъ свѣчу и вдругъ—заплакалъ... Это было необходимо, чтобы облегчить тяжелое впечатлѣніе чтенія. Я далъ волю слезамъ и плакалъ довольно долго, безотчетно, отъ всего сердца, собственно по одному чувству, безъ всякой примѣси какого-нибудь резонерства. Переставши, наконецъ, плакать, я долго думалъ что бы могло вызвать мои слезы, но рѣшительно не могъ указать на что-нибудь опредѣленное. Общее впечатлѣніе, прибавившееся къ моему и безъ того напряженному, томительному настроенію, — вотъ и все... И между тѣмъ въ это же время, въ минуту самого плача у меня произошла .... и потомъ истерика... Толкуйте же о платонической любви и о безнравственности тѣлесныхъ влеченій... Тутъ ужъ ровно никакихъ безнравственныхъ представленій не было. Правда я вспомнилъ о М., но съ такой любовью, преданностью, участіемъ, что дай Богъ почаще минуты подобныхъ чувствъ... И все-таки... Странно въ самомъ дѣлѣ... Даже мнѣ самому.—Ну, зачѣмъ написалъ я эти строки? Вѣдь, можетъ быть, ихъ прочтетъ кто-нибудь и, полный цѣломудреннаго идеализма, съ отвращеніемъ сдѣлаетъ гримасу и пожалѣетъ о человѣкѣ, у котораго не могло остаться чистымъ, даже одно изъ святѣйшихъ, высокихъ, рѣдкихъ мгновеній,—мгновеніе сердечнаго увлеченія искусствомъ... Ну, пусть строгіе цѣнители и судьи найдутъ

неприличнымъ мое замѣчаніе, физіологическій фактъ все-таки остается. Кстати,—вспомнилъ я слова Разина, который увѣрялъ меня, что стихотвореніе Лермонтова: «Выхожу одинъ я на дорогу» написано въ минуту самаго гадкаго разгула, въ одномъ изъ мерзкихъ домовъ (вѣр. въ . . . .). Прежде я не хотѣлъ вѣрить этому, но теперь я не вижу въ этихъ двухъ вещахъ особенной несовмѣстимости.

Сегодня Ванька съ утра бѣсился на что-то и гнѣвъ его палъ на Львова и Ш., которыхъ онъ обругалъ за то, что поздно пришли вчера, и посадилъ подъ арестъ. Кричалъ онъ весьма сильно и меня это страшно взбѣсило. Я видѣлъ въ этомъ возможность возвращенія прежняго деспотизма, отъ котораго Ванька отсталъ было въ послѣднее время. Я сообщилъ кое-кому свои замѣчанія и нашелъ полное сочувствіе. Тотчасъ было написано увѣщаніе къ Ванькѣ, очень сердитое. Но Ск. отсовѣтовалъ посылать его, сказавши, что все можетъ теперь обрушиться на Львова и Ш., и совѣтовалъ лучше обратиться къ Вяз. Но я замѣтилъ, что Вяз—го такими пустяками тревожить пока не слѣдуетъ... Желая дать все-таки щелчокъ Ванькѣ, я представилъ дѣло на судъ самого Львова и Ш. Львовъ съ великимъ самоотверженіемъ даже потребовалъ, чтобы начали исторію изъ-за его дѣла. Я было согласился, но изъ дальнѣйшихъ разговоровъ увидѣлъ, что онъ находится просто подъ вліяніемъ оскорбленнаго самолюбія и плохо понимаетъ тѣ соображенія, изъ-за которыхъ хлопочу я. Миша принялъ дѣло вообще не съ такимъ жаромъ, — можетъ быть потому, что Ванька не такъ сильно оскорбилъ его... Во всякомъ случаѣ, я не хотѣлъ оставитъ дѣло Ваньки безъ наказанія, тѣмъ болѣе, что во многихъ и очень во многихъ видѣлъ какое-то острое раздраженіе, возбужденное новымъ припадкомъ давыдовскаго самоуправства... Но къ счастью для Ваньки и, можетъ быть, для меня,—онъ самъ одумался и убоялся слишкомъ крутого поворота, какой онъ хотѣлъ дать своему поведенію въ отношеніи къ студентамъ. Въ половинѣ третьяго онъ призвалъ къ себѣ пять человѣкъ, составляющихъ, по его мнѣнію, соль земли институтской (Синевъ, Зыковъ, Вегнеръ, Черняковъ—и—къ общему изумленію и особенно къ моему собственному—я). Онъ краснорѣчиво, важно, долго намъ толковалъ о чувствѣ долга. И, между прочимъ, высказалъ мысль, которая собственно была главною во всемъ разсужденіи. «А вотъ—говоритъ—теперь поднимается ропотъ. Виноватые всегда ропщутъ, какъ будто съ ними несправедливо поступаютъ... А какъ же иначе быть? Я только докладчикъ министра; я дѣлаю, что приказано и долженъ

смотрѣть за тѣмъ, чтобы и другіе это дѣлали». Ясно, что онъ хотѣлъ оправдать свое утреннее поведеніе и позвалъ меня, между прочимъ, какъ человѣка болѣе всѣхъ способнаго вывести его на свѣжую воду и возстановить противъ него студентовъ... Затѣмъ послѣ обѣда онъ дождался Мишу и съ нимъ долго и кротко бесѣдовалъ, обѣщая забыть все, что было, и упрашивая его поберечь себя... Это меня еще болѣе убѣдило, что Ванька струсилъ... Но, Боже мой, какая схоластика, сколько офиціальной мертвенности, удушливой формальности во всей его логикѣ... Зачѣмъ опоздалъ, долженъ знать свое время. Виноватъ не тѣмъ, что пять минутъ или десять просрочилъ, а тѣмъ, что своего долга не исполнилъ... «Умѣренность и аккуратность!» И какъ бы легко было исполнять всѣ подобныя приказанія и учрежденія, если бы человѣкъ былъ машиной... Но произволъ нашъ не можетъ пересилить природы... Вотъ уже сколько лѣтъ разные господа стараются насъ сдѣлать машинами, начинивши насъ готовыми убѣжденіями, подчинивши строгой дисциплинѣ, давши однообразныя формы въ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ жизни. Но человѣкъ все рвется наружу изъ-за автомата и только порывы, разумѣется, выходятъ неправильными, дикими, страшными... Точно какъ запруженная рѣка, отыскивающая себѣ другое русло...

Цѣлый день проведя у Срезневскаго, я вчера сдѣлалъ однако доброе дѣло... За чаемъ много говорили мы съ нимъ о моихъ товарищахъ студентахъ, начиная съ Бильдинскаго. Срезневскій не любилъ его, и совершенно справедливо... Это человѣкъ съ придурью, по удачному выраженію Срезневскаго... Но особенно И. И. возстановленъ противъ М—ма, котораго считаетъ окончательно мерзавцемъ и даже не вѣритъ моему замѣчанію, что въ немъ много дѣтскаго... «Нѣтъ, говоритъ, вы не знаете, значитъ, многаго... Вы не видите, какъ онъ со всѣми профессорами поодиночкѣ говоритъ, какъ-то систематически, разсчитанно заискивая въ нихъ... И посмотрите,—онъ вдругъ какъ нибудь выскочитъ первымъ... А отчего онъ у меня на лекціяхъ не бываетъ?—Кажется, бываетъ... Нѣтъ, ужъ я недѣли двѣ его не вижу...—Вѣроятно, какая нибудь случайность; онъ здоровъ и на другія лекціи ходитъ... Я уже думалъ объ этотъ, чтобы отмѣтить его, что онъ у меня лекціи пропускаетъ»... Это ожесточеніе Срезневскаго для меня собственно довольно забавно.—О. Я. Мих. онъ сказалъ, что былъ имъ пораженъ наканунѣ... «Я ему сказалъ, чтобы онъ взялъ во вниманіе путешествія на сѣверо-востокъ въ своемъ сочиненіи,—и онъ теперь подошелъ ко мнѣ, послѣ лекціи,

и говоритъ, что онъ думалъ объ этомъ, но что это не входитъ въ планъ его...—Какой же планъ?—Разсмотрѣть путешествія собственно...—Да вѣдь это только форма,—а сущность та же; и тамъ путешествіе только не отдѣльно, а какъ часть другого цѣлого...—Но я хочу говорить только о древнихъ...—Да и то древнее...—Теперь много времени уйдетъ... Ну, это другое дѣло... Такъ вы какъ же ограничиваете свой предметъ?—О русскихъ путешествіяхъ, преимущественно древнихъ.—Такъ какъ же это будетъ? Вы берете не всѣ путешествія, а только нѣкоторыя (потому что путешествіе на сѣверо-востокъ опускаете) и изъ этого чего-то—берете еще *преимущественно* что-то... Выходитъ что-то въ чемъ-то...—Да я буду разбирать только путешествія въ святыя земли... Ну съ Богомъ... Мнѣ ужасно не понравилась, говоритъ Срезневскій, эта увертливость, желаніе выставить себя не въ томъ свѣтѣ, какъ есть въ самомъ дѣлѣ»... Этотъ случай, въ самомъ дѣлѣ, хорошо рисуетъ мелочной, пошленькій характеръ Я. Мих. Я замѣтилъ Срезневскому, что М. очень много работаетъ. но онъ уже съ недовѣріемъ спросилъ меня: т. е. какъ же работаетъ?—Я не знаю этого, но вижу, что онъ постоянно занятъ, пишетъ, и вы видѣли матеріалы, какіе онъ заготовилъ. (А у Мих. дѣйствительно исписано листовъ 50 разными замѣтками о путешествіяхъ)...—Да вѣдь это матеріалъ писца, тутъ нѣтъ живого знанія, нѣтъ мысли... Выписки и извлеченія дѣлать совсѣмъ не трудно... и т. д. Я, разумѣется, не противорѣчилъ потому, что самъ давно убѣжденъ былъ въ томъ же самомъ, но и не подтверждалъ потому что въ этомъ дѣлѣ легко мнѣ было увлечься собственнымъ эгоизмомъ и преувеличить глупость Мих—го... Поэтому я молчалъ... Но я сказалъ нѣсколько добрыхъ словъ о Н. Мих—мъ, о Злат—мъ и Ш—мъ. Срезневскій мало знаетъ ихъ и мои слова принялъ съ полной довѣренностью: надѣюсь, что это современемъ будетъ полезно, по крайней мѣрѣ—М—му, котораго характеръ я довольно подробно объяснилъ Срезневскому, разумѣется, преувеличивая добрыя стороны и едва упоминая о дурныхъ и то для того, чтобы онѣ не поразили неожиданно Срезневскаго, если ему самому придется ихъ замѣтить. Впрочемъ о Злат—мъ я тоже говорилъ много и этого уже просто выхвалялъ, потому что въ немъ, вѣроятно, Срезневскому не удастся уже замѣтить дурныхъ сторонъ... Такимъ образомъ день мой сегодня не совсѣмъ потерянъ...

Щ. передалъ мнѣ сегодня, что Благовѣщенскій видѣлся съ Татариновымъ, и Татариновъ сказалъ ему, что мной очень доволенъ, и Щ. тоже доволенъ, только находитъ, что онъ нѣ-

сколько угловатъ, при чемъ Благовѣщенскій замѣтилъ, что онъ не ручается за Щ., потому что слышалъ о немъ и хорошее и дурное также. Это со стороны Н. М. плохо... Щ—ву разсказывалъ это Михалевскій. Онъ же говорилъ ему, что однажды у Чер. Пыпинъ на вопросъ кого-то о насъ двоихъ замѣтилъ, что изъ меня, можетъ быть, выйдетъ что нибудь, а изъ Щ , кажется, ничего не выйдетъ, потому что онъ только и умѣетъ Ваньку Давыдова ругать и это его главное достоинство. Щ. объясняетъ это тѣмъ, что онъ выразилъ уже Пыпину свое пренебреженіе, но Благовѣщенскому онъ ничѣмъ его не выразилъ и, вѣроятно, говоритъ онъ, Благовѣщенскій слышалъ обо мнѣ дурное отъ Пыпина. Все это, можетъ быть, справедливо, но все-таки мнѣ ужасно странно, почему Щ. никому не внушаетъ симпатіи къ себѣ и даже напротивъ отталкиваетъ отъ себя всѣхъ, кто и сойдется съ нимъ почему нибудь?.. Должно быть это заслуженная плата ему за презрѣніе къ человѣчеству, которое его окружаетъ, и за отсутствіе той высшей—отвлеченной, но тѣмъ не менѣе широкой, горячей, сильной любви, которая въ великихъ людяхъ, обращаясь къ высокимъ и святымъ цѣлямъ цѣлаго человѣчества, оправдываетъ и искупаетъ ихъ презрѣніе и ненависть къ мелкимъ ничтожнымъ личностямъ, встрѣчающимся на ихъ пути и бросающимъ подъ ноги ихъ стекла и каменья, чтобы затруднить шествіе. Положимъ, что Щ. имѣлъ бы право презирать всѣхъ насъ, въ институтѣ... Хоть и это несправедливо... но положимъ... Но Чер—го онъ не можетъ презирать; онъ долженъ бы сойтись съ нимъ, долженъ бы возбудить его сочувствіе... А между тѣмъ и Ч. говорилъ мнѣ какъ-то въ половинѣ декабря:—я не знаю-съ, Щегловъ можетъ быть очень хорошій человѣкъ, пріятель вашъ и все... Но мнѣ кажется, что онъ какъ будто мало развитъ... Онъ похожъ на бойкаго гимназиста и какъ гимназистъ онъ очень замѣчателенъ... вѣдь онъ совсѣмъ не то, что вы... Онъ какъ-то довольно узко смотритъ... Съ нимъ скучно быть... И вѣдь въ самомъ дѣлѣ три года институтской жизни мало перемѣнили Щ—ва... Онъ и теперь почти тотъ же мальчикъ, съ претензіями, какимъ былъ при поступленіи въ институтъ... Онъ чрезвычайно уменъ, совершенно честенъ,—по крайней мѣрѣ—думаетъ, что онъ всегда честенъ, а это уже много значитъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ гордъ и надмененъ до самообожанія. Своей личностью онъ мѣряетъ все на свѣтѣ... Это, право, жалкое состояніе.

29. Вечеръ вчерашняго дня проведенъ былъ мною въ театрѣ. Въ бенефисъ Мартынова шло «Горе отъ ума» и, признаюсь, шло довольно плоховато. На сценѣ только видишь, что это не

комедія, а просто на просто злая сатира. Чацкій вѣчно не въ своей тарелкѣ, Фамусовъ безличенъ, даже при игрѣ Мартын., то онъ пустъ, то остроуменъ, то ничтоженъ и мелоченъ, то весьма проницателенъ и уменъ. Роль Софьи самая неестественная и при всемъ умѣньи Владиміровой держать себя она даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ казалась ненатуральной, напримѣръ, въ мечтательныхъ размышленіяхъ о Молчалинѣ въ послѣдней сценѣ, гдѣ она должна стоять съ отцомъ минутъ пять, выслушивая восторженныя тирады Чацкаго. Максимовъ игралъ Чацкаго отвратительно... Всѣхъ лучше вышелъ Загорѣцкій-Каратыгинъ; мнѣ онъ очень напомнилъ Выши—го... При всемъ томъ я доволенъ, что видѣлъ «Горе»—хотя въ другой разъ уже не пойду смотрѣть его, развѣ для того, чтобы любоваться Вл—вой. Она въ самомъ дѣлѣ поразительно хороша и ея красота именно въ моемъ родѣ: я всегда воображалъ себѣ такою будущую мою bien aimée... Эти тонкія, прозрачныя черты лица, эти живые, огненные, глаза, роскошные волосы, эта грація во всѣхъ движеніяхъ и неотразимое обаяніе въ каждомъ малѣйшимъ измѣненіи физіономіи—все это до сихъ поръ не выходитъ у меня изъ памяти. Но впечатлѣніе, произведенное на меня Вл—вой, именно подходитъ къ тѣмъ, которыя Пушкинъ называетъ благоговѣньемъ богомольнымъ передъ святыней красоты... Смотрѣть на нее, слѣдить за чудными передвиженіями ея лица и игрою глазъ есть уже для меня достаточное наслажденіе. Совсѣмъ другого рода чувства волновали меня, когда танцовала Жебелева съ Богдановымъ мазурочку. Красота Жебелевой тоже въ родѣ Владиміровой отчасти, но она гораздо чувственнѣе и менѣе строга въ выраженіи и позахъ... Правда, глупо было бы и искать этого въ мазурочкѣ. Что это за танецъ! Наши салонныя мазурки и вальсы не могутъ ни малѣйшаго понятія дать объ этомъ разгулѣ наслажденія, съ которымъ всѣ чувства впиваются въ чудныя движенія, звуки и позабываютъ все на свѣтѣ, смотря на этотъ возбудительный танецъ... Вотъ когда я почувствовалъ самъ слова Разина: я люблю балетъ только такой, какого женщинамъ смотрѣть нельзя: по крайней мѣрѣ тутъ уже гуляй душа!.. И въ самомъ дѣлѣ смыслъ этой мазурочки немножко можетъ скандализировать чистую невинную дѣвочку, особенно заключительная поза, заключающая въ себѣ, впрочемъ, невыразимое очарованіе для меня... Нѣтъ—вретъ Аполонъ Григорьевъ: тѣлесныя чувства имѣютъ свою поэзію, да еще какую поэзію... Въ заключеніе шла пьеса 28 Января, въ которой Март. фамильярничаетъ съ публикой очень мило, Максимовъ читаетъ басню—«Оселъ и соловей» очень

плохо, Леонова поетъ что-то отвратительно для моего слуха (хотя Радонежскій и увѣряетъ, что у нея удивительно сильный голосъ: да чортъ ли въ его силѣ, когда онъ уши деретъ), и наконецъ Горбуновъ разсказываетъ о томъ, какъ артель мужиковъ разсуждаетъ о царь-пушкѣ и пр. Наконецъ-то я услышалъ этого прославленнаго разсказчика! Онъ дѣйствительно подражаетъ мужицкой рѣчи и манерамъ необыкновенно хорошо, до того, что забываешься, просто чувства обманываются, какъ будто бы передъ вами стоитъ чревовѣщатель. Но при всемъ этомъ я никакъ не могу понять, какъ можетъ человѣкъ ограничить этимъ свою жизнь, и ничего лучше не выдумать въ нѣсколько лѣтъ, прожитыхъ имъ въ Петербургѣ... Это показываетъ крайнюю ограниченность ума и совершенную пустоту. Гдѣ не послышишь,— въ театрѣ Горбуновъ разсказывалъ, на большомъ вечерѣ гдѣ нибудь—Горбуновъ разсказывалъ, на частномъ концертѣ—Горбуновъ разсказывалъ и все одно и то же... Да вѣдь это наконецъ ни на что не похоже..

Вечеръ сегодня провелъ у Срезневскаго, съ которымъ толковалъ мало, потому что онъ отправился въ засѣданіе географическаго общества. За то оставался Тюринъ, который, право, кажется, не такъ глупъ, какъ я сначала думалъ. Пожалуй, кончится все это тѣмъ, что я припужденъ буду повѣрить Николаю Гавриловичу, который мнѣ говорилъ еще лѣтомъ, что Тюринъ, кажется, все таки лучше Срезневскаго. Только мнѣ ужасно не нравится, что онъ нерѣдко говоритъ вещи совершенно невинныя—такимъ тономъ, что ихъ

. . . .

А черезъ полчаса—передо мной сидѣла другая дѣвушка Наташа Татаринова, 15-лѣтній, наивный, но очень умный и развитой ребенокъ... Она собиралась въ гости въ этотъ день и потому была завита, одѣта въ бѣлое платье; больше я уже ничего не замѣтилъ... Она тоже не дурна собой, но въ ней какое то сліяніе дѣтскаго, нѣмецкаго и провинціальнаго... Ясно, что она еще не знаетъ людей, дичится, и что страсти она еще не вѣдала. Такъ все въ ней ребячески-спокойно, благонравно, что въ настоящемъ моемъ душевнымъ настроеніи,—я готовъ это спокойствіе принять за тупость. А она не только не тупа, но даже очень остроумна. Это видно изъ того, какъ она пишетъ. Сегодня мы толковали о Домостроѣ.

Два часа спустя—я сидѣлъ у Кур. и въ классную комнату вошла мать и сестра Бориса... Я въ первый разъ увидѣлъ его сестру при свѣтѣ. Какъ-то разъ прежде я ее встрѣтилъ въ

классной комнатѣ, но тогда было темно и еще не подано свѣчей... Теперь я разглядѣлъ ее близко и хорошо... Кур. братья тоже красивые мальчики, но сестра—это чудо что такое!.. Ей должно быть лѣтъ 15 или 17... Она великолѣпная брюнетка, небольшого роста, съ чрезвычайно выразительными чертами лица... Если я ее никогда больше не увижу, я никогда не забуду этого лица... Я былъ въ какомъ-то дикомъ опьяненіи восторга, послѣ того, какъ она черезъ три минуты вышла изъ комнаты. Она не сказала ни одного слова, она посмотрѣла на меня съ видомъ небрежнаго покровительства, но я не досадовалъ за это, потому что она съ разу стала въ моемъ сердцѣ выше всякой досады. Впрочемъ, не смотря на всю силу моего очарованія, я довольно спокойно и разсудительно продолжалъ потомъ толковать съ Борисомъ о русскихъ героическихъ пѣсняхъ и стиховъ къ княжнѣ не написалъ...

3 февраля. Пятница первое число было довольно безплодно по впечатлѣніямъ. Только по утру объясненіе съ Сидоровымъ было замѣчательно. Онъ пришелъ ко мнѣ и спрашивалъ, получилъ-ли я его письмо. Я высказалъ ему откровенно то, что думалъ я и что подумали другіе по поводу его странной выходки. Онъ, разумѣется, оправдывался и, сознаваясь въ томъ, что можетъ быть въ письмѣ были мѣста необдуманныя, упирался однако же на томъ, что написалъ все письмо обдумавши, въ спокойномъ состояніи, говоря, что не хотѣлъ обижать насъ, признался, что нѣкоторыя строки написалъ именно съ намѣреніемъ задѣть меня и т. п. Впрочемъ, я уже привыкъ къ его эволюціямъ и потому не удивлялся имъ и постарался передать своимъ его объясненіе въ лучшемъ для него видѣ, не распространяясь о маленькихъ слабостяхъ, которыя я привыкъ прощать ему. Разстались мы друзьями.

Вышн—й въ этотъ день говорилъ о своемъ объявленіи «Педагогическаго Вѣстника» и ругалъ журналъ Чумикова, очень простодушно замѣтивъ, что ругаетъ его не вслѣдствіе jalousie du métier, а просто по любви къ искусству. Это замѣчаніе, конечно, навело на нѣкоторыя соображенія даже тѣхъ, которые безъ того не подумали бы о jalousie du métier. Объявленіе о «Педагогическомъ Вѣстникѣ» напечатано въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и въ немъ пропущена подпись редактора. В. объявилъ, что завтра (т. е. въ субботу) явится это объявленіе вновь, съ подписью и съ извиненіемъ въ опечаткѣ. Я тутъ же хотѣлъ съ кѣмъ-то биться объ закладъ, что завтра оговорка не явится,—и дѣйствительно въ субботу не было въ газетахъ объявленія Вышн—го...

. . . .

Оттуда къ Срезневскому и за Амартоломъ, оттуда въ институтъ, на другой день лекцій уроки, на третій день (5-го) опять лекціи, урокъ, Амартолъ... Во вторникъ пришелъ ко мнѣ А. И. Глазуновъ и мы съ нимъ условились, что я напишу книжку къ 15 марта. Въ задатокъ получилъ я 25 руб. Постараюсь пробную лекцію читать о томъ же. Глазуновъ человѣкъ, должно быть, хорошій (говорю это не какъ Хлестаковъ) и очень образованный, такъ что на рѣдкость между книгопродавцами. Понятія его о русской литературѣ гораздо живѣе и яснѣе, чѣмъ— ну хоть чѣмъ у Степ. Сид., напримѣръ.

Сегодня получилъ я письмо отъ В. И. Д., который извѣщаетъ меня, что Е. П. Захарьина, у которой воспитывалась Лиза, младшая сестра моя, умерла и В. И. взялъ Лизу съ нянькой къ себѣ; не имѣя состоянія, онъ самъ не можетъ содержать ее, и объясняетъ, что будетъ брать изъ доходовъ по дому... Это немножко меня безпокоитъ теперь, но правду сказать, очень мало. Вотъ слишкомъ уже мѣсяцъ я пишу свой дневникъ, и, кажется, ни одного воспоминанія, ни одной мысли, ни слова, ни намека не было въ немъ о моихъ родственныхъ отношеніяхъ... Такъ я отдалился отъ нихъ. А между тѣмъ я не могу сказать, чтобы я не любилъ ихъ, чтобы моя жизнь въ Нижнемъ не оставила чистыхъ и свѣтлыхъ воспоминаній, чтобы мысль о свиданіи съ сестрами и братьями не шевелила во мнѣ отраднаго мечтанья... Но только эти мечты такъ мимолетны, эти образы такъ блѣдны, эти вспоминанія такъ скользятъ по поверхности души, что тотчасъ заглушаются текущими и присущими мнѣ явленіями окружающихъ меня обстоятельствъ... Ежели я *захочу*, т. е. ежели настрою себя искусственно, то у меня окажется самая нѣжная, теплая душа, самая искренняя, живая, родственная любовь. Но такъ, естественно, она почти не проявляется во мнѣ. И вотъ по моему самый яркій укоръ безсознательности: узы родства служатъ самымъ сильнымъ представителемъ безсознательнаго влеченія человѣка одного къ другому и привычка быть вмѣстѣ, возрастаніе въ тѣхъ же понятіяхъ, знакомство съ тѣми же лицами и предметами въ первые годы жизни—все это непримѣтно, опять безсознательно скрѣпляетъ естественное влеченіе. Чѣмъ больше человѣкъ преданъ непосредственной жизни, чѣмъ сильнѣе влечетъ его натура, тѣмъ крѣпче эти узы.. Но разъ разорвавшись съ непосредственностью и пошедши по пути разума, уже никакъ нельзя (по крайней мѣрѣ такъ со мной) довольствоваться однимъ этимъ. Голосъ крови становится чуть слышенъ; его заглушаютъ другіе, болѣе высокіе и общіе интересы. Зная близко своихъ

родныхъ со всѣми ихъ достоинствами и недостатками, стараешься извинять недостатки и цѣнить достоинства,—отыскивать всячески и возвышать ихъ,—для того, чтобы поддержать связь, готовую разорваться. Но вотъ и все. Если умственные и нравственные интересы расходятся, уваженіе и любовь къ роднымъ слабѣетъ и можетъ, наконецъ, вовсе исчезнуть... Въ самомъ дѣлѣ—умри теперь Чернышевскій, я о немъ буду жалѣть въ сто разъ больше, чѣмъ о своемъ дядюшкѣ, если бы онъ умеръ. Будь я въ состояніи спасти одну изъ утопавшихъ m-lle Kourakin, или m-lle Iwanoff (которую не могу позабыть съ самаго лѣта) и рядомъ съ ними хоть мою толстую тетушку, сестру моего отца,—я бы и не подумалъ броситься за тетушкой, потому что къ ней-то ужъ я совершенно безразличенъ. Жива она или нѣтъ, мнѣ до этого совершенно нѣтъ дѣла... И вотъ она—опять теорія эгоизма: кто меня больше интересуетъ, съ кѣмъ мнѣ быть пріятнѣе, того я и люблю больше. Поэтому-то я не понимаю семейнаго несчастія отъ нераздѣленной любви: конечно, оскорбленное самолюбіе, досада, сожалѣніе могутъ здѣсь выразиться очень ярко, бѣшено, и пр. Но въ самомъ злѣ, мнѣ кажется, заключается тутъ и противоядіе и тотъ, кто не хочетъ оставить долгое время любви къ той, которая его не любитъ и съ которой слѣдовательно онъ уже не можетъ ощущать пріятности, какъ прежде,—такой человѣкъ просто находитъ какое-то наслажданіе мучить себя плаксивыми мечтаніями. И это бываетъ вѣдь...

8 февраля. Я рѣшительно втягиваюсь въ литературный кругъ, и, кажется, безъ большого труда могу теперь осуществить давнишнюю мечту моей жизни, потерявшую уже, впрочемъ, значительную часть своего обаянія послѣ того, какъ я посмотрѣлъ вблизи на многихъ изъ тѣхъ господъ, которыхъ бывало считалъ чѣмъ-то высшимъ, потому что сочиненія ихъ печатались... Вчерашній вечеръ, пользуясь тѣмъ, что не было урока у Куракина (Борису 7-го февраля минуло 16 лѣтъ), остался послѣ урока у Татариновыхъ и провелъ вечеръ въ бесѣдахъ съ Михаиломъ Николаевичемъ Островскимъ (братомъ комика, котораго я такъ обругалъ нѣкогда, да и вчера только по забывчивости не ругнулъ, говоря о 2 № «Современника», потому что не зналъ, что говорю съ его братомъ) и съ П. Г. Рѣдкинымъ. М. Островскій человѣкъ очень не глупый и образованный, понюхавшій нѣсколько и германской философіи, особливо по части эстетики. Онъ стоитъ за чистое искусство, я объявилъ себя за утилитарное направленіе и съ этихъ крайнихъ точекъ мы начали подступать другъ къ другу... Видя, что онъ защищается не глупо, я бросилъ всякую

нетерпимость и началъ съ нимъ толковать въ такомъ тонѣ, какъ будто его мнѣніе было общепринято, а мое просто—мое личное убѣжденіе. Такимъ образомъ, онъ между прочимъ ругнулъ диссертацію Черныш. и назвалъ ее пошлостью. «Я говоритъ, спросилъ Бл—го, который далъ мнѣ эту книжку, неужели вы дали ему магистра за это? Бл. отвѣчалъ, что... конечно тутъ много увлеченія, съ многимъ нельзя согласиться, но что все таки видно знаніе и умъ и пр. Бл. въ этихъ случаяхъ довольно пошловато ведетъ себя. Когда Островскій говорилъ это, я почувствовалъ у себя какое-то особенное движеніе въ глазахъ. Только это не былъ огонь или какое-нибудь навастриванье глазъ, какъ иногда бываетъ, а какое-то неловкое дикое блужданье,—точно какъ при допросѣ, въ которомъ чувствуешь себя не совсѣмъ чистымъ. Не знаю, отчего это произошло... Конечно, и здѣсь выразилась робость моего характера: мнѣ стало больно, но я не воспламенился негодованіемъ. Я просто началъ разбирать отдѣльные вопросы, которые вошли въ диссертацію Черныш. Какъ же вы хотите опредѣлить прекрасное? Неужели божественнымъ идеаломъ, который прирожденно живетъ въ душѣ художника? Чего же лучше, какъ сказать, что прекрасное есть жизнь, такъ какъ каждый ее понимаетъ; именно каждый предметъ настолько прекрасенъ для человѣка, насколько онъ видитъ въ немъ жизнь по своимъ понятіямъ... Съ этимъ Островскій почти согласился, замѣтивъ, что есть трупы и другіе предметы, не теряющіе своей красоты отъ смерти. А здѣсь уже вообще дѣйствуетъ воспоминаніе. Это сходится съ тѣмъ, что все искусство, по мнѣнію Черныш., есть напоминаніе природы и жизни.—Островскій возсталъ противъ этого съ чрезвычайной силой, говоря, что нравятся намъ многія произведенія, ничего не могущія напоминать. Я не видалъ моря и степи, почему же мнѣ нравятся ихъ описанія и т. п.—Я упомянулъ въ отвѣтъ на это о *суррогатѣ* дѣйствительности и назвалъ *аналогическое* воспоминаніе, сказавъ, что иногда какой-нибудь простой мотивъ, тощее деревцо на картинѣ, не значащая фраза въ повѣсти, плохой въ сущности стихъ—переносятъ насъ въ другія времена жизни и вызываютъ въ душѣ цѣлый рядъ думъ и воспоминаній. И чѣмъ болѣе обще это впечатлѣніе для всѣхъ читателей и цѣнителей произведенія,—значитъ тѣмъ болѣе общаго человѣчнаго умѣлъ уловить художникъ въ своемъ произведеніи и тѣмъ болѣе возвышается его достоинство... Съ этимъ Остров. согласился, замѣтивъ, что у Черныш. не видно такого пониманія и что я придалъ ему свой смыслъ. Я отвѣтилъ, что можетъ быть и такъ и что, можетъ быть, поэтому диссертація Черныш.

мнѣ очень нравится и кажется вещью очень замѣчательною. Кончилось тѣмъ, что когда насъ позвали пить чай, то, идя къ столу съ Островскимъ, я читалъ панегирикъ Черныш—му. Онъ не возражалъ... Такъ же мирно покончили мы и съ утилитарностью. Я сдѣлалъ уступку, замѣтивъ, что самъ всегда возстаю противъ голого дидактизма, какъ напримѣръ въ стихотвореніяхъ Жемчужникова и А. П—ва недавно печатавшихся въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а онъ уступилъ мнѣ, согласившись, что всякое явленіе природы и жизни, переходя въ искусство, должно непремѣнно, чтобы имѣть какое-нибудь достоинство, освѣтиться сознаніемъ, пониманіемъ автора, должно пройти сквозь его душу не какъ черезъ дагерротипъ, а слиться съ его внутренней жизнью и явиться въ стихѣ, въ звукѣ, въ образѣ—какъ результатъ духовнаго настроенія и сознательнаго чувства художника... Добившись этого согласія, я замѣтилъ: согласитесь же, что явленія окружающей насъ живой жизни гораздо скорѣе могутъ возбудить въ душѣ нашей горячее, сильное чувство и могутъ глубже проникнуть,—даже *должны* проникнуть глубже, нежели всякаго рода явленія неразумной природы или конфектныхъ отношеній... Слѣдовательно, если у насъ нѣтъ еще достойныхъ поэтовъ въ этомъ родѣ, нѣтъ общественной, живой поэзіи, а всѣ попытки на нее сбиваются на памфлеты,—то нужно жалѣть объ этомъ явленіи и желать, чтобы поэты наши посвятили себя серьезнѣе поэзіи жизни, а не запрещать имъ касаться живыхъ современныхъ вопросовъ, заключая изъ неудачныхъ попытокъ, что удачныхъ и быть не можетъ. И съ этимъ Островскій долженъ былъ согласиться.

За чаемъ сѣлъ я около П. Г. Рѣдкина и завелъ рѣчь о журналѣ Чумикова... А Вышнеградскій васъ съ каѳедры проклинаетъ, замѣтилъ Татариновъ... Какъ? разскажите... И пошла потѣха... Была тутъ рѣчь и о рецензіи акта, и о Ванькѣ, и о пасквиляхъ, и о педагогикѣ Вишнеградскаго, и о его презрѣнной душонкѣ... Часа два я съ желчнымъ наслажденіемъ распространялся о педагогической теоріи и практикѣ Давыдова и Вышнеградскаго. Рѣдкинъ былъ внѣ себя отъ восторга. Вообще въ нашихъ понятіяхъ о воспитаніи и пр. мы съ нимъ сошлись... Въ разговорѣ онъ кажется лучше, нежели въ статьяхъ своихъ... Мнѣ даже нравится его уклончивый тонъ, за которымъ какъ-то скрывается человѣкъ себѣ на умѣ. Стриженъ онъ какъ-то странно... Я не знаю, какъ назвать эту прическу, въ которой волосы на головѣ всѣ совершенно ровны... Это солдатская стрижка, только здѣсь волосы больше, чѣмъ у тѣхъ, большею частію чуть не под-

бритыхъ служивыхъ. Эта стрижка придаетъ нѣсколько звѣриный видъ г. Рѣдкину; но лицо его довольно умно; тонъ умѣренный и увѣренный... Стремленія благородны... Я ему сказалъ о своей статьѣ, что передалъ Чумикову, онъ обѣщался пересмотрѣть ее, заранѣе согласившись съ моей основной мыслью и выразивши мысль, что воспитаніе именно къ тому и должно быть направляемо, чтобы мало-по-малу разрушать авторитеты въ душѣ ребенка... Вообще говоря, я на него произвелъ хорошее впечатлѣніе и прощаясь онъ усердно просилъ продолженія моего знакомства. Я былъ такъ неловко и неожиданно застигнутъ этой просьбой, что сказалъ просто: «я очень радъ» и даже не поблагодарилъ его за вниманіе и расположеніе.

Вышнеградскій сказалъ намъ сегодня на лекціи, что всѣ замѣчанія о византійскихъ училищахъ и образованности въ диссертаціи Лавр. переведены изъ Нимейера буквально... Думаю, что онъ вретъ и потому надо справиться.

Въ университетѣ актъ, на которомъ Срезневскій читалъ рѣчь о палеографическихъ трудахъ въ Россіи. Зыковъ находитъ, что его одушевленіе и жаръ, съ которыми читалъ онъ, совсѣмъ нейдутъ къ палеографіи, и что жаль, зачѣмъ этотъ живой, даровитый человѣкъ погубилъ себя мертвымъ буквоѣдствомъ. Не раздѣляя исключительности Зыкова, я однако долженъ согласиться съ нимъ въ отношеніи къ Срезневскому.

На актѣ видѣлся я съ Павловымъ. Онъ все тотъ же мальчишка, хотя лицо его стало строго и мужественно и, когда онъ серьезно молчитъ, не лишено нѣкоторой красоты. Онъ пенялъ мнѣ, что я совсѣмъ разошелся съ нимъ. Я отвѣчалъ очень холодно... Онъ пустился въ желчныя выходки противъ существующаго порядка въ самомъ либеральномъ тонѣ... Я отзывался обо всемъ въ тонѣ самомъ умѣренномъ. . Такъ мы и разошлись...

Со вчерашняго дня еще почувствовалъ я болѣзненное ощущеніе, которое и приписалъ исторіи, разыгравшейся со мною въ субботу. . . . .

Они славные люди, эти братья. Ал. недалекъ въ своихъ соображеніяхъ и вообще очень наивенъ. Но доброта и готовность служить ближнему у него необыкновенная. Пол. основательнѣй его и, хотя столько же можетъ быть добръ, но спокойнѣе брата и менѣе чѣмъ онъ суетится... Живутъ они въ чрезвычайной бѣдности, на которую не худо бы посмотрѣть Сидорову. Заговорили мы о стипендіи, которую студенты желаютъ получать вмѣсто житья на казенномъ 16 р. въ мѣсяцъ и Ал. съ Пол—мъ говорятъ объ этихъ 16 руб. какъ о вожделѣнномъ

капиталѣ, болѣе котораго имъ ничего не нужно... Я замѣтилъ, что этого мало, такъ Пол. удивился и сказалъ,—а если на 3 руб. въ мѣсяцъ жить приходится, и то можно... Я изъявилъ сомнѣніе... Да какъ же—вотъ братъ такъ жилъ... Только и платилъ, что три рубля за квартиру, а ѣлъ казенный хлѣбъ, который мы ему приносили послѣ нашего обѣда... Такъ было больше мѣсяца... Вотъ этакое положеніе признаюсь возмутительно...

9 Февраля. Съ какимъ восхищеніемъ Ал. разсказывалъ мнѣ, что онъ теперь отличную штуку выдумалъ... «Я даю хозяйкѣ 25 коп., и она дѣлаетъ мнѣ за это 10—11 котлетъ, которыхъ стаетъ мнѣ на обѣдъ и ужинъ, и я всегда прячу половину на другой день, такъ что приходится черезъ день 25 коп., въ мѣсяцъ меньше 4-хъ рублей... Вѣдь это отлично!..» И вотъ еще возможность жить и даже наслаждаться жизнью, употребляя около 4-хъ рублей на свой столъ... Говорятъ, что студенты бывали и такіе здѣсь, которые по мѣсяцамъ однимъ картофелемъ питались... Вотъ нашъ пролетаріатъ... А между тѣмъ съ казеннаго содержанія, которое гораздо обильнѣе, готовы бѣжать многіе... Видно чувство личности и свободы дѣйствуетъ сильнѣе грубой животности. О Дубовицкомъ, новомъ своемъ президентѣ, отзываются студенты очень не хорошо. Прежде всего—онъ фанатикъ, успѣвшій уже выказать свое нерасположеніе къ лютеранамъ и католикамъ; потомъ онъ глупый формалистъ, хлопочетъ о томъ, чтобы за каждымъ столомъ сидѣлъ старшій и раздавалъ кушанье, чтобы въ номера студентовъ не ходили посторонніе, и пр. Разумѣется, этого сдѣлать ему никогда не удастся; но тѣмъ не менѣе направленіе и степень ума его ясны и если не это, то сдѣлаетъ онъ что нибудь другое въ подобномъ же родѣ...

. . . .

Вчера же получилъ я письмо отъ Катеньки, которой не писалъ съ октября мѣсяца. Я въ восторгѣ отъ ея писемъ: она очень умна, я это всегда зналъ,—но тутъ видно, что ея умъ формируется... Пишетъ она славно,—лучше всѣхъ сестеръ. Я непремѣнно долженъ позаботиться особенно объ ея будущности. Выдать ее замужъ за человѣка недалекаго—опасно. Она имѣетъ живую натуру и въ развитіи своемъ, кажется, не остановится... Какъ жаль, что я совершенно далекъ отъ нея... Что могутъ сдѣлать письма, хоть бы они даже каждую недѣлю писались? Только надоѣшь, а все таки я не знаю ея жизни, обстановки, въ которой она живетъ... Слѣдовательно какъ же и дѣйствовать на нее! Если бы лѣтомъ можно было съ ней увидѣться,—это было бы совсѣмъ другое дѣло!

10 Февраля. Цѣлый день насквозь у Срезневскаго!.. И не жалѣю объ этомъ... Онъ меня просто очаровалъ сегодня своимъ поэтическимъ настроенiемъ, своимъ юношескимъ, чистымъ влеченiемъ къ наукѣ... Вообще онъ какъ то въ духѣ былъ сегодня, вѣроятно потому, что облегчилъ свою душу признанiемъ, что онъ не исключительный, ярый филологъ и понимаетъ филологію не какъ свѣтило наукъ, не какъ занятіе, необходимое для всѣхъ и каждаго и само въ себѣ заключающее высшую цѣль свою,—а просто какъ вспомогательную науку для историческихъ и даже, пожалуй, психологическихъ разысканій... Это было для меня совершенно неожиданно и послѣ этого я охотно простилъ ему даже увлеченiе трудолюбiемъ Григорьева и требованiе отъ всѣхъ русскихъ ученыхъ, чтобы они непремѣнно заботились двигать впередъ науку... Мы говорили съ нимъ о поэзіи, — онъ много читалъ и восхищается Гофманомъ, Ж. П. Рихтеромъ, Мицкевичемъ... Мало понимаетъ онъ язвительную насмѣшку Гейне, брошенную въ минуты самаго страстнаго увлеченія, но все таки онъ чувствуетъ силу его поэзіи... Между прочимъ онъ сообщалъ мнѣ нѣкоторыя свои воспоминанія изъ жизни въ Харьковѣ и изъ путешествія своего. И какъ живы эти воспоминанія!.. Какъ полно они встаютъ передъ нимъ со всей своей обстановкой, со всѣми образами, которые составляли не только группу, но и фонъ картины... И этотъ человѣкъ возстаетъ противъ философіи, и онъ не понимаетъ дарованія, если оно не погубило нѣсколькихъ лѣтъ надъ составленiемъ лексикона или разборомъ пары строкъ халдейскихъ словъ! Это удивляетъ меня...

И сколько доброты при этомъ. Сегодня онъ читалъ мнѣ письмо отъ какого-то Карпова, уѣзднаго учителя въ Могилевѣ, пропитывающаго своими трудами мать и сестру и просящаго у него работы. Срезневскому только показалось, что мало скромности у этого господина, и онъ не знаетъ, что съ нимъ дѣлать, чтобы найти возможность помочь ему и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжить его собственное развитiе, что для него, судя по письму, дѣйствительно—необходимо... Конечно, онъ ничего и не сдѣлаетъ для этого бѣднаго Карпова, кромѣ какого нибудь ничего не стоящаго совѣта,—но все-таки видна добрая душа въ этой заботливости, въ этой нѣжности, съ которой выражается его, хоть и титулярное участiе... Если бъ у него побольше характера, да получше направленiе, что бы за золотой человѣкъ вышелъ изъ него съ его умомъ живымъ и воспрiимчивымъ, съ его сердцемъ юнымъ и поэтическимъ...

Сегодня весьма ярко выразилась чистота его совѣсти.

Ванька прислалъ ему записку, въ которой приглашалъ его на другой день къ себѣ по одному служебному дѣлу и приписывалъ: «Предупреждаю васъ, что дѣло не важное и потому безпокоиться нечего. Противъ зависти, злобы и клеветы нужно вооружаться сознаніемъ своей правоты и вѣрнаго исполненія долга, по крайнему разумѣнію...» Это мнѣ напомнило явленіе дурака въ какой-то пьесѣ, который вдругъ, запыхавшись, вбѣгаетъ, какъ сумасшедшій, въ комнату и кричитъ благимъ матомъ: не пугайтесь!.. Женщина, которую онъ хотѣлъ такимъ образомъ *приготовить* къ какому-то извѣстію, падаетъ, разумѣвается, въ обморокъ. Приписка Ваньки встревожила, по нѣкоторымъ соображеніямъ, даже, меня, посторонняго дѣлу—а Срезневскій, прочитавъ записку, только что разсмѣялся улыбкой недоумѣнія, пожалъ плечами, положилъ бумагу на столъ, и черезъ четверть часа забылъ о ней... Весь день ни разу онъ не показалъ ни малѣйшаго признака безпокойства и не далъ мнѣ повода думать, что онъ помнитъ о зловѣщемъ приглашеніи...

11 Февраля. Оказалось, что Ванька звалъ Срезневскаго затѣмъ, чтобы показать ему статью, присланную для напечатанія въ «Сѣверную Пчелу», въ видѣ критики на «Извѣстія». Статья эта составляетъ выдержку изъ доноса, посланнаго Блудову на Срезневскаго. Какъ полагаютъ Дубровскимъ... Стоило же говорить такія громкія фразы!.. Я сегодня не поѣхалъ къ Татаринову на урокъ, чтобы заняться у Срезневскаго и кончить на масляницѣ проклятаго грѣшника. Кажется, это мнѣ удастся. Сколько-то получу я за этотъ мозольный трудъ!.. Неужели менѣе 100 рублей?.. Вотъ будетъ сюрпризъ-то!.. Признаюсь, судьба Филонова, получившаго за переписку всей рукописи 25 рублей, и сознаніе безцѣльности и глупости навязаннаго мнѣ труда—очень безпокоятъ меня.

Кляча.

Улица была пропитана туманомъ. Незамѣтная глазу, холодная влага осѣдала на лица прохожихъ, на усы, бороды и очки. Всѣ эти люди, куда-то торопливо бѣжавшіе, съ поднятыми воротниками и раскрытыми зонтиками, имѣли скучный, озлобленный или угрюмый видъ. Встрѣчаясь съ нашей процессіей, они снимали шапки и съ холоднымъ любопытствомъ осматривали: оборванныхъ факельщиковъ съ распухшими, красными, звѣрскими мордами, идущихъ парами, подобравъ подолы траурныхъ кафтановъ и шлепая дырявыми сапогами по лужамъ, пару лошадей въ черныхъ попонахъ, съ чехлами для ушей и съ огромными, страшными отверстіями для глазъ, черный, обшитый серебрянымъ позументомъ катафалкъ, на платформѣ котораго стоялъ бѣлый глазетовый гробъ, а на немъ жестяной зеленый вѣнокъ, и наконецъ, насъ всѣхъ, провожатыхъ—пятнадцать равнодушныхъ, немного скучающихъ, немного конфузящихся, обмокшихъ интеллигентовъ.

Въ этой процессіи, медленно ползшей по грязи, подъ сплошнымъ, мелкимъ, осеннимъ дождемъ, было что-то жалкое, подавляющее, ужасное. Мнѣ представлялось, что если-бы то̀, что было раньше бѣднымъ Пашкевичемъ, а теперь плавно колыхалось вмѣстѣ съ бѣлымъ глазетовымъ гробомъ на катафалкѣ, если-бы это холодное, уже тлѣющее тѣло могло какъ-нибудь выражать свои желанія, оно раньше всего потребовало бы: «Оставьте меня въ покоѣ, разойдитесь по домамъ, зачѣмъ играть эту страшную комедію?».

— Вы будете на могилѣ говорить рѣчь?—спросилъ я моего сосѣда по извозчику, публициста одной изъ мѣстныхъ газетъ, Васютина—маленькаго желчнаго человѣка, котораго я всегда любилъ за его великодушное, горячее сердце, скрывавшееся подъ напускнымъ цинизмомъ.

Онъ нервно поморщился.

— Конечно, не буду.

— Почему же?

Онъ съ досадою потеръ себѣ високъ, задергалъ углами рта и заговорилъ съ волненіемъ:

— Почему? А потому самому, что тамъ и безъ меня этихъ говорильщиковъ найдется пропасть... Ахъ, милый мой!—что за ужасъ, въ самомъ дѣлѣ, кроется въ этомъ похоронномъ обязательномъ лицемѣріи! Я напередъ знаю всѣ пошлости, которыя сейчасъ будутъ произноситься съ самымъ серьезнымъ видомъ. «Святое знамя искусства!.. Неугасимый огонь на священномъ алтарѣ поэзіи!.. Честный сѣятель на нивѣ просвѣщенія!.. Честный борецъ!.. Безвременная могила!.. Terra levis!». . Нѣтъ! если-бы я ужъ сталъ говорить, я бы дѣйствительно сказалъ имъ пару добрыхъ, теплыхъ словъ...

— Что бы вы имъ сказали, Антонъ Захаровичъ?

— А вотъ, что я имъ сказалъ бы... Всѣ мы, литераторы, веземъ впередъ нашу пресловутую «колесницу прогресса». Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но въ этомъ также нѣтъ и ничего удивительнаго. И волы, и ослы возятъ тяжести, потому что они послушны, упорны, выносливы и въ концѣ концовъ увѣрены, что за свой трудъ они найдутъ въ ясляхъ охапку сѣна... Но знаете-ли, что выйдетъ, если въ телѣгу, нагруженную булыжникомъ, запречь кровную арабскую лошадь? Благородное животное будетъ лѣзть изъ кожи, надорветъ спину, разобьетъ грудь, искалѣчитъ ноги и сдѣлается клячей. Тогда его выгонятъ въ поле околѣвать, и оно издохнетъ. А трудолюбивые волы дома еще долго будутъ жевать свое сѣно, возить тяжести и равнодушно отмахиваться хвостомъ, когда ихъ бьютъ по бокамъ палкой... И я бы кончилъ свою рѣчь такъ: «Милостивые государи! Пашкевичъ былъ талантливѣе насъ всѣхъ, здѣсь собравшихся... Это была избранная натура, нѣжная, возвышенная и пламенная. И хотя онъ, потерявшій всякую способность къ работѣ, терзаемый жестокимъ недугомъ, скончался, никѣмъ неоплаканный на грязной больничной койкѣ, я все-таки ему завидую».

— Вы его близко знали, Антонъ Захаровичъ?

— На что же еще ближе. Я былъ въ тотъ самый день въ редакціи, когда онъ принесъ свой дебютный разсказъ. Онъ краснѣлъ, бѣдняга, какъ дѣвочка, и заикался, объясняясь съ секретаремъ. Вы, конечно, сами понимаете, что мы на него глядѣли этакими матерыми зубастыми угрюмыми волками. Въ его фигурѣ и словахъ было что-то виноватое. Точно онъ совершилъ

какой-то несерьезный, дѣтскій поступокъ, надъ которымъ мы, жрецы печатнаго слова, должны будемъ разсмѣяться. Когда онъ бралъ свой первый гонораръ, на него было жалко смотрѣть. Мнѣ кажется, что именно съ такимъ видомъ человѣкъ совершаетъ свое первое воровство. Скажите мнѣ, сдѣлайте милость, отчего это я всегда самъ испытывалъ и на другихъ наблюдалъ эту странную неловкость у писателей при полученіи гонорара? Оттого-ли, что мы, русскіе, не созрѣли для печатнаго слова, или отъ сомнѣнія въ своихъ силахъ и, слѣдовательно, въ своемъ правѣ жить литературнымъ трудомъ? Или, можетъ быть, оттого, что въ нашей несуразной, печальной и бѣдной русской дѣйствительности профессія писателя кажется какой-то нелѣпой роскошью, почти забавой, почти шутовствомъ?..

Я отлично помню его первыя произведенія. Сколько въ нихъ было огня, яркости и смѣлой, почти дерзкой своеобразности. И какъ онъ работалъ надъ ними! Съ любовью, съ сомнѣніями, съ терпѣніемъ. И вотъ, подумайте-ка, что значитъ свойство истиннаго таланта: его рукописи и корректуры,—я говорю, конечно, о началѣ его карьеры,—были похожи на іероглифы, такъ они были исчирканы и переправлены, а читались его разсказы такъ легко, будто они были написаны въ одинъ присѣстъ, съ одного почерка.

Успѣхъ опьянилъ его, и онъ рѣшилъ отдать всѣ свои силы и самого себя литературѣ. То болото, въ которомъ мы съ вами барахтаемся, хрюкаемъ и квакаемъ, ему казалось храмомъ. Компанія бездарныхъ плагіаторовъ, избравшихъ литературу только потому средствомъ къ жизни, что у нихъ не хватало ни ума, ни знаній, ни даже простой грамотности для другихъ профессій, эти господа, рекламирующіе рестораторовъ и шансонетныхъ пѣвицъ, рисовались въ его чистомъ воображеніи борцами, подвижниками...

Нѣтъ, онъ ни разу не приложилъ руки къ позору газетнаго дѣла. Но мало-по-малу его произведенія стали принимать характеръ спѣшной работы. Нужно было жить. Вѣдь никто не накормилъ бы его обѣдомъ и не купилъ бы ему ботинокъ за одну только его талантливость... Онъ хватался за первую попавшую тему и часто начиналъ писать, не зная чѣмъ кончитъ.

Онъ писалъ на краешкѣ редакціоннаго стола, заваленнаго газетами, подъ шумъ, смѣхъ и телефонные звонки. И все-таки, несмотря на эту лихорадочную торопливость, порою въ его разсказѣ вспыхивала сладостная искра таланта, попадалось удивительное сравненіе, чувствовалось глубокое знаніе самой таинственной вещи въ мірѣ—русскаго языка...

Я знаю, иные беллетристы выдерживаютъ такое ужасное напряженіе цѣлыми годами. Но Пашкевичъ былъ въ этомъ отношеніи похожъ на тѣ великолѣпные, но черезчуръ нѣжные экзотическіе цвѣты, которые вянутъ безъ оранжерейнаго ухода, тепла и свѣта. Напрасно онъ прибѣгалъ къ вину и морфію. Черезъ полтора года послѣ перваго разсказа, онъ уже не могъ выжать изъ своего больного переутомленнаго мозга ни одного, даже самаго шаблоннаго сюжета.

А жить опять-таки было нужно. Къ тому же онъ женился. Знаете, такъ женился, какъ женятся всѣ эти талантливые безумцы, дѣти въ практической жизни... Какая-то бѣлошвейка, или шляпочница, или что-то въ этомъ родѣ... сосѣдство, темная лѣстница и, наконецъ, глупая... да, положительно, чортъ побери, глупая честность, какая-то дурацкая строгость къ самому себѣ... Эта красивая тварь, кажется, презирала Пашеквича всѣми силами своей низкой, мѣщанской душонки, презирала за его кротость и великодушіе, за его неловкость, малокровіе, непрактичность. Она дѣлала ему скандалы на улицахъ и обманывала его со всей мѣстной литературой. У нихъ рождались дѣти — писательскія дѣти: блѣдныя, золотушныя, рахитическія. Она кричала ему, на своемъ базарномъ жаргонѣ: «Вотъ они, твои дѣти, ты долженъ ихъ кормить, почему-же ты не пишешь? Садись сейчасъ-же за столъ и пиши!»

Ахъ, какъ онъ много писалъ въ то время, мой милый, кроткій Пашкевичъ! Онъ сдѣлался репортеромъ, фельетонистомъ-«злобовикомъ», воскреснымъ юмористическимъ поэтомъ съ риѳмами въ родѣ «образъ — разбивши лобъ разъ», судебнымъ и думскимъ хроникеромъ, корреспондентомъ изъ Лондона, Рима и Парижа... да мало-ли еще чѣмъ? Онъ пробовалъ писать даже передовыя статьи, но ему былъ труденъ этотъ спеціальный напыщенный языкъ, несравненно болѣе нелѣпый, чѣмъ языкъ полицейскихъ рапортовъ. Иногда онъ по цѣлому часу сидѣлъ въ безсильномъ отчаяніи, стараясь связать два предложенія, оба начинающіяся съ мѣстоименія «который».

— Ну, да что толковать, — воскликнулъ Васютинъ, съ озлобленіемъ и горемъ.—Извѣстная исторія: упадокъ силъ, чахотка, слѣпота, tabes... Въ четыре года сгорѣлъ человѣкъ до-тла, что называется. О, подлость!

Мы пріѣхали на кладбище. У всѣхъ были дѣланныя, торжественныя лица. Бросили по лопаточкѣ земли на гробъ. Могильщики торопились кончить.

Изъ толпы вышелъ высокій, плотный господинъ, въ pince-

nez, съ маленькой рыжей круглой бородкой на кругломъ лицѣ. Онъ оглянулся по сторонамъ, откашлялся и заговорилъ языкомъ плохихъ некрологовъ:

— Милостивые государи! Еще одна горестная утрата, еще одинъ честный борецъ сошелъ въ безвременную могилу... Покойный Пашкевичъ всегда высоко держалъ то святое знамя, подъ которымъ всѣ мы работаемъ на общественную пользу. Онъ сѣялъ «разумное, доброе, вѣчное»... И въ немъ никогда не угасалъ тотъ священный огонь, который...

— Ну что же?.. представленіе окончено?..—сказалъ Васютинъ съ сухимъ и злымъ смѣхомъ.—Сегодня его, завтра меня, потомъ васъ... Дурацкая шутка—человѣческая жизнь. Пойдемте-ка въ соловцовскій трактиръ ѣсть пироги съ ливеромъ.

И, отвернувшись отъ меня, онъ торопливо, въ два пріема вытеръ ребромъ ладони слезы на глазахъ...

А. Купринъ.

Н. А. Бѣлоголовый и Г. А. Джаншіевъ.

Изъ числа капиталовъ литературнаго фонда, образовавшихся путемъ изданій и продажи завѣщанныхъ въ его пользу сочиненій, два отмѣчены именами Н. А. Бѣлоголоваго и Г. А. Джаншіева. И тому, и другому по праву принадлежитъ мѣсто въ лѣтописяхъ фонда.

Многимъ извѣстный, въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ какъ опытный, искусный и безкорыстный врачъ, примыкавшій къ новой тогда Боткинской школѣ, Николай Андреевичъ Бѣлоголовый никогда не замыкался въ рамки своей спеціальности. Уроженецъ Сибири, онъ еще въ дѣтствѣ подпалъ подъ вліяніе жившихъ близъ Иркутска декабристовъ—братьевъ Борисовыхъ, Юшневскаго, Поджіо. Занятія и бесѣды съ ними углубили въ немъ гуманность, основы которой были заложены еще въ его родительскомъ домѣ. Благодаря имъ онъ горячо полюбилъ литературу. «Я пристрастился къ чтенію» — пишетъ онъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»,—«и эта страсть только возроставшая съ годами, доставила мнѣ въ жизни самыя чистыя и высокія наслажденія». Его дальнѣйшему развитію много способствовали годы ученья въ московскомъ университетѣ, озаренномъ послѣдними лучами звѣзды Грановскаго. Неудержимое влеченіе къ литературѣ,—гдѣ, не смотря на тягчайшія цензурныя условія, начинала выдвигаться цѣлая серія молодыхъ талантовъ,— вредило сначала изученію медицины, которой вмѣстѣ съ Боткинымъ посвятилъ себя Бѣлоголовый, только къ концу университетскаго курса ему удалось установить modus vivendi, примирявшій оба стремленія его натуры. И позже—въ Сибири, потомъ за границей, наконецъ въ Петербургѣ,—усиленная добросовѣстная профессіональная работа не мѣшала Бѣлоголовому увлекаться вопросами, чуждыми медицинской практикѣ и наукѣ. Эпоха бури и натиска, которую тогда переживала Россія, захватила

молодого врача и сдѣлала его на всю жизнь убѣжденнымъ прогрессистомъ. Его паціенты, если они принадлежали къ литературному міру, быстро становились его друзьями. Онъ былъ близокъ къ Некрасову, еще болѣе—къ Салтыкову. Его интересъ къ общественной жизни не только не ослабѣлъ, но сдѣлался еще болѣе глубокимъ, когда пошатнувшееся здоровье заставило его, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, поселиться за границей. Его скромный домъ на берегу Женевскаго озера имѣлъ особую притягательную силу для родственныхъ ему по духу, пріѣзжихъ изъ Россіи, всегда находившихъ у него не только медицинскую помощь, но и горячее сочувствіе къ ихъ дѣятельности. Въ это именно время онъ сошелся съ гр. Лорисъ-Меликовымъ, подобно ему и внѣ Россіи жившимъ ея жизнью и болѣвшимъ ея болѣзнями. Нѣсколько лѣтъ сряду онъ издавалъ въ Швейцаріи журналъ «Общее дѣло», занимавшій совершенно особенное положеніе среди тогдашнихъ органовъ нелегальной прессы. Его задача была сходна съ тою, которую много лѣтъ спустя поставило себѣ «Освобожден іе»: онъ мечталъ о соединеніи всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ и стремился не къ насильственному нис-проверженію, а къ мирному, по возможности, обновленію русскаго государственнаго и общественнаго строя. Обстоятельства времени не благопріятствовали такому стремленію: «Общее дѣло» прекратилось въ 1891-мъ году, не достигнувъ широкаго распространенія. Н. А. возвратился въ Россію безнадежно больнымъ— и передъ смертью ему еще разъ пришлось пережить крушеніе надеждъ на лучшее будущее. Онъ скончался осенью 1895-го года. Въ памяти всѣхъ его знавшихъ онъ остается однимъ изъ типичныхъ представителей того длиннаго ряда русскихъ людей, которые, принадлежа къ самымъ различнымъ профессіямъ и занимая самыя различныя положенія, не находили въ условіяхъ русской жизни достаточнаго простора для своихъ способностей и силъ. Это именно тѣ условія, подъ гнетомъ которыхъ дорогое Бѣлоголовому дѣло не могло стать *общимъ*, не могло даже быть поставлено на очередь, когда для него давно наступило время.

Какъ общественный дѣятель Григорій Аветовичъ Джаншіевъ былъ счастливѣе, чѣмъ Бѣлоголовый. Онъ поставилъ себѣ скромную задачу, но довелъ ее до конца. Въ одинъ изъ самыхъ мрачныхъ моментовъ русской жизни онъ рѣшился напомнить о той недавней ея порѣ, которая открывала заманчивыя перспективы и возбуждала несбывшіяся ожиданія. Онъ сдѣлался историкомъ «великихъ реформъ» какъ разъ въ то время когда началась систематическая ихъ ломка. Девизомъ своей книги онъ выбралъ слова поэта: «Чѣмъ

ночь темнѣй—тѣмъ звѣзды ярче». И дѣйствительно, чѣмъ больше сгущалась тьма реакціи, тѣмъ свѣтлѣе становится образъ учрежденій, осужденныхъ тогда на постепенное вымираніе или на насильственную смерть. Изображая весь ужасъ до-реформенныхъ порядковъ, всю ширину размаха, которымъ предполагалось съ ними покончить, и всю живучесть старины, слишкомъ скоро вновь вступавшей въ свои права или вовсе не поддававшейся уничтоженію, Джаншіевъ имѣлъ двоякую цѣль: противодѣйствовать ретроградному движенію, шедшему все болѣе и болѣе ускорявшимся темпомъ—и воскресить настроеніе, безъ котораго немыслимо было возобновленіе слишкомъ рано прерванной освободительной работы. И русское общество не осталось глухимъ къ призыву, въ прошедшемъ искавшему точку опоры для будущаго. Первое изданіе книги Джаншіева вышло въ январѣ 1892-го года, т. е. въ то время, когда изъ преобразованій Александра II не сохранилось въ цѣлости ни одного и все предвѣщало дальнѣйшую ихъ порчу. Въ зловѣщихъ признакахъ и тогда уже не было недостатка: центръ Россіи переживалъ тяжелое бѣдствіе, голодный годъ обнаружилъ прогрессирующее обѣднѣніе народа, надвигавшаяся холерная эпидемія вызывала опасную тревогу среди удерживаемыхъ въ невѣжествѣ народныхъ массъ,—но этого не видѣли и не хотѣли видѣть хвалители «истинно-русскихъ» начинаній. Показать открыто и прямо, къ чему ведутъ эти начинанія, было немыслимо: но можно было косвенно освѣтить ихъ смыслъ, путемъ контраста,—и это сдѣлалъ Джаншіевъ, напомнивъ, къ чему готовилась Россія тридцатью годами раньше. Сравненіе того, что ей предстояло, съ тѣмъ, что ее постигло, должно было говорить само за себя. Неудивительно, что уже черезъ два мѣсяца понадобилось второе изданіе книги Джаншіева, а за нимъ быстро послѣдовали другія, постоянно расширяясь, пополняясь новыми отдѣлами. При жизни Григорія Аветовича его книга выдержала семь изданій, а послѣ перехода ея въ собственность литературнаго фонда—еще три. И до сихъ поръ она столь же мало утратила свой интересъ, какъ и самая эпоха, которой она посвящена. Пока существовалъ старый порядокъ, эпоха великихъ реформъ служила ему какъ бы живымъ укоромъ. Теперь она важна для насъ не только какъ первый шагъ на пути, къ которому, наконецъ, возвратилась Россія: она заслуживаетъ и требуетъ изученія, потому что еще не вполнѣ возстановлено все созданное ею и разрушенное въ безвременье восьмидесятыхъ и девятидесятыхъ годовъ. Достаточно назвать мировой судъ и безсословное земство.

Одинаково высоко чтившіе литературу, любовь къ которой сблизила ихъ имена на страницахъ исторіи фонда, Бѣлоголовый и Джаншіевъ были близки одинъ къ другому и въ дѣйствительной жизни. Когда, послѣ смерти Бѣлоголоваго, вышли въ свѣтъ его воспоминанія и другія статьи, принадлежащія теперь литературному фонду, Джаншіевъ предпослалъ имъ горячо написанную правдивую характеристику своего друга. Между ними было много общаго. Они оба хорошо знали грѣхи и недуги старой Россіи, и оба рѣшительно порвали съ традиціей, видящей въ этихъ грѣхахъ заслугу русскаго народа, въ этихъ недугахъ — выраженіе его здоровыхъ силъ. Они оба вѣрили въ новую, будущую Россію, оба считали ея основой реформы шестидесятыхъ годовъ, оба признавали необходимымъ ихъ продолженіе и довершеніе, оба понимали громадную важность свободнаго печатнаго слова. И вотъ что достойно вниманія въ виду обостряющагося на нашихъ глазахъ ультра или псевдо-націонализма. Они оба были уроженцами окраинъ, не отдѣлявшими р о д и н у отъ о т е ч е с т в а, нѣжно привязанными къ первой и глубоко преданными послѣднему. Сибиряки, къ числу которыхъ принадлежалъ Бѣлоголовый, безспорно русскіе по происхожденію—но вѣдь это не ограждаетъ ихъ отъ подозрѣнія въ сепаратизмѣ. Джаншіевъ былъ армяниномъ, никогда не порывавшимъ связи съ своимъ народомъ и болѣзненно принимавшимъ къ сердцу его страданія—но много ли найдется чистокровныхъ русскихъ, которые больше чѣмъ онъ потрудились бы для блага Россіи?

К. Арсеньевъ.

Въ тихіе ясные дни.

Лебединая пѣснь.

Жизнь пройдена.

Пройденная жизнь!.. Когда эта мысль впервые пронеслась въ моемъ умѣ, это было немного жуткое чувство. Я зналъ въ жизни много радостей, но и еще больше страданій. Было много свѣтлыхъ надеждъ, но и еще больше мрачныхъ разочарованій. Жизнь пройдена—развѣ это не значитъ: конецъ надеждамъ-радостямъ!

Но и конецъ страданіямъ.

Жизнь пройдена—это еще не смерть, но это уже итоги.

И вотъ—первое жуткое чувство смѣняется чувствомъ небывалаго покоя. Въ этомъ новомъ чувствѣ есть что-то неизвѣданно прекрасное, передъ чѣмъ блѣднѣютъ всѣ другія былыя радости... Страданій больше нѣтъ—и не будетъ. Время сняло съ меня долгъ жизни, бремя жизни. Мнѣ дѣлается легко. Худо ли, хорошо ли, я исполнилъ свою жизненную задачу. Я жилъ: я любилъ и ненавидѣлъ, я бодрствовалъ, я не спалъ, я смотрѣлъ впередъ и шелъ туда, гдѣ передо мной горѣла путеводная звѣзда великихъ задачъ, великихъ начинаній, великихъ радостей всего міра, я неустанно шелъ туда, гдѣ сіяла божественность человѣческаго творчества.

Я не любилъ покоя, я никогда не искалъ нирваны,—а вотъ постигаю чувство радостнаго сознанія небытія. Бываютъ минуты, я чувствую, что мой духъ какъ будто уже отрѣшился отъ тѣла и видитъ его со стороны. Оно продолжаетъ жить, мое тѣло, жить обычной жизнью увядающаго человѣка, въ немъ по-прежнему продолжаютъ еще свою многообразную работу жизненныя силы, —почти такія же простыя, какъ свойства неодушевленной матеріи,—но мнѣ кажется, что отъ него уже, какъ плодъ отъ дерева, отдѣлилась достигшая здѣсь безсмертной зрѣлости частица

міровой души,—отдѣлилась и встала въ сторонѣ, въ ожиданіи, когда настанетъ часъ ея сліянія съ душой вселенной. Безсмертіе—плодъ достиженія.

Я испытываю это чувство раздвоенія съ особенной яркостью въ дни, когда вѣчно мятущаяся, неустанно творящая мать-природа, послѣ волненій и бурь, перемѣщеній и перетасовокъ, даетъ себѣ отдыхъ,—я испытываю это чувство въ тихіе, ясные дни.

Моему сердцу стала теперь ближе всего осень. Иду ли я полевой тропинкой по сжатой нивѣ, забреду ли я въ пестрѣющій багряными пышными красками лѣсъ, смотрю ли я на серебристое ледяное кружево вдоль берега медленно стынущей, точно засыпающей рѣчки, сижу ли я въ моемъ саду, наблюдая, какъ падаютъ съ деревьевъ пожелтѣвшія листья—беззвучно, безмятежно, безъ внѣшняго толчка, такъ неожиданно для меня, такъ своевременно, въ урочный часъ, для нихъ—какая тишина! Какая тишина вокругъ во всей природѣ, какая тишина во мнѣ. Какой покой!..

Мнѣ кажется, что въ эту минуту въ моей душѣ точно такъ отпадаютъ, какъ листья, былыя желанія, былыя мечты, былыя мысли. Завершается жизнь. Тихо, безмятежно, неотразимо приближается зима. Ничего не жаль. Хочется царственнаго покоя, снѣговой бѣлизны. Не думается о смерти, не думается объ умираніи. Этотъ покой—для меня—такія же свѣтлыя грезы, какъ грезы пережитого. Въ памяти вдругъ пронесется воспоминаніе о лѣтнихъ жаркихъ дняхъ, объ удушливомъ знoѣ. Грозовыя облака почудятся, тучи, громъ; небо, вспыхивающее пожаромъ; и наливающіеся колосья, и благоуханіе цвѣтовъ, и жужжаніе неутомимыхъ пчелъ. Вѣчная творческая жизнь природы.

Въ тихіе, ясные зимніе дни, на бѣломъ полѣ снѣговой равнины, воображеніе рисуетъ мнѣ порой всю красоту весны. И молодую свѣтлую зелень всходовъ, и благоуханіе распускающейся клейкой почки березы, и широкій разливъ рѣкъ, и крылатыхъ пѣвцовъ весенняго солнца, ликующихъ въ поднебесьи.

Въ тихіе, ясные дни мнѣ не страшна смерть,—нѣтъ, не то: въ тихіе, ясные дни я чувствую, что смерти нѣтъ. Есть вѣчная жизнь, мѣняющая оболочки и облики,—жизнь, не дающая ничему замереть въ неподвижности, и всему живущему открывающая въ свой чередъ величайшую тайну бытія: счастье отдохновенія, радость покоя.

Въ тихіе, ясные дни въ моемъ воображеніи развертывается весь путь, пройденный человѣчествомъ отъ хаоса до нашихъ дней. Въ моемъ сознаніи, отрѣшенномъ отъ личной жизни, отъ

волненій, отъ личныхъ горестей и радостей, этотъ путь представляется страшно труднымъ, неровнымъ, опаснымъ, какъ восхожденіе изъ пропасти по скалистымъ уступамъ на высокую, безконечно высокую гору, къ вѣчнымъ снѣгамъ, уходящимъ въ небо. Но зато и такимъ же красивымъ, какъ красивѣйшія горы, но зато и родящимъ въ душѣ отвагу, какъ титаническое восхожденіе къ недоступному.

Вглядываясь въ это восхожденіе, я на каждомъ шагу вижу ростъ міровой жизни, торжество мірового разума, расцвѣтъ міровой души. Каждое новое открытіе человѣческаго ума наполняетъ мою душу восторгомъ. Когда я вижу, что то, что нѣкогда было не только недостижимымъ или непонятнымъ, но было даже вовсе несуществующимъ и въ помыслахъ самыхъ смѣлыхъ умовъ, а теперь вотъ оно только открываетъ сознаніе возможности новыхъ, еще неизвѣданныхъ и несознанныхъ открытій,—тогда я мысленно съ благоговѣніемъ склоняюсь передъ величіемъ человѣка. Пройденъ тяжелый путь, быть-можетъ тягчайшая его стадія, а міръ видитъ человѣка все еще не останавливающимся ни передъ какими страданіями, ни передъ какими трудами и испытаніями, чтобы достичь невѣдомаго и непознаннаго и сказать самому себѣ:

— Нѣтъ непознаваемаго. Я—владыка земли—которому былъ когда-то страшенъ даже водный океанъ, казавшійся безпредѣльнымъ, я завоевалъ уже и океанъ воздуха. И я отдамъ еще тысячи лучшихъ жизней, чтобы овладѣть всей вселенной. Овладѣть всѣмъ, что казалось до нынѣ недосягаемымъ и недосягаемость чего теперь уже становится сомнительной! Пройдутъ вѣка, я буду тамъ, гдѣ теперь въ бездонной синей вышинѣ я вижу только сверкающія алмазнымъ блескомъ звѣзды. Я буду тамъ. И если не поднимется туда мое тѣло, я создамъ здѣсь, на землѣ, безсмертную душу, и пошлю ее туда. И если я и тамъ не найду вѣчно искомаго Вездѣсущаго Бога, такъ я найду его въ Себѣ Самомъ.

. . . .

Въ ясные тихіе дни, оглядываясь на пройденную жизнь, я не думаю о смерти, я чую Вѣчность и съ ней мою неразрывную связь.

Ал. Луговой.

---

* * *

Отчего боятся дѣти
И чего?
Эти сѣти имъ на свѣтѣ
Ничего.
Вотъ, усталые бояться,
Знаемъ мы,
Что ужъ близкія грозятся
Очи тьмы.
Мурава, и въ ней цвѣточки,
Желтъ, синь, алъ,
То не чортъ ли огонечки
Зажигалъ?
Волны бѣлой пѣной плещутъ
На песокъ.
Рыбки зыбкія трепещутъ
Здѣсь у ногъ.
Кто-то манитъ, тянетъ въ море.
Кто же онъ?
Тамъ, гдѣ волны на просторѣ,
Чей же стонъ?
Вы, читающіе много
Мудрыхъ книгъ,
Испытайте точно, строго
Каждый мигъ.
Ахъ узнайте, прослѣдите
Все, что есть,
И желанную несите
Сердцу вѣсть!
Нѣтъ, и, слыша вѣсти эти,
Не поймешь,
Гдѣ же правда въ нашемъ свѣтѣ,
Гдѣ же ложь!

Ѳедоръ Сологубъ.

Что дѣлалось на свѣтѣ въ годъ основанія литературнаго фонда?

Судьбѣ было угодно, чтобы осенью 1909 г., когда мнѣ пришлось участвовать въ пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ литературнаго фонда, ходъ моей работы надъ одною новою книгою по исторіи XIX в. подвелъ меня къ началу второй половины XIX в., и какъ-то сама собою у меня явилась мысль бросить общій взглядъ на то, что вообще дѣлалось на свѣтѣ въ 1859 г., когда было положно начало литературному фонду.

1859 годъ былъ въ исторіи далеко не зауряднымъ годомъ, т. е. не такимъ, когда жизнь течетъ по старому руслу и въ общемъ представляетъ собою то же, что было вчера и что готовится быть завтра. Въ исторіи бываютъ годы, которые можно назвать поворотными — отъ одного направленія, принятому жизнью, къ другому. Конечно, такіе годы могутъ приносить съ собою переходы отъ худшаго къ лучшему и наоборотъ, и въ великомъ календарѣ исторіи ихъ можно было бы отмѣчать или красною, или черною краскою. 1859 годъ былъ поворотнымъ отъ худшаго къ лучшему, былъ моментомъ, когда историческая жизнь, такъ сказать, сдвинулась съ мертвой точки, на какой ее держала печальной памяти реакція пятидесятыхъ годовъ.

Вспомнимъ, въ самомъ дѣлѣ, историческія событія середины XIX в. Тридцатые и сороковые годы, какъ извѣстно, были временемъ необычайно оживленнаго движенія въ сферѣ духовныхъ запросовъ и политическихъ стремленій во всей западной Европѣ, завершеніемъ котораго былъ бурный «сорокъ восьмой годъ», потрясшій главныя страны. Это была эпоха порывовъ къ политической свободѣ и въ особенности къ демократическимъ ея формамъ, эпоха развитія и распространенія соціализма въ его утопической фазѣ, эпоха философскаго радикализма лѣвыхъ гегельянцевъ, эпоха, наконецъ, цѣлаго ряда чисто національныхъ дви-

женій въ смыслѣ достиженія національностями раздробленными— единства, угнетенными—независимости, въ культурномъ отношеніи отсталыми—просвѣщенности. Въ эту пору вездѣ шла рѣчь объ обновленіи, возрожденіи, воскрешеніи, и ея отголоски слышались у насъ въ спорахъ западниковъ и славянофиловъ,—западниковъ находившихся подъ вліяніемъ демократическаго либерализма, соціализма, лѣваго гегельянства, славянофиловъ—подъ вліяніемъ націоналистическаго романтизма славянскаго возрожденія. Наступилъ «сорокъ восьмой годъ»: въ январѣ уже начались волненія въ Италіи, въ февралѣ произошла революція во Франціи, въ мартѣ вспыхнуло три съ половиною дюжинъ революцій въ Германіи, въ Австріи; кромѣ нѣмцевъ, пришли въ движеніе славянскія народности, мадьяры, румыны, и даже въ Англіи зашевелились чартисты и ирландцы. И потомъ еще это стало обрываться: уже въ іюнѣ 1848 г. былъ побѣжденъ парижскій пролетаріатъ, требовавшій соціальныхъ реформъ, и въ томъ же мѣсяцѣ подверглась бомбардировкѣ столица Чехіи, Прага, а въ октябрѣ подверглась той же участи и Вѣна, послѣ чего и въ Берлинѣ рѣшились объявить военное положеніе. Въ 1849 г. дѣло обновленія жизни пошло еще хуже: въ іюнѣ была подавлена попытка «красныхъ» произвести новую революцію, и въ томъ же мѣсяцѣ произошелъ разгонъ въ Штутгартѣ «охвостья» франкфуртскаго общегерманскаго парламента, причемъ одновременно было подавлено нѣсколько мѣстныхъ возстаній; въ августѣ сложила оружіе венгерская инсуррекціонная армія; кромѣ того въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы 1849 г. усмирены были и отдѣльныя части Италіи. Въ слѣдующемъ году побѣда реакціи была повсемѣстной, и ей оставалось уже додѣлать очень немногое для того, чтобы уничтожить послѣдніе слѣды «безумнаго» 1848 г. Республика, провозглашенная во Франціи февральской революціей, получила смертельный ударъ еще въ іюнѣ 1848 г., послѣ чего оставалось нанести ей только coup de grace, что и было сдѣлано государственнымъ переворотомъ 2 декабря 1851 г. Октроированная для Австріи въ 1849 г. конституція была въ сущности мертворожденной, и императорскій указъ 31 декабря 1851 г., ее отмѣнившій, въ сущности только похоронилъ остававшійся слишкомъ долго непохороненнымъ трупъ.

Пятидесятые годы были временемъ самой мрачной, безпросвѣтной реакціи. Всѣ политическія, соціальныя и національныя упованія «сорокъ восьмого года» потерпѣли самое рѣшительное пораженіе. Франція не только не улучшила своей конституціи, но даже утратила и ту свободу, какою пользовалась при Людовикѣ-Филиппѣ:

Наполеонъ III возобновилъ деспотическій режимъ своего дяди, сокрушителя политической стороны революціи 1789 г. Германія не получила общеимперской демократической конституціи, выработанной для нея въ 1849 г. франкфуртскимъ парламентомъ, и вернулась къ союзному строю, данному ей въ 1815 г. вѣнскимъ конгрессомъ. Въ ея отдѣльныхъ государствахъ отмѣнялись реформы, введенныя въ 1848 г., а въ иныхъ случаяхъ и конституціи, и только Пруссія сохранила свою, увидавшую, однако, свѣтъ только въ 1850 г., т. е. уже во время реакціи, а потому только прикрывшую собою прежній абсолютизмъ. Въ Австріи пятидесятые годы были поворотомъ даже ко временамъ католической реакціи, когда между ея правительствомъ и папствомъ былъ заключенъ конкордатъ, положившій конецъ всѣмъ реформамъ просвѣщеннаго абсолютизма конца XVIII в., на что не шла даже реакція 1815 и слѣдующихъ годовъ. Италія снова стала лишь «географическимъ понятіемъ», и въ ея отдѣльныхъ государствахъ, кромѣ одного Сардинскаго королевства, были отмѣнены конституціи 1848 г.

Вмѣстѣ съ политическими стремленіями потерпѣли пораженіе равнымъ образомъ стремленія національныя и соціальныя. Не удалось объединеніе ни Германіи, ни Италіи. Положеніе различныхъ національностей Австріи только ухудшилось: мадьяры, наприм., утратили свои вѣковыя національныя права; въ Прагѣ нѣкоторое время запрещалось издавать газеты на чешскомъ языкѣ, во всей имперіи Габсбурговъ царилъ германизаторскій централизмъ. Что касается до соціальнаго движенія, столь широко развивавшагося въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ и игравшаго такую роль въ 1848 г., то оно было какъ-бы на вѣки похороненнымъ въ теченіе всѣхъ пятидесятыхъ годовъ. Въ 1848 г. исполнилось предсказаніе Лоренца Штейна, что время чисто политическихъ революцій прошло и что слѣдующая революція будетъ соціальной, а въ пятидесятыхъ годахъ Рейбо, который первый еще въ концѣ тридцатыхъ годахъ показалъ въ одной книгѣ новыя соціальныя ученія, пророчествовалъ, что соціализмъ никогда не воскреснетъ: онъ такъ-де хорошо умеръ, что о немъ рѣчь можетъ идти лишь на заупокойныхъ мессахъ.

Въ эти мрачные годы чуть не единственнымъ убѣжищемъ свободы оставалась Англія, куда и должны были спасаться демократы и патріоты всѣхъ странъ: Луи Бланъ, Викторъ Гюго, Карлъ Марксъ, Мадзини, Кошутъ, Герценъ. Хотя въ Россіи 1848 годъ прошелъ безъ нарушенія порядка,—реакція свирѣпствовала и въ ней, и только во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ начался поворотъ къ лучшему. Одинъ изъ обычныхъ пріемовъ реакціи

всегда и вездѣ была борьба со свободною мыслью, порождавшая гоненія на литературу и науку; основаніе въ 1859 г. литературнаго фонда имѣетъ въ этомъ отношеніи большое симптоматическое значеніе.

Для Россіи 1859 годъ былъ кануномъ «шестидесятыхъ годовъ», эпохи великихъ реформъ, первою изъ которыхъ было освобожденіе крестьянъ. Въ исторіи послѣдняго этотъ годъ имѣлъ рѣшающее значеніе. Для нашей темы интересно, наприм., такое совпаденіе: 7 августа этого года состоялось высочайшее утвержденіе устава литературнаго фонда, а 8 августа Александръ II одобрилъ мнѣніе, выраженное въ одной поданной ему запискѣ и оказавшее вліяніе на дальнѣйшій ходъ дѣлъ. Въ томъ же году одинъ изъ членовъ—учредителей литературнаго фонда, Н. Г. Чернышевскій, незадолго передъ тѣмъ перешедшій въ своей искательской дѣятельности отъ вопросовъ литературы къ вопросамъ экономики и политики, написалъ свои лучшія статьи по крестьянскому вопросу. Да, годъ основанія литературнаго фонда былъ ближайшимъ образомъ кануномъ освобожденія крестьянъ: въ 1859 г. въ Россіи еще существовали крѣпостные, и самому литературному фонду еще пришлось хлопотать передъ помѣщикомъ Фліорковскимъ объ освобожденіи изъ крѣпостной неволи родни великаго малороссійскаго поэта Т. Г. Шевченки.

Впрочемъ, въ исторіи русской общественности 1859 годъ такъ рѣзко еще не выдѣляется изъ группы сосѣднихъ съ нимъ годовъ, какъ это можно сказать относительно 1859 г. на западѣ. Конечно, гаданіе о томъ, что было бы, если бы не было того-то и того-то или, наоборотъ, было бы то-то и то-то, никогда не можетъ давать исторіи безспорныхъ и прочныхъ выводовъ, а потому не можетъ подлежать научному рѣшенію и вопросъ, какое теченіе приняли бы у насъ «шестидесятые годы», если бы на западѣ все оставалось въ томъ видѣ, въ какомъ существовало въ предыдущемъ десятилѣтіи послѣ крушенія надеждъ и усилій «сорокъ восьмого года», если бы, именно, тамъ, на западѣ, не начался поворотъ, если не въ сторону полнаго осуществленія упованій и стремленій конца сороковыхъ годовъ, то, по крайней мѣрѣ, въ ихъ общемъ направленіи. Не подлежитъ только сомнѣнію, что продолженіе на западѣ общественной подавленности, политическихъ репрессій въ духѣ начала пятидесятыхъ годовъ и тому подобныхъ проявленій реакціи было бы обстоятельствомъ неблагопріятнымъ для нашего обновленія шестидесятыхъ годовъ. Вліянія, идущія изъ другихъ странъ на внутреннюю жизнь отдѣльныхъ націй, съ большимъ трудомъ иногда могутъ быть обна-

ружены и опредѣлены вслѣдствіе своей неуловимости, но едва ли и правительство, и общество въ Россіи конца шестидесятыхъ годовъ не учитывало въ своей дѣятельности тѣхъ извѣстій, которыя приходили изъ-за границы, тѣхъ событій и перемѣнъ, какія тамъ совершались. Я думаю, что это даже могло бы быть темою для интереснаго историческаго изслѣдованія, разъ вотъ уже два вѣка какъ мы живемъ подъ постояннымъ вліяніемъ еще болѣе возростающаго вліянія на насъ со стороны западноевропейскихъ народовъ. И свои реформы шестидесятыхъ годовъ мы совершали постоянно озираясь на западный примѣръ и опытъ: иначе, конечно, и быть не могло. (Кстати, и литературный фондъ вѣдь былъ созданъ по образцу англійскаго Literary Fund). Но, кромѣ этихъ опыта и примѣра, и общій ходъ дѣлъ на западѣ не могъ оставаться безъ вліянія у насъ на то, что въ старину называли «умонастроеніемъ», т. е. и на правительственные виды, и на общественныя стремленія. Извѣстно, что по крестьянскому хотя бы вопросу въ высшихъ сферахъ происходили колебанія, господствовала нерѣшительность, которая, несомнѣнно, только поддерживалась бы и впредь, если бы на западѣ продолжалась бы реакція, а съ другой стороны, мы хорошо знаемъ, какое возбуждающее значеніе для нашей общественной психики получила итальянская освободительная война 1859 г.,—тоже недурная тема для исторической работы.

Но эта самая итальянская война 1859 г. и на западѣ сдвинула политическій міръ съ мертвой точки реакціи: съ нея, этой войны, и началось исправленіе неудачъ 1848-49 гг.

Первымъ результатомъ войны 1859 г. было объединеніе Италіи, не удавшееся за десять лѣтъ передъ тѣмъ. Во главѣ этого національнаго дѣла стало Сардинское королевство, дважды, въ 1848 г. и 1849 г., побѣжденное Австріей, теперь, въ 1859 г., побѣдившее въ союзѣ съ Франціей Австрію. Въ серединѣ марта 1861 г., когда въ Россіи былъ объявленъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, первый итальянскій парламентъ провозгласилъ единое Итальянское королевство, на которое было распространено дѣйствіе сардинской конституціи 1848 г. Правда, не о такомъ объединеніи Италіи мечтали демократы 1848 г., но и они не могли не признать, что для итальянской націи это былъ шагъ впередъ, начало новой жизни.

Участіе Наполеона III въ итальянской войнѣ 1859 г. не могло пройти безслѣдно и для внутренней жизни Франціи. До 1859 г. одною изъ опоръ второй имперіи было католическое

духовенство, и союзъ Наполеона III съ клерикалами особенно характеризуетъ пятидесятые годы,—союзъ, начало которому было положено еще въ 1849 г., когда будущій императоръ французовъ, въ то время президентъ республики, помогъ возстановленію свѣтской власти папы въ Римѣ. Объединеніе Италіи не могло обойтись безъ ущерба для этой власти, что вызвало среди духовенства большое недовольство политикой Наполеона III, а это заставило его начать своего рода заигрываніе съ либеральными кругами общества, для чего прежде всего потребовалось смягченіе реакціи.

Большое вліяніе исходъ итальянской войны 1859 г. оказалъ и на нѣмецкую націю. Въ его передовыхъ кругахъ возродились стремленія 1848—49 гг., осенью же 1859 г. либеральные сторонники объединенія Германіи подъ гегемоніей Пруссіи образовали большое политическое общество—«Германскій національный союзъ» для пропаганды идеи «единой Германіи съ крѣпкими извнѣ и свободными внутри учрежденіями», при чемъ образцомъ для этого союза послужило аналогичное патріотическое общество въ Италіи, дѣйствовавшее съ успѣхомъ передъ 1859 г. Столѣтній юбилей Шиллера далъ лишь лишній поводъ для проявленія чувствъ, которыя въ теченіе десяти лѣтъ находились подъ запретомъ. Пруссія въ 1859 г. была популярна въ Германіи не только по памяти о 1848 г., когда на это государство возлагались надежды патріотовъ, но и потому, что принцъ-регентъ Вильгельмъ (будущій король и первый германскій императоръ), принявшій на себя правленіе въ концѣ 1858 г., нѣсколько смягчилъ прежній режимъ, что позволило говорить о «новой эрѣ». 1859 годъ, такимъ образомъ, и въ Германіи оказывается поворотнымъ.

То же значеніе онъ имѣетъ и въ исторіи Австріи. Пораженіе ея въ итальянской войнѣ 1859 г. имѣло для Австріи такой же результатъ, какой для Россіи получило пораженіе въ войнѣ съ коалиціей 1853—1856 гг. Уже въ манифестѣ объ окончаніи войны высказана была мысль о необходимости внутреннихъ реформъ, а въ 1861 г., въ одинъ годъ съ провозглашеніемъ итальянскаго королевства и крестьянскаго освобожденія въ Россіи, Францъ-Іосифъ октроировалъ своимъ подданнымъ конституцію.

Итакъ, 1859 годъ, дѣйствительно, былъ поворотнымъ въ исторіи Западной Европы. Въ сравненіи съ пятидесятыми годами, временами реакціи и застоя, шестидесятые повсемѣстно были эпохой движенія впередъ и осуществленія, хотя и не въ полномъ, а

въ урѣзанномъ видѣ, стремленій 1848 г. Шестидесятые годы были окончательной эпохой перехода Западной Европы отъ абсолютнаго къ конституціонному строю, временемъ возобновленія интенсивной политической жизни. Съ этимъ вмѣстѣ въ шестидесятыхъ годахъ возобновилось и соціальное движеніе, воскресъ и соціализмъ. Канунъ его новаго появленія на исторической аренѣ, 1859 годъ, ознаменованъ выходомъ въ свѣтъ книги Маркса «Къ критикѣ политической экономіи», являющейся преддверіемъ къ знаменитому «Капиталу». Въ это время имя самаго крупнаго соціалистическаго экономиста было еще очень мало извѣстно, но будущій «марксизмъ» какъ-разъ въ 1859 г. уже проявился съ достаточною яркостью, хотя бы это и не было понято современниками.

Въ исторіи, конечно, нѣтъ ничего случайнаго, поскольку все обусловлено дѣйствіемъ опредѣленныхъ причинъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сплошь и рядомъ въ исторіи бываютъ случайныя совпаденія въ смыслѣ, наприм., появленія въ одномъ и томъ же году, наприм., книгъ, между которыми нѣтъ никакой фактической связи, но которымъ было суждено играть большую роль въ исторіи. Конечно, внѣ всякой связи съ книгой Маркса, да и съ политическими событіями 1859 г., находится выходъ въ свѣтъ, въ томъ же 1859 г., книги Дарвина «О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора», книги, произведшей цѣлый переворотъ не въ одной біологіи, но и въ другихъ наукахъ, между прочимъ, и въ соціальныхъ, во всемъ теоретическомъ міросозерцаніи. Лѣтомъ 1909 г., когда въ Италіи праздновался юбилей начала національнаго объединенія, въ Англіи на празднованіе пятидесятой дарвиновской годовщины съѣхались представители науки изъ всѣхъ странъ цивилизованнаго міра: 1859 годъ совершенно случайно сдѣлался поворотнымъ и въ исторіи міросозерцанія.

Вотъ, что и въ этомъ отношеніи нужно отмѣтить. Революція 1848 г. и наступившая затѣмъ реакція нанесли ударъ философской спекуляціи прежняго времени, и съ пятидесятыхъ годовъ началось господство естествознанія, его вліяніе на все міросозерцаніе. Однимъ изъ первыхъ проявленій этого вліянія на гуманитарныя науки былъ выходъ въ свѣтъ, въ 1858 и 1859 гг., двухъ частей перваго тома «Исторіи цивилизаціи Англіи» Бокля, значеніе которой всѣмъ хорошо извѣстно. Конечно, что и Марксъ, и Дарвинъ, и Бокль выпустили свои книги именно въ 1859 г., является совершенно случайностью,—онѣ могли бы появиться и не въ одномъ и томъ же году, но не случайна одновременность появленія этихъ книгъ, въ болѣе широкомъ смыслѣ: въ нихъ вы-

разилось подведеніе итоговъ подъ все болѣе и болѣе созрѣвавшею для полнаго развитія своихъ силъ научною дѣятельностью, которую не могла остановить никакая политическая реакція. Въ серединѣ XIX в. произошло крушеніе метафизики и началось господство научнаго реалистическаго мышленія. Уже одни отмѣченные факты 1859 г. это хорошо показали.

Но и это еще не все о значеніи 1859 г. въ исторіи науки. Если бы историческому процессу можно было приписывать человѣческія свойства, вполнѣ позволительно было бы сказать, что онъ по какимъ-то невѣдомымъ намъ соображеніямъ нарочно выбралъ 1859 годъ для особенно важныхъ событій въ области научныхъ открытій. Въ 1859 г. Бунзенъ и Кирхгофъ открыли спектральный анализъ, получившій такое громадное значеніе въ астрономіи (астрофизика), въ химіи, въ медицинѣ и тоже внесшій свою долю въ разработку научнаго міросозерцанія. Одновременно, въ 1859—1860 гг., вышли въ свѣтъ «Элементы психофизики» Фехнера, которыми положено было начало цѣлой научной отрасли и оказано большое вліяніе на дальнѣйшую разработку психологіи.

Всѣ эти новыя идеи Кирхгофа, Дарвина, Фехнера, Бокля, Маркса внесли большое оживленіе и обновленіе въ науки о природѣ и человѣкѣ, какъ о неорганической, такъ и органической природѣ, какъ о психикѣ, такъ и общественности человѣка. Кое-что изъ того, что было обнародовано въ 1859 г., въ свое время прошло незамѣченнымъ (идеи Маркса), вліяніе другого оказалось не очень долговременнымъ (вліяніе Бокля), многое встрѣчено возраженіями, не сразу завоевало свое мѣсто среди научныхъ истинъ (теорія Дарвина), а иное сразу было признано и вошло въ научный обиходъ (спектральный анализъ), но во всѣхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ обновляющей умственной иниціативой. Не въ одной политикѣ, значитъ, былъ 1859 г. поворотнымъ, но и въ наукѣ.

На этомъ я и могу окончить свою историческую справку о годѣ основанія литературнаго фонда. Въ хорошемъ, счастливомъ году онъ явился на свѣтъ, и очень знаменитые у него оказались сверстники на свѣтѣ. Это былъ годъ перелома отъ худшихъ временъ къ лучшимъ, и литературный фондъ можетъ гордиться, что и онъ является памятникомъ, хотя и очень очень скромнымъ, въ сравненіи съ стоящими рядомъ съ нимъ великанами этого поворотнаго 1859 года.

Н. Карѣевъ.

Изъ переписки В. П. Острогорскаго.

I.

Письмо Тургенева.

10 октября 1879 г..

Милостивый государь
Викторъ Петровичъ.

Я кругомъ виноватъ передъ Вами: такъ давно не отвѣчалъ на Ваше письмо.—До нѣкоторой степени меня извиняетъ то обстоятельство, что на Вашъ серьезный запросъ мнѣ хотѣлось отвѣчать серьезно—и подробно:—вотъ я и откладывалъ со дня на день.—И на сей разъ я ограничусь нѣсколькими словами:—главное, мнѣ не хочется, чтобы Вы предположили во мнѣ недостатокъ вниманія къ Вашей полезной и почтенной дѣятельности.—Я прочелъ нѣсколько №-овъ присланнаго Вами журнала—и остаюсь вполнѣ доволенъ его направленіемъ и тономъ. Лучшаго журнала для дѣтей у насъ, конечно, на Руси нѣтъ и не было. Изъ сдѣланныхъ Вами мнѣ предложеній я принялъ второе: а именно—я постараюсь написать для Васъ разсказъ, посвященный дѣтямъ,—такъ какъ такого рода работа болѣе подходитъ къ тому, что я дѣлалъ до сихъ поръ.—Не могу сказать опредѣлительно, когда разсказъ этотъ будетъ готовъ: мыслей у меня въ головѣ на этотъ счетъ довольно—но дѣло это трудное вообще,—а для меня подавно, такъ какъ я почти совсѣмъ раззнакомился съ писаніемъ—да самый родъ работы для меня новый; однако, я не теряю надежды привезти съ собою что-нибудь (я прибуду въ Петербургъ въ 15-хъ числахъ декабря)—и тѣмъ доказать Вамъ то искреннее участіе, которое принимаю въ Вашихъ стремленіяхъ.—Я начинаю убѣждаться, что не имѣю еще права подать въ отставку и положить перо—и что оставшаяся

во мнѣ доля таланта еще можетъ быть употреблена съ пользою—хоть и на прежнемъ беллетристическомъ поприщѣ.

И такъ—до свиданья въ Петербургѣ—а, пока, прошу Васъ принять увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности.

Вашего покорнаго слуги Ив. Тургенева.

II.

Три письма Гончарова.

15 сентября 1887 г.

Мнѣ очень, очень жаль, многоуважаемый Викторъ Петровичъ, что меня вчера не было дома, когда Вы меня посѣтили, и что я не могъ лично поблагодарить Васъ за лестный и пріятный подарокъ и выразить мое живѣйшее сочувствіе и этому, и другимъ Вашимъ трудамъ, которые по справедливости высоко цѣнятся въ обществѣ, особенно юношествомъ, для котораго Вы такъ много сдѣлали и дѣлаете, указывая имъ пріятный и законный путь эстетическаго развитія.

Обращаясь къ Вашему критическому этюду обо мнѣ, скажу чистосердечно, что ставя меня на высокій пьедесталъ, на который я, про себя, въ душѣ и помыслахъ своихъ, никогда не претендовалъ, Вы поскупились на порицанія. А меня, когда случается мнѣ открыть ту или другую изъ моихъ книгъ, коробитъ иногда отъ тѣхъ или другихъ мѣстъ, которыя Вы снисходительно, вскользь, покрыли эпитетомъ скучныя, говоря про *Обрывъ* и *Обломова*. Мнѣ эти длинноты кажутся просто невозможными.

Вы совершенно вѣрно обозначаете неуклюжесть концепціи *Обрыва* неумѣлостью создать стройный архитектоническій планъ романа, а также растянутостью писанія его на многіе годы. Таже архитектоническая неуклюжесть отличаетъ и *Обломова*. Вообще мы, русскіе романисты, не мастера въ архитектоникѣ. Я даже иногда думаю: не двѣ ли это различныя стороны талантовъ, т. е., что однимъ дается умѣнье стройно, ловко и заманчиво созидать планъ, а другимъ, напротивъ, даются отдѣльныя части, детали, отдѣлка, а гармоніи въ цѣломъ нѣтъ, какъ у меня, да и у многихъ другихъ тоже. Можетъ быть, и Вы согласитесь съ этимъ.

Хоть большую часть, за исключеніемъ главы о женщинахъ, въ Вашей книгѣ я прочиталъ еще въ журналѣ *Дѣло*, но вчера я цѣлый день провелъ за чтеніемъ Вашей книги и сугубо наслаждался—и тѣмъ, что Вы сдѣлали честь заняться разборомъ моихъ

сочиненій, а также и Вашимъ тонкимъ умнымъ, глубокимъ анализомъ ихъ и щедро разбросанными въ книгѣ общими критическими взглядами вообще на насъ писателей и на изображаемыя нами эпохи русской жизни.

Вы въ этомъ этюдѣ освѣтили не меня только, но и себя самого, являясь и образцовымъ критикомъ, и лучшимъ нашимъ, серьезнымъ педагогомъ, у котораго есть чему научиться не одному юношеству.

Прошу, вмѣстѣ съ моею благодарностью, принять увѣреніе въ моемъ искреннемъ къ Вамъ уваженіи и преданности.

И. Гончаровъ.

Моховая № 3.

Январь, 1888 г.

Многоуважаемый Викторъ Петровичъ!

При этомъ препровождаю къ Вамъ три №№ журнала «Нива», въ которыхъ помѣщены мои новые очерки, подъ заглавіемъ *Слуги*.

Прошу Васъ обратить вниманіе на предисловіе къ 1-му очерку (Валентинъ). Ко мнѣ неоднократно обращали замѣчанія, иногда даже упреки, почему я въ своихъ сочиненіяхъ почти вовсе не касаюсь народной, собственно крестьянской жизни, тогда какъ отвожу много мѣста описаніямъ дворовыхъ людей.

Вы также вскользь, въ этюдѣ Вашемъ обо мнѣ (стр. 25), сдѣлали подобное же замѣчаніе.

Въ моемъ предисловіи къ очеркамъ я имѣлъ въ виду между прочимъ и Ваше замѣчаніе, а также и другихъ моихъ критиковъ по тому же предмету, и старался объяснить причину, почему обходилъ простой народъ молчаніемъ.

Надѣюсь, что Вы найдете мое объясненіе, вполнѣ оправдывающимъ меня въ томъ, что я не затрагивалъ никогда вопроса о крестьянахъ, ихъ нравахъ, бытѣ и нуждахъ и т. д.

Вмѣстѣ съ приношеніемъ очерковъ—примите увѣреніе въ моемъ искреннемъ почтеніи и преданности.

И. Гончаровъ.

Моховая, № 3.

P. S. Очень жалѣю, что не могу лично передать Вамъ эти очерки: я избѣгаю выходить изъ дома и даже принимать у себя въ эти холода. Бронхитъ не позволяетъ мнѣ много говорить.

Подожду, когда будетъ потеплѣе.

Многоуважаемый Викторъ Петровичъ!

Примите мое сердечное привѣтствіе въ день совершающагося двадцатипятилѣтія Вашей литературной и педагогической дѣятельности.

Очень жалѣю, что болѣзнь не позволяетъ мнѣ присоединить свой голосъ къ другимъ, которые лично явятся привѣтствовать Васъ въ этотъ знаменательный, какъ для Васъ самихъ, такъ и для всѣхъ насъ, день Вашего торжества.

Примите же заочно привѣтствіе и благія пожеланія поклонника Вашихъ дарованій и личнаго Вашего почитателя

Ивана Гончарова.

13-го октября 1889 г.

Сообщилъ **Н. В. Ельмановъ**.

Одна изъ многихъ.

Глава VIII и IX изъ ненапечатанной III-й части романа.

Романъ *Одна изъ многихъ* печатался въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1879 г. По условіямъ того времени оказалась нецензурною Ш-я часть романа, въ которой изображается стачка рабочихъ на заводѣ, гдѣ Нѣжинскій служитъ инженеромъ. По рѣшенію М. Е. Салтыкова въ „Отечественныхъ Запискахъ" появились двѣ первыя части романа, и Михаилъ Евграфовичъ собственноручно приписалъ заключительныя строки: „***На этомъ пока мѣстъ кончается повѣсть моихъ героевъ. Выдержала ли Ева, что сталось съ Нѣжинскимъ,—я постараюсь разсказать впослѣдствіи***".

Ш-я часть романа такъ и осталась въ рукописи, и мнѣ казалось умѣстнымъ дать отрывокъ изъ нея въ юбилейный сборникъ литературнаго фонда.

Авторъ.

VIII.

Медлительно, долго гроза собиралась надъ Утюжинымъ. То гремитъ и поблескиваетъ вдали, то припрыснетъ порывисто крупнымъ дождемъ—и вдругъ затихла какъ ни въ чемъ не бывало; Прояснетъ—и гроза уже убѣжала и подкралась совсѣмъ съ другой стороны. Къ концу второго дня тучи уже непрерывно, сосредоточенно и угрюмо проплывали надъ селомъ, словно имъ сейчасъ вотъ не до него, есть нужное, куда онѣ спѣшатъ,—но вернутся еще, вернутся и сюда.

Нѣжинскій, возвращаясь изъ одной изъ своихъ внезапныхъ и таинственныхъ отлучекъ, дѣлалъ нѣсколько верстъ подъ дождемъ и сильнымъ вѣтромъ и уже къ вечеру почувствовалъ себя простуженнымъ. Хворалъ онъ рѣдко и каждый разъ Еву охватывалъ какой-то безразсудный страхъ. Всѣмъ своимъ существомъ въ такія минуты она ощущала глушь и оторванность отъ «настоящей человѣческой жизни» этого дикаго угла на границѣ Азіи.

На этотъ разъ и самъ Нѣжинскій переносилъ нежданную напасть съ раздражительнымъ нетерпѣніемъ: не такое время, чтобы валяться на диванѣ съ острой головной болью и ломотой во всѣхъ членахъ! Грачево не выходило у него изъ головы; что-то творится тамъ? Отъ Натальи Ивановны не было вѣстей.

«Спасибо хоть помощницы вѣрной дождались во-время», подумалъ онъ не одинъ разъ, ничего не подозрѣвая о внезапномъ и такъ оскорбительно поразившемъ Наташу объясненіи ея съ Евой. Не подозрѣвалъ онъ, что впервые Наташа уѣхала въ Грачево съ тяжелымъ сомнѣніемъ на сердцѣ: и въ самомъ дѣлѣ, имѣла ли она нравственное право явиться сюда по первому зову своего бывшаго жениха!?

Давно уже молодымъ супругамъ не приходилось проводить столько времени вмѣстѣ. Евѣ какъ-то странно даже быть не одной въ цѣломъ домѣ, не ждать, не встрѣчать, не провожать мужа, пряча тоску, стыдясь своей тревоги.—Измученная, изголодавшаяся любовь ея рванулась къ отдыху самовольно, не спрашиваясь разсудка. И послѣднюю безразсудную выходку свою она только забыть хотѣла бы! Отъ неожиданнаго уюта и мира этого его недомоганья въ мятежной душѣ росла страшная мольба: пусть такъ будетъ!

—«Если онъ думаетъ еще объ этомъ!»—прибавляла Ева съ горечью, боясь поддаться соблазну.

Она убѣдилась бы. что онъ думаетъ, еслибъ уловила одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, какими мужъ провожалъ ее. Грусть и жалость свѣтились въ серьезныхъ глазахъ.

На третій день Нѣжинскій уже чувствовалъ себя гораздо лучше. Онъ больше не лежитъ, ей не нужно сидѣть неподвижно цѣлыми часами, чтобы не нарушить его тяжелой дремоты. Ева собиралась съ силами. Давно ужъ мужъ не видалъ ее такой нѣжной и кроткой и какъ-то горестно веселой—точно она силится удержать что-то ускользающее, не зная сама; что ее ждетъ... Точно она хотѣла быть прежней счастливой Евой, показать ему, что-она можетъ быть прежняя, что отъ нихъ самихъ зависитъ вернуть блаженство первыхъ мѣсяцевъ, ничѣмъ не омраченныхъ. На дворѣ бушуютъ дождь и буря—тѣмъ лучше: имъ никто не помѣшаетъ.

Своими обжигающими бѣглыми поцѣлуями, взглядами, гдѣ переливались мольба и задоръ и страдальческая вѣра, что не можетъ же онъ въ самомъ дѣлѣ не простить вину любви ея,— Ева добилась того, что и въ душѣ Нѣжинскаго стало

расти странное волненіе. Въ душѣ, обезсиленной нездоровьемъ, оставленной безъ привычнаго суроваго надзора... Но, нѣтъ! онъ ужъ спохватился:

—«Все собирается!.. все живетъ въ будущемъ!» думаетъ онъ, слушая ея мечты, какъ имъ устроить жизнь, когда здѣсь «будетъ кончено» и они выберутся наконецъ изъ Утюжина.

Онъ хмурится на знакомую неотразимую прелесть этого одушевленія, которое страшно сломить, какъ боязно тронуть чудный нѣжный цвѣтокъ на тонкомъ стеблѣ.

А ей ужъ кажется—вотъ рухнетъ, разлетится въ прахъ страшная стѣна, неудержимо за послѣдніе мѣсяцы выроставшая между ними! Можетъ быть, можно и такъ... Нѣтъ надобности каяться ему въ темной накипи, замутившей измученную душу? О, да!.. безъ словъ выплакать на его груди, выплакать всѣ безразсудныя муки малодушія и ревности...

Вдругъ изъ кухни донесся стукъ... Топотъ тяжелыхъ шаговъ... Голоса.

— Кто то пришелъ!—проговорилъ встревоженно Нѣжинскій и, вскочивъ съ дивана, отстранилъ жену.

Ева машинально пошла за нимъ. Въ дверь сосѣдней столовой осторожно просунулась невысокая фигура рабочаго, намокшая и забрызганная грязью.

— Михайло, кажется,—не сразу разглядѣлъ инженеръ въ несвѣтлой комнатѣ.

— Есть. Къ вамъ, Михаилъ Константиновичъ. Верхомъ сестрица ваша послала. Погода вишь, не приведи Господи! Сейчасъ я...

Рабочій разстегнулся и несразу добрался до записки, сохранно запрятанной отъ дождя.

Нѣжинскій ушелъ въ кабинетъ, чтобы прочесть записку у окна. Ева замерла, скрытая выступомъ буфета. Все кончено! Утюжино вошло въ ея собственный домъ и вырвало его у нея въ ту минуту, когда она могла еще вернуть его. Надежда разомъ превратилась въ увѣренность.

— Ступай, на кухнѣ обогрѣйся хоть малость. Я сейчасъ соберусь. Лодка твоя?

— Братъ со мной. Одному не управиться.

— Скажи, пожалуйста, пускай Иванъ для меня лошадь засѣдлаетъ, не тащиться по такой грязи,—говоритъ озабоченно Нѣжинскій. Говоритъ такимъ памятнымъ, ей не принадлежащимъ ни однимъ своимъ оттѣнкомъ.мучительно-чужимъ голосомъ.

— Миша, въ эту погоду?! больной!.. Ея голосъ безсильный,

осипшій—не тотъ, что только что ворожилъ о счастьѣ. Онъ не видитъ ея лица.

— Ты же понимаешь, сама что ѣхать необходимо,—отвѣтилъ онъ не сразу, немилосердно перерывая бѣлье въ ящикѣ комода. — Я сегодня здоровъ. Гдѣ тутъ платки? Найди, пожалуйста.

Теперь онъ видитъ бѣлое застывшее лицо съ черными кольцами, отъ которыхъ остро блестятъ свѣтлые глаза.

— За рѣку въ такую бурю... ночь! Почему непремѣнно сегодня?

Нѣжинскій черезъ плечо писца записку, написанную карандашемъ наспѣхъ почеркомъ Наташи:

«М. К. Пріѣзжайте сейчасъ. Приказчика избили въ кабакѣ. Поджигаютъ добраться до нѣмца, послано за Козеновичемъ. Обѣщала вызвать васъ».

Все спуталось въ умѣ Евы. Буря, болѣзнь только что угрожавшая ему, безформенная темная угроза того, что медленно вырастало за рѣкой... чтобы въ такую бурную ночь хлынуть и затопить жалкіе осколки ея счастья.

— Миша... Миша!.. Отецъ Василій? Онъ здоровъ по крайней мѣрѣ!.. Пусть ѣдетъ отецъ Василій.

На мигъ темные глаза остановились на ея лицѣ. Мучительныя иронія открыто исказила его черты. Ева со стономъ зажала руками лицо.

У двери въ послѣднемъ взрывѣ слѣпого отчаянія женщина схватилась за его пчечо.

— Я никогда... никогда.,. не удерживала тебя... Миша!.. Вѣдь никогда... Ради всего святого до завтра!.. Я... я съ ума сойду... —обрывался безумный шопотъ.

Съ короткимъ жесткимъ смѣхомъ онъ оторвалъ цѣпкіе тонкіе пальцы.

— До перваго рѣшительнаго случая?! Чего другого можно было ждать... Я, я виноватъ самъ непростительно!.. Приведи себя въ разумъ какъ-нибудь, Ева Аркадьевна!

. . . .

Гроза собрала наконецъ всѣ свои полчища, развернула въ генеральной битвѣ. Большое раскинутое Утюжино точно сжалось и принизилось, отдавшись на волю побѣдителя. Со всѣхъ покатостей неслись мутные ручьи, во всѣхъ ямахъ плескались озера, бѣлые гребни неслись и кружились по черной рѣкѣ.

Даже отецъ Василій, не обращавшій никогда вниманія на погоду, сегодня не рисковалъ выйти навѣстить больного Нѣжинскаго и съ самаго обѣда сидѣлъ въ узкой горенкѣ, носящей гром-

кое имя кабинета. О внезапномъ отъѣздѣ инженера никто не извѣстилъ его. Столъ, накрытый старенькой клеенкой и уставленный простенькими писменными принадлежностями, да выцвѣтшими дагеротипными портретами; нѣсколько стульевъ съ жесткими кожанными подушками и небольшой шкафъ, пестрѣющій за стекломъ книжными корешками—все это стояло на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, какъ при жизни его отца. Только и было перемѣны, что большое кожанное кресло отца Іоанна перенесено въ комнату Пелагеи Митрофановны, а у стѣны поставлена узкая кровать съ ситцевыми розовыми подушками подъ старымъ отцовскимъ байковымъ одѣяломъ.

Про Утюжинскаго попа Василія говорилось въ округѣ, что удался онъ ни въ мать, ни въ отца—а въ родную тетку свою, въ молодыхъ годахъ постригшуюся въ сосѣднемъ бѣдномъ монастырѣ. Въ дѣтствѣ Василій видѣлъ ее всего одинъ разъ, высокую монахиню съ худымъ суровымъ лицомъ. Она положила ему на голову жесткую руку и такъ тяжело уставилась строгими черными глазами, что Вася вдругъ заморгалъ черными рѣсницами и спрятался за стуломъ отца. Оканчивая семинарію, Василій два раза навѣстилъ тетку; въ первый разъ по ея настоятельной просьбѣ, а вторично уже по собственному побужденію. Долго въ маленькой кельѣ матери Илларіи длилась задушевная бесѣда—не тетки съ племянникомъ, а готовящагося къ посвященію въ санъ юноши съ больной старой монахиней, ушедшей изъ жизни еще раньше его лѣтъ. На разставаньѣ монахиня благословила его стариннымъ кипарисовымъ распятіемъ. Распятіе всегда виситъ надъ изголовьемъ отца Василія и въ нарочно заказанномъ футлярѣ сопровождаетъ во всѣхъ его не частыхъ поѣздкахъ въ городъ.

Отецъ Василій облокотился на подоконникъ и въ тяжоломъ раздумьи смотрѣлъ на улицу. Дождь какъ будто затихалъ —только вѣтеръ буйствовалъ по прежнему и, ударяя по лужамъ, уносилъ тучу брызгъ и бросалъ ими въ окно, словно для того, чтобы ввести въ заблужденіе и подольше задержать людей по домамъ.

Въ сосѣднемъ зальцѣ Митроша бѣгалъ и хохоталъ, играя съ котенкомъ. Пелагея Митрофановна на кухнѣ наблюдала за тѣмъ какъ кухарка ставитъ тѣсто, раздражаясь, какъ водится, каждымъ недостаточно проворнымъ и ловкимъ движеніемъ. Пелагея Митрофановна первая и увидала кухарку Нѣжинскихъ, пробирающуюся по грязи къ церковному дому, накинувъ на голову ватную кофту.

«Чего еще надо? угомону на нихъ нѣту!» — проворчала сердито попадья.

— Ноги обтирай хорошенько! ноги!..—накинулась она, едва распахнулась дверь.—Кто у васъ помирать собрался, что въ такую страсть погнали? Народецъ! Хозяинъ пса не выгонить, а у нихъ все шашнямъ конца нѣту!

— Подай сюда!—рванула матушка письмо изъ рукъ прислуги, и не помышлявшей сопротивляться.—Какая надобность Евѣ Аркадьевнѣ съ отцомъ Васильемъ переписываться? Что за фамильярность такая съ духовнымъ лицомъ!

Конвертъ запечатанъ сургучной печатью. Смертная охота заглянуть въ письмо, но на такую дерзость, чтобы сломать печать, не хватало даже и отваги Пелагеи Митрофановны.

Побившись напрасно съ допросомъ инженеровой «важнюги», Пелагея, дѣлать нечего, отправилась въ кабинетъ.

— Письмо тебѣ отъ инженерши.

Сама выглядываетъ зорко, не отдавая конверта.

— Гдѣ же оно? Дай сюда.

— Нѣтъ, скажи на милость, съ какихъ это поръ у васъ переписка завелась? Мало еще видаетесь каждый у Бога день,— такъ наше вамъ!.. Записочки секретныя пересылать вздумала! Что ты, офицеръ для нея, что ли!

— Стыдилась бы вздоръ такой молоть, мать-попадья. Видно нужно что-нибудь, коли пишетъ. Не одни секреты, а всякое письмо печатается.

— Ну и дай мнѣ его прочитать, коли не секретъ!—объявила рѣшительно жена.

— Да и ты впрямь рехнулась, должно быть, мать?—неподдѣльно опѣшилъ священникъ.

— Женѣ не грѣхъ знать, что такое ея мужу чужая женщина пишетъ. Кого хочешь спроси, въ нашемъ быту не стать такимъ замашкамъ! Хочу знать, вотъ и весь сказъ!

Глубокая борозда на лбу отца Василія обозначилась рѣзче, лицо потемнѣло.

— Я не хочу этого. Слыхала, Пелагея? Отдай сейчасъ!

Онъ ближе шагнулъ къ ней.

— Не отдамъ же, коли такъ!—взвизгнулъ звонкій голосъ молодой попадьи; она поспѣшно перекинула за спину обѣ руки, сжимая въ нихъ конвертъ.—Сама погляжу, правду ли говоришь. Богъ одинъ знаетъ, что тамъ у нихъ затѣвается! Ты хошь бы сана своего побоялся якшаться съ ними. Какая еще дѣвица припожаловала?! Съ чего это пріѣзжей дѣвицѣ по заводамъ шататься пона-

добилось? Люди тоже не слѣпые и не глухіе живутъ! Попадешься ты съ ними, попъ, въ хорошую кашу, давно я тебѣ твержу!

Она металась передъ нимъ на двухъ шагахъ пространства, захлебываясь, брызгая слюной, пронзая сверкающими злобой зелеными глазками подъ разлетающимися характерными бровями.

— Не выводи меня изъ себя! ну?—грозно крикнулъ священникъ и удержалъ за плечо попытку ускользнуть за дверь.

Борьба длилась съ минуту. Пелагея пустила въ ходъ даже свои острые мышинные зубы,—но конвертъ очутился въ рукѣ отца Василія, съ оторваннымъ небольшимъ уголкомъ.

Ничего на этомъ клочкѣ не прочла она, жадно расправивъ измятую бумагу.

Бѣлый, съ тяжко вздымающейся грудью, священникъ прочелъ письмо, высоко держа его въ предупрежденіе новыхъ покушеній.

Минуты двѣ спустя послѣ ухода отца Василія, Пелагея Митрофановна надѣла бурнусъ и платокъ на голову и вышла слѣдомъ за нимъ.

IX.

Что бы ни случилось въ Грачевѣ, инженеръ долженъ вернуться въ срокъ, чтобы не обнаружить съ полной очевидностью своей роли въ нарастающихъ событіяхъ. Такого промаха Нѣжинскій не могъ себѣ позволить въ самую опасную для дѣла минуту.

Ева знала это одно: пережить ночь—совладать какъ-нибудь... къ утру онъ будетъ дома...

Но что въ этомъ для отчаянія, разрывавшаго ея душу! Мало-помалу страхъ за него заглушался все растущимъ сознаніемъ полнаго непоправимаго крушенія. Никогда, ничѣмъ она не изгладитъ навсегда ее заклеймившаго презрѣнія, не вернетъ его уваженія. Нѣтъ, она не хочетъ тѣшить себя надеждой! Не этотъ одинъ день—часъ—нѣтъ! Изъ его сверкавшаго сарказмомъ лица, изъ презирающихъ глазъ глянуло давнее: то, что онъ въ свою очередь пряталъ отъ нея, что выросло неумолимо за три года ихъ жизни...

Онъ не способенъ пожалѣть ее. Только пожалѣть за муку и простить, что въ ея сердцѣ живетъ любовь къ нему одному. Онъ даже понять этого не можетъ! Любовь къ одному—да она то

развѣ смѣла сознаться въ этомъ открыто, гордо, съ упоеніемъ, какъ говоритъ себѣ самой? Нѣтъ, она трусливо хитрила, стараясь замаскировать, поддѣлываясь, какъ раба. Она не смѣетъ любить попрежнему. Когда сама больше не можетъ вѣрить тому, что борьба его когда-нибудь станетъ также и ея дѣломъ. ...«Я обманула тебя!» —шептала Ева, обезсиленная, умѣя только одно въ этой пыткѣ: отчаянными незакрывающимися глазами смотрѣть въ бездну.

...Неужели въ самомъ дѣлѣ могло это быть, что она пламенно вѣрила въ свои силы?.. О, да! неслась на крыльяхъ, не помышляя обмануть. Но Боже, чѣмъ, чѣмъ же это оказалось въ дѣйствительности? Быть готовой каждую минуту безропотно и безбольно потерять его—свою жизнь! Жизнь отдать, не жертвуя ею, какъ онъ—*отдать* и жить... Зачѣмъ?.. къ чему жизнь безъ него? Нѣтъ, столько и онъ знаетъ, долженъ знать: у кого отняли жизнь... тотъ можетъ только умереть. Умереть...

Такъ проходила ночь.

Потянулся новый мертвый день. Минутами Ева путалась, не понимая: ночь надвигается, какая это ночь?—Ночь-пытка, когда она разстается съ жизнью, неужели же никогда, никогда не кончится? Нѣтъ—день былъ. Онъ ничѣмъ не задержался въ смутной памяти. И она забывалась, давая этому страшному дню проходить, не въ силахъ сосредоточить мысли.

Вдругъ ярко, какъ вспыхнувшее пламя, очнувшееся сознаніе освѣтило все: Нѣжинскій не вернулся къ сроку.

Утонулъ?! Погибъ въ попыткѣ удержать расходившіяся страсти?! Арестованъ въ тюрьмѣ?!

Сутки прошли какъ въ могилѣ: никто не зашелъ въ инженерный домъ, не принесъ вѣстей. Люди сказали, что съ той стороны никто не переплывалъ сегодня. Передъ ея взоромъ узкіе черные рыбачьи челноки и ревущая пелена бушующей широкой рѣки. Онъ умеръ. . . . .

. . . .

Отецъ Василій нашелъ Еву Аркадьевну одѣтой, чтобы ѣхать въ Грачево. Священникъ пришелъ въ ужасъ. Онъ успокоивалъ, какъ умѣлъ, доказывая все безразсудство ея намѣренія. Ясно дѣло, что Михаилъ Константиновичъ задержался не даромъ. Отецъ Василій умолялъ ее подумать о томъ, какъ она встревожитъ и разсердитъ мужа своимъ появленіемъ.

Ева не давала ему договорить: ей ужъ не страшно разсердить Михаила Константиновича,—знать она должна, что тамъ случилась!

— Мнѣ все равно... вы это можете понять? Не тратьте же словъ напрасно, я васъ умоляю!..

Нѣтъ, онъ ничего не понималъ и рисовалъ переправу черезъ рѣку въ такую бурю, когда она и въ тихую погоду боится лодки.

— Все равно. Для меня все кончено. Я больше не могу выносить—не могу, не могу!

— Ева Аркадьевна! Повѣрите вы мнѣ, если я поклянусь именемъ Всевышняго, что съ мужемъ вашимъ ничего не случилось?—сказалъ съ глубокимъ волненіемъ торжественно священникъ.

— Вы не пророкъ, отецъ Василій, за что вы еще пытаете меня? Ну, какъ хотите... Я возьму кого нибудь. Темнѣетъ—больше не могу ждать.

Отецъ Василій по своему личному опыту давно зналъ, что женщину нельзя образумить. Но прелестная супруга Нѣжинскаго казалась ему какимъ-то особеннымъ существомъ и онъ совершенно терялся, какія разсужденія надо приложить къ этому случаю. Онъ началъ одѣваться, потому что Ева стояла уже одна на крыльцѣ, пробуя раскрыть дождевой зонтикъ.

Ближайшая дорога къ переправѣ идетъ деревней, но священникъ по разнымъ соображеніямъ повелъ Еву огородами. Ноги вязли въ размокшемъ навозѣ, скользили на размытой глинѣ, спотыкались въ канавы и ямы. Ева сейчасъ же выбилась изъ силъ и отъ отчаяннаго напряженія не замѣчала, что темнѣетъ, не обращала вниманія на возобновившіеся раскаты грома. Точно и тамъ, вверху, кто-то гнѣвно спорилъ, осуждая ея несчастную жизнь.

Отецъ Василій старался выбирать дорогу въ этомъ морѣ воды и грязи и освѣдомлялся боязливо, очень ли Ева Аркадьевна озябла и промочила ноги?

— Я задыхаюсь! Я вся мокрая!—бросала она нетерпѣливо.

Эта милая красавица всегда возбуждала въ немъ тревожное чувство: не то безотчетнаго покровительства и боязни за нее, не то недовѣріе къ самоувѣренной правотѣ достойнѣйшаго Михаила Константиновича. И вотъ, онъ долженъ былъ взять на свою отвѣтственность переправить ее за рѣку, въ бунтующее Грачево! Смущеніе отца Василія еще усиливалось отъ неосторожныхъ намековъ, вырывавшихся у молодой женщины. Давно ужъ онъ прозрѣвалъ семейную драму...

Священникъ постучался въ тускло свѣтившееся окошко одной изъ рыбачьихъ хатъ, лѣпившихся на самомъ берегу.

Въ избѣ стукнуло, и свѣтъ заслонила темноватая фигура.

— Это ты, Федоръ?—окликнулъ священникъ.

— Вы это, батюшка?.. Что за оказія по такой погодѣ... Въ избу, въ избу пожалуйте! Отопру сейчасъ.

Отецъ Василій ввелъ Еву въ избу, гдѣ ихъ обдало жаромъ и чадомъ отъ горящаго въ глиняной плошкѣ сала.

— Ты одинъ?—спросилъ священникъ.

— Братъ спитъ.

Плечистый молодецъ, съ падающей до бровей густой шапкой свѣтлыхъ волосъ, съ недоумѣніемъ косился на барыню, опустившуюся въ изнеможеніи на лавку.

— Узнавъ, въ чемъ дѣло, рыбакъ поскребъ въ затылкѣ и отвѣтилъ не сразу.

— Дюже качать не стало бы? Не съ привычки хошь кому. Вишь не уймается который день—какъ вотъ на зло!..

— Знаю, знаю самъ, милый. Ничего не подѣлаешь!.. Такъ подошло.

— Ваше дѣло. Намъ чтожъ, не впервой,—тянулъ хмуро Федоръ, словно онъ надѣялся, не образумится ли отецъ Василій.

Ева сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

Отецъ Василій предпочиталъ не будить брата.

— Чего вдвоемъ не справиться,—какъ угодно,—соглашался все также нехотя молодой рыбакъ.

Федоръ шагнулъ въ лодку и разостлалъ рогожу на мокрой скамейкѣ. Священникъ попробовалъ, крѣпко ли лежитъ доска, и подалъ руку Евѣ.

Вся похолодѣвшая, она широкими глазами смотрѣла на несущіеся бѣлыя гребни. Ухватилась за руку и поспѣшно сдѣлала первые шаги, но земля сейчасъ же выскользнула изъ подъ ногъ, вмѣсто земли хлынула черная рѣка съ бѣлой пѣной! Лодка отплыла безъ нея!..

— Ева Аркадьевна!.. Вы сами теперь видите—это невозможно!.. Вы не можете!—умолялъ священникъ въ ужасѣ.

Вѣтеръ рвалъ его широкіе рукава, развѣвалъ и путалъ темные волосы, распахивалъ длинныя полы. Концы платка били Еву по лицу, платье закрутилось вокругъ ногъ. Одинъ Федоръ сидѣлъ ужъ на своемъ мѣстѣ и укрѣплялъ уключины.

Федоръ прыгнулъ назадъ на берегъ, они вдвоемъ подняли Еву въ лодку и усадили на скамейку. Она судорожно впилась коченѣющими пальцами въ доску и не отрывала глазъ отъ несущихся, обгоняющихъ, обдающихъ брызгами валовъ. Видѣть, видѣть... Знать тотъ мигъ, когда со свистомъ и грохотомъ они опрокинутъ ныряющую черную скорлупу...

Когда лодка была на серединѣ рѣки, Ева больше ужъ не чувствовала страха. Странное смертельное равнодушіе наплывало изъ таинственной ревущей бездны. О! ей все равно соскользнуть въ эту холодную бездну, ужь захватившую безвозвратно безъ удара, безъ боли... Холодъ!.. Конецъ, конецъ... Кончится нестерпимая сосущая боль, какъ будто все, что внутри, сейчасъ вырвется изъ груди разорвутся жилы... Скорѣе конецъ!.. Онъ умеръ...

Закоченѣвшіе пальцы разжались. Ревъ рѣки и вой вѣтра все глуше... какъ будто она отдѣлилась отъ рѣки. Глаза ничего не различаютъ. Только рѣдкія синія вспышки. И только опять бѣлыя змѣи пляшутъ вокругъ лодки, кидаютъ въ глаза холодную влагу. Здѣсь онъ умеръ!

Спутники Евы такъ поглощены своимъ дѣломъ, что имъ не до нея. Федоръ давно снялъ кафтанъ, шапку, горячій потъ смѣшивается съ холодными брызгами на его лицѣ и плечахъ. Лодка подвигается страшно медленно, подолгу бьется на одномъ мѣстѣ, ее тащитъ теченіемъ и сильнымъ боковымъ вѣтромъ. А казалось, будто съ ужасающей быстротой она взлетаетъ на гребни и летитъ въ провалы.

Священникъ, потный и горячій, всей силой навалился на руль. Мелькала одна мысль: а ну, коли руль не выдержитъ?..

— Никакъ это лодка? Глянь-ка!—рѣшился сказать отецъ Василій; онъ давно уже напряженно приглядывался къ темному пятну, то исчезавшему, то снова проступавшему въ смутной полутьмѣ. Рыбакъ оглянулся.

— Наши плывутъ! Кому быть!—крикнулъ онъ радостно и съ остервенѣніемъ запрокинулся на весла.

Только теперь отца Василія поразила мертвенная неподвижность Евы, не измѣнившей позы и при этой радостной вѣсти.

— Ева Аркадьевна! плывутъ!.. Наши, должно быть! Что̀ такое съ вами? Ахъ, Господи...

— Говорилъ, что закачаетъ. Руля, руля не пускайте, батюшка, рази можно!—крикнулъ Федоръ властно на инстинктивное движеніе священника.

Фигура женщины вся склонилась впередъ отъ толчка качнувшейся лодки.

— Тутъ гдѣ ужъ... дай Богъ выгрести! Свалиться некуды, окромя въ лодку,—добавилъ рыбакъ извиняющимся голосомъ за свой окликъ.

Въ жизнь свою отецъ Василій не терялся такъ, какъ въ эту минуту. Хрупкое изнѣженное существо казалось до такой

степени непохожимъ на обыкновенныхъ женщинъ, что измѣрить опасности онъ не могъ. Можетъ опасно заболѣть—можетъ быть, тутъ и умретъ у нихъ на глазахъ?

— Съ кажнымъ бываетъ съ непривычки, пройдетъ какъ на землю вынесемъ... Трое и есть! Наши!

Священникъ что было силы крикнулъ имя Нѣжинскаго и сталъ махать носовымъ платкомъ.

— Откликаются!.. Неужто не слышите?.. Во, во—машутъ!

Какъ сквозь сонъ Ева слышала крики, возню, чувствовала толчки. Услыхала явственно одинъ голосъ Нѣжинскаго, но это не сдѣлало на нее никакого впечатлѣнія. Жизнь выливалась изъ нея въ огромную рану во всю грудь.

Она не знала, какъ долго бились гребцы, пока удалось подвести лодки такъ близко, чтобы Нѣжинскій могъ перешагнуть въ ихъ лодку. Она соскользнула наконецъ въ пучину, которой давно отдала себя.

Ольга Шапиръ.

1879 г.

Неизвѣстная эпиграмма Пушкина.

Изучая варіанты къ «Евгенію Онѣгину» по рукописямъ Румянцевскаго музея *), въ одной изъ тетрадей 1825 года (Муз. № 2370), на той же страницѣ, которая начинается черновыми стихами изъ 4-й главы знаменитаго романа: «Нѣтъ, я не созданъ для блаженства» и пр., я нашелъ хотя и перечеркнутую, но довольно четко написанную эпиграмму, которая оставалась до сихъ поръ незамѣченною читателями пушкинскихъ рукописей. Привожу ее съ тѣми поправками, которыя нанесены на этой неотдѣланной окончательно черновой самимъ поэтомъ:

Припадками болѣзни женской
Словесность Русская больна:
Лежитъ въ истерикѣ она
И бредитъ языкомъ мечтаній,
И хладный между тѣмъ зоилъ
Ей Каченовскій застудилъ
Теченье мѣсячныхъ изданій.

Послѣдній стихъ эпиграммы подчеркнутъ Пушкинымъ.

П. Морозовъ.

---

*) Благодаря любезности С. А. Венгерова, я пользуюсь принадлежащими ему фотографическими снимками съ Пушкинскихъ рукописей музея.

Изъ воспоминаній Н. В. Шелгунова.

Дополненія къ изд. 1895 г. „Сочиненій“ Н. В. Шелгунова т. II. На поляхъ обозначены страницы этого изданія, а въ скобкахъ—страницы первоначальнаго, болѣе полнаго изданія, изъ котораго сдѣланы исключенія по требованію цензуры.

Къ стр. 615 (631).

...Поляки были на цѣлую голову выше насъ. Они ужъ думали, а мы только шалили, они кое-что видѣли, а мы только маршировали.

Съ поступленіемъ поляковъ наши интересы облагородились и расширились. Начались политическіе разговоры. Это случилось, конечно, не сразу и даже не въ первый годъ, а ужъ по выпускѣ, въ первомъ офицерскомъ классѣ. Тутъ у насъ было больше досуга для разговоровъ и разсужденій.

Къ стр. 641 (656).

Въ арміи Гарибальди было немало русскихъ, не только мужчинъ, но и женщинъ. Въ одномъ изъ сраженій былъ взятъ въ плѣнъ адъютантъ Гарибальди и заключенъ въ крѣпость. Черезъ два дня онъ былъ бы разстрѣлянъ. Надо было его спасти. Гарибальди устроилъ все для его побѣга; нужно было его предупредить и передать записку. Но какъ это сдѣлать? Гарибальдійцевъ къ нему не пропускали, а нужно было найти человѣка, который бы не возбудилъ подозрѣній. Взялась за это русская (А. Н. Якоби). Она отправилась къ коменданту, всѣми святыми умоляла его о послѣднемъ свиданіи, расплакалась и комендантъ, не устоявъ противъ слезъ молодой, красивой женщины, разрѣшилъ свиданіе. Когда передъ Якоби открылись двери тюрьмы, она, не давъ опомниться заключенному, кинулась на него съ открытыми объятіями, начала цѣловать его и сунула ему за шею записочку. Ни Якоби, ни адъютантъ не знали раньше другъ друга, и сцена послѣдняго прощанья обманула не только тюремщиковъ, но, вѣроятно, и самихъ прощавшихся. Черезъ два дня адъютантъ убѣжалъ. Конечно, Якоби рисковала не ради національнаго чувства, да я и не говорю о качествахъ или свойствахъ идей и порывовъ, а говорю о свойствахъ общественнаго на-

строенія того времени. Припоминаю еще, что изъ одной финляндской деревни, въ которой стояли русскіе уланы, въ одно прекрасное утро исчезъ русскій офицеръ; послѣ него остался
Къ стр. 657. чемоданъ съ военной формой. Загадочное исчезновеніе офицера заставило много говорить, называли и фамилію его, но никто не зналъ, куда онъ дѣлся. Такъ эта исторія и замолкла Въ апрѣлѣ 1863 года я былъ заключенъ въ Алексѣевскій равелинъ. Не успѣлъ я еще хорошенько основаться въ новой для меня обстановкѣ, какъ сосѣдъ съ правой стороны началъ вызывать на разговоръ энергическимъ стучаніемъ. Изъ неукротимости, съ какою сосѣдъ барабанилъ въ стѣну, я понималъ, насколько онъ желаетъ установить сношеніе, а потому-то и не отвѣчалъ ему. Послѣ нѣсколькихъ дней безплодныхъ вызываній на разговоръ сосѣдъ стучать пересталъ. Такъ прошло мѣсяца три-четыре. Разъ меня привезли въ судъ. Въ первомъ залѣ, въ ожиданіи допроса, стояло уже нѣсколько человѣкъ и между ними, у противоположной мнѣ стѣны, молодой артиллерійскій офицеръ, а рядомъ съ нимъ два часовыхъ съ ружьями (у меня были такіе же ассистенты). Для меня до сихъ поръ остается секретомъ, какимъ наитіемъ офицеръ этотъ узналъ, откуда я; но, порывисто отдѣлившись отъ стѣны, онъ быстрымъ, военнымъ шагомъ, подошелъ ко мнѣ въ упоръ, и вотъ нашъ разговоръ, который кончился прежде, чѣмъ часовые успѣли прійти въ себя.

— Въ которомъ №?—спросилъ меня офицеръ.

Я отвѣтилъ.

— Чернышевскій сидитъ въ такомъ-то №.

— А кто со мной рядомъ?—спросилъ я артиллериста, проникнувшись уваженіемъ къ его авторитетному всезнанію.

— Бейдеманъ. Вы за что?

Я отвѣтилъ.

— А вы?

— За то-то.

И такъ же порывисто офицеръ повернулся и сталъ между своими часовыми.

Какъ только я вернулся къ себѣ, я самымъ энергическимъ и дружескимъ образомъ сталъ стучать сосѣду. Онъ оказался не злопамятнымъ и отозвался. Когда прошелъ первый порывъ обмѣна чувствъ, сосѣдъ, сдѣлавъ короткую паузу, ударилъ въ стѣну одинъ разъ «тукъ»; затѣмъ, черезъ паузу, два раза—«тутъ·тукъ», потомъ три раза. Я понялъ, что сосѣдъ учитъ меня азбукѣ, пріостановилъ его, взялъ карандашъ и бумагу, затѣмъ опять вызвалъ его и записалъ всю азбуку, которую онъ мнѣ простучалъ.

Сосѣдомъ оказался тотъ самый офицеръ Бейдеманъ, который такъ таинственно исчезъ изъ Финляндіи. Онъ убѣжалъ къ Гарибальди, сражался за освобожденіе Италіи, но былъ схваченъ, арестованъ и заключенъ въ Алексѣевскій равелинъ. Въ 1863 году Бейдеману было 23 года. Въ 1864 г. меня освободили такъ внезапно, что я не успѣлъ проститься съ Бейдеманомъ и не знаю ничего объ его дальнѣйшей судьбѣ.

Для характеристики времени разскажу о стремительномъ артиллерійскомъ офицерѣ. Это былъ подпоручикъ или поручикъ К., отданный подъ военный судъ за распространеніе прокламацій. Способъ К. былъ даже наивенъ по своей простотѣ. Онъ запасся, не знаю, гдѣ и какими прокламаціями и, проѣзжая по почтовой дорогѣ по подорожной на почтовыхъ, раздавалъ прокламаціи ямщикамъ и оставлялъ ихъ въ станціонныхъ домахъ. Свойство листковъ, конечно, сейчасъ же выяснилось, взглянули въ книгу для записыванія подорожныхъ и К. арестовали на слѣдующей станціи.

Къ стр. 656—58.

IX.

Къ стр. 647 (664).

Въ эту вторую поѣздку я пробылъ за границей годъ, изъ котораго четыре мѣсяца провелъ съ Михайловымъ: мѣсяцъ въ Парижѣ, мѣсяцъ въ Лондонѣ и затѣмъ опять въ Парижѣ.

Съ Михаиломъ Ларіоновичемъ Михайловымъ познакомилъ меня тоже Пекарскій (они были земляки). Пекарскій въ моей жизни сыгралъ роль «случая», но я былъ гостепріимнѣе того сказочнаго крестьянина, который не отворялъ случаю двери, когда тотъ стучался. Не припомню точно, когда я познакомился съ Михайловымъ, но къ концу крымской войны мы уже были знакомы очень близко.

Разсказавъ въ «Семейной хроникѣ» исторію Куролесова, С. Т. Аксаковъ прибавляетъ: «безъ сомнѣнія, скоропостижная смерть Куролесова повела бы за собою уголовное слѣдствіе, если бы въ Парашинѣ не было въ конторѣ очень молодого писца, котораго звали также Михаиломъ Максимовичемъ и который только недавно былъ привезенъ въ Чурасово. Этотъ молодой человѣкъ, необыкновенно умный и ловкій, уладилъ все дѣло»... Затѣмъ авторъ ставитъ двѣ строки точекъ и продолжаетъ: «Впослѣдствіи онъ былъ повѣреннымъ, главнымъ управителемъ всѣхъ имѣній и пользовался полною довѣренностью Прасковьи Ивановны (вдова Куролесова). Подъ именемъ Ми-

хайлушки онъ былъ извѣстенъ всѣмъ и каждому въ Симбирской и Оренбургской губерніяхъ. Этотъ замѣчательный умный и дѣловой человѣкъ нажилъ себѣ большія деньги, долго держался скромнаго образа жизни, но, отпущенный на волю послѣ кончины Прасковьи Ивановны, потерявъ любимую жену, спился и умеръ въ бѣдности. Кто-то изъ его дѣтей, какъ мнѣ помнится, вышелъ въ чиновники и, наконецъ, въ дворяне».

Замѣчательно умный и дѣловой человѣкъ, извѣстный всѣмъ и каждому въ двухъ губерніяхъ, былъ дѣдъ Михаила Ларіоновича Михайлова; но онъ умеръ не потому, что спился на волѣ, а вотъ почему. Послѣ смерти Прасковьи Ивановны Михайлушка былъ отпущенъ на волю, но вольная была сдѣлана не по формѣ. Этимъ воспользовались наслѣдники и всѣхъ уволенныхъ Прасковьей Ивановной, въ томъ числѣ и Михайлушку, опять закрѣпостили. Дѣдъ Михаила Михайлова протестовалъ, за что его заключили въ острогъ, судили и высѣкли, какъ бунтовщика. Вотъ отчего онъ умерь; очень можетъ быть, что онъ и запилъ, но уже, конечно, не оттого, какъ объясняетъ Аксаковъ (крестьяне были Аксаковыхъ), что Михайлушка «держался скромнаго образа жизни», пока былъ крѣпостнымъ, и разбаловался на свободѣ. «Вышелъ въ чиновники, а потомъ и въ дворяне» отецъ М. Л. Михайлова, бывшій потомъ управляющимъ Илецкой соляной защитой.

М. Л. Михайловъ получилъ хорошее домашнее воспитаніе. У него было три гувернера: ссыльный полякъ (тогда Илецкая защита была ссыльнымъ мѣстомъ), нѣмецъ и французъ Шевалье, жившій у Михайловыхъ съ женой и сыномъ. По обычаю тогдашняго времени, каждый долженъ былъ служить, и отецъ пристроилъ Михаила Ларіоновича на службу въ нижегородское соляное правленіе. Но молодой Михайловъ (ему было тогда 16 лѣтъ) думалъ другую думу, да и русская судьба должно быть хотѣла создать ему другую будущность, хотя и по тому же горному вѣдомству (Михайловъ умеръ въ Кадаинскомъ рудникѣ, въ 50 верстахъ отъ Нерчинскаго завода, въ августѣ 1865 года 36 лѣтъ).

Литературная жилка сказалась въ М. Л. Михайловѣ рано и, какъ большинство писателей, онъ началъ стихами, которые сталъ писать чуть ли не ребенкомъ. Первое его печатное стихотвореніе явилось въ 1847 г. въ «Литературной Газетѣ» Зотова, который Михайлова очень обласкалъ и къ В. Р. Зотову Михайловъ чувствовалъ всегда самое теплое, признательное чувство. Второю вещью была повѣсть въ прозѣ: «Адамъ Ада-

мовичъ». Эта повѣсть была напечатана въ пятидесятыхъ годахъ въ «Москвитянинѣ» Погодина, въ томъ «Москвитянинѣ», о которомъ Герценъ сострилъ, что въ Москвѣ издается только одинъ журналъ, да и тотъ «Москвитянинъ». Михайловъ писалъ много, даже большіе романы, но лучше «Адама Адамовича», въ которомъ онъ далъ художественный портретъ своего добродушнаго гувернера-нѣмца, онъ не написалъ ничего. Въ этой повѣсти какъ бы вылилось все, что накопилось въ душѣ Михайлова за время его счастливаго и спокойнаго дѣтства, когда онъ былъ окруженъ лаской и любовью; собственно, это не художественный образъ нѣмца-гувернера, привязаннаго всѣми силами души къ своему маленькому воспитаннику, а выраженіе той свѣжести, искренности, гуманности и любви, которыми былъ полонъ самъ, Михайловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ «Адамъ Адамовичъ» былъ тѣмъ роковымъ первымъ опытомъ, который навсегда рѣшилъ судьбу Михайлова. Извѣстно, что человѣкъ, написавшій хоть поллиста съ несомнѣннымъ успѣхомъ, становится писателемъ. То же случилось и съ Михайловымъ. Одобренія и похвалы только подняли то, что уже таилось на днѣ его души и ждало лишь толчка. Михайловъ оставилъ нижегородское соляное правленіе и на гонораръ, полученный изъ «Москвитянина», пріѣхалъ въ Петербургъ,—въ тотъ заманчивый, магнитный Петербургъ, который всегда тянулъ къ себѣ всѣхъ даровитыхъ людей увлекательными мечтами о широкой дѣятельности, извѣстности и славѣ.

Въ Петербургѣ Михаилъ Ларіоновичъ поступилъ вольнымъ слушателемъ въ университетъ и на первой лекціи встрѣтилъ студента, обратившаго на себя его вниманіе. Студентъ былъ въ поношенномъ форменномъ сюртукѣ.

— Вы, вѣрно, на второй годъ остались?—спросилъ Михайловъ студента.

— Нѣтъ, а это вы насчетъ сюртука?—отвѣтилъ студентъ.

— Да.

— Такъ я старенькій купилъ.

Студентъ этотъ былъ Н. Г. Чернышевскій (пишу со словъ Михайлова).

Когда я познакомился съ Михайловымъ, онъ хотя и не былъ начинающимъ литераторомъ, но его литературная физіономія не выяснилась еще вполнѣ. Самъ Михайловъ считалъ себя беллетристомъ и, кажется, мало цѣнилъ себя, какъ переводчика и знатока иностранной литературы. А другого подобнаго знатока тогда не было. Михайловъ былъ ходячей библіографіей иностранной литературы и не было въ англійской, нѣмецкой и француз-

ской литературахъ такого беллетриста или поэта, которыхъ бы онъ не зналъ. Какъ переводчикъ Михайловъ, можно сказать, оставилъ вѣчное наслѣдіе и любимымъ его поэтомъ былъ Гейне, конечно, потому, что у Михайлова былъ тотъ же душевный складъ, тѣ же переходы отъ серьезнаго настроенія къ внезапной ироніи или шуткѣ и тотъ же острый, тонкій умъ, умѣвшій схватывать оттѣнки мыслей и чувствъ. Михайловъ облюбливалъ или вещи съ гражданскими мотивами, или такія, гдѣ глубокая мысль разрѣшалась внезапной злой ироніей. Для примѣра приведу *Вопросы.* У полночнаго, пустыннаго моря стоитъ грустный юноша и проситъ волны разрѣшить ему загадку жизни, надъ которой съ сотворенія міра думало много головъ и ничего не разрѣшило что есть человѣкъ? откуда пришелъ онъ? куда онъ пойдетъ? и кто тамъ, надъ нами, на звѣздахъ живетъ?

Волны журчатъ своимъ вѣчнымъ журчаньемъ;
Вѣетъ вѣтеръ; бѣгутъ облака;
Блещутъ звѣзды, безучастно-холодныя...
И дуракъ ожидаетъ отвѣта!

Можно сказать, что безъ Михайлова Россія не знала бы многихъ произведеній европейскихъ поэтовъ. Михайловъ же перевелъ и «Пѣснь о рубашкѣ» Томаса Гуда. Некрасовъ, знавшій людей и умѣвшій находить тѣхъ, которые ему были нужны, пригласилъ Михайлова вести въ «Современникѣ» отдѣлъ иностранной литературы.

Михайловъ былъ небольшого роста, тонкій и стройный. Онъ держался нѣсколько прямо, какъ всѣ люди небольшого роста. Въ его изящной фигурѣ было что-то такое, что сообщало всѣмъ его манерамъ и движеніямъ стройность, грацію и какую-то опрятность. Это природное изящество сообщалось Михайловымъ всему, что онъ носилъ. Галстухъ, самый обыкновенный на другихъ, на Михайловѣ смотрѣлъ совсѣмъ иначе, и это зависѣло оттого, что Михайловъ своими тонкими, «умными» пальцами умѣлъ завязать его съ женской аккуратностью и изяществомъ. Самый обыкновенный сюртукъ, сшитый самымъ обыкновеннымъ портнымъ, принималъ на Михайловѣ стройный, опрятный видъ, точно съ иголочки (въ лучшія времена Михайловъ шилъ платье у портныхъ французовъ). Это происходило просто отъ чистоплотности и физической порядочности. Михайловъ не былъ красивъ: маленькіе, узкіе, вкось, какъ у киргиза, разрѣзанные глаза и блѣдно-смуглый цвѣтъ лица имѣли что-то восточно-степное, оренбургское; а приподнятыя и загнутыя дугой брови придавали его лицу своеобразную оригинальность. Но именно эта-то ори-

гинальность лица и гармонировала со всей его фигурой; казалось, что фигура его была бы совсѣмъ другою, если бы у него было другое лицо. Ему нужно было дѣлать усиліе бровями, что бы открыть глаза; отъ этого и вся фигура его получала какой-то приподнятый видъ, точно усиліе бровей приподнять вѣки приподнимало и всего его самого. И это-то некрасивое лицо свѣтилось внутренней красотой, лучилось успокаивающей кротостью и мягкостью, чѣмъ-то такимъ симпатичнымъ и женственно-привлекающимъ, что Михайлова нельзя было не любить. И его всѣ любили. Въ незлобивой натурѣ Михайлова было слишкомъ много нервности чисто женской, его было легко огорчить и вызвать на глазахъ слезы. Но огорченія его обыкновенно быстро смѣнялись веселымъ настроеніемъ, и вообще Михайловъ, какъ всѣ люди живого темперамента, отличался порядочной долей легкомыслія. Я говорю это не въ смыслѣ порицанія, потому что легкомысліе не есть недостатокъ; оно—красивая принадлежность извѣстныхъ натуръ, дѣлающая ихъ болѣе привлекательными. Часто легкомысленные бываютъ пустыми и глупыми людьми, но не было также ни одного геніальнаго и даровитаго человѣка, который бы не былъ легкомысленъ. Только скучные не легкомысленны. Легкомысліе состоитъ изъ чувства вѣры и надежды, двухъ лучшихъ человѣческихъ чувствъ, этихъ нашихъ ангеловъ-хранителей, помогающихъ такъ легко переносить тяжелыя случайности и удары жизни. Песталоцци говоритъ, что только легкомысліе спасало его въ несчастіи. Вотъ этимъ-то легкомысліемъ, составляющимъ основу мужества, создающимъ быстрые переходы настроеній и сообщающимъ душѣ свѣтлый, праздничный характеръ, былъ богатъ Михайловъ. Съ посторонними Михайловъ держалъ себя съ привѣтливостью, не допускавшей особенной близости, и съ авторитетомъ, что происходило частью отъ сильно развитаго въ немъ чувства литературнаго достоинства, а частью оттого, что въ немъ, какъ во всѣхъ художественныхъ натурахъ, было сильно чувство формы. Свое литературное достоинство Михайловъ несъ высоко и тщательно оберегалъ. Михайловъ развился на тѣхъ старыхъ литературныхъ преданіяхъ, когда талантъ считался даромъ неба, а писатель—носителемъ искры Божіей. Это чувство извѣстной исключительности не только поднимало человѣка въ его собственныхъ глазахъ, но и возлагало на него моральное обязательство охранять свое достоинство, создавало чувство литературной чести, литературнаго благородства, литературной независимости. Писатель съ настоящимъ, живымъ, дѣятельнымъ чувствомъ свободы не продавалъ своей независимости за чечевичную похлебку.

Такимъ именно писателемъ и былъ Михайловъ, а его внѣшній, нѣсколько вызывающій и импонирующій видъ служилъ только показателемъ той внутренней цѣны, которую онъ себѣ придавалъ.

Тогда, правда, и время было такое, что на пиру русской природы первое мѣсто принадлежало литератору. Никогда, ни раньше, ни послѣ, писатель не занималъ у насъ въ Россіи такого почетнаго мѣста. Когда на литературныхъ чтеніяхъ (они начались тогда впервые) являлся на эстрадѣ писатель, пользующійся симпатіями публики, стонъ стоялъ отъ криковъ, восторга, аплодисментовъ и стучанья стульями и каблуками. Это былъ не энтузіазмъ, а какое-то бѣснованье, но совершенно вѣрно выражавшее то воодушевленіе, которое вызывалъ писатель въ публикѣ. И, дѣйствительно, между тѣмъ временемъ, когда можно было разсказывать (и всѣ вѣрили), что Пушкина высѣкли за какое-то стихотвореніе, и шестидесятыми годами легла уже цѣлая пропасть; теперь писатель всталъ сразу на какую-то исключительную высоту. Въ умственную пору, когда, по общему мнѣнію, Пушкина можно было высѣчь, писатель не имѣлъ корней въ обществѣ и по своимъ интересамъ былъ для общества недосягаемъ. Поэтъ и беллетристъ услаждали тогда лишь праздный досугъ, доставляли занимательное чтеніе, а вкусы и требованія были еще настолько неразвиты, что въ извѣстной части «образованой» публики трагедіи Баркова были понятнѣе и выше «Полтавы» Пушкина Въ шестидесятыхъ годахъ точно чудомъ какимъ-то создался внезапно совсѣмъ новый, небывалый читатель съ общественными чувствами, общественными мыслями и интересами, желавшій думать объ общественныхъ дѣлахъ, желавшій научиться тому, что онъ хотѣлъ знать. Когда можно было высѣчь Пушкина, у насъ была только литература (Сенковскій увѣрялъ, что у насъ была тогда не литература, а только книжная торговля), теперь же явилась печать, т. е. литература общественно-воспитательная, литература поучающая и учащая, а писатель, какъ творецъ этой литературы, сталъ общественнымъ учителемъ, воспитателемъ и пророкомъ, открывавшимъ горизонты будущаго, указывавшимъ идеалы и цѣли стремленіямъ. Отношенія между читателемъ и писателемъ установились теперь вполнѣ практическія, осязательныя, такъ сказать, земныя, утилитарныя; писатель пересталъ только развлекать праздный досугъ, — онъ сталъ наставникомъ и учителемъ общественнаго строительства. Въ этомъ высокомъ положеніи заключалось для писателя и его нравственное обязательство быть достойнымъ высоты, на которую его поставили общественныя обязанности. Оцѣнка писателямъ

была строгая и проба людямъ дѣлалась быстро. Помню такой случай. Разъ къ намъ (я жилъ съ Михайловымъ) обѣщалъ пріѣхать вечеромъ Писемскій. Михайловъ сказалъ, что за ужиномъ Писемскому должна быть поставлена отдѣльная бутылка хересу, что и было исполнено. За ужиномъ зашли разговоры о текущихъ дѣлахъ. Государственный банкъ уже понизилъ тогда проценты по вкладамъ, явился курсъ, явились процентныя бумаги. Когда заговорили о реформахъ, Писемскій началъ раздражаться, и, доставъ изъ бокового кармана бумажникъ (довольно толстый, замѣчу), щелкнулъ по немъ пальцами и сказалъ: «вотъ тутъ тысяча рублей, а почемъ я знаю, что она будетъ завтра,—можетъ изъ тысячи останется шестьсотъ». И меня сразу отрубило отъ Писемскаго, и не потому, что онъ любилъ деньги, а потому что я почувствовалъ, что онъ не «нашъ», что въ немъ сидитъ враждебное чувство къ перемѣнамъ, которыхъ онъ не понимаетъ, что онъ не стоитъ на высотѣ понятій, для него, какъ для писателя, обязательныхъ, что онъ не вождь.

Когда весь успѣхъ реформъ зависѣлъ отъ общественнаго развитія, нельзя было не ставить высоко тѣхъ, кто творилъ это развитіе. Даже спеціальныя изданія того времени расширили свои программы и сдѣлали это не изъ «моды», а потому, что нельзя было иначе. Послѣ парижскаго мира, когда прогрессивныя стремленія охватили оффиціальную Россію и проникли въ правительственныя и высшія сферы, правительственные органы взяли на себя тоже воспитательную роль и стали печатать не тольку беллетристику и этнографію, но даже ввели отдѣлы критики и политики. Къ такимъ оффиціальнымъ изданіямъ, перешагнувшимъ черезъ свою спеціальность, принадлежали «Военный сборникъ» и «Морской сборникъ». «Военный сборникъ» пригласилъ въ сотрудники Чернышевскаго, а «Морской сборникъ» ужъ и совсѣмъ выскочилъ изъ своей программы. Морское министерство (по мысли великаго князя Константина Николаевича), пригласивъ нѣсколькихъ литераторовъ, предложило имъ ѣхать въ разныя мѣстности Россіи для ихъ изученія, съ тѣмъ, чтобы результаты этого изученія, т. е. статьи, печатать въ «Морскомъ сборникѣ». Были приглашены Мих. Михайловъ, С. В. Максимовъ, Писемскій, А. Н. Майковъ и еще кто-то. Михайловъ уѣхалъ на Уралъ, С. В. Максимовъ на сѣверъ, остальные не помню, куда, да это и неважно.

Я писемъ вообще не хранилъ, потому что по обстоятельствамъ моей жизни это было неудобно, но у меня какъ-то сберeглось одно письмо Михайлова изъ этой его поѣздки. Я приведу

его цѣликомъ, безъ всякой фальшивой скромности. Чувства, которыя питалъ ко мнѣ Михайловъ — его личныя чувства и ни для кого они не обязательны; мнѣ просто пріятно не скрывать ихъ отъ читателя. Письмо это лучше объяснитъ, какого рода услугъ ожидалъ «Морской сборникъ» отъ писателей. Къ сожалѣнію, его ожиданія не оправдались и приглашеніе литераторовъ для этнографическихъ описаній кончилось послѣ перваго опыта.

Уральскъ, 25 февраля 57.

«Милый другъ Николай Васильевичъ!»

«Въ настоящую минуту у меня три желанія: во первыхъ, обнять тебя поскорѣе; во-вторыхъ, быть такимъ-же хорошимъ человѣкомъ, какъ ты, чтобы тебѣ не совѣстно было обнимать меня; въ-третьихъ, быть богатымъ, чтобы не брать впередъ никакихъ порученій отъ морского министерства, и если странствовать, то странствовать по своей волѣ, а лучше всего оставаться съ тѣми, кого любишь. Но взявшись за гужъ, будь дюжъ. Надо хоть въ исполненіи этой пословицы быть похожимъ на тебя. Я, по мѣрѣ силъ, стараюсь объ этомъ. Есть и нѣкоторый успѣхъ. Въ статьяхъ моихъ объ Оренбургскомъ краѣ будетъ, надѣюсь, кое-что новое. Надо тебѣ замѣтить, что я, между прочимъ, выучился, сколько успѣлъ, по-татарски, что и дало мнѣ возможность заняться совсѣмъ не тронутымъ предметомъ—башкирскими преданіями, которыми полна Оренбургская губернія. Нѣтъ такой рѣки, нѣтъ такой горы, про которую не существовало-бы легенды или пѣсни. И таковыхъ собралъ я изрядное количество. Кромѣ текстовъ, записалъ даже нѣсколько мелодій, съ помощью брата. Ты ихъ сыграешь на рожкѣ? а? Курая, который я привезу съ собой, ты, конечно, не сумѣешь и въ ротъ взять: я, сколько ни маялся, и одинъ, и съ учителемъ, не могъ извлечь ни единаго звука. Должно быть, зубы со свистомъ. Кромѣ очерковъ Башкиріи, значительную часть моихъ замѣтокъ объ Оренбургскомъ краѣ, составитъ описаніе уральскихъ казаковъ. Вездѣ стараюсь, по мѣрѣ возможности, говорить откровенно, безъ прикрасъ о положеніи края. Гадостей нѣсть числа. Образчикъ моихъ разсказовъ увидишь ты въ апрѣлѣ въ «Морскомъ сборникѣ». Это описаніе багренья. Боюсь, что половина его застрянетъ въ цензурѣ. По поводу багренья, ты, вѣроятно, думаешь, что я объѣдаюсь здѣсь икрой. Оставь эту сладкую мысль! Уралъ такъ бѣднѣетъ съ каждымъ годомъ рыбой, что нынче икра стала въ началѣ 1 р. серебромъ за фунтъ, а потомъ

немногимъ дешевле. Почемъ должна она быть въ Петербургѣ? А при Палласѣ пудъ стоилъ 2 съ полтиной ассигн. Кстати, кланяюсь тебѣ за Палласа до земли. Скоро ѣду въ Гурьевъ, а оттуда катну на пароходѣ на Мангишлакъ. Не мѣшаетъ вѣдь побывать? Твои статьи читалъ и остался ими очень доволенъ; только мнѣ попались всего три. Развѣ только? Какъ мнѣ совѣстно передъ «Лѣсной газетой», если бы ты зналъ! Теперь покраснѣлъ даже. Если-бъ деньги... Да нѣтъ ихъ. Время позднее, пора спать, а потому цѣлую тебя и крѣпко обнимаю, хорошій и добрый человѣкъ. Не забывай искренно любящаго тебя Михайлова».

Кое-что въ этомъ письмѣ нужно объяснить. Михайловъ, какъ я уже сказалъ, былъ настоящій литераторъ. Это значитъ, что онъ жилъ исключительно литературнымъ трудомъ, но хотя онъ зарабатывалъ и довольно, въ особенности въ «Современникѣ» Некрасова, а денегъ у него все-таки никогда не было. Припоминаю по поводу безденежья Михайлова вотъ что. Въ нашемъ обществѣ сложилось убѣжденіе, неоспоримое и непреложное, какъ аксіома, что люди сороковыхъ годовъ были идеалисты, а люди шестидесятыхъ—реалисты. Эту аксіому знаетъ всякій гимназистъ. Теперь, когда обществу опять стали говорить объ «утраченныхъ идеалахъ», аксіома становится еще непреложнѣе. Развѣ то, что мы видимъ вокругъ, проистекаетъ не изъ проповѣди реализма шестидесятыхъ годовъ? Ну, конечно. И вотъ басню объ идеалистахъ сороковыхъ годовъ и реалистахъ шестидесятыхъ заучиваетъ каждый «дуракъ, ожидающій отъ моря отвѣтовъ» на свои глупые вопросы, старая истина становится новой истиной, и общество еще тверже заучиваетъ, что люди сороковыхъ годовъ были идеалисты, а шестидесятыхъ—реалисты, народившіе всю ту нечисть, отъ которой теперь всякій человѣкъ, сохранившій «душу живу», ищетъ спасенія. Но странное дѣло, отчего всѣ «идеалисты» сороковыхъ годовъ такъ твердо знали землю и ея блага, умѣли вести имъ вѣрный счетъ и знали хорошо вкусъ чечевичной похлебки? Я уже говорилъ о Писемскомъ (тоже идеалистъ сороковыхъ годовъ); а развѣ Тургеневъ зналъ хуже счетъ? Про Достоевскаго уже не говорю. Не могу, да и не хочу позволить себѣ говорить о послѣднихъ могиканахъ сороковыхъ годовъ, доживающихъ теперь свои послѣдніе годы. Дѣло въ томъ, что во всякой художественной натурѣ есть двойственность, составляющая ея психическій законъ, особенно рѣзко обнаруживающійся въ чистыхъ художникахъ. Художникъ, а еще болѣе поэтъ, переживая какое-нибудь явленіе жизни въ образахъ, на-

ходитъ въ этомъ свое полное удовлетвореніе. Явленіе пережито въ идеѣ и затѣмъ на землѣ, по которой ходитъ художникъ, для него уже ничего не остается, кромѣ его самого. Небо онъ отводитъ для другихъ и на упрекъ, что все это «слова», художникъ отвѣчаетъ, что «слово есть то же дѣло». Реалисты шестидесятыхъ годовъ слили тѣснѣе слово съ дѣломъ: для нихъ, пожалуй, слова ужъ и не было; оно было сказано до нихъ и на землѣ для нихъ осталось только дѣло. Они были не отвлеченные художники, а идеалисты земли, и ужъ, конечно, въ Россіи еще не бывало большихъ идеалистовъ, совсѣмъ забывшихъ о себѣ, о своей личной пользѣ и личномъ интересѣ, какъ такъ называемые «реалисты» шестидесятыхъ годовъ. Припомните судьбу каждаго изъ нихъ. Эти люди точно стыдились матеріальныхъ благъ и кончали свою жизнь не на шелкѣ и бархатѣ. Если отъ подобныхъ безсеребренниковъ-отцовъ народились не такія же дѣти,—не знаю, кого тутъ винить; думаю, однако, что не виноваты ни отцы, ни дѣти. Это все я сказалъ такъ, къ слову, эпизодически; а теперь опять перейду къ Михайлову.

Мы въ шутку звали Михайлова «безденежнымъ литераторомъ», и это его всегда задѣвало. Необходимость заработка заставила его принять и предложеніе морского министерства, и обѣщать статьи для «Газеты Лѣсоводства и Охоты». Но зависимость его очень тяготила. И вотъ не разъ, сидя послѣ обѣда передъ камелькомъ, мы мечтали о своей газетѣ и о редакторствѣ. Я думаю, каждый начинающій литераторъ мечтаетъ о редакторствѣ, какъ прапорщикъ о генеральствѣ. Но должно быть справедлива не та поговорка, которая сулитъ казаку атаманство, а та, которая говоритъ: «терпи казакъ—атаманомъ не будешь». Мы тогда въ атаманство еще вѣрили, да оно бы и могло явиться, если бы Михайлова и моя жизнь сложились иначе. Я, впрочемъ, наконецъ, достигъ того, о чемъ мечталъ двадцатью годами ранѣе, но какъ та бѣлка, которой достался золотой орѣхъ, когда у нея не было зубовъ.

Одно время возможность редакторства улыбнулась Михайлову довольно близко, и вотъ что онъ писалъ мнѣ въ іюлѣ 1859 г. «Прежде всего хочу сообщить тебѣ, дорогой другъ Николай Васильевичъ, радостную для меня вѣсть. Помнишь ли наши толки объ изданіи журнала «Вѣкъ»? Эти толки теперь осуществляются. Если только позволятъ, что будетъ извѣстно на дняхъ, съ будущаго же 1860 года будетъ выходить въ Петербургѣ большая политическая и литературная газета, еженедѣльно два раза. Я соединился съ Гербелемъ, чтобы издавать ее. Съ его стороны

деньги, съ моей трудъ, а барыши, разумѣется, пополамъ. Барыши, конечно, не послѣднее дѣло для нашего брата Исаакія; но главное, мнѣ кажется, газета можетъ быть хороша, а стало быть и полезна. По цѣнѣ (7 р.) она будетъ срединой между «Спб. Вѣд.» и «Сыномъ Отеч.», стало быть,—доступна для большого круга читателей. Въ ней не будетъ того безразличія мнѣній, какимъ отличаются «Вѣдомости», и ужъ, разумѣется, не будетъ такой пошлости, какъ въ «Сынѣ». Однимъ словомъ, это должна быть серьезная газета съ благороднымъ и опредѣленнымъ направленіемъ. Гербель въ этомъ, какъ и въ матеріальномъ отношеніи, товарищъ драгоцѣнный. Онъ не будетъ стѣснять направленіе газеты, потому что подчинится ему и самъ. Я надѣюсь на тебя, какъ на каменную стѣну (сравненіе вышло глупо, ну, да извини, уже написалось), что ты тоже станешь помогать намъ и словомъ, и дѣломъ. Я даже придумалъ для тебя спеціальность въ газетѣ; но обо всемъ этомъ надо говорить слишкомъ много, а потому лучше оставить до свиданія...»

Сколько мнѣ помнится, Гербель право изданія получилъ, но почему газета не началась,—не припомню. Должно быть, однако, въ книгѣ судебъ было предопредѣлено имѣть Россіи въ 1860 году «Вѣкъ», потому что въ этомъ году «Вѣкъ» все-таки явился, если и не Гербеля, то П. И. Вейнберга.

Я, однако, забѣжалъ немного впередъ. Въ Парижѣ, какъ и раньше, я остановился въ Мишодьеркѣ, какъ мы называли Hôtel Molier. Михайловъ былъ уже тамъ и не только познакомился, но и сблизился съ m-me Maxime и со всею ея компаніею. Компанія эта была по преимуществу женская и въ бесѣдахъ ея преобладалъ «женскій вопросъ». Политическія убѣжденія компаніи были республиканскія, Наполеона ненавидѣли. M-me Maxime дѣлала иногда для своихъ друзей вечера и тогда очищался средній, самый большой № бельэтажа гостиницы, гдѣ и принимались гости. Разговоръ, по крайней мѣрѣ, за мое время, вертѣлся на Наполеонѣ III и на Прудонѣ. Наполеону доставалось за его императорство, а Прудону—за его нападки на женщинъ. Вечера эти всегда были очень оживленные и шумливые, а иногда даже пѣлись и пѣсни политическаго содержанія (стихи, особенно политическіе, французы сейчасъ же перекладываютъ на музыку). Когда предлагалось компаніи пропѣть что-нибудь, ставни на улицу запирались. Самой горячей и неукротимой во всей компаніи была сама m-me Maxime, полная, некрасивая и неопрятная женщина, шея которой, какъ говорилъ Михайловъ, была всегда черна, какъ сапогъ. Во всякомъ случаѣ Михайловъ былъ

наполовину правъ. За нею слѣдовала Женни д'Эрикуръ, тонкая, нервная молодая женщина, непримиримый врагъ Прудона, и еще тоже нервная тонкая и молодая женщина, и тоже непримиримый врагъ Прудона, и тоже Женни, но фамилію ея я забылъ, хотя она была умнѣе и талантливѣе m-me д'Эрикуръ. Эти горячіе люди, мечтавшіе о свободѣ и равенствѣ, всегда были наэлектризованы и всегда ждали какой-то перемѣны. Разъ m-me Maxime, нѣсколько опоздавшая, приходитъ въ волненіи, точно за ней гналась по пятамъ революція, и таинственнымъ шопотомъ говоритъ:

— S'echauffe, s'echauffe!

Но никакого «s'echauffe» не оказалось, и въ Парижѣ все было спокойно. Это «s'echauffe» выражало только настроеніе и желанія самой m-me Maxime. Не знаю, дожила ли она до теперешней республики.

Въ 1858 г. (когда мы были въ Парижѣ) вышла книга Прудона «De la justice dans la Révolution et dans l'Eglise». Въ этой книгѣ Прудонъ между прочимъ опредѣляетъ роль женщины въ новомъ обществѣ, что она вноситъ въ его развитіе и затѣмъ, на основаніи ея заслугъ, устанавливаетъ ея права. Брачный союзъ Прудонъ признаетъ соціальной единицей, но равенства половъ не допускаетъ и говоритъ, что въ семьѣ, какъ и въ обществѣ, мужчина относится къ женщинѣ, какъ 3 къ 2. Понятно, что подобная книга должна была произвести въ Hôtel Molier цѣлую бурю. Если бы Наполеонъ III сдѣлалъ три государственныхъ переворота въ одну недѣлю, Hôtel Molier волновался бы менѣе, чѣмъ отъ этого неожиданнаго оскорбленія. Но, кромѣ Hôtel Molier, на Прудона обрушилось и императорское правительство, начавъ противъ него судебное преслѣдованіе. Прудонъ былъ приговоренъ къ трехлѣтнему тюремному заключенію и къ 4.000 фр. штрафу. Не разъ уже сидѣвшій въ тюрьмѣ Прудонъ на этотъ разъ предпочелъ свободу заключенію и бѣжалъ въ Бельгію. Но Бельгія спасла его только отъ тюрьмы, но не отъ полемики, съ которой на него теперь обрушились друзья женщинъ, и въ особенности Hôtel Molier. Прудона забросали письмами, брошюрами и даже цѣлыми книгами, и всѣхъ неукротимѣе и плодовитѣе были Женни Л. и Женни д'Эрикуръ. Прудонъ складывалъ тщательно въ хронологическомъ порядкѣ и подъ особымъ заголовкомъ всю эту полемику, какъ матеріалъ для будущей работы и, наконецъ, написалъ Pornographie (посмертное неоконченное сочиненіе). Книга эта есть отвѣтъ Hôtel'ю Molier и начинается такъ:

M-mes J.*** L*** et Jenny d'H.***

Mesdames и т. д.

Не скажу, чтобы эта книга прибавила новые лавры къ прежней славѣ Прудона.

Для русскихъ романистовъ того времени, а слѣдовательно и для Михайлова, женскій вопросъ не былъ новостью: вмѣстѣ съ жоржзандизмомъ онъ былъ наслѣдіемъ сороковыхъ годовъ. Но разговоры и разсужденія въ Hôtel Molièr и „De la justice" Прудона были все-таки ближайшей причиной, заставившей Михайлова разработать женскій вопросъ въ серьезной статьѣ. Статью эту (о женщинахъ) Михайловъ писалъ въ Трувилѣ, и она давалась ему не совсѣмъ легко. Трудности заключались, конечно, не въ общей идеѣ статьи, а въ мелочахъ преимущественно практическаго характера, въ которыхъ было легко переступить границу возможнаго и дать противникамъ поводъ къ нежелательнымъ выводамъ. Въ статьѣ была частичка и моего меду, потому что въ вопросахъ преимущественно экономическихъ Михайловъ обыкновенно совѣтовался со мной.

Статья Михайлова была напечатана въ «Современникѣ» и произвела въ русскихъ умахъ землетрясеніе. Тогда, при повышенной умственной воспріимчивости, землетрясенія вызывались легко. Всѣ вопросы носились въ воздухѣ, ожидая своихъ толкователей. И женскій вопросъ носился въ воздухѣ. Михайловъ его только принималъ и далъ ему форму и логическую цѣльность. Вопросъ изъ воздушнаго тумана спустился на землю, изъ отвлеченнаго и теоретическаго сталъ практическимъ и осязательнымъ, такъ что каждый могъ взять его въ руки, каждый могъ уже думать о немъ ясно и говорить ясно. А такъ какъ думающихъ было много и всѣ заговорили сразу, то и получился общественный энтузіазмъ, а Михайловъ провозглашенъ творцомъ женскаго вопроса. Впрочемъ, Чернышевскій и статьѣ Михайлова, и женскому вопросу вообще не придавалъ особаго значенія. Чернышевскій находилъ, что женскій вопросъ хорошъ тогда, когда нѣтъ другихъ вопросовъ. Михайловъ же чувствовалъ теперь себя какъ бы законнымъ вождемъ женскаго движенія и обязательнымъ защитникомъ женщинъ. Когда г-жа Толмачева на литературномъ вечерѣ въ Тамбовѣ читала «Египетскія ночи» Пушкина и затѣмъ Камень Виногоровъ (Петръ Вейнбергъ) осмѣялъ ее въ «Вѣкѣ», и нашелъ выборъ для чтенія неприличнымъ, то этотъ «безобразный поступокъ» «Вѣка» вызвалъ такое всеобщее негодованіе, что оказалось невозможнымъ оставить его безъ протеста. Михайловъ выступилъ съ рѣзкой статьей,

порицающей и негодующей; за этой статьей явилась еще масса статей (между прочимъ, и я согрѣшилъ фельетонной статейкой: редакціи газетъ брали ихъ охотно), и не столько пристыженный, сколько заклеванный, Вейнбергъ принесъ, сколько мнѣ помнится, публичное покаяніе. Не такъ давно (года 3—4 назадъ) одна петербургская газета, припоминая этотъ забытый случай, сказала, что Михайловъ спустилъ на П. И. Вейнберга «свору собакъ». Это было сказано «немножко сильно», и весь случай былъ такого рода, что не было особенной причины негодовать заднимъ числомъ и звать людей собаками. Года два назадъ П. И. Вейнбергъ припомнилъ какъ-то въ разговорѣ со мной эту совсѣмъ старую исторію, говорилъ о ней съ своимъ обычнымъ незлобивымъ и безобиднымъ юморомъ, и это было умно.

Изъ Трувиля Михайловъ поѣхалъ въ Парижъ, а я по моимъ казеннымъ дѣламъ—въ Эльзасъ, а потомъ въ Бельгію, гдѣ въ Брюсселѣ получилъ отъ Михайлова письмо съ такою припиской: «Мнѣ кажется, вовсе не zweckmässig приглашать съ собой въ Лондонъ Г. Вѣдь ты думаешь быть у Герцена; онъ, пожалуй, тоже вздумаетъ. Не знаю, какъ ты; что касается до меня, я вовсе не желалъ бы представлять его туда. Притомъ, какъ бы послѣ не вышло въ Россіи какихъ сплетенъ». Посѣщеніе Герцена считалось тогда не совсѣмъ осторожнымъ и нѣкоторымъ лицамъ, по крайней мѣрѣ близкимъ ко двору, ихъ визиты Герцену не прошли такъ. Но мое положеніе было другое, сплетенъ я не боялся, и потому изъ своей поѣздки въ Лондонъ никакого секрета не дѣлалъ, но совѣта Михайлова относительно третьяго лица послушался.

Въ январѣ 59 года я вернулся въ Парижъ, а въ концѣ февраля, визировавъ паспортъ въ Англію, отправился въ Лондонъ. Михайловъ уѣхалъ дня за три ранѣе, чтобы пріискать между прочимъ квартиру. Въ этомъ ему помогъ Герценъ, отрекомендовавъ насъ въ одномъ Boarding-Hous'ѣ. Помню, что этотъ Boarding-Hous помѣщался въ тихой мѣстности (хотя и въ центрѣ города), недалеко отъ какого то сквера, недалеко отъ Британскаго музея, недалеко отъ гауптвахты, съ двумя неподвижными, стоявшими въ нишахъ, конными часовыми въ красныхъ мундирахъ; помню еще, что каждое воскресенье, за утреннимъ чаемъ, хозяйка говорила намъ, что «греческая церковь недалеко», а мы въ слѣдующее воскресенье давали ей снова поводъ повторять то же и такъ до самаго отъѣзда. Такъ греческаго богослуженія мы въ Лондонѣ и не увидѣли (664—674).

Любопытно, что офицеры дали наибольшее число освободившихся людей и принимали очень дѣятельное участіе въ движеніи идей и даже въ «поступкахъ». Къ стр. 654 (682).

Припоминаю такой случай. Серно-Соловьевичу нужно было быть у Суворова, тогдашняго петербургскаго генералъ-губернатора, для разъясненія чего-то по магазину. Обходя просителей, Суворовъ подходитъ къ Серно-Соловьевичу.

— Кто вы?—спрашиваетъ Суворовъ.

— Купецъ первой гильдіи, Серно-Соловьевичъ.

Суворовъ любилъ заговаривать на иностранныхъ языкахъ. Увидѣвъ пристойнаго и благовиднаго купца, Суворовъ заговорилъ съ нимъ по-французски. Серно-Соловьевичъ отвѣтилъ. Суворовъ заговорилъ по-нѣмецки. Серно-Соловьевичъ отвѣтилъ.

— Кто же вы такой?!—повторилъ свой вопросъ немного изумленный Суворовъ.

— Купецъ 1 гильдіи, Серно-Соловьевичъ.

Суворовъ началъ по-англійски; Серно-Соловьевичъ отвѣтилъ; Суворовъ дѣлаетъ ему вопросъ по-итальянски и получаетъ отвѣтъ итальянскій.

— Фу ты!—говоритъ озадаченный Суворовъ,—да кто же вы такой?

— Купецъ 1 гильдіи, Серно-Соловьевичъ.

— Гдѣ вы учились?

— Въ лицеѣ.

— Служили вы гдѣ-нибудь?

— Служилъ.

— Гдѣ?

— Въ Государственномъ Совѣтѣ.

Суворовъ совсѣмъ вышелъ изъ себя отъ изумленія: ничего подобнаго онъ не могъ себѣ представить. И Серно-Соловьевичъ былъ не одинъ. Каждый способный и энергичный человѣкъ становился тогда на новую дорогу, создавалъ себѣ новое подходящее къ способностямъ дѣло, искалъ своего мѣста въ природѣ. Учащаяся молодежь тоже стремилась въ болѣе широкую область мысли. Семинаристы толпами уходили въ университетъ. Даже правовѣды и лицеисты оставляли свои привилегированныя заведенія ради университета. Это было золотое время Петербургскаго университета, когда число студентовъ съ 300 возросло внезапно до 1.500. Никогда еще не было такого сильнаго умственнаго напряженія и такого всеобщаго стремленія къ образованію. И университетъ того времени не только давалъ лучшія средства для развитія, но и отвѣчалъ полнѣе всего требованіямъ

времени, когда нужны были не сухія формальныя знанія, а общія идеи и общечеловѣческія понятія.

Къ стр. 655 (683). Къ этимъ людямъ принадлежалъ Николай Серно-Соловьевичъ (его очень любилъ и цѣнилъ Герценъ). Книжный магазинъ, который устроилъ Серно-Соловьевичъ, былъ дѣломъ не торговымъ, а идейнымъ; такимъ же идейнымъ дѣломъ были для Серно-Соловьевича воскресныя школы, въ которыхъ онъ принималъ самое дѣятельное участіе (мысль объ устройствѣ воскресныхъ школъ принадлежала профессору Павлову). Серно-Соловьевичъ умеръ въ Иркутскѣ въ 1862 г., магазинъ его перешелъ къ Черкесову, а теперь не существуетъ совсѣмъ и книжной фирмы Черкесова. Помню, какъ Петербургъ былъ изумленъ, когда въ магазинѣ Серно-Соловьевича явилась за прилавкомъ молодая, красивая женщина, въ синихъ очкахъ. Этой первой продавщицей была А. Н. Энгельгардтъ, жена артиллерійскаго офицера, впослѣдствіи извѣстнаго автора «Писемъ изъ деревни». Встать женщинѣ за прилавокъ было тогда такъ-же необыкновенно, какъ лицеисту, служащему въ Государственномъ Совѣтѣ, сдѣлаться купцомъ. Теперь тысячи женщинъ стоятъ за прилавками и для этого не нужно ничего, кромѣ нужды. Но тогда и стоянье за прилавкомъ было идейнымъ дѣломъ, было практической пропагандой новаго поведенія, демократическимъ отрѣшеніемъ отъ сословности и предразсудковъ, правъ рожденія. А чтобы выступить съ такимъ протестомъ, требовался не только смѣлый и энергическій умъ, но смѣлый и энергическій характеръ.

Къ стр. 656 (684). Я помню хорошо то страшное «доброе старое время», когда всѣ общественные порядки и отношенія цементировались шпицрутенами. Тогда даже дѣтей сѣкли, какъ солдатъ. У насъ въ корпусѣ былъ воспитанникъ, котораго сѣкли 18 разъ. Моему товарищу, мальчику 12 лѣтъ, дали 250 солдатскихъ ударовъ двухаршинными розгами. Это была картина возмутительная, не только по ненужной жестокости, но и по ея торжественной тупости. Насъ выстроили въ залѣ фронтомъ. Потомъ солдаты принесли скамейку и огромный пукъ розогъ, длинныхъ, тонкихъ, разсчитанныхъ на боль. Затѣмъ фронту скомандовали «смирно!» и среди воцарившейся мертвой тишины, вошелъ въ залъ директоръ съ блестящей свитой. Мнѣ даже, какъ будто помнится, что свита была въ мундирахъ, точно она пришла на праздникъ.— «Климшъ»,—выкрикнулъ директоръ и несчастный Климшъ выступилъ изъ фронта. Директоръ сказалъ назидательную рѣчь, которая къ намъ относилась, пожалуй, больше, чѣмъ къ Климшу (и сѣкли его, какъ видно, только въ назиданіе намъ), и заклю-

чилъ ее приказаніемъ: «ложитесь». Началась возмутительная сцена насилія надъ 12-лѣтнимъ ребенкомъ. Несмотря на всю строгость военной дисциплины, весь фронтъ повернулъ головы въ стороны. Во все время наказанія, Климшъ не издалъ ни одного стона, но всталъ блѣдный, какъ полотно. Черезъ полгода его исключили, потому что онъ бросилъ учиться и не ставилъ начальство ни во что. Въ дворянскомъ полку директоръ Пущинъ сѣкъ воспитанника съ утра до вечера и далъ ему 2 тысячи ударовъ. Воспитанникъ умеръ, но Пущинъ остался директоромъ, чтобы не колебать дисциплины и уваженія къ власти.

Въ тѣхъ, кто вынесъ на себѣ это страшное время, не могла не явиться реакція противъ подобныхъ порядковъ. Реакція была полная, не только противъ тѣлесныхъ наказаній, но и противъ всякаго общественнаго и семейнаго деспотизма и насилія. Стр. 685.

XIII.

Къ стр. 661 (690).

Мои личныя воспоминанія о петербургскомъ университетѣ, начинаются довольно рано: я помню студентами людей, которые нынче достигли уже степеней извѣстныхъ и занимаютъ видныя мѣста въ литературѣ. Тогда это были юноши очень симпатичные, чистенькіе, благовоспитанные и ничѣмъ не отличавшіеся отъ другихъ студентовъ. А петербургскіе студенты того времени именно выдѣлялись своею внѣшнею благовоспитанностью и благопристойностью. Мундирчики были у нихъ всегда съ иголочки, сшитые стройно, воротники у мундировъ свѣжіе и безукоризненно синіе, съ блестящими петлицами, шпаги маленькія, изящныя, вообще студенты того времени имѣли франтоватый, изящный видъ и очень гордились своимъ званіемъ. Для гимназистовъ, студенчество было предметомъ стремленій и тайныхъ мечтаній, а для кадетовъ и воспитанниковъ юнкерскихъ школъ—предметомъ зависти не безъ примѣси нѣкотораго священнаго страха передъ высшимъ образованіемъ. Равновѣсіе устанавливалось только тѣмъ, что студентъ былъ все-таки «штатскій». Но этотъ штатскій удерживалъ съ достоинствомъ свое положеніе и въ гостиныхъ, и на танцовальныхъ вечерахъ и балахъ, былъ предметомъ гордости своихъ маменекъ и тайныхъ вздоховъ и мечтаній барышенъ. Въ дореформенное время, петербургскій студентъ былъ, по преимуществу, благовоспитанный юноша и свѣтскій молодой человѣкъ. Публика знала университетъ еще и по его воскреснымъ концертамъ, которые устроилъ въ 1847 г. инспек-

торъ студентовъ Фицтумъ фонъ-Экштедъ, большой любитель музыки. Концерты эти болѣе десяти лѣтъ собирали въ бѣломъ, мраморномъ актовомъ залѣ университета петербургскую публику и служили одной изъ немалыхъ причинъ популярности тогдашнихъ студентовъ. Общество любило и уважало студентовъ. Университетъ, какъ разсадникъ людей высшаго образованія, стоялъ
691. высоко въ общественномъ мнѣніи, а университетское образованіе открывало не только болѣе широкіе пути въ жизни, но и создавало привилегіи, въ особенности, когда число студентовъ въ университетахъ было ограничено. Въ провинціи университетскіе были рѣдки, и потому на нихъ смотрѣли еще съ большимъ уваженіемъ; конечно, это не обходилось и безъ того, чтобы ихъ не подозрѣвали въ «фармазонствѣ». Но чтобы тамъ ни было, а въ провинціи университетскіе играли ту же привилегированную роль, какую играли офицеры генеральнаго штаба въ арміи: они садились на шею служакамъ. Кандидатъ университета, лѣтъ 25, занималъ мѣсто ассессора, а иногда и совѣтника палаты, тогда какъ обыкновеннымъ порядкомъ эти мѣста доставались ужъ въ такомъ возрастѣ, когда человѣкъ нажилъ себѣ сѣдые волосы или лысину. Вообще университетъ былъ привилегированнымъ заведеніемъ, а чиновники изъ университета—привиллегированными людьми. Ихъ было вообще мало и ими очень дорожили. И, отдавая должное, нельзя не признать, что университеты внесли много свѣта въ русскую жизнь и очень расчистили и подготовили пути для всего послѣдующаго умственнаго движенія шестидесятыхъ годовъ.

Порядокъ внутренней жизни петербургскаго университета былъ тогда очень простъ. Говорятъ, что у университета былъ уставъ (уставъ 1835 г. дѣйствительно былъ); но въ чемъ заключался этотъ уставъ, не зналъ ни одинъ студентъ, да едва ли знали и профессора. Университетъ всецѣло управлялся попечителемъ, а попечителемъ былъ Мусинъ-Пушкинъ (онъ былъ сначала попечителемъ казанскаго округа, а въ 1845 г. сдѣланъ попечителемъ петербургскаго). Мусинъ-Пушкинъ управлялъ университетомъ «отечески», «патріархально». Это значило, что для него не существовало университетскаго устава, а онъ руководствовался личными соображеніями и обстоятельствами минуты и соотвѣтственно имъ издавалъ циркуляры и частныя постановленія, которыми въ концѣ-концовъ уставъ оказался почти совсѣмъ отмѣненнымъ. Про Мусина-Пушкина говорятъ, что онъ былъ добрякъ, но также не подлежитъ сомнѣнію, что онъ былъ грубъ, рѣзокъ и что студенты боялись его, какъ огня (вѣроятно,

и профессорамъ не дышалось при немъ особенно свободно). Въ
1856 году Мусинъ-Пушкинъ уступилъ свое мѣсто новому попе-
чителю, князю Г. А. Щербатову, и съ этого времени взошло
надъ университетомъ солнце, всѣ отогрѣлись и оттаяли отъ па-
тріархальнаго управленія Мусина-Пушкина, совсѣмъ было замо-
розившаго университское образованіе. Оставлять университетъ
подъ этимъ патріархальнымъ режимомъ было невозможно, да,
конечно, не для этого былъ назначенъ князь Щербатовъ. Уни-
верситетъ нуждался въ уставѣ, въ точно опредѣленныхъ прави-
лахъ управленія, въ органическомъ статутѣ, который бы уста-
навливалъ основы университета, какъ учено-учебной корпораціи.
Преобразовательные замыслы князя Щербатова были широки и
либеральны и отвѣчали вполнѣ тогдашнему настроенію общества.
Въ лѣтописяхъ петербургскаго университета князь Щербатовъ 692.
займетъ, конечно, самое видное мѣсто. При кн. Щербатовѣ уни-
верситетъ встрепенулся и ожилъ и только теперь студенты по-
няли, какой большой, тяжелый и дикій камень лежалъ на уни-
верситетѣ въ видѣ «патріархальнаго» попечительства Мусина-
Пушкина. Г. А. Щербатовъ сразу привлекъ съ себѣ симпатіи
не только студентовъ и профессоровъ, но и петербургскаго об-
щественнаго мнѣнія. Въ новомъ попечителѣ личная порядочность,
деликатность и мягкость соединялись съ яснымъ прогрессивнымъ
умомъ, способнымъ къ широкимъ преобразовательнымъ планамъ,
и если бы эти планы были осуществлены, если бы универси-
тетъ получилъ тѣ широкія права, которыя замышлялъ дать ему
князь Щербатовъ, не послѣдовало бы тѣхъ печальныхъ недора-
зумѣній и тяжелыхъ возмутительныхъ сценъ, которыя явились
послѣ удаленія Щербатова; не было бы и ненужныхъ жертвъ
этихъ печальныхъ недоразумѣній. Студенческія исторіи пока-
зали еще разъ, насколько «печальныя недоразумѣнія» кроются
далеко не въ ошибкахъ тѣхъ, кто становится ихъ жертвой, и
насколько не требуется жертвъ для разрѣшенія такихъ недора-
зумѣній.

Составленіе проекта новаго университетскаго устава по
широкимъ замысламъ князя Щербатова требовало времени, и
пока проектъ реформъ составлялся и обсуждался, князь Щер-
батовъ разрѣшилъ студентамъ имѣть кассу, библіотеку, читальню,
издавать сборникъ, для завѣдыванія этими частями студенческаго
хозяйства избирать депутатовъ и редакторовъ, а для обсужденія
вопросовъ хозяйства составлять сходки. Студенческая жизнь по-
лучила болѣе широкій смыслъ и содержаніе, еще недавніе «уче-
ники» теперь выросли, ожили, почувствовали себя обществен-

нымъ организмомъ и стали гораздо серьезнѣе относиться къ учебнымъ занятіямъ. Насколько подъемъ духа дѣйствовалъ оживотворяющимъ образомъ на занятія студентовъ, служатъ доказательствомъ два напечатанныхъ тома студенческаго сборника и литографированныя студентами лекціи. Ничего подобнаго петербургскій университетъ при послѣдующихъ порядкахъ создать не могъ. И, несмотря на рѣзкій переходъ отъ отеческаго управленія Мусина-Пушкина къ свободной и нѣсколько шумливой жизни, вызванной кн. Щербатовымъ, жизнь эта текла мирно и спокойно. При Щербатовѣ не было ни одного случая такъ называемыхъ нарушеній порядка, ничего, что бы указывало хоть на малѣйшее нарушеніе внутренней гармоніи корпоративнаго студенческаго самоуправленія и какихъ-либо шероховатостей въ отношеніяхъ студенческой корпораціи къ завѣдывавшей университетомъ власти. Но вотъ мирное теченіе этой жизни нарушается и наступаютъ такъ называемыя студенческія исторіи.

Мирное теченіе нарушилось сейчасъ же съ выходомъ въ 1860 г. въ отставку князя Щербатова. При князѣ Щербатовѣ, какъ и при Мусинѣ-Пушкинѣ, не было никакого университетскаго устава и все зависѣло отъ воли попечителя. Но это воля была мягкая, благорасположенная, гуманная, понимавшая природу молодежи и бережливо относившаяся къ ея чувству достоинства. Отношенія между попечителемъ и студентами были чисто личныя, какъ бы добровольныя, не скрѣпленныя никакимъ писаннымъ регламентомъ. Поэтому-то еще большаго удивленія и похвалы заслуживаютъ тактичность и искусство управленія кн. Щербатова такой многолюдной корпораціей, какъ университетъ, и въ такое время всеобщаго возбужденія, какое было тогда. Послѣ князя Щербатова наступаетъ время писанныхъ учрежденій и перемѣна въ личномъ составѣ министерства народнаго просвѣщенія. 1860 годъ прошелъ еще сравнительно мирно, хотя студенты уже начинали волноваться, но роковымъ временемъ для петербургскаго университета былъ 1861 годъ. Въ маѣ этого года были утверждены новыя правила для студентовъ, отмѣнявшія форменную одежду и сдававшія въ архивъ традиціонный студенческій мундиръ съ синимъ воротникомъ, запрещавшія сходки и ограничивавшія число освобождаемыхъ отъ платы за лекціи.

Правила эти совпали съ назначеніемъ министромъ народнаго просвѣщенія моряка, адмирала Путятина. Попечителемъ же былъ смѣнившій князя Щербатова кавказскій генералъ Филипсонъ. Въ автобіографіи Костомарова сдѣлана такая характеристика Путятина и Филипсона: «Назначили новаго министра

народнаго просвѣщенія Путятина. Онъ позвалъ къ себѣ профессоровъ и началъ читать имъ грозную рѣчь: «Знаю, ваше дѣло! (это было послѣ шествія въ Колокольную). Между вами есть такіе, которые волнуютъ студентовъ! Я доберусь, разберу эти дѣла! Вы понимаете, господа, я говорю откровенно!» О Филипсонѣ же Костомаровъ приводитъ отзывъ генерала Ребиндера: «Попечитель Филипсонъ добрый малый, но это просто несчастная подставная палка!» Не знаю, насколько безошибочна эта характеристика, по крайней мѣрѣ о подобномъ пріемѣ министромъ профессоровъ ни слова не говоритъ г. Спасовичъ въ своей статьѣ о петербургскомъ университетѣ. Графъ Е. Ѳ. Путятинъ, морякъ школы Лазарева и его любимецъ, извѣстенъ заключеніемъ торговаго договора съ Японіей въ 1854 г. и тіендзинскаго трактата съ Китаемъ въ 1858 г. Генералъ Г. И. Филипсонъ, офицеръ генеральнаго штаба, служившій на Кавказѣ у Раевскаго и пользовавшійся его довѣріемъ. Этими ссылками я хочу сказать, что и Путятинъ, и Филипсонъ не были рядовыми генералами, взятыми изъ старья. Мало того, что Путятинъ не былъ рядовымъ генераломъ, но у него была точно опредѣленная программа, съ которой онъ вступилъ въ управленіе министерствомъ. Графъ Путятинъ желалъ преобразовать университеты въ закрытыя заведенія по англійскому образцу, дарового высшаго образованія онъ не допускалъ, чтобы не заставлять бѣдный народъ платить за образованіе людей состоятельныхъ. Это несомнѣнно была программа очень опредѣленная. Все несчастье программы заключалось въ томъ, что она готова была обрушиться на университетъ внезапно и что выполнителями ея явились военные люди, и по воспитанію, и по роду занятій совершенно чуждые университету, но зато очень способные примѣнить къ нему пріемы той школы, въ которой они воспитались: графъ Путятинъ— черноморской школы адмирала Лазарева, а генералъ Филипсонъ— кавказской школы Раевскаго. Какъ скоро реформа университета и высшее его управленіе впали въ полную зависимость отъ военныхъ взглядовъ и привычекъ, не могли не явиться и тѣ послѣдствія, которыя явились. 694.

Въ теченіе лѣта 1861 г., когда занятія въ университетѣ прекратились,— составлялись новыя правила для студентовъ.

Правилами этими сразу вычеркивалось все, къ чему студенты уже привыкли при князѣ Щербатовѣ. Имъ запрещались сходки, упразднялись публичныя лекціи, которыя читали профессора для увеличенія средствъ студенческой кассы, упразднялись концерты, которые тоже давали порядочный доходъ, биб-

ліотека и касса подлежали закрытію, студенческая корпорація упразднялась, наконецъ, каждый студентъ обязанъ былъ взять матрикулы. Сами по себѣ матрикулы не заключали ничего такого, что могло бы привести университетъ въ возбужденное состояніе. Это были особыя книжки, служившія видомъ на жительство и въ которыхъ помѣщались правила поведенія студентовъ и вообще, такъ сказать, студенческая конституція. Но студенты обобщили матрикулы съ тѣми запрещеніями и ограниченіями, которыя были введены, и взять матрикулы значило признать новыя стѣснительныя правила и имъ подчиниться. Не матрикулъ не хотѣли студенты,—они не хотѣли лишиться правъ, которыми уже нѣсколько лѣтъ пользовались при Щербатовѣ; студенты не могли понять, почему ихъ лишили внезапно этихъ правъ, почему то, что еще можно было вчера, нельзя сегодня. При большемъ тактѣ и мягкости Филипсонъ могъ бы не довести дѣла до катастрофы, хотя совсѣмъ устранить безпорядки едва ли было возможно. Не нужно было манить студентовъ корпоративнымъ самоуправленіемъ, чтобы потомъ отнять и то, и другое внезапно. Тутъ, очевидно, ошибка заключалась въ отсутствіи общей системы для управленія университетами, а не въ Филипсонѣ.

Уже до открытія курсовъ студенты знали о предстоящихъ перемѣнахъ, но новыя правила не были ни напечатаны, ни объявлены студентамъ. Когда курсы были открыты, студенты послѣ молебна составили сходку и отправили депутацію къ попечителю просить его придти на сходку, чтобы пояснить, въ чемъ заключаются новыя правила. Попечитель отвѣтилъ иронически депутатамъ, что онъ не ораторъ, и совѣтовалъ имъ заняться науками, а не сходками. Такой отвѣтъ, конечно, меньше всего могъ успокоить волновавшуюся молодежь. Между тѣмъ лекціи начались, а вмѣстѣ съ ними каждый день въ пустыхъ свободныхъ аудиторіяхъ собирались сходки и съ каждымъ разомъ волненіе росло. Университетская власть растерялась; не зная, какъ поступить, она сочла лучшимъ совсѣмъ не показываться, а студенты, предоставленные себѣ, отъ этого, конечно, не становились спокойнѣе. Наконецъ, начальство придумало успокоительную мѣру: оно велѣло запереть на ключъ тѣ аудиторіи, въ которыхъ собирались сходки. Найдя двери запертыми, студенты направились къ актовому залу, но и двери актоваго зала были тоже заперты. Толпа заволновалась, зашумѣла, надавила на двери, не выдержавшія напора, и хлынула въ залъ. Началась сходка. Предметомъ обсужденія былъ вопросъ

о бѣдныхъ студентахъ, которые по новымъ правиламъ не могли слушать лекціи даромъ. Бѣднымъ студентамъ это внезапное установленіе закрывало университетъ. Было о чемъ подумать. Студенты, желая выяснить этотъ очень важный для нихъ вопросъ, послали просить на сходку ректора. Явился Срезневскій (Плетневъ былъ за границей); онъ старался успокоить студентовъ, просилъ ихъ разойтись, но ничего изъ этого, конечно, не вышло. Затѣмъ къ вечеру, когда университетъ опустѣлъ, попечитель съ инспекторомъ и съ субъ-инспекторами освидѣтельствовали дверь актоваго зала и составили протоколъ о взломѣ (для чего былъ нуженъ этотъ протоколъ?) и по докладу попечителя лекціи были прекращены и университетъ на время закрытъ. Все это случилось 23 и 24 сентября.

На другой день уже съ ранняго утра студенты собрались къ университету огромной толпой, но въ университетъ никого не пускали. Студенты знали, что университетъ закрытъ, но сколько времени не будутъ читаться лекціи, какія причины закрытія университета, что затѣмъ будетъ, куда дѣваться студентамъ,—все это тревожило и волновало молодежь. Никто ничего не зналъ. Чтобы разрѣшить недоумѣніе, студенты рѣшили обратиться къ попечителю. Хотя Филипсонъ и былъ тогда въ университетѣ, но велѣлъ сказать, что его нѣтъ, и кто-то предложилъ идти къ Филипсону на квартиру. Онъ жилъ въ Колокольной. Толпа, какъ одинъ человѣкъ, тронулась въ стройномъ порядкѣ по набережной, на Дворцовый мостъ по Невскому. Это было, дѣйствительно, еще никогда невиданное зрѣлище. Студенты длинной колонной, въ ширину панели, шли медленно по Невскому, привлекая толпы любопытныхъ, не понимавшихъ, что это за процессія и куда она направляется. Пока студенты медленно подвигались, полиція дала знать по начальству и студенческую процессію встрѣтили въ Колокольной с.-петербургскій военный генералъ губернаторъ Игнатьевъ, оберъ-полицеймейстеръ Паткуль и рота солдатъ стрѣлковаго баталіона. Рота эта явилась случайно, она шла занимать караулы и ее вернули съ дороги. Почему потребовалось привлечь въ Колокольную вооруженную силу,—неизвѣстно, и также неизвѣстно, чѣмъ все это могло бы кончиться, если бы не пріѣхалъ попечитель, въ первый разъ, наконецъ, явившійся для объясненій. Филипсонъ понималъ, какъ далеко онъ завелъ дѣло. Онъ старался успокоить студентовъ, просилъ полицію и военное начальство не вмѣшиваться и согласился принять студентовъ для объясненій, но не на квартирѣ, а въ университетѣ, куда и обѣщалъ сейчасъ же пріѣхать.

Студенты, помня, какъ Филипсонъ уклонялся отъ объясненій, не повѣрили обѣщанію и просили его отправиться въ университетъ вмѣстѣ съ ними. Шествіе двинулось обратно съ Филипсономъ во главѣ; у гостинаго двора Филипсонъ сѣлъ на дрожки, но его просили ѣхать шагомъ, и вся процессія тѣмъ же путемъ, черезъ Дворцовый мостъ, медленно подошла къ университету. Студенческая толпа осталась на улицѣ и на дворѣ, и Филипсонъ принялъ для объясненія трехъ депутатовъ. Объясненіе заключалось въ томъ, примутъ ли студенты матрикулы. Депутаты отвѣтили, что если студенты и примутъ матрикулы, то только потому, что нельзя иначе, но будутъ ли исполнять правила,—они не знаютъ. Чтобы успокоить студентовъ, попечитель сказалъ, что лекціи начнутся на слѣдующей недѣлѣ, и просилъ разойтись. Толпа разошлась. Ночью были аресты.

Университетское начальство думало, что, арестовавъ «зачинщиковъ» и отнявъ у движенія предводителей, оно прекратитъ безпорядки. Но вышло, однако, не такъ. Шествіе въ Колокольную происходило въ понедѣльникъ, а во вторникъ оно было уже предметомъ общихъ разговоровъ. Арестъ тридцати студентовъ не уменьшилъ, а напротивъ, увеличилъ волненіе еще болѣе потому, что нѣкоторые были арестованы по недоразумѣнію или по ошибкѣ. Прекращеніе лекцій, хоть и временное, тоже не заключало въ себѣ ничего успокоительнаго. Наконецъ, полторы тысячи студентовъ, считавшихъ себя участниками этого дѣла, внесли живой интересъ къ ихъ судьбѣ, по крайней мѣрѣ, въ 4—5 тысячахъ семействъ, болѣе или менѣе близкихъ къ университетской молодежи и ей сочувствующихъ. Даже воспитанники другихъ заведеній были живо заинтересованы университетскимъ дѣломъ, считая себя солидарными со студентами. Дѣло какъ бы принимало характеръ общеучебнаго дѣла и еще болѣе расширяло симпатіи къ студентамъ. Молодежь (не учащаяся), въ особенности офицеры военныхъ академій, тоже принимала горячее участіе въ студентахъ. Говорили даже, что и воспитанники военно-учебныхъ заведеній собираются на сходки и замышляютъ демонстраціи. Что же касается студентовъ, то они волновались чуть ли еще не болѣе, чѣмъ раньше, и рѣшили опять собраться въ университетѣ. Вся эта подготовительная работа происходила во вторникъ.

По вторникамъ вечеромъ у профессора артиллерійской академіи, полковника Лаврова, собирался кружокъ преимущественно изъ артиллеристовъ; собрались и въ этотъ вторникъ. Конечно, университетская исторія была главнымъ предметомъ разговоровъ.

Лавровъ откуда-то узналъ, что сдѣлано распоряженіе, чтобы въ среду у университета была наготовѣ вооруженная сила. Это извѣстіе всѣхъ очень встревожило. Боялись какихъ-нибудь нечаянныхъ столкновеній, какого-нибудь глупаго, непредвидѣннаго обстоятельства, которое могло, однако, привести къ послѣдствіямъ очень печальнымъ и никому нежелательнымъ. Чтобы предупредить всякія случайности, Лавровъ думалъ, что было бы лучше, если бы между собравшимися студентами было побольше офицеровъ, что тогда и командиры войскъ, и солдаты будутъ сдержаннѣе и не рискнутъ рѣшительными дѣйствіями. Планъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе такимъ образомъ: утромъ въ среду два артиллерійскихъ офицера встали по обѣимъ сторонамъ Литейнаго моста, у Литейной, и всѣхъ офицеровъ (академистовъ) и студентовъ-медиковъ, шедшихъ въ городъ, останавливали, объясняли имъ, что у университета будетъ сходка, что явится войско, что студентовъ нужно выручить, и направляли идущихъ назадъ, черезъ мостъ, на Васильевскій островъ. Передъ университетомъ дѣйствительно собралась толпа студентовъ и на этотъ разъ болѣе многочисленная; тутъ были и студенты, и штатскіе, и офицеры. Студенты явились, чтобы добиться освобожденія арестованныхъ товарищей, а если этого нельзя, то чтобы арестовали всѣхъ. Генералъ-губернаторъ, оберъ-полицеймейстеръ и министръ народнаго просвѣщенія находились въ залѣ совѣта, а передъ университетомъ стоялъ баталіонъ Финляндскаго полка, жандармы, полицейскіе. Возбужденіе въ толпѣ было сильное, видъ вооруженной силы приводилъ молодежь въ экзальтированное состояніе, чуть не дошло до столкновенія; жандармскаго офицера, въѣхавшаго въ толпу, едва не стащили съ лошади; полицеймейстеръ, полковникъ Золотницкій взялъ одного офицера за руку и тотъ обнажилъ противъ него саблю, другого офицера генералъ-губернаторъ арестовалъ и велѣлъ солдатамъ его отвести. Это было нарушеніемъ военной дисциплины. Отойдя нѣсколько шаговъ, офицеръ скомандовалъ солдатамъ: «налѣво, кругомъ маршъ!» и солдаты исполнили команду, а офицеръ ушелъ. Ни до чего серьезнаго, впрочемъ, не дошло и около трехъ часовъ студенты разошлись, а войско возвратилось въ казармы. Усиленные патрули ходили до ночи по Васильевскому острову, а ночью снова были аресты. Въ слѣдующіе дни сходки продолжались, и такъ почти регулярно каждый день; приходила полиція, приходили войска; войска были поставлены въ манежѣ 1-го корпуса и, наконецъ, было сдѣлано распоряженіе, что университетскій дворъ, сѣни и нижній корридоръ подчиняются ге-

нералъ-губернатору. Университетъ какъ бы находился въ осадномъ положеніи. Такъ продолжалось до октября. Государь былъ въ Крыму, и всѣ мѣры противъ университета принимались генералъ-губернаторомъ и графомъ Путятинымъ.

Въ началѣ октября явилось въ газетахъ объявленіе министра, которымъ студенты, желающіе продолжать занятія въ университетѣ, приглашались взять матрикулы и прислать прошеніе объ этомъ по городской почтѣ на имя ректора; не приславшіе прошеній признавались оставившими университетъ. Распоряженіе это было задумано довольно ловко и не могло не внести смуты между студентами. Было очевидно, что прошеній поступитъ не мало, и, дѣйствительно, изъ 1.500 студентовъ 500 обратились къ ректору съ просьбой о выдачѣ матрикулъ. Наступало начало конца, но конецъ былъ не простой, а съ шумнымъ финаломъ. Въ день открытія университета, у дверей были поставлены сторожа, не пропускавшіе никого безъ матрикулъ, но и матрикулистовъ явилось немного. Человѣкъ 40—50 ходили, какъ потерянные по корридорамъ, въ аудиторіи не заглядывали и лекцій не было. То же повторилось и на другой день, и въ университетѣ царила полная пустота. Но не то было передъ университетомъ. Здѣсь собралась огромная толпа студентовъ-матрикулистовъ и нематрикулистовъ, и нематрикулисты, какъ видно, не теряли надежды одержать верхъ. И, дѣйствительно, ихъ энергія и возбужденіе оказались настолько заразительными, что болѣе слабые, уже заявившіе готовность подчиниться новымъ правиламъ, ощутили приливъ мужества, стали рвать матрикулы и перешли на сторону непокорныхъ. Волненіе росло, и чѣмъ все это могло кончиться, предсказать было трудно. Конецъ волненію положила военная сила. Студентовъ, стоявшихъ толпою у двери, какъ наиболѣе безпокойныхъ, окружили тройною цѣпью солдатъ и увели на дворъ университета черезъ заднія ворота со стороны Малой Невы. Студенты шли, не оказывая никакого сопротивленія, были веселы и даже довольны. На дворѣ полиція переписала имена арестованныхъ и затѣмъ ихъ вывели подъ конвоемъ изъ воротъ, чтобы вести въ крѣпость. У воротъ между тѣмъ собралась большая толпа публики и студентовъ, не попавшихъ подъ арестъ. Съ шумомъ и возгласами встрѣтила толпа арестованныхъ, одни прощались съ ними, другіе съ крикомъ кидали вверхъ фуражки, махали платками, наконецъ, многіе требовали, чтобы и ихъ тоже отвели въ крѣпость. Вся эта шумящая толпа была окружена солдатами и уведена въ крѣпость. Къ сожалѣнію, этотъ арестъ не обошелся такъ спокойно; сол-

даты, вѣроятно, были возбуждены, такъ что пустили въ ходъ приклады, и одинъ изъ публики получилъ ударъ штыкомъ по головѣ до крови. Это обстоятельство комментировалось затѣмъ Петербургомъ на разные лады. Говорили, что солдаты были очень озлоблены, что чуть не произошла рукопашная стычка, что одному изъ арестованныхъ разбили голову прикладомъ. Такъ какъ этими дѣйствовавшими солдатами была рота преображенцевъ, то заинтересованное общественное мнѣніе не поскупилось порицаніемъ и чувствомъ негодованія по адресу всего преображенскаго полка. Несомнѣнно, что въ прикладахъ и кровопролитіи надобности никакой не было.

Во все время студенческой исторіи было арестовано человѣкъ триста, и такъ какъ для всей массы не нашлось мѣста въ Петропавловской крѣпости, то послѣдне-арестованныхъ отправили на пароходахъ въ Кронштадтъ Правительство, какъ видно, относилось къ арестованнымъ не строго, да и всей вообще студенческой исторіи не придавало серьезнаго значенія. Студентовъ держали въ крѣпости въ общихъ камерахъ и не стѣсняли ихъ ни въ чемъ. Арестованные получали книги, газеты, свободно ходили изъ одной камеры въ другую и устраивали разныя развлеченія: литературные вечера и даже спектакли.

Для слѣдствія надъ студентами была назначена особая коммисія, въ которой депутатомъ отъ университета былъ профессоръ Андреевскій. Слѣдствіе продолжалось мѣсяца полтора и закончилось административнымъ распоряженіемъ: пятеро студентовъ были сосланы, 32 студента исключены изъ университета, остальные освобождены, а университетъ снова открытъ. Но этотъ открытый оффиціально университетъ не былъ уже живымъ организмомъ,—это былъ трупъ безъ души. Лекціи, хотя и начались, но ихъ никто не посѣщалъ, и «матрикулисты» въ аудиторіи не заглядывали, наконецъ, и профессора перестали ходить на лекціи. Возбужденное состояніе молодежи тоже продолжалось, всѣ были какъ-то натянуты, во всѣхъ, не только въ студентахъ, но и въ профессорахъ, и въ университетскомъ начальствѣ чувствовалось недовольство, неудовлетвореніе, тревога; студенты пытались составлять сходки, были настроены враждебно, строптиво и легко переходили къ неповиновенію. Такой университетъ, конечно, не могъ существовать и 20 декабря онъ былъ закрытъ окончательно до пересмотра университетскаго устава. Вслѣдъ за закрытіемъ университета вмѣсто графа Путятина назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ.

Передъ этимъ окончательннымъ финаломъ университетской

исторіи случилось еще одно обстоятельство, имѣвшее для университета, конечно, немалое значеніе и составлявшее предметъ общихъ разговоровъ. Университетъ оставили лучшіе его профессора: Борисъ Утинъ, Кавелинъ, Спасовичъ, Пыпинъ и Стасюлевичъ. Это былъ во всякомъ случаѣ гражданскій подвигъ, къ которому очень сочувственно отнеслось общественное мнѣніе. Причиной отставки было то, что профессора не видѣли никакой возможности служить съ пользой университету, не имѣя убѣжденія, что новый порядокъ вещей, устанавливаемый графомъ Путятинымъ, принесетъ пользу. Въ это же время оставилъ университетъ и его ректоръ Плетневъ, больше двадцати лѣтъ занимавшій эту должность. Такимъ образомъ графъ Путятинъ, принявшій университетъ цвѣтущимъ, полнымъ жизни, сдалъ его черезъ годъ въ видѣ развалинъ.

Въ университетскихъ исторіяхъ участвовалъ мой близкій родственникъ, съ которымъ мы жили вмѣстѣ, студентъ 1-го курса Е. П. Михаэлисъ. Это былъ замѣчательно даровитый, энергическій и глубоко нравственный юноша, какихъ и въ то время, богатое людьми, было немного. Онъ-то и былъ тѣмъ нервомъ, черезъ который мы чувствовали біеніе университетскаго пульса. Пылкій, умный и смѣлый, Михаэлисъ, несмотря на свои 18 лѣтъ, сумѣлъ выдѣлиться настолько, что былъ выбранъ въ депутаты, имѣлъ вліяніе и, къ сожалѣнію, попалъ въ категорію первыхъ пяти. Вмѣстѣ съ студентомъ Г. онъ былъ высланъ въ Петрозаводскъ, а потомъ, по представленію губернатора Арсеньева, отправленъ въ Тару Тобольской губерніи. Поводомъ послужило ничтожное обстоятельство. Устраивалась свадьба одной дѣвушки помимо воли родителей. Такія свадьбы всегда бывали, всегда бывало и то, что подобныя свадьбы дѣлались тайно — не на глазахъ же тѣхъ, кто не позволяетъ вѣнчаться! И тутъ вѣнчаніе происходило за городомъ, на первой почтовой станціи. Былъ ли Михаэлисъ только шаферомъ, или принималъ болѣе дѣятельное участіе (что при его характерѣ и чувствахъ было возможно), послужило ли поводомъ то, что Михаэлисъ выѣзжалъ изъ города, чего онъ не имѣлъ права дѣлать, — но эта тайная свадьба, не имѣвшая никакой связи съ университетскимъ движеніемъ, за которое Михаэлисъ попалъ въ Петрозаводскъ, привела его въ Тару. Ссылка въ Сибирь, да еще въ Тару, 18-тилѣтняго юноши, взятаго съ 1-го курса, ужъ, конечно, не могла помочь раскрытію для юноши горизонтовъ будущаго. Такъ Михаэлисъ въ Сибири и остался.

Съ даровитымъ Михаэлисомъ повторилась наша старая, престарая исторія. Никогда Россія не была богата умственными

людьми и, въ то же время, она никогда не берегла и не цѣнила своихъ даровитыхъ и способныхъ людей, точно ихъ у насъ такіе неистощимые запасы, что экономничать ими вовсе и не нужно. Наше внутренее народно-государственное хозяйство было всегда только пространственное и, какъ при Иванѣ III мы только собирали и укрѣпляли землю, такъ то же хозяйство продолжаемъ и до сихъ поръ. Періода интеллектуальнаго, когда всѣ силы страны направляются на развитіе ея умственныхъ средствъ, для насъ не наступило; мы все еще пока растемъ, но не умнѣемъ, мы даже боимся сильнаго и энергическаго умственнаго возбужденія, какое было у насъ, напримѣръ, при Петрѣ, въ началѣ царствованія Александра I и въ шестидесятыхъ годахъ; скоро утомляемся и затѣмъ уходимъ въ реакцію. Постоянно кипучую жизнь, какую ведутъ другіе европейскіе народы, мы вести не можемъ и въ нашей, такъ называемой, интеллигенціи есть пока очень небольшая часть, способная на постоянную и энергическую, поступательную и критическую умственную работу. У Гейне есть одно очень мѣткое замѣчаніе относительно Франціи первой революціи. Гейне говоритъ, что Франція отрубила тогда свои лучшія головы, и когда потомъ ей нужно было думать, у нея не нашлось для этого способныхъ головъ. Мы тоже всегда боялись лучшихъ головъ, и потому всегда оставались съ худшими. Все это я говорилъ по поводу Михаэлиса, способности котораго нельзя было не цѣнить; изъ него несомнѣнно вышелъ бы превосходный профессоръ-натуралистъ и выдающійся ученый, но судьба устроила иначе. Именно судьба. Петрозаводская ссылка его могла бы имѣть и другой конецъ, если бы въ концѣ письма къ Государю, написаннаго Михаэлисомъ, не вышелъ случайно чернильный жидъ. Эту исторію я слышалъ потомъ, уже много лѣтъ спустя, отъ князя А. А. Суворова. Я жилъ тогда въ Кадниковѣ, куда пріѣхалъ Суворовъ. Послѣ покушенія 4 апрѣля (Каракозова) Суворовъ оставилъ петербургское генералъ-губернаторство и былъ замѣщенъ генераломъ Треповымъ. Пріѣзжалъ ли Суворовъ въ Вологодскую губернію для инспекціи войскъ или какъ вологодскій помѣщикъ,—не помню, но я нашелъ его въ передней въ мундирѣ, съ орденами, принимавшимъ ординарцевъ. Князь Суворовъ встрѣтилъ меня дружески, точно онъ былъ радъ увидѣть человѣка, которому могъ передать чѣмъ болѣла его душа. А душа у него болѣла. Суворовъ увелъ меня въ гостиную (ему была отведена квартира у помощника исправника), сѣлъ на диванъ, посадилъ меня рядомъ на кресло и сталъ припоминать всѣ не-

давнія событія, нити которыхъ такъ или иначе были въ его рукахъ, какъ генералъ-губернатора. Выстрѣлъ Каракозова и затѣмъ недовѣріе, выраженное къ управленію Суворова, глубоко его обижало. Это была еще совсѣмъ живая, сочащаяся рана, не дававшая ему покоя, и онъ точно нарочно бередилъ ее. Ему было больно и обидно, что были предпочтены ему менѣе преданные. Въ особенности не любилъ Суворовъ Муравьева и не скупился на эпитеты, для него не особенно лестные. «Я люблю Государя, я преданъ ему, я глубокій монархистъ,—говорилъ Суворовъ,—но...» и затѣмъ онъ относился порицательно ко всей системѣ Муравьева, къ его жестокости и къ запоздалымъ мѣрамъ преслѣдованія. «Лаврова—говорилъ Суворовъ,—надо было сослать въ 1862 г., а не теперь; я ничего не могъ сдѣлать, вѣдь, это случай (покушеніе Каракозова); у меня и средствъ не было тѣхъ, а развѣ они предупредили покушеніе Березовскаго? Я поступалъ иначе; мнѣ доносятъ, что подготовляется движеніе, я посылаю за Чернышевскимъ (передаю буквально), говорю ему: пожалуйста, устройте, чтобы этого не было. Онъ даетъ мнѣ слово, и я ѣду къ Государю и докладываю, что все будетъ спокойно. Вотъ какъ я поступалъ!» (еще разъ повторяю, что пишу съ буквальной точностью, слышу эти слова какъ бы теперь). Затѣмъ воспоминанія перешли къ университетскимъ волненіямъ. Часть ихъ свершалась уже при Суворовѣ, смѣнившемъ Игнатьева. Къ студентамъ Суворовъ относился съ замѣчательною мягкостью и добротой. Онъ искренно любилъ молодежь, былъ всегда внимателенъ къ ея нуждамъ, помогалъ, чѣмъ и въ чемъ могъ, и студенты платили Суворову любовью и популярностью. Михаэлиса Суворовъ зналъ. На одной изъ сходокъ Михаэлисъ (еще съ кѣмъ-то) былъ выбранъ депутатомъ и посланъ къ Суворову для переговоровъ. Суворовъ обѣщалъ исполнить желаніе студентовъ, если Михаэлисъ дастъ слово, что сходка разойдется и не произойдетъ безпорядка. Михаэлисъ далъ слово, явился въ университетъ, съ бочки или съ дровъ произнесъ рѣчь, и сходка разошлась. Своимъ умѣньемъ ладить со студентами Суворовъ тоже гордился, а весь его секретъ заключался въ томъ, что онъ съ ними говорилъ почеловѣчески и не боялся вѣжливостью и гуманностью уронить свое достоинство и авторитетъ власти. Когда мы вспомнили о Михаэлисѣ, Суворовъ разсказалъ мнѣ исторію о злополучномъ чернильномъ жидѣ, измѣнившемъ всю судьбу Михаэлиса. Не явись случайно этотъ жидъ, Михаэлисъ былъ бы возвращенъ въ Петербургъ и не попалъ бы въ Тару. Михаэлисъ и Г. написали изъ Петрозаводска письмо къ Государю съ просьбой о позво-

ленія вступить снова въ университетъ и по торопливости или небрежности сдѣлали въ концѣ письма чернильное пятно; вмѣсто того, чтобы переписать письмо, они слизнули пятно языкомъ. Прочитавъ письмо и увидѣвъ въ концѣ его пятно, Государь остался недоволенъ и не далъ просьбѣ движенія. «Государь не привыкъ получать такія письма»,—замѣтилъ Суворовъ серьезно.

XIV.

Осенью или зимою 1860 года пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ съ письмомъ отъ А. Н. П. къ Михайлову Костомаровъ (Всеволодъ Дмитріевичъ, племянникъ историка Костомарова). Тогда, конечно, никто не думалъ, что знакомство это будетъ такимъ роковымъ. А. Н. П. рекомендовалъ Всеволода Костомарова, какъ поэта и переводчика Гейне, и просилъ Михайлова оказать ему содѣйствіе и помочь въ чемъ можно (такъ мнѣ помнится). Рекомендація была чисто-литературная. Но у Костомарова была и своя рекомендація, и совсѣмъ иного свойства. Онъ привезъ напечатанное на отдѣльныхъ листкахъ совсѣмъ нецензурное стихотвореніе, внизу котораго стояло пропечатанное всѣми буквами «Костомаровъ». Это было тогда настолько ново и настолько смѣло, что не могло не казаться чѣмъ-то выдающимся, особенно когда Костомаровъ объявилъ, что и печаталъ онъ самъ, что у него дома, въ Москвѣ, есть шрифтъ и все, что нужно для печатанья. Не припомню, начали ли появляться уже тогда въ Петербургѣ прокламаціи или произведеніе Костомарова было первымъ запрещеннымъ плодомъ этого рода.

Къ стр. 661 (701).

Впослѣдствіи (да и въ это время, когда онѣ стали появляться) значеніе прокламацій было преувеличено. Очень можетъ быть, что если бы онѣ свершили свой полный циклъ, получился бы иной результатъ, но ничего этого не случилось. Въ Петербургѣ явилось нѣсколько прокламацій: «Великороссъ», «Къ молодому поколѣнію», «Молодая Россія», и еще какія-то мелкія; были, говорятъ, прокламаціи на Волгѣ. У прокламацій не было ни общаго центра, ни общаго руководительства, это были скорѣе партизанскія дѣйствія неизвѣстныхъ отдѣльныхъ кружковъ, не имѣвшихъ никакой связи. По своему содержанію прокламаціи не отличались тоже ничѣмъ, что бы заставляло бояться за ихъ воздѣйствіе, но онѣ очень волновали общество и волновали не содержаніемъ, а просто актомъ смѣлости, который онѣ собой выражали, и рискомъ опасности, которую вызывала эта смѣлость.

Я говорю собственно объ обществѣ. Тѣ, кто писалъ и печаталъ прокламаціи, вѣроятно, имѣли въ виду не это одно, а хотѣли и пропагандировать извѣстныя идеи или выяснить народу условія и обстоятельства предстоящаго ему освобожденія. Такою, вѣроятно, и была прокламація «Къ народу», найденная у Костомарова наполовину напечатанной. Я, впрочемъ, не знаю, за что судился Костомаровъ, и за что онъ былъ разжалованъ въ солдаты. Въ свои пріѣзды изъ Москвы Костомаровъ жаловался на брата, что тотъ хочетъ на него донести и разъ даже просилъ 150 руб., которые братъ требовалъ за молчаніе. Очень можетъ быть, что ничего этого не было, но тогда Костомарову вѣрили. Былъ, впрочемъ, слухъ, что на Костомарова донесъ братъ. Во всей костомаровской исторіи было что-то темное.

Костомаровъ былъ уланскій корнетъ и, несмотря на военную форму, имѣлъ какъ бы подавленный, нѣсколько жалкій видъ; въ немъ чувствовались бѣднота и не то какая-то робость, не то какая-то зависимость. Вообще онъ на свое положеніе жаловался и, какъ видно, очень нуждался. У Костомарова былъ узкій кверху и убѣгающій назадъ, совершенно ровный, безъ возвышеній лобъ и подъ гребенку остриженная голова. Костомаровъ обыкновенно смотрѣлъ внизъ и рѣдко заглядывалъ въ глаза, а если это и случалось, то онъ сейчасъ же опускалъ глаза книзу. Разговаривалъ Костомаровъ мало, да и говорилъ вообще немного и имѣлъ видъ человѣка молчаливаго и сосредоточеннаго. На меня эта молчаливость, глаза, опущенные книзу, и убѣгающій узкій гладкій лобъ производили впечатлѣніе силы и рѣшимости. Нужно думать, что такое впечатлѣніе производилъ Костомаровъ и не на меня одного. Во всякомъ случаѣ ему вѣрили, его жалѣли, ему старались помочь и помогали въ дѣйствительности. Въ зиму 1860—1861 года Костомаровъ пріѣзжалъ въ Петербургъ раза четыре.

Лѣтомъ 1861 г. мы съ Михайловымъ уѣхали за границу, сначала въ Наугеймъ, на воды, потомъ я уѣхалъ въ Парижъ, а Михайловъ въ Лондонъ. Изъ-за границы Михайловъ вернулся мѣсяцемъ раньше меня. Я пріѣхалъ только къ сентябрю, къ началу лекцій, и узналъ отъ Михайлова, что онъ видѣлся нѣсколько разъ съ Костомаровымъ. Въ эти свиданія Михайловъ не находилъ нужнымъ ничего скрывать отъ Костомарова и даже далъ ему одинъ экземпляръ привезенной Михайловымъ изъ Лондона прокламаціи. Затѣмъ прошелъ слухъ, что Костомаровъ арестованъ, но за что, никто не зналъ. Обвиняли брата. Арестъ Костомарова прошелъ незамѣтно, потому что никто Костомарова не зналъ,

но Михайлова этотъ арестъ кольнулъ въ сердце и заставилъ тревожиться. Онъ какъ бы увидѣлъ ужъ надъ собою тучу, и предчувствіе его не обмануло.

Прокламація «Къ молодому поколѣнію» была распространена съ большимъ шумомъ и съ замѣчательной смѣлостью. Въ это «прокламаціонное время» прокламаціи вообще распространялись съ большою смѣлостью и довольно открыто. Случалось встрѣчать знакомыхъ съ оттопыренными боковыми карманами, и на вопросъ «что это у васъ?» получался совершенно спокойный отвѣтъ: «прокламаціи», точно это какое-нибудь дозволенное и даже одобренное произведеніе печати. Или у васъ звонятъ. Вы отворяете дверь и видите знакомаго, который, не говоря ни слова и даже дѣлая видъ, что не узналъ васъ, суетъ вамъ въ руку пукъ прокламацій и торопливо уходитъ съ такимъ же инкогнито. Прокламаціи раскладывали въ театрѣ на кресла, въ видѣ афишъ, приклеивали къ стѣнкамъ въ концертныхъ залахъ, совали, какъ разсказываютъ, даже въ карманы, а про прокламаціи «Къ молодому поколѣнію» говорили, что какой-то господинъ ѣхалъ на бѣломъ рысакѣ по Невскому и раскидывалъ ее направо и налѣво. Наконецъ, прокламаціи разсылались по почтѣ. Съ особенной смѣлостью распространялась и прокламація «Къ офицерамъ». Она была распространена въ христову заутреню и, какъ разсказывали, раздавалась даже въ церквахъ. Я уже говорилъ, что этого рода мелкія прокламаціи были просто актомъ смѣлости и производили впечатлѣніе хлопающихъ петардъ. По отношенію къ обществу онѣ не имѣли никакого значенія.

На другой день послѣ распространенія прокламаціи «Къ молодому поколѣнію», у Михайлова былъ обыскъ, очень тщательный, окончившійся только къ 7 часу утра. Ничего компрометирующаго найдено не было. Въ числѣ лицъ, производившихъ обыскъ, былъ молодой и благородный господинъ въ штатскомъ, съ брилліантовымъ перстнемъ на пальцѣ. Господинъ этотъ прямого участія въ обыскѣ не принималъ, такъ что роль его казалась нѣсколько таинственной. Дня черезъ два таинственный человѣкъ обогналъ меня на Милліонной, онъ ѣхалъ въ эгоисткѣ, на сѣромъ рысакѣ. Черезъ нѣсколько времени мнѣ нужно было быть у Суворова, и, когда начался пріемъ, вошелъ этотъ самый таинственный человѣкъ, но ужъ не въ штатской, а въ полицейской формѣ и съ Станиславомъ на шеѣ. Суворовъ подошелъ къ нему, поговорилъ и отпустилъ. Таинственнымъ человѣкомъ оказался извѣстный въ то время сыщикъ Путилинъ, способностями котораго теперь думали пользоваться въ политическихъ дознаніяхъ.

По окончаніи обыска, лица, его производившія, были какъ бы въ нерѣшительности, какъ имъ поступить. Была написана записка, послана куда-то съ жандармомъ, прошло болѣе получаса томительнаго для всѣхъ ожиданія, но, наконецъ, жандармъ вернулся съ отвѣтомъ. Михайлова просили одѣться и увезли. Вечеромъ я поѣхалъ къ Добролюбову и передалъ ему всѣ подробности обыска и ареста.

Арестъ Михайлова произвелъ большое впечатлѣніе, особенно въ литературномъ кружкѣ. Это былъ первый арестъ лица, уже имѣвшаго извѣстное общественное положеніе и популярное имя. Арестъ Михайлова былъ во всякомъ случаѣ событіемъ крупнымъ и дѣйствіемъ серьезнымъ, возбудившимъ тревогу и боязнь за его судьбу. Дня черезъ два или три у графа Кушелева собрались почти всѣ петербургскіе литераторы, чтобы обсудить это дѣло, посовѣтоваться и предпринять что-нибудь въ пользу Михайлова. Толпа была большая, по крайней мѣрѣ человѣкъ до ста, совѣщались въ билліардной и рѣшили подать министру народнаго просвѣщенія (печать состояла тогда въ его вѣдѣніи) петицію отъ сословія литераторовъ, съ просьбой принять участіе въ судьбѣ Михайлова, и если въ дѣйствіяхъ его есть что-нибудь несомнѣнно подвергающее его отвѣтственности, то къ слѣдствію назначить депутата отъ литераторовъ. По крайней мѣрѣ, въ такомъ видѣ у меня удержалось въ памяти наше рѣшеніе. Прошеніе къ министру поручено было составить Громекѣ, который тутъ же, на билліардѣ, редактировалъ его, и редакція была одобрена. Громека былъ жандармскій штабъ-офицеръ, литераторъ и отличался энергическимъ, сильнымъ стилемъ. Это тотъ самый Громека, о которомъ Добролюбовъ сказалъ, что онъ:

...съ силой адской
Все о полиціи писалъ.

Съ такой же силой адской было составлено и наше прошеніе.

Чтобы представить его министру, были выбраны депутатами графъ Кушелевъ, Краевскій и Громека. На второй или на третій день депутація отправилась къ министру и просила о себѣ доложить. Путятинъ, уже достаточно искушенный университетскими исторіями, попросилъ къ себѣ въ кабинетъ одного графа Кушелева. Когда Кушелевъ объяснилъ, что онъ не одинъ, а что съ нимъ и другіе депутаты, явившіеся отъ сословія литераторовъ съ просьбой принять участіе въ судьбѣ Михайлова, то Путятинъ отвѣтилъ, что «сословія» литераторовъ въ Россіи нѣтъ, но просьбу

принялъ. Понятно, что для Михайлова полезныхъ послѣдствій она никакихъ имѣть не могла, но зато имѣла непріятныя послѣдствія для депутатовъ. Государь велѣлъ посадить ихъ на одну или двѣ недѣли (кажется) на гауптвахту, но потомъ простилъ.

Черезъ недѣлю прошелъ слухъ, что Михайловъ во всемъ сознался и затѣмъ былъ переданъ суду сената.

Михайловъ содержался въ крѣпости и содержался очень хорошо. Свиданія съ нимъ, конечно, никому не разрѣшались, но дозволялось посылать ему книги, съѣстное, папиросы. Такъ какъ большинство этихъ предметовъ проходило черезъ мои руки и доставлялось женщинами, то не думаю, чтобы было преувеличеніемъ, если я скажу, что Михайловъ, конечно, во всю жизнь не ѣлъ столько рябчиковъ и всякихъ родовъ варенья, сколько ему теперь посылалось. Вообще онъ вызывалъ къ себѣ большое сочувствіе, тѣмъ болѣе, что по роду обвиненія было уже ясно, что можетъ его ожидать. Сибирь и каторжная работа, предстоявшія Михайлову, леденили кровь даже при одномъ упоминаніи о нихъ. Михайловъ же былъ очень слабаго сложенія и страдалъ болѣзнью сердца. Понятно, насколько близкіе къ нему люди старались принять заблаговременно мѣры, чтобы по возможности облегчить ему хотя бы только путешествіе по Сибири. Но для этого требовались средства, а ихъ у Михайлова не было. И вотъ въ разныхъ кружкахъ пошла подписка, въ энергіи и успѣшности которой мужчины соперничали даже съ женщинами. Женщины, однако, я думаю, были все-таки энергичнѣе. Онѣ, напримѣръ, собрали сто рублей серебряными пятачками, чтобы Михайловъ не нуждался въ дорогѣ въ мелкихъ деньгахъ.

Судъ надъ Михайловымъ происходилъ очень торжественно; торжественность заключалась уже въ одномъ томъ, что это былъ судъ сената. Но кромѣ того этотъ первый, давно уже не видѣнный общественный судъ по политическому преступленію и надъ человѣкомъ извѣстнымъ, и въ ту пору общаго возбужденія, когда волновали общество еще и университетскія исторіи, не могъ не повышать впечатлительности и безъ того уже наэлектризованнаго общества. Волновалась, конечно, больше всего молодежь. Въ день суда у воротъ Галерной, въ самыхъ воротахъ и на задней лѣстницѣ сената въ этихъ воротахъ, стояла толпа молодежи и не-молодежи, ожидая, когда привезутъ Михайлова, и расходилась только тогда, когда Михайлова опять увозили въ крѣпость.

Дѣло Михайлова шло быстро и кончилось въ два мѣсяца.

Сенатъ приговорилъ его къ 15 годамъ каторжной работы въ рудникахъ, но государь помиловалъ и уменьшилъ срокъ до 7 лѣтъ. Теперь наступило время снаряженія Михайлова въ дорогу. Я составилъ записку и отправился съ нею къ Потапову, управляющему III отдѣленіемъ. Въ запискѣ я объяснялъ, что у Михайлова нѣтъ никого въ Петербургѣ родныхъ, кто бы могъ принять участіе въ его судьбѣ, что онъ слабаго здоровья, что длинный сибирскій путь зимою можетъ быть для него гибелью—и что поэтому я, какъ самый близкій человѣкъ къ Михайлову, прошу дозволить мнѣ доставить ему вещи, необходимыя на дорогу. Потаповъ, прочитавъ записку, взглянулъ на меня въ бокъ и сказалъ: «вы, кажется, жили съ Михайловымъ въ одномъ домѣ?» Я поклонился, но ничего не отвѣтилъ (я жилъ съ Михайловымъ въ одной квартирѣ). Разрѣшеніе Потаповъ мнѣ далъ. Я купилъ хорошій зимній троичный возокъ и массу теплыхъ вещей, и все это доставилъ, куда слѣдуетъ. Кромѣ того Михайлову былъ сшитъ ватный нагрудникъ, простеганный въ клѣтку и въ каждой клѣткѣ была зашита рублевая бумажка,—и ихъ было, кажется, сто; купилъ Евангеліе, въ крышкахъ переплета котораго были заклеены тоже деньги. Это дѣлалось потому, что каторжнымъ денегъ имѣть при себѣ нельзя, а нагрудникъ и Евангеліе имѣть можно. Нагрудникъ и Евангеліе я доставилъ, для передачи ихъ Михайлову, крѣпостному коменданту.

Время отправленія Михайлова приближалось и хотя я и зналъ, что по закону дворяне отъ кандаловъ освобождаются, но для большей увѣренности, что это такъ будетъ, поѣхалъ переговорить къ Суворову. Суворовъ никакъ не соглашался отправить безъ кандаловъ; сколько я ни ссылался на законъ, онъ стоялъ на своемъ и указывалъ на декабристовъ, которые отправлены были въ кандалахъ. Оставалось, конечно, только подчиниться. Въ этихъ хлопотахъ съ отправкой мнѣ случилось не разъ бывать у Суворова, который дѣлалъ все, что онъ могъ, чтобы облегчить положеніе Михайлова; такого добраго, мягкаго и простого въ обращеніи генерала мнѣ еще не случалось встрѣчать. Въ послѣднее посѣщеніе, когда я просилъ разрѣшенія проститься съ Михайловымъ, Суворовъ мнѣ говорилъ: «знайте, что если будетъ какое-нибудь покушеніе, чтобы освободить Михайлова, жандармамъ отдано приказаніе его застрѣлить». Я понималъ, что Суворовъ пугаетъ, но отвѣтилъ, что Михайлова никто освобождать не хочетъ, да и прежде чѣмъ освобождать, нужно еще спросить, захочетъ ли онъ, чтобы его освобождали. Но тѣмъ не менѣе Суворовъ принялъ мѣры предосторожности, и Михай-

ловъ былъ вывезенъ изъ Петербурга въ крытыхъ саняхъ и только со станціи Шильдихи (за Шлиссельбургомъ) Михайлова повезли въ его возкѣ и обычнымъ порядкомъ съ жандармами.

Въ то время о Сибири знали по «Запискамъ изъ Мертваго дома», и этого, конечно, было вполнѣ достаточно, чтобы бояться за Михайлова. И я поѣхалъ къ Суворову просить его написать къ мѣстнымъ властямъ, чтобы Михайлову было оказано возможное снисхожденіе. Суворовъ обѣщалъ и написалъ письма къ соотвѣтственнымъ властямъ (къ кому именно—я не знаю). Письма эти помогли Михайлову, но вмѣстѣ съ тѣмъ породили и нѣкоторыя недоразумѣнія, имѣвшія печальный конецъ—не для Михайлова, конечно, свершившаго дорогу спокойно и благополучно. Теперь прошло уже четверть вѣка съ тѣхъ поръ, но не только теперь, когда всѣ страсти давно уже успокоились, но и тогда нельзя было не отнестись съ полной признательностью ко всѣмъ лицамъ, отъ которыхъ такъ или иначе зависѣла судьба Михайлова. Я уже не говорю о Суворовѣ,—этомъ дѣйствительно добромъ, гуманномъ и вполнѣ культурномъ человѣкѣ, сочувствовавшемъ каждому человѣческому страданію; но и всѣ остальныя властныя лица, отъ высшихъ до низшихъ, начиная съ крѣпости и кончая сибирскими властями, относились къ Михайлову съ бережливостью и внимательностью, которая дѣлала имъ большую честь. Такое ужъ было время.

Прибавлю, что Герценъ не одобрялъ прокламаціи «Къ молодому поколѣнію», и мнѣ думается, что онъ боялся за Михайлова.

Въ то время, какъ дѣло Михайлова и судьба его привлекали къ себѣ общее вниманіе, Костомаровъ сидѣлъ въ заключеніи, и никто не интересовался ни имъ, ни его судьбой. Прошло года полтора. Костомаровъ былъ разжалованъ въ солдаты и отправленъ на Кавказъ. Но онъ былъ отправленъ способомъ не совсѣмъ обычнымъ: его сопровождалъ жандармскій офицеръ, капитанъ Чулковъ. Въ Тулѣ Костомаровъ заболѣлъ и, вѣроятно, настолько серьезно, что почувствовалъ потребность написать откровенное и задушевное письмо къ близкому ему человѣку. Этимъ близкимъ лицомъ оказались не мать, не кто-нибудь изъ родныхъ его, а совершенно посторонній человѣкъ, нѣкто Николай Ивановичъ Соловьевъ. Соловьевъ, какъ показывалъ Костомаровъ, былъ почтенный старикъ, у котораго Костомаровъ бралъ уроки греческаго и санскритскаго языковъ. Старикъ полюбилъ Костомарова, который тоже къ нему привязался. Вотъ этому-то почтенному и близкому по душѣ человѣку Костома-

рово излагалъ свой взглядъ на внутреннее состояніе Россіи и на ея общественное движеніе послѣдняго времени. Костомаровъ въ порядкахъ Россіи не находилъ ничего такого, что могло бы вызывать противъ нихъ неудовольствія, а тѣмъ болѣе протесты. Главную причину, порождавшую смуту въ умахъ и приводившую къ безпорядкамъ, Костомаровъ усматривалъ въ поведеніи отдѣльныхъ лицъ. И между ними онъ считалъ особенно виновными Чернышевскаго, которому приписывалъ прокламацію къ народу (наполовину набранную Костомаровымъ и у него арестованную), Михайлова, написавшаго прокламацію «Къ молодому поколѣнію», и меня (слѣдовало обвиненіе тоже въ прокламаціи). Это письмо, адресованное «до востребованія» въ Петербургъ, имѣло несчастье попасть не по своему адресу и дало основаніе для двухъ новыхъ судебныхъ дѣлъ. Дѣлъ этихъ я здѣсь касаться не стану, потому что имѣю въ виду сдѣлать только характеристику Костомарова.

Для выясненія личности Николая Ивановича Соловьева были сдѣланы справки, и въ Петербургѣ оказались три Николая Ивановича, и всѣ они Соловьевы, и всѣ они надворные совѣтники (какъ и тотъ, къ которому писалъ Костомаровъ), но когда ихъ показали Костомарову, а Костомарова имъ, ни Костомаровъ не призналъ ихъ знакомыми, ни они Костомарова. Очень, можетъ быть, что тотъ Соловьевъ, которому писалъ Костомаровъ, не былъ лицомъ миѳическимъ, но во всякомъ случаѣ во время справокъ его въ Петербургѣ не оказалось. Да и для чего бы Костомарову изобрѣтать миѳическаго корреспондента, когда то, что онъ писалъ, онъ могъ бы написать и матери, и брату, хотя бы даже и тому, который на него донесъ. Вѣдь сущность заключалась не въ лицѣ, которому писалось, а въ письмѣ, которое писалось. Костомаровъ, когда я уже потомъ сталъ всматриваться въ него, особенно послѣ нѣкоторыхъ фактовъ, показался мнѣ не въ «порядкѣ». Откуда его озлобленіе, мрачное, подавленное, сосредоточенное состояніе и выдумки, похожія на бредъ человѣка, страдающаго галлюцинаціями? Онъ просто сочинялъ обвиненія и выдумывалъ чистыя несообразности, которыя всѣмъ и сразу были очевидны. И все это онъ дѣлалъ съ какой-то упрямой, злой настойчивостью, по своему обыкновенію опустивъ глаза внизъ, точно онъ въ этомъ зломъ упрямствѣ черпалъ мужество обвиненія и боялся, что оно исчезнетъ, если онъ взглянетъ въ глаза. И странное дѣло, этотъ обвинитель возбуждалъ состраданіе; въ немъ чувствовалось что-то ноющее, какая-то внутренняя болѣющая точка. Вся мрачная, молчаливая подавленность, которая

замѣчалась и ранѣе въ Костомаровѣ, приняла двойные размѣры, и въ то же время ни одной искры теплаго чувства не выскакивало теперь изъ его мрачнаго, холоднаго и злого взгляда. Костомаровъ точно весь застылъ, закалился и ушелъ въ себя. Разъ мы стояли съ Костомаровымъ на двухъ противоположныхъ концахъ довольно длиннаго канцелярскаго стола, оба должны были писать поочереди. Чернильница стояла у моего конца. Когда очередь дошла до Костомарова, и онъ потянулся съ перомъ къ чернильницѣ, я взялъ ее и подвинулъ къ нему. Это была даже и не вѣжливость: я видѣлъ, что человѣку неудобно, и просто сдѣлалъ то, что онъ бы и самъ могъ сдѣлать. Костомаровъ взглянулъ на меня такимъ стальнымъ, острымъ, злымъ взглядомъ, какимъ нормальный человѣкъ, въ подобномъ случаѣ, никогда бы не взглянулъ. Причины для ненависти ко мнѣ у Костомарова быть не могло. Лично у меня съ Костомаровымъ почти не было никакихъ отношеній и не знаю, сказалъ ли я съ нимъ во все наше знакомство больше десяти словъ. А между тѣмъ, именно я сталъ главнымъ «объектомъ» его фантазіи и озлобленія. Такъ этотъ вопросъ и остался для меня темнымъ.

Главными отличительными чертами характера Костомарова, какъ мнѣ кажется, были трусость и хвастливость. Хвастливость довела его и до либеральныхъ стишковъ и до ихъ печатанія. Вообще это натура была придавленная, приниженная и пассивная. И вотъ, когда ужъ и такъ урѣзанная жизнь Костомарова кончилась заключеніемъ и солдатчиной, этого оказалось слишкомъ, чтобы онъ могъ вынести безъ протеста, но протеста въ формѣ жалобы и обвиненія другихъ. Это обыкновенная форма протеста всѣхъ слабыхъ людей, привыкшихъ повиноваться чужой волѣ. Слабый и неумный, Костомаровъ, потерявъ душевное равновѣсіе, потерялъ и способность правильно понимать свои поступки. Личное чувство, и такъ уже въ немъ должно быть безмѣрное, въ заключеніи развилось еще больше; онъ преувеличилъ свое несчастье и озлобился. Неоспоримо, что это былъ человѣкъ больной и несчастный. Теперь уже его нѣтъ въ живыхъ. Костомаровъ не пережилъ шестидесятыхъ годовъ, въ которыхъ не нашелъ себѣ мѣста. (701—708).

Я жилъ въ то время на Царскосельскомъ проспектѣ (Михайловъ былъ уже увезенъ въ Сибирь), въ домѣ Серно-Соловьевичей, дверь противъ двери съ ихъ квартирой. Разъ приходитъ ко мнѣ младшій Серно-Соловьевичъ (Александръ) и таинственно предупреждаетъ, что въ теченіе трехъ-четырехъ дней къ нимъ будетъ заходить неудобно. Это предупрежденіе Серно-Соловье- Къ стр. 667 (714).

*

вичъ сдѣлалъ изъ предосторожности. Теперь каждые шаги по лѣстницѣ имѣли для меня что-то таинственное. Вотъ кто-то поднимается, останавливается на нашей площадкѣ, и я притаиваю дыханіе, прислушиваюсь, жду, что будетъ дальше; дверь отворяется, сейчасъ же затворяется, таинственный посѣтитель исчезаетъ и опять водворяется гробовая тишина, еще больше настраивающая меня въ чувствѣ тревожнаго ожиданія. Не скажу, чтобы это чувство было пріятное. Шаги таинственныхъ посѣтителей слышались и днемъ, и вечеромъ, и ночью, и чѣмъ они слышались позже, тѣмъ больше ихъ таинственная загадочность возбуждала во мнѣ тревогу, хотя я нисколько не боялся ни за Серно-Соловьевичей, ни за себя. Тогда въ Петербургѣ жилось еще патріархально, и все дѣлалось довольно открыто. Если случалось собираться молодежи, то въ какой бы поздній часъ она потомъ ни расходилась, она высыпала изъ воротъ, или изъ подъѣзда «трубой», съ шумомъ, гамомъ, говоромъ и смѣхомъ. Иначе поступали поляки. Собираясь, даже для самыхъ невинныхъ цѣлей, они выходили по одиночкѣ, съ сторожливой осторожностью и расходились въ разныя стороны, одинъ поворачивалъ направо, другой шелъ налѣво, третій, съ скромнымъ видомъ одинокаго путника, переходилъ на противоположную сторону улицы. Конечно, эта искусственная таинственность была подозрительнѣе русской «трубы», но какъ нравы тогда были еще простые, то и «труба» и таинственность одинаково не обращали на себя ничьего вниманія. Вѣроятно, никѣмъ не была замѣчена и осторожность Серно-Соловьевичей. Когда Серно-Соловьевичъ снялъ съ меня запрещеніе, все получило свой обыкновенный видъ, и жизнь потекла по-прежнему. Кельсіевъ вернулся благополучно въ Лондонъ. Серно-Соловьевичи были спокойны.

Когда я переѣхалъ къ Серно-Соловьевичамъ, у нихъ служилъ какой-то необыкновенный лакей: изящный, красивый, съ салонными манерами, говорившій интеллигентнымъ языкомъ. Все это было подозрительно, а въ особенности, никому не нравилась внимательность, съ которой интеллигентный лакей относился къ разговорамъ. Николай Серно-Соловьевичъ, болѣе довѣрчивый, смотрѣлъ на интеллигентнаго камердинера довольно безразлично, но Александръ думалъ иначе и былъ склоненъ подозрѣвать въ немъ не простого лакея, получающаго жалованье только отъ Серно-Соловьевичей. Конечно, въ этомъ щекотливомъ вопросѣ не могли не принять участія друзья, которые и позаботились обставить Серно-Соловьевичей прислугой болѣе подходящей. По рекомендаціи друзей, мѣсто интеллигентнаго лакея занялъ де-

ревенскій парень, въ красной русской рубашкѣ и штанами въ сапоги бутылками, взятый изъ одного книжнаго магазина; а въ кухарки была отрекомендована дѣвушка (уже немолодая) изъ вѣрной и хорошей мѣщанской семьи. Судя по тому, что Кельсіевъ успѣлъ уѣхать благополучно, нужно думать, что пріѣздъ его сдѣлался извѣстнымъ уже послѣ и всего вѣроятнѣе по чьей-нибудь неосторожной откровенности. Мы, русскіе, кажется, больше всѣхъ народовъ, оправдываемъ справедливость извѣстнаго евангельскаго изреченія, что «нѣтъ ничего тайнаго, что не сдѣлалось бы извѣстнымъ людямъ». Мнѣ одинъ жандармскій штабъ-офицеръ (онъ уже умеръ), подъ надзоромъ котораго я состоялъ, говорилъ, что ему совсѣмъ незачѣмъ держать агентовъ. «Сидя дома, я знаю все, что дѣлается въ городѣ, каждый, кто пріѣзжаетъ ко мнѣ съ визитомъ или въ гости, разсказываетъ все, что онъ видѣлъ или слышалъ»,—и улыбка, которою полковникъ комментировалъ свои слова, говорила ясно, какъ онъ оцѣнилъ эти наивныя услуги своихъ посѣтителей. Но какимъ бы способомъ пріѣздъ Кельсіева ни огласился, послѣдствія огласки оказались очень печальными: Николай Серно-Соловьевичъ былъ арестованъ. Черезъ нѣсколько времени былъ арестованъ и деревенскій парень и взята къ допросу и «вѣрная» кухарка. Парень долго не дѣлалъ никакихъ показаній и говорилъ, что ничего не знаетъ, но вѣрная кухарка оказалась всезнающей и на очныхъ ставкахъ съ парнемъ запальчиво, съ налетомъ, уличала его въ томъ, что онъ говоритъ неправду, что къ Серно-Соловьевичамъ ходили такія-то и такія-то лица. Чтобы покончить съ упорствомъ парня, были употреблены угрозы, и парень, наконецъ, подтвердилъ слова вѣрной кухарки. Послѣ этого парня выпустили, кухарку оставили въ покоѣ, но они къ Серно-Соловьевичамъ уже больше не поступили; Николай Серно-Соловьевичъ сидѣлъ въ крѣпости, а Александръ убѣжалъ за границу.

Подробностей дѣла Серно-Соловьевича я не знаю. Случилось мнѣ, правда, встрѣтиться потомъ съ Николаемъ Серно-Соловьевичемъ, но при такой обстановкѣ, которая для собесѣдованія не представляла особенныхъ удобствъ. Даже объ арестѣ Николая Серно-Соловьевича я узналъ случайно, находясь уже въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Проходя по корридору на прогулки, я слышалъ постоянно въ одномъ изъ номеровъ мѣрные глухіе удары какъ бы падающаго мягкаго тѣла. Меня очень заинтересовало, отчего могутъ происходить такіе странные звуки. Спросить же у стражи съ тѣмъ, чтобы не получить отвѣта, мнѣ не хотѣлось. Но разъ меня провожалъ нашъ брадобрей, солдатъ, съ

которымъ я былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Подходя къ таинственному номеру, я опять слышу тѣ же непонятные для меня звуки. «Что это такое?»—спрашиваю я моего провожатаго. — «Это Серно-Соловьевичъ играетъ мячикомъ», отвѣтилъ онъ (онъ сказалъ не мячикомъ, а «мечикомъ»). Такимъ образомъ я узналъ двѣ пріятныя вещи, что Николай Серно-Соловьевичъ мой сожитель и играетъ въ мячикъ, и что я могу тоже питать надежду пользоваться такимъ же гигіеническимъ развлеченіемъ. Но сюрпризъ болѣе пріятный судьба берегла для меня впереди. Шелъ я разъ на свиданье и только что мы (я со стражей) повернули изъ нашего корридора въ другой, какъ съ противоположной стороны вышелъ изъ-за угла Серно-Соловьевичъ (тоже со стражей), но въ халатѣ; значитъ возвращался съ прогулки. Ничего не оставалось дѣлать, какъ той и другой партіи продолжать свое шествіе. И обѣ партіи, не измѣнивъ шагу, шли мѣрно навстрѣчу одна другой; вотъ мы приближаемся, я смотрю прямо въ лицо Серно-Соловьевичу, не дѣлая вида, что его знаю, только чувствую, что въ глазахъ моихъ свѣтится радость. Серно-Соловьевичъ держитъ себя точно такъ же, но и у него глаза радуются. Наконецъ, мы сходимся, даемъ другъ другу дорогу... это была самая пріятная минута, и затѣмъ каждый продолжаетъ свой путь съ тою же наружной холодной сдержанностью. Со стороны стражи это была непростительная оплошность, но, конечно, не ради нея я заговорилъ объ этомъ случаѣ. Разъ ко мнѣ въ комнату забрался трубочистъ (печи топились изъ корридора, а трубы открывались въ комнатѣ), потомъ стражъ, впустившій его, просилъ меня самымъ убѣдительнымъ образомъ какъ-нибудь не проговориться смотрителю или старшему. Но тутъ никто ни о чемъ не просилъ, само собою понималось и всѣмъ было ясно, что этотъ случай настолько необычайный, даже невозможный, что всякая мысль о немъ должна умереть, точно ничего никогда не было. Больше Серно-Соловьевича я не видѣлъ, но потомъ я слышалъ, что онъ умеръ въ Иркутскѣ, вѣроятно, на пути куда-нибудь подальше (714—716).

Къ стр. 673 (722). Кромѣ канцелярскихъ тайнъ литературнаго характера, случались разглашенія болѣе серьезныя, ужъ несомнѣнныхъ секретовъ. Бывало, что лицо, у котораго предполагался обыскъ, предупреждалось объ этомъ письмомъ. Предупреждались и объ арестахъ. Такъ, былъ предупрежденъ Н. У., убѣжавшій за границу, былъ предупрежденъ и Александръ Серно-Соловьевичъ, поступившій такъ же.

Объ Александрѣ Серно-Соловьевичѣ сохранились у меня

самыя свѣтлыя воспоминанія. Это былъ человѣкъ кипучей энергіи, горячій, скорый, смѣлый и очень умный. Когда я съ нимъ познакомился, ему было лѣтъ двадцать пять. Онъ былъ именно способенъ ѣхать среди бѣлаго дня на рысакѣ по Невскому и разбрасывать направо и налѣво прокламаціи. Въ Швейцаріи, гдѣ онъ поселился, онъ сталъ вождемъ и трибуномъ рабочихъ. Когда онъ умеръ, швейцарскіе рабочіе поставили на его могилѣ памятникъ. Это нужно было заслужить. Вначалѣ Серно-Соловьевичъ сблизился съ Герценомъ, но потомъ разошелся и кончилъ печатной съ нимъ полемикой. Въ ней Серно-Соловьевичъ обнаружилъ большой талантъ и по ѣдкости, блеску и остроумію бралъ рѣшительный верхъ надъ Герценомъ. Постоянное сильное возбужденіе, экзальтація и жизнь во-всю разбили, наконецъ, сильный организмъ Серно-Соловьевича, и онъ сошелъ съ ума. Вначалѣ болѣзнь перемежалась съ свѣтлыми промежутками, и когда свѣтлый промежутокъ приходилъ къ концу, и наступали приступы болѣзни, Серно-Соловьевичемъ овладѣвало сильное безпокойство, и онъ очень мучился. Но, должно быть, состояніе помѣшательства было еще мучительнѣе и томило нравственно гордаго и самолюбиваго Серно-Соловьевича, потому что онъ просилъ директора заведенія, въ которомъ лѣчился, сказать ему, когда наступитъ послѣдній свѣтлый промежутокъ. И докторъ имѣлъ неосторожность исполнить просьбу больного. Тогда Серно-Соловьевичъ поставилъ на ночь къ себѣ въ комнату жаровню съ калеными угольями, легъ—и кончилась его боевая, дѣятельная и рано погибшая, несчастная жизнь. А впрочемъ, можетъ быть, то былъ и лучшій исходъ? По энергіи темперамента, по пылкой страстности характера, по быстротѣ соображенія, тонкому, ироническому уму и по беззавѣтности, съ какой Серно-Соловьевичъ отдавался дѣлу, не думая о себѣ,—онъ былъ одинъ изъ очень немногихъ людей того времени. И эта замѣчательная протестующая и реформаціонная сила не нашла себѣ мѣста. Мнѣ думается, что подобные люди должны рождаться для такихъ эпохъ, какъ эпоха Петра Великаго. Для этого типа людей требуется очень много дѣла и крупнаго дѣла, а между тѣмъ ихъ страшная сила уходитъ на мелочи, а подчасъ на дрязги. (722—723).

Сообщилъ **В. И. Семевскій**.

Объ одной фамиліи у Льва Толстого.

Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.

— Вы—христіанка и вѣрите евангелію, а такъ безжалостны...

— Ничего, это не мѣшаетъ. Евангеліе-евангеліемъ, а что противно, то противно. Хуже будетъ, если я буду притворяться, что люблю нигилистовъ и, главное, стриженыхъ нигилистокъ, когда я ихъ терпѣть не могу.

— За что же вы ихъ терпѣть не можете?

— Зачѣмъ мѣшаются не въ свое дѣло. Не женское это дѣло.

— Ну, да вотъ Mariette, вы находите, что можетъ заниматься дѣлами,—сказалъ Нехлюдовъ.

— Mariette? Mariette—Mariette. А это Богъ знаетъ кто: *Халтюпкина* какая-то хочетъ всѣхъ учить.

Это говоритъ старая умная графиня Екатерина Ивановна Нехлюдову, герою «Воскресенія»; ей надо въ одномъ словѣ выразить свое отношеніе къ русской революціи — и она находитъ это слово. Ея языкъ, бойкій, яркій, легкій и точный, вообще великолѣпенъ. Каждое ея слово—новый блестящій штрихъ въ ея характеристикѣ. Съ свойственнымъ ей «свободолегкомысліемъ»—словечко Толстого — она одновременно сливается съ своей средой и выдѣляется изъ нея. Умное въ ней—ея ясный взглядъ на вещи, ея простой здравый смыслъ, ея способность сразу дать всему свое имя—принадлежитъ ей. Все нелѣпое въ ней—отъ предразсудковъ и брезгливости къ Магдалинамъ до пашковскаго піэтизма съ привознымъ Кизеветеромъ—отпечатокъ ея среды. Старый тонкій скептикъ, превосходно жонглирующій привычными воззрѣніями своего круга, веселая графиня Екатерина Ивановна съ легкой насмѣшкой, за которой скрывается

непобѣдимая увѣренность, съ налету опредѣляетъ то, что нуждается въ ея характеристикѣ; одно словечко—и человѣкъ «оцѣненъ, взвѣшенъ и осужденъ». Она можетъ быть неправа,—она слишкомъ часто бываетъ неправа,—но то, что она думаетъ, находитъ въ ея словѣ захватывающее свой сильной простотой выраженіе; вся она въ каждомъ своемъ словѣ, и все явленіе—какъ оно ей представляется—въ ея словѣ. Нехлюдовъ что-то тамъ ѣздитъ по тюрьмамъ, помогаетъ заключеннымъ: «vous posez pour un Howard»—и кончено. Составъ сената?—«Все это Богъ знаетъ кто—или нѣмцы: Ге, Фе, De—tout l'alphabet, или разные Ивановы, Семеновы, Никитины, или Иваненко, Симоненко, Никитенко, pour varier. Des gens de l'autre monde». Какъ мало словъ—и какъ вырублена ими грань между сановной бюрократіей и настоящей родовой или хоть придворной аристократіей. Или объ убѣжищѣ для падшихъ женщинъ: «У Aline удивительный пріютъ Магдалинъ. Я была разъ. Онѣ препротивныя. Я потомъ все мылась». И не знаешь, кто отчетливѣе въ этихъ немногихъ словахъ—«препротивныя» Магдалины или восхитительная тетушка. И вотъ, когда графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ нужно свое слово о русской революціонеркѣ, чтобы разомъ отбросить отъ себя это чужое и надоѣдливое и чтобы разомъ высказать свою мысль, она говоритъ «какая то Халтюпкина».

Эта «Халтюпкина» геніальна; это цѣлое міровоззрѣніе. Надо быть Львомъ Толстымъ, надо быть громаднымъ стихійнымъ художникомъ, чтобы втиснуть въ одно выдуманное словечко такую массу мѣткости, чтобы сдѣлать одно прозвище такъ безконечно выразительнымъ, такъ характернымъ для того, кто его бросилъ, для его личности и для его среды.

Все, что можетъ думать умная старая русская аристократка о русской разночинной революціи, сказано въ этой сочиненной фамиліи абстрактной, типовой русской нигилистки. Въ этомъ прозвищѣ ни одного малѣйшаго штриха случайности, и каждая буква связана тѣсно съ своей первоосновой, съ громадной толщей народной рѣчи.

Итакъ, русскую революцію, съ точки зрѣнія графини Екатерины Ивановны, дѣлаютъ Халтюпкины. Это прежде всего нѣчто грубое, неотесанное, въ старомъ смыслѣ—подлое. Пересмотрите у Даля слова, которыя начинаются слогомъ *хал*. Ихъ не много. Различно, конечно, ихъ происхожденіе, часто неизвѣстна ихъ этимологія; но за рѣдкими исключеніями они непремѣнно выражаютъ что нибудь грубое или непріятное или ничтожное. *Халда*—«грубый, безстыжій человѣкъ, наглецъ, на-

халъ, крикунъ, горланъ, *особ.* женщина»; *халды-балды*—«пустословіе»; *халуй*—«бранное—слуга, холопъ, подлый родомъ и пріемами»; *халяма*—бранное слово: *халявить*—«загрязнить, замарать, загадить»; *халява*—«неряха, растрепа», «озорница, ругательница», «непотребная женщина»; *хальный*—«нахальный»; *халить*—«безъ толку мотать»; *халудора*, *халадуръ*—«негодяй, шваль, оборванцы», *халтыга*—«пустомеля», *халомъ*—«пустой враль», *халовой*—«шальной», *халкать*—«уплетать, глотать цѣликомъ», *халеный*—«жадный», *халабруй*—«большой, нескладный мужчина, растепа, разгильдяй». И такъ далѣе: халапса, халамыга («кто задѣваетъ за всякія вещи, когда ходитъ»), хайма (грязь), хайло, хайланъ (горланъ).

Едва ли малая доля этихъ подлыхъ словъ дошла до утонченнаго уха графини Екатерины Ивановны; до сознанія ея дошло, вѣрно, совсѣмъ немного; въ живомъ ея словарѣ ихъ, конечно, совсѣмъ нѣтъ. Но она живетъ и мыслитъ въ ихъ атмосферѣ. Они русскія, какъ и она. Вспомните пляску Наташи Ростовой въ «Войнѣ и мирѣ»: «Какъ, когда всосала въ себя изъ того русскаго воздуха, которымъ она дышала, эта графинечка, воспитанная эмигранткой-француженкой, — этотъ духъ; откуда взяла она эти пріемы, которые pas de châle давно бы должны были вытѣснить? Но духъ и пріемы эти были тѣ самые, неподражаемые, неизучаемые, русскіе»... И какъ въ этой безсознательно и однако насквозь русской пляскѣ Наташи Ростовой, такъ въ этомъ словечкѣ тетушки Екатерины Ивановны, на половину говорящей и думающей по французски, сквозитъ чисто русскій человѣкъ, стихійно пріобщающійся къ безпрерывному лингвистическому творчеству своего народа. Замершія, въ немъ живутъ формы его языка, и онъ создаетъ въ нихъ, связанный традиціей и ее въ творчествѣ преодолѣвающій. Было, несомнѣнно, что то въ русскомъ пра-языкѣ, заставлявшее на ощущеніе грубаго, неотесаннаго, наглаго отзываться эмоціональнымъ слогомъ *хал*, и эта междометная молекула легла въ основу ряда словъ, и она въ скрытомъ видѣ трепещетъ въ подсознательныхъ слояхъ души русскаго человѣка. Конечно, въ нужную минуту она оказывается на остромъ кончикѣ языка графини Екатерины Ивановны.

Но грубость, наглость, озорство есть лишь часть того представленія, которое вызываетъ въ тетушкѣ Екатеринѣ Ивановнѣ мысль о русскомъ революціонерѣ и особенно о революціонеркѣ. Сюда входитъ еще ощущеніе чего-то ничтожнаго, поверхностнаго, не настоящаго. И какъ великолѣпно выражено это пре-

зрительное отношеніе въ уничижительномъ окончаніи фамиліи—*тюпкина*. И уменьшительный суффиксъ, и насмѣшливый слогъ *тю* сошлись здѣсь для того, чтобы выразить все напряженіе брезгливаго пренебреженія. *Тюкаютъ* тому, что отвержено, что презрительно, на что смотрятъ сверху внизъ; *тютьками* называлъ старый князь въ «Аннѣ Карениной» московскихъ молодыхъ людей; *тютя*—«мокрая курица», рожа, образина, *тютя*—ротозѣй, *тюней*—дармоѣдъ, лѣнтяй, *тютька*—щенокъ, *тюпка*—индюшка. Звуковыми комбинаціями языкъ народа рисуетъ его моральное и физическое отношеніе къ явленію; безсознательна, безконечно сложна и не поддается осмысленію эта Lautmalerei, но выразительна, ярка и могуча въ лингвистическомъ обиходѣ и прогрессѣ. И если ни въ одномъ языкѣ слово *хамъ* не стало въ такой степени нарицательнымъ и не имѣетъ такого множества производныхъ, какъ въ русскомъ, то это, конечно, не потому, что оно у насъ нужнѣе, чѣмъ у другихъ, и не потому, что поступокъ Хама произвелъ на душу русскаго человѣка исключительно сильное впечатлѣніе, но также потому, что самый звукъ его подошелъ къ народной психологіи, показался особенно выразительнымъ для обозначенія гнусной грубости.

Хамство плюсъ ничтожество—вотъ что однимъ выдуманнымъ словомъ намѣчаетъ въ русской революціи графиня Екатерина Ивановна. Быть можетъ, однако, не все ею выдумано въ фамиліи Халтюпкиной; быть можетъ, это прозвище создано не изъ ничего. Оно имѣетъ и реальный поводъ; что-то смутно шевелится въ воспоминаніи старой барыни, и она соединяетъ дѣйствительное имя съ аксессуарами, присочиненными ея мѣткимъ языкомъ. Былъ вѣдь революціонеръ Халтуринъ, устроившій взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ, и возможно, что имя его запало въ память графинѣ и всплыло при мысли о «стриженныхъ». И ей кажется, что она права, она ничего не выдумала, она опирается на дѣйствительность.

И Левъ Толстой не споритъ съ тетушкой, предоставляя ей коснѣть въ ея художественно законченныхъ, органическихъ, для политика возмутительныхъ, а для историка и психолога восхитительныхъ предразсудкахъ. Его Нехлюдовъ справедливѣе тетушки; онъ ближе подходитъ къ революціонерамъ, онъ различаетъ среди нихъ дурныхъ, и хорошихъ, и среднихъ, эгоистовъ, и спортмэновъ, и героевъ; онъ убѣдился, что хорошіе среди нихъ—гораздо выше средняго уровня, а дурные—гораздо ниже его; онъ знаетъ среди нихъ уже не сплошь Халтюпкиныхъ, а прелестную Марію Павловну Щетинину; красавицу, подвижницу,

генеральскую дочь, и идеалиста, толстовца avant la lettre Симонсона, симпатичнаго Крыльцова. Но — правду сказать — скучна, мертва и самодовольна эта возвышенная объективность Нехлюдова. Не вѣрится, что онъ воскресъ: мертвечиной несетъ отъ его справедливости. Насколько живѣе, жизненнѣе, яснѣе, просто человѣчнѣе его и потому ближе намъ, не воскрешеннымъ его «Воскресеніемъ», превосходная тетушка Екатерина Ивановна со всѣми ея ядовитостями de l'autre monde, съ несправедливостями и предразсудками, съ кающимися Магдалинами и стриженными Халтюпкиными.

А. Горнфельдъ.

Петръ Исаевичъ Вейнбергъ.

Рѣчь, сказанная 8-го ноября 1909 г., во время празднованія 50-ти-лѣтняго юбилея литературнаго фонда.

Говорить пространно о заслугахъ Петра Исаевича передъ литературнымъ фондомъ нѣтъ надобности. Все будетъ сказано, если мы вспомнимъ, что сорокъ девять лѣтъ подъ-рядъ, и молодой, и старый, и здоровый, и больной, онъ отдавалъ фонду свой трудъ и свое время. Не объ этихъ его заслугахъ хотѣлось вспомнить на юбилеѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ на той братской панихидѣ, которая была отслужена въ этотъ день. И о заслугахъ покойнаго, какъ литератора, можно въ этотъ день упомянуть лишь вкратцѣ. Конечно, въ протоколахъ комитета литературнаго фонда и на страницахъ исторіи русской лирики и исторіи нашего духовнаго общенія съ Западомъ осталось имя Петра Исаевича; но развѣ въ этихъ строкахъ сохранено то, что составляло всю красоту, всю прелесть самаго явленія? Есть люди, вся сила которыхъ заключена въ ихъ личности, и которые уносятъ съ собой въ могилу свое обаяніе; они—какъ артисты или музыканты-исполнители—живы лишь дотолѣ, пока живы люди, ихъ видѣвшіе и слышавшіе. И Петръ Исаевичъ, тотъ настоящій Петръ Исаевичъ, котораго мы знали и такъ любили, умретъ вмѣстѣ съ нами, такъ какъ главная его заслуга передъ русской пишущей братіей не можетъ быть измѣрена ни имъ написанными страницами, ни страницами, о немъ написанными. Его общественная заслуга была совсѣмъ особаго рода.

Во главѣ комитетовъ литературнаго фонда стояли люди весьма различные по своимъ дарованіямъ. Одни были сильны своимъ большимъ дипломатическимъ умомъ, своими административными способностями, иные—своимъ необычайно мягкимъ гуманнымъ сердцемъ; одни имѣли за собой славу большихъ ученыхъ, другіе держали въ рукахъ знамя съ яркимъ общественнымъ девизомъ. Всѣ эти гросмейстеры ордена, основаннаго во имя борьбы ума

и дарованія съ житейской невзгодой—всѣ они должны были выдерживать натискъ всевозможныхъ враждебныхъ силъ, заставляя въ этой борьбѣ блестѣть разныя грани человѣческаго таланта. Былъ свой талантъ и у Петра Исаевича, талантъ, который въ тѣ годы, когда Петръ Исаевичъ стоялъ во главѣ фонда, былъ однимъ изъ самыхъ нужныхъ и цѣнныхъ по условіямъ переживаемаго времени.

Для русскаго литератора это было время совсѣмъ особое по своему внутреннему, глубокому смыслу. Впервые русскій писатель почувствовалъ и увидалъ, что рядомъ съ нимъ стоитъ долго имъ ожидаемый союзникъ—русскій политическій дѣятель, на этотъ разъ узаконенный и съ исправнымъ паспортомъ. Это былъ великій моментъ въ жизни писателя. Вѣдь до той минуты онъ—этотъ скромный литераторъ и ученый—былъ почти единственнымъ гласнымъ проводникомъ общественныхъ и политическихъ идеаловъ въ жизнь. Онъ исполнялъ эту миссію охотно и самоотверженно, конечно—чувствуя всю ея тяжесть, хотя онъ выстрадалъ и любилъ ее. И вотъ, когда совсѣмъ неожиданно, при несчастіяхъ внѣшней войны и при всѣхъ ужасахъ войны внутренней, нашему писателю пришлось либо самому записаться въ ряды политиковъ, либо передавать столь долго имъ исполняемую роль другому—какъ сталъ онъ нервенъ, раздражителенъ, какъ легко воспламеняемъ въ своихъ страстяхъ, какъ подозрителенъ, какъ враждебенъ всякому соглашенію! Надо было обладать особымъ талантомъ сглаживать противорѣчія, особой честностью миролюбиваго сердца, чтобы среди спорящихъ занять такое положеніе, при которомъ можно было бы согласовать разрозненныя силы, дать имъ какое-нибудь общее направленіе, не позволить имъ распылиться во взаимномъ недовѣріи и взаимной враждѣ. Вѣдь все-таки, какъ ни остеръ былъ споръ, но плодотворенъ онъ могъ быть лишь при условіи взаимнаго пониманія и уваженія.

И для многихъ лицъ кабинетъ Петра Исаевича былъ такимъ нейтральныхъ мѣстомъ договоровъ и соглашеній.

Можно спросить, однако, неужели комитетъ литературнаго фонда былъ столь высокопоставленной литературной инстанціей, что могъ имѣть большое общественное значеніе? Время летитъ очень быстро, и въ наши дни общественное значеніе литературнаго фонда совсѣмъ уже не то, какимъ оно было въ недавнемъ прошломъ. Въ тяжелые, долгіе дни гражданскаго унынія литературный фондъ былъ очень на виду и несомнѣнно на замѣчаніи. Онъ и до сего дня на замѣчаніи у тѣхъ лицъ,

которыя не хотятъ понять, что передъ нищетой и голодомъ всѣ люди, всѣхъ вѣроисповѣданій и партій, равны, какъ передъ смертью и Богомъ.

Вмѣстѣ съ вольно-экономическимъ обществомъ и союзомъ писателей литературный фондъ былъ однимъ изъ видныхъ союзовъ общественныхъ дѣятелей, которые, каковы бы ни были ихъ недостатки, имѣли одно достоинство—независимый образъ мыслей. Такое собраніе, и притомъ многолюдное, не могло не имѣть общественнаго вѣса въ эпоху, когда союзы независимыхъ людей могли носить лишь частный характеръ

И вотъ, въ годы передъ грозой и во время нея нужно было обладать особымъ престижемъ, чтобы хоть какъ-нибудь сдерживать и согласовать силы, естественно стремившіяся къ разъединенію. Для такой роли человѣкъ съ рѣзкимъ характеромъ и крайними убѣжденіями не подходилъ. Еще менѣе былъ на эту роль способенъ человѣкъ индифферентный. Нуженъ былъ свободо-мыслящій, убѣжденный гуманистъ, съ весьма мягкими очертаніями ума, сердца и характера.

И таковъ былъ Петръ Исаевичъ, неизмѣнный членъ комитета и, въ самые трудные годы, его предсѣдатель—предсѣдатель собранія, которое въ подборѣ своихъ членовъ издавна руководилось правиломъ: группировать лицъ разныхъ убѣжденій и другъ отъ друга по возможности независимыхъ.

И не только въ тѣсномъ кружкѣ, но и въ широкихъ писательскихъ кругахъ, съ которыми фондъ былъ въ постоянномъ общеніи, Петръ Исаевичъ имѣлъ возможность проявить всѣ свои цѣнныя душевныя качества.

Мы уважали въ немъ прежде всего историческую фигуру—живого свидѣтеля и участника нашей общественной и литературной жизни за цѣлое полустолѣтіе, со временъ крымской кампаніи. Повторяя старую остроту, Петръ Исаевичъ говорилъ иногда: «лѣта—c'est moi», и въ этихъ словахъ было нѣчто большее, чѣмъ простая шутка. На его плечахъ, дѣйствительно, лежали лѣта—но это ему врядъ-ли кто вмѣнитъ въ заслугу. Заслуга была въ томъ, что онъ ихъ тяжести не чувствовалъ. Онъ былъ среди насъ чуть-ли не единственнымъ представителемъ того вымирающаго типа литераторовъ, которые въ продолженіе долгихъ, долгихъ лѣтъ, укрываясь отъ несмѣнной непогоды, все-таки не промокли и не продрогли настолько, чтобы превратиться въ безучастныхъ или озлобленныхъ стариковъ. Петръ Исаевичъ сохранилъ всю свѣжесть своей души, и тѣми же живыми и бодрыми глазами, какими нѣкогда онъ смотрѣлъ въ грозныя очи импе-

ратора Николая Павловича, смотрѣлъ онъ и въ лицо русской революціи.

Наша общественная жизнь такъ сложилась, что мы давно уже пріучены цѣнить всего больше борцовъ и съ нѣкоторымъ недовѣріемъ относиться къ тѣмъ людямъ, которые стоятъ поодаль, выжидая исхода борьбы—того исхода, въ которомъ они увѣрены, котораго они ждутъ и заранѣе благословляютъ. Гуманисты съ широкимъ взглядомъ на прошлое, непоколебимые въ своей вѣрѣ въ грядущее, такіе, какъ бы въ сторонѣ стоящіе, люди по натурѣ своей для борьбы не годятся, но они нужны всѣмъ усталымъ въ борьбѣ и всѣмъ изувѣченнымъ. Культурная роль такихъ людей—внѣ сомнѣнія, если только они умѣютъ дать почувствовать всю крѣпость ихъ вѣры въ человѣка и все безкорыстіе ихъ пожеланій.

Петръ Исаевичъ былъ гуманистомъ чистой крови и самыхъ чистыхъ помысловъ, и онъ былъ на своемъ посту въ годы, когда нашей вѣрѣ въ торжество гуманнаго идеала пришлось пройти черезъ тягчайшее испытаніе.

И сидѣлъ онъ среди насъ, и какъ старецъ Бенъ-Акиба говорилъ: «Да! всякое бывало!»—и всѣ мы чувствовали, что въ этомъ возгласѣ звучала большая любовь къ людямъ, благословеніе страданіямъ прошлымъ, предупрежденіе о томъ, что впереди страданій много, но что великъ Богъ человѣческій, у котораго заготованъ торжествующій лучъ, разсѣкающій всякій мракъ и приводящій въ порядокъ всякій хаосъ.

Несторъ Котляревскій.

* * *

Безъ отчизны, безъ семьи—въ толпѣ одна—
Нелюдимой межъ людьми ты рождена,—
Вдаль бѣгущей, вдаль отъ всѣхъ огней и мглы,
Слишкомъ легкой среди тѣхъ, кто тяжелы.
Я—тяжелый. Въ чащахъ сна нашелъ я ключъ.
Ты не дѣва, не жена, ты—быстрый лучъ.
Издалека въ нашъ просторъ сверкнулъ алмазъ,
Устремился чей-то взоръ изъ чьихъ-то глазъ.
Въ мракъ изъ мрака не летѣть не можетъ лучъ
И попутно не горѣть въ туманахъ тучъ.
Всѣмъ онъ свѣтитъ, лишь ему не свѣтелъ путь,
И не въ силахъ, грѣя тьму, онъ отдохнуть.
Тучъ туманныхъ я гряда средь темноты.
Я зажегся въ мигъ, когда промчалась ты.
Издалека въ мой просторъ сверкнулъ алмазъ,
Въ душу глянулъ чей-то взоръ изъ чьихъ-то глазъ.

Н. Минскій.

Сѣверный Вѣнецъ,

(Изъ звѣздныхъ пѣсенъ).

Осенней ночью съ небосклона,
Чуть блещетъ Сѣверный Вѣнецъ.
Его не сниметъ для короны
Ни царь земной, ни пышный жрецъ.

Его Жемчужина надъ нами
Звѣздою скромною горитъ,
И тихо нѣжными лучами
Онъ людямъ съ неба говоритъ:

Сверкать блестящимъ пышнымъ свѣтомъ
Я въ годы рабства не хочу,
Не улыбнусь своимъ привѣтомъ
Я ни лжецу, ни палачу.

Я не сойду въ страну покорныхъ,
Въ страну насилій и рабовъ,
Когда такъ много рукотворныхъ
Толпою создано вѣнцовъ.

Но часъ пробьетъ: утихнутъ стоны—
И новый свѣтъ блеснетъ во тьмѣ,
Потускнутъ пышныя короны
На обновившейся землѣ,

И я тогда, въ красѣ нетлѣнной,
Сойду съ сіяющихъ небесъ
Сказать, что къ жизни вдохновенной
Весь міръ проснувшійся воскресъ.

И тѣхъ изъ васъ узрятъ народы
Въ сіяньи Звѣзднаго Вѣнца,
Кто въ дни гоненій и невзгоды
Былъ вѣренъ правдѣ до конца!

Николай Морозовъ.

На Свѣтлоярѣ [1]).

I.

Когда, въ первый проѣздъ мимо Свѣтлояра, мой ямщикъ остановилъ лошадей на широкой Семеновской дорогѣ, верстахъ въ двухъ отъ большого села Владимірскаго, и указалъ кнутовищемъ на озеро,—я былъ разочарованъ.

Какъ? Это и есть Свѣтлояръ? Надъ которымъ витаеть легенда о «невидимомъ градѣ», куда изъ дальнихъ мѣстъ, изъ-за Перми, порой даже изъ-за Урала стекаются люди разной вѣры, чтобы раскинуть подъ дубами свои божницы, молиться, слушать таинственые китежскіе звоны и крѣпко стоять въ спорахъ за свою вѣру?.. По разсказамъ и даже по описанію Мельникова-Печерскаго я ждалъ увидѣть непроходимые лѣса, узкія тропинки, мѣста укрытыя и темныя, съ осторожными шопотами «пустыни»

А тутъ—видное съ большой проѣзжей дороги въ зеленыхъ берегахъ, точно въ чашкѣ, лежало овальное озерко, окруженное вѣнчикомъ березокъ. Взбѣгая на круглые холмики, деревья становятся выше, роскошнѣе. На вершинахъ березы перемѣшались уже съ большими дубами, и сквозь густую зелень проглядываютъ бревенчатыя стѣны и куполокъ простой часовни...

И только?..

Когда я пришелъ къ озеру во второй разъ, мое разочарованіе прошло. Отъ Свѣтлояра повѣяло на меня своеобразнымъ обаяніемъ. Въ немъ была какая-то странно-манящая, почти загадочная простота. Я вспоминалъ, гдѣ я могъ видѣть нѣчто подобное уже раньше? И вспомнилъ. Такія свѣтленькія озерка и такіе круглые холмики, и такія березки попадаются на ста-

---

[1]) Свѣтлояръ—вулканическое озеро на рѣкѣ Люндѣ, близъ села Владимірскаго, Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. Съ нимъ связана легенда о невидимомъ градѣ Китежѣ. Настоящій очеркъ былъ напечатанъ въ „Русск. Вѣдомостяхъ". Здѣсь является въ значительно измѣненномъ видѣ. В. К.

ринныхъ иконкахъ нехитраго письма. Инокъ стоитъ на колѣняхъ посреди круглой полянки. Съ одной стороны къ нему подступила зеленая дубрава, точно прислушиваясь къ словамъ человѣческой молитвы; а на второмъ планѣ (если есть въ этихъ картинахъ второй и первый планы) въ зеленыхъ берегахъ, какъ въ чашѣ, такое-же вотъ озерко. Неумѣлая рука благочестиваго живописца знаетъ только простыя, наивно правильныя формы: озеро овально, холмы круглы, деревца разставлены колечкомъ, какъ дѣти въ хороводѣ. И надъ всѣмъ вѣяніе «матери-пустыни», то именно, чего и искали эти простодушные молитвенники..

Недалеко—въ двухъ-трехъ десяткахъ верстъ Керженецъ съ его дебрями и разоренными скитами. Тамъ А. С. Гацискій записалъ скитскую пѣсню:

У насъ были здѣсь моленны, Онѣ подобны были раю.
У насъ звонъ былъ удивленный; удивленный звонъ, подобенъ грому...

Былъ недоступный лѣсъ, была тишина, отдаленность отъ міра. Была тайна.

Теперь лѣса порубили, проложили въ чащахъ дороги, скиты разорили, тайна выдыхается. Къ «святому озеру» тоже подошли раздѣланныя поля и по широкой дорогѣ то и дѣло звенятъ колокольцы и въ повозкахъ видны фигуры съ кокардами. «Тайна» Китежа лежитъ обнаженная у большой дороги, прижимаясь къ противоположному берегу, прячась въ тѣнь къ высокимъ березамъ и дубамъ.

И тоже тихо выдыхается.

II.

Въ окрестномъ населеніи во многихъ спискахъ ходитъ «Лѣтописецъ». Сухимъ, правду сказать, довольно таки суконнымъ языкомъ, съ безвкусной помѣсью стариннаго и современнаго стиля въ немъ разсказывается слѣдующая исторія.

Великій князь Георгій Всеволодовичъ, спустившись по Волгѣ изъ Ярославля, построилъ городъ Малый Китежъ, на берегу Волги. Это нынѣшній Городецъ, пріютъ старой вѣры «по тайному священству». Оттуда князь пошелъ сухимъ путемъ, по луговой сторонѣ и, переправившись черезъ тихія и ржавыя рѣчки Узолу, Санду и Керженецъ,—пришелъ къ рѣкѣ Люндѣ. «И видѣ то мѣсто зѣло прекрасно и многолюдно», почему,

«по умоленію жителей», рѣшилъ построить тутъ городъ Китежъ большой. Преданіе устанавливаетъ, очевидно, какое-то духовное родство между обоими Китежами: «оба города построены одной рукой и однимъ топоромъ»,—говорили мнѣ мѣстные жители. Князь изукрасилъ городъ, обстроилъ церквами, монастырями, боярскими палатами. Потомъ обвелъ рвомъ и вывелъ стѣны съ бойницами. Окончивъ дѣло, онъ вернулся къ себѣ на Волгу.

Между тѣмъ надъ Русью уже нависала туча, шла «потруса», монгольское нашествіе. Двинулся поганый Батый: «Какъ темныя тучи по небу», шли по Руси злые татарове и подошли къ Китежу-меньшему (Городцу). Великій князь вышелъ навстрѣчу и «много драся съ Батыемъ», но не одолѣлъ его. Татары убили его брата, а самъ князь ударился въ лѣса и, перейдя рѣки, скрылся въ новопостроенномъ своемъ градѣ, Большомъ-Китежѣ. Батый потерялъ слѣды великаго князя и сталъ «примучивать» плѣнныхъ, добиваясь отъ нихъ указаній. Одинъ изъ этихъ плѣнниковъ, Кутерьма, «не могій мукъ стерпѣти», указалъ Батыю лѣсные проходы къ Свѣтлояру, и татары облегли городъ Китежъ.

Что было затѣмъ—въ лѣтописцѣ говорится глухо. Извѣстно только, что князь успѣлъ скрыть въ озерѣ святые сосуды и церковную утварь, а затѣмъ погибъ въ битвѣ. Городъ же, изволеніемъ Божіимъ, сталъ невидимымъ; на его мѣстѣ стала видна вода и лѣсъ.

Такъ и стоитъ градъ Китежъ понынѣ кругомъ кругленькаго и чистаго, какъ слеза, озерка Свѣтлояра. Скрылись отъ взора человѣческаго дома, улицы, боярскія хоромы и стѣны съ бойницами, церкви и монастыри, въ коихъ «многое множество бысть святыхъ отецъ, просіявшихъ житіемъ, яко звѣздъ небесныхъ или яко песка морскаго». И кажется нашему грѣшному непросвѣтленному взору одинъ только лѣсокъ, да озеро, да холмы, да болотище. Но это только обманъ нашего грѣшнаго естества. Въ дѣйствительности-же, «по настоящему», здѣсь стоятъ во всей красѣ благолѣпные храмы, и золоченыя палаты, и монастыри... А кто можетъ хоть отчасти проникнуть взоромъ черезъ обманчивую завѣсу, для того въ глубинѣ озера мелькаютъ огоньки крестныхъ ходовъ и высокіе золоченыя хоругви, и сладкій звонъ несется надъ гладью кажущихся водъ. А потомъ все стихнетъ и опять только шепчетъ дубрава.

Итакъ, надъ озеромъ Свѣтлояромъ стоятъ два міра: одинъ настоящій, но невидимый, другой видимый, но не настоящій. И сплетаются другъ съ другомъ, покрываютъ и проникаютъ другъ

въ друга. Ненастоящій, призрачный міръ устойчивѣе истиннаго. Послѣдній только изрѣдка мелькнетъ для благочестиваго взора сквозь водную пелену и исчезнетъ. Прозвенитъ и смолкнетъ. И опять водворяется грубый обманъ тѣлесныхъ чувствъ...

Понятно, какъ это заманчиво. Ежегодно «подъ Владимірскую» изъ Нижегородской, Владимірской, Вологодской губерній, даже изъ-за Перми, изъ-за Урала,—сходятся на берега Свѣтлояра толпы людей, стремящихся хоть на короткое время отряхнуть съ себя обманчивую суету-суетъ и заглянуть за таинственныя грани. Здѣсь, въ тѣни деревьевъ, подъ открытымъ небомъ день и ночь слышно пѣнье, звучитъ гнусавое чтеніе на-распѣвъ, кипятъ споры объ истинной вѣрѣ. А на закатныхъ сумеркахъ и въ синей тьмѣ лѣтняго вечера мелькаютъ огни между деревьями, по берегамъ и на водѣ. Благочестивые люди на колѣняхъ трижды ползутъ кругомъ озера, потомъ пускаютъ на щепкахъ остатки свѣчей на воду, и припадаютъ къ землѣ, и слушаютъ. Усталые, между двумя мірами, при огняхъ на небѣ и на водѣ, они отдаются баюкающему колыханію береговъ и невнятному дальнему звону... И порой замираютъ, ничего уже не видя и не слыша изъ окружающаго. Глаза точно ослѣпли для нашего міра, но прозрѣли для міра нездѣшняго. Лицо прояснилось, на немъ «блаженная» блуждающая улыбка и—слезы... А кругомъ стоятъ и смотрятъ съ удивленіемъ тѣ, кто стремится, но не удостоился по маловѣрію... И со страхомъ качаютъ головами. Значитъ есть онъ, этотъ другой міръ, невидимый, но настоящій. Сами не видѣли, но видѣли видящихъ...

Но это теперь бываетъ все рѣже и незамѣтнѣе.

Мелькнетъ гдѣ нибудь махонькимъ островкомъ и расплывется, какъ догорающая свѣчка, на таинственной поверхности озера. А кругомъ шумитъ обманчивый «видимый» міръ...

III.

Познакомившись съ чудеснымъ озеркомъ, я послѣ этого неразъ приходилъ къ нему съ палкой въ рукахъ и котомкой за плечами, чтобы, смѣшавшись съ толпой, смотрѣть, слушать и ловить живую струю народной поэзіи среди пестраго мельканія и шума. Вечерняя заря угасала, когда я стоялъ на холмѣ, близъ бревенчатой часовни, въ тѣсной и потной мужицкой толпѣ, слѣдившей за преніями. И утренняя заря заставала насъ всѣхъ на томъ-же мѣстѣ...

Много наивнаго чувства, мало живой мысли... Градъ взыскуемый, Великій Китежъ это городъ прошлаго. Старинный градъ со стѣнами, башнями и бойницами,—наивныя укрѣпленія, которымъ не устоятъ противъ самой плохонькой мірской пушченки!—съ боярскими хоромами, съ теремами купцовъ, съ лачугами простого «подлаго» народа. Бояре въ немъ правятъ и емлютъ дани, купцы ставятъ передъ иконами воску-яровыя свѣчи и одѣляютъ нищую братію, чернядь смиренно повинуется и пріемлетъ милости съ благодарными молитвами...

Люди въ сущности всюду одинаковы. Многіе и изъ насъ, давно покинувшихъ тропы стародавняго Китежа, отошедшихъ и отъ такой вѣры, и отъ такой молитвы,—все таки ищутъ такъ же страстно своего «града взыскуемаго». И даже порой слышатъ призывные звоны. И очнувшись, видятъ себя опять въ глухомъ лѣсу, а кругомъ холмы, кочки да болота...

Только для этихъ искателей нѣтъ двухъ міровъ, и свой Китежъ они мечтаютъ когда нибудь построить изъ того-же грубаго лѣса...

IV.

Въ тотъ разъ, о которомъ я повелъ теперь рѣчь, я подходилъ къ Свѣтлояру не въ праздникъ, а въ будни. Я бродилъ тогда по приветлужскимъ лѣсамъ и былъ радъ случаю посмотрѣть чудесное озеро въ его обычномъ видѣ, въ тишинѣ его простого, будичнаго одиночества.

Солнце склонялось къ «горамъ». Березы, ольхи и дубы на склонахъ холмовъ уже стояли въ тѣни, между тѣмъ какъ молодыя березки на плоскомъ восточномъ берегу еще просвѣчивали наскозь яркою зеленью. Въ гладкой, какъ зеркало, водѣ тихо стоялъ опрокинутый берегъ, съ холмами, деревьями и часовней, чуть зыбясь отъ прямыхъ свѣтлыхъ полосокъ. Передъ закатомъ баловала мелкая рыбешка. Между стволами мелькали рѣдкія фигуры. Двѣ странницы съ котомками, должно быть отдыхавшія въ жару на озерѣ, тяжело подымались въ дорогу. Часовня была заперта. Въ странно-пріимномъ домѣ, построенномъ Владимірскимъ сельскимъ обществомъ на берегу, ставни забиты на-глухо. Еще два года назадъ здѣсь жилъ старикъ лѣтъ девяноста, сѣдой, какъ лунь, наивный, какъ ребенокъ, и глухой, какъ тетеревъ. Въ домикѣ «общество» дозволяетъ жить, кому угодно, чтобы мѣсто свято не было пусто. Прежде не надо было и дома.

Радѣтели, «труждающіе люди», изрыли всю гору землянками и пещерами. Теперь это вывелось. Частью оттого, что и вообще «усердія» стало меньше, частью же оно какъ-то плохо уживается съ паспортными правилами. Полиція, не находя входовъ, а только отверстія «для воздуху»,—прогоняла подвижниковъ щупами и выкуривала дымомъ. Невидимые трудники разбрелись. Тогда-то благочестивые владимірскіе старики рѣшили соорудить храмину и пустили въ нее этого старца. Онъ пришелся ко двору и жилъ на озерѣ много лѣтъ, радуя владимірцевъ своимъ благообразіемъ. Весь сѣдой, одѣтый въ чистую рубаху и порты, въ свѣжихъ лаптяхъ, повязанныхъ свѣтлыми лычаными оборками, онъ служилъ истиннымъ украшеніемъ этого мѣста во время ежегодныхъ сборищъ. Опершись на свой подожекъ, съ обнаженной головой, на которой вѣтеръ шевелилъ серебряные волосы, онъ стоялъ около своей избы и смотрѣлъ то младенчески чистыми, то старчески строгими глазами на шевелящійся народъ, какъ будто слѣдя, не появилась-бы гдѣ какая нечисть. Его всегда окружала толпа, какъ человѣка, связаннаго невидимой нитью съ завѣтною тайной озера.

А нитей этихъ, связующихъ два міра, становится все меньше. Много народу припадаетъ къ берегамъ, чтобы услышать изъ глубины святой звонъ невидимаго града. И не слышатъ. А онъ слышитъ, несмотря на то, что совершенно глухъ.—«Кричи ему хоть въ самое ухо,—ничего не разберетъ. Значитъ ему это не нужно».—«А китежскій звонъ слышитъ. И не то что подъ Владимірскую, а безперечь, во всякое время».

— Выйду этто на зорькѣ, на ранней на кресты невидимые помолиться, а оно и гу-у-у-дитъ и бу-у-хаетъ,—говорилъ онъ при мнѣ, дѣтски радостно улыбаясь изумленной толпѣ.—И колоколо̀-те, братцы, какъ наше, кузьмодемьянско. Давно я, изъ дому, отъ Кузьмы-те Дамьяна ушелъ... Дитёй малыемъ. А колоколо̀ наше помню. Этакъ-же вотъ и здѣсь—ровно наше колоколо̀, бухнетъ на зорькѣ...

И по лицу стараго младенца бродитъ счастливая дѣтская улыбка...

— Умные не разумѣютъ и имѣющіе уши слышати — не слышатъ,—строго сказалъ при этомъ одинъ изъ толпы.—А вотъ глухого старца Господь умудряетъ. Горе слышащимъ слово и не внемлющимъ.

И онъ угрожающе окинулъ всѣхъ сухими, строгими и колющими глазами. «Чудо», явленное надъ глухимъ старцемъ, онъ, конечно, тотчасъ-же присвоилъ себѣ и хотѣлъ видѣть въ немъ

подтвержденіе какой-то своей строгой вѣры, заключенной въ старинной книгѣ... Зри главы такія-то, стихи пятый и седьмый на десять. И такъ какъ не всѣ мы, конечно, даже и знали, что именно гласятъ стихи пятый и седьмый на десять, то, во имя чуда, онъ уже обрекъ насъ огненной гееннѣ. А старикъ и ему улыбался своими синими глазами, чистыми, какъ свѣтлоярскія воды...

Когда я пришелъ въ этотъ разъ, старика уже не было. Разъ утромъ его застали на лавочкѣ, чистаго, безмятежнаго и очевидно давно приготовившагося въ дальній путь. Лицо было счастливое, какъ у младенца... Вѣроятно въ послѣдній часъ онъ слышалъ опять буханіе родного колокола не то изъ глубины святого озера, не то изъ такого-же святого дѣтства...

Такъ какъ мѣсто свято пусто не бываетъ,—то въ келью явились новые богадѣльщики. Даже двое. Сначала пришла келейница и поселилась въ избѣ; потомъ приплелся солдатъ и попросилъ позволенія построить земляночку. Старики позволили. Но какъ только сошли снѣга, изъ земли выбило травку и зазеленѣлись деревья,—пастухи, гонявшіе «на горы» скотъ, принесли на село соблазнительныя извѣстія, которымъ старики дали вѣру не сразу: мало-ли покажется глупымъ подросткамъ. Пожалуй, блазнитъ лукавый. Но однажды пастухи пригласили стариковъ на самое мѣсто: подъ древомъ, на муравушкѣ рядышкомъ почивали келейникъ съ келейницей и тутъ-же лежала пустая посудина.

Плюнули и прогнали обоихъ. А окна заколотили... Ждали, не придетъ-ли опять «настоящій» какой нибудь старецъ...

Не приходилъ.

V.

Я обхожу съ своими спутниками кругомъ озера, слушая смутный передзакатный шорохъ деревьевъ. По временамъ на озерѣ выкинется рыба. Лягушка скрекочетъ у берега въ нагрѣтой за день колдобинкѣ. Беззаботно, какъ дѣти, чирикаютъ воробьи... На томъ берегу деревенскія дѣвки мирно купаются рядомъ съ парнями. Смуглыя тѣла парней выдѣляются издали отъ бѣлыхъ, дѣвичьихъ.

Въ укромномъ уголкѣ берега, гдѣ лѣсъ переходитъ въ мелкую поросль, стоитъ старикъ и удитъ рыбу. Онъ увидѣлъ насъ раньше, чѣмъ мы его, и теперь, искоса поглядывая на попла-

вокъ, онъ не менѣе внимательно слѣдитъ за нами. Онъ босой, безъ шапки. Во всей фигурѣ—солидное деревенское благообразіе, какая-то черта, характерная для человѣка, уважающаго себя и привыкшаго къ уваженію.

— Здравствуйте, дѣдушка!

Умные глаза изъ «подъ шапки сѣдыхъ волосъ нѣкоторое время продолжаютъ изучать меня. Потомъ выраженіе ихъ смягчается.

— Миръ дорогой,—отвѣчаетъ онъ.—А вы кто такеи? Что за человѣки?

— Нижегородскіе.

— Дѣло. На горы наши пришли? Такъ вамъ-бы прійти подъ Владимірску владычицу. Вотъ тогда гоже у насъ.

— Бывалъ и на Владимірскую... Что? каково клюетъ?

— Плохо чтой-то. Вотъ денъ десятокъ назадъ,—успѣвай только закидывать. А нонѣ, вишь, и не дернетъ. Что есть—сарожникъ и тотъ не хочетъ съ червякомъ побаловаться...

Дѣйствительно, вода не шелохнетъ. Тонкія серебряныя колечка охватили стебельки растеній и держатъ ихъ въ блестящей неподвижной истомѣ. Поплавокъ трудно разыскать глазомъ среди рѣдкаго тонкаго татарника...

— А рыбы здѣсь много?

— Много. Рыбно озеро-те наше. Окунь, лещъ, щука, карась, елецъ, сарожникъ... Караси-те здоровущіе живутъ. Жи-и-ирные, какъ, все одно, свиньи.

Поплавокъ дрогнулъ. Изъ глубины по водѣ тихо пошли два-три круга. Старикъ потянулъ. Крючекъ задѣлъ за траву. Онъ вытащилъ, внимательно осмотрѣлъ и надѣлъ новаго червяка.

— Заростать стало. За грѣхи-те,—сказалъ онъ, поплевывая на наживку.—Въ старые-те годы не было этого. Хоть-бы тебѣ травиночка! Какъ слеза было озеро... Главное дѣло—слабость. Вотъ! купаться этто не возбраняютъ. А вѣдь у иного, милый, тѣло-то бываетъ нечистое. Бабы опять, дѣвки... Отъ женщиновъ то еще болѣе заростаетъ...

Онъ опять закинулъ удочку и обернулся ко мнѣ съ выраженіемъ гордости:

— А и теперь еще, слышь,—гдѣ ты эку воду-те найдешь? Погляди: земчугъ! Иглу вотъ тутъ на дно урони,—видно!

Дѣйствительно—вода кристально прозрачна: на днѣ, пока оно не ушло вглубь,—видно все до послѣдней мелочи. Все оно усѣяно «обломомъ»: вѣточки, вѣтви, кое-гдѣ цѣлые стволы сле-

жались плотно другъ съ другомъ и лежатъ, отчетливые, точно живые. Нигдѣ признаковъ ила, разложенія, гнили.

— А на середкѣ,—говоритъ рыбакъ съ наивнымъ удивленіемъ,—черно, что ночью. И чудное дѣло, братецъ мой, что за озеро это у насъ. Этто годовъ можетъ съ пять выѣзжали мы тутъ въ ботничкѣ, лотъ спущали. Саженяхъ на двадцати стала гиря, нейдетъ. Я ее взялъ этакъ, отряхнулъ. Что-жъ ты думаешь: пошла опять и пошла, и пошла. Веревка вся и дна нѣтъ. Другую навязали. Семдесятъ саженей, а дна все нѣту...

— А правду говорятъ: будто тутъ гдѣ-то есть теченіе?

— Кто знаетъ. Весной этто въ Люнду, правда, источина невеличка живетъ. А что сказываютъ, будто съ Волгой имѣетъ собченіе, такъ нѣтъ. Не полагаю я этому быть. Потому, видишь ты: надо бы у насъ тогда волжской рыбѣ водится...

— А ты, милый, нашего лѣтописця читалъ-ли?—спросилъ онъ, помолчавъ.

— Читалъ.

— Наплачешься! Правду я говорю?..

— А сами вы, дѣдушка, звонъ слышали?

Онъ постоялъ молча, какъ бы въ нерѣшимости. Потомъ заговорилъ серьезно и вдумчиво:

— А насчетъ звона я тебѣ вотъ бывальщину разскажу, а ты слушай. Я тогда еще мальчикомъ былъ, малыемъ, по семнадцатому году. А теперь мнѣ семой десятокъ на исходѣ. Много-ли время?.. И работалъ я вонъ тутъ за горой кирпичи нашего князя, на господина сибирскаго помѣщика, съ матерью. Прихаживалъ тогда на озеро старичокъ, Кирила Самойловъ. Родомъ изъ села Ковернина. И былъ у него пчельничекъ свой, на пчельникѣ и жилъ; медъ продавалъ и воскъ тоже. Угодный былъ старичокъ. И все хотѣлъ спастися, не хотѣлъ такъ, чтобы на пчельникѣ помирать. И сталъ къ намъ прихаживать «на горы». Укутаетъ пчелокъ-то на зиму и придетъ. И залѣзетъ въ гору. Даже такъ, что по недѣлямъ живалъ, спасался.

— Значитъ тутъ пещеры были?

— И-и... Много! Только, конечно, по тайности. Потому что на ту пору уже разгонять принимались. Да вотъ, поди ты: и разгоняли, а все больше нонѣшняго усердія-те было... Я еще помню хорошо: гора вся была ископана. Идешь, бывало, зимнее дѣло: тянется изъ яминки паръ или, сказать, дымокъ, и иней кругомъ обтаялъ. Скажи: «Господи, Іисусе Христе сыне Божій, помилуй насъ»! И сейчасъ изъ яминки рука за милостиной протянется.

— Какъ-же они туда проходили?

— Да какъ проходили. Вонъ тамъ, у этого родничка береза стояла. Потомъ свалилась не въ давнее время, лѣтъ, можетъ, десять назадъ. У той березки корень былъ развилистой, такъ подъ тотъ корень на моей памяти можно было пролѣзть на корячкахъ. Мужикъ тутъ одинъ, посмѣлѣе,—не въ давніе еще года саженъ десять полозъ. Сказывалъ: дальше бы можно; кверху понесло, трубой! Да, говоритъ, страшно: духотина. Ты вонъ, погляди, этотъ берегъ-то какой... Подпрыгни-ка.

Дѣйствительно мы стоимъ на пластѣ, въ родѣ торфяного, который тянется далеко вдоль озера. Я подпрыгнулъ саженяхъ въ двухъ отъ воды,—и по ней тотчасъ пошли круги. Видно, что не берегъ уходитъ въ воду, а наоборотъ вода идетъ подъ пластомъ корней и плотнаго трявяного перегноя...

— Да вотъ тутъ гдѣй-то и проходили. Этто вотъ еще, лѣтъ можетъ пятокъ, объявился было одинъ. Остатній видно. Забрался было въ гору-те. Жилъ.

— Ну, и что-же?

— Да что! Не тѣ времена, поштенный. Озорства вного стало. А ему этого не надобно. Ему нуженъ спокой. Нонѣшній народъ не сталъ этого понимать. Особенно ребята молодяжникъ. Что ты съ ними подѣлаешь. Розыскали отдушинку-те эту самую, сейчасъ—баловать! Онъ, миляга, можетъ на стояніи, молитву творитъ—за весь міръ. За всѣ хрестьяны... они, дураки, сверху-те на него... того... просто тебѣ сказать озоруютъ... А то разъ выполозъ онъ на свѣтъ Божій рыбы поудить... Что-жъ. Это ничего. Дѣло апостольско. Положилъ кошель на берегу, отлучился малое время. А солдатъ у него кошель и уволоки. На вотъ! Живи ты тутъ съ нами, съ дураками! Не достойны мы! Убрался сердяга... Гора-те и опустѣла...

— Ну, а что-же съ Кириломъ Самойловымъ?

— Да... Прихаживалъ, говорю, молился. А тутъ выгонка пошла, нельзя стало. Ну, онъ бывало придетъ, да къ намъ, схоронится въ сараѣ, пережидаетъ жестокое-те время. А то у матери въ амбарушкѣ поживетъ. Мы думаемъ себѣ: что-жъ, ничего. Старичокъ и старичокъ. Мало-ли ихъ. А онъ вотъ какой старичокъ: Сталъ звоны слышать. Утречкомъ какъ-то спимъ мы, до свѣту еще. Онъ булитъ: «Вставайте, что вы спите. Тутъ чудеса. Послушайте-ко». Проснулись мы.—«Слышите-ли»?—Нѣтъ, молъ, Кирила Самойловичъ, ничего не слыхать. Только по листу вѣтеръ.—«Какъ это, говоритъ, не слышите. Припади, старуха, къ землѣ». Мать къ землѣ припала.—«Такъ, говоритъ, въ родѣ

шумъ. Дерева сотрясаются, такъ можетъ гудятъ: бу-у, да бу-у»...—«Не древа, говоритъ, маловѣрная. Ухи у тебя заложило. Я вотъ слышу въявѣ: это *у нихъ* къ заутренѣ вдарили. Слава тебѣ, Владычице, Пресвятая Богородице, святые угодники. Удостоился и я грѣшный»... Ну, потомъ чаще да чаще... А тамъ уже и видѣть сталъ. Туманъ, говоритъ, на озерѣ-те, а въ туманѣ обозначаетъ, такъ, что городъ, и церквы и княжецки палаты и монастыри великолѣпные. Самъ говоритъ, а самъ плачетъ, бороденка трясется. Теперича, говоритъ, надобно мнѣ туда попадать небезпремѣнно. Оттеда уже извѣстно дѣло: преставишься въ экой благодати, прямо въ рай... Никакихъ, говоритъ, денегъ не пожалѣю. Вкладъ имъ положу...

— Ну, и что-же?

— Пошелъ по народу говоръ: Кирила Самойлычъ звоны слышитъ, невидимый градъ ему открывается. Ушелъ онъ къ себѣ на пчельникъ. Потомъ, слышимъ, продаетъ пчельникъ, продаетъ избу, все имучество, однимъ слозомъ порѣшилъ. Пришелъ опять къ намъ. — «Что-ты молъ, Кирила Самойловичъ?»—Молчите, говоритъ. Скоро за мною придутъ. Попрощаться пришелъ.—Куда-жъ ты пойдешь? Мы бы поглядѣли.—Нельзя вамъ видѣть, какъ я съ ними отправлюсь. Ваши, говоритъ, глаза грѣшные».—Глядимъ: чудной нашъ Кирила Самойловъ. Хлѣба не ѣстъ, квасу не пьетъ, извелся, а ликъ веселой. Разъ этакъ утречкомъ на ранней, прокинулся я, вышелъ изъ сараевъ вонъ на тотъ на узгорочекъ. Гляжу сидитъ Кирила Самойловъ на бережку, съ нимъ двое, въ родѣ монахи, въ клобучкахъ, и у одного бороденка оказываетъ, будто сѣдая, другой черной. И бесѣдуютъ. Черный на озеро рукой кажетъ. Страшно мнѣ стало, такъ что даже въ глазахъ замстило, темная вода пошла. Прокинулся. Нѣтъ никого, только Кирила Самойловъ на горку здымается...

— Д-да... Вонъ какое дѣло,—продолжалъ онъ съ глубокимъ раздуміемъ.—Послѣ того не въ долгомъ времени пропалъ старичокъ безъ вѣсти. Отъ насъ-же и скрылся. Одѣлся на послѣдокъ чистенько, причесался, умылся, попрощался и нѣту стало. Какъ въ воду канулъ. Нѣту нашего Кирила Самойлова и нѣту. Думали мы: не ушелъ-ли какъ раннимъ дѣломъ къ себѣ въ Ковернино. Довелось въ ту сторону побывать, я нарочно и завернулъ.—«Гдѣ молъ, Кирила Самойловъ у васъ?» — «Нѣтъ Кирила Самойлова. Пропалъ безъ вѣсти. И на пчельникѣ другой ужъ сидитъ».—Вотъ, поштенный, каки дѣла-то. А?

— Такъ и не объявился послѣ?

— Гдѣ объявиться! Сказывали, положимъ, всяко, да чего самъ не видалъ, такъ что и говорить.

— Нѣтъ, вы все таки, пожалуйста, скажите.

— Бабка тутъ одна была. Померла давно. Такъ на тую пору акуратъ корова у ней потерялась. Думала,—вотъ придетъ, а она—ночь полночь—не идетъ домой. Стало у ней сердце неспокойно, поднялась ночью-те, пошла искать. Нашла въ лѣсу. Тамъ вонъ за горами лѣсъ былъ большой. Погнала этто мимо озера, и видитъ: лодочка будто отъ берега отпихнулась и въ лодочкѣ трое. Тихимъ голосомъ стихиру поютъ. Отъѣхали на середину озера. Бултыхнуло будто что-то и скрикнуло. А темно, ночь-те весенняя, сумрачна. Испужалась она, погнала корову, что есть духу... Говорили: не иначе это Кирила Самойловъ въ Китежъ отправился.

— А можетъ на дно озера, дѣдушка?

— Ну, такъ что,—сказалъ онъ холодно, кинувъ на меня спокойно увѣренный взглядъ.—На днѣ тоже самое монастырь. И на самой середкѣ главны ворота... Этакъ-же вотъ, какъ ты, и тогда говорили: утопъ Карила Самойловъ, больше ничего. Начальство выѣзжало, на допросы таскали. Взяли, будто, двухъ какихъ-то въ Семеновѣ ..

— И что-жъ?

— Да что! Никто знать не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ. Слѣдуй пожалуй! Ищи! Городской народъ, извѣстно ужъ...

Онъ смолкъ, и между нами пробѣжала, какъ будто, неуловимая тѣнь отчужденія. Черезъ нѣкоторое время, однако, глаза его опять смягчились. Онъ почувствовалъ потребность досказать еще что-то.

— Опять-же самъ не видалъ, люди баяли. Ѣхали на двухъ подводахъ мужики изъ Семенова съ базару. Запоздали... Дѣло ранней весной. Земля-те отпотѣла, туманъ. Лошади сошли съ дороги, къ озеру. Извѣстно скотина; можетъ пить захотѣли. Прокинулись мужики, глядятъ. Надъ озеромъ туманъ столбами ходитъ, а солнце чуть за горами показывается. И вдругъ, братецъ ты мой, видятъ они: ѣдутъ изъ озера на большой подводѣ монахи не монахи, а въ родѣ того. Диву дались наши мужики: что такое? Монахи незнакомые. Лошади у нихъ большія, сытыя, сами народъ тоже гладкой, ликомъ свѣтлые. И ѣдутъ изъ воды прямо на нихъ, все одно—по дорогѣ... Подъѣхали, установили ихнихъ лошадей, давай хлѣбъ на свою телѣгу перекидывать... Потомъ деньги отдали, честь честью, до копѣечки, повернули

подводу и опять въ озеро. Только ихъ и видѣли. И слышь ты, что еще. Ты.. вотъ человѣкъ городской... Ну, понимай это дѣло, какъ знаешь, а будто и Кирила Самойлова тутъ-же видѣли съ ними. А заговорить не посмѣли...

Мы оба помолчали, занятые своими мыслями. И мысли у насъ были разныя. У разсказчика онѣ были, повидимому, свѣтлыя и ровныя. Лицо его опять приняло доброе, благожелательное выраженіе.

— Но сказалъ тебѣ, проходящій, много чего. Ты думаешь, можетъ: чего и не бывало. А наше, братъ, мѣсто не простое. Нѣ-ѣтъ... не простое... Тебѣ вотъ кажетъ: озеро, болотина, горы... А существо тутъ совсѣмъ другое. На этихъ вотъ на горахъ (онъ указалъ рукой на холмы) сказываютъ быть церквамъ: Успленью съ Благовѣщеніемъ, а на той вонъ, на третьей—Здвиженье. Этто въ стары годы береза стояла, такъ на са-амой, выходитъ, на церковной главѣ.

— Откуда-же это-то извѣстно?

— А отъ бѣсноватыхъ, отъ кликушъ. Какъ, бывало, поведутъ которую мимо той березы, сейчасъ онѣ и пойдутъ выкликать: «ой, березка матушка! На церковной главѣ выросла. Помилуй насъ». Вѣдь ужъ это явственное дѣло. Чего-же болѣе. А тутъ вотъ мочажникомъ самымъ большая дорога у нихъ прошла. Эвонъ, супротивъ овражка промежду взгорьевъ серединой озера. Тутъ другой разъ сѣтями мы задѣваемъ. Такъ это монастырски ворота. И сказываютъ: на столбахъ-те чепи, а на чепяхъ сундукъ съ золотомъ да золотая всякая сосуда запущена... Вотъ, ты и думай себѣ. Мы, грѣшные, видимъ болотину, да лѣсъ, да озеро. А на самомъ то дѣлѣ взять: оно оказываетъ совсѣмъ другое... Ой, да что-же это я!

По водѣ между татаринкомъ уже съ полминуты ходили круги. Мой собесѣдникъ спохватился и торопливо, съ сосредоточеннымъ выраженіемъ сталъ «водить» клюнувшую на крючокъ большую рыбу.—Н-нѣтъ... пог-годи! Не уйдешь, мил-лай,—говорилъ онъ, присѣдая и то натягивая лесу почти горизонтально, то отпуская, то заводя ее изъ стороны въ сторону. Потомъ выпрямился, дернулъ удилищемъ и выхватилъ очень бойкаго порядочной величины окуня. Окунь мелькнулъ по воздуху и, изогнувшись дугой, попалъ въ зеленую траву. Здѣсь онъ опять извивался и прыгалъ, очевидно не желая разставаться со своей призрачной жизнію.

Наконецъ рыбакъ снялъ его съ крючка и положилъ въ стоявшее рядомъ берестяное ведерко. Видъ у старика былъ довольный.

Я невольно засмѣялся. Онъ посмотрѣлъ на меня, тоже слегка улыбнулся и спросилъ.

— Чего ты?.. Не надо мной-ли, дуракомъ?

— Нѣтъ дѣдушка. А только подумалось мнѣ чудное...

— А что-же, милай?

— Вѣдь озеро-то... Одна видимость?..

— Ну-ну...

— И воды тутъ нѣтъ, а есть дорога и главныя ворота?..

— Это вѣрно.

— Такъ какъ-же, вотъ, окунь-то? Выходитъ и онъ только видимость.

— Поди-ты вотъ... А?—сказалъ онъ съ недоумѣвающей благодушной улыбкой.—А мы-те, дураки, жаримъ да кушаемъ.

Онъ опять вынулъ окуня, посмотрѣлъ на него, взвѣсилъ на рукѣ и сказалъ:

— Порядочный, гляди. Еще бы парочку этакихъ,—уха!

VI.

Мы дружески распрощались.

Солнце уходило за горы все ниже и по всему озеру протянулась прохладная тѣнь. Вмѣстѣ съ нею, повидимому, начался клевъ. Не успѣлъ я отойти нѣсколько саженей, какъ у старика опять мелькнула въ воздухѣ новая добыча: большой плоскій лещъ пролетѣлъ дугой и шлепнулся въ траву.

Меня потянуло купаться. Отойдя подальше, чтобы не помѣшать доброму человѣку таскать изъ кажущагося озера несуществующихъ рыбъ, я раздѣлся недалеко отъ кладочки съ привязанной лодкой и съ наслажденіемъ кинулся въ воду. Надо мной спокойное высокое небо. Маленькое золотистое облако таетъ въ румяныхъ отблескахъ. Подо мной—загадочная глубина, бездонная и таинственная.

— Э-эй! Проходящій!—слышу я съ берега чей-то голосъ. Гляжу: молодой мужикъ, тоже съ удочкой и кошелемъ стоитъ у самой воды и смотритъ на меня.

— А ну-ко, проплыви еще... Еще маленько... Ну вотъ, въ акуратъ. Теперь мырни-ко, мырни, да поглубже. Ну-ко-ся...

Мнѣ самому это соблазнительно и, набравъ воздуху, я опускаюсь вертикально въ глубину. Холодно, вода очень плотная. Невольное ощущеніе жути и таинственности... Меня быстро выноситъ опять на поверхность...

Отряхнувшись и открывъ глаза, я прежде всего вижу того-же мужика. Уцѣпившись руками за вѣтку прибрежнаго дерева,— онъ весь повисъ надъ водой. Глаза его полны захватывающаго, жаднаго любопытства...

— Ну-ко... еще разъ... Еще разикъ...

Я дѣлаю вторую попытку. На этотъ разъ—удачнѣе и глубже. Вода еще холоднѣе и выжимаетъ кверху, какъ пружина, но все-же мнѣ удается нащупать ногой какой-то предметъ. Вѣтка дерева. Она уходитъ изъ-подъ ноги, но тутъ-же другая, третья. Какъ будто вершины потонувшаго лѣса... Я вишу между ними на глубинѣ, плотной и темной. Еще усиліе. Звонъ въ ушахъ. Меня быстро выноситъ на поверхность, и я глубоко взыхаю полною грудью. Молодой рыбакъ опять встрѣчаетъ меня наивнымъ, любопытнымъ, немного испуганнымъ взглядомъ.

— Долго-же ты подъ водой-те былъ... Ну,—братъ, говоритъ онъ дружески, когда я выхожу на берегъ:—насыпь ты мнѣ вотъ эту лодью золота, чтобы я мырнулъ въ нашемъ озерѣ... Ни за что не мырнулъ-бы.

— А меня посылалъ?

— Дѣло твое,—говоритъ онъ стыдливо.

Солнце совсѣмъ сѣло и съ дороги въ село Владимірское я съ трудомъ успѣлъ набросать въ своемъ альбомѣ озерко, горы и вѣнчикъ его деревьевъ. По равнинѣ быстро разливалась тьма, поглощая очертанія. Только тихая Люнда слабо мерцала, извиваясь по болотистой низинкѣ, да клочекъ озера томно отсвѣчивалъ стальной синевой вечерняго неба.

Прощай, Свѣтлояръ. Прощай, таинственное озеро чудесъ и темной вѣры въ призрачное прошлое.

Лѣтомъ 1905 года я опять былъ въ этихъ мѣстахъ. Все было по старому. Только подъ однимъ изъ деревьевъ, окруженный большой толпой, стоялъ молодой человѣкъ и говорилъ рѣчи, обращенныя не къ старому Китежу, погребенному на днѣ вѣковъ, а къ взыскуемому граду будущаго, построенному по другому плану.

Слушали его внимательно.

Вл. Короленко.

Изъ Верлэна.

Небо надъ кровлею дома
Свѣтло и бездонно.
Вѣтви надъ кровлею дома
Колеблются сонно.

Звонъ колокольный я слышу
Въ небесной пустынѣ.
Пѣніе птички я слышу
Въ зеленой вершинѣ.

Боже! Какъ просто, какъ ясно
Все въ мірѣ обширномъ.
Городъ рокочетъ неясно
Въ отдаленіи мирномъ.

Что ты, скажи, что ты сдѣлалъ,
Ты, судьбой недовольный,
Что съ своей юностью сдѣлалъ,
Безразсудно-безвольной?

Н. Минскій.

Чернышевскій и его комментарій къ „Политической экономіи“ Милля [1]).

Для рѣшенія вопроса о значеніи Н. Г. Чернышевскаго, какъ писателя-экономиста, необходимо имѣть въ виду,—кромѣ различныхъ статей, посвященныхъ экономическимъ вопросамъ,—главнымъ образомъ, его переводъ сочиненія Дж. С. Милля: «Основанія политической экономіи», который онъ дополнилъ своими примѣчаніями. Прежде всего, нужно вспомнить время, когда началъ появляться этотъ переводъ, и то крайне невысокое положеніе, которое занимала политическая экономія тогда въ системѣ университетскаго преподаванія. Показателемъ качества послѣдняго можетъ служить произведеніе проф. петербургскаго университета— И. Я. Горлова: «Начала политической экономіи», напечатанное въ 1859-мъ году, почти одновременно съ появленіемъ перевода книги Милля. Изъ этихъ «Началъ» читатели узнавали, что «всякій народъ по отношенію къ экономическимъ цѣлямъ, которыя онъ преслѣдуетъ, заключаетъ въ себѣ многочисленныя частныя хозяйства. Совокупность этихъ хозяйствъ составляетъ государственную экономію»... «Государственная экономія разсматриваетъ хозяйственныя условія народнаго благосостоянія, насколько они заключаются въ нравственной природѣ человѣка и въ общественности»... «Предметъ, о которомъ разсуждаетъ государственная экономія, большой важности для общества, хотя важность эта по промышленному и матеріальному свойству предмета можетъ показаться сомнительною, особенно въ отношеніи къ высшимъ интересамъ народа. Вещественное благосостояніе, котораго достигаетъ государство при помощи разумно направленной хозяйственной дѣятельности, имѣетъ много важныхъ послѣдствій, какъ для правительства, такъ и для народа»...

О широтѣ и солидности экономическихъ свѣдѣній, распространенныхъ въ тогдашнемъ обществѣ, можно судить по тому, что торжественное импортированіе какого нибудь де-Молинари и устройство его публичныхъ лекцій въ Москвѣ, считалось среди

[1]) На эту тему авторъ имѣлъ случай говорить 17 октября 1909 г., въ засѣданіи III-го отдѣленія Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.

наиболѣе культурныхъ словъ событіемъ чрезвычайно выдающимся, въ высокой степени поучительнымъ. И вотъ, въ это время и въ этой средѣ, вполнѣ удовлетворявшейся горизонтами «Экономическаго указателя» Вернадскаго, появляется переводъ «Политической экономіи» Милля, съ комментаріями Чернышевскаго. Надо ли говорить, какое значеніе имѣлъ этотъ фактъ, если, чуть не наканунѣ, русское общество поражалось смѣлостью и новизною мысли И. К. Бабста, бывшаго тогда профессоромъ политической экономіи въ казанскомъ университетѣ и выступившаго съ рѣчью, которая надѣлала столько шума: «О нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала». Талантливый лекторъ призывалъ въ ней своихъ согражданъ «перестать жить зря, дѣлать все зря»; тогда, говорилъ онъ, «вѣроятно, рѣже встрѣтимъ мы эту самоувѣренность въ нашемъ превосходствѣ, это китайское самодовольство и эту возмутительную лѣность ко всѣмъ улучшеніямъ экономическаго быта. Тогда не встрѣтимъ мы страннаго убѣжденія, что безъ насъ и нашего хлѣба, безъ нашего лѣса или сала, не можетъ обойтись Западная Европа, что она зависитъ отъ насъ и что въ нашей волѣ морить ее голодомъ или дать наѣсться досыта»...

Въ своемъ предисловіи Чернышевскій предупреждаетъ, что онъ переводитъ книгу Милля не потому, что считаетъ «ее вполнѣ удовлетворительною, а только потому, что въ ней честно и вѣрно изложена та сторона науки, которая развилась раньше другихъ частей и служитъ основаніемъ для дальнѣйшихъ выводовъ». Онъ говоритъ: мы «переводимъ книгу его (Милля) вполнѣ, безъ всякихъ сокращеній. Мы рѣшились на это изъ желанія, чтобы та часть молодого поколѣнія, которая главнымъ источникомъ своего образованія имѣетъ русскія книги, избавилась, наконецъ, отъ необходимости изучать систему Адама Смита по плохимъ французско-русскимъ передѣлкамъ, искажающимъ ея духъ». Въ этомъ отношеніи выборъ книги, пользовавшейся неоспоримымъ педагогическимъ авторитетомъ въ самой Англіи, былъ безусловно удаченъ.

Свидѣтельствомъ тому служитъ только что появившійся отзывъ проф. Жида и проф. Эшли, редактировавшаго послѣднее изданіе «Политич. экономіи» Милля. Передъ нами, говоритъ Жидъ,—новое изданіе превосходной книги, которая никогда не устарѣетъ, такъ какъ она отмѣчаетъ моментъ единственный въ исторіи экономической науки,—тотъ, когда классическій индивидуализмъ достигъ своего полнаго расцвѣта и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ подвергся видоизмѣненію подъ вліяніемъ теченій, проникнутыхъ духомъ широкой гуманности. Эшли въ своемъ

предисловіи замѣчаетъ совершенно справедливо, что эта книга имѣетъ не только историческое значеніе, но является вмѣстѣ съ тѣмъ одной изъ наиболѣе возбуждающихъ интересъ книгъ, которую можно дать въ руководство учащимся. при томъ условіи, конечно, если они будутъ предупреждены, что въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ она, естественно, не стоитъ на уровнѣ современныхъ требованій, (Revue d'économie politique; 1910. Январь; стр. 90).

Воспитательное значеніе этого произведенія выигрывало еще отъ дополненій, сдѣланныхъ переводчикомъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно познакомиться хотя-бы только съ нѣкоторыми изъ его дополненій. Остановимся, сперва на главѣ: «Выгодное и убыточное для общества производство и потребленіе».

Чернышевскій разсматриваетъ здѣсь вопросъ о производительномъ и непроизводительномъ трудѣ и потребленіи, по поводу чего идутъ контроверзы уже добрую сотню лѣтъ. Онъ спрашиваетъ, «почему въ словѣ «непроизводительный» лежитъ какое то порицаніе, несмотря на высокое достоинство нѣкоторыхъ родовъ непроизводительнаго труда». По его мнѣнію, для рѣшенія этого необходомо обратить вниманіе на распредѣленіе силъ общества между разными занятіями и на отношеніе этихъ занятій къ потребностямъ общества. Отвѣтъ получится далеко неодинаковый въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и будетъ зависѣть отъ того, какъ въ дѣйствительности распредѣляся силы даннаго общества: пойдутъ-ли онѣ, главнымъ образомъ, на удовлетвореніе потребностей первой необходимости, или же на потребности прихоти и роскоши. «Не подлежитъ спору, что отвлеченіе излишняго числа рукъ отъ производства первыхъ надобностей къ другимъ занятіямъ служитъ источникомъ недостатка въ предметахъ первой надобности»... «Весь трудъ, съ этой точки зрѣнія, дѣлится на двѣ половины: часть его обращена на производство предметовъ первой необходимости, другая часть—на занятія иного рода. Весь непроизводительный трудъ принадлежитъ ко второй половинѣ».. (стр. 63).

Противъ такого дѣленія высказывались возраженія, начиная съ Ж. Б. Сэ, усматривавшаго несправедливость и оскорбительность въ терминѣ «непроизводительный». Усилія доказать это остались, однако, безуспѣшными; «но, если бы и были удачными,—говоритъ Чернышевскій, не принесли бы пользы, потому что дѣло не въ названіяхъ занятій, а въ несообразности распредѣленія рабочихъ рукъ между разными занятіями съ потребностями общества». И онъ того мнѣнія, что Милль «справедливо замѣчаетъ

великую важность другого подобнаго различенія,—различенія между производительнымъ и непроизводительнымъ потребленіемъ... Признакомъ производительнаго потребленія служитъ то, что оно имѣетъ своею цѣлью увеличеніе средствъ къ производству, служитъ источникомъ новаго производства...

Чернышевскій находитъ, что «удобнѣе будетъ пріискать для классификаціи труда и потребленія новый терминъ...» «Кажется, что сущности дѣлу хорошо соотвѣтствуютъ слова «выгодный» и «убыточный»... «Чья выгода тутъ разумѣется.? Наука говоритъ о націи, объ обществѣ, о человѣческомъ родѣ. Потому выгоду и убыточность надобно разсчитывать по дѣламъ общества, націи, человѣческаго рода. О какой именно выгодѣ надобно говорить? Въ политической экономіи, занимающейся изслѣдованіемъ условій *матеріальнаго* благосостоянія, конечно, о выгодѣ для *матеріальнаго благосостоянія.* (Полн. собр. сочин. т. VII, стр. 65).

Замѣчанія эти служатъ, дѣйствительно, дополненіемъ къ изложенію Дж. С. Милля, который вноситъ неудачную поправку въ доктрину Смита, — поправку, давшую впослѣдствіи поводъ противникамъ ссылаться на нее въ доказательство несостоятельности ученія классиковъ. Такъ, Милль исходитъ изъ того, что подъ производительнымъ трудомъ разумѣетъ «только тѣ роды дѣятельности, которыми производятся полезности, воплощенныя въ матеріальныхъ продуктахъ» (стр. 50), но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ предлагаетъ, подъ такимъ трудомъ разумѣть всякій трудъ, «употребляемый на созданіе сохраняющихся полезностей, въ чемъ бы ни воплощались онѣ,—въ людяхъ, или другихъ одушевленныхъ или неодушевленныхъ предметахъ» (стр. 49).

Попытка Чернышевскаго поставить нѣкоторыя рамки такому широкому пониманію категоріи «сохраняющихся полезностей» имѣетъ немалую цѣну, такъ какъ точное установленіе понятій о производительномъ трудѣ, дѣйствительно, очень важно.

Оно важно, прежде всего, въ виду того, что обстоятельства, которыя, главнымъ образомъ, имѣлъ въ виду Ад. Смитъ, удѣляя значительное мѣсто въ своемъ трудѣ этому вопросу, остаются въ силѣ до сихъ поръ: и въ наши дни продолжаетъ еще жить старая доктрина о «mouvement d'argent» и о производительности всѣхъ тратъ подъ условіемъ, «если расходуемыя на нихъ деньги остаются внутри страны». Поклонникамъ этой теоріи, конечно, не могли нравиться слова Смита о производительномъ трудѣ, какъ о такомъ. который «fixes and realises itself in some particular subject or vendible commodity, which lasts for some time at least after that labour is past (Vol. I; B. II, ch III, 332).

Еще важнѣе правильное рѣшеніе вопроса о разсматриваемыхъ категоріяхъ труда,—по справедливому мнѣнію проф. Дитцеля (Theoretische Socialökonomik, I Bd. 1905.)—съ точки зрѣнія методологической. Если признать справедливымъ взглядъ хотя бы историко-этической школы,—главная штабъ-квартира которой въ Германіи,—и зачислить личныя услуги въ разрядъ труда производительнаго, а блага «имматеріальныя» приравнять къ матеріальнымъ, въ такомъ случаѣ стираются самыя границы экономической науки, и ея существованію, какъ отдѣльной дисциплинѣ, грозитъ явная опасность. «Широко и уже съ давнихъ поръ,—говоритъ Дитцель,—(стр. 172),—распространена непохвальная склонность... превращать отдѣльную дисциплину,—экономическую теорію,—въ неприглядное рагу изъ всевозможныхъ соціально-научныхъ составныхъ частей: доктрина, благопріятная «личнымъ услугамъ» и «внутреннимъ благамъ», представляетъ одинъ изъ многочисленныхъ симптомовъ этого укоренившагося зла». Къ превращенію экономической науки въ такое рагу, конечно, стремятся всѣ, кто, вмѣстѣ съ Ивомъ Гюйо, разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: la richesse, c'est la possession des utilités... La santé est une utilité; la sécurité est une utilité (La science économique, 3-е изд., 1907 г., стр. 57, 60).

Стоящіе за строгое выдѣленіе экономической дисциплины, въ этомъ вопросѣ о категоріяхъ труда, придерживаются ученія классической школы. Ихъ точку зрѣнія хорошо выражаютъ слѣдующія слова Родбертуса: «я включаю въ область хозяйства только *матеріальныя* блага. Въ сущности такъ поступаетъ каждый экономистъ, хотя бы въ началѣ своего труда онъ и желалъ доказать, что къ этой области принадлежатъ также блага имматеріальныя: вѣдь въ дальнѣйшемъ его изложеніи обычно объ этомъ вовсе нѣтъ рѣчи». (Rodbertus-Jagetzow: Zur Erkenntniss unsrer staatswirthschaftlichen Zustände.—1842., стр. 1). Онъ суммируетъ доводы въ пользу высказаннаго слѣдующими характерными словами: nur die Chrematistik allein ist die Wirthschaftswissenschaft (ibid). Стремясь въ своихъ «дополненіяхъ» ограничить широкое значеніе, приданное Миллемъ словамъ «сохраняющіяся полезности», Чернышевскій, безспорно, поступаетъ въ совершенномъ согласіи съ традиціей классической школы.

Заслуживаетъ также вниманія и глава 3-я его комментарія—«О непріятности труда». Авторъ доказываетъ здѣсь, главнымъ образомъ, что «*почти* во всѣхъ родахъ труда, и въ томъ числѣ *во всѣхъ важнѣйшихъ* по экономическому значенію, *почти* всѣ непріятныя ощущенія производятся не самой сущностью труда,

а только внѣшнею случайною обстановкою его». Онъ убѣжденъ, «что почти всѣ роды труда, и въ томъ числѣ всѣ важные роды его имѣютъ по своей сущности пріятность или привлекательность, которая далеко превышаетъ ихъ непріятную сторону, если даже есть въ ихъ сущности непріятная сторона (существованіе которой сомнительно), такъ что при отстраненіи неблагопріятной случайной и внѣшней обстановки почти всякій, и въ томъ числѣ всякій важный въ экономическомъ отношеніи, трудъ составляетъ для трудящагося не непріятность, а удовольствіе»...

Съ этимъ мнѣніемъ не согласятся раздѣляющіе точку зрѣнія Маркса, полагавшаго, что «царство свободы начинается въ дѣйствительности лишь тамъ, гдѣ прекращается работа, къ которой насъ принуждаютъ внѣшняя цѣлесообразность и нужда. Поэтому царство свободы по самой природѣ вещей лежитъ за предѣлами собственно матеріальнаго производства». (Kapital. B. III. Th. 2, 355). Несоотвѣтствующій этому, взглядъ Чернышевскаго на трудъ сходенъ со взглядомъ Фурье и подкрѣпляется имъ интересными,—особенно для того времени,—доказательствами. «Отсутствіе нужнаго количества труда,—говоритъ онъ,—должно производить въ мускулахъ чувство неудовлетворенности, соотвѣтствующее чувствамъ скуки, тоски, голода;.... наоборотъ, чрезмѣрностью труда должно производиться въ мускулахъ также непріятное чувство изнуренія соотвѣтствующее рѣзи въ глазу и чувству обремененности въ желудкѣ; а такимъ количествомъ труда, которое не превышаетъ силъ мускуловъ, должно производиться въ нихъ ощущеніе пріятное, какое производится не чрезмѣрнымъ количествомъ свѣта на глазъ, не чрезмѣрнымъ количествомъ пищи на желудокъ»...

Надо упомянуть, далѣе, по крайней мѣрѣ объ одной еще изъ главъ «дополненій», относящихся къ той части книги Милля, которая была изложена Чернышевскимъ въ «Современникѣ» подъ заглавіемъ «Очерки изъ политической экономіи (по Миллю)». Въ составъ этихъ послѣднихъ вошелъ особенно интересный очеркъ, озаглавленный «цѣнность и стоимость производства». Онъ посвященъ тому вопросу, который, по справедливымъ словамъ Дж. С. Милля, «занимаетъ столь важное и выдающееся положеніе въ политической экономіи, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, его границы сливаются съ границами самой науки». Самъ Милль находился въ пріятномъ заблужденіи и полагалъ, что «въ законахъ цѣнности нѣтъ ничего такого, чтобы оставалось разъяснять современнымъ или будущимъ писателямъ: теорія этого явленія совершенно закончена». Высказываясь такъ,

онъ не предчувствовалъ, какая жестокая борьба возгорится скоро по этому поводу, и упустилъ изъ вида, что «въ экономической теоріи,—по картинному выраженію Бёмъ Баверка,—имѣются нѣкоторые нерѣшенные вопросы, передающіеся, какъ бы по наслѣдству, отъ одного поколѣнія къ другому; вопросы, которые возвращаются снова и снова, подобно безпокойнымъ духамъ, осужденнымъ безостановочно блуждать, пока не пробьетъ часъ ихъ освобожденія» (приведено у Ch. W. Macfarlane: Value and distribution; стр. 19). Къ числу такихъ безпокойныхъ принадлежитъ, именно, вопросъ о цѣнности, изъ за котораго, начиная съ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, было переломано столько копій.

Разбирая ученіе, излагаемое *Миллемъ*, Чернышевскій указываетъ, что господствующая теорія «различаетъ два вида цѣнности: внутреннюю и мѣновую. О внутренней цѣнности она забываетъ тотчасъ-же, какъ только скажетъ мимоходомъ, что есть, кромѣ мѣновой цѣнности, внутренняя, и сосредоточиваетъ все свое вниманіе на одной мѣновой. Мы считаемъ это недостаткомъ»... (Т. VII, стр. 417). Останавливаясь на явленіяхъ спроса и предложенія, а также на сущности понятія *стоимости производства*, комментаторъ придаетъ особенное значеніе послѣдней. «Этотъ элементъ имѣетъ примѣненіе не къ одной только системѣ быта, основанной на соперничествѣ, въ которой одной существуетъ мѣновая цѣнность, отдѣльная отъ внутренней цѣнности,—онъ входитъ основнымъ элементомъ во всякую систему экономическаго устройства; онъ не есть результатъ частнаго историческаго факта, какъ мѣновая цѣнность, а вытекаетъ изъ неизмѣнной натуры вещей, потому онъ долженъ обратить на себя все наше вниманіе» (стр. 421).

Изложивъ затѣмъ двѣ главы изъ книги Милля, Чернышевскій замѣчаетъ: «мы сдѣлали огромную выписку изъ Милля и, кромѣ нѣкоторыхъ маловажныхъ замѣчаній, относительно второстепенныхъ подробностей, *ровно ничего не можемъ сказать противъ изложеннаго имъ взгляда*. Во всемъ, что мы слышали отъ него, надобно совершенно съ нимъ согласиться» (стр. 434). Но все ли,—спрашиваетъ онъ,—сказано этими словами Милля? и отвѣчаетъ: «далеко не все». «Весь анализъ стоимости производства... замѣчаетъ только капиталиста, который для него все, между прочимъ, и истинный производитель»... Между тѣмъ, для капиталиста трудъ только—«элементъ стоимости производства», а для огромнаго большинства людей онъ—«единственный или важнѣйшій товаръ». Но слѣдуетъ ли труду быть товаромъ, слѣ-

дуетъ ли ему имѣть мѣновую цѣнность? Отнюдь не слѣдуетъ,— отвѣчаетъ комментаторъ, потому что товаромъ можетъ быть «или продуктъ человѣка, или предметъ природы, обращенный въ частную собственность; въ томъ и другомъ случаѣ—нѣчто существующее отдѣльно отъ человѣка» (стр. 436), а трудъ— есть часть человѣческаго существа, которая не можетъ быть отдѣлена отъ него и не можетъ стать предметомъ самостоятельнаго отчужденія. «Если же трудъ, по своей неотдѣлимости отъ самого человѣка, не долженъ быть предметомъ покупки и продажи, т. е. не долженъ имѣть мѣновой цѣнности, то окажется недостаточно принимаемое господствующею теоріею основаніе для опредѣленія стоимости производства другихъ товаровъ» (стр. 438). Оно можетъ считаться умѣстнымъ для мѣновой цѣнности, разсматриваемой, какъ результатъ даннаго историческаго факта, и совершенно непригодно, когда мы разсматриваемъ тоже явленіе внѣ этихъ историческихъ условій. При такой постановкѣ, очевидно, должна быть избрана другая норма.

Коренная норма всякаго экономическаго разсчета, по мнѣнію Чернышевскаго,—«заключается въ человѣческихъ побужденіяхъ, наклонностяхъ и потребностяхъ...», говоря иначе, «основная пружина и коренная норма всѣхъ экономическихъ явленій заключается въ *потребностяхъ* человѣка»... И, такимъ образомъ, «*черезъ подведеніе частнаго вопроса о мѣновой цѣнности подъ основную идею всей экономической науки, понятіе мѣновой цѣнности превращается въ понятіе внутренней цѣнности.* Дѣйствительно, измѣреніе цѣнности потребностями человѣка даетъ норму уже вовсе не мѣновой, а внутренней цѣнности. Мы видимъ, что, по сущности дѣла, мѣновая цѣнность должна совпадать съ внутреннею и отклоняется отъ нея только вслѣдствіе ошибочнаго признанія труда за товаръ, которымъ труду никакъ не слѣдуетъ быть» (стр. 440). Если мѣновая цѣнность въ дѣйствительности различается отъ внутренней,—это свидѣтельствуетъ о неудовлетворительности даннаго экономическаго порядка, порождающаго такое въ сущности ненормальное явленіе. «Теорія должа смотрѣть на раздѣльность мѣновой цѣнности отъ внутренней точно также, какъ смотритъ на невольничество, монополію, протекціонизмъ. *Она можетъ и должна изучать эти явленія со всевозможною подробностью, но не должна забывать, что она тутъ описываетъ уклоненія отъ естественнаго порядка*». (ibid.)

Изъ приведенныхъ ссылокъ ясно отношеніе Чернышевскаго къ ученію классической школы, по его мнѣнію, неправильно ог-

раничившей задачу изслѣдованія лишь рамками опредѣленнаго экономическаго строя, предѣлами одного историческаго періода. Высказанное имъ по этому поводу полезно сопоставить съ тѣмъ, что проф. Дитцель говоритъ въ главѣ, посвященной «соціальнымъ предпосылкамъ», о двухъ хозяйственныхъ системахъ,—основныхъ и другъ другу противоположныхъ: децентрализованной, построенной на началѣ свободнаго соперничества, и централизованной, основаніемъ для которой является коллективизмъ. Онъ отмѣчаетъ, между прочимъ, что экономисты-классики вовсе не затрогивали вопроса о томъ, на основѣ какой хозяйственной системы слѣдуетъ изучать экономическія явленія. Писатели этого направленія, говоритъ онъ,—«не имѣли повода заниматься какимъ либо инымъ хозяйственнымъ порядкомъ, кромѣ того, который основанъ на соперничествѣ, и если имъ случалось касаться коллективизма то единственно для того, чтобы выставить его къ позорному столбу: вѣдь имъ все еще приходилось сводить счеты съ этимъ «ancien régime». Новый соціальный строй, установившійся послѣ побѣды принципа laissez—faire, само собой считался уже законнымъ базисомъ для изученія экономическихъ явленій. «Современные теоретики, за немногимъ исключеніемъ, признаютъ, что система, основанная на соперничествѣ имѣетъ лишь временное значеніе, значеніе, можетъ быть, очень быстро преходящей фазы развитія. Но, признавая это, они все-же не отказались еще разсматривать систему, основанную на соперничествѣ, какъ единственную соціальную предпосылку, и вмѣстѣ съ тѣмъ не сдѣлали попытки серьезно обосновать, почему именно эта хозяйственная фаза избирается для изученія экономическихъ явленій» (Theoretische Socialökonomik; стр. 87.—Ср. также проф. К. Диля: Sozialwissenschaftliche Erläuterungen I Teil—1905 г., стр. 75 и 76).

Въ приведенныхъ «дополненіяхъ» Чернышевскаго весьма характерны также и замѣчанія объ отношеніи писателей классической школы къ внутренней и мѣновой цѣнности. Мысли, высказанныя здѣсь, собственно, были исходными и для Бруно Гильдебранда въ его возраженіяхъ Прудону (Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft; русскій переводъ 1861-го года, озаглавленный «Историческое обозрѣніе политико-экономическихъ системъ» стр. 201—203); и были развиты подробнѣе К. Книсомъ (Die nationalökonomische Lehre vom Werth въ Zeitschrift für die gesammt eStaatswissenschaft, 1855 г.). Тѣ-же мысли высказываютъ потомъ теоретики предѣльной полезности, нѣкоторыя черты ученія которыхъ, несомнѣнно, родственны соображеніямъ

Чернышевскаго о «новой нормѣ» для опредѣленія стоимости производства «въ системѣ быта, основанной не на соперничествѣ».

Но, независимо отъ того или иного значенія отдѣльныхъ главъ, въ комментаріяхъ Чернышевскаго есть нѣчто, безспорно, способное само по себѣ служить мѣркой его заслугъ въ экономической наукѣ. Для того, чтобы опредѣлить научную цѣнность какого либо автора, необходимо уяснить себѣ предварительно, что составляетъ наиболѣе существенное, наиболѣе важное для самой науки. Несомнѣнно, самымъ главнымъ въ этомъ отношеніи должно быть признано строгое опредѣленіе области изслѣдованія данной науки, ясное отграниченіе ее отъ родственныхъ отраслей знанія, и точное установленіе пути, по которому должно идти изслѣдованіе, иначе говоря,—установленіе правильнаго метода. Какъ бы ни были разнообразны взгляды на достоинство отдѣльныхъ замѣчаній Чернышевскаго, достаточно знакомства съ одной главой—«Гипотетическій методъ» чтобы признать высокую научную заслугу автора, стоявшаго за вѣрный пріемъ изслѣдованія.

Рекомендуемый имъ методъ — методъ гипотетическій, — «состоитъ въ томъ, что, когда намъ нужно опредѣлить характеръ извѣстнаго элемента, мы должны на время отлагать въ сторону запутанныя задачи, и пріискивать такія задачи, въ которыхъ интересующій насъ элементъ обнаружилъ бы свой характеръ самымъ несомнѣннымъ образомъ, пріискивать задачи самаго простѣйшаго состава». При этомъ «абсолютной величинѣ цифръ не приписывается тутъ никакой важности: важность только въ томъ, увеличилась или уменьшилась извѣстная пропорція отъ перемѣны въ цифрѣ того элемента, характеръ котораго мы хотимъ узнать»... «Въ этомъ общемъ смыслѣ, политико-экономическіе вопросы рѣшаются посредствомъ гипотетическаго метода съ математическою достовѣрностью, лишь бы только были поставлены правильно, лишь бы только обращены были въ уравненія вѣрнымъ образомъ». Разъясняя такимъ образомъ сущность этого пріема изслѣдованія, Чернышевскій считаетъ необходимымъ предупредить, какъ онъ самъ предполагаетъ пользоваться имъ. «Если въ нашихъ замѣчаніяхъ,—говоритъ онъ,—будетъ довольно много разсчетовъ и цифръ, это происходитъ не отъ того чтобы мы не понимали утомительности ихъ для читателя; но мы обращаемъ вниманіе читателя на такіе вопросы, которые многими писателями рѣшались ошибочно, фальшивое мнѣніе о которыхъ сильно распространено».

Наша публика знакомилась съ этими взглядами въ то время, когда въ Германіи на университетскихъ каѳедрахъ

выдвигались преимущественно представители исторической школы, когда еще едва слышались голоса Родбертуса и Маркса. Сомнѣніе въ безупречности направленія, становившагося господствующимъ въ нѣмецкихъ университетахъ, зародилось позднѣе; въ частности-же вопросъ о методѣ въ политической экономіи начинаетъ привлекать вниманіе нѣмецкихъ ученыхъ съ особенной силой лишь съ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія. По поводу сравнительныхъ достоинствъ пріемовъ изслѣдованія возникаетъ, именно, ожесточенный и поучительный споръ между представителями германской науки только съ 1883-го года, со времени выхода въ свѣтъ Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaften und der Politischen Ökonomie insbesondere — проф. Карла Менгера. Споръ закончился въ пользу Менгера, и его точку зрѣнія на этотъ предметъ раздѣляютъ нынѣ въ Германіи, кромѣ послѣдователей классической школы и К. Маркса, также многочисленные поклонники т. наз. «австрійской школы». Всѣ они въ вопросѣ о методѣ слѣдуютъ за писателями классической школы и согласны въ общемъ съ тѣмъ, что было формулировано по этой части. Дж. С. Миллемъ («Система логики» и «The definition and method of Polit. Economy» въ «Some unsettled questions»...), Кэрнсомъ и проф. Кэйнс'омъ (Keynes). Этого же взгляда придерживается и большинство нашихъ экономистовъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что высказанное Чернышевскимъ въ главѣ «Гипотетическій методъ»,—нуждается въ болѣе подробномъ развитіи и въ нѣкоторыхъ существенныхъ оговоркахъ, которыя даны, напримѣръ, у проф. Сиджвик'а (Henry Sidgwick) въ посмертномъ изданіи его Principles of Political Economy, вышедшихъ подъ редакціей Кэйнс'а въ 1901 году. Для большей ясности, конечно, слѣдовало бы указать на тѣ отдѣлы экономической науки, гдѣ необходимо примѣненіе пріема a priori и на тѣ, гдѣ, наоборотъ, успѣхъ изслѣдованія требуетъ иного метода. Но вѣдь и въ настоящее время это требованіе исполняется далеко не всегда, и теперь случается слышать о необходимости пользоваться методомъ дедуктивнымъ въ экономической наукѣ вообще. А между тѣмъ еще покойный проф. А. И. Чупровъ, въ согласіи съ ученіемъ проф. Менгера, указывалъ своимъ университетскимъ слушателямъ (Лекціи по политической экономіи. Студенческое изданіе 1892 г.) на то, что науки о народномъ хозяйствѣ дѣлятся на историческія и теоретическія. «Подъ именемъ политической экономіи иногда разумѣютъ всю совокупность перечисленныхъ наукъ, — воззрѣніе встрѣчающееся

часто въ нѣмецкой литературѣ. Въ настоящее время, однако, обнаруживается склонность къ дифференцированію этихъ отдѣльныхъ дисциплинъ, а политической экономіей называютъ только теоретическое изученіе явленій народнаго хозяйства». Объ этомъ помнятъ, къ сожалѣнію, далеко не всегда.

Однако, и тогда когда мы помнимъ о томъ и соглашаемся, что пріемы индуктивнаго изслѣдованія непримѣнимы въ этой дисциплинѣ, посвященной теоретическому изученію, и что познаніе причинной зависимости между сложными экономическими явленіями возможны лишь съ помощью дедуктивнаго метода,—мы говоримъ собственно далеко не все, если не обращаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ вниманія на *содержаніе* политической экономіи. Проф. Сиджвикъ справедливо указываетъ, что «когда методомъ политической экономіи признаютъ преимущественно методъ дедуктивный, то при этомъ должны имѣть въ виду не ученіе о производствѣ, а теорію распредѣленія и обмѣна, и, ближайшимъ образомъ, ту часть этой послѣдней, которую Милль назвалъ «статической»... «Это и есть именно та часть предмета, на которую со временъ Рикардо направлено преимущественное вниманіе теоретиковъ-экономистовъ, (хотя часто они и не различали ясно даннаго отдѣла отъ другихъ частей); и легко показать, въ какой мѣрѣ методъ, соотвѣтствующій этому отдѣлу, глубоко отличенъ отъ того, который примѣняется къ выясненію вопросовъ, касающихся производства.» (Principles, 38). Сиджвикъ ссылается на «Основанія политической экономіи» Милля и, на примѣрѣ отдѣльныхъ главъ ученія о производствѣ, доказываетъ, въ какой степени далекъ примѣняемый здѣсь авторомъ пріемъ изслѣдованія отъ дедуктивнаго метода. Но «эти подробности,—говоритъ онъ,— приведены мною вовсе не съ цѣлью бросить тѣнь на авторитетъ Милля, а лишь потому, что ни одинъ изъ «ортодоксальныхъ» критиковъ его широко распространенной книги никогда не нападалъ на методъ, примѣненный имъ въ ученіи о производствѣ». Но развѣ въ этомъ повиненъ одинъ только Милль? Безъ всякаго сомнѣнія, большинство стоящихъ за примѣненіе дедуктивнаго метода въ теоретической политической экономіи совсѣмъ не смущается тѣмъ, что въ отдѣлѣ «о производствѣ» обычно примѣняется иной методъ.

«Основанія политической экономіи» Милля выдержали у насъ два полныхъ изданія, кромѣ того, которое начало выходить съ примѣчаніями Чернышевскаго, но не было окончено (часть книги Милля печаталась въ «Современникѣ»—какъ уже указано,—въ «изложеніи» Чернышевскаго). Этотъ фактъ распространенности сочи-

ненія Милля можетъ свидѣтельствовать о вліяніи идей автора на нашу читающую публику. Но свидѣтельствомъ гораздо большаго вліянія самого комментатора Милля на развитіе научной экономической мысли въ нашемъ отечествѣ служитъ то обстоятельство, что уже съ самаго начала семидесятыхъ годовъ на университетскихъ каѳедрахъ появляются убѣжденные послѣдователи классической школы, отстаивавшіе рекомендованный Чернышевскимъ методъ. Достаточно указать здѣсь на покойнаго кіевскаго профессора Н. И. Зибера и на его изслѣдованіе—«Теорія цѣнности и капитала Давида Рикардо въ связи съ позднѣйшими разъясненіями и дополненіями»,—а также на покойнаго профессора московскаго университета А. И. Чупрова и на его вступительную лекцію 1874 года: «О современномъ значеніи и задачахъ политической экономіи». Приведеннаго вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ огромномъ шагѣ, который былъ сдѣланъ у насъ въ постановкѣ изученія политической экономіи, и для свидѣтельства о той духовной связи, которая существовала между направленіемъ новыхъ преподавателей и методологическими идеями переводчика книги Милля.

Это новое университетское направленіе имѣло важное значеніе въ предѣлахъ своего отечества и не осталось незамѣченнымъ также на Западѣ, лучшимъ доказальствомъ чему можетъ служить исключительное вниманіе, съ которымъ отнесся авторъ «Капитала» къ критикѣ проф. Зибера. Въ предисловіи ко второму изданію «Капитала» въ 1873 году, Марксъ высказывается такъ: «Еще въ 1871 году Зиберъ, профессоръ политической экономіи въ кіевскомъ университетѣ, въ своемъ сочиненіи: «Теорія цѣнности и капитала Д. Рикардо» показалъ, что моя теорія цѣнности, денегъ и капитала является въ своихъ основныхъ чертахъ необходимымъ дальнѣйшимъ развитіемъ ученія Смита и Рикардо. Въ солидномъ (gediegen) сочиненіи Зибера западно-европейскаго читателя поражаетъ та послѣдовательность, съ которой онъ выдерживаетъ свою чисто теоретическую точку зрѣнія". (Капиталъ.—Переводъ подъ редакціей П. Струве. 1907 г.).

Этими словами Марксъ,—высоко цѣнившій научныя заслуги комментатора Милля. (см предисловіе ко 2-му изданію «Капитала» и «Письмо» въ Юридич. Вѣстникѣ», т. XXIX; 1888 г.) —вновь подтверждаетъ тѣсную связь «Капитала» съ ученіемъ Смита и особенно Рикардо,—этого наиболѣе виднаго изъ представителей классической школы, пользовавшагося тѣмъ именно отвлеченнымъ пріемомъ изслѣдованія, который былъ рекомендованъ намъ Н. Г. Чернышевскимъ.

А. Посниковъ.

Изъ воспоминаній о Н. А. Добролюбовѣ.

Въ біографіяхъ Н. А. Добролюбова (г.г. Скабичевскаго и Филиппова), а также въ «Матеріалахъ» для его біографіи (переписка Добролюбова) упоминается имя А. П. Златовратскаго, моего родного дяди, который былъ довольно близкимъ товарищемъ покойнаго Н. А., какъ въ Педагогическомъ Институтѣ, такъ и послѣ, до смерти его.

По окончаніи курса въ институтѣ, дядя поступилъ учителемъ словесности въ рязанскую гимназію, а затѣмъ года черезъ три или четыре перевелся въ ставропольскую гимназію, гдѣ скоро и скончался отъ скоротечной чахотки.

Въ это время въ 64 году, я кончалъ гимназическій курсъ и особенно увлекался чтеніемъ критическихъ статей Добролюбова, которыя въ то время вышли уже отдѣльнымъ изданіемъ. Этотъ особенный интересъ къ нему поддерживался во мнѣ въ то время, помимо всего прочаго, тѣмъ, что я хорошо зналъ о пріятельскихъ отношеніяхъ между дядей и Добролюбовымъ. Послѣдняго я даже лично видѣлъ въ нашемъ домѣ, когда онъ въ 61-мъ году, возвращаясь съ родины изъ Нижняго въ Петербургъ, заѣхалъ въ концѣ лѣтнихъ каникулъ къ намъ для свиданія съ гостившимъ у насъ дядей. Въ это время отцомъ моимъ, совмѣстно съ близкимъ интеллигентскимъ кружкомъ, предполагалось изданіе первой независимой въ нашемъ городѣ газеты «Владимірскій Вѣстникъ», въ которомъ обѣщалъ принять участіе и Добролюбовъ. Но этому не суждено было осуществиться; въ концѣ октября этого года Н. А. умеръ, а вслѣдъ за нимъ, года черезъ два, умеръ и мой дядя. Когда я уже кончалъ курсъ въ гимназіи, мнѣ передавалъ отецъ, что Чернышевскій, собирая матеріалы для біографіи Добролюбова, обращался къ дядѣ съ просьбой прислать ему какъ свою переписку съ Добролюбовымъ, такъ и воспоминанія объ ихъ совмѣстной институтской жизни.

Письма Добролюбова къ дядѣ послѣднимъ, очевидно, были посланы, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ появились въ «матеріалахъ» въ свое время и были цитируемы впослѣдствіи біографами Добролюбова. Что-же касается воспоминаній дяди, то послѣ его смерти сохранились только черновые наброски, касающіеся лишь первыхъ лѣтъ институтской жизни.

Повидимому, дядя обработать ихъ, благодаря болѣзни, не успѣлъ и они Чернышевскому посланы не были. Эта черновая тетрадь сохранилась у меня. Сличая имѣющіяся въ ней свѣдѣнія объ Н. А. съ тѣми, какія сообщены въ біографіяхъ гг. Скабичевскаго и Филиппова, я нашелъ, что въ существенныхъ чертахъ они не представляютъ особой новизны. Но, въ виду того, что въ нихъ имѣются нѣкоторые штрихи, дополняющіе характеристику личности Н. А., а также и общей атмосферы студенческой жизни въ институтѣ, я думаю, что выдержки изъ этихъ записокъ могутъ быть не лишены нѣкотораго значенія, какъ показанія лица, близко стоявшаго къ дѣлу.

Свои записки дядя мой начинаетъ такимъ діалогомъ:—«Ты къ намъ въ академію? спрашивали меня товарищи медицинской академіи.—«Нѣтъ, въ институтъ».—Помилуй, туда въ прошлый разъ съ перекрестковъ ловили! Какъ не стыдно? (августъ 1853 г.).

«Однако я поступилъ въ институтъ (педагогическій) и кромѣ меня многіе другіе и многимъ другимъ было еще отказано. Такому наплыву молодыхъ людей въ институтъ способствовали совершенно независящія отъ него обстоятельства, именно—учрежденіе штатовъ въ университетѣ и медицинской академіи, вслѣдствіе чего многіе изъ непоступившихъ ни въ университетъ, ни въ академію, тоже по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, шли въ институтъ. Институтское начальство могло сдѣлать выборъ между желающими поступить и, къ несчастью для него, оно выбрало и такихъ лицъ, которыя положили конецъ безобразному владычеству его. Въ числѣ поступившихъ былъ и Добролюбовъ».

Составъ перваго курса, по словамъ дяди, оказался крайне разнохарактернымъ: въ однѣхъ камерахъ преобладали семинаристы, въ другихъ гимназисты, были даже поляки и нѣмцы. Вмѣстѣ съ этимъ и общее настроеніе студенчества, особенно въ первые мѣсяцы, отличалось крайней хаотичностью. Такъ, въ семинарскихъ камерахъ воцарились тѣ-же бурсацкіе навыки, которые принесло съ собою большинство бывшихъ семинаристовъ, имѣвшихъ слабость къ веденію громогласныхъ диспутовъ, вращавшихся большею частью въ средѣ сплетенъ о профессорахъ

и преподавателяхъ, прежнихъ и теперешнихъ, о начальствѣ вообще и другъ о другѣ; причемъ оцѣнка производилась съ точки зрѣнія самыхъ бурсацки-заскорузлыхъ понятій о чинахъ, орденахъ, повышеніяхъ; авторитетами для нихъ являлись прежде всего тѣ, которые такъ или иначе пользовались благоволеніемъ и милостями высшаго начальства. Міровоззрѣніе большинства юношей тоже не поднималось выше оффиціально-чиновничьяго патріотизма и формальной религіозности, воспринятыхъ съ дѣтства. Еще низменнѣе было настроеніе въ камерахъ съ преобладающимъ такъ сказать «свѣтскимъ» составомъ изъ гимназистовъ и пансіонеровъ разныхъ столичныхъ заведеній. «Мальчики эти были, повидимому, все чистенькіе, но на самомъ дѣлѣ грязные школьники; у всѣхъ у нихъ была удивительно развита страсть къ циническимъ разсказамъ и анекдотамъ, любителями которыхъ являлось не мало и семинаристовъ. Помимо этого сильно развилась въ то время въ институтѣ картежная игра, захватившая эпидемически чуть не всѣхъ студентовъ: одни играли, другіе созерцали игру. Распущенность однихъ, какое-то безтолковое препровожденіе времени другими, мелочность интересовъ—были поистинѣ печальны». Все это, впрочемъ, относилось лишь къ большинству первокурсниковъ. Но среди нихъ было не мало такихъ, которымъ претило такое времяпрепровожденіе и подобныя дружескія бесѣды, но они еще не могли подыскать себѣ подходящей компаніи, оставались какими то одиночками-бобылями, не имѣвшими никакой возможности пристать ни къ тому, ни къ другому кружку. Въ первые мѣсяцы къ этимъ «бобылямъ» принадлежали мой дядя и Добролюбовъ; послѣдній держалъ себя вначалѣ настолько обособленно, что казался для многихъ «загадочной» личностью. Не только въ картежной игрѣ или фривольныхъ дружескихъ бесѣдахъ онъ не принималъ никогда участія, но даже къ семинарскимъ диспутамъ относился съ полнымъ равнодушіемъ, иногда только въ разговорѣ съ дядей высказывалъ или удивленіе; или негодованіе по поводу «дикихъ» воззрѣній гг. диспутантовъ хотя бы относительно того, что уважаемый профессоръ по ихъ мнѣнію долженъ быть непремѣнно украшенъ чинами и орденами. Уже и тогда Добролюбова начинала возмущать какая-то стадная склонность студенчества рабски поклоняться всякимъ авторитетамъ, особенно апробованнымъ высшимъ начальствомъ. Въ первые дни институтской жизни дядя «всегда видѣлъ Добролюбова одиноко сидѣвшимъ съ краю стола, съ очками большею частью поднятыми на лобъ, съ одной рукой около груди, а другой переворачивающимъ Виргилія, имѣя

терпѣніе заниматься даже прямо послѣ обѣда, когда въ номерахъ все шумѣло въ пылу картежной игры».

Такимъ «бобылемъ» онъ, однако, оставался недолго.

Юношество, какъ-бы низко ни падало при неблагопріятныхъ условіяхъ, всегда остается юношествомъ, хранящимъ въ себѣ всѣ возможности духовнаго возрожденія, разъ будетъ для этого достаточно сильный импульсъ. Къ сожалѣнію, институтское начальство далеко не стояло на высотѣ своей педагогической задачи и юношество встрѣтило въ немъ почти тѣ-же типы педагогическаго чиновничества, которые оно привыкло видѣть и въ начальной николаевской школѣ. Такимъ образомъ импульсъ для общаго оздоровленія могъ явиться лишь изъ среды самого студенчества, изъ среды его наиболѣе даровитыхъ и нравственно чуткихъ личностей. Долго ждать ихъ не пришлось, такъ какъ тѣ, которые казались сначала хмурыми «бобылями», далеко по существу своей натуры не были замкнутыми, лишенными чувства живого товарищескаго общенія личностями, разъ для этого находилась мало мальски подходящая почва. Такою личностью оказался прежде всего Добролюбовъ, который вскорѣ не только сталъ популярнымъ среди товарищей, но и незамѣтно послужилъ общему подъему настроенія своихъ однокурсниковъ.

Какъ натура незаурядно-даровитая, Добролюбовъ прежде всего сразу выдвинулся своими сочинительскими способностями. Сначала блестяще составляемыя имъ лекціи по русской словесности, а затѣмъ и поданное имъ въ совѣтъ профессоровъ оригинальное сочиненіе о Виргиліи обратило на него общее вниманіе какъ начальства, такъ и товарищей. Послѣдніе не преминули осадить его, какъ знатока предмета, самыми докучливыми просьбами о разныхъ указаніяхъ, разъясненіяхъ, исправленіи тетрадокъ лекцій и т. п., и Добролюбовъ шелъ имъ навстрѣчу безъ всякаго неудовольствія, очень охотно жертвуя всякой свободной минутой. Товарищи за нимъ ухаживали, но онъ не игралъ между ними никакой роли покровителя и, какъ говорили о немъ, «никогда не дралъ носа».

Но еще большее вниманіе обратилъ на себя Добролюбовъ, когда, вопреки всякимъ традиціямъ, онъ, не удовлетворяясь выслушиваніемъ лекцій, началъ вступать съ профессорами въ бесѣды, прося разъясненій, указаній и даже вступалъ съ ними въ оживленные дебаты. Такое новшество многимъ профессорамъ очень не понравилось. За исключеніемъ немногихъ лицъ, извѣстныхъ своими научными заслугами, большинство профессоровъ были просто чиновники, отбывавшіе повинность, недалекіе и малознающіе. Понятно, что они старались всячески избѣгать

*

«приставаній» студентовъ, такъ какъ это нерѣдко вело къ комическимъ инцидентамъ, подрывавшимъ профессорскій авторитетъ. Между прочимъ, дядя приводитъ такой характерный фактъ. Однажды Добролюбовъ, не удовлетворившись лекціей профессора о «Мертвыхъ душахъ» Гоголя, которая вся сводилась къ однимъ безсодержательнымъ почти восклицаніямъ (въ родѣ того, что Гоголь—это русскій Гомеръ, что и выраженія у него все «гомерическія», возьмите, напр. такое: «на деревянномъ лицѣ»—развѣ это не безподобно? и т. п.), попросилъ его выяснить, наконецъ, въ чемъ-же однако существенное значеніе «Мертвыхъ душъ» для русской литературы. Озадаченный профессоръ, вмѣсто отвѣта, спрашиваетъ Добролюбова:—«А кончилъ-ли Гоголь «Мертвыя души»?—Добролюбовъ уклоняется отъ отвѣта и снова задаетъ прежній вопросъ. Профессоръ продолжаетъ настаивать на своемъ вопросѣ. Наконецъ Добролюбовъ говоритъ, что—нѣтъ, не кончилъ.—Ну, что же вы и спрашиваете меня о значеніи «Мертвыхъ душъ», когда онѣ не кончены?!» Понятно, что такого рода дебаты создавали довольно веселое настроеніе въ аудиторіи. Отзывчивая и даровитая натура Добролюбова и здѣсь сказалась: онъ принялся составлять очень удачно юмористическія пародіи на лекціи профессоровъ, подобныхъ вышеописанному. Пародіи эти имѣли огромный успѣхъ, гуляя по всему институту. Какъ извѣстно, въ этихъ пародіяхъ уже тогда сказалась та склонность Добролюбова къ юмору и сатирѣ, которая впослѣдствіи нашла такое удачное выраженіе въ «Свисткѣ».

Однако такіе комическіе дебаты на лекціяхъ и Добролюбовскія пародіи рождали не одно только веселое настроеніе. Они незамѣтно поднимали общее духовное настроеніе студенчества, заставляя его критически относиться къ тому, на что прежде смотрѣлось, какъ на обычное отбываніе школьной учебы.

Вмѣстѣ съ Добролюбовымъ, въ это время, сталъ пользоваться не меньшей популярностью и вліяніемъ юноша Щегловъ,—личность чрезвычайно энергичная, съ широкимъ энциклопедическимъ образованіемъ; сынъ священника, онъ сначала воспитывался въ семинаріи, но оттуда былъ «выгнанъ», очевидно, за излишнюю самостоятельность характера и мнѣній,—и принужденъ былъ закончить курсъ въ гимназіи. Это развило въ немъ, по словамъ дяди, непримиримую ненависть къ «семинарской закваскѣ», и онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы протестовать противъ заскорузло-бурсацкихъ взглядовъ, которыхъ держались многіе институтскіе «семинаристы». Послѣдніе отне-

слись къ нему вначалѣ очень враждебно, обвиняя его въ личной ненависти къ нимъ. Но Щегловъ въ это время близко сошелся съ Добролюбовымъ и скоро всѣ поняли, что его протестъ истекалъ изъ чистыхъ побужденій разсѣять мракъ и предразсудки своихъ товарищей.

Сближеніе между Щегловымъ и Добролюбовымъ, скоро перешедшее въ близкія дружескія отношенія, имѣло благотворное вліяніе на ихъ развитіе. «Это была замѣчательная пора въ жизни Н. А. Д-ва, —замѣчаетъ дядя, —начало перемѣны въ немъ, перемѣны во всякомъ случаѣ къ лучшему», —такъ какъ и Добролюбову были въ это время еще не чужды многіе предразсудки, воспринятые изъ близкой среды. Въ первую пору новые пріятели были, можно сказать, неразлучны, они даже кровати въ спальнѣ поставили рядомъ, вопреки институтскимъ правиламъ. Добролюбовъ въ это время серьезно принялся за изученіе французскаго языка и, вмѣсто Виргилія, у него появились въ рукахъ сначала французскіе романы, а потомъ сочиненія Руссо и Прудона; все больше и больше времени онъ отдаетъ чтенію, все чаще начинаетъ посѣщать Публичную библіотеку; отъ кого-то онъ сталъ приносить въ институтъ «Отеч. Записки» и «Современникъ» временъ Бѣлинскаго. Дядя бралъ у него эти книги, толковалъ съ нимъ по поводу статей Бѣлинскаго и это послужило началомъ ихъ сближенія. Вообще въ это время онъ сдѣлался еще общительнѣе, все болѣе расширяя кругъ своихъ товарищей. «Помню, говоритъ дядя, придетъ онъ бывало въ нашу камеру съ Бѣлинскимъ и начнетъ читать; потомъ вдругъ подниметъ по обыкновенію на лобъ очки и заговоритъ восторженно: —Удивительно! Вѣдь все это было читано и перечитано прежде, и теперь все читаю какъ-будто новое!» И затѣмъ шли по поводу прочитаннаго длинныя бесѣды съ дядей, Щегловымъ, и со всѣмъ товарищескимъ кружкомъ.

Но это повышенное и жизнерадостное настроеніе Добролюбова скоро смѣнилось такимъ удрученнымъ душевнымъ состояніемъ, которое въ значительной степени измѣнило его юношески-наивное умонастроеніе. Какъ извѣстно, въ это время неожиданно умерла у него горячо любимая мать, а затѣмъ вскорѣ отецъ, оставивъ исключительно на его попеченіе семерыхъ младшихъ братьевъ и сестеръ. По поводу этого дядя утверждаетъ, что «Дневникъ» Добролюбова, впослѣдствіи напечатанный въ «Современникѣ», очень ясно представляетъ вліяніе этихъ неожиданныхъ невзгодъ на его душевный строй и перемѣну нѣкоторыхъ убѣжденій. Въ первые дни послѣ пере-

житыхъ тяжелыхъ впечатлѣній, онъ то впадалъ въ самый мрачный мистицизмъ, напр. доказывая дядѣ, что отецъ его умеръ отъ того, что съ снялъ съ себя фотографическій портретъ, то съ необыкновенной рѣзкостью отрицалъ всякіе мистическіе предразсудки. Очевидно, въ немъ, какъ въ натурѣ глубоко искренней и любящей, происходила тяжелая борьба. Такъ одно время, чтобы спасти семью, онъ думалъ даже оставить институтъ и поступить въ священники на мѣсто отца.—«Знаешь что?—сказалъ онъ дядѣ:—мнѣ предстоитъ удовольствіе быть священникомъ»...—Какъ такъ?—замѣтилъ дядя:—вѣдь теперь ужъ нельзя, ты уволенъ изъ духовнаго званія.—«Нѣтъ, это ничего, а *другое*»... Очевидно, онъ намекалъ на происходившую въ немъ, душевную борьбу.

Но ни этой борьбѣ, ни тяжелымъ ударамъ судьбы не удалось надломить духовную энергію сильнаго морально юноши; напротивъ, они только еще болѣе закалили ее—и онъ вскорѣ выступилъ снова на энергичную борьбу за право на разумную человѣческую жизнь.

Не смотря на то, что ему теперь, для поддержанія семьи и устройства собственной будущности, требовалось крайнее напряженіе силъ, онъ не только не отходилъ отъ товарищества, но, вмѣстѣ съ Щегловымъ, продолжалъ группировать около себя цѣлый кружокъ своихъ товарищей и поклонниковъ. Многіе изъ нихъ, по словамъ дяди, благоговѣли передъ Добролюбовымъ и онъ служилъ для нихъ высшимъ авторитетомъ. Кружокъ этотъ впослѣдствіи получилъ названіе «Добролюбовской партіи». Въ немъ прежде всего шло ускоренное знакомство съ передовыми литературными теченіями; выписывались въ складчину «С.-Петерб. Вѣд.», «Современникъ», «Русск. Вѣстникъ»,—и все это подъ страхомъ наказанія и конфискаціи отъ своего начальства. «С.-Петерб. Вѣд.», напримѣръ, приходилось выписывать на имя швейцара, по секрету. Подъ строгимъ запретомъ были и всѣ тѣ журналы, въ которыхъ помѣщались статьи Бѣлинскаго. Мало этого, институтское начальство крайне неодобрительно смотрѣло на посѣщеніе студентами даже Импер. Публичной библіотеки. Чѣмъ, однако, больше духовные интересы и запросы юношей, тѣмъ конечно ихъ все болѣе начинали раздражать институтскіе порядки и, понятно, прежде всего это раздраженіе и критическое отношеніе къ начальству и профессорамъ сказалось въ кружкѣ Добролюбова. Онъ до мелочныхъ подробностей анализировалъ недостатки института и во всеуслышаніе и рѣзко агитировалъ за коренное его переустройство. Скоро начальство (и

особенно директоръ) зачислило Добролюбова и Щеглова въ число самыхъ злонамѣренныхъ людей и вооружилось противъ нихъ всею силою своей власти. «Смѣшно и грустно, замѣчаетъ дядя, становится, припоминая эту борьбу, борьбу всесильнаго деспота, старающагося въ своихъ преслѣдованіяхъ быть законнымъ». Директоръ искалъ только случая, который бы послужилъ ближайшимъ предлогомъ къ удаленію Добролюбова изъ института. Вскорѣ ему донесли, что у Добролюбова и Щеглова хранятся запрещенныя книги и политическіе памфлеты (въ родѣ распространенныхъ тогда воззваній «Къ дворянству», «Юрьевъ день», приписывавшихся Герцену, запрещенныхъ стихотвореній, какимъ, напр., считалась тогда «Забытая деревня» Некрасова). У Добролюбова и Щеглова былъ сдѣланъ въ ящикахъ тщательный обыскъ и, хотя ничего серьезнаго найдено не было, за исключеніемъ невиннаго юмористическаго стихотворенія (кажется, на Греча), Добролюбовъ былъ посаженъ подъ строжайшій арестъ. Однако на другой-же день Добролюбовъ былъ освобожденъ, благодаря заступничеству Галахова и другихъ профессоровъ, цѣнившихъ Добролюбова, какъ очень даровитаго студента. Директору пришлось затаить свою месть до болѣе благопріятнаго времени. Съ своей стороны и Добролюбовъ съ Щегловымъ убѣдились, что ихъ агитація противъ начальства, которую они вели непосредственно въ стѣнахъ института, не стоила такихъ хлопотъ и риска; ихъ уже начали увлекать другіе, болѣе серьезные и общіе интересы. Вмѣстѣ съ наиболѣе близкими изъ своихъ товарищей они наняли частную квартиру, гдѣ и собирались въ свободное отъ лекцій время для чтенія «запрещенныхъ» институтскимъ начальствомъ книгъ и дружескихъ бесѣдъ. Между прочимъ кружокъ лицъ, собиравшихся на этой квартирѣ, не смотря на свои очень скудныя средства, дѣлалъ складчины и собиралъ пожертвованія въ пользу, напр. такихъ лицъ, какъ несчастные студенты медицинской академіи, сосланные въ званіи фельдшеровъ въ отдаленныя губерніи «за донесеніе о непорядкахъ въ академіи не по начальству».

Между тѣмъ, крайняя необходимость имѣть заработокъ, съ одной стороны, и все сильнѣе сказывавшаяся склонность къ литературной дѣятельности съ другой, уже къ концу институтскаго курса поставили Добролюбова въ близкія отношенія къ современной литературѣ.

Однажды онъ показываетъ дядѣ томъ «Академическихъ извѣстій 2 отд.» «Смотри!» говорилъ онъ, указывая на первую страницу.—Читаю: труды академиковъ—имена, членовъ коррес-

пондентовъ—имена, посторонних ученыхъ —имена,—и въ томъ числѣ имя Н. А. Добролюбова. Онъ, по обыкновенію, расхохотался и указалъ на составленный имъ по «Извѣстіямъ» указатель помѣщенныхъ въ нихъ трудовъ, доставившій ему отъ редактора «Извѣстій» названіе «ученаго». Алфавитные указатели были его первые печатные труды, которые онъ исполнялъ съ рѣдкой добросовѣстной кропотливостью. «И охота тебѣ возиться съ этимъ!» сказалъ дядя.—«Экій ты, братецъ!—отвѣчалъ онъ.—Вѣдь я за это получаю цѣлыхъ 30 рублей».—Вѣроятно, въ это же время онъ съ тою-же кропотливостью началъ свою первую большую работу о «Собесѣдникѣ Л. Р. С.», вызвавшую, какъ извѣстно, впослѣдствіи неодобреніе такихъ записныхъ ученыхъ, какъ Галаховъ, съ которымъ послѣ пришлось ему полемизировать.

Но еще раньше этого Добролюбовъ пытался выступить въ роли критика. Такъ, по поводу статьи Боткина о Фетѣ, онъ пишетъ антикритику, въ которой доказываетъ всю необоснованность и пустословіе такъ наз. «эстетической» критики. Затѣмъ онъ написалъ критику на статью Буслаева о пословицахъ. Статьи онъ читалъ дядѣ въ рукописи; обѣ онѣ были проникнуты саркастическимъ тономъ и вмѣстѣ тѣмъ свѣжимъ, здоровымъ взглядомъ на предметъ и живымъ изложеніемъ, которое скоро создало ему имя въ литературѣ. Тогда-же дядя спросилъ его: отчего ты не напечатаешь?—«Ты думаешь, это очень легко?—сказалъ онъ.—Я уже пробовалъ: отдалъ было статью о Буслаевѣ въ «Отеч. Записки», а тамъ не приняли, потому что въ статьѣ задѣты Буслаевъ и Афанасьевъ, а они хорошіе вкладчики въ «Отеч. Записки». Такъ статья и осталась не напечатанной. Впрочемъ, это—ничего. Я черезъ нее по крайней мѣрѣ познакомился съ Чернышевскимъ». Добролюбовъ передалъ дядѣ, что Чернышевскій въ то время работалъ при «Отеч. Зап.»—прочитывалъ статьи; ему-то и досталось читать его статью. Онъ хотя печатать ее не велѣлъ, но зато захотѣлъ лично познакомиться съ авторомъ. Это былъ моментъ въ высшей степени важный въ жизни Добролюбова, окончательно опредѣлившій его будущую судьбу.

На этомъ и прерываются замѣтки дяди о Добролюбовѣ, которыя онъ заканчиваетъ такой общей характеристикой настроенія въ институтской жизни въ послѣдніе годы.

«Статьи Чернышевскаго въ «Современникѣ» о критикахъ гоголевскаго періода сдѣлали популярнымъ его имя и между студентами. Оно сдѣлалось для нихъ неразлучнымъ съ именемъ Бѣлинскаго, о которомъ онъ сталъ говорить въ то время, когда

студенты института не могли въ Публичной библіотекѣ взять «От. З.» потому только, что въ нихъ печатался Бѣлинскій. Статьи Чернышевскаго произвели умственное движеніе въ институтѣ, всѣ съ жаромъ бросились на нихъ и очень наглядно увидали, изъ сравненія нашихъ лекціонныхъ записей съ его статьями, — педантизмъ и мертвую схоластику первыхъ. Въ нашемъ маломъ кружкѣ институтскомъ случилось то же, что совершается теперь въ кругу университетскомъ. Прежде всего съ голоса Чернышевскаго мы перестали считать геніальнымъ то, что не имѣло *смысла,* а называли настоящимъ именемъ; равнымъ образомъ мы не восхищались блестящей шумихой словъ безъ всякой мысли. Вслѣдствіе этого между многими студентами исчезло святое рвеніе переписывать тетрадки лекцій, готовить репетиціи чуть не ежемѣсячно, но вмѣстѣ съ тѣмъ участилось путешествіе въ Публичную библіотеку, не смотря на строгіе эдикты начальства. Непріятности между начальствомъ и студентами росли. Такъ, на экзаменѣ у Срезневскаго почтенный директоръ очень громко говорилъ о развращающемъ значеніи статей Чернышевскаго, въ томъ-же духѣ, какъ теперь говорятъ: «Рус. Вѣст.» и «Сѣв. Пчела». «Помилуйте,—говорилъ онъ,—на Шевырева напалъ. У него только и есть недостатокъ, что пишетъ стихи! Что онъ нашелъ хорошаго въ Надеждинѣ? Какое теперь вредное направленіе развивается въ литературѣ, да и что отъ нея ждать хорошаго. Кто нынѣ писатели? Мужикъ или семинаристъ».

Н. Златовратскій.

Пятидесятилѣтіе литературнаго фонда.

Рѣчь, сказанная 8 ноября 1909 г., во время празднованія юбилея литературнаго фонда.

Въ извѣстномъ «Дневникѣ» Александра Васильевича Никитенки подъ 13-мъ января 1858 г. значится:

«Вечеромъ былъ приглашенъ на совѣщаніе по устройству «общества литературнаго фонда для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ и ихъ семействамъ». Собраніе наше состояло изъ Краевскаго, Кавелина, Галахова, Дружинина, Анненкова, Дудышкина и меня. Мнѣ поручили написать проектъ устава».

Это совѣщаніе было, повидимому, первымъ шагомъ къ осуществленію мысли, впервые высказанной печатно Дружининымъ въ ноябрѣ предшествовавшаго года на страницахъ «Библіотеки для чтенія», послѣ того, какъ она уже успѣла заинтересовать литературные круги. Въ біографіи Л. Н. Толстого, составленной Бирюковымъ, есть указаніе, что въ январѣ этого-же 1857 г. Толстой «писалъ проектъ фонда у Дружинина».

Можно съ радостью признать, что эта отмѣтка даетъ право связать воспоминаніе о зарожденіи общества литературнаго фонда съ имемемъ величайшаго русскаго писателя нашего времени.

Но попытка Л. Н. Толстого не имѣла, повидимому, практическихъ послѣдствій, и проектъ его,—если былъ законченъ,—остался неизвѣстнымъ Никитенкѣ. Мѣсяцъ спустя послѣ того, какъ состоялось первое совѣщаніе, 20 февраля, Никитенко читаетъ составленный имъ проектъ устава собранію, которое онъ уже называетъ «литературный фондъ». «Предложено, пишетъ

онъ, нѣсколько измѣненій». Проходитъ годъ. 9 февраля 1859 г. у И. С. Тургенева собираются тѣ же семь иниціаторовъ, къ которымъ присоединились самъ Тургеневъ, Чернышевскій, Заблоцкій-Десятовскій и Егоръ Ковалевскій. Проектъ готовъ. Онъ выработанъ Кавелинымъ и Заблоцкимъ-Десятовскимъ, въ одинъ день придавшими окончательно разработанную форму первоначальнымъ наброскамъ Никитенки. Одиннадцать участниковъ собранія подписываютъ проектъ и прошеніе на имя министра народнаго просвѣщенія, которымъ былъ въ то время Евграфъ Ковалевскій, братъ одного изъ учредителей. Уставъ, поданный министру 16 февраля, утверждается 7 августа того-же года. Въ воскресенье, 8 ноября 1859 г., ровно полвѣка тому назадъ, на квартирѣ министра народнаго просвѣщенія общество было провозглашено открытымъ и былъ выбранъ первый комитетъ, имѣвшій предсѣдателемъ Евг. Ковалевскаго, товарищемъ предсѣдателя Кавелина, казначеемъ Краевскаго и секретаремъ Галахова.

«Я мало вѣрю въ русскія ассоціаціи» писалъ въ то время Никитенко. Еслибы ему довелось дожить до сегодняшняго юбилея и вмѣстѣ съ двумя своими товарищами—В. И. Ламанскимъ и М. М. Стасюлевичемъ—быть свидѣтелемъ пятидесятой годовщины созданнаго ими учрежденія, онъ бы убѣдился воочію, какъ неосновательно было его недовѣріе. «Русская ассоціація», празднующая пятидесятилѣтній юбилей, была бы вправѣ гордиться уже однимъ тѣмъ, что можетъ повторить слова Сіейэса «j'ai vécu». Литературный фондъ не только прожилъ эти пятьдесятъ лѣтъ: онъ выросъ и окрѣпъ, онъ широко развилъ свою дѣятельность, онъ сталъ одной изъ полезнѣйшихъ общественныхъ организацій. Его исторія есть несомнѣнно одна изъ свѣтлыхъ страницъ всей исторіи нашей общественности. Литературный фондъ завоевалъ себѣ одно изъ почетныхъ мѣстъ среди учрежденій, преслѣдующихъ возвышенныя культурныя цѣли. Нынѣ это мѣсто принадлежитъ ему по праву, и прежніе дѣятели фонда, поставившіе его на такую высоту, и нынѣшніе, стремящіеся слѣдовать завѣтамъ и традиціямъ своихъ предшественниковъ, могли и могутъ, въ сознаніи исполняемаго общественнаго долга, спокойно не внимать всегда готовому злословію и предвзятымъ упрекамъ.

Въ основу дѣятельности литературнаго фонда была положена мысль, хорошо выраженная въ прекрасныхъ словахъ Гюго: substituez à l'aumône qui dégrade l'assistance qui fortifie. Милостыня—подачка, въ условіяхъ нашего общества, воспринимается какъ нѣчто унизительное. Вспомоществованіе, укрѣпляя того, кому оказывается, мотивируется, въ конечномъ счетѣ, обще-

ственными интересами. Оно считается либо съ заслугами въ прошломъ, либо съ надеждами на полезное будущее. § 11 устава гласитъ, что пособіе назначается не иначе, какъ по надлежащемъ удостовѣреніи въ правѣ на оное. Право это можетъ вытекать изъ признанія ученыхъ или литературныхъ заслугъ, но точно также оно можетъ основываться на убѣжденіи въ несомнѣнной даровитости и призваніи юноши къ ученой и литературной дѣятельности. Въ этомъ—основное различіе между литературнымъ фондомъ и всякимъ другимъ благотворительнымъ обществомъ. Поддержка нуждающихся литераторовъ и ученыхъ служитъ дѣлу науки и литературы и тѣмъ самымъ является выполненіемъ извѣстной общественной обязанности.

Учрежденіе литературнаго фонда совпало съ моментомъ большого общественнаго подъема, предшествовавшаго «освобожденію раба» и—по выраженію поэта — «преображенію всей жизни». Какъ замѣчаетъ историкъ литературнаго фонда, «русское общество конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ было небогато матеріальными средствами,... но зато это общество было чутко настроено по отношенію къ удовлетворенію каждой общественной самодѣятельности; а нужды и интересы литературы и просвѣщенія представлялись ему самыми насущными, близкими и дорогими,... и потому дѣло литературнаго фонда имѣло несомнѣнные шансы быстро пріобрѣсти и общественное сочувствіе, и общественную поддержку» [1]).

Такъ и случилось. Результаты перваго года существованія комитета фонда можно по справедливости признать блестящими. За этотъ первый годъ удалось собрать болѣе 35.000 р., причемъ въ эту сумму вошли пожертвованія отъ отдѣльныхъ лицъ всѣхъ сословій—болѣе $7^1/_2$ тысячъ рублей, затѣмъ $4^1/_2$ тыс. отъ обществъ нѣкоторыхъ городовъ, преподавателей, служащихъ, учениковъ, а также отъ устронныхъ въ разныхъ мѣстахъ безъ участія комитета спектаклей, чтеній и вечеровъ, и около $10^1/_2$ тысячъ отъ устроенныхъ самимъ комитетомъ литературнаго фонда публичныхъ чтеній, лекцій и спектаклей. Членскіе взносы за этотъ годъ дали свыше $9^1/_2$ тысячъ рублей. Дѣло, такимъ образомъ, сразу могло двинуться крупными шагами. Но для того, чтобы поставить его на прочную почву, надо было озаботиться образованіемъ и увеличеніемъ постояннаго капитала. Первый комитетъ такъ и поступилъ: изъ собранныхъ въ первый годъ 35 тысячъ рублей лишь одна треть была израсходована на текущія

[1]) А. А. Корниловъ, „Очеркъ дѣятельности л. ф. за 50 лѣтъ“.

нужды, а 22 тысячи были обращены на покупку процентныхъ бумагъ.

Нынѣ, къ концу 50-ти лѣтія фонда, общая цѣнность принадлежащихъ ему денежныхъ капиталовъ составляетъ болѣе 700 тысячъ рублей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ фондъ обладаетъ крупной недвижимой собственностью—усадьбой съ домами, цѣнностью около 150.000 р. Наконецъ, ему принадлежитъ право на изданіе ряда произведеній различныхъ авторовъ—право, уже давшее фонду крупныя матеріальныя выгоды.

Констатируя благопріятный результатъ пятидесятилѣтней дѣятельности фонда, историкъ его вынужденъ съ грустью отмѣтить, что этимъ результатомъ фондъ въ гораздо большей степени обязанъ сравнительно немногочисленнымъ, но щедрымъ жертвователямъ, чѣмъ всему русскому образованному обществу, массѣ читателей и почитателей науки и литературы.

И дѣйствительно, просматривая историческій очеркъ дѣятельности фонда, мы сразу убѣждаемся въ томъ, что развитіе его матеріальныхъ средствъ не шло правильнымъ и постепеннымъ путемъ. Оно двигалось скачками. Огромную роль здѣсь сыграло нѣсколько отдѣльныхъ лицъ, чьи имена должны быть сегодня съ глубокой и горячей признательностью помянуты. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ имя Надсона. Извѣстно, что въ 1884 г., фондъ помогъ друзьямъ молодого поэта, боровшагося со смертельнымъ недугомъ, отправить его сначала въ Висбаденъ, а потомъ въ Ниццу. За эту помощь Надсонъ еще при жизни старался отблагодарить фондъ. За годъ до своей кончины онъ въ Кіевѣ устроилъ литературный вечеръ въ пользу фонда. Умирая, онъ завѣщалъ фонду право собственности на свои сочиненія. Какъ только это послѣднее распоряженіе поэта стало извѣстно, извѣстный московскій издатель К. Т. Солдатенковъ предложилъ тотчасъ же издать за свой счетъ новое (6-е) изданіе стихотвореній Надсона, въ количествѣ $2^1/_2$ тысячъ экземпляровъ. Изданіе это разошлось въ теченіе одного мѣсяца, и въ октябрѣ 1887 г. комитетъ предпринялъ уже новое, 7-е, въ количествѣ 6.000 экз., причемъ труды по редакціи этого изданія приняла на себя М. В. Ватсонъ, редактировавшая и слѣдующія изданія стихотвореній Надсона. Съ тѣхъ поръ изданіе это повторено еще 15 разъ, каждый разъ по 6.000 экземпляровъ. Размѣръ капитала, вырученнаго отъ этого изданія, къ 1-му января 1909 г. составлялъ 124 тысячи, тогда какъ Надсонъ за время своей болѣзни получилъ отъ фонда всего около тысячи рублей.

Рядомъ съ именемъ Надсона стоитъ другое имя, связанное съ нимъ общностью воспоминанія о трагической судьбѣ, о безвременной гибели молодой многообѣщавшей жизни. Я говорю о Всев. Мих Гаршинѣ. Послѣ его кончины, права на его сочиненія были переданы наслѣдниками Гаршина лит. фонду, и рядъ изданій, предпринятыхъ фондомъ начиная съ 1900 г., далъ за эти двадцать лѣтъ капиталъ, достигающій 52 тысячъ рублей.

Нѣкоторые писатели и дѣятели литературы, которымъ удалось скопить болѣе или менѣе значительныя средства при помощи писательской или издательской дѣятельности, дѣлали одни при жизни, другіе по духовнымъ завѣщаніямъ—болѣе или менѣе щедрыя пожертвованія. Изъ такихъ пожертвованій на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ упомянуть о завѣщаніи въ пользу литературнаго фонда всего своего состоянія Г. З. Елисеевымъ; это пожертвованіе замѣчательно, между прочимъ, и тѣмъ, что Елисеевъ былъ одно время рѣшительнымъ порицателемъ фонда и не скупился въ нападкахъ на его дѣятельность. Елисеевъ, состоя съ 1871 г. пайщикомъ «Отеч. Записокъ», сберегъ за десятки лѣтъ около 50 тысячъ рублей, изъ коихъ онъ передалъ 20 тыс. тверскому земству для усиленія капитала, назначеннаго на ссуду крестьянскимъ обществамъ для покупки земли, причемъ проценты съ капитала должны были дѣлиться между народными школами и литературнымъ фондомъ. Въ случаѣ значительнаго сокращенія земскаго самоуправленія, завѣщатель обязалъ земство передать весь капиталъ лит. фонду. Въ настоящее время тверское земство выполнило эту волю Елисеева, который остальной капиталъ свой завѣщалъ непосредственно фонду.

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о рядѣ другихъ однородныхъ пожертвованій.

Извѣстный издатель Ф. Ф. Павленковъ завѣщалъ фонду 30.000 рублей. Наслѣдники извѣстнаго педагога К. Д. Ушинскаго пожертвовали въ капиталъ его имени 19.000 рублей. По завѣщанію другого извѣстнаго писателя-педагога Н. Ф. Бунакова литературный фондъ получилъ 34.208 р., изъ которыхъ, по волѣ завѣщателя, 10.000 р. поступили въ число именныхъ капиталовъ фонда, не имѣющихъ спеціальнаго назначенія, а 24.208 руб. составили особый капиталъ для выдачи стипендій учащимся. По духовному завѣщанію извѣстнаго издателя «Нивы» А. Ф. Маркса, получено фондомъ 6.000 рублей, по духовному завѣщанію А. А. Давыдовой—1.600 рублей. Частью по завѣщанію, частью пожертвованіями при жизни А. А. Краевскаго

и В. П. Гаевскаго составились капиталы имени перваго изъ нихъ въ 13.250 р., а имени второго въ 12.500 р. Покойный поэтъ А. Н. Плещеевъ еще при жизни пожертвовалъ фонду 25.000 рублей. Академикъ Янжулъ пожертвовалъ 1.000 рублей.

Напомнимъ наконецъ о крупныхъ отказахъ въ пользу фонда по завѣщаніямъ Ник. Ферд. Дамича, В. О. Михневича и Вик. Фед. Голубева.

Въ 1889 г. отставной генералъ-маіоръ Николай Фердинандовичъ фонъ-Дамичъ, жившій въ Тифлисѣ, составилъ духовное завѣщаніе, которымъ отказалъ всѣ принадлежавшіе ему капиталы (за исключеніемъ 10.000 руб. и разнаго движимаго имущества, завѣщанныхъ двумъ частнымъ лицамъ) литературному фонду съ тѣмъ, чтобы изъ капиталовъ этихъ составленъ былъ неприкосновенный фондъ, проценты съ котораго въ половинной части причислялись бы ежегодно къ капиталу и въ половинной же расходовались бы на поставленныя жертвователемъ цѣли. Цѣли эти соотвѣтствовали пунктамъ в, г и д § 5 устава литературнаго фонда и сводились главнымъ образомъ къ желанію помочь труженикамъ науки и литературы, сосредоточить ихъ силы на созданіи полезныхъ ученыхъ и литературныхъ произведеній. Послѣ смерти завѣщателя въ 1896 г. окружной судъ отказалъ въ утвержденіи этого завѣщанія, вслѣдствіе нарушенія нѣкоторыхъ формальностей. Но душеприказчикъ А. Ф. Дамичъ, который при этомъ являлся бы прямымъ наслѣдникомъ всего имущества, безкорыстно и настойчиво исполнилъ волю брата, перенесъ дѣло въ слѣдующую инстанцію и добился утвержденія завѣщанія, лишавшаго его наслѣдства.

Капиталъ Н. Ф Дамича въ настоящее время, съ причисленными къ нему процентами, за исключеніемъ суммъ, израсходованныхъ за эти годы на опредѣленныя въ завѣщаніи цѣли, къ 1 янв. 1909 г. доходилъ до 42 тыс. руб.

Благодаря отказамъ двухъ другихъ жертвователей—В. О. Михневича (тоже въ свое время бывшаго строгимъ критикомъ фонда) и В. Ф. Голубева, фондъ сдѣлался собственникомъ капитала въ 60.000 руб. и недвижимаго имущества, усадьбы въ 18.000 кв. саж. и домовъ, изъ которыхъ одинъ выстроенъ фондомъ: это такъ наз. «домъ писателей», приспособленный для общежитія и имѣющій 12 комнатъ для жильцовъ. Комнаты эти, согласно предсмертному желанію В. Ф. Голубева, предназначаются главнымъ образомъ для писателей беллетристовъ и критиковъ. На организацію всего этого дѣла употреблено около 150.000 рублей, переданныхъ лит. фонду сыновьями В. Ф.

Голубева, послѣ его кончины, во исполненіе воли отца, не закрѣпленной ни въ какомъ формальномъ актѣ.

Недостатокъ мѣста и времени не позволяетъ останавливаться на рядѣ другихъ пожертвованій и приводить многія другія имена, записанныя на страницахъ исторіи Фонда. Да будетъ воздана имъ въ день празднованія пятидесятой годовщины нашего Общества хвала и признательность за ихъ гуманную, высоко культурную и безкорыстную службу дѣлу просвѣщенія и помощи труженикамъ науки и литературы.

Гораздо менѣе отрадную картину представляетъ отношеніе къ фонду широкихъ круговъ русскаго образованнаго общества вообще и писательскихъ круговъ въ частности.

Учредители фонда исходили изъ мысли, что поддержаніе литературы и науки является дѣломъ всенароднымъ. Они ожидали широкаго, постояннаго и все ростущаго сочувствія со стороны всего общества. Они вправѣ были надѣяться, что для каждаго русскаго ученаго или писателя дѣло фонда станетъ его личнымъ дѣломъ близкимъ и дорогимъ. Гдѣ же какъ не здѣсь развиться чувствамъ солидарности, сознанія нравственной обязанности, живому и дѣятельному участію! Въ этомъ отношеніи, однако, ожиданія далеко не оправдались.

Въ послѣднемъ отчетномъ году членскіе взносы дали кассѣ фонда скромную сумму—около $2^1/_2$ тыс. рублей, при наличности 409 членовъ: 78 пожизненныхъ и 331 обязанныхъ дѣлать ежегодные взносы. Иногородныхъ членовъ Фондъ насчитываетъ всего 42. Недоимщики составляютъ около трети всѣхъ не пожизненныхъ членовъ. Сама по себѣ общая цифра членовъ фонда поражаетъ своею незначительностью, но еще печальнѣе тотъ фактъ, что будучи почти равна той, при которой началась дѣятельность фонда (363), она значительно уступаетъ цифрамъ цѣлаго ряда лѣтъ (такъ, въ 1883 году число членовъ равнялось 781, въ 1891 году—752). Другой, столь же печальный фактъ, отмѣченный историкомъ фонда—полная неудача всѣхъ формъ процентныхъ отчисленій: съ подписчиковъ, съ читателей, съ каждой проданной книги и т. п., несмотря на крайнюю умѣренность нормъ этихъ отчисленій, предлагавшихся ихъ иниціаторами. Въ началѣ публика, въ особенности же лица, непосредственно прикосновенныя къ литературѣ, какъ будто охотно шли на это, и одно время—въ первые два года существованія фонда—такія отчисленія обѣщали, какъ будто войти у насъ въ обычай и сдѣлаться серьезной статьей ежегодныхъ доходовъ литературнаго фонда. Цѣлый рядъ издателей газетъ и журна-

ловъ положили платить по копейкѣ, нѣкоторые по $^1/_2$ коп., а одинъ—гр. Кушелевъ-Безбородко, издатель «Русскаго Слова» (въ 1859—60 гг.)—даже по 25 коп. съ подписчика; книгопродавцы и издатели книгъ—по 1 коп. съ каждаго проданнаго экземпляра книги, авторы статей и литературныхъ произведеній—извѣстный процентъ съ гонорара,—Тургеневъ, напримѣръ, 5%. Нашелся даже одинъ содержатель пансіона для мальчиковъ (г. Шакѣевъ), который обязался платить (и дѣйствительно платилъ въ 1861—62 гг.) по 1 рублю въ годъ съ каждаго воспитанника. Учителя, чиновники, офицеры отчисляли извѣстный процентъ изъ жалованья. Но все это продолжалось очень недолго. Изъ газетъ и журналовъ лишь «Современникъ» «Отечественныя Записки» и «С.-Петербургскія Вѣдомости» (при В. О. Коршѣ) платили свои взносы въ теченіе ряда лѣтъ.

Впослѣдствіи комитетъ литературнаго фонда и отдѣльные его члены нѣсколько разъ пытались возстановить подобнаго рода сборы, подъ именемъ «Дружининской копейки» и «Читательнаго рубля», но всѣ такія попытки не имѣли успѣха и самый большой сборъ, какой давала «Дружининская копейка», не превышалъ 150 руб. въ годъ, а «Читательскій рубль» не давалъ и того, выражаясь обыкновенно лишь въ нѣсколькихъ рубляхъ въ годъ [1]).

Для того, чтобы безпристрастно отвѣтить на вопросъ, кто виноватъ въ такомъ равнодушіи—общество, среди котораго работаетъ фондъ, или онъ самъ,—вѣрнѣе сказать его руководители, нужно, прежде всего, коснуться, конечно вкратцѣ и въ наиболѣе общихъ чертахъ, самой дѣятельности фонда по осуществленію лежащихъ на немъ задачъ.

Первой такой задачей является матеріальное вспомоществованіе.

Расходы на различнаго рода пособія писателямъ и ученымъ, производившіеся фондомъ, въ первые три года его существованія составляли отъ 11 до 12 тыс. руб. въ годъ; въ слѣдующіе пять лѣтъ они не превышали 7.500 рублей, при чемъ въ смутный 1866 г. упали до 5.878 руб., а съ 1868 года стали постепенно возрастать съ небольшими лишь колебаніями, начиная съ 10.000 рублей (въ 1868 г.) и дойдя къ 1874 году до солидной цифры 21.416 р. 66 коп. Затѣмъ они нѣсколько понизились (вслѣдъ за установленіемъ правилъ о неприкосновенномъ капиталѣ и особенно въ виду русско-турецкой войны) и

[1]) Корниловъ, loc. cit., стр. 29—30.

въ слѣдующее шестилѣтіе не доходили до 20.000 руб. въ годъ, достигнувъ лишь въ 1881 г. опять цифры 21.487 р. Въ слѣдующее затѣмъ шестнадцатилѣтіе отъ 1882—1898 г.г. ежегодные расходы колебались между 20 тыс. и 27 тыс. рублей, при чемъ большею частью составляли отъ 23 тыс. до 24 тыс. въ годъ. Съ 1899 года они сразу повысились до 29 тыс., въ 1900 г. достигли 37 тыс. и съ тѣхъ поръ ниже 34 тыс. не спускались.

Всѣ эти расходы распредѣляются на 1) пенсіи, 2) продолжительныя пособія, 3) стипендіи учащимся молодымъ людямъ и пособія на воспитаніе дѣтей, 4) единовременныя пособія, 5) безсрочныя ссуды и 6) срочныя ссуды. Въ первый годъ своего существованія комитетъ фонда назначилъ до 15 пенсій, на сумму 3690 руб. въ годъ. Съ 1870 г. сумма, ежегодно расходуемая на пенсіи, возрастаетъ изъ года въ годъ и достигаетъ въ 1876 г. 6153 руб. Въ послѣдующіе годы эта сумма нѣсколько уменьшилась, но затѣмъ, послѣ ряда колебаній, въ послѣднее десятилѣтіе начинаетъ неуклонно расти и достигаетъ въ 1906 году 8226 руб. Въ послѣдній отчетный годъ пенсій было выдано на 6980 руб.

Расходъ на продолжительныя пособія въ послѣднее десятилѣтіе становится одной изъ самыхъ крупныхъ расходныхъ статей въ годичныхъ отчетахъ фонда, достигая въ 1905 и 1906 годахъ $11^1/_2$ тысячъ, что составляло около трети всѣхъ ежегодныхъ расходовъ фонда въ эти года. Этого рода пособіе назначается обыкновенно захворавшимъ и вообще временно впавшимъ въ затруднительное положеніе писателямъ и ихъ семьямъ, при чемъ размѣръ такихъ назначеній значительно колебался въ разное время и смотря по личнымъ обстоятельствамъ вспомоществуемыхъ лицъ.

Что касается выдачи стипендій учащимся, то съ первыхъ же годовъ существованія фонда было обращено особенное вниманіе на то, чтобы правильно и цѣлесообразно организовать это дѣло. Первоначально для этой цѣли была организована особая коммиссія (изъ профессоровъ Кавелина, Березина и Утина), причемъ коммиссія эта дѣйствовала при участіи выборныхъ представителей студентовъ. Затѣмъ въ 1862 года учреждено было новое отдѣленіе литературнаго фонда, со спеціальнымъ уставомъ и спеціальною цѣлью—организовать сборъ и распредѣленіе пособій учащимся. Во главѣ этого отдѣленія сталъ Егоръ Пет. Ковалевскій, въ составъ его были введены представители учащихся. Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія А. В.

Головнинъ отнесся сочувственно къ открытію отдѣленія и прислалъ въ его распоряженіе изъ министерскихъ суммъ 1.000 р. Однако, нѣсколько недѣль спустя, вслѣдъ за петербургскими событіями весны 1862 года, отдѣленіе было закрыто. Это не остановило дальнѣйшаго притока пожертвованій.

Съ 1865 г. по предложенію комитета общимъ собраніемъ литературнаго фонда было постановлено отпускать ежегодно въ петербургскій университетъ по 500 р. въ годъ на плату за слушаніе лекцій десяти наиболѣе достойныхъ и вмѣстѣ нуждающихся студентовъ по выбору университетскаго начальства. Въ такомъ видѣ это пособіе отпускалось ежегодно до 1870 года, когда, по соображеніямъ, представленнымъ ревизіонною коммиссіею, признано было болѣе цѣлесообразнымъ замѣнить этотъ отпускъ назначеніемъ 4-хъ стипендій для студентовъ I курса по 125 рублей каждая. Въ 1875 году по случаю отобранія у члена комитета литературнаго фонда В. Ф. Корша редактировавшихся имъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», принадлежащихъ академіи наукъ, возмущенные этимъ подписчики «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и друзья Корша, въ знакъ особаго сочувствія къ его дѣятельности, собрали небольшую сумму—2.130 рублей—съ тѣмъ, чтобы на проценты съ нея литературнымъ фондомъ учреждена была особая стипендія имени Корша для студентовъ петербургскаго университета. Еще ранѣе, а именно вскорѣ послѣ смерти Ег. П. Ковалевскаго въ 1868 г., почитателями его составленъ былъ въ теченіе ближайшихъ двухъ лѣтъ (1869—1870) капиталъ въ 6.680 руб. (впослѣдствіи увеличившійся до суммы 10.400 руб.), въ который наслѣдниками Ковалевскаго переданы были и 1.200 руб., вырученные отъ продажи правъ на изданіе его сочиненій. Проценты съ собранной суммы должны были идти на образованіе стипендій имени Ев. П. Ковалевскаго для студентовъ харьковскаго университета. На эти средства сперва была учреждена одна стипендія въ 300 р. въ годъ, затѣмъ вторая въ 150 руб; теперь же обѣ эти стипендіи соединены въ одну въ 450 руб. въ годъ.

Въ связи съ этимъ, слѣдуетъ указать на дѣятельность комитетовъ фонда, имѣвшую цѣлью оказать помощь писателямъ и ученымъ, находящимся въ стѣсненномъ положеніи, и осиротѣвшимъ ихъ семьямъ, на воспитаніе ихъ дѣтей, младшихъ сестеръ и братьевъ, племянниковъ и племянницъ, а иногда и внуковъ. Помощь выражалась въ денежныхъ пособіяхъ, общая сумма которыхъ колебалась въ предѣлахъ отъ 3-хъ до 5-ти тысячъ рублей въ годъ. Нерѣдко, впрочемъ, комитетъ не огра-

ничивался назначеніемъ денежной субсидіи, а выхлопатывалъ помѣщеніе такихъ дѣтей въ различныя учебныя заведенія, иногда за плату, которая вносилась фондомъ, иногда безмездно.

Остается сказать о помощи, принимавшей формы единовременныхъ пособій и ссудъ, безсрочныхъ и срочныхъ. Расходъ на единовременныя пособія въ первые годы по открытіи фонда составлялъ самую крупную статью въ его бюджетѣ, доходя до 65% всѣхъ расходовъ. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ онъ нѣсколько уменьшился, но параллельно съ этимъ усилились расходы на безсрочныя ссуды, которыя по существу однородны съ единовременными пособіями. Въ 70-хъ годахъ расходъ на единовременныя пособія составлялъ обыкновенно болѣе 6 т. въ годъ, а въ 1873 г. дошелъ даже почти до 10 т., не считая безсрочныхъ ссудъ, которыя также нерѣдко доходили въ эти годы до 2—3 т. рублей въ годъ. Приблизительно такими же цифрами выражаются эти расходы и въ настоящее время, при чемъ надо имѣть въ виду, что относительная ихъ неподвижность объясняется быстрымъ ростомъ расхода на продолжительныя пособія, о чемъ уже было упомянуто.

Всего болѣе затрудненій доставилъ фонду вопросъ о срочныхъ ссудахъ,—вопросъ, до настоящаго времени еще не рѣшенный и вызывавшій продолжительныя и острыя разногласія въ средѣ самого фонда. Онъ былъ поднятъ въ первый же годъ дѣятельности фонда. Уставъ не предусматриваетъ пособій въ формѣ срочныхъ ссудъ; между тѣмъ, среди писателей, обращавшихся къ фонду за помощью, бывали лица, которыя тяготились всякой иной формой, имѣвшей, по ихъ мнѣнію, характеръ благотворительности, и настаивали именно на срочной ссудѣ. Фонду пришлось, послѣ нѣсколькихъ отказовъ, отступить отъ буквы устава и допустить выдачу срочныхъ ссудъ, сославшись на то, что такая выдача не противорѣчитъ уставу, хотя имъ прямо и не предусмотрѣна. Первое такое отступленіе вызвало въ 1864 г. жаркія пренія въ общемъ собраніи и рѣзкія нападки на комитетъ. Вопросъ осложнялся тѣмъ, что лицо, которому выдана была ссуда.—Ѳ. М. Достоевскій—состоялъ въ то время членомъ комитета. Въ результатѣ этихъ преній дѣйствія комитета были одобрены утвердительнымъ голосованіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ признано было, что срочныя ссуды выдаются въ особо уважительныхъ случаяхъ подъ отвѣтственностью поручителей, а также и всѣхъ членовъ комитета, подавшихъ голосъ за выдачу,— и что члены комитета, состоя въ должности, не могутъ пользоваться ни такими ссудами, ни другими пособіями фонда. Де-

сять лѣтъ спустя комитетъ, согласно рѣшенію общаго собранія, при участіи финансистовъ, принадлежащихъ къ составу общества, выработалъ проектъ устава ссудо-сберегательной кассы, но уставъ этотъ, послѣ ряда мытарствъ, такъ и не былъ утвержденъ, и въ 1889 г., взамѣнъ образованія ссудной кассы, приняты были особыя правила о выдачѣ срочныхъ ссудъ изъ расходнаго капитала и установленъ былъ рядъ ограничительныхъ условій. При этомъ рѣшено было образовать спеціальный ссудный капиталъ фонда, выдѣливъ для этого 3.000 р. изъ неприкосновеннаго капитала.

Это рѣшеніе было осуществлено въ 1893 г., а затѣмъ (по постановленію общаго собранія 2 февраля 1901 г.) капиталъ этотъ былъ увеличенъ изъ того же источника до 6.000 рублей, при чемъ два члена общаго собранія протестовали особыми мнѣніями противъ перечисленія части неприкосновеннаго капитала въ ссудный, находя, что это совершенно не соотвѣтствуетъ назначенію неприкосновеннаго капитала, цѣлость котораго подвергается такимъ образомъ опасности. Въ 1907 г. самъ комитетъ фонда пришелъ къ убѣжденію, что этотъ видъ пособій совершенно не соотвѣтствуетъ самому характеру дѣятельности фонда и не можетъ вестись правильно. Комитетъ выразилъ мнѣніе о желательности совершеннаго прекращенія выдачи срочныхъ ссудъ, но вопросъ не былъ тогда внесенъ въ общее собраніе и окончательное разрѣшеніе его представляется дѣломъ ближайшаго будущаго.

Въ изложенномъ краткомъ обзорѣ я не имѣлъ возможности коснуться ряда другихъ сторонъ дѣятельности фонда. Въ историческомъ очеркѣ А. А. Корнилова, только что появившемся въ свѣтъ [1]), вы найдете подробныя свѣдѣнія объ участіи фонда въ удовлетвореніи различныхъ нуждъ просвѣщенія, объ издательской его дѣятельности, о неденежныхъ пособіяхъ и услугахъ, оказанныхъ имъ писателямъ и ученымъ, о тѣхъ формахъ, въ которыхъ, онъ отзывался на различнаго рода профессіональныя потребности и запросы. Но и сказаннаго, я надѣюсь, достаточно для того, чтобы отвѣтить на вышепоставленный вопросъ. Въ оправданіе равнодушія широкихъ слоевъ общества и писательскихъ круговъ къ фонду нельзя ссылаться на бездѣятельность или вялость самого фонда. Напротивъ, объективная оцѣнка не можетъ не признать, что въ доступныхъ ему предѣлахъ фондъ сдѣлалъ все, чего вправѣ потребовать самая строгая критика. Безспорные факты

[1]) Очеркъ А. А. Корнилова, помѣщенный въ началѣ настоящаго сборника, былъ выпущенъ отдѣльнымъ оттискомъ изд. къ дню юбилея. *Ред.*

свидѣтельствуютъ о томъ, что при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ окружающей политической и общественной атмосферы фондъ работалъ съ неослабѣвающей энергіей, постепенно, но упорно и настойчиво стремясь поставить свою дѣятельность въ уровень со все растущими требованіями, предъявляемыми къ нему жизнью.

Въ печати и въ средѣ самого фонда слышались неоднократно упреки иного рода. Фондъ укоряли — въ лицѣ его руководителей — въ отсутствіи должнаго безпристрастія, въ тенденціозности при назначеніи пособій или отказахъ въ помощи. Тяжесть этихъ упрековъ, казалось бы, требуетъ предъявленія точныхъ и провѣренныхъ фактическихъ данныхъ. На самомъ дѣлѣ, обвиненія по большей части носили огульный характеръ, и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда обвинители въ подтвержденіе ссылались на опредѣленные факты, выяснялось, что они либо сами введены, либо другихъ вводятъ въ заблужденіе. Къ разряду такихъ несправедливыхъ, фактически неосновательныхъ нареканій относится между прочимъ и указаніе на отказъ въ помощи Достоевскому,—указаніе, много разъ опровергнутое, и тѣмъ не менѣе повторенное еще недняхъ на столбцахъ одной изъ петербургскихъ газетъ. Странно было бы утверждать, что за пятьдесятъ лѣтъ дѣятельности фонда не было никогда ни ошибокъ, ни промаховъ. Но каждый, кто познакомится ближе съ пятидесятилѣтней исторіей фонда, долженъ будетъ признать, что эти рѣдкія ошибки и случайные промахи, не только возможные, но даже неизбѣжные въ дѣятельности каждаго подобнаго учрежденія, отнюдь не характеризуютъ фонда и теряютъ всякое значеніе въ массѣ принесенной имъ пользы.

«Въ настоящее время, говоритъ историкъ фонда, оглядываясь на эту полувѣковую исторію литературнаго фонда, можно смѣло констатировать, что не смотря на легкую возможность раскритиковать съ теоретической точки зрѣнія порядокъ избранія комитета, установленный уставомъ, именно при непрерывномъ дѣйствіи этого порядка въ дѣлахъ литературнаго фонда не только никогда не было замѣчено какого-либо безпорядка или пристрастнаго и тенденціознаго назначенія пособій, но, наоборотъ, дѣятельность всѣхъ его комитетовъ, подвергавшаяся ежегодно строгой и всесторонней провѣркѣ со стороны ревизіонныхъ коммиссій, отличалась, не говоря уже о полномъ безкорыстіи и образцовомъ порядкѣ въ денежномъ отношеніи, еще и безусловнымъ безпристрастіемъ и корректностью всѣхъ комитетскихъ распоряженій».

На дняхъ одинъ изъ заслуженныхъ дѣятелей фонда на страницахъ «Вѣстника Европы» напомнилъ слова Салтыкова, написанныя въ началѣ 1884 года, за нѣсколько мѣсяцевъ до 25-ти лѣтія фонда, въ то время, когда въ Петербургѣ чествовался пріѣздъ Шпильгагена. «Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, писалъ Щедринъ, никто знать не хочетъ. А право, вѣдь это учрежденіе сотни Шпильгагеновъ стоитъ. Подумайте! Оно одно поддерживаетъ (насколько можетъ) интересы пишущаго пролетаріата, одно, которое безъ ужимокъ признаетъ свою солидарность съ русской литературой. Какихъ еще больше правъ на вниманіе общества! Бѣдный русскій литературный фондъ! Онъ всецѣло раздѣляетъ судьбы русской литературы. Подобно ей, онъ находится въ забытіи, подобно ей, влачитъ унылое и скудное существованіе. Коли хотите, это логично; но какъ то горько мириться съ этою логикою. Все думается: Куда было бы лучше, еслибъ благоденствовала литература и вмѣстѣ съ него благоденствовалъ бы и литературный фондъ».

Приводя сегодня эти мрачныя слова, я рискую внести въ наше праздничное настроеніе ноту горечи и унынія. Юбилеямъ приличествуютъ хвалы и славословія, все отрицательное должно оставаться на долю будней. Я не боялся бы такого упрека. Юбилеи общественныхъ учрежденій—это тѣ рѣдкіе случаи, когда такія учрежденія и то общество, среди котораго и для котораго они работаютъ, становятся лицомъ къ лицу. Это тѣ минуты общенія, когда сильнѣе и ярче должна чувствоваться духовная связь между однимъ и другимъ. И празднуя нашъ юбилей, поминая съ признательностью и уваженіемъ имена тѣхъ, кому фондъ такъ много обязанъ, мы хотѣли бы, чтобы сегодняшній день сталъ эпохой въ жизни фонда, чтобы онъ ознаменовался пробужденіемъ и укрѣпленіемъ общественнаго интереса къ фонду.

Къ осуществленію этой мечты мы призываемъ русскихъ писателей и русское общество!..

Влад. Набоковъ.

Разговоръ съ прохожимъ.

Вышелъ рано. На душѣ хорошо, радостно. Чудное утро, солнце только вышло изъ-за деревьевъ, роса блеститъ и на травѣ, и на деревьяхъ. Все мило и всѣ милы. Такъ хорошо, что умирать не хочется. Точно не хочется умирать. Пожилъ бы еще въ этомъ мірѣ съ такой красотой вокругъ и радостью на душѣ. Ну, да это не мое дѣло, а хозяина...

Подхожу къ деревнѣ; противъ перваго дома на дорогѣ, ко мнѣ бокомъ стоитъ, не двигается человѣкъ. Очевидно, ждетъ чего-то или кого-то, ждетъ такъ, какъ умѣютъ ждать только рабочіе люди, безъ нетерпѣнія, безъ досады. Подхожу ближе— крестьянинъ бородатый, косматый, съ просѣдью, здоровенный, простое рабочее лицо, куритъ, не цыгарку бумажную, а трубочку. Поздоровались.

— Гдѣ тутъ Алексѣй, старикъ, живетъ?—спрашиваю.

— Не знаю, милый, мы не здѣшніе.

Не я не здѣшній, а мы не здѣшніе. Одного русскаго человѣка почти никогда нѣтъ. (Нешто когда онъ дѣлаетъ что-нибудь плохое, тогда я). А то семья мы, артель мы, обчество мы.

— Не здѣшніе? Откуда же?

— Калуцкіе мы.

Я показалъ на трубку.—А сколько въ годъ прокуришь? Рубля три, я чай?

— Три? Не управишься еще на три.

— А что бы бросить!

— Какъ ее бросишь, привычка.

— Я тоже курилъ, бросилъ, какъ хорошо, легко.

— Извѣстное дѣло, да скучно безъ ней.

— А брось, и скуки не будетъ. Вѣдь хорошаго въ ней мало?

— Чего же хорошаго?

— Не хорошо, такъ и дѣлать не надо. На тебя глядя, и другой станетъ. А пуще всего молодые ребята. Скажутъ: вотъ старый куритъ, а намъ и Богъ велѣлъ.

— Такъ-то такъ.

— И сынъ станетъ, на тебя глядя.

— Извѣстное дѣло, и сынъ тоже...

— Такъ брось.

— Бросилъ бы, да скучно безъ ней, ѣдятъ ее мухи. Отъ скуки больше. Станетъ скучно, сейчасъ за нее. Вся бѣда—скучно. Такъ скучно другой разъ... скучно, скучно,—протянулъ онъ.

— А отъ скуки лучше о душѣ подумать.

Онъ вскинулъ на меня глазами, лицо его вдругъ стало совсѣмъ другое, внимательное, серьезное, не такое, какъ прежде, добродушно шутливое, бойкое, краснобайное.

— О душѣ подумать, о душѣ, значитъ,—проговорилъ онъ, пытливо глядя мнѣ въ глаза.

— Да, о душѣ подумаешь, и всѣ глупости оставишь.

Лицо его ласково просіяло.

— Вѣрно это, старичокъ. Вѣрно ты говоришь. Объ душѣ первое дѣло. Первое дѣло объ душѣ. (Онъ помолчалъ). Спасибо, старичокъ, вѣрно это. (Онъ указалъ на трубку). Это что, одни пустяки, о душѣ первое дѣло,—повторилъ онъ.—Вѣрно ты говоришь,—и лицо его стало еще добрѣе и серьезнѣе.

Я хотѣлъ продолжать разговоръ, но къ горлу что-то подступило (я очень слабъ сталъ на слезы), не могъ больше говорить, простился съ нимъ и съ радостнымъ, умиленнымъ чувствомъ, глотая слезы, отошелъ.

Да, какъ же не радоваться, живя среди такого народа, какъ же не ждать всего самаго прекраснаго отъ такого народа.

Л. Толстой.

9-го сентября 1909 г.
Крекшино.

———

Цвѣтокъ Великаго океана.

(Отрывокъ).

Японской дѣвушкѣ не я далъ это имя. Мѣстные поэты называютъ ее «цвѣткомъ земли Ямато», хризантемою Ниппона и въ своихъ восторгахъ доходятъ до того, что говорятъ: Великое и единое божество только разъ улыбнулось и отъ этой улыбки родилась японка. Вспоминать о Дальнемъ Востокѣ мнѣ приходится теперь среди пустынныхъ скалъ Орлинаго гнѣзда въ суровомъ и вѣющемъ совсѣмъ иною красотой Цетинье. Тѣ же желѣзные характеры и сильныя воли, тѣ же смѣлые и безтрепетные бойцы и между ними тою же «улыбкой невѣдомаго божества» является какъ тамъ, такъ и здѣсь именно женщина.

Въ неудержимомъ движенiи впередъ—рядомъ съ своимъ сыномъ, мужемъ и братомъ, на Дальнемъ Востокѣ принимаетъ участiе и женщина. Новый складъ жизни начинаетъ и ее раскрѣпощать. Вѣдь въ прошломъ она была совершенною рабой, она осталась такою же—въ обычаяхъ страны и ея законахъ и теперь, но какъ исторически ни безправна японка, ея влiянiе чувствуется всюду въ этой странѣ. Женщина создала ея уютъ; ея влiянiе въ каждомъ помыслѣ и движенiи, въ творчествѣ и работѣ, въ пѣснѣ и пляскѣ, въ складѣ жизни, въ обстановкѣ дома.

Прочтите романы и повѣсти молодой Японiи. Чудесные типы великодушныхъ и самоотверженныхъ дѣвушекъ на каждомъ шагу. Въ борьбѣ съ воинствующей неправдой, съ торжествующей силой желѣзнаго кулака, съ угнетенiемъ—японка, такъ же нѣжно улыбаясь и ласково свѣтя кроткими глазами, идетъ впереди. Она и въ соцiальномъ движенiи, вышедшемъ здѣсь изъ

христіанской церкви. Какъ это ни странно—именно послѣ нашей несчастной войны русская литература здѣсь сдѣлала такія завоеванія, какихъ японцамъ не смотря на свои побѣды не удалось совершить въ нашихъ предѣлахъ! Вся ихъ печать сейчасъ заполонена русскими авторами. Ихъ переводятъ, изучаютъ. Они вносятъ совершенно новыя черты въ складъ японской жизни, мѣняютъ взгляды этого народа, вліяютъ на его умы. Сколько разъ въ Токіо, Кіото и Осанѣ мнѣ приходилось слышать, что вѣчнымъ идеаломъ для токійской студентки являются женскіе облики, выведенные русскими писателями. Молодыя воспитанницы высшихъ учебныхъ заведеній Токіо мечтаютъ жить и работать такъ, какъ живетъ и работаетъ наша нынѣшняя дѣвушка, идти съ нею рядомъ къ завоеванію для своего народа свѣта, добра и правды. Японка токійскаго универститета—съ восторженнымъ чувствомъ читаетъ о самоотверженныхъ мученицахъ декабристкахъ, о тѣхъ, кто несъ жизнь и свободу за благо для своей страны. Узкоглазой красавицѣ это кажется такъ просто и естественно. Она сама въ своей исторіи давала яркіе примѣры великой души, скрытой въ ея маленькомъ тѣлѣ... Японская женщина въ ея токійскомъ универститетѣ и высшей нормальной школѣ, надѣвая европейское платье, и внѣшне старается походить на нашу. Особенно ее увлекаютъ мягкіе тургеневскіе типы. Надо слышать, съ какимъ восторгомъ здѣсь говорятъ о нихъ.

Какъ это ни странно, но самый типъ японской расы имѣетъ въ себѣ много женственнаго.

Посмотрите на крошечныя, тонкія и нервныя руки японца. Какъ онъ играетъ вѣеромъ, съ которымъ не разстается. Съ какимъ наслажденіемъ гладитъ шелковыя матеріи, выдѣлываетъ мелкія вещи, изяществу и нѣжности которыхъ удивляются европейцы.

Какъ онъ вышиваетъ изумительныя изображенія своей природы, животныхъ, какъ рисуетъ по шелку неподражаемыя акварели!

Какъ онъ старается, чисто по женски, во что бы то ни стало нравиться чужому, совершенно ненужному ему globetrotter'у. Весъ онъ,—суровый и безтрепетный въ сущности,—ушелъ въ подробность, въ поддѣлку. Его манеры женственны, онъ и говоритъ тихо, не волнуясь, часто дополняя смыслъ своихъ словъ округленнымъ, будто крадущимся, жестомъ. Онъ не изобрѣтаетъ самъ ничего, зато быстро схватываетъ и усваиваетъ открытія другихъ, примѣняетъ ихъ съ необыкновеннымъ

искусствомъ къ себѣ и, какъ настоящая женщина, только отдѣлывает цвѣтами и лентами каркасы, придуманные сосѣдями или заморскими мастерами. Переступите черезъ порогъ его дома, загляните ему въ душу,—вы вездѣ и во всемъ сталкиваетесь съ чисто-женскою натурой, которую исторія и обстоятельства сдѣлали сильной и выносливой настолько, что японцу не въ чемъ завидовать Спартѣ. Не даромъ японецъ превыше всѣхъ божествъ своего Олимпа чтитъ—главную богиню Аматэрасу. Весною крестьяне устраиваютъ паломничества въ ея храмы, или въ тѣ гдѣ чтутъ и ея символъ. Это—богиня Солнца, мать Японіи. Именно она дала японцу силу, сообщила его душѣ настойчивость, вооружила своихъ дѣтей характерами, которые помогли маленькому пришлому народцу создать великую націю. Она—не только свѣтъ и тепло, но и мечта и мысль. Въ этомъ отношеніи она не дѣлала различія между полами. Вѣдь здѣсь и мальчику, и дѣвочкѣ дается одинаковое воспитаніе. Они проходятъ черезъ одни и тѣ же лишенія, закаляются въ холодѣ, въ приспособленіи къ суровой зимѣ, природѣ. Въ ноябрѣ, январѣ и февралѣ босоногіе ребята фехтуютъ въ снѣгу и на гололедицѣ. Въ то же время ихъ сестры въ легкихъ, надѣтыхъ прямо на тѣло, кимоно на колѣняхъ учатся играть на «кото» [1]). Полузамерзшіе пальцы щиплютъ толстую струну, наполняющую густымъ звукомъ унылую тишину холоднаго дома.

Я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ, что исторія этой удивительной страны занесла на свои страницы не мало женщинъ, правившихъ «имперіей», водившихъ самурайевъ къ побѣдамъ. Одна, напр., шла въ головѣ войскъ съ закрытымъ лицомъ. Она подымала покрывало только въ рѣшительную минуту, когда судьба боя колебалась. Ея красота ослѣпляла, а когда эта богатырша кидалась въ наступающія орды торжествующаго врага, японцы съ отчаяніемъ перегоняли ее, чтобы такая не досталась непріятелю. Да и ранѣе—за двѣ тысячи лѣтъ почти—на островахъ этого моря ихъ кланами правили женщины, а не мужчины. На Кю-су началось возстаніе. Императоръ Суй-нинъ собралъ войска, повелъ ихъ и встрѣтилъ въ Суво-онъ старѣйшину женщину. Дальше въ Оита его привѣтствовала «водительница племени» Хаяцу Химэ. Въ Исэ былъ храмъ Дайдзин-гу. Тамъ священный мечъ повелителю вручала жрица, вмѣстѣ съ амулетами, даровавшими побѣду. А императрица Дзингоко—въ третьемъ

---

1) Кото—мѣстный музыкальный инструментъ, въ родѣ большихъ лежащихъ на землѣ гуслей.

столѣтіи нашей эры. «Дѣла древности» (Кодзики) повѣствуютъ о ея подвигахъ и мудрости столько, что послѣдующіе историки восклицали «душа Ямато—это ея женщина». Или въ каждой японской женщинѣ живетъ великая Аматэрасу. Даже боги наказывали властителей, не вѣрившихъ своимъ женамъ. Императору Цюай эта же Дзингоко сказала:

— Далеко, тамъ гдѣ заходитъ солнце — омытая волнами океана великая страна. Она какъ чаша, черезъ край наполненная сокровищами.

Такою ей представлялась Корея.

Мужъ довольно глупый спросилъ:

— Кто тебѣ сказалъ о ней?

— Аматэрасу и младшіе боги.

Цюай взошелъ на высочайшую изъ береговыхъ горъ. Передъ нимъ катились бурныя волны, разбиваясь о черные утесы. Онъ долго смотрѣлъ въ даль, но оттуда неслись только вспѣненные гребни... Земли не было нигдѣ.

— Боги солгали тебѣ! Тамъ нѣтъ ничего кромѣ моря.

И въ наказаніе—онѣмѣлъ и умеръ.

Дзингоко—хотя беременная—вооружилась, посадила войско на корабли. Великія рыбы океана поднялись изъ недосягаемыхъ глубинъ и повлекли ея суда. Аматэрасу надула ея паруса дыханіемъ божественныхъ устъ. И «столь ослѣпительна была слава и видъ императрицы женщины», что вожди этого чуднаго полуострова безъ боя принесли ей покорность. Они обѣщали: наши корабли не будутъ болѣе нѣсколькихъ дней стоять у береговъ. Все время они изъ Кореи въ Японію начнутъ возить дары и дани»...

Японская древность видитъ мужа, отца и брата охотникомъ и воиномъ,—судьей и правителемъ рода была женщина. Не она вступала въ домъ мужа, а его принимала къ себѣ. Не онъ находилъ ее,—а она его. Никогда мужъ не изгонялъ ее, а она его часто. Право развода принадлежало ей. Кормила и содержала его жена. Она же наказывала его за проступки. Онъ былъ лѣнивъ, она дѣятельна. На нѣкоторыхъ островахъ жена даже поощряла его лѣность, чтобы трудъ не портилъ его красоты. Женщины вызывали одна другую на поединки, когда вкусъ ихъ и выборъ останавливались на одномъ и томъ же юношѣ. Даже и теперь на далекихъ островахъ Японіи—работаетъ женщина, содержа своего трутня мужа, зато онъ не пользуется никакими правами. Бабы тамъ отличаются по истиннѣ необыкновенною физическою силой, властны и повелительны и воля ихъ не знаетъ предѣла. Она,—

до сихъ поръ старѣйшина племени, его вождь, его судья... Это въ современной Японіи, гдѣ на центральныхъ островахъ женщина обезличена и безправна до такой степени, что одно изъ самыхъ тягостныхъ впечатлѣній для путешественника это встрѣчи съ милыми и великодушными японками, являющимися только слѣпымъ «орудіемъ для наслажденія ихъ мужей».

Первую конституцію Японіи дала императрица Суйко.

Отличный знатокъ Японіи Аркадій Петровъ, отъ работъ котораго можно ждать многаго для точнаго представленія объ этой странѣ, такъ излагаетъ это гражданское уложеніе.

1. Единство цѣнно и важно; послушаніе необходимо.

2. Уважайте Будду, законы и жрецовъ—это три клада.

3. Цари—небо; подданные—земля.

4. Чиновники должны служить народу образцомъ добрыхъ нравовъ.

5. Не давайте воли страстямъ.

6. Наказывайте зло и воодушевляйте къ добру.

7. Оставайтесь всегда при своемъ дѣлѣ.

8. Чиновникъ долженъ начинать свою работу рано, заканчивать поздно.

9. Вѣрность—залогъ успѣха; невѣрность приноситъ неудачи.

10. Не поддавайтесь огорченію, не питайте ненависти и мести.

11. Будьте безпристрастными въ наградѣ и наказаніи.

12. Не облагайте народъ налогами въ свою пользу.

13. Лишь больной чиновникъ можетъ не быть на службѣ; здоровый обязанъ быть всегда.

14. Зависть портитъ людей. Каждые 500 лѣтъ можно найти умнаго человѣка, но истинно мудрый рождается одинъ въ 1000 лѣтъ.

15. Подданные должны заботиться о нуждахъ государства болѣе, чѣмъ о своихъ.

16. Государственныя дѣла не должны рѣшаться однимъ чиновникомъ.

Она же изобрѣла японскій календарь, ввела употребленіе индиго и разъ навсегда постановила, чтобы каждый ребенокъ въ шесть лѣтъ ужъ получалъ на свою долю одинъ гектаръ хорошей, обрабатываемой земли.

Императрица Саймейтеноо заняла Хоккайдо, завоевала айновъ и изобрѣла водяные часы; властительница Японіи Дзитоо еще въ седьмомъ вѣкѣ нашей эры уничтожила въ Японіи рабство; Тем-

міо—начала чеканить монету и выпустила въ свѣтъ первую японскую книгу «Кодзики» — родъ лѣтописей ея царства, смѣшанныхъ съ поэтическими легендами и богатырскимъ эпосомъ до-историческаго Ниппона. Ея дочь Генсіо—исключительно заботилась о «черномъ народѣ», издала исторію своей имперіи, сама много писала. При ней дворецъ былъ открытъ мыслителю, поэту и ученому. Она говорила: плугъ земледѣльца почетнѣе побѣднаго меча. Трудовой потъ крѣпче молота сбиваетъ страну въ одну великую мощь. Императрицы Міако и Коміоси—довели Японію до такого благоденствія, что слово голодъ исчезло изъ обиходнаго языка. Онѣ впервые основали больницы и уходъ за недужными возвели въ одну изъ самыхъ высокихъ добродѣтелей. До нихъ болѣзнь считалась наказаніемъ неба, подвергнувшійся ей—оскверненнымъ, помогающій ему—нечистымъ грѣшникомъ.

Женщины-поэты, женщины-историки, женщины-философы создали японскую литературу. Въ другомъ мѣстѣ я уже разсказывалъ, что женщиной былъ написанъ здѣсь первый романъ. Писательница, импровизаторша, пѣвица—были свободны. Правители страны бѣжали изъ душнаго и скучнаго семейнаго застѣнка къ тамошнимъ Фринамъ и Аспазіямъ, и въ чудныхъ садикахъ, на золотыхъ цыновкахъ открытыхъ террассъ, подъ свѣтомъ традиціонныхъ розовыхъ фонарей, оставшихся до сихъ поръ передъ домами гейшъ, трактовались государственные вопросы и подъ густыя контральтовыя струны кото задумывались событія, бывшія для Японіи міровыми... Пѣлись и декламировались стихи красавицы Ото-химэ (Сото-ори-химэ) и Оно-Комацы-санъ, цитировались крошечныя поэмы Исено-Дайсукэ, Идзуми-Сикибу, Коси-Кибу... Тогдашнія Сафо—какъ свои входили во дворцы и храмы. Поэтесса отстраняла жрецовъ, первая подходила къ символу богини солнца и во вдохновенныхъ строкахъ говорила ей именемъ народа... То, что онѣ оставили въ наслѣдіе нынѣшней Японіи точно рисуетъ жизнь страны за тысячу лѣтъ назадъ. Мнѣ смѣшно вспомнить, какъ наши дубролобые черносотенцы называли дикарями и обезьянами народъ, въ которомъ чуть-ли не одиннадцать вѣковъ назадъ жила и писала такая романистка, какъ Мураcаки-но-сикибу. Когда появилось ея Гендзи Монагостари—даже европейскій Западъ зналъ только монашескія лѣтописи, а мы были настоящими варварами. Императрица Акико считала ее «блескомъ своего царствованія» и говорила: «въ умѣ женщины сосредоточена творческая сила солнца». Въ то же время жила сатирическая писательница Сей-сіонасонъ. «Молнія не такъ освѣщаетъ мракъ, какъ ея строка душу»... И сейчасъ безъ хохота нельзя

читать описанныя ею похожденія «высокосіятельной статсъ-кошки, возвеличенной императоромъ надо всѣми министрами, объявленной придворною дамой, счастье которой было бы несравненно, если бы ея не кусали, не желавшіе знать высочайшихъ повелѣній псы».

Мнѣ бы пришлось слишкомъ раздвинуть размѣры этой небольшой статьи, если бы я захотѣлъ приводить здѣсь весь синодикъ японскихъ женскихъ писательницъ и поэтессъ. На дворцовыхъ состязаніяхъ — этихъ своеобразныхъ, чисто японскихъ литературныхъ праздникахъ, рѣдко удавалось мужчинѣ, даже императору, отнимать у своей соперницы «хризантему первенства». Женщины не ограничивались одною «изящною словесностью». Онѣ, какъ я уже говорилъ, разрабатывали и исторію своей страны, а Акадзомэ-Эймонъ, напр., положила начало историческому японскому роману. Ея Эйгуа-Моногатари въ сорока томахъ разсказываетъ два вѣка японской старины за тысячу лѣтъ назадъ въ такихъ убѣдительныхъ сценахъ и картинахъ, которыми и до сихъ поръ увлекаются японскіе читатели, хотя книги эти и явились восемьсотъ двадцать лѣтъ назадъ.

Въ романѣ, наукѣ и музыкѣ женщина, такимъ образомъ, дала этой странѣ первые классическіе образцы. Больше! Театръ, куда теперь артистка не допускается, а ея роли исполняются мужчинами,—въ XVI вѣкѣ былъ впервые устроенъ въ настоящемъ своемъ видѣ женщинами. Онѣ писали для него пьесы, ставили ихъ, вводили на сценѣ всевозможныя усовершенствованія, изобрѣли раздвижныя занавѣси, вращающуюся сцену. Женщины не жалѣли своихъ богатствъ, строя театры тамъ, гдѣ ихъ не было. До тѣхъ поръ они ютились въ храмахъ и при дворахъ дайміо. Самураи, воспользовавшіеся этимъ для героическаго воспитанія народа, сейчасъ же устранили дочерей и сестеръ отъ подмостковъ и рампъ. Теперь японка, желающая посвятить себя сценѣ, должна, подобно Сада-Яко, уѣзжать для этого за границу. Дома ей нѣтъ мѣста, какъ бы геніальна она ни была. Въ этомъ отношеніи даже Китай пошелъ далѣе. Тамъ есть уже театры съ женщинами-исполнительницами. Хотя мнѣ, напр., приходилось наблюдать забавную сцену: кончается актъ, и если въ какой-нибудь роли участвовала женщина,—на сцену является бонза и вновь освящаетъ ее, куря благоуханія и тщательно, такимъ образомъ уничтожая въ самомъ воздухѣ слѣды женскаго дыханія, оскверняющаго сцену... Когда я былъ въ Токіо, Сада-Яко вернулась туда. Она хотѣла выступить на родной сценѣ,—она, давшая чужой Европѣ образчики родного искусства въ превосходномъ исполненіи. Я спра-

шивалъ, удастся ли ей это. Мнѣ отвѣчали: «Едва ли! Въ народѣ еще живетъ старый предразсудокъ, и нужна долгая борьба, чтобы онъ привыкъ видѣть передъ собою трагическую актрису. Мы бы съ удовольствіемъ посмотрѣли на ту же Сада-Яко, но наши «соси» (здѣшнія черныя сотни) воспользуются этимъ, какъ поводомъ устроить «патріотическій скандалъ». Въ Симоносеки чуть не разнесли театра, гдѣ выступила въ женской роли актриса. Да и эфебы, играющіе за женщинъ, сдѣлаютъ все, чтобы не допустить ихъ на подмостки. Для нихъ это вопросъ хлѣба.

А между тѣмъ японка всегда на сценѣ.

Я не знаю женщинъ, у которыхъ было бы такъ тонко и изящно кокетство. Посмотрите, какими складками падаетъ ея платье. Какъ подчеркиваетъ оно ея движенія, показываетъ то, что у нея красиво, и прячетъ все уродливое. Насколько она владѣетъ собою! До какой степени разсчитаны ея жесты! Какъ она смотритъ на васъ! Бельсоръ, въ своей превосходной книгѣ о Японіи, сравниваетъ ее съ паромъ, скользящимъ по землѣ. Каждый шагъ нессанъ (молодой дѣвушки) гармониченъ, красивъ, легкій шелкъ вокругъ нея змѣится, свертывается и развертывается естественно. Вамъ и въ голову не придетъ, что она имъ владѣетъ такъ же, какъ и гибкостью своего тѣла и выраженіемъ лица. На улицѣ и дома, она—рядъ позъ, точно за нею слѣдуетъ и ихъ схватываетъ моментальная фотографія. Ихъ балеты на сценѣ повторяются и въ жизни. Это тѣ же условныя положенія, нѣсколько странныя на нашъ взглядъ, пока мы къ нимъ не привыкнемъ. Вѣдь надо и къ лицу японки присмотрѣться, чтобы понять мѣстныя требованія красоты. Сколько разъ мнѣ приходилось восклицаніемъ: «Какая красивая дѣвушка!» приводить въ недоумѣніе спутниковъ—японцевъ. Они внимательно оглядывались по сторонамъ потомъ удивленно спрашивали: «Гдѣ, какая?» Въ этомъ отношеніи европейцу нравится то, мимо чего японецъ проходитъ равнодушно. Европейская красавица—на японскій взглядъ уродъ. Лицо красавицы должно быть длинно, тонко и плоско у глазъ, чтобы они выдѣлялись ярче и выраженіе ихъ было нѣжнѣе. Глазамъ слѣдуетъ быть похожими на рыбокъ, головками къ переносицѣ, съ загнутыми вверхъ къ вискамъ хвостиками. Брови—высокія и едва намѣченныя, подчеркивающія «внимательную и покорную кротость». Носъ сухой, нѣсколько плоскій у лба, губы—маленькія, полныя и алыя, напоминающія мѣстную вишню, которою только любуются. Здѣсь ихъ не ѣдятъ, какъ и губъ не цѣлуютъ. Нашъ поцѣлуй въ Японіи или неизвѣстенъ, или считается верхомъ неприличія, и въ сравненіи съ нимъ самыя пор-

пографическія картины кажутся вполнѣ невинными. Я помню, какъ на одной изъ выставокъ толпа, спокойно любующаяся тѣмъ, отъ чего у насъ покраснѣлъ бы жандармъ, потребовала убрать прочь акварель, изображавшую материнскій поцѣлуй. Этого зрѣлища она вынести не могла,—такимъ безнравственнымъ оно ей казалось. [1]).

Японка отличная мать, но въ чемъ заключается система здѣшняго воспитанія,—рѣшительно неуловимо. Ребенокъ растетъ, не зная ни пеленокъ, ни особеннаго надзора, на полной, почти дикой свободѣ. Плетеная солома цыновокъ «татами» дѣлаетъ для него безопаснымъ всякое движеніе,—кувыркайся, какъ хочешь, нигдѣ не ушибешься, развѣ головой сквозь вощеную бумагу вылетишь за ширму на такое же татами другой комнаты. Вмѣстѣ съ матерью, привязанный къ ея спинѣ, онъ подвергается жарѣ лѣтомъ, морозу—зимой. Она работаетъ въ рисовомъ полѣ, во дворѣ, наклоняясь и выпрямляясь, а онъ болтается вмѣстѣ съ ней, видя подъ ногами то землю, то небо. Міръ такимъ образомъ ему представляется очень страннымъ, и онъ, еще ничего не понимая, пріучается уже держать равновѣсіе. Какъ только онъ получитъ первую пару гетъ, родъ крошечныхъ табуретокъ, на которыхъ здѣсь ходятъ, и привыкнетъ вдѣвать ноги въ ихъ петли,—ему за спину кладутъ младшаго братишку или сестру, и онъ уже исполняетъ первую обязанность,—оберегаетъ ихъ робкое существованіе. Все въ домѣ и кругомъ сдержанно и спокойно. Отецъ никогда не выходитъ изъ себя, мать не повыситъ голоса, прислуга утонченно вѣжлива. Никакой грубости, рѣзкости, волненія дитя не видитъ. Все улыбается, всѣ привѣтливы; босыя ноги неслышно скользятъ по татами; ширмы, едва шурша, сдвигаются и раздвигаются; только изъ сада, заполненнаго зелеными тѣнями и палевымъ свѣтомъ, поютъ птицы. Съ нимъ обращаются и говорятъ какъ со взрослымъ. Относятся къ нему не только внимательно, но и съ уваженіемъ. Чѣмъ вы достигаете, спрашиваю я у одного японца, такого уваженія къ вамъ со стороны вашихъ дѣтей? —Тѣмъ, что я прежде всего самъ отношусь къ нимъ съ уваженіемъ. Здѣсь, въ этой обстановкѣ, дѣтскій плачъ, крикъ—странны, уродливы, дики, неумѣстны. Подъ вліяніемъ этой тишины, сложившихся за тысячелѣтія мягкихъ отношеній, и онъ пріучается поневолѣ вла-

---

[1]) Поцѣлуй разрѣшается только гейшамъ. Въ Кіото нѣмецкое архиневинное „Gartenlaube“ подверглось запрещенію потому, что наивно сантиментальные нѣмецкіе рисовальщики изображали на страницахъ этого „семейнаго“ журнала родительскій поцѣлуй. Японскіе цензора нравовъ восклицали, что европейцы не щадятъ даже своихъ дѣтей отъ оскверненія.

дѣть собою, не давать хода неудержимымъ порывамъ и улыбаться, какъ все улыбается вокругъ,—и это не лицемѣріе, не притворство, а вторая натура, вырабатывающійся характеръ. Ихъ домъ и садъ —высшіе выразители чувства мѣры во всемъ, улыбка къ первому идетъ какъ цвѣты ко второму. Пейзажъ окрестъ не нарушаетъ спокойной гармоніи. Та же привѣтливая красота въ обработанныхъ до макушекъ горахъ, въ тихихъ храмахъ, въ идиллическихъ, легкою палевою дымкою повитыхъ долинахъ. Каждое деревцо кругомъ такъ отдѣлано, всѣ близкіе такъ его холятъ и нѣжатъ, что ребенку и въ голову не придетъ ободрать его, изуродовать. Господствующій въ домѣ и между взрослыми тонъ—нѣжность къ цвѣтку, птицѣ, травѣ, ручью, странному, найденному на сторонѣ и принесенному сюда камню, къ вещамъ, къ какемоно, висящему на стѣнѣ, вазѣ въ углу, вѣтвямъ сакуры [1]) въ ней,—все строго соотвѣтствуетъ буддійскому тексту, первому, который онъ слышитъ, какъ только его сознаніе пробудится: «Ты возродишься для муки и печали, если совершишь жестокость какъ въ большомъ, такъ и въ маломъ». Онъ знаетъ, что все кругомъ живетъ и чувствуетъ,—и потому дитя боится дѣлать злое, чтобы не заставить страдать то, что отъ него уйти не можетъ. Пѣсня, сказка, преданіе учатъ его пониманію души, какъ эѳира, проникающаго и его самого, и малѣйшее дыханіе, цвѣтъ, листъ, камешекъ, струю около его дома и въ домѣ. Значитъ, все кругомъ, дома и въ природѣ родственно ему. Дѣвочка, чуть поднялась отъ земли, ужъ бережетъ все, скользитъ какъ ея мать, старается дѣлать изящно и красиво, какъ и та. Сидя на пяткахъ, она пристально слѣдитъ за священнодѣйствіемъ чайнаго ритуала, потому что отецъ, гости скоро попросятъ и ее сдѣлать то же, и она боится пропустить какую-нибудь красивую или торжественную подробность этого почти религіознаго домашняго «дѣйства». Мало играть на самизенѣ, на кото,—надо играть красиво, изящно, принять позу, чтобы глазъ родныхъ и близкихъ такъ же любовался ею, какъ ихъ ухо наслаждалось бы ея музыкой... Японка вездѣ и во всѣмъ принадлежитъ всѣмъ, но никогда себѣ самой. Я не знаю другого дѣтства, до такой степени чуждаго эгоизму. Въ немъ все размѣрено, подчинено нѣжнымъ вѣяніямъ окружающей среды. Она, по словамъ ея отца, «неудача» [2]), но это для другихъ, для галерки. Отъ нея зависитъ сдѣлаться пріятной и дорогой всѣмъ. Она не играетъ куклами, а любуется ими. Годы за годами—онѣ передъ нею на красныхъ лакиро-

---

[1]) Сакура дикая вишня.
[2]) „У меня два сына и три неудачи", т.-е. дочери.

*

ванныхъ полкахъ въ пестротѣ и яркости историческихъ костюмовъ, точно вчера вышедшіе изъ-подъ рукъ мастера. Дѣвочка нарочно рано встаетъ, чтобы обмахнуть ихъ легкимъ перомъ, расправивъ складки, придастъ красивыя позы. Въ центрѣ непремѣнно микадо и его жена, кругомъ герои и героини прошлаго—повторный курсъ исторіи и народной поэзіи. Былины въ показѣ... Онѣ тоже живы, въ нихъ та же душа,—и дѣвочка благоговѣйно ставитъ передъ ними чашечку риса и цвѣты, какъ и передъ алтарями предковъ. Вы во всей Японіи не увидите разорванной куклы, расколотаго деревяннаго солдата, распотрошенной придворной дамы, воскового богатыря съ раскромсанной головой. Ребенокъ боится сдѣлать имъ боль и дрожитъ надъ ними, какъ надъ своимъ учебникомъ, книгой, тетрадкой. Я уже въ другомъ мѣстѣ говорилъ, что отъ Нагасаки до Токіо не видѣлъ изрѣзанныхъ и исцарапанныхъ партъ. Ихъ поверхность дѣвственна, какъ въ первый день, когда ихъ внесли и поставили въ школу. То же самое и съ книгой. Нѣтъ засаленныхъ, исчерканныхъ, лохмотныхъ. Ребенокъ плачетъ (и едвали это не единственный поводъ къ слезамъ!), если его не пускаютъ въ школу. Она для него храмъ, и онъ въ ней священнодѣйствуетъ. Это паломникъ, а не сорванецъ-ученикъ нашихъ долбеженъ. Книга, въ которую вложены умъ и знаніе, для него реликвія, неосторожно отнестись къ ней—кощунство. Онъ завертываетъ ее въ шолкъ, любитъ и холитъ, какъ нѣчто живое. Съ дѣтства внимательные ко всему, японцы пріучаются тщательно дѣлать всякую работу. Посмотрите, какъ нѣжно гимназистка, вмѣсто ошлепанныхъ и обтертыхъ портфелей и мѣшковъ, завертываетъ руководства, учебники и тетради въ легкую и пеструю матерію съ изображеніемъ вѣтки сакуры, летящаго журавля или хризантемы. Она одѣваетъ ею книгу, точно книга чувствуетъ, хорошо она одѣта или нѣтъ. Только-что спустившись со спины старшей сестры, едва держась на кривыхъ ножкахъ, она уже знаетъ, что нельзя ни къ чему отнестить небрежно, ничего сдѣлать наполовину. Она вся съ головою въ малыхъ дѣлахъ. Да для нея и нѣтъ малаго дѣла, потому что въ этихъ сигарочныхъ коробкахъ [1]) все выступаетъ на передній планъ, всякій имѣетъ свое мѣсто, все выростаетъ въ главное, значительное... Я говорилъ, что ей достаточно цвѣтка, вѣтви моми-

---

1) Я уже не разъ говорилъ, что легкіе, рѣзные изъ дерева и бамбуковыхъ рѣшетокъ японскіе дома на меня производятъ впечатлѣніе сигарочныхъ коробокъ.

джи [1]), сучка сосны и бамбука, чтобы составить картинный, невольно останавливающій ваше вниманіе букетъ. Дѣвочки часы проводятъ, учась этому настоящему «искусству». Сидя на корточкахъ, лакированныя мордашки, предоставленныя сами себѣ, комбинируютъ эти немногосложные матеріалы, чтобы создать изъ нихъ нѣчто стройное, изящное, именно тотъ красивый безпорядокъ, который васъ поражаетъ потомъ.

Растительность овраговъ рощь, лишаи на камняхъ, изогнутыя странно вѣтви, искривленные побѣги,—все годится для этого, лишь бы не было мертвенной, столь противной, на японскій вкусъ, симметріи, прямолинейности, правильности. Наши громоздкіе букеты и корзины покажутся здѣсь варварствомъ, нагроможденіемъ безобразнаго и тяжелаго. Съ дѣтства японецъ усваиваетъ любовь къ изогнутой линіи; знаніе законовъ природы, изученіе движеній звѣря или птицы, умѣніе ловить мгновеніе въ порывѣ, дѣлаютъ изъ японки—мастерицу создать цѣлый міръ въ немногомъ. Пучекъ хризантемъ и бамбуковая вѣтка,—но посмотрите, что маленькая японка сдѣлаетъ изъ этого!

Она съ матерью цѣлые часы просиживаетъ въ театрѣ. Здѣсь ребенокъ весь, какъ губка, пропитывается героизмомъ, гордостью своей стариной, воспоминаніями о подвигахъ отцовъ и дѣдовъ, красотою прошлаго, нисколько не мѣшающими ему учиться у васъ владѣть вашимъ оружіемъ, дѣйствовать и бороться вашими пріемами, усваивать европейскую тактику и технику. Напротивъ, все это кажется ему только продолженіемъ его былей. Онъ переодѣлся, но остался тѣмъ же, чѣмъ эти театральные герои были въ своихъ пестрыхъ изъ щитковъ, гибкихъ бахромчатыхъ доспѣхахъ, рогатыхъ шеломахъ, вооруженные саженными саблями кувыркавшіеся подъ ихъ взмахами. Въ то время какъ средневѣковье въ Европѣ одѣвалось въ желѣзо,—мѣшавшее двигаться, японецъ въ своихъ щиткозыхъ непроницаемыхъ панцыряхъ обладалъ полною свободой. Весь театръ въ своей исторической части даетъ здѣсь примѣры великодушія, самоотверженія и такой нечеловѣческой храбрости, передъ которою три мушкетера—какія-то малявинскія бабы, а не герои. Ужъ на что Марко Кралевичъ герой,—а куда онъ въ сравненіи съ японскими. Сцена опьяняетъ. Часы за часами ребенокъ учится здѣсь—не тому, что есть въ жизни, не ея уродствамъ и пошлости, не будничному, а именно перевоплощенію сказки въ быль, восторгу передъ красивою, на его вкусъ, смертью, благоговѣнію

---

[1]) Японскій кленъ.

передъ подвигомъ, презрѣнію къ своему благополучію, удобству. Театръ для него—продолженіе и показъ того, что онъ слышалъ отъ старухи-бабушки, отъ отца, отъ матери. Сцена ему иллюстрируетъ все, передъ чѣмъ онъ преклоняется, изнемогая отъ благоговѣнія и страстнаго порыва совершить то же самое, и такъ же хоть умереть, но наполнить весь родной міръ славою подвига и самопожертвованія. Передъ нимъ такъ красиво гибнутъ и говорятъ при этомъ такія благородныя слова, что маленькимъ японцу или японкѣ даже странно, какъ послѣ этого можно еще цѣпляться за существованіе, дорожить имъ. Чувство чести переплетаетъ всю ихъ природу своими ростками. Директрисса «школы благородныхъ дѣвицъ», госпожа Симода, между прочими примѣрами, которыми такъ богаты ея воспоминанія, разсказываетъ: Двѣнадцатилѣтняя дочь самурая отдыхала разъ подъ кленомъ за городомъ, въ рощѣ. Мимо шли какіе-то негодяи, позволившіе себѣ грубо насмѣяться надъ нею. Она быстро вернулась домой, ничего не говоря. Ночью тетка, спавшая около, проснулась отъ неожиданнаго шума и видитъ, что ея племянница изъ своего ящичка вынимаетъ ножъ, который еще носятъ здѣшнія дворянки. Дѣвочка осмотрѣла его при лунномъ свѣтѣ, попробовала остріе. Старуха бросилась къ ней, но та уже спрятала оружіе подъ кимоно.

— Что ты хочешь дѣлать?

Послѣ долгихъ и ласковыхъ разспросовъ, дѣвочка созналась.

— Я должна отомстить имъ за обиду. Пока не смою ихъ кровью оскорбленія, я въ этой жизни не осмѣлюсь поднять глаза на отца.

— А если ихъ много? Ты безсильна.

— Тогда я умру сама.

Какое-то неистовое благородство, ожидающее своихъ Дюма и Кукольниковъ! Пожалуй, даже ихъ не хватитъ на такую сказочную дѣйствительность. Знаете ли, что составляло отчаяніе женъ и матерей, мужья и сыновья которыхъ возвращались домой больными въ прошлую войну? Выходивъ ихъ и отправляя назадъ, на боевыя поля Манчжуріи, онѣ говорили:

— Если бы онъ палъ въ битвѣ, я бы гордилась имъ. Если бы онъ погибъ отъ лихорадки, я бы сама умерла отъ стыда и печали!

Дряхлый мужикъ, провожая сына въ Европу, далъ ему при прощаніи родъ маленькаго кинжала.

— Зачѣмъ мнѣ это отецъ?

— Если *тамъ* кто-нибудь осмѣлится оскорбить Японію,—порази его на смерть.

Послѣ войны, когда вся Японія всколыхнулась, якобы отъ новой, нанесенной ей портсмутскимъ договоромъ обиды, въ Хакатѣ и Фукуокѣ малыши отъ одиннадцати до тринадцати лѣтъ записались добровольцами въ будущее народное ополченіе. Ихъ не высмѣяли. Напротивъ отнеслись къ этому серьезно, тѣмъ болѣе, что движеніе это охватило весь легко возбуждающійся Кіу-Сіу. Имъ только говорили: учитесь и ростите, вы еще малы.

— Да, но мы такъ же владѣемъ оружіемъ, какъ и взрослые.

— Придетъ время, *и очень скоро*, когда и вы понадобитесь отечеству.

— Мы боимся, чтобы нанесенный намъ ударъ не былъ забытъ въ это время

И каждую годовщину «постыднаго для Японіи», по ихъ мнѣнію, договора они собираются въ свои школьные митинги, воскрешая въ памяти пережитый позоръ. Когда въ одномъ изъ приморскихъ городовъ народъ сбросилъ съ цоколя статую тогда маркиза, а позднѣе принца Ито, виновнаго въ униженіи побѣдоносной страны Восходящаго солнца передъ «краемъ росы»—Россіей (Ро́-коку), дѣти мѣстныхъ школъ клялись:

— Мы поставимъ его еще выше.

— Когда?

— Когда край росы будетъ отодвинутъ за Байкалъ.

Правительство подъ сурдинку оправдывалось:

— Японія тоже истощила свои силы. Намъ некого было посылать противъ русскихъ, занимавшихъ плацдармъ Харбина и Сунгари. У нихъ оказывалось больше милліона солдатъ свѣжихъ или хорошо отдохнувшихъ послѣ Мукдена, у насъ все въ строю, на боевыхъ позиціяхъ. Мы отправляли за море плохо излѣчившихся, съ еще незажитыми ранами... Приходилось изъ семей вырывать стариковъ...

На это,—во время токійской демонстраціи,—школы кричали:

— Вы забыли насъ. По всей Японіи такихъ, какъ мы, около двухъ милліоновъ, и мы такъ же сумѣли бы умереть за свою родину, какъ умирали наши отцы и дѣти.

— Кто же остался бы здѣсь?

— Камни бы родили новыхъ героевъ!..

Глупо, но героически великолѣпно! Камни героевъ не родятъ, но изъ такихъ дѣтей выходятъ настоящіе богатыри. Во всякомъ случаѣ, для будущаго въ патріотическія хрестоматіи все это отличный вкладъ. Испанія тоже била старую гвардію Наполеона, когда ея дѣти и женщины шли въ строй... Можетъ-быть, именно въ этомъ величайшій залогъ побѣды... истощающій, въ

концѣ-концовъ, великій народъ!.. Равнодушный и безграмотный, не знающій, за что онъ дерется, солдатъ — плохой боевой матеріалъ. Противъ такого и ребенокъ въ двѣнадцать лѣтъ — сила, особенно когда этотъ ребенокъ здѣсь умѣетъ владѣть оружіемъ. Мы боимся вооружать народъ, и когда же — въ виду страшнаго подъема всего Дальняго Востока. Не за горами день, когда онъ, этотъ желтый драконъ, не смотря на успокоительныя колыбельныя пѣсни дипломатовъ, окажется передъ нами, — жестокій, грозный и неумолимый. А въ Японіи дѣвочки, и тѣ фехтуютъ, стрѣляютъ, привыкаютъ къ форсированнымъ маршамъ и походамъ. Мы знаемъ успокоительныя колыбельныя пѣсни дипломатическихъ канцеляристовъ. Мы ихъ не мало слышали и передъ японскимъ разгромомъ. Плохо спится подъ нихъ. Офиціальныя няньки – плохія няньки!.. И дорого за ихъ слѣпоту приходится платиться потомъ убаюканнымъ народамъ.

Я ранѣе уже намѣтилъ въ «Р. Сл.» главныя черты женскаго движенія въ Японіи. Я отложилъ бесѣду о томъ, что сейчасъ въ высшей степени занимаетъ японскую печать и общество: въ какія формы сложится впослѣдствіи здѣшняя семья, что ждетъ жену, мать и дочь въ ближайшемъ будущемъ. *Ближайшемъ*, потому что въ Токіо и Кіото, въ Осакѣ, Кобе и Іокагамѣ уже никто не закрываетъ глазъ на боевыя позиціи, занятыя другъ противъ друга мужчиною и женщиной. Женщина изъ свободной всѣми почитаемой гражданки — стала рабой въ этой удивительной странѣ подъ китайскимъ вліяніемъ. Какъ только черезъ Желтое и Японское море сюда перебросилось ученіе Конфуція и Лаодзы, и завоевало эти новыя позиція «желѣзныхъ острововъ», женщина очень быстро становится только безотвѣтною невольницей, обязанной, не смотря на свое умственное и нравственное превосходство, слѣпымъ повиновеніемъ грубому, ограниченному и часто не особенно грамотному мужу. Тогда же создался ритуалъ этихъ колѣнопреклоненій (лбомъ въ землю), когда мужчина удостаиваетъ ее нѣсколькими рѣзкими и краткими приказаніями. Она дѣлается буквально «инструментомъ для его наслажденія, и, какъ инструментъ бездушный должна быть мертва и ни однимъ жестомъ, движеніемъ или словомъ, стономъ или взглядомъ не выразить, доставляетъ ли ей это наслажденіе или нѣтъ!» Невыносимыя условія, въ которыя поставлена здѣсь жена, съ одной стороны, и работа высшихъ школъ — съ другой — сдѣлали свое дѣло. Нельзя было, усвоивая себѣ европейское образованіе, половину народа, и лучшую его половину, оставлять въ томъ рабствѣ, которое наблюдалось всѣми путешественниками по странѣ Восходящаго солнца.

Нашъ западный индивидуализмъ ужъ разлагаетъ семью этого народа—коллективиста. Сначала это было мало замѣтно, но теперь, когда лучшія силы японской литературы перешли въ лагерь сражающихся за свободу женщины,—побѣда ея не за горами. Японія вчерашняго дня предоставляла своей женщинѣ для выхода—или будь рабою и подъяремнымъ скотомъ въ семьѣ, или иди въ чайный домъ и Іошивару. Гейша и гетера на этихъ островахъ съ ихъ оригинально сложившимися отношеніями—вовсе не занимали того унизительнаго положенія, которое имъ отведено въ Европѣ и Америкѣ. Скорѣе имъ принадлежало по праву, образованію и даже уваженію къ нимъ со стороны общества то мѣсто, на которомъ стояли Аспазіи и Фрины въ Аѳинахъ. Теперь все это измѣнилось. Европейскій купецъ и, какъ это ни странно, миссіонеръ низвели и гейшу, и гетеру на ту же ступень, до которой спустились наши бѣлыя невольницы.

Выхода въ эту сторону для японской женщины почти ужъ нѣтъ. Съ гейши и гетеры сорванъ поэтическій флеръ старой японской культуры, ей осталась душная, безправная семья. Понятно, что дѣвушки, прошедшія черезъ высшія и среднія европейски устроенныя школы, ужъ ищутъ на сторонѣ лучшей доли, рвутъ обветшалыя цѣпи, стараются создать настоящую радость и счастье, выйти изъ-подъ палки тестя, тещи и мужа. Очень много повліяли въ этомъ отношеніи тѣ, которыя были замужемъ за европейцами или долго жили съ ними, и воспитывавшіяся въ Западной Европѣ и Америкѣ. Не мудрено, что гораздо страстнѣе, рѣшительнѣе и смѣлѣе мужей и братьевъ японки стали на сторону христіанства, дающаго имъ гораздо большую долю свободы, чѣмъ суровый, безпощадный даосизмъ. Въ этомъ отношеніи исканіе правъ пошло сверху. Жена князя Сацума въ 1550 году первая становится на сторону католическихъ проповѣдниковъ. Сейчасъ въ соціалистическомъ движеніи страны самыя горячія работницы—женщины прежде всего потому, что именно это великодушное ученіе сбрасываетъ съ нихъ тяжелую домашнюю неволю и общественное безправіе. Прочтите современный Японіи романъ: соціалистка дѣвушка ведетъ за собою жениха и брата. Она первая въ битвѣ и упорной подготовительной работѣ. Ея презрительной улыбки боятся колеблющіеся и трусливыя. Она клеймитъ осужденіемъ отступающихъ и постепеновцевъ. Китайскіе мудрецы, учившіе мужа и жену быть чуждыми другъ другу, ужъ возбуждаютъ въ современномъ образованномъ японцѣ улыбку,—не болѣе. Дѣвушка пробилась на почту, въ телеграфную контору, въ телефонныя учрежденія, въ

больницы, въ магазины, въ банки, во всевозможныя бюро. Здѣшніе тюрьмовѣды хотятъ ея мягкому и ласковому вліянію подчинить и тюрьму. Школа уже въ рукахъ у японки, и тысячи учительницъ здѣсь работаютъ неустанно надъ образованіемъ своихъ союзовъ и федерацій, комитетовъ и обществъ для настойчивой и неустанной борьбы съ злою семейною старью. Не теряя ничего изъ тѣхъ привлекательныхъ свойствъ, которыя въ нашихъ глазахъ дѣлаютъ японку часто очаровательной, улыбающіяся, привѣтливыя и кроткія, онѣ, тѣмъ не менѣе, смѣло выходятъ на новыя дороги. И какъ ни странно, но въ этомъ отношеніи громадную роль сыгралъ русскій романъ, переведенный на японскій языкъ и, какъ откровеніе, принятый японскою женщиной. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя себѣ представить ничего противоположнѣе сталкивающихся здѣсь культуръ европейской и азіатской; между ними не можетъ быть ни компромисса, ни перемирія. Одна вполнѣ исключаетъ другую. Въ книгѣ «La société japonaise» проводится остроумная параллель между ними. Программы японскихъ школъ взбудоражатъ любые мозги. Онѣ создаютъ такіе переплеты стараго предразсудка и смѣлаго новшества, что въ нихъ немудрено запутаться молодому уму, который хотѣлъ бы примирить свое вчера съ неизбѣжнымъ завтра: «Будь медлительна и незрима!» — говоритъ японское преданіе.—«Твое пребываніе на землѣ—тѣнь отъ пробѣжавшей по небу тучки»...

— Разъ, два. Впередъ—безъ оглядки... Руки вверхъ, руки внизъ. Бѣглымъ шагомъ!—кричитъ имъ европейская учительница гимнастики.

— Японія лучшая страна въ мірѣ, и если у нея нѣтъ великихъ мыслителей, то это потому, что такіе преобразовываютъ страну, а она въ преобразованіяхъ не нуждается!—внушаютъ ей старыя книги.

— Сбрасывайте скорѣе вериги прошлаго. Жизнь и исторія не ждутъ. Преобразовывайтесь если хотите жить и стать на общій уровень Европы и Америки.

— Маленькія мусме, твердите китайскихъ мудрецовъ.

— Миссъ, читайте Шекспира, Тургенева, Толстого.

— Мы происходимъ отъ боговъ.

— Человѣкъ—потомокъ обезьяны.

— Мы хотимъ бытъ хорошими хозяйками.

— Вы ими и будете, только приготовленныя вами вкусныя блюда съѣдятъ ваши мужья, а не вы...

— Мы начнемъ съ вами изученіе наукъ, на которое нужна вся ваша молодость.

— Да, но васъ выдадутъ замужъ въ пятнадцать лѣтъ, и тогда прощай школа.

А тутъ же рядомъ то и дѣло въ «Осака Ассахи Шимбунъ» или «Ниши-Ниши» или «Кокуминъ» на глаза молоденькой японки попадаются такія строки въ дневникахъ происшествій: «Вчера, въ праздникъ богини Кваннноонъ, три юныя мусме оставили свои семьи и утопились въ прудѣ священнаго храма. На берегу нашли ихъ геты и письма, въ которыхъ онѣ говорятъ: «Лучше умереть, чѣмъ обречься ужасамъ нашего замужества». Или: «Вчера подъ статуей Дайбутцу, въ Камакурѣ, нашли дѣвушку, вскрывшую себѣ животъ. Дома она оставила записку: «Я слишкомъ хорошо знаю, что такое жизнь японки въ чужой семьѣ. Вы мнѣ выбрали мужа, который по образованію весь въ прошломъ. Я предпочитаю смерть жизни съ нимъ». Фукусава, одинъ изъ талантливѣйшихъ и непримиримѣйшихъ провозвѣстниковъ новаго порядка въ Японіи, огнемъ и кровью пишетъ свои вдохновенныя статьи, какъ таранами разбивая ими стѣны ветхозавѣтной семьи въ Японіи. Въ парламентѣ уже есть около двадцати его учениковъ. Вчера онъ разрушалъ самурайскія легенды, мѣшающія его странѣ жить, сегодня на его знамени: «Свобода женщины». О, этотъ не церемонится съ тѣми, противъ кого онъ выходитъ. «Вы строите школы, но къ чему послужитъ образованіе, которое вы даете женщинѣ? Нужно прежде всего положить конецъ ея унизительной роли въ обществѣ. Въ Японіи она мало цѣнная вещь, а Токіо весь обратился въ очагъ разврата. Прежде вы прятали наложницъ, теперь вы ими хвастаетесь. Откуда выходятъ жены нашихъ parvenus?.. На пріемахъ и банкетахъ ваши жены робко слѣдуютъ за вами, а вы, не обращая на нихъ вниманія, бросаетесь тутъ же не къ гейшамъ, которыя выродились, а къ продажнымъ пѣвицамъ и плясуньямъ. Ничто въ Японіи не достойно большей жалости, какъ жена. Мужъ съ ней разговариваетъ, какъ нѣкогда дайміо съ невольникомъ. Самое ея существованіе—-только слѣдствіе благоволенія этого ослѣпительнаго величества. Только когда оно, это величество, расползется, распорется и развалится отъ дебошей и разврата,—тогда женщина становится его «удобствомъ». Она, не отходя отъ него, изводится, ставя ему пластыри, клизмы, давая ему лѣкарства. Наши дома и семьи не что иное какъ свиные хлѣва»...

Японскій Шекспиръ—Бакинъ (извините, мѣстные патріоты дешевле не согласны) безповоротно сталъ на сторону женщины. Изъ-подъ его пера не могла бы выйдти такая гнусность, какъ „Укрощеніе Строптивой“. Женщины Бакина—мужественны,

смѣлы, великодушны. Это опора колеблющихся братьевъ и мужей, вдохновеніе сильныхъ, оправданіе отважныхъ. Японскіе романисты не выдумали своей героини, не навязали ея нарождающимся новымъ вкусамъ страны. Накадзима Тосико—около полувѣка назадъ уже—является неутомимой «безтрепетной» миссіонершей грядущаго, свободнаго, правового порядка. Она бьетъ злую старь всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ, вліяніемъ на другихъ женщинъ. Презирая ненависть дураковъ и злобу насильниковъ, выступаетъ публично, произноситъ пламенныя рѣчи, собираетъ сама митинги. Она не только пророчица женскаго освобожденія,— она «огнедышащая проповѣдница будущей конституціи». Права народа и права жены—для нея неотдѣлимы. Старую и подлую гадину китайскаго рабства, безотвѣтности—она бьетъ въ самое темя такими ударами, передъ которыми и мужская рука оказалась бы безсильной. Ей грозятъ преслѣдованіями,—она смѣется въ отвѣтъ. Я первая, за мною сотни, за сотнями—тысячи, за тысячами миліоны.—У меня надо было вырвать языкъ прежде чѣмъ я сказала *первое слово.* Разъ оно всколыхнуло стоячія воды,—поздно. Его услышали, поняли—на моемъ мѣстѣ еще громче заговорятъ мои пробужденныя сестры!»

И она не ошиблась.

Ей на смѣну пришли сотни лучшихъ женщинъ японскаго народа. Женскій умъ и геній пробудились и расцвѣли съ невиданнымъ блескомъ. Одна, какъ талантливая Ицiо-іо, умерла рано (род. 1871, ум. 1896), другія до сихъ поръ стоятъ на передовыхъ боевыхъ позиціяхъ будущей Японіи. Развращающая шумиха побѣдъ нѣсколько отодвинула ихъ, но не заглушила благородныхъ голосовъ этихъ «дочерей солнца» Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ у меня будетъ больше простору, я разскажу о цѣлой тысячѣ новыхъ писательницъ страны Ямато. Онѣ примирили меня съ этимъ царствомъ желѣзнаго кулака, съ этимъ грубымъ лагеремъ торжествующей и мстительной солдатчины.

Благородная роль японской печати тѣмъ легче ей, что японка массу читаетъ. Она если не работаетъ по хозяйству, то сидитъ за книгой. Книга и хибачъ—это ея вѣчные собесѣдники, и дѣвственные мозги японской женщины съ удивительной быстротою схватываютъ новыя идеи. Уже мѣстные романисты даютъ привлекательные типы дѣвушекъ, которыя вовсе не считаютъ обязательнымъ для себя выборъ незнакомаго имъ мужа. Онѣ сами хотятъ жить, и ищутъ себѣ счастья на своей дорогѣ. Разумѣется, по новости дѣла, молодые беллетристы доходятъ до безмѣрныхъ преувеличеній, но вѣдь это только протестъ, равный по своей

чудовищности варварству прошлаго. Такъ, въ одномъ популярномъ разсказѣ здѣсь японка мѣняетъ восемь мужей, прежде чѣмъ находитъ девятаго, достойнаго ея любви... Наивные пріемы, часто неловкое положеніе, случается даже грубость и рѣзкость, но водополье, сломавшее плстины, не разбираетъ, какимъ русломъ оно должно хлынуть въ манящую даль...

Невыразимо больно отрываться отъ этой статьи. Хочется сказать еще такъ много, сверхъ того, что мною уже было передано въ моихъ очеркахъ о японской женщинѣ, помѣщенныхъ въ «Русскомъ Словѣ». Все это найдетъ себѣ мѣсто въ моей книгѣ о странѣ Ямато. Не могу только не привести этого—послѣдняго оставшагося въ моей памяти впечатлѣнія изъ этихъ далекихъ теперь острововъ Великаго океана. На тихихъ прудахъ—раскрывались бѣлые, желтые и розовые лотосы. На золотистой террассѣ надъ ними, какъ живые цвѣты, сидѣли молоденькія японки. Одна изъ нихъ чуть трогала струны громаднаго кото и странная красивая вся въ низкихъ тонахъ словно изъ таинственной глубины этихъ покойныхъ водъ звучала непонятная мнѣ пѣсня. Я прислушивался къ ней. Не плакала и не жаловалась оскорбленная и измученная душа. Говорила о мукѣ, но не безсильными пѣснями, не разслабляющими стонами. Что-то смѣлое, зовущее слышалось въ чуждой нашему уху мелодіи. Прошлое, постылое, злое рабство въ ней блѣднѣло и гасло передъ яркимъ пламенемъ воскресающаго дня...

Тихо вѣялъ вѣтеръ. Чуть колыхались искривленныя вѣтви дикихъ вишенъ, изъ далекаго на вершинѣ горы храма медленно спускалась процессія завернутыхъ въ желтый шолкъ жрецовъ.

Я долго стоялъ и смотрѣлъ.

Меня замѣтили.

Одна изъ дѣвушекъ поднялась и предложила мнѣ войти на террассу. Узнали, что я русскій, и сейчасъ же заговорили о русскомъ романѣ, о русской самоотверженной и великодушной женщинѣ. Загорѣлись узкіе глаза, съ страстною жаждою знанія посыпались вопросы. И слушая этихъ «новыхъ японокъ», я невольно задавался вопросомъ,—неужели еще наканунѣ мы дрались съ ихъ братьями и отцами, мучили и истребляли другъ друга, тогда какъ столковаться было такъ легко и просто... И опять таинственно и странно пѣли струны кото и внизу со спокойнаго пруда улыбались намъ бѣлые, желтые и розовые лотосы. Какъ передъ этимъ мгновеніемъ взаимнаго пониманія глупа и безобразна дѣйствительность!..

Вас. Немировичъ-Данченко.

* *
*

(Съ итальянскаго).

Степенные люди, вы, чуждые вѣкъ свой мечтамъ,
Дозвольте, прошу васъ, мечтамъ мнѣ предаться,—
Что сладки онѣ и что ихъ не стыжусь, въ этомъ вамъ,
Степенные люди, готовъ я признаться.

———

Въ ту пору, когда зеленѣютъ лѣса и когда
Цвѣтутъ, пламенѣя, душистыя розы,
И въ сумеркахъ вечера гаснетъ блескъ дня,—о тогда
Какъ сладки, какъ сладки мечты всѣ и грезы,

———

А также какъ мудры!—Не все же обманчивый сказъ,
Что свѣтитъ въ тиши и во мракѣ сіяетъ:
Не видите многое вы, что увидитъ не разъ,
Степенные люди, лишь тотъ, кто мечтаетъ.

М. Ватсонъ.

Памяти В. А. Манассеина.

(† 13 февраля 1901 года).

Смерть каждаго крупнаго общественнаго дѣятеля, пользовавшагося популярностью, всегда вызываетъ откликъ скорби среди оставшихся въ живыхъ согражданъ его. Скорбь эта можетъ быть или сердечнаго, или головного характера, смотря по отношеніямъ къ покойному лицъ, знавшихъ его при жизни—кто лично, кто по дѣламъ его, кто только по наслышкѣ.

На похоронахъ В. А. Манассеина, годъ тому назадъ, мы всѣ видѣли ту широкую волну икренней печали, которая всколыхнула наше обыкновенное равнодушное общество при извѣстіи о смерти Манассеина, мы видѣли ту особенную, сердечную торжественность, въ какую вылилось проявленіе общаго сознанія всей важности и незамѣнимости понесенной утраты. А тѣ, кто имѣлъ случай просмотрѣть 13-й нумеръ журнала «Врачъ», посвященный памяти его покойнаго основателя и редактора, могли убѣдиться, что скорбное чувство, взволновавшее насъ въ тѣ дни здѣсь, въ Петербургѣ, пробѣжало, какъ электрическая искра, и по самымъ отдаленнымъ уголкамъ Россіи, потому что имя Манассеина извѣстно каждому русскому врачу, а чрезъ врачей и всѣмъ, кто не безучастенъ къ вопросамъ не только врачебной этики, но и къ вопросамъ общественной жизни въ широкомъ смыслѣ слова.

Но въ обычномъ въ подобныхъ случаяхъ проявленіи горестнаго настроенія есть на этотъ разъ одна особенность.

Умираетъ Тургеневъ, Достоевскій, Скобелевъ, Чайковскій, Рубинштейнъ,—и мы видимъ, какъ печальная вѣсть проникая во всѣ слои общества, гдѣ извѣстны и дороги эти имена, вызываетъ искреннее соболѣзнованіе общему горю у большой массы людей, никогда не видавшихъ всѣмъ дорогого покойника лично.

---

[1]) Прочитано въ общемъ собраніи членовъ литературнаго фонда 2 февраля 1902 г.

И еслибъ мы могли съ большой точностью анализировать такую печаль абстрактнаго характера, мы, вѣроятно, убѣдились-бы, что она имѣетъ совершенно одинаковые признаки для всѣхъ данныхъ случаевъ, не смотря на разницу и личныхъ свойствъ, и общественнаго значенія оплакиваемыхъ покойниковъ. Это скорбь умомъ, — не сердцемъ. Скорбитъ гражданинъ, скорбитъ любитель искусства или просто мыслящій человѣкъ, скорбитъ о потерянномъ источникѣ народной славы, объ источникѣ эстетическихъ наслажденій или высшаго умственнаго развитія. И каждый изъ насъ сознаетъ, что и всѣ другіе, за незначительнымъ исключеніемъ немногихъ близкихъ къ покойнику, скорбятъ объ утратѣ общенароднаго достоянія, и всѣ соболѣзнуютъ другъ другу только именно въ этомъ смыслѣ. Эта массовая скорбь имѣетъ въ основѣ эгоистическій характеръ и легко находитъ себѣ утѣшеніе въ томъ наслѣдіи, которое покойникъ оставляетъ согражданамъ въ своихъ общественныхъ трудахъ. Иногда личность такого выдающагося человѣка теряетъ свое значеніе еще задолго до его смерти, заслоненная значеніемъ его-же собственныхъ, но уже давнихъ созданій. Такъ это было, напримѣръ, съ Гончаровымъ.

Но есть другіе популярные общественные дѣятели, все обаяніе которыхъ заключается въ постоянномъ непосредственномъ общеніи съ отдѣльными личностями, — съ тѣми единицами, которыхъ мы обыкновенно называемъ «ближними нашими». Дѣятельность такихъ популярныхъ лицъ иногда и вовсе не проявляется на массахъ и на предметахъ отвлеченныхъ, а только на индивидуумахъ; и тѣмъ не менѣе огромныя массы бываютъ охвачены любовью и уваженіемъ къ нимъ, и смерть такихъ дѣятелей вызываетъ скорбь и у тѣхъ, кто въ непосредственное общеніе съ ними никогда не приходилъ. Къ этой категоріи дѣятелей относятся друзья болящихъ, страждущихъ и обездоленныхъ. Скорбь, вызываемая ихъ смертью, имѣетъ еще болѣе эгоистичный характеръ у всѣхъ, для кого, вмѣстѣ съ покойникомъ, гаснетъ источникъ тепла и свѣта въ ихъ нерѣдко непроглядной, холодной жизни. Но, съ другой стороны, она и въ высшей степени альтруистична, когда не болящіе, не страдающіе, не обездоленные, не прибѣгавшіе къ этому источнику тепла и свѣта соболѣзнуютъ утратившимъ его и сознаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ свое безсиліе замѣнить имъ его.

Дѣятельность такихъ лицъ носитъ общее избитое названіе благотворительности. Увы, это почтенное слово звучитъ въ наше время весьма часто съ оттѣнкомъ ироніи и скептицизма, потому что имъ несчетное число разъ прикрывались дѣянія и побужде-

нія совсѣмъ не почтенныя. Поэтому-то теперь, при всей видимой доступности для каждаго стяжать лавры популярности благотворительностью, это стало труднѣе, чѣмъ на какомъ-бы то ни было другомъ поприщѣ. Для этого нужно исключительное безкорыстіе, исключительное самопожертвованіе, разумное пониманіе людскихъ взаимныхъ отношеній и безусловная чистота помысловъ жизни. Если же эти качества совмѣщаются, то такой дѣятель на поприщѣ благотворительности своимъ примѣромъ становится уже учителемъ праведной жизни для всѣхъ входящихъ съ нимъ въ сношеніе. Такіе люди появляются чрезвычайно рѣдко— рѣже, чѣмъ всякіе другіе представители ума и таланта.

Манассеинъ былъ одинъ изъ этихъ праведниковъ. Онъ не былъ благотворителемъ въ узкомъ смыслѣ слова, но его дѣятельность, какъ врача, какъ предсѣдателя литературнаго фонда, и его житейскія отношенія ко всѣмъ, обращавшимся къ нему за помощью и содѣйствіемъ въ той или другой формѣ, были или прямо благотворительными, или непосредственно граничили съ благотворительностью. Онъ имѣлъ высшій даръ благотворить не только матеріально, но и духовно; самое общеніе съ нимъ уже было благотворно.

И вотъ, особенностью въ обычномъ массовомъ проявленіи горестнаго чувства по случаю смерти Манассеина было то, что здѣсь къ скорби объ утратѣ такого выдающагося человѣка, который составлялъ народное достояніе, присоединилась въ самомъ широкомъ разливѣ глубокая сердечная скорбь о потерѣ *личной*,— о потерѣ человѣка, такъ долго согрѣвавшаго насъ тепломъ своей души, скорбь каждаго за себя и за всѣхъ и всѣхъ за каждаго.

Въ общественномъ значеніи Манассеинъ есть еще одна своеобразная крупная черта. Думая служить только наукѣ, высшей правдѣ и благу ближняго, принципіально враждебный цензурѣ, онъ неожиданно для самого себя и для всѣхъ оказался поставленнымъ самой жизнью «цензоромъ нравовъ», Катономъ въ медицинскомъ мірѣ. При всей разницѣ пріемовъ, значенія и результатовъ дѣятельности, его вліяніе на извѣстную часть общества можно сопоставить съ вліяніемъ и значеніемъ Щедрина.

Въ некрологахъ, появившихся въ разныхъ органахъ печати тотчасъ послѣ смерти Манассеина, упоминалось, что врачи чутко прислушивались ко всему, что въ своемъ спеціально-медицинскомъ журналѣ говорилъ Манассеинъ не только по вопросамъ профессіональной врачебной этики, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣятельность врача соприкасалась съ общественной дѣятельностью вообще, а иногда и съ частной жизнью отдѣль-

ныхъ лицъ, и называли Манассеина «общественной совѣстью». Для большого круга читателей «Врача»—а въ числѣ его подписчиковъ были и не врачи—Манассеинъ нерѣдко являлся высшей судебной инстанціей при разрѣшеніи недоразумѣній чисто нравственнаго характера. А какъ только основался «Судъ чести» при «Союзѣ писателей», Манассеинъ тотчасъ же былъ избранъ въ число судей.

Чтобы пользоваться такимъ нравственнымъ авторитетомъ, и надо было быть именно такимъ праведникомъ, какимъ былъ Манассеинъ.

Доброта его была безгранична. Но это не была та пассивная доброта, которою иногда страдаютъ и непонимающіе этой своей болѣзни добрые эгоисты,—доброта, не поддающаяся гнѣву и негодованію, но никогда не проявляющая зато участія и состраданія. Нѣтъ, Манассеинъ умѣлъ не только соболѣзновать и помогать, онъ умѣлъ и негодовать. Можно даже сказать, что вся жизнь его, отъ юности и до конца дней его, полна негодованіемъ противъ всякой неправды, лжи, противъ всякаго зла. Безупречный въ своей жизни, онь имѣлъ право произносить и произносилъ иногда безпощадные приговоры и лицамъ и дѣйствіямъ, когда онъ хотѣлъ этимъ обличеніемъ или обвиненіемъ указать правый путь тѣмъ, кого онъ обличалъ въ ошибкѣ, въ нерадѣніи или зломъ умыслѣ. Онъ не былъ сторонникомъ теоріи пассивнаго непротивленія злу насиліемъ; нѣтъ, всякому злу онъ готовъ былъ оказывать и по мѣрѣ силъ оказывалъ активное сопротивленіе добромъ. Все, что онъ считалъ добромъ, онъ выдвигалъ впередъ и поддерживалъ въ его борьбѣ съ противоположными началами. Его обличенія создали ему немало ярыхъ враговъ; но если его враги считали Манассеинскіе приговоры насиліемъ надъ ихъ свободой дѣйствій, Манассеинъ, смотрѣлъ на эти полемическія схватки, какъ на великое добро, которое онъ приносилъ обществу.

По счастливой случайности Манассеинъ былъ и выдающимся ученымъ, превосходнымъ профессоромъ и талантливымъ практическимъ врачомъ. Но какъ-бы ни была значительна эта сторона его дѣятельности, обусловленной его умомъ и талантами, она отодвигается на второй планъ той частью его жизни, въ которой главную роль играло его великое сердце, полное разумной любви къ людямъ.

Я готовъ былъ бы сказать, что въ исторіи нашей общественности Манассеинъ стоитъ почти особнякомъ, еслибъ я не могъ указать на доктора Гааза, котораго такъ ярко и

художественно обрисовалъ А. Ѳ. Кони въ своей извѣстной монографіи объ этомъ великомъ филантропѣ изъ нѣмцевъ, дѣйствовавшемъ въ Россіи въ одну изъ суровыхъ эпохъ русской исторіи. Манассеинъ, не говоря уже о его значеніи, какъ ученаго, имѣетъ, однако, предъ Гаазомъ то громадное преимущество, что сфера, въ которой примѣнялась его благая филантропическая дѣятельность, гораздо шире, чѣмъ ограниченная среда арестантовъ, которымъ посвятилъ свою жизнь Гаазъ, а слѣдовательно и характеръ Манассеинской этой дѣятельности гораздо разностороннѣе, шире и плоды, которые она дала и дастъ еще, значительнѣе и цѣннѣе.

Для дѣятельности благотворительной, какъ и для всякой другой, есть готовые, намѣченные пути, по которымъ и идутъ въ большинствѣ случаевъ заурядные благотворители. Манассеинъ шелъ своимъ путемъ. Своеобразность его дѣятельности можетъ выясниться только изъ подробной біографіи его, изъ множества примѣровъ. Но на одну особенность этого пути можно указать: онъ, не терявшій даромъ ни одной минуты времени на себя, вѣчно работающій, никогда не считалъ, сколько времени и труда онъ отдавалъ каждому обращавшемуся къ нему за помощью: интересы просящаго были всегда на первомъ планѣ, разсчеты дающаго на послѣднемъ.

Таковъ онъ былъ и въ литературномъ фондѣ, которому онъ въ качествѣ предсѣдателя отдалъ очень значительную, чтобы не сказать огромную, часть своего времени, часть своей жизни. Работа въ литературномъ фондѣ давала ему возможность приносить помощь врачебную, денежную и духовную въ такую среду, которая была ему особенно дорога. Работа эта была для него также и долгомъ совѣсти, какъ онъ самъ говорилъ: онъ когда-то, еще студентомъ, получилъ пособіе отъ литературнаго фонда. И дѣятельностью въ фондѣ онъ расплачивался за оказанную ему помощь сторицею, по меньшей мѣрѣ сторицею.

Литературный фондъ долженъ помянуть Манассеина не только какъ своего бывшаго предсѣдателя, но и какъ безплатнаго врача для литераторовъ, кліентовъ фонда. Перечислять его заслуги въ этомъ отношеніи значило бы повторять все то, что сказано о его личности вообще; приводитъ безчисленные примѣры—значило бы доказывать уже сто разъ доказанное. Ограничусь нѣсколькими личными впечатлѣніями.

Авторовъ всякихъ воспоминаній часто упрекаютъ въ томъ, что они, говоря объ извѣстномъ покойникѣ, всегда упоминаютъ

непремѣнно и о себѣ. Мнѣ думается, что я не имѣю основаній умалчивать, изъ чувства ложнаго стыда, о моихъ личныхъ отношеніяхъ къ Вячеславу Авксентьевичу Манассеину, какъ врачу и предсѣдателю литературнаго фонда.

Я имѣлъ счастіе пользоваться его безплатной врачебной помощью въ теченіе 14 лѣтъ. Впервые я обратился къ нему въ 1886 году. Начинающій писатель, напечатавшій 2—3 разсказика, не имѣвшій никакихъ литературныхъ знакомствъ и связей, я былъ для Манассеина «однимъ изъ малыхъ сихъ», и я встрѣтилъ у него такой теплый пріемъ, какого мнѣ никогда, нигдѣ встрѣчать не приходилось; и если до выступленія на литературное поприще я, какъ всякій профанъ, чувствовалъ благоговѣніе предъ замкнутымъ для меня литературнымъ міромъ, то въ лицѣ Манассеина этотъ литературный міръ предсталъ предо мной именно въ томъ ореолѣ духовной красоты, который такъ возвышаетъ его надъ всѣми другими родами умственной дѣятельности. И въ теченіе 14 лѣтъ, уже при болѣе близкомъ знакомствѣ съ Вячеславомъ Авксентьевичемъ, свѣтлое чувство, которое вызвала у меня первая встрѣча съ нимъ, вспыхивало опять при каждой новой встрѣчѣ, укрѣпляя вѣру въ высокое призваніе литератора.

Какъ къ врачу, я чувствовалъ къ нему довѣріе безграничное. Мы всѣ знаемъ, какая это щекотливая вещь—безплатная врачебная помощь. Какъ часто видимъ мы, что лица, служащія въ какомъ нибудь учрежденіи, при которомъ состоитъ врачъ, обязанный безвозмездно лѣчить ихъ въ случаѣ заболѣванія, не пользуются его помощью не по недовѣрію къ его знанію и искусству, а по недовѣрію къ достоинству именно безплатной помощи. Но такъ какъ для Манассеина безплатный видъ помощи былъ преобладающимъ въ его практикѣ, то нечего и говорить, что его внимательность къ больному никогда не находилась въ зависимости отъ выгоды, которую представлялъ для него тотъ или другой паціентъ.

Вячеславъ Авксентьевичъ уже давно страдалъ склерозомъ. Онъ самъ показывалъ мнѣ окостенѣвшую жилку у него на вискѣ, и говорилъ, что когда-нибудь умретъ на ходу отъ закупорки артерій. Не смотря на обнаружившуюся у него въ послѣдніе годы новую болѣзнь—нефритъ, онъ былъ еще, какъ говорится, на ногахъ, когда осенью 1900 года мнѣ пришлось заболѣть воспаленіемъ легкихъ. Я лежалъ въ меблированной комнатѣ на Невскомъ. Манассеинъ сталъ навѣщать меня каждый день, и я могу безъ преувеличенія сказать, что

онъ спасъ меня отъ смерти. Но онъ продолжалъ свои ежедневныя посѣщенія и тогда, когда уже опасность миновала, и напрасно я горячо уговаривалъ его не дѣлать этого, не утомлять себя такимъ дальнимъ переѣздомъ — отъ Финляндскаго вокзала къ Публичной библіотекѣ—въ особенности въ дурную погоду,—онъ съ своей неизмѣненной доброй улыбкой отвѣчалъ, что для него это—прогулка. Я убѣждалъ его, что подниматься въ 5-й этажъ для него во всякомъ случаѣ не полезно; онъ, также шутя, отвѣчалъ своимъ любимымъ выраженіемъ:—Unkraut vergeht nicht!

Внимательность его была трогательна. Онъ, напримѣръ, не входилъ въ мою комнату, не обогрѣвшись предварительно довольно долго въ корридорѣ, чтобъ не внести съ собой холода. Нумерная прислуга съ каждымъ его посѣщеніемъ дѣлалась «почему-то» старательнѣе и преданнѣе: очевидно, онъ поощрялъ ее къ этому какимъ-то хорошо дѣйствующимъ средствомъ.

Во время одного изъ этихъ визитовъ онъ сказалъ мнѣ:

— Сейчасъ подъѣзжаю къ вашему крыльцу, а тутъ же неподалеку подняли съ тротуара неизвѣстнаго мертваго человѣка, чтобъ увезти въ участокъ. Упалъ, очевидно ударъ, и умеръ... Вотъ и со мной когда-нибудь то же будетъ!—добавилъ онъ съ улыбкой.

Погода въ то время стояла убійственная, и половина петербуржцевъ болѣла инфлуэнцой. Какъ-то, пріѣхавъ ко мнѣ утромъ, Вячеславъ Авксентьевичъ сказалъ въ своемъ обычномъ шутливомъ тонѣ:

— Хорошо, что вы больны, а то непремѣнно схатили бы какую-нибудь гадость!..

И эту гадость схватилъ онъ самъ. На другой день у него былъ гриппъ.

Въ послѣдній разъ онъ заѣхалъ ко мнѣ послѣ юбилейнаго обѣда въ честь Н. К. Михайловскаго. Онъ былъ видимо боленъ и очень утомленъ, но все такъ же ласковъ, такъ же безконечно внимателенъ. Я взялъ съ него наконецъ слово, что онъ больше не пріѣдетъ, а удовлетворится ежедневнымъ полученіемъ отъ меня бюллетеня о благополучномъ ходѣ выздоровленія.

Когда такое безкорыстное и самоотверженное вниманіе вы встрѣчаете послѣ 14-лѣтняго знакомства и при установившихся дружественныхъ отношеніяхъ, можно еще подумать, что, можетъ быть, это—въ порядкѣ вещей. Но если я упомянулъ о такомъ отношеніи врача къ своему паціенту, то лишь для того, чтобъ сказать, что съ точно такимъ же вниманіемъ отнесся ко мнѣ

Манассеинъ и въ первый день моего знакомства съ нимъ, и такимъ онъ былъ неизмѣнно во всѣ 14 лѣтъ. Такимъ же характеризовали его мнѣ всегда и всѣ, кому приходилось имѣть съ нимъ дѣло. Эта удивительная ровность и мягкость обращенія со всѣми, во всякое время, при всякихъ обстоятельствахъ была одной изъ отличительныхъ чертъ его характера. Мнѣ приходилось не разъ наблюдать ее въ пріемной Вячеслава Авксентьевича, просиживая иногда не одинъ часъ въ ожиданіи очереди, которая у него соблюдалась самымъ строжайшимъ образомъ. Часто для свиданій съ нимъ онъ назначалъ мнѣ опредѣленный часъ не въ его обычные пріемные дни; но случалось иногда, по какой-нибудь экстренной надобности, пріѣзжать и къ общему пріему. Тогда стараешься сѣсть гдѣ-нибудь подальше, чтобъ не попадаться ему до времени на глаза, когда онъ проходитъ, бывало, чрезъ залу отъ дверей кабинета до передней, провожая такимъ образомъ каждаго больного. И вотъ эти наблюденія со стороны, наблюденія наметавшимся, опытнымъ взглядомъ беллетриста, и дали мнѣ случай дополнить тѣ впечатлѣнія, какія у меня получались отъ личныхъ отношеній Вячеслава Авксентьевича ко мнѣ.

Въ его обращеніи съ людьми было что-то женственное, была прелесть неподражаемой деликатности, какой я не встрѣчалъ ни у кого въ такой благородной формѣ. Какъ бы ни былъ благовоспитанъ человѣкъ, какъ бы ни была совершенна его манера держать себя *одинаково* съ высшими, равными и низшими, мы всегда замѣтимъ нѣкоторую особую нѣжность у каждаго въ обращеніи съ молодой красивой дѣвушкой, даже и тогда, когда не можетъ быть и рѣчи о желаніи понравиться ей; невольная ласковость является здѣсь просто, какъ дань молодости и красотѣ подъ вліяніемъ присущаго каждому человѣку эстетическаго чувства. Мы замѣчаемъ также невольную почтительность у всѣхъ въ обращеніи съ человѣкомъ, заслужившимъ общее уваженіе. У Манассеина и здѣсь не замѣчалось разницы: въ его отношеніяхъ ко всѣмъ, безъ исключенія, эти два оттѣнка деликатности: ласковость и уваженіе—какъ-то удивительно гармонично сливались на фонѣ спокойнаго сознанія и собственнаго достоинства и человѣческаго достоинства вообще, которое онъ уважалъ въ каждомъ. Манассеинъ, какъ извѣстно, былъ горячимъ сторонникомъ высшаго женскаго образованія, и едва ли можно было гдѣ-либо лучше освоиться съ идеей равноправности половъ, какъ наблюдая Манассеина въ его отношеніяхъ къ женщинамъ всѣхъ возрастовъ и общественныхъ положеній.

Когда въ декабрѣ 1900 года, спустя 3 недѣли послѣ того послѣдняго визита ко мнѣ Манассеина, о которомъ я упомянулъ, я настолько поправился, что могъ выйти и поѣхалъ показаться Вячеславу Авксентьевичу у него на дому, я просто не узналъ его,—до такой степени онъ перемѣнился отъ все еще мучившей его болѣзни, которую онъ выносилъ однако на ногахъ и за работой. У него былъ сильный гриппъ, выражавшійся тяжелымъ насморкомъ и кашлемъ, повышенной температурой, упадкомъ силъ. Онъ еще больше посѣдѣлъ за это время, осунулся и немного сгорбился.

— Вячеславъ Авксентьевичъ, простите, но мнѣ кажется, что вы постарѣли замѣтно въ эти три недѣли,—сказалъ ему я.

Онъ съ улыбкой отвѣтилъ:

— Это бы ничего, да вотъ чувствую, что сосуды состарились. Не могу и нагнуться. Уроню платокъ и оставляю лежать на полу, пока кто-нибудь придетъ. Выпью полстакана комнатной воды и весь въ испаринѣ, точно въ банѣ былъ.

А онъ продолжалъ читать корректуры «Врача» и принимать больныхъ по прежнему.

— Да бросьте все и уѣзжайте отдохнуть.

— Э, все равно! Я умру на своемъ посту. А не умру, такъ весной и отдохнуть съѣзжу.

Эти слова опять подтвердили мнѣ, что̀ я уже могъ заключить и изъ прежнихъ разговоровъ съ нимъ: онъ какъ будто ждалъ моментальной смерти и желалъ именно ея. Вѣроятно, онъ никому не хотѣлъ причинять лишнихъ безпокойствъ своей болѣзнью. Онъ это и доказывалъ всѣми своими дѣйствіями, пока не свалился и не потерялъ сознанія. Недаромъ онъ какъ-то еще раньше говорилъ мнѣ:

— Изъ Манассеиныхъ не одинъ умеръ не въ постели.

Ему если и пришлось «полежать», то во всякомъ случаѣ недолго.

Въ моей замѣткѣ, посвященной памяти Манассеина и напечатанной въ «Новомъ Времени» 15-го февраля прошлаго года, я сказалъ, что одинъ изъ нашихъ маститыхъ беллетристовъ въ разговорѣ со мной назвалъ Манассеина «священнослужителемъ мірской, свѣтской церкви». Эти слова были потомъ повторены въ позднѣйшихъ статьяхъ, посвященныхъ памяти Манассеина во «Врачѣ», и видимо понравились, какъ мѣткая характеристика Вячеслава Авксентьевича. Я думаю, что съ моей стороны не будетъ нескромностью, если я скажу, что слова эти

принадлежатъ П. Д. Боборыкину. Они мѣтки потому, что весь образъ жизни Манассеина, вся его практическая дѣятельность, гдѣ слово никогда не расходилось съ дѣломъ могли бы служить образцомъ для любого духовнаго лица. Все его время было посвящено работѣ—научной или благотворительной. Работать же ему приходилось столько, что онъ иногда прямо говорилъ: «Дышать некогда». Онъ никогда ни къ кому не ходилъ въ гости, потому что у него не хватало времени и на дѣловые пріемы и посѣщенія. Лишь въ обществѣ очень немногихъ близкихъ ему людей проводилъ онъ немногіе часы необходимаго отдыха. Театры, концерты, развлеченія, все это какъ бы не существовало для него, и самая способность воспринимать эти впечатлѣнія у него съ годами какъ будто атрофировалась. Карты, вино, табакъ—были для него предметами отвращенія. Онъ избѣгалъ мяса, потому что оно было ему противно. А такъ вся его рабочая жизнь была посвящена облегченію страданій ближнихъ, то, безъ сомнѣнія, нѣтъ никакого преувеличенія въ сравненіи его, по жизни и дѣятельности. съ лицомъ духовнаго сана. Съ точки зрѣнія зауряднаго міряинна можно даже сказать, что Манассеинъ былъ человѣкомъ одностороннимъ. Но вѣдь и всѣ святые односторонни.

Манассеинъ не дожилъ и до 60 лѣтъ, буквально сгорѣвъ на работѣ. Трудясь вдесятеро меньше, онъ могъ бы зарабатывать вдесятеро больше, могъ бы жить покойной обезпеченной жизнью до глубокой старости, и все еще оставить послѣ себя добрую память и замѣтный слѣдъ. Но тогда онъ не былъ бы тотъ Манассеинъ, чье имя будутъ всегда чтить и современники и будущія поколѣнія, и на кого будутъ указывать, какъ на примѣръ для подражанія.

Горя любовью къ ближнимъ, онъ сгорѣлъ для блага ихъ, разливая тепло вокругъ себя. Теперь пламя погасло, но лучистая теплота еще продолжаетъ струиться отъ всего, что составляетъ въ своей совокупности память о Манассеинѣ.

При 13-мъ нумерѣ «Врача» за прошлый годъ, составленномъ отъ первой до послѣдней страницы изъ статей и замѣтокъ о Манассеинѣ, приложенъ и прекрасно сдѣланный портретъ Вячеслава Авксентьевича. Насколько мнѣ извѣстно, его портреты до сего времени никогда не появлялись въ журналахъ,—онъ не желалъ этого. Между его почитателями, заброшенными судьбой въ далекіе углы Россіи, найдутся, вѣроятно, многіе, не имѣвшіе до сихъ поръ никакого представленія о внѣшнемъ обликѣ того, кого они давно привыкли любить и уважать, зная

его лишь по свѣдѣніямъ отъ товарищей и по его дѣятельности, какъ редактора «Врача». Выразительное, благородное лицо Манассеина на этомъ портретѣ какъ нельзя лучше дополняетъ представленіе о духовномъ обликѣ покойнаго. На портретѣ только, быть можетъ, слабѣе выраженіе доброты, чѣмъ было въ натурѣ, и это оттого, что фототипія передаетъ глаза черными, а у Манассеина они были голубые. Нельзя не пожалѣть, что это прекрасное лицо не было въ свое время написано кѣмъ нибудь изъ крупныхъ художниковъ-портретистовъ. Но и при передачѣ его фототипіей оно производитъ достаточно сильное впечатлѣніе. Мнѣ уже приходилось высказывать, что для многихъ вліяніе Манассеина не ограничивалось непосредственнымъ общеніемъ съ нимъ,—онъ имѣлъ свойство дѣйствовать и на разстояніи, въ томъ смыслѣ, когда возникало сомнѣніе, какъ поступить въ томъ или другомъ неясномъ съ этической стороны случаѣ, нерѣдко приходило въ голову: «а что сказалъ бы про это Манассеинъ»?—и одна эта мысль была способна остановить отъ ложнаго шага. Глядя теперь на его портретъ, мнѣ думается, что въ каждой комнатѣ, гдѣ онъ будетъ висѣть, нравственная атмосфера будетъ чище. Каждому человѣку, сознательно оцѣнившему духовную красоту жизни Манассеина, будетъ, глядя на это лицо, и стыдно, и больно сдѣлать, сказать и даже подумать что-нибудь дурное. Можно только желать, чтобъ это вліяніе распространялось все шире и чтобъ портреты Манассеина встрѣчались почаще.

На-дняхъ я посѣтилъ вѣрную подругу жизни Вячеслава Авксентьевича, Екатерину Михайловну. Въ старой Манассеинской квартирѣ все на старомъ мѣстѣ. И на письменномъ столѣ все тѣ же вещи, какъ было при покойномъ, и тѣ же портреты на стѣнахъ кабинета и гостиной-пріемной. Уменьшилось только число книгъ, укладываемыхъ въ ящики для отправки въ томскій университетъ, которому Вячеславъ Авксентьевичъ завѣщалъ свою библіотеку. Смотришь на всю эту давно знакомую обстановку, и какъ-то не вѣрится, что хозяинъ ея никогда уже сюда не вернется. Когда я вышелъ потомъ на улицу и вспомнилъ, что поднятъ вопросъ о переименованіи этой улицы изъ Симбирской въ Манассеинскую для увѣковѣченія памяти Вячеслава Авксентьевича, прожившаго въ этомъ домѣ столько лѣтъ и здѣсь умершаго, мнѣ пришла въ голову мысль объ увѣковѣченіи этой памяти еще другимъ способомъ, *если только онъ встрѣтитъ одобреніе лицъ наиболѣе близкихъ къ покойному*. Манассеинская обстановка должна быть, на собранныя пожертвованія, совре-

неніемъ пріобрѣтена для устройства Манассеинскаго музея—въ томъ или другомъ помѣщеніи. Музей этотъ долженъ состоять изъ 2-хъ комнатъ—пріемной и кабинета—и быть амбулаторіей для безплатнаго пріема больныхъ тѣми профессорами в.-медицинской академіи, которые изъявятъ желаніе этимъ путемъ не только почтить память собрата, но и достойно продолжать безкорыстное служеніе страждущему человѣчеству, на которое ушла вся жизнь Манассеина.

Въ расцвѣтѣ силъ Манассеинъ, послѣ 25 лѣтъ профессорской дѣятельности, покинулъ каѳедру, добровольно очищая мѣсто болѣе молодымъ силамъ. Опустѣла теперь и его каѳедра «учителя жизни». Но такіе люди, какъ онъ, родятся, живутъ и дѣйствуютъ между нами не для того, чтобъ послѣ ихъ смерти оставалась одна только платоническая «добрая память» о нихъ. Профессоръ оставляетъ послѣ себя учениковъ-медиковъ, становящихся въ свою очередь профессорами,—дожны найтись и ученики, настолько усвоившіе Манассеинскую проповѣдь «дѣятельной любви», чтобъ стать продолжателями его дѣла и на этой отвѣтственной каѳедрѣ.

Ал. Луговой.

Пѣсни и думки.

I.

Бѣдному другу.

Если въ жизни трудовой
Счастье не дается,—
Пой, бѣдняжка—громче пой,
Пой, пока поется!
А и въ радости когда
Сердце встрепенется,—
Пой, мой милый, пой всегда
И пока поется!

II.

Въ тишинѣ глубокой
Всѣ въ деревнѣ спятъ,
На небѣ высоко
Звѣздочки горятъ,—
Но одна упала
И исчезла вдругъ,
Такъ тебя не стало,
Мой сердечный другъ.

III.

Ужъ дни осенніе пришли
Съ погодою ненастной,
Надъ лѣсомъ съ крикомъ журавли
Летятъ на югъ прекрасный.

А мы попрежнему живемъ
Во тьмѣ, не видя свѣта,
И славныхъ пѣсенъ не поемъ
Великаго поэта.

IV.

Горе меня истомило,
Но тяжело умирать,
Хочется родинѣ милой
Новыя пѣсни слагать;
Чтобы она не узнала
Больше томительныхъ дней,
Хочется мнѣ, какъ бывало,
Жарко молиться о ней.

С. Дрожжинъ.

Въ деревнѣ.

Давно проснулося село,
Туманъ надъ Волгою дымится,
И солнце ясное глядится
Въ нее привѣтно и тепло.
Вокругъ меня и надо мною
Жужжанье пчелъ и пѣнье птицъ,
Избушки съ улицей родною
И лѣсъ и поле безъ границъ...
Все оживилося съ весною:
Вонъ вышла баба за водой,
Глядитъ старуха изъ окошка,
Вонъ подъ рябиной дѣдъ сѣдой,
И бѣлокурый мальчикъ-крошка,
Присѣвъ на палочку верхомъ,
Въ рубахѣ синей, босикомъ
Къ нему со смѣхомъ подбѣгаетъ.
Дѣдъ къ солнцу взоры обращаетъ,
И, утонувъ въ его лучахъ,
Какъ я, на этомъ на просторѣ,
Знать, позабылъ былое горе
И видитъ Бога въ небесахъ.

С. Дрожжинъ.

М. В. Спасская, переводчица сѣверныхъ писателей, предложила для настоящаго сборника переводъ рѣчи Брандесса, произнесенной имъ на послѣднемъ, копенгагенскомъ, конгрессѣ Международной Ассоціаціи защиты авторскаго права. Предложеніе было съ благодарностью принято, потому что мнѣніе такого крупнаго литературнаго дѣятеля, какъ Брандесъ, по одному изъ жгучихъ вопросовъ литературной жизни, конечно, представляетъ большой интересъ.

Не хотѣлось, однако, давать просто переводъ въ сборникѣ, состоящемъ изъ статей, предоставленныхъ редакціи непосредственно и въ знакъ сочувствія къ дѣятельности литературнаго фонда.

Мы попросили поэтому г-жу Спасскую обратиться къ автору и спросить его не прибавитъ ли онъ чего-нибудь къ переводу своей рѣчи. Авторъ охотно согласился, прислалъ нижеслѣдующее небольшое вступленіе, и такимъ образомъ является однимъ изъ сотрудниковъ сборника.

Съ признательностью помѣщая рѣчь знаменитаго критика, считаемъ, однако, необходимымъ сдѣлать одну оговорку.

Брандесъ безусловный защитникъ заключенія конвенцій, ограничивающихъ свободу переводовъ. Въ этомъ отношеніи онъ расходится съ большинствомъ русскихъ писателей. Брандесъ склоненъ видѣть въ отношеніи русскаго законодательства къ праву перевода дѣйствіе чисто-правительственное, направленное противъ „распространенія культуры“. Это безусловно ошибка. Какъ разъ во имя „распространенія культуры“ и ополчается русское литературное сознаніе противъ заключенія литературныхъ конвенцій. Ограниченіе свободы переводовъ ему представляется опаснымъ для молодого русскаго просвѣщенія, которому трудно обойтись безъ помощи западно-европейской науки и культуры. Смѣшно, что въ Европѣ многіе пресерьезно говорятъ о русскомъ „пиратствѣ“ и объясняютъ его стремленіемъ издателей къ легкой наживѣ. На самомъ дѣлѣ русскіе *издатели* всецѣло на сторонѣ заключенія конвенціи, которая сдѣлаетъ ихъ монополистами. А противниками конвенціи являются русскіе *писатели*. Въ данномъ случаѣ они слѣдуютъ великимъ завѣтамъ русской литературы, которая всегда выдвигала на первый планъ не личныя и групповые интересы, а интересы широкихъ массъ.

С. В.

Я былъ искренно обрадованъ, когда московское общество литераторовъ приняло меня въ число своихъ членовъ и всегда приписывалъ личному доброжелательству покойнаго профессора Стороженко ту честь, которая мнѣ этимъ была оказана.

Мнѣ было-бы очень пріятно, еслибъ такой ничтожной лептой, какъ эта, произнесенная по-французски, рѣчь я могъ сдѣлать вкладъ въ сборникъ, издаваемый обществомъ по поводу своего юбилея [1]).

Тема, затронутая въ этой рѣчи, представляетъ интересъ для писателей всѣхъ странъ, и нигдѣ, быть можетъ, не требуетъ въ такой мѣрѣ обсужденія, какъ въ Россіи.

Со мной самимъ былъ такой случай. Въ одномъ изданіи такъ называемаго собранія моихъ сочиненій (Фуксъ, Кіевъ, 1902 г.), о составленіи котораго со мной и не подумали посовѣтоваться и за которое я не получилъ ни копейки гонорара, не только былъ вставленъ среди различныхъ частей одного и того же произведенія (*Главныя теченія литературы XIX вѣка*) рядъ совсѣмъ не относящихся сюда этюдовъ, но четвертая часть была помѣщена раньше третьей, что совершенно разстроило весь планъ книги.

Будь книга такъ издана готтентотами для готтентотовъ, мнѣ и въ голову не пришло бы удивляться. Но русскими для русскихъ...

Если переводъ выполненъ съ тѣмъ-же тщаніемъ, съ какимъ вообще соблюдены здѣсь мои интересы, то въ завидное попалъ я положеніе.

---

[1]) Авторъ предполагалъ, что настоящій сборникъ издается московскимъ обществомъ „Любителей россійской словесности“, членомъ котораго онъ состоитъ. *Ред.*

Преданность и теплыя чувства, которыя я съ раннихъ поръ питалъ къ властелинамъ русскаго духа, заслуживали бы, мнѣ кажется, лучшаго отношенія ко мнѣ.

Съ самой ранней молодости я ихъ любилъ и зналъ, поскольку они были мнѣ доступны.

Еще мальчикомъ я прочелъ *Евгенія Онѣгина* и *Героя нашего времени*, причемъ послѣдній, въ переводѣ Мармье, составилъ эпоху въ моей душевной жизни.

Затѣмъ, совсѣмъ юнымъ, при посредствѣ переводовъ Мериме и Віардо, я познакомился съ Гоголемъ и Тургеневымъ.

Роли истолкователя всей русской литературы я не смѣю приписывать себѣ. Могу только упомянуть объ одной скромной заслугѣ—когда первый нѣмецкій переводчикъ *Преступленія и наказанія*, видя, что книга совсѣмъ не находитъ себѣ покупателей, обратился ко мнѣ, и когда мнѣ удалось возбудить вниманіе читателей Германіи и Австріи къ этому шедевру.

Я много писалъ о русской литературѣ, но безъ всякой претенціозности, такъ какъ, не обладая необходимымъ знаніемъ языка подлинника, не былъ въ этомъ дѣлѣ достаточно компетентнымъ.

Русская литература имѣла во мнѣ не критика, а читателя и поклонника.

Георгъ Брандесъ.

Рѣчь, произнесенная Георгомъ Брандесомъ при открытіи въ Копенгагенѣ конгресса международнаго союза литераторовъ и художниковъ (Association littéraire et artistique internationale).

Шиллеръ разсказываетъ въ одномъ стихотвореніи, что Юпитеръ воззвалъ къ людямъ:

— Раздѣлите міръ между собой; я дарую его вамъ въ собственность и наслѣдіе. Тогда всѣ поспѣшили наброситься на добычу. Хлѣбопашецъ завладѣлъ плодами земли, помѣщикъ отправился на охоту, купецъ наполнилъ свои амбары; аббатъ отобралъ себѣ тонкое вино, король загородилъ дороги и мосты и сталъ требовать уплаты десятины. Но напослѣдокъ, когда дѣлежъ былъ давнымъ давно конченъ, явился поэтъ.—Горе мнѣ!—воскликнулъ онъ,—я одинъ забытъ, я, твой самый вѣрный сынъ,—и мечтатель палъ ницъ предъ престоломъ Юпитера.

— Гдѣ былъ ты,—спросилъ богъ,—когда дѣлили міръ?

— Я былъ у тебя,—отвѣтилъ поэтъ.—Тамъ все земное позабылъ я.

— Что же теперь дѣлать—сказалъ богъ.—Все отдано и подѣлено. Но если ты хочешь жить со мной на небѣ, оно всегда будетъ тебѣ открыто, когда бы ты ни пришелъ.

Утѣшеніе, намѣчаемое здѣсь Шиллеромъ, для поэтовъ и художниковъ, не покажется имъ достаточнымъ въ наши дни. Оно не было достаточно и для него самого, съ радостью принявшаго въ 1791 году денежный подарокъ отъ датскаго правительства, которое было настолько счастливо, что могло облегчить его бѣдственное положеніе, когда, больной и обезсиленный, онъ не былъ въ состояніи путемъ заработка отгонять отъ себя матеріальныя заботы.

I.

— Небо открыто тебѣ—отвѣчалъ Юпитеръ.—Ему открыто небо, вотъ что было ходячимъ взглядомъ на мѣсто принадлежащее работнику духа, послѣ того, какъ для него давно уже успѣли отворить двери темницъ.

Самый ранній взглядъ на писателя, послѣ того, какъ изобрѣтеніе книгопечатанія сдѣлало для него возможнымъ распространеніе его мыслей, сводился всюду со стороны власть имѣющихъ и общества къ слѣдующему: онъ представляетъ собою опасность, противъ которой нужно обороняться. Дѣятельность его должно преграждать и контролировать.

Такимъ образомъ, ему приходилось добывать себѣ разрѣшеніе на изданіе каждой отдѣльной книги. Его боялись по политическимъ, еще больше по религіознымъ мотивамъ. Тѣлесное наказаніе,—больше того, смертная казнь нерѣдко ожидали неосторожнаго или мятежнаго писателя. За какой-нибудь пустякъ его ставили къ позорному столбу, отрѣзали ему уши, отрубали руку, подвергали его пыткамъ, засаживали на долгіе годы въ тюрьму.

Войну съ литературой вела преимущественнно церковь. Достаточно напомнить о четырнадцатилѣтнемъ заточеніи Роджера Бэкона, о тюремномъ заключеніи Галилея, о судьбѣ Джордано Бруно, Кампанеллы, Сервé. Бальтазаръ Беккеръ былъ изгнанъ изъ Голландіи за свои отзывы о вѣрѣ въ колдовство. Въ Англіи была запрещена книга о тригонометріи за то, что въ ней будто бы заключались еретическія мнѣнія о Пресвятой Троицѣ, и книга о насѣкомыхъ, въ которой усмотрѣли намеки на іезуитовъ, такъ какъ эти два слова имѣютъ одинаковое число буквъ.

Полный произволъ по отношенію къ писателямъ былъ обычнымъ явленіемъ во всѣхъ странахъ. Въ 17-мъ вѣкѣ въ Англіи былъ казненъ Альджернонъ Сидней за нѣсколько предложеній въ найденной въ его домѣ и оставшейся неизданной рукописи. Въ Германіи, въ 18-мъ вѣкѣ, герцогъ Карлъ Вюртембергскій продержалъ десять лѣтъ въ тюрьмѣ Христіана Шубарта за невинные сатирическіе стихи, при чемъ практичный герцогъ воспользовался нѣсколькими тысячами гульденовъ издательскаго гонорара за его стихотворенія, въ числѣ которыхъ находились угрозами вынужденныя у поэта хвалебныя пѣсни его гонителю, какъ благодѣтелю своего народа (Volksbeglücker).

Еще болѣе страшной и строже наказуемой, чѣмъ всякія еретическія и крамольныя рѣчи, была во всѣ времена сатира. Это испыталъ на себѣ еще Вольтеръ въ своихъ отношеніяхъ къ регенту, равно, какъ къ Людовику XV и Фридриху II.

Спустя недолгое время по изобрѣтеніи книгопечатанія по всей Европѣ была фактически введена предварительная цензура.

Однимъ изъ многочисленныхъ примѣровъ того, насколько Мильтонъ опередилъ свое время, можетъ служить то обстоятельство, что уже въ 1644 году онъ ратовалъ за полное упраздненіе цензуры. Спустя 50 лѣтъ послѣ этого предварительная цензура была отмѣнена въ Англіи, но затѣмъ послѣдовали еще болѣе сильныя репрессіи. Еще цѣлыхъ сто лѣтъ протекло въ Англіи, пока, начиная съ 1794 года, всѣ провинности печати не стали подлежать суду присяжныхъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ свобода печати была объявлена четырьмя годами раньше. Во Франціи она была добыта приблизительно одновременно въ эпоху великой революціи, но лишь для того, чтобъ быть вновь упраздненной при Наполеонѣ, и лишь въ 1814 году удалось ее снова отвоевать.

Въ Германіи такъ называемая война за освобожденіе не повлекла за собой свободы печати. Въ 1819 году была повсюду введена предварительная цензура, а въ 1835 году подвергаются запрещенію не только книги Генриха Гейне и «Молодой Германіи», но въ Пруссіи это запрещеніе распространяется на всѣ *будущія* литературныя произведенія Гейне. Запрещали упоминать въ печати даже имена этихъ писателей, какъ дѣлаютъ и понынѣ въ Россіи, когда тамъ преслѣдуютъ кого-нибудь.

Въ годы реакціи, наступившей послѣ 1850 г., всюду послѣдовали новыя затрудненія для прессы. При каждомъ выдающемся политическомъ событіи возникали исключительные законы.

II.

Пока, такимъ образомъ, на писателя смотрѣли, какъ на опасное и вредное существо, стараясь защититься отъ пагубныхъ, разрушительныхъ или заразительныхъ результатовъ его дѣятельности, обезпеченіе ему средствъ къ жизни нисколько, конечно, не озабочивало ни правительства, ни общества. Во многихъ случаяхъ онъ создавалъ цѣнности и въ чисто-экономическомъ смыслѣ. Но за нимъ самимъ не признавали права извлекать изъ нихъ выгоду. Римское право не знало авторскаго

права, какъ не знало его и средневѣковье. Но по изобрѣтеніи книгопечатанія сдѣлалась желательной защита отъ перепечатокъ. Долгое время, однако, издатель оставался столь же безправнымъ, какъ и авторъ. Какъ скоро какая-нибудь книга возбуждала вниманіе, тотчасъ же ее перепечатывали.

На это жалуется Лютеръ; у него уже возникаетъ мысль объ авторскомъ правѣ. Но даже и либерально-настроенный во многихъ отношеніяхъ императоръ австрійскій Іосифъ II все еще отказывался принять мѣры противъ перепечатокъ, которыя онъ находилъ вполнѣ законными.

Но нѣкотораго рода духовное право собственности было все же признано въ Англіи въ 1709 году, во Франціи и въ Пруссіи лишь въ 1793 и 1794 гг.

Если исключить послѣднее столѣтіе, то всегда и всюду поэтамъ и ученымъ приходилось искать себѣ меценатовъ. Такъ какъ у нихъ не было гонораровъ, которыми они могли бы жить, то они жили посвященіями.

Эти отношенія достигли полнаго своего развитія въ древнемъ Римѣ. Меценатъ простираетъ свою руку надъ Гораціемъ; Горацій, въ благодарность Меценату, дѣлаетъ его безсмертнымъ, такъ что имя его переходитъ во всѣ языки.

Уже у Гомера видимъ мы, что поэтъ воспѣваетъ государя, подвиги котораго даютъ ему матеріалъ для его пѣснопѣній. Точно такъ же въ скандинавской древности скальды воспѣваютъ норвежскихъ, датскихъ или ирландскихъ королей и получаютъ въ награду золотые обручи и нарядные плащи. Въ Персіи Гафизъ и Саади подобнымъ же образомъ пользуются покровительствомъ своихъ властелиновъ. Вальтеръ-фонъ-деръ-Фогельвейде получаетъ небольшое жалованье отъ великаго императора Фридриха II. Данте, сдѣлавшись изгнанникомъ, находитъ себѣ пріютъ у правителей Вероны и Равенны. Лопе де Вега посвящаетъ свою *Corona tragica* папѣ Урбану VIII.

Въ началѣ новой эпохи плохо жилось поэту, если въ жилахъ его не текла королевская кровь, какъ у Карла Орлеанскаго. Болѣе великій, чѣмъ Карлъ, современникъ его, бѣдный Вильонъ неоднократно попадалъ въ тюрьму за жалкія крохи жаркого и печенья, и за подобныя же преступленія, на которыя идетъ только послѣдній нищій, ему серьезно угрожали висѣлицею. Если онъ не былъ повѣшенъ, то благодаря лишь снисходительности Людовика XI къ простому народу. Отъ доброжелательства королей зависѣло тогда самое существованіе поэтовъ.

Ближайшій преемникъ таланта Вильона—Клеманъ Маро былъ

опредѣленъ Францискомъ I въ камердинеры къ сестрѣ короля, Маргаритѣ Валуа, что привело поэта въ оживленное поэтическое общеніе съ этой даровитой и ученой принцессой. Маро былъ военноплѣннымъ затѣмъ, по обвиненію вѣроломной подругой въ еретичествѣ, былъ брошенъ въ тюрьму, а въ третій разъ подвергся тюремному заключенію за то, что вырвалъ какого то несчастнаго изъ рукъ полицейскихъ стражей. Его выпустили на волю только благодаря вмѣшательству короля.

Мольеръ былъ тоже камердинеромъ, но у самого короля, и это сослужило ему хорошую службу, когда возникли препятствія къ постановкѣ *Тартюфа*. Если онъ много зарабатывалъ, то лишь потому, что, какъ и Шекспиръ, былъ актеромъ, театральнымъ директоромъ и драматургомъ въ одномъ лицѣ.

Вообще же книги еще оставались источникомъ прибыли только для типографовъ, издателей и переплетчиковъ,—если доходъ былъ имъ гарантированъ королевскими или княжескими привилегіями, но отнюдь не для авторовъ. И много позднѣе еще однѣ только привилегіи, какія предпосланы напр. сочиненіямъ Гете и Шиллера, обезпечиваютъ автору доходъ. Еще при Людовикѣ XIV мысль сдѣлать себѣ свой трудъ прибыльнымъ казалась писателямъ недостойной. У Буало встрѣчаются такіе стихи:

Mais je ne puis souffrir ces auteurs renommés,
Qui, dégoûtés de gloire et d'argent affamés,
Mettent leur Apollon aux gages d'un libraire
Et font d'un art divin un métier mercenaire.

(Но терпѣть я не могу этихъ знаменитыхъ писателей, которые, наскучивъ славой и алкая денегъ, отдаютъ своего Аполлона на жалованіе къ книгопродавцу и изъ божественнаго искусства дѣлаютъ торгашеское ремесло).

Такими чувствами былъ еще проникнутъ и Байронъ въ началѣ своего поприща; онъ отказывался тогда отъ гонораровъ, оказавшихся ему впослѣдствіи очень и очень нелишними.

Когда хотятъ назвать періодъ, въ теченіе котораго короли и принцы считали своимъ долгомъ поддерживать геній и талантъ, то называютъ обыкновенно царствованіе Людовика XIV, потому что тогда восторжествовала идея о правѣ писателей и художниковъ на пенсію.

И все-таки какимъ жалкимъ было даже и тогда положеніе генія!

Какъ былъ достоинъ сожалѣнія Лабрюйеръ во время своего

пребыванія въ домѣ герцога Людовика Бурбонскаго, гдѣ онъ состоялъ сначала учителемъ, потомъ собесѣдникомъ, но всегда играя унизительную роль человѣка подневольнаго. Исторія не забыла, какъ умеръ служившій тамъ вмѣстѣ съ нимъ поэтъ Сантель (Santeuil)—отъ щепотки табаку, съ высокомѣрной шуткой брошенной въ его стаканъ вельможной рукой.

Корнель, утратившіи милость кардинала Ришелье вслѣдствіе того, что онъ позволилъ себѣ сдѣлать кое-какія измѣненія въ наброскѣ трагедіи, которую ему поручили написать, въ старости былъ такъ бѣденъ, что одинъ изъ его друзей видѣлъ, какъ 73-лѣтній трагикъ вошелъ въ башмачную лавку и дожидался, пока ему не починили башмакъ: у него была только одна пара.

Au coin du carrefour, auprès d'un savetier

Pied nu, le grand Corneille attendait son soulier.

(На углу перекрестка, у лавки сапожника, великій Корнель, босоногій, дожидался своего башмака).

А Корнель никакъ ужъ не могъ бы пожаловаться на невниманіе къ нему Людовика XIV.

Какъ близко принялъ къ сердцу Расинъ неудовольствіе короля, имѣвшее причиной политическое самообольщеніе!

Поэтъ, разъ онъ попалъ въ придворные поэты, всегда занимаетъ мѣсто лишь немногимъ выше придворнаго шута, приблизительно на одномъ уровнѣ съ придворнымъ астрологомъ.

Если даже у него не помрачается при дворѣ разсудокъ, какъ у Тассо, если его не изгоняютъ изъ придворныхъ сферъ, какъ Камоэнса, а оказываютъ ему почетъ, то за милость, которою онъ пользуется, онъ отплачиваетъ пустыми стихотвореніями, написанными къ тому или другому случаю, или торжественными гимнами, вродѣ тѣхъ, которымъ даже въ собраніи произведеній такого плодовитого поэта, какъ Гете, отведено слишкомъ много мѣста.

Въ началѣ Возрожденія художники-пластики находились въ лучшихъ и болѣе здоровыхъ условіяхъ. Цеховыя общества во Флоренціи дѣлаютъ заказы Донателло; городской совѣтъ назначаетъ конкурсъ для украшенія одной изъ залъ городской ратуши. Но въ расцвѣтъ Ренессанса художникамъ приходится довольствоваться покровительствомъ папъ и князей. Мы видимъ, какъ Микель Анджело, состоя на службѣ у Юлія II, работаетъ, вѣчно встрѣчая затрудненія въ полученіи денегъ, которыя тотъ ему долженъ и которыя нужны ему; видимъ, какъ позднѣе, на службѣ у Медичисовъ, онъ работаетъ для тѣхъ, кого считаетъ несчастіемъ

своего родного города, убійцами его свободы. Живописецъ рѣшительно не можетъ обойтись безъ покровителя, дающаго ему деньги на матеріалъ для его работы. Тиціанъ за Мадонну *di Pesaro* получаетъ 96 дукатовъ за картину и, кромѣ того, шесть спеціально на полотно.

Великій художникъ Испаніи, Веласкецъ, могъ существовать только какъ придворный живописецъ и долженъ былъ писать множество портретовъ, претившихъ ему до тошноты, только для того, чтобъ имѣть возможность писать отъ времени до времени то, что ему хотѣлось.

Между тѣмъ, еслибъ онъ, а также и Тиціанъ, Гольбейнъ, Рубенсъ, Ванъ Дикъ не имѣли такихъ близкихъ отношеній къ верхамъ общества, они не написали бы столь интересныхъ для насъ портретовъ руководящихъ личностей своего вѣка. Низшіе классы не представляли для нихъ въ то время столь ярко выраженныхъ индивидуальностей,—то были въ сущности лишь типы. Съ другой стороны, приходится мириться съ тѣмъ, что они писали весьма условно, какъ напр. писалъ Рубенсъ для Генриха IV.

Но наряду съ художниками, которымъ улыбалось счастіе и которые могли заручиться прочнымъ покровительствомъ, сколько самыхъ великихъ художниковъ влачили въ концѣ своего поприща нищенское существованіе!

Кто не помнитъ судьбу Рембрандта? Ничтожную плату давали ему даже во времена его благополучія за тѣ картины, изъ которыхъ стоитъ теперь гораздо больше, чѣмъ то, что Рембрандтъ получилъ за всю свою жизнь отъ всей совокупности своихъ твореній. Уже не говоря о такихъ какъ напр. *Ночной караулъ*, которыя вообще не подлежатъ теперь больше оцѣнкѣ, потому что голландское правительство не согласилось бы ихъ продать ни за какую сумму и не допустило бы даже возникнуть слухамъ, будто оно ихъ продаетъ. Затѣмъ, въ пожилыхъ годахъ, когда Рембрандтъ стоялъ на вершинѣ своего искусства, онъ вышелъ изъ моды, его затмили живописцы, недостойные быть названными рядомъ съ нимъ; онъ долженъ былъ все распродать и умеръ въ глубочайшей бѣдности.

Какъ ни великъ прогрессъ, достигнутый съ тѣхъ поръ, какъ ни велики усовершенствованія, которыми мы особенно обязаны *Международному союзу литераторовъ и художниковъ*, здѣсь есть тѣмъ не менѣе нѣчто, чему никакое усовершенствованное законодательство не поможетъ: фундаментальная глупость человѣчества.

Современники не могутъ оцѣнить генія въ полной мѣрѣ.

Если въ позднѣйшій періодъ своей жизни Вольтеръ былъ богатъ, то разбогатѣлъ онъ не благодаря своимъ сочиненіямъ, какъ ни быстро они распродавались. Нѣтъ, онъ началъ съ поддержки двора: 1.200 франковъ въ годъ отъ герцога Орлеанскаго, спустя четыре года 2.000 франковъ отъ короля, спустя три года 1.500 франковъ отъ королевы, пока не научился богатѣть при помощи финансовыхъ спекуляцій.

Если Руссо былъ такъ бѣденъ, то отчасти потому, что онъ отказывался отъ пенсій, отчасти вслѣдствіе того, что его сочиненія, считавшіяся еретическими, не допускались къ продажѣ.

Какъ давила бѣдность вплоть до нашихъ дней величайшихъ музыкальныхъ геніевъ! Моцарта, умершаго въ нищетѣ, Бетховена, съ благодарностью принявшаго небольшое пособіе отъ своего августѣйшаго ученика, эрцгерцога Рудольфа, Шуберта, умершаго въ бѣдности совсѣмъ молодымъ! Какъ отравляли долги жизнь Рихарду Вагнеру, пока не принялъ въ немъ участіе король Людвигъ II!

Изъ всѣхъ художниковъ въ наиболѣе стѣсненномъ положеніи находятся обыкновенно лирическіе поэты. Всего лишь семнадцати лѣтъ отъ роду Чаттертонъ, въ отчаяніи отъ своей нищеты, покончилъ самоубійствомъ, а между тѣмъ, какъ сказалъ о немъ одинъ превосходный англійскій критикъ, онъ былъ, если принять во вниманіе его возрастъ, самымъ необыкновеннымъ геніемъ, какого когда-либо видѣлъ міръ. Трагедія Альфреда де Виньи сдѣлала извѣстной и за предѣлами Англіи его судьбу.

Лучшій лирикъ Даніи начала восемнадцатаго вѣка, Амброзіусъ Стубъ, провелъ свою молодость въ дворянскихъ помѣстьяхъ въ должности секретаря и *maître des plaisirs*, къ которому относились пренебрежительно, увольняя его, какъ скоро онъ чѣмъ-нибудь не нравился, и печально кончилъ свои дни школьнымъ учителемъ въ провинціальномъ городкѣ. Онъ служитъ классическимъ примѣромъ того, какъ бѣдный поэтъ, чтобъ получить средства къ жизни, долженъ былъ играть роль учителя музыки и прихлебателя.

Эвальдъ, величайшій поэтъ Даніи конца восемнадцатаго вѣка, былъ такъ бѣденъ, что безъ счета писалъ за деньги случайныя стихотворенія и свадебныя кантаты, а посѣтители, приходившіе взглянуть на него, какъ на одну изъ достопримѣчательностей Копенгагена, оставляли на его постели серебряныя монеты.

Да, такъ неудовлетворительны были и въ восемнадцатомъ и въ девятнадцатомъ вѣкѣ въ Даніи условія заработка писателей,

что два самыхъ великихъ поэта страны, статуи которыхъ возвышаются передъ королевскимъ театромъ въ Копенгагенѣ, были одно время своими собственными издателями: Гольбергъ, комедіи котораго перепечатывались нѣкіимъ Феніксбергомъ, продавалъ свои книги въ своей комнатѣ, а жена Эленшлегера ходила по городу и собственноручно разносила подписчикамъ заказанныя имп трагедіи.

III.

Съ того момента, какъ писатели оказались гарантированными противъ перепечатокъ, предъ ними возникъ вопросъ, нельзя-ли имъ обезпечить себѣ право собственности на переводы ихъ сочиненій на иностранные языки,—право, вѣками разсматривавшееся какъ res nullius. Для писателей, пишущихъ на языкѣ очень распространенномъ интересъ къ переводамъ ихъ произведеній отнюдь не незначителенъ, но все-же второстепененъ, такъ какъ они имѣютъ читателями своихъ подлинниковъ многіе милліоны своей собственной страны и милліоны въ другихъ странахъ, понимающіе ихъ языкъ. Но для писателя, пишущаго на малораспространенномъ языкѣ, это вопросъ капитальный, такъ какъ читатели переведеннаго сочиненія во много разъ превосходятъ числомъ читателей оригинала, и такъ какъ доходы отъ его пьесъ на многочисленныхъ иностранныхъ театрахъ во много разъ превышаютъ доходъ отъ нѣсколькихъ театровъ въ его отечествѣ.

Долгое время, а однако, особенно правительство и парламенты мелкихъ территорій мало заботились о томъ, чтобы заключать по этому поводу договоры съ другими странами, исходя изъ того соображенія, что это будетъ для нихъ убыточно, такъ какъ, благодаря переводамъ, въ страну ввозится гораздо меньше литературы, чѣмъ вывозится; отчасти-же этимъ ставили препятствія распространенію культуры, которое не считали желательнымъ,—точка зрѣнія, занимаемая и понынѣ Россіей [1]).

Но, пока писателю не будетъ обезпечено посредствомъ договора право на его трудъ, онъ можетъ подвергаться еще гораздо болѣе крупнымъ непріятностямъ, чѣмъ потеря всякаго гонорара за переведенное сочиненіе. Мнѣ извѣстны случаи, когда иностранный издатель-пиратъ не только цѣлыхъ полвѣка присваивалъ себѣ всю прибыль отъ работъ однаго писателя, но

---

[1]) Ср. выше, стр. 526. *Ред.*

измѣнялъ заглавія сочиненій, кромсалъ книги и отрывки продавалъ, какъ цѣлое, — больше того: присовокуплялъ примѣчанія съ рекомендаціей своихъ собственныхъ передовыхъ статей, которыя писатель и въ глаза не видалъ.

Мнѣ извѣстны случаи, когда такого рода пираты на законномъ основаніи присвоивали себѣ трудъ всей жизни писателя, не платя ему ни гроша не, присылая ему даже ни одного экземпляра.

Международный союзъ литераторовъ и художниковъ задался благородной цѣлью—водворить справедливость въ такой области, гдѣ труднѣй, чѣмъ гдѣ либо, добиться ея.

Затрудненія были, какъ уже указано, прежде всего внѣшняго характера, потому что правовой вопросъ оттѣснялся и такъ называемыми высшими соображеніями и утилитарными. Авторское право должно было отступать предъ оппортюнизмомъ, который, что бы ни говорили въ его пользу, есть врагъ справедливости, если не самый худшій, то, пожалуй, наиболѣе опасный. Затѣмъ были затрудненія и внутренняго свойства, потому что чисто теоретически опредѣлить духовное право собственности было не такъ легко, какъ матеріальное. Долгое время оно оспаривалось, лишь впослѣдствіи это понятіе было замѣнено правомъ автора, и это право получило точное опредѣленіе. Въ сущности, какъ остроумно доказалъ это г. Альбертъ Эстерритъ, секретарь международнаго союза литераторовъ и художниковъ, поворотнымъ пунктомъ является здѣсь англійскій процессъ Милларъ—Тэйлера, состоявшійся въ 1763 г. по поводу *Временъ года* Джемса Томсона.

Международный союзъ преодолѣлъ, однако, всѣ затрудненія, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія, и добился въ 1886 г. бернской конвенціи, впервые создавшей въ Европѣ и за ея предѣлами союзъ государствъ, дающій базисъ для всякихъ дальнѣйшихъ стремленій къ водворенію справедливости въ этой области. Къ этому союзу хотя и не такъ давно, 6 лѣтъ тому назадъ, присоединилась и Данія.

То, что употребляя наиболѣе краткое и сильное выраженіе, можно назвать *интеллектуальной собственностью*, дало поводъ къ составленію цѣлаго рядъ новыхъ законовъ, и постоянно приходится съ тѣхъ поръ разрѣшать новыя и новыя проблемы

Нѣтъ ничего поучительнѣе, какъ просмотрѣть громадную книгу въ тысячу большихъ страницъ, первоначально написанную Эженомъ Пулье, а затѣмъ переработанную и заново изданную почтеннымъ предсѣдателемъ международнаго союза, г. Жоржемъ

Мальяромъ. Въ предисловіи къ ней мы читаемъ слѣдующія прекрасныя слова:

«Кому приходило въ голову въ былое время заботиться объ этихъ правахъ, никѣмъ не оспариваемыхъ въ наши дни и возникающихъ только благодаря умственному труду? Кто дерзнулъ-бы мечтать о томъ, что этотъ міръ, созданный человѣческой мыслью и, какъ она, безконечный, окажется воспріимчивымъ для столь-же точныхъприкладныхъ примѣненій, какимъ подчиненъ физическій міръ, ежедневнымъ завоеваніемъ котораго мы гордимся? Не заимствуеть ли право какъ-бы нѣкоторую долю величія отъ тѣхъ цѣнностей, условія собственности которыхъ оно регулируеть? Не поднимается-ли право въ этой новой формѣ на невѣдомыя доселѣ высоты? Съ каждымъ днемъ оно требуетъ все большей и большей суммы знаній».

Постоянно приходится разрѣшать новыя и новыя задачи. Нужно такъ осмотрительно обезпечить автору его право, чтобъ никакой обходъ закона не былъ здѣсь возможенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя ригоризмъ доводить до безразсудства. Представьте себѣ, что постановленіе закона запретило-бы Шуману воспользоваться звуками *Марсельезы* для *Двухъ гренадеръ!* Предположите, что какое-нибудь узаконеніе запретило бы потомкамъ предпринимать въ сочиненіи того или другого писатели такія измѣненія, которыя одни только сохраняютъ его жизнеспособность, придавая ему новую молодость.

Поэтому постоянно приходится разрѣшать новыя задачи. Каждый годъ происходятъ открытія, изобрѣтенія, достигаются успѣхи, дѣлающіе необходимыми новыя мѣропріятія и новую охрану. Назовемъ для примѣра кинематографы, которые могутъ теперь передавать пантомимическій элементъ въ игрѣ актеровъ и съ помощью фонографа воспроизводить ихъ голоса. Это оставитъ, быть можетъ, многихъ менѣе талантливыхъ дѣятелей безъ куска хлѣба, но, съ другой стороны, хорошимъ артистамъ оно создаетъ право на совершенно новый источникъ доходовъ.

IV.

Членамъ международнаго союза лучше всѣхъ другихъ, однако, извѣстно, что ихъ стремленіямъ положены предѣлы, которыхъ они не имѣютъ возможности переступить.

Въ наше время развѣ только еще въ Россіи книги, почитаемыя вредными, предаются огню и сжигаются палачомъ. (Я знаю писателя, которому выпалъ на долю этотъ позоръ или эта честь). Но тѣмъ не менѣе еще повсемѣстно всякій писатель, пишущій не то, съ чѣмъ всѣ заранѣе согласны, и всякій художникъ, отклоняющійся отъ протоpенныхъ путей, находится въ трудныхъ условіяхъ существованія даже въ странѣ будущаго, Америкѣ, гдѣ Эдгаръ Олленъ Поэ, самый оригинальный, быть можетъ, писатель этой страны, умеръ нищимъ.

Мы видимъ, поэтому, какъ писатели измѣняютъ своимъ убѣжденіямъ и продаются ради хлѣба насущнаго. Мы видимъ, какъ другіе своимъ здоровьемъ и спокойствіемъ жертвуютъ труду, приносящему имъ лишь посмертную славу.

Вслѣдствіе массы книгъ, выпускаемыхъ въ новѣйшее время, конкуренція такъ усилилась, что нужна и энергія и удача для того, чтобъ пробиться впередъ. Враждебная критика не только вредитъ репутаціи автора, но и уменьшаетъ его доходы. Впрочемъ, настоящая критика, критика чистой пробы, постепенно исчезаетъ, особенно въ прессѣ большихъ странъ; критика покупается, какъ реклама, все болѣе и болѣе становящаяся общественной силой, и кто слишкомъ гордъ, чтобъ прибѣгать къ ней, тому приходится за это платиться. Все вздымается и вздымается демократическая волна массоваго вкуса, и тотъ, кого она не несетъ на своемъ гребнѣ, долженъ остерегаться, какъ-бы ему не пойти ко дну. Низменный вкусъ дѣлаетъ производство изысканнаго неблагодарной задачей.

Поэтому доходы художника и ученаго никогда нельзя будетъ привести въ соотвѣтствіе съ внутренней цѣнностью его работъ. Популярные жанры, какъ романъ и фарсъ, всегда будутъ выгоднѣй, чѣмъ аристократическіе. Никогда не будетъ оплаченъ стиль, составляющій въ искусствѣ все. Чистая наука никогда не сдѣлается столь-же доходной, какъ популяризированная или какъ прикладная, утилитарная. Наиболѣе совершенное не можетъ ни въ какой области быть оплачено деньгами, а только можетъ быть вознаграждено славой, и чѣмъ выше будетъ подниматься развитіе, тѣмъ справедливѣй будетъ распредѣляться слава. Но даже и слава не есть еще лучшее вознагражденіе, хотя-бы она и выразилась въ формѣ хвалы знатоковъ. Само произведеніе есть для его творца настоящая его награда.

Перевела съ датскаго **В. Спасская.**

Капитанъ Копѣйкинъ.

Шестьдесятъ девять лѣтъ прошло, «кануло въ рѣку забвенія, въ какую-нибудь этакую Лету»,—съ тѣхъ поръ, какъ почтмейстеръ разсказалъ подлежащимъ властямъ «Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ», съ обычной догадливостью не только дореформенныхъ, но и конституціонныхъ властей узнавая въ немъ не то Чичикова, не то бѣжавшаго съ острова св. Елены Наполеона,—а мы имѣемъ самыя «превратныя понятія» объ этой замѣчательной личности. Весьма многіе даже не отдаютъ себѣ отчета, почему Гоголь ввелъ разсказъ объ инвалидѣ 12-го года въ свою знаменитую поэму.

Весной 1909 года чествовали столѣтнюю годовщину рожденія Гоголя.

Радовались, если со стороны «охранъ» не встрѣчалось препятствій къ открытію школы въ честь Гоголя или къ появленію какого-нибудь «Гоголевскаго переулка». Даже постановка «Ревизора» возбуждала кое-гдѣ сомнѣнія и требовала особыхъ соображеній и заключеній. Правда, истинные «патріоты изъ патріотовъ» нѣсколько премолкли въ день открытія памятника, но нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ своемъ просвѣтленномъ сознаніи не преминули разъяснить по начальству и въ правовѣрныхъ «вѣдомостяхъ», что если Россія проигрываетъ нынѣ сраженія, а внутри ея первобытный хаосъ и все еще нѣтъ «порядка», искомаго со временъ Гостомысла, то очевиднѣйшая причина тому кроется въ существованіи «лѣвой печати» и въ зловредномъ вообще направленіи литературы, не перестающей все высмѣивать, принижать, опошливать. Ежедневно и предумышленно отрицаются великія преимущества и вѣковѣчные устои нашего быта. Когда Державинъ воспѣвалъ похвальныя оды въ честь Фелицы, отечество процвѣтало, царило общее

благоденствіе и Суворовы, Румянцевы и Потемкины покоряли и расширяли предѣлы отечества. А вотъ какъ либеральствующая, недостаточно бдительная цензура допустила всѣхъ этихъ Грибоѣдовыхъ, Гоголей и даже Салтыкова-Щедрина все осмѣивать и налагать на все мрачныя краски, то и изсякъ нашъ героическій вѣкъ, извелись богатыри. Дожили мы до крамольной пропаганды такихъ явныхъ враговъ крѣпостного права, пропитанныхъ тлетворнымъ западничествомъ, какъ Тургеневъ или Некрасовъ и сотни другихъ «щелкоперовъ», подрывавшихъ достоинство Сквозниковъ-Дмухановскихъ. Угасъ, принизился духъ, появилось «слюнявое человѣколюбіе», бюрократія и полиція, забывъ мудрость «ежевыхъ рукавицъ», предались нѣжнымъ чувствамъ; ослабли строгости наказанія, исчезли розги и шпицрутены, кнуты и плети; даже «намыленная веревка» утратила свое устрашающее значеніе, а тюрьмы превратились не то въ увеселительные дома, не то въ благодѣтельные пріюты для всѣхъ злодѣевъ, мошенниковъ и не желающихъ трудиться. Понятно, что при такой распущенности полководцы перестали побѣждать, дипломаты идутъ на всевозможныя уступки, законы пишутся, но не соблюдаются; штандартъ и сорокъ тысячъ курьеровъ хотя и скачутъ, но неурядицы и заботы отечества множатся, а всѣ старанія и самое пламенное усердіе современныхъ трубадуровъ оказываются безплодными, хотя и увеличивая ихъ собственные, личные «вещественные знаки невещественныхъ отношеній» къ отечеству, но не содѣйствуя въ желанной мѣрѣ увеличенію числа и содержанія чиновъ охранныхъ и сыскныхъ отдѣленій.

* * *

Трезвенные, можно даже сказать — «выдержанные въ участкѣ» и согрѣтые пламеннымъ патріотизмомъ выводы о пагубномъ значеніи литературы, вообще, и гоголевской въ особенности,—не могли установить и въ Петербургѣ благопріятную атмосферу для чествованія столѣтней годовщины рожденія великаго писателя. Столица Петра Великаго измѣнила своему призванію. Состоялись кое-какія лѣнивыя, случайныя «чтенія» и спектакли. Собравшуюся публику угощали или гимназическими уроками «учителей словесности», или сомнительнаго свойства упражненіями въ «выразительномъ чтеніи» одобренныхъ цензурою отрывковъ и обрывковъ Гоголя.

Среди этихъ «чтеній» видное мѣсто заняла и «Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ». Мнѣ пришлось прослушать это чтеніе въ избранномъ обществѣ, гдѣ предполагается, по меньшей мѣрѣ, зна-

комство съ Гоголемъ и особое уваженіе къ автору и его произведеніямъ. Каково же было мое удивленіе, когда этому избранному обществу предподнесена была старая, искаженная ради цензурныхъ страховъ сороковыхъ годовъ, редакція этой повѣсти.

Отборное, просвѣщенное собраніе *хохотало*, точно въ первый разъ слышало этотъ разсказъ. Если хорошо прочесть любое мѣсто изъ Гоголя, то и мертвый даже улыбнется. Но меня брала досада, что въ этомъ чтеніи совершенно исказился типичный образъ капитана Копѣйкина и исчезла самая поучительная, весьма серьезная сущность повѣсти о немъ. Истинное содержаніе повѣсти сказывается въ тѣхъ двухъ редакціяхъ, которыя не были дозволены при жизни Гоголя, но включены въ настоящее время во всѣ, сколько-нибудь полныя изданія его сочиненій. Въ столѣтіе рожденія великаго писателя читалось не подлинное произведеніе, а ощипанное и изуродованное старой мыслебоязнью. Просвѣщенное собраніе этого не замѣтило и *хохотало*.

Извѣстно, даже не обучавшимся въ семинаріи, что въ повѣсти выведенъ не самъ капитанъ Копѣйкинъ, а *разсказъ о немъ*, и разсказъ ведется *почтмейстеромъ*. Форма разсказа, языкъ его, своеобразныя, вставныя выраженія—все это вложено въ уста почтмейстера. Разсказъ характеризуетъ не Копѣйкина, а разсказчика и ту губернскую среду, которая ему внимаетъ, пока не спохватывается, что въ словоохотливости почтмейстера ложь перепутана съ истиной, и что безногій и безрукій инвалидъ не могъ превратиться въ Чичикова. Въ повѣсти чрезвычайно характерны понятія провинціальной, даже губернской среды о Петербургѣ, о высшихъ сановникахъ, объ ихъ отношеніяхъ къ населенію и его нуждамъ, къ просителямъ даже заслуженнымъ и домогающимся лишь справедливости. Все это не только пропало въ чтеніи, но исчезъ даже почтмейстеръ. Разсказъ велся какъ будто отъ самого капитана Копѣйкина и предъ слушателями предсталъ какой-то пьяный нахалъ, назойливый оборванецъ и тунеядецъ, дерзко надоѣдавшій начальству, желавшему оказать ему помощь, но не имѣвшему-де къ тому ни малѣйшей законной возможности. Не было-де такого закона; просятъ подождать закона, а Копѣйкинъ нагло требуетъ!.. Ну и выгнали безпокойнаго, безработнаго пьянчужку изъ столицы «для водворенія на мѣсто жительства». Надо же ограждать общественное спокойствіе и государственную безопасность! Вотъ въ какомъ видѣ предсталъ капитанъ Копѣйкинъ, одинъ изъ незатѣйливыхъ героевъ «отечественной войны», передъ русскимъ столичнымъ обществомъ, при чествованіи столѣтней годовщины рожденія Гоголя.

И никто не разъяснилъ этого недоразумѣнія, никто не возмутился искаженіемъ Гоголя, безцеремонной перетасовкой выведенныхъ имъ типовъ, затушеваніемъ его мысли, поразительнымъ непониманіемъ истинной задачи писателя. Избранное столичное общество *хохотало*, восторженно привѣтствуя чтеца, благодушно коверкавшаго хриплымъ голосомъ пьяненькаго капитана безъ руки и ноги. Веселье неслось по залѣ, но вспомнилось негодующее восклицаніе городничаго:

— Чему смѣетесь? Надъ собою смѣетесь. Эхъ вы!..

И до сихъ поръ мы пробавляемся такими же мѣрами огражденія «безопасности и спокойствія», какія принимались сто лѣтъ назадъ относительно закрѣпощенныхъ обывателей, надоѣдливыхъ писателей и даже безногихъ и безрукихъ капитановъ, проливавшихъ кровь за отечество. Надо же когда-нибудь познакомиться съ подлиннымъ капитаномъ Копѣйкинымъ и *догадаться*, что хотѣлъ сказать Гоголь, вкладывая въ уста губернскаго почтмейстера «повѣсть» объ этомъ инвалидѣ, превратившемся въ атамана разбойничьей шайки.

* * *

Слѣдуетъ помнить, прежде всего, что капитанъ Копѣйкинъ обрисовывается въ разсказѣ почтмейстера его словами, поговорками и понятіями. Можно представить и такую личность, какую изображаетъ почтмейстеръ; но и въ обрисовкѣ почтмейстера все же можно разглядѣть, что съ капитаномъ Копѣйкинымъ было поступлено въ высшей степени несправедливо. Пусть это былъ забулдыга, пьянчужка; но онъ служилъ вѣрой и правдой, потерялъ ногу и руку не то подъ Краснымъ, не то подъ Лейпцигомъ; человѣкъ бѣдный, остался безъ всякихъ средствъ къ существованію. Съ него взяли во имя государства все, что можно взять съ человѣка, и выбросили за ненадобностью, какъ старую, дырявую тряпку, на улицу, на произволъ судьбы. Онъ проситъ о заслуженной помощи, а его кормятъ «завтраками», предлагаютъ обождать возвращенія Государя изъ Парижа, гдѣ наша побѣдоносная армія занята водвореніемъ «стараго порядка», возстановленіемъ трона Бурбоновъ. Ни Россіи, ни капитану Копѣйкину нѣтъ ни малѣйшаго повода страдать и голодать изъ-за совершенно чуждыхъ и весьма сомнительныхъ миссій; капитанъ свято исполнилъ свой долгъ относительно отечества, превратился въ калѣку; властители же отечества, заботящіеся о Бурбонахъ, не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на его участь.

Они благоденствуютъ въ роскошныхъ дворцахъ, гдѣ даже

швейцаръ «смотритъ генералисимусомъ, позолоченная булава, графская физіономія, какъ откормленный жирный мопсъ какой-нибудь»... а голоднаго, безпомощнаго капитана выталкиваютъ на улицу, угощаютъ бездушными отговорками, предлагаютъ жить «своими средствами», которыхъ нѣтъ, и въ концѣ концовъ высылаютъ съ фельдъегеремъ, у котораго ручища, «можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиковъ—словомъ, дантистъ этакой»... Сколько униженій, какое насиліе надъ личностью, попраніе самой обычной справедливости. И вотъ, возмущенное, негодующее чувство, отсутствіе законныхъ и заслуженныхъ заботъ отечества о призрѣніи тѣхъ, кто ему служитъ, подстрекаютъ человѣка къ «средствамъ» чрезвычайнымъ, такимъ-же, какъ чрезвычайныя положенія, замѣняющія нормальныя, законныя условія жизни. Начинаются разбои, грабежи. Безпечность, невыполненіе служебнаго долга, запаздыванія и откладыванія, забвеніе государственныхъ задачъ порождаютъ недовольство, нарушаютъ правильные устои жизни. Государство создано для людей, а не люди для какихъ-бы то ни было, даже для самыхъ совершенныхъ организацій. Когда отечество изъ заботливой, горячо любимой матери превращается въ злую мачеху, то изъ него бѣгутъ куда глаза глядятъ, гдѣ живется лучше, или становятся внутренними врагами, разрушителями; а кто сильнѣе любитъ свою родину, тотъ усиливается вернуть ее къ добру, улучшить, ввести новые порядки, возсоздать государственность, какъ это случилось у насъ и послѣ татарскаго полона, послѣ психопатическаго правленія Ивана Грознаго съ порожденной имъ смутой.

Такова мысль Гоголя, кроющаяся въ короткомъ, по внѣшности смѣшливомъ, анекдотическомъ разсказѣ почтмейстера о капитанѣ Копѣйкинѣ; но и самый разсказъ этотъ происходилъ въ перепуганной средѣ губернской администраціи, озабоченной, какъ-бы прикрыть застарѣлые грѣшки и неправды бюрократической среды, чрезчуръ ужъ взбаломученной мошенническими продѣлками Чичикова, той провинціальной обывательской среды, гдѣ на поверхности и подъ покровомъ безгласности все было какъ-бы «по закону», обстояло благополучно, а въ дѣйствительности все продавалось, все обращалось противъ честной, трудовой жизни и противъ истинныхъ интересовъ государства и народа, какъ это и раскрылось въ Крымскую войну. Нечистая, встревоженная совѣсть растлѣннаго чиновничества не смогла даже разобраться, что такое представляетъ изъ себя Чичиковъ: простой-ли это плутъ, или ловкій дѣлецъ, или-же можетъ быть подосланный изъ Петербурга соглядатай, чтобъ всполошить засто-

явшееся, загнившее болото крѣпостного безправія, раскрыть подобныя-же, болѣе мелкія или лучше прикрытыя плутни, взятки и наживы «на законномъ основаніи». Такъ и судья въ «Ревизорѣ», не разобравъ значенія слова «моветонъ», утѣшалъ себя догадкой: «хорошо, если только мошенникъ».

* *
*

Какой-нибудь чудачествующій современный «критикъ», подаритъ насъ открытіемъ, что можетъ быть Гоголь имѣлъ особое пристрастіе къ почтмейстерамъ и считалъ ихъ умными и догадливыми людьми, много выше своей среды. Губернскій почтмейстеръ въ «Мертвыхъ душахъ» еще умнѣе, — какъ и подобаетъ по рангу, уѣзднаго почтмейстера въ «Ревизорѣ». Можетъ быть умственное развитіе это слѣдуетъ приписать любознательности, взрощенной чтеніемъ чужихъ писемъ. Во всякомъ случаѣ, весьма мѣткая наблюдательность сказывается въ характеристикѣ шайки капитана Копѣйкина: «Набралъ изъ разныхъ бѣглыхъ солдатъ нѣкоторымъ образомъ банду цѣлую. Это было, можете себѣ представить, тотчасъ послѣ войны: все привыкло, знаете, къ распускной жизни, всякому жизнь—копѣйка, забудешь все такое, хоть трава не рости—словомъ, сударь мой, у него просто армія. По дорогамъ никакого проѣзда нѣтъ, и все это собственно, такъ сказать, устремлено на одно только казенное. Если проѣзжающій по какой нибудь своей надобности—ну, спроситъ только:—зачѣмъ?—да и ступай своей дорогой. А какъ только какой-нибудь фуражъ казенный, провіантъ или деньги,—словомъ, все, что носитъ, такъ сказать, имя казны—спуска никакого».

Капитанъ Копѣйкинъ, какъ видно, особенно заботился, чтобъ его не смѣшивали съ обычными ворами, грабителями и разбойниками, которыхъ всегда достаточно, а въ смутное время тѣмъ болѣе, когда «жизнь — копѣйка» и «все привыкло, зн ете, къ распускной жизни». Капитанъ Копѣйкинъ бралъ «свои средства» лишь оттуда, откуда ему слѣдовало ихъ дать въ законномъ порядкѣ, какъ и той голи-перекатной въ его шайкѣ, которую создали военное разореніе и незаботливость о безпріютной бѣднотѣ. Если государство беретъ на себя все, вплоть до мысли и совѣсти человѣка, и ставитъ на каждомъ шагу всевозможные надзоры, препоны и преграды, требуя особыхъ разрѣшеній, безконечныхъ хожденій и хлопотъ для самыхъ обычныхъ и даже полезнѣйшихъ начинаній и дѣйствій, то вполнѣ естественно, что на столь подозрительное и опасливое государ-

ство и на соотвѣтствующія власти и учрежденія падаетъ и отвѣтственность за общую неудовлетворенность, за невыгоды и невзгоды подобныхъ условій жизни.

Какъ извѣстно, капитанъ Копѣйкинъ очутился за границей. По существу своему не былъ онъ разбойникомъ, и „рязанскимъ лѣсамъ“ и шатаньямъ по россійскимъ дорогамъ предпочелъ Соединенные Штаты. „И пишетъ оттуда, сударь мой, письмо къ государю, краснорѣчивѣйшее, какъ только можно вообразить“. По увѣренію почтмейстера, письмо Копѣйкина было убѣдительнѣе даже краснорѣчія Платона и Демосфена. „Ну, государь, понимаете былъ тронутъ. Дѣйствительно, его монаршему сердцу было прискорбно: хотя онъ точно былъ преступникъ и достоинъ, въ нѣкоторомъ родѣ, смертнаго наказанія, но, видя, такъ сказать, какъ можетъ *невинный иногда произойти*—подобное упущеніе, да и невозможно, впрочемъ, чтобъ въ тогдашнее смутное время все было можно вдругъ устроить, одинъ Богъ, можно сказать, только развѣ безъ проступковъ,—словомъ, сударь мой, государь изволилъ на этотъ разъ оказать безпримѣрное великодушіе: повелѣлъ *остановить преслѣдованіе виновныхъ*, а въ то же время издалъ строжайшее предписаніе составить комитетъ исключительно съ тѣмъ, чтобы *заняться улучшеніемъ участи всѣхъ*, т. е. раненыхъ“...

Въ концѣ своего разсказа почтмейстеръ, видимо, стѣсняется и утрачиваетъ ту бойкость, съ которой онъ изображалъ соблазны Невскаго проспекта и похожденія капитана Копѣйкина въ Петербургѣ; но исходный поучительный выводъ все-же ярко бросается въ глаза изъ фактическойстороны разсказа и его развязки. Государству, законамъ его, учрежденіямъ и властямъ необходимо выполнять свои основныя задачи, служить не только безопасности, но и благу народа, содѣйствовать просвѣщенію и насаждать справедливость.

Если невыполненіе этихъ цѣлей приводитъ къ вражескому нашествію и къ смутѣ, въ такой степени, что жизнь становится въ копѣйку, что людямъ нечего беречь и притупляется чувство жалости и любви не только къ другимъ, но и къ самому себѣ; если утрачиваются всѣ законные пути, чтобы добиться справедливости и обезпеченія своей личности, своихъ правъ и существованія, то даже мирные, благонамѣренные и тихіе люди, любящіе отечество и служащіе ему, помимо своей вины и желанія, впадаютъ въ враждебное настроеніе, ожесточаются и легко становятся причастными къ преступности, къ насилію, къ враждѣ всѣхъ противъ всѣхъ. Изъ судьбы капитана Копѣйкина ясно,

что повальныя болѣзненныя стихійныя послѣдствія общей неурядицы и смуты исцѣляются не „смертельнымъ наказаніемъ“, а „остановкой преслѣдованій“, изслѣдованіемъ коренной причины зла и „строжайшимъ предписаніемъ кому слѣдуетъ—заняться *улучшеніемъ участи всѣхъ*“...

Капитанъ Копѣйкинъ, въ своемъ истинномъ видѣ, заслуживаетъ, слѣдовательно, лучшей участи, нежели неосмысленный хохотъ, вызываемый комичными особенностями рѣчи почтмейстера и искусствомъ чтеца. Это былъ не пьяница и не забулдыга, а незаслуженно жестоко обиженный и несчастный человѣкъ. Даже преступныя дѣйствія его строго выдержаны и не имѣютъ ничего общаго съ разгильдяйствомъ и наглостью какого нибудь Ноздрева или низостью Чичикова, съ которымъ такъ неудачно сравнилъ было его почтмейстеръ. Самое раскаяніе, повинная Копѣйкина исполнены благородства и справедливости. Оно во всемъ винитъ себя и умоляетъ, о прощеніи „вовлеченныхъ“, смѣло, безъ виляній указывая на истинную причину зла. Словомъ, письмо Копѣйкина было такъ задушевно, дышало, такой правдой, что „Государь былъ тронутъ“ и явилъ „необычайное великодушіе“, послѣдствіемъ чего „положено было основаніе инвалидному капиталу“. Очевидно, капитанъ Копѣйкинъ стоялъ въ нравственномъ отношеніи неизмѣримо выше тѣхъ современныхъ „раскаявшихся“, которые, сбросивъ съ себя обликъ вождей революціонеровъ, не только не заботятся объ участи своихъ бывшихъ „товарищей“, но стараются выслужиться на вовлеченіи ихъ въ новыя преступленія, промышляя предательствомъ въ охранныхъ отдѣленіяхъ или въ редакціяхъ черносотенныхъ изданій. Иные изъ нихъ даже подмигиваютъ исподтишка, что они собственно не предатели и не измѣняли своему прошлому, а лишь усвоили другую „тактику“. Довершеніе черносотенныхъ „программъ“, повтореніе Крымской войны или Цусимы и Мукдена доведетъ Россію до анархіи, до распада старой Турціи или Персіи, несравнено вѣрнѣе, нежели самыя удачныя революціонные заговоры или отдѣльныя проявленія террора. Разрушеніе государства, такъ сказать, на казенный счетъ, при благосклонномъ содѣйствіи ослѣпленныхъ или бездарныхъ „охранителей“ представляется верхомъ злодѣйской изобрѣтательности и человѣческаго паденія.

Капитаны Копѣйкины всегда возможны и являются при неблагопріятныхъ условіяхъ общественности во всѣхъ сферахъ дѣятельности, во всѣхъ слояхъ населенія. Но далеко не всегда

они обладаютъ „необычайнымъ краснорѣчіемъ“ и еще рѣже это краснорѣчіе можетъ быть услышано.

Имѣются Копѣйкины и въ литературной средѣ, гдѣ неустанно, днемъ и ночью, во время мира и во время войны, въ счастливыя и прочныя времена, совершается необходимѣйшая государству и обществу служба, кипитъ тотъ умственный трудъ, помимо котораго не можетъ быть ни движенія мысли, ни выясненія истины, ни своевременной освѣдомленности.

Этотъ трудъ непрерывно, въ самой основѣ своей, направленъ къ „улучшенію участи всѣхъ“, о чемъ говоритъ и заключительная часть „повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ“. Но надо-же чтобъ представители этого служенія общественному благу сами не выбрасывались безпомощно на улицу въ старости и инвалидности. И они заслуживаютъ по меньшей мѣрѣ „инвалиднаго капитала“. Всѣ государства теперь озабочены страхованіемъ, обезпеченіемъ участи даже простыхъ рабочихъ. У насъ-же 50-лѣтній юбилей „литературнаго фонда“ ознаменовался опасеніями за существованіе профессіональныхъ литературныхъ учрежденій и небывалымъ ухудшеніемъ общаго положенія печати.

Григорій Градовскій.

---

*
* *

Въ комнатѣ тихо. Сижу безъ огня...
Тѣни, тоскою повитыя...
Ясныя звѣзды глядятъ на меня,
Точно мечты позабытыя.

Смотрятъ огнями холодныхъ очей,
Гдѣ-то надъ бездной рожденныя...
Бьются въ безсильномъ сознаньи цѣпей
Думы, къ землѣ пригвожденныя.

Сердцу попрежнему больно и жаль,
Больно за грезы разбитыя.
Строгая, блѣдная встала печаль...
Тѣни, тоскою повитыя.

Манятъ далекаго неба огни
Лаской холодной безпечности,
Кто-то, какъ другу, мнѣ шепчетъ: усни
Въ неизмѣняющей вѣчности.

Вл. Ладыженскій.

Баденскій періодъ жизни Тургенева.

Въ біографіи Тургенева есть пробѣлъ. Мы мало знаемъ о его жизни въ Баденѣ. Отпечатанныя два года назадъ письма къ м-Ме Віардо и еще неизданная переписка Тургенева съ нѣмецкими литераторами. Пичемъ и Юліаномъ Шмидтомъ открываютъ возможность пополнить отмѣченный пробѣлъ. Пока мы знали о баденскихъ годахъ въ жизни Тургенева изъ мемуаровъ и переписки посѣтившихъ его случайно нѣмецкихъ и русскихъ друзей. Напечатанные въ «Вѣстникѣ Европы» новые матеріалы, доставленные г. Галперинымъ-Каминскимъ, даютъ возможность болѣе полно указать не только обычный образъ жизни Тургенева въ почти пограничномъ съ Франціей нѣмецкомъ городкѣ, но и то настроеніе, въ какомъ проведены были имъ годы созданія «Дыма» и нѣкоторыхъ небольшихъ разсказовъ. Тургеневъ попалъ въ Баденъ не по какой иной причинѣ, какъ по той, что этотъ городъ избранъ былъ мѣстожительствомъ семьей Віардо, съ которой связывала его въ 1864 г. двадцатилѣтняя дружба.

Представленный впервые въ 1843 году въ Петербургѣ извѣстной оперной пѣвицѣ Полинѣ Гарсіа, вскорѣ затѣмъ вышедшей замужъ за основателя журнала «Revue des deux modnes» Louis Viardot, Тургеневъ до смерти остался подъ обаяніемъ перваго впечатлѣнія, произведеннаго на него этой выдающейся артисткой. Въ теченіе многихъ мѣсяцевъ онъ пользовался гостепріимствомъ семьи Віардо въ Куртавенелѣ, имѣніи, принадлежавшемъ имъ въ Бри, недалеко отъ Парижа. Принужденный прожить рядъ лѣтъ безвыѣздно въ Орловскомъ имѣніи послѣ несчастнаго исхода, какой имѣло для него напечатаніе статьи по случаю смерти Гоголя, Тургеневъ изъ Спасскаго велъ оживленную переписку съ своими парижскими друзьями. Когда, благодаря посредничеству Наслѣдника престола будущаго Царя

Александра II, положенъ былъ конецъ его принудительному мѣстожительству, Иванъ Сергѣевичъ поспѣшилъ уѣхать за границу, чтобы снова встрѣтиться съ семьей Віардо. Декабрьскій переворотъ заставилъ ихъ покинуть Францію и поселиться въ Баденѣ. Тургеневъ, чтобы не разставаться съ друзьями, снялъ сперва квартиру на Schillerstrasse этого городка, а затѣмъ купилъ участокъ земли и сталъ строиться въ близкомъ сосѣдствѣ отъ Віардо въ тогда еще мало заселенномъ кварталѣ въ Tiergartenstrasse. Его виллу показываютъ и теперь проѣзжимъ. Одно время владѣльцемъ ея былъ одинъ изъ родственниковъ «желѣзнаго канцлера» Вильгельмъ Бисмаркъ. Года четыре тому назадъ она была въ продажѣ. Въ чьихъ рукахъ она находится теперь, мнѣ неизвѣстно. Внутреннее убранство комнатъ не вызываетъ никакихъ воспоминаній о жизни здѣсь нѣкогда нашего дорогого писателя, но на красивой желѣзной рѣшеткѣ, окружающей тѣнистый садъ, спускающійся по оврагу къ рѣчкѣ, сохранилась начальная буква имени ея русскаго владѣльца.

Вилла по размѣрамъ настолько обширна, что въ ней можно было устраивать домашніе спектакли, разыгрывать оперетки, музыка для которыхъ написана была m-me Віардо, а либретто принадлежало творчеству Тургенева. Принимали на виллѣ такихъ высокихъ посѣтителей, какъ баденскую герцогскую семью и будущаго императора Германіи короля прусскаго Вильгельма съ его супругой королевой Августой.

Въ виллѣ Тургенева рѣдка когда пустовала комната, отведенная для друзей. Въ ней перебывали и русскіе литераторы, и нѣкоторые французы, и постоянный берлинскій корреспондентъ Тургенева докторъ Пичъ.

Пребываніе Тургенева продолжалось въ Баденѣ съ весны 1863 года по 1871, конецъ франко-прусской войны и наполеоновскаго владычества.

Періодъ времени, который я намѣренъ освѣтить на основаніи частью мало, частью вовсе неиспользованныхъ матеріаловъ, обнимаетъ собою такимъ образомъ цѣлыхъ семь лѣтъ изъ жизни Тургенева. За это время онъ не всегда оставался въ Баденѣ.

Почти ежегодно ему приходилось бывать въ Россіи, откуда и приходили письма на имя m-me Віардо. Выдавши замужъ дочь за французскаго графа, жившаго въ Парижѣ, Тургеневъ не разъ ѣздилъ также во Францію, откуда въ свою очередь не одно письмо послано было и въ Берлинъ къ д-ру Пичу, и къ русскимъ друзьямъ, въ томъ числѣ къ Анненкову, и къ г-жѣ Віардо. Хотя знаменитая пѣвица и покинула сцену въ 1864 г., но она

далеко еще не отказалась отъ временныхъ выступленій въ Берлинѣ, въ Карлсруэ и въ самомъ Баденѣ, столько же въ операхъ, сколько и въ концертахъ. Тургеневъ иногда переселялся за своими друзьями если не въ далекій Берлинъ, то въ сосѣдній Карлсруэ и проводилъ въ немъ цѣлыя недѣли. Уцѣлѣвшая переписка даетъ намъ возможность прослѣдить за ходомъ его перегринацій въ такой же степени, какъ и за его повседневной жизнью у себя дома, какъ онъ выражался, т. е. въ Баденѣ.

Крупныхъ событій въ біографіи Тургенева за это время не произошло. Нельзя считать таковымъ вынужденную поѣздку въ Петербургъ для дачи объясненій о своихъ сношеніяхъ съ русскими эмигрантами передъ спеціально назначенной для того комиссіей. Тургеневъ, какъ видно изъ его сообщеній m-me Віардо, довольно легко отдѣлался отъ этой непріятности. Сенаторы оказались сговорчивыми и не замедлили отпустить его на всѣ четыре стороны. 19 января (7 по стар. ст.) Тургеневъ пишетъ: «Я былъ сегодня въ сенатѣ между 12 и 1 часомъ. Съ нѣкоторой торжественностью меня ввели въ большую комнату, гдѣ я нашелъ шесть стариковъ въ мундирахъ, украшенныхъ звѣздами (avec des crachats). Меня продержали часъ стоя и прочли мнѣ письменные отвѣты, мною присланные. На вопросъ, не имѣю-ли я чего прибавить, я отвѣтилъ отрицательно. Тогда мнѣ предложили вернуться въ понедѣльникъ для очной ставки съ какимъ-то господиномъ. Всѣ были со мною весьма вѣжливы и молчаливы, а это, говорятъ, прекрасный признакъ». Тургеневъ не ошибся въ разсчетѣ. Ближайшій разъ, когда Ивану Сергѣевичу снова пришлось быть въ сенатѣ, ему объявили, что дѣлу его не дано будетъ дальнѣйшаго хода. 31 января Иванъ Сергѣевичъ уже пишетъ своимъ друзьямъ: «Мое дѣло въ сенатѣ кончено. Я получилъ увѣренность, что мнѣ не откажутъ въ правѣ жить, гдѣ я вздумаю, даже за границей. Черезъ мѣсяцъ я покидаю Петербургъ». Въ апрѣлѣ Пичъ уже получаетъ отъ Тургенева письмо, помѣченное Баденъ-Баденомъ. Проѣздомъ черезъ Берлинъ Иванъ Сергѣевичъ не имѣлъ времени посѣтить своего пріятеля, такъ какъ поспѣшилъ въ Дрезденъ гдѣ въ это время находился на излѣченіи его больной братъ. Тургеневъ не скрываетъ своей радости по случаю скораго возвращенія въ «старое, какъ онъ говоритъ, гнѣздо». Онъ сознается въ томъ, что порядочно лѣнился послѣднее время и спѣшитъ прибавить, что приступилъ снова къ подготовительнымъ работамъ для большого сочиненія. Это первое упоминаніе о намѣреніи написать «Дымъ». Въ письмахъ изъ Россіи еще не содержится ни малѣйшаго на-

мока на этотъ счетъ. Какъ направленныя къ знаменитой музыкантшѣ, они преисполнены подробностей о посѣщеніи Тургеневымъ русской оперы и концертовъ. Въ этотъ свой пріѣздъ Иванъ Сергѣевичъ впервые познакомился съ Сѣровымъ и его музыкой. 18 января онъ пишетъ изъ Петербурга: «Вечеромъ я былъ на представленіи «Юдифи». Долженъ признать, что это замѣчательная вещь; несмотря на нѣкоторыя длинноты, невѣроятныя неловкости (gaucheries), жалкое исполненіе и бѣдныя декораціи. «Юдифь» Сѣрова происходитъ непосредственно отъ Вагнера. Но въ ней есть какое-то дыханіе страсти и какая-то величавость, въ которыхъ раскрывается интересное и оригинальное творчество. Сцена, предшествующая убійству Олоферна, меня поразила. Но представьте себѣ (мнѣ отсюда рисуется вашъ смѣхъ), что въ пятомъ дѣйствіи Юдифь появляется съ головой Олоферна, показываетъ ее народу, затѣмъ поетъ арію подъ аккомпаниментъ арфы, арію «небеснаго цвѣта». Въ этой сценѣ выступаетъ даже молодой человѣкъ въ тюрбанѣ, который тутъ же предлагаетъ ей свою руку. Сѣровъ, прибавляетъ Тургеневъ, чадо Вагнера, и такимъ чадомъ Вагнеръ вправѣ гордиться». Въ тотъ же вечеръ Тургенева ведутъ къ Сѣрову. Онъ исполнилъ ему отрывки изъ новой своей оперы «Рогнѣда». «Или я сильно ошибаюсь, пишетъ на слѣдующій день Тургеневъ m-me Віардо, или этотъ маленькій человѣчекъ, странный и нервный, представляетъ собою большой талантъ. Меня особенно привели въ восторгъ два хора и арія подростка. Моцартовской чистоты отдѣлка. «Рогнѣда» Сѣрова мнѣ кажется во многомъ выше «Юдифи». Въ ней несравненно болѣе искренности и оригинальности. Да вліяніе Вагнера гораздо менѣе чувствуется. Сѣровъ великій колористъ, и его оркестровка образцовая; этотъ маленькій человѣчекъ, сидя за роялемъ, жестикулировалъ не хуже чорта, подпѣвая невѣроятнымъ голосомъ. Я вернулся очарованнымъ и все еще остаюсь въ томъ же настроеніи».

Пребываніе Тургенева въ Россіи въ 1864 г. было весьма непродолжительно. 14 января мы застаемъ его въ Берлинѣ по дорогѣ въ Петербургъ, а въ началѣ апрѣля онъ уже въ Баденѣ и пишетъ оттуда къ своему другу Пичу. И во все время отсутствія мысль о возвращеніи въ «гнѣздо» ни минуты не покидаетъ его. Ему рисуется тихая семейная обстановка, m-me Віардо сидитъ за роялемъ, мужъ ея дремлетъ у камина, дѣти рисуютъ за столомъ.

О Баденѣ онъ не говоритъ иначе, какъ о «горячо любимомъ» [1]) или родномъ гнѣздѣ. Здѣсь жизнь его протекаетъ въ

[1]) Письма къ m-me Віардо 14 и 19 января 1864 г.

чтеніи, охотѣ, наслажденіи музыкой, бесѣдѣ съ старыми друзьями и случайными посѣтителями. Другихъ заботъ, кромѣ тѣхъ, какія вызываютъ часто повторяющіеся припадки подагры или нездоровье того или другого изъ членовъ семьи Віардо, Иванъ Сергѣевичъ въ это время не испытываетъ; его настроеніе неизмѣнно бодрое и веселое.

Если онъ отлучается по временамъ изъ Бадена, то это бываетъ только лѣтомъ на нѣсколько дней для посѣщенія близъ лежащихъ городовъ и курортовъ Франкфурта, Швальбаха, Штутгарта и т. д.

Здѣсь ждутъ его русскіе и иностранные друзья. Въ Карлсруэ, куда онъ также ѣдетъ на недѣлю, приманкой является выступленіе m-me Віардо въ роли Нормы. Упоминаніе о музыкальныхъ успѣхахъ великой пѣвицы постоянно встрѣчается въ перепискѣ. «Нѣсколько дней назадъ, пишетъ Тургеневъ Пичу вскорѣ послѣ своего возвращенія изъ Россіи, г-жа Віардо дивно пропѣла въ концертѣ почти всего Глюковскаго «Орфея». Но большую часть лѣта Ив. Серг. проводитъ въ Баденѣ. Съ 29 іюня переселяется къ нему его берлинскій пріятель Пичъ и живетъ здѣсь до начала осени.

Въ сентябрѣ открывается охота, и Тургеневъ три раза недѣлю предается любимому спорту. Литературная работа отъ этого, какъ онъ самъ жалуется, терпитъ не мало. [1])

Въ ноябрѣ Тургеневу приходится съѣздить, въ Парижъ въ къ дочери. Все остальное время онъ проводитъ въ Баденѣ, чувствуя себя, по собственнымъ его словамъ, настолько свободнымъ, насколько вообще полагается быть русскому. (Намекъ на недавнюю исторію изъ-за встрѣчи съ эмигрантами, потребовавшую отъ него поѣздки въ Петербургъ для объясненій). 1865 годъ не вноситъ большихъ перемѣнъ въ жизнь Тургенева. Въ январѣ мы застаемъ его въ Баденѣ по прежнему занятымъ охотой и озабоченному только однимъ предстоящимъ бракомъ дочери, для чего ему снова придется отправиться въ Парижъ, гдѣ 20 февраля должна послѣдовать свадьба. «Исполненіе обязанностей отца семейства, пишетъ онъ шутя, совершенно отвлекло меня отъ мысли о чемъ-либо другомъ.

«Только исключительно привилегированныя натуры, какъ г-жа Віардо прибавляетъ онъ могутъ быть весьма дѣятельными.

---

[1]) Письмо къ Пичу отъ 9 сент. 1864 г.

необыкновенно хорошо настроенными и вполнѣ здоровыми. За послѣднее время она переложила на музыку шесть стихотвореній, пропѣла «Пророка» въ Карлсруэ, а 31 января она снова поетъ на концертѣ въ Штутгартѣ, устраиваемомъ въ память Шумана.»

Музыка «Пророка» не понравилась Тургеневу, но о пѣніи m-me Віардо онъ говоритъ съ восторгомъ. «Великая артистка выступила, по его словамъ, въ прежнемъ величіи (ist in alter Grösse erschienen)». Успѣхи друзей поддерживаютъ въ Тургеневѣ радостное настроеніе. «Все «гнѣздо» въ Тиргартенѣ, т. е. на улицѣ, на которой живетъ семья Віардо, процвѣтаетъ, пишетъ онъ, а слѣдовательно и мнѣ хорошо (und also geht es gut auch mir).»

Февраль Тургеневъ прозодитъ въ Парижѣ. Но вь ближайшіе мѣсяцы мы снова застаемь его въ Баденѣ озабоченнымъ однако мыслью о скорой поѣздкѣ въ Берлинъ.

Осенью онъ ждетъ новаго пріѣзда Пича и весь отдается увлеченію охотой. «Все идетъ прекрасно на благословенныхъ берегахъ (Оса рѣка на которой расположенъ Баденъ). «Хорошаго у насъ даже черезчуръ много, я разумѣю неизмѣнно прекрасную погоду. Чудные сентябрьскіе дни высушили буквально все. О дождѣ и думать нельзя». Захваченный охотой, Тургеневъ спѣшитъ подѣлиться подробностями о ней и съ своимъ берлинскимъ пріятелемъ. Его нѣжно любимая собака Пегасъ въ послѣдніе два дня не могла найти двухъ подстрѣленныхъ имъ куропатокъ.

Тургеневъ заводитъ въ Баденѣ знакомство съ многими выдающимися литераторами.

Одно письмо его заканчивается извѣщеніемъ о томъ, что въ Баденъ пріѣхалъ Ауэрбахъ, авторъ извѣстнаго романа «Auf der Höhe» («На высотѣ»).

«Я много говорилъ съ нимъ. Онъ богатъ мыслями и интересенъ. Но какое самодовольство!»

Віардо часто уѣзжаетъ въ Берлинъ для участія въ концертахъ и оперныхъ представленіяхъ. Тургеневъ снабжаетъ ее письмомъ къ Пичу.

Ей поручено въ ноябрѣ 1865 г. передать Пичу два томика нѣмецкаго перевода повѣстей Тургенева, сдѣланнаго извѣстнымъ поэтомъ Боденштетомъ, тѣмъ самымъ, которому нѣмцы обязаны знакомствомъ съ Лермонтовымъ.

Тургеневъ молитъ Пича объ одномъ, чтобы во все время пребыванія г-жи Віардо въ Берлинѣ онъ, какъ возведенный въ

званіе ея «адъютанта», немедленно увѣдомлялъ телеграммою въ Schillerstrasse, № 277, о томъ, что можетъ случиться съ нею непріятнаго. «Мы возлагаемъ, прибавяетъ онъ, большія надежды на то, что развлеченія Берлина поправлятъ здоровье артистки, для меня же въ старомъ Берлинѣ слишкомъ холодно и вѣтрено. Впрочемъ, мы увидимъ. Пока же я разсчитываю на васъ».

Въ ближайшемъ письмѣ отъ 21 декабря 1865 г. Тургеневъ благодаритъ Пича за его вѣрное пониманіе и прекрасную передачу природы г-жи Віардо, этой, какъ онъ выражается, «державной женщины». «Что ея выступленіе и дѣятельность въ берлинскихъ кругахъ, прибавляетъ онъ, были весьма значительны (mächtig) меня не поражаетъ, а только радуетъ. Счастливое проявленіе этой по истинѣ геніальной натуры несомнѣнно должно было представить чудное зрѣлище. Всѣ мы искренно благодарны Берлину, такъ какъ m-me Віардо вернулась къ намъ совершенно другой, чѣмъ уѣхала. Столь благодушно настроенной я ее давно уже не видѣлъ. Теперь всѣ мы снова примемся работать какъ слѣдуетъ. А лѣтомъ сойдемся въ Баденѣ—не правда-ли? Я схватилъ уже за рога большой романъ» (выраженіе, которое не разъ встрѣчается въ устахъ Тургенева; такъ, напр., въ рѣчи о Пушкинѣ, сказанной въ Москвѣ—по случаю открытія его памятника. Въ ней онъ говоритъ, что Пушкинъ, подобно Гомеру, умѣлъ схватить быка за рога, т. е. безъ всякихъ ненужныхъ вступленій приступать прямо къ разсказу). Романъ, о которомъ пишетъ Тургеневъ Пичу, это «Дымъ». Мы видѣли, что годомъ раньше Тургеневъ уже сталъ собирать нужные для него матеріалы. По всей вѣроятности занятіе романомъ было въ числѣ причинъ, помѣшавшихъ Тургеневу уѣхать въ Берлинъ.

Въ декабрѣ 1865 г. Иванъ Сергѣевичъ переживаетъ еще всѣ муки творчества. Его терзаютъ сомнѣнія въ томъ, удастся-ли ему овладѣть животнымъ (ob ich das Tier bewältigen werde)? «Я такъ давно не писалъ, прибавляетъ онъ, и чувствую не то, чтобы сказать усталость, а сонливость (Schlafheit), которая лишь медленно разсѣивается. Можетъ быть и удастся (vielleicht geht es doch), такъ какъ по временамъ мнѣ все же кажется, что я могъ бы еще кое что сказать. Такая вѣра нужна, будь она даже нѣсколько наивной (einfältig).

Доброе настроеніе, въ какомъ Тургеневъ провелъ начало зимы съ времени возвращенія въ Баденъ г-жи Віардо, внезапно прекратилось въ февралѣ мѣсяцѣ 1866 г. «Я мрачно настроенъ, пишетъ онъ, и по причинамъ физическимъ, которыя, какъ из-

вѣстно, худшія изъ всѣхъ. У меня мускульное воспаленіе въ лѣвой рукѣ и выше колѣна. Первые признаки болѣзни появились еще осенью, но злокачественный характеръ мое воспаленіе пріобрѣло лишь за послѣднее время. Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я сижу дома и мѣняю холодныя примочки каждыя 10 минутъ. Мнѣ невозможно двигать рукою. Каждое движеніе вызываетъ жестокія муки. Болѣзнь эта принадлежитъ, говорятъ, къ наиболѣе томительнымъ. О работѣ разумѣется не можетъ быть и рѣчи».

Всѣ мысли Тургенева направлены теперь въ сторону полученія мази, рецептъ которой онъ оставилъ въ Берлинѣ. «Другіе жители виллы, прибавляетъ онъ, чувствуютъ себя хорошо, а это главное. Г-жа Віардо въ добромъ настроеніи и за послѣднее время написала прелестныя вещи». [1]) Болѣзнь Тургенева продолжалась не долго. Ранней весной онъ опять охотится, и его жизнь протекаетъ, повидимому, такъ легко и пріятно, что онъ едва находитъ время для переписки съ друзьями.

«Чѣмъ болѣе человѣкъ старѣетъ, читаемъ мы въ его письмѣ къ Пичу отъ 19 февраля, тѣмъ легче уходитъ у него жизнь изъ рукъ (по нѣмецки буквально: проскальзываетъ между пальцами); не находишь времени ни для чего, хотя въ дѣйствительности ничего не дѣлаешь». Доброе настроеніе Тургенева поддерживается тѣмъ, что m me Віардо, нѣкоторое время болѣвшая, совершенно оправилась.

Въ самый день отправки письма, т. е. 21 апрѣля, она выступила въ утреннемъ концертѣ въ Tonhalle, въ присутствіи, какъ говоритъ Тургеневъ, принцессъ, княгинь и вообще высшаго общества. Выступленіе было величественно, особенно когда она стала пѣть одну Шубертовскую пѣснь (Der Doppelgänger). Тургеневъ передаетъ свои ощущенія, говоря, что во время пѣнія онъ въ спинномъ мозгу чувствовалъ какое-то легкое щекотаніе смерти (Todesgesiesel), которое смѣнилось холодными слезами восторга.

Внѣшнія событія мало измѣняютъ его обычный образъ жизни. Мимоходомъ онъ упоминаетъ о рѣшеніи Бисмарка ввести всеобщее голосованіе въ затѣянномъ имъ Сѣверо-Германскомъ союзѣ, да еще о покушеніи на жизнь Императора Александра II въ Лѣтнемъ саду. Ему кажется счастливымъ обстоятельствомъ, что спасителемъ явился крестьянинъ (Коммиссаровъ). «Это по истинѣ большое счастье для всей страны», пишетъ онъ.

---

[1]) Письмо отъ 19 февраля 1866 г.

Отношеніе Тургенева къ смѣлому и неожиданному шагу германскаго правительства едва-ли можетъ быть признано обдуманнымъ. Для него рѣчь идетъ только о колоссальномъ «антрапа» г-на Бисмарка, которому не было еще равнаго въ исторіи. «Если этому господину удастся несмотря на нашу иронію и презрительныя насмѣшки осуществить свое намѣреніе, т. е. подарить Германію конституціей съ всеобщимъ правомъ голосованія, то трудно будетъ не признать въ немъ одновременно Маккіавелли и Аристофана». Тургеневъ надѣется, что много прославляемому всеобщему голосованію нанесенъ будетъ этимъ не столько смертный ударъ, сколько пощечина.

Ивану Сергѣевичу слишкомъ хорошо живется, чтобы онъ могъ серьезно засѣсть за работу. «Въ Tiergarten'ѣ, т. е. въ семьѣ Віардо, все въ лучшемъ цвѣту, пишетъ онъ, физически и нравственно. Мой маленькій замокъ, (т. е. строимая имъ вилла,) быстро растетъ, и къ 1 октября я разсчитываю устроиться въ немъ. Романъ лежитъ нетронутымъ, но зато я началъ «маленькую повѣсть». (Намекъ на «Капитана Ергунова»). Въ серединѣ мая того же года Пичъ получаетъ новое письмо. На настроеніи Тургенева отражаются постоянно возобновляющіеся слухи о войнѣ. Они помѣшали успѣху зимняго сезона въ Берлинѣ. Самъ Тургеневъ понесъ большія денежныя потери въ Россіи (благодаря хозяйничанью своего дяди въ Спасскомъ).

Если бъ не совершенно возстановившееся здоровье г-жи Віардо, ему бы трудно было сохранить, пишетъ онъ, хорошее расположеніе духа. «Лучше впрочемъ не поникать головою сразу и ждать перемѣнъ въ будущемъ. Жить все же нужно и, право, не стоитъ жить угнетеннымъ и подавленнымъ». Дурное настроеніе возобновляется, однако, и въ ближайшіе мѣсяцы.

Оно поддерживается и легкой болѣзнью m-me Віардо и ожидаемымъ столкновеніемъ между прусскимъ и южно-нѣмецкимъ войскомъ.

5 іюля 1866 года Тургеневъ пишетъ Пичу: «Благодаря послѣднимъ событіямъ раздраженіе противъ Пруссіи здѣсь усилилось. Я боюсь, чтобы съ вами не приключилось чего-либо непріятнаго. Можно ждать, что союзная армія съ баденскимъ контингентомъ въ ближайшіе дни столкнется съ пруссаками.

Что отъ этого послѣдуетъ, можно предсказать напередъ.

Было бы благоразумнѣе, какъ мнѣ кажется, спокойно ожидать развязки, которая по всѣмъ вѣроятіямъ не заставитъ себя долго ждать.

Живемъ мы въ удивительное время. Мое здоровье хорошо, но все остальное плачевно».

Осенью новый подъемъ настроенія. «Хорошая охота, много ничего недѣланія, немножко работы и непріятной домашней корреспонденціи». Такъ передаетъ Тургеневъ другу Пичу свое времяпрепровожденіе. «Въ Tiergarten'ѣ, прибавляетъ онъ, все идетъ хорошо. Здоровье г-жи Віардо поправилось, и она написала за послѣднее время нѣсколько восхитительныхъ вещей. Въ Берлинъ она собирается въ январѣ и пробудетъ тамъ мѣсяцъ съ своими дочками. И я въ него пріѣду въ началѣ февраля, но чтобы остаться не болѣе 2—3 недѣль. Приходится провесть въ Россіи больше времени, чѣмъ думалъ. Но за эти 2—3 недѣли мы напряжемъ всѣ нервы къ тому, чтобы пожить какъ можно больше и какъ можно лучше, что впрочемъ сводится къ одному и тому же.»

Берлинскій художникъ Бэгасъ пожелалъ сдѣлать бюстъ г-жи Віардо и одновременно голову Тургенева. Иванъ Сергѣевичъ въ восторгѣ отъ перваго предложенія, что же касается до второго «то лучше Бэгасу затратить время на новую статую». «Для нашего брата достаточно и фотографіи». Въ ближайшемъ письмѣ Тургеневъ сообщаетъ о посылкѣ тому же скульптору экземпляра своихъ разсказовъ въ нѣмецкомъ переводѣ.

«Вы пишете мнѣ, что это доставитъ ему удовольствіе. Этого довольно, чтобы и мнѣ испытать то же чувство. Рѣдко удается человѣку вызвать радостныя ощущенія въ ближнемъ и надо придавать этому большую цѣну».

Тургеневъ интересуется работами Бэгаса, говоря, что у у него постоянно передъ глазами великолѣпныя женскія фигуры, украшающія его памятникъ Шиллеру.

«Въ Tiergarten'ѣ все, слава Богу, идетъ хорошо. Все подрастаетъ и цвѣтетъ и двѣ маленькія дѣвочки, вторая и третья дочь m-me Віардо, по истинѣ совсѣмъ очаровательны.

Въ послѣобѣденное время онѣ ежедневно участвуютъ въ пантомимѣ, для которой музыка сочинена г-жей Віардо. Въ этой музыкѣ есть дивныя мѣста. Одна изъ дочерей, Клодина, украсила себя вчера тюрбаномъ» и выглядывала по истинѣ какъ молодая еще дикая богиня изъ миѳологіи будущаго».

Ранней весною 1867 г. Тургеневъ осуществляетъ свое намѣреніе и ѣдетъ въ Россію. Грустныя извѣстія доходили до него еще въ Баденъ о судьбѣ нѣкоторыхъ его друзей и немало портили ему настроеніе. По прибытіи въ Петербургъ онъ спѣшитъ навѣстить одного изъ нихъ, Николая Милютина, и находитъ его

въ самомъ жалкомъ видѣ. «Милютинъ говоритъ безъ особаго труда, пишетъ Тургеневъ 3 марта г-жѣ Віардо, но ему постоянно приходится принимать одно слово за другое. Онъ забылъ буквы, и цифры. Онъ спросилъ меня, намѣренъ-ли я отдать мой экипажъ водопроводу, что должно было значить: мой романъ журналу. Vanitas vanitatum et omnia vanitas... Онъ, столь блестящій, столь умный, столь энергичный, превратится въ лепечущаго ребенка. Больной не можетъ больше двигать ни рукою ни ногою. Человѣкъ въ немъ еще живъ, но Милютинъ умеръ навсегда».

Тургеневъ сообщаетъ о большомъ успѣхѣ, какимъ пользуются въ Петербургѣ его двѣ новыя вещи (разумѣются «Дымъ» и «Капитанъ Ергуновъ»). «Меня бы хотѣли заставить читать повсюду». У г-жи Абаза онъ слышалъ хоръ молодыхъ дѣвушекъ и видѣлся съ Антономъ Рубинштейномъ, игравшимъ «какъ левъ, слишкомъ часто потрясающій гривой». Передаетъ Тургеневъ своей пріятельницѣ и впечатлѣніе, произведенное на него пѣніемъ Лавровской. На вечерѣ въ консерваторіи она съ большимъ вкусомъ пропѣла своимъ дивнымъ сопрано: «Цвѣтокъ», «Шепотъ» и «Сюда», положенные на музыку г-жей Віардо.

«Извѣстный басъ Петровъ, присутствовавшій на концертѣ, прибавляетъ Тургеневъ, сталъ говорить мнѣ о васъ со слезами на глазахъ. Дня не проходитъ, говорилъ Петровъ, чтобы онъ не думалъ о васъ. Все это доставило мнѣ много удовольствія, и я передаю это вамъ, такъ какъ увѣренъ, что и вамъ это будетъ пріятно».

Въ пребываніе свое въ Петербургѣ Тургеневъ отдавалъ не мало времени музыкѣ, посѣщая съ этою цѣлью квартеты, устраиваемые въ домѣ г-жи Абаза, жены извѣстнаго государственнаго дѣятеля Алекс. Агѣевича. Объ исполненіи А. Рубинштейна онъ пишетъ: «Признаюсь, его постоянное обращеніе фортепіано въ оркестръ въ концѣ концовъ начинаетъ бить меня по нервамъ»... Не завоевала симпатіи Тургенева новая школа русской музыки. «Вчера я былъ на концертѣ «музыки будущаго», пишетъ онъ m-me Віардо. «Здѣсь также имѣется музыка будущаго. Но это нѣчто жалкое, лишенное идеи и оригинальности. Это—дурная копія съ того, что дѣлается въ Германіи. А сколько самоувѣреннаго задора, къ которому присоединяется еще то отсутствіе культуры, которое насъ отличаетъ. Всѣхъ сваливаютъ въ одну кучу—и Россини, и Моцарта и самого Бетховена»...

Тургеневъ не долго остается на этотъ разъ въ Петербургѣ и ѣдетъ въ Москву для свиданія съ Катковымъ, въ журналѣ котораго «Русскій Вѣстникъ» онъ намѣревался напечатать свой «Дымъ».

И въ Петербургѣ и въ Москвѣ его мысли постоянно обращаются къ семьѣ Віардо. Онъ въ восторгѣ отъ успѣховъ, какіе m-me Віардо имѣла въ Берлинѣ.

«Вы увидите, что я кончу тѣмъ, что влюблюсь въ королеву прусскую и въ весь прусскій домъ, пишетъ онъ изъ Москвы 14 марта. Они, право, очень милы къ вамъ. Это дѣлаетъ имъ честь, что не мѣшаетъ мнѣ однако питать къ нимъ признательность». Печатаніе «Дыма» началось, и Тургеневъ погрузился въ поправку корректуръ.

Онъ читаетъ также своего «Капитана Ергунова» у редактора «Русскаго Вѣстника», который спѣшитъ, разумѣется, удержать разсказъ для журнала.

Тургеневъ, озабоченный мыслью какъ можно скорѣе вернуться въ Баденъ, особенно послѣ возвращенія въ него г-жи Віардо, съ грустью думаетъ о необходимости съѣздить въ Спасское.

«О, дорогой другъ, пишетъ онъ 4 апрѣля изъ Москвы, какъ я благодаренъ вамъ за ваши письма. Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, мнѣ не удается отдѣлаться отъ страннаго впечатлѣнія. Мнѣ кажется, что я въ тюрьмѣ. И я дѣйствительно сижу взаперти благодаря отвратительному грязному снѣгу, сдѣлавшему невозможнымъ передвиженіе на улицахъ. Къ тому же боль ноги мѣшаетъ мнѣ передвигаться по обширнымъ комнатамъ занимаемаго мною дома».

Туреневъ остановился на этотъ разъ, какъ и въ прошлые, въ домѣ удѣльной конторы у своего пріятеля Маслова.

«Одни ваши письма, продолжаетъ Иванъ Сергѣевичъ, являются для меня вѣстниками свободы. Они говорятъ мнѣ, что черезъ 11 дней я снова сдѣлаюсь тѣмъ, чѣмъ былъ. Но какъ много значатъ эти 11 дней! Я считаю минуты. О, какъ надоѣла мнѣ эта нескончаемая зима, все, что я вижу, и все что меня окружаетъ».

Непріятныя ощущенія усились еще оттого, что Катковъ дѣлалъ всякія трудности Тургеневу при напечатаніи его романа. Тургеневъ начиналъ бояться, что романъ вовсе не появится въ «Русскомъ Вѣстникѣ». «Катковъ хочетъ, чтобы моя героиня Ирина была непремѣнно добродѣтельной матроной, а всѣ гене-

ралы и другія лица, фигурирующія въ романѣ, образцовыми гражданами. Вы усмотрите изъ этого, что намъ не легко достигнуть соглашенія. Я кое въ чемъ уступилъ, но сегодня мнѣ пришлось воскликнуть: довольно, ни шага далѣе! Мы увидимъ, сдастся-ли Катковъ. Что касается до меня, то я не уступлю болѣе ни пяди. Художники также должны имѣть совѣсть, и я не хочу, чтобы моя дѣлала мнѣ въ будущемъ упреки». Дѣло съ Катковымъ въ концѣ концовъ уладилось. Тургеневъ согласился пожертвовать одной сценой и спасъ тѣмъ все остальное. Катковъ заплатилъ ему за «Дымъ» двѣ тысячи рублей.

Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга Тургеневъ читаетъ отрывокъ изъ «Дыма» на публичномъ собраніи въ Москвѣ и имѣетъ, по собственнымъ его словамъ, колоссальный успѣхъ. Выборъ его палъ на ту часть романа, въ которой передаются, какъ онъ самъ выражается, «сплетни революціоннаго характера» рядомъ людей, бесѣдующихъ съ Губаревымъ. Встрѣченный апплодисментами, Тургеневъ согласился прочесть еще одну главу— бесѣду главнаго героя романа съ философствующимъ Потугинымъ. Чтеніе кончилось шумной оваціей, которая, по словамъ Тургенева, доставила ему большое удовольствіе при мысли, что о ней онъ напишетъ г-жѣ Віардо. (Письмо къ Віардо отъ 10 апр. 1867 г.) 14 апрѣля 1867 года Тургеневъ собирается въ обратный путь. Онъ проситъ Пича снять ему комнату въ Берлинѣ въ гостинницѣ «Петербургъ». По возвращеніи въ Баденъ онъ возобновляетъ прежнее свое житье. Но обычное занятіе охотой ему приходится вскорѣ пріостановить, благодаря вернувшимся болямъ въ ногѣ. И все же Тургеневу хорошо въ своемъ «гнѣздѣ». Черезъ «край его онъ съ удовольствіемъ приглядывается къ міру». Приди и французы, они не выгонятъ его изъ этого гнѣзда.

«Въ Tiergarten'ѣ все обстоитъ благополучно. Въ Баденѣ, куда зеленѣе и радостнѣе, чѣмъ въ Бранденбургской маркѣ. Г-жа Віардо выглядитъ отлично». Тургеневъ чувствуетъ еще нѣкоторую нѣмоту въ ногахъ, но начинаетъ уже бродить по полямъ съ ружьемъ. Здѣсь всѣ помирились съ мыслью о войнѣ и настроены въ пользу пруссаковъ, несмотря на то, что въ прошломъ году всѣ симпатіи были на сторонѣ Австріи [1]). Въ іюнѣ снова приходится ѣхать въ Парижъ, гдѣ въ это время открылась всемірная выставка. Иванъ Сергѣевичъ назначаетъ своему берлинскому пріятелю Пичу свиданіе 14 іюня въ русскомъ ресто-

---

[1]) Письмо отъ 21 апрѣля.

ранѣ выставки Въ началѣ августа онъ опять въ Баденѣ и принужденъ оправдываться въ долгомъ молчаніи.

«Мой любезный другъ, пишетъ онъ, вы должны вбить себѣ въ голову одно, что къ вамъ здѣсь питаютъ самыя нѣжныя чувства. Если же молчатъ, то это явное доказательство или лѣни, или чрезмѣрной дѣятельности. На этотъ разъ причиной молчанія—избытокъ работы. Г-жа Віардо написала двѣ очаровательныя оперетки, а мнѣ пришлось составить для нихъ текстъ. Въ настоящую минуту, мы уже заняты третьимъ твореніемъ. Театръ устроенъ въ моемъ новомъ жилищѣ, которое я поэтому и не занимаю.

Не пріѣдете-ли вы въ Баденъ, иначе всѣ мы станемъ клясть васъ такъ, что наши проклятія дойдутъ до васъ и въ Берлинѣ. Пока же мы прижимаемъ васъ къ нашей общей груди. Остановитесь вы, разумѣется, у меня. Все здѣсь идетъ прекрасно. Г-жа Віардо здорова и приказала мнѣ много разъ кланяться вамъ. Лидія (внучка m-me Віардо отъ ея старшей дочери) хорошѣетъ съ каждымъ днемъ, а ея маленькій пріятель Помé великолѣпенъ въ роли пажа во второй опереткѣ, озаглавленной «Черезчуръ много женщинъ».

Иванъ Сергѣевичъ настолько увлекся совмѣстной работой съ m-me Віардо надъ оперетками и разыгрываніемъ ихъ передъ избранной публикой, въ томъ числѣ передъ семьею кронпринца, передъ королемъ и королевой прусской, что на время въ его перепискѣ съ Пичемъ мало о чемъ другомъ и заходитъ рѣчь. Отъ его наблюдательности не ускользнуло однако то впечатлѣніе, какое въ вѣнчанныхъ особахъ производило его кувырканье въ роли паши въ любительскомъ спектаклѣ. «Я долженъ сознаться, говоритъ онъ, что во мнѣ что-то дрогнуло, когда, лежа на полу, я поднялъ глаза и прочелъ на губахъ надменной кронпринцессы улыбку легкаго отвращенія и презрѣнія. При слабомъ даже уваженіи, какое я вообще къ себѣ питаю, мнѣ показалось все-таки, что мы хватили черезъ край. И все же разыгранныя нами вещицы надо признать чѣмъ-то очень хорошимъ и плѣнительнымъ».

Осенью Тургеневъ попрежнему охотится и болѣетъ. Ему кажется, что онъ оступился случайно, послѣдствіемъ чего «явилась опухоль въ колѣнѣ. Приходится не думать болѣе объ охотѣ, жалуется онъ, и каждый годъ зимою является необходимость носить повязку. Это по истинѣ «misérable», какъ выразился въ моемъ присутствіи, прибавляетъ онъ, принцъ Гессенскій, когда во время охоты ему попался на глаза всего одинъ заяцъ. Попробовалъ было

работать я, но дѣло не идетъ». Отъ нечего дѣлать, Тургеневъ засѣлъ за чтеніе Freitag'а, «Картины изъ нѣмецкаго прошлаго». «Въ нихъ, пишетъ онъ, я нашелъ прекрасныя вещи» [1]). У Тургенева черезъ Пича возникли знакомства въ Берлинѣ. Выдающійся живописецъ Менцель принадлежалъ къ числу его горячихъ поклонниковъ, критикъ Юліанъ Шмидтъ, столь извѣстный своими работами по исторіи нѣмецкой литературы, заинтересовался сочиненіями Тургенева и просилъ его о присылкѣ тѣхъ, какія пока не попадали ему въ руки. Такъ какъ въ это время книгоиздательство Гетцеля выпустило въ свѣтъ французскій переводъ «Дыма», то Тургеневъ обѣщаетъ послать нѣсколько экземпляровъ его въ Берлинъ для раздачи пріятелямъ.

Рождественскія каникулы Тургеневъ проводитъ въ Баденѣ и здѣсь же застаетъ его новый годъ, какъ видно изъ его письма къ Пичу отъ 14 января 1868 года. Жалобы на боль въ колѣнѣ, не помѣшавшія ему, однако, нѣсколько разъ охотиться, смѣняются извѣстіями, что онъ снова принялся за работу. Тургеневу предстоитъ въ скоромъ времени новая поѣздка въ Россію, а затѣмъ въ Парижъ.

Поправившееся здоровье г-жи Віардо позволяетъ возобновить занятія по составленію либретто третьей оперетки, ею написанной. Изъ Парижа, куда Тургеневъ уѣхалъ 15 апрѣля, онъ шлетъ въ Баденъ своимъ пріятелямъ подробный отчетъ о посѣщеніи имъ оперы «Гамлетъ», въ которой исполнителями выступили одновременно Нильсонъ и Форъ. На этомъ представленіи онъ видѣлъ Наполеона III и императрицу Евгенію. «Я долго лорнировалъ, пишетъ онъ, друга Віардо и нашелъ его безобразнымъ. Мнѣ съ трудомъ удалось открыть его толстыя губы одного цвѣта съ лицомъ. Онѣ производятъ отвратительное впечатлѣніе. Улыбка, слегка насмѣшливая, осталась прежней. Пусть Віардо знаетъ, что человѣкъ этотъ сохранилъ весь свой разумъ. Я готовъ дать руку мою на сожженіе, что это такъ. Это—существо разочарованное, усталое, но не больное. При его входѣ въ театръ десятокъ человѣкъ прокричали: «да здравствуетъ императоръ» и только» [2]).

20 апрѣля 1868 года Тургеневъ въ Баденѣ впервые въ собственномъ домѣ № 9, Tiergartenstrasse. «Я только что занялъ его, пишетъ онъ, и чувствую себя вполнѣ благополучнымъ, нѣсколько грандіозно обставленнымъ и какъ бы по праздничному». Пича ждетъ предназначенная для него комната.

---

[1]) Письмо отъ 2 декабря 1867 г.

[2]) Письмо къ m-me Віардо изъ Парижа, Hôtel Bayrenne 25 марта 1868 г.

Тургеневъ работаетъ надъ либретто третьей оперы. «На дняхъ срепетированы были два хора. Насколько можно судить, будущее произведеніе превзойдетъ во многомъ первыя два. Цѣлый источникъ самой свѣжей и самой сладкой мелодіи открылся въ душѣ нашей пріятельницы и течетъ свободно и величественно. Все вы это сами услышите и, пожалуй, вамъ самимъ придется играть «молчаливаго гостя». Тургеневъ шлетъ свои привѣтствія берлинскимъ друзьямъ и сообщаетъ, что его любимымъ чтеніемъ является теперь исторія нѣмецкой литературы Юліана Шмидта. 24 мая разыграна была въ домѣ Тургенева новая оперетка m-me Віардо, озаглавленная «l'Ogre» (Людоѣдъ). Присутствовала въ публикѣ королева Августа, и успѣхъ былъ блестящій. «Музыка, пишетъ Тургеневъ, очаровательна, поэтична, игрива! Въ ней больше огня и разнообразія, чѣмъ въ прежнихъ двухъ оперетках. Сама Полина Віардо пѣла восхитительно. Во второмъ актѣ исполненъ былъ «pas oriental»—восточный танецъ, разученный съ балетмейстеромъ герцогскаго двора. Что же васъ не было?» прибавляетъ Тургеневъ. «Pends-toi, brave Grillon!» Черезъ двѣ недѣли, сообщаетъ Иванъ Сергѣевичъ, мы увидимся въ Берлинѣ, гдѣ я пробуду два дня. Ужъ наболтаемся же мы вдоволь». Тургеневъ выражаетъ свое удовольствіе по поводу того, что его «Дымъ» и «Капитанъ Ергуновъ» понравились Пичу. Переводъ «Дыма», сдѣланный Гартманомъ и отпечатанный въ еженедѣльномъ приложеніи къ аугсбургской «Allgemeine Zeitung», необыкновенно хорошъ (ist eine wahre Pracht), но зато вышедшій въ Митавѣ, на который Тургеневъ имѣлъ неосторожность дать разрѣшеніе,— «грандіознѣйшее, обиднѣйшее и ограниченнѣйшее свинство. Все они вытравили безчеловѣчно. Осталось «caput mortuum» общихъ мѣстъ». «И эта свинская книга всюду разсылается и какой-то г-нъ Эккертъ изъ Лейпцига уже прислалъ мнѣ посвященную ей рецензію».

17 іюня 1868 г. Тургеневъ въ Берлинѣ проѣздомъ въ Россію. Онъ видится съ Пичемъ, шлетъ свой привѣтъ и уваженіе Менцелю, и, отказываясь отъ загородной прогулки, готовится въ дальній путь. Недѣлю спустя мы находимъ его въ Спасскомъ, откуда онъ шлетъ письмо г-жѣ Віардо. По дорогѣ въ деревню Фетъ удерживаетъ его у себя, какъ онъ жалуется, почти силой.

Попавъ въ свою старую усадьбу, Тургеневъ охваченъ воспоминаніями прошлаго. Онъ видитъ старика Аѳанасія, такъ часто сопровождавшаго его прежде на охоту. Къ нему пріѣзжаетъ также бывшій врагъ его матери, нѣкій Порфирій, съ которымъ въ 1838 г.

онъ предпринялъ первую свою поѣздку въ Германію. Теперь Порфирій желаетъ снять у него кусокъ земли въ Орловской губерніи. Домъ, гдѣ Тургеневу приходится жить, выкрашенъ въ бѣлую краску и настолько приведенъ въ порядокъ, что онъ могъ бы принять въ немъ высокихъ посѣтителей изъ Бадена. Но какъ ни сладки воспоминанія прошлаго, Иванъ Сергѣевичъ уже думаетъ объ отъѣздѣ и высказываетъ надежду, что черезъ пятнадцать дней его здѣсь болѣе не будетъ. Впечатлѣніе, какое производитъ на него Россія, самое печальное. Быть можетъ,—прибавляетъ онъ,—по причинѣ недавно пережитаго ею голода. Никогда еще крестьянскія избы не казались Тургеневу такими нищенскими и развалившимися, а лица людей, ихъ населяющихъ, болѣе блѣдными и грустными. Повсюду шинки и неизлѣчимая нужда. Спасское—единственное селеніе, въ которомъ соломенныя крыши не сняты. А Богу извѣстно, насколько Спасское уступаетъ въ своемъ благосостояніи любому селенію Шварцвальда. Когда подумаешь о разстояніи, которое насъ раздѣляетъ,—прибавляетъ Иванъ Сергѣевичъ,—у меня начинаетъ стыть кровь.

«Умоляю васъ, будьте здоровы всѣ, весь вашъ родъ. Ложусь спать съ страннымъ ощущеніемъ и, вѣроятно, не скоро засну. Старыя стѣны точно смотрятъ на меня съ изумленіемъ, какъ на иностранца. И я таковъ въ дѣйствительности. Спите же хорошо, вы тамъ въ дорогомъ Tiergarten'ѣ и думайте обо мнѣ». На слѣдующій день Тургеневъ снова пишетъ m-me Віардо. Вопреки ожиданіямъ онъ спалъ какъ нельзя лучше и проснулся поздно. Утромъ онъ прошелся по саду, который показался ему громаднымъ. Вся долина баденскаго Tiergarten'а могла бы войти въ него. Воспоминанія дѣтства захватили Ив. Сер. всецѣло. Онъ мысленно увидѣлъ себя мальчикомъ меньшаго возраста, чѣмъ сынъ г-жи Віардо Поль. Онъ бѣгаетъ по дорожкамъ и ложится ничкомъ на клумбы, чтобы украсть землянику. А вотъ дерево, на которомъ сидѣла первая убитая имъ ворона. Вотъ другое, подъ которымъ онъ когда-то открылъ громадный грибъ. Вотъ, наконецъ, то мѣсто, гдѣ ему пришлось быть свидѣтелемъ борьбы мѣдяницы съ лягушкой—обстоятельство, «впервые заставившее его усумниться въ благости Провидѣнія».

Къ Тургеневу приходятъ письма изъ Бадена, увѣдомляющія объ успѣхахъ вагнеровскихъ оперъ. «Очень радъ слышать объ этомъ, отвѣчаетъ онъ. Разъ вы нашли большія красоты въ партитурѣ, я готовъ признать зарожденіе новаго искусства. Я вижу однохарактерныя явленія и въ нашей литературѣ. Послѣдній романъ Льва Толстого «Война и міръ» имѣетъ въ себѣ нѣчто вагне-

ріанское. Я чувствую, что это можетъ быть очень хорошо, но это не то, что я любилъ прежде, что я люблю еще теперь, и мнѣ стоитъ нѣкоторыхъ усилій отказаться отъ прежней точки зрѣнія. А впрочемъ, я далеко не такъ упоренъ, какъ Віардо. Мнѣ еще возможно занять иную позицію, но для этого нужно напряженіе, тогда какъ всякое другое искусство овладѣваетъ мною и уноситъ меня, какъ потокъ». Дурная погода смѣнилась въ Спасскомъ солнечными днями. Тургеневъ вышелъ на воздухъ лѣчить свой насморкъ и усѣлся въ саду на скамьѣ. Залитая свѣтомъ, благоуханная, сіяющая красотою и видимымъ спокойствіемъ земля предстала предъ нимъ настоящимъ полемъ сраженія.

«Все занято было взаимнымъ истребленіемъ и предавалось этому съ необузданной яростью. Я спасъ жизнь маленькому муравью, котораго большой муравей повалилъ на-земь, дѣлая при этомъ прыжки тигра, и едва я освободилъ его, какъ онъ самъ бросился на полумертвую муху и схватилъ ее съ тою же жестокостью. На этотъ разъ я отказался отъ всякаго сопротивленія. Уничтожать или быть уничтоженнымъ—нѣтъ другого выхода, будемъ же уничтожать». Тургеневъ разсчитываетъ на пріѣздъ въ Спасское m-me Віардо. Она обѣщала прибыть года черезъ два, когда подрастутъ двѣ младшія ея дочери—Диди и Маріанна. Чтобы заманить ее, Тургеневъ даетъ слѣдующее описаніе своей усадьбы. «Двѣ чудныя сосны рѣдкой породы растутъ бокъ-о-бокъ среди зеленой лужайки. Чрезъ падающія вѣтки березъ виденъ прудъ, большой прудъ или, скорѣе, озеро Спасскаго. А сколько птицъ, соловьевъ, ласточекъ, снѣгирей, воробьевъ, воронъ! Къ ихъ вѣчному щебетанію присоединяется иногда пѣніе перепеловъ въ хлѣбахъ. Вы увидите,—все это очень мило. Надо вамъ только прибыть толпою». Тургеневу не дають времени отдаться воспоминаніямъ или насладиться красотой деревенскаго лѣта. Толпа просителей возрастаетъ съ каждымъ днемъ по мѣрѣ приближенія дня отъѣзда. Все это народъ нищенскій, настоящая cour des miracles.

«Откуда только берутся хромые, слѣпые, безрукіе, всѣ эти впавшіе въ дряхлость люди, которые ощетинились отъ голода. Какая глубокая нищета! Святая Русь не Русь процвѣтающая. Отъ святого, впрочемъ, этого и ждать нельзя» [1]).

Въ концѣ іюля Тургеневъ возвращается въ Баденъ. Въ августѣ начинается его переписка съ Юліаномъ Шмидтомъ, который проситъ у него хронологической справки о времени выхода въ свѣтъ его различныхъ повѣстей, разсказовъ, пьесъ. Исполнивъ

---

[1]) Письмо отъ 5 и 6 іюля 1868 г. н. стиля.

желаніе Шмидта, Тургеневъ сообщаетъ ему, что съ 1851 г. онъ разстался съ театромъ.

Нѣкоторыя изъ его пьесъ имѣли успѣхъ, но только потому, что въ нихъ выступалъ геніальнѣйшій изъ видѣнныхъ Тургеневымъ актеровъ, нынѣ умершій Мартыновъ.

Пьесой, имѣющей нѣкоторыя достоинства, Тургеневъ считаетъ «Мѣсяцъ въ деревнѣ». «Этой пьесы, прибавляетъ онъ, еще нигдѣ не играли. Писалъ я, къ сожалѣнію, и стихи и даже поэмы. Но они столь посредственны, что могутъ быть сравнены съ грязной тепленькой водой». Время, когда онъ писалъ стихи, Тургеневъ считаетъ несчастнымъ періодомъ своей литературной дѣятельности.

Онъ обнимаетъ собою годы отъ 1843 — 46 «Когда мои друзья хотятъ разсердить меня, прибавляетъ онъ, они цитируютъ мнѣ то или другое изъ моихъ стихотвореній». Въ октябрѣ Тургеневу, еще весною занявшемуся помѣщеніемъ въ «Вѣстникѣ Европы» Ауэрбаховской «Дачи на Рейнѣ», приходится имѣть свиданіе съ авторомъ и прочесть ему свое предисловіе. Слово «свое» подчеркнуто въ письмѣ къ Пичу, которому лучше другихъ было извѣстно, насколько самъ онъ участвовалъ въ составленіи этого предисловія. Иванъ Сергѣевичъ однажды разсказывалъ мнѣ въ Парижѣ, что рѣдко когда ему было такъ не себѣ, какъ при этомъ свиданіи съ Ауэрбахомъ. Дѣло въ томъ, что онъ не удосужился прочесть «Дачу на Рейнѣ» и въ послѣднюю минуту обратился за помощью къ Пичу. Эти разоблаченія, уже попадавшія въ печать, находятъ полное подтвержденіе въ письмѣ отъ 17 октября 1868 г. «Я поставленъ былъ въ необходимость прочесть Ауэрбаху мое предисловіе, выслушать его глубокомысленныя замѣчанія по этому предмету и мое предисловіе появится въ печати!» А между скобками слѣдующее заявленіе: «Я просто-на-просто скопировалъ нѣмецкій оригиналъ. Замѣчанія Ауэрбаха состояли между прочимъ въ слѣдующемъ: Видите ли, въ этомъ вы глубочайшимъ образомъ проникли въ мою душу и сдѣлать это могли только вы. При этомъ я смотрѣлъ гусемъ и думалъ про себя: «о если бъ ты только зналъ». Сохраните мнѣ тайну. (Silentium auch über das)» [1]).

Нѣсколько дней спустя Тургеневъ пишетъ Ауэрбаху [2]): «Дорогой другъ, прошло уже два мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ вы прислали мнѣ вашу послѣднюю книгу, а я благо-

[1]) Письмо отъ 8 октября.
[2]) Отъ 13 октября.

дарю васъ только сегодня. Дѣло въ томъ, что я прочелъ ее еще разъ и теперь вполнѣ увѣренъ, что это весьма замѣчательное твореніе и, можетъ быть, лучшее изъ того, что вами написано. Оно такъ же глубоко продумано, какъ и поэтически выполнено, и останется въ литературѣ. Успѣхъ въ Россіи былъ весьма значителенъ. Стасюлевичъ писалъ мнѣ объ этомъ, да и отъ другихъ я слышалъ то же».

Жизнь въ Баденѣ протекала по-прежнему. «Все здѣсь идетъ благополучно, пишетъ Тургеневъ Пичу. Либретто къ новой оперѣ почти кончено. Съ Віардо мы часто отправляемся на охоту. Моя подагра исчезла. Король и королева прусскіе здѣсь и весьма любезны. Г-жа Віардо на одной matinée пропѣла сцену изъ «Альсеста» какъ богъ» [1]). Двѣ недѣли спустя Тургеневъ уже сообщаетъ своему пріятелю объ успѣшномъ представленіи новой оперетки 17 октября и опять-таки въ присутствіи короля и королевы прусской, кронпринца и кронпринцессы, великаго герцога и великой герцогини баденской. Представленіе устроено было въ домѣ Тургенева. Театръ будетъ готовъ только весною. Тургеневъ увѣдомляетъ Пича, что Ауэрбахъ устроилъ печатаніе его предисловія въ Аугсбургской газетѣ, очень доволенъ имъ и постоянно приводитъ изъ него отрывки. Мало этого, онъ подарилъ Тургеневу снимокъ со статуэтки Кауэра, представляющей его «босоножку». «Mein Liebchen, прибавляетъ Тургеневъ въ обращеніи къ Пичу и цитируя извѣстный стихъ Гейне, чего ты еще хочешь? А все же я со страхомъ думаю, что дѣло это когда-нибудь выйдетъ наружу? Въ такомъ случаѣ я стану отрицать съ невозмутимымъ спокойствіемъ духа. Это я вамъ говорю напередъ».

Юліанъ Шмидтъ, получивши отъ Тургенева нѣкоторые ранѣе неизвѣстные ему повѣсти и разсказы послѣдняго, напечаталъ обширную статью о его творчествѣ. Сообщая объ этомъ, Тургеневъ говоритъ: «Это пока лучшее, что было написано о моемъ ничтожествѣ». Одновременно Тургеневъ пишетъ самому автору статьи, что онъ въ обществѣ m-me Віардо прочелъ напечатанный имъ очеркъ въ «Прусскомъ Ежегодникѣ» [2]). Насколько я самъ могу судить (а вы знаете, что къ собственной дѣятельности, какъ и къ собственной физіономіи, при самомъ сильномъ напряженіи рефлексіи нельзя отнестись вполнѣ объективно), никто еще такъ глубоко и такъ вѣрно не говорилъ обо мнѣ, не указывалъ такъ ясно моихъ предѣловъ и вообще не изображалъ

---

[1]) Письмо отъ 8 октября.
[2]) „Preussische Jahrbücher“, 22 т., стр. 432.

болѣе наглядно характера моего творчества, какъ сдѣлали это вы. Я поистинѣ горжусь тѣмъ, что далъ вамъ поводъ къ такой «студіи». Я очень обрадовался прочитанному и приношу вамъ мою сердечную благодарность. M-me Віардо совершенно раздѣляетъ мою точку зрѣнія. Изъ вашей статьи я много самъ впервые узналъ. Кое-что впервые съ ясностью выступило передъ моими глазами. Напр., мое отношеніе къ той Эллисъ (изъ «Призраковъ»), которую я доселѣ считалъ случайнымъ, фантастическимъ образомъ» [1]).

Личный успѣхъ интересуетъ Тургенева, повидимому, меньше, чѣмъ общее признаніе, какое m-me Віардо въ своей новой роли музыкальнаго композитора встрѣчаетъ и со стороны коронованныхъ особъ, и со стороны большой публики. «Королева сообщаетъ Пичу Тургеневъ, подарила г-жѣ Віардо прекрасный браслетъ, г-ну Віардо великолѣпную вазу. Королева увлечена также дочкой г-жи Віардо, Диди, а одинъ совѣтникъ министерства иностранныхъ дѣлъ Беренъ сравниваетъ ея наружность съ наружностью Сакунталлы». Такъ какъ семья Віардо переселяется въ Карлсруэ, то и Тургеневъ на двѣ недѣли переѣзжаетъ въ этотъ городъ. Онъ здѣсь 20 ноября, 1868 г. по возвращеніи изъ Парижа, куда онъ поѣхалъ навѣстить свою дочь. Въ Карлсруэ ему приходится отпраздновать свое пятидесятилѣтіе въ отелѣ «Наслѣднаго Принца». Благодаря Пича за его поздравленіе, Тургеневъ пишетъ ему: «Да мой другъ, мнѣ стукнуло 50 лѣтъ, или, какъ вы выражаетесь эвфемистически, я покончилъ съ первой половиной моего вѣка, но не храню надежды увидѣть конецъ ближайшей четверти вѣка. Я знаю впрочемъ совершенно опредѣленно годъ моей кончины—1881. Моя мать сообщила мнѣ о немъ напередъ въ сновидѣніи. Это тѣ же цифры, изъ которыхъ складывается годъ моего рожденія—1818, только цифры эти расположены въ другомъ порядкѣ. Я несомнѣнно умру въ 1881 году, если это только не случится раньше или позднѣе. Но 50 лѣтъ скверное число. Приходится покориться». Письма изъ Карлсруэ, какъ и письма изъ Бадена, наполнены, разумѣется, подробностями о семьѣ Віардо. Вопреки намѣренію прожить здѣсь всего двѣ недѣли Тургеневъ остается въ Карлсруэ до лѣта. Г-жа Віардо сняла прекрасную квартиру на «Длинной улицѣ», № 295. Она поетъ на вечерахъ у друзей Шуберта и Шумана. «Ахъ, если бъ вы слышали, какъ она исполняетъ его «Sehnsucht»! Диди прилежно рисуетъ и пода-

---

[1]) Письмо отъ 18 октября 1868 г.

рила Тургеневу въ день его рожденія одно «снятіе со креста», которое представляетъ просто чудо. У ребенка больше воображенія, чѣмъ въ головѣ художника Лессинга, общаго знакомаго Пича и Тургенева. «Все идетъ прекрасно, только бѣдный Віардо быстро старѣетъ». 5 января 1869 г. г-жа Віардо устраиваетъ свой первый музыкальный вечеръ. Самъ Тургеневъ, къ сожалѣнію, работаетъ мало. «Ну да ужъ какъ-нибудь дѣло сладится». Его послѣдняя новелла скоро будетъ отпечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ», но самъ онъ мало интересуется ею, такъ какъ г-жа Віардо объявила ему, что это худшее изъ всего имъ написаннаго. Рѣчь идетъ о повѣсти въ нѣмецкомъ переводѣ извѣстной подъ заглавіемъ «Eine Unglückliche» (Несчастная). Въ письмѣ все еще заходитъ рѣчь о «Капитанѣ Ергуновѣ», котораго перевели „деревяннымъ слогомъ», по выраженію Тургенева, на нѣмецкій языкъ Иванъ Сергѣевичъ шлетъ рукопись Пичу и прилагаетъ къ ней французскій переводъ. Пичъ обяжетъ его, сдѣлавъ нѣкоторыя поправки послѣ сравненія съ французскимъ текстомъ. Болѣе крупное порученіе Тургеневу приходится возложить на Пича въ серединѣ января. Въ письмѣ отъ 15 числа онъ увѣдомляетъ его о томъ, что въ Ригѣ нашелся удивительный издатель, желающій выпустить въ свѣтъ его избранныя сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ. «Онъ хотѣлъ начать въ «Отцовъ и дѣтей» и обратился съ письмомъ ко мнѣ Я рекомендую ему переводъ этого романа, появившійся въ Штутгартѣ и который, по слухамъ, очень хорошъ. Издатель пріобрѣтаетъ этотъ переводъ, шлетъ мнѣ его въ Карлсруэ, прося послѣ просмотра направить его въ одну типографію въ Рудольфштатъ. Я принимаюсь за пересмотръ перевода и нахожу, что онъ сдѣланъ, разумѣется, съ французскаго и очень плохо. Не безъ муки я прочитываю двѣнадцать главъ, снабжаю ихъ моими поправками и чувствую, что болѣе не могу, да и не знаю достаточно для этого нѣмецкую стилистику. Судите о моемъ положеніи, а я еще самъ рекомендовалъ этотъ переводъ. Не выдерживая долѣе, я признаюсь въ моей винѣ добродѣтельному, не себялюбивому издателю.

Что въ самомъ дѣлѣ можетъ дать ему сборникъ моихъ произведеній? Я предлагаю этому издателю переслать переводъ вамъ. Онъ несомнѣнно согласится и къ вашей шеѣ привѣшенъ отнынѣ мельничный жерновъ. Дѣло рисуется мнѣ, впрочемъ, не въ особенно мрачномъ свѣтѣ. Съ молніеносной быстротою въ работѣ, счастливымъ даромъ неба, вы овладѣете въ два дня вашей задачей. Вѣдь она вся сводится къ сопоставленію съ прекраснымъ

французскимъ текстомъ. Если обратится къ вамъ рижскій издатель Берэ, таково имя этого идеальнаго человѣка, то поставьте ему свои условія. Даромъ, клянусь небомъ, вы работы дѣлать не должны».

Пичъ соглашается. Тургеневъ благодаритъ его за это въ ближайшемъ письмѣ. «Такой занятой человѣкъ и идетъ на такую работу,—это ли не дружеская услуга!» При поправкѣ перевода Тургеневъ предоставляетъ Пичу полную свободу. «Онъ можетъ, буде пожелаетъ, женить Базарова на Одинцовой». Протестовать Иванъ Сергѣевичъ не собирается. Наоборотъ. «Базаровъ привыкъ выражаться презрительно и называетъ свое старое пальто «тряпкой» (une locque), — вы можете употребить взамѣнъ какое-угодно слово».

Въ февралѣ г-жа Віардо уѣзжаетъ въ Веймаръ, гдѣ рѣшили поставить на сценѣ «Послѣдняго колдуна» въ музыкальной передѣлкѣ Листа.

8 апрѣля пойдетъ эта оперетка. Листъ, Лассенъ и самъ директоръ веймарскаго театра въ 12 дней, проведенныхъ г-жею Віардо въ Веймарѣ, съ удивительной любезностью и предупредительностью сдѣлали все возможное, чтобы обезпечить успѣхъ.

Тургеневъ провелъ въ Веймарѣ цѣлую недѣлю. «Послѣдній изъ колдуновъ» имѣлъ, по его словамъ, большой успѣхъ.

«Музыка его по истинѣ очаровательна, пишетъ Иванъ Сергѣевичъ Шмидту, и, вопреки моимъ опасеніямъ, либретто не кажется черезчуръ наивнымъ.

Все представленіе прошло бойко и весело. Большинство исполнителей были очень хороши» [1]).

За время пребыванія въ Карлсруэ Тургеневъ снова принялся за работу.

Еще въ февралѣ онъ пишетъ Пичу, что за послѣднюю недѣлю лѣнится меньше прежняго. Только идетъ эта работа съ трудомъ. Своему издателю Тургеневъ въ несчастливый часъ обѣщалъ дать отрывки изъ своихъ «Воспоминаній». Но какъ только ему приходится имѣть дѣло не съ образами, онъ приходитъ въ большое замѣшательство. Ему кажется, что съ равнымъ правомъ можно было бы утверждать и обратное обо всемъ томъ, о чемъ онъ пишетъ.

«Другое дѣло, когда рѣчь идетъ о красномъ носѣ или свѣтлыхъ волосахъ. Волоса-то въ такомъ случаѣ только свѣтлые, и

---

[1]) 16 апрѣля 1869 г.

ност только красный. Этого измѣнить никакими разсужденіями нельзя».

Тургеневъ пообѣщалъ новеллу издателю нѣмецкаго журнала «Салонъ». Пичъ вообразилъ, что она будетъ написана по-нѣмецки.

Тургеневъ возражаетъ на это и пишетъ ему [1]): «Какъ вы могли допустить мысль, что я напишу новеллу на какомъ-либо другомъ языкѣ, кромѣ собственнаго, русскаго? Я собираюсь послать ее Роденбергу, который и займется переводомъ. Но когда мнѣ удастся это сдѣлать?»

Въ началѣ іюня Тургеневъ работаетъ съ m-me Віардо надъ новой оперой для театра въ Карлсруэ.

Письмо отъ 8 іюня 1869 г., быть можетъ, самое интересное изъ всѣхъ, какія заключаетъ въ себѣ обнародованная въ «Revue bleue» корреспонденція Тургенева съ Пичемъ; оно затрогиваетъ вопросъ объ отношеніи Тургенева къ молодежи, выставленной имъ, какъ думали въ Россіи, въ каррикатурномъ видѣ въ образѣ Базарова. «Вы пишете мнѣ — вамъ надо озаботиться рецензіями на «Отцы и дѣти». Прекрасно — напишите ихъ сами, напишите ихъ хладнокровно и строго, но только выскажите въ нихъ ваше изумленіе тому, что личность Базарова принята была молодымъ поколѣніемъ въ Россіи за обидную каррикатуру, за клеветническій памфлетъ. Покажите, что я, наоборотъ, слишкомъ идеализировалъ его, что правда, и что русская молодежь обладаетъ черезчуръ чувствительной эпидермой. За Базарова я былъ забросанъ и до сихъ поръ забрасываемъ грязью. Сколько оскорбленій, сколько бранныхъ словъ было направлено противъ моей, всѣмъ адскимъ силамъ по священной головы! Меня называли сыщикомъ Видокомъ, продажнымъ Іудою, дуракомъ, осломъ!.. Для меня было бы большимъ удовлетвореніемъ показать, что другимъ націямъ дѣло представляется въ иномъ свѣтѣ. Я рѣшаюсь поэтому просить о такой рекламѣ, такъ какъ она отвѣчаетъ истинѣ и, разумѣется, не расходится съ вашимъ собственнымъ убѣжденіемъ». Тургеневъ проситъ Пича поспѣшить съ своей статьею, такъ какъ это позволитъ ему приложить ее къ своимъ «Воспоминаніямъ».

Пичъ исполнилъ желаніе своего пріятеля и въ ближайшемъ письмѣ отъ 2 іюня 1869 г. Тургеневъ тысячу разъ благодаритъ его за статью, помѣщенную имъ въ «Vossische Zeitung».

Его мысль снова занята музыкальными вечерами и утрами г-жи Віардо. «Вчера, т. е. 1 іюля, въ присутствіи королевы со-

---

[1]) 7 марта 1869 г.

стоялось первая «matinée» со времени возвращенія г-жи Віардо въ Баденъ. Мы работаемъ надъ опереткой, но постановка ея на сценѣ едва-ли состоится ранѣе 5 и даже 10 августа».

Тургеневъ не разъ говорилъ въ своей перепискѣ съ Пичемъ и о друзьяхъ въ Россіи. Пичъ передалъ ему однажды о добрыхъ отзывахъ, какіе ему пришлось слышать о Тургеневѣ въ Берлинѣ отъ одного проѣзжаго русскаго.

Тургеневъ опозналъ въ немъ Кавелина. «Это не могъ быть, пишетъ онъ, Анненковъ, живущій въ Петербургѣ, и Ханыковъ, попавшій въ Самаркандъ, гдѣ онъ, какъ губернаторъ и преемникъ Тамерлана, играетъ видную роль. Благо онъ толстъ и подвиженъ, въ восточной важности у него не окажется недостатка» [1]). Къ числу друзей болѣе литературныхъ, нежели личныхъ, принадлежалъ и Писемскій. Тургеневъ озабоченъ успѣхомъ его новаго произведенія «Взбаламученное море» и пишетъ по этому случаю Юліану Шмидту [2]): «У меня къ вамъ просьба, дорогой другъ. Писемскій которому я сообщилъ объ успѣхѣ его романа, не прочь вступить въ переписку съ своимъ нѣмецкимъ переводчикомъ и рекомендовать ему свое произведеніе «Взбаламученное море». Это сильное описаніе нравовъ 60 хъ годовъ въ Россіи. Оно наноситъ не мало ударовъ такъ называемымъ демагогамъ. Прегадкія сцены развертываются здѣсь, и юморъ писателя еще мрачнѣе, чѣмъ въ «Тысячѣ душахъ». Одна лишь общая конструкція романа кажется мнѣ менѣе удачной. Если «Тысяча душъ» понравились нѣмецкой публикѣ, то «Взбаламученное море» придется ей еще болѣе по вкусу».

Вь іюлѣ 1870 года Тургеневъ, проживая по-прежнему въ Баденѣ, уже озабоченъ мыслью о наступающей войнѣ. Пичъ уѣхалъ на Востокъ въ Константинополь и Египетъ, и Тургеневу приходится справляться о его адресѣ у Юліана Шмидта. Въ концѣ іюля онъ переписывается съ послѣднимъ и сообщаетъ ему, что всѣ ждутъ начала войны съ величайшимъ возбужденіемъ, и что ему не нужно говорить, на чьей сторонѣ стоятъ симпатіи всѣхъ. Семья Віардо, враждебно относившаяся къ Людовику Наполеону, видѣла въ наступающемъ столкновеніи ударъ непримиримому врагу французской свободы. Тургеневъ не прочь былъ печатать разоблаченія на счетъ лживости того, какъ онъ выражается, ничтожества, которое сидитъ на французскомъ престолѣ, а равно и всего его правительства.

---

[1]) Письмо отъ 5 января 1869 г.
[2]) 16 декабря 1869 г.

«Змѣю надо бить по головѣ, прибавляетъ онъ, ссылаясь на русскую поговорку». «Хотя и нѣмецъ, вы едва-ли можете радоваться больше меня тому обороту, какой принимаютъ событія», читаемъ мы въ другомъ письмѣ къ Шмидту отъ 28 августа 1870 года. «Итакъ, наступаетъ конецъ безнравственности и лицемѣрію. Надо только не забывать правила «бить змѣю по головѣ». Пока она не вполнѣ умерла, необходимо повторять вслѣдъ за Цезаремъ: ничто не сдѣлано, если еще что-либо остается сдѣлать. Надѣюсь однако, что такъ хорошо начатое будетъ имѣть и счастливое завершеніе. Въ то время, какъ пишу къ вамъ, проникаютъ въ мою комнату несмотря на закрытыя окна, глухія повторяющіяся сотрясенія воздуха. Бомбадируютъ Страсбургъ. Говорятъ, штурмъ его начнется еще сегодня. Жаль прекраснаго города!»

Пичъ, успѣвшій вернуться изъ отдаленнаго путешествія, написалъ Тургеневу письмо съ поля сраженія при Вертѣ. Событія, о которыхъ Тургеневъ упоминаетъ въ письмѣ отъ 28 августа 1870 г., готовили перемѣну въ его дальнѣйшемъ мѣстожительствѣ.

Послѣ паденія Наполеона и водворенія республики семья Віардо рѣшила вернуться въ Парижъ. Тургеневъ, разумѣется, собрался послѣдовать за ними.

Въ годъ, послѣдовавшій за открытіемъ военныхъ дѣйствій, онъ еще зимою уѣхалъ въ Россію. M-me Віардо провела время его отсутствія въ Англіи. 18 февраля 1871 года Тургеневъ уже по дорогѣ въ Россію. Изъ Кёльна онъ пишетъ m-me Віардо: «Я нашелъ гостиницу запруженною народомъ. Поются патріотическія пѣсни въ хорошо извѣстной вамъ залѣ соборнаго отеля.

Войскъ въ одномъ Кёльнѣ 20 тыс. и все пребываютъ новыя изъ Берлина и внутренней Германіи.

Думаю, что французы не согласятся на условія мира, предложенныя имъ Бисмаркомъ. На станціи масса солдатъ спятъ на соломѣ, сидятъ на скамьяхъ или разговариваютъ стоя. Все народъ крѣпкій, жирный, розовый, точно кровь французская, которую они собираются пролить, румянитъ имъ щеки. Страшно смотрѣть на нихъ!

Одинъ нѣмецъ, ѣхавшій со мною, сказалъ мнѣ: отъ побѣдъ мы пойдемъ ко дну; но если французы желаютъ продолженія войны, они будутъ истреблены».

Тургеневъ проводилъ Віардо въ Англію и устроилъ ихъ на Devonshire-place. Знаменитая пѣвица намѣревалась выступить въ этомъ сезонѣ въ концертахъ. Прежде чѣмъ покинуть Кёльнъ, Тургеневъ въ писмѣ къ ней высказываетъ предположе-

ніе, что она прекрасно пѣла на вечерѣ и теперь вернулась довольная своимъ тріумфомъ. Изъ Кёльна Тургеневъ уѣзжаетъ въ Баденъ всего на нѣсколько дней и ѣдетъ далѣе въ Петербургъ. Мы застаемъ его здѣсь на разстояніи 8 дней вернувшимся съ вечера у Сѣровой, гдѣ онъ слышалъ старшую дочь Віардо, Луизу, исполнившую нѣсколько вещей Шумана. Письмо содержитъ въ себѣ упоминаніе объ успѣхѣ Лавровской, ученицы Віардо. Одаренная прекраснымъ голосомъ, она, по словамъ Тургенева, поетъ со вкусомъ и мѣрою, какъ настоящая пѣвица. Письмо интересно еще потому, что въ немъ Тургеневъ говоритъ о первой своей встрѣчѣ съ молодымъ русскимъ скульпторомъ изъ Вильны Антокольскимъ. Его статуя Ивана Грознаго, небрежно одѣтаго, съ библіей на колѣняхъ и погруженнаго въ ужасныя и зловѣщія мечты, кажется Тургеневу шедевромъ историческаго и психологическаго пониманія. Самъ Антокольскій маленькій молодой человѣкъ, у котораго имущества не больше, чѣмъ у церковной крысы; онъ научился читать и писать на 22 году жизни. Въ этомъ юношѣ несомнѣнно сидитъ геній. Его шлютъ въ Италію для поправленія здоровья. 27 февраля Тургеневъ впервые узналъ въ клубѣ объ условіяхъ, на которыхъ французской республикѣ пришлось заключить миръ. Эльзасъ и Лотарингія потеряны, 5 милліардовъ контрибуціи!

«Бѣдная Франція! восклицаетъ онъ. Какой страшный ударъ и какъ ей подняться снова! Я живо представилъ себѣ, что вы должны чувствовать». «Всѣ полны симпатіи къ Франціи прибавляетъ Тургеневъ, указывая тѣмъ, что и его чувства къ ней измѣнились со времени ея освобожденія отъ ига Бонапарта. Ближайшее письмо упоминаетъ объ успѣхѣ, какимъ пользуется въ Петербургѣ «Степной король Лиръ». Тургеневу еще придется вернуться къ этому предмету въ перепискѣ съ Юліаномъ Шмидтомъ. Жена послѣдняго на поставленный ей авторомъ вопросъ отвѣтила, что для нея «Степной король Лиръ» «слишкомъ сильный табакъ». «То же говоритъ и m-me Віардо», замѣтилъ ей Тургеневъ. Посылая новую свою повѣсть Шмидту, онъ высказываетъ въ октябрѣ мѣсяцѣ надежду, что она понравится его женѣ больше «Лира». Этой повѣстью были «Вешнія воды». Ихъ появленіе оживило память о Тургеневѣ въ Россіи. «Многіе посѣщаютъ меня, пишетъ онъ г-жѣ Віардо 19 февраля ст. ст. Если нѣкоторыя считаютъ меня мертвымъ и удивляются тому, что я еще не распорядился своими похоронами, то другіе сохраняютъ ко мнѣ прежнюю дружбу. Сегодня, въ годовщину освобожденія крестьянъ, я приглашенъ былъ на обѣдъ членами комитета, при-

нявшаго ближайшее участіе въ великой реформѣ. Я былъ единственнымъ гостемъ. И это большая честь для меня. Но пригласившіе не удовольствовались ею: они пили еще за мое здоровье. Я могъ ждать этого, и мнѣ бы слѣдовало приготовить спичъ, но я объ этомъ во-время не подумалъ. Пришлось ограничиться немногими словами. Я пробормоталъ ихъ съ обычнымъ краснорѣчіемъ. Они могли замѣтить, что я взволнованъ». Письма Тургенева изъ Россіи и на этотъ разъ богаты подробностями объ умственной и художественной жизни Петербурга. Молодая дѣвушка 19 лѣтъ, дочь Кавелина, въ педагогическомъ обществѣ съ знаніемъ, увѣренностью и рѣдкимъ краснорѣчіемъ, въ присутствіи 200 чел. публики и безъ малѣйшаго педантизма развивала передъ нимъ одну историческую тему. Художники Ге и Вл. Маковскій писали его портретъ. До сихъ поръ никому не приходило это въ голову. Тургеневъ былъ на концертѣ Рубинштейна, который играетъ по прежнему и съ прежнимъ успѣхомъ. Самому Тургеневу пришлось согласиться прочесть съ благотворительною цѣлью отрывокъ изъ своихъ «Записокъ охотника». Онъ выбралъ «Бурмистра», и ему устроили настоящую овацію. Пока m-me Віардо разъѣжаетъ по Англіи, поетъ въ Ливерпулѣ, Манчестерѣ и самомъ Лондонѣ, Тургеневъ знакомится у графини Протасовой съ представителями новой русской музыки. «Я къ сожалѣнію, пишетъ онъ 8 марта ст. ст., не нашелъ у графини Кюи, но зато въ ея салонѣ сидѣлъ Балакиревъ, котораго они считаютъ своимъ главою. Великій Балакиревъ довольно плохо исполнилъ нѣсколько отрывковъ изъ «Фантазіи» для оркестра Римскаго-Корсакова. Вы, вѣроятно, припомните, что вамъ прислали хорошенькіе романсы этого композитора. «Фантазія» Римскаго-Корсакова написана на русскую легенду и музыка ея показалась мнѣ въ общемъ и странной и довольно фантастичной». Тургеневъ доволенъ портретомъ Ге. Всѣ находятъ въ немъ большое сходство, и этого мнѣнія держится и самъ Иванъ Сергѣевичъ. Въ письмахъ Тургенева заходитъ также рѣчь и о посѣщеніи имъ «Эрмитажа», гдѣ онъ любовался и старыми Рембрандтами и новой коллекціей греческихъ предметовъ изъ Керчи. Тургеневъ говоритъ также о намѣреніи Рубинштейна, возненавидѣвшаго нѣмцевъ, основать въ Петербургѣ музыкально-артистическій кружокъ. Тургеневъ согласился быть въ числѣ основателей его, хотя и не надѣется, чтобы изъ этого проекта что-либо вышло.

По возвращеніи изъ путешествія Тургеневъ продаетъ свою виллу и ѣдетъ за Віардо въ Парижъ. «Если бы, писалъ онъ въ это время своему другу Анненкову, эта семья переселилась въ

Австралію, я все же послѣдовалъ бы за нею». Въ октябрѣ 1871 г. онъ уже устраивается въ № 50 rue de Douai, въ третьемъ этажѣ надъ двумя первыми, занятыми семьею его друзей. Съ Германіей, на сторонѣ которой еще недавно были всѣ его симпатіи, онъ сохраняетъ однѣ литературныя связи. Онъ не разъ пользуется ими для того, чтобы порекомендовать нѣмецкимъ критикамъ и нѣмецкимь переводчикамъ какъ русскихъ, такъ и французскихъ писателей. Въ этомъ отношеніи весьма интересна его переписка съ Юліаномъ Шмидтомъ. Въ ней рѣчь заходитъ и о переводѣ на нѣмецкій языкъ «Задачъ психологіи» Кавелина и о рекомендаціи критическихъ работъ самого Шмидта по нѣмецкой и французской литературѣ Тэну и немногимъ французамъ, знающимъ нѣмецкій языкъ, какъ то Нефцеру, Шереру и другимъ, пишущимъ въ парижской газетѣ «Temps». Такъ какъ Юліанъ Шмидтъ посвятилъ себя изученію новѣйшихъ явленій во французской литературѣ, то Тургеневъ не разъ направляетъ къ нему произведенія Флобера, Золя, Альфонса Додэ, сопровождая эти посылки каждый разъ собственными характеристиками препровождаемыхъ сочиненій. Очень интересно то, что онъ пишетъ, напр., объ «Education sentimentale» Флобера, о «Fromont jeune et Risler aîné» Альфонса Додэ и о серіи Ругонъ-Маккаровъ Золя. Тургеневу сочли возможнымъ приписыват послѣ его смерти довольно рѣзкіе отзывы о творчествѣ Додэ. Эти заявленія обѣщали подтвердить документами. Но обѣщаніе доселѣ осталось неисполненнымъ. Быть можетъ, приводимый отрывокъ покажетъ что отношеніе Тургенева къ Додэ было нѣсколько иное въ дѣйствительности. «Я посылаю вамъ, пишетъ 26 ноября 1874 г. Иванъ Сергѣевичъ Юліану Шмидту, романъ молодого писателя изъ той же школы, что и Золя. Онъ пишетъ только мягче и тоньше. Имя его—Альфонсъ Додэ, а книга озаглавлена «Fromont jeune et Risler aîné» Я думаю—вы съ удовольствіемъ прочтете эту вещь». То же письмо заключаетъ въ себѣ строгую оцѣнку новыхъ произведеній Ауэрбаха и Шторма. «Пичъ очень хвалилъ мнѣ, пишетъ онъ, «Waldinsel» послѣдняго, но въ ней нѣтъ ни одного лица способнаго захватить васъ. Психологическіе намеки не открываютъ никакихъ перспективъ, поэзіи мало. Что же касается до ауэрбаховскаго разсказа, то въ немъ уже ровно нѣтъ ничего». Восторженные отзывы даетъ Тургеневъ объ «Education sentimentale» Флобера. Онъ спѣшитъ также подѣлиться съ своимъ другомъ и «Tentation de Saint-Antoine», но въ концѣ концовъ соглашается съ его оцѣнкой, что сочиненіе это, которое онъ ему рекомендовалъ съ большимъ жаромъ, заслуживаетъ кри-

*

тику, направленную противъ него Шмидтомъ. 26-го ноября 1874 года Тургеневъ пишетъ. «Что касается до «Tentation», то вы къ сожалѣнію совершенно правы. Я долженъ признать, что эта замѣчательная книга «неудобовкушаема» (ungeniessbar), такъ какъ она нечеловѣчна (unmenschlich), т. е. не затрагиваетъ того чѣмъ люди живутъ и о чемъ хлопочутъ. Шмидта, повидимому, всего болѣе интересовалъ Золя. Тургеневъ спѣшитъ увѣдомить его, что въ Эженѣ Ругонѣ изображенъ извѣстный министръ Людовика-Наполеона Руэръ, но что сходство чисто внѣшнее, такъ какъ герой романа—болѣе широкая и сильная личность. Клоринда не актриса Монтобанъ, а графиня Кастильонэ, и съ ней сходство поразительное. Главный недостатокъ этой выдающейся книги мелко-городской, провинціальный антуражъ Ругона. Для такого малаго все это слишкомъ мелко. Къ сожалѣнію Золя не знаетъ большого свѣта и черезчуръ робокъ для того, чтобы изучить его какъ слѣдуетъ. Императоръ и императрица переданы съ удивительнымъ сходствомъ. Сегодня я шлю вамъ «Грѣхъ Аббата Мурэ». Начало и конецъ этой книги, быть можетъ, лучшее изъ всего написаннаго Золя, но въ серединѣ, гдѣ онъ изображаетъ пустошь Парадона и предпринимаетъ странный для реалиста ультра-поэтическій полетъ, лежитъ его Ахиллесова пята [1]). Тургеневъ знакомитъ Шмидта и съ внѣшнимъ видомъ автора «Ругоновъ». «Вся его фигура, пишетъ онъ, умнаго, неуклюжаго и неотесаннаго парижскаго рабочаго. Его послѣдняя книга имѣетъ удивительный успѣхъ. Въ три недѣли 13 изданій. Хотѣлось бы знать, что вы о ней думаете». Въ перепискѣ попадаются по временамъ упоминанія и о впечатлѣніи, произведенномъ на Тургенева оцѣнкой собственныхъ его произведеній Шмидтомъ. Онъ доволенъ тою, какая дана имъ его «Нови». «При писаніи этой книги я не чувствовалъ себя вполнѣ свободнымъ, прибавляетъ Тургеневъ. Она должна была выйти въ Россіи и мнѣ пришлось поэтому писать съ оглядкой, чего со мною раньше не бывало. Да и въ теперешнемъ его видѣ мой романъ едва не былъ сожженъ. Большинство цензоровъ высказалось въ этомъ смыслѣ и одинъ только предсѣдательствовавшій министръ внутреннихъ дѣлъ спасъ книгу. Благодаря дипломатической ловкости моего издателя [2]), раздѣлившаго романъ на двѣ части, вопреки моимъ возраженіямъ, онъ проскользнулъ. Весь ядъ былъ во второй части.

---

[1]) Письмо отъ 25 марта 1876 г.

[2]) Разумѣется М. М. Стасюлевичъ.

Скандала дѣлать никто не хотѣлъ, и министръ удовольствовался заявленіемъ, что попадись ему въ руки все сочиненіе сполна, онъ бы его несомнѣнно запретилъ, ну а теперь...»

Баденскій періодъ жизни Тургенева, давшій русской литературѣ «Дымъ» и «Вешнія воды», несомнѣнно менѣе продуктивенъ, чѣмъ предшествовавшая ему эпоха начала шестидесятыхъ годовъ. Тургеневъ долгое время не могъ отдѣлаться отъ досадливаго чувства, что онъ не понятъ старымъ поколѣніемъ и не оцѣненъ новымъ.

Но годы, проведенные Тургеневымъ въ Баденѣ, были счастливыми годами его жизни. Никогда еще ему не приходилось оставаться такъ долго въ тѣсномъ почти ежедневномъ умственномъ и сердечномъ общеніи съ тою замѣчательной артисткой, которая такъ мощно захватила собою нашего художника и на всю жизнь оставалась его лучшимъ другомъ. Въ ея обществѣ Тургеневъ не только развилъ въ себѣ тонкое пониманіе различнѣйшихъ видовъ искусства, начиная отъ пѣнья и музыки и оканчивая живописью. Онъ сошелся еще со всѣмъ, что вторая половина текущаго столѣтія насчитывала по истинѣ выдающагося въ области творчества и художественной критики. Друзья Тургенева въ Германіи и Франціи одновременно поклонники таланта великой пѣвицы, а его политическіе и философскіе единомышленники—товарищи по оружію ея мужа—Луи Віардо—одного изъ основателей лучшаго журнала Франціи, знатока романскихъ литературъ, республиканца по духу и заклятаго врага государственнаго переворота Людовика Наполеона. Въ свободолюбивой семьѣ Віардо Тургеневъ нашелъ откликъ и поддержку своимъ либеральнымъ влеченіямъ. Ревнитель крестьянской эмансипаціи встрѣтилъ благодарную аудиторію въ кружкѣ людей, дружившихъ съ французской эмиграціей 1852 года, раздѣлявшей широкіе общественные идеалы столько же Виктора Гюго, сколько и Жоржъ Зандъ. Просвѣщенный космополитизмъ нашего великаго западника находилъ откликъ въ широкомъ пониманіи Віардо иностранныхъ литературъ, не исключая нѣмецкой. Гете и Гейне и тѣ толкованія, какія давалъ ихъ эпохамъ Юліанъ Шмидтъ, находили литературныхъ восторженныхъ читателей въ жителяхъ баденской Тіергартенштрассэ и въ нихъ же встрѣчали радушный пріемъ и широкое гостепріимство нѣмецкіе романисты, критики, художники и музыканты, начиная съ Ауэрбаха и Гейзе, Шмидта и Пича и оканчивая Менцелемъ и Листомъ.

Въ исторіи музыки XIX в. семья Гарсіа и принадлежавшая къ ней Полина Віардо займутъ несомнѣнно выдающееся мѣсто

не столько оперетками и романсами, столь цѣнимыми Тургеневымъ, готовымъ писать для нихъ либретто и пріискивать русскіе и иностранные стихи, сколько превосходной передачей лучшихъ произведеній Глюка, Моцарта и Беллини.

Но салонъ Віардо, въ которомъ въ Баденѣ сходились съ велико-герцогскою семьею музыканты, поэты и артисты Германіи и Россіи, а въ Парижѣ можно было встрѣтить цвѣтъ французской литературы и искусства, также призванъ былъ сыграть видную роль въ общей исторіи культуры XIX ст. Въ этомъ же салонѣ далеко не послѣднее мѣсто отведено было нашему художнику пера. При его посредничествѣ русская литература начинаетъ входить въ общую сокровищницу европейской мысли и европейскаго творчества и завязывался живой обмѣнъ художественными произведеніями — между русскими, французскими и нѣмецкими писателями.

По всѣмъ указаннымъ причинамъ Баденскій періодъ жизни Тургенева, прямымъ продолженіемъ котораго является его дальнѣйшая жизнь въ Парижѣ, не лишенъ интереса не для одной его біографіи, но и для исторіи мірового обмѣна продуктами художественно-творческой и критико-эстетической мысли. Къ Баденскому періоду относится начало широкой извѣстности Тургенева на западѣ, а ею открывается эпоха мирнаго завоеванія европейской публики русскимъ романомъ и повѣстью, а затѣмъ и русской музыкой и русскимъ театромъ. Научная мысль пока работаетъ въ Россіи еще по европейскимъ образцамъ. Она, заодно съ учрежденіями, менѣе призвана носить на себѣ печать національной обособленности. Но на обширной аренѣ международнаго соперничества въ дѣлѣ расширенія точнаго знанія изобрѣтательность русскаго ума уже пользуется заслуженной извѣстностью. Павловъ и Мечниковъ только послѣднія звенья въ длинной цѣпи русскихъ ревнителей науки, имена которыхъ извѣстны всему міру.

Далеко ли то время, когда Россія призвана будетъ принять участіе и въ дѣлѣ развитія человѣческой солидарности? Будемъ надѣяться, что оно не заставитъ себя ждать и что переживаемое нами тяжкое переходное время — стоитъ на рубежѣ новой и производительной эры въ исторія русской общественности. Наша литература озарила благодаря Тургеневу и Толстому такимъ яркимъ свѣтомъ предлежащій намъ путь, что при немъ вѣроятнымъ кажется выходъ и изъ болѣе запутаннаго лабиринта, чѣмъ тотъ, въ которомъ мы продолжаемъ бродить и по настоящій день.

Въ письмѣ къ Флоберу изъ Круасэ близъ Руана отъ 19 апрѣля 1863 г. Тургеневъ пишетъ: «Черезъ недѣлю я оставлю Парижъ, чтобы переселиться въ Баденъ. Не пріѣдете-ли вы туда? Такихъ деревьевъ, какъ тамъ, я нигдѣ не видалъ и притомъ на самой вершинѣ горъ. Это сильно, молодо, поэтично и изящно и благотворно дѣйствуетъ на глаза и на душу. Когда сидишь у подножья одного изъ этихъ великановъ, кажется, что заимствуешь часть его соковъ. Пріѣзжайте въ Баденъ хоть на недѣлю. Вы вывезете отсюда дивныя краски для вашей палитры» [1]).

Начавшись въ 1863 году, пребываніе Тургенева въ Баденѣ окончилось съ франко-прусской войною въ 1871 г. Семья Віардо уѣхала въ Лондонъ. Причиной этого, по словамъ Ивана Сергѣевича, было то, что война совершенно разорила ихъ. «Я въ Англіи, пишетъ къ тому же Флоберу 6 мая 1871 г. Иванъ Сергѣевичъ, не потому, чтобы мнѣ доставляло удовольствіе жить здѣсь, но потому, что мои друзья, почти разорившіеся во время войны, пріѣхали сюда, чтобы постараться заработать сколько нибудь денегъ». Тургеневъ не долго прожилъ въ Англіи, и когда по окончаніи войны Віардо поселились въ Парижѣ, Иванъ Сергѣевичъ послѣдовалъ за ними и занялъ второй этажъ дома за № 48 въ rue de Douai.

Максимъ Ковалевскій.

---

[1]) См. неизданныя письма къ г-жѣ Віардо и французскимъ друзьямъ Тургенева. 1900 г., стр. 135—136.

Пѣсни на деревнѣ.

Голоса и гармонія были слышны точно рядомъ, но за туманомъ никого не было видно. Былъ будній день, и потому пѣсни по утру сначала удивили меня.

«Да, это вѣрно рекрутовъ провожаютъ»,—вспомнилъ я бывшій на дняхъ разговоръ о томъ, что пятеро назначено изъ нашей деревни, и пошелъ по направленію невольно притягивающей къ себѣ веселой пѣсни. Когда я подходилъ къ пѣсенникамъ, пѣсни и гармонія затихли. Пѣсенники, т. е. провожаемые ребята, вошли въ каменную, двухъ-связную избу, къ отцу одного изъ призываемыхъ. Противъ дверей стояла небольшая кучка бабъ, дѣвокъ, дѣтей. Пока я спрашивалъ у бабъ, чьи да чьи ребята идутъ и зачѣмъ они зашли въ избу, изъ двери вышли, сопровождаемые матерями и сестрами, и сами молодые ребята. Ихъ было пятеро: четверо холостыхъ, одинъ женатый. Деревня наша подъ городомъ и почти всѣ призывные работали въ городѣ и были одѣты по городски, очевидно, въ самыя лучшія одежды, въ пиджаки, новые картузы, высокіе, щегольскіе сапоги. Естественно, больше другихъ, бросался въ глаза невысокій, хорошо сложенный парень съ милымъ, веселымъ, выразительнымъ лицомъ, съ чуть пробивающимися усиками и бородкой, и блестящими, карими глазами. Какъ только онъ вышелъ, онъ тотчасъ же взялся за большую, дорогую гармонику, висѣвшую у него черезъ плечо, и, поклонившись мнѣ, тотчасъ же, быстро перебирая клавиши, заигралъ веселую «барыню» и въ самый разъ такта, бойко, отрывисто шагая, тронулся вдоль улицы.

Рядомъ съ нимъ шелъ тоже невысокій, коренастый, бѣлокурый малый. Онъ бойко поглядывалъ по сторонамъ и лихо подхватывалъ второй голосъ, когда запѣвало выводилъ первый. Это былъ женатый. Эти двое шли впереди. Остальные же трое, такъ же хорошо одѣтые, шли позади ихъ и ничѣмъ особенно не отличались, развѣ только тѣмъ, что одинъ изъ нихъ былъ высокъ ростомъ.

Я шелъ съ толпой за парнями. Пѣсни все были веселыя и во время шествія не было никакихъ выраженій горя. Но какъ только подошли къ слѣдующему двору, въ которомъ должно было также быть угощеніе и остановились, такъ началось вытье женщинъ. Трудно было разобрать, что онѣ причитали. Слышны были только отдѣльныя слова: смеретушка... отца матери... родиму сторонушку... И послѣ каждаго стиха голосящая, втягивая въ себя воздухъ, заливалась сначала протяжными стонами, а потомъ закатывалась истерическимъ хохотомъ. Это были матери, сестры уходившихъ. Кромѣ голошенія родственницъ слышны были уговоры постороннихъ. «Да будетъ, Матрена, я чай уморилась»,— услыхалъ я слова одной женщины, уговаривавшей голосящую.

Парни вошли въ избу, я остался на улицѣ, разговаривая съ знакомымъ крестьяниномъ Василіемъ Орѣховымъ, бывшимъ моимъ школьникомъ. Сынъ его былъ одинъ изъ пятерыхъ, тотъ самый женатый парень, который шелъ, подпѣвая подголоскомъ.

— Что-жъ. Жалко.—сказалъ я.

— Что же дѣлать. Жалѣй не жалѣй, служить надо.

И онъ разсказалъ мнѣ все свое хозяйственное положеніе. У него было три сына: одинъ былъ дома, другой былъ этотъ уходящій въ солдаты, третій жилъ такъ же, какъ и второй, въ людяхъ и хорошо подавалъ въ домъ. Этотъ же, уходящій, очевидно былъ плохой подавальщикъ. «Жена городская, къ нашему дѣлу не годится. Отрѣзанный ломоть. Только бы самъ себя кормилъ. Жалко то жалко. А что же подѣлаешь».

Пока мы говорили, парни вышли изъ дома на улицу и опять началось голошеніе, взвизги, хохотъ, уговоры. Постоявъ у двора минутъ пять, тронулись дальше и опять гармоника и пѣсни. Нельзя было не дивиться на энергію, бодрость игрока, какъ онъ вѣрно отбивалъ темпъ, какъ притопывалъ, останавливаясь, какъ замолкалъ и потомъ въ самый разъ подхватывалъ развеселымъ голосомъ, поглядывая кругомъ своими ласковыми, карими глазами. У него очевидно было настоящее и большое музыкальное дарованіе. Я смотрѣлъ на него и когда мы встрѣчались съ нимъ глазами—такъ по крайней мѣрѣ мнѣ казалось—онъ какъ будто смущался и, двинувъ бровью, отворачивался и еще бойчѣе заливался. Когда подошли къ пятому, послѣднему двору и ребята вошли въ домъ, я вошелъ за ними. Парней всѣхъ пятерыхъ усадили за убранный скатертью столъ. На столѣ былъ хлѣбъ и вино. Хозяинъ, тотъ самый, съ которымъ я говорилъ и который провожалъ женатаго сына, наливалъ и подносилъ. Ребята почти ничего не пили, отпивали не больше четверти стаканчика, а то

только пригубливали и отдавали. Хозяйка рѣзала ковригу и подавала закусывать. Хозяинъ подливалъ стаканчики и обносилъ. Въ то время, какъ я смотрѣлъ на парней, съ печки, подлѣ самаго того мѣста, гдѣ я сидѣлъ, слѣзла женщина въ самой, показавшейся мнѣ неожиданной и странной одеждѣ. На женщинѣ было свѣтло-зеленое, кажется шелковое платье съ модными украшеніями, на ногахъ были ботинки съ высокими каблуками, бѣлокурые волосы были причесаны по модному большой шапкой и въ ушахъ были большія золотыя серьги-кольца. Лицо женщины было не грустное и не веселое, но какъ будто обиженное. Она сошла на полъ, бойко постукивая своими съ высокими каблучками новыми ботинками, и, не глядя на ребятъ, вышла въ сѣни. Все въ этой женщинѣ: и ея одѣяніе, и ея обиженное лицо, и въ особенности серьги— все было такъ чуждо всему окружающему, что я никакъ не могъ понять, кто она могла быть и зачѣмъ попала на печку въ избу Василія. Я спросилъ у сидѣвшей рядомъ со мною женщины, кто она.

— Сноха Васильева. Изъ горничныхъ она,—отвѣчали мнѣ.

Хозяинъ сталъ наливать въ 3-й разъ, но парни отказались отъ угощенія, встали, помолились, поблагодарили хозяевъ и вышли на улицу. На улицѣ тотчасъ же опять заголосили. Первая заголосила, вышедшая за парнями очень старая, сгорбленная женщина. Она такъ особенно жалостно голосила, такъ закатывалась, что бабы, не переставая уговаривали ее и подхватывали подъ локти воющую, закатывающуюся и падающую впередъ старуху.

— Кто это?—спросилъ я.

— Да бабка его, Василья мать, значитъ.

Какъ только старуха истерически захохотала и повалилась на руки поддерживающимъ ее бабамъ, шествіе тронулось дальше и опять залилась гармонія и веселые голоса.

На выходѣ изъ деревни подъѣхали телѣги, чтобы везти призывныхъ до волости, и всѣ остановились. Воя и плача больше не было. Гармонщикъ же все больше и больше расходился. Онъ, согнувъ голову на бокъ, и установившись на одной ногѣ и вывернувъ другую, постукивалъ ею, руки же выводили частыя, красивыя фіоритуры и какъ разъ, гдѣ надо было, подхватывалъ пѣсню его бойкій, высокій, веселый голосъ и пріятный подголосокъ Васильева сына. И старые, и молодые, и въ особенности окружавшіе толпу ребята, и я въ томъ числѣ, всѣ мы, не спуская глазъ, смотрѣли на пѣвца, любуясь имъ.

— И ловокъ же бестья!—сказалъ кто-то изъ мужиковъ.

— Горе плачетъ, горе пѣсенки поетъ.

Въ это время къ пѣсеннику подошелъ энергическимъ, большимъ шагомъ тотъ изъ провожаемыхъ парней, который былъ особенно высокаго роста. Нагнувшись къ гармонисту, онъ что-то сказалъ ему.

«Какой молодчина»—подумалъ я.—«Этого уже вѣрно зачислятъ куда-нибудь въ гвардію». Я не зналъ чей онъ, изъ какого двора.

— Чей этотъ? Такой бравый,—спросилъ я, указывая на молодцеватаго парня, у невысокаго старичка, подходившаго ко мнѣ.

Старичокъ, снявъ шапку, поклонился мнѣ, но онъ не разслышалъ мой вопросъ.

— Чего говорите?

Въ первую минуту я не узналъ его, но какъ только онъ заговорилъ, я тотчасъ же вспомнилъ работящаго, хорошаго мужика, который, какъ часто бываетъ, какъ бы на подборъ, подпадалъ подъ одно несчастье послѣ другого: то лошадей двухъ увели, то сгорѣлъ, то жена померла. Не узналъ я его въ первую минуту потому, что давно не видалъ его, помнилъ Прокофія красно-рыжимъ, средняго роста человѣкомъ, теперь же онъ былъ не рыжій, а сѣдой, и совсѣмъ маленькій.

— Ахъ это ты, Прокофій,—сказалъ я.—Я спрашиваю: чей этотъ молодецъ, вотъ что подходилъ къ Александру?

— Этотъ?—повторилъ Прокофій, указывая движеніемъ головы на высокаго парня. Онъ качнулъ головой и прошамкалъ какое-то слово, я не разобралъ что.

— Я говорю: чей малый?—переспросилъ я и оглянулся на Прокофія.

Лицо Прокофія сморщилось, скулы задрожали.—Мой это,—проговорилъ онъ и, отвернувшись отъ меня и закрывая лицо рукою, захлюпалъ, какъ ребенокъ.

И только теперь, послѣ этихъ двухъ словъ Прокофія: «мой это», я не однимъ разсудкомъ, но всѣмъ существомъ своимъ почувствовалъ весь ужасъ того, что происходило передо мною въ это памятное мнѣ туманное утро. Все то разрозненное, непонятное, странное, что я видѣлъ, все вдругъ получило для меня простое, ясное и ужасное значеніе. Мнѣ стало мучительно стыдно за то, что я смотрѣлъ на это, какъ на интересное зрѣлище. Я остановился и съ сознаніемъ совершеннаго дурного поступка вернулся домой.

И подумать, что все это совершается теперь надъ тысячами, десятками тысячъ людей по всей Россіи и совершалось и будетъ долго еще совершаться надъ этимъ кроткимъ, мудрымъ, святымъ и такъ жестоко и коварно обманутымъ русскимъ народомъ.

Левъ Толстой.

8-го ноября 1909 г.
Ясная Поляна.

Памяти Н. К. Михайловскаго [1]).

Всѣ крупные дѣятели литературнаго фонда, которыхъ мы вспоминаемъ сегодня, органически, кровно были связаны съ литературою. Но почти у всѣхъ ихъ кромѣ литературы было и другое дѣло. Н. К. Михайловскій принадлежалъ исключительно литературѣ. Дружининъ былъ отставной офицеръ, Ковалевскій—крупный чиновникъ, Гаевскій—юристъ, Манасеинъ—медикъ, Вейнбергъ—педагогъ; Михайловскій былъ только литераторъ. «Вся моя жизнь, говоритъ онъ въ своихъ «Литературныхъ воспоминаніяхъ», прошла въ литературѣ... начавъ писать на школьной скамьѣ, я затѣмъ уже не переставалъ быть литераторомъ и только литераторомъ».

Литературѣ онъ отдавался весь и литература была для него всѣмъ. Но задачи литературы онъ понималъ широко.

Условія русской жизни создали для русской литературы въ послѣдніе полвѣка совершенно особое положеніе. Движеніе общественной мысли шло у насъ всегда впереди движенія самой общественной жизни. Еще Герценъ говорилъ, что «образованный русскій самый свободный человѣкъ въ мірѣ». Это въ темную крѣпостную пору! Когда въ половинѣ прошлаго столѣтія, съ паденіемъ крѣпостного права — главнаго устоя строй России — начался процессъ перестройки русской жизни, не окончившійся и донынѣ,—долгое время литература была единственною ареною, гдѣ вырабатывалось общественное мнѣніе, единственною публичною трибуною, на которой сталкивались люди, въ разныхъ направленіяхъ и на разныхъ путяхъ ищущіе правды въ общественныхъ отношеніяхъ. Это налагало особую печать на всѣ проявленія литературной дѣятельности. Общественная складка характеризуетъ всю русскую литературу послѣднихъ десятилѣтій въ ея цѣломъ. Но съ особою яркостью выразилась она въ рус-

---

[1]) Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи литературнаго фонда 8 ноября 1909.

ской журналистикѣ. Тотъ типъ журнала, который сложился у насъ, представляетъ собою исключительное, свойственное только русской жизни явленіе. Говорятъ, что теперь онъ ужъ отжилъ свой вѣкъ. Не знаю, такъ ли это. Но во всякомъ случаѣ свою и очень существенную роль въ исторіи русскаго идейнаго и общественнаго движенія онъ сыгралъ несомнѣнно.

Михайловскій всю жизнь былъ русскимъ журналистомъ, сорокъ четыре года онъ провелъ «на славномъ посту», какъ боецъ, работникъ и знаменосецъ передового отряда русской интеллигенціи. Онъ отдалъ этому дѣлу всего себя и взялъ отъ него все — не только лавры, не только нравственное удовлетвореніе, которое давала работа, идущая всегда рядомъ съ живою жизнью, прислушиваясь къ біенію ея пульса и отзываясь на всѣ ея запросы, но и терніи, съ этой работой связанныя. И не одни только такъ называемыя «независящія обстоятельства», но которыя такъ мучительно приходится наталкиваться чуть не на каждомъ шагу всякому честному русскому писателю—создавали и создаютъ эти терніи. Нѣтъ, русскій журналистъ знаетъ и другія. Выступая на поприще своего общественнаго служенія, онъ самъ налагаетъ на себя ограниченія. Не свободный полетъ творческой мысли и творческой фантазіи, а велѣнія общественнаго долга, злоба дня данной минуты опредѣляютъ каждый его шагъ. Чернышевскій, этотъ крупный синтетическій умъ, который могъ бы создать очень многое въ области теоретическаго знанія, обрекъ себя на роль «просвѣтителя» современнаго ему русскаго общества. Успенскому кровная связь со злобами дня не дала возможности развернуть во всю широту силы своего художественнаго таланта. И Михайловскому приходилось переживать коллизіи между влеченіями теоретической мысли и властными требованіями живой жизни. «Конечно,—говоритъ онъ въ одной полемической статьѣ—тѣ небольшія достоинства, которыя признаетъ за мною мой критикъ, позволили бы мнѣ... успокоиться на области теоретической мысли. Къ этому признаться и тянуло меня часто: потребностъ теоретическаго творчества требовала себѣ удовлетворенія и въ результатѣ являлось философское обобщеніе или соціологическая теорема. Но тутъ же, иногда среди самаго процесса этой тоеретической работы, привлекала къ себѣ своею яркою и шумною пестротой, всею своею плотью и кровью житейская практика сегодняшняго дня и я бросалъ высоты теоріи, чтобы черезъ нѣсколько времени опять къ нимъ вернуться и опять бросить...»

Я не могу, конечно, даже въ самыхъ крупныхъ чертахъ

дать очеркъ идей Михайловскаго, его соціологическихъ и публицистическихъ воззрѣній. Мнѣ хотѣлось бы только напомнить двѣ—три черты его физіономіи, какъ дѣятеля литературы.

Укажу прежде всего на его непреклонную твердость. Михайловскій какъ то говорилъ про себя образно, что онъ всю жизнь проходилъ въ одномъ сюртукѣ. Это не значитъ конечно, чтобы въ его общественныхъ воззрѣніяхъ не было никакого движенія, чтобы они не развивались, а застыли на какой нибудь одной точкѣ. Нѣтъ, но въ основныхъ чертахъ они очень рано приняли опредѣленныя очертанія, и Михайловскій никогда и ни во имя чего ими не поступался. Онъ не зналъ компромиссовъ. Была полоса жизни, когда его идеи были весьма популярны, когда онъ былъ «властителемъ думъ» своего поколѣнія. Но были и другія времена. Общественныя симпатіи отошли въ другую сторону. Михайловскій былъ одинокъ. Съ холоднымъ равнодушіемъ или съ предубѣжденнымъ непониманіемъ относились къ нему тамъ, гдѣ недавно еще окружали его восторженнымъ поклоненіемъ. Но Михайловскій все время оставался тѣмъ же, чѣмъ былъ. Никогда онъ не искалъ популярности и никогда ни ради нея, ни подъ давленіемъ какихъ бы ни было внѣшнихъ обстоятельствъ не отступалъ ни на шагъ отъ того, что подсказывалъ ему его писательскій долгъ. Отличительною чертою Михайловскаго при этомъ была всегдашняя его простота. Я не встрѣчалъ другого человѣка настолько чуждаго всякой аффектаціи, какъ покойный Николай Константиновичъ. Онъ никогда не старался придать какого нибудь эффектнаго показного характера своимъ поступкамъ. Та суровая простота, которая отличала его слогъ, была характерна и для всей его общественной дѣятельности.

Отмѣчу еще одну характерную для Михайловскаго черту. Будучи сторонникомъ міровоззрѣнія труда, Михайловскій, у котораго слова не расходились съ дѣломъ, былъ и въ жизни человѣкомъ труда. Онъ и самъ былъ неустанный работникъ и проникнутъ былъ глубокимъ уваженіемъ къ труду и къ людямъ труда, какое бы скромное мѣсто въ іерархіи трудовой арміи они ни занимали.

Эти черты характеризуютъ и дѣятельность Михайловскаго въ тѣхъ литературныхъ единеніяхъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе, и роль его въ различныхъ коллективныхъ выступленіяхъ работниковъ пера. Я не буду говорить здѣсь подробно объ этихъ выступленіяхъ. Остановлюсь только на отношеніи Михайловскаго къ двумъ литературнымъ союзамъ, въ которыхъ его участіе было

болѣе длительное и активное. Это «союзъ писателей» и «литературный фондъ».

Исторія погибшаго славною смертью «союза писателей» еще свѣжа въ памяти и я не буду ея пересказывать. Михайловскій былъ несомнѣнно центральною фигурою въ союзѣ и несомнѣнно въ самой значительной степени благодаря его вліянію создалась та бодрая атмосфора, которая держалась въ союзѣ во все время его существованія,—хотя и краткаго, но далеко не безслѣдно прошедшаго въ исторіи нашей общественности.

Если въ союзѣ писателей мы видѣли Михайловскаго борца, Михайловскаго политическаго дѣятеля, то въ работѣ литературнаго фонда предъ нами онъ выступаетъ другою своею стороною—какъ человѣкъ труда въ лучшемъ значеніи этого слова. То великое уваженіе, которое онъ питалъ къ труду и ко всякому честному труженику, помогало ему стать въ правильныя прямыя и простыя отношенія къ собратіямъ по перу, нуждающимся въ поддержкѣ фонда, и придать этой поддержкѣ тотъ товарищескій, участливый и неоскорбляющій обращающагося за помощью характеръ, который она должна носить. Для Михайловскаго не существовало ранговъ въ литературномъ трудѣ; каждый скромный труженикъ, каждый самый маленькій писатель былъ для него такой же товарищъ, какъ и любая яркая звѣзда на литературномъ небосклонѣ. Понималъ онъ и неудачника, понималъ и драмы, вызываемыя тѣмъ, что «кто хоть разъ хлебнулъ изъ этой чаши (писательства), того развѣ какія нибудь исключительныя обстоятельства могутъ оторвать отъ нея». Каждый изъ сотоварищей-писателей, которому въ трудную минуту жизни приходилось имѣть дѣло съ Михайловскимъ, какъ съ дѣятелемъ литературнаго фонда, нисколько не сомнѣваюсь, подтвердить все сказанное мною. Припоминаю я, между прочимъ, какъ послѣ кончины Ник. Конст. ко мнѣ приходилъ одинъ газетный репортеръ—теперь тоже покойный—испытавшій такую трудную минуту, приходилъ посовѣтоваться относительно панихиды, которою предполагали помянуть почившаго спеціально мелкіе газетные работники.

Съ литературнымъ фондомъ Михайловскій былъ кровно и тѣсно связанъ. Онъ любилъ это учрежденіе и работалъ въ немъ долгіе годы. 18 лѣтъ онъ былъ въ составѣ комитета фонда, исполняя обязанности предсѣдателя, секретаря, члена комитета. Одинъ разъ даже Ник. Конст., при всей своей идіосинкразіи съ цифрой и счетомъ, несъ временно обязанности казначея Онъ никогда не отказывался ни отъ какой работы, которая была въ

данный моментъ нужна. Литературному фонду отданы были и послѣдніе часы его жизни. Помню я живо послѣднее засѣданіе комитета, на которомъ онъ участвовалъ, 27 января 1904 года. Недугъ, сведшій его въ могилу, тогда уже крѣпко держалъ его въ своихъ рукахъ. Послѣднее время Ник. Конст. часто тяготился бывать въ обществѣ; даже сидя въ кругу близкихъ, онъ какъ бы отсутствовалъ, только съ видимымъ усиліемъ воспринимая то, что происходило кругомъ. Но на этотъ разъ онъ былъ какъ-то особенно оживленъ и бодръ; съ живымъ интересомъ участвовалъ онъ во всѣхъ дебатахъ. Припоминаю я такую подробность. Засѣданіе происходило совмѣстно съ ревизіонной комиссіей;, я, какъ казначей, былъ въ другой комнатѣ, гдѣ шла провѣрка моей кассы. Михайловской пришелъ туда спеціально искать меня—не доставало одного голоса для рѣшенія вопроса о выдачѣ пособія одному маленькому писателю, судьбою котораго онъ живо заинтересовался. Увы! это была послѣдняя вспышка угасавшей уже жизни. Вернувшись домой съ затянувшагося засѣданія, Ник. Конст. скончался скоропостижно среди одного изъ припадковъ мучившей его грудной жабы. Жившій съ нимъ племянникъ, пришедшій домой послѣ Н. К., нашелъ его уже мертвымъ.

Такъ окончилась эта благородная жизнь. Еще одна могила прибавилась на литературномъ кладбищѣ и еще порѣдѣли ряды головного отряда борющихся за торжество правды-истины и правды-справедливости. Ушелъ тотъ, кого некѣмъ было замѣнить, и ушелъ тогда, когда его силы были особенно нужны. Пусть же его свѣтлый образъ живетъ въ нашей памяти, какъ путеводная звѣзда для всѣхъ, кто служитъ по мѣрѣ силъ тому же великому дѣлу, для котораго онъ работалъ и за которое боролся всю свою жизнь.

Н. Анненскій.

Празднованіе юбилея литературнаго фонда.

8 ноября 1909 г.

Наиболѣе обстоятельный изъ газетныхъ отчетовъ о празднованіи юбилея появился въ „Рѣчи“ отъ 9 ноября. Его мы и воспроизводимъ, чтобы дать общую картину празднованія. Полностью произнесенныя рѣчи помѣщены въ разныхъ мѣстахъ настоящаго сборника, а привѣтствія въ концѣ. Ред.

Александровскій залъ с.-петербургской городской думы, декорированный тропическими растеніями и украшенный портретами выдающихся дѣятелей фонда, И. С. Тургенева, Ѳ. М. Достоевскаго, В. А. Манасеина, Н. К. Михайловскаго и др., еще задолго до назначеннаго часа сталъ наполняться приглашенными гостями. На эстрадѣ вскорѣ появляются члены комитета. Среди нихъ обращаютъ на себя вниманіе В. Г. Короленко и маститый М. М. Стасюлевичъ, одинъ изъ двухъ оставшихся въ живыхъ основателей фонда. Къ часу дня прибыли представители многочисленныхъ депутацій.

Къ началу 2-го часа залъ былъ переполненъ. Среди гостей много представителей литературы, науки, журналистовъ, масса учащейся молодежи. Въ половинѣ второго проф. Н. И. Карѣевъ объявилъ засѣданіе открытымъ.

РѢЧИ.

Первое привѣтственное слово произнесъ Н. И. Карѣевъ. На меня выпала высокая честь—говоритъ Н. И.—привѣтствовать собраніе съ 50-лѣтіемъ существованія литературнаго фонда Учрежденіе его совпало съ эпохой нашего обновленія и представляетъ собою одинъ изъ результатовъ прогрессивнаго движенія. Оттого-то общество въ самомъ началѣ такъ живо откликнулось на нужды фонда и онъ быстро сталъ расти, а теперь представляетъ собою учрежденіе, которымъ интересуется вся интеллигентная Россія. Далѣе Н. И. остановился на основной дѣятельности фонда. Число пользующихся услугами фонда нынѣ

доходитъ до $2^1/_2$ тыс. челов. Къ сожалѣнію, продолжаетъ ораторъ, въ послѣдніе годы число дѣйствительныхъ членовъ фонда значительно сократилось, не числятся въ спискахъ фонда много редакторовъ и издателей періодическихъ изданій, а также весьма скудно представлена въ фондѣ молодая литература. Н. И. Карѣевъ выражаетъ пожеланіе, чтобы къ фонду примкнули всѣ наши извѣстные писатели, подобно тому, какъ это было въ 60-хъ годахъ. При упоминаніи имени присутствующаго въ торжественномъ собраніи М. М. Стасюлевича собраніе устраиваетъ М. М. оваціи. Въ заключеніе Н. И. Карѣевъ даетъ краткую характеристику В. А. Манасеина, одного изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ фонда, отдавшаго послѣднему много силъ и матеріальныхъ средствъ и всегда помнившаго живую связь между литературой и обществомъ.

В. Д. Набоковъ посвятилъ свою рѣчь очерку 50-лѣтней дѣятельности фонда. Одинъ изъ учредителей фонда А. В. Никитенко,—сказалъ В. Д.,—въ своемъ извѣстномъ «Дневникѣ» писалъ, что онъ «не вѣритъ въ русскія ассоціаціи». Но если бы ему довелось дожить до сегодняшняго юбилея, онъ убѣдился бы, какъ неосновательно было его недовѣріе. «Русская ассоціація, празднующая 50-лѣтній юбилей, была бы въ правѣ гордиться уже однимъ тѣмъ, что можетъ повторить слова Сіейса «j'ai vecu». Литературный фондъ не только прожилъ эти 50 лѣтъ: онъ выросъ и окрѣпъ, онъ сталъ одной изъ полезнѣйшихъ общественныхъ организацій. Его исторія есть, несомнѣнно, одна изъ свѣтлыхъ страницъ всей исторіи нашей общественности. Фондъ завоевалъ одно изъ почетныхъ мѣстъ среди учрежденій, преслѣдующихъ возвышенныя культурныя цѣли.

Въ основу дѣятельности литературнаго фонда была положена мысль, хорошо выраженная въ словахъ Гюго: Substituez à l'aumône qui dégrade l'assistance qui fortifie. Милостыня—подачка. Вспомоществованіе же, оказываемое фондомъ, мотивируется общественнымъ интересомъ: оно считается либо съ заслугами въ прошломъ, либо съ надеждами на полезное будущее. Въ этомъ,—говоритъ В. Д.,—основное различіе между литературнымъ фондомъ и всякимъ другимъ благотворительнымъ обществомъ. Поддержка нуждающихся литераторовъ и ученыхъ служитъ дѣлу науки и литературы и тѣмъ самымъ является выполненіемъ извѣстной общественной обязанности. Ораторъ, цитируя слова Салтыкова, требовавшаго во имя интересовъ литературы и пишущаго пролетаріата вниманія общества къ литературному фонду, заканчиваетъ свою рѣчь такъ: «Юбилей общественныхъ

*

учрежденій—это тѣ рѣдкіе случаи, когда общество и учрежденіе становятся лицомъ къ лицу, когда сильнѣе должна чувствоваться духовная связь между ними. Мы хотѣли бы, чтобы сегодняшній день ознаменовался пробужденіемъ общественнаго интереса къ фонду, чтобы онъ сталъ эпохой въ жизни его. Къ осуществленію этой мечты мы призываемъ русскихъ писателей и русское общество».

С. А. Венгеровъ открылъ рядъ рѣчей, посвященныхъ памяти скончавшихся дѣятелой литературнаго фонда. С. А. говорилъ о «духовномъ отцѣ» фонда А. В. Дружининѣ и далъ яркую характеристику покойнаго писателя.

Тургеневъ называлъ Дружинина консерваторомъ; онъ прослылъ таковымъ въ современныхъ литературныхъ кругахъ. Но это мнѣніе С. А. считаетъ неосновательнымъ.

Затѣмъ ораторъ говорилъ о заслугахъ Дружинина въ дѣлѣ основанія фонда.

Л. Ф. Пантелѣевъ произнесъ слово о первомъ предсѣдателѣ комитета фонда Е. П. Ковалевскомъ и о выдающихся заслугахъ покойнаго дѣятеля передъ фондомъ.

Ѳ. Ѳ. Воропоновъ, замѣнившій на трибунѣ Н. С. Таганцева, произнесъ краткую характеристику В. П. Гаевскаго, который въ 80-хъ годахъ, въ бытность министромъ вн. дѣлъ графа Д. Толстого, спасъ фондъ отъ грозившаго ему закрытія за выдачу пособія одному писателю изъ политическихъ заключенныхъ. Гаевскій, по мнѣнію оратора, былъ неутомимый работникъ, не зналъ ни отдыха, ни срока, когда дѣло касалось интересовъ литературной братіи и фонда.

Н. Ѳ. Анненскій говорилъ о Н. К. Михайловскомъ. Ораторъ указываетъ, что Михайловскій жилъ исключительно одной литературой и только ради нея. Это была его стихія, тутъ онъ дѣлалъ свое великое дѣло и страстно отдавался ея интересамъ. На своемъ «славномъ посту» властителя думъ онъ работалъ, не покладая рукъ, работалъ и въ фондѣ, искренно и горячо отстаивая даже всякаго незамѣтнаго литературнаго работника, въ которомъ видѣлъ и, прежде всего, цѣнилъ подвижника пера. Н. К. Михайловскій участвовалъ во всѣхъ литературныхъ организаціяхъ, но особенно дороги ему были «союзъ писателей», недолго просуществовавшій, и «литературный фондъ», въ которомъ онъ 30 лѣтъ работалъ, то въ качествѣ члена комитета, то въ качествѣ предсѣдателя, то въ качествѣ казначея. За нѣсколько часовъ до смерти Н. К. былъ на засѣданіи фонда и горячо отстаивалъ какого-то маленькаго литературнаго работника. Онъ не зналъ ранговъ въ литературѣ и, прежде всего, цѣнилъ трудъ и убѣжденія.

Послѣднее слово было предоставлено академику *Н. А. Котляревскому*, который далъ характеристику личности покойнаго предсѣдателя комитета П. И. Вейнберга, сумѣвшаго, такъ сказать, примирить непримиримое, дѣйствовавшаго умиротворяюще на людей различныххъ направленій и взглядовъ. П. И. Вейнбергъ почти съ самаго основанія фонда работалъ на его пользу. Это былъ носитель старыхъ традицій, къ которому всѣ относились съ уваженіемъ и любовью. Въ исторіи русской литературы П. И. займетъ свое мѣсто, какъ талантливый переводчикъ и поэтъ, но въ исторіи фонда ему принадлежитъ мѣсто гросмейстера нашего ордена, державшаго всегда высоко его знамя.

Рѣчи ораторовъ покрывались шумными апплодисментами.

ДЕПУТАЦІИ И АДРЕСЫ.

Около 4 час. началось чтеніе адресовъ многочисленныхъ депутацій. За недостаткомъ мѣста мы не можемъ привести адреса всѣхъ депутацій отъ разныхъ обществъ, редакцій, просвѣтительныхъ учрежденій, студенческихъ кружковъ, землячествъ и т. д. Первой выступила депутація отъ городского общественнаго управленія Петербурга въ лицѣ городского головы Н. А. Рѣзцова, предсѣдателя комиссіи по народному образованію П. А. Потѣхина и гл. В. Кривенко. Они поднесли въ дорогой изящной папкѣ адресъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано: «Русская литературная семья всегда была богата талантами, но бѣдна денежными средствами, и общество пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, въ теченіе своей полувѣковой дѣятельности приходившее на помощь многимъ тысячамъ тружениковъ печатнаго слова, тѣмъ самымъ оказало неоцѣнимыя услуги дѣлу русскаго просвѣщенія. Пользующіеся поддержкой общества разсѣяны по всей Россіи, и дѣятельность его имѣетъ значеніе общенародное, но Петербургъ, занимающій первое мѣсто среди другихъ городовъ по числу литераторовъ и ученыхъ и давшій Россіи рядъ блестящихъ талантовъ и выдающихся дарованій, по справедливости считаетъ литературный фондъ своимъ».

Дума привѣтствуетъ общество, желая ему дальнѣйшаго процвѣтанія на благо тѣхъ, которые въ нуждѣ и лишеніяхъ «сѣютъ разумное, доброе, вѣчное».

Въ адресѣ петербургскаго литературнаго общества, между прочимъ, сказано: «Въ высшей степени прискорбно, что современное положеніе нашей литературы и печати едва ли не хуже,

нежели 50 лѣть назадъ. Для процвѣтанія фонда естественнѣе всего желать, чтобы у насъ водворилась свобода печати, упрочился общественный и государственный строй на новыхъ началахъ, общихъ всему просвѣщенному человѣчеству».

Въ адресѣ, поднесенномъ отъ юридическаго общества, читаемъ: «Юридическое общество привѣтствуетъ всегдашнее стремленіе фонда къ безпристрастію, его спокойствіе среди борьбы, его твердость среди колебаній. Его девизомъ могли бы быть слова, данныя въ завѣтъ новому суду—правда и милость, милость въ смыслѣ сердечнаго участія къ чужой бѣдѣ и чужому горю». Адресъ прочитанъ М. М. Винаверомъ.

І. В. Гессенъ прочиталъ адресъ отъ редакціи газ. «Рѣчь».

Отъ украинскаго студенчества всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга поднесенъ адресъ, въ которомъ высказывается пожеланіе, чтобы «литературный фондъ попрежнему продолжалъ завѣты Чернышевскаго о равенствѣ всѣхъ народовъ, населяющихъ Россію на благо и пользу ихъ».

Въ адресѣ отъ кассы литераторовъ находимъ такую оцѣнку дѣятельности юбиляра: «Благородная полувѣковая дѣятельность литературнаго фонда должна служить намъ живымъ и яркимъ примѣромъ дружной, неустанной работы на общую пользу».

Женскій медицинскій институтъ «горячо привѣтствуетъ учрежденіе, на высоко-поднятомъ знамени котораго ярко начертанъ девизъ, столь близкій и родной институту—«помощь страдающимъ, помощь труженикамъ знанія и мысли».

Адресъ отъ высшихъ женскихъ курсовъ говоритъ: «Свято храня завѣты своихъ основателей, памятуя, что «нѣсть Іудей, ни Эллинъ, нѣсть рабъ, ни свободь, нѣсть мужской полъ, ни женской», литературный фондъ приходитъ на помощь всѣмъ труженикамъ пера, и не вина его дѣятелей, если эта помощь порой скудна—повинно въ томъ все русское общество, недостаточно отзывчивое къ его задачамъ, недостаточно сознающее свой неоплатный долгъ передъ родной литературой»...

Обратила на себя вниманіе депутація отъ бѣлорусскихъ крестьянъ, привѣтствовавшая фондъ отъ имени Павленковской библіотеки въ одной деревнѣ Гродненской губ.

Когда у каѳедры появился В. Г. Короленко, произнесшій привѣтствіе отъ редакціи «Русскаго Богатства», собраніе устроило любимому писателю горячую овацію. Адресъ отъ «Вѣстника Европы» прочиталъ К. К. Арсеньевъ, отъ «Русской Мысли» П. Б. Струве и т. д. Отъ московскаго университета привѣтствовалъ фондъ ректоръ университета А. А. Мануйловъ.

ПИСЬМО Л. Н. ТОЛСТОГО.

Энтузіазмъ собранія достигъ высшаго предѣла, когда М. А. Стаховичъ, привѣтствуя фондъ отъ имени толстовскаго общества, сказалъ, что великій писатель земли русской прислалъ свое письменное привѣтствіе. Собраніе съ затаеннымъ дыханіемъ выслушиваетъ слова.

„Вспоминаю основателей и привѣтствую сотоварищей [1]) литературнаго фонда. Сочувствую его доброй пятидесятилѣтней дѣятельности. Радъ буду внести свою лепту въ предполагаемый сборникъ. Левъ Толстой“. Письмо помѣчено 5 ноября.

По предложенію предсѣдателя собранія Н. И. Карѣева единогласно рѣшено отправить великому писателю отвѣтную телеграмму слѣдующаго содержанія: «Вашъ теплый привѣтъ литературному фонду вызвалъ бурю восторга среди собравшихся чествовать его 50-лѣтіе. Единодушно шлемъ спасибо за доброе слово».

ТЕЛЕГРАММЫ.

В. Д. Набоковъ читаетъ полученныя со всѣхъ концовъ Россіи, а также изъ-за границы привѣтственныя телеграммы. Первая телеграмма была получена еще наканунѣ юбилейнаго дня изъ Лондона отъ англійскаго литературнаго фонда за подписью президента Тенисона. Прочтены также телеграммы отъ Императорской академіи наукъ, отъ университетовъ: кіевскаго, варшавскаго, отъ московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, Императорскаго археологическаго общества, общества драматическихъ писателей въ Москвѣ, Императорской драматической труппы въ Петербургѣ, московскаго художественнаго общества, украинскаго клуба «Громада» С. А. Муромцева, Ив. Бунина, отъ Н. Н. Златовратскаго, А. А. Кизеветтера, проф. Ауэра, отъ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей», ред. «Современнаго Слова», отъ многихъ изданій и т. д.

Приводимъ текстъ нѣкоторыхъ телеграммъ. Отъ «Современнаго Слова»: «Редакція горячо привѣтствуетъ 50-лѣтіе первой литературной организаціи, пришедшей на помощь многострадальному русскому писателю. Возникшій на зарѣ освободительной эпохи, тѣсно связанный съ лучшими традиціями русской лите-

[1]) Изъ исторической записки видно, что Л. Н. Толстой участвовалъ въ 1857 г. въ выработкѣ устава „фонда“.

ратуры и общественности, озаренный свѣтлыми именами великихъ подвижниковъ слова, литературный фондъ переступаетъ полувѣковую грань честнаго служенія своего, обвѣянный благодарными воспоминаніями и лучшими пожеланіями». Отъ совѣта профессоровъ кіевскаго политехникума: «Вамъ, на стражѣ стоящимъ у слова, вамъ, святая святыхъ русскаго народа охраняющимъ, шлетъ сердечный привѣтъ совѣтъ кіевскаго политехникума». Отъ И. и В. Бѣлоконскихъ: «Многая лѣта литературному фонду—этой ладьѣ, случайно уцѣлѣвшей среди невзгодъ жизни русскаго писателя».

Книгоиздательство Сытина въ своей телеграммѣ на имя Н. И. Карѣева привѣтствуетъ фондъ и проситъ принять его скромный вкладъ въ 1,000 руб.

Засѣданіе затянулось до 6 час. вечера. По предложенію предсѣдателя будетъ послана отвѣтная телеграмма въ Лондонъ англійскому литературному фонду.

Передъ закрытіемъ собранія всѣ присутствовавшіе были сфотографированы.

Привѣтствія, полученныя Литературнымъ Фондомъ 8 ноября 1909 года.

I.

Министръ Народнаго Просвѣщенія.

Привѣтствую Общество съ пятидесятилѣтіемъ существованія. Министръ Народнаго Просвѣщенія **Шварцъ.** (Телеграмма).

II.

УЧРЕЖДЕНІЯ И ОБЩЕСТВА.

Академія Наукъ.

Императорская Академія Наукъ поручила мнѣ выразить Обществу для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ ея живѣйшія благопожеланія и поздравленія въ пятидесятую годовщину его плодотворной дѣятельности. Исполняющій обязанности непремѣннаго секретаря князь **Голицынъ.** (Телеграмма).

Вольное Экономическое Общество.

День пятидесятилѣтія плодотворной дѣятельности вспомоществованія литераторамъ и ученымъ, стяжавшаго себѣ заслуженную извѣстность подъ популярнымъ именемъ Литературнаго Фонда, является праздникомъ всѣхъ, кто работаетъ для культурнаго развитія Россіи. Императорское Вольное Экономическое Общество въ своей дѣятельности неизмѣнно проводило въ жизнь мысль, что экономическое развитіе нашего отечества находится въ неразрывной связи съ успѣхами просвѣщенія, съ процвѣтаніемъ науки и литературы. Считая долгомъ присоединить свой голосъ къ тѣмъ многочисленнымъ и заслуженнымъ привѣтствіямъ, которыя принесены Фонду въ настоящій знаменательный день, Вольное Экономическое Общество выражаетъ пожеланія широкаго развитія того высокополезнаго дѣла, которому съ настойчивостью и рѣдкою любовью въ теченіе полувѣка служилъ Литературный Фондъ.

Уполномоченные представители И. В. Э. Общества:

Вице-президентъ **Н. Кутлеръ.**

Секретарь Общества **В. Хижняковъ.**

Члены Совѣта: **Н. Кулябко-Корецкій, Д. Рихтеръ.**

Второе Нарвское Общество Образованія.

Второе Нарвское Общество Образованія горячо привѣтствуетъ славный Фондъ по случаю его пятидесятилѣтняго юбилея и шлетъ пожеланія, переживъ тяжелые годы безвременья, безпрепятственно продолжать свое служеніе русскому обществу и литературѣ. **Правленіе.** (Телеграмма).

Высшее Горное Училище.

Поздравляемъ Литературный Фондъ съ исполнившимся пятидесятилѣтіемъ существованія, желаемъ процвѣтанія въ дальнѣйшей дѣятельности на пользу литературы. Профессора и преподаватели Высшаго Горнаго Училища: **Аверкіевъ, Баскаковъ, Буровъ, Виноградовъ, Гординъ, Гуськовъ, Должанскій, Евреиновъ, Котеловъ, Круковскій, Крымъ, Леонтовскій, Маковскій, Панафутинъ, Протодьяконовъ, Родзевичъ, Рубинъ, Танатаръ, Терпигоревъ, Федоровъ, Штебергъ, Фортунато, Евреиновъ, Заборовскій, Загулинъ, Ивановъ, Иловайскій, Котеловъ.** (Телеграмма).

Высшіе Женскіе Курсы.

Высшіе Женскіе Курсы горячо привѣтствуютъ Литературный Фондъ съ полувѣковой славной дѣятельностью. Благоговѣйно вспоминая дорогія всей Россіи имена его созидателей, мы приносимъ дань глубокаго уваженія продолжателямъ ихъ дѣла.

Свято храня завѣты своихъ основателей, памятуя, что „нѣсть Іудей, ни Эллинъ, нѣсть рабъ, ни свободъ, нѣсть мужеской полъ, ни женской", Литературный Фондъ приходитъ на помощь всѣмъ труженикамъ пера. И не вина его дѣятелей, если эта помощь порой скудна,—повинно въ томъ все русское общество, недостаточно отзывчивое къ его задачамъ, недостаточно сознающее свой неоплатный долгъ передъ родной литературой. Вѣдь литература—лучшій плодъ русской культуры; она свѣтитъ намъ въ переживаемыя тяжелыя годины; черезъ нея мы пріобщились къ духовной жизни всѣхъ народовъ и заняли среди нихъ почетное, неотъемлемое никакими невзгодами, мѣсто.

Да развивается же все шире и шире дѣятельность Литературнаго Фонда на благо служителей русской мысли и слова и да пополняются его ряды всѣми любящими родную литературу—красу и гордость русскаго народа.

Директоръ Спб. В. Ж. Курсовъ проф. **В. Фаусекъ.**
Секретарь Совѣта **С. Буличъ.**
Деканы: **Д. Селивановъ, Ив. Гревсъ.**
Предсѣдательница Комитета **В. Тарновская.**

Члены Комитета: **Ек. Султанова, Бар. Икскуль, А. Кадьянъ, М. Ростовцевъ, Н. Карѣевъ, А. Воронина, Е. Корсакова, Н. Врасская, О. Нечаева, К. Поссе, М. Пергаментъ.**

Группа литераторовъ, живущихъ въ Домѣ писателей.

Группа литераторовъ, живущихъ въ домѣ писателей, привѣтствуетъ Литературный Фондъ въ торжественный день пятидесятилѣтняго юбилея и выражаетъ глубокую увѣренность, что полувѣковое существованіе Фонда, празднуемое русскими писателями, является признаніемъ высокихъ заслугъ его и залогомъ дальнѣйшей плодотворной дѣятельности на пути объединенія тружениковъ пера въ борьбѣ за облегченіе тяжелыхъ условій въ ихъ работѣ на тернистомъ пути русской литературы.

К. Паткановъ, И. Левитовъ, О. Г. Браже, В. Засуличъ, Н. Домбровскій, М. Островская, В. Ѳаворскій, И. Поярковъ.

Группа литераторовъ, живущихъ въ Домѣ писателей.

Привѣтствуя Литературный Фондъ со вступленіемъ въ пятьдесятъ первую годовщину его существованія, мы выражаемъ твердую увѣренность, что его свѣтлая нелицепріятная дѣятельность на пользу родного слова, оцѣнка которой такъ ярко выразилась въ сегодняшнихъ искреннихъ и горячихъ откликахъ со всѣхъ концовъ Россіи, еще долгіе и долгіе годы будетъ служить опорой тружениковъ печати. Съ чувствомъ особой гордости и глубокаго нравственнаго удовлетворенія мы присоединяемъ нашъ скромный голосъ къ общему хору поздравленій, приносимыхъ учрежденію, дѣятельность котораго, протекавшая цѣлые полвѣка на виду у всѣхъ, не носитъ на себѣ ни малѣйшаго пятна. Живущіе въ домѣ писателей: **Вѣра Родендорфъ, Борисъ Княжицкій,** завѣдующая домомъ **Александра Иванова.** (Телеграмма).

Женская гимназія Стоюниной.

Гимназія Стоюниной привѣтствуетъ Литературный Фондъ по случаю исполненія 50-лѣтія его работы, которая во весь этотъ долгій и тяжелый періодъ въ исторіи русской мысли поддерживала ея творцовъ. (Телеграмма).

Женскій Медицинскій Институтъ.

Совѣтъ Женскаго Медицинскаго Института горячо и сердечно привѣтствуетъ учрежденіе, на высоко поднятомъ знамени котораго ярко начертанъ девизъ, столь близкій и родной Институту—„помощь страждущимъ“, помощь труженикамъ знанія и мысли.

Литературный Фондъ возникъ въ незабвенную для Россіи эпоху раскрѣпощенія милліоновъ и коренного переворота основного устоя русской жизни; дѣятельность его, пятидесятилѣтній итогъ которой подводится сегодня, связана съ постепеннымъ освобожденіемъ нашей общественной жизни и Фондъ былъ во всю эту эпоху литературнымъ „Краснымъ Крестомъ“, который оказывалъ посильную помощь усталымъ и искалѣченнымъ отъ матеріальныхъ лишеній и недуговъ труженикамъ умственной жизни Россіи.

Помощь была искренняя и правдивая, она была тамъ, гдѣ была истинная нужда; „Фондъ“, какъ и врачъ, зналъ только нуждающагося въ помощи, онъ предъявлялъ къ обращающемуся къ нему лишь одно требованіе, чтобы онъ былъ дѣйствительно честнымъ интеллигентнымъ работникомъ.

Пусть же останутся эти завѣты прошлаго Фонда основою и будущей его дѣятельности на помощь сѣятелямъ „разумнаго, добраго, вѣчнаго“.

А. Кадьянъ, А. Лихачевъ, В. Тищенко, В. Вартановъ, Д. Заболотный. Н. Чистовичъ, Александръ Гинзбергъ, В. Тиле.

Историко-Филологическій Факультетъ Императорскаго Варшавскаго Университета.

Историко-Филологическій Факультетъ Императорскаго Варшавскаго Университета горячо привѣтствуетъ Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ по случаю пятидесятилѣтія его гуманной дѣятельности плодотворнаго служенія русской литературѣ и наукѣ. Деканъ **С. Вѣховъ.**

Касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.

Въ день пятидесятилѣтія Литературнаго Фонда Касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ съ особымъ чувствомъ родственной близости привѣтствуетъ общественно-литературное учрежденіе, подъ покровомъ котораго она возникла и окрѣпла.

Со времени своего основанія Литературный Фондъ съ неуклонною послѣдовательностью проводилъ въ жизнь принципъ помощи всѣмъ нуждающимся работникамъ пера, безъ различія направленій. Благодаря своему неизмѣнному безпристрастію и своей всегдашней отзывчивости, Литературный Фондъ пріобрѣлъ исключительный авторитетъ и популярность не только въ массѣ литераторовъ, но и въ широкихъ кругахъ общества. По мѣрѣ того, какъ умножались кадры литературныхъ работниковъ, росла и нужда среди нихъ, и увеличивалась потребность въ своевременной матеріальной поддержкѣ,—и Литературный Фондъ заботливо исполнялъ свои трудныя и нерѣдко щекотливыя функціи, облегчая въ предѣлахъ возможности положеніе бѣдствующихъ. Сколько несчастныхъ, обездоленныхъ тружениковъ печати и ихъ семействъ благословляютъ основателей Фонда за ихъ благородную инициативу. Сколько даровитыхъ писателей было избавлено отъ острой нужды, благодаря оказанной имъ вовремя помощи.

Основанная при Фондѣ Касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ служитъ, по задачамъ и характеру своей дѣятельности, его естественнымъ дополненіемъ. Дѣйствуя солидарно и взаимно дополняя другъ друга, оба эти родственныя учрежденія являются залогомъ будущаго прочнаго матеріальнаго обезпеченія русскихъ литераторовъ.

Во имя этого будущаго, во имя великихъ заслугъ Литературнаго Фонда предъ русскимъ обществомъ и русскою литературою, Касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ шлетъ искренній почтительный привѣтъ своему старшему брату.

Благородная полувѣковая дѣятельность Литературнаго Фонда должна служить намъ живымъ и яркимъ примѣромъ дружной неустанной работы на общую пользу. Да продлится и процвѣтетъ эта славная дѣятельность на многіе и многіе годы, при заслуженномъ сочувствіи всего русскаго общества.

Предсѣдатель Правленія **Кузьминъ-Караваевъ.**

Секретарь Правленія **Ф. Груздевъ.**

Члены Правленія и Общества **Л. Слонимскій, Д. Бородинъ, Т. Сѣверцевъ-Полиловъ, Клавдія Лукашевичъ, Ф. Фидлеръ, Эд. Пекарскій, Е. Чебышева-Дмитріева, Ѳ. Чумаковъ, Д. А. Линевъ, И. Пархоменко, А. Кауфманъ, Д. Рихтеръ, Д. Маминъ-Сибирякъ, Ан. Кремлевъ, В. Сергѣевичъ, Гр. Градовскій, Б. Глинскій, Ольга Шапиръ, В. Далматовъ, С. Бѣлевскій.**

Кленикская Народная библіотека имени Павленкова и крестьяне села Кленикъ.

Отъ крестьянъ села Кленикъ, Гродненской губ., Бѣльскаго уѣзда, отъ Кленикской народной библіотеки имени Павленкова, просятъ передать писателямъ великую благодарность за ихъ присланныя книжки для развитія крестьянъ и нашихъ дѣтей. Литературному Фонду крестьяне шлютъ поздравленіе съ 50 лѣтъ поддержки писателямъ.

Библіотекарь Кленикской н. б. **Григорій Ѳеодоровъ.**

Кружокъ поэтовъ и поэтессъ „Вечера Случевскаго“.

Кружокъ поэтовъ и поэтессъ „Вечера Случевскаго“ приноситъ сердечное привѣтствіе Литературному Фонду въ его полувѣковую годовщину и желаетъ ему дальнѣйшаго развитія и процвѣтанія на общее благо.

Секретарь Кружка **Умановъ-Каплуновскій.** (Телеграмма).

Литературно-Художественный кружокъ имени Я. П. Полонскаго.

Совѣтъ Литературно-Художественнаго кружка имени Я. П. Полонскаго приноситъ Обществу для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ горячія поздравленія въ торжественный праздникъ, отмѣчающій полувѣковую славную дѣятельность Общества.

Въ этотъ свѣтлый день Совѣтъ кружка можетъ только присоединиться къ безчисленному хору представителей русскаго мыслящаго общества и воскликнуть: великое Вамъ спасибо, честные и безкорыстные труженики Литературнаго Фонда. Вы творите святое и доброе дѣло, творите благодарной странѣ и тѣмъ бѣднымъ ея сынамъ, которые безъ помощи Вашей не могутъ укрѣплять духовныя основы жизни, двигать науку и распространять свѣтъ просвѣщенія, изнемогая подъ бременемъ заботъ о насущномъ кускѣ хлѣба. Да не изсякнетъ же Литературный Фондъ, какъ не изсякнетъ никогда благодарная память потомства къ его почившимъ славнымъ дѣятелямъ и горячая признательность и уваженіе къ благороднымъ представителямъ Фонда, живущимъ и трудящимся среди насъ и, дастъ Богъ, еще на многіе, долгіе годы.

Почетная хозяйка кружка **Ж. Полонская.**
Предсѣдатель Совѣта кружка **А. Чайковскій.**
Члены Совѣта кружка: **П. Остроумовъ, Наталія Елачичъ, Н. Елачичъ, С. И. Троицкій, В. Покровскій, Л. Сименовскій.**
Секретарь Совѣта кружка **Н. Кузнецовъ.**
8 ноября 1909 г.

Литературный кружокъ „Реалистовъ“.

Правленіе литературнаго кружка „Реалистовъ“ при Спб. Университетѣ выражаетъ свое глубокое уваженіе и сердечное поздравляетъ старѣйшее Русское Общество Литераторовъ, сохранившее лучшіе завѣты русской литературы и русскихъ идейныхъ стремленій. Намъ хочется выразить увѣренность, что мы, позволяющіе назвать себя младшимъ собратомъ Литературнаго Фонда, живемъ той же вѣрой и пойдемъ по пути художественныхъ и научныхъ усилій.

Предсѣдатель Правленія **А. Благоразумовъ.**
Секретарь **Л. Мирковичъ.**
8 ноября 1909 г.

Московскій Литературно-Художественный кружокъ.

Возникшій на зарѣ обновляющейся Россіи Литературный Фондъ бережно пронесъ черезъ полвѣка лучшіе завѣты своихъ благородныхъ учредите-

лей, не измѣнивъ своимъ традиціямъ въ самыя темныя полосы этого полвѣка; русскій писатель, а черезъ него и русская литература многимъ обязаны Фонду и сегодня на рубежѣ новаго пятидесятилѣтія, вспоминая работу Фонда и его дѣятелей, Московскій Литературно-Художественный кружокъ шлетъ ему и глубокую признательность и искреннее пожеланіе идти и впредь тѣмъ же путемъ и въ мѣру силъ своихъ помогать настоящему и приближать лучшее будущее русскаго писателя. Предсѣдатель дирекціи кружка **Брюссовъ.** (Телеграмма).

Московскій Университетъ.

Московскій Университетъ, привѣтствуя Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ въ день его пятидесятой годовщины, шлетъ ему свои искреннія пожеланія дальнѣйшаго развитія его высокополезной дѣятельности, столь тѣсно связанной съ развитіемъ отечественной литературы и науки. Проф. **Мензбиръ.** (телеграмма).

Московскій Художественный театръ.

Московскій Художественный театръ высоко цѣнитъ культурно-благотворительную дѣятельность Литературнаго Фонда и преклоняется передъ неутомимымъ и самоотверженнымъ трудомъ всѣхъ работавшихъ для преуспѣянія общества. Въ этихъ искреннихъ чувствахъ Московскій Художественный театръ шлетъ Комитету свой горячій привѣтъ. **Немировичъ-Данченко.** (Телеграмма).

Московское отдѣленіе Кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.

Московское отдѣленіе Кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ проситъ Литературный Фондъ принять его сердечное привѣтствіе и пожеланіе служить родной литературѣ долгіе и многіе годы съ той же стойкостью и любовью, съ какой Фондъ служилъ истекшіе полвѣка.

Предсѣдатель **Н. Телешевъ.**

Секретарь **И. Данилинъ.** (Телеграмма).

Общество Бакинскихъ журналистовъ.

Въ памятный и радостный для русской журналистики день пятидесятилѣтія Литературнаго Фонда, Общество Бакинскихъ журналистовъ шлетъ сердечныя привѣтствія старѣйшей организаціи тружениковъ русской печати и желаетъ блестящаго успѣха въ трудной борьбѣ за эмансипацію работниковъ пера.

Предсѣдатель Общества **Топчибашевъ.**

Общество Думскихъ журналистовъ.

Общество Думскихъ журналистовъ привѣтствуетъ Литературный фондъ въ день пятидесятилѣтія его плодотворной дѣятельности и желаетъ ему дальнѣйшаго процвѣтанія на пользу тружениковъ русской литературы и науки. **Ал. Пиленко.** (Телеграмма).

Общество дѣятелей періодической печати и литературы.

Въ день пятидесятилѣтія Литературнаго Фонда Общество дѣятелей періодической печати и литературы привѣтствуетъ своего старшаго собрата, съ честью работавшаго для улучшенія моральнаго и матеріальнаго положенія литераторовъ. Званіе писателя и профессія литератора признаются наиболѣе почтенными среди другихъ отраслей вольнаго труда, а между тѣмъ нѣтъ менѣе обезпеченнаго занятія, чѣмъ трудъ писателя. За два года своего существованія Общество дѣятелей періодической печати и литературы столкнулось съ массой нужды и горя, которыя переживаютъ труженики пера и ихъ семьи. Исторія же Литературнаго Фонда даетъ разительные примѣры того, что даже люди, одаренные геніальностью, нуждались въ общественной помощи. Достаточно вспомнить, что вдова Бѣлинскаго получала пенсію изъ Фонда. А сколько другихъ именъ—геніальныхъ, талантливыхъ, даровитыхъ и просто тружениковъ пера скрыто въ архивахъ сегодняшняго юбиляра и сколько ихъ еще и понынѣ пользуется его пособіями и субсидіями.

Заслуги Литературнаго Фонда станутъ еще болѣе рельефны, если вспомнить, что въ теченіе пятидесяти лѣтъ онъ работалъ почти одинъ, собирая средства исключительно съ писателей и ученыхъ. Участіе читателя въ этихъ средствахъ было весьма слабымъ,—„читательскій рубль" почти не вышелъ изъ области пожеланій. Издатели и книгопродавцы, создавшіе свое благополучіе на трудѣ писателей, также слабо реагировали на писательскую нужду. Тѣмъ болѣе заслуга тѣхъ, кто сумѣлъ на протяженіи пятидесяти лѣтъ сохранить и развить Общество и провести его черезъ мели и рифы русской жизни, какъ во время бури, такъ и во время штиля.

Вспоминая съ благодарностью славныя имена учредителей, писателей-жертвователей и членовъ всѣхъ комитетовъ, желая процвѣтанія и дальнѣйшаго развитія дѣятельности Литературнаго Фонда, Общество дѣятелей періодической печати и литературы выражаетъ увѣренность, что русское общество, наконецъ, пойметъ свою обязанность и проявитъ свое сочувствіе тѣмъ, кто служитъ ему перомъ и кто вынужденъ пользоваться поддержкой Литературнаго Фонда и аналогичныхъ по задачамъ ему Обществъ. Русское общество должно помнить, что безъ литературы, печати и науки нѣтъ культурной жизни, нѣтъ права, нѣтъ свободы, нѣтъ гражданина.

Предсѣдатель Совѣта **Ю. Бунинъ.**
Предсѣдатель Правленія **И. Поповъ.**
Секретарь Совѣта и Правленія **Н. Скворцовъ.**

Общество изученія Сибири и улучшенія ея быта.

Общество изученія Сибири и улучшенія ея быта, поставившее своей цѣлью посильно способствовать культурному развитію обширной, но далекой окраины, не можетъ не присоединить своего голоса къ тѣмъ привѣтствіямъ, которыя несутся со всѣхъ концовъ Россіи ко дню 50-лѣтняго юбилея Литературнаго Фонда.

Сибирь, съ ея сравнительно слабо развитой общественной жизнью, особенно дорожитъ дѣятельностью такого почтеннаго учрежденія, какъ Литературный Фондъ, задачей котораго является оказаніе возможно широкой моральной и матеріальной помощи нуждающимся въ поддержкѣ литературнымъ работ-

никамъ, изъ которыхъ многіе, стремясь къ лучшему будущему, невольно пользовались ея гостепріимствомъ.

Такъ, Сибирь высоко чтитъ память одного изъ основателей Литературнаго Фонда незабвеннаго Чернышевскаго, проведшаго въ ней много лѣтъ.

Члены Общества шлютъ свои горячія поздравленія и высказываютъ пожеланія и въ будущемъ самой широкой дѣятельности Литературнаго Фонда по всей Россіи съ ея окраинами, въ томъ числѣ и Сибирью, въ цѣляхъ установленія еще болѣе тѣсной дружеской связи Фонда съ мѣстными литературными дѣятелями.

Предсѣдатель Правленія Академикъ **В. Радловъ.**
Товарищъ Предсѣдателя. **Н. Некрасовъ.**
Секретарь Правленія. **С. Акербломъ.**
Н. Скалозубовъ, Ник. Волковъ, Макаренко, В. Кузнецовъ, В. Карауловъ, А. Скороходовъ, Ф. Чиликинъ, К. Молодцовъ, Н. Маньковъ, З. І. Ростовскій, В. Климовъ, А. Войлошниковъ.

Общество исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ.

Общество исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ шлетъ Обществу для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ по случаю исполненія пятидесятилѣтія плодотворной дѣятельности его горячія пожеланія дальнѣйшаго процвѣтанія. **Любовичъ.** (Телеграмма).

Общество Литературнаго Музея (Толстовское Общество).

Общество Литературнаго Музея, вѣроятно, самое молодое изъ явившихся привѣтствовать старѣйшее въ Петербургѣ и сильнѣйшее общественное начинаніе на пользу и помощь русской литературы. Мы не прожили еще перваго года своей жизни, но мы глядимъ не съ ревнивой завистью на это символическое изображеніе (L) полувѣковой безпорочной службы на пользу государства, на многочисленныхъ депутацій, на внимательное сочувствіе не только присутствующихъ, но и всего широкаго русскаго общества.

Мы твердо помнимъ, что надъ общественными начинаніями тяготитъ суровый законъ, столь безпощадный даже для сильнѣйшихъ и величайшихъ изъ человѣковъ, жесткій законъ старчества. Общественныя учрежденія, напротивъ, съ многими годами усиливаютъ ростъ, копятъ силу, развиваютъ дѣятельность, усиливаютъ способность возсозданія родственныхъ учрежденій.

Самая первая статья нашего Устава говоритъ, что Общество учреждается съ цѣлью сохраненія славы и дѣятельности графа Л. Н. Толстого для изученія и распространенія его произведеній. Поэтому вы поймете, что мы не смѣли пользоваться вашимъ вниманіемъ для своихъ самыхъ прочувствованныхъ сердечныхъ или старательныхъ рѣчей. Тѣмъ болѣе, что намъ выпала высокая честь и большая отрада передать вамъ въ подлинныхъ выраженіяхъ, простой и сердечный привѣтъ отъ того, чья подпись уже самое краснорѣчивое и громкое слово, которое можно произнести на торжествѣ русской литературы:

„Вспоминаю основателей и привѣтствую сотоварищей Литературнаго Фонда. Сочувствую его доброй пятидесятилѣтней дѣятельности. Радъ буду внести свою лепту въ предполагаемый сборникъ.

5—XI—09“. **Левъ Толстой.**

Депутаты **М. А. Стаховичъ, И. Я. Гинцбургъ, В. И. Срезневскій.**

Общество любителей Россійской словесности.

Общество любителей Россійской словесности, состоящее при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, высоко цѣня заслуги Литературнаго Фонда по оказанію помощи нуждающимся литераторамъ и ученымъ и вспоминая славныя имена писателей, создавшихъ и развивавшихъ это благое дѣло, поручило намъ передать Фонду привѣтъ и наилучшія пожеланія въ знаменательный день 50-тилѣтняго юбилея гуманной дѣятельности.

Д. Овсянико-Куликовскій, С. Венгеровъ, П. Сакулинъ.

Общество драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ.

Общество русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ привѣтствуетъ Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ въ день 50-ти-лѣтія его существованія и желаетъ ему полнаго успѣха въ дальнѣйшей плодотворной дѣятельности. Предсѣдатель Общества **Шпажинскій.** (Телеграмма).

Одесское Общество вспомоществованія литераторамъ и ученымъ.

Привѣтствуемъ милосерднаго самаритянина русской литературы. Пусть онъ на страхъ разбойникамъ и на стыдъ левитамъ спасаетъ изнемогающаго писателя вдоль большихъ дорогъ общественной жизни въ Россіи. Президіумъ Одесскаго Общества вспомоществованія литераторамъ и ученымъ Пушкинскаго Дома въ Одессѣ. Предсѣдатель **Щепкинъ.** (Телеграмма).

Одесское отдѣленіе Кассы Литераторовъ.

Одесское отдѣленіе Кассы Литераторовъ горячо привѣтствуетъ патрона Кассы Литературный Фондъ съ полувѣковымъ юбилеемъ. Вѣчная память почившимъ дѣятелямъ, многія лѣта здравствующимъ.

Предсѣдатель **Хейфецъ.**
Секретарь **Чудновскій.** (Телеграмма).

Отдѣленіе русскаго яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ и Разрядъ изящной словесности.

Исторія долголѣтней дѣятельности Литературнаго Фонда тѣсно связана съ именами многихъ славныхъ представителей русской науки и словесности.

Почитая въ этихъ именахъ силу русскаго ума и таланта и вспоминая о тѣхъ многихъ работникахъ на нивѣ отечественнаго просвѣщенія, которымъ Общество помогало въ ихъ трудныхъ разсчетахъ съ житейскими невзгодами— Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ и Разрядъ изящной словесности съ чувствомъ уваженія и благодарности приносятъ Обществу для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ поздравленіе съ пятидесятилѣтіемъ его плодотворной дѣятельности.

А. Шахматовъ, Н. Кондаковъ, Ф. Фортунатовъ, В. Ламанскій, А. Кони, Н. Котляровскій, Д. Овсянико-Куликовскій.

Педагогическій Совѣтъ женской гимназіи княгини Оболенской.

Педагогическій Совѣтъ женской гимназіи княгини Оболенской привѣтствуетъ Литературный Фондъ въ день пятидесятилѣтія годовщины полезной культурной дѣятельности и желаетъ дальнѣйшаго его процвѣтанія на благо родной страны. **Княгиня Мещерская.** (Телеграмма).

Россійское Теософическое Общество.

Среди различныхъ Обществъ, возникшихъ подъ благотворнымъ вліяніемъ идей шестидесятыхъ годовъ, Общество пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, извѣстное въ общежитіи подъ скромнымъ названіемъ: „Литературный Фондъ", обращаетъ на себя вниманіе идеями взаимопомощи, которыя лежатъ въ его основаніи и которыя особенно дороги всѣмъ, кто сознаетъ свое единство со всѣмъ живущимъ и существующимъ на землѣ.

Симпатіи эти усиливаются сознаніемъ тѣхъ трудностей, въ которыхъ протекаетъ общественное служеніе всѣхъ работниковъ живого печатнаго слова, призванныхъ стоять на стражѣ принциповъ правды и гуманности.

Мысль есть реальная, творческая духовная сила,—но, облекаясь въ форму живого слова, она далеко не всегда влечетъ за собою такъ называемыя матеріальныя блага, и участь рыцарей слова часто бываетъ тяжела.

Моральная и матеріальная поддержка заботливаго и часто неизвѣстнаго друга особенно дорога въ такія минуты кажущагося духовнаго одиночества и матеріальныхъ невзгодъ.

Приходя на помощь литераторамъ и ученымъ въ такія скорбныя минуты, Общество поддерживаетъ духовный огонь въ сердцѣ всѣхъ, кому дороги принципы правды и справедливости, питаетъ въ человѣкѣ сознаніе единства и общности задачъ всѣхъ работниковъ на нивѣ жизни и, заставляя сильнѣе чувствовать принципы всеобщаго братства, укрѣпляетъ вѣру въ конечное торжество гуманитарныхъ началъ надъ мракомъ, невѣжествомъ и смертью.

Проникнутое этими идеями, Россійское Теософическое Общество шлетъ „Обществу пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ", въ день его полувѣкового юбилея, свой братскій привѣтъ и духовную поддержку въ его борьбѣ съ тяжелыми условіями общественной жизни.

А. Каменская, предсѣдательница Р. Т. Об-ва и редакторъ „Вѣстника Теософіи".

Русское Археологическое Общество..

Императорское Русское Археологическое Общество, привѣтствуя Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ съ исполнившимся пятидесятилѣтіемъ его жизни, шлетъ Литературному Фонду искреннія пожеланія дальнѣйшаго процвѣтанія на благо русскому просвѣщенію. Помощникъ Предсѣдателя **Графъ Толстой.** Секретарь **Фармаковскій.** (Телеграмма).

Русское Библіологическое Общество.

Полувѣковымъ юбилеемъ приноситъ сердечныя поздравленія Русское Библіологическое Общество. Президентъ **Ловягинъ**, Члены Совѣта **Малеинъ**, **Раевскій.** (Телеграмма).

Русское Общество книгопродавцевъ и издателей.

Въ знаменательный и торжественный день пятидесятой годовщины существованія Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ— знаменательный и торжественный для всей культурной Россіи, Русское Общество книгопродавцевъ и издателей приноситъ Обществу свой горячій и искренній привѣтъ.

Руское Общество книгопродавцевъ и издателей, члены котораго являются непосредственными распространителями книги, привѣтствуя Литературный Фондъ не только какъ учрежденіе, поддерживающее тѣхъ, которые своими трудами вносятъ свѣтъ и знаніе въ народныя массы, но и какъ своего собрата, давшаго читающей публикѣ цѣлый рядъ выдающихся произведеній русской литературы, желаетъ ему работать еще многіе и многіе годы на этомъ благородномъ, высокомъ и славномъ поприщѣ.

В. Девріенъ, Н. Ложкинъ.

С.-Петербургская Русская драматическая труппа.

Императорская С.-Петербургская Русская драматическая труппа проситъ васъ передать Комитету Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ поздравленіе съ пятидесятилѣтіемъ его высокогуманной благородной дѣятельности. (Телеграмма).

С.-Петербургскій Первый женскій клубъ.

С.Петербургскій Первый женскій клубъ привѣтствуетъ Литературный Фондъ по поводу перваго пятидесятилѣтія славной дѣятельности его на пользу просвѣщенія родной страны. Предсѣдательница Правленія **Софья Фонъ-Рутценъ.** (Телеграмма).

С.-Петербургскій Украинскій клубъ „Громада“.

Собраніе членовъ и гостей Петербургскаго Украинскаго клуба „Громада“ отдавая признателную дань плодотворной дѣятельности Литературнаго Фонда, распространявшейся и на украинскихъ писателей, и храня благодарную память о трогательныхъ заботахъ Литературнаго Фонда о крѣпостныхъ родственникахъ генія Украинскаго слова Тараса Григорьевича Шевченко, горячо привѣтствуетъ Литературный Фондъ съ пятидесятилѣтіемъ его благороднаго существованія. Предсѣдатель Украинскаго клуба „Громада“ **Славинскій.** (Телеграмма).

С.-Петербургское Литературное Общество.

С.-Петербургское Литературное Общество уполномочило насъ принести поздравленіе Литературному Фонду, въ день чествованія 50-лѣтняго его существованія.

Съ удовольствіемъ выполняя это лестное порученіе, считаемъ долгомъ пожелать, чтобъ новое пятидесятилѣтіе нашего старѣйшаго учрежденія, имѣющаго цѣлью матеріальное обезпеченіе литературныхъ тружениковъ и ихъ семействъ,—оказалось наиболѣе счастливымъ и плодотворнымъ.

Въ высшей степени прискорбно, что современное положеніе нашей ли-

тературы и печати едва ли не хуже, нежели въ 1859 году. Можно смѣло сказать, что русская литература и журналистика, несмотря на внѣшнія преграды, давно стяжала первостепенное мѣсто и міровое уваженіе; но нигдѣ писатели и журналисты не обречены на большія невзгоды и безправіе, какъ у насъ.

Вся исторія Литературнаго Фонда свидѣтельствуетъ, что развитіе его дѣятельности находится въ полномъ соотвѣтствіи съ ростомъ умственной жизни, съ развитіемъ нашей общественности и государственности.

Для процвѣтанія Литературнаго Фонда естественнѣе всего пожелать: да здравствуетъ русская литература, да водворится свобода печати, да упрочится, возможно скорѣе, нашъ общественный и государственный строй, на началахъ, общихъ всему просвѣщенному человѣчеству.

Чтимъ память созидателей и прежнихъ руководителей Литературнаго Фонда; поздравляемъ и желаемъ новыхъ силъ и полнаго успѣха нынѣшнимъ его дѣятелямъ; честь и слава уцѣлѣвшимъ учредителямъ благого учрежденія.

С.Петербургъ 8 ноября 1909 года. **Григорій Градовскій**, членъ Л. Ф., съ 1870 г., **Ольга Шапиръ**, **Д. А. Линевъ.**

8 ноября 1859—1909 г.

С.-Петербургское Общество Народныхъ Университетовъ.

С.-Петербургскому Литературному Фонду.

Петербургское Общество Народныхъ Университетовъ въ знаменательный день 50-лѣтней годовщины плодотворной дѣятельности Литературнаго Фонда считаетъ своимъ пріятнымъ долгомъ присоединиться къ тѣмъ учрежденіямъ, которыя сегодня его привѣтствуютъ.

Въ тѣ годы, когда Фондъ начиналъ свою дѣятельность, въ Россіи не было условій, которыя необходимы для проповѣди живымъ словомъ великихъ гуманитарныхъ идей и для распространенія свѣта знанія среди народныхъ массъ. Только печатное слово успѣло тогда пріобрѣсти нѣкоторую свободу и оказало на общество такое огромное вліяніе, какого никогда до тѣхъ поръ у насъ печать не имѣла.

Однако и такое служеніе обществу было у насъ всегда чревато болѣе или менѣе роковыми неожиданностями, и нашимъ писателямъ и публицистамъ часто приходилось переживать черные дни.

Великая честь и слава дѣятелямъ Литературнаго Фонда, которые не одному десятку русскихъ писателей помогли пережить эти дни испытаній.

Насаждая знаніе путемъ изустнаго слова, Петербургское Общество Народныхъ Университетовъ льститъ себя надеждой, что оно содѣйствуетъ дальнѣйшему распространенію идей тѣхъ работниковъ пера, кому призванъ служить съ такимъ успѣхомъ Литературный Фондъ.

Общество Народныхъ Университетовъ горячо привѣтствуетъ полувѣковую дѣятельность Фонда и приноситъ свои искреннія пожеланія еще большаго преуспѣянія въ дальнѣйшей его работѣ.

Предсѣдатель Совѣта Графъ **Ив. Толстой.**

Товарищъ Предсѣдателя **Н. Дмитріевъ.**

Члены Совѣта: **А. Липовскій, П. Мижуевъ, Н. Рѣзцовъ, Я Гордѣенко, А. Мейеръ.**

С.-Петербургское Педагогическое Общество взаимной помощи.

С.-Пб. Педагогическое Общество взаимной помощи привѣтствуетъ Литературный Фондъ въ день пятидесятилѣтія его полезной дѣятельности. Писатель въ высокомъ значеніи этого слова есть тоже учитель, учитель жизни. Школа, воспитывая молодое поколѣніе на здоровыхъ началахъ литературы, на лучшихъ произведеніяхъ ея, составляющихъ гордость и славу нашего отечества, идетъ вмѣстѣ съ литературой по одной дорогѣ, идетъ рука-объ-руку къ одной высокой цѣли — воспитанія лучшихъ началъ въ человѣкѣ. Праздникъ литературы особенно дорогъ для педагоговъ и мы горячо желаемъ процвѣтанія Литературнаго Фонда, надѣясь, что осуществленіе задачъ его послужитъ на пользу и русской школѣ.

Депутаты **Ѳ. С. Матвѣевъ** и **А. Л. Липовскій.**

Совѣтъ Кіевскаго Политехникума.

Вамъ, на стражѣ стоящимъ у слова, вамъ, святая святыхъ русскаго народа охраняющимъ шлетъ сердечный привѣтъ совѣтъ кіевскаго политехникума. Предсѣдатель Совѣта профессоръ **Дементьевъ.** (Телеграмма).

Совѣтъ Московскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ.

Отъ имени Совѣта Московскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ приношу сердечный привѣтъ поздравленія Обществу для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ въ день его пятидесятилѣтія и шлю горячія пожеланія дальнѣйшаго. Директоръ **Чаплыгинъ.** (Телеграмма).

Совѣтъ Университета св. Владиміра.

Совѣтъ Императорскаго Университета Св. Владимира проситъ васъ передать Обществу Литературнаго Фонда искреннія поздравленія и горячія пожеланія дальнѣйшихъ успѣховъ по случаю пятидесятилѣтія его полезной дѣятельности. Ректоръ **Цытовичъ.** (Телеграмма).

Совѣтъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

Совѣтъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, въ сегодняшнемъ засѣданіи поручилъ мнѣ привѣтствовать Литературный Фондъ въ день его полувѣкового существованія. Совѣтъ Университета высоко чтитъ задачи, преслѣдуемыя Фондомъ, гордится тѣмъ постояннымъ участіемъ, которое члены Совѣта принимали и продолжаютъ принимать въ дѣятельности Фонда, изъявляетъ Фонду русское спасибо за прошлое и выражаетъ увѣренность, что Фондъ на долгое время будетъ служить на пользу и славу дорогой родинѣ и къ чести своей.

Ив. Фойницкій.

Совѣтъ учебнаго отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній.

Совѣтъ учебнаго отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній присоединяетъ свой голосъ къ многочисленнымъ привѣтствіямъ русскаго об-

щества Литературному Фонду въ день пятидесятилѣтняго юбилея его служенія дѣлу русской литературы. (Телеграмма).

Таганрогское Общество образованія.

Таганрогское Общество образованія привѣтствуетъ Литературный Фондъ въ пятидесятую годовщину дня его основанія не только какъ благотворительное общество, но и какъ органъ объединенія силъ науки и литературы и распространенія въ обществѣ любви къ просвѣщенію и словесности.

Предсѣдатель Правленія **Лукина.** (Телеграмма).

Тифлисское Общество журналистовъ.

Тифлисское Общество журналистовъ, горячо привѣтствуя Литературный Фондъ по случаю пятидесятилѣтія его плодотворной дѣятельности, шлетъ искреннія пожеланія дальнѣйшаго процвѣтанія. Предсѣдатель **Грузенбергъ.** (Телеграмма).

Украинское студенчество.

Отъ украинскаго петербургскаго студенчества Литературному Фонду.

Украинское студенчество высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга привѣтствуетъ Литературный Фондъ въ день пятидесятилѣтія его существованія, помня, что многіе украинскіе литераторы принимали участіе въ Литературномъ Фондѣ и находили съ его стороны поддержку.

Твердо вѣримъ, что въ своей дѣятельности, Литературный Фондъ будетъ продолжать завѣты Чернышевскаго о равенствѣ народовъ Россіи и о ихъ свободномъ національномъ самоопредѣленіи.

Пусть же на многіе годы живетъ и развивается Литературный Фондъ на благо и пользу культурнаго развитія народовъ Россіи.

Члены депутаціи: **Д. Дученко,** ст. Инст. Гражд. Инж., **М. Стасюкъ,** ст. Горнаго Инст., **А. Шумовскій,** ст. Технолог. Инст., **С. Безпалько,** ст. Лѣсного Инст., **Е. Нероновичъ,** ст. Политехн. Инст., **Л. Супрунова,** сл. общ. курс. Черняева.

Харьковское Филологическое Общество.

Многоуважаемый Николай Ивановичъ. Прошу Васъ передать Обществу для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ поздравленіе съ исполненіемъ 50-ти-лѣтія его высокогуманной дѣятельности и пожеланія дальнѣйшаго развитія и полнаго успѣха во всѣхъ его начинаніяхъ. Съ почтеніемъ Предсѣдатель проф. **Н. Сумцовъ.**

Юридическое Общество.

Комитету Литературнаго Фонда.

Между всѣми учрежденіями, работающими надъ развитіемъ русской общественной мысли, существуетъ тѣсная духовная связь и всѣ они, поэтому, обязаны глубокою благодарностью тому изъ нихъ, которое посвятило себя заботѣ о труженикахъ науки и литературы. Этому дѣлу безупречно и самоотверженно служитъ въ теченіе полувѣка Литературный Фондъ.

Юридическое Общество привѣтствуетъ его всегдашнее стремленіе къ безпристрастію, его спокойствіе среди борьбы, его твердость среди колебаній. Его девизомъ могли бы служить слова, данныя въ завѣтъ новому суду — правда и милость: милость, конечно, не въ смыслѣ высокомѣрно снисходительнаго отношенія къ чужой слабости, а въ смыслѣ сердечнаго участія къ чужой бѣдѣ и чужому горю. Это участіе—великая заслуга Фонда.

Настанетъ, мы этому вѣримъ, пора, когда широкіе слои русскаго общества воздадутъ Литературному Фонду ту справедливость, которую онъ всегда воздавалъ и воздаетъ нуждающимся въ его помощи.

К. Арсеньевъ, В. Кузьминъ-Караваевъ, М. Ковалевскій, Влад. Набоковъ, М. Винаверъ, Л. Лозинскій, Гр. Евангуловъ.

III.

ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ.

„Биржевыя Вѣдомости", „Новый Голосъ" и „Огонекъ".

Въ знаменательную пятидесятую годовщину плодотворной дѣятельности Литературнаго Фонда редакція „Биржевыхъ Вѣдомостей", „Новаго Слова" и „Огонька" шлетъ пожеланія дальнѣйшаго расцвѣта Общества на благо русскихъ литераторовъ и ученыхъ. (Телеграмма).

„Вѣстникъ Европы".

Литературному Фонду.

Редакція старѣйшаго изъ всѣхъ существующихъ русскихъ журналовъ привѣтствуетъ одно изъ старѣйшихъ русскихъ обществъ. Къ Литературному Фонду „Вѣстникъ Европы" всегда стоялъ близко. Основатель журнала и еще недавно его редакторъ, М. М. Стасюлевичъ—одинъ изъ двухъ учредителей Фонда, чествующихъ вмѣстѣ съ нами его полувѣковой юбилей. Къ числу учредителей его принадлежалъ и А. Н. Пыпинъ, такъ долго и такъ плодотворно трудившійся для „Вѣстника Европы". И тотъ, и другой много разъ были членами и должностными лицами комитета фонда. Установившаяся такимъ образомъ связь между Фондомъ и журналомъ не порывалась никогда, существуетъ и теперь. И это даетъ редакціи право утверждать, что Фондъ всегда былъ и до сихъ поръ остается вѣренъ своему призванію, своей задачѣ.

Немного найдется на русской почвѣ учрежденій, которыя могли бы съ такимъ спокойствіемъ, съ такою гордостью оглянуться на свое прошлое. Тяжелы были испытанія, пережитыя за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ русской наукой и русской литературой, неисчислимы понесенныя ими невозвратныя или временныя потери; нелегки условія, при которыхъ и въ нормальное время работаетъ русскій писатель. Литературный Фондъ дѣлалъ все, что могъ, чтобы облегчить эту тяжесть, смягчить эти потери, ко всѣмъ прилагая одинаковый критерій, не руководствуясь ничѣмъ другимъ, кромѣ потребности въ помощи и права на помощь, пріобрѣтеннаго научнымъ или литературнымъ трудомъ. Исторія, мы въ этомъ убѣждены, воздастъ должное Литературному Фонду, и

дѣятели его могутъ удовольствоваться такою запоздалою справедливостью; но въ интересахъ дѣла необходимо скорѣйшее устраненіе тяготѣющихъ надъ нимъ недоразумѣній, вольныхъ и невольныхъ. Разсѣять ихъ можетъ только приближеніе къ Фонду массы русскихъ образованныхъ людей, сознающихъ свой долгъ передъ русской наукой и русской литературой.

К. Арсеньевъ, М. Ковалевскій, А. Посниковъ, Л. Слонимскій, В. Кузьминъ-Караваевъ, Н. Жилкинъ, Н. Котляревскій, М. Славинскій.

„Другъ Народа".

Со свѣтлымъ, дорогимъ, роднымъ праздникомъ, свѣтлымъ по идеѣ, дорогимъ по воспоминаніямъ, роднымъ по братнему чувству по долѣ писателя гражданина, писателя страстотерпца, желаемъ процвѣтанія твердынѣ русской литературы, прибѣжищу ея сподвижниковъ, пусть свято хранятся завѣты основателей Фонда, угасшихъ властителей думъ, глашатаевъ правды и свѣта.

Редакторъ **Даманскій.** (Телеграмма).

„Кіевская Мысль".

Редакція „Кіевской Мысли", привѣтствуя полувѣковой юбилей Литературнаго Фонда, шлетъ горячее пожеланіе дальнѣйшаго процвѣтанія на благо родной литературы. (Телеграмма).

„Кіевскія Вѣсти".

Привѣтствуя полувѣковой юбилей Литературнаго Фонда, редакція „Кіевскихъ Вѣстей" выражаетъ искреннія пожеланія дальнѣйшаго развитія его высокой, полезной дѣятельности въ интересахъ родной литературы, тѣмъ съ большимъ единодушіемъ должна она отпраздновать сегодняшній день, что заслуженный юбиляръ по справедливости считался всегда представителемъ не только матеріальныхъ интересовъ, но и моральной силы русской печати. (Телеграмма).

„Красноярскій Вѣстникъ".

Редакція „Красноярскаго Вѣстника" шлетъ сердечныя пожеланія полнаго процвѣтанія Литературнаго Фонда. (Телеграмма).

„Критическое Обозрѣніе".

Привѣтъ Литературному Фонду. (Телеграмма).

„Крымскій Вѣстникъ".

Редакція „Крымскаго Вѣстника", Севастополь, шлетъ сердечный привѣтъ Литературному Фонду, прожившему полстолѣтія въ условіяхъ тяжелой борьбы съ независящими обстоятельствами, сохранившему бодрость и жизнедѣятельность.

Редакторъ-издатель **Нейманъ.** (Телеграмма).

„Міръ“.

Редакція журнала „Міръ“ привѣтствуетъ первое русское литературное общество, первую самостоятельную организацію русскихъ писателей по случаю его пятидесятилѣтняго существованія. Немногія, увы, общественно-просвѣтительныя и литературныя учрежденія нашей родины прожили благополучно полвѣка, особенно если ихъ дѣятельность была такъ же полезна родному слову и мысли, какъ дѣятельность Литературнаго Фонда, съ исторіей котораго связаны лучшія имена русской культуры и прогресса, начиная съ Дружинина, Тургенева, Достоевскаго, Л. Н. Толстого, Некрасова, Салтыкова, Пыпина и кончая Чернышевскимъ, П. Лавровымъ и Н. К. Михайловскимъ.

Вспоминая сегодня, при какомъ подъемѣ русскаго общества Литературный Фондъ зародился, мы желаемъ ему, чтобы тяжелые дни нынѣшняго безвременья скорѣе прошли и чтобы онъ продолжалъ свое славное существованіе подъ сѣнью закона, а не подъ страхомъ случайностей русской дѣйствительности, на пользу и славу родного слова и мысли.

Редакторъ журнала „Міръ“ **Л. Богушевскій. Е. П. Семеновъ.**
Издатель журнала „Міръ“. **В. Богушевскій.**

„Народныя Вѣсти“.

Редакція „Народныхъ Вѣстей“ шлетъ сердечный привѣтъ Литературному Фонду, выражаетъ надежду на скорое наступленіе лучшихъ временъ. (Телеграмма).

„Нижегородскій Листокъ“.

Редакція и сотрудники „Нижегородскаго Листка“ привѣтствуютъ Литературный Фондъ и его дѣятелей, пусть крѣпнетъ связь литературы и общества, залогъ процвѣтанія родины. (Телеграмма).

„Новый Голосъ“.

Поздравляя Литературный Фондъ, славное дитя Дружининской копейки, съ полувѣковымъ юбилеемъ, редакція „Новаго Голоса“ желаетъ ему многихъ лѣтъ святого труда на пользу и благо Россіи и русскихъ писателей. **Красницкій, Трофименко, Пинчукъ.** (Телеграмма).

„Одесскія Новости“.

Примите искренній, глубокій и сердечный поклонъ и наилучшія пожеланія въ славный день пятидесятилѣтняго юбилея. Въ сумрачные тяжелые дни россійскаго безвременья выпалъ этотъ юбилей, но тѣмъ ярче горятъ въ насъ воспоминанія плодотворной дѣятельности Фонда, тѣмъ крѣпче связь всѣхъ беззащитно одинокихъ дѣятелей прогрессивной печати, съ этимъ почти единственнымъ нашимъ духовнымъ маякомъ. „Одесскія Новости“. (Телеграмма).

„Орловскій Вѣстникъ“.

Редакція „Орловскаго Вѣстника“ присоединяетъ свой скромный голосъ къ общимъ поздравленіямъ и пожеланіямъ Литературному Фонду по случаю пятидесятилѣтія его существованія. (Телеграмма).

„Поселковый Голосъ".

Въ день полувѣкового юбилея единственной опоры русскихъ писателей, Литературнаго Фонда, горячо желаемъ ему многихъ лѣтъ процвѣтанія и смѣлаго плодотворнаго труда на славу русскаго творческаго слова и тружениковъ его. Редакція „Поселковаго Голоса".

„П р а в о".

Редакція газеты „Право" привѣтствуетъ пятидесятую годовщину гуманной и культурной дѣятельности Литературнаго Фонда. Пусть растетъ и развивается почтенное и прекрасное дѣло помощи труженикамъ мысли, ослабѣвшимъ въ жизненной борьбѣ, и поддержки юныхъ, еще неокрѣпшихъ работниковъ.

Осуществленіе этихъ задачъ есть нравственная обязанность всего образованнаго общества.

„Раннее Утро".

Маститому юбиляру шлетъ свой скромный привѣтъ редакція „Ранняго Утра". (Телеграмма).

„Русскій Врачъ".

Литературному Фонду, полвѣка обслуживающему вѣрой и правдой матеріальную нужду людей, служащихъ духовнымъ нуждамъ народа, земной поклонъ. Редакторъ „Русскаго Врача" **Владиславлевъ.** (Телеграмма).

„Рускія Вѣдомости".

Привѣтствуемъ Литературный Фондъ, такъ славно служившій полвѣка работникамъ литературы и науки. Редакція „Русскихъ Вѣдомостей". **Соболевскій, Анучинъ, Богдановъ, Дроздовъ, Іоллосъ, Іорданскій, Игнатовъ, Левинъ, Максимовъ, Мельгуновъ, Петрушевскій, Розенбергъ, Романовъ, Сперанскій, Улановъ, Шестаковъ, Вячеславъ Якушкинъ, Николай Якушкинъ, Степанъ Фортунатовъ, Энгель, Филипповъ.** (Телеграмма).

„Русское Слово".

Редакція газеты „Русское Слово" шлетъ свой горячій привѣтъ Литературному Фонду въ день его пятидесятилѣтія. Редакторъ **Благовъ.** (Телеграмма).

„Р ѣ ч ь".

Газета „Р ѣ ч ь", привѣтствуетъ Литературный Фондъ съ пятидесятилѣтіемъ его славной дѣятельности на пользу тружениковъ русской мысли и русскаго слова.

Литературный Фондъ тѣсно связалъ свою судьбу съ судьбами родной литературы. Возникшій въ героическій ея періодъ, взрощенный и взлелѣянный лучшими и благороднѣйшими ея представителями, онъ вмѣстѣ съ нею переживалъ годы расцвѣта и блеска, и годы разочарованій, сомнѣній и страданій.

Но за время удачи и счастья онъ не утратилъ своего умѣнья внимательно и чутко относиться къ скорбямъ и нуждамъ писательской семьи. А въ дни упадка и гоненія мужественно и стойко переносилъ сыпавшіеся на него, какъ и на все русское общество, удары, всегда оставаясь вѣрнымъ самому себѣ, своимъ завѣтамъ, преданіямъ и идеаламъ.

Такъ и до сихъ поръ стоитъ Литературный Фондъ среди смѣняющихъ одно другое поколѣній, крѣпкій и бодрый—живой памятникъ родившей его великой эпохи.

Въ обширномъ братствѣ работниковъ мысли и слова дѣятели періодической печати занимаютъ, быть можетъ, самое незамѣтное и неблагодарное, но и трудное и отвѣтственное мѣсто. Имъ всего виднѣе, ближе, понятнѣе тѣ повседневныя, большія и мелкія, тайныя и явныя опасности, съ которыми должно бороться на Руси всякое культурное начинаніе. И потому они шлютъ неутомимому въ преодолѣніи ихъ и щедрому въ дѣланіи добра славному юбиляру теплое привѣтствіе и низкій поклонъ.

„Современное Слово".

Редакція „Современнаго Слова" горячо привѣтствуетъ пятидесятилѣтіе первой литературной организаціи, пришедшей на помощь многострадальному русскому писателю. Возникшій на зарѣ освободительной эпохи, тѣсно связанный съ лучшими традиціями русской литературы и общественности, озаренный свѣтлыми именами великихъ подвижниковъ слова, Литературный Фондъ переступаетъ полувѣковую грань честнаго служенія своего, обвѣянный благодарными воспоминаніями и лучшими пожеланіями. (Телеграмма).

„Современный Міръ".

Редакція журнала „Современный Міръ", „Міръ Божій" привѣтствуетъ Литературный Фондъ въ день пятидесятилѣтія его плодотворной работы на пользу русской литературы и общественности. Пусть организація Фонда крѣпнетъ, расширяется и въ настоящее трудное время попрежнему служитъ дѣятелямъ литературы опорой въ ихъ тяжелой житейской и общественной борьбѣ. **Марія Куприна, Давыдова, Іорданскій, Невѣдомскій, Кранихфельдъ, Вейдемюллеръ, Тарле.** (Телеграмма).

„Театръ и Искусство".

Редакція „Театра и Искусства" горячо привѣтствуетъ Литературный Фондъ съ пятидесятилѣтіемъ. Изъ Дружининской копейки выросъ могущественный фондъ. Пожелаемъ культурѣ и свободѣ Россіи такого же безостановочнаго успѣшнаго роста и не уставая будемъ сѣять добрыя сѣмена. **Кугель.** (Телеграмма).

„Уральская Жизнь".

Редакція газеты „Уральская Жизнь" счастлива привѣтствовать сегодня Литературный Фондъ, полвѣка стоявшій на стражѣ моральныхъ и матеріальныхъ интересовъ русскаго литератора. (Телеграмма).

„Утро“.

Редакція „Утра“ привѣтствуетъ Литературный Фондъ съ торжественнымъ днемъ юбилея, искренно поздравляемъ всѣхъ участниковъ. (Телеграмма).

„Юная Россія“ и „Педагогическій Листокъ“.

Редакція журнала „Юная Россія“ и „Педагогическій Листокъ“ привѣтствуетъ Литературный Фондъ и выражаетъ горячее пожеланіе свободнаго безпрепятственнаго служенія на долгіе годы святому дѣлу оказанія помощи литераторамъ, ученымъ. Журналы „Юная Россія“ и „Педагогическій Листокъ“. (Телеграмма).

IV. КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА.

Товарищество М. О. Вольфъ.

Товарищество М. О. Вольфъ привѣтствуетъ Литературный Фондъ и желаетъ дальнѣйшаго успѣшнаго развитія его дѣятельности.

Директоръ **Л. М. Вольфъ.** (Телеграмма).

Т-во „Общественная Польза“.

Издательское Товарищество „Общественная Польза“ привѣтствуетъ пятидесятилѣтіе дѣятельности Литературнаго Фонда для русскаго просвѣщенія.

Директоръ-Распорядитель **Кулаковъ.** (Телеграмма).

Т-во Сытинъ.

Шлемъ земной поклонъ и сердечное поздравленіе съ пятидесятилѣтіемъ Литературнаго Фонда. Прошу принять нашъ скромный вкладъ тысячу рублей особымъ переводомъ почтой. **Книгоиздательство Сытина.** (Телеграмма).

V. ЧАСТНЫЯ ЛИЦА.

Аркадьевъ.

Въ сегодняшній знаменательный день празднованія пятидесятой годовщины Литературнаго Фонда, какъ членъ его, приношу свое скромное поздравленіе и сердечное пожеланіе дальнѣйшаго его процвѣтанія на пользу нуждающейся литературной братіи. **Аркадьевъ.** (Телеграмма).

Ауеръ.

Очень огорченъ, не могу лично присутствовать на торжествѣ пятидесятилѣтія Литературнаго Фонда, шлю сердечное поздравленіе. **Ауеръ.** (Телеграмма).

Бузескулъ.

Литературному Фонду мой привѣтъ и поздравленіе, пожеланіе дальнѣйшаго роста и процвѣтанія. **Бузескулъ.** (Телеграмма).

Бунинъ.

Поклонъ и привѣтъ Литературному Фонду. **Иванъ Бунинъ.** (Телеграмма).

Бѣлоконскіе.

Многія лѣта Литературному Фонду, этой ладьѣ, случайно уцѣлѣвшей среди невзгодъ жизни русскаго писателя. **Иванъ и Валерія Бѣлоконскіе.** (Телеграмма).

Вейнбергъ.

Привѣтъ Фонду и пожеланіе дальнѣйшаго упроченія и преуспѣянія. **Борисъ Вейнбергъ.** (Телеграмма).

Веселовскій.

Генію хранителю русскаго слова и его дѣятелей Литературному Фонду горячій привѣтъ, честь и слава его полувѣковой гуманной работѣ, благодарная память его славнымъ учредителямъ. **Алексѣй Веселовскій.** (Телеграмма).

Гальперинъ.

Изъ сѣренькой дали, за горной грядой,
Съ береговъ посѣдѣвшаго старца Днѣпра,
Я славу пою вамъ, весь съ вами, душой,
Вамъ други родного пера.
На васъ, продолжатели рыцарей слова,
Зажегшихъ свой свѣточъ полвѣка назадъ,
Изъ міра грядущаго, міра былого,
Незримыя тѣни глядятъ.
Пусть ваше огромное, яркое дѣло,
Все шире, все больше растетъ,
Оно много жизней спасло и согрѣло,
Оно никогда не умретъ.

Михаилъ Гальперинъ. (Телеграмма).

Гершензонъ.

Прошу присоединить мое имя къ тѣмъ, кто сегодня почтитъ память безкорыстно трудившихся и воздастъ честь нынѣ трудящимся въ Литературномъ Фондѣ. **Гершензонъ.** (Телеграмма).

Грековъ.

Я и мои дѣти, пользовавшіяся пособіями для образованія, шлемъ душевныя поздравленія Фонду и горячія пожеланія дальнѣйшаго его процвѣтанія. **Грековъ.** (Телеграмма).

Грустный, Сергѣй.

Братьямъ-писателямъ.

Я вѣру потерялъ. Я потерялъ подругу,
Что съ пламенной мечтой неслась къ моимъ устамъ,
Что съ сѣвера ввала къ пылающему югу,
Отъ блѣдныхъ сновъ земли къ горячимъ небесамъ.
Я вѣру потерялъ, когда на зовъ тревожный,
Отвѣтила мнѣ жизнь холодною строкой,
Когда моя мечта, какъ ночи призракъ ложный,
Дрожала, но сорвать боялась пологъ мой...
Кругомъ бѣжала жизнь... Не грезы созидали
Шумъ улицъ, стукъ колесъ, лукавой суеты
Метущійся гомонъ; холодныя скрижали
Пестрилъ суровый рокъ не пѣснею мечты...
Кругомъ шумѣла жизнь... Луга ужъ не смѣялись,
Лѣсъ-богатырь стоналъ подъ острымъ лезвіемъ,
Молчащихъ стѣнъ ряды, какъ скалы, воздвигались,
Какъ скалы, холодны и страшны, какъ фантомъ.
Загадка въ нихъ жила,—слѣпы и молчаливы
Онѣ несли въ себѣ шараду нашихъ дней,
Шараду, что понять хотѣли жадно нивы
И не могли понять, какъ бѣдный Прометей.
Здѣсь грѣли свой покой невѣдомые боги,
И этихъ злыхъ боговъ не зналъ зеленый лугъ,
И стоны грустныхъ нивъ не бросили тревоги
Въ ликующихъ боговъ непобѣдимый кругъ.
Ты, городъ, бросилъ намъ нѣмую, злую думу,
Ты бросилъ намъ въ сердца усмѣшку злыхъ потѣхъ,
Ты ухо пріучилъ къ лукавыхъ улицъ шуму,
Заботою обвилъ и вызвалъ злобный смѣхъ,
Ты вставилъ въ колесо насъ преданною спицей,
Насъ властью обманулъ и сдѣлалъ насъ рабомъ
И призракомъ надеждъ, что вѣетъ надъ столицей,
Окуталъ сердце намъ, какъ тѣнью, не крыломъ.
Бѣжитъ докучно жизнь: не знаетъ смѣха сытый,
Усталъ безсильный рабъ, но стѣнамъ не до слезъ,—
И мутный валъ несетъ на берегъ, имъ омытый,
Сегодня снова то, что лишь вчера унесъ.
Онъ, городъ, позабылъ, что прежде оттолоскомъ
Съ далекихъ нивъ неслось, какъ полный вѣры зовъ;
И, что тогда громилъ онъ въ словѣ бурно-хлесткомъ,
Сегодня безъ борьбы принять уже готовъ.
Онъ, городъ, побѣдилъ; смѣется онъ надъ грезой,
Онъ грѣетъ ихъ, рабовъ лукавой суеты,
Что ласками манитъ, мѣшая ихъ съ угрозой,
Что проситъ жадно жертвъ и подаетъ... лепты.
Онъ, этотъ хмурый сфинксъ, съ закрытыми дверями,
Съ громадой злыхъ камней, съ шумящимъ бурно днемъ,

Съ обманомъ вечеровъ, ихъ яркими огнями,—
Ни съ ласкою ночей, ни съ утромъ не знакомъ.
Бѣжитъ въ сердца людей, какъ ворогъ злой, забота,
Крадется вслѣдъ досугъ, какъ хитрый старый воръ,—
Поддѣльные ключи тяжелыя ворота
Открыли, и... смѣшенъ затѣйливый запоръ.
Онъ—рабъ и властелинъ, къ нему ползутъ, какъ змѣи,
Вливая жгучій ядъ, ряды его гостей,
Тяжелые, какъ сна ненужнаго затѣи,
И скучные, какъ блескъ дешевенькихъ затѣй...
Такъ нужно, такъ судьба ведетъ людей куда-то,
Грядущее куетъ лукавая судьба;
Обманутые даръ тамъ видятъ, гдѣ утрата,
Владыку видятъ тамъ, гдѣ встрѣтили раба.
Пусть такъ идетъ... Но ты, чей голосъ тѣшилъ сказкой
О счастьѣ близкихъ дней, чей голосъ грѣлъ тепломъ,
Кто звалъ къ усталымъ насъ съ любовью, съ нѣжной лаской,
Кто шелъ рука съ рукой, плечо къ плечу съ борцомъ,
Ты, кто въ сердца вливалъ не пошлую заботу,
Не бѣшеныхъ утѣхъ лукавый, жгучій ядъ,
Гдѣ мы въ словахъ любви одну ловили ноту,
Одну, что не забылъ печали полный братъ,
Ты, что бросалъ слова тоскующей печали
И жегъ сердца людей надеждой огневой,
Что первый намъ открылъ огни въ туманной дали,—
Ты съ нами ли пойдешь, иль... съ пошлою толпой.
Блуждающихъ огней лукавые обманы
И похоти капризъ—вѣдь не твои друзья.
Вѣдь ты же шелъ врачомъ туда, гдѣ ныли раны,
И къ намъ съ любовью шла, какъ другъ, твоя семья.
Вѣдь ты же не забылъ печальные напѣвы,
Что донеслися съ нивъ къ безжизненнымъ камнямъ.
Друзь моихъ ночей, друзья моей весны вы.
И сердце вновь бѣжитъ, какъ прежде, пылко къ вамъ.
Вѣдь вы, чей голосъ шелъ, какъ ласка, къ молодежи,
Вы, чьимъ словамъ была покорна молодежь,
Чьимъ голосамъ внимать мы не могли безъ дрожи
И чей упрекъ порой насъ поражалъ, какъ ножъ,
Вы, чьимъ рѣчамъ служилъ, какъ вѣрный рабъ, станокъ,
Пойдете-ль вы туда, гдѣ ищутъ новыхъ словъ,
Гдѣ шопотъ старыхъ чувствъ, чужой и непонятный,
Иль... путь пойдетъ туда, гдѣ сердцу нѣтъ оковъ,
Гдѣ вамъ тепло любовь, какъ нѣжный другъ, воркуетъ,
Раскрыто сердце гдѣ, гдѣ камень не сдавилъ,
Что сердцу дастъ мечта,—о чемъ оно тоскуетъ,
Что ищетъ, живой, живыхъ среди могилъ.

Сергѣй Грустный.

Данилинъ.

За великое полувѣковое дѣло любви Литературному Фонду земной поклонъ приноситъ **И. Данилинъ.** (Телеграмма).

Дживелеговъ.

Горячо привѣтствую Литературный Фондъ. **Дживелеговъ.** (Телеграмма).

Златовратскій.

Многоуважаемый Николай Өедоровичъ! Позвольте Васъ покорно просить передать юбилейному Комитету Литературнаго Фонда мои искреннія пожеланія дальнѣйшей благотворной дѣятельности этого добраго учрежденія, такъ необходимаго для насъ, русскихъ писателей, принужденныхъ столь часто работать въ тяжелыхъ жизненныхъ условіяхъ.

Когда въ моемъ воспоминаніи проходитъ длинный грустный рядъ даровитыхъ нашихъ писателей, неотступно является эта мысль о крайней необходимости у насъ такихъ учрежденій на началахъ взаимопомощи общественнаго содѣйствія на благо родной литературы. Да не заглохнетъ благодатная нива жизни. Искренно уважающій Васъ **Н. Златовратскій.**

Златовратскій.

Шлю искреннѣйшія пожеланія дальнѣйшей благотворительной дѣятельности Фонда на благо, процвѣтаніе родной литературы. **Златовратскій.** (Телеграмма).

Каревъ, Н.

Мой привѣтъ Литературному Фонду (въ день его 50-лѣтія).

Угрюмой вереницей длинной
Однообразно дни текутъ,
Ихъ оживляетъ стонъ невинныхъ,
Разнообразитъ свистомъ кнутъ.

Царятъ въ странѣ неправда, голодъ,
А вмѣсто смѣха слышенъ плачъ,
И не поютъ ни старъ, ни молодъ,
Лишь веселится ихъ палачъ.

Вездѣ поставлена преграда,
Наукѣ знаньямъ и уму,
Какъ нищимъ приготовить надо
Намъ—литораторамъ—суму...

То нѣтъ въ изданіяхъ работы,
То навсегда журналъ закрытъ,
То приговоромъ черной роты
И литераторъ самъ убитъ.

Одинъ ты, Фондъ Литературный,
Защитой остаешься намъ,
Въ дни жизни тягостной и бурной,
Какъ богадѣльня сиротамъ.

Привѣтъ тебѣ, нашъ праздникъ новый,
Полустолѣтній юбилей...
Въ дни жизни мрачной и суровой
Лучъ утѣшенья намъ пролей...

Дай силъ намъ пережить неволю,
Дай силъ снести тяжелый гнетъ,
Найти обѣщанную волю
И быстро съ ней идти впередъ.

2.

Памяти основателей Фонда.

Литературный Фондъ почтимъ
Полустолѣтнимъ юбилеемъ,
И тѣмъ день этотъ посвятимъ,
Кѣмъ Фондъ основанъ и лелѣянъ.

Немного было славныхъ сихъ,
Давно ихъ нѣтъ, они почили,
Но въ дни недолгой жизни ихъ
Мечту завѣтную свершили.

Славны почившихъ имена
Въ Россіи, межъ людьми науки
И долги будутъ времена
Ихъ славить наши дѣти, внуки.

Завѣтамъ вѣря старины,
Они здѣсь жили не напрасно,
И какъ достойные сыны
Служили родинѣ прекрасной.

Борясь съ неправдою и зломъ,
Ведя народъ изъ тьмы къ разсвѣту,
Они всѣмъ сердцемъ и умомъ
Служили данному обѣту.

Изъ края въ край, изъ рода въ родь
Достойно имя ихъ для звука,
Прославленъ ими нашъ народъ,
Укрѣплена въ странѣ наука.

Живи, Литературный Фондъ,
На пользу знаній и науки,
И что не сдѣлали отцы,
То да свершатъ ихъ дѣти, внуки...

3.

Умолкнувшему поэту.

(Памяти члена Литературнаго Фонда Н. А. Некрасова).

Что замолкъ ты, наслѣдникъ пророковъ...
Что замолкъ ты, учитель людей...
Безпощадный гонитель пороковъ...
Проповѣдникъ великихъ идей...

Иль не видишь народныхъ страданій...
Иль не слышись ты стоновъ чужихъ...
Или вопли проклятій, рыданій,
До ушей не доходятъ твоихъ...

Посмотри, какъ здѣсь братья страдаютъ,
Посмотри, какъ голодные мрутъ,
Какъ о помощи кротко взываютъ,
Но защиты себѣ не найдутъ...

Посмотри, какъ несчастныя дѣти
Дорогой и великой страны,
Погибаютъ, попавшися въ сѣти
Беззаконій, оковъ и тюрьмы...

Посмотри, какъ вражда, преступленья
Больше въ мірѣ гнѣздо себѣ вьютъ,
Не для ближняго благу служенья,
Не для ближняго люди живутъ...

Не молчи же, поэтъ вдохновенный...
Не молчи, обличитель людей...
И весь гнѣвъ твоей пѣсни священной
На людей и дѣла ихъ излей...

Не щади неподкупною лирой,
Никого изъ преступныхъ людей,
Ни великихъ, ни знатныхъ въ семъ мірѣ,
Ни бездушныхъ народныхъ вождей...

Передъ знатью богатою, сильною
Ты не льсти, головы не клони,
Съ состраданьемъ, съ любовью обильною
На несчастныхъ людей ты взгляни...

Позабыли ихъ люди довольные,
Истерзали неправда, нужда...
Неужели такими бездольными
Суждено имъ страдать навсегда...

Нѣтъ, неправда... Поэтъ вдохновенный...
Снова въ руки ты лиру возьми
И весь гнѣвъ твоей пѣсни священной
И всю правду открой предъ людьми....

Но замолкъ дорогой нашъ, сердечный,
Незабвенный народный поэтъ,
Сонъ тяжелый сразилъ его вѣчный,
А второго Некрасова нѣтъ.

Членъ Литературнаго Фонда **Н. Каревъ.**

Кизеветтеръ.

Горячо привѣтствую Литературный Фондъ и его почтенныхъ руководителей. **Кизеветтеръ.** (Телеграмма).

Лавровская.

Шлю искреннія привѣтствія въ знаменательный день пятидесятилѣтія существованія Общества, желаю дальнѣйшаго процвѣтанія. **Лавровская.** (Телеграмма).

Луговой-Тихоновъ.

Комитету Литературнаго Фонда. Более 20 лѣтъ тому назадъ, въ началѣ моей литературной дѣятельности, въ дни безвыходной нужды и тяжелой болѣзни, пришлось мнѣ впервые обратиться къ Литературному Фонду. И я нашелъ въ немъ все: денежную помощь,помощь медицинскую, золотое сердце В. А. Манассеина и то, что было для меня въ то время самымъ дорогимъ и нужнымъ — признаніе моихъ литературныхъ правъ на все это. Съ тѣхъ поръ мнѣ, въ борьбѣ за существованіе, въ борьбѣ за свою литературную независимость приходилось не разъ видѣть въ Литературномъ Фондѣ и маякъ и опору.

Съ чувствомъ глубокой благодарности къ Фонду посылая теперь мое привѣтствіе къ торжеству 50-лѣтія его существованія, горячо желаю, чтобъ Литературный Фондъ и для всѣхъ будущихъ поколѣній писателей, и начинающихъ и сходящихъ со сцены, всегда оставался не только надежнымъ хранителемъ принадлежащихъ русскому литературному міру денежныхъ капиталовъ, но и достойнымъ хранителемъ его духовныхъ цѣнностей. **Ал. Луговой.**

Максимовъ.

Дружининская „копейка", положенная въ основаніе Литературнаго Фонда полвѣка назадъ, выросла въ милліонъ рублей, облегчая нужды пишущей братіи. Дай Богъ, чтобы эта историческая копейка росла больше и больше, побѣдила бы злую нужду писателей и сдѣлала ее анахронизмомъ... Вѣчная память отошедшимъ дѣятелямъ Фонда и пожеланіе успѣха настоящимъ его руководителямъ.

Старый кліентъ **К. Максимовъ.**

Мошинъ.

Высокоуважаемый Николай Федоровичъ! Почтительнѣйше прошу Васъ передать и мой скромный привѣтъ Литературному Фонду и поздравленіе отъ всей души съ юбилеемъ его свѣтлой дѣятельности. **Алексѣй Мошинъ.**

Муромцевъ.

Обществу для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ приношу горячее поздравленіе съ исполнившимся пятидесятилѣтіемъ его благородной, всегда споспѣшествовавшей широкому развитію общественности дѣятельности. **Сергѣй Муромцевъ.** (Телеграмма).

Небольсина.

50-лѣтіе Литературнаго Фонда.

Полвѣка труда плодотворнаго
На пользу талантовъ родныхъ,
Полвѣка вниманья упорнаго
Къ развитію силъ молодыхъ...
Кто знамя держалъ на служеніе
Идеямъ любви и добра,
Кто родины ждалъ обновленія,
„Спасибо" сказать всѣмъ пора.
Пусть новыхъ именъ прибавляется
На смѣну угасшимъ борцамъ,
Пусть дѣло растетъ, расширяется
На помощь грядущимъ умамъ.

В. Небольсина.

Осиповъ.

Нынѣ полвѣка тому миновало,
Какъ братскій союзъ народился у насъ,
Семья литераторовъ Фондъ основала,
Чтобъ бѣдный собратъ ихъ въ нуждѣ не угасъ.
Извѣстнымъ талантамъ, людямъ дарованья
Въ нуждѣ безысходной тотъ Фондъ помогалъ,
И, тѣмъ облегчая ихъ муки, страданья,
Спасая таланты, онъ Русь возвышалъ.
Въ нихъ наше величіе, гордость и слава,
Они просвѣтители нашихъ умовъ,

Глубоко счастлива такая держава,
Гдѣ цѣнятъ и чтутъ просвѣщенья сыновъ.
Цвѣти же и крѣпни на многія лѣта,
Идейно-гуманный нашъ Фондъ дорогой,
Будь гордостью ты для культурнаго свѣта,
И славой величья отчизны родной.
Взаимной бы помощи братская касса
Желательно, чтобы быстрѣе росла,
Тогда бы писателей бѣдная масса,
Не такъ бы стѣсненно и горько жила.

А. Осиповъ.

Позняковъ.

Просвѣщеннѣйшему учрежденію безконечная благодарность за все доброе, сдѣланное въ полвѣка труженикамъ пера и мнѣ въ ихъ числѣ. **Позняковъ.** (Телеграмма).

Порошинъ-Бѣлозерскій.

Комитету Литературнаго Фонда. Привѣтствуя въ лицѣ Комитета Литературный Фондъ съ исполнившимся сегодня 50-лѣтіемъ его плодотворной дѣятельности, прошу принять мое, хотя и запоздалое, но самое искреннее пожеланіе, чтобы эта дѣятельность продолжалась еще многіе и многіе годы.

Отъ всей души желаю, чтобъ 50-лѣтній юбилей Фонда, такъ много сдѣлавшаго для русской пишущей братіи, вызвалъ притокъ новыхъ пожертвованій, которыя дали бы возможность Фонду не только продолжать свое полезное служеніе интересамъ нуждающихся тружениковъ пера, но и развивать его въ томъ же направленіи дальше по мѣрѣ притока новыхъ средствъ.

Неоднократно испытавъ лично на себѣ чуткую отзывчивость Комитета на острую нужду русскаго литератора въ трудныя минуты жизни, я особенно глубоко цѣню то великое значеніе, какое имѣетъ дѣятельность Литературнаго Фонда въ жизни русскихъ литераторовъ.

Искренно признательный, хотя по независящимъ обстоятельствамъ и неаккуратный, должникъ Фонда **Ив. Порошинъ-Бѣлозерскій.**

В. Поссе.

Съ благодарностью привѣтствую старыхъ и новыхъ дѣятелей Литературнаго Фонда, какъ безупречныхъ представителей интересовъ писателей. **Владиміръ Поссе.** (Телеграмма).

Ришави.

Шлю Литературному Фонду глубокопочтительныя привѣтствія и поздравленія. Гуманное отношеніе Литературнаго Фонда къ судьбѣ покойной Переяславцевой останется навсегда одной изъ свѣтлыхъ страницъ его плодотворной дѣятельности. **Ришави,** (Телеграмма).

Телешовъ.

Привѣтствую Литературный Фондъ, желаю счастливой жизни на пользу общественную и въ помощь писателямъ въ роковые дни. **Николай Телешовъ.** (Телеграмма).

Фофановъ.

Высокоуважаемый Николай Ивановичъ! Исполняется полвѣка съ открытія Литературнаго Фонда—этого поистинѣ необходимаго и утѣшительнаго учрежденія для пишущей братіи.

Позвольте мнѣ отъ души и чистосердечно выразить свое поздравленіе и глубочайшій привѣтъ всѣмъ г.г. членамъ и Вамъ, какъ представителю Литературнаго Фонда. Въ трудныя минуты я не разъ былъ облагодѣтельствованъ и поощренъ этимъ прекраснымъ учрежденіемъ, и всегда съ благодарственной памятью посылалъ молитвы за усопшихъ учредителей Фонда и за его просвѣщенныхъ руководителей.

Желаю дальнѣйшаго успѣха и развитія Обществу, посылаю свой низкій поклонъ съ желаніемъ еще много лѣтъ здравствовать современнымъ представителямъ литературы.

Съ сердечной преданностью, вѣчно благодарный Вашъ **К. Фофановъ.**

Шохоръ-Троцкій.

„Ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ", писалъ въ минуту жизни трудную великій художникъ русскаго слова и учредитель Литературнаго Фонда. Душевный привѣтъ и пожеланія многихъ лѣтъ благоденственнаго житія шлю учрежденію съ честью и безъ лицепріятія оказывавшему въ теченіе 50 лѣтъ матеріальную поддержку столь часто нуждающемуся въ ней труженику великой русской литературы, правдивой русской науки, могучаго русскаго слова, свободнаго русскаго языка. **Шохоръ-Троцкій.** (Телеграмма).

Энгельмейеръ.

Привѣтствую благородное, гуманное и дорогое всѣмъ намъ учрежденіе съ полустолѣтнимъ юбилеемъ. **Энгельмейеръ.** (Телеграмма).

Яковлева-Ланская.

Поздравляю Комитетъ Литературнаго Фонда съ пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ, желая процвѣтанія его дѣятельности для блага и славы родной литературы. **Яковлева-Ланская.** (Телеграмма).